Алексис
де
ТОКВИЛЬ

ДЕМОКРАТИЯ В АМЕРИКЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Токвиль Алексис де. Демократия в Америке / Пер. с франц. В. П. Олейника, Е. П. Орловой, И. А. Малаховой, И. Э. Иванян, Б. Н. Ворожцова; Предисл. Гарольда Дж. Ласки; Комм. В. Т. Олейника. — М.: Прогресс, 1992. — 554 с., 16 с. илл.

Издание осуществлено при содействии Информационного агентства США (USIA)

Книга французского государственного деятеля, историка и литератора Алексиса де Токвиля (1805—1859) — выдающееся сочинение из большого числа тех, что написаны европейскими путешественниками об Америке. Она представляет собой весьма сложный сплав путевых заметок, исследования, документа, философского эссе и публицистики. Автор всесторонне анализирует объективные условия существования, государственно-политическое устройство и духовную жизнь Соединенных Штатов Америки, превращавшихся буквально на глазах поколения Токвиля из «окраины цивилизации», из полулегендарного Нового Света в реальный фактор европейской и мировой политики.

Alexis de Tocqueville.

ББК 63.3(7 США)

- ТОКВИЛЬ АЛЕКСИС ДЕ
- Предисловие
- Предисловие автора к Двенадцатому французскому изданию
- Книга Первая
  - Введение
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    - Глава I. ВНЕШНИЕ ОЧЕРТАНИЯ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ
    - Глава II.
      - ПРИЧИНЫ НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ АНГЛОАМЕРИКАНСКИХ ЗАКОНОВ И ОБЫЧАЕВ
    - Глава III. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ АНГЛОАМЕРИКАНЦЕВ
      - ОСНОВОПОЛАГАЮЩАЯ ОСОБЕННОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ АНГЛОАМЕРИКАНЦЕВ —ЭТО ЕГО СУГУБО ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ НАЧАЛО
      - ВЛИЯНИЕ АНГЛОАМЕРИКАНСКОГО

ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ СТРАНЫ
- Глава IV. О ПРИНЦИПЕ НАРОДОВЛАСТИЯ В АМЕРИКЕ
- Глава V. НЕОБХОДИМОСТЬ ИЗУЧИТЬ ПРОИСХОДЯЩЕЕ В ОТДЕЛЬНЫХ ШТАТАХ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ПЕРЕЙТИ К ОПИСАНИЮ УПРАВЛЕНИЯ ВСЕМ СОЮЗОМ
  - ОБЩИННАЯ СИСТЕМА В АМЕРИКЕ
  - РАЗМЕРЫ ОБЩИНЫ
  - ОБЩИННЫЕ ВЛАСТИ В НОВОЙ АНГЛИИ
  - ЖИЗНЬ ОБЩИНЫ
  - ОБЩИННЫЙ ДУХ В НОВОЙ АНГЛИИ
  - ОБ ОКРУГЕ В НОВОЙ АНГЛИИ
  - ОБ УПРАВЛЕНИИ В НОВОЙ АНГЛИИ
  - РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ УПРАВЛЕНИИ СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ
  - О ШТАТЕ
  - ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ ШТАТА
  - ОБ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ ШТАТА
  - ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ
- Глава VI. СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО ОБЩЕСТВА
  - ПРОЧИЕ ПРАВА, ПРЕДОСТАВЛЕННЫЕ АМЕРИКАНСКИМ СУДЬЯМ
- Глава VII. О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЮСТИЦИИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ
- Глава VIII О ФЕДЕРАЛЬНОЙ КОНСТИТУЦИИ
  - ИСТОРИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ КОНСТИТУЦИИ
  - ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ФЕДЕРАЛЬНОЙ КОНСТИТУЦИИ
  - ПРЕРОГАТИВЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
  - ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ВЛАСТИ
  - ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ
  - ПРОЧИЕ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ СЕНАТОМ И ПАЛАТОЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
  - ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ 16
  - В ЧЕМ ПОЛОЖЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ ПОЛОЖЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО

МОНАРХА ВО ФРАНЦИИ
- СЛУЧАЙНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, СПОСОБНЫЕ УСИЛИТЬ ВЛИЯНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ
- ПОЧЕМУ ПРЕЗИДЕНТ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ ДЛЯ ИСПОЛНЕНИЯ СВОИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ НЕ НУЖДАЕТСЯ В ПОДДЕРЖКЕ БОЛЬШИНСТВА СЕНАТОРОВ И ЧЛЕНОВ ПАЛАТЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
- ИЗБРАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА
- ПРОЦЕДУРА ВЫБОРОВ
- КРИЗИСНАЯ СИТУАЦИЯ ВО ВРЕМЯ ВЫБОРОВ
- ПЕРЕИЗБРАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА
- ФЕДЕРАЛЬНЫЕ СУДЫ 24
- СПОСОБ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СФЕРЫ КОМПЕТЕНЦИИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ СУДОВ
- РАЗЛИЧНЫЕ ДЕЛА, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ФЕДЕРАЛЬНОЙ ЮРИСДИКЦИИ
- СУДОПРОИЗВОДСТВО В ФЕДЕРАЛЬНЫХ СУДАХ
- ВАЖНОЕ МЕСТО, ЗАНИМАЕМОЕ ВЕРХОВНЫМ СУДОМ СРЕДИ ВЫСШИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ
- В ЧЕМ СОСТОИТ ПРЕВОСХОДСТВО ФЕДЕРАЛЬНОЙ КОНСТИТУЦИИ НАД КОНСТИТУЦИЯМИ ШТАТОВ
- ОТЛИЧИЕ КОНСТИТУЦИИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ ОТ ВСЕХ ПРОЧИХ ФЕДЕРАЛЬНЫХ КОНСТИТУЦИЙ
- ПРЕИМУЩЕСТВА ФЕДЕРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ ВООБЩЕ И ЕЕ ОСОБОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ АМЕРИКИ
- ПРИЧИНЫ, ПО КОТОРЫМ СИСТЕМА ФЕДЕРАТИВНОГО УСТРОЙСТВА НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ВВЕДЕНА У ВСЕХ НАРОДОВ, А ТАКЖЕ ПРИЧИНЫ, ПОБУДИВШИЕ АНГЛОАМЕРИКАНЦЕВ ПРИНЯТЬ ЭТУ СИСТЕМУ

○ ЧАСТЬ ВТОРАЯ
- Глава I. НА ЧЕМ ОСНОВЫВАЕТСЯ УТВЕРЖДЕНИЕ, ЧТО В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ СТРАНОЙ УПРАВЛЯЕТ НАРОД
- Глава II. О ПАРТИЯХ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

- ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ АРИСТОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ
- Глава III. О СВОБОДЕ ПЕЧАТИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ
- Глава IV О ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ
- Глава V. О ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ В АМЕРИКЕ
  - О ВСЕОБЩЕМ ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРАВЕ
  - О РЕШЕНИЯХ НАРОДА И ОСОБЕННОСТЯХ АМЕРИКАНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ, ОТРАЖАЮЩИХСЯ В ЭТИХ РЕШЕНИЯХ
  - О ПРИЧИНАХ, МОГУЩИХ В КАКОЙ-ТО СТЕПЕНИ СМЯГЧИТЬ ТЕ ЧЕРТЫ ДЕМОКРАТИИ, О КОТОРЫХ Я ГОВОРИЛ ВЫШЕ
  - О ВЛИЯНИИ АМЕРИКАНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ НА ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ
  - ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЧИНОВНИКИ ПРИ АМЕРИКАНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ
  - О ПРАВАХ БЛЮСТИТЕЛЕЙ ЗАКОНА2 ПРИ ПОЛНОВЛАСТИИ ДЕМОКРАТИИ В АМЕРИКЕ
  - АДМИНИСТРАТИВНАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ
  - ГОСУДАРСТВЕННЫЕ НАЛОГИ ПРИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ПРАВЛЕНИИ В АМЕРИКЕ
  - КАКИМ ОБРАЗОМ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО АМЕРИКИ УСТАНАВЛИВАЕТ ЖАЛОВАНЬЕ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ЧИНОВНИКАМ
  - ТРУДНОСТИ, СВЯЗАННЫЕ С ОПРЕДЕЛЕНИЕМ ПРИЧИН, СКЛОНЯЮЩИХ АМЕРИКАНСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО К ЭКОНОМИИ
  - МОЖНО ЛИ СРАВНИВАТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РАСХОДЫ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ И ВО ФРАНЦИИ
  - О КОРРУПЦИИ И ПОРОКАХ ПРАВИТЕЛЕЙ ПРИ ДЕМОКРАТИИ. КАК ЭТО ВЛИЯЕТ НА

УРОВЕНЬ НРАВСТВЕННОСТИ В ОБЩЕСТВЕ
- НА КАКИЕ УСИЛИЯ СПОСОБНА ДЕМОКРАТИЯ
- О ТОМ, КАК ВЛАСТЬ АМЕРИКАНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ ВЛИЯЕТ НА САМОЕ СЕБЯ
- О ТОМ, КАК АМЕРИКАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ ПРОВОДИТ ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ

- Глава VI. РЕАЛЬНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ ДЛЯ АМЕРИКАНСКОГО ОБЩЕСТВА
  - ОБЩАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ЗАКОНОВ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В АМЕРИКЕ И СВОЙСТВА ТЕХ, КТО ПРОВОДИТ ИХ В ЖИЗНЬ
  - ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ
  - О ПОНЯТИИ ПРАВ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ
  - УВАЖЕНИЕ ЗАКОНА В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ
  - АКТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЛАСТЕЙ ВСЕХ УРОВНЕЙ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ. ЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОБЩЕСТВО
- Глава VII. О ВСЕВЛАСТИИ БОЛЬШИНСТВА В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ И О ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯХ
  - ВСЕСИЛИЕ БОЛЬШИНСТВА В АМЕРИКЕ УСИЛИВАЕТ НЕПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И УПРАВЛЕНИИ, СВОЙСТВЕННУЮ ВСЕМ ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ ГОСУДАРСТВАМ
  - ПРОИЗВОЛ БОЛЬШИНСТВА
  - ВСЕСИЛИЕ БОЛЬШИНСТВА ВЕДЕТ К ПРОИЗВОЛУ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АМЕРИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ
  - О ТОМ, КАК БОЛЬШИНСТВО В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ ВЛАСТВУЕТ НАД МЫСЛЬЮ
  - КАК БЕЗРАЗДЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ БОЛЬШИНСТВА ОТРАЖАЕТСЯ НА АМЕРИКАНСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ

ХАРАКТЕРЕ. О ПРИДВОРНОМ ДУХЕ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ
- ВСЕСИЛИЕ БОЛЬШИНСТВА ТАИТ В СЕБЕ САМУЮ БОЛЬШУЮ ОПАСНОСТЬ ДЛЯ АМЕРИКАНСКИХ РЕСПУБЛИК

- Глава VIII. ЧТО СДЕРЖИВАЕТ ТИРАНИЮ БОЛЬШИНСТВА В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ
  - ОТСУТСТВИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ
  - О ЗАКОННОСТИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ И КАК ОНА СЛУЖИТ ПРОТИВОВЕСОМ ДЕМОКРАТИИ
  - СУД ПРИСЯЖНЫХ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
- Глава IX. ОБ ОСНОВНЫХ ПРИЧИНАХ, СПОСОБСТВУЮЩИХ СУЩЕСТВОВАНИЮ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ
  - РОЛЬ СЛУЧАЯ И БОЖЕСТВЕННОГО ПРОМЫСЛА В ПОДДЕРЖАНИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ
  - О ТОМ, КАК ЗАКОНЫ ВЛИЯЮТ НА ПОДДЕРЖАНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ
  - О ТОМ, КАК НРАВЫ ВЛИЯЮТ НА ПОДДЕРЖАНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ
  - О РЕЛИГИИ КАК ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ. ЕЕ ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ РОЛЬ В УПРОЧЕНИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ
  - КОСВЕННОЕ ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЙ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ
  - ОБ ОСНОВНЫХ ПРИЧИНАХ МОГУЩЕСТВА РЕЛИГИИ В АМЕРИКЕ
  - КАК ПРОСВЕЩЕНИЕ, ПРИВЫЧКИ И ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ АМЕРИКАНЦЕВ СПОСОБСТВУЮТ ПРОЦВЕТАНИЮ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ
  - О ТОМ, ЧТО ЗАКОНЫ ЛУЧШЕ, ЧЕМ ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ, СЛУЖАТ

УКРЕПЛЕНИЮ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ, А НРАВЫ ЕЩЕ БОЛЕЕ ВАЖНЫ, ЧЕМ ЗАКОНЫ
- МОГЛИ БЫ ЗАКОНЫ И НРАВЫ ОБЕСПЕЧИТЬ СУЩЕСТВОВАНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ НЕ ТОЛЬКО В АМЕРИКЕ, НО И В ДРУГИХ СТРАНАХ?
- ЗНАЧЕНИЕ ВЫШЕСКАЗАННОГО ДЛЯ ЕВРОПЫ

- Глава X. НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ ПО ПОВОДУ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ И ВОЗМОЖНОГО БУДУЩЕГО ТРЕХ РАС, НАСЕЛЯЮЩИХ ТЕРРИТОРИЮ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ
  - СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ВОЗМОЖНОЕ БУДУЩЕЕ ИНДЕЙСКИХ ПЛЕМЕН, ЖИВУЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ СОЮЗА
  - МЕСТО ЧЕРНОЙ РАСЫ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ30; ЧЕМ ЕЕ ПРИСУТСТВИЕ ГРОЗИТ БЕЛЫМ
  - КАКОВЫ ШАНСЫ НА ДОЛГОВЕЧНОСТЬ АМЕРИКАНСКОГО СОЮЗА? КАКИЕ ОПАСНОСТИ ЕМУ УГРОЖАЮТ?
  - РЕСПУБЛИКАНСКИЕ ИНСТИТУТЫ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ; КАКОВА ВЕРОЯТНОСТЬ ИХ ДЛИТЕЛЬНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ ?
  - НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ПРИЧИНАХ ТОРГОВОГО МОГУЩЕСТВА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ
- ЗАКЛЮЧЕНИЕ

- Примечания автора

- Книга Вторая
  - К читателю
  - Часть первая ВЛИЯНИЕ ДЕМОКРАТИИ НА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНУЮ ЖИЗНЬ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ
    - Глава I. О ФИЛОСОФСКОМ МЫШЛЕНИИ АМЕРИКАНЦЕВ
    - Глава II ОБ ОСНОВНОМ ИСТОЧНИКЕ ВЗГЛЯДОВ И УБЕЖДЕНИЙ, ПРИСУЩИХ

ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ НАРОДАМ
- Глава III ПОЧЕМУ АМЕРИКАНЦЫ ОБНАРУЖИВАЮТ БОЛЬШУЮ СПОСОБНОСТЬ И СКЛОННОСТЬ К ОБЩИМ ИДЕЯМ, ЧЕМ ИХ АНГЛИЙСКИЕ ПРЕДКИ
- Глава IV ПОЧЕМУ АМЕРИКАНЦЫ НЕ ОТНОСЯТСЯ С ТОЙ ЖЕ СТРАСТНОСТЬЮ, ЧТО И ФРАНЦУЗЫ, К ОБЩИМ ИДЕЯМ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ
- Глава V КАКИМ ОБРАЗОМ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ РЕЛИГИЯ ИСПОЛЬЗУЕТ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ
- Глава VI ОБ УСПЕХАХ КАТОЛИЦИЗМА В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ
- Глава VII О ТОМ, ЧТО ЗАСТАВЛЯЕТ СОЗНАНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ НАРОДОВ ТЯГОТЕТЬ К ПАНТЕИЗМУ
- Глава VIII КАКИМ ОБРАЗОМ РАВЕНСТВО НАВОДИТ АМЕРИКАНЦЕВ НА МЫСЛЬ О ВОЗМОЖНОСТИ БЕСПРЕДЕЛЬНОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА
- Глава IX ПОЧЕМУ ПРИМЕР АМЕРИКАНЦЕВ НЕ ДОКАЗЫВАЕТ СПРАВЕДЛИВОСТИ УТВЕРЖДЕНИЯ, ЧТО ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ НАРОД НЕ МОЖЕТ ОБЛАДАТЬ СПОСОБНОСТЬЮ И СКЛОННОСТЬЮ К ЗАНЯТИЯМ НАУКАМИ, ЛИТЕРАТУРОЙ И ИСКУССТВОМ
- Глава X ПОЧЕМУ АМЕРИКАНЦЫ БОЛЬШЕ ИНТЕРЕСУЮТСЯ ПРАКТИЧЕСКИМ ПРИМЕНЕНИЕМ НАУКИ, А НЕ ЕЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИМИ АСПЕКТАМИ
- Глава XI С КАКОЙ ЦЕЛЬЮ АМЕРИКАНЦЫ ЗАНИМАЮТСЯ ИСКУССТВОМ
- Глава XII ПОЧЕМУ АМЕРИКАНЦЫ ОДНОВРЕМЕННО ВОЗВОДЯТ ТАКИЕ МАЛЕНЬКИЕ И ТАКИЕ ОГРОМНЫЕ СООРУЖЕНИЯ
- Глава XIII ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ В ВЕКА ДЕМОКРАТИИ
- Глава XIV ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО
- Глава XV ПОЧЕМУ ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ И ДРЕВНЕРИМСКОЙ ЛИТЕРАТУР ОСОБЕННО ПОЛЕЗНО ДЛЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

- Глава XVI КАКИМ ОБРАЗОМ АМЕРИКАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ ВИДОИЗМЕНИЛА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК
- Глава XVII О НЕКОТОРЫХ ИСТОЧНИКАХ ПОЭЗИИ У ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ НАЦИЙ
- Глава XVIII ПОЧЕМУ АМЕРИКАНСКИЕ ПИСАТЕЛИ И ОРАТОРЫ ЧАСТО БЫВАЮТ НАПЫЩЕННЫМИ
- Глава XIX НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТЕАТРАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ НАРОДОВ
- Глава XX О НЕКОТОРЫХ СПЕЦИФИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ, СВОЙСТВЕННЫХ ИСТОРИКАМ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ВРЕМЕН
- Глава XXI О ПАРЛАМЕНТСКОМ КРАСНОРЕЧИИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

○ Часть вторая ВЛИЯНИЕ ДЕМОКРАТИИ НА ЧУВСТВА АМЕРИКАНЦЕВ

- Глава I ПОЧЕМУ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ НАРОДЫ С БОЛЬШИМ ПЫЛОМ И ПОСТОЯНСТВОМ ЛЮБЯТ РАВЕНСТВО, ЧЕМ СВОБОДУ
- Глава II ОБ ИНДИВИДУАЛИЗМЕ В ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СТРАНАХ
- Глава III В ЧЕМ ПРИЧИНА ТОГО, ЧТО В КОНЦЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ИНДИВИДУАЛИЗМ ПРОЯВЛЯЕТСЯ ЗНАЧИТЕЛЬНО СИЛЬНЕЕ, ЧЕМ В ЛЮБУЮ ДРУГУЮ ЭПОХУ
- Глава IV КАК АМЕРИКАНЦЫ БОРЮТСЯ ПРОТИВ ИНДИВИДУАЛИЗМА С ПОМОЩЬЮ СВОБОДНЫХ ИНСТИТУТОВ
- Глава V О РОЛИ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ АМЕРИКАНЦЕВ
- Глава VI ВЗАИМОСВЯЗЬ АССОЦИАЦИЙ И ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ
- Глава VII ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ГРАЖДАНСКИМИ И ПОЛИТИЧЕСКИМИ АССОЦИАЦИЯМИ
- Глава VIII КАК АМЕРИКАНЦЫ ПРОТИВОБОРСТВУЮТ ИНДИВИДУАЛИЗМУ С ПОМОЩЬЮ УЧЕНИЯ О ПРАВИЛЬНО ПОНИМАЕМОМ ИНТЕРЕСЕ
- Глава IX КАКИМ ОБРАЗОМ АМЕРИКАНЦЫ ПРИМЕНЯЮТ УЧЕНИЕ О ПРАВИЛЬНО

ПОНИМАЕМОМ ИНТЕРЕСЕ В ОБЛАСТИ РЕЛИГИИ
- Глава X О СТРАСТИ АМЕРИКАНЦЕВ К МАТЕРИАЛЬНОМУ БЛАГОПОЛУЧИЮ
- Глаза XI О ТЕХ СПЕЦИФИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЯХ, КОТОРЫЕ ПОРОЖДАЮТСЯ ЛЮБОВЬЮ К ФИЗИЧЕСКИМ УДОВОЛЬСТВИЯМ В ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ВРЕМЕНА
- Глава XII ПОЧЕМУ ОТДЕЛЬНЫЕ АМЕРИКАНЦЫ ДЕМОНСТРИРУЮТ СТОЛЬ ЭКЗАЛЬТИРОВАННУЮ ДУХОВНОСТЬ
- Глава XIII ПОЧЕМУ ПРОЦВЕТАЮЩИЕ АМЕРИКАНЦЫ СТОЛЬ НЕУГОМОННЫ
- Глава XIV КАКИМ ОБРАЗОМ У АМЕРИКАНЦЕВ СТРАСТЬ К МАТЕРИАЛЬНЫМ БЛАГАМ СОЧЕТАЕТСЯ С ЛЮБОВЬЮ К СВОБОДЕ И ВНИМАНИЕМ К ОБЩЕСТВЕННЫМ ДЕЛАМ
- Глава XV КАКИМ ОБРАЗОМ РЕЛИГИОЗНЫЕ УБЕЖДЕНИЯ ВРЕМЯ ОТ ВРЕМЕНИ ПРИВЛЕКАЮТ АМЕРИКАНЦЕВ К РАДОСТЯМ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ
- Глава XVI КАКИМ ОБРАЗОМ ЧРЕЗМЕРНАЯ ЛЮБОВЬ К БЛАГОСОСТОЯНИЮ МОЖЕТ ВРЕДИТЬ ЭТОМУ БЛАГОСОСТОЯНИЮ
- Глава XVII ПОЧЕМУ ВО ВРЕМЕНА РАВЕНСТВА И РЕЛИГИОЗНЫХ СОМНЕНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕОБХОДИМО НАПРАВЛЯТЬ НА ОЧЕНЬ ОТДАЛЕННЫЕ ЦЕЛИ
- Глава XVIII ПОЧЕМУ АМЕРИКАНЦЫ С УВАЖЕНИЕМ ОТНОСЯТСЯ КО ВСЕМ ЧЕСТНЫМ ПРОФЕССИЯМ
- Глава XIX ЧТО ДЕЛАЕТ ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ ПРОФЕССИИ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫМИ ПОЧТИ ДЛЯ ВСЕХ АМЕРИКАНЦЕВ
- Глава XX КАКИМ ОБРАЗОМ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ МОЖЕТ ПОРОЖДАТЬ АРИСТОКРАТИЮ

○ Часть третья ВЛИЯНИЕ ДЕМОКРАТИИ НА НРАВЫ КАК ТАКОВЫЕ
- Глава I КАКИМ ОБРАЗОМ НРАВЫ СМЯГЧАЮТСЯ ПО МЕРЕ ТОГО, КАК УРАВНИВАЮТСЯ УСЛОВИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЛЮДЕЙ
- Глава II КАКИМ ОБРАЗОМ ДЕМОКРАТИЯ УПРОЩАЕТ И ОБЛЕГЧАЕТ ОБЫЧНЫЕ

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ АМЕРИКАНЦАМИ
- Глава III ПОЧЕМУ АМЕРИКАНЦЫ НЕ СТОЛЬ ЧУВСТВИТЕЛЬНЫ У СЕБЯ НА РОДИНЕ И ОБНАРУЖИВАЮТ ТАКУЮ ОБИДЧИВОСТЬ, КОГДА НАХОДЯТСЯ В НАШЕЙ СТРАНЕ
- Глава IV СЛЕДСТВИЯ, ВЫТЕКАЮЩИЕ ИЗ ТРЕХ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ
- Глава V КАКИМ ОБРАЗОМ ДЕМОКРАТИЯ ИЗМЕНЯЕТ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СЛУГОЙ И ХОЗЯИНОМ
- Глава VI КАКИМ ОБРАЗОМ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И НРАВЫ ПОВЫШАЮТ ЦЕНУ И СОКРАЩАЮТ СРОКИ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ
- Глаза VII О ВЛИЯНИИ ДЕМОКРАТИИ НА РАЗМЕРЫ ЖАЛОВАНЬЯ
- Глава VIII ВЛИЯНИЕ ДЕМОКРАТИИ НА СЕМЬЮ
- Глава IX ВОСПИТАНИЕ ДЕВОЧЕК В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ
- Глава X КАК ДЕВУШКА СТАНОВИТСЯ СУПРУГОЙ
- Глава XI КАКИМ ОБРАЗОМ РАВЕНСТВО В АМЕРИКЕ СПОСОБСТВУЕТ ПОДДЕРЖАНИЮ НРАВСТВЕННОСТИ
- Глава XII КАК АМЕРИКАНЦЫ ПОНИМАЮТ РАВЕНСТВО МЕЖДУ МУЖЧИНОЙ И ЖЕНЩИНОЙ
- Глава XIII КАКИМ ОБРАЗОМ РАВЕНСТВО ПРИВОДИТ АМЕРИКАНЦЕВ К ЕСТЕСТВЕННОМУ РАЗДЕЛЕНИЮ НА МНОЖЕСТВО МЕЛКИХ ЧАСТНЫХ КРУГОВ ОБЩЕНИЯ
- Глава XIV НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ АМЕРИКАНСКИХ МАНЕР
- Глава XV О ТОМ, НАСКОЛЬКО СТЕПЕННЫ АМЕРИКАНЦЫ И ОТЧЕГО ЭТО ЧАСТО НЕ МЕШАЕТ ИМ ПОСТУПАТЬ ОПРОМЕТЧИВО
- Глава XVI ОТЧЕГО НАЦИОНАЛЬНОЕ ТЩЕСЛАВИЕ У АМЕРИКАНЦЕВ НОСИТ БОЛЕЕ БЕСПОКОЙНЫЙ И СВАРЛИВЫЙ ХАРАКТЕР, ЧЕМ У АНГЛИЧАН
- Глава XVII ОТЧЕГО ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ ВЫГЛЯДИТ ОДНОВРЕМЕННО БУРНОЙ И ОДНООБРАЗНОЙ
- Глава XVIII О ПОНЯТИИ ЧЕСТИ В

СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ И В ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ 1
- Глава XIX ОТЧЕГО В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ ВСТРЕЧАЕТСЯ ТАК МНОГО ЧЕСТОЛЮБИВЫХ ЛЮДЕЙ И ТАК МАЛО — ПОДЛИННЫХ ЧЕСТОЛЮБЦЕВ
- Глава XX ОБ ИСКАТЕЛЯХ ДОХОДНЫХ МЕСТ У НЕКОТОРЫХ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ НАРОДОВ
- Глава XXI ПОЧЕМУ ВЕЛИКИЕ РЕВОЛЮЦИИ СТАНУТ РЕДКИМИ
- Глава XXII ОТЧЕГО ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ НАРОДАМ СВОЙСТВЕННО ЖЕЛАТЬ МИРА, ТОГДА КАК ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ АРМИИ ХОТЯТ ВОЙНЫ
- Глава XXIII КАКОЙ КЛАСС ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ АРМИЙ ЯВЛЯЕТСЯ САМЫМ ВОИНСТВЕННЫМ И РЕВОЛЮЦИОННО НАСТРОЕННЫМ
- Глава XXIV ОТЧЕГО В НАЧАЛЕ ВОЕННЫХ КАМПАНИЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ АРМИИ ОКАЗЫВАЮТСЯ СЛАБЕЕ ДРУГИХ, СТАНОВЯСЬ ВСЕ БОЛЕЕ ГРОЗНЫМИ В ХОДЕ ВОЙНЫ
- Глава XXV О ДИСЦИПЛИНЕ В ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ АРМИЯХ
- Глава XXVI НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ ПО ПОВОДУ ВОЙН В ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ

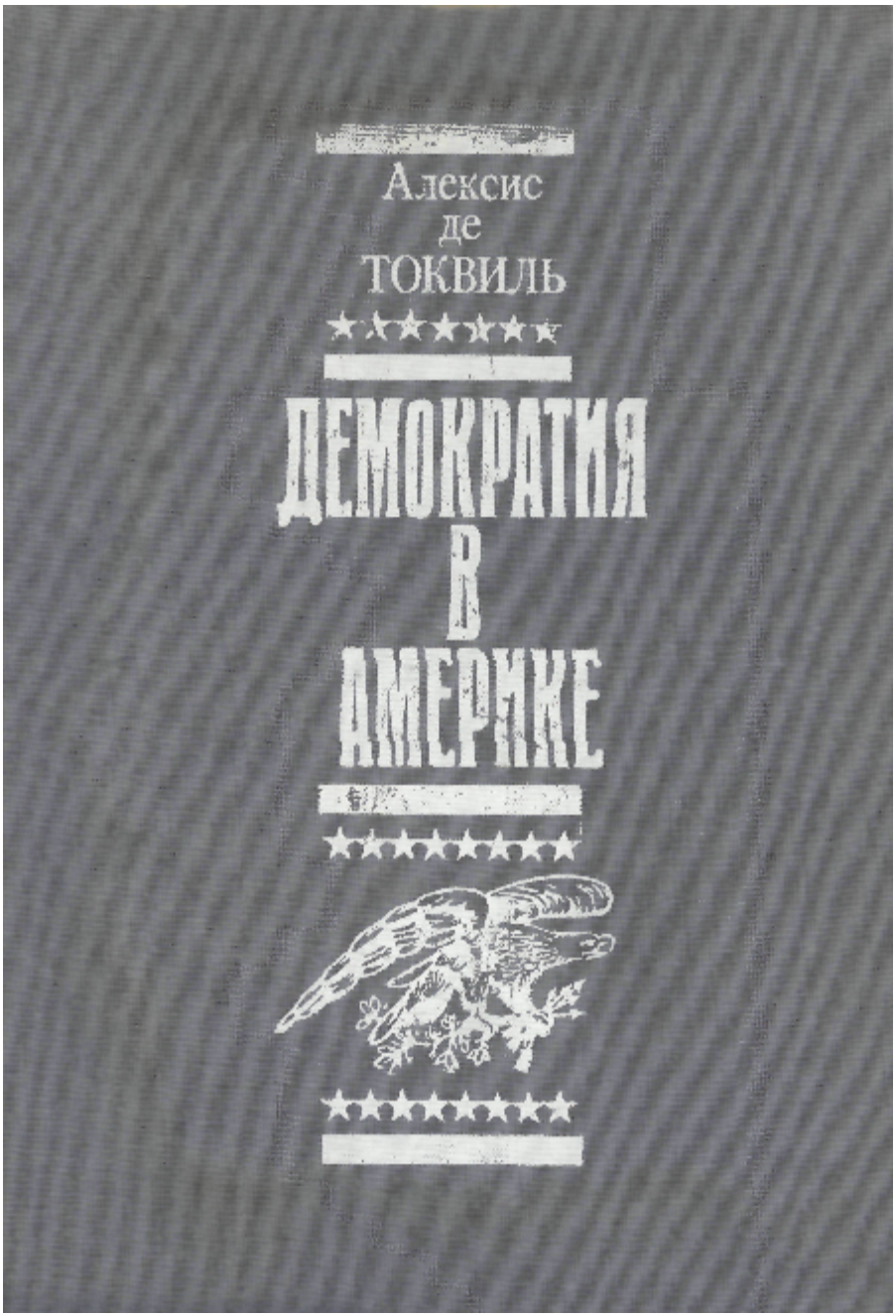
○ Часть четвертая. О ТОМ ВЛИЯНИИ, КОТОРОЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ИДЕИ И ЧУВСТВА ОКАЗЫВАЮТ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
- Глава I РАВЕНСТВО ВЫЗЫВАЕТ В ГРАЖДАНАХ ЕСТЕСТВЕННУЮ СКЛОННОСТЬ К СВОБОДНЫМ ИНСТИТУТАМ
- Глава II О ТОМ, ЧТО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ГРАЖДАН ОБ УПРАВЛЕНИИ В ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ ЕСТЕСТВЕННЫМ ОБРАЗОМ СПОСОБСТВУЮТ КОНЦЕНТРАЦИИ ВЛАСТИ
- Глава III О ТОМ, ЧТО ЧУВСТВА ЛЮДЕЙ В ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ СООТВЕТСТВУЮТ ИХ ИДЕЯМ О КОНЦЕНТРАЦИИ ВЛАСТИ
- Глава IV О НЕКОТОРЫХ ЗАКОНОМЕРНЫХ И СЛУЧАЙНЫХ ПРИЧИНАХ, КОТОРЫЕ ВЕДУТ

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ НАРОДЫ К ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ ВЛАСТИ ЛИБО ПРЕПЯТСТВУЮТ ЭТОМУ
- Глава V О ТОМ, ЧТО В СОВРЕМЕННЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВАХ ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ УСИЛИВАЕТСЯ, НЕСМОТРЯ НА НЕУСТОЙЧИВОСТЬ ПОЛОЖЕНИЯ САМИХ ПРАВИТЕЛЕЙ
- Глава VI КАКОГО ДЕСПОТИЗМА СЛЕДУЕТ ОПАСАТЬСЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ НАРОДАМ
- Глава VII В ПРОДОЛЖЕНИЕ ТОГО, О ЧЕМ ГОВОРИЛОСЬ В ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВАХ
- Глава VIII ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Примечания автора

- Приложение
  - Доклад, сделанный в Академии правовых и политических наук 15 января 1848 года по поводу работы господина Шербюлье «О демократии в Швейцарии»
  - Речь, произнесенная в палате депутатов 27 января 1848 года при обсуждении проекта пожеланий в ответ на тронную речь
- Комментарии
- Оглавление

ТОКВИЛЬ АЛЕКСИС ДЕ
ДЕМОКРАТИЯ В АМЕРИКЕ

Алексис
де
ТОКВИЛЬ

ДЕМОКРАТИЯ В АМЕРИКЕ

Alexis
de
TOCQUEVILLE

DE LA DEMOCRATIE EN AMERIQUE

ДЕМОКРАТИЯ В АМЕРИКЕ

Предисловие

I

В апреле 1831 года, когда Алексис де Токвиль и его друг Гюстав де Бомон отправились в Америку, Эндрю Джэксон уже более двух лет как занимал пост президента. Они приехали в страну, где, по мнению многих, происходили глубокие и разнообразные перемены. К тринадцати штатам, объединившимся в 1787 году в федеральный союз, при-. соединились еще одиннадцать, причем территория двух из них — Луизианы и Миссури — простиралась на запад от Миссисипи. Области, расположенные между Аппалачами и Миссисипи, были уже достаточно колонизированы для того, чтобы получить статус штата или территории. Если в 1800 году в Соединенных Штатах насчитывалось лишь пять миллионов жителей, то в 1831-м их количество превышало тринадцать миллионов, при этом треть населения проживала уже западнее гор. Люди, жившие на этих новых землях, обладали суровыми качествами пионеров. Они были самоуверенны до безрассудства, высокомерны и горды, не признавали никаких повелителей. Условности вызывали у них насмешливое пренебрежение, утонченность и культуру многие из них считали признаком слабости. Они были полны страстного национализма и, хотя и являлись убежденными сторонниками демократии, считали ее необходимой не столько в политической жизни, сколько в общественных отношениях.

Многие из них были выходцами из семей, переселившихся на Запад из-за постоянного ухудшения условий жизни в промышленных районах на Востоке, где порожденное торговлей развитие капитализма влекло за собой низкую заработную плату, длительный рабочий день, плохие условия труда на заводах, нищенское жилье и постоянную угрозу безработицы. Образование могли получить далеко не все. По некоторым данным, в 1831 году миллион детей не могли посещать школу, поскольку были вынуждены работать на заводах. Мало того, что почти во всех штатах существовала долговая тюрьма, — сомнительная структура банков обесценивала заработную плату и ставила под угрозу сохранность тех небольших сбережений, которые удавалось в них поместить. Благодаря возникновению рабочих партий и рабочей прессы, хотя и то и другое просуществовало недолго, стало возможным говорить об экономических требованиях, были созданы профсоюзы. Несмотря на мрачные

предупреждения государственных и политических деятелей, таких, как Дэниел Уэбстер и судья Сгори в Массачусетсе, Джеймс Мэдисон и председатель федерального Верховного суда (Chief Justice) Маршалл в Виргинии, избирательное право для взрослого населения было в принципе принято повсюду, кроме Род-Айленда, который сопротивлялся ему до 1843 года.

Грустные пророчества судьи Кента в Нью-Йорке, говорившего, что всеобщее избирательное право отдаст политическую власть «в распоряжение людей, которые не понимают природы и значения предоставляемого им права», и позволит «беднякам и мотам контролировать богатых», лишь ясно выражали неспособность старшего поколения понять тот факт, что избирательная система колониального общества, где закон определя-

ла собственность, не могла более существовать в стране, границы которой постоянно расширялись и где политическое равенство приобретало черты закона природы.

Победа Эндрю Джэксона свидетельствовала о проникновении новых веяний во все стороны жизни. После нее была проведена реформа образования, открыты новые университеты, стали реально заботиться об улучшении содержания заключенных в тюрьмах, слава о которых дошла до Франции. Возникла вера в возможность всеобщего согласия, распространился интерес к идеям Роберта Оуэна. Укрепились новые, проникнутые искренностью религиозные направления, связанные с именами Чаннинга, Элиаса Хикса и Джозефа Смита, начала развиваться самобытная американская литература, представители которой, такие, как Джеймс Фенимор Купер и Вашингтон Ирвинг, сразу стали известны в Европе. Все это свидетельствовало о подлинном обновлении. В 1829 году была построена первая железная дорога. Многочисленные изобретения облегчали жизнь домашних хозяек и фермеров. В 1831 году Уильям Ллойд Гаррисон основал газету «Либерэйтор», а через год, когда в Новой Англии было создано Общество противников рабства, стало ясно, что немного найдется таких общественных начинаний, которые не нашли бы понимания в Соединенных Штатах. Та уверенность в себе, о которой немного позже писал Эмерсон, уже существовала в Америке, когда в 1831 году, после 38-дневного путешествия, туда прибыли Токвиль и Бомон. «Мы не изгои, не инвалиды и не трусы, бегущие от Революции, — писал Токвиль. — Мы первопроходцы и искупители. Подчиняясь всемогущему порыву и вступая в Хаос и Безвестность, мы творим благо».

Всякий, кто станет изучать американскую демократию времен

Джэксона, не сможет не заметить ее полную уверенность в себе, кипящую энергию, глубокую убежденность в том, что благодаря ей жизнь простых людей становится более здоровой и насыщенной, чем когда-либо раньше. Конечно, у Америки этой поры были свои темные стороны, особенно это касается южных штатов. Были в ней и пессимисты, и периоды, когда задержка экономического развития давала основания усомниться в неудержимом росте экономики. В 1831 году, как и десять лет спустя, когда туда впервые приехал Диккенс, можно было сказать, не боясь ошибиться, что «народ здесь сердечный, щедрый, прямой, гостеприимный, восторженный, добродушный, с женщинами все любезны, с иностранцами открыты, искренни и чрезвычайно предупредительны; они гораздо меньше заражены предрассудками, чем принято думать, подчас чрезвычайно воспитанны и учтивы, очень редко невежливы или грубы»[1]. Вместе с тем не было бы ошибкой сказать, что как в 1831 году, так и в 1842-м пресса была бесцеремонна, а люди — сверхчувствительны к критике. Нередко они досадовали на иностранцев, которые упорно держались за европейскую условность, называемую правом на частную жизнь. Не следует также забывать и о том, что почти все европейские путешественники, побывавшие в Соединенных Штатах до Гражданской войны, даже такие благожелательные, как Диккенс и Гарриет Мартино, приходили к двум одинаковым выводам. Во-первых, их больше поражало различие Америки и Европы, чем их сходство. Во-вторых, их совершенно ошеломляла, с одной стороны, лихорадочная деятельность американцев, а с другой — их решительное намерение заставить всех оценить их достоинства. Когда Джеймс Рассел Лоуэлл написал свое знаменитое эссе «о некоторой снисходительности иностранцев», он не упомянул в нем о том, что это была, по крайней мере отчасти, реакция на утверждение новым обществом своего очевидного и естественного превосходства над обществом старым. В наше время нечто похожее мы видели в отношении России ко всему остальному миру после Октябрьской революции.

II

Токвиль отправился в свое знаменитое путешествие по Соединенным Штатам в возрасте двадцати пяти лет. Он родился в семье убежденных роялистов, для которой возвращение Бурбонов стало счастливым избавлением от агонизировавшей Революции, ведь только благодаря падению Робеспьера его отец избежал

эшафота, и от тягостной

[1] Письмо Макреди, 22 марта 1842 г. — *Здесь и далее прим, автора.*

необходимости мириться с узурпатором Наполеоном. Несмотря на это, со школьных лет юный Алексис по своим взглядам был близок к либерализму. Однако это не отдалило его от родителей. Его вдумчивое отношение к идеям, от которых он сам очень рано отошел, а также, возможно, определенная духовная свобода, которую родители ему предоставляли, и его глубокое отвращение к какому-либо руководству послужили причинами проявленной обеими сторонами терпимости. Кроме того, его либерализм был довольно умеренным, близким к той доброжелательной восприимчивости к новым идеям, с какой его предок Малерб подошел к философам XVIII века. В то же время благодаря своему либеральному мировоззрению он, еще заканчивая учебу на факультете права в Париже в 1829—1830 годах, оказался достаточно проницательным для того, чтобы понять значение знаменитых выступлений Гизо, в которых тот стремился доказать, что ход всей истории, и в особенности истории Франции, неотвратимо ведет к триумфу средних классов. Он почувствовал, что на основные положения Гизо возразить нечего, и понял, что политика правительства Полиньяка в последний год царствования Карла X незаметно вела к катастрофе. У него не было сомнений в том, что революция неотвратима, и, хотя события Трех Дней 1830 года вызвали в нем различные чувства, он воспринимал их как исполнение пророчества. Он стал чиновником министерства внутренних дел еще при Бурбонах. Новому монарху Луи Филиппу он принес присягу, «раздираемый противоречиями», поскольку знал, что этот поступок вызовет категорическое неодобрение семьи и большинства самых близких друзей. Из писем, которые он писал в это время невесте, совершенно ясно, что из-за этого поступка он чувствует себя одиноким и несчастным, хотя он не раз упоминает о том, что совесть его совершенно чиста. И когда в октябре 1830 года склонное к подозрительности новое правительство хотело принудить его принести присягу во второй раз, у него не было сомнений в том, что этого следует избежать.

Таково было моральное состояние Токвиля, когда он и его друг Бомон обратились с просьбой об отпуске для того, чтобы посетить Соединенные Штаты и изучить недавно происшедшие там изменения в управлении тюрьмами. Мы не знаем, у кого впервые возникла мысль об этом путешествии и его целях, но

причины подобной просьбы вполне ясны. За время путешествия могли сгладиться разногласия с семьей и друзьями. Оно давало возможность служить новому правительству, не слишком сильно компрометируя себя. Интерес Токвиля к пенитенциарной реформе вполне естествен: во-первых, его отец пережил тюремное заключение, во-вторых, по опыту работы в системе правосудия, хотя и короткому, он хорошо знал, что французские тюрьмы устарели. Кроме того, он связывал свое предложение с предполагаемой реформой уголовного кодекса, которая в то время активно обсуждалась во Франции. Несомненно, что немалую роль в этом решении сыграло и личное честолюбие. В случае если буржуазная монархия оказалась бы прочной, знание законов общества, впервые управляемого средним классом, могло способствовать успеху политической карьеры, которую хотели избрать и Токвиль, и Бомон. С ноября 1830 года Т'оквиль вынашивает идею написания книги об Америке. В феврале 1831 года он решил, что это будет «по возможности наиболее полное и научное» описание того, как на деле функционируют американские учреждения, «о которых все говорят и которых никто не знает». Автор удачной книги на эту тему мог надеяться на известность. Он собирался разъяснить значение слова «демократия», которая, по ставшему историческим выражению знаменитой группы Доктринеров, «широко распространялась» даже во Франции. Итак, в ноябре 1830 года Токвиль и Бомон обратились с просьбой о предоставлении им неоплачиваемого отпуска для изучения условий жизни в американских тюрьмах. После трех месяцев колебаний и споров, в течение которых они пустили в ход все благоприятное для них влияние, министр юстиции разрешил им, хотя и весьма неохотно, отправиться в эту поездку. Они запаслись несколькими рекомендательными письмами, в частности от Шатобриана и, вероятно, от Лафайета. Главный инспектор французских тюрем дал им письма к нескольким американцам, среди которых был известный адвокат Эдвард Ливингстон. Они изучали книги об Америке и взяли с собой в путешествие «Политическую экономию» Жана Батиста Сейя. 2 апреля 1831 года они отплыли из Франции и через тридцать восемь дней, в течение которых пользовались любой возможностью для изучения характера своих спутников, высадились в Нью-Йорке.

7

Благодаря самоотверженным изысканиям Г.У.Пирсона мы располагаем почти ежедневным описанием путешествия Токвиля и Бомона в Америку [2]. Мы знаем, где они побывали, с кем

встречались, каковы были их впечатления. Много времени и сил они посвятили изучению тюрем, разговаривали с людьми, способными обсуждать проблемы уголовного наказания. В то же время они, конечно, интересовались и другими сторонами американской жизни. Лучше всего они ознакомились с Новой Англией, но, кроме того, побывали на Великих озерах, в Канаде, Огайо, Теннесси, Новом Орлеане, Чарлстоне. Они посетили Вашингтон и на месте изучили работу федерального правительства, встречались с индейцами шоктавами. Познакомились со многими знаменитыми американцами, начиная с самого Эндрю Джэксона, которому нанесли визит в Белом доме, и кончая такими людьми, как Альберт Галлатен, судья Кент, Джон Куинси Адаме, Фрэнсис Л ибер и Джерид Спаркс. Конечно, их дружеская встреча с президентом Джэксоном была не чем иным, как обычным визитом вежливости. Другие же знакомства, как показал Пирсон, сыграли значительную роль в формировании их мнения. Немало было у них и кратких разговоров с людьми из всех слоев американского общества Они задавали бесчисленное множество вопросов. Письма Токвиля близким, его записи и дневники свидетельствуют о том, с какой тщательностью он заранее продумывал вопросы и как старался получить на них ответы в разных общественных кругах.

Конечно, многого он не заметил. Например, во время поездки в Канаду они встречались и разговаривали лишь с французским населением и в результате не сумели полностью понять суть канадской проблемы. Они приписали французским канадцам чувства побежденного народа, угнетенного победителями-англичанами, чувства, которые, по их представлениям, должны были испытывать потомки людей, некогда живших во Франции. Иногда Токвиль принимал теорию какого-либо выдающегося человека, например Джерида Спаркса, не подвергая серьезному анализу тех очевидных фактов, на которых были основаны его выводы. Он довольно легкомысленно отнесся к словам о чрезвычайной злобности американских газет в области политики. Если бы он сравнил их с французской прессой, подверженной цензуре, то понял бы, что его собеседник не столько излагал ему свое личное мнение, сколько подтверждал то впечатление, которым Токвиль с ним поделился. Повторяя вслед за Куинси Адамсом и Уильямом Эллери Чаннингом, что религия представляет собой один из основных залогов существования демократии в Америке, он забывал, что Адаме был одним из тех людей, которые объясняли Французскую революцию пропагандой атеизма, а Чаннинг был не только известным унитарием, но и страстным защитником своей веры, которую обвиняли в том, что

она почти не отличается от природной религиозности, то есть прямо ведет к атеизму.

Тем не менее искусство и решимость, с которыми он задавал вопросы, удивительны. Он поехал в Соединенные Штаты не только для того, чтобы избежать щекотливой ситуации во Франции, но еще и потому, что всеми силами стремился создать себе широкую известность. Он хотел найти там по мере возможности такие стороны американского образа жизни, перенесение которых на французскую почву позволило бы его стране, попрежнему оставаясь великой державой, приспособиться к распространению равенства, которого, по его убеждению, не могла миновать ни одна цивилизованная европейская страна. Невозможно оценить драгоценный материал, предоставленный нам Пирсоном, не учитывая в полной мере взаимосвязи между американским опытом Токвиля и тем багажом принципов (впрочем, слово «вера», возможно, было бы точнее в данном случае), с которым он приехал в Нью-Йорк. Он не был демократом; его самым горячим желанием было найти способы и средства ограничения тирании и привилегий, которые, по его мнению, являются источниками глубоких общественных потрясений. Он считал необходимым широкое разделение государственной власти, но без малейшего восторга относился ко всеобщему избирательному праву. Вообще говоря, он был сторонником классической либеральной экономики, но при этом был убежден, что правительство может многое сделать для народа, развивая средства связи между людьми, например строя дороги, каналы и создавая хорошо действующую почту. Он не выступал прямо за соединение государственной власти и какой-либо церкви, но был убежден, что общественное согласие и мораль в большой мере зависят от религиозности членов общества, и даже предполагал,

[2] *ГУ.Пирсон.* Токвиль и Бомон в Америке. Нью-Йорк, 1938. — Библиографические сведения об изданиях, на которые ссылается автор, даны в переводе на русский язык *(прим. ред.)*.

что религии, которым не присущ догматизм, слабо способствуют укреплению основ общества Отправляясь в Америку, он был уверен, что конституционная монархия обладает большими достоинствами, чем республика. Он сохранил это убеждение и в качестве доказательства говорил, с одной стороны, об опасности группировок, порожденных политическими партиями, а с другой, о том факте, что благодаря огромным размерам и ресурсам Соединенных Штатов американцы

направляют свою энергию на достижение богатства и комфорта, — в противном случае там могла бы вспыхнуть ожесточенная борьба за политическую власть. Он полагал, что американцы достигли успеха потому, что их история «началась с нуля», а не потому, что у них было самое передовое в мире практическое политическое воспитание. Соединенные Штаты, утверждал он, были готовы к свободе не только потому, что благодаря глубокой децентрализации местное самоуправление служило подготовкой к участию народа в общегосударственной политике, но также потому, что благодаря длительному историческому существованию суда присяжных люди привыкли к «непосредственному применению народной власти».

Чем дольше Токвиль находился в Америке, тем больше он осознавал противоречивость французской общественной системы. Хартия Людовика XVIII была глубоко аристократической, но с тех пор во Франции, как и в Америке, из гражданского кодекса было удалено право первородства, на смену аристократическому духу пришло стремление к равенству, которое неминуемо должно было победить во Франции, как это уже произошло в Америке. По мнению Токвиля, никакое правительство не могло остановить это стремление, оно могло лишь направлять его развитие. Однако гениальность американской системы заключалась в том, что она отдавала власть в руки большинства, законы которого вызывали глубокое уважение. Во главе же большинства стояли самые просвещенные классы общества. Несмотря на все свои недостатки, американская система отличалась настоящим величием. Люди были свободны, мыслили независимо, были уверены в себе и умели сотрудничать. Эти качества в свою очередь делали ненужным «патернализм» правительства, который постоянно оберегает привилегии и таким образом ограничивает инициативу. Совершеннолетним было предоставлено избирательное право — это означало, что им обладали практически все белые американцы. Политическая деятельность и возможности экономического развития были практически неограниченны, не существовало ни закрытых социальных групп, ни концентрации богатств в руках относительно небольшого числа людей. И если, говорит Токвиль, будущее за этим стремлением к равенству, то нет ничего более важного для Франции, чем постижение великой тайны, на которой основан успех Америки.

Во время своего пребывания в Америке Токвиль постоянно накапливал наблюдения, подтверждающие эту точку зрения. Слабость центрального вашингтонского правительства и правительств штатов, утверждал он, заключает в себе два

преимущества: во-первых, она препятствует установлению излишнего однообразия форм управления, а вовторых, значительно усиливает интерес к управлению делами на местах. Узнав из бесед с американцами, особенно с Альбертом Галлатеном и Д. К. Спенсером, возглавлявшими группировку Клинтона в законодательном собрании штата Нью-Йорк, о существовании большого количества газет и двухпалатных легислатур, о противодействии непредусмотренным изменениям в составе присяжных и адвокатов, а также о законном существовании различных вероисповеданий, вынужденных вследствие своей многочисленности проявлять терпимость и обеспечивающих высокий моральный уровень американского общества, он отнесся ко всему этому с одобрением и убедился в истинности своих предположений.

Были у него и другие, мимолетные встречи, позволившие ему сделать выводы, свидетельствующие о его удивительно тонкой интуиции. После своего знаменитого «двухнедельного путешествия по глуши», которое он предпринял вместе с Бомоном, он убедился в том, что граница белых поселений в Америке представляла собой не рубеж, а дорогу, по которой люди быстро продвигались к Тихому океану. На этом пути пионеры лишь воссоздавали учреждения, известные им ранее, их деятельность отнюдь не была источником политического или общественного обновления. Он узнал, что индейцы обладают куда более высокими человеческими качествами, чем те, которыми их наделяют американские колонисты. Однако, несмотря на все их добродетели, они не имеют ничего общего с созданным Руссо образом благородного дикаря, которым Токвиль так восхищался в красноречиво-романтичных произведениях Шатобриана и Фенимора Купера

9

Конечно, в связи с распространением коммерческого духа индейцы подвергались угнетению и права их были серьезно ущемлены. Вместе с тем, принимая во внимание те условия, в которые их поставили белые завоеватели, он ясно понял, что индейцы были и слишком ленизн, и слишком беспечны для того, чтобы приспособиться к новым требованиям. Его глубоко возмутило рабство негров, и это чувство полностью разделял Бомон. Описывая последствия рабства во время своего путешествия из Огайо в Кентукки, Токвиль говорит о том, что хозяева рабов косны и грубы и это представляет большую опасность, чем безразличие к своим правам, испытываемое рабами. Он увидел высокомерие первых лиц бостонского

общества и отметил, что они лучше воспитаны, чем богатые люди из Нью-Йорка. Вскоре, однако, он понял причину этого различия: в Бостоне существовал класс людей, получивших в наследство достаточно денег и имевших возможность не заниматься бизнесом. Их жизнь, безусловно, походила на жизнь европейского высшего общества. Разумеется, этот класс был немногочисленным. Интересно отметить также, насколько быстро он понял, что Дэниел Уэбстер был прежде всего оголтелым карьеристом, стремившимся к политической власти. Он неоднократно отмечал умеренность привычек американских деловых людей, являющуюся следствием, по его мнению, их постоянной работы, видел, что из-за отсутствия предрассудков, касающихся социального происхождения, бедность не препятствовала браку при взаимном влечении.

В Бостоне во время беседы с Куинси, ректором Гарвардского университета, о местном самоуправлении и обширных незаселенных территориях Соединенных Штатов Токвиль, по-видимому, начинает понимать, какую губительную роль в развитии индивидуума могла бы сыграть администрация со строго очерченными полномочиями. Если, размышляет Токвиль, человек задумал осуществить что-либо полезное для общества, например построить больницу или колледж, то он, вероятнее всего, сделает это не путем обращений в правительство, а самостоятельно, при добровольном сотрудничестве сограждан. Очень может быть, что результаты его деятельности будут менее удачны, чем результаты деятельности государственной власти. Однако сумма подобных, стихийно предпринимаемых совместных усилий граждан имеет огромное значение и оказывает гораздо более глубокое моральное воздействие, чем любой правительственный план.

Таким образом, Токзиль приходит к выводу, который, очевидно, лежит в основе всей системы его социальной философии. Следует отметить, что еще до того, как он начал работать над своим грандиозным трудом, он пришел к убеждению, что залогом свободы является свобода выбора, а на правительство надо смотреть лишь как на сдерживающую силу, к помощи которой можно прибегать в крайних случаях, когда частная инициатива бессильна. К этому следует добавить, что он все больше и больше осознавал, что при всех обстоятельствах сама суть конституционного строя заключается в ограничении власти правительства. Государственная власть — опасная вещь, и чем меньше у нее законных полномочий, тем меньше угроза тирании. После длительной, устной и письменной, дискуссии он был вынужден признать, что основным пороком французского

правительства является его чрезмерное право вмешиваться в местные дела. «Навязчивая централизация», о которой ему говорил еще его отец, вела к параличу местной инициативы, ослаблению всяческой деятельности, к пассивности служащих, затравленных бесконечным мелочным контролем. Так децентрализация становится для него еще одним залогом свободы.

Но Токвиль пошел дальше. Размышляя над тем, что ему сообщил Спаркс, он все более убеждался, что большинство может ошибаться в отдельных вопросах, но в целом оно всегда право, оно представляет собой высшую моральную силу общества. Он пришел также к выводу, что лишь сам человек, общество, город, народ имеют право определять свои интересы и, до тех пор пока они не наносят ущерба другим, никто не должен вмешиваться в их дела. Его умозаключения не остановились и на этом. Поскольку демократия может стать игрушкой страстей, необходимо оградить ее от этой опасности. В связи с этим он одобрительно отзывался о двухпалатной системе, о праве вето главы правительства и о таком важном принципе, каким являлась «конституционная экспертиза». Но он сделал и еще более радикальные выводы. Опираясь на мысль о том, что лучшим судьей своих интересов может быть лишь сам гражданин, он считал, что организованное сообщество не может служить надежной защитой для гражданина. Даже если бы оно взялось за выполнение такой задачи, оно не справилось бы с ней и в то же время подорвала бы веру индивидуума в свои силы.

10

В последние месяцы пребывания в Америке у него начали появляться сомнения. Не слишком ли велико стремление американцев к материальному благосостоянию? Не мешают ли большие имущественные различия движению к реальному политическому равенству? Не могут ли часто повторяющиеся выборы привести к тирании тех, кто стоит у власти? А может быть, напротив, им удастся удержаться у власти, только заискивая перед избирателями? Не по этой ли причине выдающиеся люди не хотят выставлять свои кандидатуры? Не это ли мешает правительству последовательно и настойчиво проводить в жизнь масштабные политические замыслы? Все эти мысли возникли у него после посещения Пенсильвании. В Балтиморе ему говорили о том, что Соединенными Штатами правят адвокаты. Господин Лэтроуб из того же города объяснил ему, что, несмотря на высокий жизненный уровень, в Америке мало выдающихся людей, что на Севере вследствие бурного

развития коммерции деловые люди постепенно захватывают решающий контроль над обществом. Воздействие большинства на общественное мнение ведет к диктату наиболее низменных желаний, а избрание Эндрю Джэксона на пост президента показывает, что военная слава имеет «опасное влияние» на республику. Собеседники соглашаются с его мнением о том, что демократическое правление плохо справляется с внешнеполитическими делами.

Мало-помалу он пришел к выводу, что республиканские учреждения больше подходят северным, чем южным штатам. С каждым днем он все больше убеждался, что дух и обычаи народа сильнее законов и, хотя конституция способствует формированию народных нравов, в этих последних заложено нечто более мощное, нежели любая конституция, нечто, способное постоянно приводить в действие худшие стороны создаваемых народом законов. Он был обескуражен, узнав,что рост культуры не означает роста количества выдающихся людей, а исчезновение низших классов не ведет к появлению высших. Он столкнулся с еще одной загадкой, которая его особенно смутила: в Америке народ был значительно глубже знаком с делом управления, чем в какой-либо иной стране, но в то же время во главе общества стояло мало ярких людей. Масштабы свободы слова поразили его, свобода собраний вызвала восхищение и изумление. Его удивил тот факт, что в Америке нет политических партий, исповедующих те или иные великие идеи, таких, какие, по его мнению, существовали в Европе. Его удивление усилилось после одного любопытного разговора с банкиром Николасом Биддлом. Токзилю показалось неслыханным, что Биддл с полной уверенностью говорил ему о небывалом процветании государственных дел в то время, как между президентом и конгрессом шла ожесточенная борьба, и утверждал, что лучшим доказательством жизнестойкости американского общественного строя является тот факт, что американцы легко обходятся без помощи правительства, а их общество развивается вопреки деятельности администрации. В конце ноября 1831 года благодаря внимательному наблюдению и длительному пребыванию в стране выводы Токвиля становятся более обобщенными и точными. В Питсбурге и Огайо он отмечает, что, хотя эти города существуют всего только тридцать лет, вновь прибывающим эмигрантам, решившим в них поселиться, разбогатеть нелегко, на это могут надеяться лишь те, кто устремляется дальше, к новым территориям. Он начинает замечать, что, хотя происхождение и хорошее воспитание имеют некоторое значение в Америке, основным мерилом достоинств человека являются деньги. Он

обнаружил, что американский народ довольно равнодушен к духовным удовольствиям. Зарабатывать деньги — вот их главное занятие, они, можно сказать, преклоняются перед богатством. Глубокое различие между Соединенными Штатами и Францией заключается, по его мнению, в том, что во Франции принадлежность к какому-либо социальному слою или профессии постоянно воздвигает между людьми непреодолимые преграды, а в Америке ни то, ни другое не препятствует заключению брака Словом, американское общество подвижно, в нем не существует застывших произвольных правил, касающихся классовых различий, как во Франции. Различия, конечно, существуют, но их всегда можно сгладить. Из этого вытекает важный факт: в Америке нет такого класса, развитие которого наталкивалось бы на непреодолимые преграды. Он несколько сомневался в том, что федеральные связи достаточно прочны, чтобы обеспечить целостность столь обширных и разнообразных территорий, догадывался, что система предоставления высоких постов представителям партии, находящейся у власти [3], не может не оказывать влияния на ва-

[3] "Spoils System".

шингтонское правительство. Целью массы иммигрантов, приезжавших из Европы, было построить новое общество, не имеющее ничего общего со старым. Это общество не испытывало никакого уважения к традициям, унаследованным от предков, его не интересовал даже их опыт. Изучая положение негров на Юге, Токзиль был глубоко потрясен пагубными последствиями рабства. Он нашел этот способ производства разорительным и приводящим хозяев рабов к нездоровой апатии.

В то же время его последние впечатления ясно показывают, насколько он был поражен энергией и ритмом американской жизни. Мысль и практическая деятельность развиваются с головокружительной скоростью. Американцы прекрасно знают не только природные ресурсы своей страны, но и наиболее заметных предпринимателей, которые их разрабатывают. Америка находится в постоянном движении; как только страна осознает необходимость каких-либо общественных работ, например строительства канала Эри, правительство приводит их в исполнение. В стране существуют самые разнообразные формы предпринимательства, их постоянное приспособление к новым условиям не сдерживается никакими непреложными правилами, им не навязывается в обязательном порядке никакое единообразие. По-видимому, консерваторы, такие, как судья

Кент, опасались быстрого роста предпринимательских корпораций. Токвиль придерживался мнения, что они могут принести пользу, способствуя хорошей организации труда. Он признавал, что народ, располагающий полной свободой, может не согласиться на принятие не нравящихся ему законов, даже если они полезны. Ему было известно, что степень самоотверженности людей, живущих в демократическом обществе, можно будет познать лишь тогда, когда какой-либо кризис потребует введения высоких налогов и воинской повинности. Покидая Америку, он понимал, что, хотя и хорошо изучил Соединенные Штаты, не может ответить на вопрос о том, удержится ли в этой стране демократия. До путешествия в Америку он считал, что демократия — это единственный путь, по которому может идти европейская цивилизация. Уезжая, он не был уверен в ценности такой перспективы.

III

Каждому, кто прочтет впечатляющий перечень лиц, с мнением которых Токвиль познакомился либо в беседах, либо задавая вопросы во время своего пребывания в Америке, станет ясно, что основным источником его взглядов, изложенных в книге [4], которую он начал писать по возвращении во Францию, были его личные контакты с людьми и сопоставление впечатлений от них с его собственными наблюдениями. Он также много читал. Из Соединенных Штатов он привез большое количество книг и официальных документов, хотя эти последние касались главным образом реформы тюрем. Кроме того, приступив к работе над книгой, он широко пользовался своей собственной библиотекой, находил полезную для себя литературу в Королевской библиотеке, в американской миссии, в библиотеках своих друзей, особенно американцев. Он изучал законы, альманахи, акты федерального правительства и правительств штатов. Он читал также классические произведения, например заметки Джефферсона о Виргинии, биографии — жизнеописание Джорджа Вашингтона, написанное Маршаллом, исторические труды — историю Массачусетса Томаса Хатчинсона и историю Нью-Гэмпшира Джереми Белнепа. Он знакомился с собраниями старых изданий, самым значительным из которых была книга «Великие деяния» Коттона Мэзера. Особенно тщательно он изучал работы, посвященные праву, например труды Сгори и Кента и, конечно, «Федералиста». Пирсон пишет [5], что в своей книге Токвиль цитирует около семидесяти работ, и полагает, что, кроме них, он

прочел еще около двадцати трудов. Важно отметить, и Токвиль сам говорил об этом Бомону, что он намеренно не читал трудов своих современников об Америке, например Джеймса Силка Бэкингема, Гарриет Мартино или своего соотечественника Мишеля Шевалье. Думаю, что отчасти он поступил так потому, что не хотел затемнять свои собственные непосредственные впечатления, сравнивая их с впечатлениями других путешест-

4 Бесценный список его американских друзей был составлен Пирсоном. Там же, с. 782 —786.

5 Там же, с. 727—730.

венников, также побывавших в Америке, и отчасти потому, что стремился избежать знакомства с другой, глубоко отличной точкой зрения, которая могла бы запутать свойственное лишь ему тонкое и проницательное восприятие вещей.

На самом деле во всем, исключая факты, он очень мало полагался на книги. Хотя ему помогали в работе два молодых американца, находившихся в это время в Париже, из их собственных отчетов ясно, что, кроме краткого изложения документов, в основном официальных, они немного сделали для Токвиля. Доказательством этого может служить тот факт, что один из них узнал о работе Токвиля над книгой лишь в 1835 году [6], по возвращении в Соединенные Штаты. И уж совсем смешно намекать, как это делает судья Сгори, на то, что он использовал знаменитые когда-то «Комментарии» и «Федералиста» без ссылок. Совершенно ясно, что ему были хорошо знакомы оба эти издания, он очень доверял им и часто их цитировал. Однако всем известно, что он использовал без ссылок труды и записки, которые ему предоставляли такие люди, как Джерид Спаркс и Дж.К. Спенсер. Ведь любой материал становился в его руках новым и очень важным благодаря свойству его ума рассматривать все с совершенно неожиданной точки зрения. Иногда он допускал неточности или был недостаточно проницателен. Например, он так и не понял структуру и значение партийной системы в Соединенных Штатах. Иногда он бывал совершенно несправедлив, вспомним, к примеру, необъяснимое пренебрежение к Эндрю Джэксону, о чем с такой горечью отзывался Томас Харт Бентон через шестнадцать лет после выхода в свет книги Токвиля. Правда и то, что он всегда смотрел на Америку глазами французского аристократа, который чувствует себя значительно непринужденнее в обществе священника римско-католической церкви, чем в обществе протестантского пастора, и который чувствует себя как дома в

бостонском салоне, а не в мемфисской таверне. Нельзя также отрицать, что к значительной части своих наблюдений он относился с завидным хладнокровием и при их классификации стремился к полнейшему порядку, как это делает энтомолог, классифицируя бабочек. Ясно, что он многим обязан людям, которых он так дотошно расспрашивал, и среди них надо особо выделить Бомона. Всякий, что читал книгу Бомона «Мария», незаслуженно недооцененную последующими поколениями, не может не признать, что благодаря ежевечерним разговорам, которые спутники вели в течение девяти месяцев, теория Токвиля приобрела четкость, которой она, возможно, была бы лишена, если бы его не сопровождал близкий, любящий и хорошо понимающий его человек. В самом деле, можно с полным основанием сказать, что многие письма, написанные Бомоном своим родным, вполне могли бы принадлежать перу Токвиля.

Несомненно, что, с какой бы точки зрения мы ни рассматривали книгу Токвиля «Демократия в Америке», мы увидим в ней отражение автора, его намерения, его методы, его сравнения — все это проявляется как в недостатках, так и в высших достоинствах книги. Совершенно очевидно, что перед нами труд, написанный восприимчивым и проницательным аристократом, осознавшим, что время аристократических привилегий уходит навсегда, что нарождается новый класс, который набирает силы быстрее, чем хотелось бы аристократам, и намеревается господствовать на исторической арене. Он прекрасно понимает, что революция 1830 года — это та цена, которую монархии и французской знати пришлось заплатить за то, что они захотели повернуть вспять стрелку часов и заставить их показывать время, предшествовавшее 1789 году. Допустив мысль о том, что старый режим окончательно ушел в прошлое, он задумался о возможных последствиях для Франции полного торжества буржуазии. Напрашивается вопрос: почему, придя к этой мысли, он не попытался описать Великобританию, где именно в это время начались глубокие конституционные и экономические реформы. Думаю, это можно объяснить двумя причинами. Великобритания была слишком близко расположена и не могла помочь ему избежать сложностей с семьей и друзьями, с одной стороны, и правительством Луи Филиппа — с другой. А расстояние в три тысячи миль и время ослабляло остроту психологических разногласии. Ни семья, ни министр не смогут потребовать его немедленного возвращения, и у него будет возможность оправиться от нервного напряжения, от которого из-за своего беспокойного темперамента он сильно страдал. Кроме того, побывав в Америке с целью подробного изучения новой

цивилизации, можно было получить исчерпывающее представление о процессах, зарождавшихся и в Европе, ознако-

[6] Там же, с. 734.

миться со всеми их достоинствами и недостатками. Для многих французов, современников Токвиля, Америка обладала особой привлекательностью. Ведь Франция способствовала созданию новой республики, а 1779 год оказал значительное влияние на события 1789 года. Это была новая страна, о которой родственник Токвиля Шатобриан написал знаменитую повесть и в которой родственник Бомона Лафайет нашел дорогу к славе. В первой половине XIX века побывать в Америке было так же увлекательно, как после 1917 года увидеть собственными глазами Советскую Россию. Он хотел, как сторонний наблюдатель, увидеть развитие великой драмы и дать ее реалистичное и полнокровное описание, почерпнутое из американской жизни, малознакомой его современникам. Для него это было способом выделиться среди нескольких десятков молодых людей, стремящихся к политической карьере и жаждущих быстро приобрести известность. Рвение, с которым Токвиль взялся за осуществление своих целей, можно оценить, лишь понимая, что он ощущал в себе силы добиться широкой известности. Возможно ли, чтобы он потерпел неудачу? Он чувствовал в себе большой талант, и, чтобы применить его, ему нужна была великая тема.

Нет сомнения в том, что в самом начале своего путешествия по Америке он понял, что такая тема найдена. Именно этим можно объяснить его неустанные поиски нужных материалов. Нельзя не заметить, что с самого начала эти поиски велись в соответствии с определенными, тщательно продуманными принципами. Революция и Наполеон положили конец закрытому обществу, основанному на происхождении или вероисповедании. Отныне развитие цивилизации будет определяться представлением об обществе, в котором становится все меньше привилегий и все больше равенства. Деньги, талант, умение управлять людьми, авторитет законов, обязательных для всех без исключения, создание политических институтов, основой которых является воля большинства, — таковы результаты поражения аристократии в 1789 году и последующих событий. Браздами правленга овладел «новый социальный слой». Так или иначе, рано или поздно он создаст необходимые ему политические учреждения. По мнению Токвиля, для мирного развития общества признание этих результатов было неизбежно. Он отправился в Америку, будучи уверен, что там он увидит, как все это

осуществляется на практике. Он описал увиденное не только в надежде убедить своих соотечественников в необходимости представить себе основные черты их собственного будущего, но также желая показать им его достоинства и предупредить об опасностях. Его интересовала не столько Америка сама по себе, сколько философские выводы, полезные для развития цивилизации, в частности французской, которые можно было сделать, наблюдая американскую жизнь.

Вот почему две первые части его труда, опубликованные в 1835 году, содержат и описание американских политических институтов, и множество рассуждений о них. Основной темой этих рассуждений является властвующая в Соединенных Штатах воля большинства и серьезная опасность того, что большинство станет пользоваться своей властью тиранически. Токвиль говорит также о некоторых способах предотвращения этой опасности. Воспитание, практический опыт, действующий в рамках закона консерватизм, религия, гражданственность народа, проникнутого индивидуализмом, свобода ассоциаций, уважение к закону, богатые возможности, открывающиеся перед всеми классами, — все это вместе взятое уменьшает вероятность возникновения тирании, которая может привести лишь к уничтожению американских демократических институтов. Мысль, которая неотступно преследует Токвиля, ясно выражена в двух местах его книги[7]: «Что касается меня, то когда я вижу то состояние, которого уже достигли многие европейские народы, а также то, к которому идут все остальные, я прихожу к мысли, что вскоре у них не будет иного выбора, кроме демократической свободы или тирании цезарей», «Но я думаю, что если нам не удастся постепенно ввести и укрепить демократические институты и если мы откажемся от мысли о необходимости привить всем гражданам идеи и чувства, которые сначала подготовят их к свободе, а затем позволят ею пользоваться, то никто не будет свободен — ни буржуазия, ни аристократия, ни богатые, ни бедные. Все в равной мере попадут под гнет тирании. И я предвижу, что если со временем мы не сумеем установить мирную власть большинства, то все мы рано или поздно окажемся под *неограниченной* властью одного человека». Эти два отрывка ясно показывают, о чем думал Токвиль, когда писал свою книгу. Французская революция

[7] Настоящее издание, С..237.

привела сначала к Робеспьеру, а затем к Наполеону. Хартия Людовика XVIII — к попытке установления тирании Карлом X, а

затем, после революции 1830 года, — к бездарному правилу «золотой середины», опасность которого он понимал уже тогда, когда писал первую часть книги. Возможен ли мирный и совершенно спокойный переход от системы, в которой власть и благосостояние принадлежат немногим, к системе, в которой и тем и другим обладает большинство? Или подобное социальное изменение неизбежно сопровождается потрясениями и конфликтами? Возможно ли сознательно и постепенно продвигаться к равенству и какова цена такого движения? И если конфликт неизбежен, есть ли надежда избежать тирании?

В двух первых частях своей книги, над которыми Токвиль работал в течение трех лет, он в основном описывает Америку. Содержание второй книги, которой он в 1840 году дополнил свой труд, далеко выходит за рамки описания Америки, ее действительность служит лишь фоном изложения и представляет собой общую характеристику общества, основанного на равенстве граждан. Есть заметные различия в подходе к материалу и настроении, с которым написаны первая и вторая книги. В первой Токвиль использует главным образом конкретную информацию, при этом тщательно ссылается на источники, поскольку его основная цель — создать портрет Америки. Строгий критик может заметить, что, несмотря на удивительные догадки автора, факты, на которых основано его описание, исключая некоторые явные заблуждения, упущения или непонимания, несколько легковесны для того, чтобы служить основой для столь широких обобщений. Но правильность наблюдений, так же как и сделанных из них выводов, всегда можно проверить. Кроме того, в первом томе Токвиль, не впадая в восторженный тон, с одобрением отзывается о многих вещах. В нем чувствуется определенная вера в будущее, являющаяся плодом глубоких размышлений. Манера изложения серьезна, уравновешенна и беспристрастна, она лишена каких-либо признаков юмора, что свойственно Токвилю, лишена также глубокого интереса к индивидууму, взятому отдельно от массы, ведь его целью является характеристика последней. В то же время описываемая км картина непосредственна и драматична, в ней чувствуется прямое отражение действительности.

Второй том, который никогда не пользовался таким же успехом, как первый, написан, по моему мнению, более абстрактно, его тон значительно более пессимистичен. Американская действительность уходит на второй план, заволакивается дымкой. Токбиль главным образом анализирует основные черты общества, которое в силу стремления к материальному благополучию и уравнительных тенденций

может, как он все больше опасается, прийти к трагической развязке. Думаю, что не будет ни преувеличением, ки фантазией предположить, что здесь мы имеем дело с Токвилем — депутатом французского парламента времен Луи Филиппа, который хорошо знал буржуазную монархию и ее выдающихся деятелей — Тьера и Гизо. Это Токвиль, который лучше, чем когда-либо, понимает, что дни аристократки миновали, и в то же время абсолютно не доверяет приходящей ей на смену плутократии, основной частью которой является буржуазия. За ней он видит мрачную картину роста масс промышленных рабочих, все более и более недовольных условиями своей жизни, как это показало трагическое восстание в Лионе в 1834 году. Можно также с полным основанием предположить, что, публикуя вторую книгу, Токвиль, разочаровавшийся во Франции «золотой середины», возможно не вполне сознательно, сыграл роль Кассандры. Ход событий не мог не встревожить этого пылкого сторонника свободы, этого политического философа, который просвещение рассматривал как противоядие от опасности, заключенной в равенстве, этого сомневающегося верующего, который полагал, что, для того чтобы народ не увяз в болоте будничного материализма, религия должна сохранить над ним широкую и сильную власть. Возможно также, что его меланхолия усугублялась слабым здоровьем и относительным провалом его деятельности в палате депутатов: он потерпел поражение на выборах в 1837 году, но был избран в 1839-м. Мы никогда не поймем позицию Токвиля, если не примем во внимание два факта. Он получил доказательство доброй воли от избирателей-крестьян отчасти благодаря своему имени, отчасти благодаря искреннему уважению, которое они к нему испытывали как к человеку. Однако, несмотря на мучившее его глубокое политическое честолюбие, Токвиль не обладал ни одним из качеств, необходимых для успеха политической деятельности в системе, где все определялось талантом парламентского деятеля.

15

Со всеми, кроме своих близких, он был холоден и сдержан. Он плохо говорил, совершенно не умел быстро приспособиться к духу дискуссии, вовремя пойти на компромисс или совершить резкий стратегический поворот. У него не было ни такта, ни умения удачно ответить, что необходимо для видного парламентария. Он был слишком независим для того, чтобы стать настоящим партийным деятелем. Собственные принципы были для него священны, а честолюбие слишком возвышенно, и он не мог участвовать в сомнительных интригах, с помощью которых

при существовавшем режиме можно было достичь какого-либо единства и равновесия. Он с грустью осознавал, что подобное единство и обеспечиваемое им равновесие покупаются слишком дорогой ценой. Количество избирателей было крайне ограниченным. Свобода печати и собраний—строго регламентирована. Попытки протеста жестоко подавлялись. С каждым годом, особенно после 1834-го, усиливалось ощущение наступления на политические свободы. Хотя спекулянты и промышленники наживали огромные состояния, было до боли ясно, что народ от этого не получает ничего. Токвиль страстно желал играть великую роль, чувствовал в себе, как он говорил жене, «огромное желание, невыразимую потребность деятельности и эмоций» и в то же время не мог даже привлечь реального внимания к своему проекту тюремной реформы. Нетрудно понять, что и он, и его друг Гюстав де Бомон видели мир в мрачном свете, особенно когда сравнивали свои мечты с реальностью.

Разумеется, после выхода в свет двух первых частей своего труда Токвиль сразу завоевал широкую известность. Руайе-Коллар, несмотря на свои крайние убеждения, назвал его естественным преемником Монтескье. В Англии такие влиятельные люди, как Джон Стюарт Милл и Нассау Сениор, отозвались о его книге как о классическом произведении. Однако, публикуя ее, Токвиль преследовал две цели. Ему хотелось, чтобы его соотечественники, признав, что он прекрасно понимает, в каком положении они находятся, даровали ему право занять высокий политический пост с тем, чтобы проводить во Франции политику, основанную на знаниях, накопленных им в Соединенных Штатах. Эти надежды не осуществились. Он немедленно получил литературное признание. Руайе-Коллар и Гизо, Шатобриан и Сент-Бёв отзывались о первой книге *с* восторгом, который редко выпадает на долю политико-философских трактатов при жизни их авторов. Нет сомнения в том, что этот успех принес ему глубокое удовлетворение, но оно было неполным. Он надеялся, что письменное доказательство политической мудрости превратит его в политического вождя. Он понял, что, несмотря на все уважение к его таланту, он отнюдь не завоевал политического авторитета. Кроме того, он также осознал, и об этом свидетельствуют его «Воспоминания», что он не может вступать в политическую борьбу с людьми, которых он презирает в моральном и интеллектуальном отношении. Учитывая, что его надежды потерпели крах, не следует слишком удивляться, что во второй своей книге он впадает в меланхолию, а иногда даже в отчаяние. В ней чувствуется некоторое

предубеждение, она прямо пророчит кризис. Однако при объективном анализе ситуации нельзя обнаружить ни дурных предзнаменований, ни признаков кризиса. И то и другое в какой-то мере отражает личную неудовлетворенность Токвиля, вынужденного оставаться в стороне от драматических событий, в которых он так стремился играть первую роль.

IV

Известно, что Токвиль допускал неточности при использовании слова «демократия», и это не осталось без последствий ни для него самого, ни для его читателей. У него не было единого и ясного понимания этого термина. В самом деле, он постоянно употребляет его в разных значениях. Сначала это слово значило для него стремление к уравниванию всех сторон жизни общества. Он полагал, что это стремление является наиболее важным и неизбежным плодом Французской революции, и именно этому феномену он уделил самое глубокое внимание. В то же время он употреблял это слово для обозначения представительной формы правления. Иногда оно принимает у него значение «народ», особенно когда он говорит о непокорных массах. Этим же словом он называл всеобщее избирательное право, а также быстрое движение общества к равенству, которое сметало все привилегии, особенно в области политики. Это смешение произошло пото-

му, что он ошибочно полагал, что стремление к демократии обнаружил в Америке. На самом же деле он поехал в Америку для того, чтобы своими глазами увидеть последствия тех тенденций, которые, как ему было известно, уже зародились в Европе. Именно поэтому и у Токвиля, и у его читателей возникло двоякое заблуждение. Он не осознавал до конца, что к тому времени, когда он начал холодно и отстраненно, как ему казалось, анализировать свой американский опыт, принципы, на которых строились его размышления, уже вполне сформировались. Размышляя над этим опытом, он также не понимал, до какой степени собранный им материал был обусловлен теми основополагающими принципами, которые он исповедовал еще до путешествия. По этому поводу существует замечание Сент-Бёва, свидетельствующее о проницательной интуиции Токвиля: «Он начал размышлять еще до того, как что-либо узнал».

Ведь именно те мысли, с которыми Токвиль отправился в

путешествие, придают его книге основной колорит. Во-первых, он почти не проявил подлинного интереса к истории колониальной Америки и не заметил даже, что процессы, представленные им как новые, в действительности выросли из общественного развития, предшествовавшего 1776 году. Современная ему Англия была для него аристократической страной, и он не понял, что ее учреждения были логическим развитием тех учреждений, которые колонисты когда-то принесли в Америку со своей родины. Он верил многому из того, что ему говорили, например, о Джэксоне, об отсутствии политических партий, о преимуществах децентрализации, и на основании всего этого сделал вывод о том, что сильное федеральное правительство в сочетании со всеобщим избирательным правом могло бы привести к тирании. Он верил, что выдающиеся люди все меньше и меньше стремятся занимать государственные посты, и видел подтверждение этому в избрании Эндрю Джэксона на пост президента. Он так боялся тирании большинства, что лишь во второй книге окончательно разобрался в том, как легко всеобщее избирательное право может сосуществовать с влиятельной партией меньшинства. Он сильно переоценил значение института присяжных как одного из главных средств политического воспитания масс. Сегодня немногие стали бы утверждать, что судья по-прежнему оказывает влияние на образ мыслей и даже на характер тех, кто вместе с ним вершит суд. Нетрудно заметить также, что его настороженность по отношению к судебным органам, избираемым гражданами, объясняется скорее его страхом перед массами, чем проведенным на месте серьезным анализом проблем американской судебной системы. Он глубоко ошибался, полагая, что религия может в разумных пределах ограничить материализм, вытекающий, как он утверждал, из растущего стремления к благосостоянию, свойственного демократическому обществу. Он преувеличивал значение свободы ассоциаций, считая ее спасением от революции и естественным препятствием на пути возникновения законодательной тирании, тогда как она очень часто превращалась в нечто совершенно иное, а именно в хорошо организованную и щедро финансируемую группировку, осуществляющую давление во имя интересов тех, кто действительно хочет обеспечить себе привилегии и против которых демократия восстает в силу своей природы.

Несмотря на то что мы находим немало точных наблюдений и сведений, особенно в первой книге, почерпнутых непосредственно из документов, необходимо заметить, что Токвиль подходил ко всему виденному и прочитанному с определенной схемой. Вследствие этого он подчас делал далеко

идущие выводы, слабо подтверждаемые фактами. Это не означает, конечно, что такая предвзятость отразилась на глубине его понимания фактов или на его редком пророческом даре. Напротив, непреходящая ценность его книги объясняется именно этими его качествами и его способностью одерживать верх над предвзятым мнением. Особое значение имело то, что он бросил трезвый и смелый взгляд на принцип равенства и обнаружил, что его последствия выходят далеко за пределы политической жизни. Он увидел, что одним из главных факторов стабильности американского Союза является мастерство, с которым на территории, равной почти целому континенту, создается единая экономическая система. Он осознал важность расширения границ страны и увидел в этом средство, препятствующее ограничению инициативы, то есть именно тому, что порождало недовольство и революции на таком давно сформировавшемся континенте, как Европа, где незыблемость классовых структур преграждала дорогу таланту.

17

С возрастанием богатства страны мелкие ремесленники постепенно вытесняются крупной промышленностью. Этот вывод, сделанный Токвилем из анализа американского капитализма, является одним из замечательных примеров провидческой интуиции XIX века. Наблюдая за ростом промышленности, основанной на разделении труда, он замечает: «...когда начинаешь рассматривать истоки явлений, кажется, что аристократия естественным образом зарождается в недрах самой демократии». Однако, по мнению Токвиля, при этом наблюдаются значительные и неизбежные различия. «Маленькие аристократические сообщества, формируемые определенными отраслями промышленности в недрах широкой демократии наших дней, состоят, подобно аристократическим обществам минувших времен, из нескольких очень богатых и множества очень бедных людей... Не только богатые не объединены прочно друг с другом, но можно сказать, что нет никакой истинной связи между богатыми и бедными. Они не скреплены навеки один с другим... В целом рабочий зависит от предпринимателя, но не от конкретного хозяина... Предприниматель ничего не требует от рабочего, кроме его труда, а рабочий ничего не ожидает от предпринимателя, кроме зарплаты. Первый не считает себя обязанным оказывать какое-либо покровительство, второй не считает нужным что-либо защищать; их не связывают постоянные взаимоотношения... Сформированная таким образом аристократия не может иметь большой власти над людьми,

которые на нее работают...

Промышленная аристократия наших дней... доведя до обнищания и отупения наемных рабочих, в периоды кризисов предоставляет заботу об их пропитании общественной благотворительности... Рабочий и хозяин общаются часто, но между ними не устанавливаются никакие подлинные взаимоотношения... Промышленная аристократия, набирающая силу на наших глазах, — одна из самых жестоких аристократий, когда-либо появлявшихся на земле... Именно в эту сторону друзья демократии должны постоянно обращать свои настороженные взоры, ибо если устойчивым привилегиям и власти аристократии когда-либо вновь суждено подчинить себе мир, то можно предсказать, что войдут они через эту дверь»[8].

Это высшее проявление пророческой интуиции Токвиля и, с точки зрения современного человека, самое замечательное. Однако это лишь один из многих, хотя, возможно, и один из самых ярких примеров применения его метода, который, с одной стороны, заключается в напряженной работе мысли, приводящей к выработке гипотезы, а с другой — в сопоставлении данной гипотезы с имеющимся фактическим материалом. В конечном счете, когда создается впечатление, что факты подтверждают гипотезу, эта последняя превращается в принцип, который предназначен не только отражать ситуацию в целом, но и служить руководством к действию. Читая книгу Токвиля, нельзя не заметить, что чем дальше, тем явственнее на первый план выступает главная цель автора — дать современникам руководство к действию. Он отправился в Америку, будучи убежден в том, что аристократия отжила свой век и постепенно вытесняется обществом, основной чертой которого станет, по-видимому, равенство условий существования людей. Поскольку во время путешествия по Америке он окончательно утвердился в этой мысли, он стремился описать природу общества, основанного на равенстве, и извлечь из этого описания пользу для Старого Света, в частности для Франции. Кроме того, я полагаю, что по мере продвижения работы над книгой, особенно после 1835 года, он почувствовал настоятельную необходимость предостеречь своих современников от стихийного столкновения между старыми и нарождающимися силами. В связи с этим нельзя не отметить, что все его значительные речи, произнесенные в палате депутатов после его избрания в этот орган, представляли собой попытку доказать, что невнимание к его предостережениям неизбежно приведет к катастрофе. Этот вывод представляется логичным, если, читая его книгу «Демократия в Америке», не забывать ни о его «Воспоминаниях»,

ни тем более о самых значительных его речах, произнесенных в палате накануне революции: ведь все они могут рассматриваться как приложения к его книге об Америке.

[8] Настоящее издание, с. 408.

V

Каковы убеждения Токвиля и где их истоки? В известном высказывании Руайе-Коллара, назвавшего Токвиля аристократом, смирившимся с поражением, есть некоторая правда, но, как и в любой колкости, только часть правды. Мы понимаем, что Токвиль не был демократом и едва ли его можно считать либералом в классическом смысле этого слова. Но нам также понятно, что его убеждения не были убеждениями истинного аристократа, иначе он не пытался бы в тех условиях войти в контакт с организациями, борющимися за равенство. Из его «Воспоминаний» явствует, что он не был социалистом и социалистические партии того времени не вызывали у него большого уважения.

Страстное увлечение идеей свободы превратилось в основную нить, из которой сотканы все перипетии его жизни. Стремление сохранить эту свободу как психологическую атмосферу для социального действия стало двигательной силой всей его деятельности. Он знал, что после 1789 года эта свобода перестала быть привилегией малочисленной аристократии, но он видел также, что ей грозит гибель от напора разношерстной массы, которая может уничтожить эту свободу, требуя конформизма во вред развитию отдельной личности. Он хотел во что бы то ни стало защитить индивидуальность каждой личности и с ясностью мыслителя, никогда не боявшегося противостоять самому худшему, признавал, что нарождающаяся цивилизация имеет тенденцию к уничтожению индивидуальности. Именно забота о защите свободы личности от навязываемого ей, по его мнению, эгалитарными принципами скучного однообразия подвигла Токвиля на этот серьезный шаг. Ему внушала страх власть условностей. Он боялся, как бы материальный комфорт не одержал верха над великой идеей, как бы деньги не стали оценочной шкалой для определения положения человека в обществе. Не менее его пугал и тот факт, что стремление к материальному благосостоянию может ускорить процесс разделения труда, который принесет на жертвенный алтарь

массового комфорта возможность для простого гражданина развивать в себе личность, способную взглянуть на жизнь более широко и спокойно, стремящуюся к развитию своих дарований не менее, чем к удовлетворению материальных потребностей.

Думаю, этим объясняется характер тех предостережений, подтверждение которым он так неутомимо искал всю жизнь. Именно поэтому он предпочитал представительную форму правления авторитарному режиму; при представительной форме правления можно надеяться, что «тирания большинства» не одержит верха. По этой же причине он непроизвольно верил, что демократическое общество нуждается в религии, чтобы уберечься от проникновения не имеющего границ материализма. Он снова и снова убеждался в важности децентрализации, поскольку с ее помощью социальная цель сообщества становилась активной частью личной жизни гражданина Его несокрушимая вера в свободу собраний и свободу слова связана с его защитительными речами в пользу децентрализации. Свобода собраний и свобода слова были для него гарантией спонтанных действий и средством против бюрократического внедрения одинаковости в обществе, которая в короткий срок может уничтожить человеческое достоинство. В Америке его восхищали вера людей в свои силы, уверенность в себе, тот пыл, который каждый проявлял, чтобы преуспеть. Американцы не соглашались с тезисом, что низкое положение человека соответствует естественному порядку вещей. Они в равной степени были против того, чтобы считать унизительным зарабатывать на жизнь физическим трудом, как и рассматривать рождение или наследство, не зависящие от выполняемых функций, дающими право их обладателю командовать другими. Токвиля восхищала легкость, с которой эти люди поднимались по социальной лестнице, их решимость свободно высказывать свое мнение, привычки, основой которых был опыт, их нежелание оставаться в плену традиций. Вместе с тем он отмечал, что это достигнуто дорогой ценой. Все, кто попал на государственный пост в результате всеобщего избирательного права, и прежде всего президент Соединенных Штатов, не должны задевать предрассудков обывателя. Сосредоточенность обывателей на достижении богатства мешала даже самым способным людям принимать участие в политической жизни и вела к умалению, обесцениванию амбициозных устремлений. Повышение всеобщего материального благосостояния не стимулировало высоких помыслов, а те, кто сохранял их, страдали оттого, что были вынуждены считаться с привычками толпы. Средний интеллектуальный уровень американцев можно считать сравнительно высоким, но мало в их среде было

ностей, сравнимых с вершинами в горной гряде. Это практичный народ, не очень склонный к размышлениям. Они мыслили категориями быстро получаемой прибыли, а не долгосрочными далекими свершениями. То, что они ценили, было под рукой, оно было прочным, осязаемым, его ценность выражалась в деньгах. Возможно, именно страсть к комфорту побуждала американцев к рискованному шагу — дать рождение промышленной аристократии, владеющей деньгами, огромной властью, но при этом ни в малейшей степени не отдающей себе отчета в ответственности, ложащейся на нее. Если бы такая аристократия появилась, жесткость ее законов была бы невыносимой; вероятно, возникла бы серьезная опасность гражданской войны, и тогда самые страшные трагедии Греции и Рима разыгрались бы на куда более обширной сцене, пока какой-нибудь новый Цезарь не положил бы конец мечте о свободе.

Когда по прошествии более ста лет обращаешься к философско-политическим взглядам Токвиля, понимаешь, что строились они в основном на интуиции. Его интуиция кажется тем более поразительной, если вспомнить, что он совершенно не понял джэксоновской революции; он не оценил важности политических партий; а самое главное — он не придал должного значения быстрому росту промышленности, следствием чего было стремительное развитие городских агломерации, на пороге которого стояла Америка. Не будет преувеличением сказать, что уже в то время, когда Токвиль писал свою книгу, описываемая им Америка быстро уходила в прошлое, многие, если не большинство тех, от кого он получал информацию, критиковали или высказывали серьезное сомнение по поводу процессов, важность которых отмечал Токвиль. Очень мало походили на демократов-эгалитаристов Джерид Спаркс, или Сгори, или Джон К.Спенсер, или Эдвард Эверетт. Для Токвиля — человека гордого, обладающего серьезным и даже меланхолическим характером, наделенного страстной натурой, честолюбивого, оказаться способным не только преодолеть влияние своей среды и своего воспитания, но отнестись непредвзято к описываемому им режиму, который был ему малосимпатичен и на который он не мог возлагать больших надежд, — это настоящий подвиг. Очень может быть, как утверждает Пирсон, что только небольшая часть его работы над книгой, в результате которой от наблюдений он приходил к выводам, была основана на научном методе. Большая часть, без сомнения,—результат интуиции, явившейся плодом

длительных и напряженных размышлений; однако очарование этой интуиции таково, что книгу «Демократия в Америке» относят к наиболее удачным и значительным социологическим трудам XIX века. Естественно вспомнить, что Токвиль, хотя и был человеком незаурядным, в своих исследованиях опирался на одну из основополагающих традиций социальной философии Франции XIX века. Это непростая традиция. Как уже давно было подмечено СентБёвом, она нашла отражение в романтическом движении той эпохи; известный критик мягко намекнул, что Токвиль — это «молодой человек, который мучался болью своего времени, терзался страданиями Вертера и Рене» [9]. И если в своей работе Токвиль использовал метод школы Гизо, он тем не менее сделал все возможное, чтобы изучение затронутых проблем не привело его к полному разрыву с прошлым. Он коснулся насущных проблем, но не решился на их более глубокое изучение. Особенно это относится к вопросам о месте собственности в государстве. То же самое следует сказать и о его стремлении примирить влияние религии и денежного мешка. Токвиль вел свое исследование добросовестно и осмысленно и все же никогда не признавал до конца невозможности примирить старый строй, распад которого ясно видел, с новым, в становлении которого не сомневался. Он презирал людей, подобных Тьеру, жаждой власти легко превращаемых в орудие новой плутократии при буржуазной монархии; вместе с тем он не стремился узнать и еще менее того хоть как-то понять народ, чьи страдания были платой, которую требовали богатства этой плутократии. Токвиль хотел, как он писал Миллю в 1841 году в письме, характерном для него, чтобы буржуазная Франция вела себя величественно; но, по его мнению, мораль буржуазной нации по природе своей не может поддерживать величие, которого он, Токвиль, от нее требовал. Токвиль хорошо понимал, что нищета народа и коррупция системы при Гизо непременно приведут к революции. Со всем откровением заявлял он об осознании народными массами того факта, что правительство недостойно оказываемого ему доверия. Немногие из его современников во Франции так ясно отдавали себе отчет в опасности, исходящей от бессовестной плутократии, и виде-

[9] Нуво лёнди. Париж, 1868, т. X, с. 291.

ли, какую цену придется заплатить в будущем тому обществу, в котором богатство и благосостояние правящих слоев строятся на притеснении и нищете трудящихся.

Сент-Бёву принадлежат следующие волнующие строки,

посвященные Токвилю: «Здесь мы прервем блестящего автора, тонкого и великодушного человека, и скажем ему: нет ничего более достойного уважения, чем желудок, нет более отчаянного крика, чем крик нищеты. Не столько с целью наслаждаться жизнью, сколько для того, чтобы просто жить, существовать, действует большинство людей — вот в чем суть проблемы, которая с виду не так благородна и не может превратиться в лозунг, однако от этого она не становится менее важной и менее святой»[10] . Сент-Бёв развивает дальше свою мысль и сравнивает проницательность Токвиля в 1848 году с проницательностью Прудона, «чистого пролетария», путь которого был необычайно труден, — у него не было преимуществ Токвиля. Сент-Бёв абсолютно прав, называя отношение Токвиля к демократии «браком по расчету, по необходимости, а не по любви». Даже прибегая к помощи религии, дабы привлечь внимание людей к духовным ценностям, Токвиль делал это скорее из страха перед равенством, источником демократии, чем из веры в возможности демократии воспитать массы. Он предполагал, что благодаря влиянию церкви можно спасти свободу от последствий равенства Свободу «умеренную и упорядоченную», как он ее охарактеризовал Монталамберу в 1852 году, которая, он надеялся, удержит народ на своем месте. Очень важно помнить, что государственный переворот Луи Наполеона Токвиль отверг с отвращением, а безжалостность Кавеньяка, разрушившего мечты, за которые народные массы боролись в Февральскую революцию, не вызвала у него никакого отвращения.

Из всего этого не следует, что Токвиль отчетливо видел угрозу, исходящую от узкобуржуазной общественной концепции, не оставляющей места для великих идей и, следовательно, для большой политики. Однако он всячески подчеркивал опасность власти масс, или, как он сам говорил, победы желудка над разумом и сердцем. На чем же, в сущности, строились взгляды Токвиля? Он враждебен индивидуализму в классическом смысле слова; к социализму относится скептически, это видно из его «Воспоминаний». Он понимает, что равенство неизбежно наступит, однако равенство без свободы будет нестерпимо. Не вызывает сомнений неприятие им любого авторитарного режима; но и развитие системы учреждений, способствующих активизации участия народа в государственном правлении, также вызывает у него беспокойство. Ему внушает страх авторитарный режим, при котором деньги становятся целью достижения власти, а должностные обязанности уходят на второй план. Не менее страшится он любого разделения труда, мешающего трудящимся выполнять свои гражданские обязанности и заставляющего их

мириться с положением простых подчиненных в обмен на доступ к материальным благам. Он презирал политиков-интриганов, таких, как Тьер. Не мог простить Луи Наполеону создание империи, уничтожившей свободу. Он одинаково ненавидел и анархию, и революцию; но особенное отвращение у него вызывали люди, равнодушные к жизни общества. Он понимал, «что так называемые необходимые учреждения нередко являются всего лишь привычными, а что касается социальных структур, то здесь возможное поле деятельности гораздо шире, чем представления о нем людей, живущих в любом человеческом обществе»[11]. Будучи аристократом по рождению, эгалитаристом по своим взаимоотношениям с людьми, Токвиль переживал постоянный внутренний разлад ума и сердца. Возвышенный и меланхоличный по характеру, он был очень честолюбивым человеком и страстно желал занимать высокий пост. Однако, как справедливо заметил Ж. П.Майер, он не мог желать власти ради самой власти; для него была неприемлема политическая философия Макиавелли и Гоббса. С его точки зрения, искусство править государством состоит прежде всего в умении помочь обществу, исполненному величия, глубоко осознать, что только свободному человеку доступно истинное чувство собственного достоинства. В Америке его особенно привлекло общественное устройство, там он наблюдал подлинное уважение свободы, сохранение которой было всегда так дорого его сердцу, хотя в этой стране равенство было осуществлено намного полнее, чем в какой-нибудь европейской стране. Когда яростный гнев не владел Токвилем — человеком, все переживающим остро, как это было после Февральской революции 1848 года, он испытывал уважение к

[10] Там же, с.317—318.

[11] *Ж.П.Майер.* Алексис де Токвиль. Париж, 1948, с. 147.

простым людям, и на основе этого чувства появились его социально-философские выводы. Нельзя лучше выразить его видение людей, чем это сделал он сам в письме от 3 января 1843 года одному из своих близких друзей Эжену Стоффелсу. «Люди, — писал он, — в общем-то, не являются ни очень хорошими, ни очень плохими; они средние... Человек со всеми своими пороками, слабостями, добродетелями, представляя собою некую смесь добра и зла, возвышенного и низменного, благородного и порочного, из всего, что есть на земле, наиболее достоин изучения, интереса и жалости, привязанности и восхищения; и поскольку ангелы не водятся среди нас, мы не найдем никого,

кроме себе подобных, кто был бы более велик и более достоин нашей преданности и нашей привязанности»[12]. Хорошее знание работ Токвиля убеждает в том, что в цитируемом отрывке из письма каждое слово употреблено во всей полноте его значения. Ему хотелось, чтобы целью политики был поиск добродетели, и он верил, что единственно прочная добродетель — та, что произрастет на почве свободы. С его точки зрения, любовь к свободе — позитивна. Она не должна означать только ненависть к рабству или тягу к тому материальному благополучию, которое она может предоставить. Она—сама по себе благо, которого нужно «добиваться упорно, невзирая ни на какие опасности и лишения». «Кто ищет в свободе, — писал он в книге «Старый режим и революция», — что-либо, кроме самой свободы, создан для рабства»[13].

Именно в таком духе написана книга «Демократия в Америке». Известное высказывание Берка: «Храм истины строят на возвышенности» — можно полностью отнести к Токвилю. В самом деле, его идеалы настолько выше принципов, которыми руководствовались те, с кем рядом он боролся, что нетрудно понять, почему он так часто чувствовал себя одиноким среди современников. Джон Стюарт Милл, его современник, и лорд Эктон, представитель следующего поколения, были, пожалуй, единственными, кто понимал Токвиля и разделял его идеи. Та подлинная страсть, с которой они защищали тот же идеал, что и он, порождалась, возможно, схожими причинами: нестабильностью, глубокими конфликтами, сильным недовольством, которое вызывали тогдашние институты власти. И хотя ни один из них не нашел ответа на поставленный вопрос, никто не усомнился в том, что нет поиска более необходимого, нет поиска, могущего вознаградить больше, завершись он успехом. Все искали новое общественное устройство. У всех было ощущение, что невозможно выжить в этом чудовищном мире. Именно в этот период передовыми умами завладевает философия социализма, ставившая целью найти путь к такой форме социального устройства, которое положит конец эксплуатации человека человеком. Книга «Демократия в Америке» замечательна тем, что показывает, какие усилия предпринял мыслитель, заботой которого было открыть в новом обществе нравственные принципы, с помощью которых можно перестроить, просветить и обновить старый мир. Даже предостережения, содержащиеся в книге, говорят об ее служении высокой цели, и это только одно из ее великих достоинств. Эта книга будет привлекать читателей до тех пор, пока люди будут понимать, что свобода, основанная на равенстве, — единственное средство, позволяющее отдельному

человеку приобщиться к непреходящим ценностям, накопленным человечеством.

Гарольд Дж. Ласки

[12]Тамже,с. 144.

[13]Там же.

Предисловие автора к Двенадцатому французскому изданию

Сколь бы значительными и неожиданными ни были события, стремительно происходившие на наших глазах, автор настоящего труда имеет полное право заявить, что они не застигли его врасплох. Когда я писал эту книгу пятнадцать лет тому назад, мною владела одна-единственная мысль — о близящемся неизбежном наступлении демократии во всем мире. Перечитайте мою работу, и вы на каждой странице встретите торжественные предуведомления о том, что Общество меняет свой облик, что человечество преобразует условия своего существования и что в недалеком будущем его ожидают перемены в судьбах.

Книгу предваряли следующие слова:

«Постепенное установление равенства есть предначертанная свыше неизбежность. Этот процесс отмечен следующими основными признаками: он носит всемирный, долговременный характер и с каждым днем все менее и менее зависит от воли людей; все события, как и все люди, способствуют его развитию. Благоразумно ли считать, что столь далеко зашедший социальный процесс может быть приостановлен усилиями одного поколения? Неужели кто-то полагает, что, уничтожив феодальную систему и победив королей, демократия отступит перед буржуазией и богачами? Остановится ли она теперь, когда она стала столь могучей, а ее противники столь слабы?»

Человек, который написал эти ставшие впоследствии пророческими строки в то время, когда Июльская революция не столько потрясла, сколько укрепила монархию, может сегодня без боязни вновь привлечь внимание читающей публики к своей работе.

Ему позволительно будет добавить к этому и то, что нынешние обстоятельства возбудили к его книге живейший интерес и придали ей практическое значение, которого она не имела при первом появлении.

Тогда существовала королевская власть. Сегодня она уничтожена. Американские политические институты, вызывавшие лишь любопытство в монархической Франции, должны стать предметом углубленного изучения во Франции республиканской. Новую власть укрепляют не только сила, но и хорошие законы. Вслед за воином приходит законодатель. Один разрушает, другой закладывает фундамент. У каждого своя работа. Речь уже идет не о том, будем ли мы Францией королевской или республиканской;

необходимо понять, будет ли эта Республика буйной или спокойной, упорядоченной или неупорядоченной, Республикой мирной или воинственной, либеральной или деспотической, той Республикой, которая угрожает священным правам собственности и семьи, или же Республикой, признающей и чтущей эти права. Чрезвычайно важная проблема, от решения которой будет зависеть судьба не только Франции, но и всего цивилизованного

мира. Если мы спасаем себя, мы тем самым спасаем все окружающие нас народы. Если мы губим себя, мы губим всех вместе с нами. В зависимости от того, создадим ли мы свободную демократию или же демократическую тиранию, станет изменяться и облик мира, и можно сказать, что сегодня мы решаем, будет ли Республика наконец провозглашена повсюду или же повсюду она будет уничтожена.

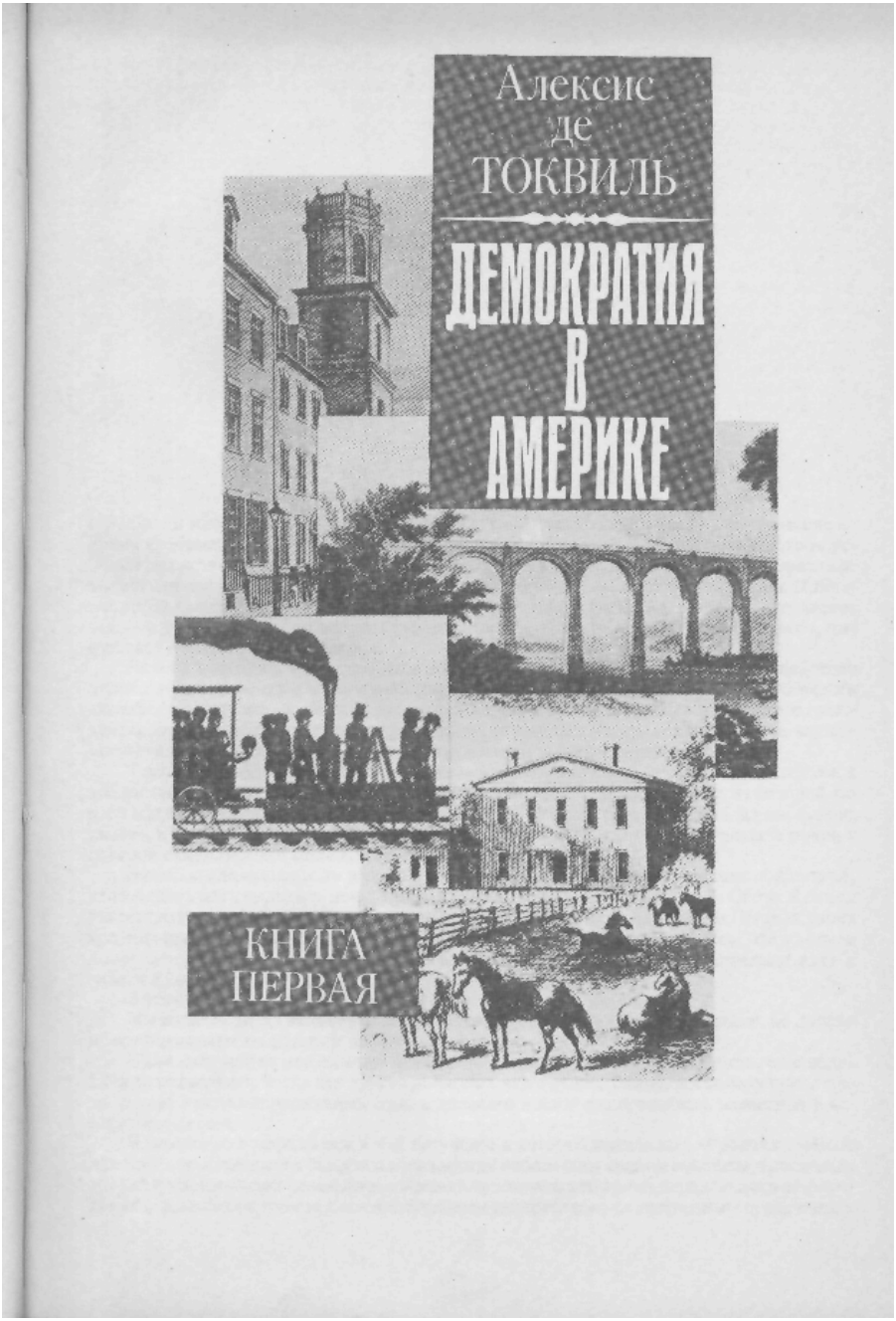
А ведь эту проблему, только что вставшую перед нами, Америка решила более шестидесяти лет тому назад. Суверенность прав народа, которую мы лишь вчера провозгласили верховным принципом государственности, безраздельно господствовала там в течение шестидесяти лет. Этот принцип был проведен американцами в жизнь самым прямым, безоговорочным и безусловным образом. В течение шестидесяти лет народ, сделавший этот принцип общим источником всех своих законов, беспрестанно рос числом, заселял новые территории, богател и, обратите внимание, в течение этого периода был не только самым преуспевающим из народов, но и жил в самом стабильном государстве на земле. Когда все нации Европы оказались опустошенными войной или истерзанными гражданскими раздорами, американцы были единственным народом во всем цивилизованном мире, сохранявшим полное спокойствие. Почти вся Европа содрогалась от революций, а Америка не знала даже волнений. Республика оказалась не возмутительницей порядка, но охранительницей прав людей. Индивидуальная собственность была у них лучше защищена гарантиями, чем в любой другой стране мира, и анархия, равно как и деспотизм были им неведомы.

Что еще способно в большей степени укрепить наши надежды и из чего мы сможем извлечь более полезные уроки? Обратив наши взоры на Америку, не станем, однако, рабски копировать те институты, которые она создала для себя, но лучше постараемся понять в ней то, что нам подходит, не столько заимствуя примеры, сколько просто набираясь ума, и уж если станем занимать, то сами принципы, а не частные детали их законов.

Законы Французской Республики во многих случаях могут и должны отличаться от тех, которые определяют жизнь Соединенных Штатов, но те принципы, на которых основывается законодательство американских штатов, принципы, обеспечивающие общественный порядок, разделение и уравновешивание власти, подлинную свободу, искреннее и глубокое уважение к закону, — эти принципы необходимы любой Республике, они должны быть общими для всех республиканских государств, и можно заранее предсказать, что там, где их не будет, Республика вскоре прекратит свое существование.

1848

Книга Первая

Введение

Среди множества новых предметов и явлений, привлекших к себе мое внимание во время пребывания в Соединенных Штатах, сильнее всего я был поражен равенством условий существования людей. Я без труда установил то огромное влияние, которое оказывает это первостепенное обстоятельство на все течение общественной жизни. Придавая определенное направление общественному мнению и законам страны, оно заставляет тех, кто управляет ею, признавать совершенно новые нормы, а тех, кем управляют, вынуждает обретать особые навыки.

Вскоре я осознал, что то же самое обстоятельство распространяет свое воздействие далеко за пределы сферы политических нравов и юридических норм и что его власть сказывается как на правительственном уровне, так и в равной мере в жизни самого гражданского общества; равенство создает мнения, порождает определенные чувства, внушает обычаи, модифицируя все то, что не вызывается им непосредственно.

Таким образом, по мере того как я занимался изучением американского общества, я все явственнее усматривал в равенстве условий исходную первопричину, из которой, по всей видимости, проистекало каждое конкретное явление общественной жизни американцев, и я постоянно обнаруживал ее перед собой в качестве той центральной точки, к которой сходились все мои наблюдения.

Затем, когда мысленным взором я обратился к нашему полушарию, мне показалось, что я и здесь могу выделить нечто подобное тому, что я наблюдал в Новом Свете. Я видел равенство условий, которое, не достигая здесь, в отличие от Соединенных Штатов, своих крайних пределов, ежедневно приближалось к ним. И мне представилось, что та самая демократия, которая господствовала в американском обществе, стремительно идет к власти в Европе.

В этот период у меня и созрела мысль написать данную книгу.

Мы живем в эпоху великой демократической революции; все ее замечают, но далеко не все оценивают ее сходным образом.

Одни считают ее модным новшеством и, рассматривая как случайность, еще надеются ее остановить, тогда как другие полагают, что она неодолима, поскольку представляется им в виде непрерывного, самого древнего и постоянного из всех известных в истории процессов.

Я мысленно возвращаюсь к той ситуации, в которой

находилась Франция семьсот лет тому назад: тогда она была поделена между небольшим числом семейств, владевших землей и управлявших населением. Право властвовать в то время передавалось от поколения к поколению вместе с наследственным имуществом; единственным средством, с

помощью которого люди воздействовали друг на друга, была сила; единственным источником могущества являлась земельная собственность.

В тот период, однако, стала складываться и быстро распространяться политическая власть духовенства. Ряды духовенства были доступны для всех: для бедных и богатых, для простолюдина и сеньора. Через Церковь равенство стало проникать внутрь правящих кругов, и человек, который был бы обречен влачить жалкое существование в вечном рабстве, став священником, занимал свое место среди дворян и часто восседал выше коронованных особ.

В связи с тем что со временем общество становилось более цивилизованным и устойчивым, между людьми стали возникать более сложные и более многочисленные связи. Люди начали ощущать потребность в гражданском законодательстве. Тогда появляются законоведы. Они покидают свои неприметные места за оградой в залах судебных заседаний и пыльные клетушки судебных канцелярий и идут заседать в королевские советы, где сидят бок о бок с феодальными баронами, облаченными в горностаевые мантии и доспехи.

В то время как короли губят себя, стремясь осуществить свои грандиозные замыслы, а дворяне истощают свои силы в междуусобных войнах, простолюдины обогащаются, занимаясь торговлей. Начинает ощущаться влияние денег на государственные дела Торговля становится новым источником обретения могущества, и финансисты превращаются в политическую силу, которую презирают, но которой льстят.

Мало-помалу распространяется просвещенность; пробуждается интерес к литературе и искусству; ум становится одним из необходимых условий успеха; знания используются в качестве средства управления, а интеллект обретает статус социальной силы; просвещенные люди получают доступ к делам государства.

По мере того как открываются новые пути, ведущие к власти, происхождение человека теряет свое значение. В XI веке знатность считалась бесценным даром. В XIII веке ее уже можно было купить. Первый случай возведения в дворянство имел место

в 1270 году, и равенство наконец проникло в сферу власть имущих с помощью самой аристократии.

В течение минувших семисот лет иногда случалось так, что дворяне, сражаясь против авторитета королевской власти или соперничая между собой, предоставляли народу возможность пользоваться значительным политическим влиянием.

А еще чаще мы видим, как короли открывали доступ в правительство представителям низших классов с целью унизить аристократию.

Во Франции короли играли роль самых активных и самых последовательных уравнителей. Когда они бывали честолюбивыми и сильными, они старались поднять народ до уровня дворянства; будучи же сдержанными и слабыми, они позволяли народу самому брать над ними верх. Одни из них помогали демократии своими дарованиями, другие — своими недостатками. Людовик XI и Людовик XIV заботились о том, чтобы у трона не было никаких соперников, уравнивая подданных сверху, а Людовик XV в конце концов сам со всем своим двором дошел до полного ничтожества.

С того времени как граждане получили право землевладения не только на условиях ленной зависимости и накапливаемые ими движимое имущество и состояния в свою очередь стали придавать владельцам общественный вес и открывать им доступ к власти, любые изобретения в области ремесел и любые усовершенствования в торговле и промышленности не могли одновременно не порождать новых факторов, способствовавших упрочению равенства людей. Начиная с этого момента все технологические открытия, все вновь рождающиеся потребности и все желания, требующие удовлетворения, становятся этапами пути, ведущего ко всеобщему уравниванию. Стремление к роскоши, любовь к войне, власть моды — все самые мимолетные, как и самые глубокие страсти человеческого сердца, казалось, объединились для того, чтобы сообща способствовать обнищанию богатых и обогащению бедных.

С тех пор как работа интеллекта превратилась в источник силы и богатства, все развитие науки, все новые знания, всякую новую идею можно рассматривать в качестве зародыша будущего могущества, вполне доступного для народа. Поэтическая одаренность, красноречие, цепкость памяти, светлый ум, огонь воображения, глубина мысли — все эти дары, розданные небесами наугад, приносили пользу демократии даже тогда, когда ими овладевали ее противники, они все равно работали на демократию, наглядно

воплощая идею природного величия человека. Таким образом, торжество цивилизации и просвещения одновременно знаменовало собой победоносное шествие демократии, а литература была открытым для всех арсеналом, где слабые и бедные ежедневно подбирали для себя оружие.

Когда пробегаешь глазами страницы нашей истории, в ней трудно встретить скольлибо значительные события, происходившие в течение последних семисот лет, которые не сыграли бы своей благотворной роли для установления равенства.

Крестовые походы и войны с Англией опустошают ряды дворянства и приводят к разделу их земельных владений; институт городских коммунальных советов внедряет практику демократической свободы в самой цитадели феодальной монархии; изобретение огнестрельного оружия уравнивает простолюдина с дворянином на полях сражений; изобретение книгопечатания обеспечивает равные возможности для умственного развития людей; созданная почтовая служба доставляет средства просвещения как к порогу хижины бедняка, так и к парадным дворцов. Протестантизм утверждает, что все люди в равной мере способны найти путь, ведущий на небеса. Америка со времени ее открытия предоставляет людям тысячу новых способов сколачивать состояния, позволяя даже никому не известным авантюристам обретать богатство и власть.

Если вы станете рассматривать с интервалом в пятьдесят лет все то, что происходило во Франции начиная с XI века, вы не преминете заметить в конце каждого из этих периодов, что в общественном устройстве совершалась двойная революция: дворянин оказывался стоящим на более низкой ступени социальной лестницы, а простолюдин — на более высокой. Один опускается, а другой поднимается. По истечении каждой половины столетия они сближаются и скоро соприкоснутся.

И этот процесс показателен не только для Франции. Куда бы мы ни кинули наши взоры, мы увидим все ту же революцию, происходящую во всем христианском мире.

Повсеместно самые различные события, случающиеся в жизни народов, оказываются на руку демократии. Все люди помогают ей своими усилиями: и те, кто сознательно содействует ее успеху, и те, кто и не думает служить ей, равно как и люди, сражающиеся за демократию, а также люди, провозгласившие себя ее врагами. Все они бредут вперемешку, подталкиваемые в одном направлении, и все сообща трудятся на нее: одни —против своей воли, а другие — даже не осознавая этого, будучи слепыми

орудиями в руках Господа.

Таким образом, постепенное установление равенства условий есть предначертанная свыше неизбежность. Этот процесс отмечен следующими основными признаками: он носит всемирный, долговременный характер и с каждым днем все менее и менее зависит от воли людей; все события, как и все люди, способствуют его развитию.

Благоразумно ли считать, что столь далеко зашедший социальный процесс может быть приостановлен усилиями одного поколения? Неужели кто-то полагает, что, уничтожив феодальную систему и победив королей, демократия отступит перед буржуазией и богачами? Остановится ли она теперь, когда она стала столь могучей, а ее противники столь слабы?

Итак, куда же мы идем? Никто не может сказать, ибо нам уже не с чем сравнивать нашу современность: условия существования людей в христианских нациях в настоящее время стали более равными, чем они бывали когда-либо в какой-либо стране мира. Поэтому уже достигнутая нами ступень величия не дает возможности предвидеть то, что еще может свершиться.

Вся эта предлагаемая вниманию читателей книга была целиком написана в состоянии своего рода священного трепета, охватившего душу автора при виде этой неудержимой революции, наступающей в течение столь многих веков, преодолевающей любые преграды и даже сегодня продолжающей идти вперед сквозь произведенные ею разрушения.

Богу вовсе не нужно возвышать свой собственный глас для того, чтобы мы обнаружили верные приметы его воли. Для этого нам достаточно наблюдать за привычными природными процессами и улавливать постоянно действующую тенденцию развития событий. Даже не слыша гласа Творца, я знаю, что звезды движутся в небесном пространстве по тем орбитам, которые были начертаны его перстом.

Если долговременное наблюдение и непредвзятые размышления привели в настоящее время людей к признанию того, что прошлое и будущее нашей истории в равной мере определяются постепенным, последовательным наступлением равенства, одно это открытие уже придает данному процессу священный характер событий, предопределенных волей верховного Владыки. Желание сдержать развитие демократии, следовательно, представляется борьбой против самого Господа, и народам не остается ничего другого, кроме как приспосабливаться к тому общественному устройству, которое

навязывается им Провидением.

То состояние, в котором в данное время находятся христианские народы, как мне кажется, являет собой ужасающее зрелище; течение, захватившее их, уже достаточно сильно для того, чтобы невозможно было его остановить, но еще не слишком стремительно и им еще можно как-то управлять: судьба народов находится в их собственных руках, но вскоре она станет им неподвластна.

Обучать людей демократии, возрождать, насколько это возможно, демократические идеалы, очищать нравы, регулировать демократические движения, постепенно приобщать граждан к делам управления государством, избавляя их от неопытности в этих вопросах и вытесняя их слепые инстинкты осознанием своих подлинных интересов; изменять систему правления сообразно времени и месту, приводя ее в соответствие с обстоятельствами и реальными людьми, — таковы важнейшие из обязанностей, налагаемые в наши дни на тех, кто управляет обществом.

Совершенно новому миру необходимы новые политические знания.

Но именно об этом мы почти не задумываемся: оказавшись на стремнине быстрой реки, мы упрямо не спускаем глаз с тех нескольких развалин, что еще видны на берегу, тогда как поток увлекает нас к той бездне, что находится у нас за спиной.

Ни у одного из народов Европы та великая социальная революция, о которой я намерен писать, не протекала столь стремительно, как у нас, однако она всегда шла здесь наугад.

Главы нашего государства никогда не думали о том, чтобы подготовиться к ней заблаговременно; она совершалась вопреки их воле или же без их ведома. Самые могущественные, самые интеллектуально и нравственно развитые классы не пытались овладеть ею с тем, чтобы ее направлять. Поэтому демократия была предоставлена власти диких инстинктов; она выросла, как те дети, лишенные родительской заботы, которые воспитываются на улицах наших городов, узнавая только пороки и убожество общества. Ее существование, по-видимому, еще не вполне осознается людьми, как вдруг она неожиданно захватывает власть. Тогда каждый раболепно стремится исполнить малейшее ее желание; ей поклоняются как воплощению силы; затем, когда она слабеет из-за собственной невоздержанности, законодатели начинают обдумывать неблагоразумные проекты ее уничтожения, вместо того чтобы попытаться наставить и исправить ее, и, не желая преподавать ей науку управления, они помышляют лишь о том, как бы отстранить ее от власти.

В результате в жизни общества происходит демократическая революция, не сопровождаемая при этом тем преобразованием законов, идей, обычаев и нравов, которое необходимо для достижения целей данной революции. Таким образом, мы получили демократию, не имея того, что должно смягчать ее недостатки и подчеркивать ее естественные преимущества, и, уже изведав приносимое ею зло, мы еще не знаем того добра, которое она должна дать.

Когда королевская власть, поддерживаемая аристократией, мирно управляла народами Европы, общество, несмотря на все свои лишения, чувствовало себя счастливым в такие моменты, которые с трудом можно понять и оценить в наши дни.

Могущество отдельных подданных играло роль неодолимой преграды, мешающей государю становиться тираном, и короли, к тому же чувствуя, что в глазах толпы они обрели почти божественные атрибуты, находили в том самом уважении, которое они вызывали, поддержку своему желанию не злоупотреблять собственной властью.

Сохраняя огромную дистанцию между собой и народом, вельможи тем не менее проявляли к его судьбе такую же доброжелательную, спокойную заинтересованность, с какой пастух относится к своему стаду, и, не считая бедняков себе ровней, они рассматривали заботу об их участи как обязанность, возложенную на господ самим Провидением.

Не представляя себе какого-либо иного общественного устройства и не мечтая вообще о возможности когда-либо стать равным со своими начальниками, народ принимал их благодеяния и не обсуждал их права. Он любил их тогда, когда они оказывались милосердными и справедливыми, и без ропота, не испытывая низменных чувств, подчинялся их суровости как неизбежному злу, посылаемому ему десницей самого Господа. Обычаи и нравы, кроме того, в определенной степени ограничивали тиранию, утвердив своего рода законность в мире, основанном на насилии.

Поскольку дворянину и в голову не приходила мысль о том, что кто-то захочет вырвать у него те привилегии, которые он считал принадлежащими ему по закону, и поскольку крепостной рассматривал свое более низкое положение как проявление незыблемости порядка вещей, можно представить себе, что между этими двумя классами, наделенными столь различными судьбами, могла устанавливаться своего рода взаимная благожелательность. В те времена общество знало неравенство и

лишения, но души людей не были испорченными.

Людей развращает не сама власть как таковая и не привычка к покорности, а употребление той власти, которую они считают незаконной, и покорность тем правителям, которых они воспринимают как узурпаторов и угнетателей.

Одним принадлежало все: богатство, сила, свободное время, позволявшее им стремиться к утонченной роскоши, совершенствовать свой вкус, наслаждаться духовностью и культивировать искусство; тяжелый труд, грубость и невежество были уделом других.

Однако в этой невежественной и грубой толпе встречались люди, обладавшие живыми страстями, великодушными чувствами, глубокими убеждениями и природной доблестью.

Подобным образом организованное общество могло быть устойчивым, могущественным и, что особенно характерно, стремящимся к славе.

Но вот различия по чину начинают терять четкость, высокие барьеры между людьми становятся ниже; поместья дробятся, власть переходит в руки многих, распространяется образованность, и интеллектуальные способности людей уравниваются. Социальное устройство становится демократическим, и демократия в конечном счете мирно утверждает свое влияние на политические институты и общественные нравы.

В данной связи я вполне представляю себе такое общество, в котором каждый, относясь к закону как к своему личному делу, любил бы его и подчинялся бы ему без труда; где власть правительства, не будучи обожествляемой, пользовалась бы уважением в качестве земной необходимости; где любовь, питаемая людьми к главе государства, была бы не страстью, а разумным, спокойным чувством. Когда каждый человек наделен правами и уверен в неотъемлемости этих прав, между всеми классами общества может установиться мужественное доверие и своего рода взаимная благосклонность, не имеющая равным образом ничего общего ни с чувством гордыни, ни с низкопоклонством.

Осознав свои истинные интересы, народ понял бы, что для наслаждения теми благами, которые дает общество, ему необходимо принять возложенные на него обязанности. Свободная ассоциация граждан в этом случае могла бы играть роль могущественных вельмож, защищая государство и от опасности тирании, и от угрозы вседозволенности.

Я понимаю, что в подобным образом устроенном демократическом государстве общество не станет неподвижным,

но движение внутри его социальной ткани может быть отмечено упорядоченностью и поступательностью. Если в таком обществе и будет меньше блеска славы, чем в аристократии, то оно все же не будет знать столь крайней нужды; наслаждения в нем станут более умеренными, а благосостояние — более доступным; знания людей будут менее обширными, но и невежество станет менее распространенным; чувства утратят свою силу, но манера поведения станет более сглаженной; пороки и недостатки будут чаще встречаться среди людей, но преступность станет более редким явлением.

Вместо прежнего энтузиазма и страстности убеждений просвещенность и опытность граждан будут подчас побуждать их идти на великие жертвы. Поскольку всякий человек, в равной мере чувствуя свою слабость и потребность в себе подобных, поймет, что он получит их поддержку только при условии, что сам будет готов оказывать им

помощь, граждане без труда осознают, что их личные интересы прочно связаны с интересами общественными.

Такая нация, говоря в целом, будет менее блистательной, менее прославленной и, возможно, менее сильной, но большинство ее граждан будут процветать, и народ обнаружит миролюбие своего нрава не по причине того, что он отчаялся добиться для себя лучшей доли, но потому, что осознал, как хорошо ему живется.

Хотя в подобном порядке вещей отнюдь не все было бы хорошим и полезным, общество по крайней мере могло бы заимствовать из него все то, что представляет интерес и пользу, и люди, навсегда отказываясь от тех социальных преимуществ, которые порождались аристократическим устройством, взяли бы у демократии все то хорошее, что она может им предложить.

А мы, избавляясь от социального устройства, доставшегося нам от предков, и беспорядочно отметая прочь их политические институты, их идеи и нравы, — что мы взяли взамен?

Престиж королевской власти исчез, но сама она не была замещена его величеством законом; в наши дни народ презирает власть, но боится ее, и благодаря этому она может вытянуть из него больше, чем могла в былые времена, когда он относился к ней с уважением и любовью.

Я замечаю, что мы уничтожили могущество определенных личностей, способных по отдельности сражаться против тирании, но я вижу, что правительство оказалось единственным наследником всех тех прерогатив, которые были отняты у

семейных кланов, корпораций и частных лиц. Таким образом, гнетущая порой, но часто охранительная сила небольшого числа граждан была заменена беспомощностью всех.

Раздробление состояний уменьшило дистанцию, отделяющую бедняка от богача, но, сближаясь, они, по-видимому, обнаруживают все новые и новые причины, заставляющие их питать взаимную ненависть, и, бросая друг на друга взгляды, полные страха и зависти, они отталкивают один другого от власти. Как для одного, так и для другого идея права еще не существует, и обоим сила представляется единственным веским аргументом, имеющимся у них в настоящее время, а также единственной гарантией будущего.

Бедняк унаследовал большую часть предрассудков своих отцов, утратив их убеждения; он столь же невежествен, но лишен их добродетелей. В качестве основы своих действий он принял доктрину личного интереса, не понимая должным образом этого учения, и его эгоизм ныне носит столь же непросвещенный характер, как и прежняя преданность бедняков своим господам, готовых жертвовать собственными интересами.

Общество сохраняет спокойствие, но не потому, что оно осознает свою силу и свое благополучие, а, напротив, потому, что оно считает себя слабым и немощным; оно боится, что любое усилие может стоить ему жизни: всякий человек ощущает неблагополучие общественного состояния, но никто не обладает необходимыми мужеством и энергией, чтобы добиваться его улучшения. Желания, сожаления, огорчения и радости людей не создают ничего ощутимого и прочного, подобно тому как страсти стариков приводят их лишь к бессилию.

Таким образом, отказавшись от всего того блага, которое могло содержаться в старом общественном устройстве, и не приобретя ничего полезного из того, что можно было бы получить в нашем нынешнем положении, мы, любуясь собой, остановились посреди руин старого режима и, видимо, желаем остаться здесь навсегда.

Не менее прискорбная ситуация наблюдается и в духовной жизни общества.

Демократия Франции, которую то сдерживали в ее продвижении, то бросали на произвол судьбы, делая игралищем своих необузданных страстей, опрокинула все, что только попалось ей на пути, и расшатала то, что она не сумела уничтожить. Она не завоевывала общество постепенно с целью мирного установления своей власти; напротив, она беспрестанно продвигалась вперед, порождая беспорядки и грохот сражений. В пылу борьбы каждый человек, побуждаемый экстремизмом

суждений и высказываний своих противников, склонен перешагивать естественные границы собственных убеждений, теряя из виду сам предмет своих исканий и пользуясь языком, плохо выражающим его подлинные чувства и тайные движения души.

32

Отсюда проистекает то странное смятение умов, наблюдать которое мы ныне принуждены.

Я напрасно напрягаю свою память, не находя в ней ничего, что заслуживало бы большей печали и жалости, чем то, что происходит на наших глазах. Начинает казаться, что в наши дни распалась естественная связь между воззрениями и склонностями людей, между их поступками и убеждениями. Наблюдавшееся во все времена гармоническое соответствие между человеческими чувствами и идеями представляется уничтоженным, и создается впечатление, что все законы нравственной сообразности упразднены.

Среди нас еще встречаются ревностные христиане, чьи души любят подкреплять свою религиозную веру истинами загробной жизни, христиане, которые, без сомнения, с благосклонным воодушевлением поддержат идею человеческой свободы как источника всякого нравственного величия. Христианство, провозгласившее равенство всех людей перед Господом, не должно отвращать лицезрение картины равенства всех граждан перед законом. По странному стечению обстоятельств, однако, религия в данный момент находится в союзе с теми силами, которые ниспровергаются демократией, и потому религии часто приходится отвергать любезное ее сердцу равенство и проклинать свободу как своего врага, тогда как, взяв ее за руку, она могла бы благословить ее во всех ее устремлениях. Рядом с подобными набожными людьми я вижу других, взоры которых устремлены не столько к небу, сколько к земле. Это — поборники свободы, они отстаивают ее не только потому, что видят в ней источник наивысшего человеческого благородства и доблести, но в особенности потому, что рассматривают ее как средство обретения максимальных выгод. Они искренне хотят помочь ей утвердить свою власть для того, чтобы люди вкусили ее блага. Я считаю, что этим последним следовало бы в спешном порядке обратиться за помощью к религии, ибо они должны знать, что царства свободы нельзя достичь без господства нравственности, так же как нельзя сделать нравственным общество, лишенное веры. Но они видели верующих в рядах своих противников, и этого достаточно, чтобы одни нападали на религию, а другие не

осмеливались ее защищать.

В минувшие столетия низкие, продажные души превозносили рабство, тогда как независимые благородные сердца вели безнадежную борьбу за спасение человеческой свободы. В наши дни, однако, часто бывает так, что люди, наделенные природным благородством и отвагой, придерживаются убеждений, прямо противоположных их собственным склонностям, восхваляя то низкопоклонство и ту душевную низость, которых они сами никогда не ведали. Иные же, напротив, говорят о свободе так, словно они лично смогли ощутить ее святость и величие, и шумно требуют соблюдения тех прав человека, которых они сами никогда не признавали.

Я вижу также добродетельных и кротких людей, моральная чистота и мирный нрав, зажиточность и образованность которых делают их естественными лидерами той округи, в которой они проживают. Питая искреннюю любовь к отчизне, они готовы ради нее идти на великие жертвы; тем не менее цивилизация часто имеет в их лице своих противников. Они смешивают ее недостатки с ее достоинствами, и в их сознании идея зла неразрывно связана с идеей нововведений.

Рядом с этими я вижу других, тех, кто, пытаясь во имя прогресса сделать людей материалистами, хочет найти пользу, не обременяя себя заботами о справедливости, науку, свободную от религиозных убеждений, и благосостояние, обособленное от добродетели. Эти люди называют себя борцами за современную цивилизацию и часто становятся ее вождями, захватывая освободившиеся места, которых они совершенно недостойны.

Итак, что же с нами происходит?

Верующие сражаются против свободы, а друзья свободы нападают на религию; благородные, великодушные люди превозносят рабство, а души низменные и угодливые ратуют за независимость; честные и просвещенные граждане становятся врагами всякого прогресса, тогда как люди, лишенные нравственности и чувства патриотизма, объявляют себя апостолами цивилизации и просвещения!

Не происходило ли нечто подобное во все времена? Всегда ли люди, как в наши дни, имели перед глазами мир, начисто лишенный всякой логики, мир, где добродетель бездарна, а талант бесчестен, где любовь к порядку неотличима от тиранических наклонностей, а святой культ свободы — от пренебрежительного отношения к законности, где

совесть отбрасывает лишь неверный отсвет на поступки

людей, где ничто более не представляется ни запрещенным, ни разрешенным, ни порядочным, ни позорным, ни истинным, ни ложным?

Должен ли я полагать, что Творец создал человека только для того, чтобы позволить ему до конца своих дней сражаться с той нищетой духа, которая нас окружает? Я не могу в это поверить: Господь уготовил европейским народам более прочное и более спокойное будущее. Я не знаю его замыслов, но я не перестану в это верить только потому, что не могу их постичь, и я предпочту усомниться в моих собственных умственных способностях, нежели в его справедливости.

В мире есть одна страна, где та великая социальная революция, о которой я говорю, по-видимому, почти достигла естественных пределов своего развития. Она совершалась там простым и легким способом, или, вернее сказать, эта страна пользуется результатами той демократической революции, которая происходит у нас, не изведав самого революционного переворота.

Иммигранты, обосновавшиеся в Америке в начале XVII века, каким-то образом смогли отделить демократические принципы от всего того, против чего они боролись в недрах старого общества Европы, и сумели перевезти эти принципы на берега Нового Света. Там, произрастая свободно, в гармоническом соответствии с нравами, эти принципы мирно развивались под сенью законов.

Мне представляется, что мы, без сомнения, подобно американцам, рано или поздно достигнем почти полного равенства условий существования людей. На этом основании я отнюдь не прихожу к заключению, что в один прекрасный день мы с неизбежностью будем вынуждены признать все те же самые политические выводы, которые в сходной общественной ситуации были сделаны американцами. Я весьма далек от мысли, что они нашли ту единственную форму правления, которая только и может быть создана демократией; вполне достаточно и того, что в обеих странах законы и нравы определяются одной и той же исходной первопричиной, и мы поэтому с глубоким интересом должны следить за тем, что же именно она порождает в каждой из этих стран.

Поэтому я исследовал Америку не только для того, чтобы удовлетворить свое вполне законное любопытство, но и хотел извлечь из этого те полезные уроки, которые могли бы нам пригодиться. Представление о том, будто я намеревался написать панегирик, — ничем не обоснованное заблуждение; любой человек, который станет читать эту книгу, сможет полностью удостовериться, что ничего подобного у меня и в мыслях не было.

Не собирался я также превозносить и формы их государственного правления как таковые, ибо лично я принадлежу к числу людей, считающих, что законы почти никогда не являются абсолютно совершенными. Я даже считаю, что не вправе предлагать свои суждения относительно того, несет ли социальная революция, наступление которой мне представляется неотвратимым, добро или же зло всему человечеству. Я принимаю эту революцию как факт, уже свершившийся или готовый вот-вот свершиться, и из всех народов, испытавших ее потрясения, я выбрал тот, у которого процессы ее развития протекали самым мирным путем и достигли при этом наивысшей степени завершенности, с тем чтобы внимательно рассмотреть ее закономерные последствия и, насколько это возможно, изыскать средства, с помощью которых из нее можно было бы извлечь пользу для людей. Я признаю, что в Америке я видел не просто Америку: я искал в ней образ самой демократии, ее основные свойства и черты характера, ее предрассудки и страсти. Я хотел постичь ее с тем, чтобы мы по крайней мере знали, что от нее можно ожидать и чего следует опасаться.

Поэтому в первой части данной работы я попытался показать, какое направление естественным образом принимает законотворческая деятельность демократии, почти бесконтрольно предоставленная в Америке своим страстям и своим инстинктам, какие процессы она вызывает в органах государственного управления, а также показать в целом, сколь огромную власть она обретает в области политики. Я хотел узнать, что хорошее и что плохое порождается демократией. Я внимательно исследовал, к каким мерам предосторожности прибегали американцы с тем, чтобы ею руководить, а какими мерами они пренебрегали, и я попытался установить, какие условия позволяют демократии управлять обществом.

Во второй части данной работы я хотел живописать то влияние, которое равенство условий жизнедеятельности людей и господство демократии оказывают на гражданское состояние американского общества: на его обычаи, идеи и нравы. Однако со временем я почувствовал, что тот пыл, с коим я принялся за осуществление этого замысла, стал во мне охлаждаться. Прежде чем я смогу выполнить поставленную перед самим собой задачу, моя работа окажется почти бесполезной. Другой автор вскоре должен представить читателям изображение основных черт американского характера и, окутав картину на весьма серьезную тему легкой вуалью, придать истине такое очарование, которого я

никогда не сумел бы достичь [1].

Я не знаю, удалось ли мне доходчиво изложить то, что я видел в Америке, но я искренне желал этого и сознательно никогда не поддавался искушению подгонять факты к идеям, вместо того чтобы подчинять сами идеи фактам.

Когда какое-либо положение могло быть подтверждено документами, я старался прибегать к помощи подлинных текстов, а также к наиболее достоверным и авторитетным трудам[2]. В примечаниях я даю ссылки на свои источники, и каждый может их проверить. Когда речь заходила о взглядах, политических традициях и нравах, я пытался советоваться с самыми осведомленными людьми. В наиболее важных или сомнительных случаях я не удовлетворялся показаниями одного свидетеля, но принимал решения не иначе, как основываясь на данных, предоставленных множеством свидетелей.

Здесь необходимо, чтобы читатель поверил мне на слово. В поддержку собственных высказываний я часто мог бы ссылаться на известные авторитеты или же по крайней мере на имена людей, вполне заслуживающих известности, но я сознательно воздерживался от этого. В гостиной чужеземец нередко узнает от хозяина дома столь важные истины, что ими, быть может, человек не стал бы делиться даже со своими друзьями; с гостем можно облегчить душу, отказавшись от вынужденного молчания и не опасаясь его бестактности из-за кратковременности его пребывания. Выслушивая все эти откровения, я тотчас же их записывал, но они навсегда останутся среди моих бумаг; я скорее предпочту, чтобы пострадало качество моего изложения, чем пополню собой список имен тех путешественников, которые расплачивались за оказанное им великодушное гостеприимство тем, что огорчали своих хозяев, ставя их в неловкое положение.

Я знаю, что, несмотря на все мои старания, раскритиковать эту книгу будет проще всего, если кому-то захочется это сделать.

Внимательный читатель, я полагаю, обнаружит в работе одну основную мысль, связующую, если можно так выразиться, все ее части между собой. Однако темы, освещаемые в книге, столь разнообразны и многочисленны, что человек, вознамерившийся найти противоречия между каким-либо отдельным фактом и всей совокупностью приводимых мною фактов, между отдельной мыслью и всем комплексом идей, преуспеет в этом без труда. Поэтому мне хотелось бы, чтобы мою работу читали с тем же настроением, с которым она писалась, и чтобы эту книгу оценивали лишь по тому общему впечатлению,

[1] В то время когда я опубликовал первое издание данной работы, господин Гюстав де Бомон, мой напарник по

путешествию в Америку, еще продолжал трудиться над своей книгой, которая называлась «Мери, или Рабство в Соединенных Штатах» и которая затем была издана. Главной своей задачей господин де Бомон считал необходимость привлечь общественное внимание к рабству, подчеркнув бедственное положение негров в лоне англоамериканского общества. Его сочинение представило в новом, ярком свете феномен рабства — жизненно важную для объединенной республики проблему. Быть может, я ошибаюсь, но мне кажется, что книга господина де Бомона, вызвав живой отклик среди тех читателей, которые искали в ней источник сильных эмоций и наглядности изображения, должна также обрести более солидную и прочную репутацию в кругу тех читателей, которые выше всего ценят искренность суждений и глубину постижения истины. —*Здесь и далее прим, автора.*

[2] Я всегда с благодарностью буду вспоминать ту любезность, с которой мне была предоставлена возможность пользоваться документами законодательных и исполнительных органов страны. Из числа американских государственных деятелей мне особенно хотелось бы поблагодарить господина Эдварда Ливингстона, тогда занимавшего пост государственного секретаря (ныне чрезвычайного и полномочного посла США в Париже). Во время моего пребывания в американской столице господин Ливингстон благосклонно передал мне большую часть документов, освещающих деятельность федерального правительства, которые имеются вмоем распоряжении. Господин Ливингстон принадлежит к числу тех редких людей, чьи собственные сочинения вызывают у нас такую симпатию, что мы восхищаемся ими и питаем к ним уважение прежде, чем получаем возможность лично познакомиться с ними. Осознание того, что ты должен испытывать чувства признательности к такому человеку, доставляет подлинное наслаждение.

которое она оставляет, ибо я сам приходил к тем или иным суждениям, основываясь не на отдельных доводах, а на их сумме.

Не следует также забывать, что автор, желающий быть понятым, должен выявлять все теоретические последствия, вытекающие из каждой его идеи, часто доводя их до границ невероятного и неосуществимого, так как если в практической деятельности иногда необходимо отказываться от законов логики, то в процессе общения сделать это невозможно, и люди обнаруживают, что им почти столь же трудно быть непоследовательными в словах, как быть последовательными в своих поступках.

В заключение мне хотелось бы самому привлечь внимание читающей публики к тому обстоятельству, которое многими будет рассматриваться в качестве основного недостатка данной работы. Эта книга не рассчитана на вкусы тех или иных конкретных людей; работая над ней, я не намеревался ни служить какой-либо из партий, ни сражаться с оной; не культивируя свое особое мнение, я постарался заглянуть дальше, чем это делают приверженцы различных партий: их интересует лишь завтрашний день, тогда как мне хотелось задуматься о будущем.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I. ВНЕШНИЕ ОЧЕРТАНИЯ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

Две обширные территории, образующие Северную Америку: одна простирается к полюсу, другая — к экватору. — Долина реки Миссисипи. — Следы земных катаклизмов. — Побережье Атлантического океана, где возникли первые колонии. — Различия между Южной и Северной Америкой в эпоху их открытия. — Леса Северной Америки. — Прерии. — Кочевые племена туземцев. — Их наружность, нравы и языки. — Следы неизвестного народа.

Внешние очертания Северной Америки отмечены некоторым своеобразием, что невольно бросается в глаза.

В расположении земель и вод, гор и долин ощущается какая-то целенаправленность, какой-то логический порядок. Даже в путанице предметов и явлений окружающего мира, в их чрезвычайном многообразии обнаруживается этот порядок.

Северная Америка подразделяется на две обширные и практически равновеликие территории.

Одна из них простирается до Северного полюса и омывается на западе и востоке двумя великими океанами. В своей южной части эта территория образует треугольник, стороны которого, имеющие неровные очертания, пересекаются ниже канадских Великих озер.

Вторая территория начинается там, где кончается первая, и занимает все оставшееся пространство континента.

Одна часть Северной Америки несколько смещена к полюсу, а другая — к экватору.

Земли первой части тянутся на север с едва приметным уклоном, и создается впечатление, что это равнины или плоскогорья: и действительно, на этом обширном участке земной поверхности вы не встретите ни высоких гор, ни глубоких долин.

То тут, то там, причудливо изгибаясь, бегут реки, речушки, ручейки; они то пересекаются, то сливаются, то расходятся в разные стороны и вновь сближаются, пропадают в многочисленных болотах, теряются в созданном ими самими и наполненном влагой лабиринте и лишь после бесконечного блуждания впадают наконец в Полярное море. Великие озера, обрамляющие эту территорию на юге, расположены, в отличие от большинства озер Старого Света, не между скалами и холмами — их берега плоские и всего лишь на несколько футов возвышаются над поверхностью воды. Каждое из этих озер напоминает

наполненную до краев огромную чашу: малейшие изменения в геологической структуре Земли могли бы вызвать низвержение их вод либо в сторону Северного полюса, либо к тропическим морям.

Вторая часть Североамериканского континента более пересеченная и лучше приспособлена для постоянного обитания человека. Две горные цепи пересекают ее по всей длине: одна, носящая название Аллеганских гор, протянулась вдоль всего побережья Атлантического океана, другая же простирается параллельно южным морям.

Территория между этими двумя горными хребтами занимает 228 343 квадратных лье[1], что почти в шесть раз превышает площадь, занимаемую Францией[2].

[1] 1341 649 миль. См.: *Дарби.* Обзор Соединенных Штатов, с. 499. (Библиографические сведения о работах, на которые ссылается А. де Токвиль, даны в переводе на русский язык. — *Прим. ред.)* Я перевел мили в лье при условии, что каждое лье состоит из 2000 туазов.

[2] Площадь Франции составляет 35181 квадратное лье.

Все это обширное пространство представляет собой одну огромную долину, которая раскинулась без преград между округлыми горными вершинами Аллеган и хребтами Скалистых гор.

В глубине этой долины течет широкая река. В эту реку со всех концов стремительно несутся потоки вод, низвергающиеся с горных вершин.

В прежние времена французы в память о своей потерянной родине называли ее рекой Святого Людовика; индейцы же торжественно именовали ее Отцом вод, или Миссисипи.

Миссисипи берет свое начало на стыке двух огромных территорий, о которых шла речь выше, в верхней части плоскогорья, разделяющего их.

Возле Миссисипи зарождается еще одна река[3], впадающая затем в Полярное море. Сама же Миссисипи какое-то время словно бы колеблется, выбирая, куда устремить свой путь: не раз она возвращается назад, и лишь после того, как ее течение замедляется среди озер и болот, она наконец решается, в какую сторону направить свои воды, и медленно прокладывает себе дорогу на юг.

То спокойная в своем глинистом ложе, которое создала для нее природа, то вздыбленная бурей, Миссисипи орошает более тысячи лье земель, расположенных по ее течению[4].

В шестистах лье [5] от устья глубина Миссисипи составляет в среднем уже около пятнадцати футов, и суда водоизмещением в триста тонн могут свободно проходить до двухсот лье вверх по течению.

Пятьдесят семь крупных судоходных рек несут свои воды в Миссисипи. Один из ее притоков имеет протяженность в 1300 лье[6], другие — в 900 лье[7], в 600 лье[8], в 500 лье[9], и четыре реки — по 200 лье[10], не говоря уже о бесчисленном множестве ручейков, сбегающих к ней со всех сторон.

Кажется, что долина, орошаемая Миссисипи, создана именно для нее. В окрестностях реки природа неистощима в своем плодородии; по мере же удаления от берегов силы, питающие растительный мир, ослабевают, земли истощаются, все чахнет или вовсе гибнет. Нигде в мире великие земные катаклизмы не оставили столь заметных следов, как в долине Миссисипи. Весь облик этого края свидетельствует о том, что может сотворить вода: как бесплодие, так и изобилие зависят только от нее. Волны первобытного океана устлали эту долину толстыми слоями плодородной земли и долгое время разравнивали их. По правому берегу реки простираются бескрайние равнины, сливающиеся как бы в единое необозримое пространство, похожее на поле, по которому земледелец прошелся своим плугом. По мере приближения к горам поверхность земли становится все более неровной и бесплодной. Здесь в почве словно пробуравлена тысяча скважин, и то тут, то там вырисовываются первобытные скалы, напоминающие кости огромного скелета какого-то существа, чья плоть давно истлела от времени. Превратившийся в песок гранит и причудливой формы камни покрывают всю поверхность земли; эта местность словно завалена обломками гигантского здания, среди руин которого лишь кое-где пробиваются тощие побеги неведомых растений. Вглядевшись повнимательнее в эти камни и в этот песок, в самом деле легко заметить, что все они имеют абсолютно ту же природу, что и бесплодные и полуразрушенные вершины Скалистых гор. Снеся верхние слои почвы на дно долины, воды, естественно, принялись уносить в своих потоках и куски самих скал, скатывая их по соседним склонам; сталкиваясь между собой и дробясь, они усеяли подножия гор обломками с их собственных вершин*[11].

[3] Ред-Ривер.

[4] 2500 миль, или 1032 лье. См.: *Уорден.* Описание Соединенных Штатов, т. I, с. 166.

[5] 1364 мили, или 563 лье. Там же, т. I, с. 169. * Миссури. Там же, т. I, с. 132 (1278 лье).

[7] Арканзас. Там же, т. I, с. 188 (877 лье).

[8] Ред-Ривер. Там же, т. I, с. 190 (598 лье). ' Огайо. Там же, т. I, с. 192 (490 лье).

[10]Иллинойс, Сен-Пьер, Сент-Франсис, Де-Мойн. Привода выше данные о протяженности рек, я брал за основу официально принятую милю (statute mile) и почтовую милю в 2000 туазов.

[11]Звездочкой обозначены отсылки к примечаниям А. де Токвиля, помещенные в конце каждой книги. — *Прим. ред.*

И все же долина Миссисипи — самое прекрасное творение, когда-либо созданное Господом для обитания людей, хотя в то же время можно сказать, что она все еще являет собой не более чем огромную пустыню.

У восточных склонов Аллеганских гор, между их подножием и Атлантическим океаном, тянется длинная полоса скал и песка, которую море, покидая этот край, словно оставило там по забывчивости. В среднем ширина этого участка земли не превышает 48 лье[12], тогда как его длина составляет 390 лье[13]. Почва в данной части Американского континента плохо поддается обработке, а растительность края скудна и однообразна.

Вот этот-то негостеприимный берег и стал главным объектом приложения человеческой энергии. Именно эта полоска высушенной земли стала колыбелью, а затем и домом для английских колоний, которым впоследствии предстояло превратиться в Соединенные Штаты Америки. Именно это место является сегодня, как и прежде, средоточием могущества Северной Америки, в то время как где-то на ее окраинах почти незаметно накапливаются истинные силы великого народа, которому бесспорно принадлежит будущее континента.

Когда европейцы высадились на Антильских островах, а позднее и на побережье Южной Америки, им показалось, что они попали в сказочный мир, воспетый поэтами. Море сверкало, переливаясь всеми возможными тропическими красками, и благодаря удивительной прозрачности воды взору мореплавателей впервые открылись тайны морских глубин [14]. То тут, то там виднелись небольшие островки, напоминающие корзины благоухающих цветов, плывущие по спокойной глади океана. Весь этот райский уголок, казалось, был создан для нужд и наслаждений человека. Большинство деревьев было увешано съедобными плодами, а те из них, которые не могли принести человеку непосредственной пользы, очаровывали его взор яркостью и разнообразием оттенков. В рощах среди увитых цветущими лианами душистых лимонных деревьев, диких

смоковниц, мирт с круглыми листьями, акаций и олеандров несметное множество птиц, совершенно неизвестных в Европе, блистало пурпурным и лазурным оперением, завершая своим чудесным пением гармонию исполненной движения и жизни природы*.

Смерть таилась под этим переливающимся всеми красками покровом, однако тогда этого никто не замечал; к тому же и сам воздух этих мест был напоен каким-то невероятным дурманом, заставляющим человека жить одним лишь только настоящим и беспечно забывать о будущем.

Северная Америка была совершенно иной — здесь все казалось значительным, серьезным, торжественным; можно сказать, что эта земля словно была создана для того, чтобы стать царством разума, в то время как Южная Америка оставалась обиталищем чувств и эмоций.

Бурный, покрытый мглою океан омывал побережье Северной Америки, гранитные скалы и песчаные берега обрамляли ее; прибрежные леса раскидывали свою мрачную и меланхоличную листву: взору открывались одни лишь сосны, лиственницы, зеленые дубы, дикие оливковые деревья и лавры.

За первым лесным поясом начинался центральный массив деревьев с тенистыми кронами — это были самые гигантские деревья, какие только можно встретить в обоих полушариях земного шара. Платаны, каролинские биньонии, клены и виргинские тополя смешались здесь с дубами, буками и липами.

Здесь, как и в лесах, уже укрощенных человеком, смерть без устали наносила свои удары; однако никто не задумывался о том, чтобы убирать следы ее разрушений. Остатки мертвых деревьев и растений образовывали завалы, которые наслаивались один на другой; требовалось слишком много времени, чтобы превратить все это в прах и дать место новой поросли. Но даже в самой глубине этих завалов ни на минуту не

[12]100миль.

[13]Приблизительно 900 миль.

[14]Вода в Карибском море настолько прозрачна, говорит Мальт-Брюн, т. Ш, с. 726, что в ней можно различить кораллы и рыб на глубине в 60 саженей. Издали кажется, что корабль словно парит в воздухе, и что-то похожее на головокружение охватывает путешественника, когда сквозь толщи кристально прозрачной воды он видит подводные сады, в которых блестят золотые рыбки и переливаются раковины среди зарослей разнообразнейших морских водорослей.

прекращалось зарождение новой жизни. Ползучие растения и всевозможные травы пробивались к свету сквозь препятствия; они стлались по земле возле поваленных деревьев, проникали в их трухлявую сердцевину, приподнимали и разрушали усохшую кору, которая все еще покрывала эти останки, расчищая таким образом путь для своих молодых побегов. В известном смысле смерть способствовала здесь утверждению жизни. Жизнь и смерть сосуществовали в этих лесах, словно желая соединить и перепутать свои деяния.

В этих лесах царили глубокий сумрак и вечная влага, создаваемая тысячью мчащихся в разные концы ручейков, бег которых еще не пыталась изменить рука человека. Лишь изредка можно было увидеть какие-то цветы, дикие плоды или же стайку птиц.

Шум падающего старого дерева, грохот водопада, мычание буйволов и отзвук прокладывающего себе дорогу ветра были единственными звуками, нарушавшими тихое безмолвие природы.

На восток от великой реки леса мало-помалу начинали редеть, и их сменили бескрайние прерии. Природа ли в бесконечном своем многообразии отказалась разбросать по этой плодородной долине семена деревьев, или же леса, покрывавшие эти земли, были некогда истреблены человеком? Ни предания, ни научные изыскания не дают нам ответа.

И тем не менее эти обширные пустоши сохранили следы присутствия человека. На протяжении многих веков несколько кочевых племен бродило под сенью лесов и по степным пастбищам. Эти дикари, кочевавшие от устья реки Святого Лаврентия до дельты Миссисипи, от Атлантического океана до Тихого, были в чем-то схожи между собой, что свидетельствовало об их общих корнях. Однако они отличались от всех других известных на земле человеческих рас [15]: они не были ни белыми, как европейцы, ни желтыми, как большинство азиатов, ни черными, как негры; их кожа имела красноватый оттенок, у них были длинные блестящие волосы и скуластые лица с тонкими губами. Языки, на которых говорили дикие племена Америки, имели единую грамматическую основу, хотя и разнились отдельными словами. Грамматические правила построения этих языков несколько отличались от известных доселе правил, определявших формирование человеческой речи.

Идиоматика языка коренных жителей Америки явилась, по всей видимости, результатом употребления ими каких-то особых языковых конструкций, что свидетельствует о довольно высоком уровне их интеллекта; современные же индейцы этим, похоже, не

отличаются*.

Быт североамериканских народов во многом отличался от быта, характерного для народов древнего мира: создается впечатление, что они, живя в глубине своих пустынь и не имея связей с более цивилизованным миром, беспрепятственно воспроизводили себе подобных. У них совершенно отсутствовали расплывчатость и неопределенность в понимании добра и зла; им были чужды свойственные народам, некогда цивилизованным, но потом вновь превратившимся в варваров, продажность и развращенность, обычно соседствующие с невежеством и грубостью нравов. Индеец всем обязан исключительно самому себе: он сам — творец своих достоинств, пороков и предрассудков; впитанная с детства неукротимая независимость — вот суть самой его натуры.

Грубость простого народа в цивилизованных странах вызвана не только его невежеством и бедностью, но и тем, что эти люди, будучи невежественными и бедными, повседневно сталкиваются с просвещенными и богатыми слоями населения.

Осознание своей неудавшейся судьбы и бессилия, которые простолюдин постоянно сопоставляет с благополучием и могуществом отдельных ничем от него не отличающихся представителей рода человеческого, возбуждает в его сердце гнев и страх, а чувство собственной неполноценности и зависимости раздражает и унижает его. Это состояние души отражается на манере его поведения и речи; простолюдин одновременно и дерзок, и подобострастен.

[15]Впоследствии было обнаружено некоторое сходство наружности, языка и обычаев североамериканских индейцев и тунгусов, манчу, монголов, татар и рада других кочевых племен Азии. В силу того что эти народы проживают в относительной близости от Берингова пролива, можно предположить, что в древности они могли заселить безлюдный Американский континент. Однако наука пока еще не сумела дать окончательный ответ на этот вопрос. См. по данной теме: *Малып-Брюн,* т. V; сочинения господина *Гумбольдта; Фишер.* Предположения относительно происхождения американских аборигенов; *Эйдер.* История американских индейцев.

Справедливость этого утверждения легко доказать путем простого наблюдения. Народ в целом гораздо грубее в странах, где сильна аристократия, нежели в любых других, а в богатых городах — грубее, чем в деревне.

В тех местах, где много богатых и сильных людей, слабые и

бедные испытывают как бы чувство угнетенности из-за своего низкого положения. Не находя никакой возможности достигнуть равенства, они и вовсе разуверяются в себе и теряют всякое человеческое достоинство.

В диких племенах подобных пагубных последствий жизненных контрастов не встретишь: хотя все индейцы поголовно невежественны и бедны, они тем не менее равны и свободны.

Когда появились первые европейцы, туземец Северной Америки еще не знал цену богатства и был равнодушен к тому благополучию, которое цивилизованный человек достигал с его помощью. Однако в нем не было никакой грубости. Напротив, его поведение отличала некая внутренняя сдержанность и своеобразная аристократическая вежливость.

Мягкий и гостеприимный в мирное время, безжалостный на войне, индеец готов был умереть с голоду, чтобы помочь страннику, постучавшемуся вечером в дверь его хижины, и в то же время он мог преступить все пределы жестокости, на которую только способен человек, и теми же руками растерзать живым своего пленника Ни в одной из самых известных республик античного мира не было более неустрашимых, более гордых и более свободолюбивых людей, чем индейцы, обитавшие в диких лесах Нового Света[16].

Европейцы, высадившиеся на побережье Северной Америки, не произвели на них ровно никакого впечатления; их присутствие не возбудило в индейцах ни зависти, ни страха. Какое воздействие могли оказать европейцы на подобных людей? Индейцы умели жить, не испытывая особых потребностей; страдали не жалуясь и умирали с песней на устах[17]. Как и все прочие представители многочисленного рода человеческого, эти дикари верили в существование лучшего мира и поклонялись Богу—создателю Вселенной, называя его по-разному. Их представление о великих духовных истинах было в целом весьма простым и философичным*.

Хотя народ, который мы здесь описываем, по всем своим чертам и является первобытным, не вызывает сомнения тот факт, что на этой территории еще до появления индейцев существовал и другой народ, более цивилизованный и развитый во всех отношениях.

В предании, широко распространенном среди большей части индейских племен, обитающих вдоль побережья Атлантического океана, говорится, хотя и весьма туманно, что некогда этот народ проживал на западе от реки Миссисипи. По всему течению реки Огайо и в центральной долине до сих пор часто попадаются холмы, возведенные человеком. Если раскопать эти холмы, то в

их центральной части можно, как правило, найти человеческие кости, необычные инструменты, оружие, всевозможную домашнюю утварь, сделанную из некоего металла и нередко предназначенную для каких-то неведомых современному человеку целей.

Нынешние индейцы не в состоянии пролить свет на судьбы этого неизвестного народа. Те, кто жил триста лет тому назад, в эпоху открытия Америки, тоже не оставили о нем никаких сведений, на основании которых можно было бы построить хоть какую-то гипотезу. Предания, эти преходящие и постоянно возрождаемые памятники первобытного мира, также ничего для нас не проясняют. Между тем на этом континенте жили тысячи наших собратьев—в этом-то уж сомневаться не приходится. Но когда они появились в этих краях? Каково было их происхождение, их судьбы, их история? Когда и как они погибли? Вразумительно ответить на эти вопросы не может никто.

[16]Среди ирокезов, подвергшихся нападению превосходящих сил противника, говорил президент Джефферсон («Записки о Виргинии», с. 148), были старики, гордо отказавшиеся спасаться бегством и не желавшие сохранять свою жизнь, когда их родным краям грозила гибель; эти старики презирали смерть, словно древние римляне при осаде Рима галлами, И далее, на с. 150: «Не было случая, чтобы индеец, попавший в руки своих врагов, просил сохранить ему жизнь. Напротив, он словно сам искал смерти от рук победивших его людей, всячески оскорбляя и провоцируя их».

[17]См.: *Лепаж-Дюпратц.* История Луизианы; *Шарлееуа.* История Новой Франции; *Письма преподобного Хеквельдера.* Труды Американского философского общества, т. I; *Джефферсон.* Записки о Виргинии, с.135—190. Слова Джефферсона имеют большой вес в свете личных заслуг писавшего, его неординарного положения и особенностей того практичного и реалистического века, в котором он писал.

Странная вещь! Некогда существовавшие в мире народы настолько затерялись в прошлом, что даже неизвестно, как они назывались; их языки утеряны, слава о них канула в Лету, словно звук, не отраженный эхом; и при всем том я не знаю ни одного народа, который не оставил хотя бы одну могилу, напоминающую о его пребывании на этом свете. Так уж получается, что изо всех памятников человеку самым долговечным оказывается тот, который красноречивее прочих свидетельствует о его бренности и беспомощности.

Хотя обширный край, описанный выше, был заселен множеством туземных племен, можно смело утверждать, что в эпоху его открытия он представлял собой истинную пустыню. Индейцы занимали его, но не владели им. Только земледелие дает человеку право на землю — а первые жители Северной Америки промышляли охотой. Свойственные этим людям неукротимые страсти и устойчивые предрассудки, пороки и, пожалуй, еще более варварские добродетели предопределяли их неизбежную гибель. Истребление индейских племен началось сразу же, как только первые европейцы высадились на побережье Америки, и с тех пор не прекращалось вплоть до наших дней. Судьба, забросившая индейцев на богатейшие просторы Нового Света, казалось, выделила им краткий срок пользования этими богатствами, и они жили на этой земле словно *в ожидании чего-то.* Эти берега, столь благоприятные для развития торговли и промышленности, эти глубокие реки, эта неистощимая в своем плодородии долина реки Миссисипи — словом, весь этот континент, казалось, был создан для того, чтобы стать колыбелью еще не родившейся великой нации.

Именно здесь цивилизованным людям предстояло попытаться создать общество, основанное на принципиально новых устоях, и, применив теории, прежде либо вовсе не известные миру, либо признанные неосуществимыми, явить человечеству такой удивительный строй жизни, к которому вся предыдущая история никак его не подготовила.

Глава II.
ПРОИСХОЖДЕНИЕ АНГЛОАМЕРИКАНЦЕВ И КАК ОНО СКАЗАЛОСЬ НА ИХ БУДУЩЕМ

О том, почему необходимо знать происхождение народов для понимания их общественного строя и

законов. —Америка — единственная страна, на примере которой можно ясно увидеть начальный

этап становления великого народа. — В чем состояло сходство людей, заселивших английскую часть

Америки. — В чем заключалось их различие. — Замечание, касающееся всех европейцев, поселившихся

на побережье Нового Света. — Колонизация Виргинии. — Колонизация Новой Англии. — Характерные

особенности первых жителей Новой Англии. — Их прибытие. — Первые законы. — Общественный

договор. — Уголовный кодекс, заимствованный из законов

Моисея. — Религиозная одержимость. —

Республиканский дух. — Тесная связь между приверженностью религии и духом свободы.

Рождается человек. Его первые годы проходят неосознанно, в играх и забавах. Он растет, мужает. Наконец, мир открывает перед ним свои двери, он входит в него и вступает в общение с себе подобными. И тогда к нему впервые начинают приглядываться, изучать его, и многим кажется, что те пороки и добродетели, которые будут ему свойственны в зрелом возрасте, зарождаются именно теперь.

В этом-то, на мой взгляд, и состоит серьезное заблуждение.

Вернитесь назад. Посмотрите внимательно на ребенка, когда он еще у материнской груди. Постарайтесь увидеть, как внешний мир впервые отражается в еще затуманенном зеркале его разума; отметьте его первые сильные впечатления; вслушайтесь в первые произнесенные им слова, которые свидетельствуют о пробуждении пока еще дремлющей силы его разума, и, наконец, поприсутствуйте при первых испытаниях, которые ему предстоит выдержать, и только в этом случае вы поймете, в чем источник его предрассудков, привычек и страстей, которые он пронесет через всю свою жизнь. Можно сказать, что человек становится самим собой уже с пеленок.

Нечто аналогичное происходит и с нациями. Происхождение всегда накладывает отпечаток на народы. Обстоятельства, в которых рождаются нации и которые служат их становлению, оказывают воздействие на все их будущее развитие.

Если бы мы могли вернуться в тот период, когда возникло то или иное общество, и посмотреть на его первые исторические памятники, то мы непременно, я в этом не сомневаюсь, отыскали бы первопричины предрассудков, привычек и пристрастий, распространенных в данном обществе, — словом, все то, что составляет национальный характер. Мы смогли бы также найти объяснение обычаям, которые будто бы совершенно не соответствуют тому, что принято сегодня; законам, которые, казалось бы, несовместимы с признанными в наше время нормами; противоречащим друг другу взглядам, которые то и дело встречаются в обществе, словно некие остатки цепей, хотя и свисающих по-прежнему со сводов древнего здания, но уже давно ничего не поддерживающих. Это могло бы объяснить судьбы отдельных народов, которых невидимая сила словно увлекает к некой цели, неведомой им самим. Однако до сих пор для подобного анализа общества не хватает фактов. Стремление познать самих себя приходит к народам лишь по мере их старения, поэтому, когда они наконец задумываются о

необходимости взглянуть на свою колыбель, время уже заволокло ее дымкой, а невежество и тщеславие окутало вымыслом, за которым истина потерялась окончательно.

43

Америка оказалась единственной страной, где стало возможным наблюдать естественное и спокойное развитие общества и где удалось точно определить то влияние, которое оказал начальный период его становления на будущее штатов.

В эпоху, когда европейцы высадились на побережье Нового Света, основные черты их национального характера были уже вполне сформированы; каждый из европейских народов имел свое особое, отличное от прочих лицо. А так как все они уже достигли того уровня развития цивилизации, когда человек созревает для изучения самого себя, то они оставили нам достоверное описание своих взглядов, нравов и обычаев. Таким образом, люди, жившие в XV веке, практически столь же хорошо нам знакомы, как и наши современники. Америка в полной мере дает нам увидеть то, что из-за невежества или варварства первобытных людей скрыто от наших глаз.

Нашим современникам, недалеко отстоящим от эпохи зарождения американского общества и, следовательно, имеющим о нем весьма детальное представление и одновременно достаточно далеким от тех времен, что позволяет им реально оценивать полученные результаты, казалось, дано было заглянуть дальше своих предшественников в события человеческой истории. Провидение вложило в наши руки факел, которого недоставало нашим отцам и который позволил нам различить в свершившихся судьбах нации первопричины, сокрытые от наших предков плотной завесой прошлого.

Когда, глубоко изучив историю Америки, начинаешь внимательно анализировать ее политический и общественный строй, убеждаешься в достоверности следующей истины: не существует ни одного принципа, ни одной привычки, ни одного закона — я бы даже сказал: ни одного события, — которые нельзя было бы без труда объяснить, зная начальную стадию становления этого общества. Те, кто полностью прочтет эту книгу, обнаружат, что в дайной главе содержится основа всего того, о чем пойдет речь в дальнейшем, а также ключ к пониманию практически всего предлагаемого сочинения.

Эмигранты, которые в различные периоды занимали земли, входящие сегодня в состав американского Союза, во многом отличались друг от друга. Разнились также их цели, да и принципы управления, которыми они руководствовались.

Вместе с тем эти люди имели и немало общего, ибо все они находились в одинаковом положении.

Пожалуй, самым прочным и самым долговременным связующим звеном между людьми является язык. Все эмигранты говорили на одном языке, все они были детьми одного народа. Родившиеся в стране, испокон веков бурлившей вследствие борьбы между различными партиями, в стране, где всевозможные группировки были вынуждены поочередно просить защиты у закона, эти люди прошли серьезную политическую закалку в суровой школе, и поэтому они гораздо лучше, нежели большинство народов Европы, понимали, что такое права человека и принципы истинной свободы. Во времена первых поселении общинное правление, этот прообраз свободных институтов власти, уже глубоко вошло в обычаи англичан, и, таким образом, внутри самой монархии Тюдоров уже утвердился принцип народовластия.

Это была эпоха самого разгара борьбы различных религиозных направлений, всколыхнувшая весь христианский мир. Англия с каким-то исступлением устремилась на это новое для нее ристалище. Ее жители, всегда отличавшиеся степенностью и рассудительностью, посуровели и стали склонны к спорам. Интеллектуальные битвы привели к росту образованности и культуры англичан. В результате обсуждения религиозных тем их нравы становились значительно чище. Все эти черты, свойственные данной нации, в большей или меньшей степени были характерны и для тех из ее сыновей, которые отправились искать счастья по другую сторону океана.

Здесь было бы уместно сделать одно замечание, которое нам послужит и впоследствии и которое применимо не только к англичанам, но также и к французам, испанцам и ко всем европейцам в целом, обустраивавшимся друг за другом на берегах Нового Света. Все новые европейские колонии если и не являли собой пример развитой демократии, то имели по крайней мере ее зачатки. Это объяснялось двумя причинами: можно утверждать, что у основной массы эмигрантов, покидавших свою родину, полностью отсутствовало чувство какого-либо превосходства над другими. Конечно, в изгнание отправляются отнюдь не самые счастливые и богатые люди, однако именно бедность,так же как и невзгоды, является лучшей в мире порукой равенства между людьми. Случалось, прав-

да, что и знатные господа переселялись в Америку вследствие политических или религиозных междуусобиц. Вначале здесь были

приняты законы, устанавливающие социальную градацию, однако вскоре стало очевидным, что американская почва совсем не приемлет землевладельческую аристократию. Выяснилось, что для возделывания этой непокорной земли требовались постоянные и заинтересованные усилия самих владельцев. Выходило так, что, даже если земельные участки и были обработаны наилучшим образом, все равно урожай был не настолько велик, чтобы обеспечить достаток одновременно как владельцу земли, так и самому фермеру. И земля попросту дробилась на небольшие владения, которые обрабатывали сами собственники. Аристократия же всячески старается приобрести именно землю, она оседает на этой земле и чувствует в ней свою опору; аристократия возникает и существует не только благодаря привилегиям или принадлежности к определенному роду, но и потому, что обладает земельной собственностью, передаваемой по наследству. Именно поэтому аристократия держится за землю, зависит от нее и на нее опирается. В одной и той же нации могут быть обладатели огромных состояний и люди, живущие в крайней нищете; но если эти состояния не представляют собой земельных владений, то можно сказать, что в этом обществе есть и бедные, и богатые, но настоящей аристократии, в сущности, нет.

Итак, английские колонии в эпоху своего становления походили на членов одной семьи. Вначале все они, казалось, были созданы для того, чтобы явить собой пример торжества свободы, но не аристократической свободы их матери-родины, а буржуазнодемократической свободы, полного воплощения которой еще не встречалось в истории человечества

Вместе с тем на этом однообразном фоне стали проявляться весьма заметные различия, на которые необходимо указать.

В большом англоамериканском семействе можно вычленить две основные ветви, которые существуют и развиваются, так и не слившись окончательно: одна — на юге, а другая — на севере страны.

Первая английская колония была основана в Виргинии: эмигранты прибыли туда в 1607 году. В то время в Европе господствовало убеждение в том, что главное богатство народов состоит в обладании золотыми приисками и серебряными рудниками. Это фатальное заблуждение нанесло больший урон, чем война и все дурные законы вместе взятые, приведя к разорению верившие в это европейские страны и к гибели множества людей в Америке. Поэтому в Виргинию отправляли прежде всего именно искателей золота [1] — людей без средств и с плохой репутацией, чей неуемный и буйный нрав нарушал спокойствие только что родившейся колонии[2] и ставил под

сомнение ее будущее.

Вскоре за ними начали приезжать мастеровые и земледельцы — люди, более спокойные и более нравственные, но практически ничем не отличавшиеся от низших слоев английского общества[3]. Ни единого благородного помысла, ни одной возвышенной цели не лежало в основе создаваемых ими поселений. Едва только возникла эта колония, как в ней было введено рабство[4]. Именно это чрезвычайно важное обстоятельство и оказало огромное влияние на характер, законы и все будущее Юга

Рабство, которому мы дадим объяснение ниже, обесчещивает труд; оно вводит элементы праздности в общество, а вместе с праздностью — невежество и спесь, нищету и

[1] В хартии, дарованной английским королем поселенцам в 1609 году, среди прочего говорилось о том, что колонистам вменяется в обязанность выплачивать королю Англии пятину от добываемого в колониях золота и серебра. См. *Маршалл* Жизнь Вашингтона, т. I, с. 18—66.

[2]Значительную часть новых колонистов, говорит Стит в «Истории Виргинии», составляли беспутные молодые люди из хороших семей, которых родители отправляли за море с тем, чтобы спасти их от грозящей им постыдной участи. Среди других поселенцев были бывшие слуги, злостные банкроты, развратники и тому подобные люди, больше способные грабить и разрушать, нежели упрочивать положение колонии. Ими верховодили бунтарски настроенные люди из той же среды, с легкостью толкавшие эту разношерстную толпу на всевозможные безрассудные и злые поступки.

С историей Виргинии можно познакомиться, обратившись к следующим сочинениям: *Смит.* История Виргинии со времени первых поселений в 1624 году; *Уильям Стит.* История Виргинии; *Беверли.* История Виргинии с самого раннего периода (переведенная на французский язык в 1807 году).

[3]Определенное число состоятельных англичан приехало на жительство в эту колонию несколько позднее.

[4]Рабство было введено к 1620 году после прибытия голландского корабля, высадившего двадцать негров на берега реки Джеймс. По этой теме смотрите сочинение Чалмера.

роскошь. Оно нервирует силы разума и усыпляет человеческую активность. Воздействие рабства в сочетании с английским характером является объяснением нравов и социального устройства Юга.

Что же касается Севера, то здесь на той же исходной

английской основе проявилось нечто совершенно противоположное. Тут я позволю себе остановиться на некоторых частностях.

Именно в северных английских колониях, более известных как штаты Новой Англии[5], сформировались те два или три основных принципа, на которых сегодня основывается теория общественного развития Соединенных Штатов.

Принципы, возобладавшие в Новой Англии, сначала получили распространение в соседних штатах, а затем, проникая все дальше и дальше, дошли до самых отдаленных районов страны и, наконец, если так можно выразиться, *завладели* всей конфедерацией. В настоящее время их влияние вышло далеко за ее пределы и распространилось на весь Американский континент. Культуру Новой Англии можно сравнить с костром, зажженным на вершине холма, который, дав тепло окружающим, все еще окрашивает своим заревом далекий горизонт.

Основание Новой Англии было совершенно новым явлением: все здесь было особенным и самобытным.

Вначале почти во всех колониях селились бедные и необразованные люди, которых нищета и беспутство гнали из страны, где они родились, или же это были стремящиеся к наживе спекулянты и изворотливые предприниматели. Есть колонии, которые не могут похвастаться даже таким происхождением своих поселенцев. Так, например, Санто-Доминго было основано пиратами. Да и в наше время население Австралии пополняют в основном уголовные суды Англии.

Все эмигранты, расселившиеся на побережье Новой Англии, принадлежали в метрополии к более или менее обеспеченным слоям населения. Их смешение на американской земле было с самого начала явлением необычным: они создали общество, в котором не было ни знатных господ, ни простого народа, — другими словами, у них не существовало ни богатых, ни бедных. По отношению к их общей численности среди эмигрантов встречалось значительно больше просвещенных людей, нежели среди населения любой европейской страны нашего времени. Все они почти без исключения получили весьма передовое образование, и многие из них прославились в Европе своими талантами и ученостью. Другие колонии были основаны безродными авантюристами; поселенцам же Новой Англии были свойственны порядок и высокая нравственность, которые они перенесли с собой на эту землю. Они переселялись в пустынные края, с женами и детьми. Но что особенно отличало их от прочих колонистов, так это сама цель их переселения в Америку. Отнюдь не крайняя необходимость заставила их покинуть родину; они

оставляли там весьма высокое общественное положение, об утрате которого можно было пожалеть, и надежные средства к существованию. Они переселялись в Новый Свет вовсе не с тем, чтобы улучшить свое положение или приумножить состояние, — они отказывались от теплоты родной земли потому, что, повинуясь зову разума и сердца и терпя неизбежные для переселенцев мытарства и невзгоды, стремились добиться торжества некой *идеи.*

Эмигранты, или, как они сами вполне заслуженно называли себя, *пилигримы,* принадлежали к той секте в Англии, которая за строгость своих нравственных принципов была названа пуританской. Пуританизм был не только религиозной доктриной; по своим идеям это религиозное течение во многом смыкалось с самыми смелыми демократическими и республиканскими теориями. Вследствие этого пуритане приобрели себе заклятых и опасных врагов. На родной земле пуритан преследовало правительство, их строгим нравам претила повседневная жизнь того общества, в котором они жили, и пуритане стали искать для себя такую дикую отдаленную землю, где можно было бы жить сообразно собственным принципам и свободно молиться Богу.

Несколько цитат помогут лучше понять дух этих благочестивых искателей приключений, чем все то, что мы можем о них рассказать.

[5]Штаты Новой Англии расположены к западу от Гудзона. Сегодня **их** насчитывается шесть: 1) Коннектикут, 2) Род-Айленд, 3) Массачусетс, 4) Вермонт, 5) Ныо-Гэшшшр, б) Мэн.

Историк Натаниел Мортон, изучавший первый период существования Америки, так начинает свое повествование[6]: «Я всегда считал, что мы, отцы которых при основании этой колонии были свидетелями столь многочисленных и столь памятных проявлений милости Божьей, должны увековечить эти знаки Господни, написав об этом. То, чему свидетелями явились мы сами, и то, что услышали от отцов наших, мы обязаны передать нашим детям с тем, чтобы поколения, идущие нам на смену, научились славить Господа; с тем, чтобы семя Авраамово, рабы Его, сыны Иакова, избранные Его, вечно вспоминали чудеса Его, которые Он сотворил... (Псал. 104,6,5). И должны узнать они, как Бог перенес в пустыню виноградную лозу и посадил ее и выгнал язычников; как Он очистил для нее место и утвердил корни ее, оставил ее расти и покрывать собою самые отдаленные земли (Псал. 79, 9,10); и не только это должны знать они, но и то, как Он вел народ Свой в жилище святыни Своей и насадил его на

горе достояния Своего (Исход, 15,17). Эти деяния должны стать известны всем, чтобы восхвалять за них Господа, как Он того достоин, и чтобы хоть часть лучей славы Его осветили бы имена почитаемых святых, которые служили Ему».

Читая это вступление, невольно проникаешься настроением религиозным и одновременно торжественным; от строк словно веет духом древности, каким-то библейским благовонием.

Вера, воодушевляющая писателя, возвышает его слог. В ваших глазах, как и в его собственных, пилигримы уже не выглядят горсткой искателей приключений, отправившихся за моря в поисках счастья; они как бы превратились в зерна, посеянные рукой Господней на земле, предопределенной Им для того, чтобы там родился великий народ.

Автор продолжает, следующим образом описывая отплытие первых эмигрантов[7]:

«...И оставили они этот город (Делфт-Халефт), который послужил им местом передышки; между тем они сохраняли спокойствие, ибо знали, что они суть лишь странники и чужеземцы на этом свете. Ничто земное не связывало их, они возводили очи свои к небесам — к своей дорогой родине, — где Господь воздвиг для них Свой святой город. Наконец они прибыли в гавань, где их уже ожидал корабль. Множество друзей, которые не смогли последовать за ними, желали по крайней мере проводить их. Миновала бессонная ночь — прошла она в дружеских изъявлениях, благочестивых речах и других проявлениях истинной христианской любви. На следующее утро они взошли на корабль. Провожавшие их друзья последовали за ними, и тут послышались глубокие вздохи, изо всех глаз полились слезы, все начали обнимать друг друга и истово молиться, что не могло не растрогать даже посторонних свидетелей этого прощания. Но вот подали сигнал к отплытию, и пилигримы упали на колени, и их пастырь, подняв к небу глаза, полные слез, поручил их милосердию Божьему. И наконец, простились они друг с другом, и слова прощания для многих из них звучали, возможно, в последний раз».

Эмигрантов насчитывалось приблизительно сто пятьдесят человек, включая всех— мужчин, женщин и детей. Цель их путешествия состояла в том, чтобы на берегах Гудзона основать свою колонию. Однако после долгого блуждания в океане они были вынуждены пристать к бесплодным берегам Новой Англии в том месте, где сегодня расположен город Плимут. До сих пор посетителям показывают ту скалу, на которой высадились странники[8].

«Но прежде, чем продолжать, — говорит цитируемый

историк, — попробуем на мгновение представить себе истинное положение этих несчастных людей и подивимся милости Господа, спасшего их[9].

Итак, переплыв огромный океан, они достигли наконец цели своих странствий, но не было там ни друзей, которые могли бы встретить их, ни жилища, в котором они нашли

[6] Мемориал Новой Англии. Бостон, 1826, с. 14. См. также; *Хатчинсон.* История, т. П, с. 22.

[7] Мемориал Новой Англии, с. 22.

[8] Эта скала сделалась предметом поклонения в Соединенных Штатах. Я видел ее обломки, бережно хранимые во многих городах страны. Не является ли это красноречивым свидетельством того, что могущество и величие человека заключены прежде всего в его душе? Камень, к которому всего лишь несколько мгновений прикасались ноги горсточки несчастных, становится знаменитым, он привлекает к себе взоры великого народа, его обломки почитаются как святыня, и даже пыль его превращается в достояние нации. А между тем что стало с порталами множества дворцов? И кто беспокоится об этом?

[9] Мемориал Новой Англии, с. 35.

бы себе приют. Зима здесь была в самом разгаре, а тем, кому знаком наш климат известно, сколь суровы зимы в наших краях и какие ураганы свирепствуют в это время Зимой трудно добраться и до знакомых мест, но несравненно труднее устроиться в новых Их взорам представилась страшная и скорбная пустыня, полная хищных зверей и диких людей, о численности и свирепости которых они не имели тогда ни малейшего представления. Мерзлая земля была покрыта лесом и кустарником, и все вокруг было мрачно и негостеприимно. А за их спинами простирался безбрежный океан, отделявший их от цивилизованного мира. Им оставалось лишь обратить свои взоры к небу, чтобы хотя бы там найти немного успокоения и надежды».

Не следует думать, что пуритане были благочестивы лишь умозрительно или что они совершенно отстранились от мирских дел. Пуританизм, как я уже отмечал выше, являлся политическим течением в той же мере, что и религиозным. Едва успев высадиться на этом негостеприимном берегу, описанном Натаниелом Нортоном, эмигранты сразу же поспешили организоваться в общество, заключив с этой целью соглашение следующего содержания[10]:

«Мы, нижеподписавшиеся, предприняв во славу Божью, для распространения христианской веры и славы нашего отечества

путешествие с целью основать первую колонию на этих далеких берегах, настоящим торжественно и в полном согласии между собой и перед лицом Бога заявляем, что решили объединиться в гражданский политический организм для лучшего самоуправления, а также для достижения наших целей; в силу этого соглашения мы введем законы, ордонансы и акты, а также сообразно с необходимостью создадим административные учреждения, которым мы обещаем следовать и подчиняться».

Это произошло в 1620 году. С того времени поток эмигрантов не иссякал. Религиозные и политические страсти, раздиравшие Британскую империю в течение всего царствования Карла I, гнали на берега Американского континента все новых и новых сектантов. В Англии главный очаг пуританизма по-прежнему оставался среди людей, принадлежавших к среднему сословию; большинство эмигрантов были выходцами именно из этой среды. Население Новой Англии быстро увеличивалось, и в то время, когда сословная иерархия в метрополии все еще деспотически размежевывала людей, колония все больше и больше являла собой однородное во всех отношениях общество. Демократия, о какой античный мир не осмеливался даже мечтать, вырвалась из недр старого феодального общества во всем величии и во всеоружии.

Английское правительство, довольное тем, что бациллы беспорядков и новых революций удалялись от него на значительное расстояние, хладнокровно взирало на эту многочисленную эмиграцию. Оно даже способствовало ей всеми средствами и, казалось, нимало не заботилось о судьбах тех, кто отправлялся искать на американской земле убежища от жестоких английских законов. Пожалуй, правительство воспринимало Новую Англию как страну, находящуюся во власти фантастических мечтании, которую можно отдать искателям новизны с тем, чтобы они свободно экспериментировали с ней.

Английские колонии — и это было одной из главных причин их процветания — всегда пользовались большей внутренней свободой и большей политической независимостью, нежели колонии других стран. Но ни в одной части страны принцип свободы не осуществлялся столь полно и столь широко, как в штатах Новой Англии.

В то время всеми признавалось, что земли Нового Света должны принадлежать той европейской нации, которая первая их открыла.

На этом основании к концу XVI века практически все побережье Северной Америки стало владением английской короны. Способы, использовавшиеся британским правительством

для заселения этих новоприобретенных территорий, были самыми различными: в одних случаях король передавал определенную часть земель Нового Света в подчинение назначенному им губернатору, который должен был управлять ими от имени короля и в соответствии с его непосредственными распоряжениями[11]; аналогичная

[10] Эмигранты, основавшие штат Род-Айленд в 1638 году, те, кто поселился в Нью-Хейвене в 1637-м, первые жители Коннектикута, появившиеся там в 1639-м, и те, что основали Провиденс в 1640-м, тоже начали с того, что составили общественный договор, который затем был передан на утверждение всем заинтересованным сторонам. *Пшпкин.* История, с. 42,47.

[11]Так, например, было со штатом Нью-Йорк.

система колониального владения была принята всеми остальными европейскими государствами. В других случаях король предоставлял часть территории страны в собственность отдельным лицам и компаниям [12]. При этом вся полнота гражданской и политической власти сосредоточивалась в руках одного или нескольких лиц, которые под надзором и контролем правительства продавали земли и управляли местными жителями. И наконец, третья система заключалась в предоставлении определенному числу эмигрантов права учреждать гражданское политическое общество под покровительством метрополии, а также права самоуправления во всем, что не противоречило английским законам.

Подобная форма управления колониями, столь благоприятствующая развитию свободы, была применена на практике лишь в Новой Англии[13].

В 1628 году [14] такая хартия на колонию была пожалована Карлом I эмигрантам, ехавшим обосновываться в Массачусетсе.

Однако чаще всего хартии даровались колониям Новой Англии значительно позже их основания, когда существование колонии становилось уже свершившимся фактом. Города Плимут, Провиденс, Нью-Хейвен, штаты Коннектикут и Род-Айленд[15] были основаны без всякого содействия и практически без ведома Англии. Новые поселенцы создали свои сообщества самостоятельно, не получив на это никаких полномочий от метрополии, хотя они и не отрицали ее верховенства, и только лишь тридцать или даже сорок лет спустя, уже при Карле II, королевская хартия узаконила их существование.

Таким образом, изучая первые документы истории и

законодательства Новой Англии, зачастую бывает сложно проследить ту связь, которая соединяла эмигрантов со страной их предков. То и дело обнаруживаешь, что они проявляют свою суверенность: сами назначают должностных лиц, заключают мир и объявляют войну, регламентируют деятельность полиции, принимают законы, как если бы они были подвластны одному лишь Богу[16].

Самым необычным и в то же время наиболее поучительным является законодательство той эпохи. Именно в нем по преимуществу следует искать ключ к той великой социальной загадке, которую в наше время представляют собой для всего мира Соединенные Штаты.

Среди вышеупомянутых исторических документов необходимо в особенности выделить в качестве одного из наиболее характерных для данного периода свод законов, которые издал в 1650 году небольшой штат Коннектикут[17].

Законодатели Коннектикута [18] прежде всего занялись уголовным законодательством; при составлении законов у них появилась весьма странная идея почерпнуть их из Священного Писания: «Кто будет поклоняться иному Богу, кроме Господа нашего, —

[12]Подобныы образом дело обстояло в Мэриленде, в Северной и Южной Каролине, в Пенсильвании и в Нью-Джерси. *Си.:Питкин.* История, т.1, с. 11—31.

[13]В сочинении, озаглавленном «Историческое собрание государственных бумаг и других подлинных документов, предназначаемых в качестве материала для истории Соединенных Штатов Америки», подготовленном Эбенезером Хэзардом и опубликованном в Филадельфии в 1702 году, содержится очень большое число документов, ценных своим содержанием и достоверностью и относящихся к первому периоду становления колоний; в частности, среди них находятся различные хартии, пожалованные колониям английской короной, а также первые акты их правительств.

Обратитесь также к анализу всех этих хартии, произведенному господином Сгори, судьей Верховного суда

Соединенных Штатов, во введении к его «Комментарию к Конституции Соединенных Штатов».

Из всех этих документов следует, что принципы представительного управления и внешние формы

политической свободы были известны во всех колониях практически с момента их зарождения. Эти принципы

получили большее развитие на Севере, чем на Юге, но тем не менее в общем виде они существовали повсюду.

[14] См.: *Питкин.* История, с. 35, T.L См. также: *Хатчинсон.* История колонии Массачусетс, т. I, с. 9.

[15]См.тамже,с.42—47.

[16]При принятии законов по уголовному и гражданскому судопроизводству жители Массачусетса отошли от существовавших в Англии обычаев: в 1650 году имя короля еще не появилось во вступительной части судебных постановлений. *Си.: Хатчинсон,* т. I, с. 452.

[17]Кодекс 1650 года, с. 28 (Хартфорд, 1830).

[18]См. также в «Истории» Хатчинсона, т.1, с. 435 — 456, анализ уголовного кодекса, принятого в 1648 году колонией Массачусетс; этот кодекс составлен, исходя из тех же основных положений, что и кодекс штата Коннектикут.

говорят они вначале, — будет предан смерти». Далее следует десять или двенадцать подобных положений, целиком взятых из книг Второзакония, Исхода и Левита.

Богохульство, колдовство, прелюбодеяние[19], изнасилование карались смертью, равно как и оскорбление, нанесенное сыном своим родителям. Законодательство грубого и полуцивилизованного народа было, таким образом, перенесено в просвещенное и нравственное общество, и поэтому нигде больше не складывалось такого положения, когда смертная казнь была столь широко предусмотрена законами и столь мало применима к виновным. Составляя данный свод уголовных законов, законодатели были озабочены прежде всего необходимостью поддержания нравственности и добропорядочности в обществе. Как следствие они постоянно вторгались в область человеческих чувств, и не было почти ни одного греха, который им не удавалось бы превратить в предмет судебного разбирательства. Читатель, видимо, отметил, с какой строгостью наказывались прелюбодеяние и изнасилование. Самые обычные отношения между людьми, не состоящими в браке, строго пресекались. За судьями закреплялось право применять к виновному одно из трех наказаний: денежный штраф, порка или брак[20], причем, если верить протоколам тогдашних Нью-Хейвенских судов, дела подобного рода вовсе не были редкостью. В судебном решении от 1 мая 1660 года записано, что одна девушка была приговорена к денежному штрафу и подвержена суровому внушению лишь за то, что она сказала несколько нескромных слов молодому человеку и позволила себя поцеловать[21]. Кодекс 1650 года изобилует также и предупредительными мерами. Леность и пьянство подвергались, согласно этим законам, строгому наказанию[22]. Трактирщики не

имели права давать посетителю больше вина, нежели полагалось по закону; малейшая ложь, если она могла нанести вред кому-либо, влекла за собой штраф или телесное наказание[23]. В других местах кодекса законодатели, совершенно забыв, что в Европе они сами же защищали великие принципы религиозной свободы, предусматривали наложение денежного штрафа с целью заставить людей присутствовать на богослужении [24] и даже вводили весьма суровые меры наказания[25] вплоть до смертной казни, тем христианам, которые молились Богу иначе, чем они сами[26]. Рвение этих законодателей к регламентации всех и вся иногда приводило к тому, что они принимались за совсем уж недостойные дела. Так, например, в том же своде законов есть закон, запрещающий употребление табака[27]. Не следует,

[19]Прелюбодеяние наказывалось смертью и согласно законам Массачусетса. Хатчинсон в первом томе на странице 441 говорит о том, что действительно несколько человек были подвергнуты смертной казни за это преступление. Он, в частности, приводит в этой связи любопытный случай, который произошел в 1663 году. Замужняя женщина находилась в любовной связи с неким молодым человеком. Затем она овдовела и вышла за него замуж. Прошло много лет, однако в обществе зародилось подозрение о некогда существовавшей между ними близости. Они подверглись уголовному преследованию, были заключены в тюрьму и едва не оказались приговоренными к смертной казни.

[20]Кодекс 1650 года, с. 48. По-видимому, иногда случалось и так, что судьи назначали столь различные наказания одновременно, о чем свидетельствует решение одного из судов, вынесенное в 1643 году (Нью-Хейвенская старина, с. 114), в котором определено, что Маргерит Бедфорд, уличенная в предосудительных поступках, должна была подвергнуться телесному наказанию, а затем выйти замуж за Николаса Джеммингса, своего любовника.

[21] Нью-Хейвенская старина, с. 104. См. также в «Истории» Хатчинсона, т. I, с. 435, многочисленные примеры аналогичных судебных решений.

[22]Там же, 1650, с. 50,57.

[23]Тамже,с.64.

[24]Тамже,с.44.

[25]Так было не в одном только Коннектикуте. В числе прочих обратитесь к закону, изданному 13 сентября 1644 года в Массачусетсе, по которому анабаптистов приговорили к изгнанию. Собрание официальных документов по истории штата, т. I, с. 538. См. также закон, опубликованный 14 октября 1656 года и направленный против квакеров. «Ввиду того, — говорится

в нем, — что недавно возникла секта проклятых еретиков, или так называемых квакеров...» Далее следует перечисление чрезвычайно внушительных сумм штрафов, которым подвергнутся капитаны кораблей, если будут перевозить квакеров в Америку. Квакеры, которым удастся проникнуть в страну, будут приговорены к телесному наказанию и заключены в тюрьму для принудительных работ. За распространение своих убеждений при задержании в первый раз они должны будут уплатить штраф, во второй раз — подвергнуться тюремному заключению, а в третий — выселению из данной провинции. См.: Собрание официальных документов, т. I, с. 630.

[26]Согласно уголовному законодательству штата Массачусетс, католические священники, которые вновь появлялись в колонии после того, как были оттуда изгнаны, приговаривались к смертной казни.

[27]Кодекс 1650 года, с. 96.

впрочем, забывать, что эти либо странные, либо тиранические законы принимались отнюдь не принудительным путем: они одобрялись свободным голосованием всех заинтересованных в них граждан; не следует также упускать из виду то, что в этом обществе нравы были еще более строгими и более пуританскими, нежели сами законы. Так, например, в 1649 году в Бостоне сформировалось вполне серьезное общество, целью которого была борьба против светской блажи — ношения длинных волос[28]*.

Подобные несуразицы, бесспорно, постыдны для разумного человека; они свидетельствуют о ничтожестве нашей натуры, которая не в состоянии осознать до конца, что такое истина и справедливость, в результате чего человек зачастую вынужден делать выбор между двумя крайностями.

Наряду с этим уголовным законодательством, в котором столь глубоко отразились как ограниченность сектантского мироощущения, так и все воспламененные гонениями и не перестающие будоражить души людей религиозные страсти, появилось в какой-то степени обусловленное ими собрание законов политического характера Составленные двести лет тому назад, эти законы по своему духу свободы ушли далеко вперед по сравнению с нашим временем.

Общие принципы построения современных конституций, которые большинство европейцев XVII века понимало с трудом и которые лишь частично восторжествовали в тот период в Великобритании, были полностью признаны в Новой Англии и

закреплены ее законами: участие народа в общественных делах, свободное голосование по вопросу о налогах, ответственность представителей власти перед народом, личная свобода и суд присяжных — все это было воспринято единодушно и реально введено в жизнь в Новой Англии.

Эти исходные принципы получили здесь самое широкое применение и распространение, тогда как в Европе ни одна нация на это не решилась.

В Коннектикуте избирательный корпус изначально состоял из всех граждан, проживавших в данном штате, что, впрочем, совершенно понятно[29]. У этого нарождающегося народа тогда еще господствовало почти полное равенство между людьми в том, что касалось их имущественного положения и тем более уровня их интеллектуального развития[30].

В тот период в Коннектикуте подлежали избранию все должностные лица исполнительной власти, вплоть до губернатора штата[31].

Все граждане в возрасте старше шестнадцати лет были обязаны носить оружие; они составляли народную милицию, сами назначали из своей среды офицеров и должны были находиться в постоянной готовности к защите отечества [32].

Законы Коннектикута, так же как и законы других штатов Новой Англии, отражают зарождение и развитие той общинной независимости, которая и в наши дни по-прежнему является основой американской свободы и инструментом ее воплощения в жизнь.

В Европе политическая жизнь большинства стран начиналась на верху официальной пирамиды и затем постепенно, да и то не в полной мере, охватывала все ячейки общества.

В Америке же, напротив, община была образована раньше, чем округ; округ появился прежде штата, а штат — прежде, чем вся конфедерация.

К1650 году в Новой Англии община полностью и окончательно утвердилась. Община была тем местом, которое объединяло и крепко связывало людей и где они могли проявить свои интересы и пристрастия, осуществить свои права и выполнить обязанности. Внутри общины кипела истинная и активная политическая жизнь, вполне демократическая и республиканская по своей сути. Колонии пока еще продолжали признавать верховную власть метрополии, штаты по-прежнему управлялись по законам монархии, однако республика уже полнокровно развивалась в рамках общины.

28Мемориал Новой Англии, с. 316.

[29]Конституция 1638 года, с. 17.

[30]В 1641 году Генеральная ассамблея Род-Айленда при полном согласии установила демократическую форму правления в штате и заявила, что власть возлагается на корпус свободных граждан, которые обладают исключительным правом издавать законы и следить за их исполнением.—Кодекс 1650 года, с.70.

[31]*Питкин.* История, с. 47.

[32]Конституция 1638 года, с. 12.

Община выбирала должностных лиц всех уровней, устанавливала местные налоги, а также взимала все прочие[33]. В общинах Новой Англии не было принято никаких законов о представительных органах. Любые общинные дела, затрагивающие интересы всех ее жителей, обсуждались, как в Афинах, на центральной площади или на общем собрании.

Когда внимательно изучаешь законы, которые принимались в течение всего первого периода существования американских республик, невольно поражаешься государственной мудрости законодателей, воплощавших в жизнь передовые теории.

Очевидно, что американские законодатели понимали обязанности общества в отношении своих членов гораздо шире и возвышеннее, нежели европейские законодатели того времени, и предъявляли к обществу такие высокие требования, от выполнения которых в других частях света оно пока еще уклонялось. В штатах Новой Англии бедняки были на полном обеспечении общества *34 с* момента его возникновения; строгие меры принимались для того, чтобы поддерживать в надлежащем состоянии дороги — для наблюдения за ними назначались даже специальные чиновники[35]; в публичные реестры общин заносились результаты обсуждения гражданами различных вопросов, факты смерти, бракосочетания и рождения членов общины[36]; для ведения этих реестров специально назначались регистраторы[37]. Существовали также чиновники, на которых возлагалась задача управления невостребованными наследствами. Другие чиновники занимались тем, что следили за соблюдением границ передаваемых по наследству земельных владений. Главной функцией ряда должностных лиц было поддержание общественного порядка в общине[38].

Закон предусматривал тысячи самых различных мер, чтобы удовлетворить множество уже существующих или возможных социальных потребностей, о которых во Франции и в наше-то время имеется лишь весьма смутное представление.

Однако самобытность американской цивилизации с самого начала наиболее ярко проявилась в предписаниях, касающихся

общественного образования.

«Принимая во внимание, — говорится в законе, — тот факт, что Сатана, враг рода человеческого, находит в невежестве людей свое самое мощное оружие, и заботясь о том, чтобы знания, принесенные сюда нашими отцами, не отошли в небытие вместе с ними; принимая во внимание то, что в воспитании детей прежде всего заинтересовано государство, мы, с помощью Божьей...» *39*. Далее следуют положения, предписывающие создание школ во всех общинах и обязывающие всех жителей под угрозой крупных штрафов взять на себя содержание этих школ. Аналогичным образом в наиболее густонаселенных районах создавались высшие школы. Муниципальные власти должны были следить за тем, чтобы родители отправляли своих детей в школы; эти власти пользовались правом налагать штраф на тех родителей, которые не выполняли данного требования; в случае же, если подобное неповиновение продолжалось, общество принимало на себя роль семьи, забирало ребенка на свое попечение и лишало отцов этих детей прав, которыми их наделила сама природа и которыми они столь дурно пользовались[40]. Читатель, несомненно, обратил внимание на преамбулу данных ордонансов: в Америке к просвещению ведет именно религия, тогда как к свободе человека направляет соблюдение им законов Божьих.

Когда, бросив, таким образом, беглый взгляд на американское общество 1650 года, обращаешься к положению в Европе, и в особенности к той ситуации, которая сложилась на всем континенте в ту же эпоху, тебя охватывает глубокое изумление: в начале XVII века повсюду на развалинах олигархической и феодальной свободы средневековья восторжествовала абсолютная монархия. В этой блестящей и просвещенной Европе идея прав человека совершенно игнорировалась—как никогда более; никогда еще народы не прини-

[33]Кодекс 1650 года, с. 80.
[34]Тамже.с. 78.
[35]Там же, с. 49.
[36]См: *Хатчинсон.* История, т. I, с. 455.
[37]Кодекс 1650 года, с. 86.
[38]Там же, с. 40.
[39]Тамже.с. 90.
[40] Там же, с. 83.

мали столь слабого участия в общественной и политической жизни своих государств; никогда еще принципы истинной

свободы не занимали столь мало умы людей. И все это тогда, когда все эти принципы, неизвестные европейским нациям либо презираемые ими, были провозглашены в пустынных краях Нового Света и легли в основу будущего развития великого народа. Самые смелые теории, созданные человеческим разумом, получили применение на практике в этом столь простом на первый взгляд обществе, которое ни один государственный деятель, без всякого сомнения, даже не удостоил бы своего внимания. Отдавшись на волю своей самобытности, человек, пользуясь лишь одним воображением, создал экспромтом беспрецедентное законодательство. При этой безвестной демократии, которая еще не дала миру ни одного генерала, ни одного философа или великого писателя, человек имел возможность встать в присутствии свободных граждан и при всеобщем одобрении дать следующее прекрасное определение свободы:

«Нам не следует заблуждаться относительно того, что мы понимаем под нашей независимостью. В самом деле, существует своего рода порочная свобода, которой пользуются как животные, так и люди и которая состоит в том, чтобы поступать сообразно собственным желаниям. Такая свобода враждебна любой власти; ее трудно подчинить каким-либо правилам; при ней мы опускаемся все ниже и ниже; она—враг истины и мира; даже Господь счел необходимым воспротивиться ей! Но одновременно существует свобода гражданская и нравственная; сила, воплощающаяся в единении всех; сила, которую самой власти предназначено охранять: эта свобода заключается в том, чтобы без страха совершать доброе и справедливое. Эту святую свободу мы обязаны защищать от любых случайностей и в случае необходимости жертвовать за нее собственной жизнью»[41].

Я уже сказал довольно много, чтобы представить в истинном свете характер англоамериканской цивилизации. Она есть результат (данное исходное положение должно постоянно присутствовать в ходе любых размышлений) двух совершенно различных начал, которые, кстати говоря, весьма часто находились в противоборстве друг с другом, но которые в Америке удалось каким-то образом соединить одно с другим и даже превосходно сочетать. Речь идет о *приверженности религии* и о *духе свободы*.

Основатели Новой Англии были ревностными сектантами и одновременно восторженными новаторами. С одной стороны, их сдерживали оковы определенных религиозных верований, а с другой — они были совершенно свободны от каких-либо политических предрассудков.

Отсюда и появились две различные, но вовсе не противоречащие друг другу тенденции, отпечаток которых нетрудно заметить повсюду—как в нравах общества, так и в его законах.

Эти люди способны приносить в жертву религиозным убеждениям своих друзей, свою семью и свою родину; можно предположить, что они поглощены поиском некоего интеллектуального блага, за которое готовы заплатить столь дорогую цену. Между тем, оказывается, что они практически с той же настойчивостью стремятся добиться не только морального удовлетворения, но и материальных благ, ища счастья на том свете и одновременно благополучия и свободы на этом.

Политические убеждения и созданные человечеством законы и институты превращаются в их руках в нечто столь податливое и гибкое, что кажется, они могут принимать любой оборот и как угодно комбинироваться.

Перед этими людьми рушатся все преграды, сковывавшие общество, в котором они родились; устаревшие взгляды, в течение долгих веков влиявшие на мир, постепенно исчезают; перед ними открываются практически безграничные возможности, напоминающие некое бесконечное пространство без горизонта Человек устремляет свой разум к этому полю деятельности, он исхаживает его вдоль и поперек, однако, достигнув границ мира политики, он невольно останавливается. Трепеща, он отказывается использовать свои самые устрашающие возможности, он больше не хочет ни сомневаться, ни создавать нечто новое, он даже воздерживается от желания приподнять завесу, закрывающую свя-

[41]*Мэзер.* Великие деяния Христа в Америке, т. П, с. 13. Эта речь была произнесена Уинтропом. Его обвиняли в том, что, будучи должностным лицом, он совершил ряд беззаконных действий; однако после произнесения речи, из которой взят данный отрывок, он был оправдан под всеобщие рукоплескания, и с тех пор его всегда переизбирали губернатором штата. См.: *Маршалл,* т. I, с. 166.

тилище,—исполненный уважения, он преклоняет колени перед истинами, которые принимает беспрекословно.

Таким образом, в мире нравственности все упорядочено, согласовано, предусмотрено и решено заранее. В мире же политики все находится в постоянном движении, все оспаривается, все как-то неопределенно; в одном — пассивное, хотя и добровольное повиновение, в другом — независимость,

недоверие к опыту и горячее отрицание любого авторитета.

Эти две тенденции, столь противоположные на первый взгляд, не наносят друг другу никакого вреда, напротив, они развиваются в полном согласии и даже как бы оказывают поддержку одна другой.

Религия видит в гражданской свободе благородное выражение человеческих способностей, а в политическом мире— поле деятельности, предоставленное человеческому разуму Создателем. Свободная и могущественная в своей сфере, полностью удовлетворенная отведенным ей в обществе местом, религия прекрасно осознает, что ее империя окажется более прочной, если она станет властвовать, опираясь лишь на собственные силы, и господствовать над сердцами без какой-либо поддержки извне.

Свобода же видит в религии свою союзницу в борьбе и в победах, колыбель своего собственного детства, божественный источник своих прав. Она воспринимает религию как блюстительницу нравственности, а саму нравственность считает гарантией законности и залогом своего собственного существования*.

ПРИЧИНЫ НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ АНГЛОАМЕРИКАНСКИХ ЗАКОНОВ И ОБЫЧАЕВ

Что сохранилось от аристократических институтов при самой полной демократии. — Почему это произошла. — Необходимость различать, что имеет пуританское начало, а что пришло из аристократической Англии.

Читатель не должен делать из всего изложенного слишком общие и слишком безоговорочные выводы. Безусловно, общественное положение, религиозные убеждения и нравы первых эмигрантов оказали колоссальное воздействие на судьбы их нового отечества Тем не менее не от их воли зависело создание такого общества, где они сами стали бы исключительными его творцами с самого начала. Никто не способен полностью освободиться от своего прошлого. Поселенцам не раз случалось смешивать, как сознательно, так и безотчетно, те убеждения и обычаи, которые были свойственны только им самим, с другими убеждениями и обычаями, которые они получили в процессе образования или почерпнули из национальных традиций страны, откуда они были родом.

Таким образом, желая составить правильное представление о современных англоамериканцах, нужно уметь точно различать, что имеет пуританские корни, а что—английские.

В Соединенных Штатах нередко можно столкнуться с законами или обычаями, которые существенно отличаются от всего того, что их окружает. Создается впечатление, что эти законы составлены в духе, совершенно противоположном тому, который господствует в американском законодательстве в целом; что эти обычаи как бы противоречат всей атмосфере, присущей данному обществу. Если бы английские колонии были основаны в менее просвещенную эпоху или если бы их происхождение терялось в глубине веков, то тогда задача, скорее всего, оказалась бы неразрешимой.

Для того чтобы пояснить свою мысль, приведу здесь один пример.

Гражданское и уголовное законодательства американцев признают всего лишь две меры пресечения: *тюремное заключение* или *внесение залога.* Согласно процедуре, ответчику вначале предлагается внести залог, если же он отказывается это сделать, то подлежит тюремному заключению. После этого рассматриваются обоснованность и тяжесть выдвинутого обвинения.

Совершенно очевидно, что подобное законодательство направлено прежде всего против бедняка и благоприятно только лишь для богача.

Бедняк далеко не всегда может найти необходимую для залога сумму, даже если речь идет о гражданском деле; кроме того, если он должен дожидаться судебного решения в тюрьме, то вынужденное бездействие вскоре в любом случае приведет его к нищете.

Богачу же, напротив, в гражданских делах всегда удается избежать заключения. Более того, если он и совершил правонарушение, то легко может избежать грозящего ему наказания: после того как он представил залог, он без труда исчезает. Таким образом, можно утверждать, что для него все наказания, определяемые законом, сводятся всего лишь к простому денежному взысканию, то есть обычному штрафу[42]. Ничто не несет на себе большей печати аристократического духа, нежели подобное законодательство!

Однако в Америке законы составляются бедными, которые, естественно, стараются сохранить за собой наибольшие общественные привилегии и преимущества.

Объяснение этому феномену следует искать в Англии: законы, о которых идет речь, — английские[43]. Американцы приняли их без каких-либо изменений, несмотря на то что они

прямо противоречат общему содержанию их законодательства и всем их убеждениям.

Народ менее всего склонен менять как свои обычаи, так и свое гражданское законодательство. Гражданские законы досконально известны лишь юристам, то есть тем, чей прямой интерес заключается в сохранении их в том виде, в котором они уже существуют, независимо от того, хороши эти законы или плохи, — по той лишь простой причине, что они их прекрасно знают. Большая же часть населения знакома с законами лишь весьма приблизительно; люди сталкиваются с ними только в конкретных случаях, с трудом воспринимают их общую направленность и потому подчиняются им совершенно бездумно.

Я привел здесь всего лишь один пример, тогда как мог бы перечислить их значительно больше.

Картина, которую являет собой американское общество, словно бы покрыта, если так можно выразиться, слоем демократии, из-под которого время от времени проступают старинные, аристократические краски.

[42]Безусловно, существуют такие преступления, по которым не предусматривается никакого залога, однако число их весьма незначительно.

[43]См.: *Блэкстон нДелолм,* кн. I, гл. X.

Глава III. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ АНГЛОАМЕРИКАНЦЕВ

Общественный строй обыкновенно возникает как следствие какого-либо события, иногда учреждается законодательным путем, а большей частью является результатом соединения этих двух обстоятельств. Однако, как только он сформируется, он сам начинает порождать большинство законов, обычаев и взглядов, определяющих поведение нации; то, что не является производным от него самого, он стремится изменить.

Следовательно, для того чтобы понять законодательство и обычаи того или иного народа, необходимо начать с изучения его общественного строя.

ОСНОВОПОЛАГАЮЩАЯ ОСОБЕННОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ АНГЛОАМЕРИКАНЦЕВ —ЭТО ЕГО СУГУБО ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ НАЧАЛО

Первые эмигранты в Новой Англии. — Равенство между ними, — Аристократические законы,

введенные на Юге. Эпоха революции. — Изменение законов о наследовании. — Последствия этого

изменения. — Равенство в самом полном объеме в новых штатах Запада. — Равенство в уровне

образованности.

Можно было бы сделать немало важных замечаний по поводу общественного строя англоамериканцев, однако необходимо особо остановиться на самом важном.

Общественный строй англоамериканцев в высшей степени демократичен. Такой характер он приобрел с момента основания колоний; в настоящее же время он стал еще более демократичным.

В предыдущей главе я говорил о том, что первые эмигранты, поселившиеся на побережье Новой Англии, были во многих отношениях равны между собой. В этой части Союза никогда не чувствовалось ни малейшего влияния аристократии. Да здесь никогда и не могло быть никакого иного влияния, кроме влияния разума. Народ привык почитать некоторых знаменитостей как символы просвещенности и добродетели. Отдельные граждане приобрели над ним определенную власть, которую не без основания можно было бы назвать аристократической, если бы она неизменно передавалась от отца к сыну.

Так обстояло дело к востоку от Гудзона; на юго-западе от этой реки и вплоть до Флориды мы видим нечто совершенно другое.

В большинстве штатов, расположенных на юго-западе от Гудзона, поселились богатые землевладельцы. Они принесли с собой аристократические принципы и вместе с ними — английские законы о наследовании. Я говорил о причинах, препятствующих возникновению в Америке могущественной аристократии. Эти причины, хотя и существовавшие в местах поселений к юго-западу от Гудзона, все же имели там меньшее значение, нежели в восточных от реки территориях. На Юге один человек, используя труд невольников, мог обрабатывать огромные пространства земли. Как следствие, в этой части Американского континента жили в основном богатые землевладельцы. Однако они неполь-

зевались тем влиянием, каким располагает аристократия в Европе, поскольку у них не было никаких привилегий; в результате того, что земля возделывалась с помощью рабского труда, они не имели арендаторов, и, следовательно, сама система патроната здесь отсутствовала. Тем не менее крупные

землевладельцы, жившие к югу от Гудзона, представляли собой высшее сословие, которому были свойственны особые убеждения и пристрастия и которое становилось в центре политической жизни общества. Это была весьма своеобразная аристократия, мало отличавшаяся от основной массы населения, чьи интересы и вкусы она легко воспринимала, не возбуждая ни у кого ни любви, ни ненависти — иными словами, она была слаба и не слишком живуча. Именно этот класс и возглавил на Юге восстание: Американская революция обязана ему своими самыми великими людьми.

В эту эпоху все общество пришло в движение: народ, во имя которого велась война, народ, ставший могущественным, возжелал действовать самостоятельно; у него пробудились демократические инстинкты. Сломив иго метрополии, люди почувствовали вкус ко всяким проявлениям независимости: влияние отдельных личностей стало ощущаться все меньше и меньше и постепенно сошло на нет; и обычаи, и законы начали гармонично развиваться в едином направлении к общей цели.

Однако последним шагом к равенству стал закон о наследовании.

Меня удивляет тот факт, что юристы, как современные, так и прошлых времен, не признавали того огромного влияния, которое оказывали законы о наследовании[1] на развитие человеческих отношений. Верно, что эти законы относятся к гражданскому законодательству, но на самом-то деле их следовало бы поставить во главу угла всех политических установлений, ибо они самым непредвиденным образом воздействуют на общественный строй, при котором живут те или иные народы, тогда как политические законы являются простым отражением этого строя. Кроме того, законы о наследовании имеют бесспорное и постоянное влияние на все общество, они в некотором смысле воздействуют на целые поколения задолго до их рождения. Эти законы дают человеку почти божественную власть над будущим ему подобных. Законодатель, единожды установив порядок наследования имущества гражданами, затем отдыхает на протяжении столетий. Запустив механизм в действие, он может сидеть сложа руки: машина уже движется собственным ходом по намеченному заранее пути. Задуманная определенным образом, она объединяет, концентрирует, группирует вокруг отдельных лиц сначала собственность, а вскоре и власть; она в какой-то степени порождает земельную аристократию. Если же в конструкцию данной машины заложены другие принципы и если цель ее создания иная, то ее воздействие оказывается еще более быстрым: она разделяет, распределяет, размельчает имущество и

могущество. Иногда случается так, что она наводит страх быстротой своего движения: уже и не надеясь приостановить ее ход, люди стараются по крайней мере как-то затруднить ее работу, воспрепятствовать ей; они делают попытки противостоять ее действию—но, увы, тщетные старания! Она дробит все, что ей ни попадается, на мелкие части, видны лишь разлетающиеся в стороны осколки. Она неустанно то поднимается вверх, то вновь опускается на землю до тех пор, пока эта земля не превратится в зыбкую и практически неосязаемую пыль, на которой устраивается поудобнее демократия.

В тех случаях, когда закон о наследовании позволяет и, тем более, требует равного раздела имущества отца между детьми, последствия его применения могут быть двоякими; необходимо четко различать их между собой, хотя цель у них одна и та же.

В соответствии с законом о наследовании смерть каждого владельца влечет за собой коренные изменения в собственности: имущество не просто меняет владельца, но меняет, так сказать, и свою природу, ибо оно беспрерывно дробится на все более и более мелкие части.

[1] Под законами о наследовании я подразумеваю все законы, главной задачей которых было определение судьбы имущества после смерти его владельца.

К их числу относится и закон о субституциях; этот закон, по правде сказать, хотя и препятствует собственнику распоряжаться своим имуществом при жизни, но одновременно обязывает владельца сохранять его только лишь для того, чтобы оно без ущерба перешло к наследнику. Основной целью закона о субституциях все-таки является распределение имущества после смерти владельца, остальное же есть лишь средство для достижения данной цели.

Именно в этом и заключается непосредственный, реально ощутимый результат применения данного закона. В тех странах, где законодательство устанавливает равенство при разделе наследства, имущество и особенно земельные владения должны, таким образом, постоянно сокращаться в размерах. Между тем последствия подобного законодательства становились бы заметными лишь спустя длительное время, если бы закон действовал только сам по себе, потому что редко какая семья имеет более двоих детей (например, в такой густонаселенной стране, как Франция, в среднем на семью приходится трое детей); разделив между собой состояния отца и матери, дети вряд ли окажутся беднее, чем каждый из родителей в отдельности.

Однако закон о равном разделе наследства оказывает свое воздействие не только на судьбу имущества: он влияет и на сами души владельцев, вызывая игру страстей, которая сказывается на его осуществлении. Таковы косвенные последствия закона, приводящие к быстрому разрушению крупных .состояний, и в особенности крупных землевладений.

У тех народов, у которых закон о наследовании исходит из права первородства, земельные владения наиболее часто переходят от поколения к поколению, не подвергаясь дроблению. Таким образом, владение землей порождает фамильный дух. Семья — это земля, которой она владеет, земля — это семья; земля увековечивает фамилию рода, его происхождение, его славу, его могущество и его добродетели. Она является бессмертным свидетелем прошлого и ценным залогом будущего существования семьи, рода.

Закон о наследовании, устанавливающий равный раздел имущества, уничтожает ту тесную связь, которая существовала между принадлежностью к конкретному роду и сохранностью земельного владения; земля перестает олицетворять собою семью, род, поскольку, неизбежно подвергаясь разделу через одно или два поколения, она, естественно, должна уменьшиться в размерах и в конце концов совершенно исчезнуть. Сыновья крупного землевладельца, если их число невелико или если им сопутствует удача, конечно, могут еще сохранять надежду стать не менее богатыми, нежели их родители, однако они не смогут обладать той же собственностью, которой владели их предки: их богатство непременно будет состоять из других элементов, нежели состояние родителей.

Таким образом, как только вы лишите землевладельцев их громадной заинтересованности в сохранении земли, что обусловлено их чувствами, воспоминаниями, гордостью и честолюбием, можно быть совершенно уверенными в том, что рано или поздно они продадут свои владения; их будет толкать к продаже земли немалая финансовая заинтересованность, так как движимое имущество обеспечивает своему владельцу большие проценты, нежели любое другое, и тем самым в большей степени способствует удовлетворению повседневных потребностей и желаний человека.

Оказавшись хотя бы единожды поделены, крупные землевладения уже не воссоздаются вновь в своем первоначальном виде, так как мелкий землевладелец получает, если соотнести размеры земли и его доходы, большую прибыль от своего надела[2], нежели крупный собственник от своих владении, поэтому-то он и продает свой участок значительно выгоднее, чем

последний. Таким образом, экономические расчеты, побудившие богатого человека продать свои обширные земельные владения, тем более не позволят ему приобретать маленькие участки земли с целью впоследствии воссоздать из них большие.

То, что называется чувством рода, на самом деле не что иное, как тщеславие. Каждый стремится продлить свой род, дабы достичь в некотором смысле бессмертия, воплотившись в своих потомках. Когда чувство рода пропадает, с особенной силой проявляется эгоизм человека. Род воспринимается как нечто весьма размытое, неопределенное и неясное, каждый человек думает лишь о собственном благополучии в повседневной жизни и о том, чтобы просто обзавестись потомством.

Таким образом, никто не заботится об увековечении своего рода, а если и заботится, то чаще всего другими средствами, нежели сохранение земельной собственности.

Итак, закон о наследовании не только делает трудным сохранение в целости родовых земельных владений, но и лишает собственников даже желания это делать; он в известной степени заставляет их содействовать своему же собственному разорению.

[2] Я не хочу сказать, что мелкий землевладелец качественнее возделывает почву, но он делает это старательнее и с большим усердием, компенсируя своим трудом нехватку умения в обработке земли.

Закон о равном разделе имущества действует двояким образом: влияя на собственность, он оказывает воздействие и на человека; оказывая воздействие на человека, он не может не затронуть и собственность.

Своим двойным воздействием закон наносит огромный ущерб институту земельной собственности и приводит к быстрому уничтожению как самих родов, так и их состояний[3].

Нам, французам XIX века, постоянным свидетелям политических и социальных перемен, происходящих в результате действия закона о наследовании, не подобает ставить под сомнение его значение. Ежедневно мы видим, как этот закон то тут, то там проявляется на нашей земле, разрушая стены наших домов и уничтожая ограждения вокруг наших полей. Вместе с тем если по закону о наследовании и совершено немало дел в нашей стране, то впереди таких дел еще больше. Действию этого закона во многом препятствуют наши воспоминания, наши убеждения и наши привычки.

В Соединенных Штатах его разрушительная сила уже почти достигла своих пределов. И именно в этой стране и следует

изучать основные результаты применения этого закона.

Английское законодательство о передаче имущества по наследству было ликвидировано в эпоху революции практически во всех североамериканских штатах.

Закон о субституциях был изменен таким образом, чтобы практически никак не стеснять свободное обращение имущества*.

Ушло первое поколение, начался раздел земель. С течением времени данный процесс развивался все быстрее и быстрее. Сегодня, по прошествии всего лишь шестидесяти лет, общество стало уже совершенно неузнаваемым; почти все семьи крупных землевладельцев растворились в общей массе населения. В штате Нью-Йорк, где в свое время насчитывалось довольно большое количество крупных землевладельцев, лишь двое умудрились уцелеть в готовом поглотить их водовороте. Дети богатых граждан стали сегодня коммерсантами, адвокатами, врачами. Многие из них канули в полную безвестность. Последние следы высокого общественного положения и знатности, унаследованных от предков, были уничтожены; закон о наследовании свел всех к единому уровню.

Это вовсе не означает, что в Соединенных Штатах, да и в других местах нельзя встретить богатых современников. Напротив, я, пожалуй, даже не знаю другой такой страны, где бы любовь к деньгам занимала столь прочное место в сердцах людей и где бы открыто высказывалось столь глубокое презрение к теории о неизменном имущественном равенстве. Однако состояния обращаются в этой стране с невероятной быстротой, а опыт свидетельствует о том, насколько редко случается, чтобы два поколения подряд пользовались привилегией быть богатыми.

Эта картина, какой бы красочной она ни была, тем не менее дает лишь самое приблизительное представление о том, что происходит в новых штатах Запада и Юго-Запада Америки.

К концу прошлого столетия предприимчивые искатели приключений начали проникать в долину Миссисипи. Это стало как бы новым открытием Америки, и вскоре туда хлынуло большое число эмигрантов; из пустынных необжитых мест стали вдруг доходить вести, что там появились какие-то неизвестные общины. Штаты, которых не было и в помине всего несколько лет тому назад, прочно заняли свое место в американском Союзе. Именно в западных территориях развитие демократии достигло своего наивысшего уровня. В этих штатах, возникших в какой-то степени по воле случая, люди расселились на занятых ими землях совсем недавно. Они были едва знакомы друг с другом, и

[3]В силу того, что земля является самой надежной формой собственности, время от времени появляются богатые люди,

которые охотно готовы потерять значительную часть своих доходов с тем, чтобы быть уверенными в оставшихся. Однако подобные случаи являются исключением. Любовь к недвижимости обыкновенно встречается у людей бедных. Мелкие земельные собственники, у которых меньше знаний, меньше фантазии и меньше пристрастий по сравнению с богатыми владельцами, обыкновенно заботятся лишь о том, чтобы расширить свои владения, и, таким образом, зачастую случается, что наследство, брак или же удача в коммерции постепенно открывают перед ними возможности добиться своей цели.

Наряду с тенденцией, ведущей к тому, что люди дробят свои землевладения, существует и другая тенденция, которая ведет к накоплению земли. Данная тенденция, будучи достаточной для того, чтобы воспрепятствовать дроблению земельных владений до бесконечности, тем не менее не является настолько сильной, чтобы способствовать возникновению крупных состояний и тем более сохранению таких земельных состояний в руках одного рода.

никто не знал прошлого своего ближайшего соседа. Население этой части Американского континента, таким образом, избежало влияния не только знати или крупных богачей, но и так называемой аристократии от природы, то есть людей, своим происхождением связанных с просвещением и добропорядочностью. Здесь никто не пользовался тем большим уважением, которое вызывается памятью людей о прошедшей перед их глазами жизни, отданной на благо других. В новых штатах Запада есть просто жители, но общество как таковое здесь пока еще не сложилось.

Однако в Америке люди имеют не только одинаковые состояния; они до известной степени равны и в своем интеллектуальном развитии.

Я не думаю, что где-либо в мире существуют государства, где пропорционально численности населения встречалось бы столь мало полных невежд и столь же мало ученых, как на Североамериканском континенте.

Начальное образование в этой стране доступно всем и каждому. Высшее образование не доступно практически никому.

Данную ситуацию легко понять: она явилась неизбежным результатом всего того, о чем говорилось выше.

Почти все американцы довольно-таки зажиточны, поэтому они легко могут приобрести начальные элементы человеческих знаний.

Однако в Америке мало богатых людей, в силу чего практически все американцы вынуждены заниматься какой-либо профессиональной деятельностью. Между тем любая профессия требует предварительного обучения. Таким образом, приобретению общеобразовательных знаний американцы могут посвящать лишь первые несколько лет своей жизни: уже в пятнадцать лет они начинают свою профессиональную деятельность, и, как следствие, получение ими образования завершается чаще всего именно в ту пору жизни, когда у нас оно лишь только начинается. Если же американец продолжает учиться и дальше, то чаще всего он сосредоточивается лишь на предметах конкретных, от которых впоследствии может получить выгоду. Он рассматривает науку с сугубо деловой точки зрения, извлекая из нее только то, что может принести непосредственную пользу в настоящий момент.

В Америке большинство ныне богатых людей были когда-то бедными; практически все, кто сейчас бездельничает, в юности трудились не покладая рук. Поэтому если у человека и могла быть когда-то тяга к знанию, то у него не было времени заниматься своим образованием, а когда у него наконец появилось свободное время, то исчезло само желание.

В Америке вообще нет такого слоя людей, которые могли бы вместе с состоянием и возможностью иметь свободное время передать в наследство потомкам свою любовь к знаниям и которые почитали бы за честь заниматься умственным трудом.

Стало быть, американцы и не хотят посвящать себя этому труду, и не имеют возможности им заниматься.

В этих условиях в Соединенных Штатах установился некий средний уровень знаний, к которому все как-то приблизились: одни — поднимаясь до него, другие — опускаясь.

В результате здесь можно встретить огромную массу людей, у которых сложилось почти одинаковое понимание религии, истории, наук, политической экономии, законодательства, государственного устройства и управления.

Разум дается человеку Богом — один получает больше, другой — меньше, — и человек не в силах противодействовать такому неравенству; это было и будет всегда.

Однако, как по крайней мере видно из сказанного выше, хотя умственные способности людей по воле Создателя и остаются неодинаковыми, люди вместе с тем получают равные возможности для своего развития.

Итак, в Америке аристократическая элита, будучи весьма слабой уже в момент своего зарождения, в настоящее время если до конца еще и не уничтожена, то по меньшей мере ослаблена до

такой степени, что вряд ли можно говорить о каком-либо ее влиянии на развитие событий в стране.

Напротив, время, события и законы создали такие условия, в которых демократический элемент оказался не только преобладающим, но и, так сказать, единственным. В американском обществе не заметно ни фамильного, ни сословного влияния, здесь даже очень редко случается, чтобы какая-то отдельная личность имела вес в обществе долгое время.

Американский общественный строй, таким образом, представляет собой чрезвычайно странное явление. Ни в одной стране мира и никогда на протяжении веков, память о которых хранит история человечества, не существовало людей, более равных между собой по своему имущественному положению и по уровню интеллектуального развития, другими словами — более твердо стоящих на этой земле.

ВЛИЯНИЕ АНГЛОАМЕРИКАНСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ СТРАНЫ

Совсем нетрудно предположить, каким образом общественный строй может повлиять на политическую жизнь страны.

Было бы совершенно непонятно, если бы равенство, характерное для различных сфер человеческой жизни, не коснулось бы в конце концов и мира политики. Невозможно представить себе, чтобы люди, равные между собой во многих отношениях, в одной какой-то области оставались навечно неравными, поэтому, естественно, со временем они должны добиться равенства во всем.

Между тем мне известны всего два способа, которыми можно достичь равенства в политической сфере: нужно или дать все права каждому гражданину страны, или же не давать их никому.

Тем из народов, которые пришли к такому же общественному строю, какой существует у англоамериканцев, оказывается чрезвычайно сложно заметить некую границу между верховной властью, принадлежащей всему населению, и единоличной абсолютистской властью.

Вряд ли стоит отрицать, что при описанном мною выше общественном строе может с одинаковой легкостью быть как первый, так и второй результат.

И действительно, существует некое настойчивое и закономерное стремление человека к такому равенству, которое

пробуждает в людях желание стать сильными и уважаемыми в обществе. Это страстное желание служит тому, что незначительные люди поднимаются до уровня великих. Однако в человеческих душах живет иногда и некое извращенное отношение к равенству, когда слабые желают низвести сильных до собственного уровня, и люди скорее готовы согласиться на равенство в рабстве, чем на неравенство в свободе. Это вовсе не означает, что люди, живущие при демократическом общественном строе, с легкостью пренебрегают свободой; напротив, им свойственна инстинктивная склонность к ней. Однако обретение свободы отнюдь не является главной и постоянной целью их жизни. Единственное, что они любят безгранично, — так это равенство; эти люди как-то внезапно, под влиянием сиюминутных импульсов, устремляются к свободе, и если они все же не достигают своей цели, то безропотно покоряются судьбе; им ничего не нужно, кроме равенства, и они скорее согласились бы погибнуть, чем лишиться его.

С другой стороны, когда все граждане более или менее равны между собой, им становится сложно защищать свою независимость от нажима властей. Никто из них не оказывается достаточно сильным, чтобы успешно сопротивляться поодиночке, поэтому, лишь объединяя свои усилия, сообща, люди способны гарантировать себе сохранение свободы. Однако подобное объединение сил достижимо далеко не всегда.

Таким образом, на основе одного и того же общественного строя народы могут добиться двух основных результатов: эти результаты кардинально разнятся между собой, но источник у них один.

Первыми столкнулись с этой описанной мною опасной альтернативой англоамериканцы; они были вполне счастливы, избежав неограниченной, абсолютистской власти. Обстоятельства, происхождение, образование и в особенности нравы позволили им ввести у себя и сохранить верховную власть всего народа

Глава IV. О ПРИНЦИПЕ НАРОДОВЛАСТИЯ В АМЕРИКЕ

Всеобъемлющее господство принципа народовластия в американском обществе. — Применение

американцами данного принципа до революции. —Влияние революции на развитие принципа

народовластия. — Постепенное и неуклонное снижение ценза.

Говоря о политических законах Соединенных Штатов, следует

непременно начать с концепции народовластия.

Принцип народовластия, который в той или иной степени всегда заложен в основу любых общественных институтов, обычно почти невидим. Ему подчиняются, хотя его и не признают, а если все же иногда случается извлечь его на свет божий, то тотчас же люди торопятся вновь скрыть его во мраке святилища.

Воля народа есть, пожалуй, один из тех лозунгов, которым интриганы и деспоты всех времен и народов наиболее злоупотребляли. Одни считали, что эта воля выражается одобрением, исходящим от отдельных продажных приспешников власти; другие видели ее в голосах заинтересованного или боязливого меньшинства; некоторые даже находили, что воля народа наиболее полно проявляется в его молчании и что из самого *факта* его повиновения рождается их *право* повелевать.

В Америке, в отличие от других стран, принцип народовластия претворяется в жизнь открыто и плодотворно. Он признается обычаями страны, провозглашается в ее законах, он свободно эволюционирует и беспрепятственно достигает своих конечных целей.

Если на свете существует такая страна, в которой можно по достоинству оценить принцип народовластия, где можно изучить его в применении к общественной деятельности и судить как о его преимуществах, так и о его недостатках, то этой страной, бесспорно, является Америка.

Как я уже говорил ранее, многие колонии Новой Англии с момента их появления руководствовались принципом народовластия. Меж тем в то время было еще очень далеко до того, чтобы этот принцип стал столь доминирующим в управлении страной, как это имеет место сейчас.

Два препятствия — одно из них внешнее, другое внутреннее — сдерживали его всеохватывающее поступательное развитие.

Принцип народовластия не мог открыто появиться в законах, так как колонии еще продолжали формально подчиняться метрополии, и его были вынуждены скрывать, провозглашая лишь на провинциальных собраниях и главным образом в общинах, где он тайно таким путем развивался.

Американское общество того времени еще не было достаточно подготовлено к тому, чтобы принять этот принцип со всеми вытекающими последствиями. Просвещенные люди в Новой Англии и богатые граждане в штатах, расположенных к югу от Гудзона, в течение длительного времени оказывали, как это уже было описано мною в предыдущей главе, своего рода аристократическое влияние на общество, направленное на сосредоточение всей власти в руках единиц. Еще далеко было то

время, когда все общественные должностные лица стали выбираться, а все граждане считались избирателями. Избирательное право было повсеместно ограничено определенными рамками и конкретным избирательным цензом. Данный ценз весьма мало применялся на Севере и гораздо больше — на Юге.

62

Вспыхнула Американская революция. Принцип народовластия вышел за пределы общины и распространился на сферу деятельности правительства; все классы пошли на уступки ради торжества этого принципа; во имя него сражались и побеждали; он стал наконец законом законов.

Внутри американского общества произошли столь же быстрые изменения. Закон о наследовании завершил уничтожение местного влияния.

К тому времени, когда воздействие законов и результаты революции стали мало-помалу очевидными для всего общества, демократия уже одержала безоговорочную победу. Демократия восторжествовала на деле, захватив власть в свои руки. Против нее не дозволялось даже вести борьбу. Высшие сословия подчинились ей безропотно и без сопротивления, как злу, сделавшемуся отныне неизбежным. С ними произошло то, что случается обычно с теми, кто теряет свое могущество: на первый план выходят чисто эгоистические интересы каждого в отдельности, а поскольку власть уже невозможно вырвать из рук народа и поскольку массы не вызывают у них столь глубокой ненависти, чтобы не подчиняться им, постольку они решают добиваться во что бы то ни стало благосклонности народа. В результате самые демократические законы один за другим были поставлены на голосование и одобрены теми самыми людьми, чьи интересы страдали от этих законов в наибольшей степени. Действуя таким образом, высшие сословия не возбудили против себя народного гнева; напротив, они сами ускорили торжество нового строя. И — странное дело! — демократический порыв всего неудержимее проявлялся в тех штатах, где аристократия пустила наиболее глубокие корни.

Штат Мэриленд, основанный в свое время знатными дворянами, первый провозгласил всеобщее избирательное право[1] и ввел в систему управления штатом демократические формы.

Когда какой-либо народ пытается изменить действующий в стране избирательный ценз, можно предположить, что рано или поздно он отменит его полностью. Таково одно из неизменных правил жизни любого общества. Чем больше расширяются

избирательные права граждан, тем больше потребность в их дальнейшем расширении, поскольку после каждой новой уступки силы демократии нарастают и одновременно с упрочением новой власти возрастают и ее требования. Чем больше людей получает право избирать, тем сильнее становится желание тех, кто еще ограничен избирательным цензом, получить это право. Исключение становится, наконец, правилом, уступки следуют одна за другой, и процесс развивается до тех пор, пока не вводится всеобщее избирательное право.

В наши дни принцип народовластия настолько полно воплощается в жизнь в Соединенных Штатах, насколько это только можно себе представить. Он был очищен от всевозможных вымыслов, которые старались создать вокруг него в других странах; постепенно, в зависимости от обстоятельств, он начинает проявляться в самых разнообразных формах: то народ в полном составе, как это было в Афинах, сам устанавливает законы; то депутаты, избранные на основе всеобщего избирательного права, представляют этот народ и действуют от его имени и под его непосредственным контролем.

Существуют такие страны, в которых власть, находясь как бы вне общественного организма, воздействует на него и вынуждает его следовать по тому или иному пути развития.

Существуют также и другие страны, где власть поделена и находится частично в руках общества, а частично — вне его. Ничего похожего в Соединенных Штатах вы не увидите; общество здесь действует вполне самостоятельно, управляя собой само. Власть исходит исключительно от него; практически невозможно встретить человека, который осмелился бы вообразить и в особенности высказать соображение о том, чтобы искать ее в ином месте. Народ участвует в составлении законов, выбирая законодателей; участвует он и в претворении этих законов в жизнь — путем избрания представителей исполнительной власти. Можно сказать, что народ сам управляет страной, ибо права, предоставленные правительству, весьма незначительны и ограниченны; правительство постоянно чувствует свою изначальную связь с народом и повинуется той силе, которая создала его. Народ властвует в мире американской политики словно Господь Бог во Вселенной. Он — начало и конец всему сущему; все исходит от него и все возвращается к нему*.

[1] Поправки к конституции штата Мэриленд, сделанные в 1801 и в 1809 годах.

Глава V. НЕОБХОДИМОСТЬ ИЗУЧИТЬ ПРОИСХОДЯЩЕЕ

В ОТДЕЛЬНЫХ ШТАТАХ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ПЕРЕЙТИ К ОПИСАНИЮ УПРАВЛЕНИЯ ВСЕМ СОЮЗОМ

В данной главе предполагается определить, какова та форма правления, которая установилась в Америке на основе принципа народовластия, рассмотреть присущие ей средства воздействия, ее трудности, преимущества и недостатки.

Первый недостаток состоит в следующем: устройство Соединенных Штатов чрезвычайно сложное; в этой стране одновременно существует два различных общества, которые, если можно так выразиться, втиснуты одно в другое. И мы видим здесь два правительства, полностью отделенных друг от друга и практически независимых: одно из них носит самый обычный характер, оно имеет весьма широкие функции и обеспечивает удовлетворение потребностей общества; тогда как другое — особое, сфера его деятельности ограничена и охватывает лишь самые общие интересы всей страны. Одним словом, это двадцать четыре небольших суверенных штата, составляющих один большой Союз.

Рассматривать Союз в целом, не изучив как следует отдельные штаты, — это значит вступить на путь со множеством препятствий. Форма федерального управления Соединенными Штатами появилась на свет последней; она является не чем иным, как разновидностью республики, которая впитала в себя все политические принципы, распространившиеся в обществе еще до ее возникновения и продолжающие существовать независимо от нее. Федеральное правительство, как я только что сказал, всего лишь исключение, тогда как правительство штата — явление обычное. Писатель, который пожелал бы описать общий вид подобной картины, не обрисовав прежде ее конкретных деталей, неизбежно впал бы в расплывчатость или в повторы.

Великие политические принципы, лежащие в основе системы управления современной Америки, зародились и получили свое развитие в рамках *штата* — сомневаться в этом не приходится. Таким образом, чтобы найти ключ к пониманию всего целого, следует рассмотреть систему управления штата как такового.

Штаты, составляющие в настоящее время американский Союз, имеют в том, что касается их видимого устройства, некую общность характеристик. Их политическая и административная жизнь сосредоточена в трех основных центрах деятельности, которые можно было бы сравнить с различными центрами нервной системы, управляющими движениями человеческого тела.

На первом уровне находится *община,* далее — *округ* и,

наконец, — *штат.*

ОБЩИННАЯ СИСТЕМА В АМЕРИКЕ

Причины, побуждающие автора начать рассмотрение политических институтов с общины. —

Община встречается у всех народов. — Трудности установления и сохранения общинной свободы. —

Ее значение. —Причины, по которым главным объектом анализа общинного устройства автор

избрал штаты Новой Англии.

Я не случайно начал исследование политических институтов Соединенных Штатов с общины.

64

Община является тем единственным объединением, которое так хорошо отвечает самой природе человека, ибо повсюду, где бы ни собирались вместе люди, община возникает как бы сама собою.

Таким образом, общинное устройство существует у всех народов, независимо от их обычаев и законов. Есть королевства и республики, создающиеся человеком; община же, кажется, прямо выходит из рук Божьих. И хотя община существует с тех пор, как появились люди, общинная свобода остается чем-то редким и хрупким. Страна всегда в состоянии создать большие политические организмы, потому что обыкновенно находится определенное число людей, просвещенность которых до известной степени способна заменить опыт в делах. Община же складывается из элементов более грубых, зачастую не поддающихся воздействию законодателя. Трудности в установлении независимости общины, вместо того чтобы сокращаться по мере роста просвещенности народов, напротив, возрастают. Наиболее цивилизованное общество с трудом переносит попытки общины добиться независимости; оно восстает, сталкиваясь с многочисленными проблемами, и приходит в совершенное отчаяние, разуверившись в успехе значительно раньше, чем достигнет окончательного результата.

В числе всех прочих видов независимости независимость общины, столь трудно утверждаемая, более всех подвержена вмешательству властей. Сами по себе институты общинной власти совершенно не способны противостоять сильному и предприимчивому правительству; для того чтобы успешно защищать себя, им необходимо всесторонне развиваться и воспринимать те взгляды и обычаи, которые распространены по

всей стране. Таким образом, до тех пор пока независимость общины не войдет в обычай общества, ее можно без труда уничтожить, а стать обычной для общества она может только после того, как долгое время просуществует в законах.

Итак, общинная свобода не поддается, если так можно выразиться, стараниям людей. Поэтому весьма редки случаи, когда независимость общины устанавливается людьми: она возникает словно сама по себе и развивается почти незаметно в недрах полудикого общества. И только при непрерывном воздействии законов и обычаев, обстоятельств и в особенности времени ее удается наконец укрепить. Можно утверждать, что ни один из народов Европейского континента не знает, что такое независимость общины.

Между тем именно в общине заключена сила свободных народов. Общинные институты играют для установления независимости ту же роль, что и начальные школы для науки; они открывают народу путь к свободе и учат его пользоваться этой свободой, наслаждаться ее мирным характером. Без общинных институтов нация может сформировать свободное правительство, однако истинного духа свобод она так и не приобретет. Скоропреходящие страсти, минутные интересы, случайные обстоятельства могут создать лишь видимость независимости, однако деспотизм, загнанный внутрь общественного организма, рано или поздно вновь появится на поверхности.

Для того чтобы сделать предельно понятными для читателя те общие принципы, на которых формируется политическое устройство общины и округа в Соединенных Штатах, я считаю полезным взять за образец какой-нибудь штат, подробно рассмотреть все то, что там происходит, и затем дать беглый обзор в целом по всей стране.

Для этой цели я избрал один из штатов Новой Англии.

Община и округ в различных частях Союза устроены по-разному, хотя легко заметить, что в пределах всего государства в основе образования как общины, так и округа лежали более или менее сходные принципы.

Однако, как мне кажется, в Новой Англии эти принципы получили наибольшее развитие и привели к более глубоким результатам, чем где бы то ни было. Они проявляются здесь несколько рельефнее, если можно так выразиться, и потому стороннему наблюдателю их легче разглядеть.

Общинные институты Новой Англии являют собой стройную и законченную систему; они имеют давнюю историю; они черпают свою силу в законах и, в еще большей степени, в обычаях; они оказывают колоссальное воздействие на все

общество в целом.

По всем этим причинам они заслуживают нашего самого пристального внимания.

РАЗМЕРЫ ОБЩИНЫ

Община Новой Англии (Township) является чем-то средним между кантоном и коммуной во Франции. Обычно в такой общине насчитывается от двух до трех тысяч жителей[1], таким образом, с одной стороны, она не настолько велика, чтобы интересы ее жителей слишком различались, а с другой стороны, община достаточно густо населена, так что здесь всегда можно найти людей, способных управлять ею.

ОБЩИННЫЕ ВЛАСТИ В НОВОЙ АНГЛИИ

В общине, как и везде, народ — источник всей власти. — В рамках общины народ самостоятельно решает все свои основные проблемы. — Отсутствие муниципального совета. — Наибольшая доля общинной власти сосредоточена в руках выборных лиц (select-men). — Деятельность выборных лиц. — Общее собрание жителей общины (Town-Meeting). — Перечисление всех должностей, существующих в общине. — Обязательные функции и функции оплачиваемые.

В общине, как, впрочем, и повсюду, народ является источником власти в обществе, однако более непосредственно, чем в общине, он нигде не осуществляет свою власть. В Америке народ является хозяином, которому следует повиноваться в той мере, в какой только это возможно.

В Новой Англии при обсуждении дел, касающихся всего штата, большинство действует через представителей. Такой порядок диктуется необходимостью. Однако в общинах, где законодательная и исполнительная власти максимально приближены к населению, принцип представительства совершенно не используется. Здесь не существует муниципального совета; корпус избирателей после назначения должностных лиц общины сам направляет их деятельность во всем, что не подчинено законам штата, которые исполняются общинными властями прямо и безоговорочно[2].

Подобный порядок настолько несовместим с нашими представлениями и в такой степени противоречит нашим

привычкам, что здесь необходимо привести несколько примеров, дабы сделать его по возможности более понятным.

В общине существует множество самых разнообразных должностей, характерной особенностью которых является узкая специализация, дробление функций, в чем мы сможем убедиться ниже. Вместе с тем значительная доля исполнительной власти сосредоточена в руках нескольких ежегодно избираемых членов городского управления, называемых select-men[3].

Законы штата возлагают на этих выборных лиц определенный круг обязанностей. Для их исполнения они не должны испрашивать разрешения у своих избирателей, но уклонение от исполнения обязанностей лежит на личной ответственности выборных лиц. Так, например, один из законов штата предписывает им составление списков избирателей в своих общинах. Если же они не делают этого, то считаются виновными в правонарушении. Однако во всех делах, находящихся в исключительном ведении общинных властей, члены городского управления являются исполнителями воли народа, подобно тому как, скажем, у нас есть мэр, исполняющий решения, принимаемые муниципальным советом. Чаще всего они действуют под свою личную ответственность и в большинстве случаев исполняют свои обязанности, просто следуя тем принципам,

[1] В1830 году в штате Массачусетс было 305 общин, а количество жителей составляло 610 014 человек, таким образом, на каждую общину приходилось 2000 жителей.

[2] Эти правила не применимы в отношении больших по своим размерам общин. Крупные общины обычно имеют мэра и двухпалатный муниципальный совет. Однако подобное устройство является исключением и должно быть разрешено в законодательном порядке. См. закон от 22 февраля 1822 года, регулирующий отправление власти в городе Бостоне. Законы Массачусетса, т.II, с. 588. Это касается лишь крупных городов. Вместе с тем нередко случается, что и в маленьких городах существует особая система управления. В 1832 году в штате Нью-Йорк насчитывалось 104 общины, которые имели особое управление («Справочник» Уильямса).

[3] В маленьких общинах избирается трое членов городского управления, в самых крупных — девять человек. См.: «Должностное лицо городского управления», а также основные законы штата Массачусетс, касающиеся выборных лиц:

закон от 20 февраля 1786 года, т.1, с.219; от 24 февраля 17% года, т.1, с.488; от 7 марта 1801 года, т.П, с.45; от 16 июня 1795 года, т.1, с.475; от 12 марта 1808 года, т.П, с.186; от 28 февраля 1787 года, т.1, с.302; от 22 июня 1797 года, т.1, с.539.

которые были ранее одобрены. Но коль скоро они захотят внести то или иное изменение в сложившийся порядок или решатся начать нечто новое, они обязаны обратиться за разрешением к народу, источнику своей власти. Предположим, что речь идет о создании новой школы. В установленный день члены городского управления созывают в заранее определенном месте всех избирателей. На этом собрании они оповещают присутствующих о возникшей потребности в школе, затем предлагают, каким образом это можно осуществить, определяют, сколько на это потребуется денег, а также указывают место, которое они наметили для будущего строительства здания. Собрание, обсудив все подробно, принимает предложение в целом, утверждает местоположение будущей школы, определяет размеры налога и вновь вверяет исполнение своей воли членам городского управления.

Собрание общины (town-meeting) может созываться только членами городского управления, однако к ним можно обратиться с просьбой о его созыве. Если десять собственников составляют новый проект и хотят представить его на одобрение общины, то прежде всего они просят созыва всех жителей общины, и члены городского управления обязаны подчиниться этому требованию; за ними сохраняется лишь право председательствовать на собрании[4].

Подобные обычаи в политике и в общественной жизни, безусловно, очень далеки от наших. В данный момент я не собираюсь ни давать им свою оценку, ни объяснять скрытые причины, которые их порождают и поддерживают, — ограничусь лишь их описанием.

Члены городского управления избираются ежегодно в апреле или в мае месяце. В это же время собрание общины избирает множество других муниципальных чиновников[5], на которых возлагаются весьма важные административные обязанности. Одни, называемые асессорами, должны устанавливать размеры налогов; на других — сборщиков — возлагается обязанность взимать эти налоги. Офицер, называемый *констеблем,* исполняет полицейские обязанности; он следит за порядком в общественных местах и способствует исполнению законов. Секретарь городского управления ведет протоколы собраний, регистрирует все дела общины и составляет акты гражданского состояния. Казначей хранит денежные фонды общины. Прибавьте к этим чиновникам также и попечителя бедных, в чрезвычайно сложные обязанности которого входит приведение в исполнение законов, касающихся

неимущих; уполномоченных по делам школ и общественного образования; инспекторов дорог, надзирающих за состоянием больших и малых путей сообщения, — и вы получите полный список административных чиновников. Однако разделение функций на этом не заканчивается: среди муниципальных должностных лиц [6] встречаются еще и приходские уполномоченные, обязанностью которых является определение расходов на исполнение религиозных обрядов; всевозможные инспектора, которые должны руководить действиями жителей в случае пожара, или же следить за сбором урожая, или же наблюдать за правильностью проведения границ между владениями и разрешать возникающие время от времени споры в этой области, или же, наконец, надзирать за правильным обмером лесов и инспектировать соблюдение весов и мер.

Всего в общине насчитывается девятнадцать основных должностей. Каждый житель общины под угрозой штрафа обязан принимать на себя отправление этих обязанностей, но большинство из них оплачивается, с тем чтобы неимущие граждане были в состоянии отдавать исполнению этих обязанностей свое время без ущерба для себя. Впрочем, по американской системе выплата фиксированного жалованья чиновникам не предполагается. Каждое действие должностного лица имеет свою оплату, и, таким образом, чиновники получают вознаграждение сообразно вложенному ими труду.

[4]См.: Законы Массачусетса, т.1, с.150, закон от 15 марта 1786 года.

[5] Там же.

[6]Все эти должностные лица реально существуют в повседневной жизни общины. Чтобы подробнее ознакомиться с функциями этих чиновников, см. книгу «Должностное лицо городского управления», написанную Айзеком Гудвином и изданную в Вустере в 1827 году, а также сборник общих законов штата Массачусетс в трех томах, Бостон, 1823 год.

ЖИЗНЬ ОБЩИНЫ

Каждый человек есть лучший судья в том, что касается его одного. — Неизбежное следствие осуществления принципа народовластие — Претворение в жизнь данных принципов в американских

общинах. — Община Новой Англии абсолютно самостоятельна во всех делах, касающихся

непосредственно ее самой, и подвластна штату во всех остальных сферах. — Обязательства

общины по отношению к штату. — Во Франции правительство направляет своих чиновников в

общины. — В Америке община использует своих чиновников в общегосударственных целях.

Ранее я уже говорил о том, что вся англоамериканская политическая система построена на принципе народовластия. На каждой странице этой книги будут описаны все новые и новые сферы приложения этой доктрины.

В странах, где господствует принцип народовластия, каждый человек обладает равной долей этой власти и каждый в одинаковой степени участвует в управлении государством.

Таким образом, предполагается, что каждый человек является столь же просвещенным, столь же добродетельным и столь же сильным, сколь и другие, ему подобные.

Почему же в таком случае он подчиняется обществу и где находятся естественные пределы подобного повиновения?

Он подчиняется обществу совсем не потому, что менее других способен управлять государственными делами, и не потому, что менее других способен управлять самим собой, — он повинуется обществу потому, что признает для себя полезным союз с себе подобными и понимает, что данный союз не может существовать без власти, поддерживающей порядок.

Таким образом, во всем том, что касается взаимных обязанностей граждан по отношению друг к другу, он оказывается в положении подчиненного. Однако во всем том, что касается лишь его самого, он остается полновластным хозяином: он свободен и обязан отчитываться в своих действиях только лишь перед Богом. Отсюда вытекает правило, что каждый человек есть лучший и единственный судья в том, что касается его собственных интересов, и что общество только тогда имеет право направлять его действия, когда этими действиями он может нанести обществу ущерб, или же в том случае, когда общество вынуждено прибегнуть к помощи этого человека

В Соединенных Штатах дачная концепция принята повсеместно. Далее я буду говорить о том широком влиянии, которое оказывает эта концепция даже на самые обыкновенные поступки человека. Ну а пока продолжим разговор об общине.

Община, рассматриваемая в целом, а также по отношению к центральному правительству, является не более чем обыкновенной единицей, поэтому к ней также применима описанная мною выше теория.

Итак, независимость общины в Соединенных Штатах логически вытекает из самого принципа народовластия; все американские республики в той или иной степени признали эту независимость, однако в штатах Новой Англии обстоятельства оказались особенно благоприятными для ее развития.

В этой части Союза политическая жизнь зародилась непосредственно в рамках самой общины; с известными оговорками можно было бы утверждать, что с момента своего образования каждая из данных общин являла собой независимую нацию. Когда впоследствии английские короли потребовали свою долю верховной власти в американских колониях, они ограничились тем, что сосредоточили в своих руках лить центральную власть. Они оставили общину нетронутой. Сейчас общины Новой Англии находятся в подчиненном положении, однако вначале они не подчинялись никому или же если и подчинялись, то весьма незначительно. Таким образом, они не получили власть извне; наоборот, они сами как бы уступили часть своей независимости штату. Это очень важное различие, которое читатель должен всегда иметь в виду.

Община только тогда подчиняется штату, когда речь идет о таком интересе, который я бы назвал *общественным,* то есть когда дело касается не только ее самой, но также и других общин.

Во всем же, что относится непосредственно к самой общине, она по-прежнему остается независимой единицей, и среди жителей Новой Англии вряд ли найдется хотя бы один человек, который признавал бы за правительством штата право вмешиваться в управление сугубо общинными делами.

Мы видим, что общины Новой Англии занимаются куплей и продажей собственности, предъявляют иски и защищаются в судах, увеличивают или же уменьшают размеры своего бюджета, и никакая другая административная власть даже и не помыслит этому препятствовать[7].

Что же касается обязательств, общих для всего штата, то общины обязаны их выполнять Так, например, если штат

нуждается в деньгах, то община не вольна решать, оказывать ему содействие или отказать в такой помощи[8]. Если штат намерен провести новую дорогу, то община не вправе противиться ее проведению через свою территорию. Если полицией устанавливается то или иное новое правило, то община должна ввести его и у себя. Если штат намерен организовать школьное обучение по единому плану на всей своей территории, то община обязана создавать предписанные законом школы[9]. Когда речь пойдет о системе управления в Соединенных Штатах в целом, мы увидим, кто и как в самых различных случаях заставляет общины подчиняться. Я хотел бы здесь просто отметить, что у общины есть определенные обязательства. Эти обязательства весьма ограниченны, однако правительство штата, налагая их, всего лишь устанавливает сам принцип взаимоотношений; что же касается непосредственного выполнения данных обязательств, то здесь уже община вновь вступает в свои собственные права. Так, например, размер налогов действительно определяется законодательным собранием штата, однако облагает ими и взимает их сама община; наличие школы является обязательным условием, однако именно община строит, оплачивает строительство и управляет этой школой.

Во Франции сборщик налогов назначается государством, чтобы взимать общинные подати; в Америке же сборщик налогов назначается общиной, но взимает подати для государства

Таким образом, у нас центральное правительство отправляет своих чиновников в общину, тогда как в Америке община использует своих чиновников в общегосударственных целях. Уже один этот факт свидетельствует о том, до какой степени различаются между собой эти два общества.

ОБЩИННЫЙ ДУХ В НОВОЙ АНГЛИИ

Почему община Новой Англии столь любима теми, кто в ней живет? — Почему в Европе так трудно

создаются общины?— Общинные права и обязанности, содействующие зарождению общинного духа

в Америке. — Понятие отечества в Соединенных Штатах гораздо полнее выражено, нежели в других

странах. — В чем проявляется общинный дух в Новой Англии. — Благоприятные последствия его

проявления в Новой Англии.

В Америке существуют не только общинные институты, то также и общинный дух, который поддерживает общину и придает ей живительную силу.

Община Новой Англии имеет два преимущества, которые всегда, где бы с ними ни сталкивались, вызывают живой интерес людей: это — независимость и власть. Правда, сфера деятельности общины ограничена, и она не в состоянии выйти за ее пределы, но внутри этой сферы община совершенно свободна в своих действиях. Уже одна эта независимость придает ей большой вес, несмотря на численность ее населения и на размеры занимаемой ею территории.

Необходимо помнить, что люди обычно тяготеют к силе. В покоренной стране любовь к своему отечеству неизбежно и весьма быстро ослабевает. Житель Новой Англии привязан к своей общине не столько потому, что он здесь родился, сколько потому, что он видит в этой общине свободную и сильную корпоративную структуру, частью которой он является и которая заслуживает того, чтобы приложить усилия для участия в управлении ею.

В Европе нередко случается так, что даже те, кто стоит у власти, сожалеют об отсутствии общинного духа, поскольку все признают тот факт, что он является важным элементом поддержания общественного порядка и спокойствия; однако они не знают, каким путем можно создать этот общинный дух. Они боятся, ч го, сделав общину сильной и независимой и поделившись с ней властью, они ввергнут страну в анархию. Между тем

7См.: Законы Массачусетса, закон от *23 м*арта 1786 года, т.1, с.250.

[8] Там же, закон от 20 февраля 1786 года, т.1, с.217.

[9] Там же, закон от 25 июня 1789 года и от 8 марта 1827 года, т.1, с.367, и т Ш, с.179

изымите у общины ее силу и независимость, и вы найдете в ней лишь управляемых, но тогда уже не рассчитывайте встретить здесь граждан.

Кстати, обратите внимание на одну важную деталь: община Новой Англии устроена таким образом, что, вызывая в сердцах людей горячую к себе привязанность, она отнюдь не разжигает честолюбивых помыслов граждан.

Чиновники округа не избираются, и власть их ограничена. Сам штат имеет всего лишь второстепенное значение; его существование незаметно и тихо. Находится весьма мало людей, которые пожелали бы нарушить спокойствие своей жизни и удалиться от того места, где сосредоточены их непосредственные интересы, с тем чтобы получить право участвовать в управлении

делами штата.

Те, кто руководит федеральным правительством, достигают могущества и почета, однако число людей, имеющих возможность влиять на его деятельность, весьма невелико. Президент — это очень высокая должность, которую можно получить лишь в преклонном возрасте; других значимых правительственных постов достигают либо по воле случая, либо уже после того, как человек прославился на каком-либо другом поприще. Добиться этих должностей, руководствуясь лишь неуемным честолюбием, невозможно. Именно в общине, где идет повседневная жизнь и складываются простые человеческие отношения, у людей возникает стремление заслужить уважение окружающих, появляется потребность удовлетворить свои истинные интересы, вырисовывается жажда власти и славы. Страсти, столь часто нарушающие спокойствие общества, приобретают здесь совершенно иной характер, поскольку они проявляются у домашнего очага, как бы в лоне собственной семьи.

Смотрите, с каким искусством в американской общине все заботятся *о рассредоточении,* если можно так выразиться, власти для того, чтобы заинтересовать как можно больше людей в делах общества. Помимо того что сами избиратели время от времени занимаются различными вопросами управления общиной, существует множество всевозможных должностей, множество различных чиновников, и все они представляют, в пределах своей компетенции, мощную корпорацию, от имени которой выступают! Как много людей используют таким образом в собственных интересах власть общины, будучи в ней лично заинтересованными!

Разделение муниципальной власти, согласно американской системе, между большим числом граждан совершенно не вызывает опасений, что в общине возникнет слишком много должностей. В Соединенных Штатах справедливо полагают, что любовь к родине есть своего рода культ, который люди тем искреннее исповедуют, чем чаще они его отправляют.

Таким образом, жизнь общины не замирает ни на секунду; она ежедневно проявляется то в исполнении той или иной обязанности, то в использовании того или иного права Постоянная вовлеченность в политику вызывает в обществе непрерывное и размеренное движение, активизирующее его жизнь, не нарушая в то же время его спокойствия.

Причины, по которым американцы привязываются к тому месту, где они живут, похожи на те, что вызывают у горцев любовь к своему краю. Их отечество имеет свои особые отличительные черты, в нем больше выразительности, чем в

других местах.

Общины Новой Англии обычно живут весьма счастливо. Общинные власти, которые они сами себе выбирают, вполне соответствуют их представлениям. В условиях полного спокойствия и материального благополучия, господствующих в Америке, муниципальная жизнь редко нарушается бурями. Ведение общинных дел не требует особого труда. Кроме того, люди давно приобщились к политике, вернее, они были политически вполне образованными уже тогда, когда впервые ступали на зти земли. В Новой Англии деление на сословия уже давно исчезло даже из самой памяти людей, поэтому в общине не существует такого положения, когда какая-то группа стремится подчинить себе всех остальных, а если к отдельным людям проявляется несправедливость, то это почти незаметно на фоне всеобщего удовлетворения жизнью.

И если органы управления общиной все же допускают промахи, что, разумеется, не так уж сложно заметить, то промахи эти не воспринимаются как нечто особо значимое, поскольку жители общины сами создали свои органы управления и, гордясь ими, как родители детьми, прощают им многое, как бы худо они ни работали. Да и в любом случае гражданам не с чем их сравнивать. Даже в то время, когда Англия господствовала над всеми колониями, народ сам обстоятельно решал все общинные дела. Народовластие в

общине, таким образом, не только существует издавна, но и является основой основ самого ее существования.

Гражданин Новой Англии привязывается к своей общине потому, что она сильна и неуязвима; он интересуется ее делами, поскольку участвует в ее управлении; он любит ее потому, что здесь ему не приходится жаловаться на свою судьбу; он видит в ней осуществление своих честолюбивых чаяний и надежд; он вмешивается в любое, даже самое мелкое происшествие в жизни общины, ибо в этой доступной ему, пусть и ограниченной сфере деятельности он учится управлять обществом; он привыкает к установившемуся порядку, который только и может обеспечить свободное развитие общества без каких-либо социальных потрясений; он проникается духом этого порядка, приобретает к нему вкус, начинает понимать гармоничную структуру власти и получает, наконец, ясное и реальное представление о природе своих обязанностей и объеме своих прав.

ОБ ОКРУГЕ В НОВОЙ АНГЛИИ

Сходство округа в Новой Англии с округом во Франции. — Сугубо административные причины его сования. — Отсутствие представительных органов. — Округ управляется назначаемыми, а не

выборными должностными лицами.

Американский округ во многих отношениях чрезвычайно похож на округ во Франции. Как и границы французского округа, его границы устанавливались совершенно произвольно. Он представляет собой некое административное образование, различные части которого не имеют между собой чем-либо обусловленных связей, а жителей не родня г с ним ни их привязанности, ни воспоминания, ни общность образа жизни. Таким образом, округ был создан исключительно в административных интересах.

Община имела слишком ограниченные размеры для того, чтобы здесь можно было отправлять правосудие. Как следствие, округ становится первым судебным центром. Каждый округ имеет свой суд[10], шерифа, обеспечивающего выполнение судебных решений, а также тюрьму, в которой содержатся преступники.

Общины, входящие в состав округа, испытывают те или иные потребности почти в одинаковой мере, и потому было делом совершенно естественным создание некоего средоточия власти для того, чтобы обеспечить их удовлетворение. В Массачусетсе подобная власть сосредоточена в руках определенного числа должностных лиц, которых назначает губернатор штата с согласия[11] действующего при нем совета[12].

Власти округа имеют весьма ограниченные полномочия, распространяющиеся лишь на незначительное число определенных заранее случаев. Для управления повседневными делами вполне достаточно штата и общины. В округе занимаются лишь подготовкой проекта бюджета всего округа, который затем утверждается голосованием в законодательном собрании штата[13]. В Америке нет никакой ассамблеи, прямо или косвенно представляющей округ.

Строго говоря, округа в политическом смысле не существует.

В большинстве американских конституций можно заметить наличие двойственной тенденции, которая побуждает законодателей разделять исполнительную власть и концентрировать законодательную. Община Новой Англии имеет свойственную только ей жизненную основу, которой се нельзя лишить. В округе же подобную жизнь пришлось бы создавать фиктивно, в чем не ощущалось совершенно никакой надобности: общины, объединенные вместе, составляют штат, который является носителем государственной власти; вне общинной и

государственной сфер действуют, если можно так выразиться, лишь личностные силы.

[10]См. закон от 14 февраля 1821 года. — Законы Массачусетса, т.1, с.551.

[11]См. закон от20 февраля 1819 года. — Законы Массачусетса, т.II, с.494.

[12]Совет, существующий при губернаторе, является выборным органом.

[13] См. закон от 2 ноября 1791 года. — Законы Массачусетса, т.II, с. 61.

ОБ УПРАВЛЕНИИ В НОВОЙ АНГЛИИ

Деятельность исполнительной власти в Америке протекает совершенно незаметно. — Причины этого. — Европейцы считают, что свободы можно добиться, отняв у власти некоторые из ее прав;

американцы обеспечивают разделение власти. —В сущности, практически все управление

сосредоточено в пределах общины и распределено между общинными чиновниками. — Отсутствие

административной иерархии как в самой общине, так и в образованиях, стоящих, над ней. — Причины

этого.— Как все же получается, что штат управляется единообразно. — Кто обладает правом

обязывать власти общины и округа действовать в соответствии с законами. — Соединение

исполнительной и судебной властей. —Результат распространения принципа выборности на всех

должностных лиц. — Мировые судьи в Новой Англии — Кем они назначаются. — Управление округом. —

Обеспечение управления общинами. — Сессионный суд. — Его деятельность. — Кто передает дела в

*суд. — Право надзора и прав*о *жалобы, осуществляемые раздельно, как и все прочие административные функции. — Донос, поощряемый выплатой доносчикам части взыскиваемого*

штрафа.

Европейца, путешествующего по Соединенным Штатам, более всего поражает отсутствие того, что у нас называется правительством или администрацией. В Америке существуют писаные законы, исполнение которых заметно в повседневной жизни. Все вокруг вас находится в непрерывном движении,

однако нигде не виден источник этого движения. Рука, управляющая общественным механизмом, неизменно сокрыта от глаз.

Вместе с тем, подобно тому как все люди для выражения своих мыслей вынуждены прибегать к использованию определенных грамматических конструкций и форм языка, так и все общества, для того чтобы существовать, обязаны подчиняться определенной власти, поскольку без нее наступает анархия. Данная власть может распределяться самыми различными способами, однако необходимо, чтобы она все же где-нибудь существовала

У нации есть два способа ослабить силу власти.

Первый способ состоит в ослаблении власти в самих ее основах, причем в этом случае общество подчас лишается права и возможности защищать самое себя: подобное ослабление власти и есть то, что в Европе обычно называется установлением свободы.

Существует также и второй способ уменьшить роль власти в обществе: он заключается не в том, чтобы лишить общество ряда его прав, и не в том, чтобы парализовать его действия, а в том, чтобы рассредоточить эту власть, передав ее в разные руки, увеличить число должностных лиц, признавая за каждым из них всю полноту власти, необходимую для выполнения порученных ему обязанностей. У некоторых народов подобное рассредоточение государственной власти еще может вести к анархии; однако само оно не таит в себе ровным счетом ничего анархического. Следует сказать, что в результате такого разделения сила власти становится менее непреодолимой и не столь опасной, но при этом власть вовсе не разрушается.

Революция в Соединенных Штатах была плодом зрелого и продуманного стремления к свободе, а не какого-то неопределенного, инстинктивного желания независимости. Она отнюдь не была вызвана стремлением к беспорядку; напротив, она шла под знаком любви к порядку и законности.

В Соединенных Штатах никто и не считал, что человек в свободной стране может иметь право делать абсолютно все, что захочет; напротив, у него как у гражданина появились еще более разнообразные, чем у кого-либо в других странах, обязанности; не было даже намерения ни оспаривать тот принцип, что власть принадлежит обществу, ни оспаривать у общества его права на власть; ограничились лишь тем, что осуществление этой власти стало раздельным. Этим путем хотели достичь того, чтобы авторитет власти был высок, а влияние должностного лица — незначительно, с тем чтобы общество, продолжая оставаться свободным, вместе с тем хорошо управлялось.

В мире не существует другой такой страны, где закон был бы столь всесилен, как в Америке, такой страны, где право применять закон принадлежало бы такому большому числу людей.

Исполнительная власть в Соединенных Штатах отличается тем, что внутри нее нет ни централизации, ни иерархии: именно поэтому она столь незаметна. Власть существует, но неизвестно, где ее искать.

Выше мы смогли убедиться в том, что общины Новой Англии не находятся ни под чьей опекой. Они самостоятельно заботятся о своих собственных интересах.

И наконец, на муниципальных чиновников также нередко возлагается обязанность способствовать исполнению общих законов штата или же самим приводить их в исполнение[14].

Помимо принятия общих законов, штат иногда занимается регламентацией деятельности полиции; однако обычно именно община и ее должностные лица вместе с мировыми судьями, исходя из местных нужд и вникая в частные подробности жизни общества, устанавливают определенные правила и издают распоряжения, касающиеся общественного здравоохранения, обеспечения должного порядка в обществе и чистоты нравов граждан общины[15].

И наконец, общинные должностные лица самостоятельно, без каких-либо указаний со стороны, принимают меры к удовлетворению неожиданно возникающих в обществе потребностей, что случается довольно часто[16].

Из всего нами сказанного следует, что в Массачусетсе исполнительная власть почти полностью сосредоточена в самой общине[17], хотя она распределяется здесь между целым рядом чиновников.

Во французской общине, строго говоря, есть только один административный чиновник — сам мэр.

В общине Новой Англии, как мы видели, их насчитывается по крайней мере девятнадцать человек.

Эти девятнадцать должностных лиц в большинстве случаев совершенно не зависят друг от друга Закон точно определил круг обязанностей каждого из них. При исполнении своих обязанностей они всесильны и не подчиняются никакой другой власти в общине.

Если же присмотреться к тому, что происходит за пределами общины, то окажется, что признаки административной иерархии едва заметны. Иногда случается так, что должностные лица

округа изменяют решение, принятое общинами или общинными властями[18], но в целом можно утверждать, что власти округа не имеют права вмешиваться в деятельность общины[19]. Они могут давать ей распоряжения лишь тогда, когда речь идет о делах, касающихся всего округа.

Должностные лица общины, как и чиновники округа, обязаны в очень редких случаях, заранее определенных законом, сообщать о результатах своих действий представителям центрального правительства[20]. Вместе с тем центральное правительство не имеет

[14]См. в книге «Должностное лицо городского управления» преимущественно понятия: выборные члены городской управы (select-men), податные чиновники (assessors), сборщики налогов (collectors), лица, наблюдающие за состоянием проезжих дорог (surveyors of highways)... Один пример из тысячи: штат запрещает без необходимости путешествовать в воскресенье. За исполнением этого закона наблюдают особые общинные чиновники — десятские (tythingmen).

См. закон от 8 марта 1792 года. —Законы Массачусетса, т. I, *с. 410*. Члены городского управления составляют избирательные списки для выборов губернатора и сообщают результаты голосования секретарю республики. Закон от 24 февраля 1796 года. — Там же, т.1, с. 488.

[15]Например, члены городского управления выдают разрешения на строительство водостоков и канализационной сети, определяют места для размещения скотобоен или таких коммерческих предприятий, чье соседство может нанести вред. См. закон от 7 июня 1785 года, т. I, с. 193.

[16]Например, члены городского управления в случае появления заразных заболеваний следят за состоянием здоровья членов общины, принимая с этой целью совместно с мировыми судьями все необходимые в подобных случаях меры. Закон от 22 июня 1797 года, т.1, с.539.

[17]Я говорю *почти* потому, что существует рад ситуаций в жизни общины, которые регулируются либо мировым судьей в пределах его компетенции, либо группой мировых судей, собравшихся в главном городе округа Например: лицензии на право торговать выдаются мировыми судьями. См. закон от 28 февраля 1787 года, т.1, с.297.

[18] Например: лицензия на право торговли выдается лишь тому, кто может представить свидетельство о достойном поведении, выдаваемое членами городского управления. В случае, если в выдаче подобного свидетельства отказано, человек имеет право жаловаться мировым судьям, собравшимся на общую

сессию суда, и судьи могут выдать ему эту лицензию. См. закон от 12 марта 1808 года, т.II, с. 186. Общины имеют право издавать свои своды правил (by-laws) и обязывать жителей исполнять их под угрозой штрафа, размеры которого определены заранее. Однако эти своды должны быть утверждены на сессии суда. См. закон от 23 марта 1786 года, T.L, с.254.

[19]В Массачусетсе административные власти округа нередко рассматривают жалобы на действия должностных лиц общины и дают свое заключение. Однако, как мы увидим далее, они занимаются рассмотрением жалоб как представители судебной, а не исполнительной власти.

[20]Например: общинные школьные комитеты обязаны ежегодно представлять отчет секретарю республики о состоянии дел в школе. См. закон от 10 марта 1827 года, т.Ш, с.183.

представителя, в чьи обязанности входила бы разработка общих положений о деятельности полиции или же ордонансов о проведении в жизнь законов; оно не располагает также чиновниками, которые бы постоянно сотрудничали с властями округа и общины, осуществляли надзор за их действиями, направляли их деятельность и наказывали их за ошибки.

Из вышесказанного следует, что в Новой Англии не существует центра, где сосредоточивались бы все нити исполнительной власти.

Каким же образом тогда удается управлять обществом более или менее единообразно? Каким образом можно заставить повиноваться округа и их должностных лиц, общины и их чиновников?

В штатах Новой Англии законодательная власть распространяется на более широкий круг вопросов, нежели у нас. Законодатель проникает, так сказать, в самую сердцевину управления обществом, определяя все до самых мельчайших подробностей; закон одновременно устанавливает как основные положения, так и средства их воплощения в жизнь; тем самым закон штата строго и четко выявляет те многочисленные обязанности, которые ложатся на нижестоящие органы власти и их чиновников.

Из этого следует, что если все нижестоящие по отношению к штату административные образования и их должностные лица будут следовать в своих действиях закону, то во всех сферах общества жизнь будет идти единообразно; и все-таки остается неясным, каким образом можно обязать эти образования и их должностных лиц подчиняться закону.

В целом можно утверждать, что в распоряжении общества есть всего два способа заставить должностных лиц повиноваться.

Общество может предоставить одному из них безраздельную власть над всеми остальными, а также право лишать их должности в случае неповиновения.

Или же общество может поручить судам применять судебные санкции к нарушителям.

Однако далеко не всегда можно воспользоваться тем или другим способом.

Право руководить чиновником подразумевает также право смещать его с должности, если он не выполняет отдаваемых ему приказов, или же повышать его по службе, если он старательно исполняет свои обязанности. Между тем выборное должностное лицо нельзя ни сместить, ни повысить. В самой природе выборной должности заложен принцип несменяемости до окончания срока полномочий. И действительно, выборное должностное лицо может ничего не ожидать и никого не бояться, кроме своих избирателей, если все государственные должности занимаются в результате выборов. Таким образом, среди чиновников не может существовать никакой иерархии, потому что невозможно одного и того же человека наделить двойным правом: и приказывать, и эффективно наказывать за неповиновение — и потому, что нельзя к власти распоряжаться добавить власть награждать и наказывать.

Страны, вводящие принцип выборности должностных лиц на нижних уровнях правительственного механизма, неизбежно оказываются перед необходимостью применять судебные санкции в качестве средства административного воздействия.

Сразу это определить нельзя. Стоящие у власти считают своей первой уступкой согласие на выборность всех должностных лиц, а второй — подчинение выбор - ного чиновника постановлениям судей. Они равно опасаются и того, и другого нововведения, а так как от них обычно больше добиваются первой уступки, нежели второй, то они вводят выборность должностных лиц, сохраняя их независимость от судей. Между тем каждая из этих мер — это то единственное, что может уравновесить другую. Необходимо отдавать себе отчет в том, что выборная власть, которая не подчиняется судебным органам, рано или поздно ускользнет от всякого контроля или же будет уничтожена. Между центральной властью и выборными административными органами единственным посредником могут служить судьи. Только они в состоянии заставить выборного чиновника повиноваться, не нарушая при этом прав избирателей.

Таким образом, распространение судебной власти на мир

политики должно находиться в прямой связи с расширением выборности органов власти. **Если же эти два элемента не существуют одновременно, то государство приходит в конце концов либо к анархии, либо к рабству.**

Во все времена отмечалось, что судебная деятельность довольно-таки слабо подготавливала людей к практической административной работе.

74

Американцы переняли у своих английских предков один из институтов, который не имеет аналогов нигде на Европейском континенте, а именно — институт мировых судей.

Мировой судья находится где-то посередине между светским человеком и чиновником, между административным должностным лицом и судьей. Мировым судьей обычно становится образованный, но не обязательно хорошо разбирающийся в законах гражданин. В его обязанности входит лишь осуществление полицейских функций, а это требует прежде всего здравого смысла и честности, нежели знаний. Мировой судья вносит в административный процесс, в котором он принимает участие, требование соблюдать определенные формы и гласность, что делает его помехой для любых проявлений деспотизма; вместе с тем он не становится рабом буквы закона, что обычно превращает любого чиновника в человека, мало способного к отправлению своих функций.

Американцы ввели у себя институт мировых судей, одновременно совершенно лишив его аристократического характера, отличавшего этот институт в метрополии.

Губернатор Массачусетса[21] назначает во всех округах определенное число мировых судей на семилетний срок[22].

Кроме того, из числа этих мировых судей он назначает троих, которые образуют в каждом округе то, что известно под названием *сессионного суда,*

Мировые судьи принимают непосредственное участие в процессе управления. Иногда им поручается вместе с выборными чиновниками принимать определенные административные акты[23], в других же случаях в их обязанности входит формирование судов, на заседаниях которых представители власти вкратце излагают обвинение в адрес гражданина, отказывающегося повиноваться законам, или сам гражданин заявляет о тех или иных злоупотреблениях должностных лиц. Однако свои наиболее важные административные обязанности мировые судьи отправляют в ходе заседания сессионных судов.

Сессионный суд заседает два раза в год в главном городе

округа. В Массачусетсе именно на этот суд возложена обязанность держать в повиновении максимальное число *24* государственных чиновников[25].

Необходимо обратить особое внимание на тот факт, что в Массачусетсе сессионный суд является одновременно и административным учреждением в прямом смысле слова, и политическим судом.

Мы уже говорили о том, что округ [26] существует только в качестве административной единицы. И сессионный суд как таковой ведает лишь теми немногими делами,

[21] Далее мы поясним, что такое губернатор штата; но уже сейчас необходимо сказать, что губернатор представляет в своем лице исполнительную власть штата.

[22]См. конституцию штата Массачусетс, гл. II, разд. I, § 9; а также гл. Ш, § 3.

[23]Один пример из многих: иностранец приезжает в общину из страны, в которой свирепствует некая заразная болезнь. Он заболевает. Двое мировых судей могут, по рекомендации членов городского управления, дать распоряжение шерифу округа перевезти больного в другое место, где за ним будет установлен надзор. Закон от 22 июня 1797 года, т. I, с. 540.

Вообще мировые судьи вмешиваются во все важнейшие административные дела, придавая им полусудебный характер.

[24]Я говорю *максимальное число* потому, что в действительности некоторые административные правонарушения подлежат ведению обычных судов. Например, если община отказывается создавать необходимые фонды для содержания своих школ или же назначать школьный комитет, то она приговаривается к весьма суровому денежному штрафу, и это решение принимается высшим судом (supreme judicial court) или судом, разбирающим лишь бытовые дела (common pleas). См. там же, закон от 10 марта 1827 года, т.III, с.190. Или же когда община не делает боевых запасов на случаи войны. См. закон от 21 февраля 1822 года, т.II, с.570.

[25]В рамках своей компетенции мировые судьи принимают участие в управлении общинами и округами. Обыкновенно самые важные решения в общинной жизни никогда не принимаются без участия хотя бы одного мирового судьи.

[26]Рассматриваемые сессионным судом дела, касающиеся округа, сводятся к следующему:

1) строительство тюрем и зданий судов;

2) рассмотрение проектов бюджета округа (утверждаемых законодательным собранием штата);

3) распределение установленных в рамках той же процедуры

налогов (путем голосования);

4) выдача некоторых категорий патентов;

5) строительство и ремонт дорог в округе.

75

которые касаются одновременно интересов нескольких общин или же всех общин одного округа и которые, следовательно, нельзя поручить ни одной из общин в отдельности.

Таким образом, в делах, относящихся к компетенции округа, обязанности сессионного суда сводятся к чисто административным, и если суд и вводит нередко в свою процедуру те или иные судебные формы, то с единственной целью прояснить для себя дело[27] и для того, чтобы тем самым предоставить гарантии тем общинам, совместные дела которых рассматриваются. Однако в случае необходимости обеспечить надлежащее управление внутри общины, суд практически всегда выступает в роли органа правосудия и лишь в чрезвычайно редких ситуациях — в качестве административного учреждения.

Главная трудность заключается в том, чтобы обязать общину, обладающую практически полной независимостью, исполнять общие законы штата.

Мы уже видели, что общины обязаны ежегодно назначать определенное число должностных лиц, называемых податными чиновниками, для обложения населения налогами. Община может попытаться избежать уплаты налога тем, что не назначит этих чиновников. В этом случае сессионный суд приговаривает ее к суровому денежному штрафу[28], причем данный штраф раскладывается на всех жителей общины без исключения. Шериф округа в качестве судебного чиновника обеспечивает исполнение приговора. Таким образом, в Соединенных Штатах исполнительная власть старается, причем весьма ревностно, оградить себя от посторонних взглядов. Административное распоряжение почти всегда прячется в этой стране за постановление суда; от этого распоряжение лишь приобретает еще большую силу, силу, фактически непреодолимую, какой люди обычно наделяют закон.

Такой порядок вещей легко проследить и понять. Обязанности общины в большинстве случаев определены четко и ясно: это простой и непреложный факт, это принцип, а не его детальное осуществление[29]. Трудности проявляются тогда, когда приходится заставлять повиноваться не саму общину, а ее чиновников.

Все неблаговидные поступки, которые может совершить

общинное должностное лицо, в конечном итоге сводятся к следующему:

чиновник может исполнять предписания закона с большим рвением, но не очень старательно;

он может вовсе не исполнять этих предписаний:

и наконец, он может делать то, что и вовсе запрещено законом.

Подсудными являются лишь действия должностного лица в двух последних случаях. Основанием для судебного вмешательства должно служить лишь наличие явного и несомненного факта нарушения.

Так, например, если члены городского управления не исполняют всех требуемых законом формальностей в ходе общинных выборов, то их можно подвергнуть денежному взысканию [30].

Однако если должностное лицо исполняет свои обязанности бездумно, если оно проводит в жизнь предписания закона без должного рвения и усердия, то суд на него воздействовать никак не может.

Сессионный суд, хотя и наделен административными функциями, в данном случае бессилен заставить чиновника исполнять должным образом свои обязанности. Лишь опасения отзыва могут предотвратить нарушения подобного рода, а сессионный суд, не

27Так, например, если речь идет о дороге, то сессионный суд может разрешить практически все трудности по ее строительству на основании решения присяжных.

28 См. закон от 20 февраля 1786 года, т.1, с.217.

29Существует косвенный способ заставить общину повиноваться. Например, закон обязывает общины содержать дороги в надлежащем состоянии. Если же они не сочли нужным проголосовать за создание фондов, необходимых для этого, то общинный чиновник, в чьи обязанности входит надзор за дорогами, имеет право своей властью собрать причитающиеся средства. А так как он сам тоже отвечает перед гражданами за плохое состояние дорог и в свою очередь может предстать перед сессионным судом по их требованию, то можно быть уверенным, что он обязательно использует в общине то исключительное право, которое дано ему законом. Так сессионный суд, угрожая чиновнику, принуждает к повиновению всю общину. См. закон от 5 марта 1787 года, т. 1.с. 305.

30Законы Массачусетса, т. II, с.45.

имея никакого отношения к формированию общинной власти, не может отозвать чиновников, которых не он назначил.

Кстати, чтобы убедиться в небрежности или нерадивости того или иного должностного лица, необходим постоянный надзор за деятельностью нижестоящих чиновников. Вместе с тем сессионный суд, собираясь всего лишь два раза в год, надзора не осуществляет; он лишь решает переданные на его рассмотрение дела по фактам правонарушении.

Единственной гарантией активного и разумного выполнения чиновником вверенных ему обязанностей является ничем не ограниченное право смещения их с должности, что не во власти судебных органов.

Во Франции мы пытаемся найти эти гарантии в *административной иерархии;* в Америке же их видят в выборности должностных лиц.

Итак, подводя итог вышесказанному, можно в нескольких словах сказать следующее.

Если государственный чиновник в Новой Англии совершает *преступление* при исполнении своих служебных обязанностей, то он *всегда* предстает перед обычным судом.

Если же он совершает *административную ошибку,* то его наказывает суд, имеющий чисто административный характер; а в тех случаях, когда дело весьма серьезное или не терпит отлагательства, судья выполняет функции данного чиновника[31].

И наконец, чиновник, виновный хотя бы в одном из тех неявных нарушений, не поддающихся определению или оценке органами правосудия, ежегодно предстает перед судом, решения которого не подлежат обжалованию и который может сразу же лишить чиновника всяких полномочии, ибо его полномочия кончаются одновременно с прекращением действия его мандата на власть.

В данной системе, бесспорно, немало существенных достоинств, однако на практике встречаются определенные трудности, на которые необходимо указать.

Я уже отмечал, что административный, или так называемый сессионный, суд не имеет права надзора за должностными лицами общины; он может действовать лишь в том случае, если, выражаясь юридическим языком, *дело передано в суд.* Вот именно в этомто и заключается слабое звено всей системы.

Американцы Новой Англии не стал и учреждать при сессионном суде прокурорского надзора [32], и необходимо признать, что учредить его им было весьма непросто. Если бы они ограничились тем, что разместили в каждом главном городе округа чиновника-обвинителя, не придав ему одновременно

помощников в общинах, то каким образом этот обвинитель смог бы знать больше о том, что творится в округе, нежели сами члены сессионного суда? Если же в каждой общине он имел бы своих агентов, то в его руках сосредоточилась бы самая страшная форма власти — власть управлять от имени правосудия. Законы между тем суть продолжение обычаев, а ведь ничего похожего в английском законодательстве не существовало.

Таким образом, американцы разделили право надзора и право обвинения, как и все остальные административные функции в обществе.

Члены расширенной коллегии присяжных, согласно закону, обязаны предупреждать суд, при котором эта коллегия создана, о всякого рода правонарушениях, совершаемых в округе[33]. Существует несколько видов крупных административных правонарушений, по которым именно атторней обязан официально возбуждать судебное дело[34]. И все же обязанность наказывать правонарушителей чаще всего возлагается на фискальных чиновников, занимающихся сбором денежных штрафов. Таким образом, казначей общины обязан преследовать в судебном порядке большую часть административных правонарушений, которые совершаются на его глазах.

[31]Например, если община упорно отказывается выбирать податных чиновников, то сессионный суд назначает их сам; причем чиновники, назначенные таким образом, имеют все те же права, что и выборные должностные лица. См. вышеприведенный закон от 20 февраля 1787 года.

[32]Я говорю именно *при сессионном суде.* Дело в том, что при обычных судах существует чиновник, выполняющий отдельные функции атторнея.

33Присяжные заседатели обязаны, например, извещать суд о плохом состоянии дорог. — Законы Массачусетса, т. I, с. 308.

34Если, например, казначей округа совершенно не представляет отчетов. — Законы Массачусетса, т. I, с. 406.

Однако американское законодательство обращено в первую очередь к частным интересам[35]; и именно с этим основополагающим принципом постоянно приходится встречаться при изучении законов Соединенных Штатов.

Американские законодатели весьма мало верят в человеческую честность, однако они всегда исходят из разумности людей. Как следствие, они очень часто полагаются на то, что частный интерес послужит исполнению законов.

Когда в результате злоупотребления административной

властью серьезно и ощутимо страдает частное лицо, все прекрасно понимают, что его личный интерес, его заинтересованность неизбежно побудит его подать жалобу.

Между тем несложно предвидеть, что, если предписание закона, каким бы оно ни было полезным для общества, совершенно не затрагивает интересов отдельных лиц, каждый подумает о том, стоит ли ему выступать в роли обвинителя. Именно поэтому, да еще и при условии своеобразного молчаливого сговора, законы легко могут выйти из употребления.

В результате существующей системы, толкающей людей на крайности, американцы вынуждены заинтересовывать доносителей, предлагая им в отдельных случаях часть взимаемых штрафов[36].

Этот способ весьма опасен: исполнение закона сопровождается моральным разложением людей.

Над должностными лицами округа, строго говоря, уже не существует никакой иной административной власти, кроме власти правительства.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ УПРАВЛЕНИИ СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ

Отличия систем управления в штатах, входящих в состав Союза. — Чем дальше к югу, тем общинная жизнь становится менее активной и менее полной. — Возрастание роли чиновника, сужение

власти избирателей. —Административные функции переходят от общины к округу. —Штаты

Нью-Йорк, Огайо и Пенсильвания. — Принципы административного устройства, свойственные всему

Союзу в целом. — Выборы государственных чиновников и их несменяемость в должности. —

Отсутствие иерархии. — Введение институтов судебного воздействия в систему управления,

Выше я уже обещал, что, рассмотрев подробно устройство общины и округа в Новой Англии, я сделаю общий обзор того, что происходит в остальной части Союза.

По мере продвижения к югу общинная жизнь становится заметно менее активной; в общине меньше должностных лиц, и у них меньше прав и обязанностей; жители уже не могут непосредственно влиять на дела общины; общинные собрания, или ассамблеи, проводятся значительно реже, и круг обсуждаемых на них вопросов заметно сужается. Как следствие, власть выборных чиновников существенно возрастает, тогда как

35Один пример из тысячи: если частное лицо, проезжая по неисправной дороге, ломает свой экипаж или получает телесные повреждения, то он имеет право обратиться в сессионный суд с требованием возмещения своих убытков у той общины или округа, которые отвечают за состояние данной дороги. — Законы Массачусетса, т. I, с. 309.

36В случае нашествия неприятеля или в случае вооруженного восстания, если общинные чиновники не доставляют милиции боеприпасы или прочие необходимые им вещи, община может быть присуждена к уплате штрафа в размере от 200 до 500 долларов (1000 ·— 2700 франков).

Естественно, что в этой ситуации вряд ли кто будет заинтересован или просто захочет выступить в роли жалобщика. Поэтому закон добавляет: «Все граждане будут иметь право требовать наказания подобных проступков, причем половина взимаемого штрафа должна поступать в пользу обвинителя». См. закон от 6 марта 1810 года, т. II, с. 236.

Подобные положения нередко встречаются и в законах штата Массачусетс.

Иногда бывает и так, что закон таким способом заставляет не частное лицо обвинять государственного чиновника, а чиновника — призывать к ответственности частных лиц. Например, если житель отказывается выполнить возложенную на него часть работы по благоустройству проезжей дороги, то инспектор, наблюдающий за дорогами, обязан возбудить против него дело, и если он добивается его осуждения, то получает половику взыскиваемого с виновного штрафа. См. вышеупомянутые законы, т. I, с. 308.

власть самих избирателей уменьшается; общинный дух здесь менее очевиден и менее силен[37].

Эти различия становятся заметными в штате Нью-Йорк и уже совсем резко проявляются в штате Пенсильвания; однако при продвижении к северо-западу они вновь делаются менее ощутимыми. Большинство эмигрантов, основавших штаты Северо-Запада, были выходцами из Новой Англии; они перенесли в свое новое отечество привычную им систему управления. Община в штате Огайо во многом напоминает общину штата Массачусетс.

Мы уже видели, что в Массачусетсе община — это основа основ управления обществом. Она является тем центром, где сосредоточены как все интересы, так и все чувства людей. Однако положение существенно меняется, когда попадаешь в штаты, где люди менее образованны и, следовательно, община в целом менее

способна к разумным действиям и у нее меньше возможностей обеспечить надлежащее управление. Итак, по мере удаления от штатов Новой Англии та роль, которую играла община, до некоторой степени переходит к округу. Округ превращается в крупную административную единицу, власти которой становятся промежуточным звеном между правительством штата и простыми гражданами.

Я уже говорил о том, что в Массачусетсе дела округа ведутся сессионным судом. Сессионный суд состоит из определенного числа должностных лиц, назначаемых губернатором и состоящим при нем советом. Округ не имеет представительных органов, а его бюджет утверждается законодательным собранием штата.

В таком большом штате, как Нью-Йорк, а также в штатах Огайо и Пенсильвания, наоборот, жители каждого округа выбирают определенное количество депутатов, из которых формируется представительный орган — совет округа[38].

Совет округа располагает, в известных пределах, правом облагать налогами своих жителей — в этом случае он выступает как настоящий законодательный орган. Одновременно совет округа является и исполнительным органом, нередко участвует в управлении общинами, заметно ограничивая их полномочия, так что, по сравнению с Массачусетсом, местные общины пользуются значительно меньшей властью.

Таковы главные отличительные черты, характерные для устройства общины и округа в различных штатах федерации. Если бы в мои намерения входило описать более детально различные формы отправления власти, то мне пришлось бы указать на еще большее число расхождений. Однако в мои задачи не входит составление курса американского государственного права. Я полагаю, что уже сказал достаточно для того, чтобы стало понятным, на каких общих принципах строится управление обществом в Соединенных Штатах. Эти принципы претворяются в жизнь по-разному и в различных частях страны приводят к более или менее разным результатам, хотя по существу они повсюду одни и те же. Законы отличаются по форме, но их питает общий дух.

Несмотря на то что общины и округа устроены не везде одинаково, можно утверждать, что повсюду в Соединенных Штатах в основе их организации лежит одна и та же идея: каждый человек есть лучший судья тому, что касается лишь его самого, и поэтому

37Более подробно см.: Поправки к законам штата Нью-Йорк, ч. I, гл. XI, названную «О полномочиях, обязанностях и привилегиях городов», т.1, с. 336—364.

См. также в сборнике «Дайджест законов Пенсильвании» статьи: «Податные чиновники», «Сборщики налогов», «Констебли» (Constables), «Инспекторы по делам бедноты» (Overseers of the poor), «Лица, наблюдающие за состоянием проезжих дорог». И в сборнике под названием «Акты общего содержания штата Огайо» закон от 25 февраля 1834 года касательно общин, с. 412. И наконец, специальные постановления, касающиеся различных государственных должностей, как, например, чиновники городской управы (Township's clercs), члены правления (Trustees), инспекторы по делам бедноты, инспекторы состояния ограждений и границ (Fence-Viewers), оценщики собственности (Appraisers of property), городской казначей (Township's Treasurer), констебли, лица, наблюдающие за состоянием проезжих дорог.

38См.: Поправки к законам штата Нью-Йорк, ч. I, гл. XI, т. I, с. 340; там же, гл. ХП; там же, с. 366; там же, «Акты штата Огайо». Закон от 25 февраля 1824 года касательно окружных уполномоченных (county commissioners), с. 263.

См. в «Дайджесте законов Пенсильвании» статьи: «Нормативы окружного представительства» (County-Rates), «Квоты» (Levies), с. 170.

В штате Нью-Йорк каждая община избирает депутата, который одновременно принимает участие как в управлении округом, так и в управлении общиной.

он лучше, чем кто-либо другой, способен позаботиться об удовлетворении своих потребностей. Следовательно, в обязанности и общины, и округа входит обеспечение своих собственных интересов. Штат правит, но не управляет. Встречаются, конечно, исключения из этого правила, но противоречий этому правилу вы не найдете нигде.

Первым следствием данного подхода было то, что жители стали самостоятельно избирать всех представителей исполнительной власти и *в* общине, и в округе или по крайней мере отбирать этих должностных лиц исключительно из своей среды.

А поскольку должностные лица повсюду являются выборными или как минимум несменяемыми, в Соединенных Штатах нигде не могла возникнуть иерархическая структура власти. В этой стране существует почти столько же независимых чиновников, сколько и должностей. Исполнительная власть оказалась рассредоточена среди множества людей.

Так как в стране полностью отсутствует административная иерархия и должностные лица являются выборными и

несменяемыми вплоть до окончания срока действия их полномочий, появляется необходимость в большей или меньшей степени приобщать судебную власть к сфере управления. Отсюда в свою очередь возникает система наложения штрафов, с помощью которых нижестоящие образования и их представители понуждаются к исполнению законов. Эта система применяется во всех штатах Союза без исключения.

Впрочем, право пресечения должностных правонарушений или право выступать, в случае необходимости, в роли исполнительной власти принадлежит в различных штатах различным категориям судей.

Англоамериканцы взяли институт мировых судей из общего источника; мировые судьи существуют повсюду в Соединенных Штатах. Однако их роль не везде одинакова.

Мировые судьи повсеместно оказывают содействие в управлении общинами и округами[39], либо непосредственно участвуя в процессе управления, либо подвергая преследованию тех, кто совершил те или иные должностные проступки и нарушения; вместе с тем в большинстве штатов наиболее серьезные из этих проступков и нарушений все же передаются на рассмотрение обычных судов. Таким образом, избрание должностных лиц или их несменяемость, отсутствие административной иерархии, введение судебного контроля над нижестоящими образованиями в системе управления государством — таковы основные признаки, отличающие американскую систему исполнительной власти на всей территории государства от штата Мэн до штата Флорида.

В отдельных штатах можно наблюдать зарождающиеся элементы централизации исполнительной власти. В этом направлении наиболее далеко продвинулся штат НьюЙорк.

В штате Нью-Йорк чиновники центрального государственного аппарата в некоторых случаях осуществляют надзор и контроль за функционированием нижестоящих эшелонов власти[40]. В других случаях они формируют нечто вроде апелляционного суда

39На Юге есть даже отдельные штаты, где на судебных чиновников округа (county-courts) возложены все, даже самые мелкие обязанности. См.: Законы и постановления штата Теннесси, статьи: «Судебные органы», «Налоги»...

40Например, управление общественным образованием сосредоточено в руках правительства. Законодательное собрание назначает администрацию университета, так называемых регентов. Губернатор и вице-губернатор штата непременно входят в их число (Поправки к законам, т. I, с. 456). Регенты университета ежегодно посещают колледжи и академии,

представляя затем законодательному собранию отчет о состоянии дел; подобный надзор не является формальным по следующим, весьма специфическим причинам: колледжам, *с* целью получения статуса юридического лица (корпорация), обладающего правом продавать, покупать и владеть собственностью, требуется хартия, которая дается лишь по представлению регентов. Кроме того, ежегодно штат распределяет между колледжами и академиями определенные суммы денег из специального фонда, созданного для поощрения образования. Распределяют эти суммы опять-таки регенты. См. главу XV «Народное образование». — Поправки к законам, т. I, с. 455.

Комиссионеры по делам общественных школ также обязаны один раз в год представлять отчет о состоянии дел смотрителю школ республики. Там же, с. 488.

Кроме того, аналогичный доклад подается ежегодно и о численности и положении беднейших слоев населения. Там же, *с.* 631.

для решения конкретных дел[41]. В штате Нью-Йорк судебные санкции используются в качестве административных мер меньше, чем где-либо в других местах. Право преследования за должностные правонарушения предоставлено меньшему числу лиц[42].

В незначительной степени аналогичная тенденция наблюдается и в ряде других штатов[43]. Однако в целом можно утверждать, что отличительной чертой исполнительной власти в Соединенных Штатах является ее крайняя децентрализация.

О ШТАТЕ

Я уже писал об общинах и их управлении, теперь мне остается описать лишь штат и его правительство.

На данной теме я могу остановиться лишь вкратце, не опасаясь оказаться непонятым: то, что я намерен рассказать, изложено во всех писаных конституциях, которые всякий может без труда найти[44]. Концептуальная основа этих конституций весьма проста и рациональна

Большинство содержащихся в них положений принято всеми нациями, имеющими конституции, а потому они нам в достаточной степени знакомы.

Таким образом, я ограничусь здесь лишь самым кратким изложением. Впоследствии я постараюсь дать оценку тому, о чем сейчас намерен сказать.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ ШТАТА

Разделение законодательного корпуса на две палаты. — Сенат. — Палата представителей. —

Различные функции палат.

Законодательная власть штата вверена двум палатам; первая из них называется сенатом.

Сенат — это прежде всего законодательный орган, хотя изредка он выполняет функции исполнительной или судебной власти.

В соответствии с конституциями различных штатов [45] сенат осуществляет административные функции разными способами, однако чаще всего он внедряется в сферу исполнительной власти путем участия в назначении должностных лиц.

Он принимает на себя часть обязанностей судебной власти, вынося постановления по ряду правонарушений политического характера, а также иногда разрешая некоторые гражданские дела[46].

Число его членов всегда невелико.

[41]Если кто-то считает себя пострадавшим в результате тех или иных действий комиссионеров по делам школ (которые принадлежит к числу общинных должностных лиц), он может обратиться с жалобой на них к смотрителю школ, чье решение является окончательным. — Поправки к. законам, т. I, с. 487.

В законах штата Нью-Йорк время от времени встречаются положения, аналогичные тем, которые только что приведены мною в качестве примеров. Однако в целом подобные попытки централизации власти редки и малоэффективны. Возлагая на высших должностных лиц штата право надзора и руководства низшим звеном должностных лиц, штат не дает им в то же время права вознаграждать или наказывать последних. Практически никогда не бывает так, чтобы один и тот же человек обладал правом давать приказ и одновременно правом наказывать за неповиновение; в результате, располагая правом приказывать, он не может заставить человека подчиниться своему приказу.

В 1830 году смотритель школ в своем ежегодном докладе законодательному собранию пожаловался на то, что многие комиссионеры по делам школ не передали ему, несмотря на его настойчивые требования, отчетов, которые они были обязаны ему представить. «Если подобное упущение повторится вновь, — добавил он, — я буду вынужден согласно закону подать на них жалобу в соответствующий суд».

42Так, например, в каждом округе на атторнея (district-

attorney) возложена обязанность производить взыскание всех штрафов, сумма которых превышает пятьдесят долларов, в том случае, если данное право не было прямо возложено законом на другое должностное лицо. — Поправки к законам, ч. I, гл. X, т. 1, с. 383.

43В Массачусетсе мы находим немало признаков централизации исполнительной власти. Например, школьные комитеты в общинах обязаны ежегодно составлять отчет о своей деятельности и передавать его секретарю штата. — Законы Массачусетса, т. I, с.367.

44См. текст конституции штата Нью-Йорк.

45В Массачусетсе сенат не имеет никаких административных функций.

46Как в штате Нью-Йорк.

Палата представителей—вторая составная часть законодательного собрания—никакой исполнительной деятельностью не занимается, а в правосудии принимает участие, лишь обвиняя перед сенатом государственных чиновников.

Условия выборов членов обеих палат практически повсюду одинаковые. И те и другие избираются на основе единой процедуры, одними и теми же гражданами.

Единственное различие между ними заключается в том, что сенаторы обыкновенно выбираются на более длительный срок, нежели члены палаты представителей. Последние редко остаются на своем посту больше одного года, тогда как сенаторы чаще всего избираются на два или три года.

Предоставляя сенаторам привилегию быть избранными на многолетний период и частично обновляя их состав, закон позаботился о том, чтобы сохранить в среде законодателей ядро, состоящее из людей, уже опытных в делах и способных оказывать полезное влияние на вновь избранных.

Разделив законодательный корпус на две палаты, американцы не ставили перед собой задачи превратить одну в наследственное, а другую — в выборное учреждение; они также не намеревались сделать одну палату аристократической, а другую — демократической. Не задавались они и целью найти в первой опору для правительства, а второй оставить защиту интересов и чаяний народа.

Единственными положительными результатами создания в современных Соединенных Штатах двухпалатной структуры явились разделение законодательной власти с тем, чтобы сдерживать деятельность политических органов, и учреждение

апелляционного суда для проверки законов.

Время и опыт доказали американцам, что, помимо вышеназванных преимуществ, разделение законодательной власти есть первейшая необходимость для общества. Пенсильвания, единственная из всех объединенных в Союз республик, предпринял а вначале попытку создать однопалатный орган. Сам Франклин, находившийся во власти логических построений, вытекающих из концепции о народовластии, способствовал осуществлению этого намерения. Однако вскоре потребовалось изменить закон и создать две палаты. Принцип разделения законодательной власти получил, таким образом, последнее признание; отныне можно считать, что разделение законодательной деятельности между несколькими органами является доказанной необходимостью. Данная теория, практически неизвестная античным республикам, возникла в мире чуть ли не случайно, как, впрочем, открылось и большинство других великих истин. В наше время она наконец принята в качестве аксиомы политическими науками.

ОБ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ ШТАТА

Что такое губернатор штата. — Каково положение, занимаемое им по отношению к законодательному корпусу. — Каковы его права и обязанности. — Его зависимость от народа.

Губернатор является представителем исполнительной власти штата.

Я не случайно употребил здесь слово «представитель». Губернатор штата в действительности представляет исполнительную власть, но вместе с тем круг его прав в сфере исполнения ограничен определенными рамками.

Губернатор как высшее должностное лицо поставлен рядом с законодательным собранием для того, чтобы сдерживать законодательную власть и выступать в роли советчика. Он обладает правом «отлагательного вето», которое позволяет ему по своему усмотрению останавливать или по крайней мере тормозить те или иные действия законодательного корпуса. Он докладывает законодательному собранию о нуждах штата и предлагает те средства, которые он считает необходимыми для их удовлетворения. И естественно, он является единственным исполнителем решений законодательных органов касательно всех тех начинаний, которые затрагивают интересы всего штата в целом[47]. В отсутствие законодательного собрания он должен предпринимать

[47]На практике не всегда только лишь губернатор

осуществляет решения законодательного собрания. Нередко случается так, что, принимая какое-либо постановление, законодатели одновременно назначают специальных чиновников для наблюдения за его выполнением.

все возможные меры с тем, чтобы оградить штат от любых насильственных потрясений и непредвиденных опасностей.

Губернатор сосредоточивает в своих руках всю военную мощь штата. Он является командующим милицией штата и главой вооруженных сил.

В том случае, когда нарушается общественная воля, воплощенная со всеобщего согласия в законах, губернатор сам лично возглавляет все вооруженные подразделения штата с тем, чтобы подавить сопротивление закону и восстановить должный порядок.

Губернатор не принимает никакого участия в управлении общинами и округами, или, вернее, имеет к этому лишь косвенное отношение, назначая мировых судей, которых сам же потом не имеет права отзывать[48].

Губернатор — выборное должностное лицо. Обычно он избирается на один или два года и таким образом остается в постоянной и прочной зависимости от избравшего его большинства

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Различие, которое необходимо проводить между правительственной и административной

централизацией. — Отсутствие в Соединенных Штатах административной централизации наряду с

сильной централизацией правительственной власти. — Некоторые негативные последствия,

вытекающие из крайней административной децентрализации в Соединенных Штатах. —

Преимущества подобного порядка вещей с административной точки зрения. ·— По сравнению с

Европой власть, управляющая американским обществом, менее упорядочена, менее осведомлена и

менее вооружена знаниями, но значительно более могущественна. — Политические преимущества

такого положения дел. — В Соединенных Штатах понятие отечества очень близко всем. — Растущая необходимость в

местных институтах власти по мере демократизации общественного

строя. — Причины этого.

В наши дни постоянно говорят о централизации, однако никто не старается вникнуть в смысл этого понятия.

Между тем существует два совершенно различных типа централизации, которые не следует путать.

Есть определенные интересы, общие для всех слоев общества, такие, как, например, установление общих законов и взаимоотношения с иностранцами.

Есть также интересы, присущие каким-то отдельным слоям общества, как, например, те или иные действия и начинания общины.

Правительственная централизация, по моему мнению,—это сосредоточение власти в едином центре или в одних руках для защиты первой группы интересов.

Под административной централизацией я подразумеваю подобную же концентрацию власти с целью защиты второй группы интересов.

Есть ряд признаков, по которым эти два вида централизации совпадают. Однако, рассматривая в комплексе те вопросы, которые находятся в компетенции каждой из них в отдельности, можно без труда различить их между собой.

Правительственная централизация, и это понятно, приобретает небывалую силу в соединении с административной централизацией. В этом случае она приучает людей полностью и постоянно отказываться от проявления собственной воли, приучает подчиняться, причем не единожды и не по одному конкретному поводу, но во всем и всегда. Она не просто подчиняет людей себе, укрощая их с помощью силы, — она использует также их приверженность собственным привычкам; вначале она действует изолированно, на каждого в отдельности, а затем и на массу в целом.

Эти два вида централизации связаны между собой и содействуют друг другу, вместе с тем я не могу сказать, что они неразделимы.

При Людовике XIV Франция оказалась свидетельницей величайшей централизации правительственной власти, которую только можно себе представить, ибо один и тот же человек издавал общие законы и одновременно обладал правом их толковать; представлял Францию за рубежом и действовал внутри страны от ее же имени. «Государство — это я», — говорил он и был совершенно прав.

48Во многих штатах мировые судьи назначаются не

губернатором.

83

Однако при Людовике XIV административная централизация была значительно слабее, нежели в наши дни.

Сегодня мы видим, что в такой стране, как Англия, где централизация правительственной власти доведена до чрезвычайно высокой степени, государство действует словно один человек; по своей воле приводит в движение колоссальные массы людей, везде и всюду, где только пожелает, собирает силы и использует все свое могущество.

Между тем в Англии, свершившей за последние пятьдесят лет столь великие деяния, полностью отсутствует централизация административной власти.

Со своей стороны я не могу даже представить, чтобы нация смогла существовать и в особенности достигнуть процветания без сильной централизации правительственной власти.

Вместе с тем я считаю, что централизация административной власти способна лишь раздражать людей, которые этой власти подчиняются, потому что она постоянно стремится ослабить у них общинный дух. Централизация административной власти действительно может способствовать объединению на определенном этапе и в определенном месте всех сил нации, однако она оказывает негативное воздействие на обновление этих сил. Таким образом, она превосходно может обеспечить какому-то человеку мимолетное величие, но вовсе не прочное благосостояние целого народа.

Следует с большой осторожностью внимать тем, кто утверждает, что государство не способно функционировать без централизации, — в этом случае, сами того не осознавая, люди обычно ведут речь о централизации правительственной власти. Германская империя — непрерывно повторяют они — так никогда и не смогла воспользоваться всеми своими возможностями. Но в чем причины этого? А в том, что силы нации никогда не были централизованы; в том, что государство так и не смогло заставить своих граждан повиноваться основным законам; в том, что разрозненные части этого великого целого всегда обладали либо правом, либо возможностью отказывать в своем содействии представителям общенациональной власти даже в тех делах, которые представляли интерес для всех жителей, — другими словами, в том, что не существовало централизации правительственной власти. Аналогичное замечание может быть отнесено и к средневековью: причиной всех несчастий и бед феодального общества явилось то, что власть не только

управлять, но я править была распылена среди множества людей и осуществлялась множеством самых разнообразных способов. Отсутствие какой-либо централизации правительственной власти мешало народам Европы того периода решительно продвигаться к той или иной цели.

Мы видели, что в Соединенных Штатах совершенно не существовало централизации административной власти, да и признаки иерархии властей были лишь слабо заметны. Децентрализация достигла здесь такого уровня, что, будь это в Европе, ни одна нация не миновала бы при этом огромных трудностей, и даже в Америке подобная децентрализация в отдельных случаях причиняет весьма ощутимое зло. Вместе с тем централизация правительственной власти в Соединенных Штатах чрезвычайно высока. И легко доказать, что силы нации здесь более сплочены, чем в любой из старых европейских монархий. Дело не в том, что в каждом штате есть единственный орган, издающий законы, и не в том, что существует лишь один мощный источник политической активности общества, а в том, что в целом здесь избежали объединения многочисленных ассамблей округов из опасения, что эти ассамблеи могут попытаться выйти за пределы своей компетенции и тем самым нарушат надлежащее функционирование правительства. В Америке нет власти, способной противодействовать законодательному собранию штата. Ничто не может помешать его действиям: ни привилегии, ни неприкосновенность местных властей, ни личные влияния, ни даже авторитет разума, потому что оно является представителем большинства, претендующего на то, что только оно является единственным носителем этого разума. Таким образом, действия законодательного собрания ничем не ограничены, и оно руководствуется лишь своей волей. Рядом с ним и под его рукой всегда находится представитель исполнительной власти, который с помощью вполне реальных сил должен принуждать к повиновению недовольных.

В деятельности правительства слабых звеньев очень мало,

Американские республики не имеют постоянных вооруженных сил, чтобы усмирять недовольные меньшинства, но, поскольку эти меньшинства до сих пор еще ни разу не вступали в открытую борьбу, необходимость в постоянной армии пока и не

опекалась. Для воздействия на своих граждан штат чаще всего использует чиновников округа или общины. Так, например, в Новой Англии именно общинный податный чиновник облагает налогами, общинный сборщик налогов взимает их, общинный

казначей передает эти деньги в государственную казну, а возникающие по ходу дела претензии передаются в суды общей юрисдикции. Данный способ собирать налоги медлен и неудобен; он постоянно затрудняет нормальную деятельность правительства, нуждающегося в больших денежных поступлениях. В общем, было бы естественным стремиться к тому, чтобы правительство во всех тех областях, которые необходимы для его жизнедеятельности, располагало бы собственными чиновниками, отобранными им самим, сменяемыми только по его решению, а также способными к быстрым действиям. Однако при той организации центральной власти, которая существует в Америке, всегда можно, в случае необходимости, без промедления применить более решительные и более эффективные методы.

Следовательно, вовсе не по причине полного отсутствия централизации в Соединенных Штатах, как это нередко утверждается, могут погибнуть республики Нового Света. Правительства американских, штатов не только нельзя назвать слабо централизованными — напротив, они излишне централизованы, и я впоследствии докажу правомерность подобного утверждения. Законодательные собрания ежедневно присваивают себе какие-то отдельные элементы правительственной власти; они стремятся поглотить их, как это в свое время сделал французский Конвент. И государственная власть, централизуемая подобным образом, постоянно переходит из рук в руки, потому что она подчиняется воле народа. Нередко ей недостает мудрости и предусмотрительности потому, что она в состоянии делать все, что ей заблагорассудится. В этом-то и заключается наибольшая для нее опасность. Таким образом, именно благодаря своей силе, а вовсе не из-за собственной слабости государство подвергается опасности когда-нибудь погибнуть.

Децентрализация административной власти имеет в Америке ряд самых различных последствии.

Мы уже видели, что американцы практически полностью изолировали местные власти от правительства, перейдя, как мне кажется, всякие границы здравого смысла, ибо порядок, пусть даже и во второстепенных по значимости вещах, тем не менее отвечает интересам всей нации[49].

Вследствие того, что штат не имеет собственных административных чиновников, занимающих конкретные должности в тех или иных населенных пунктах, которых он может заставить проводить на местах общую политику, он редко делает попытку установить единые для всей территории правила функционирования полиции. Между тем потребность в такого

рода правилах ощущается достаточно сильно, и европеец весьма часто отмечает их отсутствие. Этот бросающийся в глаза поверхностный беспорядок убеждает его с первого взгляда в том, что в этом обществе царит полная анархия, и, лишь внимательно всмотревшись в то, что происходит, он начинает понимать, что его первое впечатление было совершенно ложным.

Некоторые начинания, представляющие интерес для всего штата, тем не менее не удается реализовать потому, что не существует общенациональной администрации, которая была бы в состоянии этим заняться. Предоставленные заботам общин, округов и их выборных и временных представителей, эти начинания остаются либо совсем безрезультатными, либо результат оказывается недолговременным.

Сторонники централизации в Европе утверждают, что правительство способно лучше управлять общинами, нежели они могли бы делать это сами; это, может быть, и верно, когда представители центральной власти являются людьми просвещенными, а жители общин — необразованны; когда центральная власть деятельна, а граждане — инертны; когда правительство привыкло повелевать, а народ — повиноваться. Разумеется, что с

[49]Власти штата, хотя и не занимаются сами по себе управлением, все же не должны, на мой взгляд, отказываться от права контроля над местными властями. Например, я думаю, что представитель правительства, занимающий определенную должность в каждом округе, мог бы сообщать суду обо всех правонарушениях, которые совершаются в общинах и округах; разве это не привело бы к установлению единого порядка, при том что местная независимость от этого нисколько бы не пострадала? Между тем в Америке ничего похожего не существует. Над окружными судами нет вышестоящего органа, а сведения о правонарушениях административного характера, которые им положено пресекать, попадают сюда в достаточной степени случайно.

ростом централизации усиливаются и эти два процесса, то есть все большая активность, с одной стороны, и полная неспособность действовать — с другой, становятся очевидными.

Но в том случае, когда народ образован, хорошо знает, чего он хочет, и привык заботиться о своих интересах, как это происходит в Америке, ничего подобного, я считаю, быть не должно.

Напротив, я совершенно убежден, что объединенная сила

граждан всегда окажется более способной обеспечить общественное благосостояние народа, нежели правительственная власть.

Признаюсь, однако, что весьма трудно точно указать тот способ, с помощью которого можно пробудить спящий народ, вызвать у него те или иные желания и дать ему знания, которых он был лишен; убедить людей в том, что они сами должны заниматься собственными делами, — это, не стану скрывать, задача архисложная. Нередко людей значительно проще заинтересовать мелочами придворного этикета, нежели ремонтом их собственного дома.

Одновременно я считаю, что в тех случаях, когда центральная власть утверждает, что она может полностью заменить собой свободное участие непосредственно заинтересованных в том или ином начинании людей, она либо ошибается сама, либо желает ввести в заблуждение вас.

Центральная власть, какой бы просвещенной и искушенной она ни представлялась, не в состоянии одна охватить все частности жизни великого народа. Она не может этого сделать потому, что подобная задача превосходит все пределы человеческих возможностей. Когда такая власть стремится только лишь своими силами создать и привести в действие бесчисленное множество различных общественных механизмов, она должна либо довольствоваться весьма неполными результатами, либо ее усилия будут просто тщетны.

Действительно, в условиях централизации легко удается достигнуть некоего единообразия внешних проявлений человеческой активности, что приводит людей к удовлетворению этим единообразием как таковым, вне зависимости от того, чего оно касается. Это напоминает богомольцев, которые поклоняются изображению Божьему, забывая о Нем самом. Централизация без труда придает видимость упорядоченности в повседневных делах, при ней можно умело и обстоятельно руководить деятельностью полиции, охраняющей общество, пресекать небольшие беспорядки и незначительные правонарушения, поддерживать общество в некоем *статус-кво,* что, в сущности, не является ни упадком, ни прогрессом, поддерживать в общественном организме своего рода административную дремоту, которую правители обычно любят называть «надлежащим порядком» и «общественным спокойствием»[50]. Одним словом, централизация является превосходным тормозом в любых начинаниях, а не стимулом для их осуществления. Когда же возникает необходимость привести в движение глубинные силы общества или же резко ускорить его развитие, централизованная власть незамедлительно теряет

всякую силу. Как только ей для проведения каких-либо мер становится необходима поддержка граждан, все, к своему удивлению, обнаруживают слабость этого гигантского механизма, который разом оказывается совершенно бессильным.

Иногда случается, что централизованная власть, не находя другого выхода, делает отчаянные попытки призвать граждан себе на помощь, вместе с тем говоря им: вы будете действовать так, как я хочу; столько, сколько мне потребуется, и именно в том направлении, которое я изберу сама. Вы будете заниматься исполнением отдельных дел, не стремясь к управлению целым; вы будете работать, находясь в неведении, и лишь впоследствии вы сможете судить о моей деятельности по ее результатам.

50Как мне кажется, Китай представляет нам наиболее яркий образец того общественного благосостояния, которое может дать своему народу лишь чрезвычайно централизованная власть. Путешественники утверждают, что китайцам присуще спокойствие, лишенное счастья; у них есть промышленность, однако она стоит на месте; общество стабильно, но бессильно; порядок в нем существует, но отсутствуют нравственные принципы. В Китае дела всегда идут достаточно хорошо, но никогда — очень хорошо. Я полагаю, что, когда Китай окажется открытым для европейцев, они встретят здесь самую совершенную модель централизации исполнительной власти, которая только существует в мире.

Однако на таких условиях добровольное содействие человека получить невозможно. Человеку необходима свобода действий, сознание ответственности за свои дела. Человек так уж устроен, что предпочитает оставаться в бездействии, нежели двигаться не по своей воле к неизвестной ему цели.

Я не стану отрицать, что в Соединенных Штатах часто сожалеют об отсутствии единообразных правил, с которыми каждый из нас как бы сверяет свои поступки.

В этой стране время от времени можно столкнуться с яркими примерами беззаботности и социальной апатии. Изредка выявляются постыдные изъяны, которые вступают в кричащее противоречие с окружающей их цивилизацией.

Нередко полезные начинания, требующие для их успешного завершения постоянного внимания и особой точности исполнения, в конце концов прерываются на полпути, так как в Америке, как и в других странах, люди нередко действуют под влиянием момента и подчиняясь внезапным порывам.

Европеец, привыкший всегда чувствовать рядом с собой

чиновника, готового вмешаться во все что угодно, довольно трудно привыкает к сложному механизму общинной власти. В целом можно утверждать, что в Америке на детали деятельности государственной полиции, делающей жизнь приятной и удобной, никто не обращает абсолютно никакого внимания. Вместе с тем основные гарантии прав человека в обществе существуют здесь так же, как и во всех других государствах. В Америке власть, управляющая штатом, менее упорядочена, менее осведомлена, менее вооружена знаниями, однако она в сто раз могущественнее, чем в Европе. Не существует другой такой страны в мире, где бы люди предпринимали в конечном итоге столько усилий, чтобы достичь общественного благосостояния. Я не знаю другого такого народа, который бы создал такое великое множество школ, дающих столь высокие результаты; храмов, так соответствующих религиозным потребностям верующих; общинных дорог, находящихся в столь великолепном состоянии. Так что в Соединенных Штатах не следует искать единообразия и постоянства взглядов, мелочной заботы о частностях жизни, совершенства административной процедуры[51]; что в этой стране действительно можно найти — так это образец власти, правда несколько дикой, но исполненной могущества и жизни, подверженной всяким случайностям и вместе с тем действенной и мобильной.

Впрочем, я признаю, если угодно, что общины и округа в Соединенных Штатах управлялись бы с большей пользой центральной властью, расположенной вдали от них и остающейся для них чужеродной, нежели чиновниками, избранными из их собственной среды. Если потребуется, я даже могу признать тот факт, что в Америке жизнь была бы более спокойной и безопасной, если бы в этой стране общественные ресурсы использовались благоразумнее и рассудительнее, если бы управление всем государством было сосредоточено в одних руках. И все же *политические* преимущества, получаемые американцами от существующей у них системы децентрализации власти, заставляют меня предпочесть подобное устройство любому другому отличающемуся от него.

И наконец, что мне до того, что где-то существует власть, всегда деятельная, заботящаяся о том, чтобы я спокойно жил в свое удовольствие, власть, которая опережает

[51] Один талантливый писатель, сравнивая финансовую систему Соединенных Штатов и Франции, показал, что ум не всегда может заменить собой знание фактов, и справедливо обвинил американцев в том, что бюджеты их общин достаточно беспорядочны. Приводя в качестве примера бюджет одного из

департаментов Франции, он добавляет: «Благодаря централизации, этому достойному удивления творению великого человека, муниципальные бюджеты как больших городов, так и самых скромных, расположенных как на одном конце королевства, тах и на другом, составлены на основе единой методики и по единой схеме». Конечно, я восхищаюсь подобным результатом централизации, но в то же время вижу, что большинство французских коммун, чья бухгалтерская отчетность столь совершенна, абсолютно не знают своих истинных интересов и находятся во власти столь глубокой апатии, что общество здесь скорее прозябает, нежели живет. С другой стороны, я наблюдаю, что в аналогичных американских общинах, бюджет которых составлен без всякой методики и, тем более, не по единому образцу, население образованно, деятельно и предприимчиво; я вижу, как общество непрестанно трудится. Это явление не перестает поражать меня: на мой взгляд, основная цель хорошего правительства состоит в том, чтобы добиться благосостояния народа, а вовсе не в том, чтобы установить некий порядок среди нищих людей. Итак, я спрашиваю себя, нельзя ли приписать одной и той же причине процветание американской общины в сочетании с видимым беспорядком в ее финансах и бедственное положение коммуны во Франции при совершенстве ее бюджета. Во всяком случае, я с подозрительностью отношусь к проявлению добра, сопровождаемого стольким злом, и легко мирюсь со злом, которое окупается стольким добром.

каждый мой шаг, чтобы отвратить от меня все опасности раньше, чем у меня возникнет необходимость даже задуматься о них, если эта власть, избавляя меня от малейших затруднений, одновременно становится полноправной властительницей моей свободы и моей жизни, если она настолько подчиняет себе любое движение в обществе и даже само его существование, что все вокруг нее чахнет, когда хиреет она сама; что все спит, когда засыпает она; что все гибнет, едва смерть настигнет ее?

В Европе встречаются страны, жители которых, считающие себя чем-то вроде поселенцев, равнодушны к судьбам той земли, на которой они живут. Любые, даже самые крупные перемены происходят в их стране без их содействия; они зачастую даже не знают определенно, что произошло; они лишь догадываются, ибо случайно где-то слышали разговор о каком-то событии в стране. Более того, благосостояние их деревни, полиция на их улице, участь их церкви и их прихода совершенно не волнуют людей; они полагают, что все это принадлежит некоему

могущественному чужеземцу, который зовется Правительством. Они пользуются этими благами как чужим имуществом; у них нет понимания того, что все это принадлежит им самим, как нет и желания что-либо улучшить. Это безучастие к своей судьбе заходит настолько далеко, что, даже если их собственная безопасность или безопасность их детей подвергается угрозе, вместо того чтобы отвратить эту угрозу, они складывают руки и ждут, когда же вся страна целиком придет к ним на помощь. Впрочем, эти люди, хотя и полностью пожертвовавшие своей свободной волей, все же любят повиноваться не более других. Правда, они готовы подчиняться указаниям чиновника, но как только сила удаляется от них на некоторое расстояние, они начинают вызывающе игнорировать закон, словно побежденного ими врага. Таким образом, они постоянно колеблются между раболепием и бурным своеволием.

Когда нации доходят до такого положения, они должны пересмотреть свои законы и свои обычаи, иначе они обречены на гибель, так как источник общественных добродетелей здесь, по всей видимости, иссяк: и хотя в этих странах еще есть подданные, граждан вы уже не встретите.

Я бы даже сказал, что народы, находящиеся в таком состоянии, могут легко стать жертвой завоевателя. Если они и не исчезнут с лица земли, то лишь потому, что оказались в окружении себе подобных или даже еще более слабых, нежели они сами, наций; или потому, что у них еще сохранился некий необъяснимый инстинкт любви к отечеству, некая бессознательная гордость за свою страну, за ее имя, некое смутное воспоминание о ее прошлой славе. И хотя они не испытывают привязанности к чему-то определенному, этих ощущений бывает достаточно, чтобы в случае необходимости пробудить в них порыв к самосохранению.

Было бы ошибочным успокаивать себя на том основании, что некоторые народы проявляли чудеса героизма, защищая свое отечество, в котором они жили словно чужеземцы. Присмотревшись внимательнее, мы увидим, что главной побудительной силой в подобных ситуациях почти всегда оказывалась религия.

Долговечность, слава и процветание нации сделались для них священными догматами, и, защищая свою родину, они защищали тот священный город, гражданами которого они все являлись.

Население Турции никогда не принимало никакого участия в управлении общественными делами. Между тем турки совершали великие дела, поскольку в завоеваниях султанов они усматривали торжество магометанства. Сегодня влияние религии постепенно

ослабевает, остается один лишь деспотизм — и нация в результате гибнет.

Монтескье, признавая за деспотизмом особую, лишь ему присущую силу, оказывал ему, как мне думается, незаслуженную честь. Деспотизм сам по себе не может быть прочной основой общества. Всмотревшись повнимательнее, начинаешь понимать, что абсолютистские правительства процветали столь продолжительное время благодаря религии, а не страху.

Как бы мы ни старались, мы никогда не найдем по-настоящему сильного общества, не опирающегося на свободное волеизъявление людей. В мире не существует ничего иного, кроме патриотизма или религии, что могло бы заставить самых различных граждан в течение долгого времени сообща стремиться к общей цели.

Законы не в состоянии оживить угасающие верования, однако именно они могут вызвать интерес граждан к судьбе своей страны. Именно законы способны пробудить и

направить в нужное русло этот неосознанный инстинкт любви к отечеству, который фактически никогда не покидает человеческое сердце, и, соединив этот инстинкт с определенными взглядами, чаяниями и укоренившимися привычками, превратить его в осознанное и прочное чувство. И пусть не говорят, что уже поздно даже пытаться это сделать: нации стареют совершенно иначе, чем люди. Каждое новое родившееся поколение есть как бы новый народ, попадающий в руки законодателя.

В Америке я восторгаюсь более всего не *административными, аполитическими* последствиями децентрализации. В Соединенных Штатах чувство родины ощущается повсеместно. Родина—это предмет заботы для всех, начиная с общины и кончая Союзом в целом. Человек живет интересами своей страны как своими собственными. Он гордится славой своей нации, достигнутыми ею успехами, в которых он видит частичку и своего труда, и это его возвышает; он радуется всеобщему процветанию, которое распространяется и на него самого. Он испытывает к своей родине такое же чувство, как к собственной семье. И вместе с тем он интересуется делами государства, движимый определенными эгоистическими побуждениями.

Зачастую европеец видит в государственном чиновнике лишь силу; американец же видит в нем право. Таким образом, можно утверждать, что в Америке человек никогда не подчиняется другому человеку, а повинуется лишь правосудию или закону.

И хотя он нередко о себе слишком высокого мнения, это

всегда сказывается на нем благотворно. Он бесстрашно полагается на свои собственные силы, которых, как ему кажется, хватит на все. Например, у некоего частного лица созрела мысль о реализации какого-то начинания, которое, скажем, имеет прямое отношение к общественному благосостоянию, — однако ему даже в голову не приходит идея обратиться к государственным властям за содействием. Он объясняет свой план, берется сам его осуществить, зовет себе на помощь других людей и борется один на один со всеми препятствиями. Безусловно, нередко случается так, что он добивается меньших успехов, чем это получилось бы, будь на его месте государство. Однако в конце концов общий итог всех частных начинаний во многом превосходит то, что могло бы сделать государство.

Так как местная власть находится в непосредственной близости от тех, кем она управляет, и так как она некоторым образом представляет их самих, то ни ревности, ни ненависти она ни у кого не вызывает. А вследствие того, что ее средства ограниченны, всякий чувствует, что он не может полагаться исключительно на нее.

Когда же эта власть действует в пределах своей компетенции, она никогда не остается в одиночестве, как это нередко случается в Европе. Никто не думает, что раз в дело вмешался представитель государства, то полномочия частных лиц кончились. Напротив, всякий направляет действия этого должностного лица и содействует ему всеми силами.

Когда индивидуальные силы объединяются с общественными, зачастую удается добиться того, чего самая сконцентрированная и самая деятельная власть была бы не в состоянии сделать*.

Я мог бы привести большое количество фактов, подтверждающих сказанное мною, однако я предпочитаю ограничиться единственным примером, выбрав тот, который мне лучше всего знаком.

В Америке в распоряжении властей находится весьма мало средств для раскрытия преступлений и поимки преступников.

Административной полиции здесь не существует, о паспортах никто понятия не имеет. Криминальную полицию в Соединенных Штатах нельзя даже сравнивать с нашей: представители атторнейской службы весьма немногочисленны, причем они далеко не всегда имеют право возбуждать дело: расследование обычно ведется недолго и устно. Однако я сомневаюсь, что в какой-либо другой стране преступление столь же редко остается безнаказанным.

Причина такого положения заключается в том, что в этой стране все люди заинтересованы в представлении доказательств

правонарушения и в поимке преступника.

За время моего пребывания в Соединенных Штатах я был свидетелем того, как жители округа, где было совершено серьезное преступление, стихийно образовали несколько комитетов с целью поймать виновного и отдать его под суд.

В Европе на преступника смотрят как на несчастного человека, делающего все возможное, чтобы спасти себя от представителей власти, причем население в некотором

смысле присутствует при этом поединке. В Америке же он считается врагом рода человеческого, и против него восстает все население.

Я полагаю, что местные институты власти приносят пользу всем народам, однако никто не испытывает в них большей нужды, чем народ, живущий при демократическом общественном строе.

В аристократическом государстве всегда можно с уверенностью рассчитывать на сохранение известного порядка в условиях свободы.

Если правители рискуют потерять слишком многое, то порядок приобретает для них огромное значение.

Можно также утверждать, что при аристократическом правлении народ защищен от крайних проявлений деспотизма, потому что всегда находится некая организованная сила, способная оказать сопротивление деспоту.

Демократическое же государство, не имеющее местных институтов власти, совершенно не гарантировано от подобного зла.

Как же можно научить массу людей пользоваться свободой в больших делах, когда они не привыкли к ней в малых?

Как противиться тирании в стране, где каждый слаб, а люди в целом не объединены никакими общими интересами?

И те, кто опасается своеволия, и те, кто боится абсолютистской власти, должны, таким образом, сообща стремиться к постепенному развитию свободы на местах.

Впрочем, я совершенно убежден, что именно те страны, в которых сформировался демократически общественный строй, более, чем другие, рискуют попасть в оковы централизации исполнительной власти.

Для этого существует целый ряд причин, и в числе прочих следующие.

У этих стран появляется постоянная тенденция сосредоточивать всю правительственную мощь в руках единой власти, непосредственно представляющей народ, потому что без

такого понятия, как народ, остаются лишь отдельные, равные между собой граждане, сливающиеся в общую массу.

Между тем, когда у этой власти уже есть все атрибуты правительственного органа, ей становится весьма сложно противиться желанию проникнуть в самые мелочи управления, и поэтому она обязательно рано или поздно находит для этого повод. Мы были свидетелями подобного развития событий в своих собственных странах.

Во времена Французской революции существовало два противоположных по своему направлению движения, которые не следует смешивать: одно из них создавало благоприятные предпосылки для развития свободы, а другое — для деспотизма.

В старой монархии все законы издавал исключительно сам король. На более низком уровне власти сохранились какие-то остатки провинциальных институтов управления, уже наполовину уничтоженных. Эти провинциальные институты были слабо связаны между собой, плохо руководимы и нередко просто абсурдны. В руках аристократии они иногда даже превращались в орудие угнетения.

Революция выступила как против королевской власти, так и против провинциальных органов управления. Она одинаково возненавидела все, что ей предшествовало, — и абсолютистскую власть, и то, что могло смягчить ее жестокость. Результатом Революции было одновременно и создание республики, и централизация власти.

Этот двойственный характер Французской революции был ловко использован сторонниками абсолютистской власти. Когда вы видите, сколь рьяно они защищают централизацию административной власти, вы думаете, что они трудятся на пользу деспотизму? Ничуть, они защищают одно из величайших завоеваний Революции*. Так они могут оставаться популярными среди народа и вместе с тем быть противниками предоставления прав этому народу, скрытыми прислужниками тирании и громогласными сторонниками свободы.

Я побывал в двух странах, где система местных свобод применяется очень широко, и я слышал мнения различных сторон по этому поводу.

В Америке я столкнулся с людьми, которые тайно стремились к уничтожению демократических институтов в своей стране. В Англии я встретился с теми, кто резко нападал на власть аристократии. Однако ни в одной из этих стран я не нашел человека, который отрицал бы, что местные свободы являются великим благом для общества.

И в той и в другой стране я слышал о множестве различных причин, которыми объяснялись те или иные пороки государства, однако среди них никто и никогда не упоминал местных свобод.

Я слышал, как многие граждане, говоря о величии и процветании своей родины, приводили немало доводов в пользу этого; тем не менее все они ставили на первое место, выделяя в качестве основного преимущества их страны, существование местных свобод.

Можно ли после всего этого предположить, что факты, единодушно признаваемые столь несхожими между собой людьми, имеющими различные религиозные убеждения и политические принципы, факты, о которых они лучше всего могут судить, ибо постоянно и ежедневно сталкиваются с ними в жизни, оказались ложными?

Только те народы, у которых местные институты управления либо слабо развиты, либо вовсе отсутствуют, отрицают их пользу; это означает, что их хулят лишь те, кто совершенно незнаком с ними.

Глава VI. СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО ОБЩЕСТВА

Англоамериканцы сохранили все отличительные черты судебной власти, которые присущи ей и в

других странах. — Однако они придали ей большой политический вес. — Как это произошло. — В чем

судебная система англоамериканцев отличается от судебных систем в других странах. — Почему

американские судьи имеют право признавать законы неконституционными. — Каким образом

американские судьи используют это право. —Меры предосторожности, принимаемые

законодателями для предупреждения злоупотреблений этим правом.

Я счел необходимым посвятить отдельную главу рассмотрению системы судебной власти в Соединенных Штатах. Ее политическое значение настолько велико, что, на мой взгляд, говорить о ней мимоходом означало бы умалить ее роль в глазах читателей.

Федерации, помимо Америки, были и в других местах; республики существовали во многих странах, а не только на

берегах Нового Света; система представительных органов принята в нескольких государствах Европы; однако я не знаю, чтобы когда-то в какойлибо стране мира система судебной власти была бы создана на тех же принципах, что и американская.

Иностранцу сложнее всего понять в Соединенных Штатах именно организацию правосудия. Можно сказать, что нет такого политического события, по поводу которого он не слышал бы ссылок на авторитет судьи, из чего иностранец, естественно, заключает, что в Соединенных Штатах судья представляет собой одну из важнейших политических сил общества. Когда же затем он начинает изучать устройство судов, то поначалу не обнаруживает ничего, кроме чисто судебных атрибутов и норм. Ему кажется, что судьи вмешиваются в государственные дела не иначе как случайно, хотя такие случайности повторяются ежедневно.

Когда Парижский парламент, делая свои замечания, отказывает в регистрации того или иного указа или же когда он вызывает на свое судебное заседание провинившегося чиновника, в этом видят открытую политическую деятельность судебной власти. Ничего похожего в Соединенных Штатах не наблюдается.

Американцы сохранили все характерные черты, свойственные судебной власти, и точно определили сферу ее деятельности.

Первое отличительное свойство судебной власти у всех народов заключается в том, что она служит арбитром в спорных случаях. Для того чтобы суд начал разбирать какоелибо дело, необходимо наличие спорной ситуации. Чтобы появился судья, должен быть судебный процесс. До тех пор пока закон не дает оснований считать ситуацию спорной, судебная власть не имеет возможности вмешиваться в нее. Подобная ситуация может уже возникнуть, однако судебная власть как бы не замечает ее. Когда судья, ведя какоелибо дело, ставит под сомнение закон, имеющий отношение к данному делу, он тем самым расширяет сферу своей компетенции, но не выходит за ее пределы, поскольку, для того чтобы выразить свое мнение о деле, он вынужден в той или иной степени выразить свое суждение и о законе. Если же он дает оценку закону, не относящемуся к конкретному судебному процессу, то з этом случае он полностью выходит за рамки своей компетенции и вторгается в сферу деятельности законодательной власти.

Второе отличительное свойство судебной власти состоит в том, что она выносит свое решение по конкретным делам, но не по общим положениям. Когда при разрешении частного вопроса судья выступает против какого-либо общего принципа, будучи убеж-

ден, что, разбив в процессе разбирания дела каждый довод, вытекающий из этого принципа, он уничтожит сам принцип, то в данном случае судья остается в пределах естественной для него сферы деятельности. Если же судья непосредственно выступает против какого-либо общего положения и уничтожает его безо всякой связи с тем или иным конкретным делом, тогда он выходит из тех рамок, которые определены для судебной власти по общему согласию всех народов: он становится более важным, а может быть, даже и более полезным лицом, нежели просто судья, однако он одновременно перестает быть представителем судебной власти.

Третьей отличительной чертой судебной власти является то, что она может действовать лишь в том случае, когда к ней обратятся, или, говоря языком юриспруденции, когда в суде возбуждается дело. Данное свойство не столь характерно для судебной власти, как два предыдущих. Однако я полагаю, что, несмотря на исключения, эту черту можно считать весьма существенной. По своей природе судебная власть статична—для того чтобы она пришла в движение, ее необходимо подтолкнуть. Ей сообщают о преступлении — и она наказывает виновного, ее призывают к восстановлению справедливости — и она ее восстанавливает, ей предъявляют документ—и она разъясняет его содержание. Вместе с тем сама она не начинает ни преследования преступников, ни поиска фактов несправедливости, ни изучения этих фактов. Судебная власть нарушила бы некоторым образом свою природную пассивность, если бы сама проявляла инициативу и критически оценивала законы.

Американцы сохранили за судебной властью эти три отличительные черты. Судья в Соединенных Штатах может высказываться только тогда, когда возникает спорная ситуация; он занимается лишь конкретными случаями и начинает действовать, только если в суде возбуждается дело.

Следовательно, американский судья ничем не отличается от судей в других странах. Вместе с тем он облечен огромной политической властью.

Отчего это происходит? Он действует в тех же пределах и использует те же средства, что и другие судьи; почему же он обладает властью, которой лишены они?

Причина этого заключается в единственном факте: американцы признали за своими судьями право обосновывать свои решения, исходя в первую очередь из конституции, а потом уже из законов, — другими словами, они дозволили судьям

руководствоваться лишь теми законами, которые, на их взгляд, не противоречат конституции.

Насколько мне известно, подобного права добивались и судьи других стран, однако они его так и не получили. В Америке же оно признается всеми властями, там вы не встретите ни одной партии, ни одного гражданина, который бы стал оспаривать данное положение.

Объяснение этому можно найти в основных принципах, на которых построены все американские конституции.

Во Франции конституция незыблема или по крайней мере считается таковой. Никакая власть не в состоянии что-либо изменить в ней — такова общепринятая теория*.

В Англии за парламентом признается право вносить изменения в конституцию. Следовательно, в Англии конституция может подвергаться изменениям до бесконечности, или, точнее, ее не существует вовсе. Парламент, будучи законодательным органом, является одновременно и учредительным собранием* *.

В Америке политические теории отличаются большей простотой и рациональностью.

Конституция в Америке не считается незыблемой, как во Франции; она не может быть пересмотрена выборной властью, как в Англии. Она является самостоятельным творением, отражающим волю всего народа; она обязательна для законодателей так же, как и для простых граждан. Вместе с тем она может быть изменена по воле всего народа в соответствии с установленными правилами и в заранее определенных случаях.

Следовательно, в Америке конституция может видоизменяться, однако до тех пор, пока она существует, она является источником всякой власти, в ней заключается единственная господствующая в обществе сила.

Легко понять, каким образом вышеупомянутые различия отражаются на положении и правах судебных учреждений в трех названных мною странах.

Так, если бы во Франции суды могли не повиноваться законам на том основании, что они находят их противоречащими конституции, то в этом случае учредительная власть

действительно оказалась бы в их руках, так как они одни располагали бы правом толковать конституцию, положения которой не могут быть никем изменены. Следовательно, они заняли бы место всего народа и стали бы господствовать в обществе в той мере, которую бы допустила присущая любой судебной власти слабость.

Я понимаю, что, лишая судей права объявлять законы неконституционными, мы тем самым косвенно даем законодательным органам возможность изменять конституцию, потому что их больше не сдерживают никакие правовые барьеры. Однако все же лучше дать право изменять конституцию, отражающую волю народа, тем, кто пусть далеко не полностью, но все же представляет этот народ, нежели тем, кто представляет лишь самих себя.

Было бы еще более неразумным давать английским судьям право выступать против воли законодательных органов, потому что парламент, принимающий законы, создает и конституцию, и, следовательно, закон, исходящий от трех властей, ни в коем случае нельзя назвать неконституционным.

Ни то, ни другое из вышеприведенных рассуждений неприменимо к Америке.

В Соединенных Штатах конституция господствует над законодателями точно так же, как и над простыми гражданами. Таким образом, конституция есть основной закон государства, который не может быть изменен никаким другим законом. Поэтому совершенно правильно, что суды в первую очередь подчиняются конституции, отдавая ей предпочтение перед другими законами. Это вполне соответствует самой сути судебной власти, поскольку естественным правом каждого судьи является отбор среди нормативных актов тех, с которыми он наиболее тесно взаимосвязан.

И во Франции конституция является основным законом государства, и судьи имеют такое же право принимать ее за основу при вынесении своих приговоров. Вместе с тем, осуществляя это право, они не могут не посягать на другое право, более священное, нежели их собственное, — а именно на право общества, от имени которого они действуют. В этом случае доводы рядового человека должны отступать перед доводами Государства.

В Америке, где народ всегда может, изменив свою конституцию, привести судей к повиновению, подобной угрозы нечего опасаться. В этом отношении политика и логика сходятся, а народ и судьи пользуются каждый своими правами.

Когда в суде Соединенных Штатов ссылаются на закон, который судья находит не соответствующим конституции, он может отказаться его применять. Это право есть только у американских судей, и оно дает им большое политическое влияние.

В действительности существует довольно мало законов, которые по своей природе могли бы длительное время ускользать

от критического взгляда судьи, потому что лишь очень немногие из этих законов не затрагивают личных интересов, тем более что стороны в судебном процессе располагают правом ссылаться на любой закон.

Между тем, как только судья отказывается применить какой-либо закон в ходе судебного разбирательства, тут же моральное воздействие данного закона сужается. И тем людям, права которых этот закон ущемляет, приходит в голову мысль, что наконец появилась возможность избавиться от обязанности повиноваться ему. В этой ситуации заметно возрастает количество судебных процессов, и закон теряет свою силу. Тогда происходит одно из двух: либо народ вносит изменения в свою конституцию, либо законодательная власть отменяет данный закон.

Таким образом, американцы предоставили своим судам огромную политическую власть. Вместе с тем судьи имеют право выступать против какого-либо закона только путем использования судебного механизма Этим в значительной степени уменьшается опасность, которую таит в себе подобная власть.

Если бы судья имел право ставить под сомнение закон теоретически или же в общем плане или если бы он мог просто по своей инициативе надзирать за действиями законодателей, он стал бы, таким образом, играть одну из ведущих ролей на политической сцене. Сделавшись сторонником или же противником той или иной партии, он стал бы вовлекать в политическую борьбу все те страсти, которые обычно раздирают страну. Однако когда судья высказывает недоверие закону в рамках некоего таинственного судопроизводства, да еще и в применении всего лишь к частному случаю, то он отчасти скрывает от общественного мнения все значение своей акции. Его приговором затрагиваются лишь те или иные частные интересы, тогда как сам закон при этом страдает как бы случайно.

Кроме того, закон, раскритикованный подобным образом, продолжает существовать: его моральное воздействие уменьшается, однако на практике он вовсе не теряет своей силы. Если же закон все же прекращает свое существование, то это происходит постепенно, шаг за шагом, в результате непрерывно наносимых ему ударов со стороны судебных органов.

Кроме того, совсем нетрудно понять, что если закон подвергается критике в ходе судебного разбирательства частного случая и если судебный процесс против закона тесно связан с

процессом против человека, то не так-то легко — и в этом можно быть уверенным — сделать законодательство объектом нападок. При такой системе законодательство не является открытой мишенью и для повседневных нападок со стороны различных партий. На ошибку законодателя указывается в том случае, когда в этом есть реальная необходимость, поскольку в судебном процессе всегда исходят из достоверности фактов, поддающихся необходимой проверке.

Вполне возможно, что подобная процедура американских судов, прекрасно отвечающая требованиям поддержания порядка, также способствует в полной мере обеспечению свободы.

Если бы судье полагалось выступать против законодателей только в ходе открытой, лобовой атаки, то временами он не отваживался бы на это или же, напротив, под влиянием своей партийной принадлежности нападал бы на них повседневно. В этом случае получалось бы так, что законы, принятые слабой властью, подвергались бы непрерывным нападкам, а законам, вводимым сильной властью, безропотно бы подчинялись. Иными словами, те законы, которые было бы полезнее всего соблюдать, часто могли бы служить объектом нападения, и, наоборот, повиновались бы тем законам, именем которых можно было бы легко угнетать.

Однако американский судья был выведен на политическую арену помимо его воли. Он препарирует закон лишь потому, что ему необходимо вынести решение по конкретному судебному делу, а не принять такого решения он не имеет права. Политический же вопрос, который судья должен решать, взаимосвязан с интересами сторон, и он не властен обойти его, не нарушив тем самым справедливости. Выполняя свои непосредственные функции, вмененные ему в обязанность в соответствии с должностью, судья выполняет и свой гражданский долг. Совершенно естественно, таким образом, что судебный надзор за законами, осуществляемый судами, не может охватить все законы без исключения, так как есть и такие законы, которые никогда не смогут дать повод для критики именно в такой четко определенной форме, как судебный процесс. А если же подобное и случится, то вполне допустимо, что не найдется никого, кто захотел бы передать дело в суд.

Американцы часто сталкивались с этим недостатком, но тем не менее оставили средства воздействия на закон в незавершенном виде из опасения придать им излишнюю силу, которая в любом случае может представлять собой значительную опасность.

Вместе с тем, даже оставаясь в определенных границах, право

американских судов объявлять тот или иной закон не соответствующим конституции служит все же одной из самых мощных преград, которые когда-либо возводились против тирании политических органов.

ПРОЧИЕ ПРАВА, ПРЕДОСТАВЛЕННЫЕ АМЕРИКАНСКИМ СУДЬЯМ

В Соединенных Штатах все граждане имеют право возбуждать дело против должностных лиц в

обычных судах. — Как они пользуются этим правом. — Статья 75-я французской конституции

VIII года. —Американцам и англичанам непонятен даже смысл этой статьи

Я не знаю, нужно ли говорить о том, что у такого свободного народа, как американцы, все граждане обладают правом возбуждать дело против того или иного должностного лица в обычном суде и что все судьи имеют право выносить обвинительный приговор в отношении государственных служащих, — настолько это естесгвенно.

Предоставление судам права наказывать представителей исполнительной власти в случаях нарушения ими закона отнюдь не является особой прерогативой судебных органов. Напротив, лишение их данного права означало бы нарушение самой природы правосудия.

Я не замечал, чтобы в Соединенных Штатах установление ответственности всех должностных лиц перед судом приводило бы к ослаблению правительственной власти.

Напротив, мне показалось, что, сделав это, американцы подняли уважение народа к тем, кто им управляет, поскольку представители власти всячески стараются ничем не навлекать на себя критику.

Я также не замечал, чтобы в Соединенных Штатах велось много политических процессов, и я без труда могу это себе объяснить. Любой судебный процесс, независимо от его характера, всегда сложное и дорогостоящее дело. Легко выдвигать обвинения против должностного лица в газетах, однако для передачи дела в суд нужны серьезные основания. Поэтому, для того чтобы начать судебное преследование какого-либо чиновника, необходимы прежде всего веские причины для жалобы, тогда как чиновники, опасающиеся такого судебного преследования, сделают все, чтобы не дать таких оснований.

Это не зависит от существующей в Америке республиканской формы правления; такое же может ежедневно происходить и в Англии.

Оба эти народа вовсе не думали, что смогут обеспечить свою свободу и независимость, позволив предавать суду самых высокопоставленных представителей власти. Они считали, что свобода будет гарантирована скорее в том случае, если все граждане будут хорошо осведомлены о мелких судебных процессах, которые ведутся ежедневно, чем изредка узнавать о крупных, которые почти не проводятся, а если и проводятся, то слишком поздно.

В средние века, когда поймать преступников было чрезвычайно сложно, судьи, к которым некоторые из них все же иногда попадали, часто старались подвергнуть этих несчастных самым ужасающим наказаниям, что, однако, не приводило к сколько-нибудь заметному сокращению преступлений. Со временем человечество признало тот факт, что, делая правосудие более неотвратимым и одновременно более мягким, его превращают в реально действующую силу.

Американцы и англичане полагают, что к произволу и тирании следует относиться как к воровству, то есть, иными словами, облегчать их преследование в судебном порядке и смягчать наказание.

На VIII году существования Французской республики была составлена конституция, статья 75-я которой гласила: «Представители правительства, за исключением министров, могут подвергаться преследованию за свои действия, относящиеся к их служебным обязанностям, лишь в результате постановления Государственного совета; в этом случае дело подлежит возбуждению в обычных судах».

Конституция VIII года уже канула в Лету, однако данная статья сохранилась; на нее и по сей день постоянно ссылаются, чтобы отвергать справедливые требования граждан.

Я нередко пробовал объяснить американцам и англичанам смысл 75-й статьи, но это всегда оказывалось для меня весьма трудным делом.

Им прежде всего представлялось, что Государственный совет Франции — это какой-то высший суд, созданный в самом центре королевства, а его функции предварительного заслушивания жалобщиков казались им проявлением тиранки.

Но когда я пытался объяснить им, что Государственный совет отнюдь не является судебной инстанцией в буквальном смысле слова, а относится к административным органам, члены которого находятся в полном подчинении короля, так что король,

самодержавно приказав совершить беззаконие одному из своих служителей, называемому префектом, своей верховной властью может приказать другому служителю, называемому государственным советником, воспрепятствовать наказанию первого. Когда я указывал им на человека, пострадавшего в результате королевского распоряжения и вынужденного обращаться к тому же королю за разрешением призвать на помощь правосудие, они отказывались поверить в существование подобных чудовищных нелепостей и обвиняли меня во лжи и невежестве.

В старину при монархическом строе нередко случалось так, что парламент издавал постановление об аресте государственного чиновника, который совершил то или иное правонарушение. Иногда в это дело вмешивался сам король и приказывал прекратить начатый процесс. В этом случае деспотизм проявлялся открыто и повиновение оказывалось результатом подчинения силе.

Мы же, как оказалось, отошли далеко назад от того, чего добились наши отцы: мы допускаем, чтобы под видом правосудия и от имени закона возникали такие ситуации, с которыми наши предки мирились только под давлением непрекрытого насилия.

Глава VII. О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЮСТИЦИИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Что автор понимает под политической юстицией. — Что такое политическая юстиция во Франции,

в Англии, в Соединенных Штатах. — В Америке политический суд рассматривает лишь дела

государственных должностных лиц. — Отстранение от должности как одна из мер наказания,

наиболее часто применяемая политическим судом. — Политическое судопроизводство как обычное

средство воздействия на должностных лиц со стороны правительства. — Политическая юстиция,

существующая в Соединенных Штатах, — сильнейшее орудие в руках большинства, несмотря на

свою мягкость, а возможно, и благодаря ей.

Под политической юстицией я понимаю имеющую временный характер судебную функцию органов политической власти.

Правительствам, обладающим неограниченной властью, не нужно придавать судебным мерам какие-либо чрезвычайные формы: монарху, именем которого вершится правосудие и который является полновластным хозяином судебной системы,

как, впрочем, и всего остального, нет надобности искать оправдания своим действиям, так как данная ему власть сама по себе есть его гарант. Единственное опасение, которое может у него возникнуть, заключается в том, что в действительности не будет соблюдаться даже видимость правосудия и что вместо того, чтобы утвердить его власть, ее обесславят.

Но во многих свободных странах, где большинство совершенно не имеет возможности оказывать давление на суды так, как это сделал бы абсолютный монарх, иногда случалось, что судебная власть на время вверялась органам, непосредственно представляющим общество. Считалось, что лучше объединить на короткое время разные власти, нежели нарушить основополагающий принцип правительственного единства. Англия, Франция и Соединенные Штаты закрепили законодательным путем введение политического судопроизводства, — было бы любопытно проанализировать, к каким результатам пришли эти три вышеупомянутые великие державы.

Палата лордов в Англии и палата пэров во Франции образуют высшие уголовные суды [1] своих стран. Они не рассматривают всех без исключения дел политического характера, но имеют право это делать.

Наряду с палатой пэров и палатой лордов в этих странах есть органы политической власти, обладающие правом предъявлять обвинение. Единственное различие, которое существует в этом отношении между двумя странами, заключается в следующем: в Англии члены палаты общин могут обвинять в палате лордов всех, кого им только заблагорассудится, тогда как во Франции члены палаты депутатов могут привлекать к ответственности лишь королевских министров.

В остальном же и палата лордов, и палата пэров могут использовать любые нормы уголовного законодательства для наказания правонарушителей.

В Соединенных Штатах, как и в Европе, одна из палат законодательного корпуса облечена правом возбуждать дело, а другая — правом выносить приговор. Палата представителей указывает виновного, а сенат определяет ему наказание.

Однако никто, кроме *членов палаты представителей,* не имеет права обращаться в сенат с целью *возбуждения* дела, а обвинения палаты представителей могут быть направлены только против *государственных должностных лиц.* Таким образом, компетенция сената несколько уже, чем компетенция палаты пэров во Франции, однако палата

1Кроме того, палата лордов в Англии является последней

апелляционной инстанцией в некоторых гражданских делах. См.: *Блэкстон,* кн.Ш, гл.IV.

представителей пользуется правом обвинения более широкого круга лиц, чем наши депутаты.

Вместе с тем самое существенное различие между Америкой и Европой состоит в следующем: в Европе политические суды могут применять любые нормы уголовного законодательства. В Америке же политический суд, после того как он принял решение сместить с официальной должности обвиняемого и объявил его недостойным занимать в будущем любые политически значимые посты, исчерпывает свои полномочия и дело передается в суды общей юрисдикции.

Предположим, что президент Соединенных Штатов совершил преступление, квалифицируемое как государственная измена.

Палата представителей выступает в роли обвинителя, сенаторы принимают решение отстранить его от должности, а затем он предстает перед судом присяжных, который обладает исключительным правом лишить его свободы или даже жизни.

Это обстоятельство окончательно и в деталях проясняет интересующий нас вопрос.

Установленная законом система политической юстиции в Европе имела целью привлечение к ответственности особо важных преступников, независимо от их происхождения, социального статуса или уровня их власти в государстве. Чтобы достичь этого, верховному органу политической власти в определенные моменты предоставляются все прерогативы судов.

Законодатель, таким образом, превратился в судью: он получил возможность устанавливать факт преступления, квалифицировать его и определять для правонарушителя меру наказания. Давая законодателю права судьи, закон возложил на него и все судейские обязанности и предписал ему соблюдать все формальности, которые обычно присущи правосудию.

Когда французский или английский политический суд привлекает к ответственности государственного чиновника и выносит ему обвинительный приговор, самим этим фактом он лишает его должности и может объявить его недостойным занимать подобные должности в будущем. Однако такие политические меры наказания, как смещение с должности и запрет занимать ее впоследствии, являются следствием приговора, но не содержатся в самом приговоре как таковом.

В Европе, таким образом, судебно-политическое решение является скорее актом правосудия, нежели административной

мерой.

В Соединенных Штатах дело обстоит совершенно иначе, в чем легко убедиться: судебно-политическое решение представляет собой прежде всего административную меру, а не акт правосудия.

Бесспорно, что решение сената по своей форме имеет все свойства судебного постановления. Для того чтобы принять его, сенаторы должны действовать в соответствии с присущими судебной практике торжественностью и формальностями. Это решение имеет признаки судебного и по характеру своей мотивировки: как правило, в процессе принятия решения сенаторы должны исходить из факта нарушения норм общего права. Однако суть самого решения является чисто административной.

Если бы американские законодатели действительно стремились облечь орган политической власти широкими судебными полномочиями, они бы не ограничили сферу его деятельности привлечением к ответственности лишь государственных должностных лиц, потому что самые опасные враги государства могут вообще не занимать никакой государственной должности. И это в первую очередь относится к тем республикам, где поддержка той или иной партии является главным источником могущества и где наибольшей властью часто располагают те, кто официально не занимает никаких важных постов.

Кроме того, если бы американские законодатели собирались предоставить самому обществу право предупреждать крупные преступления так, как это происходит в результате деятельности судов, то есть внушая людям страх перед наказанием, то они бы разрешили политическим судам использовать все меры, предусмотренные уголовным законодательством. Однако законодатели дали этим судам лишь некое весьма несовершенное оружие, которое не способно воздействовать на наиболее опасных преступников. Да и что значит лишение права занимать государственные должности для того, кто стремится ниспровергнуть сами законы?

Следовательно, главной задачей политической юстиции в Соединенных Штатах является лишение власти тех, кто неправильно использует ее, а также гарантия того, что и впоследствии данный гражданин не будет облечен подобной властью. Из этого явствует, что решение политического суда есть не что иное, как административный акт, выраженный в

торжественной форме судебного постановления.

Таким образом, американцы создали какую-то смешанную систему: они придали процедуре отстранения от должности сугубо судебно-политический характер и вместе с тем отняли у политической юстиции возможность применять наиболее суровые меры наказания.

Исходя из этого, мы можем видеть, насколько все становится взаимосвязанным: находится объяснение тому, почему по американским конституциям все гражданские должностные лица подлежат юрисдикции сената и почему это не относится к военным, хотя их преступлений следует опасаться еще больше. В гражданской сфере у американцев практически все государственные должностные лица несменяемы: одни занимают свои должности пожизненно, другие получают полномочия от избирателей, и, следовательно, их нельзя ликвидировать. Поэтому, для того чтобы лишить власти этих государственных служащих, их всех необходимо предать суду. Между тем военные подчиняются главе государства, который в свою очередь является гражданским должностным лицом. Следовательно, всякий удар, направленный против него, распространяется и на всех военных[2].

Если теперь мы начнем сравнивать результаты, к которым приводят или могут привести действия как европейской, так и американской системы, то обнаружим, что и здесь есть весьма существенные различия.

Во Франции и в Англии политические суды рассматриваются в качестве чрезвычайного средства, которое общество должно использовать для своего спасения лишь в периоды величайшей опасности.

Нельзя отрицать тот факт, что политический суд, по крайней мере такой, каким его видят в Европе, нарушает консервативный принцип разделения власти и является постоянной угрозой свободе и жизни людей.

В Соединенных же Штатах политический суд лишь косвенно затрагивает принцип разделения власти и вовсе не угрожает жизни граждан; в отличие от Европы, не нависая дамокловым мечом буквально над всеми головами, он карает только тех, кто, вступая в ту или иную государственную должность, заранее готов к его суровым мерам.

Политический суд в Соединенных Штатах одновременно и менее грозен, и менее действен.

Кроме того, законодатели Соединенных Штатов рассматривали его не в качестве чрезвычайного средства спасения общества в случае великих бедствий, а как обычное средство управления страной.

С этой точки зрения политический суд, видимо, оказывает более существенное воздействие на общественное устройство Америки, чем на общественное устройство Европы. В самом деле, не следует заблуждаться относительно кажущейся мягкости американского законодательства в том, что касается судебно-политических решений. Прежде всего следует отметить, что в Соединенных Штатах суд, который выносит судебно-политические решения, состоит из тех же элементов и подвержен тем же влияниям, что и орган политической власти, имеющий право обвинения, и это неизбежно приводит к разгулу мстительных межпартийных страстей. Таким образом, хотя политические судьи в Соединенных Штатах не могут назначать столь суровые наказания, к каким прибегают политические судьи в Европе, в Америке существует значительно меньше шансов быть оправданным ими. Осуждение менее грозное, однако скорее всего неизбежное.

Европейцы, учреждая политические суды, имели своей главной целью *наказать* виновных; американцы стремились *отнять* у них *власть.* В Соединенных Штатах судебно-политическое решение является, некоторым образом, превентивной мерой. Следовательно, здесь судья не должен быть накрепко связан точной дефиницией состава преступления.

Нет ничего страшнее расплывчатости определений так называемых политических преступлений, которые даются в американских законах. «Преступления, за которыми мо-

[2] Это вовсе не означает, что офицера можно лишить его звания, но это значит, что его можно отстранить от командного поста.

жет последовать осуждение президента, — говорится в Конституции Соединенных Штатов, разд. IV, ст. 1, — суть государственная измена, взяточничество или другие важные преступления и проступки». Большинство конституций американских штатов еще более расплывчаты и неясны.

«Государственные должностные лица, — говорится в конституции штата Массачусетс, — могут быть привлечены к ответственности за преступное поведение, которым они отличились, а также за плохое управление»[3]. «Всякий чиновник, который поставил Государство в опасность плохим управлением, взяточничеством или другими проступками, — говорится в конституции штата Виргиния, — может предстать в качестве обвиняемого перед палатой представителей». Есть конституции, которые вообще не указывают никаких видов преступлений с тем,

чтобы оказывать давление на государственных должностных лиц, поскольку круг действий, за которые они могли бы нести ответственность, совершенно не ограничен[4].

Однако осмелюсь заметить, что именно мягкость американских законов в этой области придает им особенно грозный характер.

Мы уже видели, что в Европе отстранение государственного чиновника от должности и политический запрет занимать подобную должность в будущем есть всего лишь одно из последствий определенного ему наказания, тогда как в Америке это и есть само наказание. Из этого вытекает следующее: в Европе политические суды облечены страшными правами, которыми они не всегда знают, как пользоваться; случается, что они вовсе не определяют наказания из опасения наказать слишком сурово. В Америке же никто не останавливается перед наказанием именно потому, что оно не вызывает ужаса у человечества: приговорить политического противника к смерти с целью лишить его власти есть ужасающее убийство в глазах всех людей; однако объявить своего противника недостойным распоряжаться властью и лишить его этой власти, оставив ему свободу и жизнь, может показаться честным результатом борьбы.

Между тем данное решение, принимаемое столь просто, не становится от этого меньшим несчастьем для тех, на кого оно распространяется. Крупные преступники, бесспорно, не обратят никакого внимания на эти напрасные проявления строгости закона, тогда как обыкновенные люди будут видеть в нем акцию, имеющую целью уничтожить их положение в обществе, запятнать их честь и приговорить их к постыдной бездеятельности, которая для них страшнее самой смерти.

Таким образом, воздействие, оказываемое решением политических судов на жизнь общества, в силу того что оно кажется менее пагубным, делается от этого еще более значительным. Механизм принятия судебно-политического решения не касается непосредственно тех, кем управляют; однако он полностью передает тех, кто управляет, во власть большинства; право принимать судебно-политические решения отнюдь не дает законодательному органу той огромной власти, которой он может пользоваться только в кризисных ситуациях; оно дает законодателям умеренную и упорядоченную власть, осуществляемую ежедневно. Если сила меньше, то, с одной стороны, ею удобнее пользоваться, а с другой — ею легче злоупотреблять.

Поэтому, лишая политические суды права устанавливать чисто судебные наказания, американцы, как мне кажется, скорее

предотвратили ужасающие последствия тирании законодательных органов, нежели тиранию как таковую. И если взвесить все «за» и «против», то еще неизвестно, не окажется ли политический суд в том виде, как его понимают в Соединенных Штатах, самым грозным оружием, которое когда-либо было предоставлено в распоряжение большинства.

Думаю, будет легко определить момент, когда американские республики начнут приходить в упадок; для этого достаточно будет знать, увеличилось или нет количество политических процессов в судах* .

[3] Гл. I, раздел II, § 8.

[4] См. конституции штатов Иллинойс, Мэн, Коннектикут и Джорджия.

Глава VIII О ФЕДЕРАЛЬНОЙ КОНСТИТУЦИИ

До сих пор я рассматривал каждый штат как некое отдельное целое и указывал на различные механизмы общественной жизни, приводимые в движение самим народом, а также на различные средства, используемые им. Однако все штаты, о которых я говорил как о независимых государствах, в определенных случаях все же обязаны подчиняться верховной власти, а именно власти всего Союза в целом. Наконец пришло время описать те полномочия верховной власти, которые были переданы Союзу, и одновременно бросить беглый взгляд на федеральную конституцию[1].

ИСТОРИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ КОНСТИТУЦИИ

Происхождение первого Союза. — Его слабость. — Конгресс обращается к учредительной власти. — Двухлетний отрезок времени, отделяющий этот момент от даты обнародования новой конституции.

Тринадцать колоний, которые одновременно освободились от господства Англии в конце прошлого века, имели, как уже было отмечено мною выше, общую религию, общий язык, общие обычаи и почти одинаковые законы. Они вели борьбу с общим врагом, и, следовательно, у них неизбежно должны были найтись серьезные причины к образованию тесного союза и слиянию в единую нацию.

Между тем каждая колония жила своей собственной жизнью и имела свое собственное правительство, у каждой из них сложились особые интересы и традиции. Вследствие этого все они активно противились созданию описанного выше прочного и всестороннего союза, который приобрел бы свою значимость в результате утраты индивидуальной роли каждой из них. Отсюда вытекают две противоположные тенденции: одна подталкивала англоамериканцев к объединению, другая же приводила их к разъединению.

Пока шла война с метрополией, жизненная необходимость заставляла отдавать предпочтение принципу объединения. И хотя законы, на основании которых был учрежден данный союз, были весьма несовершенны, взаимосвязь между штатами продолжала существовать[2].

Однако, как только мир был заключен, пороки законодательства проявились со всей очевидностью: государство распалось фактически на глазах. Каждая колония, обретя

независимость, стала полностью суверенной республикой. Федеральное правительство, которое сама конституция обрекла на бессилие и которое колонии перестали поддержи-

1См. текст федеральной конституции.

[2] См. статьи первой конфедерации, образованной в 1778 году. Всеми штатами данная конституция была принята лишь в 1781 году. См. также анализ этой конституции, приведенный в «Федералисте» (№ 15—22), а также *Стори.* Комментарии к Конституции Соединенных Штатов, с.85—115.

вать, почувствовав отсутствие общей для всех опасности, потеряло свой авторитет настолько, что флаг Соединенных Штатов превратился в объект для насмешек со стороны всех великих народов Европы. Это правительство не могло даже найти возможность дать отпор индейским племенам и одновременно выплачивать проценты по займам, сделанным им в период Войны за независимость. Находясь на краю гибели, оно официально объявило себя недееспособным и призвало на помощь учредительную власть[3].

Если Америке когда-либо и удавалось хотя бы на мгновение подняться до того высочайшего пика славы, которую ее жители, обуреваемые гордостью, желали бы навечно внедрить в наше сознание, то это, пожалуй, произошло в тот торжественный момент, когда общенациональная власть в некотором смысле отреклась от своего господства.

Нет ничего необыкновенного в том, что тот или иной народ энергично борется за свою независимость, — в каждом столетии мы можем увидеть такие примеры. Кстати, усилия, предпринятые американцами с тем, чтобы избавиться от владычества англичан, сильно преувеличены. Отделенные от своего противника океанскими просторами протяженностью в 1300 лье и поддерживаемые могущественным союзником, Соединенные Штаты обязаны своей победой в гораздо большей степени своему географическому расположению, нежели силе своего оружия или патриотизму граждан. Кто решился бы сравнивать войну американцев с войнами периода Французской революции, а усилия Соединенных Штатов—с нашими усилиями, когда Франция, отражая атаки буквально всей Европы, без денег, без кредитов, без союзников, бросала двадцатую часть своего населения навстречу неприятелю, одной рукой туша пожар, охвативший всю страну, а в другой держа факел, освещающий все вокруг? Однако новое в истории человечества состояло всетаки в том, что великий народ, извещенный своими законодателями об

остановке правительственной машины, без излишней поспешности и без страха обратил внимание на самого себя, оценил глубину зла и, сдерживая себя на протяжении двух лет, попытался найти то средство, которое бы его спасло, а уже найдя это средство, подчинился ему добровольно, не пролив ни единой слезы и ни малейшей капли крови.

Когда недостатки первой конституции стали для всех очевидными, брожение политических страстей, вылившееся в революцию, отчасти уже улеглось, а все великие люди, порожденные этой революцией, были еще живы. Для Америки это оказалось двойной удачей. В немногочисленной ассамблее[4], которая принялась за составление второй конституции, участвовали лучшие умы и благороднейшие характеры, которые когда-либо встречались в Новом Свете. Председательствовал на этой ассамблее Джордж Вашингтон.

Эта общенациональная комиссия после продолжительных и вдумчивых обсуждений представила наконец на утверждение народа свод основных законов, которые вплоть до наших дней определяют жизнь Союза. Постепенно все штаты, один за другим, приняли его[5]. Новое федеральное правительство приступило к исполнению своих обязанностей в 1789 году, после двухлетнего периода междуцарствия. Таким образом, Американская революция кончилась как раз тогда, когда началась наша.

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ФЕДЕРАЛЬНОЙ КОНСТИТУЦИИ

Разделение власти между федеральным правительством и правительствами отдельных штатов. —

Правительства штатов являются органами, действующими на основе общего права, тогда как

федеральное правительство — на основе чрезвычайного права.

Американцы столкнулись с первой трудностью: речь шла о разделении власти таким образом, чтобы различные штаты, входящие в состав Союза, продолжали управлять своими делами самостоятельно во всем, что касается их внутреннего благосостояния, и чтобы при этом вся нация, представленная Союзом, существовала как единое

[3] Конгресс сделал это заявление 21 февраля 1787 года.

4В ее состав входило всего 55 членов, в числе которых Вашингтон, Мэдисон, Гамильтон и двое Моррисов.

5Принимали ее вовсе не законодатели, а специально с этой целью выбранные народом депутаты. Новая конституция стала предметом самых основательных и жарких дискуссий в ходе ассамблей, проходивших в каждом штате.

целое и обладала бы властью, необходимой для обеспечения всех общих для нее потребностей. Задача эта оказалась весьма сложной и трудноразрешимой.

Было совершенно невозможно заранее со всей точностью и полнотой установить, какие полномочия при разделении верховной власти должны перейти к правительству штата, а какие — к федеральному правительству.

Кто мог наперед предвидеть все мельчайшие подробности повседневной жизни народа?

Права и обязанности федерального правительства было просто и легко установить, потому что сам Союз был создан с целью удовлетворения некоторых наиболее общих для всех потребностей. Права и обязанности правительств штатов оказались, напротив, весьма многочисленными и сложными, поскольку эти правительства вмешивались во все подробности жизни общества.

Таким образом, сначала со всей тщательностью были определены полномочия федерального правительства, а затем было заявлено, что все те полномочия, которые не вошли в этот перечень, передаются в компетенцию правительств штатов. Следовательно, правительствам штатов были предоставлены все общие права, тогда как федеральное правительство оставило за собой лишь чрезвычайные[6].

Но, как и предполагалось, на практике могут возникать вопросы о точных пределах компетенции этого исключительного по своему характеру правительства, а поскольку было опасно оставлять решение данных проблем на усмотрение обычных судов, образованных в различных штатах самими же штатами, то в связи с этим был учрежден федеральный Верховный суд[7], уникальное судебное учреждение, одной из прерогатив которого было поддержание того разделения власти между двумя соперничающими правительствами, которое было изначально установлено самой конституцией[8].

ПРЕРОГАТИВЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Предоставление федеральному правительству права заключать мир, объявлять войну,

устанавливать общие налоги. — Области внутренней политики, которые находятся в его ведении. —

Правительство Союза, более централизованное в некоторых отношениях, нежели королевская

власть в эпоху старой французской монархии.

Народы вступают в отношения друг с другом подобно тому, как это делают отдельные люди. Следовательно, для того чтобы успешно поддерживать взаимоотношения с иностранными государствами, нации необходимо единое правительство.

[6] См. поправки к федеральной конституции. «Федералист», № 132; *Стори, с.*711*; Кент.* Комментарии, т.1, с. 364.

Следует также отметить, что в тех случаях, когда конституция не предоставляет конгрессу *чрезвычайного* права решать те или иные вопросы, штаты могут делать это сами до тех пор, пока конгресс не соизволит этим заняться. Например, конгресс имеет право издать общий закон о банкротстве, однако не делает этого: каждый штат в таком случае может принять этот закон в том виде, в каком ему захочется. Впрочем, данное правило было установлено лишь после длительных обсуждений в судах, ибо оно имеет самое непосредственное отношение к юриспруденции.

[7] Как мы сможем в дальнейшем убедиться, вышеупомянутый суд имел к этому весьма косвенное отношение.

[8] В 45~м номере «Федералиста» разделение верховной власти между федерацией и отдельными штатами толкуется следующим образом: «Полномочия, предоставляемые конституцией федеральному правительству, точно определены и немногочисленны. Те же полномочия, которые закреплены за правительством каждого штата, напротив, достаточно расплывчаты и многочисленны. Первые реализуются преимущественно во внешней сфере деятельности государства, например в вопросах войны и мира, переговоров, торговли. Права, которые оставили за собой отдельные штаты, распространяются на все области повседневной жизни и используются для обеспечения соответствующих условий существования людей, свободы и благосостояния данного конкретного штата».

Мы еще нередко будем ссылаться в этом сочинении на «Федералиста». Когда законопроект, превратившийся впоследствии в Конституцию Соединенных Штатов, все еще находился на обсуждении народа, одобрение которого он должен был получить, три знаменитых гражданина, которые позже приобрели еще большую известность, а именно Джон Джей, Гамильтон и Мэдисон, совместными усилиями стремились показать народу все преимущества представленного на его одобрение проекта. С этой целью они опубликовали ряд статей, собрав их в одном журнале. Данные статьи все вместе составили законченный трактат о конституции. Они назвали этот сборник «Федералист», и данное название так и осталось за изданием.

«Федералист» — это прекрасное сочинение, которое, несмотря на то что имеет отношение лишь к Америке, должно быть хорошо знакомо государственным деятелям всех стран мира.

И Союзу было предоставлено исключительное право заключать мир и объявлять войну, заключать торговые соглашения, формировать армию, создавать и содержать военно-морской флот[9].

Необходимость создания общенационального правительства ощущается менее настоятельно в процессе управления внутренними делами общества.

Однако и в этой области существуют определенные, общие для всех интересы, удовлетворить которые с большей пользой способна лишь общенациональная власть.

Союзу было предоставлено право чеканить монету, регулировать ее ценность и ценность иностранных денег, создавать почтовые службы, прокладывать основные пути сообщения, связующие воедино различные части национальной территории[10].

Всеми было признано, что правительство каждого штата совершенно свободно действует в сфере своих полномочий, хотя оно могло и злоупотребить данной ему свободой и неразумными действиями создать угрозу безопасности всего Союза в целом. В таких редких и заранее определенных случаях федеральное правительство получило право вмешиваться во внутренние дела штатов[11]. Итак, полностью признавая за каждой из входящих в федерацию республик право вносить изменения в свое законодательство и пересматривать его, им, однако, запретили издавать законы, имеющие обратное действие, а также жаловать дворянские титулы[12].

И наконец, для того чтобы федеральное правительство смогло выполнять возложенные на него обязанности, ему было предоставлено неограниченное право взимать налоги[13].

Бели внимательно посмотреть на разделение компетенции между федерацией и штатами, как это зафиксировано в федеральной конституции, если проанализировать те полномочия верховной власти, которые оставили за собой отдельные штаты, а также те, которые были переданы Союзу, то легко заметить, что федеральные законодатели составили себе чрезвычайно ясные и верные представления о том, что я ранее назвал централизацией правительственной власти.

Соединенные Штаты являются не только республикой, но еще и федерацией. Между тем общенациональная власть в этой стране

оказалась в некотором отношении более централизованной, чем во многих абсолютистских монархиях Европы той же эпохи. В доказательство я приведу здесь всего лишь два примера.

Во Франции насчитывалось тринадцать верховных судов, которые, как правило, обладали правом толковать законы в последней инстанции. Кроме того, во Франции существовали провинции, или так называемые государственные земли, которые даже после того, как представляющая всю нацию верховная власть приказывала взыскать тот или иной налог, могли отказать ей в содействии.

Американский Союз имеет всего лишь один суд, который толкует законы, а также один законодательный орган, издающий эти законы; налоги, одобренные в ходе голосования представителями всей нации, являются обязательными для всех граждан. Таким образом, в этих двух важных сферах Союз отличается более высокой степенью централизации, нежели французская монархия, хотя Союз есть не что иное, как простое объединение республик.

В Испании некоторые провинции обладали правом устанавливать собственную таможенную систему, хотя, по существу, данное полномочие должно принадлежать исключительно центральной верховной власти.

В Америке только конгресс имеет право определять торговые взаимоотношения между штатами. Следовательно, в этом случае правительственная власть федерации более централизована, нежели правительство королевской Испании.

9См. конституцию, разд. VIII; «Федералист», № 41, 42; *Кент.* Комментарии, т.1, с.207; *Стори,* с.358—382, 409—426.

10Ему было предоставлено еще немало аналогичных прав: например, право принимать единообразные законы о банкротствах, закреплять за авторами исключительные права на изобретения... Нетрудно понять, почему именно в этих вопросах вмешательство Союза сочли необходимым.

11 Даже в этих случаях его вмешательство имеет косвенный характер. Союз действует через свои суды, как мы впоследствии сможем убедиться.

12См. федеральную конституцию, разд. X, с т.1.

13 Конституция, разд. УШ, IX, X;«федералист», № 30—36, атакже41,42,43,*44; Кент.* Комментарии, т. I, с.207, 381; *Стори,* с. 329,514.

Правда, во Франции и в Испании королевская власть всегда имела возможность, а в случае необходимости даже путем

применения силы, осуществлять то, чего не разрешала ей конституция королевства, так что в конце концов окончательный результат был одинаков. Однако в данном случае речь идет о теории.

ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ВЛАСТИ

После того как мы определили, что у федерального правительства есть четко очерченный круг деятельности, необходимо выяснить, каковы же основные направления его деятельности.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ

Разделение законодательного органа на две палаты. — Различия в формировании этих двух палат. —

Принцип независимости штатов имеет первостепенное значение при формировании сената. —

Принцип народовластия служит основой для определения состава палаты представителей. —

Своеобразные последствия, вытекающие из того факта, что конституции только тогда

отличаются логичностью, когда народы еще очень молоды.

При создании союзных властей американцы во многом следовали той схеме, по которой ранее строились конституции каждого отдельного штата.

Федеральный законодательный орган Союза состоит из сената и палаты представителей.

Было предусмотрено, что формирование этих двух палат будет происходить по разным правилам, что должно было соответствовать духу примирения различных интересов.

Как я уже отмечал выше, при выработке федеральной конституции пришлось считаться с двумя противоположными тенденциями, которые господствовали тогда в обществе. Эти две тенденции послужили основой для возникновения двух различных систем взглядов.

Одни хотели видеть в Союзе некую лигу независимых государств — своего рода конгресс, в котором представители различных народов собирались бы для обсуждения тех или иных вопросов, отражающих общий для всех интерес.

Другие намеревались объединить всех жителей бывших колоний в одну единую нацию и создать такое правительство, сфера деятельности которого хотя и была бы ограниченной, но

которое в пределах своей компетенции могло бы действовать в качестве единственного представителя всей нации. Эти две позиции привели бы на практике к совершенно различным последствиям.

Так, если бы речь шла об образовании лиги независимых государств, а не о создании общенационального правительства, то право принимать законы принадлежало бы большинству граждан штатов, а вовсе не большинству жителей Союза. Дело в том, что в данном случае каждый штат, большой или маленький, сохранял бы за собой статус независимого государства и входил бы в состав Союза на правах абсолютного равенства с другими штатами.

В том же случае, если всех жителей Соединенных Штатов рассматривали бы как один-единственный народ, то, естественно, творцами закона должны были бы стать все граждане Союза.

Вполне понятно, что небольшие штаты не могли пойти на применение данной системы, ибо при верховной власти федерации они полностью лишались бы возможности существовать в качестве самостоятельной единицы, поскольку из государства, участвующего наряду с другими в управлении, они превратились бы в незначительную часть великого народа. Первая система позволяла им сохранить необоснованно большую власть, тогда как вторая приводила их к полной гибели.

При таком положении дел произошло то, что обыкновенно случается, когда интересы входят в противоречие с рассуждениями: правила логики были подчинены требованиям действительности. Законодатели избрали нечто среднее между этими двумя крайностями и тем самым совместили две системы, теоретически несовместимые.

Принцип независимости штатов стал преобладающим при формировании сената, а принцип народовластия — при образовании палаты представителей.

Каждый штат имеет право направлять в конгресс двух сенаторов и определенное число членов палаты представителей, пропорциональное численности населения данного штата[14].

В результате вплоть до настоящего времени штат Нью-Йорк имеет в конгрессе сорок членов палаты представителей и всего двух сенаторов, штат Делавэр — двух сенаторов и всего лишь одного члена палаты представителей. Таким образом, штат Делавэр по количеству сенаторов равен штату Нью-Йорк, тогда как в палате представителей последний имеет в сорок раз больше влияния, нежели первый. Следовательно, может случиться так,

что меньшинство населения, преобладающее в сенате, сможет полностью парализовать волю большинства, представленного в другой палате, а это решительно противоречит самому духу конституционного правления.

Вышесказанное является прекрасным свидетельством того, насколько трудно и насколько редко удается логически и рационально связать воедино все разрозненные части государственного законодательства.

С течением времени один и тот же народ начинает проявлять различные интересы и устанавливать различные права. Когда же речь заходит о составлении новой, всеохватывающей конституции, эти интересы и права превращаются в естественные препятствия для того, чтобы те или иные политические принципы претворялись в жизнь полностью, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Таким образом, законы могут быть логичными лишь на заре становления всякого общества. И если вы видите, что какой-то народ логичен в своем законотворчестве, не спешите делать заключение о его мудрости, исходите лучше из того факта, что он просто еще очень молод.

В период составления федеральной конституции в среде англоамериканцев существовало всего лишь два подхода, решительно противоположных один другому: первый заключался в стремлении к сохранению индивидуального облика каждого штата в отдельности, а второй — в объединении всего народа в единый союз. Следовательно, нужно было найти некий компромисс.

Необходимо между тем признать, что данный раздел конституции до сих пор не привел к тем отрицательным результатам, которых можно было бы опасаться изначально.

Все штаты еще молоды, достаточно близки друг к другу; у них схожие обычаи, убеждения и потребности; различия же, возникающие вследствие их больших или меньших размеров, недостаточны для того, чтобы интересы штатов оказались действительно противоположными. Поэтому никогда еще не было случая, чтобы в сенате маленькие штаты объединялись, с тем чтобы противодействовать намерениям крупных штатов. Кроме того, выражение воли всего народа законодательным путем представляет собой такую непреодолимую силу, что, когда большинство входе голосования в палате представителей действительно выражает эту волю, сенат оказывается совершенно бессильным что-либо изменить.

Не следует также забывать о том, что вовсе не от американских законодателей зависело превращение в одну единую нацию народа, для которого они составляли законы. Цель

федеральной конституции состояла не в уничтожении штатов как самостоятельных единиц, а лишь в ограничении этой самостоятельности. Поэтому если этим частным структурам оставлялась реальная власть (а отнять эту власть у них было невозможно), то тем самым уже заранее предопределялся отказ от постоянного принуждения с целью подчинить штаты воле большинства. Как только был сформулирован данный принцип,

[14]Каждые десять лет конгресс заново определяет число депутатов, направляемых от каждого штата в палату представителей. Их общее количество в 1789 году составляло 69 человек, а в 1833 году — уже 240 человек (Американский альманах, 1834, с. 194).

В конституции было сказано, что на каждые 30 тысяч жителей число представителей не должно превышать одного, в то время как не было указано наименьшее число жителей, которые имели бы право направлять представителя в палату. Конгресс не счел нужным увеличивать число членов палаты представителей в той же пропорции, в которой возрастала численность населения. Первым законом, имевшим отношение к этому вопросу, стал закон от 14 апреля 1792 года (см.: *Стори.* Законы Соединенных Штатов,т. I, с. 235), который установил, что на каждые 33 тысячи жителей будет приходиться по одному члену палаты представителей. Согласно последнему закону, изданному в 1832 году, член палаты представителей выдвигается от каждых 48 тысяч жителей. При определении квоты населения, представляемого в палате, в расчет принималось все свободное мужское население и три пятых от общего числа рабов.

введение индивидуальных сил штатов в единый механизм функционирования федерального правительства не представляло собой уже ничего необыкновенного. Это служило признанием существующей реальности, а именно: раз власть официально признана, с ней необходимо ладить, а не нарушать ее установления.

ПРОЧИЕ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ СЕНАТОМ И ПАЛАТОЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ

Сенаторы избираются законодательным собранием штатов. — Члены палаты представителей

выбираются народом. — Двухступенчатые выборы в сенат. — Прямые — в палату представителей. —

Сроки полномочий сенаторов и членов палаты

представителей. — Прерогативы.

Сенат отличается от палаты представителей не только самим принципом представительства, но также и порядком избрания, продолжительностью срока полномочий сенаторов и сущностью самих полномочий.

Палата представителей избирается народом, сенат— законодательным собранием штата

Палата представителей формируется *в* результате прямых выборов, сенаторы избираются в два тура.

Срок полномочий членов палаты представителей — всего лишь два года, сенаторы получают свои мандаты на шесть лет.

Палата представителей имеет сугубо законодательные функции. Она вторгается в сферу судебной власти только в том случае, когда предъявляется обвинение государственным должностным лицам. Сенат же участвует в составлении законов, он судит политические правонарушения, которые передаются на его рассмотрение палатой представителей; кроме того, он является высшим исполнительным советом всей нации. Соглашения, заключаемые президентом, вступают в силу лишь после их утверждения сенатом, все назначения на должности, производимые президентом, чтобы стать окончательными, должны быть также утверждены этим органом[15].

ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ [16]

Зависимость президента. — Выборность и ответственность. — Свобода президента в пределах

отведенной ему компетенции; надзор за его действиями со стороны сената, без права направлять

эти действия. —Жалованье президента, назначаемое при его вступлении в должность. —

Отлагательное вето.

Перед американскими законодателями стояла трудновыполнимая задача: они стремились к созданию исполнительной власти, которая зависела бы от воли большинства и которая вместе с тем была бы достаточно сильна, чтобы свободно действовать в пределах своей компетенции.

Поддержание республиканской формы правления требовало, чтобы представитель исполнительной власти был подчинен воле всего народа.

Президент является выборным должностным лицом. Его честь, его имущество, его свобода, его жизнь являются в глазах народа постоянными гарантиями должного употребления вверенной ему власти. Пользуясь властью, президент, впрочем, не

вполне независим: сенат осуществляет контроль за его взаимоотношениями с иностранными государствами, а также за тем, как он распределяет государственные должности, чтобы предотвратить коррупцию самого президента и его возможные поползновения коррумпировать других.

Законодатели Союза понимали, что носитель исполнительной власти будет не в состоянии с пользой и достоинством осуществлять возложенные на него обязанности, если не удастся придать этой власти большую стабильность и большую силу, нежели та, которой она обладала в рамках отдельных штатов.

Президент стал избираться сроком на четыре года с правом последующего переизбрания. Перспектива переизбрания придавала ему мужество, чтобы трудиться на всеобщее благо, и расширяла возможности его деятельности.

[15]См. «Федералист», № 52—66; *Стори, с.* 199-314; Конституция, разд. 2,3.

[16]См. «Федералист», № 67—*77;* Конституция, ст.2; *Стори,* с.315,515—780; *Кент.* Комментарии, с.255.

Президент был сделан единственным представителем исполнительной власти всего Союза Законодатели даже воздержались от того, чтобы ставить его решения в зависимость от одобрения каким-либо советом: это было опасное средство, которое, ослабляя силу правительства, одновременно уменьшало бы и его ответственность за свои действия. Сенат мог объявить недействительными некоторые распоряжения президента, однако он не мог ни заставить президента действовать в том или ином направлении, ни разделить с ним исполнительную власть. Воздействие законодательной власти на исполнительную может быть и прямым, но мы только что убедились в том, что американцы сделали все, чтобы этого не произошло. Оно может быть также и косвенным.

Имея возможность лишить государственное должностное лицо его жалованья, палаты конгресса отнимают у него известную долю его независимости; кроме того, только они могут издавать законы, и, следовательно, можно опасаться, что они постепенно, шаг за шагом, лишат его даже той доли власти, которую стремилась сохранить за ним конституция.

Подобная зависимость исполнительной власти является одним из пороков республиканских конституций. Американцы не сумели нейтрализовать тенденцию к захвату правительственной власти, свойственную законодательным органам, однако они смогли несколько ослабить ее.

Жалованье президента определяется при его вступлении в должность на весь срок его полномочий. Президенту также дано право отлагательного вето, что позволяет ему задерживать прохождение законов, могущих ликвидировать независимость, предоставленную ему конституцией. Однако борьба между президентом и законодательной властью всегда остается неравной, потому что законодательные органы, упорствуя в своих намерениях, всегда в состоянии сломать оказываемое им сопротивление. Вместе с тем право отлагательного вето по крайней мере приводит к тому, что им приходится вновь возвращаться к рассмотрению того или иного вопроса и на этот раз они должны принимать решение уже на основании большинства в две трети голосов. Кроме того, право вето является своего рода обращением к народу. Исполнительная власть, которая при отсутствии такой гарантии могла бы быть подавлена тайно, доказывает свою правоту и заставляет выслушать свои доводы. Однако, если законодательная власть по-прежнему упорствует в своих намерениях, не окажется ли вновь победа в ее руках? На это я отвечу, что в конституции любого народа, какой бы она ни была, существует положение, согласно которому законодатель вынужден обращаться к здравомыслию и доброжелательности граждан. Данное положение более явно и более схоже отражено в конституциях республик и спрятано и завуалировано в конституциях монархий; однако оно всегда существует. Нет такой страны в мире, где бы закон мог предусмотреть все и где институты власти были бы в состоянии заменить собой благоразумие и нравственность жителей.

В ЧЕМ ПОЛОЖЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ ПОЛОЖЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО МОНАРХА ВО ФРАНЦИИ

В Соединенных Штатах исполнительная власть ограничена и имеет исключительный характер, как и

сама верховная власть народа, от имени которой она действует. — Исполнительная власть во

Франции всеобъемлюща, как и верховная власть. —Король является одним из авторов законов. —

Президент — лишь исполнитель законов. — Прочие различия, вытекающие из различий в сроках

пребывания у власти этих двух лиц. — Сфера деятельности президента как представителя исполнительной власти ограничена. — Свобода короля в сфере исполнения. — Франция, несмотря на

все эти отличия, больше похожа на республику, нежели Союз

— на монархию. — Сравнение численности должностных лиц, действующих в сфере исполнительной власти в обеих странах.

Исполнительная власть играет столь важную роль в судьбах нации, что я считаю совершенно необходимым остановиться на этом вопросе и подробнее объяснить, какое место отведено ей американцами.

Чтобы составить ясное и точное представление о положении президента в Соединенных Штатах, будет полезно сравнить его роль с ролью короля в одной из конституционных монархий Европы.

При сравнении я не стану обращать особого внимания на внешние проявления власти: они скорее вводят в заблуждение того, кто их замечает, нежели служат ему скольнибудь достоверной путеводной нитью.

Когда монархия постепенно превращается в республику, носитель исполнительной власти продолжает сохранять в этой стране свои титулы, ему оказывают те же почести и знаки уважения, у него даже остаются причитающиеся ему денежные средства, и все это происходит в течение длительного времени после того, как сама власть уже лишилась своего реального могущества. Англичане, отрубив голову одному из своих королей и согнав с трона другого, по-прежнему преклоняли колена, обращаясь к преемникам этих монархов.

С другой стороны, когда республика попадает под власть одного человека, этот человек продолжает сохранять простоту, ровность и скромность в обращении, как если бы он ни в чем не возвышался над всеми остальными. Когда императоры деспотически распоряжались имуществом и даже самой жизнью своих сограждан, люди, ведущие с ними разговор, все так же величали их «цезарями», а сами они по-прежнему запросто заходили поужинать к своим друзьям.

Итак, оставим в стороне внешние атрибуты и попытаемся заглянуть поглубже.

Верховная власть в Соединенных Штатах поделена между Союзом и штатами, тогда как у нас она едина и неделима. В этом я вижу первое и самое существенное различие между президентом Соединенных Штатов и королем Франции.

В Соединенных Штатах исполнительная власть ограничена и имеет исключительный характер, как и сама верховная власть народа, от имени которой она действует. Во Франции исполнительная власть всеобъемлюща, как и сама верховная власть.

Американцы имеют федеральное правительство, мы же имеем общенациональное правительство.

Это первое, но не единственное обстоятельство, обусловливающее более низкий статус президента, вытекает из самой природы вещей. Вторым важным обстоятельством является то, что именно верховной власти принадлежит право принимать законы.

Во Франции король в действительности имеет определенную часть полномочий верховной власти, потому что без его санкции законы не могут вступить в силу, да к тому же он сам является и исполнителем законов.

Президент также является тем лицом, которое исполняет законы, однако он потому не принимает реального участия в их создании, что его отказ одобрить закон не оказывает решающего воздействия на существование этого закона. Следовательно, он не обладает никакой верховной властью, а может считаться лишь ее представителем.

Король во Франции не только сам обладает частью полномочий верховной власти, но к тому же участвует в формировании законодательных органов, которым принадлежат остальные права верховной власти. Король может назначать членов одной палаты и досрочно распускать другую, если он того пожелает. Президент Соединенных Штатов никоим образом не участвует в формировании законодательных органов и не имеет права их роспуска.

Король наряду с членами палат имеет право предлагать тот или иной закон на рассмотрение.

Президент правом законодательной инициативы не располагает.

В палатах короля представляют несколько министров, которые излагают его точку зрения, поддерживают его позиции и стараются добиться торжества его принципов управления страной в парламенте.

Президент и его министры не имеют права быть членами конгресса, так что он может влиять на этот чрезвычайно важный орган и излагать там свои взгляды лишь опосредованно.

Таким образом, французский король стоит вровень с законодательным собранием, которое не может действовать без него, как и сам король не может управлять страной без законодательного собрания.

Президентская власть существует как бы возле законодательной власти и является более низкой по уровню и зависимой от законодательной.

Даже в самом отправлении исполнительной власти — а это

та самая сфера, в которой положение президента, по-видимому, наиболее сходно с положением французского

короля, — существует целый ряд характерных черт, обусловливающих гораздо более низкий уровень власти президента по сравнению с властью короля.

Преимуществом королевской власти во Франции, если ее сравнивать с властью президента, является ее большая продолжительность; а ведь именно продолжительность пребывания у власти и является первейшим условием ее могущества. Любят и боятся только того, кому предстоит долгое существование.

Президент Соединенных Штатов — это всего лишь должностное лицо, избранное на четыре года. Король Франции — это наследный глава государства.

Президент Соединенных Штатов исполняет свои обязанности под неустанным и пристрастным контролем. Президент проводит всю подготовительную работу по заключению договоров, но не может принимать окончательного решения в этой области, он предлагает кандидатуры на те или иные должности, однако утверждает их опять-таки не он[17].

Король Франции является неограниченным властелином в сфере исполнительной власти.

Президент Соединенных Штатов несет ответственность за свои действия. Французские же законы говорят о том, что особа короля Франции неприкосновенна.

Между тем, как над одним, так и над другим существует некая направляющая власть — власть общественного мнения. Во Франции эта власть определена менее четко, чем в Соединенных Штатах; она менее признана и слабее закреплена в законах, хотя она и существует де-факто. В Америке эта власть оказывает свое влияние в ходе выборов и при принятии тех или иных решений; во Франции она проявляется в виде революций.

Таким образом, несмотря на все различия конституций, Франция и Соединенные Штаты сходны в том, что доминирующей силой в этих странах является общественное мнение. Следовательно, исходный принцип, лежащий в основе законов этих стран, по сути один и тот же, хотя его применение отличается большей или меньшей степенью свободы и приводит зачастую к самым различным результатам. По своей природе этот принцип полностью отражает республиканский дух. Поэтому, как мне кажется, Франция со своим королем больше похожа на республику, нежели Союз со своим президентом — на монархию.

Во всем вышеизложенном я старался указывать только лишь на наиболее существенные различия. Если бы я стремился показать подробности, то в этом случае несхожесть двух стран оказалась бы еще более разительной. Однако мне предстоит сказать еще очень многое, поэтому я постараюсь быть кратким.

Я уже отмечал, что сфера власти президента Соединенных Штатов ограничена, как и сфера верховной власти, тогда как власть короля во Франции беспредельна.

Я мог бы показать, что исполнительная власть короля Франции выходит даже за свой естественный предел, сколь бы он ни был широк, тысячью путей приникая в область управления интересами отдельных личностей.

Одна из причин столь большого влияния французского короля заключается в том, что во Франции существует огромное число чиновников, которые практически все без исключения обязаны своим назначением носителю исполнительной власти. В нашей стране их количество превысило все естественные пределы и достигает 138 тысяч человек[18]. Как следствие, каждого из этих 138 тысяч назначенных должностных лиц следует рассматривать в качестве дополнительной частицы, усиливающей исполнительную власть. Президент же

[17]Конституция оставила неясным вопрос о том, обязан ли президент испрашивать согласия сената при назначении федеральных должностных лиц или в случае **их** отстранения от должности. «Федералист» в № 77-м склоняется к утвердительному ответу, однако в 1789 году конгресс обоснованно решил, что так как президент есть лицо ответственное, то его нельзя заставить держать на службе чиновников, которым он не доверяет. См.: *Кент.* Комментарии, т.1, с.289.

[18]Денежные суммы, которые Французское государство ежегодно выплачивает всем этим должностным лицам, составляют 200 миллионов франков.

лишен неограниченного права назначать должностных лиц на государственные посты, да и количество этих постов не превышает 12 тысяч[19].

СЛУЧАЙНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, СПОСОБНЫЕ УСИЛИТЬ ВЛИЯНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Внешняя безопасность Союза. — Выжидательная политика. — Армия, насчитывающая 6 тысяч

солдат. — Флот, состоящий всего из нескольких кораблей.— Значительные прерогативы

президента, которыми он не имеет случая воспользоваться. — Слабость президента,

проявляющаяся в процессе его деятельности.

Если исполнительная власть в Америке слабее, чем во Франции, то причины этого, скорее всего, следует искать в конкретных обстоятельствах, а не в законах.

Исполнительная власть страны имеет наибольшую возможность проявить присущую ей силу и ловкость главным образом в сфере взаимоотношений с иностранными государствами.

Если бы существованию Союза непрерывно угрожала какая-нибудь опасность, если бы его жизненные интересы повседневно переплетались с интересами других народов, то в этом случае роль носителя исполнительной власти в общественном мнении могла бы заметно возрасти в зависимости от того, как он выполняет то, что от него ожидают.

Действительно, президент Соединенных Штатов является главнокомандующим вооруженных сил, однако армия насчитывает всего 6 тысяч солдат, а во флоте всего несколько кораблей. Он руководит сферой взаимоотношений Союза с иностранными государствами, но Соединенные Штаты не имеют соседей. Отделенные от всего остального мира океаном, пока еще слишком слабые, чтобы стремиться к господству на море, Соединенные Штаты Америки не имеют никаких врагов, а их интересы редко приходят в какое-либо соприкосновение с интересами других стран земного шара.

Из этого становится очевидно, что не следует судить о практике управления страной, исходя из одних лишь теоретических построений.

Президент Соединенных Штатов обладает почти королевскими прерогативами, которыми он не имеет случая воспользоваться, а те права, которыми он в настоящее время располагает, оказываются в силу обстоятельств ограниченными; законы предоставляют ему возможность быть могущественным, однако условия, в которых он действует, делают его слабым.

Во Франции исполнительная власть находится в неустанной борьбе с колоссальными препятствиями, возникающими на ее пути, и использует огромные средства для их преодоления. Ее роль возрастает в зависимости от ее достижений и важности тех событий, которыми она руководит. При всем том ее конституция не подвергается никаким изменениям.

Если бы законы сделали эту власть столь же слабой и

ограниченной, какую мы видим в Соединенных Штатах Америки, то все равно вскоре ее влияние заметно бы усилилось.

ПОЧЕМУ ПРЕЗИДЕНТ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ ДЛЯ ИСПОЛНЕНИЯ СВОИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ НЕ НУЖДАЕТСЯ В ПОДДЕРЖКЕ БОЛЬШИНСТВА СЕНАТОРОВ И ЧЛЕНОВ ПАЛАТЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ

Конституционный монарх не может править, если его взгляды расходятся с господствующей в законодательных органах точкой зрения, — данное положение в Европе считается аксиомой.

[19]В Соединенных Штатах ежегодно публикуется альманах, «Национальный календарь», в котором можно отыскать имена всех федеральных должностных лиц. Цифры, которые я здесь привожу, взяты мною из «Национального календаря» за 1833 год.

Из всего вышесказанного следует, что король Франции имеет в своем распоряжении в одиннадцать раз больше государственных постов, нежели президент Соединенных Штатов, хотя численность населения Франции всего лишь в полтора раза больше, чем численность населения Союза.

Многие президенты Соединенных Штатов, случалось, теряли поддержку большинства в законодательных органах, однако это обстоятельство вовсе не вынуждало их отказываться от власти и не причиняло обществу сколь-нибудь заметных неприятностей.

Я слышал, как этот факт приводился в доказательство независимости и могущества исполнительной власти в Америке. Однако достаточно немного поразмыслить, чтобы, напротив, увидеть в этом свидетельство ее бессилия.

Король в Европе нуждается в поддержке законодательных органов для выполнения обязанностей, возложенных на него конституцией, потому что эти обязанности чрезвычайно широки и значительны. Конституционный монарх в европейских странах является не просто исполнителем законов, он обладает всей полнотой власти в сфере их претворения в жизнь, так что, если закон направлен против короля, он может парализовать действие закона. Ему необходима поддержка палат в принятии законов, палаты же нуждаются в нем для реализации данных законов. Эти две власти не могут существовать одна без другой, ибо, как только между ними намечаются разногласия по тому или иному вопросу, функционирование государственного механизма незамедлительно нарушается.

В Америке же президент не может помешать принятию

законов, он также не может уклониться от их исполнения. Его искреннее и заинтересованное участие в управлении страной, несомненно, полезно, но не является необходимостью. Деятельность его прямо или косвенно подчинена законодательной власти, а там, где он от нее не зависит, он практически бессилен что-либо сделать. Таким образом, слабость, а не сила, позволяет ему функционировать в условиях противостояния с законодательной властью.

В Европе согласие между королем и законодательными органами является обязательным условием, потому что между ними может возникнуть серьезная борьба; в Америке согласие не обязательно, потому что невозможна сама борьба.

ИЗБРАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА

Рост опасностей, таящихся в системе выборности главы исполнительной власти, в зависимости от

расширения его прерогатив. — Для американцев возможно введение этой системы, ибо у них нет

необходимости в сильной исполнительной власти. — Каким образом обстоятельства могут

благоприятствовать введению системы выборности. — Почему выборы президента ни в чем не

меняют принципов функционирования правительственного механизма. —- Влияние выборов

президента на участь нижестоящих чиновников.

В системе выборности главы исполнительной власти великого народа кроется ряд опасностей, на которые достаточно ясно указывает нам наш собственный опыт, а также исследования историков.

Поэтому я затрону данную тему лишь применительно к Америке.

Дело в том, что опасности, которые заключает в себе система выборности, могут быть более или менее значительными в зависимости от того места, которое занимает в обществе исполнительная власть, от ее значения в структуре государственной власти, от порядка выборов и от условий, в которых живет народ, готовящийся участвовать в выборах.

Пороки системы выборности главы государства заключаются в том — и это нередко и небезосновательно подчеркивается, — что она дает такую соблазнительную возможность для проявления личных амбиций и так сильно разжигает страсти в погоне за властью, что часто законных средств достижения этой власти уже недостаточно, и, как следствие, люди решаются

прибегнуть к силе, если им недостает прав.

Очевидно, что чем шире прерогативы исполнительной власти, тем больше становится желание добиться ее; чем сильнее воспламеняется честолюбие претендентов, тем активнее их поддерживают нижестоящие, но не менее честолюбивые чиновники, рассчитывающие разделить власть и могущество после того, как победит их кандидат.

В результате опасности, таящиеся в системе выборности, возрастают прямо пропорционально тому влиянию, которое оказывает исполнительная власть на дела всего государства.

Революции в Польше нельзя объяснить одним лишь фактом существования там выборности, необходимо учитывать и то, что выборное должностное лицо правило обширной монархией.

Таким образом, прежде чем рассуждать о безусловных достоинствах системы выборности, необходимо решить следующий преюдициальный вопрос, а именно: позволяют ли географическое положение, законы, обычаи, нравы и убеждения народа, который намерен ввести у себя данную систему, установить в этой стране слабую и зависимую исполнительную власть, поскольку стремление иметь главу государства с широкими и сильными полномочиями и одновременно желание избирать его являются, на мой взгляд, совершенно несовместимыми. Что же касается меня, то мне известен единственный способ превратить наследственную королевскую власть во власть выборную: сначала необходимо сузить сферу ее деятельности, а затем постепенно сокращать ее полномочия, понемногу приучая народ существовать без ее содействия. Но вот именно этим-то республиканцы в Европе и не желают заниматься вовсе, так как многие из них только потому ненавидят тиранию, что непосредственно на себе испытывают ее жестокие проявления, тогда как размах исполнительной власти их лично не затрагивает. Они подвергают нападкам лишь саму природу этой власти, не замечая существующей между этими двумя явлениями тесной взаимосвязи.

До сих пор еще не нашлось человека, который рискнул бы своей честью и жизнью ради того, чтобы стать президентом Соединенных Штатов, потому что власть президента временна, ограничена и зависима. Необходима колоссальная ставка в этой игре для того, чтобы появились отчаянные игроки, готовые вступить в борьбу. Пока еще ни один из кандидатов не сумел вызвать ни слишком горячих симпатий, ни опасных страстей среди населения. Причина этого чрезвычайно проста: достигнув

положения главы государства, он не в состоянии дать своим приверженцам ни большой власти, ни солидного богатства, ни великой славы; его собственное влияние в стране слишком слабое, чтобы в результате его прихода к власти различные группировки добились внушительных успехов или же потерпели полное поражение.

Наследственные монархии имеют одно существенное преимущество: частные интересы одной семьи здесь постоянно и самым тесным образом связаны с интересами государства, и поэтому никогда не случается так, чтобы государство оказалось полностью предоставленным самому себе. Я не могу утверждать, что в этих монархиях дела ведутся лучше, нежели где-либо в других местах, однако по крайней мере там всегда есть ктонибудь, кто хорошо ли, плохо ли, но занимается в соответствии со своими способностями всеми государственными делами.

Напротив, в государствах, где главы правительств избираются,™ мере приближения выборов и даже задолго до них механизм государственной власти начинает действовать по инерции. Бесспорно, можно разработать такие законы, по которым выборы проводились бы просто и быстро, чтобы пост главы исполнительной власти никогда не оставался бы, так сказать, вакантным. Однако, несмотря ни на что, безвластие все же ощущается людьми, вопреки всем усилиям законодателей.

По мере приближения выборов глава исполнительной власти начинает думать лишь о предстоящей борьбе; у него уже нет будущего, он не в состоянии ничего предпринимать и лишь вяло осуществляет все то, что, вполне возможно, придется завершать комуто другому. «Я уже столь близок к моменту моей отставки, — писал президент Джефферсон 21 января 1809 года (за шесть недель до выборов), — что участвую в делах лишь тем, что выражаю свое мнение. Я считаю справедливым предоставить моему преемнику всю инициативу тех начинаний, за исполнением которых ему предстоит наблюдать и за которые он должен будет нести всю полноту ответственности».

С другой стороны, взоры всей страны также сосредоточены на подготовке новых выборов, она ждет их результатов.

Чем значительнее место, занимаемое главой исполнительной власти в управлении делами государства, тем более обширна и необходима его повседневная деятельность и тем больше опасности таит в себе подобное положение. У народа, привыкшего к тому, что им управляет исполнительная власть, и, более того, привыкшего к ее административным распоряжениям, выборы не могут не вызвать чрезвычайно глубоких потрясений.

В Соединенных Штатах исполнительная власть может безнаказанно замедлять свои действия, потому что в своих проявлениях эта власть слаба и ограничена.

113

После избрания нового главы государства во внутренней и внешней политике страны почти всегда ощущается нестабильность. В этом заключается один из основных пороков системы выборности.

Однако этот недостаток ощущается в большей или меньшей степени в зависимости от той доли власти, которой располагает выборное должностное лицо. В Риме принципы, заложенные в основу правительственной власти, оставались неизменными, хотя консулы сменялись ежегодно, потому что решающей, руководящей силой был сенат, а он был наследственным институтом. Если бы в большинстве европейских монархий королей избирали, то королевство меняло бы облик с каждым новым избранником.

В Америке президент оказывает достаточно существенное влияние на государственные дела, однако не он управляет ими — над всем главенствует власть народа. Следовательно, чтобы изменить основные направления осуществляемой политики, необходимо переменить всю массу населения, а не только самого президента. Поэтому в Америке принцип выборности главы исполнительной власти не оказывает заметного негативного воздействия на устойчивость всего правительства

Впрочем, та же неустойчивость, к которой приводит порочность системы выборности, явственно ощущается и в сфере деятельности президента, как бы она ни была ограничена.

Американцы вполне обоснованно полагали, что главе исполнительной власти, для того чтобы осуществлять все возложенные на него обязанности и нести за их выполнение всю полноту ответственности, необходимо по возможности свободно отбирать своих чиновников и отзывать их по своему усмотрению, а законодательному органу следует скорее наблюдать за действиями президента, нежели руководить им. Таким образом, каждые новые выборы приводят к тому, что федеральные государственные служащие не знают, как повернется в дальнейшем их судьба.

В конституционных монархиях Европы постоянно слышатся жалобы на то, что участь второстепенных правительственных чиновников нередко зависит от участи министров. Их положение значительно хуже в тех государствах, где избранию подлежит и сам глава правительства. Причина этого проста: в

конституционных монархиях министры сменяют один другого довольно часто, однако основной представитель исполнительной власти не сменяется никогда, и потому дух обновления в достаточной степени ограничен. Таким образом, перемены в системах управления здесь происходят скорее в частностях, нежели в своей основе: невозможно резко сменить одну систему управления на другую без своеобразной революции. В Америке же такая революция происходит каждые четыре года, и притом от имени закона.

Что же касается проблем личного характера, которые неизбежно возникают в результате применения подобного законодательства, то следует признать, что неустойчивость положения должностных лиц в Америке не сопровождается теми бедствиями, которых можно было бы ожидать в других государствах. В Соединенных Штатах настолько легко обеспечить себе независимое существование, что, отняв у чиновника занимаемое им место, можно в ряде случаев лишить его тех или иных жизненных удобств, но никогда — средств к существованию.

В начале данной главы я сказал о том, что опасности, вытекающие из применения системы выборности главы исполнительной власти, могут быть большими или меньшими в зависимости от условий жизни, которые характерны для народа, принимающего участие в выборах.

Тщетными оказываются любые усилия уменьшить значение исполнительной власти в обществе, потому что существует одна область, в которой данная власть имеет чрезвычайно большое влияние независимо от роли, отведенной ей законами. Речь идет о внешней политике государства: переговоры могут начинаться и продолжаться успешно лишь в том случае, когда они ведутся одним и тем же человеком.

Чем более безнадежно и гибельно положение народа, тем больше ощущается потребность в последовательной и устойчивой внешней политике и тем опаснее становится применение системы выборности в отношении главы государства.

Политика американцев в сфере международных отношений чрезвычайно проста: можно было бы сказать, что никто в них не нуждается и сами они также не испытывают ни в ком потребности. Их независимость находится вне опасности.

Таким образом, в Соединенных Штатах сфера компетенции главы исполнительной власти ограничена не только законами, но и обстоятельствами. Президент может часто изменять свои взгляды, однако государство нисколько не страдает от этого и не

может от этого погибнуть.

Каковы бы ни были прерогативы главы исполнительной власти, тот период, который непосредственно предшествует выборам, а также тот промежуток времени, когда эти выборы проходят, следует всегда считать периодом общенационального кризиса.

Чем более сложно внутреннее положение страны и чем более велика внешняя опасность, тем страшнее для нации данный период. Среди европейских стран мало найдется таких, где бы не опасались во время смены верховного правителя оказаться захваченными другим государством или же наступления анархии внутри государства.

В Америке же общество устроено таким образом, что оно может поддерживать само себя безо всякого содействия со стороны; ему никогда не угрожает сколь-нибудь существенная опасность извне. Поэтому избрание президента есть повод для волнений, но вовсе не угроза гибели государства

ПРОЦЕДУРА ВЫБОРОВ

Американские законодатели проявили находчивость при выработке процедуры избрания президента. — Создание особого избирательного корпуса. —Раздельное голосование специальных выборщиков. — В

каких случаях президент избирается палатой представителей. — Что происходило в ходе тех двенадцати избирательных кампаний, которые имели место с момента вступления конституции в

силу.

Независимо от проблем, неразрывно связанных с самим принципом выборности главы исполнительной власти, существует также немало других опасностей, вытекающих из различных форм проведения выборов; однако благодаря усилиям законодателей их все же можно избежать.

Когда массы народа собираются в публичном месте для избрания главы своего государства, они подвергаются не только опасностям, таящимся в самой системе выборности, но и угрозе гражданской войны, которую могут спровоцировать подобные выборы.

Поставив избрание короля в зависимость от *вето* одного человека, польские законы обрекали этого человека на смерть или же предрешали воцарение анархии.

По мере изучения различных институтов в Америке и более внимательного анализа общественно-политического положения в этой стране начинаешь замечать удивительное совпадение счастливых обстоятельств с человеческими усилиями. Америка была страной новой; однако люди, населившие ее, уже в течение длительного времени привыкли пользоваться свободой в тех местах, где они жили раньше: таковы две основные причины внутреннего порядка. Кроме того, Америка не опасалась, что ее кто-то соберется завоевывать. Американские законодатели, воспользовавшись этими благоприятными обстоятельствами, смогли без труда создать слабую и зависимую исполнительную власть, а затем уже безо всяких опасений сделать ее выборной.

После этого им оставалось лишь найти среди различных избирательных систем ту, которая представляла бы наименьшую опасность. Установленные ими на данный счет правила прекрасно дополняют те гарантии, которые обеспечивало географическое положение и политическое устройство Соединенных Штатов.

Задача, которую предстояло решить, заключалась в том,

чтобы найти такой способ избрания президента, при котором, с одной стороны, отражалась бы истинная воля народа, а с другой — не возбуждались бы слишком сильно народные страсти и люди как можно меньше пребывали бы в неизвестности. Сначала было решено, что президент будет избираться *простым* большинством голосов. Однако получить это большинство без долгих проволочек оказалось чрезвычайно трудно, а этого-то как раз и намеревались избежать.

В самом деле, редко случается так, что какой-то один человек сразу же получает большинство голосов в стране со столь многочисленным населением. Еще труднее добиться этого в федеративной республике, состоящей из штатов, в которых очень сильно развиты местные влияния.

Для устранения этого второго препятствия было одно средство, а именно делегирование избирательных прав населения некоему органу, который бы его представлял.

Данный порядок выборов лучше обеспечивал достижение большинства голосов, ибо, чем меньше лиц участвовало в выборах, тем легче им было прийти к согласию. Этот способ давал также и большие гарантии в отношении правильности выбора

Но следовало ли давать право избирать президента самому законодательному органу, обычно представляющему народ, или же нужно было сформировать избирательную комиссию, единственной функцией которой было бы избрание президента?

Американцы предпочли второй вариант. Они пришли к выводу, что люди, которых выбрали для того, чтобы они принимали обычные законы, не смогут адекватно выразить волю народа в том, что касается избрания главы государства. Кроме того, будучи избранными на срок больше года, они могут выражать взгляды, которые за истекшее время уже изменились. Американцы также рассудили, что если на законодательный орган будет возложена обязанность избирать главу исполнительной власти, то еще задолго до начала выборов законодатели сделаются объектом подкупа и игрушкой в руках интриганов, тогда как специальные выборщики, подобно присяжным заседателям, останутся неизвестными толпе вплоть до того самого дня, когда им придет время действовать, причем они появятся лишь для того, чтобы отдать свои голоса.

Поэтому было установлено, что каждый штат выбирает определенное количество выборщиков [20], которые в свою очередь будут избирать президента. А так как было замечено, что

ассамблеи, которым поручалось избирать главу государства в тех странах, где применялся принцип выборности, неизбежно превращались в средоточие всяческих страстей и интриг, и так как эти ассамблеи в отдельных случаях присваивали себе власть, им не принадлежащую, и так как нередко процедура, в которой они участвовали, продолжалась слишком долго, вследствие чего создавалась какая-то неопределенность, ставившая под угрозу функционирование государственной машины, — то вследствие всех этих причин было установлено, что выборщики будут участвовать в голосовании все вместе, в течение одного дня, но не собираясь в одном месте[21].

При подобной модели выборов, состоящих из двух туров, достижение большинства голосов становилось вполне вероятным, но вместе с тем полной гарантии все-таки не было, так как вполне могло случиться, что выборщики так же разойдутся во мнениях, как могли бы разойтись во мнениях те, кто доверил им право выбора.

В этом случае необходимо было прибегнуть к одной из трех мер: или назначить новых выборщиков, или вновь обратиться к уже отобранным выборщикам, или же, наконец, передать право избрания главы государства другому органу.

Первые два способа, помимо того, что не гарантировали нужного результата, сопровождались бы еще и проволочками и порождали бы всегда опасные в таком случае волнения.

Поэтому было принято решение остановиться на третьем способе, причем согласились на том, что результаты голосования выборщиков в опечатанном виде будут передаваться председателю сената и что в назначенный день в присутствии членов обеих палат он вскроет опечатанные списки и произведет подсчет. Если же ни один из кандидатов не соберет большинства голосов, то палата представителей незамедлительно приступит к избранию президента, однако это ее право избрания было строго ограничено: палата представителей могла избрать лишь одного из трех кандидатов, за которых было подано наибольшее количество голосов[22].

Таким образом, оказывается, что выборы возлагаются на обычных представителей народа лишь в очень редких и трудно предсказуемых заранее случаях, причем даже в

[20]Столько же, сколько человек он посылал в конгресс. На выборах 1833 года число выборщиков составляло 288 («Национальный календарь»).

[21]Выборщики от одного штата собираются вместе и направляют в правительство список всех лиц, за которых голосовали в индивидуальном порядке, а не результат

голосования большинства.

[22]В этом случае вопрос решается большинством представителей штатов, а не большинством от общего числа конгрессменов, с тем чтобы, например, Нью-Йорк имел такое же влияние в ходе обсуждения, как и Род-Айленд. Таким образом, сначала испрашивается мнение всех граждан Союза как составляющих один целостный народ, а если они не могут прийти к единому решению, то вновь прибегают к запросу мнения каждого штата, которому дается отдельный и независимый голос. Такова еще одна странность, таящаяся в федеральной конституции, которую можно объяснить лишь столкновением противоположных интересов.

этой ситуации они могут избрать лишь того, кого уже поддержали специальные выборщики, число которых весьма невелико. Это довольно удачное сочетание позволяет, с одной стороны, соблюсти уважение к народу, а с другой — быстро и с должным порядком провести выборы, что отвечает интересам государства. Впрочем, предоставление палате представителей права избрания президента в случае разделения голосов выборщиков далеко еще не было полным разрешением всех трудностей, поскольку не было уверенности, что и там кандидат соберет необходимое большинство голосов, а в этом случае конституция уже не предлагала никакого реального выхода. Однако, установив обязательные кандидатуры и ограничив их число тремя, а также полагаясь на разумность выбора, сделанного группой просвещенных людей, конституция сумела сгладить все те препятствия[23], на которые она была в состоянии воздействовать непосредственно, ибо оставшиеся проблемы были присущи самой системе выборности президента как таковой.

Федеральная конституция существует уже сорок четыре года, и Соединенные Штаты вот уже двенадцать раз избирали своего президента.

Десять раз выборы прошли практически мгновенно, путем единовременного голосования специальных выборщиков, находившихся в это время в самых различных частях Соединенных Штатов.

Что же касается палаты представителей, то она пока всего лишь дважды использовала то исключительное право, которым была наделена на случай разделения голосов выборщиков. Первый раз это произошло в 1801 году при избрании Джефферсона, а второй — в 1825 году, когда президентом был избран Куинси Адамс.

КРИЗИСНАЯ СИТУАЦИЯ ВО ВРЕМЯ ВЫБОРОВ

Период президентских выборов можно рассматривать как период общенационального кризиса. — Причины этого. — Народные волнения. — Озабоченность президента. — Спокойствие, наступающее

вслед за волнениями в ходе выборов.

Я уже говорил, что условия, в которых находятся Соединенные Штаты, благоприятствовали принятию системы выборности президента, а также рассказал о тех мерах предосторожности, которые приняли законодатели для уменьшения опасностей, порождаемых данной системой. Американцы привыкли участвовать в самых разнообразных выборах. Они по собственному опыту знают, какой накал страстей можно себе позволить, а когда лучше и остановиться. Огромная протяженность их территории и разбросанность живущего в стране населения делает столкновения между различными партиями менее вероятными и менее пагубными, чем в других государствах. В Америке политическая обстановка, в которой до сих пор проходили выборы, не представляла никакой реальной опасности.

И тем не менее выборы американского президента все-таки можно рассматривать как период общенационального кризиса.

Влияние, оказываемое президентом на ход дел в государстве, безусловно, слабое и опосредованное, но оно распространяется на все это государство. Для каждого гражданина, взятого в отдельности, выбор того или иного человека на пост президента не имеет такого уж существенного значения, однако он важен для всего общества в целом. Дело в том, что даже самый незначительный поначалу интерес приобретает огромное значение, если он превращается во всеобщий.

По сравнению с королями в европейских странах, у президента, бесспорно, мало средств для того, чтобы завоевать себе сторонников. Однако количество должностей и постов, которыми он распоряжается, оказывается все же достаточно внушительным для того, чтобы многие тысячи избирателей были прямо или косвенно заинтересованы в его избрании.

Кроме того, партии в Соединенных Штатах, впрочем, как и в других странах, стремятся сгруппироваться вокруг какой-либо личности, чтобы народным массам было проще воспринимать их. Они обычно используют имя кандидата в президенты в качестве символа, персонифицируя в его лице свои теории. Следовательно, пар-

[23]Однако Джефферсон в 1801 году был избран лишь в

результате 36-й баллотировки.

тии чрезвычайно заинтересованы в избрании своего кандидата, и не столько для того, чтобы вновь избранный президент содействовал победе их теории, сколько для того, чтобы доказать самим фактом его избрания, что их доктрины сумели завладеть большинством.

Задолго до назначенного дня выборы становятся самым важным и, если так можно выразиться, единственным делом, действительно занимающим умы людей. Различные группировки удваивают свое усердие, и тут-то в этой счастливой и спокойной стране начинают бушевать такие искусственно возбуждаемые эмоции, какие только можно себе вообразить.

Что же касается президента, то он целиком занят тем, чтобы защищать себя. Он уже не думает об интересах государства, а действует с единственной целью добиться переизбрания. Он буквально падает ниц перед большинством и нередко вместо того, чтобы противостоять страстям, раздирающим это большинство, к чему, кстати, его обязывает должность, сам идет навстречу этим капризам.

По мере приближения выборов интриги нарастают, а волнение людей приобретает все более лихорадочный и массовый характер. Граждане делятся на несколько лагерей, каждый из которых выступает за определенного кандидата. Вся страна взбудоражена, выборы становятся ежедневной темой всех публичных изданий, всех частных бесед, целью любых начинании, объектом всех помыслов — словом, единственным в этот момент интересом у всей страны.

Правда, как только объявляются результаты выборов, эта суматоха кончается, все успокаиваются, словно река, вышедшая из берегов, а затем мирно возвращающаяся в собственное русло. И не удивительно ли вообще, что подобная буря могла-таки возникнуть?

ПЕРЕИЗБРАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА

Когда переизбранию подлежит глава исполнительной власти, интригами и подкупом занимается уже

само государство. — Желание быть вновь избранным господствует над всеми помыслами президента

Соединенных Штатов. —Неблагоприятные условия переизбрания, характерные для Америки. —

Естественный порок демократических государств заключается

в постепенном подчинении любой

власти малейшим пожеланиям большинства. — Переизбрание президента способствует укоренению

этого порока.

Правильно или нет поступили законодатели Соединенных Штатов, допустившие возможность переизбрания президента?

На первый взгляд запрещение переизбрания на второй срок главы исполнительной власти кажется противоречащим здравому смыслу. Всем известно, какое влияние могут оказать на судьбы целого народа, особенно в трудных обстоятельствах или в периоды кризисов, таланты или характер одного-единственного человека. Законы, запрещающие гражданам переизбирать первое лицо в государстве, лишают их прекрасной возможности для достижения благоденствия страны или для ее спасения. Все это могло бы привести и к такой нелепой ситуации, когда человек отстранялся бы от управления государством именно в тот момент, когда он доказал, что в состоянии хорошо им управлять.

Безусловно, эти доводы весьма внушительны, однако нельзя ли противопоставить им еще более существенные аргументы?

Интриги и коррупция являются естественными пороками выборных правительств. Однако в том случае, когда глава государства может быть переизбран, эти пороки стократно усиливаются и само существование страны ставится на карту. Если успеха на пути интриг намерен добиваться простой кандидат, то его уловки распространяются на весьма ограниченный крут людей. Если же, напротив, в этой игре решил поучаствовать сам глава государства, то он начинает использовать в своих собственных интересах мощь всего государства.

В первом случае это простой гражданин, располагающий достаточно скромными средствами, тогда как во втором — это само государство, с его огромными возможностями для интриг и подкупа.

Простой гражданин, использующий всевозможные неблаговидные приемы для того, чтобы прийти к власти, может лишь косвенным образом нанести ущерб обще-

ственному благосостоянию. Однако если в предвыборную борьбу вступает представитель исполнительной власти, то тогда государственные интересы отодвигаются для него на второй план, а на первый выступает его собственное переизбрание. Переговоры с другими странами, равно как и исполнение законов, превращаются для него всего лишь в предвыборные комбинации;

раздача должностей рассматривается им в качестве компенсации за оказанные услуги, но услуги, оказанные не нации, а ему лично. И даже если деятельность правительства и не противоречит интересам государства, она все же уже не нацелена на обеспечение этих интересов. Между тем ее главная задача заключается именно в этом.

Наблюдая за повседневными делами Соединенных Штатов, нельзя не заметить, что желание быть вновь избранным властвует надо всеми помыслами президента; что политика его администрации направлена на это; что его любые, даже самые незначительные действия подчинены этой цели; что особенно по мере приближения критического момента личные интересы полностью вытесняют из его сознания интересы государства.

Таким образом, принцип переизбрания президента делает пагубное влияние выборных правительств еще более глубоким и еще более опасным. Это сопровождается также упадком политической морали нации и приводит к замене патриотизма ловкачеством.

В Америке же применение этого принципа непосредственно затрагивает жизненные основы страны.

Каждому правительству свойственны пороки, обусловленные самой природой его деятельности. Гений законодателя заключается в том, чтобы распознать их наилучшим образом. Государство может успешно справиться с множеством плохих законов, тем более что зло, причиняемое этими законами, часто преувеличено. Однако всякий закон, способствующий развитию этих смертоносных начал, не может с течением времени не сделаться губительным для общества, хотя его пагубное воздействие проявляется не сразу.

Таким разрушительным принципом в условиях абсолютистских монархий является безграничное и противоречащее здравому смыслу расширение влияния королевской власти. Поэтому всякая мера, уничтожающая противовесы этой власти, предусмотренные конституцией, вредна изначально, даже если отрицательные последствия этой меры не проявятся в течение весьма продолжительного времени.

Точно так же и в странах, где торжествует демократия и где народ постоянно стремится все подчинить себе, законы, способствующие быстроте его действия и придающие этому действию непреодолимый характер, прямо угрожают самому существованию правительства.

Самой большой заслугой американских законодателей было то, что они ясно осознали эту истину и имели мужество учесть ее на практике.

Они поняли, что помимо народовластия должно существовать определенное число институтов власти, которые, не будучи полностью независимыми от воли народа, все же могли бы в своей области пользоваться довольно широкой свободой, с тем чтобы, неизменно повинуясь решениям большинства, все-таки противостоять его капризам и отвечать отказом на его самые опасные требования.

Для этого они сосредоточили всю исполнительную власть страны в руках одного человека; они предоставили президенту самые широкие полномочия и вооружили его правом *вето* для того, чтобы он мог оказывать сопротивление посягательствам законодательных органов на свои права.

Однако, провозгласив принцип переизбрания, законодатели частично разрушили свое собственное творение. Они предоставили президенту большую власть, но лишили его стремления использовать ее только по назначению.

Не имея возможности быть избранным на второй срок, президент не переставал тем не менее зависеть от народа, так как он продолжал нести ответственность перед своими избирателями. Вместе с тем благосклонное отношение народа не превращалось для него в такую настоятельную необходимость, чтобы он вынуждал себя приноравливаться к любым его желаниям.

Обладающий же правом переизбрания (а это особенно проявляется в наше время, когда политическая мораль все больше и больше падает, а великие личности постепенно исчезают со сцены общественной жизни), президент Соединенных Штатов становится всего лишь послушным инструментом в руках большинства. Он начинает любить и ненавидеть все то, что любит и ненавидит его большинство, он предупреждает все его жела-

ния и жалобы, подчиняется любым его капризам; законодатели хотели, чтобы президент вел за собой большинство, а на деле он сам оказался в роли ведомого.

Таким образом, не желая лишать государство возможности использовать талантливую личность, законодатели добились того, что таланты этого человека оказались практически бесполезными; а их стремление обеспечить себе соответствующее средство воздействия на общество в чрезвычайных обстоятельствах поставило страну под угрозу постоянной опасности.

ФЕДЕРАЛЬНЫЕ СУДЫ [24]

Политическое значение судебной власти в Соединенных Штатах. — Трудности в изучении этого

вопроса. — Польза правосудия при федеративном устройстве. — Какие суды могли быть учреждены в

рамках Союза?—Необходимость создания федеральных судов. — Структура федеральной судебной

системы. — Верховный суд. — В чем его отличие от других известных нам судебных органов.

Я рассмотрел законодательную и исполнительную власть Союза. Теперь мне предстоит проанализировать судебную власть.

Здесь я должен высказать читателям свои опасения.

Судебные органы имеют огромное влияние на судьбы англоамериканцев и занимают весьма важное место среди тех институтов, которые называются политическими. Именно с этой точки зрения они заслуживают нашего особенно пристального внимания.

Однако как описать политическую деятельность американских судов, не рассматривая подробно их структуру; каким образом, углубляясь в детали, не снизить читательского интереса к этой теме присущей ей сухостью? Как изложить этот предмет ясно и вместе с тем коротко?

Я вовсе не льщу себя надеждой, что мне удастся избежать всех этих многочисленных опасностей. Люди непосвященные в любом случае сочтут мое изложение излишне долгим, а юристы найдут, что я необоснованно краток. Однако этот недостаток можно отнести как к излагаемой мною теме в целом, так и к тому конкретному вопросу, который я намерен сейчас затронуть.

Самая большая трудность состоит не в умении создать федеральное правительство, а в том, чтобы заставить подчиняться законам, издаваемым этим правительством.

Все правительства имеют всего лишь две возможности преодолеть сопротивление, оказываемое ему гражданами: материальные средства, которыми они сами располагают, и решения судов, к чьей помощи они могут прибегать.

Правительство, которое может принуждать к повиновению своим законам только силой оружия, находится на грани гибели. С ним, по всей вероятности, произойдет одно из двух: если это слабое и умеренное правительство, то оно прибегнет к силе лишь в самом крайнем случае, оставляя без внимания множество мелких случаев неповиновения, и тогда государство окажется во власти анархии.

Если же правительство сильное и решительное, то оно будет прибегать к насилию ежедневно и вскоре превратится в военно-деспотическое. Его бездействие, равно как и его деятельность

окажутся одинаково гибельными для населения, которым оно управляет.

Великая цель правосудия состоит в замене идеи насилия идеей права, в установлении правовой преграды между правительством и используемой им силой.

Поразительно, какое огромное значение общественное мнение придает обычно вмешательству судебной власти. Роль общественного мнения настолько велика, что люди продолжают довольствоваться судебной формой даже в тех случаях, когда от нее осталась одна видимость — общественное мнение придает жизнь призраку.

Моральное воздействие, которое оказывают суды, способствует тому, что применение государством силы оружия становится чрезвычайно редким событием, ибо в большинстве

[24]См. главу VI под названием «Судебная власть в Соединенных Штатах...». В этой главе объясняются общие принципы американского правосудия. См. также федеральную конституцию, ст.3.

См. в № 78—83 «Федералиста» сочинение Томаса Сарджента, озаглавленное «Конституционное право, а также обзор практики и юрисдикции судебных органов в Соединенных Штатах». См.: *Стари,* с. 134—162, 489—511, 581, 668. См. закон о судоустройстве от 24 сентября 1789 года в сборнике Сгори, озаглавленном «Законы Соединенных Штатов», т.1, с.53.

случаев суд заменяет его, а если становится необходимо, чтобы в действие вступили и материальные силы, то суд удваивает их мощь, присоединяясь к ним.

Федеральному правительству больше, нежели какому-либо другому, нужна поддержка судебной власти, потому что по самой своей природе оно более слабое и, следовательно, ему проще оказать сопротивление[25]. Если бы ему постоянно приходилось в первую очередь использовать силу, то оно перестало бы соответствовать своему назначению.

Следовательно, чтобы заставить своих граждан повиноваться законам или же чтобы устранить саму возможность нападок на эти законы, федерации особенно потребовались суды.

Однако какие суды должен был иметь Союз? У каждого штата уже имелась своя судебная система. Следовало ли использовать эти суды? Или же требовалось создать федеральную судебную систему? Легко доказать, что Союз не мог приспособить к своим потребностям те судебные органы, которые уже существовали в отдельных штатах.

Без всякого сомнения, для обеспечения безопасности каждого, как и для гарантии свободы всех, весьма важным является отделение судебной власти от всех прочих властей; однако для судеб страны не менее важно и то, чтобы различные руководящие государством органы имели единое происхождение, следовали одним и тем же принципам и действовали сообща: другими словами, чтобы они были *взаимосвязаны и однородны.* Никому, я полагаю, никогда даже в голову не приходило обращаться к иностранным судам с тем, чтобы они судили преступления, совершаемые во Франции, рассчитывая на большую беспристрастность их судей.

По отношению к федеральному правительству американцы представляют собой единый народ; однако в стране были сохранены политические органы, которые только по отдельным вопросам зависели от федерального правительства, а по всем остальным — не зависели, органы, которые отличались своим особым происхождением, своими собственными взглядами и присущими только им средствами воздействия. Доверить исполнение законов всего Союза судам, учрежденным этими политическими органами, было равнозначно тому, чтобы вверить страну иностранному суду.

Более того, по отношению ко всей федерации каждый штат является не только своего рода иностранным государством, но еще и постоянным, повседневным противником, потому что любое сужение масштабов верховной власти Союза сопровождается неизбежным усилением верховной власти отдельных штатов.

Следовательно, поручая проведение в жизнь законов всего Союза судам отдельных штатов, страну отдали бы не только во власть иностранных судей, но, кроме того, еще и судей весьма пристрастных.

Впрочем, суды отдельных штатов были неспособны служить общенациональным целям не только в силу своей природы, но главным образом потому, что их было слишком много.

В момент создания федеральной конституции в Соединенных Штатах уже действовало тринадцать судов, решения которых не подлежали апелляции. Сегодня их насчитывается уже двадцать четыре. Как может существовать государство, в котором его основные законы толкуются и применяются на практике двадцатью четырьмя различными способами одновременно! Такая система столь же противоречит здравому смыслу, сколь и накопленному опыту.

Вследствие этого американские законодатели решили создать единую федеральную судебную систему, которая применяла бы

на практике законы всей федерации и разрешала бы вопросы, касающиеся общенациональных интересов, тщательно определенных заранее.

Вся судебная власть Союза была сосредоточена в руках одного суда, названного Верховным судом Соединенных Штатов. Однако для облегчения исполнения дел ему были приданы суды низшей инстанции, которые имели право самостоятельно решать незначительные дела и принимать решения по более существенным делам в качестве судов первой инстанции. Члены Верховного суда не подлежали избранию ни народом,

[25]Суды больше всего нужны для обеспечения действия федеральных законов, хотя именно эти законы, пожалуй, допускают их в наименьшей степени. Причина этого заключается в том, что большинство конфедераций было сформировано из независимых государств, у которых не было реального намерения подчиняться некоему центральному правительству и которые, хотя и передали ему право распоряжаться собой, тем не менее одновременно старательно сохраняли за собой возможность отказать ему в повиновении.

ни законодательной властью; их назначал сам президент Соединенных Штатов после того, как свое мнение по каждой кандидатуре высказал сенат.

Чтобы обеспечить независимость членов Верховного суда от всякой другой власти, эту должность сделали пожизненной. Кроме того, было решено, что их жалованье, однажды определенное, изымается из-под контроля законодательной власти[26].

В принципе провозгласить создание федеральной судебной системы достаточно легко, однако как только возникает необходимость определить прерогативы федеральных судов, тут-то и возникает множество всевозможных трудностей.

СПОСОБ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СФЕРЫ КОМПЕТЕНЦИИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ СУДОВ

Трудности определения сферы компетенции различных судов в рамках федераций. — Федеральные суды

добились права самостоятельно определять пределы своей компетенции. — Почему данное право

затрагивает те полномочия верховной власти, которые принадлежат отдельным штатам. —

Верховная власть штата, ограничиваемая как самими

законами, так и толкованием этих законов. —

Скорее кажущаяся, нежели реальная опасность для отдельных штатов, вытекающая из данной

ситуации.

Сразу же возникает первый вопрос: так как Конституция Соединенных Штатов устанавливает два различных уровня верховной власти, причем применительно к правосудию это выражается в существовании двух различных категорий судов, из этого следует, что, как бы ни старались тщательно определить юрисдикцию судов каждой категории, все равно невозможно полностью устранить предпосылки для частых столкновении между ними. Кому же в данном случае должно принадлежать право установления сферы компетенции этих судов?

Если у народов, образующих единое политическое общество, возникает вопрос о разделении сфер компетенции между двумя судами, то обыкновенно его разрешение передается третьему суду, выступающему в роли арбитра.

Это делается без особого труда, потому что у этих народов вопрос о сфере компетенции правосудия никоим образом не связан с проблемами верховной власти.

Однако над Верховным судом штата и над Верховным судом Соединенных Штатов невозможно было учредить некий третий суд, который не был бы ни тем, ни другим.

Таким образом, одной из этих двух судебных инстанций следовало предоставить право как самостоятельно решать собственные дела, так и брать на себя или удерживать за собой разбор дел, право на ведение которых оспаривалось. Данную привилегию нельзя было предоставить различным судам штатов, так как это означало бы, что, установив законом верховную власть Союза, на деле ее фактически уничтожали: дело в том, что право толковать конституцию вскоре возвратило бы штатам ту долю независимости, которой их лишили положения данной конституции.

[26]Союз был поделен на округа; в каждом из них назначался на постоянной основе один федеральный судья. Суд, в котором председательствовал этот судья, назывался окружным судом (district-court).

Кроме того, каждый судья, входящий в состав Верховного суда, выл обязан ежегодно объезжать определенную часть территории республики с тем, чтобы на местах решать некоторые наиболее важные дела; суд, возглавляемый этим должностным лицом, был назван объездным (circuit-court).

И наконец, самые серьезные дела либо прямо, либо в результате апелляции передавались в Верховный суд, в рамках

которого все объездные суды собирались один раз в год на специальное заседание. Система присяжных заседателей была введена в федеральные суды в том же виде, в каком она существовала в судах отдельных штатов, и для решения аналогичных дел.

Таким образом, мы видим, что не существует почти никаких аналогий между Верховным судом Соединенных Штатов и нашим кассационным судом. Верховный суд может рассматривать дела в качестве суда первой инстанции, тогда как кассационный суд считается лишь второй или даже третьей инстанцией. Верховный суд, как и кассационный, являет собой единственное судебное учреждение, в обязанности которого входит установление единообразия в области юриспруденции; однако Верховный суд судит как сам факт, так и правовую норму и *самостоятельно* выносит решение, не передавая дело в другой суд, тогда как кассационный суд не может делать ни того, ни другого.

См. Закон о судоустройстве от 24 сентября 1789 года. *Стори.* Законы Соединенных Штатов, т. I, с.53.

122

Целью создания федерального суда было запретить судам отдельных штатов по своему усмотрению принимать решения по делам, имеющим общенациональное значение, и добиться образования такого органа правосудия, который мог бы толковать законы Союза. Однако эта цель оказалась бы недостижимой, если бы суды отдельных штатов, формально воздерживаясь от ведения процессов федерального значения, все же могли бы делать это, утверждая, что то или иное рассматриваемое дело не относится к компетенции федерального суда.

Верховный суд Соединенных Штатов получил, таким образом, право решать все вопросы, связанные с определением сферы компетенции любого суда[27].

Это был самый грозный удар, который когда-либо наносился верховной власти штатов. В результате этого она оказалась ограниченной не только самими законами, но также и их толкованием — одно ограничение было вполне привычным, тогда как другое вводилось впервые; первое было точно определенным правилом, второе — произвольным решением. Правда, конституцией были установлены конкретные пределы верховной власти Союза, однако всякий раз, когда эта власть вступала в соперничество с властью отдельных штатов, спор между ними решался в федеральном суде.

Впрочем, опасность для верховной власти отдельных штатов в действительности была значительно меньшей, нежели это

казалось на первый взгляд.

Далее мы увидим, что в Америке истинная власть принадлежит скорее правительствам штатов, нежели федеральному правительству. Федеральные судьи осознают относительную слабость той власти, от имени которой они выступают, и скорее склонны отказаться от права производства дела даже в тех случаях, когда это им положено по закону, чем принимать дела к производству.

РАЗЛИЧНЫЕ ДЕЛА, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ФЕДЕРАЛЬНОЙ ЮРИСДИКЦИИ

Характер дела и субъект — два основных элемента, согласно которым определяется

принадлежность дела к федеральной юрисдикции. — Дела, касающиеся послов, Союза, отдельного

штата. — Кому они подсудны. — Дела, возникающие на основе федеральных законов — Почему они

входят в компетенцию федеральных судов. — Дела о неисполнении договоров подлежат федеральной

юрисдикции. — Последствие этого.

Найдя способ определить сферу компетенции федеральных судов, американские законодатели перечислили все дела, на которые она должна была распространяться.

Было решено, что некоторые истцы, независимо от предмета спора, должны представать только перед федеральными судами.

Было также установлено, что отдельные дела, независимо от уровня конфликтующих сторон, должны решаться исключительно федеральными судами.

Таким образом, субъект и характер дела стали теми двумя элементами, в соответствии с которыми и определялась принадлежность этого дела компетенции федеральных судов.

Послы представляют в своем лице дружественные Соединенным Штатам страны, поэтому все, что связано с послами, в известной степени затрагивает интересы Союза. Когда посол выступает стороной в каком-либо процессе, этот процесс, естественно, начинает затрагивать интересы благосостояния всей нации, и, следовательно, решение в рамках таких процессов может принимать только федеральный суд.

Сам Союз также может выступать стороной в деле: в этом случае было бы противоречием здравому смыслу, а также обычаям всех стран передавать подобные дела суду, представляющему другую верховную власть. Решать такие дела должна была исключительно федеральная юстиция.

[27] Впрочем чтобы сократить число дел, связанных с определением сферы компетенции, было решено, что по многим спорным ситуациям суды отдельных штатов будут иметь право выносить свое решение наравне с судами Союза; в то же время обвиняемой стороне по-прежнему предоставлялась возможность апеллировать в Верховный суд Соединенных Штатов. Верховный суд Виргинии оспаривал у Верховного суда Соединенных Штатов право рассматривать по апелляции те дела, по которым он принимал решение, однако успеха не добился. См.: *Кент.* Комментарии, т.1, с.300, 370 и т.д. *См-Стори.* Комментарии, с.646, и закон о судоустройстве 1789 года.—Законы Соединенных Штатов, т.1, с.53.

Между двумя частными лицами, проживающими в двух различных штатах, возникает тяжба—в этом случае было бы невозможно передавать их дело на рассмотрение суда одного из этих штатов без возникновения дополнительных сложностей. Надежнее было

бы избрать такой суд, который не возбуждал бы подозрений ни у одной из двух сторон,

а таким, бесспорно, может быть только суд всей федерации.

Когда же тяжбу ведут две стороны, представляющие штаты, а не частных лиц, то к уже приведенному выше доводу о справедливости решения можно добавить еще и довод политического характера, имеющий первостепенное значение. В данном случае уровень конфликтующих сторон придает общенациональное значение всему процессу: ведь малейший спорный вопрос, который может возникнуть между двумя штатами, важен с точки зрения сохранения спокойствия всего Союза в *целом* [28].

Нередко сама категория дела указывает на то, к компетенции какого суда это дело принадлежит. Так, например, все проблемы, связанные с морской торговлей, относятся к юрисдикции федеральных судов [29].

Причину этого указать чрезвычайно легко: почти все эти вопросы входят в область международного права. Стало быть, они затрагивают интересы всего Союза в его взаимоотношениях с иностранцами. Кроме того, раз море невозможно отнести конкретно к тому или иному судебному округу, то, следовательно, по делам, имеющим к нему отношение, решение могут принимать только общенациональные суды.

Конституция объединила в одном разделе практически все дела, которые по своему характеру относятся к компетенции

федеральных судов.

Правило, которое она установила на данный счет, очень простое, однако оно отражает целую систему идей и взглядов, одновременно включая множество фактических сведений.

Федеральные суды, гласит правило, должны разбирать все дела, *возникающие на основе законов Соединенных Штатов.*

А вот два примера, прекрасно поясняющих замысел законодателей.

Конституция запрещает штатам издавать законы об обращении денег. Между тем, несмотря на существование такого запрета, один из штатов издал подобный закон. Заинтересованные лица отказались ему подчиняться, заявив, что он противоречит общенациональной конституции. В этом случае следует обращаться в федеральный суд, потому что отказ подчиняться мотивировался ссылкой на закон Соединенных Штатов.

Или, скажем, конгресс устанавливает ввозную пошлину на товар. Возникают затруднения при взимании этой пошлины. И в этом случае необходимо обращаться в федеральный суд, ибо причина возникновения данного дела лежит в толковании одного из законов Соединенных Штатов.

Это правило полностью согласуется с основополагающими нормами, установленными федеральной конституцией.

Союз в том виде, в каком он был сформирован в 1789 году, в действительности располагает лишь весьма ограниченной верховной властью, однако, как это и задумывалось, он представляет единую, целостную нацию[30]. В этих пределах Союз суверенен. Как только данное положение установлено и принято за основу, все остальное упрощается, потому что если вы признаете тот факт, что Соединенные Штаты в пределах, установленных конституцией, выражают интересы единой нации, то им должно предоставить все те права, которыми пользуются и другие народы.

[28]В конституции также говорится о том, что споры, могущие возникнуть между штатом и жителями другого штата, относятся к компетенции федеральных судов. В связи с этим вскоре возник вопрос о том, подразумевались ли конституцией все дела, которые могут возникнуть между штатом и жителями другого штата, то есть имеет ли право выступать в роли истца и та и другая сторона. Верховный суд высказался по этому поводу утвердительно, однако данное решение обеспокоило штаты, которые опасались, что они вопреки их желанию будут по любому поводу представать перед федеральным судом. Поэтому в конституции была сделана поправка, согласно которой судебная

власть Союза не распространяется на те дела, которые возбуждались против какого-либо штата жителями другого. См.: *Стори.* Комментарии, с.624.

[29]Например, все случаи пиратства.

[30]Правда, в это положение были внесены некоторые ограничения, а именно: отдельные штаты представлены в сенате в качестве независимых государств, и, кроме того, они получают право раздельного голосования в палате представителей в случае выборов президента. Однако это исключения. Преобладающим все же остается противоположный принцип.

Ведь с момента возникновения человеческого общества принято считать, что каждый народ имеет право решать в своих судах все вопросы, связанные с исполнением его собственных законов. Но, скажет кто-нибудь, Союз находится в необычном положении, ибо он представляет собой единую нацию лишь в отношении к определенным предметам правового регулирования, тогда как во всех остальных случаях он не являет собой ровным счетом ничего. Что же из этого следует? А то, что, по крайней мере в рамках законодательства, относящегося к этим предметам, Союз обладает всей полнотой верховной власти. Реальная же трудность состоит в том, чтобы определить, каковы эти предметы. Решив данный вопрос (а мы видели выше, рассуждая о сферах компетенции, каким образом он был решен), мы, собственно говоря, снимаем его с повестки дня, потому что, коль скоро установлено, что то или иное дело относится к федеральной юрисдикции, то есть входит в сферу полномочий верховной власти, которая, согласно конституции, оставлена за Союзом, из этого естественным образом вытекает, что решение по данному вопросу может выносить лишь федеральный суд.

Итак, всякий раз, когда нарушаются законы Соединенных Штатов или когда к ним обращаются в порядке защиты, дело подлежит рассмотрению в федеральных судебных органах.

Как следствие, юрисдикция федеральных судов то расширяется, то сужается в зависимости от того, расширяются или сужаются полномочия верховной власти самого Союза.

Мы видели, что главная задача законодателей в 1789 году состояла в том, чтобы разделить полномочия верховной власти на две различные части. В сферу компетенции федерации было передано управление всеми делами, представляющими общий для всего Союза интерес; к сфере компетенции отдельных территорий Союза были отнесены все вопросы, отражающие их специфические интересы.

Законодатели в первую очередь стремились наделить федеральное правительство достаточной властью для того, чтобы оно могло в своей сфере защищать себя от незаконного вмешательства со стороны отдельных штатов. Что же касается последних, то в качестве общего принципа было признано, что в делах, относящихся к их компетенции, они остаются свободными. Центральное правительство не имело права ни управлять ими, ни даже контролировать их действия.

В главе о разделении власти я уже упоминал о том, что этот принцип соблюдался далеко не всегда. Существуют такие законы, которые не могут быть приняты каким-либо штатом в отдельности, даже если на первый взгляд они касаются лишь его собственных интересов. Когда тот или иной штат Союза издает такого рода закон, граждане, интересы которых нарушаются в результате его применения, могут апеллировать в федеральные суды. Таким образом, юрисдикция федеральных судов распространяется не только на все дела, вытекающие из союзного законодательства, но также и на те, в основе которых лежат законы отдельных штатов, противоречащие конституции.

Штатам запрещено принимать законы в уголовной сфере, имеющие обратное действие; человек, осужденный на основании подобного закона, может подать апелляцию в федеральный суд.

Конституция также запрещает штатам издавать законы, которые могут ликвидировать или нарушить права, приобретенные в результате различных договорных обязательств (impairing the obligations of contracts)[31].

[31] «Совершенно ясно, — говорит господин Сгори на с.503, — что всякий закон, который расширяет, сужает или изменяет так или иначе намерения сторон, выраженные в условиях договора, в итоге нарушает (impairs) его». Тот же автор далее дает обстоятельное и очень длинное определение того, что подразумевается под договором в федеральной юриспруденции. Концессия, выданная штатом частному лицу и принятая последним, есть договорное обязательство, которое не может быть расторгнуто в результате принятия какого-либо нового закона. Хартия, данная штатом той или иной компании, также является договорным обязательством и становится законом как для получателя, так и для самого штата. Таким образом, статья конституции, о которой мы ведем речь, обеспечивает действие значительной части *приобретенных прав,* но все же не всех. Я совершенно законно могу владеть каким-нибудь имуществом, даже если оно перешло в мои руки не по договору. *Обладание* этим имуществом есть для меня приобретенное право, однако данное право не охраняется федеральной конституцией.

Как только какое-нибудь частное лицо усматривает, что законом его штата данное право нарушается, оно может отказаться повиноваться ему и апеллировать к федеральной юстиции[32].

Данное установление, на мой взгляд, в большей степени подрывает верховную власть отдельных штатов, нежели все прочие правила.

Права, данные федеральному правительству для его не вызывающих сомнения действий в общенациональных интересах, ясно определены и понятны. Что же касается прав, предоставляемых ему косвенным образом той статьей, о которой только что шла речь, то они не столь понятны, а сфера их применения весьма расплывчата. И в самом деле, существует множество политических законов, которые затрагивают договорные обязательства и которые, таким образом, могут послужить достаточным поводом к захвату лишней власти центральным правительством.

СУДОПРОИЗВОДСТВО В ФЕДЕРАЛЬНЫХ СУДАХ

Естественная слабость судебной власти в государствах с федеративным устройством. —

Законодатели должны стремиться к тому, чтобы дела в федеральных судах возбуждались по

возможности против отдельных личностей, а не против штатов. —· Как американцы добились

этого. — Рассмотрение дел простых граждан непосредственно федеральными судами. — Косвенное

давление на штаты, нарушающие законы Союза. — Постановления федеральных судов не отменяют

законов штатов, но ослабляют их действие.

Я изложил права федеральных судов; однако не менее важно знать, каким образом эти права применяются на практике.

Неодолимая сила правосудия в странах с неделимой верховной властью заключается в том, что суды здесь представляют всю нацию, которая вступает в борьбу с отдельной личностью, подвергающейся судебному преследованию. К понятию права добавляется понятие силы, которая служит опорой данному праву.

Однако в тех государствах, где верховная власть разделена, не всегда получается именно так. Там перед правосудием чаще всего предстает не отдельная личность, а определенная часть

нации. Вследствие этого моральная и материальная силы правосудия становятся менее внушительными.

В федеративных государствах, таким образом, судебная власть слабее, а подсудимый — сильнее.

В федерациях законодатель постоянно нацелен на то, чтобы придать судам такую же важную роль, какую они играют у народов, не установивших у себя разделение верховной власти, — то есть, другими словами, постоянные усилия законодателей должны сосредоточиваться на том, чтобы федеральная судебная власть представляла в своем лице нацию, а подсудимый — лишь частный интерес.

Всякому правительству, какова бы ни была его природа, необходимо иметь возможность влиять на людей, которыми оно управляет, с тем чтобы заставлять их воздавать ему должное; оно вынуждено действовать против них, чтобы защищаться от их нападок.

Что же касается прямого воздействия правительства на граждан, дабы принудить их подчиняться законам, то Конституция Соединенных Штатов определила (и в этом проявилось ее совершенство), что федеральные суды, действующие от имени этих законов, должны всегда иметь дело только с отдельными личностями. И в самом деле, раз было провозглашено, что федерация в пределах, очерченных конституцией, представляет единый народ, то правительство, созданное на основе данной конституции и

[32]Вот замечательный пример, который приводит на с. 508 господин Стори. Дартмутский колледж в Нью-Гэмпшире был образован на основании хартии, дарованной ряду лиц еще до Американской революции. В соответствии с предоставленной хартией эти люди создали официальный орган управления колледжем или, как говорят американцы, *корпорацию.* Законодательное собрание Нью-Гэмпшира решило изменить отдельные положения первоначальной хартии и передало новым администраторам колледжа все права, привилегии и льготы, которые вытекали из новой хартии. Прежние администраторы воспротивились этому и обратились в федеральный суд, который решил дело в их пользу на том основании, что изначальная хартия представляла собой подлинное соглашение между штатом и концессионерами, и, следовательно, новый закон не мог изменить ее основных положений, не нарушая тем самым прав, приобретенных по договору и, таким образом, не нарушая 1 -и статьи раздела X Конституции Соединенных Штатов.

действующее в ее рамках, было облечено всеми правами общенационального правительства, главным среди которых являлось доведение всех его предписаний до простых граждан, минуя каких-либо посредников. Так, например, когда Союз отдавал распоряжение о взимании налогов, это должно было означать, что он обращается вовсе не к штатам с призывом о начале процедуры сбора этих налогов, но к каждому американскому гражданину, чтобы он платил их в соответствии с определенными ему размерами налогообложения. В свою очередь федеральный суд, в чьи обязанности входило обеспечение выполнения данного закона, выносил обвинительный приговор не в отношении строптивого штата, а в отношении непослушного налогоплательщика. Федеральное правосудие, как и суды других стран, непосредственно сталкивается лишь с отдельными личностями.

Заметьте, что в данном случае Союз сам избирает своего противника, а выбирает он того, кто послабее, и, естественно, этот противник оказывается побежденным.

Однако трудности возрастают, когда Союз вместо того, чтобы нападать, бывает вынужден защищаться. Конституция признает за штатами право издавать законы. Эти законы могут нарушить права Союза. Тогда Союз, в силу необходимости, вступает в противоборство с верховной властью того штата, который издал этот закон, и ему из всех возможных способов воздействия остается лишь выбрать тот, который окажется наименее опасным. Этот способ и заложен изначально в основу тех общих принципов, которые я уже перечислил[33].

Можно предположить в таком случае, что Союз мог бы возбудить в федеральном суде дело против штата и суд признал бы данный закон недействительным; эта процедура соответствовала бы нормальному ходу вещей. Однако при этом федеральное правосудие столкнулось бы лицом к лицу со штатом, чего хотели по возможности избежать.

Американцы рассудили, что в ходе исполнения нового закона почти наверняка создастся положение, при котором этот закон ущемит чьи-то частные интересы.

Вот авторы федеральной конституции и взяли этот частный интерес за основу, чтобы противодействовать тем законодательным акциям, которые могут противоречить интересам Союза. Именно этому частному интересу они и оказывают покровительство.

Так, например, некий штат продает свои земли частной компании. Год спустя новый закон распоряжается этими же землями совершенно иначе и тем самым нарушает то положение

конституции, которое запрещает изменять права, приобретенные в силу договорных обязательств. Когда же лицо, купившее земли на основании нового закона, решает вступить во владение ими, то владелец, чьи права основаны на прежнем законе, предъявляет ему иск в федеральном суде и добивается признания его права на владение недействительным[34]. Следовательно, в этом случае федеральное правосудие фактически входит в столкновение с верховной властью штата, однако оно сталкивается с нею лишь косвенно, да к тому же применительно к частному случаю. Таким образом, федеральная судебная власть наносит удар не по закону как таковому, а по результатам его применения; она не аннулирует его, хотя и ослабляет его силу.

И наконец, остается изложить последнюю гипотезу.

Каждый штат представляет собой некую корпорацию, которой свойственно особое существование и особые гражданские права — стало быть, этот штат может выступать как истцом, так и ответчиком в суде. Например, один штат может преследовать в судебном порядке другой штат.

В этом случае с точки зрения Союза речь идет уже не об опротестовании того или иного местного закона, а о судебном деле, в котором одной из сторон является штат. Это такое же судебное дело, как и любое другое; разница заключается лишь в уровне конфликтующих сторон. Здесь-то и кроется опасность, упомянутая мною в начале данной главы; правда, на сей раз она неизбежна, ибо заложена в самой сути федеральных конституции, результатом которых всегда будет возникновение в рамках государства отдельных его членов, которые окажутся настолько могущественными, что правосудие сможет действовать против них лишь с очень большим трудом.

[33]См. главу «Судебная власть в Соединенных Штатах».

[34]См.: *Кент.* Комментарии, т.1, с.387.

ВАЖНОЕ МЕСТО, ЗАНИМАЕМОЕ ВЕРХОВНЫМ СУДОМ СРЕДИ ВЫСШИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ

Ни один народ не создавал столь мощной судебной власти, как американцы. — Сфера компетенции

американского правосудия. —Его политическое влияние. — Спокойствие и само существование

Союза зависят от мудрости семи федеральных судей.

Когда, подробно рассмотрев устройство Верховного суда, переходишь к изучению всей совокупности прерогатив, которыми

он располагает, то без труда обнаруживаешь, что никогда еще ни у одного народа не было столь могущественной судебной власти.

Верховный суд как *по природе* своих прав, так и в соответствии с *категорией* подсудных ему дел занимает более важное место, нежели любой другой известный суд.

У всех цивилизованных народов Европы правительство всегда проявляло большое нежелание передавать на решение органов правосудия дела, которые касались его самого. Это нежелание, естественно, становится тем сильнее, чем более абсолютной властью обладает правительство. И напротив, по мере расширения свободы неизменно ширится и сфера компетенции судов; вместе с тем ни одна из европейских стран и не помышляла о том, что всякое судебное дело, независимо от его природы, может передаваться на рассмотрение судьям, чьи действия основаны на нормах общего права.

В Америке эту теорию применили на практике. Верховный суд Соединенных Штатов является единственным в своем роде общенациональным судебным учреждением.

Его обязанности включают толкование законов и текстов договоров; в сферу его исключительной компетенции входит рассмотрение вопросов, связанных с морской торговлей, и в целом всех тех проблем, которые относятся к области международного права. Можно даже утверждать, что, хотя по своей организации Верховный суд Соединенных Штатов — это сугубо судебное учреждение, почти все его полномочия носят политический характер. Его единственная задача состоит в том, чтобы принуждать к исполнению законов Союза, тогда как Союз регулирует лишь взаимоотношения правительства с гражданами, а также всей страны — с иностранцами; взаимоотношения граждан между собой почти всегда относятся к компетенции верховной власти штатов.

К данной причине, в силу которой Верховный суд в жизни американского общества имеет чрезвычайно важное значение, следует добавить еще одну, значительно более существенную. Судам европейских стран подсудны дела лишь частных лиц; что же касается Верховного суда Соединенных Штатов, то можно сказать, что в его власти призвать к ответу даже независимые государства Когда судебный исполнитель, поднимаясь по ступенькам кафедры, произносит всего несколько слов: «Штат Нью-Йорк против штата Огайо», то всякий присутствующий осознает, что находится в помещении далеко не обыкновенного суда. А когда задумываешься над тем, что одна из тяжущихся сторон представляет интересы миллиона человек, а другая — двух миллионов, то поражаешься той ответственности, которая

возложена на плечи семи судей, чей приговор способен обрадовать или опечалить такое большое число их сограждан.

От семи федеральных судей постоянно зависят спокойствие, процветание и само существование Союза. Без них конституция превратилась бы в мертвую букву; именно к ним обращается исполнительная власть в надежде найти защиту от вмешательства законодательных органов; к ним же обращается и законодательная власть, когда пытается оградить себя от тех или иных действий власти исполнительной; обращается к ним и Союз — чтобы заставить отдельные штаты повиноваться ему; и отдельные штаты—чтобы отклонить излишние притязания Союза; и общество, вступающее в борьбу с частными интересами; и консервативные силы, борющиеся против демократической дестабилизации. Власть этих семи судей огромна, однако она находится в постоянной зависимости от общественного мнения. Судьи всемогущи до тех пор, пока народ готов повиноваться законам, но они становятся бессильными, как только это повиновение прекращается. Между тем, воздействие общественного мнения настолько велико, что его чрезвычайно сложно учитывать на практике, ибо невозможно с точностью указать его пределы. Нередко бывает столь же опасно держать себя в определенных рамках, сколь и выходить за них.

Таким образом, федеральные судьи должны быть не только добропорядочными гражданами, людьми просвещенными и честными — эти качества необходимы любому должностному лицу, — они должны быть также и государственными деятелями, обязан-

ными понимать дух своего времени; бороться с препятствиями, которые можно преодолеть, и уклоняться от стремительного течения в тех случаях, когда поток грозит как снести верховную власть Союза, так и нарушить должное повиновение его законам.

Президент может ошибиться, и при этом государство нисколько не пострадает, потому что президент обладает лишь ограниченной властью. Конгресс в состоянии совершить ошибку, но Союз от этого не погибнет, потому что над конгрессом существует избирательный корпус, который может изменить атмосферу в конгрессе, поменяв его членов.

Если же Верховный суд когда-нибудь окажется сформированным из людей неосторожных либо продажных, то федерации следует опасаться либо анархии, либо гражданской войны.

Однако не следует заблуждаться: реальная опасность кроется отнюдь не в организации суда, а в самой природе федеративных государств. Мы видели, что нигде не возникает большей необходимости устанавливать могущественную судебную власть, как в странах с федеративным устройством, ибо нигде отдельные личности, готовые вступить в борьбу с обществом, не бывают столь сильны и не располагают столь значительными средствами для сопротивления материальной силе правительства.

Между тем с увеличением потребности в сильной власти ей следует предоставлять все больше простора и независимости. А чем более могущественна и независима власть, тем опаснее злоупотребление ею. Таким образом, зло заложено вовсе не в организации государственной власти, а в устройстве самого государства, обусловливающем функционирование этой власти.

В ЧЕМ СОСТОИТ ПРЕВОСХОДСТВО ФЕДЕРАЛЬНОЙ КОНСТИТУЦИИ НАД КОНСТИТУЦИЯМИ ШТАТОВ

Как сравнивать конституцию Союза с конституциями штатов. — Федеральная конституция обязана своим превосходством в первую очередь мудрости законодателей. — Законодательная

власть Союза меньше зависит от народа, нежели законодательная власть штатов. —Исполнительная власть в своей сфере более свободна. — Судебная власть слабее подчинена воле большинства. —

Практические последствия такого положения. — Федеральные законодатели уменьшили опасности, присущие демократическим формам правления, а законодатели штатов усилили их.

Федеральная конституция существенно отличается от конституций отдельных штатов той целью, которую она ставит перед собой, однако средства достижения этой цели вполне схожи с теми средствами, которые предусмотрены конституциями штатов для достижения стоящих перед ними задач. Объекты управления различны, но формы управления одинаковы. Именно в этой конкретной области было бы полезным сравнить их между собой.

Я полагаю, что федеральная конституция совершеннее конституций штатов, что вызвано целым рядом причин.

Нынешняя конституция Союза была разработана уже после того, как было принято большинство конституций штатов и, таким образом, при ее создании воспользовались уже имевшимся в этом вопросе опытом.

Тем не менее, как можно убедиться, это всего лишь

второстепенная причина, особенно если принять во внимание тот факт, что после выработки федеральной конституции к Союзу присоединилось еще одиннадцать новых штатов и что эти штаты в своих конституциях чаще всего усиливали, а не уменьшали те недостатки, которые были свойственны принятым ранее конституциям.

Главная причина превосходства федеральной конституции заключается в достоинствах создавших ее законодателей.

В эпоху, когда она разрабатывалась, гибель конфедерации казалась неизбежной, и это было для всех очевидным. Находясь в безвыходном положении, народ выбрал, возможно, не тех людей, которым он больше симпатизировал, но тех, которые вызывали у него наибольшее уважение.

Я уже отмечал выше, что практически все федеральные законодатели отличались высокой образованностью и еще большим патриотизмом.

Все они заняли видные места в период общенационального кризиса, когда дух свободы креп в постоянной борьбе с сильной и тяготеющей к безраздельному господству

властью правительства. Борьба была закончена, и хотя люди, охваченные страстями, все еще по привычке сражались с давно уже не существующими опасностями, они все же сумели остановиться и бросить на свое отечество более спокойный и проницательный взгляд; эти люди увидели, что революция полностью победила и что отныне бедствия, угрожавшие народу, могли возобновиться лишь в результате злоупотребления свободой. Они имели мужество высказать все, о чем думали, поскольку в глубине своих сердец они ощущали искреннюю и горячую любовь к этой свободе; они осмелились сказать о ее ограничении потому, что им меньше всего хотелось, чтобы она была уничтожена[35].

Большинство конституций штатов устанавливает срок действия полномочий членов палаты представителей в один год и двухлетний срок — для сенаторов. Как следствие, члены законодательного корпуса беспрестанно и самым тесным образом связаны с проявлением малейших желаний со стороны своих избирателей.

Законодатели Союза сочли, что столь полная зависимость законодательной власти от народа наносит ущерб наиболее важным достижениям существующей системы представительных органов, ибо в этом случае народ превращается не просто в источник самой власти, но и в правительство.

В результате они увеличили срок действия полномочий выборных органов, чтобы предоставить депутатам большую возможность для проявления собственных независимых убеждений.

Федеральная конституция, как и конституции различных штатов, разделила законодательный корпус на две части.

Однако в штатах эти два подразделения законодательной власти состоят из одних и тех же элементов, а их члены избираются одним и тем же способом. В результате страсти и желания большинства с одинаковой легкостью проникают как в одну, так и в другую палату и быстро находят в них инструмент для своего выражения, что придает излишне бурный и торопливый характер процессу выработки законов.

Согласно федеральной конституции, обе палаты конгресса также формируются путем народного голосования, однако условия избрания и порядок выборов этих палат различны. Это сделано для того, чтобы, как это существует в некоторых государствах, одна из палат, хотя и не представляющая каких-либо отличных от другой интересов, по крайней мере проявила бы высшую мудрость при организации своей деятельности.

Сенатором может стать человек, достигший зрелого возраста, а избирает сенаторов немногочисленная ассамблея, которая сама по себе является выборным органом.

Демократические государства имеют естественную склонность к концентрации всей общественной власти в законодательных учреждениях, а поскольку законодательная власть прямо исходит от народа, то именно она и является самым непосредственным выразителем его всемогущества

[35]В эту эпоху знаменитый Александр Гамильтон, один из наиболее влиятельных составителей конституции, не побоялся опубликовать в 71-м номере «Федералиста» следующее:

«Я знаю, что существуют люди, которым исполнительная власть может понравиться лишь в том случае, если она будет рабски потворствовать желаниям народа или законодательных органов; но мне кажется, что эти люди имеют весьма примитивное представление о цели всякого правительства, а также об истинных средствах достижения всеобщего благосостояния.

Пусть мнение народа, когда оно продуманно и зрело, определяет поведение тех, кому народ поручает ведение своих дел, — это вытекает из самого факта принятия республиканской конституции; однако республиканские принципы вовсе не требуют подчинения любым дуновениям ветерка народных страстей или поспешного повиновения любым минутным

желаниям большинства, которые могут появиться под влиянием коварных действий лиц, потворствующих предрассудкам толпы с тем, чтобы затем предать ее интересы.

Это верно, что народ обычно желает добиться общественного блага. Однако в своих стремлениях он зачастую ошибается. Если бы его стали убеждать в том, что он всегда трезво оценивает те средства, которые необходимы для процветания нации, то, руководствуясь здравым смыслом, он с презрением отверг бы подобную лесть потому, что народ на собственном опыте знает, что ему иногда случалось и ошибаться. А вот чему стоит удивляться, так это тому, что он не ошибается еще чаще, непрестанно сталкиваясь с хитростями бездельников и подхалимов, натыкаясь на ловушки, которые ему постоянно ставит множество алчных и безденежных людей; подвергаясь ежедневному обману тех, кто незаслуженно завоевал его доверие, или же тех, кто старается скорее заполучить это доверие, не будучи в состоянии заслужить его.

В том случае, когда устремления народа противоречат его истинным интересам, долгом всех тех, кого народ . поставил на страже своих интересов, является борьба с заблуждениями, жертвой которых он временно стал, с тем чтобы дать ему время прийти в себя и хладнокровно оценить сложившееся положение. И уже неоднократно случалось так, что народ, спасенный таким образом от пагубных последствий его же собственных ошибок, воздвигал потом в знак благодарности памятники тем людям, у которых было достаточно благородства и мужества, чтобы вызвать недовольство своего народа, продолжая служить его истинным интересам».

С этим связано и присущее законодательным органам стремление сосредоточить в своих руках наибольшую власть.

Это, с одной стороны, весьма пагубно влияет на их деятельность, а с другой — благоприятствует деспотическим наклонностям большинства.

Законодатели отдельных штатов нередко всецело отдавались во власть этих инстинктов, свойственных демократическим государствам; что же касается законодателей Союза, то они, напротив, всегда мужественно боролись с ними.

В штатах исполнительная власть передана должностному лицу, которое, казалось бы, находится на том же уровне, что и законодательное собрание, однако кто, как не губернатор, оказывается в действительности просто слепым и пассивным орудием его воли. Откуда он может почерпнуть свою силу? В

длительности срока своего пребывания на посту? Но его обычно избирают на один год. В своих полномочиях? Но можно сказать, что он их полностью лишен. Законодательное собрание способно свести его деятельность к нулю, возлагая обязанности по воплощению законов в жизнь на специальные комиссии, создаваемые в его собственной среде. Если бы законодательная власть пожелала, то она смогла бы в некотором смысле уничтожить губернатора, прекратив, например, выплачивать ему жалованье.

Федеральная конституция сосредоточила все права исполнительной власти, равно как и все ее обязанности, в руках одного человека. Она установила четырехлетний срок действия президентских полномочий, обеспечила ему жалованье, выплачиваемое в течение всего периода его пребывания у власти, предоставила в его распоряжение зависимых от него чиновников и вооружила его правом отлагательного вето. Одним словом, старательно определив сферу компетенции исполнительной власти, она постаралась, насколько это возможно, обеспечить президенту в этой сфере сильную и независимую позицию.

В соответствии с конституциями штатов судебная власть оказалась менее зависимой от законодательной власти. Тем не менее во всех штатах именно законодательное собрание назначает судьям жалованье, что неизбежно подчиняет их его непосредственному влиянию. В некоторых штатах судьи назначаются на определенный срок, что также лишает их значительной части их власти и свободы действий.

В других штатах законодательная и судебная власть полностью переплелись: например, сенат Нью-Йорка для разбора некоторых категорий дел сам превращается в верховный суд штата.

Федеральная конституция, напротив, позаботилась о том, чтобы отделить судебную власть от всех прочих. Кроме того, она обеспечила независимость судей тем, что провозгласила неизменность размеров их жалованья и их несменяемость в должности.

Практические последствия этих разных подходов легко заметить. Для всякого внимательного наблюдателя становится очевидным, что дела Союза ведутся много лучше, нежели дела любого из штатов.

Федеральное правительство справедливее и умереннее в своей деятельности, нежели правительства штатов. В его позиции больше мудрости; в его проектах больше солидности и разумных комбинаций, основанных на знаниях; в осуществлении любых начинаний оно проявляет больше умения, последовательности и

твердости.

Чтобы подвести итог всему, изложенному в данной главе, достаточно сказать лишь несколько слов.

Существованию демократии угрожают две основные опасности.

Первая заключается в полном подчинении законодательной власти волеизъявлениям массы избирателей.

Вторая состоит в концентрации в законодательных органах всех прочих видов правительственной власти.

Законодатели штатов способствовали возрастанию этих опасностей. Законодатели же Союза сделали все, что было в их силах, чтобы они стали менее угрожающими.

131

ОТЛИЧИЕ КОНСТИТУЦИИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ ОТ ВСЕХ ПРОЧИХ ФЕДЕРАЛЬНЫХ КОНСТИТУЦИЙ

На первый взгляд американская федерация похожа на все прочие федерации. — Между тем она

отличается от всех прочих. — Причины этого. — В чем заключаются отличия американской

федерации от всех остальных. —Американское правительство нельзя считать федеральным в

чистом виде, оно скорее является общенациональным правительством с ограниченными

полномочиями.

Соединенные Штаты Америки не были первым и единственным примером государственного федеративного устройства. Даже не ссылаясь на древние времена, можно привести несколько примеров по современной Европе. Швейцария, Германская империя, республика Нидерланды либо были, либо продолжают оставаться федерациями.

Изучая конституции этих весьма несхожих между собой стран, можно не без удивления отметить, что власть, которой они наделяют федеральное правительство, во многом напоминает ту, которую американская конституция предоставляет правительству Соединенных Штатов. Как и американская конституция, они передают центральной власти право заключать мир и объявлять войну, право набирать войско и взимать налоги с населения, заботиться об удовлетворении общественных потребностей и регулировать общенациональные интересы.

Между тем у всех этих столь разных народов федеральное правительство почти всегда отличалось слабостью и

неэффективностью, тогда как правительство американского Союза ведет свои дела легко и энергично.

Первый американский Союз не мог продолжать свое существование именно по причине исключительной слабости своего правительства, и тем не менее это слабое правительство располагало такими же широкими правами, как и современное федеральное правительство. Можно даже сказать, что в некоторых отношениях его права были даже более значительными.

Однако ныне действующая Конституция Соединенных Штатов содержит несколько новых принципов, которые имеют очень важное значение, хотя поначалу они отнюдь не бросаются в глаза.

И в самом деле, эта конституция, которую на первый взгляд легко спутать с любой предшествующей федеральной конституцией, основана на совершенно новой теории, которую можно считать великим открытием в области политических наук нашего времени.

Во всех федерациях, существовавших до образования в 1789 году американского Союза, народы, объединявшиеся для достижения общих целей, соглашались повиноваться распоряжениям федерального правительства, однако в то же время они продолжали сохранять в пределах собственной территории право издавать указы и надзирать за исполнением законов союзного значения.

Американские штаты, вошедшие в Союз в 1789 году, не только дали свое согласие на то, чтобы федеральное правительство издавало для них законы, но и на то, чтобы оно само приводило эти законы в исполнение.

Во всех федерациях, предшествовавших нынешнему американскому Союзу, федеральное правительство обращалось к правительствам входящих в них государств для того, чтобы получить от них средства на свое содержание. В тех случаях, когда та или иная мера, предписываемая федеральным правительством к исполнению, не нравилась какому-либо из этих правительств, оно всегда могло уклониться от необходимости повиноваться. Если правительство было сильным, оно призывало к оружию своих граждан; если оно было слабым, то не обращало внимания на случаи неповиновения законам федерации, ставшими уже его собственными, ссылалось на свое бессилие и продолжало существовать как бы по инерции.

И всегда происходило одно из двух: либо самый сильный из объединившихся народов брал в свои руки власть, принадлежавшую федеральному правительству, и от его имени управлял другими[36], либо федеральное правительство оказывалось предостав-

[36]*Так.* было у греков при Филиппе, когда этот царь подчинил своему влиянию Амфихтионию. Так было и в республике Нидерланды, где всегда повелевала провинция Голландия. То же в наши дни происходит и в Германском союзе, в рамках которого Австрия и Пруссия являются исполнителями решении выборного совета, от его имени господствуя над всей конфедерацией.

ленным самому себе и могло рассчитывать лишь на свои собственные силы, и тогда в федерации воцарялась анархия, и сам союз становился абсолютно недееспособным [37].

В Америке Союз управляет не штатами, а простыми гражданами. Когда федеральное правительство намеревается собрать налоги, оно обращается не к властям Массачусетса, а к каждому жителю этого штата. Прежние федеральные правительства имели дело с целыми народами, тогда как американский Союз — с отдельными личностями. Сила, которой он обладает, не взята взаймы, но присуща ему самому. Он имеет своих собственных правителей, свои суды, своих судебных чиновников и свою армию.

Безусловно, национальный дух, общность чувств, провинциальные предрассудки каждого штата приводят к определенному сужению сферы влияния федерального правительства подобного устройства, а также к возникновению своеобразных очагов сопротивления его воле; имея лишь ограниченные полномочия верховной власти, такое правительство не может быть столь же могущественным, как то, которое обладает этой властью в полном объеме; однако именно в этом и заключается недостаток, присущий федеративной системе правления.

В Америке каждый штат имеет гораздо меньше возможностей и поводов оказывать сопротивление центру. Ну а если все же подобная мысль и возникнет в штате, то он может осуществить ее, только открыто отказываясь подчиняться законам Союза, нарушая привычное функционирование судебной власти, поднимая знамя бунта, — словом, он должен принять самые крайние меры, на что люди обычно долгое время не решаются.

В прежних федерациях власть, предоставленная союзу, толкала его к войнам, а вовсе не становилась источником его могущества и силы, поскольку эта власть умножала его требования, не давая дополнительных средств для того, чтобы заставить себе повиноваться. Вот почему почти всегда случалось так, что чем более крепла формальная власть федеральных правительств, тем слабее они становились на самом деле.

В американском Союзе дело обстоит совершенно иначе. Как и большинство обыкновенных правительств, федеральное правительство может делать все, на что оно имеет право.

В сознании человека легче возникают образы предметов, нежели слова, обозначающие абстрактные понятия, поэтому люди часто употребляют множество неуместных слов и непригодных выражений.

Некоторые нации образуют постоянные союзы и учреждают верховную власть, которая, хотя и не распространяется на простых граждан в той же мере, что и власть национального правительства, тем не менее воздействует на каждый из народов, вошедших в федерацию.

Именно это правительство, столь отличное от всех прочих, и называется федеральным.

Затем выявляется еще одна форма общественного устройства, при которой несколько народов действительно сливаются в одну нацию для обеспечения общих для них интересов, что же касается всех прочих вопросов, то они остаются отдельными народами, образующими федерацию.

В этом случае центральная власть воздействует на граждан без какого-либо посредника, сама управляет ими и судит их, как это делает общенациональное правительство, однако все это происходит в строго ограниченной сфере. Бесспорно, это уже не федеральное правительство, а общенациональное с неполными функциями. Таким образом, была найдена новая форма правительства, которое нельзя считать ни собственно общенациональным, ни федеральным в прямом смысле этого слова; однако на этой форме правления и было решено остановиться в Америке, хотя для обозначения этого нового явления до сих пор еще не нашли соответствующего термина.

Все старые союзы именно вследствие того, что им не была знакома подобная форма федеративного устройства, пришли в конце концов либо к гражданской войне, либо к порабощению, либо же к полному застою. Все народы, которые входили в их состав, были или недостаточно просвещенными для того, чтобы найти средство от угрожавшей им болезни, или же им не хватало мужества, чтобы употребить найденное средство на практике.

Первый американский Союз повторил все эти ошибки.

[37]В Швейцарском союзе так было всегда. Швейцария уже несколько столетий назад прекратила бы свое существование, если бы не раздирающие ее соседей противоречия по отношению к ней.

Однако в Америке федеративные штаты, прежде чем добиться независимости, в течение длительного времени входили в состав одной целостной империи, и у них еще окончательно не сложилась привычка полностью управлять самими собой, а национальные предрассудки еще не смогли пустить там глубокие корни; во всех этих штатах по сравнению с остальным миром было больше образованных людей, поэтому те страсти, которые обычно будоражат людей, заставляя их сопротивляться расширению федеральной власти, ощущались в этих штатах значительно слабее, да и великие политические деятели страны боролись с подобными страстями. Почувствовав болезнь, американцы немедленно и решительно отыскали средство для ее лечения: они переделали законы и спасли свою страну.

ПРЕИМУЩЕСТВА ФЕДЕРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ ВООБЩЕ И ЕЕ ОСОБОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ АМЕРИКИ

Чувство счастья и свободы, испытываемое маленькими нациями. —Могущество больших наций. —

Великие державы стимулируют развитие цивилизации. — Сила страны нередко является главной

предпосылкой ее процветания. — Задача федеративной системы государственного устройства

заключается в соединении тех преимуществ, которыми обладают народы, живущие как на больших,

так и на малых территориях. — Преимущества данной системы для Соединенных Штатов. —

Законы существуют для населения, а не население для законов. — Предприимчивость, прогресс,

склонность к свободе и умение ее использовать, присущие американцам. — Общественное сознание

Союза есть не что иное, как отражение в сжатом виде провинциального патриотизма. — Предметы

и идеи свободно обращаются в пределах территории Соединенных Штатов. — Союз свободен и

счастлив, словно маленькая страна, и вместе с тем его уважают, как страну большую.

В маленьких странах общество относится с большим вниманием к каждой мелочи, люди стремятся улучшить буквально все; а так как устремлениям народа существенно препятствует его слабость, то все усилия и средства практически целиком направляются на улучшение благосостояния страны, а не растрачиваются понапрасну в погоне за славой. Более того, поскольку возможности каждого в этих государствах ограничены,

то ограничены в равной степени и сами желания. Скромные состояния делают всех приблизительно равными; нравы там просты и миролюбивы. Принимая все это во внимание и учитывая разный уровень нравственности и просвещенности населения, можно сказать, что в маленьких странах народ живет обеспеченнее и спокойнее, чем в больших.

Когда же в маленькой стране устанавливается тирания, то неудобство данного положения здесь ощущается более, нежели где-либо в другом месте, потому что, действуя на меньшем пространстве, она распространяет свое влияние действительно на все стороны жизни общества. Она занимается бесконечным множеством малых дел, не будучи в состоянии взяться за какое-либо важное начинание и становясь одновременно необузданной и придирчивой. Оставив мир политики, который, собственно говоря, является той истинной средой, в которой она должна действовать, она глубоко проникает в частную жизнь. Контролируя действия людей, она стремится распоряжаться и их вкусами; управляя государством, она хочет управлять и семьями. Однако так случается весьма редко; свобода поистине составляет естественное условие существования маленьких наций. Участие в правительстве этих стран представляет собой слишком слабую приманку для честолюбивых устремлений, средства частных лиц здесь слишком ограниченны для того, чтобы верховная власть могла легко попасть в руки одного человека. Если же такое все-таки происходит, то гражданам этой страны нетрудно объединиться и общими усилиями свергнуть как самого тирана, так и тиранию.

Таким образом, маленькие страны во все времена были колыбелью политической свободы. И тот факт, что большинство из них, становясь более крупными, теряло эту свободу, говорит о том, что обладание свободой больше зависит от малого размера страны, нежели от характера населяющего ее народа.

В мировой истории нет примера крупного государства, которое в течение продолжительного времени оставалось бы республикой[38], это дает повод утверждать, что подобное и вовсе невозможно. Что же касается меня, то я полагаю, что человек поступает

[38] Я не говорю здесь о конфедерации маленьких республик, а имею в виду большую крепкую республику как таковую.

весьма неблагоразумно, пытаясь заключить возможное в какие-то рамки и судить о будущем, не видя вместе с тем ту реальную действительность, с которой он сталкивается

ежедневно; это приводит к тому, что он беспрестанно оказывается захваченным врасплох даже в тех делах, в которых осведомлен наилучшим образом. С уверенностью можно сказать лишь то, что крупная республика неизменно будет подвергаться гораздо большей опасности, нежели маленькая.

Все гибельные для республик страсти возрастают пропорционально росту их территорий, в то время как добродетели, служащие им опорой, вовсе не увеличиваются в той же прогрессии.

Честолюбивые устремления отдельных лиц нарастают вместе с укреплением могущества государства; сила партий увеличивается в зависимости от важности тех целей, которые они ставят перед собой; однако любовь к отечеству, которая должна оказывать противодействие всем этим разрушительным страстям, не становится сильнее в большой республике по сравнению с малой. Легко доказать, что в большой республике это чувство менее глубоко и менее сильно. Огромные богатства и крайняя нищета, столичные города, падение нравов, рост индивидуализма, разброс интересов — таковы опасности, ежедневно порождаемые большим государством. Многие из этих факторов не причиняют никакого вреда существованию монархии, напротив, некоторые из них могут даже способствовать ее долголетию. Кстати говоря, в монархиях сила правительства заключается в нем самом, оно использует народ и в то же время не зависит от него; чем многочисленнее народ, тем сильнее монарх. Республиканское же правительство может противостоять этим опасностям лишь при поддержке большинства населения. Между тем эта опора правительства нисколько не больше, говоря относительно, в крупной республике по сравнению с маленькой. Следовательно, в то время как средства воздействия непрестанно увеличиваются в количестве и в мощи, противодействующая сила остается неизменной. Можно даже сказать, что она сокращается, потому что по мере роста численности населения и дифференциации образа мышления и интересов формирование прочного большинства становится соответственно все более и более сложным.

Кстати говоря, замечено, что человеческие страсти приобретают большую силу не только в зависимости от величия цели, к которой стремятся люди, но и вследствие того, что подобные устремления появляются одновременно у множества людей. Любой человек испытывает более сильное душевное волнение, оказавшись посреди возбужденной толпы, разделяющей его чувства, нежели находясь в одиночестве. В большой республике политические страсти становятся

непреодолимыми не только потому, что цель, к которой стремятся люди, огромна по своему значению, но еще и потому, что миллионы граждан одновременно захвачены одним и тем же чувством.

Следовательно, в целом можно сказать, что ничто так не мешает благосостоянию и свободе людей, как огромные империи.

Вместе с тем большие государства располагают и своими особыми преимуществами, которые нельзя не признавать.

В этих государствах стремление к власти у обыкновенных людей выражено сильнее, чем в других местах, да и любовь к славе здесь проявляется заметнее в тех душах, для которых рукоплескания многочисленного народа являются достаточным вознаграждением за их дела и в каком-то смысле поднимают их в собственных глазах. То обстоятельство, что мысль здесь более быстродейственна и могущественна, идеи обращаются свободнее, столичные города представляют собой огромные интеллектуальные центры, в которых сходятся, сверкая, все лучи человеческого разума, объясняет нам, почему в крупных странах по сравнению с маленькими развитие просвещения и общий прогресс цивилизации идут более быстрыми темпами. Следует также добавить, что важные открытия нередко требуют такого уровня развития национальных сил, который правительство маленького народа обеспечить не в состоянии; у крупных наций правительство генерирует больше общих идей, решительнее освобождается от прежней рутины и местного эгоизма Его проекты талантливее, а действия смелее.

Благосостояние малых стран бывает более полным и всеобъемлющим до тех пор, пока они живут в мире; когда же начинаются войны, они приносят им значительно больший ущерб, нежели крупным государствам, отдаленность границ которых дает иногда возможность массам людей оставаться в течение столетий вне непосредственной опасности, и поэтому для них война несет тяготы, но не разрушения.

Кстати говоря, при рассмотрении этого вопроса, как и многих других, необходимо учитывать одно соображение, которое превалирует над всеми остальными, а именно соображение о необходимости того или иного явления в обществе.

Если бы в мире существовали лишь маленькие страны, а больших не было бы и в помине, то человечество, вне всякого сомнения, стало бы свободнее и счастливее. Однако существование больших государств неизбежно.

Это обстоятельство приводит к тому, что в мире для

обеспечения национального благосостояния появляется такой новый элемент, как сила Что из того, что народ живет в свободном и благополучном государстве, если ему ежедневно угрожает опустошение или завоевание? Какое значение имеет то, что на его территории процветают промышленность и торговля, если другое государство господствует на морях и устанавливает свои законы на всех рынках? Маленькие страны нередко бедны не потому, что они маленькие, а потому, что они слабые. Таким образом, сила зачастую превращается в одно из первейших условий счастья и даже самого существования страны. Отсюда следует, что если не складывается каких-то особых обстоятельств, то маленькие народы рано или поздно неизбежно оказываются присоединенными к большим либо насильственным путем, либо по собственному желанию. Я не знаю более жалкого состояния народа, чем то, когда он не может ни защищаться, ни существовать самостоятельно.

Именно для того, чтобы соединить воедино те преимущества, которыми обладают как большие, так и маленькие страны, и была создана федеративная система.

Достаточно бегло взглянуть на Соединенные Штаты Америки, чтобы заметить все те выгоды, которые они получили, установив у себя эту систему.

В крупных странах с централизованной властью законодатель вынужден придавать законам единообразный характер, который не отражает разнообразия местных условий и обычаев: не будучи осведомлен в частностях, он может исходить лишь из самых общих правил. В этих обстоятельствах людям приходится по необходимости приспосабливаться к законам, потому что сами законы совершенно не учитывают потребностей и обычаев людей, что является важной причиной беспорядков и всяческих неприятностей.

Подобных несуразиц не существует в странах с федеративным устройством: конгресс принимает основные законы, регулирующие жизнь общества, а местные законодатели занимаются ею в деталях.

Трудно себе даже представить, в какой мере такое разделение полномочий верховной власти способствует благополучию штата, входящего в состав Союза. В этих маленьких обществах, которым не нужно ни заботиться о своей защите, ни стремиться к увеличению своей территории, вся сила государственной власти и вся энергия людей нацелена на улучшение их внутреннего положения. Центральное правительство каждого штата, находясь в непосредственной близости от своих граждан, ежедневно получает сведения о тех нуждах, которые возникают в обществе; в

результате каждый год предлагаются новые планы, которые обсуждаются на собраниях общин или на заседаниях законодательных органов штатов и публикуются в прессе, вызывая всеобщий интерес граждан и стимулируя их деятельность и усердие. Это стремление к совершенствованию постоянно присутствует в жизни американских республик, не нарушая, однако, их спокойствия; честолюбивая погоня за властью уступает здесь место любви к благополучию; это более обывательское, но одновременно и менее опасное чувство. В Америке повсюду распространено убеждение в том, что существование и прочность республиканских форм правления в Новом Свете зависят от существования и прочности федеративной системы. Значительная часть тех бед, которые переживают государства Южной Америки, приписывают тому, что там, вместо того чтобы разделить полномочия верховной власти, пожелали образовать большие республики.

Несомненно, что в Соединенных Штатах склонность и привычка к республиканскому образу правления зародились в общинах, а также в результате деятельности провинциальных ассамблей, и жизнь дает тому примеры. Для такого небольшого штата, как Коннектикут, где важным политическим мероприятием считается открытие канала или проведение дороги; где правительство не нуждается ни в содержании армии, ни в ведении войн; где участие в правительстве не приносит людям ни большого богатства, ни большой славы, — нельзя придумать ничего более естественного и более соответствующего природе вещей, чем республиканская форма правления. И именно этот республиканский дух, именно эти нравы и обычаи свободного народа, зародившись и развив-

шись в отдельных штатах, впоследствии легко распространяются по всей стране. Общественное сознание Союза есть не что иное, как отражение в сжатом виде провинциального патриотизма. Привязанность каждого гражданина Соединенных Штатов к жизни своей маленькой республики превращается в любовь к общему для всех отечеству. Защищая Союз, он защищает и растущее благосостояние своего штата, право заниматься решением местных проблем, а также надежду на осуществление планов по улучшению жизни, что в свою очередь послужит и его собственному достатку, — иными словами, все то, что обыкновенно волнует людей больше, чем общенациональные интересы и слава нации.

С другой стороны, если жители страны по своему духу и

нравам более чем другие склонны добиваться процветания большой республики, то система федеративного устройства значительно упрощает их задачу. В федерации американских штатов нет тех проблем, которые обычно свойственны многочисленным скоплениям людей. Союз по своей территории является большой республикой; однако его можно было бы в определенном смысле приравнять к маленькой республике потому, что в ведении его правительства сосредоточено весьма незначительное число вопросов. Его действия важны, но редко имеют место. А так как Союз обладает ограниченной и неполной верховной властью, то использование им этой власти отнюдь не угрожает свободе и не порождает неуемных стремлений ко всемогуществу и сенсациям, столь пагубным для больших республик. Поскольку в Соединенных Штатах нет общего центра, в котором все должно неизбежно сводиться воедино, то здесь не возникает ни огромных столичных городов, ни громадных состояний, ни глубокой нищеты, ни внезапных революций. Политические страсти, вместо того чтобы, подобно пожару, мгновенно распространяться по всей территории страны, перегорают в замкнутом мире интересов и страстей каждого штата.

Вместе с тем в пределах Союза предметы и идеи циркулируют совершенно свободно, как внутри единого народа. Ничто не препятствует здесь духу предпринимательства. Федеральное правительство постоянно притягивает к себе всех талантливых и знающих людей. Внутри Союза царит прочный мир, как в стране, подчиненной единой власти. Кроме того, Союз стоит в ряду самых могущественных государств земного шара; его побережье длиной в восемьсот лье открыто для внешней торговли, и, держа в своих руках ключи от целого мира, он заставляет уважать свой флаг на самых отдаленных морских окраинах.

Союз свободен и счастлив, как маленькая страна, но славен и силен, как большая.

ПРИЧИНЫ, ПО КОТОРЫМ СИСТЕМА ФЕДЕРАТИВНОГО УСТРОЙСТВА НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ВВЕДЕНА У ВСЕХ НАРОДОВ, А ТАКЖЕ ПРИЧИНЫ, ПОБУДИВШИЕ АНГЛОАМЕРИКАНЦЕВ ПРИНЯТЬ ЭТУ СИСТЕМУ

Любая федеративная система имеет недостатки, которые законодатель не в силах преодолеть. —

Сложность всякой федеративной системы. — Она требует от граждан повседневного приложения их

разума. — Практические навыки американцев в делах

государственного управления. — Относительная

слабость правительства Союза — еще один порок, присущий федеративной системе. —Американцы

ослабили отрицательные последствия этого порока, но не смогли окончательно ликвидировать его. —

Верховная власть отдельных штатов на первый взгляд слабее, чем верховная власть Союза, в

действительности же она сильнее. — Почему. — У народов, входящих в федерацию, должны

существовать еще и естественные причины их объединения в Союз. — Каковы эти причины у

англоамериканцев. — Штаты Мэн и Джорджия, удаленные друг от друга на 400 лье, связаны между

собой более естественными узами, нежели Нормандия и Бретань. — Война — наибольшая угроза для

федераций. — Это доказывает пример самих Соединенных Штатов. — У американского Союза нет

повода опасаться большой войны. — Почему. — Опасности, которые грозили бы народам Европы в

том случае, если бы они ввели у себя систему федеративного устройства наподобие американской.

Иногда, приложив немалые усилия, законодателю удается оказать косвенное воздействие на судьбы страны, и тогда люди прославляют его гений. Между тем часто бывает, что географическое положение государства, неподвластное ему, общественный строй, сложившийся без его участия, нравы и убеждения, источник которых ему неизвестен, происхождение страны, с которым он не знаком, — все это вызывает в обществе такие неудержимые сдвиги, против которых он тщетно борется и которые в свою очередь увлекают его за собой.

Законодатель похож на человека, который плывет в открытом море. Он может управлять своим кораблем, однако он не в силах ни изменить его устройство, ни вызвать ветер, ни помешать океану бушевать под килем корабля.

Я показал те выгоды, которые американцы получают от существования у них федеративной системы. Мне остается лишь объяснить, что позволило им применить эту систему на практике: дело в том, что далеко не всякий народ способен воспользоваться ее благами.

В самой федеративной системе существуют недостатки случайного характера, связанные с законами, которые могут быть исправлены законодателями. Однако встречаются и другие,

которые, будучи неразрывно связаны с этой системой, не могут быть ликвидированы народом, вводящим ее у себя. Следовательно, этому народу необходимо найти в себе силы стерпеть несовершенства, присущие его правительству.

Среди пороков, свойственных любой федеративной системе, самым явным является сложность используемых в ее рамках средств. При такой системе неизбежно возникают две верховные власти. Законодатель может добиться того, чтобы эти власти были по возможности равноправны, чтобы их действия были просты, а сфера их компетенции четко определена. Вместе с тем он не может ни объединить их воедино, ни помешать их соприкосновению в определенных точках.

Следовательно, федеративная система в любом случае строится на весьма сложной теории, применение которой на практике требует повседневного осмысленного участия в этом граждан.

Обычно сознанием людей овладевают лишь самые доступные идеи. Ложная, но ясно и точно выраженная идея всегда больше завладеет миром, нежели идея верная, но сложная. Из этого следует, что партии, представляющие собой нечто вроде маленьких наций внутри большой, всегда стремятся поскорее сделать своим девизом, символом либо какое-то имя, либо принцип, которые зачастую далеко не полностью отражают ту цель, которую эти партии преследуют, те средства, которые они используют и без которых они не смогли бы ни существовать, ни действовать. Правительства, опирающиеся на одну-единственную идею или на одно, легко поддающееся определению чувство, может быть, и не самые лучшие, однако, несомненно, самые сильные и самые долговременные.

Рассматривая Конституцию Соединенных Штатов, наиболее совершенную из всех известных человечеству федеральных конституций, напротив, становится страшно от того огромного объема всевозможных знаний и той проницательности, которыми предположительно должны обладать граждане этих стран. Управление Союзом практически полностью построено на фантазии законодателей. Союз как идеальная страна, строго говоря, существует лишь в умах людей, причем лишь разум может на деле постичь ее реальный размах и пределы ее возможностей.

Даже если общая теория вполне понятна, все равно остаются трудности ее применения на практике. А эти трудности бесчисленны, потому что верховная власть Союза настолько сливается с верховной властью штатов, что на первый взгляд невозможно определить грань между ними. В подобной структуре управления все условно и искусственно, и она может подойти

только тому народу, который привык долгое время управлять своими делами самостоятельно и в среде которого политические наука доступны даже самым низшим слоям общества. Меня ни в чем так не поражали здравый смысл и практическая сметка американцев, как в их умении избегать многочисленных трудностей, порождаемых их федеральной конституцией. Я не встречал в Америке человека из народа, который бы с удивительной легкостью не отличал тех обязательств, которые вытекают из законов конгресса, от тех, что основаны на законах его собственного штата, и который бы не смог, отделив вопросы, входящие в сферу компетенции Союза, от тех, которые подлежат решению местными законодательными органами, указать тот предел, где начинается подсудность федеральным судам и кончается подсудность судам его штата.

Конституция Соединенных Штатов похожа на те прекрасные творения человечества, которые одаривают славой и богатством своих изобретателей, оставаясь меж тем бесплодными в чужих руках.

В наше время доказательством этому может служить Мексика.

Жители Мексики, желая установить у себя федеративную форму правления, взяли в качестве модели федеративное устройство своих англоамериканских соседей, практи-

чески полностью скопировав его[39]. Однако перенеся к себе букву закона, они не сумели одновременно перенести и тот дух, который оживлял ее. В результате мы видим, как они беспрестанно путаются в механизме своего двойного управления. Верховная власть штатов и верховная власть Союза, выходя за те рамки, которые очертила им конституция, ежедневно проникают одна в другую. До сих пор Мексика постоянно переходит от анархии к военному деспотизму и от военного деспотизма к анархии.

Второй и наиболее гибельный из всех пороков, который я считаю присущим самой федеративной системе государственного устройства, состоит з относительной слабости правительства Союза.

Принцип, на котором строятся все федерации, заключается в разделении полномочий верховной власти. Законодатели добиваются того, что это разделение становится мало заметным или даже какое-то время не ощущается вовсе, но уничтожить его полностью они не могут. Однако раздробленная верховная власть всегда будет более слабой, нежели целостная.

При рассмотрении Конституции Соединенных Штатов убеждаешься, с каким искусством американцы, ограничив власть федерального правительства, тем не менее смогли придать ему внешний вид и даже, до известной степени, силу, присущую общенациональному правительству.

Поступив таким образом, законодатели Союза смягчили последствия свойственного всем федерациям недостатка, но они были не в состоянии окончательно ликвидировать его.

Было отмечено, что американское правительство совершенно не обращается к штатам, но доводит свои распоряжения непосредственно до граждан, подчиняя каждого из них в отдельности своей коллективной воле.

Но если вдруг федеральный закон резко нарушит интересы какого-либо штата, можно ли в этом случае опасаться, что каждый гражданин этого штата примет решение поддержать того, кто откажется повиноваться закону? Ведь тогда задетыми Союзом одновременно и в одинаковой степени окажутся все жители штата, поэтому федеральное правительство напрасно будет стараться побороть каждого из них поодиночке: они инстинктивно почувствуют необходимость объединиться, чтобы успешно защитить свои интересы, и найдут готовую опору в той верховной власти, которая предоставлена их штату. Вымысел исчезнет, чтобы уступить место реальности, и тогда можно будет увидеть, как организованная власть части территории страны вступит в сражение с центральной властью.

То же самое можно сказать и о федеральном правосудии. Если в ходе рассмотрения дела какого-либо частного лица федеральный суд нарушит один из важных законов штата, это неизбежно повлечет если не открытую, то по крайней мере вполне реальную борьбу между штатом, оскорбленным в лице своего гражданина, и Союзом, представляемым своим судом[40].

Нужно быть совершенно неопытным в житейских делах, чтобы считать, что с помощью вымыслов законодателей можно будет всегда мешать людям видеть и использовать то средство реализации их устремлений, которое им было когда-то предоставлено.

Таким образом, американские законодатели добились того, чтобы столкновения между двумя властями стали наименее вероятными, в то же время не уничтожив побудительных причин этих столкновений.

Более того, можно сказать, что они не сумели обеспечить федеральным властям преимущество в случае такого столкновения.

[39]См. мексиканскую конституцию 1824 года.

[40]Например: конституция предоставила Союзу передачу третьим лицам права продавать незанятые земли от своего имени и в свою пользу. Я могу предположить, что Огайо потребует аналогичного права в отношении земель, находящихся на его территории, под тем предлогом, что в конституции говорится только о тех землях, которые пока еще юридически неподвластны ни одному из штатов и которые, как следствие, Союз стремится продать сам. Возникнет судебное дело, сторонами которого явятся покупатели, которые получили право собственности от Союза, и покупатели, которые приобрели это владение у штата, а не Союз и данный штат. Однако если суд Соединенных Штатов решит, чтобы во владение землей вступил федеральный собственник, а суд штата Огайо будет продолжать поддерживать право на собственность своего покупателя, то что в этом случае произойдет с фантазиями законодателей?

Они передали в распоряжение Союза деньги и солдат, тогда как штаты сохранили в своем арсенале любовь и заинтересованность народа.

Верховная власть Союза есть нечто абстрактное, она связана с внешним миром весьма слабыми связями. Верховная же власть штатов охватывает все, ее легко понять, а ее деятельность ощущается постоянно. Первая из них—нововведение, вторая же родилась одновременно с самим народом.

Верховная власть Союза—это произведение искусства. Верховная власть штатов— совершенно естественное явление, существующее само по себе, без усилий, как, скажем, авторитет отца семейства.

Верховная власть Союза касается людей лишь в связи с наиболее важными общенациональными интересами; она олицетворяет для них огромное, но далекое отечество, вызывающее неясные и неопределенные чувства. Верховная власть штата, напротив, доходит до каждого из граждан и в известной степени вмешивается во все мелочи его жизни. Именно эта власть охраняет собственность этого гражданина, его свободу и его жизнь, именно ей он обязан своим благополучием и своими невзгодами. Ее опорой являются воспоминания людей, их привычки, местные предрассудки, провинциальный и семейный индивидуализм — словом, все то, что и превращает привязанность к своему отечеству в столь мощное чувство в сердце человека. Как после этого сомневаться в преимуществах этой власти?

Раз законодатели не могут помешать опасным столкновениям

между двумя верховными властями, которые сформировались в рамках федеративной системы, то им, следовательно, необходимо к мерам по предотвращению вооруженных выступлений народов, объединенных в федерацию, добавить специальные действия, которые могли бы обеспечить мирную жизнь этих народов.

Из этого следует, что договоренность о федеральном устройстве окажется недолговечной, если у народов, на которые она распространяется, нет определенных стимулов для объединения, способствующих улучшению их совместной жизни и облегчению задач, стоящих перед правительством.

Таким образом, стабильность государства при федеративном устройстве невозможно обеспечить лишь путем использования дельных законов — для этого нужны также и благоприятные обстоятельства.

Все народы, которые когда-либо объединялись в федерации, имели ряд общих интересов, служивших как бы разумной основой их ассоциации.

Однако помимо материальных интересов человеку свойственны мысли и чувства. Для того чтобы федерация просуществовала длительное время, одинаково необходимо равенство как в уровнях развития различных составляющих ее народов, так и равенство их потребностей. Между уровнем развития кантона Во и кантона Ури существует такая же разница, как между XIX и XV веками, хотя, по правде сказать, государственное устройство Швейцарии никогда не было по-настоящему федеративным. Союз между ее различными кантонами существует только на карте, и это стало бы особенно заметно, если бы центральные власти решили применить одни и те же законы на всей территории страны.

В Соединенных Штатах существует одно обстоятельство, которое значительно облегчает деятельность федерального правительства. Различные штаты не только имеют достаточно сходные интересы, общее происхождение и общий язык, но также стоят на одной ступени развития общества, что почти всегда делает согласие между ними довольно-таки легким делом. Я не уверен в том, что в Европе можно встретить небольшую нацию, которая отличалась бы такой же однородностью во всех отношениях, какая характерна для американского народа, занимающего территорию, равную половине всего Европейского континента.

Расстояние от штата Мэн до штата Джорджия составляет приблизительно четыреста лье. Однако в уровне развития культуры Мэна и Джорджии значительно меньше различий, нежели между Нормандией и Бретанью. Таким образом, Мэн и

Джорджия, расположенные в двух разных концах огромной страны, обладают более реальными возможностями образовать федерацию, нежели Нормандия и Бретань, отделенные друг от друга узким ручейком.

Задача американских законодателей облегчалась не только тем, что они исходили из соответствующих нравов и привычек народа, им помогли еще и другие обстоятельства,

связанные с географическим положением Соединенных Штатов. Именно эти обстоятельства и послужили главной причиной принятия и сохранения федеративной системы.

Из всех периодов в жизни народа самым важным, безусловно, является война. В войне народ выступает против чужого народа как единое существо: он борется за свое существование.

До тех пор пока речь идет о поддержании мира внутри страны и о росте народного благосостояния, вполне достаточно умения правительства, рассудительности управляемых им граждан и естественной привязанности людей к своему отечеству, обычно свойственной человеку. Когда же начинается большая война, она требует от населения многочисленных и тяжелых жертв. Поверить же в то, что множество людей будут готовы добровольно подчиняться подобным требованиям общества, может лишь тот, кто плохо знает человеческую природу.

Из этого следует, что все народы, которые принимали участие в крупных войнах, были вынуждены, сами того не желая, усиливать свое правительство. Длительная война почти всегда ставит страны перед печальной альтернативой: в случае поражения им грозит уничтожение, а в случае победы — деспотизм.

Таким образом, обыкновенно именно в ходе войн слабость правительства проявляется в наиболее явной и наиболее опасной форме; а я уже говорил о том, что недостатком всех федеральных правительств является их чрезвычайная слабость.

При федеративном государственном устройстве не только не существует никакой административной централизации или чего-то похожего на нее, но и сама централизация правительственной деятельности далеко не полная, что всегда оказывается важной причиной слабости страны в тех случаях, когда возникает необходимость защищаться от государств, где власть правительства полностью централизована.

В Конституции Соединенных Штатов, которая по сравнению с другими конституциями наделяет центральное правительство более реальной властью, этот недостаток все равно заметно

ощутим.

Читателю будет достаточно одного примера, чтобы вынести свое суждение.

Конституция представляет конгрессу право призывать милицию различных штатов на действительную службу для подавления мятежей или отражения вторжений неприятеля; в другой статье говорится, что в этом случае президент Соединенных Штатов становится главнокомандующим этими подразделениями на уровне всего Союза.

Так, во время войны 1812 года президент отдал приказ милиции северных штатов подойти ближе к границе; однако Коннектикут и Массачусетс, чьи интересы эта война ущемляла особенно заметно, отказались посылать туда своих людей.

Конституция, было сказано, разрешает федеральному правительству пользоваться милицией штатов только в случае *мятежа* или *вторжения неприятеля,* тогда как в настоящее время не отмечается ни того, ни другого. Было добавлено, что та же самая конституция, дающая Союзу право призывать ополченцев штатов на действительную службу, сохраняет за этими штатами право назначать весь офицерский состав. Из этого, согласно мнению, сложившемуся в данных штатах, следовало, что даже во время войны ни один из офицеров Союза, за исключением самого президента, не получал права командовать милицией. А в данном случае речь шла о службе в войсках, которыми командовал не президент.

Эти нелепые и разрушительные взгляды получили поддержку не только губернаторов и законодательных собраний, но и судебных инстанций этих двух штатов, и федеральное правительство оказалось вынужденным искать недостающие военные подразделения в других местах [41].

41 Кент. Комментарии, т.1, с. 244. Заметьте, что выбранный мною пример, который я привел выше, относится к тому времени, когда ныне действующая конституция была уже принята. Если бы я хотел вернуться в период первой конфедерации, я смог бы привести еще более убедительные факты. В то время страна была охвачена колоссальным энтузиазмом; революцию представлял чрезвычайно известный и популярный в народе человек, но вместе с тем конгресс той эпохи, по правде сказать, абсолютно ничем не располагал. Ему постоянно не хватало людей и денег, самые продуманные планы заканчивались провалом в процессе их выполнения, а сам Союз, находящийся на грани гибели, был спасен скорее из-за слабости его противников, нежели благодаря своей собственной силе.

Как же произошло, что американский Союз, оберегаемый законами, совершенство которых весьма относительно, так и не распался в ходе большой войны? А дело здесь в том, что Соединенные Штаты могут совершенно не опасаться больших войн.

Расположенный в центре громадного континента, где перед человеком открывается безграничное поле деятельности, Союз оказался практически столь же изолированным от остального мира, как если бы он со всех сторон был окружен океаном.

Население Канады составляет миллион человек и состоит из двух враждебных друг другу наций. Суровые климатические условия приводят к тому, что ее территория используется не полностью и портовые города закрыты в течение шести месяцев в году.

На всем пространстве от Канады до Мексиканского залива еще встречаются отдельные, наполовину уничтоженные дикие племена, с которыми ведут борьбу шесть тысяч солдат.

На юге Союз граничит с Мексикой — возможно, здесь когда-нибудь и могут возникнуть крупные войны. Однако еще в течение длительного времени Мексика с ее низким уровнем развития, продажными нравами и нищетой вряд ли сможет занять важное место в числе других государств мира. Что же касается европейских держав, то их отдаленность и вовсе делает их мало опасными для Союза*.

Таким образом, большая удача для Соединенных Штатов состоит не в том, что они выработали такую федеральную конституцию, благодаря которой они могут выдерживать большие войны, а в том, что их расположение позволяет им не опасаться какой-либо угрозы извне.

Никто не способен больше меня оценить все преимущества системы федеративного устройства государства. Я вижу в ней самый верный залог процветания и свободы человечества. Я завидую судьбе тех стран, которые смогли ввести у себя эту систему. Но в то же время я отказываюсь верить в то, что живущие в федерации народы смогли бы длительное время вести борьбу, при условии равных сил с обеих сторон, против государства, правительственная власть которого централизована.

Народ, который рискнул бы расчленить свою верховную власть перед лицом великих военных монархий Европы, на мой взгляд, одним этим отрекся бы от своего могущества и, вполне вероятно, от собственного существования и своего имени.

А вот Новый Свет расположен так великолепно, что у человека здесь нет иных врагов, кроме него самого! Для того

чтобы добиться счастья и свободы, ему достаточно лишь захотеть этого.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В предыдущей части книги я описал существующие институты, сделал обзор имеющихся законов, описал современные общественно-политические структуры Соединенных Штатов Америки.

Но надо всем этим — и над институтами, и над общественно-политическими структурами — есть верховная власть, это — власть народа, которая их разрушает или изменяет по своему усмотрению.

Далее я хочу показать, как эта власть, господствующая над законами, осуществляется; какие страсти и инстинкты движут ею; какие тайные пружины побуждают ее к действию, тормозят или направляют ее непреодолимое развитие; каковы последствия всемогущества такой формы власти и какое ей уготовано будущее.

Глава I. НА ЧЕМ ОСНОВЫВАЕТСЯ УТВЕРЖДЕНИЕ, ЧТО В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ СТРАНОЙ УПРАВЛЯЕТ НАРОД

В Америке народ сам выбирает тех, кто создает законы, и тех, кто их исполняет; он же избирает суд присяжных, который наказывает нарушителей закона. Все государственные институты не только формируются, но и функционируют на демократических принципах. Так, народ *прямым* голосованием избирает своих представителей в органы власти и делает это, как правило, *ежегодно,* чтобы его избранники находились в более полной зависимости от народа. Все это подтверждает, что именно народ управляет страной. И хотя государственное правление имеет представительную форму, нет сомнения, что в повседневном управлении обществом беспрепятственно проявляются мнения, предрассудки, интересы и даже страсти народа.

В Соединенных Штатах, как во всякой стране, где существует народовластие, страной от имени народа управляет большинство.

Это большинство состоит главным образом из добропорядочных граждан, которые либо по природе своей, либо в силу своих интересов искренне желают блага стране. Именно они постоянно привлекают к себе внимание существующих в стране партий, которые стремятся или вовлечь их в свои ряды, или же опереться на них.

Глава II. О ПАРТИЯХ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Различия между партиями. — Партии, подобные соперничающим нациям. — Партии как

политические организации.—Различие между партиями великими и малыми —Вкакие исторические

периоды появляются партии. — Их характерные черты. — В Америке существовали великие партии —

В настоящее время их нет. — Федералисты. — Республиканцы. — Поражение федералистов. —

Трудности образования партий в Соединенных Штатах. — Как они преодолеваются. — Одним

партиям присущ аристократизм, для других характерны демократические черты. — Борьба генерала

Джэксона против Банка.

Прежде всего я считаю необходимым определить основное различие между партиями.

Есть страны, занимающие столь обширную территорию, что их народонаселение, хотя и находится под единым суверенитетом, не едино по своим интересам, отсюда и постоянные разногласия между отдельными его группами. Эти группы населения еще не образуют партий в прямом смысле слова, это скорее разные народы. И если вспыхивает гражданская война, то это конфликт между соперничающими народами, а не борьба между политическими группировками.

Когда же граждан страны разъединяют разные взгляды на проблемы, интересующие в равной степени все регионы страны, такие, как, например, общие принципы государственного правления, тогда и рождаются группировки, которые я называю собственно партиями.

Партии — это зло, свойственное демократическому правлению, однако характер их в разные периоды неодинаков, и в основе их деятельности лежат различные побуждения.

Бывают времена, когда народы переживают такие глубокие потрясения, что приходят к мысли о необходимости коренных преобразований политического устройства общества. Бывают и такие периоды, когда недовольство существующими порядками охватывает все слои населения и общественное устройство терпит крах. Именно тогда происходят великие революции и возникают великие партии.

Периоды разрухи и нищеты сменяются временами

равновесия, в течение которых общество живет относительно спокойно. Но, по правде говоря, это лишь кажущееся спокойствие; ход времени не прекращается ни для целых народов, ни для отдельных людей; и те и другие неуклонно движутся в неведомое им будущее. И если нам кажется, что они стоят на месте, то лишь потому, что мы не замечаем их движения. Тем, кто бежит, идущие шагом кажутся неподвижными.

Так или иначе, бывают эпохи, когда изменения в политической структуре и общественном устройстве происходят столь медленно и незаметно, что кажется, будто общество достигло предела в своем развитии; в такие периоды люди не заглядывают далеко в будущее, им представляется, что основы общества незыблемы.

Наступает время интриг и малых партий.

Партии, которые я называю великими, характеризует приверженность принципам в большей степени, нежели забота о том, к чему может привести следование этим принципам; теория, обобщения интересуют их больше, чем практика, частные случаи; их волнуют глобальные идеи, а не конкретные люди. По сравнению с другими партиями великие партии, как правило, демонстрируют более благородные устремления, более твердые убеждения, их действия более откровенны и решительны. В деятельности этих партий частные интересы, всегда играющие важнейшую роль в политической борьбе,

искусно маскируются под общественные. Случается даже, что те, кто действует во имя этих частных интересов, сами не осознают этого.

У малых партий, напротив, обычно не бывает политических убеждений. Ими не движут великие цели, и их отличительной чертой является эгоизм, открыто проявляющийся в любом их действии. За их пламенными речами скрывается расчет; они резко высказываются, но действуют робко и неуверенно. И цель, которую они ставят перед собой, и средства, которыми они пользуются для ее достижения, ничтожны. В итоге, когда на смену бурной революции приходит период спокойствия, создается впечатление, будто великие люди внезапно исчезают, а души человеческие замыкаются в себе.

Великие партии потрясают общество, малые его будоражат; первые раздирают его на части, вторые его развращают; великие партии, потрясая общество, тем самым нередко его спасают, а малые без видимой пользы сеют смуту.

В свое время в Америке были великие партии; сегодня их уже

нет: эта страна стала счастливее, но не стала нравственнее.

Когда закончилась Война за независимость и появилась необходимость в новой форме правления, мнения американцев разошлись, сформировались две точки зрения. Эти точки зрения такие же древние, как сам мир, их можно обнаружить в разных формах и под разными наименованиями в любом свободном обществе. Одна часть нации хотела ограничить власть народа, другая — беспредельно расширить ее.

Борьба между этими двумя течениями никогда не доходила в Америке до ожесточения, как это случалось в других странах. Здесь взгляды и тех и других на основные вопросы совпадали. Для победы одного из них не нужно было ни разрушать старый порядок, ни изменять общественное устройство. Стремление добиться торжества своих принципов не ставило под угрозу жизни многих людей. А сами принципы касались важнейших духовных интересов, они свидетельствовали о приверженности тех, кто их защищает, равенству и независимости. Именно поэтому вокруг них разгорелась страстная борьба.

Партия, которая была за ограничение власти народа, стремилась закрепить положения своего учения в конституции Союза. Она получила название *федеральной* партии.

Другая партия, проявлявшая особую склонность к свободе, стала называться *республиканской.*

В Америке сам воздух проникнут духом демократии. Поэтому федералисты здесь всегда в меньшинстве; однако почти все великие люди, выдвинувшиеся во время Войны за независимость, оказались в рядах федералистов, и их нравственное воздействие на общество было сильным. Этому также способствовали и сложившиеся обстоятельства. Крушение первой конфедерации внушило народу страх перед анархией, и федералисты воспользовались этим кратковременным настроением, охватившим массы. В течение десяти или двенадцати лет они находились у власти и смогли осуществить на практике если не все, то часть своих принципов — дело в том, что противоположная им партия день ото дня становилась сильнее, и федералисты не осмеливались выступать против нее.

В 1801 году республиканцы наконец взяли власть в свои руки. Президентом был избран Томас Джефферсон. Имя этого очень талантливого человека было известно, он пользовался большой популярностью, и это укрепило позиции республиканцев.

Федералисты же держались не только за счет искусственных и кратковременных средств — к власти их привели мужество и способности их руководителей, а также счастливое стечение

обстоятельств. Когда республиканцы в свою очередь пришли к власти, на противоположную партию словно бы обрушилось стихийное бедствие. Подавляющее большинство высказалось против нее, и она неожиданно оказалась в таком меньшинстве, что оставшиеся ее сторонники пришли в отчаяние, потеряв веру в собственные силы. С этих пор партия республиканцев, или демократов, шла от успеха к успеху и, наконец, привлекла на свою сторону все американское общество.

Федералисты, поняв, что они побеждены, что их не поддерживают, что нация отвернулась от них, разделились: одни присоединились к победителям, другие сложили свое знамя и изменили название. Прошло уже много лет с тех пор, как они перестали существовать как партия.

Приход в свое время федералистов к власти является, на мой взгляд, одним из счастливейших обстоятельств, связанных с рождением великих американских штатов. Фе-

дералисты сопротивлялись велению своего века, тенденциям развития своей страны. Их теории, будь они добротными или порочными, не могли быть применены целиком в том обществе, которым они хотели управлять; то, что произошло при Джефферсоне, рано или поздно должно было случиться. При этом правительство федералистов позволило новой республике утвердиться, а затем беспрепятственно поддержать быстрое развитие тех учений, которые они отстаивали. Большая часть их принципов в конце концов была принята и стала символом их соперников, а федеральная конституция, которая существует и поныне, является вечным памятником их патриотизму и мужеству.

Итак, в настоящее время в Соединенных Штатах Америки нет крупных политических партий. Там есть много партии, которые угрожают единству Союза, но нет таких партий, которые бы выступали против современной формы государственного правления или противились бы поступательному развитию общества. Те партии, которые угрожают единству Союза, опираются не на принципы, а на материальные интересы. Именно эти интересы на территории такой обширной империи, как Штаты, и лежат в основе образования соперничающих наций, а не партий. В последнее время свидетельством тому было поведение Севера, поддержавшего ряд запретов в торговле, а Юг, напротив, взял под защиту свободу торговли, и все это произошло только потому, что Север является в основном фабричным районом, а Юг — земледельческим, система же ограничений всегда действует в

пользу одного и в ущерб другому.

Крупные партии отсутствуют в Соединенных Штатах, зато там в изобилии малые партии, и общественное мнение раскалывается на бесконечное количество группировок, объединяющихся вокруг вопросов, касающихся мелочей. Невозможно представить, с каким трудом создаются партии; и в наше время это очень нелегкое дело. В Соединенных Штатах нет ненависти на почве религии, поскольку религия повсеместно уважаема и ни одна религиозная секта не считается привилегированной; нет классовой ненависти, потому что народ превыше всего и никто не посмеет бороться с ним; нет, наконец, нищих слоев населения, которые бы эксплуатировались, потому что материальный уровень страны таков, что она может предоставить всем место в своем промышленном комплексе и полную свободу трудиться согласно своему умению делать карьеру. А ведь достаточно предоставить человеку такую свободу, и он сотворит чудо. Итак, нужны очень сильные амбиции, направленные на создание новых политических партий, чтобы овладеть властью. Ведь трудно свергнуть того, в чьих руках она находится, с помощью единственного довода, что вы хотите занять его место. Таким образом, политические деятели должны употребить все свое умение на организацию партий: политический деятель в Соединенных Штатах прежде всего стремится определить свой интерес, изучить аналогичные интересы, которые могли бы составить вместе с его интересом единое целое; далее он стремится обнаружить, не существует ли случайно в мире учения или научного принципа, который можно было бы удачно использовать для новой организации, поставив в название, и который давало бы ей право на свободное существование и распространение своих идей, — нечто вроде королевской печати, которую наши отцы помещали на первой странице своих трудов, хотя она не имела к ним никакого отношения.

После этого на политической арене появляется новая сила.

Для иностранца все эти домашние ссоры американцев кажутся на первый взгляд непонятными и ребяческими, и не знаешь, жалеть ли этот народ, который серьезно занимается подобной безделицей, или завидовать ему, почитая его счастливым, поскольку он может этим заниматься.

Однако, как только изучишь тайные движущие силы, которые управляют в Америке мятежными группировками, сразу поймешь, что большая часть из них связана более или менее тесно с одной из двух великих партий, которые разделяют людей с тех пор, как существуют свободные общества. По мере углубления в

сокровенную сущность этих партий замечаешь, что деятельность одних направлена на то, чтобы ограничить использование общественной силы, деятельность же других — на то, чтобы расширить это использование.

Я вовсе не хочу сказать, что американские партии имели своей явной или даже скрытой целью выдвинуть на первый план аристократию или демократию в стране; я утверждаю, что аристократические или демократические страсти легко обнаруживаются в основе каждой партии; и хотя это не бросается в глаза, именно это и является слабым местом каждой партии.

146

Приведу один пример из недавних событий: президент высказывает свои претензии к Банку Соединенных Штатов; в стране начинаются волнения, и ее население делится на две части: имущие классы в массе своей встают на сторону Банка, народ же поддерживает президента. Вы полагаете, что народ может определить мотивы своего поведения в такой запутанной ситуации, когда дело касается столь сложного вопроса, что и опытные специалисты колеблются в своем решении? Отнюдь. Дело в том, что Банк — это огромное независимое предприятие; народ же, который разрушает или создает ту или иную власть, ничего не может сделать с этим Банком, а это его раздражает. Среди всеобщего движения в обществе эта неподвижная точка бросается ему в глаза, и он хочет посмотреть, не сможет ли он и ее стронуть с места, так же как и все остальное.

ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ АРИСТОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Скрытая оппозиция имущих слоев населения демократии. — Их сосредоточенность на личной жизни. —

Интерьеры их жилищ обнаруживают их вкус исключительно к изысканным удовольствиям и роскоши. —

Их показная скромность. — Их напускная благосклонность по отношению к народу.

Когда мнение граждан страны перестает быть единым, нарушается равновесие между партиями, и у одной из них появляется неоспоримое преимущество. Эта партия разрушает все препятствия, изматывает своего противника и ставит все общество целиком себе на службу. Побежденные, в отчаянии от такого успеха своего противника, прекращают свою деятельность. Повсеместно устанавливаются покой и тишина. Кажется, что вся нация сплотилась. Партия-победитель делает следующее

заявление: «Я восстановила мир в стране, за это мне должны воздать по заслугам».

Но за этим видимым единодушием скрываются глубокие разногласия и реальное сопротивление.

Вот так и случилось в Америке: когда демократическая партия добилась преимущества, общество стало свидетелем того, как она завладела исключительным правом руководить государственными делами. С тех пор она непрестанно формирует нравы и издает законы, основываясь на своих желаниях.

И сегодня можно сказать, что в Соединенных Штатах классы богатых людей почти полностью находятся вне политических дел, и богатство не только не дает права на власть, но является реальной причиной немилости и препятствием на пути к власти.

Те, кто богат, таким образом, предпочитают оставить поле битвы и не вести борьбы, часто неравной, против самых бедных из своих сограждан. Не имея возможности занять в общественной жизни такое же положение, какое они занимают в частной жизни, они расстаются с первой, чтобы сосредоточиться на второй. И в сердцевине государства образуется как бы особое общество с присущими ему вкусами, склонностями, тягой к особым развлечениям.

Богатый человек принимает этот порядок вещей как нечто непоправимое; он даже изо всех сил старается не показывать, что это его ранит; в публичных выступлениях он расхваливает доброту республиканского правительства и преимущества демократических форм правления. Ибо после ненависти к врагам что может быть более естественным для человека, чем лесть в их адрес?

Видите вы этого роскошного гражданина? Не правда ли, он похож на еврея средних лет, который боится, как бы не догадались о его богатствах? Одет он просто, походка его скромна; дома у себя в четырех стенах он обожает роскошь; в эту святая святых он допускает только нескольких избранных гостей, свою ровню, которых он приглашает по отдельности. В Европе вы не встретите ни одного человека благородного происхождения, который был бы столь сильно привязан к своим удовольствиям, так бы тяготел к малейшим выгодам, которые обеспечивает некое привилегированное положение. Но вот он выходит из дому, чтобы направиться на работу в какую-нибудь запыленную конторку, занимаемую им в центре города, в его деловой части, где каждый может заговорить с ним, обратиться к нему. Дорогой он встречает своего сапожника, они останавливаются: оба принимаются рассуждать. О чем же они могут говорить? Эти два гражданина рас-

суждают о государственных делах, и, прежде чем проститься, они пожимают друг другу

руку.

В глубине же этого энтузиазма, как бы выражающего согласие, и в разных формах угодливости, демонстрируемой по отношению к тем, кто близок к правящей партии, легко заметить глубокое отвращение, которое богатые люди питают к демократическим институтам своей страны. Народовластие — это та власть, которую они боятся и презирают. Если однажды плохое демократическое правление закончится политическим кризисом, если в Соединенных Штатах установится монархия как действующая, властвующая сила, тут же подтвердится верность моих высказываний.

Есть две силы, которые используются партиями, чтобы преуспеть в своей деятельности, — это газеты и ассоциации.

Глава III. О СВОБОДЕ ПЕЧАТИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Трудности, связанные с ограничением свободы печати. — Особые причины, заставляющие некоторые

народы настаивать на этой свободе. — Свобода печати — это естественное следствие,

вытекающее из суверенитета народа, как его понимают в Америке. — Невоздержанность языка

прессы в Соединенных Штатах. — Периодическая печать обладает определенным чутьем; пример

Соединенных Штатов это доказывает. —Мнение американцев по поводу юридических преследований

прессы за допускаемые ею правонарушения. — Почему в Соединенных Штатах пресса менее

могущественна, чем во Франции.

Свобода печати оказывает влияние не только на общественное мнение, но и на мнение каждого человека. Она способствует не только изменению законов, но и меняет нравы. В другой части этой книги я постараюсь раскрыть степень воздействия свободы печати на американское общество, определить то направление, которое печать придала идеям, получившим распространение в Америке, образу мыслей и чувствам, ставшим характерными для американцев. Здесь же я хочу лишь показать, каким образом свобода печати воздействует

на политическую сферу.

Признаюсь, я не испытываю к свободе печати той полной любви, любви с первого взгляда, которую испытываешь к вещам, добротным по своей природе и вне зависимости от чего бы то ни было. Я люблю ее гораздо больше за то, что она мешает злу осуществляться, нежели за те блага, которые она приносит.

Если бы кто-нибудь показал мне промежуточную позицию между полной независимостью мысли и полным ее порабощением, где я мог бы надеяться удержаться, я бы, возможно, там разместился; но кто откроет эту промежуточную позицию? Вы исходите из разнузданности печати и далее следуете определенному порядку. Что вы делаете? Прежде всего вы напускаете на писателей суд присяжных, но суд присяжных их оправдывает, и то, что было мнением только одного человека, становится мнением всей страны. То, что вы сделали, — это слишком много, но и слишком мало; нужно идти дальше. Тогда вы отдаете авторов в руки судейских чиновников; но судьи, прежде чем осудить, должны выслушать; и то, в чем было страшно признаться в книге, безнаказанно провозглашается в защитительной речи; то, о чем смутно было сказано в одном написанном тексте, теперь повторяется в тысяче других. Языковое выражение — это внешняя форма и, позволю себе сказать, тело мысли, но не сама мысль. Ваши трибуналы арестовывают тело, но душа ускользает от них, незаметно выскальзывает из их рук. Итак, вы сделали слишком много, но и слишком мало; нужно идти дальше. Наконец, вы отдаете писателей в руки цензоров. Отлично! Мы продвигаемся вперед. А политическая трибуна, она разве не свободна? Так вы, оказывается, еще ничего не добились; нет, я ошибся, вы приумножили зло. Может, вы случайно приняли мысль за одну из тех материальных мощностей, сила воздействия которых возрастает с ростом числа их носителей? Вы что, станете считать писателей, как солдат в армии? В противоположность материальной силе сила мысли часто возрастает и благодаря малому количеству тех, кто ее выражает. Слово влиятельного человека, произнесенное твердо, в разгар страстей, перед замолкшим собранием, воздействует на общество сильнее, чем неясные выкрики тысячи ораторов; и стоит только свободно поговорить о чем-либо в одном общественном месте — результат такой, как если бы вы громко говорили об этом в каждой деревне. Следовательно, вам нужно уничтожить свободу говорить, равно как и свободу писать. На этот раз вы у цели: все молчат. Но чего вы добились? Вы начали со злоупотребления свободой — и очутились у ног деспота.

Вы прошли путь от высшей независимости к высшему порабощению, не встретив на этом долгом пути ни одной точки, где вы могли бы остановиться.

Есть народы, у которых независимо от общих положений, изложенных мною выше, имеются свои особые причины, объясняющие их склонность к свободе печати.

Есть нации, считающиеся свободными, а между тем любой представитель власти у них может безнаказанно нарушить закон, и конституция страны при этом не представляет права пострадавшим обращаться с жалобой в суд. У этих народов независимость прессы рассматривается не как одна из гарантий, но как единственная гарантия, остающаяся им из всего арсенала свободы и безопасности граждан.

Следовательно, если бы правители тех государств, где живут эти нации, заговорили об уничтожении независимости печати, народ мог бы им ответить: «Позвольте нам требовать для вас наказания за ваши преступления через суд, и тогда, может быть, мы согласимся не прибегать для этой же цели к суду общественности».

В стране, где открыто признается суверенитет народа, цензура не только опасна, она абсурдна.

Когда каждому предоставляется право управлять обществом, нужно, следовательно, и признавать за ним способность делать правильный выбор в ряду различных мнений, волнующих его соотечественников, и давать правильную оценку происходящим событиям, знание которых может послужить руководством в его деятельности.

Суверенность народа и свобода печати полностью соотносимы; цензура и всеобщее голосование, напротив, противоречат друг другу и не могут долго сосуществовать в политических институтах одного народа. Среди двенадцати миллионов человек, проживающих на территории Соединенных Штатов, не найдется ни одного, кто бы осмелился предложить ограничить свободу печати.

В первой же газете, попавшейся мне на глаза, когда я приехал в Америку, была напечатана следующая статья, точный перевод которой я здесь привожу:

«Во всем этом деле речь, произнесенная Джэксоном (президентом), была речью бессердечного деспота, стремящегося исключительно к тому, чтобы сохранить свою власть. Амбиции — это его преступление, и это же будет его наказанием. Его призвание — интриги, и интриги спутают все его планы и вырвут власть из рук. Он управляет с помощью коррупции, и его

преступные махинации обернутся для него стыдом и позором. Он проявил себя на политической арене как игрок без чести и тормозов. Он преуспел, но час справедливости приближается; скоро ему придется вернуть все, что он захватил, далеко забросить свою фальшивую игральную кость и уйти в отставку, где он сможет вволю проклинать свое безумие; ибо его сердце никогда не знало такой добродетели, как раскаяние».

(«Венсеннс газетт»)

Во Франции большинство людей полагают, что необузданность прессы в нашем обществе зависит от социальной нестабильности, от наших политических страстей и проистекающего отсюда всеобщего беспокойства. Таким образом, они беспрестанно ждут того времени, когда жизнь в обществе вновь обретет равновесие, и тогда пресса успокоится. Что же касается меня, то я охотно отнес бы за счет указанных выше причин то сильнейшее воздействие, которое пресса оказывает на нас; но я не думаю, что эти причины так сильно влияют на ее язык. Мне кажется, что у периодической печати есть свои особенные черты и пристрастия, не зависящие от условий, в которых она существует. То, что происходит в Америке, меня в этом убеждает окончательно.

В настоящее время Америка является той страной земного шара, в чреве которой заключено наименьшее количество революционных ростков. А между тем у тамошней прессы те же разрушительные наклонности, что и у французской, и тот же необузданный язык при отсутствии аналогичных причин для гнева. В Америке, как и во Франции, пресса является той необыкновенной силой, где странным образом перемешано хорошее и плохое, без которой свобода не сумела бы выжить и из-за которой порядок с трудом удерживается.

Непременно следует сказать, что в Соединенных Штатах у прессы гораздо меньше власти, чем в нашем обществе. Однако именно в этой стране очень редки судебные преследования прессы. Причина тому проста: американцы, приняв в своем обществе прин-

цип народовластия, сделали это народовластие подлинным. Им и в голову не приходило создавать из элементов, которые ежедневно изменяются, конституцию, вечно действующую. Обрушиваться на существующие сегодня законы, таким образом, не является преступлением, лишь бы не делалось попыток избавиться от них силой.

Впрочем, американцы считают, что суды бессильны обуздать

прессу и что гибкость человеческой речи всякий раз ускользает при юридическом анализе, правонарушения такого толка как бы исчезают прежде, чем протянутая рука правосудия пытается их схватить. Чтобы эффективно воздействовать на прессу, думают американцы, нужно найти такой суд, который был бы не только предан существующему правлению, но и мог бы стать над общественным мнением, бушующим вокруг. Суд, который судил бы, не допуская гласности, провозглашал бы свои приговоры, ничем не обосновывая их, и наказывал бы намерения еще строже, чем резкие слова. Тот, кто сумел бы создать и поддержать подобный трибунал, напрасно потерял бы время, преследуя свободу печати, поскольку тогда он стал бы абсолютным хозяином самого общества и мог бы вовсе избавиться от писателей, а заодно и от того, что они написали. Что касается прессы, реально для нее не существует середины между рабством и волей. Чтобы получить неоценимые блага, которые обеспечивает свобода печати, нужно уметь принять и то зло, которое рождается вместе с ней. Желать добиться одного и избежать другого — значит предаваться одной из тех иллюзий, которыми себя обычно убаюкивают больные нации, когда, устав от борьбы и истощив свои силы, они ищут средств, с помощью которых можно заставить сосуществовать одновременно, на одной и той же почве, враждебные мнения и принципы.

Американские газеты не имеют большого влияния; это объясняется многими причинами, основными из коих являются следующие.

Свобода писать, так же как и другие свободы, тем более опасна, чем позже она появилась; народ, который впервые участвует в обсуждении государственных дел, считает себя первым трибуном. Для англоамериканцев эта свобода такая же древняя, как сами колонии. Пресса, впрочем, умея хорошо подогревать человеческие страсти, не может, однако, сама их порождать. Итак, в Америке политическая жизнь проходит активно, формы ее разнообразны, она даже бывает буйной, но редко в ее основе лежат глубокие страсти; ибо редко страсти выплывают на поверхность, если не задеты материальные интересы, а Соединенные Штаты с этой точки зрения страна процветающая. Чтобы оценить разницу, существующую в этом отношении между англоамериканцами и нами, мне нужно лишь просмотреть американские и французские газеты. Во Франции коммерческие объявления занимают ограниченное место в газетах; даже новостей не очень много; самая насыщенная часть газеты — та, что освещает политические споры. В Америке три четверти огромной газеты, развернутой перед вашими глазами,

заполнены объявлениями, в остальной части размещены чаще всего политические новости или какие-нибудь забавные истории; и только кое-где, в каком-нибудь невидном уголке, замечаешь статью, посвященную одной из таких горячих дискуссий, которые в нашем обществе и составляют ежедневную порцию для читателей.

Любая власть усиливается по мере централизации — это общий, естественный закон, который открывается исследователю при изучении данного вопроса и который деспоты даже малого масштаба постигают инстинктивно.

Во Франции пресса объединяет два разных вида централизации.

Почти вся власть прессы сосредоточена в одном месте и, можно сказать, в одних руках, так как органы прессы немногочисленны.

Таким образом, заняв прочное место в среде скептически настроенной нации, пресса должна была приобрести почти неограниченную власть. Это враг, с которым правительство может заключать перемирия более или менее длительные, но рядом с которым ему трудно держаться продолжительное время.

Ни один, ни другой вид централизации, о которых я сказал, в Америке не существуют.

В Соединенных Штатах нет столицы: свет, в смысле власть, рассеян по всей огромной стране; лучи человеческого разума вместо того, чтобы исходить из единого центра, отовсюду сходятся туда и там перекрещиваются; американцы ни одно место в своей стране не сделали центром всеобщего руководства человеческой мыслью, так же как нет там и единого руководящего делового центра.

Это связано с местными условиями, которые совсем не зависят от людей; что до законов, то они диктуют следующее.

В Соединенных Штатах нет патентов для печатников, марок или регистрации для газет; наконец, отсутствует правило поручительства.

Из всего этого следует, что издание газеты является там делом простым и легким: достаточно небольшого числа подписчиков, чтобы газетчик мог покрыть свои расходы; вследствие этого количество периодических или серийных изданий в Соединенных Штатах превосходит все ожидания. Наиболее просвещенные американцы относят маловластие прессы за счет невероятного рассредоточения ее сил; в Соединенных Штатах это стало аксиомой политической науки: единственное

средство нейтрализовать влияние газет—это увеличить их количество. Я не могу себе представить, почему столь очевидная истина до сих пор еще не привилась у нас. То, что те, кто собирается произвести революцию с помощью прессы, стремятся сосредоточить ее в нескольких мощных органах печати,—это я понимаю без труда, но что официальные сторонники существующего режима и те, кто поддерживает существующие законы, полагают, что воздействие прессы можно смягчить путем ее концентрации — вот этого я абсолютно не могу постичь. Правительства Европы, мне кажется, ведут себя по отношению к прессе так, как когда-то вели себя рыцари по отношению к своим соперникам: на своем собственном опыте они убедились, что централизация прессы — это мощное оружие, и они хотят этим оружием поделиться со своим врагом, безусловно для того, чтобы при сопротивлении ему испытать больше гордости.

В Соединенных Штатах практически нет местечка, даже совсем маленького, где не выпускали бы свою газету. Нетрудно понять, что невозможно добиться ни дисциплины, ни единства действий среди такого количества борцов, поэтому, естественно, каждый поднимает свое знамя. Это не означает, что все политические газеты Союза делятся на те, которые за администрацию, и те, которые против нее; но, защищая ее или нападая на нее, они используют сотни самых различных средств. В этой стране газеты не могут, следовательно, поднять столь сильные потоки общественного мнения, которые либо вздымают даже самые мощные плотины, либо переливаются через них. Это дробление сил в печати имеет и другие последствия, не менее серьезные: издание газеты, будучи делом легким, позволяет каждому заняться им; с другой стороны, из-за конкуренции одна газета не может рассчитывать на большие прибыли. По этой причине крупные промышленные силы не вкладывают своих средств в такого рода предприятия. Впрочем, если бы газеты были источником богатства, для руководства ими могло бы не хватить талантливых журналистов, поскольку газет этих бесчисленное множество. Журналисты в Соединенных Штатах занимают, как правило, невысокое положение, профессиональную подготовку они получают как бы вчерне, и образ их мышления нередко тривиален. Итак, в любой сфере правит большинство; оно устанавливает определенные нормы поведения, к которым потом каждый приспосабливается; совокупность этих общих правил называется духом, стилем; дух адвокатуры и дух суда отличаются друг от друга. Во Франции журналистский дух, стиль, выражается в манере вести разговор — напористо, но в приличных выражениях, часто красноречиво, — о великих государственных

делах, и если не всегда получается именно так, то это потому, что нет правил без исключений. В Америке журналистский стиль — грубо, беззастенчиво, не подыскивая выражений, обрушится на свою жертву, оставив в стороне всякие принципы, давить на слабое место, ставя перед собой единственную цель — подловить человека, а далее преследовать его в личной жизни, обнажая его слабости и пороки.

Должно сожалеть о подобных злоупотреблениях; позднее у меня будет случай рассмотреть, какое влияние оказывают газеты на формирование вкусов и нравственность американского народа; но, повторяю, в данный момент я занимаюсь только политической сферой. Нельзя не признать, что политическое воздействие свободы печати имеет немалое значение непосредственно для поддержания общественного порядка. Вследствие этого те, кто уже занимает высокое положение в глазах своих соотечественников, не осмеливаются писать в газеты и, таким образом, теряют самое устрашающее оружие, которым они могли бы пользоваться с целью расшевелить себе на пользу народные страсти[1]. По этой же причине личные взгляды журналиста не

[1] Только в редких случаях они прибегают к помощи газет, когда хотят обратиться к народу и говорить от своего собственного имени: это случается, например, если о них распространяют клеветнические обвинения и они хотят установить истинное положение вещей.

имеют никакого веса у читателей. Читатели газеты стремятся к одному — знать факты; следовательно, только меняя окраску этих фактов или искажая их, журналист может привлечь внимание к своему мнению.

Хотя пресса в Америке пользуется в основном именно такими средствами, она обладает все же огромным влиянием. Под ее воздействием оживляется политическая жизнь во всех уголках этой обширной территории. Именно пресса своим бдительным оком выслеживает, а потом извлекает на свет божий тайные двигатели политики и вынуждает общественных деятелей поочередно представать перед судом общественности. Именно она объединяет интересы вокруг некоторых доктрин и формулирует кредо партий; именно благодаря прессе партии ведут диалог между собой, не встречаясь при этом; приходят к согласию, не вступая в контакт. Когда же случается так, что большое число печатных изданий начинает действовать в одном направлении, их влияние на долгое время становится преобладающим, и общественное мнение, обрабатываемое все

время с одной стороны, в конце концов поддается их воздействию.

В Соединенных Штатах каждая отдельно взятая газета не имеет большой власти, но периодическая печать, как таковая, до сих пор является первой после народа силой*.

О том, что воззрения, которые утверждаются в Соединенных Штатах, где господствует свобода печати, как правило, более основательны, чем воззрения, формирующиеся где-то в другой стране, при

строгой цензуре.

В Соединенных Штатах демократический режим приводит к руководству делами все новых и новых людей; вследствие этого меры, предпринимаемые правительством, не всегда последовательны и упорядочены. Но главные принципы поведения правительства в целом более стабильны, чем в большинстве других стран, а основные воззрения, которые определяют жизнь общества, более устойчивы. Когда какая-либо идея овладевает умами американцев, будь она праведной или безрассудной, нет ничего труднее, чем переубедить их.

То же самое можно было наблюдать и в Англии, европейской стране, где в течение века самая яркая свобода мысли уживалась с самыми непобедимыми предрассудками.

Я объясняю это явление той же причиной, которая на первый взгляд должна мешать этому, — то есть свободой печати. Народы, живущие в странах, где есть свобода печати, придерживаются своих воззрений как из чувства гордости, так и из убеждений. Они их любят, потому что считают их правильными, а еще потому, что выбрали их сами, и они держатся за них не только как за что-то правильное, но и как за нечто, им принадлежащее.

Есть и еще множество доводов.

Один великий человек сказал, что *на обоих концах знания находится незнание.* Возможно, вернее было бы сказать, что глубокие убеждения находятся только по краям, а в середине — сомнение. Человеческий ум можно рассматривать в трех различных состояниях, часто следующих одно за другим.

Вначале человек твердо верит, потому что он воспринимает что-то, не вдаваясь в суть. Потом, когда появляются возражения, противоречия, он сомневается. Часто ему удается разрешить все свои сомнения, и наконец тогда он снова начинает верить. На этот раз он овладевает истиной не наугад и не в потемках; он видит ее перед собой и идет прямо к ее свету[2].

Когда свобода печати воздействует на людей, находящихся на первой стадии, она еще длительное время поддерживает у них привычку твердо верить не размышляя; единственное, что она

делает, так это меняет предмет их необдуманной доверчивости. На всем интеллектуальном горизонте человеческий разум может, следовательно, видеть только одну точку в определенный отрезок времени, но эта точка беспрестанно перемещается. Это время внезапных революционных изменений. Несчастны те поколения, которые первыми допустят свободу печати!

Однако вскоре наступает время, когда круг новых идей мало-помалу освоен. Приходит опыт, и человек погружается в сомнения, его охватывает недоверие ко всему.

[2] Я, правда, не знаю, возвышает ли это убеждение, явившееся результатом размышлений и ставшее доминирующим, человека до той степени пылкости и преданности, какая инспирируется догматической верой.

Можно предположить, что большинство людей останется в одном из первых двух состояний: они будут верить, сами не зная почему, либо не будут точно знать, во что им нужно верить.

Что же касается третьего состояния, когда у человека появляется убеждение как следствие размышлений, доминирующее убеждение, рождающееся из знаний и утверждающееся, даже несмотря на тревоги, связанные с сомнениями, то его достигнет, ценой определенных усилий, лишь небольшое количество людей.

Было замечено, что в те периоды, когда люди ревностно относились к религии, они не раз меняли веру, тогда как в периоды сомнений каждый упорно сохранял свою веру. То же самое происходит и в политике, когда властвует свобода прессы. Допустим, что все социальные теории одна за другой оспорены и повержены; однако те, кто остановился на одной из них, продолжают придерживаться ее не столько вследствие уверенности, что эта теория хороша, сколько из-за отсутствия уверенности в том, что есть лучшая.

В эти периоды не убивают с легкостью друг друга за убеждения, но и не меняют их, и вместе с тем в это время встречается меньше жертв и отступников.

Прибавьте к этому еще более веский довод: когда в убеждения проникают сомнения, люди в конце концов цепляются только за инстинкты и за материальные блага, потому что они гораздо более видимы, более ощутимы и по своей природе более постоянны, чем убеждения.

Ответить на вопрос, кто управляет наилучшим образом — демократия или аристократия, очень трудно. Ясно только, что демократия стесняет одного, а аристократия притесняет другого.

Сама собой устанавливается истина, по поводу которой бессмысленно спорить: вы богаты, а я беден.

Глава IV О ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Использование англоамериканцалш права создавать объединения. — Три вида политических

объединений. —Как американцы осуществляют на практике систему представительства в

объединениях. — Чем это может грозить государству. — Большой конвент 1831 года, посвященный

тарифам. — Законодательный характер его решений. — Почему неограниченное использование права

создавать объединения в Соединенных Штатах Америки не так опасно, как в какой-нибудь другой

стране. — Почему в Соединенных Штатах это следует считать необходимым. — Полезность

объединений для демократических наций.

Америка сумела извлечь из права создавать объединения максимальную пользу. Там это право и сами объединения были использованы как мощное и действенное средство при достижении самых разных целей.

Независимо от постоянных объединений, возникших в соответствии с законом и называемых коммунами, городами, округами, имеется множество других, которые своим рождением и развитием обязаны только воле индивидуумов.

С первого дня своего рождения житель Соединенных Штатов Америки уясняет, что в борьбе со злом и в преодолении жизненных трудностей нужно полагаться на себя; к властям он относится недоверчиво и с беспокойством, прибегая к их помощи только в том случае, когда совсем нельзя без них обойтись. Это можно наблюдать уже в школе, где дети подчиняются, включая игры, тем правилам, которые они сами устанавливают, и наказывают своих одноклассников за нарушения, ими же самими определяемые. То же самое мы встречаем во всех сферах социальной жизни. Предположим, загромоздили улицу, проход затруднен, движение прервано; люди, живущие на этой улице, тотчас организуют совещательный комитет; это импровизированное объединение становится исполнительной властью и устраняет зло, прежде чем кому-либо придет в голову мысль, что, помимо этой исполнительной власти, осуществленной группой заинтересованных лиц, есть власть

другая. Если речь пойдет о веселье, люди объединятся, чтобы совместными усилиями придать празднеству больше блеска, сделать праздники более регулярными. Наконец, появляются объединения для борьбы с так называемым духовным врагом: например, совместно борются со всякой невоздержанностью. В Соединенных Штатах объединяются в целях сохранения общественной безопасности, для ведения торговли и развития промышленности, там есть объединения, стоящие на страже морали, а также религиозные. Всего может достичь воля человека, в свободном выражении себя приводящая в действие коллективную силу людей.

Ниже у меня будет случай рассказать о том, каково воздействие объединений на гражданскую жизнь населения. Теперь же я должен сосредоточиться на политической сфере.

Как только государство признает за гражданами право на объединение, они могут им пользоваться по-разному.

Объединение возникает тогда, когда некоторое количество индивидуумов публично заявляют о своей приверженности той или иной доктрине, признавая ее тем самым как основную и беря на себя обязательство отстаивать ее. Право на объединение, таким образом, почти смешивается со свободой печатного слова, однако объединение обладает большей силой, чем пресса. То или иное мнение, представленное от лица объединения, должно быть ясно и точно выражено. Объединение ведет счет своим сторонникам и привлекает все новых к своему делу. Они учатся узнавать друг друга, и их преданность делу

возрастает с увеличением их числа. Объединение собирает воедино усилия различных умов и энергично направляет их к единственной цели, ясно указанной им самим.

Второй момент в использовании права на объединения состоит в возможности собираться вместе, устраивать собрания. Когда политическое объединение может разместить свои очаги действия в ряде важных точек страны, оно тем самым расширяет поле своей деятельности и распространяет свое влияние. На этих собраниях люди встречаются, их способности к активной деятельности соединяются, они громко и пылко высказывают свое мнение, все это недоступно мысли, выраженной письменно.

И наконец, последнее, что вытекает из пользования правом политической ассоциации: члены одного объединения при необходимости становятся группой избирателей и выбирают из своих рядов представителей в центральную политическую организацию. Это, собственно, и есть система представительства

внутри одной партии.

Таким образом, вначале людей объединяют общие взгляды, общее мировоззрение, между ними возникают чисто духовные связи. Затем, на втором этапе, эти же люди образуют небольшие объединения, представляющие собой фракцию партии. И наконец, на третьем этапе они как бы формируют отдельную нацию внутри всей нации, свое правление внутри государственного правления. Их делегаты, подобно делегатам от большинства, представляют коллективную силу своих сторонников, и так же, как делегаты от большинства, они считают себя представителями нации, что придает им большую моральную силу. Правда, в отличие от них они не имеют права создавать закон, но они вправе критиковать тот, который действует, и разрабатывать заранее закон, который, по их мнению, должен быть.

Я представляю себе народ, который совершенно не привык пользоваться свободой или который охвачен глубокими политическими страстями. Рядом с большинством, которое устанавливает законы, я ставлю меньшинство, которое только обсуждает их и не участвует в принятии постановлений по этим законам, и единственная мысль рождается у меня: такой общественный порядок подвержен большим случайностям.

Между доказательством того, что один закон лучше другого, и возможностью заменить худший закон лучшим, несомненно, расстояние немалое. Но там, где ум людей просвещенных еще видит большую дистанцию, воображение толпы ее уже вовсе не замечает. И бывают времена, когда нация почти равным образом распределяется между двумя партиями, каждая из которых претендует на то, что именно она представляет большинство нации. Тогда, если рядом с правящей партией утверждается другая, моральный авторитет которой почти такой же, возможно ли, чтобы эта последняя длительное время принимала участие только в обсуждении законов, не прибегая к действию?

Остановит ли ее такое метафизическое рассуждение, согласно которому целью объединений является направление общественного мнения, а не принуждение его, внесение предложений в вырабатываемый закон, а не создание самого закона?

Чем глубже я вникаю в проблему независимости прессы в ее основных проявлениях, тем более убеждаюсь, что у современных народов независимость прессы — это нечто фундаментальное, и я бы сказал, основное составляющее свободы как таковой. Народ, который хочет остаться свободным, имеет право требовать во что бы то ни стало, чтобы эта свобода уважалась. Однако *неограниченную* свободу ассоциаций не следует смешивать со

свободой печати: первая одновременно и менее необходима и более опасна, чем вторая. Нация может ограничить ее, не теряя над собой контроля; иногда она должна так поступить, чтобы выжить.

В Америке свобода создавать политические организации неограниченна.

Пример, который я приведу, лучше, чем все, что я мог бы рассказать, покажет, до какой степени терпимо там к этому относятся.

Все помнят, насколько вопрос тарифа и свободы торговли взволновал умы в Америке. Тариф не только способствовал возникновению новых общественных течений или оказывал на них какое-либо иное воздействие, он прямо затрагивал мощные материальные интересы. Север приписывал ему частично заслугу в своем процветании, Юг связывал с ним все свои несчастья. Можно сказать, что длительное время тариф был единственным возбудителем политических страстей, волновавших Союз.

В 1831 году, когда накал страстей достиг своей высшей точки, какому-то неизвестному гражданину из Массачусетса пришло в голову предложить, с помощью газет, всем врагам тарифа послать депутатов в Филадельфию, чтобы вместе изучить все

средства, способные вернуть торговле свободу. Это предложение за несколько дней благодаря уже имеющимся типографиям прошло путь от Мэна до Нового Орлеана. Враги тарифа отнеслись к нему горячо. Они съехались со всех концов, выдвинули депутатов. Большинство из уих были люди известные, а некоторые даже и знаменитые. Южная Каролина, которая позже не раз бралась за оружие, защищая это же самое дело, послала шестьдесят три делегата. 1 октября 1831 года ассамблея, которая по американской традиции называлась конвентом, собралась в Филадельфии; на ней присутствовало более двухсот членов. Обсуждения велись открыто и с первого дня касались вопросов законодательства; рассматривались вопросы о размерах власти конгресса, о теоретических основах свободы торговли и, наконец, разные меры, связанные с тарифом. Ассамблея проработала десять дней, ее участники составили обращение к американскому народу и разъехались. В этом обращении говорилось о том, что: 1) конгресс не имел права устанавливать тариф, а существующий тариф неконституционен; 2) отсутствие свободной торговли не может соответствовать интересам какого бы то ни было народа, и особенно американского.

Нужно признать, что неограниченная свобода в создании политических организаций до сих пор не привела в Америке к зловещим результатам, как этого, возможно, ожидали за ее пределами. Право свободного объединения в разного рода организации пришло в Америку из Англии и, следовательно, в Соединенных Штатах существовало всегда. Пользование этим правом сегодня стало привычкой, это находит отражение и в нравах американцев.

В настоящее время свобода создавать политические объединения стала необходимой гарантией в борьбе с тиранией и в противостоянии большинству. В Соединенных Штатах, когда какая-либо партия становится правящей, вся власть переходит в ее руки; самые рьяные ее сторонники занимают все ответственные посты, в их распоряжении оказываются и все административные структуры. Видные деятели другой партии, которые остаются за порогом власти, должны иметь право объединить свои силы; и это меньшинство должно иметь возможность противопоставить властям, которые их станут ущемлять, силу морального воздействия на массы. Конечно, это небезопасно, однако существует еще большая опасность.

Всемогущество большинства мне представляется столь угрожающим для американских республик, что средство, используемое для ограничения его всевластия, я рассматриваю как благо.

А теперь я хочу поделиться мыслью, которая напомнит мое высказывание о гражданских свободах: политические объединения, способные пресекать деспотизм партий или произвол правителя, особенно необходимы в странах с демократическим режимом. Там же, где у власти находится аристократия, другие сословия образуют естественные объединения, являющиеся барьером для злоупотребления властью. В тех странах, где отсутствуют подобные сословные объединения, люди сами должны создать нечто, заменяющее их, и сделать это быстро. Я, право же, не вижу другого средства, которое могло бы служить препятствием для тирании. Ведь и великий народ может попасть под безнаказанное угнетение кучки мятежников или единолично правящего тирана.

Собрание большого политического конвента (есть и другие конвенты), которое может быть вызвано необходимостью, даже в Америке является событием очень важным, и те, кто желает добра этой стране, относятся к нему с определенной долей страха.

Это подтверждается конвентом 1831 года, на котором все усилия видных деятелей, принимавших в нем участие, свелись к тому, чтобы сузить обсуждаемые проблемы и смягчить форму их

обсуждения. Можно предположить, что конвент 1831 года оказал большое влияние на недовольных и подготовил их к открытому выступлению в 1832 году против торговых законов Союза

Нельзя не признать, что из всех возможных свобод народ менее всего может позволить себе неограниченную свободу ассоциаций в сфере политики. Если она не ввергает его в анархию, то постоянно приближает, так сказать, к краю этой пропасти В этой столь опасной свободе заложены и положительные гарантии: в странах, где есть свобода ассоциаций, нет тайных обществ. В Америке, например, есть мятежники, но нет заговорщиков.

157

Как понимается ***право на объединения*** *в Европе и в Соединенных Штатах Америки; как пользуются этим правом там и здесь.*

Самой естественной для человека является свобода действовать самостоятельно, в одиночку. Следующим естественным шагом человека является объединение своих усилий с усилиями себе подобных с целью совместного действия. Право на ассоциации я рассматриваю как неотъемлемое право человеческого общества, такое же естественное, как индивидуальная свобода. Той законодательной власти, которая захотела бы уничтожить это право, пришлось бы бросить вызов всему обществу. Между тем у одних народов свобода объединяться в какие-либо общества благодатна, она способствует их процветанию, тогда как другие народы, злоупотребляя ею, искажая ее, превращают ее из животворной силы в силу разрушительную. Мне кажется, что сравнение путей развития объединений в тех странах, где свобода их организации понимается правильно, и в других странах, где она доходит до вседозволенности, было бы полезным и для правительств, и для партий.

Большинство европейцев до сих пор видят в политических объединениях оружие борьбы, наспех сработанное, чтобы поскорее испробовать его на поле боя.

Сторонники той или иной идеи объединяются как бы с целью обмениваться мнениями, но основная мысль, которая занимает их, — как перейти к действию. Объединение — это армия. Члены объединения собираются вместе, чтобы обсудить какие-либо вопросы, выявить единомышленников и, воодушевившись, выступить против врага. С точки зрения членов объединения, легальные средства относятся к средствам борьбы, но не являются единственным средством, с помощью которого можно добиться

успеха.

Совсем иначе трактуется право на объединения в Соединенных Штатах. В Америке члены объединения, составляющие меньшинство, прежде всего хотят знать, сколько их, ибо их первая цель — ослабить моральное воздействие большинства. Вторая цель, которую они ставят перед собой, — это выявить все возможности, которые могут быть использованы, чтобы оказать давление на большинство, так как их конечная цель, на осуществление которой они твердо надеются, — привлечь на свою сторону большинство и таким образом оказаться у власти.

Итак, в Соединенных Штатах политические организации по сути своей мирные и пользуются в своей борьбе законными средствами. И когда они заявляют, что хотят добиться успеха только законным путем, они, в сущности, говорят правду.

Различие, существующее между политическими организациями в Америке и у нас, объясняется рядом причин.

В Европе есть партии, которые по своим идеям и целям так далеки от партий, представляющих большинство, что они не могут рассчитывать на их поддержку. Но эти партии считают себя достаточно сильными, чтобы бороться с большинством. Когда одна из таких партий создает политическую организацию, она ставит целью не убеждать, а побеждать. В Америке есть люди, абсолютно несогласные с правящим большинством, но они не мешают им править: все остальные хотят примкнуть к этому большинству.

Следовательно, реализация права на объединения становится опасной в случае, если крупные партии страны уже не представляют большинства. В такой стране, как Соединенные Штаты Америки, где различия во взглядах и мировоззрении основной массы людей не существенны, право на объединения может оставаться, так сказать, неограниченным.

Причина, объясняющая, почему мы до сих пор видим в свободе объединений только право объявлять войну правителям, заключается в отсутствии у нас опыта пользования свободой как таковой. Первая мысль, которая рождается у людей, создавших какую-либо партию кстати, так же как и у отдельного человека, когда приходит ощущение своей силы, — это мысль о насилии; уверенность в себе, убежденность приходят позже, они рождаются с опытом.

Англичане, хотя и очень сильно различаются между собой, редко злоупотребляют свободой объединений, потому что у них больший опыт пользования этим правом.

У нас же в характере, ко всему прочему, заложен такой

боевой дух, что мы считаем для себя почетным умереть с оружием в руках, принимая участие в любом безрассудном событии, вплоть до такого, которое может потрясти основы государственной власти.

Однако самой весомой причиной, лежащей в основе различия между американскими политическими организациями и нашими, причиной, сдерживающей насильственные

действия политических организаций в Соединенных Штатах, я считаю наличие там всеобщего избирательного права. Когда в стране принято всеобщее избирательное право, ясно, на чьей стороне большинство, поскольку никто не может усомниться в том, что большинство, занявшее место в государственном управлении, появилось там в результате выборов; ведь с точки зрения здравого смысла ни одна партия не может представлять тех, кто не голосовал. Следовательно, каждая политическая организация знает, что она не представляет большинства, знают об этом и все граждане страны. Это вытекает из самого факта существования этих организаций, так как, если бы было иначе, они бы сами изменяли законы, вместо того чтобы требовать от правительства их реформы.

По этой причине моральная сила правительства очень возрастает, и соответственно ослабляются возможности политических организаций.

Возьмем Европу: здесь практически нет ни одной политической партии, которая не считала бы себя выразителем интересов большинства. Эти притязания и, можно даже сказать, эта уверенность очень сильно способствуют укреплению их положения в стране и служат прекрасным оправданием предпринимаемых ими действий. Разве не извинительно применение силы ради торжества дела, связанного с борьбой за попранные права?

Таким образом, законы человеческие настолько сложны, что в иные времена наивысшая свобода нейтрализует злоупотребления свободой и наивысшая демократия предупреждает опасности, связанные с демократией вообще.

В Европе политические организации считают себя законодательным и исполнительным органом народа, который сам по себе выступать не может; отталкиваясь от этой идеи, они действуют и командуют. В Америке же такие организации в глазах ее граждан представляют меньшинство народа, а поэтому они занимаются говорением и составлением петиций.

В Европе средства, которыми пользуются политические

организации, соответствуют той цели, которую они ставят перед собой.

Основная цель этих организаций — действовать, а не рассуждать, бороться, а не убеждать. Естественно, в результате они пришли к такого типа организации, которая никак не похожа на гражданскую: норма поведения ее членов и используемая лексика заимствованы у военных, построены они по принципу централизма, руководство всеми их силами находится на верхней ступени и власть сосредоточена в руках небольшой кучки людей.

Члены этих организаций реагируют на любой приказ, как солдаты в период войны; они признают догму пассивного повиновения, точнее говоря, объединившись, они как бы разом отказались и от своего собственного суждения, и от своей собственной воли. В рядах этих организаций нередко царит тирания, еще более невыносимая, чем тирания правительства, с которым они борются.

Это отрицательно сказывается на их моральной силе. Их борьба теряет свой священный характер, который связывают с ней угнетенные, борясь с угнетателями. Ибо тот, кто согласен раболепно повиноваться в каких-то случаях кому-то из себе подобных, тому, кто лишит его собственной воли, подчинит его себе, и не только его, но и его мысли, — как такой человек может уверять, что он хочет быть свободным?

Что касается американцев, они тоже создали внутри своих политических организаций систему управления, но это, если можно так выразиться, гражданское управление. Личная свобода там не подавляется, равно как и во всем обществе, где люди, живущие в одно время, идут к одной цели, но не обязаны все выбирать один и тот же путь. В американских политических организациях никто не приносит в жертву свои волю и разум, напротив, воля и разум каждого способствуют достижению успеха в общем деле.

Глава V. О ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ В АМЕРИКЕ

Я отдаю себе отчет в том, что вторгаюсь в опасную область. Каждое слово этой главы так или иначе заденет многочисленные партии, которые существуют в моей стране. И все-таки я скажу все, что думаю.

В Европе очень трудно определить истинный характер постоянных движущих сил демократии, потому что в Европе борьба идет между двумя противоположными принципами, и не

знаешь точно, что же в этой борьбе связано с самими принципами, а что является не чем иным, как страстью, рожденной этой борьбой.

В Америке же совсем иначе. Там беспрепятственно правит народ; он не боится опасностей, не мстит за брань, раздающуюся в его адрес.

В этой стране у демократии свои собственные черты. Она проявляет себя естественным образом, развитие ее свободно. Судить о ней надо с учетом всего этого. И для кого же, как не для нас, изучение этой демократии и интересно, и полезно? Ведь мы неодолимо движемся вперед, ежедневно, вслепую идем, быть может, к деспотизму, быть может, к республике, но наверняка к государству демократическому по своему общественному устройству.

О ВСЕОБЩЕМ ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРАВЕ

Я уже говорил о том, что все штаты Союза приняли всеобщее избирательное право. С ним согласилось население, находящееся на различных социальных ступенях У меня была возможность увидеть результаты его действия в самых разных местах, там, где различия в языке, исповедуемой религии и нравах делали людей почти чуждыми друг другу.

В Новой Англии было так же, как в Луизиане; в Канаде так же, как в Джорджии. И я заметил, что в Америке всеобщее избирательное право отнюдь не является источником всех благ и всех зол, как того ждут в Европе, и что последствия реализации этого права в общем-то иные, не такие, как предполагалось.

О РЕШЕНИЯХ НАРОДА И ОСОБЕННОСТЯХ АМЕРИКАНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ, ОТРАЖАЮЩИХСЯ В ЭТИХ РЕШЕНИЯХ

В Соединенных Штатах редко призывают самых замечательных людей страны возглавить

руководство государственными делами. — О причинах этого явления. — Зависть, которая

настраивает во Франции низшие классы против высших, является не французским национальным

чувством, а демократическим. — Почему в Америке выдающиеся люди часто сами отказываются от

политической карьеры.

В Европе многие верят или говорят, что верят, что одним из главных преимуществ всеобщего избирательного права является

возможность привлечь к управлению государством людей, достойных доверия народа. Оки считают, что народ не сумеет управ-

лять самостоятельно, но он всегда искренне желает блага своей стране, и поэтому его природное чутье ему укажет на тех, кто одержим тем же желанием и кто более способен удержать власть в своих руках.

Что касается меня, то я должен сказать, что виденное мною в Америке позволяет мне думать, что дело обстоит совсем не так. Еще в начале своего пребывания в Америке я сделал поразившее меня открытие: как много достойных людей среди тех, кем управляют, и как мало их среди тех, кто управляет. Для современной Америки редкое привлечение на государственные посты выдающихся людей — обычное явление. И нужно признать, что это стало происходить по мере развития демократии. Совершенно очевидно, что за последние полвека американские государственные деятели значительно измельчали.

Можно указать на ряд причин, объясняющих это явление.

Невозможно, как ни старайся, поднять уровень просвещения народа выше определенной черты. Сколько ни делай более доступными знания, накопленные человечеством, сколько ни улучшай методы обучения наукам и ни облегчай постижение этих наук — все напрасно, ибо никогда не будет так, чтобы люди повышали свое образование и развивали свой интеллект, не уделяя этому времени.

От того, как складывается жизнь низших классов, сколько свободного времени им оставляет кх труд, неизбежно зависит достижение ими своего уровня интеллектуального развития. В одних странах этот уровень выше, в других ниже. Предела интеллектуального развития низших слоев общества может не быть в том случае, если их перестанут беспокоить материальные заботы, заботы об обеспечении жизни. Но тогда они перестают быть низшими классами. Как трудно представить себе общество, в котором все люди очень просвещенные, так трудно представить себе и государство, где все граждане богаты; вот две взаимосвязанные трудности. Я охотно соглашусь с тем, что широкие массы граждан очень искренне хотят блага своей стране; я даже пойду дальше и скажу, что низшие классы общества, мне кажется, в общем-то, примешивают к этому желанию меньше личной заинтересованности, нежели высшие классы; но чего им постоянно недостает, более или менее, так это умения выбрать средства при искреннем желании добиться цели. Как долго надо

изучать человека, сколькими разными необходимыми понятиями нужно овладеть, чтобы составить себе точное представление о характере только одного человека! Великие умы здесь теряются, а толпа может с этим справиться?! У нее никогда не находится ни времени, ни возможности, чтобы отдаться такой работе. Ей всегда необходимо, чтобы решение выносилось быстро, а поставленная цель была бы очень конкретной. Вот почему всякого рода шарлатаны хорошо знают секрет, как понравиться народной массе, тогда как истинные друзья чаще всего не имеют у нее успеха.

Впрочем, демократии всегда не хватает способности выбрать достойных людей, ей не хватает желания и склонности к этому.

Нужно признаться, что демократические институты способствуют развитию в высокой степени чувства зависти в сердце человека И это не потому, что они предлагают каждому равные возможности,а потому, что этих возможностей недостает тем, кто ими пользуется. Демократические институты пробуждают страстное желание равенства, потворствуют этому желанию, никогда не имея возможности его полностью удовлетворить. Это полное равенство ежедневно выскальзывает из рук народа в тот момент, когда народу кажется, что он уже ухватил его, и убегает, или, как говорит Паскаль, обращается в бесконечное бегство. Народ же приходит в возбуждение, стремясь обрести это благо, особенно ценное для него потому, что он почти знает, что это такое, потому, что оно как бы рядом, под руками, и в то же время оно довольно далеко, так что его невозможно вкусить. Надежда на успех его волнует, неуверенность в его достижении раздражает; он возбуждается, устает, озлобляется. Все, что выше его понимания, ему кажется препятствием для осуществления его желаний, а любое превосходство колет ему глаза.

Многие полагают, что заложенное в низших классах стремление отстранить насколько возможно представителей высших классов от руководства государственными делами — явление чисто французское. Это ошибочное мнение. Свойство, о котором я говорю, не французского происхождения, оно — демократическое. Обстоятельствам, связанным с политикой, удалось придать этому свойству особенно горький привкус, но не они породили его.

В Соединенных Штатах народные массы не испытывают никакой ненависти к высшим классам общества, но и особой благосклонности к ним они также не питают и старательно

удерживают их от проникновения в правящие органы; не страх испытывают они перед талантливыми людьми, но они их плохо переносят. В общем-то, надо отметить, что все, что оказывается успешным без прямого участия в этом народа, с трудом обретает его поддержку.

Природа демократии такова, что она заставляет народные массы не подпускать выдающихся людей к власти, а эти последние, движимые не менее сильным природным чувством, бегут от политической карьеры, где трудно оставаться самим собой и идти по жизни не оскверняясь. Именно эта мысль так откровенно была высказана судьей Кентом. Этот известный человек, воздав хвалу тому пункту конституции, по которому исполнительной власти отводится и роль судей, сказал: «Можно предположить, что люди, наиболее достойные занять должностные места, обладают слишком сдержанными манерами и следуют слишком строгим принципам, чтобы иметь когда-либо возможность собрать большинство голосов на выборах, которые будут проводиться на основе всеобщего избирательного права» *(Кент.* Комментарии, т. I, с. 272). Вот что беспрепятственно печатали в Америке в 1830 году.

Для меня совершенно ясно, что те, кто рассматривает всеобщее избирательное право как гарантию хорошего выбора, сильно заблуждаются. У всеобщего избирательного права есть другие преимущества, но только не это.

О ПРИЧИНАХ, МОГУЩИХ В КАКОЙ-ТО СТЕПЕНИ СМЯГЧИТЬ ТЕ ЧЕРТЫ ДЕМОКРАТИИ, О КОТОРЫХ Я ГОВОРИЛ ВЫШЕ

О том, как ведет себя народ и вообще люди, когда им грозит опасность. — Чем объясняется, что

пятьдесят лет назад в Америке государственными делами управляло столько выдающихся людей. —

Какое влияние оказывают на выбор народом своих представителей просвещение и нравы. — Пример

Новой Англии. —Юго-Западные штаты. —Как иные законы влияют на выбор народом своих

представителей. — Двухступенчатые выборы. — Как от этого зависит состав сената.

Когда стране угрожает серьезная опасность, народ, как часто свидетельствует история, с радостью выбирает на верховные посты тех граждан, которые наиболее способны его спасти.

Известно, что человек перед лицом опасности редко остается самим собой: он либо духовно возвышается, либо опускается. То же самое происходит и с целым народом. Величайшие опасности,

которые подстерегают страны, вместо того чтобы возвысить дух народа, сокрушают его; они возбуждают его страсти, но не направляют их в нужное русло, тревожат ум, но не озаряют. Евреи убивают друг друга посреди обломков рушащегося Храма. Однако чаще можно видеть, как сама неотвратимость опасности рождает необыкновенные добродетели и у целых народов, и у отдельных людей. И великие характеры проявляются тогда рельефно, словно монументы, которые скрывала ночь и которые неожиданно высветил пожар. Дух народа не пренебрегает самовоспроизведением, и народ, потрясенный собственными бедами, на время расстается со своими страстями, вызванными чувством зависти. В такие времена нередко можно видеть, как в результате избирательной кампании появляются знаменитые имена. Выше я уже говорил, что в Америке государственные мужи нашего времени кажутся по своему уровню гораздо ниже тех, что стояли во главе государства пятьдесят лет назад. Это зависит не столько от законов, сколько от обстоятельств. Когда Америка боролась за самое справедливое дело в мире, за то, чтобы ни один народ не был порабощен другим, когда речь шла о том, чтобы поддержать появление новой нации, тогда души всех людей открывались, чтобы их возвышенные усилия были на уровне этой благородной цели. В этом всеобщем порыве выдающиеся люди были впереди народа, и он собственными руками поставил их во главе себя. Но подобные события бывают редко, и суждения следует выносить, опираясь на обычное течение жизни.

Если каким-то случайным событиям иногда удается одолеть демократические страсти, то просвещение и нравы оказывают на сторонников демократии не только не менее сильное, но еще и более стойкое влияние. Это хорошо видно на примере Соединенных Штатов.

В Новой Англии, где просвещение и свобода являются дочерьми морали и религии, где общественный строй сформировался давным-давно и поэтому у него уже есть свои традиции и правила, народ, не отдавая предпочтения тому превосходству, которое дают людям богатство и рождение, привык уважать превосходство интеллектуальное и нравственное и охотно подчиняться им: вот почему именно в Новой Англии демократия позволила выбрать лучших людей, что совсем не всегда удавалось сделать в других местах.

Совсем иное мы видим по мере продвижения к югу страны. В тех штатах, где социальные связи менее древние и менее сильные, где образование не так распространено и где

моральные, религиозные принципы и принципы свободы не очень органично сочетаются, все реже и реже встречаются среди правителей люди, наделенные талантом и добродетелями.

Когда попадаешь в новые штаты на Юго-Западе страны, туда, где социальная структура, только вчера сформированная, представлена пока лишь сборищем авантюристов и спекулянтов, чувствуешь какую-то растерянность при виде того, в чьих руках находится власть, и спрашиваешь себя, какая же сила, не зависящая от законов и людей, может привести в таких условиях государство к росту, а общество к процветанию.

Следует признать, что есть законы хотя и демократические по природе, однако позволяющие в какой-то степени смягчить опасные свойства демократии.

Когда вы входите в зал заседаний палаты представителей в Вашингтоне, вас поражает вульгарное зрелище этого огромного собрания. Ваш глаз тщетно пытается отыскать среди множества лиц хотя бы одно знакомое. Почти все члены ассамблеи какие-то неизвестные личности, их имена не вызывают в вашей памяти никакого образа. Большей частью это сельские адвокаты, коммерсанты и представители низших классов. В стране, где образование распространено почти повсеместно, говорят, что представители народа не умеют правильно писать.

Рядом находится зал заседаний сената. В маленьком помещении собралась большая часть видных людей Америки. Там не увидишь ни одного человека, чье знаменитое имя не было бы свежо в вашей памяти. Это — прославленные адвокаты, выдающиеся генералы, талантливые судьи или известные государственные деятели. Все речи, которые вы услышите на этой ассамблее, оказали бы честь самым ярким парламентским заседаниям в Европе.

Откуда этот странный контраст? Почему элита нации находится в этом зале, а не в другом? Почему на первом заседании присутствует столько заурядных людей, тогда как помещение рядом, похоже, обладает монополией на таланты и познания? Между тем депутаты и палаты представителей, и сената происходят из народа, и те и другие были избраны в результате всеобщего голосования, и никто в Америке до сих пор не сказал, что сенат якобы враждебен народным интересам. Откуда же эта бросающаяся в глаза разница? Я вижу этому только одно объяснение: выборы в палату представителей — прямые, тогда как выборы в сенат — двухступенчатые. Все граждане каждого штата всеобщим голосованием избирают законодательные органы штата. По федеральной конституции эти законодательные органы представляют собой избирательный

корпус, и уже из его депутатов избираются члены сената. Сенаторы, таким образом, хоть и не непосредственно, избираются в результате всеобщего голосования, поскольку избирательный корпус, из членов которого они выбираются, не является по своему составу аристократическим или привилегированным. Те, кто попадает в его состав, не пользуются особым избирательным правом, данным происхождением; их избрание зависит главным образом от участия в голосовании всех граждан; выборы происходят, как правило, ежегодно, и избиратели всегда могут, используя систему выборов, обновить состав сената Народной воле достаточно пройти через это избранное собрание, чтобы преобразиться и выйти оттуда уже облаченной в новую форму, более благородную и прекрасную. Люди, избранные таким путем, всегда точно представляют большинство народа, который управляет; однако они являются выразителями только высоких идей, имеющих хождение в народе, и отражают его благородные черты, а никак не мелкие страстишки, часто будоражащие его, и не пороки, его бесчестящие.

Нетрудно представить себе, что в будущем наступит момент, когда американские республики будут вынуждены распространить двухступенчатую систему голосования на все выборные органы из страха бессмысленно разбиться о подводные камни демократии.

163

Я же, признаюсь, вижу в двухступенчатой системе выборов единственное средство сделать политическую свободу доступной для всех классов народа. Мне кажется, что в равной степени ошибаются и те, кто надеется сделать из этого средства оружие, исключительно принадлежащее одной партии, и те, кто боится этого.

О ВЛИЯНИИ АМЕРИКАНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ НА ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ

Если выборы в стране бывают редко, государство может подвергаться серьезным кризисам, — Если

же они часты, оно находится все время в состоянии лихорадочного возбуждения. — Из этих двух зол

американцы выбрали второе. — Непостоянство закона. — Мнение Гамильтона, Мэдисона и

Джефферсона по данному вопросу.

Если избирательная кампания в стране назначается редко, государство всякий раз подвергается риску больших потрясений.

Все партии делают мощные усилия, чтобы завладеть фортуной, которая так редко дается им в руки. Боль, которую испытывают провалившиеся кандидаты, нечем излечить, и следует опасаться с их стороны действий, вызванных амбициями, перешедшими в отчаяние. Если, напротив, известно, что скоро можно будет снова вступить в равноправную борьбу, побежденные ведут себя терпеливо.

Когда выборы назначаются часто, это сохраняет в обществе лихорадочное возбуждение и неустойчивость в общественных делах.

Итак, с одной стороны, государство может испытывать трудности, с другой — ему может грозить революция. Первая система мешает государству проявить добрые начала, а вторая грозит самому существованию государства.

Американцы предпочли первое зло второму. И в этом случае они положились на природный инстинкт, а не на разум, вкус к переменам демократия довела до страсти. Результатом этого явилась та особая неустойчивость, которую мы встречаем в законодательстве.

Многие американцы смотрят на нестабильность государственных законов как на неизбежные издержки существующей системы, которая, в сущности, полезна для общества. И никто в Соединенных Штатах, я думаю, не станет отрицать существование этой нестабильности и считать ее большим злом.

Гамильтон, признав полезной ту власть, которая могла бы помешать принятию плохих законов или по крайней мере задержать их проведение в жизнь, добавляет: «Возможно, мне возразят, сказав, что та власть, которая сможет предупредить появление плохих законов, сможет помешать и появлению хороших законов. Это возражение не удовлетворило бы тех, кто способен изучить все наши бедствия, проистекающие от непостоянства и изменчивости закона. Нестабильность законов — это самый большой недостаток, в котором можно было бы упрекнуть наши органы власти». («Самый серьезный недостаток в характере и складе нашего управления», «Федералист», №73).

«Легкость, с которой изменяются законы, — говорит Мэдисон, — и превышение законодательной власти мне представляются самыми опасными болезнями, которым может оказаться подвержено наше правительство» («Федералист», №62).

Сам Джефферсон, самый демократичный из всех демократов, вышедших из лона американской демократии, обратил внимание на те же опасности.

«Нестабильность наших законов — это действительно очень

серьезное неудобство, — сказал он. — Я думаю, что мы должны были бы принять соответствующие меры и вынести решение, что между представлением закона и окончательным голосованием по этому закону должен пройти год. Затем его следует обсудить, а далее проголосовать его принятие, после чего в нем уже нельзя будет изменить ни одного слова, а если обстоятельства потребуют более быстрого решения, то внесенное предложение не сможет быть принято простым большинством, а только двумя третями голосов одной и другой палат» [1].

1 Письмо Мэдисону от 20 декабря 1787 года.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЧИНОВНИКИ ПРИ АМЕРИКАНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Американские государственные чиновники ничем не отличаются от других граждан страны. — Они не

носят особой одежды. — Все государственные чиновники получают зарплату. —Вытекающие

отсюда политические последствия. — В Америке не существует карьеры, связанной с

государственной деятельностью как таковой. — Что из этого следует.

В Соединенных Штатах государственные чиновники ничем не выделяются среди других граждан страны; у них нет ни дворцов, ни охраны, ни особой парадной одежды. Такую простоту тех, кто связан с управлением государством, нельзя объяснить только особым американским образом мышления, она находится в прямой зависимости от тех принципов, которые лежат в основе общественного устройства этой страны.

В глазах демократии правительство—это не благо, это—неизбежное зло. Государственным чиновникам надо предоставить некоторую власть, без этой власти какой в них прок? Однако нет ни малейшей нужды во внешних признаках власти, делу это не способствует. Напротив, знаки власти, бросающиеся в глаза, раздражают людей.

Сами должностные лица государственного управления отлично чувствуют, что права возвыситься над другими с помощью полученной власти они добились, лишь переняв манеры этих других и таким образом сравнявшись с ними.

Не могу себе представить никого, кто бы действовал так спокойно, был бы так для всех доступен, так внимателен к просьбам и так учтиво отвечал бы на ваши вопросы, как

американские государственные чиновники.

Мне очень нравится такое естественное поведение демократического правительства В его внутренней силе, источник которой не должность чиновника, а функция, которую он выполняет в государстве, не внешние признаки его принадлежности к власти, а сам человек, я вижу истинное мужество, зрелость, и это меня восхищает.

Что же касается воздействия, которое может оказывать одежда государственного служащего, его костюм, то я думаю, что значимость этих внешних атрибутов в такой век, как наш, сильно преувеличена. В Америке я не раз был свидетелем того, как по отношению к государственному служащему выражалось столько внимания и уважения, сколько заслуживала его деятельность и его личные качества.

Кроме этого, я очень сомневаюсь, чтобы особая одежда могла способствовать самоуважению этих людей или уважению их друг к другу, если они к тому не расположены, так как невозможно поверить, что эти люди относятся с большим уважением к своей одежде, нежели к себе самим.

Когда мне приходится видеть у нас некоторых блюстителей закона, грубо разговаривающих со сторонами, участвующими в судебном процессе, либо упражняющихся в остроумии в их адрес, пожимающих плечами в ответ на меры, предпринимаемые защитой, и снисходительно улыбающихся при перечислении обвинений, мне хочется, чтобы с них сняли положенное им по должности облачение, дабы посмотреть, не вспомнят ли они, оказавшись одетыми, как простые граждане, о природном достоинстве рода человеческого.

Никакие государственные службы в Соединенных Штатах не имеют специальной формы, но все государственные служащие получают жалованье.

И это является следствием демократических принципов в еще большей степени, чем то, о чем шла речь выше. Демократический режим может окружить пышностью своих представителей власти, блюстителей закона, одеть их в шелк и золото, не посягая прямо на принцип их существования. Такого рода привилегии преходящи, они связаны с местом, а не с человеком. А вот установить бесплатные, неоплачиваемые должности — это уже способствовать появлению класса богатых и независимых государственных служащих, это создавать ядро аристократии. Если народ еще сохраняет право выбора, осуществление этого права непременно ограничено.

Когда мы видим, что какая-либо демократическая республика объявляет неоплачиваемыми те государственные должности, за

которые раньше полагалась плата, можно с уверенностью заключить, что она движется к монархии. А когда монархия начинает оплачивать должности, ранее неоплачиваемые, это верный знак того, что монархия движется к деспотическому режиму или к республике.

165

Отмена вознаграждения за должности, ранее оплачиваемые, на мой взгляд, уже сама по себе представляет истинную революцию.

Полное отсутствие неоплачиваемых государственных должностей в Америке я рассматриваю как один из наиболее очевидных признаков полной власти демократии. Услуги, оказываемые обществу, какими бы они ни были, оплачиваются, таким образом—каждый имеет не только право, но и возможность их оказывать.

Если в демократическом государстве все граждане имеют право добиваться должности, места для служения обществу, это не означает, что все станут к тому стремиться. И не звание выдвигаемого кандидата, а количество и качество выдвигаемых кандидатур часто ограничивают выбор избирателей.

У тех народов, у которых принцип выборности распространяется на все, не существует политической карьеры в чистом виде. Люди попадают на государственные посты в каком-то смысле случайно, и у них нет никакой уверенности в том, что они там удержатся. Особенно если выборы проходят ежегодно. А отсюда, когда в стране спокойно, государственные должности малопривлекательны для честолюбивых людей. В Соединенных Штатах на извилистые пути политической карьеры устремляются люди умеренных взглядов и желаний. Люди большого таланта и сильных страстей, как правило, отстраняются от власти, чтобы направить свои силы на достижение богатства. Часто бывает так: когда человек чувствует себя неспособным успешно вести свои собственные дела, он берет на себя смелость решать судьбу государства

Эти причины, а также плохой выбор, сделанный демократией, объясняют тот факт, что на государственных постах часто сидят люди заурядные, обыватели. Не знаю, избрал бы американский народ на государственные посты людей из высших слоев общества, тех, что стали бы добиваться его симпатий; очевидно одно — они этого не добиваются.

О ПРАВАХ БЛЮСТИТЕЛЕЙ ЗАКОНА[2] ПРИ ПОЛНОВЛАСТИИ ДЕМОКРАТИИ В АМЕРИКЕ

Почему блюстители закона обладают большей властью при абсолютной монархии и в демократических республиках, чем при ограниченной монархии. — Власть блюстителей закона в Новой Англии.

Есть два типа государственного устройства, при которых в деятельности блюстителей закона обнаруживается много произвола: при единоличном правлении, абсолютной монархии, и при всевластии демократии.

Это происходит вследствие определенного сходства между этими режимами.

В деспотических государствах судьба отдельной личности не гарантирована, будь это государственный чиновник или частное лицо. Монарх, в руках которого находятся жизнь, благополучие, а нередко и честь людей, которых он держит у себя на службе, полагает, что ему нечего их бояться. А потому он им предоставляет большую свободу действий, будучи уверенным в том, что они никогда не используют этого против него.

В деспотических государствах монарх так увлечен своей властью, что опасается, как бы его же собственные правила не ущемили этой власти. И он предпочитает видеть, что его подчиненные действуют в определенном смысле, как им заблагорассудится, это дает ему уверенность, что он никогда не встретит в них противодействия своим желаниям.

В демократических государствах большинство, которое имеет возможность ежегодно отбирать власть у тех, кому оно ее доверило, тоже не боится, что это может быть использовано против него самого. Имея право в любой момент заявить о своей воле правительству, оно тем не менее считает для себя лучшим предоставить правителей самим себе и не связывать их деятельность жесткими правилами, ибо, ограничивая их, оно в определенной степени ограничивает и себя.

Более пристальное изучение этих двух режимов приводит даже к такому открытию: при полновластии демократии произвол блюстителей закона еще больший, чем в деспотических государствах.

[2] Я пользуюсь сочетанием «блюститель закона» в самом общем, широком смысле слова: им я называю всех тех, в чьи обязанности входит следить за исполнением законов.

В этих государствах монарх в какой-то момент может наказать всех, допустивших нарушения закона, если он это обнаружит; правда, ему не придется поздравить себя с тем, что он обнаружил все преступления, которые подлежат наказанию. В

демократических государствах, напротив, глава государства и всемогущ, и как бы всюду присутствует одновременно. Поэтому мы видим, что американские государственные деятели значительно свободнее действуют в пределах, очерченных законом, чем государственные деятели в Европе. Нередко им только указывается цель, к которой они должны двигаться, право выбора средств остается за ними.

В Новой Англии, например, выборным лицам от каждой общины предоставляется право составить список присяжных заседателей, и единственное требование, которое им предъявляется, следующее: они должны выбрать присяжных из числа граждан, имеющих право голоса и пользующихся хорошей репутацией[3].

Во Франции мы бы сочли, что жизнь и свобода человека находятся в опасности, если мы доверим какому-то государственному чиновнику, каким бы он ни был, реализовывать столь опасное право.

А в Новой Англии те же блюстители закона могут вывесить в кабаре списки пьяниц и запретить продавать им вино, а в случае нарушения облагать лиц, продавших вино, штрафом[4].

Подобное публичное осуждение возмутило бы народ в стране самой что ни на есть абсолютной монархии; здесь же народ без труда этому подчиняется.

Ни при одном режиме закон не предоставляет такой свободы беззаконию, как при полновластной демократии, потому что в демократических республиках беззаконие, кажется, не вызывает страха. Можно даже сказать, что блюститель закона там становится свободнее, по мере того как избирательное право все чаще дает возможность попасть на этот пост представителям самых низших слоев общества, а срок пребывания в должности становится все ограниченнее.

Отсюда следует, что демократической республике перерасти в монархическое государство чрезвычайно трудно. Блюститель закона, переставая быть выборным, сохраняет обычно все права и привычки избираемого лица. Таким образом, наступает деспотический режим.

Только при ограниченной монархии закон, с одной стороны, очерчивает круг деятельности государственных чиновников, с другой — берет на себя заботу руководить каждым их шагом в этих пределах.

Причину этого легко объяснить.

В ограниченных монархиях власть разделена между народом и монархом. И тот и другой заинтересованы в том, чтобы положение блюстителей закона было стабильным.

Монарх не хочет вручать судьбу своих чиновников народу из опасения, что те нанесут ущерб его власти, народ же со своей стороны боится, что если блюстители закона будут в абсолютной зависимости от монарха, то они станут ущемлять свободу; таким образом, блюстителей закона не ставят в полную зависимость ни от одного, ни от другого.

Одна и та же причина приводит монарха и народ к мысли о независимости государственных чиновников и к поиску гарантий, обеспечивающих невозможность злоупотребления этой независимостью — дабы не обернулась она против власти монарха или против свободы народа. Обе стороны приходят к соглашению, что необходимо заранее определить круг деятельности и линию поведения государственных чиновников, и в соответствии с интересами обеих сторон вырабатываются правила, от которых чиновники не должны отступать.

[3] См. Закон от 27 февраля 1813 года. — Общий свод законов штата Массачусетс, т.П, с.331. Следует добавить, что далее по процедуре тянули жребий, следуя списку кандидатур присяжных. Так по жребию определяли их состав.

[4] Закон от 28 февраля 1787 года. — См. Общий свод законов штата Массачусетс, т.1, с. 302: «Выборные лица от каждой общины вывешивают в каждой лавке, в каждом кабаре, постоялом дворе списки людей, известных как пьяницы, игроки, которые теряют и свое время, и свое состояние в этих заведениях, и предупреждают всех розничных торговцев и хозяев означенных заведений, что, если они будут подавать или продавать выпивку оным лицам либо позволять им играть и распивать спиртное в своих заведениях, на них будет наложен штраф»

АДМИНИСТРАТИВНАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

В Америке нередко общественные акции оставляют гораздо меньший след, нежели деятельность

какой-нибудь семьи. — Газеты — единственные памятники истории. — Каким образом крайняя

административная нестабильность вредит государственному правлению.

Государственные чиновники недолго находятся у власти; оставив свои посты, они теряются в толпе себе подобных, которая и сама постоянно меняется. Вследствие этого в Америке общественные акции часто оставляют меньший след, чем

деятельность какой-нибудь простой семьи. Государственное управление в этой стране осуществляется по традиции устно, то есть ничего не пишется, а если порою и пишется, то тут же и улетучивается, подобно листьям Сивиллы, от ветра разлетающимся в разные стороны.

Единственными историческими памятниками в Соединенных Штатах являются газеты. Если внезапно исчезает один номер, цепь времен как бы прерывается: настоящее и прошлое не соединяются. Я не сомневаюсь, что через пятьдесят лет собрать подлинные документы, рассказывающие о подробностях общественного бытия американцев в наше время, будет не легче, чем найти документы о государственном правлении во Франции в средние века. А если представить себе, что на Соединенные Штаты внезапно напали варвары и захватили их, то, чтобы что-нибудь узнать о народе, ныне населяющем Соединенные Штаты, придется обращаться к истории других наций.

Нестабильность в государственном управлении становится привычной; я мог бы почти с уверенностью сказать, что сегодня здесь каждый в конце концов принял эту нестабильность как должную. Никто не беспокоится по поводу того, что делалось до него его предшественником. Никто не перенимает ничьих методов руководства, не составляет сводов правил, не собирает документов и тогда, когда сделать это не составляет большого труда. Даже когда случайно они оказываются в наличии, им не придают никакого значения, не видя в том ценности. В моих бумагах имеются подлинные документы, которые мне были даны в государственном управлении как ответ на некоторые из моих вопросов. Создается впечатление, что американское общество живет одним днем, как армия в военном походе. А между тем искусство государственного правления — это, без сомнения, целая наука. И как все науки, чтобы успешно развиваться, оно нуждается в обобщении открытий разных поколений. Один человек в короткий период своей жизни обращает внимание на какое-то явление, у другого рождается идея; этот открыл какой-то способ, а тот составил формулу. Человечество, идя по жизни, собирает различные плоды индивидуального опыта, так создаются науки. То, что американские государственные деятели ничего не перенимают друг у друга, вносит сложности в управление обществом. В итоге их деятельность основывается на тех знаниях, которые они черпают в самом обществе, а в действительности они должны обладать собственными знаниями и ими руководствоваться. Таким образом, демократия, доведенная до крайней грани своего развития, вредит успешному развитию искусства управления государством. Исходя из этого,

можно сказать, что демократия больше подходит тому народу, административное образование которого уже завершено, а не народу, который является новичком в государственных делах.

Кстати, это относится не только к науке управления. Демократическое правительство, деятельность которого основывается на такой простой и такой естественной идее, всегда предполагает, что общество, которым оно будет управлять, должно быть высокоразвитым, цивилизованным, в котором и уровень образования, и уровень наук высоки [5].

При первом взгляде на эту проблему кажется, что демократическое правление должно было появиться с первых шагов человеческого общества на земле; более пристальный взгляд открывает, что оно должно появиться последним, то есть при достижении обществом высокого уровня развития.

5 Излишне говорить, что здесь я имею в виду демократическое правительство применительно к какому-либо народу, а не к маленькому племени.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ НАЛОГИ ПРИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ПРАВЛЕНИИ В АМЕРИКЕ

В любом обществе люди делятся на классы. — Как влияет каждый из этих классов на финансовое

управление в государстве. — Почему при народном правлении государственные расходы имеют

тенденцию возрастать. — Что делает издержки демократии не такими опасными в Америке. —

Использование государственных доходов демократическим правительством.

Демократическое правительство — экономно ли оно? Но мы прежде должны решить, с каким другим правительством мы собираемся его сравнивать.

Нетрудно было бы ответить на поставленный вопрос, если бы мы захотели провести параллель между демократической республикой и абсолютной монархией. В этом случае мы бы обнаружили, что общественные, то есть государственные, расходы з первой несравненно выше, чем во второй. Но то же самое можно сказать обо всех свободных государствах в сравнении с теми, которые таковыми не являются. Совершенно очевидно, что деспотизм разоряет людей, не давая им производить, не говоря уже о том, что он отбирает у них плоды производства; с почтением относясь к достигнутому богатству, он истощает сам источник богатства. Свобода же, напротив, создает в тысячу раз больше благ, чем разрушает. И у свободных наций народные средства возрастают значительно быстрее, чем налоги.

Для меня важно сравнить между собой свободные народы и, проведя это сравнение, определить, какое влияние оказывает демократия на государственные финансы.

Общество, как и любая организованная группа людей, в своем становлении следует фиксированным правилам, отступать от которых оно не может. Правила эти включают в себя ряд элементов, которые являются незыблемыми во все времена и во всех точках земли.

Всегда будет легко идеально разделить любое общество на три класса.

Первый — это класс богатых. Второй включает в себя всех тех, кто, хотя и не является богатым, живет в полном довольстве. В третий класс входят те, кто владеет небольшой собственностью или вовсе ее не имеет и живет в основном той работой, которую ему предоставляют дза первых класса.

Количество индивидуумов, входящих в эти три общественные

категории, может быть большим или меньшим в зависимости от социального устройства, но вы ничего не сможете сделать, чтобы сами эти категории перестали существовать.

Конечно же, каждый из этих классов внесет в управление финансами государства что-то свое, только ему свойственное.

Представьте себе, что только первый класс — класс богатых — будет заниматься составлением законов: вероятно, он будет мало озабочен экономией государственных средств, поскольку налог, которым облагается большое состояние, изымает лишь излишек и поэтому он малочувствителен для представителей этого класса

Теперь допустим, что составлением законов занимаются только средние классы. Можно рассчитывать на то, что они не станут злоупотреблять налогами, потому что нет ничего разорительнее крупных сборов, которыми облагают маленькие состояния.

Правительство средних классов, мне кажется, должно быть среди других свободных правительств, не скажу, самым просвещенным, знающим, ни тем более самым щедрым, но самым экономным. Наконец, я могу предположить, что составлять законы поручено целиком третьему классу. И по моему мнению, многое говорит за то, что налоги возрастут, вместо того чтобы уменьшиться. И тому я вижу дзе причины.

Прежде всего большая часть тех, кто принимает законы, не имеет такой собственности, которая облагается налогом, и поэтому им кажется, что все деньги, которые идут на общество, приносят им выгоду, а ни в коем случае не вред. И те, которые имеют небольшую собственность, умело находят способ принять такой налог, которым бы облагались только богатые и который приносил бы выгоду только бедным. Это то, что никогда не сумели бы сделать богатые, будь они у власти.

В странах, где исключительно бедным [6] было бы дано право принимать законы, нельзя ожидать большой экономии в государственных расходах: эти расходы всегда будут значительными либо потому, что налоги не заденут тех, кто за них голосует, либо

[6] Понятно, что слово «бедный» имеет здесь относительный, а не абсолютный смысл. Бедные в Америке по сравнению с бедными в Европе чаще сошли бы за богатых. Однако их можно назвать бедными, если провести сравнение с их согражданами, с теми, кто еще богаче.

потому что люди, принимающие закон, недосягаемы. Иначе

говоря, демократическое правительство — это единственное правительство, где тот, кто принимает законы о налогах, может избежать их уплаты.

Мне возразят, и напрасно, что оберегать состояние богатых — это в интересах народа и что в противном случае в стране незамедлительно наступит финансовое затруднение. Разве не в интересах королей сделать своих подданных счастливыми и не в интересах ли знати, способствуя этому, открыть доступ в свои ряды? Если бы интерес, обращенный в далекое будущее, мог бы осилить страсти и потребности текущего дня, на свете никогда не было бы ни монархов-тиранов, ни высшей аристократии.

Мне снова возразят, говоря: а кто, собственно, предполагал поручать составление законов бедным, без участия других? Кто? Те, кто ввел закон о всеобщем избирательном праве. А кто принимает законы, большинство или меньшинство? Конечно, большинство. И если я свидетельствую, что бедные всегда составляют большинство в стране, то разве я не прав, утверждая, что в странах, где им доверено голосовать, именно они и принимают законы?

Итак, известно, что до сегодняшнего дня большинство нации составляют те, у кого нет собственности, или те, у кого собственность так невелика, что они не имеют возможности жить в достатке не работая. Всеобщее избирательное право, таким образом, реально дает обществу правительство для бедных.

Даже в некоторых демократических республиках древности мы находим свидетельства досадного влияния, оказываемого народной властью на государственные финансы, когда государственная казна истощалась оттого, что средства из нее тратились на помощь неимущим гражданам или на устройство зрелищ с играми и спектаклей для народа

Правда, следует сказать, что в древности была практически неизвестна система представительства в государственном правлении. А в наше время не так явно проявляют себя в государственных делах народные страсти; можно рассчитывать, что со временем избранное лицо в конце концов будет соответствовать своим избирателям и станет разделять их вкусы и защищать их интересы.

Издержки демократии, впрочем, вызывают меньше опасений по мере того, как народ становится собственником, потому что тогда народ, с одной стороны, менее нуждается в деньгах богатых слоев, а с другой — он сталкивается с большими трудностями при принятии такого закона о налогах, который бы его меньше ущемлял. С этой точки зрения всеобщее избирательное право менее опасно для Франции, чем для Англии, где собственность,

облагаемая налогом, сосредоточена в руках нескольких семей. Америка же, где преимущественное большинство граждан являются владельцами собственности, находится в более благоприятных условиях по сравнению с Францией.

Есть и другие причины, которые могут способствовать увеличению государственных расходов при демократическом режиме.

Когда верховная власть в стране находится в руках аристократии, люди, непосредственно занимающиеся государственными делами в силу своего происхождения, не испытывают ни в чем нужды, и, довольные своей судьбой, они стремятся главным образом сделать страну мошной и принести ей славу. Поставленные над темной толпой сограждан, они не всегда ясно понимают, каким образом всеобщее благосостояние должно способствовать их собственному величию. Дело вовсе не в том, что они безжалостны и равнодушно взирают на страдания народа, просто они не в состоянии почувствовать бедственность его положения так, как если бы они пережили это сами. Лишь бы казалось, что народ доволен своей судьбой, и они будут чувствовать себя удовлетворенными и убежденными в том, что ничего другого и не требуется от государственного управления. Аристократия больше думает о поддержании, сохранении существующего, чем о его совершенствовании, улучшении.

Когда же, напротив, государственная власть находится в руках народа, ее высший орган стремится повсюду внести усовершенствования, иначе ему не по себе.

Дух усовершенствования распространяется на тысячу разных вещей; он охватывает бесчисленные мелочи, становится неуемным, особенно если речь идет о таких усовершенствованиях, которые повлекут за собой деньги. Ведь дело в том, что нужно улучшать условия жизни бедняков, которые сами себе помочь не могут.

Кроме того, демократические общества всегда находятся в каком-то движении, не имеющем конкретной цели, их словно постоянно лихорадит; в итоге все это оборачивается каким-нибудь нововведением, а нововведения почти всегда дорогостоящи.

При монархии и при аристократическом правлении карьеристы поощряют естественную склонность монарха к славе и власти и таким образом часто подталкивают его к большим расходам.

При демократическом правлении высший государственный

правитель неиг.гущ. Его благосклонности можно добиться только путем увеличения его благосостояния, а достичь этого, как известно, всегда можно только с помощью денег.

Более того, когда народ сам начинает размышлять о своем положении, у него рождается миллион потребностей, о которых раньше он и не помышлял и удовлетворить которые можно, лишь прибегая к государственным ресурсам. Из всего этого следует, что, как правило, государственные расходы увеличиваются с развитием цивилизации, а налоги повышаются по мере распространения просвещения.

И наконец, есть еще одна, последняя, причина, из-за которой демократическое правительство нередко стоит дороже, чем любое другое. Иногда и демократическое правительство хочет навести экономию в своих средствах, однако оно не может этого сделать, потому что не владеет искусством экономии.

Так как демократия часто меняет свои намерения и еще чаще меняет своих субъектов действия, случается, что задуманные дела ведутся плохо, а то и вовсе остаются незавершенными. В первом случае государство вовлекается в расходы, непропорциональные величине поставленной цели, во втором — оно делает непроизводительные расходы.

КАКИМ ОБРАЗОМ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО АМЕРИКИ УСТАНАВЛИВАЕТ ЖАЛОВАНЬЕ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ЧИНОВНИКАМ

В демократических странах те, кто устанавливает высокое жалованье, сами не могут

воспользоваться им. — Тенденция к повышению жалованья второстепенным государственным

служащим и понижению его высшим государственным чиновникам. —Почему так происходит. —

Сравнительная таблица жалованья, получаемого государственными служащими в Соединенных

Штатах и во Франции.

Есть серьезная причина, вынуждающая демократические правительства, как правило, экономить на государственных служащих.

В демократических странах те, кто утверждает уровень заработной платы, весьма многочисленны, и поэтому у них мало шансов когда бы то ни было самим ее получать.

При аристократическом правлении, напротив, те, кто утверждает высокую заработную плату, всегда смутно надеются воспользоваться плодами этого. Дело в том, что таким образом

они создают себе капиталы или по крайней мере готовят источники доходов для своих детей.

Впрочем, нужно признать, что демократическое правительство столь скупо ведет себя только по отношению к высшим государственным деятелям.

В Америке, например, второстепенные служащие имеют значительно более высокую заработную плату, чем государственные чиновники высокого ранга.

Одна и та же причина породила противоположные следствия. В обоих случаях народ устанавливает заработную плату государственным служащим, при этом он размышляет о своих собственных нуждах, сравнивает, и это сравнение приводит его к определенному решению. Поскольку сам народ живет в полном достатке, то он считает совершенно естественным, чтобы и те, чьими услугами он пользуется, тоже жили бы в довольстве [7]. Когда же очередь доходит до установления жалованья высшим государственным чиновникам, то тут он как бы теряется, его обычный подход не срабатывает, и он действует наугад.

[7] Обеспеченность второстепенных государственных чиновников в Соединенных Штатах связана еще и с другой причиной, не вписывающейся в основные черты демократии: любая частная карьера высоко оплачивается; государство не найдет для своих служб второстепенных чиновников, если не согласится им хорошо платить. Оно оказывается в положении коммерческого предприятия, вынужденного, независимо от своих экономических пристрастий, поддерживать обременительную конкуренцию.

Бедный не задумывается над тем, какие потребности могут быть у высших классов общества. То, что для богатого всего лишь скромная сумма, бедному, который вполне удовлетворяется необходимым, она покажется огромной; и он считает, что правитель штата, имея свои две тысячи экю, должен чувствовать себя счастливым и даже вызывать зависть[8].

Ну а если вы станете ему объяснять, что официальный представитель столь великой нации должен быть окружен определенным великолепием в глазах иностранцев, он вас поймет, но только в момент объяснения. Вернувшись же мысленно к своему простому жилищу и скромным плодам своего труда, он тотчас прикинет, что он сам мог бы сделать, имей он такие деньги, которые вы считаете недостаточными, и в миг поразится и даже испугается, лишь представив себе эти богатства.

Прибавьте к этому, что второстепенный государственный

чиновник близок к народу, он почти на его уровне, тогда как высшие государственные деятели — высоко, они над ним. И если первый еще может внушать ему симпатию, то уж другие, высокого ранга, начинают вызывать у него зависть.

Это очень хорошо видно на примере Соединенных Штатов, где по мере повышения ранга государственного чиновника его жалованье в определенном смысле уменьшается[9].

При правлении аристократии все как раз наоборот: крупнее чиновники получают очень большое жалованье, тогда как у мелких порой едва есть на что жить. Все это легко объяснить причинами, аналогичными тем, которые указывались выше.

Если демократия не может постичь удовольствий богатого человека или завидует им, то и аристократия в свою очередь не понимает нужд бедного человека или, точнее, не знает о них. Бедный человек в буквальном смысле слова не похож на богатого человека, это как бы существо иного порядка. Аристократия не очень озабочена судьбой своих подчиненных из низших слоев общества. Она повышает им жалованье только в случае отказа обслуживать ее за очень низкую плату.

Демократическому правительству приписываются большие экономические способности, которых у него нет. А происходит это из-за тенденции, связанной с демократическим правлением: экономить на содержании высших государственных деятелей.

Действительно, демократия дает тем, кто управляет государством, такое жалованье, на которое едва можно честно жить, и вместе с тем расходуются огромные суммы на

[8] Например, правитель штата Огайо, насчитывающего миллион жителей, получает 1200 долларов, или 6504 франка.

[9] Чтобы представить себе это наглядно, достаточно проанализировать денежное содержание некоторых должностных лиц федерального правительства. Я счел также необходимым представить таблицу оплаты труда ошовнихов, выполняющих аналогичные функции во Франции, дабы читатель, проведя сравнение, мог получить правильное представление об этом.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ

Министерство финансов (финансовый департамент) Технический служащий (курьер) 3 734 фр.

Служащий, наименее оплачиваемый *5* 420

Служащий, наиболее оплачиваемый 8 672

Генеральный секретарь (управляющий) 10 840

Министр (государственный секретарь) 32 520

Глава правительства (президент) 135 000

ФРАНЦИЯ Министерство финансов

Технический служащий при министре 1 500 фр.

Служащий, наименее оплачиваемый от 1 000 до 1800
Служащий, наиболее оплачиваемый от 3 200 до 3600
Генеральный секретарь 20 000
Министр 80 000
Глава правительства (король) 12 000000.

Возможно, я не прав, беря для сравнения Францию. Во Франции демократические настроения с каждым днем все больше проникают в правительство, в связи с чем уже заметна появляющаяся в парламенте тенденция повышать жалованье малооплачиваемым и в особенности — понижать высокооплачиваемым. Так, министр финансов, который β 1834 году получает 80 000 франков, во времена Империи получал 160 000; генеральные директора, управляющие финансами, получающие 20 000, получали в то время 50 000.

удовлетворение нужд народа и на организацию народных гуляний[10]. Это — лучшее использование дохода от налога, но не экономия.

Вообще говоря, демократическое правление мало дает правителям и много тем, кем правят. Совсем противоположное мы наблюдаем при аристократах, когда государственные деньги приносят пользу в основном тому классу, который правит.

ТРУДНОСТИ, СВЯЗАННЫЕ С ОПРЕДЕЛЕНИЕМ ПРИЧИН, СКЛОНЯЮЩИХ АМЕРИКАНСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО К ЭКОНОМИИ

Серьезные ошибки ожидают того, кто пытается, основываясь на фактах, определить реальное воздействие, оказываемое законами на судьбу человечества, ибо нет ничего труднее, чем оценить факт.

Один народ от природы легкомысленный и восторженный, другой — склонный к размышлениям и расчетливый. Это зависит от физической конституции людей или от иных причин, уходящих в далекое прошлое, которые мне неизвестны.

Есть народы, любящие представления, зрелища, шум, веселье, они не будут сожалеть о миллионе, выброшенном на ветер.

Но есть другие народы, предпочитающие развлечения в уединенном месте, они стыдятся открытой радости.

В некоторых странах очень ценят красоту зданий. А в других не видят ни малейшей ценности в предметах искусства, презирая все, что не дает никакого дохода Наконец, в одних странах предпочитают доброе имя, известность, в другихже прежде всего

ценятся деньги.

Вне зависимости от законов все эти причины очень мощно действуют на управление государственными финансами.

Если американским властям никогда не приходилось расходовать деньги народа на народные праздники, то это не столько потому, что в этой стране народ утверждает налог, сколько потому, что народ здесь не любит веселиться.

Если американцы отказываются от украшений в архитектуре своих зданий и ценят только расчет и материальные преимущества, то это не столько потому, что они представляют демократическую нацию, сколько потому, что это народ-коммерсант.

Привычки, сложившиеся в частной жизни, находят свое отражение в жизни общественной. И поэтому в американском обществе нужно различать экономию, зависящую от государственных учреждений, и экономию, заложенную в привычках и нравах.

МОЖНО ЛИ СРАВНИВАТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РАСХОДЫ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ И ВО ФРАНЦИИ

Чтобы оценить размеры государственных расходов, нужно установить, каковы национальные

богатства и налог в стране. — Богатство и расходы Франции точно неизвестны. — Причины,

мешающие узнать, каковы богатство и расходы Союза. — Исследования, предпринятые автором,

чтобы узнать общую сумму налогов в Пенсильвании. — Общие признаки, позволяющие определить

размеры расходов того или иного народа. —Каков результат этого исследования для Союза.

В последнее время у нас большое внимание уделяется сравнению государственных расходов в Соединенных Штатах и во Франции. Все предпринятые труды в этом направлении результатов не дали, и, я думаю, не следует тратить много слов на то, чтобы доказать, что так и должно было быть.

Чтобы иметь возможность оценить размеры государственных расходов какого-нибудь народа, необходимо выяснить два момента: прежде всего узнать, каковы богатства этого народа, а затем — какую часть этих богатств он выделяет на государственные рас-

[10] Обратите внимание, сколько в американском бюджете отводится на содержание неимущих и на бесплатное образование.

В 1831 году в Штате Нью-Йорк на содержание неимущих

было израсходовано 1 290 000 франков. А сумма, выделяемая на народное образование, доходит по меньшей мере до 5 420 000 франков *(Уильяме.* Ежегодный справочник по Нью-Йорку, 1832, с. 205,243).

Штат Нью-Йорк насчитывал в 1830 году всего 1 900 000 жителей, это меньше половины по сравнению с количеством жителей Северного департамента.

173

ходы. Тот, кто определил бы общую сумму налогов, не обнаружив, какое количество средств должно их покрывать, проделал бы бесполезную работу, так как интересно знать не расходы как таковые, а отношение расходов к прибыли.

Один и тот же налог по-разному переносится богатым и бедным налогоплательщиками: он может не затрагивать серьезно финансовых интересов богатого, а бедного может довести до нищеты.

Национальные богатства включают в себя ряд компонентов: первое — это земля и ее сокровища, второе — это все блага, созданные народом. Сложно определить площадь, природную или приобретенную ценность плодородных земель, принадлежащих той или иной нации. Еще сложнее оценить те блага, те сокровища, которые созданы самой нацией. Они так разнообразны, и число их так значительно, что любые попытки провести исследование и постараться определить ценность накопленных богатств, как правило, ни к чему не приводят. Поэтому мы видим, что даже те европейские нации, которые прошли длительный путь цивилизации и во главе которых стоит централизованное правительство, до сих пор не установили точно состояние своих национальных богатств.

А в Америке и идея-то такая не появлялась. И могло ли быть иначе в этой новой стране? Могла ли она добиться успеха в этом направлении, если общество еще не стабилизировалось, не определилось, а правительство в отличие от нашего не располагает множеством подчиненных, которыми оно могло бы распоряжаться и чью деятельность могло бы координировать; если, наконец, в этой стране отсутствует статистика, поскольку здесь вы не встретите человека, который был бы способен собрать документы и имел бы время их просмотреть?

Таким образом, нет возможности получить необходимые составляющие для проведения нужных подсчетов. Мы не можем сравнивать достояние Франции и Союза, ибо богатства Франции еще не известны, а в Союзе еще не выработаны способы их определения.

Однако я готов на данном этапе отбросить необходимый член сравнения, то есть я отказываюсь от информации, касающейся отношения налога к доходу, и ограничусь установлением величины самого налога. Читатель должен будет признать, что, сократив круг моих изысканий, я не облегчил своей задачи. Я уверен, что французское правительство, подключив к работе всех своих чиновников, не сможет установить точную сумму всех прямых и косвенных налогов, лежащих бременем на французских гражданах. Частное лицо не может проделать такую работу, а французское правительство, которое взялось за нее, не довело ее до конца, точнее, не опубликовало ее результатов. Мы знаем, каковы расходы центрального правительства, нам известна сумма расходов по департаментам; мы не знаем, что происходит в коммунах, никто, следовательно, сегодня не может сказать, какой суммы достигают во Франции государственные расходы.

Теперь обратимся к Америке. Предвижу, что трудностей здесь еще больше и их еще труднее преодолеть. Союз предоставит мне точную информацию об общей сумме своих расходов; я могу получить информацию о бюджетах каждого из двадцати четырех штатов Союза, но кто даст мне сведения о том, каковы расходы граждан на управление каждого округа и каждой общины? [11]

[11]У американцев, как известно, существует четыре вида бюджета: у Союза свой бюджет; штаты, округа и общины также имеют свои бюджеты. Находясь в Америке, я проделал большую работу, чтобы узнать, какова общая сумма государственных расходов в общинах и округах основных штатов Союза. Я легко получил сведения о бюджетах самых крупных общин, но мне не удалось узнать, каков бюджет маленьких общин. Это не позволило мне составить точное представление о расходах всех общин, вместе взятых. Что касается расходов в округах, то у меня есть документы, правда неполные, которые, возможно, удовлетворят интерес читателей к этому вопросу. Их наличием у меня β обязан любезности господина Ричардса, бывшего мэра Филадельфии. Это бюджеты тринадцати округов Пенсильвании на 1830 год: Либанона, Центра, Франклина, Лафайета, Монтгомери, Люцерна, Дофина, Батлера, Аллегана, Колумбии, Нортумберленда, Нортхэмптона, Филадельфии. В 1830 году число их жителей доходило до 495 207 человек. Если взглянуть на карту Пенсильвании, то можно увидеть, что эти тринадцать округов разбросаны по всей территории и подвержены всему, что может влиять на состояние страны, и до такой степени, что невозможно сказать, почему именно не удается получить точного представления о финансовом состоянии округов Пенсильвании. Итак, эти самые округа израсходовали за 1830 год 1800 221

франк, то есть 3 франка 64 сантима на одного жителя. Я подсчитал, что каждый из этих жителей в течение 1830 года отдал на нужды федерального союза 12 франков 70 сантимов и 3 франка 80 сантимов — на нужды Пенсильвании, из чего следует, что за 1830 год каждый из этих граждан отдал обществу, чтобы покрыть государственные расходы (за исключением общинных расходов), 20 франков 14 сантимов. Этот результат весьма неполный, как мы видим, так как он охватывает только один год и только часть государственных налогов, но его можно считать достоверным.

174

Федеральная власть не простирается так далеко, чтобы обязать провинциальные власти просветить нас в этой области. А местная администрация захочет ли сама по себе оказать нам содействие, да еще одновременно во всех округах, общинах? Я сомневаюсь, что они будут в состоянии удовлетворить наш запрос. Не говоря уже о том, что в самом мероприятии заложены трудности, политическая организация страны также воспротивится тому, чтобы усилия местных властей увенчались успехом. Должностные лица в общинах и округах не назначаются центральным правительством, а поэтому не зависят от него. Можно предположить, что, если бы высшее государственное правление захотело получить те же сведения, что необходимы нам, оно бы столкнулось с большими препятствиями, причина коих кроется в небрежности исполнения своих обязанностей подчиненными, чьими услугами оно вынуждено было бы воспользоваться[12].

Бесполезно, впрочем, стремиться определить, что могли бы сделать американцы в данной области, так как совершенно ясно, что до настоящего времени они ничего не сделали.

И сегодня ни в Америке, ни в Европе не найдется ни одного человека, который бы ответил на вопрос, сколько же платит ежегодно каждый гражданин Союза, чтобы покрыть государственные расходы[13].

В заключение отмечу, что сравнивать государственные расходы американцев с расходами французов так же трудно, как сравнивать богатства Союза и богатства Франции. К этому добавим, что даже пытаться это делать опасно. Когда основой статистики не являются точные и строгие расчеты, она не направляет ваше исследование, а вводит вас в заблуждение. Ваш мозг легко попадается на удочку чисто внешней точности, которую статистика сохраняет даже в отступлениях и не колеблясь отдает себя во власть ошибок, облаченных в

правильные математические формы.

Оставим цифры в стороне и постараемся решить задачу иначе.

Производит ли страна впечатление процветающей державы; после выплаты налогов государству остается ли у бедного достаточно средств для жизни и сохраняет ли богатый те излишки, которые и делают его богатым; и тот и другой производят ли впечатление людей, довольных судьбой; стремятся ли они постоянно улучшать свою жизнь, одновре-

[12] Те, кто хотел провести параллель между государственными расходами американцев и французов, сразу почувствовали, что невозможно сравнивать общую сумму государственных расходов Союза; они попытались сравнить отдельные части этих расходов. Легко доказать, что этот второй способ действия не менее порочен, чем первый.

С чем, к примеру, стану я сравнивать национальный бюджет Франции? С бюджетом Союза? Но Союз занимается гораздо меньшим количеством проблем, чем французское правительство, и его расходы должны быть, естественно, намного меньше. Сравнивать бюджеты наших департаментов с бюджетами отдельных штатов, из которых состоит Союз? Но, как правило, администрация в штатах занимается более важными и более многочисленными вопросами в сравнении с администрацией французских департаментов; их расходы, следовательно, более значительны. Если взять бюджеты округов, то в финансовой системе Франции мы не найдем ничего похожего. Может быть, включить эти средства в бюджет государства или коммун? Общинные расходы существуют в обеих странах, но они не всегда аналогичны. В Америке община занимается очень многими из тех проблем, которые коммуна во Франции передает департаменту или государству. Что же все-тахи следует понимать под общинными расходами в Америке? В каждом штате община организована по-своему. Что взять в качестве примера — то, что происходит в Новой Англии или в Джорджии, в Пенсильвании или в штате Иллинойс?

Нетрудно отметить какое-то сходство между некоторыми бюджетами двух стран; однако поскольку составляющие их части всегда так или иначе различаются между собой, то никто не смог бы провести между ними серьезное сравнение.

[13] Допустим, станет известна точная сумма, которую каждый гражданин Франции или Америки вкладывает в государственную казну — это будет только часть правды.

Правительства требуют от налогоплательщиков не только денег, но и их личных усилий, которые тоже можно оценить в

деньгах. Государство нанимает армию; помимо того, что на солдата идут в виде жалованья деньги, которые вносит народ, солдат еще отдает свое личное время, оценить которое можно в зависимости от того, как он его использовал бы, будь он не в армии. То же самое нужно сказать и об ополченки. Тот, кто состоит в ополчекии, посвящает защите государства свое драгоценное время, реально отдает государству то, чего сам приобрести не может. Я привел эти примеры и мог бы привести множество других. Правительства Франции и Америки взимают с населения налоги, которые ложатся бременем на плечи граждан. Но кто при этом может с точностью определить общую сумму налогов в обеих странах?

Иная трудность останавливает, когда появляется желание сравнить государственные расходы Союза и Франции. Во Франции государство берет на себя рад обязательств, которые в Америке км отклоняются, и наоборот Французское правительство платит духовенству, американское правительство эту заботу предоставляет верующий. В Америке государство берет на себя заботу о бедных, во Франции этим занимаются благотворительные организации. Франция дает своим государственным чиновникам постоянное содержание, Америка позволяет им делать некоторые сборы. Во Франции лишь небольшое количество дорог облагается местным налогом, в Соединенных Штатах почти на всех дорогах требуют плату. Французские дороги открыты для путешественников, которые бесплатно разъезжают по ним, в Соединенных Штатах многие дороги перекрыты. Все эти различия,относящиеся к способу участия налогоплательщика в покрытии государственных расходов, очень затрудняют сравнение между этими двумя странами. Есть расходы, которых с точки зрения граждан делать не следовало бы или их следовало уменьшить, и так бы оно и было, если б государство в самом деле действовало во имя граждан.

менно заботясь о том, чтобы промышленность не знала недостатка в капиталовложениях для своего развития и чтобы было куда вкладывать капиталы, — ответы на эти вопросы и есть те характеристики, к которым при отсутствии нужных документов можно прибегнуть, дабы узнать, в каком соотношении находятся государственные расходы, оплачиваемые народом, со средствами, которыми народ владеет.

Исследователь, прибегнувшей к этим свидетельствам, без сомнения, сделает вывод, что житель Соединенных Штатов отдает

государству значительно меньшую часть своего дохода, чем француз.

А разве может быть иначе?

Долг, который еще не выплатила Франция, — это результат двух военных вторжений. Союзу же нечего опасаться. Положение Франции обязывает ее постоянно иметь под ружьем довольно многочисленную армию. Изолированное положение Союза позволяет ему иметь не более 6 тысяч солдат. У Франции около 300 кораблей, а у американцев их всего 52 [14]. Так как же могут житель Союза и житель Франции платить своему государству одинаково?

И не стоит проводить параллелей между финансами этих двух таких разных стран.

Только изучив все, что происходит в Союзе, а не сравнивая Союз с Францией, мы можем вынести суждение, действительно ли американская демократия умеет экономно расходовать средства.

Я присматриваюсь к каждой из столь несхожих между собой республик, составляющих Союз, и делаю для себя открытие: оказывается, с одной стороны, их правительство часто непостоянно в своих замыслах, с другой — со стороны правительства отсутствует регулярный контроль за исполнением его указаний подчиненными. Из всего этого, естественно, я делаю вывод, что такое правительство часто расходует бесполезно деньги своих налогоплательщиков или вкладывает в предприятия средств больше, чем необходимо.

Я вижу, что, верное своему народному происхождению, правительство делает колоссальные усилия, чтобы удовлетворить запросы низших классов общества, открыть им дорогу к власти, повысить уровень их благосостояния и образования. Оно поддерживает бедных, ежегодно выделяет миллионы на школы, оказывает разнообразную денежную помощь, щедро платит даже самым мелким служащим. Подобный способ правления мне кажется и полезным, и разумным, но нельзя не признать, что он разорителен.

Я представляю себе бедного человека, управляющего государстваккыми делами и финансами, и мне трудно поверить, что, распоряжаясь государственными расходами, он не вовлечет государство в новые.

Итак, не прибегая к цифрам, которые могут не совсем соответствовгть реальности, и не проводя рискованных сравнений, я тем не менее могу сделать вывод: демократическое правительство Америки нельзя назвать дешевым, как это порою утверждается. Более того, я предполагаю, что серьезные трудности однажды лягут на плечи народов Соединенных

Штатов, налоги там достигнут того же уровня, что и в европейских странах с монархическим режимом или с аристократическим правлением.

О КОРРУПЦИИ И ПОРОКАХ ПРАВИТЕЛЕЙ ПРИ ДЕМОКРАТИИ. КАК ЭТО ВЛИЯЕТ НА УРОВЕНЬ НРАВСТВЕННОСТИ В ОБЩЕСТВЕ

При аристократическом правлении бывают правители, проявляющие склонность к коррупции. — При

демократическом правлении правители сами нередко оказываются коррумпированными. — В первом

случае пороки непосредственно воздействуют на нравственность народа. — Во втором случае они

оказывают на народ опосредствованное влияние, что еще опаснее.

Аристократы и демократы обвиняют друг друга в поощрении и развитии коррупции; необходимо подчеркнуть здесь то различие, которое имеется между первыми и вторыми.

[14] См. детально разработанные бюджеты министерства морского флота Франции, а аналогичные сведения по Америке можно найти в «Национальном календаре» за 1833 год, с. 228.

В аристократических правительствах государственными делами занимаются люди состоятельные, которых на государственный пост приводит лишь стремление к власти. В демократических правительствах государственные деятели — это бедные люди, и им только предстоит нажить свое состояние.

Из этого следует, что в аристократических государствах правители практически недоступны для коррупции и весьма умеренно относятся к деньгам; совершенно обратное происходит в демократических странах.

Поскольку в странах с аристократическим правлением желающие занять государственный пост владеют большим состоянием, а число тех, кто может им в этом содействовать, невелико, власть там как бы продается с аукциона. В демократических же странах все иначе: те, кто стремится к власти, как правило, небогаты, а число тех, кто может способствовать этому, достаточно велико. Возможно, в этих странах и не меньше продажных людей, да очень мало находится покупателей, к тому же надо одновременно купить слишком многих, чтобы добиться намеченной цели.

Среди тех, кто находится у власти во Франции последние

сорок лет, многие обвинялись в том, что они сделали себе состояние за счет государства и его союзников; государственных деятелей старой монархии редко упрекали в этом. Но во Франции неизвестны случаи, когда бы голос избирателя покупался просто за деньги, тогда как в Англии это общеизвестно и делается гласно.

Мне не приходилось слышать в Соединенных Штатах, чтобы кто-то употребил свое состояние на подкуп тех, кем правят, но я нередко был свидетелем того, как ставилась под сомнение честность государственных чиновников. Еще чаще я слышал, что их успехи приписывались низким интригам или преступным махинациям.

Таким образом, если государственные деятели аристократического правительства иногда готовы подкупить других, то руководители демократического правительства сами оказываются подкупленными. В первом случае наносится прямой удар нравственности общества; во втором случае воздействие на общественное сознание происходит косвенно, и это еще опаснее.

В демократических странах руководители государства, почти постоянно находясь под подозрением, обеспечивают в определенном смысле государственную поддержку тем преступлениям, в которых их обвиняют. Тем самым они представляют опасный пример для добродетели, которая еще продолжает бороться с пороком, а скрывающемуся пороку позволяют провести выгодные для себя сравнения.

Напрасно станут мне говорить, что непристойные страсти обнаруживаются в любой среде, что они подбираются нередко к тем, кто сидит на троне по праву рождения, и что, наконец, недостойных людей можно встретить как во главе аристократического государства, так и в демократическом правительстве.

Это не может служить объяснением для меня: известно, что в коррупции тех, кто пришел к власти случайно, есть что-то грубое и вульгарное, и это заражает толпу; напротив, в обществе знатных вельмож присутствие определенного духа аристократической утонченности, духа величия вызывает отвращение к коррупции, что препятствует ее распространению.

Народ никогда не постигнет тайн придворной жизни; едва ли обнаружит он низость, скрывающуюся под элегантностью манер, изысканностью вкуса и изяществом словесных выражений. Но вот обкрадывать общественную казну или продавать за деньги государственные услуги — последний негодяй разбирается в этом и может быть доволен, что и он к тому причастен.

Впрочем, я считаю, что страшна не столько

безнравственность людей, стоящих у власти, сколько безнравственность, ведущая к власти. В демократических странах простые граждане видят, как вышедший из его среды человек в короткий срок оказывается у власти и становится богатым; это вызывает удивление и возбуждает их зависть; они начинают доискиваться, каким образом тот, который еще вчера был им ровней, сегодня наделен правом править ими. Приписать такое восхождение его способностям или добродетелям — весьма неудобно, так как это означало бы признать, что ты сам менее способен и менее добродетелен. Тогда основная причина его успеха относится за счет его пороков, и часто это бывает правдой. Вот так происходит отвратительное соединение понятий власти и низости, успеха и недостойности его, полезности и бесчестья.

177

НА КАКИЕ УСИЛИЯ СПОСОБНА ДЕМОКРАТИЯ

Союзу только раз пришлось защищать себя. — Энтузиазм в начале войны. — Охлаждение в конце

войны. — Почему в Америке невозможно провести призыв на военную службу или учет

военнообязанных моряков. — Почему демократическая страна менее, чем какая бы то ни была другая,

способна на серьезные продолжительные действия.

Предупреждаю читателя, что я поведу речь о правительстве, выражающем реальную волю народа, а не о правительстве, только управляющем от имени народа.

Нет власти более жесткой, чем власть тираническая, распоряжающаяся от имени народа, потому что, будучи наделена моральной силой, опирающейся на волю большинства, она действует с решительностью, быстротой и упорством, свойственными одному человеку.

Трудно сказать, на какие действия способно демократическое правительство в период национального кризиса

Ведь до настоящего времени не было еще ни одной крупной демократической республики. Назвать республикой олигархию, правившую во Франции в 1793 году, — значит оскорбить республику как таковую. Это новое явление, и представляют его Соединенные Штаты.

Итак, Союз образован полвека тому назад, его существование только однажды было поставлено под угрозу, это было во время Войны за независимость. В начале той долгой войны американский народ показывал примеры необычайно

восторженного служения родине [15]. Но пока она длилась, проявлялся и привычный эгоизм: деньги перестали поступать в казну; мужчины не являлись на службу в армию; народ продолжал стремиться к независимости, но отступал перед теми средствами, с помощью которых ее нужно было добиваться. «Мы увеличили количество налогов, мы нашли новые способы их повысить, все напрасно, — говорит Гамильтон в «Федералисте» (№ 12), — ожидания народа не оправдались, и государственная казна по-прежнему пуста. Демократические формы правления, свойственные демократической природе нашего правительства, в сочетании со слабым денежным обращением вследствие бессилия нашей торговли сделали бесполезными все усилия, предпринятые с целью собрать значительные суммы. Законодательные органы разного уровня наконец поняли все безумие подобных попыток».

С тех пор Соединенные Штаты не вели ни одной серьезной войны.

Чтобы оценить, на какие жертвы способны демократические страны, нужно дождаться момента, когда американский народ будет вынужден отдать в руки своего правительства половину своего дохода, как в Англии, или будет должен бросить на поле сражения двадцатую часть населения своей страны, как это было во Франции.

В Америке нет воинской повинности, в армию нанимают солдат за деньги. Обязательная служба в армии так противоречит идеям и так чужда привычкам американского народа, что я сомневаюсь, что в этой стране когда-нибудь осмелятся провести такой закон. Существование во Франции обязательного призыва на военную службу — это одна из самых тяжких повинностей. Но без этого как могла бы она вести длительную войну на континенте?

У американцев нет принудительной вербовки матросов, как у англичан. У них нет также ничего похожего на наш учет военнообязанных моряков. В государственный морской флот, как и в торговый, моряков набирают на основе добровольно заключаемого с ними договора.

Трудно себе представить, как может народ вести серьезную войну на море, не прибегая ни к одному из вышеуказанных средств. Поэтому Союзу, который уже одерживал победы на море, никогда не имея при этом большого флота, очень дорого стоило содержать команды его немногочисленных кораблей.

Мне приходилось слышать от американских государственных деятелей, что Союзу будет трудно поддерживать свой флот на должном уровне, если он не прибегает либо к принудительной вербовке матросов, либо к учету военнообязанных моряков;

однако вся трудность состоит в том, чтобы народ, который управляет, согласился принять то или другое.

15 Одним из самых ярких примеров, на мой взгляд, было принятие американцами решения сразу отказаться от употребления чая. Тех, кто знает, что человек, как правило, гораздо больше держится за свои привычки, нежели за жизнь, несомненно, поразит эта большая и непонятная жертва, принесенная целым народом.

Бесспорно, в моменты опасности свободные народы проявляют, как правило, активность, неизмеримо большую в сравнении с несвободными народами, но я склонен думать, что это в основном верно в отношении свободных народов тех стран, где у власти находится аристократия. Демократия же, мне кажется, более способна управлять мирным обществом или в случае необходимости производить внезапный и сильный удар, нежели длительное время выдерживать сильные бури политической жизни народов. Объясняется это просто: энтузиазм заставляет людей идти на опасности и лишения, но длительное время подвергаться им они могут, только приняв все рассудком, все обдумав. В том, что называется инстинктивной храбростью, больше расчета, чем можно предположить; и хотя первые шаги, как правило, делаются только под воздействием чувств, последующее движение производится уже ввиду определенного результата В жертву приносится часть того, что ценно, чтобы спасти все остальное.

Демократии часто недостает ясного видения будущего, основанного на знаниях и опыте. Народ больше обходится чувствами, нежели разумом. И если его сегодняшние беды велики, есть опасения, что он не станет думать о бедах еще больших, которые могут случиться при неблагоприятных обстоятельствах.

Есть и еще одна причина неспособности демократического правительства, в отличие от аристократического, на длительные усилия.

Народ не только видит менее ясно, чем высшие классы, на что можно надеяться или чего следует опасаться в будущем, но он к тому же не так, как они, переживает беды сегодняшнего дня. Дворянин, рискуя, готов как прославиться, так и погибнуть. Отдавая государству большую часть дохода, он тут же лишает себя каких-то удовольствий, связанных с наличием богатства Бедному смерть славы не принесет, а налог, который богатого стесняет, бедного часто лишает источников жизни.

Эта слабая сторона демократических республик, особенно заметная в периоды кризисов, возможно, представляет собой самое большое препятствие на пути возникновения подобной республики в Европе. Дело в том, что для нормального существования демократической республики в одной из европейских стран нужно, чтобы она была установлена одновременно и во всех других.

Я считаю, что демократическое правительство укрепит с течением времени реальные силы общества, но оно не сумеет объединить одновременно в одном месте столько сил, сколько может объединить аристократическое правительство или абсолютная монархия. Если какой-либо демократической страной в течение всего века будет управлять республиканское правительство, можно поверить, что к концу века она станет богаче, население ее возрастет, страна станет более процветающей, чем окружающие ее государства с деспотическим режимом; но в течение этих ста лет она неоднократно подвергнется риску быть завоеванной ими.

О ТОМ, КАК ВЛАСТЬ АМЕРИКАНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ ВЛИЯЕТ НА САМОЕ СЕБЯ

Американский народ только постепенно принимает новое и иногда отказывается от того, что служит его благу. — Способность американцев совершать поправимые ошибки.

Трудности, с которыми сталкивается демократическое правительство, стремясь одолеть страсти, будоражащие массы, и заставить народ, вместо того чтобы сосредоточиваться на нуждах ближайшего дня, заглянуть в будущее, сказываются на всем.

Народ, окруженный льстецами, с трудом справляется сам с собой. Каждый раз при необходимости пойти на некоторое лишение или стеснение он начинает с отказа, даже в тех случаях, когда разумом он способен одобрить цель, ради которой это делается. Справедливо отмечают повиновение, оказываемое американцами закону. Следует добавить, что законы в Америке утверждаются народом и для народа В Соединенных Штатах, следовательно, закон отвечает интересам всех тех, кто в какой-нибудь другой стране заинтересован в нарушении его. Позволительно думать, что, если закон тягостен и большинство населения не ощущает его необходимости в данный момент, его либо не примут, либо ему не будут повиноваться.

В Соединенных Штатах нет законов о злостном банкротстве.

Может быть, потому, что нет банкротств? Напротив, потому, что их много. Страх быть преследуемым как банкрот в умах большинства превосходит страх быть разоренным банкротами. И в общественном сознании утверждается какое-то чувство преступной терпимости по отношению к нарушению, которое каждый в отдельности осуждает.

В новых Юго-Западных штатах население, как правило, само вершит суд, и убийства там совершаются беспрерывно. Причиной тому очень жестокие нравы местного населения, а также почти полное отсутствие просвещения в этих пустынных местах. Оттого и не ощущают они необходимости в силе закона: судебным процессам они предпочитают дуэли.

Однажды в Филадельфии мне рассказали, что почти все преступления в Америке совершаются из-за злоупотреблении крепкими напитками, которые простонародье потребляет сколько хочет, поскольку их ему продают за ничтожную цену. «Почему же, — спросил я,—вы не введете налог на водку?» «Наши законодатели не раз об этом думали, — услышал я в ответ, — но это крайне тяжелое дело. Есть опасность, что возникнет бунт; к тому же те депутаты, которые проголосовали бы за подобный закон, несомненно, не был и бы переизбраны». «Так значит, — продолжал я, — у вас большинство пьющих, и трезвость непопулярна».

Когда обращаешь на это внимание государственных деятелей, они ограничиваются ответом: предоставьте действовать времени, осознание зла просветит народ и раскроет ему его интересы. Часто так и бывает: если у демократии больше шансов ошибиться, чем у короля или дворянского сословия, у нее также больше шансов оказаться правой, когда ее вдруг озарит. Дело в том, что в самой демократической системе отсутствуют, как правило, интересы, противоположные интересам большинства и противоречащие здравому смыслу. Однако только жизненный опыт способен подтвердить правоту демократии, и многие народы погибнут, так и не увидев результатов когда-то совершенных ими ошибок.

Самое большое преимущество американцев состоит не только в том, что они более просвещенные, чем другие народы, но еще и в их способности совершать поправимые ошибки.

Добавим к этому, что для лучшего использования опыта прошлого демократия должна достичь определенного уровня цивилизации и просвещения.

Известны народы, чьи начальные знания были такими порочными, а характер представлял собой такую странную смесь страстей, невежества и ложных понятий обо всем, что они не

сумели бы сами определить причину своих бедствий; эти народы гибнут от бед, природы которых не понимают.

Я объездил обширные пространства, некогда населенные крупными индейскими племенами, которых сегодня нет, я жил среди индейцев, эти племена были уже искалечены, и с каждым днем уменьшалась их численность и убывала их былая громкая слава; я сам слышал предсказания этих индейцев о том, какая судьба ожидает в итоге их расу. Между тем в Европе не найдется человека, который бы не понимал, что нужно сделать, чтобы сохранить эти несчастные народы, уберечь их от неминуемого истребления. Сами же они не видят никакого выхода; они чувствуют, что тучи с каждым годом все более сгущаются над ними, и они погибнут все до единого, отвергнув предложенное средство спасения. Пришлось бы употребить силу, чтобы заставить их жить.

У кого-то может вызывать удивление тот факт, что вот уже четверть века новые нации Южной Америки живут в постоянном волнении, там беспрестанно одна революция сменяет другую, и ежедневно можно ожидать, что они вернутся к тому, что называется *природным состоянием.* Но кто не согласится с тем, что в наше время революции абсолютно естественны для испанцев Южной Америки? В этой стране общество барахтается на дне пропасти, из которой оно не может выкарабкаться собственными усилиями.

Создается впечатление, что народ, населяющий это красивое полушарие, упрямо стремится вырвать себе внутренности, и ничто не может его от этого отвлечь. Обессилев, он дает себе короткий отдых, а после отдыха им тут же овладевает новое неистовство. Присмотревшись к его жизни, то нищей, то преступной, я испытал искушение поверить, что для этого народа деспотизм был бы благом.

Однако эти два слова никогда не смогут стоять рядом в моей голове.

180

О ТОМ, КАК АМЕРИКАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ ПРОВОДИТ ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ

Направление внешней политики Соединенных Штатов, определенное Вашингтоном и

Джефферсоном. — В ведении внешней политики проявляются почти все недостатки, свойственные

демократии, а ее достоинства малочувствительны в этой

сфере.

Мы уже знаем, что, согласно федеральной конституции, интересы нации, связанные с внешней политикой страны, находятся в руках президента и сената[16]; по этой причине общая политика Союза выпадает в определенной степени из-под прямого и повседневного влияния народа. И следовательно, нельзя категорически утверждать, что в Америке именно демократия проводит внешнюю политику государства.

Известны два человека, сообщившие политике американцев определенное направление, которого страна придерживается и сегодня; первый — Вашингтон, второй — Джефферсон.

В великолепном послании, адресованном соотечественникам и представляющем собой как бы политическое завещание этого великого человека, Вашингтон писал:

«Завязать торговые отношения с зарубежными народами и установить как можно меньшие политические связи между ними и нами — таким должно быть правило нашей политики. Мы с точностью должны выполнять уже заключенные договоры, но ни в коем случае не заключать новых.

У Европы есть свои интересы, которые никак не связаны с нашими или связаны с ними весьма косвенно; она часто бывает вынуждена ввязываться в конфликты, не имеющие, естественно, никакого к нам отношения; привязывать себя искусственными нитями к превратностям европейской политики, вступать в разного рода сформировавшиеся на ее территории дружественные и враждебные союзы и принимать участие в войнах, которые между ними возникают, означало бы действовать неосторожно.

Изолированность и удаленность от Европы побуждают нас принять иной путь и позволяют пойти по этому пути. Если мы будем продолжать оставаться единым народом с сильным правительством во главе, то недалеко то время, когда нам нечего и некого станет бояться. Тогда мы сможем вести себя так, чтобы заставить уважать свой нейтралитет; воюющие страны, чувствуя, что не могут на нас нажиться, побоятся беспричинно провоцировать нас; и мы окажемся в таком положении, в котором сможем выбирать мир или войну, руководствуясь только собственными интересами и справедливостью.

Почему мы должны отказываться от тех преимуществ, которые можно извлечь из столь благоприятной ситуации? Почему мы должны вместо того, чтобы заботиться о собственной территории, утверждать себя на чужой? Почему, наконец, связывая свою судьбу с судьбой какой-нибудь части Европы, мы должны рисковать своим миром и процветанием ради

властолюбия, соперничества, интересов или капризов народов, населяющих ее?

Сущность истинной политики для нас состоит в том, чтобы не вступать в постоянный союз ни с одним зарубежным государством, по крайней мере настолько, насколько мы вольны этого не делать, ибо я далек от того, чтобы желать невыполнения уже имеющихся обязательств. Честность — лучшая политика; по-моему, это правило в равной степени применимо и к межгосударственным отношениям, и к поведению индивидуумов. Итак, я считаю, что необходимо в полном объеме выполнять те обязательства, которые мы уже приняли, а вступать в новые — вредно и неосторожно. Нам нужно вести себя так, чтобы нас уважали, и временных союзов нам вполне достаточно, чтобы противостоять любой опасности».

Еще до этого послания Вашингтон высказал прекрасную и справедливую мысль: «Народ, который отдает себя во власть привычных чувств любви или ненависти по отношению к другому народу, становится в какой-то степени рабом. Рабом своей ненависти или своей любви».

[16]Президент, сказано в конституции, ст. 11, ч. 2, § 2, будет заключать соглашения с учетом мнения сената и с его согласия. Читатель не должен забывать, что сенатор получает мандат на шесть лет и что, будучи избран представителями законодательной власти от каждого штата, он попадает в сенат в результате двухступенчатой системы выборов.

В своей политической деятельности Вашингтон всегда руководствовался высказанными им мыслями. Ему удавалось сохранять мир в своей стране в то время, когда земной шар был объят войной, и он научно обосновал тезис, согласно которому американцы заинтересованы никогда не принимать участия во внутренних распрях Европы.

Джефферсон пошел дальше и ввел в политику Союза еще одно правило, гласившее: «Американцы никогда не должны просить у чужеземных наций преимущественных прав для себя, чтобы не быть обязанными предоставлять аналогичные права другим».

Эти два принципа, очевидная справедливость которых очень легко сделала их достоянием масс, до чрезвычайности упростили внешнюю политику Соединенных Штатов.

Поскольку Союз не вмешивается в дела Европы, то у него и нет спорных внешнеполитических интересов, сильных соседей в Америке у него тоже еще нет. Находясь как в силу своего

положения, так и в силу собственной воли вне страстей Старого Света, Союз имеет возможность либо окунуться в них, либо уберечь себя от них. Что же касается страстей, которые разыграются в Новом Свете, то будущее их пока скрывает.

Итак, Союз свободен от старых обязательств; он использует опыт стран Европы, не будучи обязанным в отличие от них извлекать уроки из прошлого и использовать их в настоящем; как и их, его никто не принуждает принять огромное наследие отцов —смесь славы и нищеты, дружбы и ненависти, связанных с национальными интересами. Внешняя политика Соединенных Штатов в высшей степени выжидательная; ее задача состоит в том, чтобы скорее воздерживаться от какой бы то ни было деятельности, нежели действовать.

В данный момент трудно сказать, насколько умело американская демократия будет проводить свою внешнюю политику. По этому поводу и противникам, и друзьям американской демократии следует воздерживаться от высказывания своего мнения.

Мне же ничто не мешает изложить свою точку зрения: именно в области государственной внешней политики демократические правительства мне представляются решительно слабее в сравнении с другими. Опыт, нравы и образование в конце концов всегда развивают в демократической стране так называемый практичный, годный на каждый день ум и умение разбираться в бытовых событиях, что еще называют здравым смыслом. Его вполне достаточно для обычной жизни общества, поскольку польза, которую приносит просвещенному народу демократическая свобода, перевешивает те несчастья, к которым приводят ошибки демократического правления. Но в отношениях с другими народами дело обстоит иначе.

Ни одно присущее демократии свойство не может быть полезно для внешней политики. Напротив, она требует свойств, которыми демократия не располагает. Демократия способствует росту внутренних ресурсов государства, благоприятствует распространению достатка и развитию общественного сознания, укрепляет уважение к закону в различных классах. Но все это имеет лишь косвенное отношение к тому месту, которое один народ занимает среди других народов. А демократии нелегко увязывать все детали крупного дела, останавливаться на каком-либо замысле и упорно проводить его в жизнь, несмотря на препятствия. Она не способна тайно принимать какие-либо меры и терпеливо ждать результатов. Все это значительно лучше удается правлению одного человека или аристократическому правлению. В то же время именно все это необходимо для того,

чтобы со временем один народ возвысился над другим, подобно тому как один человек возвышается над другими людьми.

Рассматривая недостатки, свойственные аристократическому правлению, вы обнаружите, что они не оказывают почти никакого влияния на внешнюю политику государства. Основной порок аристократии заключается в том, что она работает только на самое себя и пренебрегает народными массами. Что же касается внешней политики, то в ней интересы аристократии и народа обычно совпадают.

Склонность демократии руководствоваться в политике скорее чувствами, нежели разумом и жертвовать обдуманными замыслами ради преходящей страсти особенно ярко проявилась в Америке во время Французской революции. Тогда, как и сегодня, американцам не надо было иметь много ума, чтобы понимать, что отнюдь не в их интересах развязывать войну, хотя она и могла залить кровью Европу, не причинив вреда Соединенным Штатам.

Однако симпатии американского народа к Франции были так горячи, что война не была объявлена Англии только благодаря несгибаемому характеру Вашингтона и его

огромной популярности. Кроме того, борьба этого великого обладателя сурового разума против благородных, но безрассудных страстей своих сограждан едва не лишила его единственной награды, к которой он всегда стремился, — признательности своей страны. Тогда большинство высказалось против проводимой им политики, теперь же весь народ одобряет ее[17].

Конституция и общественное расположение позволили Вашингтону принимать решения, касающиеся внешней политики государства, иначе народ сделал бы тогда именно то, что сегодня он осуждает.

Во главе всех народов, оказывавших сильное влияние на мир, тех, которые создавали, развивали и воплощали великие замыслы, начиная от римлян и кончая англичанами, стояли аристократы. И это неудивительно.

Взгляды аристократов отличаются удивительной прочностью. Страсти или невежество могут поколебать убеждения народных масс. Можно обмануть монарха и заставить его усомниться в правильности его замыслов. Кроме того, монарх смертен. Что касается аристократического сословия, оно, с одной стороны, слишком многочисленно, чтобы поддаться на обман, а с другой — слишком малочисленно, чтобы уступить безрассудным страстям. Аристократия — образованна, последовательна в действиях и

бессмертна

[17] См. пятый том книги Маршалла «Жизнь Вашингтона». «В таком правительстве, как правительство Соединенных Штатов,— говорит он на с. 314,—первое должностное лицо, несмотря на всю свою твердость, не может долго противостоять напору общественного мнения. В то время общественное мнение склонилось к войне. И действительно, на проходившей тогда сессии конгресса неоднократно отмечалось, что Вашингтон потерял большинство в палате представителей». К этому следует добавить, что словесные нападки на него отличались крайней резкостью. На одном политическом собрании его не побоялись даже в завуалированной форме сравнить с предателем Арнольдом (с. 265). «Представители оппозиции, — говорит Маршалл (с. 355), — заявили, что сторонники администрации представляют собой аристократическую группировку, находящуюся на службе у Англии. Поскольку она хочет установить в стране монархию, она враждебно относится к Франции. Эта группировка, члены которой составляют нечто вроде дворянства, обладающего вместо титулов акциями Банка, настолько боятся любой меры, которая может отразиться на состоянии капиталов, что она равнодушна даже к оскорблениям, тогда как честь и интересы нации требуют, чтобы на них был дан достойный ответ».

Глава VI. РЕАЛЬНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ ДЛЯ АМЕРИКАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В начале данной главы я считаю необходимым напомнить читателю то, о чем я уже неоднократно говорил в этой книге.

Политическое устройство Соединенных Штатов представляет собой демократическую форму правления; однако, по моему мнению, американские учреждения не являются ни лучшими, ни единственно возможными для народа, живущего в демократическом обществе.

Знакомя читателя с преимуществами американской демократии, я далек от мысли о том, что подобные преимущества могут возникнуть лишь в результате действия каких-то одних определенных законов.

ОБЩАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ЗАКОНОВ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В АМЕРИКЕ И СВОЙСТВА ТЕХ, КТО ПРОВОДИТ ИХ В ЖИЗНЬ

Пороки демократии бросаются в глаза. — Ее преимущества становятся заметны лишь со временем. —

Американская демократия не всегда действует удачно, но общая направленность ее законов полезна для

общества. — Государственные служащие в американском демократическом обществе не имеют

интересов, стабильно отличающихся от интересов большинства. — К чему это приводит.

Пороки и слабости демократической формы правления лежат на поверхности, для их доказательства можно привести очевидные факты. В то же время благотворное воздействие такой формы правления осуществляется незаметно, можно даже сказать, подспудно. Ее недостатки поражают с первого взгляда, а достоинства открываются лишь со временем.

Американские законы нередко бывают небрежно сформулированными и неполными. Случается, что они не учитывают существующих прав или поощряют те, которые могут представлять опасность. Когда они хороши сами по себе, их большим недостатком является частая их смена. Все это видно невооруженным глазом.

Почему же в таком случае американские республики живут и процветают?

Говоря о законах, нужно тщательно различать, с одной стороны, цель, которую они преследуют, а с другой — средства достижения этой цели, то есть их абсолютную и относительную доброкачественность.

Предположим, что законодатель стремится оградить интересы небольшого числа людей в ущерб большинству. Он составляет положения закона так, чтобы достичь искомого результата в максимально сжатые сроки и с наименьшими усилиями. Закон получится хорошим, но цель — дурная. При этом чем лучше ее удастся воплотить в жизнь, тем большую опасность она будет представлять.

Демократические законы обычно стремятся обеспечить благо большинства. Ведь они исходят от большинства граждан, которые могут ошибаться, но не могут выражать интересов, противоположных своим собственным.

Аристократические законы, напротив, тяготеют к сосредоточению власти и богатства в руках небольшой группы людей, поскольку аристократия по своей природе всегда является меньшинством.

В целом можно сказать, что демократическое

законотворчество несет больше блага человечеству, чем аристократическое.

Однако это его единственное преимущество.

Аристократия значительно более умело пользуется законодательством, чем демократия. Она хорошо владеет собой, ей незнакомы мимолетные увлечения, она тщательно вынашивает свои замыслы и умеет дождаться благоприятного случая для их воплощения. Она действует со знанием дела и умеет в определенный момент мастерски направить совокупную силу своих законов на единую цель.

О демократии этого сказать нельзя: ее законы почти всегда несовершенны или несвоевременны.

Следовательно, средства, используемые демократией, менее совершенны, чем те, которые использует аристократия, и она часто против своей воли действует себе во вред, но ее цели благородны.

Представьте себе общество, природа и структура которого таковы, что позволяют ему переносить временное действие неудачных законов, общество, которое может без опасности для себя ждать благотворных результатов *общей направленности* законов, и вы согласитесь, что, процветанию такого общества в наибольшей степени способствует демократическая форма правления, несмотря на все ее пороки.

Именно так обстоит дело в Соединенных Штатах. Я повторю здесь то, что уже говорил выше: огромное преимущество американцев состоит в том, что они могут себе позволить совершать поправимые ошибки.

Почти то же самое можно сказать и о государственных служащих.

Легко увидеть, что американская демократия часто ошибается в выборе людей, которым она доверяет власть. Однако совсем не легко ответить на вопрос, почему управляемое этими людьми государство процветает.

Следует отметить, что, хотя правители демократического государства не всегда достаточно честны и разумны, его граждане просвещенны и сознательны.

Народы демократических государств, постоянно занятые своими делами и ревниво оберегающие свои права, не позволяют своим представителям отклоняться от определенной общей линии, диктуемой их интересами.

Не следует также забывать о том, что в демократических государствах чиновники, выполняющие свои обязанности хуже, чем чиновники других государств, остаются у власти не слишком долго.

Но есть и еще одна причина, более общего характера и более глубокая.

Конечно, народное благо требует от правителей добродетелей и талантов. Но еще в большей степени оно требует общности интересов граждан и правителей. В противном случае добродетели могут стать бесполезными, а таланты — опасными.

Важно, чтобы правители и массы граждан не были разделены противоположными или различными интересами. Но это отнюдь не значит, что интересы всех должны полностью совпадать. Такого не бывает никогда.

Еще не найдено политическое устройство, которое бы в одинаковой степени благоприятствовало развитию и процветанию всех классов, составляющих общество. Классы представляют собой нечто вроде отдельных наций внутри одного народа, и опыт показывает, что отдавать какой-либо из них в руки другого так же опасно, как позволять одному народу распоряжаться судьбой другого. Когда у власти стоят одни богатые, интересы бедных всегда в опасности. Если бедные диктуют свою волю, под удар ставятся интересы богатых. В чем же заключаются преимущества демократии? Реально они заключаются не в том, что демократия, как говорят некоторые, гарантирует процветание всем, а в том, что она способствует благосостоянию большинства.

Люди, которые в Соединенных Штатах руководят делами общества, часто не обладают такими же талантами и моральными качествами, как те, кого к власти приводит аристократия. Но их интересы смешиваются и сливаются с интересами большей части их сограждан. Они могут совершать нечестные поступки или серьезные промахи, но они никогда не будут систематически проводить политику, враждебную большинству, их правление никогда не будет отличаться опасной нетерпимостью.

В демократическом обществе плохая работа чиновника — это всего лишь отдельный факт, оказывающий влияние только во время исполнения им своих обязанностей. Коррупция и некомпетентность не являются теми общими интересами, которые могли бы надолго объединить людей.

Продажный и неспособный чиновник не станет действовать сообща с другим чиновником только потому, что тот тоже туп и продажен. Они не будут совместно трудиться для процветания коррупции и некомпетентности. Ведь властолюбие и махинации одного могут привести к разоблачению другого. В демократических государствах пороки чиновников обычно индивидуальны.

В государстве, управляемом аристократией, общественным деятелям присущи классовые интересы. Иногда, правда, они могут сближаться с интересами большинства, но чаще отличаются от них. Из них вырастают длительные связи, сплачивающие всех общественных деятелей, побуждающие их объединять и согласовывать действия, целью которых не всегда является благо большинства. При этом правители связаны не только друг с другом, но и с немалым количеством граждан, тех представителей аристократического сословия, которые не занимают никаких государственных должностей.

Таким образом чиновник в аристократическом государстве постоянно ощущает поддержку как со стороны общества, так и со стороны правительства.

Мало того, что в аристократическом государстве чиновники имеют общие интересы и цели с определенной частью своих современников, им также близки интересы грядущих поколении, которым они, можно сказать, служат. Они трудятся не только для настоящего, но и для будущего. Все ведет этих чиновников к единой цели: и страсти граждан, и их собственные страсти, и даже интересы потомков.

Возможно ли противостоять такому напору? Поэтому нередко в аристократических обществах классовые интересы порабощают даже честных людей, и они, сами того не замечая, постепенно изменяют общество, сообразуясь только со своими интересами, а также делают все для того, чтобы обеспечить надежное будущее своим потомкам.

Не знаю, есть ли на свете другая такая же либеральная аристократия, как английская, которая постоянно давала бы столько достойных и просвещенных людей для управления страной.

Однако нельзя не признать, что английские законы часто жертвуют благом бедного ради блага богатого и правами большинства ради привилегий некоторых. Вот почему сегодняшняя Англия — это страна крайностей, в которой бед не меньше, чем могущества и славы.

В Соединенных Штатах, где государственные служащие не защищают классовых интересов, непрерывный процесс управления в целом приносит пользу, хотя правители нередко бывают некомпетентны и даже достойны презрения.

Можно сделать вывод о том, что демократические учреждения таят в себе силу, благодаря которой отдельные люди, несмотря на свои пороки и заблуждения, содействуют общему процветанию, тогда как в аристократических учреждениях есть нечто такое, в силу чего деятельность талантливых и

добродетельных людей приводит к страданиям их сограждан. Так, случается, что в аристократических государствах общественные деятели творят зло, не желая этого, а в демократических — благо, не замечая этого.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Врожденная любовь к родине. — Рассудочный патриотизм. — Различие между ними, — Если первая

исчезает, народам следует делать все, чтобы приобрести второй. —Какие усилия приложили для

этого американцы. — Тесная связь интересов страны и отдельных граждан.

Существует любовь к родине, которую питают неосознанные, бескорыстные и неуловимые чувства, любовь, которая наполняет душу человека привязанностью к месту его рождения. К такой инстинктивной любви примешивается еще приверженность к древним обычаям, уважение к предкам, память о прошлом, и люди любят свою страну также, как отцовский дом. Им дороги царящее в ней спокойствие, приобретенные там мирные привычки, воспоминания, которые она им навевает. Им даже бывает сладко жить там в неволе. Такая любовь к родине нередко подогревается еще и религиозными чувствами,

и тогда она способна творить чудеса. Впрочем, она сама походит на религию: испытывающий ее человек не рассуждает, он верит, чувствует и действует. Известны народы, которые, можно сказать, персонифицировали свою родину, отождествляя ее с государем. Они переносили на него часть своих патриотических чувств, гордились его победами и его всесилием. До Французской революции было время, когда французы с какой-то радостью принимали безграничный произвол монарха и гордо говорили: «У нас самый могущественный король на земле».

Как всякое неосознанное чувство, такая любовь к родине может скорее подвигнуть на крупные, но кратковременные дела, чем на постоянные усилия. Она спасет государство в минуту опасности и может оставить его на произвол судьбы в мирное время.

Эта инстинктивная любовь к родине царит тогда, когда нравы просты, а вера крепка, когда безраздельно властвует давний общественный порядок, справедливость которого никто не оспаривает.

Есть и другая любовь к родине, более рациональная. Она,

быть может, менее великодушна и пылка, но более плодотворна и устойчива. Эта любовь возникает в результате просвещения, развивается с помощью законов, растет по мере пользования правами и в конце концов сливается с личными интересами человека. Люди начинают видеть связь благосостояния страны и их собственного благосостояния, осознают, что закон позволяет им его создавать. У них пробуждается интерес к процветанию страны сначала как к чему-то, приносящему им пользу, а затем как к собственному творению.

Однако в жизни народов иногда наступают периоды, когда древние нравы и обычаи разрушены, вера поколеблена, уважение к прошлому забыто, и в то же время просвещение еще не получило распространения, а политические права еще ограниченны и ненадежны. В такие моменты родина представляется людям как нечто смутное и неверное. Оки не связывают представление о ней ни с территорией, которая превращается в их глазах в бездушную землю, ни с обычаями предков, на которые они уже привыкли смотреть как на ярмо, ни с религией, в которой они сомневаются, ни с законами, к созданию которых их не подпускают, ни с законодателями, которых они боятся и презирают. Утратив и образ родины, и все то, что ее олицетворяло, они замыкаются в узком и невежественном эгоизме. В такие моменты люди лишены предрассудков, но они не признают и власти разума. У них нет ни инстинктивного патриотизма, свойственного монархии, ни рассудочного, присущего республике, они остановились посредине между тем и другим и живут в смуте и беспомощности.

Что делать в таких случаях? Надо бы вернуться назад. Но как люди не могут вернуться к невинным радостям юности, так и народы не могут вновь обрести утраченные чувства своей молодости. Даже если они сожалеют о них, они не в силах их возродить. Поскольку бескорыстная любовь к родине безвозвратно уходит, надо идти вперед и делать все для того, чтобы объединить в представлениях народа личные интересы и интересы страны.

Я совсем не хочу сказать, что для того, чтобы добиться этой цели, нужно сразу предоставить всем гражданам политические права. Тем не менее у нас есть только одно мощное средство, способное заинтересовать людей судьбой своей страны: надо привлечь их к управлению ею. В наши дни гражданские чувства неотделимы от политических прав, и в будущем число истинных граждан будет зависеть от расширения или сужения предоставляемых им политических прав.

Люди, ныне живущие в Соединенных Штатах, прибыли туда

недавно, они не принесли *с* собой ни прежних обычаев, ни воспоминаний, они встречаются там впервые и плохо знают друг друга. Почему же каждый из них интересуется делами общины, округа и всего государства, как своими собственными? Только потому, что каждый из них посвоему принимает активное участие в управлении обществом.

В Соединенных Штатах простые люди понимают одну несложную, но в то же время плохо осознанную народами истину: счастье каждого зависит от общего процветания. Более того, они привыкли смотреть на это процветание как на дело своих рук, они не отделяют благополучие общества от собственного благополучия и трудятся на благо государства не только из чувства долга или гордости, но, можно сказать, из страсти к наживе.

Нет необходимости изучать американские учреждения и историю для того, чтобы убедиться в верности вышесказанного, — об этом достаточно красноречиво свидетель-

ствуют нравы. Поскольку американцы причастии ко всему, что происходит в их стране, они горячо защищают все, что в ней критикуют. Ведь задевают не только их страну, но и их самих. Поэтому в своей национальной гордости они прибегают к различным уловкам и доходят даже до мальчишества, свойственного индивидуальному тщеславию.

Нет ничего более неприятного в повседневной жизни, чем этот невыносимый американский патриотизм. Иностранец готов отозваться с похвалой о многом в Америке, но он хотел бы, чтобы ему было позволено также что-нибудь покритиковать, а ему в этом категорически отказывают.

Итак, Америка — это свободная страна, но, чтобы никого не обидеть, иностранец должен остерегаться свободно высказывать свои мысли и о частных лицах, и о государстве, и о подданных, и о правителях, и об общественных делах, и о частных предприятиях Словом, он не может высказываться свободно ни о чем, не считая, может быть, климата и почвы. Но и в этом последнем случае найдутся американцы, которые будут защищать и то и другое так, словно они создали их собственными руками.

В наши дни нужно набраться мужества и сделать выбор между всеобщим патриотизмом и управлением меньшинства. Объединить же социальную силу и активность первого со спокойствием, которое порой приносит второе, невозможно.

О ПОНЯТИИ ПРАВ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Великие народы не могут существовать без понятия о правах. *— Как народ постигает идею права. — Уважение прав в Соединенных Штатах. — Откуда оно появилось.*

Самым прекрасным понятием после общего понятия о добродетели является понятие о правах. Точнее говоря, оба эти понятия соприкасаются: права — это не что иное, как добродетели, перенесенные в политическую жизнь.

Именно понятие о правах позволило людям определить, что есть вседозволенность и произвол. Оно помогает им быть независимыми без высокомерия и подчиняться, не унижаясь. Подчиняясь насилию, человек сгибается и унижается. Если же он подчиняется праву распоряжаться, которое он признает за себе подобным, он в каком-то смысле даже возвышается над тем, кто им распоряжается. Не может быть ни великих людей, не наделенных добродетелями, ни великих народов, не уважающих прав. При отсутствии прав едва ли можно говорить о существовании общества Разве можно назвать обществом группу разумных существ, если их единство основано только на силе?

Как помочь современным людям усвоить идею прав, как, если можно так выразиться, довести ее до их сознания? Существует лишь один способ: надо всем им дать возможность спокойно пользоваться некоторыми правами. Это можно хорошо проиллюстрировать, приведя в пример поведение детей, которые отличаются от взрослых людей лишь отсутствием силы и опыта. Когда ребенок начинает передвигаться среди предметов внешнего мира, он инстинктивно стремится завладеть всем, что ему попадает под руку. Он не имеет никакого понятия о чужой собственности, не знает даже, что таковая существует, но, по мере того как он узнает цену вещей и обнаруживает, что и его тоже кто-либо может лишить их, он становится осмотрительнее и в конце концов начинает относиться к своим ближним так, как он хотел бы, чтобы относились к нему.

То, что происходит с ребенком и его игрушками, позднее происходит со взрослым и его имуществом. Почему в Америке, такой демократической стране, никто не выступает против собственности, как это часто происходит в Европе? Надо ли это объяснять? Ведь в Америке нет пролетариев, и, поскольку каждому есть что защищать, все в принципе признают право собственности.

То же самое происходит и в политической жизни. В Америке простые люди осознают высокое понятие политических прав, потому что они ими располагают. Они не задевают права других, потому что не хотят, чтобы нарушали их права. В Европе простые люди не хотят признавать даже верховную власть, а в Америке

безропотно подчиняются власти самого мелкого чиновника.

И это видно во всех, самых незначительных проявлениях народной жизни. Во Франции почти нет развлечений, предназначенных исключительно для высших классов общества. Повсюду, где бывают богатые, допускают и бедных. Поэтому они ведут себя до-

стойно и с уважением относятся ко всему, что служит общим развлечениям. В Англии, где развлечения, так же как и власть, являются привилегией и монополией богатых, можно услышать жалобы на то, что бедные, когда им удается проникнуть в места, предназначенные для развлечений богатых, с удовольствием учиняют там бессмысленный погром. Что же в этом удивительного? Общество позаботилось о том, чтобы им нечего было терять.

Демократия доводит понятия политических прав до сознания каждого гражданина, так же как наличие имущества делает доступным всем людям понятие собственности. В этом состоит, по моему мнению, одно из ее главных достоинств.

Конечно, совсем нелегко научить всех пользоваться политическими правами, но достижение этой цели приносит поразительные результаты.

Следует еще добавить, что наш век представляется самым подходящим для того, чтобы попытаться сделать это.

Религия теряет силу, и из-за этого исчезает понятие божественности прав. Нравы портятся, и из-за этого слабеет нравственное понятие прав.

Повсюду суеверия приходят на место рассуждений, а чувства — на место расчетов. И если посреди этого всеобщего развала не удастся связать понятие прав с единственным, что еще не разрушено в человеческой душе, а именно с личным интересом, то для управления миром не останется ничего, кроме страха.

Когда мне говорят, что законы недостаточно суровы, а подданные неистовы, что страсти горячи, а добродетель бессильна и поэтому нельзя и думать о расширении демократических прав, я отвечаю, что об этом следует думать именно по всем этим причинам. В самом деле, правительства заинтересованы в этом больше, чем общество. Ведь правительства гибнут, а общество бессмертно. Впрочем, в данном случае пример Соединенных Штатов не показателен.

В Америке народ получил политические права в такое время, когда ему еще было трудно употребить их во зло, потому что граждане были малочисленны, а нравы просты. По мере роста

населения страны американцы не расширяли, если можно так выразиться, полномочия демократии, а скорее распространяли сферы ее приложения.

Нет сомнения в том, что момент, когда народ, до этого не имевший политических прав, получает их, — это кризис, кризис часто необходимый, но всегда опасный.

Ребенок, не понимающий ценности жизни, может убить. До тех пор пока он не знает, что и сам может стать жертвой кражи, он может завладеть чужой собственностью. Простые люди, впервые получающие политические права, оказываются по отношению к ним в таком же положении, в каком находится ребенок к окружающему его миру. К ним можно отнести это знаменитое высказывание: Homo puer robustus[1].

Это видно и в Америке. В штатах, где граждане давно пользуются правами, они используют их наилучшим образом.

Можно без преувеличения сказать: искусство жить свободным способно творить чудеса, но в то же время нет ничего труднее, чем учиться жить свободным. С деспотизмом дело обстоит иначе. Он нередко представляется средством от всех перенесенных страданий, опорой законных прав, поддержкой угнетенных, основой порядка. Народы забываются в обстановке временного благополучия, которое он порождает, а пробуждаются они уже в жалком состоянии. Свобода, напротив, обычно рождается в бурях и с трудом укрепляется среди гражданских разногласий. Ее достоинства можно познать только тогда, когда она достигает почтенного возраста.

УВАЖЕНИЕ ЗАКОНА В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Уважительное отношение американцев к закону. — Они испытывают к нему отеческие чувства. — Укрепление закона входит в личные интересы каждого.

Не всегда возможно прямо или косвенно привлечь весь народ к созданию закона. Но нельзя отрицать, что в тех случаях, когда это удается, авторитет закона значительно повышается. Народное происхождение законов, которое часто вредит их доброкачественности и мудрости, удивительным образом способствует росту их могущества.

[1] Человек сильный, но неопытный *(лат.)*.

В воле, выраженной целым народом, заключена колоссальная сила. Когда она проявляется во всей своей мощи, она подавляет воображение тех, кто хотел бы противостоять ей.

Это хорошо известно всем партиям.

Поэтому-то они и оспаривают наличие большинства, где только могут. Когда, по их мнению, его не составляют те, кто голосовал, они утверждают, что его составляют не принимавшие участие в голосовании; если и там его нет, они находят его среди тех, кто лишен права голоса.

В Соединенных Штатах все граждане, кроме рабов, слуг и бедняков, живущих за счет общины, имеют право голоса, и, следовательно, все косвенно принимают участие в законодательной деятельности. Тот, кто выступает против закона, вынужден открыто делать одно из двух: либо стремиться изменить убеждения народа, либо пренебречь его волей.

К этому надо добавить еще один довод, более конкретный и веский: в Соединенных Штатах каждый в каком-то смысле лично заинтересован в том, чтобы все исполняли законы. Ведь тот, кто сегодня не входит в большинство, может присоединиться к нему завтра. И тогда он будет требовать к своей воле такого же уважения, какое сегодня он проявляет к воле законодателей. Как бы неудачен ни был закон, граждане Соединенных Штатов исполняют его без принуждения и относятся к нему не только как к результату трудов большинства, но и как к собственному делу. Они смотрят на него как на сделку, в которой они участвуют.

В Америке нет многочисленного и беспокойного слоя людей, которые смотрели бы на закон со страхом и подозрением, как на своего естественного врага Напротив, нельзя не заметить, что все классы полностью доверяют законам, по которым живет страна, и питают к ним нечто вроде отцовской любви.

Сказав «все классы», я допустил неточность. Поскольку пирамида европейских политических сил существует в Америке в перевернутом виде, богатые занимают там такое же положение, какое в Европе занимают бедные. Именно богатые нередко с недоверием относятся к закону. Я уже говорил о том, что реальное преимущество демократического правления состоит не в том, как это иногда утверждают, чтобы обеспечить всеобщие интересы, а только в том, чтобы оберегать интересы большинства В Соединенных Штатах, где правят бедные, богатым приходится постоянно опасаться, как бы те не использовали против них свою власть.

Такое настроение богатых может превратиться в глухое недовольство, но оно не может породить крупных потрясений в обществе. Та же причина, по которой богатые не доверяют законам, мешает им пренебречь их исполнением. Богатые отстранены от законотворческой деятельности именно потому, что они богаты, по той же причине они не смеют нарушать закон.

В цивилизованных странах обычно восстают лишь те, кому нечего терять. Таким образом, хотя законы демократического общества не всегда достойны уважения, их всегда соблюдают. Ведь те, кто чаще всего нарушает закон, не могут не подчиняться законам, созданным ими самими и приносящим им пользу, а те, кто мог бы быть заинтересован в их нарушении, по своему характеру и положению в обществе расположены выполнять любую волю законодателя. Кроме того, американцы уважают законы не только потому, что они их сами создают, но еще и потому, что они могут их изменять в случае, если законы наносят им вред. Они подчиняются законам как осознанно необходимому злу, но также и как временному злу.

АКТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЛАСТЕЙ ВСЕХ УРОВНЕЙ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ. ЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОБЩЕСТВО

Легче понять свободу и равенство, свойственные Соединенным Штатам, чем бурлящую там

политическую деятельность. — Эта деятельность охватывает всю страну; постоянная и

энергичная работа легислатур является лишь ее частью. — Американцам не достаточно

заниматься только своими собственными делами. — Политическая активность оказывает влияние

на общественную жизнь. — Этот факт отчасти объясняет успехи развития промышленности в

Соединенных Штатах. — Косвенные преимущества, извлекаемые обществом из демократической

формы правления.

Когда из свободной страны приезжаешь в страну, лишенную свободы, то видишь необычайную картину: в первой стране все действует и движется, во второй — все спокойно и неподвижно. В первой только и слышишь об улучшении и прогрессе; наблюдая

вторую, можно подумать, что общество уже достигло всех благ и теперь стремится лишь наслаждаться ими и отдыхать. Однако страна, которая активно работает, чтобы стать счастливой, обычно бывает более богатой и цветущей, чем та, которая довольна своей судьбой. Знакомясь с ними обеими, нелегко понять, почему в первой непрестанно появляются все новые потребности, а вторая, казалось бы, не имеет почти никаких желаний.

Это явление может быть отмечено в свободных странах, сохранивших монархию, или в тех, где правит аристократия, но особенно ярко оно дает себя знать в демократических республиках. В них совершенствованием общества занимается не какая-либо часть народа, а весь народ, который заботится о потребностях и удобстве всех классов, а не какого-либо одного.

Несложно вообразить огромную свободу и полное равенство, которыми пользуются американцы, но невозможно понять, что такое американская политическая деятельность, не увидев этого собственными глазами.

Ступив на американскую землю, вы сразу оказываетесь посреди какой-то суматохи: со всех сторон раздаются неясные возгласы, вы слышите сразу множество голосов, каждый из которых говорит о какой-либо общественной проблеме. Все движется вокруг вас: здесь жители квартала собрались для того, чтобы решить, надо ли строить церковь, там идут выборы представителя в органы власти, дальше депутаты какого-то округа спешат в город для того, чтобы принять решение по поводу некоторых улучшений местного значения, где-то еще земледельцы оставляют свою работу и идут обсуждать план строительства дороги или школы. Группа граждан собирается с единственной целью: заявить о своем неодобрении деятельности правительства, в то время как другая группа, собравшись, провозглашает всех должностных лиц отцами отчизны. А вот и еще одна, которая считает, что главным источником всех государственных бед является пьянство, и торжественно обязуется подавать пример трезвости[2].

Постоянная и активная деятельность американских легислатур, единственная, о которой известно за рубежом, является лишь частью и продолжением общей деятельности, зарождающейся в глубине народных масс и мало-помалу охватывающей все классы граждан. Все не покладая рук трудятся на благо своей страны.

В жизни граждан Соединенных Штатов политическая деятельность занимает огромное место. Принимать участие в управлении обществом и говорить о нем — вот самое главное занятие и самое большое удовольствие для американца. Это проявляется в самых незначительных его привычках. Даже женщины часто отправляются на публичные собрания и отдыхают от домашней суеты, слушая политические речи. Клубы заменяют им до некоторой степени зрелища. Американцы не беседуют, а спорят, не говорят, а рассуждают. Они обращаются к одному человеку, как к целому собранию, и, разгорячившись, могут сказать «Господа», разговаривая с одним собеседником.

Жители некоторых стран испытывают нечто вроде отвращения к политическим правам, предоставляемым им законом. Для них заниматься общими делами равносильно потере времени, они предпочитают отсиживаться за рвами и изгородями, замкнувшись в своем узком эгоизме.

Что же касается американцев, то, если бы они были вынуждены заниматься лишь своими собственными делами, их жизнь наполовину потеряла бы смысл, казалась бы им пустой, и они чувствовали бы себя очень несчастными[3].

Я убежден, что если в Америке когда-либо установится деспотическая власть, то ей значительно труднее будет побороть привычки, рожденные свободой, чем сломить любовь к ней.

Возникающая при демократической форме правления непрерывная деятельность в политической сфере переходит затем и в гражданскую жизнь. Возможно, что в конце концов именно в этом и состоит основное преимущество демократии. Ее главная ценность не в том, что она делает сама, а в том, что делается благодаря ей.

[2] Общества трезвости — это объединения, члены которых обязуются воздерживаться от употребления крепких напитков. Во время моего пребывания в Соединенных Штатах общества трезвости насчитывали уже 270 тысяч членов. Под их влиянием в одном только штате Пенсильвания потребление крепких напитков снизилось на 500 тысяч галлонов в год.

[3] Нечто похожее произошло в Риме во времена первых цезарей. Монтескье замечает где-то, какое безмерное отчаяние охватило некоторых римских граждан, когда после бурной политической борьбы им пришлось неожиданно перейти к размеренной частной жизни.

Конечно, народ нередко очень плохо ведет государственные дела, но по мере того, как он занимается ими, круг его идей расширяется и он освобождается от присущей ему косности. У человека из народа, призванного управлять обществом, растет самоуважение. Он облечен властью, и лучшие умы приходят ему на помощь. Одни обращаются к нему за поддержкой, другие изыскивают различные способы, чтобы обмануть его, и все это его развивает. В области политики он проводит в жизнь то, что задумано другими, и эта работа воспитывает в нем вкус к предпринимательству. Каждый день он слышит советы по поводу усовершенствования общественной собственности, и это рождает в нем желание совершенствовать и свое собственное достояние. Наверное, он не более добродетелен и счастлив, чем его предки,

но он более просвещен и активен. Демократические учреждения, а также природные условия страны, несомненно, являются хотя и не прямой, как утверждают многие, но косвенной причиной удивительного развития промышленности, наблюдаемого в Соединенных Штатах. Нельзя сказать, что оно происходит благодаря законам, но его творцом является народ, развившийся в результате законотворческой деятельности.

Противники демократии утверждают, что один человек лучше справляется с государственным правлением, чем весь народ, и я согласен с ними. При условии, что культурный уровень правителя и народа равен, один человек управляет государством более последовательно, чем весь народ, он более настойчив, лучше видит целое и более тщателен в деталях, с большим знанием дела подбирает себе помощников. Те, кто это отрицает, либо никогда не видели демократической республики, либо судят по ограниченному числу примеров. Демократия, даже когда благодаря местным условиям и настроениям народа она имеет возможность существовать долго, не отличается размеренностью и методическим порядком в управлении — это бесспорно. Демократическая свобода не так совершенна во всех своих начинаниях, как разумный диктатор. Часто она бросает свои предприятия прежде, чем они начинают приносить результаты, нередко затевает опасные дела. Однако со временем она приносит больше пользы, чем деспотизм. Каждая вещь в отдельности получается у нее хуже, но в целом она делает значительно больше. В демократической республике большие дела вершатся не государственной администрацией, а без нее и помимо нее. Демократия — это не самая искусная форма правления, но только она подчас может вызвать в обществе бурное движение, придать ему энергию и исполинские силы, неизвестные при других формах правления. И эти движения, энергия и силы при мало-мальски благоприятных обстоятельствах способны творить чудеса. Это и есть истинные преимущества демократии.

В наш век, когда будущее христианского мира столь неопределенно, одни спешат сразиться с демократией, пока она еще не окрепла, другие уже поклоняются ей как появляющемуся на свет новому божеству. Но и те и другие плохо знают объект своей ненависти или поклонения и сражаются без знания дела, нанося удары наугад.

Сначала надо договориться: чего мы ждем от общества и его управления?

Хотим ли мы возвысить дух человека, помочь ему с благодарностью посмотреть на окружающий его мир? Хотим ли

мы внушить людям презрение к материальным благам? Хотим ли мы вызвать к жизни и культивировать глубокие убеждения и беззаветную преданность?

Ставим ли мы своей целью улучшение нравов, воспитание людей и развитие искусств? Стремимся ли мы к поэзии, шуму, славе?

Желаем ли мы, чтобы наш народ был способен оказать сильное влияние на все остальные народы? Готовим ли мы его к великим делам, приуготовляем ли мы ему, независимо от результатов его усилий, особую роль в истории?

Если, по нашему мнению, главная цель объединившихся в общество людей состоит в этом, то демократическая форма правления нам не подходит, она не приведет нас к цели.

Но если мы считаем, что интеллектуальную и нравственную деятельность человека следует направлять на удовлетворение нужд материальной жизни и на создание благосостояния, если нам кажется, что разум приносит людям больше пользы, чем гениальность, если мы стремимся воспитать не героические добродетели, а мирные привычки, если пороки мы предпочитаем преступлениям и соглашаемся пожертвовать великими делами ради уменьшения количества злодеяний, если мы хотим жить не в блестящем, а в процветающем обществе и, наконец, если, по нашему мнению, основ-

ной целью правления должны быть не сила и слава народа в целом, а благосостояние и счастье каждого его представителя, тогда мы должны уравнять права всех людей и установить демократию.

Если же время для выбора упущено и силы, которым человек не может противостоять, неудержимо влекут нас, вопреки нашим желаниям, к одной из этих форм правления, мы должны по крайней мере стараться извлечь из нее наибольшую пользу. Зная ее хорошие и дурные стороны, мы можем постараться смягчить вторые и развить первые.

Глава VII. О ВСЕВЛАСТИИ БОЛЬШИНСТВА В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ И О ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯХ

Естественная сила большинства в демократических государствах. — Искусственное увеличение этой

силы в большей части американских конституций. — Как это делается. — Требования,

предъявляемые избирателями своему депутату. — Моральная власть большинства. —

Представление о его непогрешимости. — Уважение его прав. Их незыблемость в Соединенных

Штатах.

Основой демократических форм правления является безраздельная власть большинства, так как, кроме него, в демократических государствах нет ничего постоянного.

В большей части американских конституций наблюдается стремление увеличить естественную силу большинства[1].

Из всех видов политической власти законодательная власть лучше всего поддается воле большинства. По воле американцев ее представители избираются непосредственно народом и на очень короткий срок. Это принуждает их выражать не только основополагающие взгляды своих избирателей, но также их преходящие страсти.

Членами обеих палат могут стать представители одних и тех же классов, процедура их избрания одинакова. В связи с этим весь законодательный корпус подвержен таким же быстрым и неотвратимым изменениям, как и одна отдельно взятая законодательная ассамблея.

Придав законодательной власти такую структуру, американцы отдали в ее руки почти все функции управления.

Закон укреплял те виды власти, которые были сильны сами по себе, и ослаблял те, которые были слабы. Представителям исполнительной власти он не обеспечивал ни стабильности, ни независимости, он полностью подчинял их капризам законодателей и таким образом лишал той незначительной силы, которой они могли бы располагать в демократическом государстве.

Во многих штатах формирование судебной власти также отдавалось на волю большинства, поскольку она избиралась, и во всех штатах судебная власть в каком-то смысле зависела от законодательной: народные представители имели право ежегодно назначать зарплату судьям.

Обычаи шли еще дальше, чем законы.

В Соединенных Штатах все больше и больше распространяется обыкновение, которое в конце концов может свести на нет возможности представительной формы правления. Очень часто избиратели, выбирая депутата, намечают ему план действий и дают некоторые конкретные поручения, которые он обязан выполнить. Это уже очень похоже на дебаты большинства на площади, только шуму меньше.

Есть также много других причин, в силу которых власть большинства в Америке не просто велика, но непреодолима.

Моральная власть большинства отчасти основана на представлении о том, что собрание, состоящее из множества людей, обладает большими знаниями и мудростью, чем один человек, на доверии количеству законодателей, а не их качеству. Это— теория равенства, распространенная на умственные способности человека, учение, которое наносит удар человеческой гордости в ее последнем убежище. Поэтому мень-

[1] Анализируя федеральную конституцию, мы видели, что союзные законодатели постарались достичь противоположного эффекта. В результате в сфере своих полномочий федеральное правительство более независимо, чем правительства штатов. Но оно занимается только внешними делами, что же касается руководства внутренней жизнью общества, то его реально осуществляют правительства штатов.

шинству нелегко принять его, и оно привыкает к нему лишь со временем. Как всякая власть, а может быть, больше, чем любая другая, власть большинства воспринимается как законная лишь после длительного существования. На первых порах она добивается подчинения принуждением. Люди начинают ее уважать только после того, как они долго жили по ее законам.

Мысль о том, что большинство имеет право управлять обществом в силу своей мудрости, была принесена в Соединенные Штаты первыми жителями этой страны. Одной этой идеи достаточно для того, чтобы народ стал свободным. В Соединенных Штатах она проникла в народные нравы и проявляется в мельчайших привычках.

Во времена старой монархии французы были убеждены в том, что король не может впасть в ошибку, и если ему случалось совершить какое-либо зло, то виноваты, по их мнению, были его советники. Это очень облегчало им повиновение. Появлялась возможность одновременно и роптать на закон, и любить и почитать законодателя. Именно так американцы относятся к большинству.

Моральная сила большинства основывается также на принципе, который гласит, что интересы большинства должны преобладать над интересами небольших групп людей. Однако совершенно ясно, что соблюдение этого права большинства естественным образом увеличивается или уменьшается в зависимости от единства или раздробленности народа. Когда нацию раздирают непримиримые интересы, то об исключительном праве большинства часто забывают, поскольку подчиняться его воле слишком мучительно.

Если бы в Америке существовал класс, который законодатели стремились бы лишить каких-либо исключительных, существовавших веками преимуществ, с тем чтобы поставить его в такое же положение, какое занимает большинство граждан, то, возможно, было бы совсем не просто заставить это меньшинство подчиняться законам.

Но в Соединенных Штатах все равны между собой и у жителей еще нет естественного и постоянного различия в интересах.

Нередко по своему социальному положению меньшинство не может и надеяться оказаться когда-либо в большинстве. Для этого ему следовало бы просто-напросто прекратить борьбу, которую оно ведет против большинства. Аристократия, к примеру, не может стать большинством и сохранить при этом свои исключительные привилегии. Если же она от них откажется, она не будет больше аристократией.

Однако в Соединенных Штатах политическая борьба не может быть ни всеобщей, ни очень глубокой, и все группы населения готовы признавать права большинства, поскольку каждая из них надеется когда-либо воспользоваться ими в своих интересах.

Таким образом, большинство в Соединенных Штатах оказывает огромное влияние как на дела, так и на мысли. Когда оно выступает за что-либо, можно сказать, что никакая сила не в состоянии не только остановить его, но и замедлить его движение и дать ему возможность услышать тех, кого оно походя уничтожает.

Такое положение вещей может привести в будущем к пагубным и опасным последствиям.

ВСЕСИЛИЕ БОЛЬШИНСТВА В АМЕРИКЕ УСИЛИВАЕТ НЕПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И УПРАВЛЕНИИ, СВОЙСТВЕННУЮ ВСЕМ ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ ГОСУДАРСТВАМ

Американцы, ежегодно избирая новых законодателей, обладающих почти неограниченной властью, обостряют законодательную нестабильность, свойственную демократии. — То же самое

происходит в административной деятельности. — В Америке усовершенствованию общественного устройства уделяется значительно больше внимания, чем в Европе, но делается это менее последовательно.

Я уже говорил о недостатках демократической формы правления. Следует отметить, что все они растут по мере усиления власти большинства.

Начнем с самого заметного из них.

Непоследовательность законодательной деятельности—это зло, присущее демократическому правлению, потому что для него естественна частая смена людей, облеченных властью. Этот недостаток может иметь большие или меньшие последствия в зави-

симости от того, насколько велика власть законодателей и каковы средства ее осуществления.

В Америке государственные органы, занимающиеся законодательством, обладают самой большой властью. Они формируются из представителей, избираемых на один год, которые могут быстро и не встречая никакого сопротивления проводить в жизнь все свои решения. Следовательно, структура законодательной власти такова, что она в наибольшей степени способствует развитию свойственной демократии нестабильности и может творить свою изменчивую демократическую волю в самых важных государственных делах.

Поэтому в современной Америке законы живут недолго. За тридцать лет своего существования американские конституции претерпели не одно изменение. Нет ни одного штата, который бы не внес изменений в свой основной закон в течение этого периода.

Что касается самих законов, то стоит лишь заглянуть в архивы различных штатов Союза, чтобы убедиться, что законодательная деятельность в Америке не прекращается ни на миг. Дело не в том, что американская демократия менее стабильна, чем какая-либо другая. Просто при разработке законов она имеет возможность следовать своему природному пристрастию к изменчивости [2].

Всесилие большинства, а также немедленное и безоговорочное выполнение его решений в Соединенных Штатах

ведет не только к частым изменениям законов, оно влияет также на применение законов и на деятельность государственной администрации.

Поскольку большинство — это единственная сила, которой нужно угождать, все горячо содействуют ее начинаниям. Но как только она переключает свое внимание на что-либо новое, старое лишается всякой поддержки. Что же касается свободных европейских государств, где исполнительная власть независима и прочна, решения законодательных органов власти исполняются и тогда, когда они заняты другими делами.

Американцы более усердны и активны, чем другие народы, в усовершенствовании общественных институтов.

Европейское общество тратит на это значительно меньше сил, но действует более последовательно.

Несколько лет тому назад группа религиозных деятелей занялась улучшением состояния тюрем. Их речи взволновали людей, и перевоспитание преступников стало общенародным делом.

Появились новые тюрьмы. Впервые в отношении к людям, преступившим закон, наряду с идеей возмездия появилась идея исправления. Однако эта счастливая перемена, столь горячо поддержанная широкими массами и ставшая благодаря их усилиям необратимой, не могла свершиться в короткое время.

По воле большинства стало появляться все больше новых тюрем, но существовали еще и старые, в которых содержалось много преступников. В то время как в первых условия жизни заключенных постоянно улучшались, а возможности исправления увеличивались, вторые становились все более гибельными для тела и духа. Объяснить это несложно: большинство, занятое мыслью о создании новых тюрем, забыло о тех, которые уже существовали. Поскольку ими перестало интересоваться большинство, они вообще лишились чьего-либо внимания. Это привело к ослаблению надзора. Благотворная для подобных учреждений дисциплина сначала ослабла, а затем и вовсе разрушилась. В результате наряду с тюрьмами, на которых ярко отражались мягкость и просвещенность нашего времени, можно было встретить каменный мешок, напоминавший о средневековом варварстве.

[2] Законодательные акты одного только штата Массачусетс, принятые с 1780 года до наших дней, занимают три толстых тома. К тому же сборник, о котором я говорю, был пересмотрен в 1823 году и оттуда были выброшены многие устаревшие законы. А ведь штат Массачусетс, в котором проживает не больше народа, чем в каком-либо из наших департаментов, может считаться

наиболее стабильным, последовательным и мудрым в ведении своих дел.

196

ПРОИЗВОЛ БОЛЬШИНСТВА

В чем состоит смысл верховной власти народа. — Почему невозможно сформировали! смешанное

правительство. — В основе верховной власти должны лежать определенные принципы. — Необходимость мер, ограничивающих верховную власть. — В Соединенных Штатах такие меры не

принимаются. — Последствия этого.

Мысль о том, что в области управления обществом большинство народа имеет неограниченные права, кажется мне кощунственной и отвратительной. В то же время я считаю, что источником любой власти должна быть воля большинства. Значит ли это, что я противоречу сам себе?

Существует общий закон, созданный или по крайней мере признанный не только большинством того или иного народа, но большинством всего человечества. Таким законом является справедливость.

Справедливость ограничивает права каждого народа.

Государство являет собой нечто вроде группы народных избранников, обязанных представлять интересы всего общества и осуществлять основной его закон — справедливость. Должны ли люди, представляющие общество, быть более могущественными, чем само общество, закон которого они проводят в жизнь?

Таким образом, отказываясь повиноваться несправедливому закону, я отнюдь не отрицаю право большинства управлять обществом, просто в этом случае я признаю верховенство общечеловеческих законов над законами какого-либо народа.

Некоторые люди не постеснялись заявить, что никакой народ не способен пойти против законов справедливости и разума в делах, касающихся только его самого. Поэтому, дескать, можно, ничего не опасаясь, отдать всю власть в руки представляющего его большинства. Но это — рабские рассуждения.

Что такое большинство, взятое в целом? Разве оно не похоже на индивидуума, имеющего убеждения и интересы, противоположные убеждениям и интересам другого индивидуума, именуемого меньшинством? Однако, если мы допускаем, что один человек, облеченный всей полнотой власти, может злоупотребить ею по отношению к своим противникам, почему мы не хотим согласиться, что то же самое может сделать и

большинство? Разве объединение людей меняет их характер? Разве люди, обретая больше власти, становятся более терпеливыми в преодолении препятствий? з Что касается меня, то я не могу в это поверить и решительно протестую против вседозволенности как для одного человека, так и для многих.

Невозможно, по моему мнению, построить правление на основе нескольких принципов, действительно противоречащих один другому.

Так называемое смешанное правление всегда казалось мне химерой. Действительно, смешанного правления (в том смысле, в котором обычно употребляют эти слова) не существует, поскольку в каждом обществе в конце концов какой-либо один принцип действия подчиняет себе все остальные.

В качестве примера такой формы правления особенно часто приводили Англию прошлого века, но она была по преимуществу аристократическим государством, хотя и обладала заметными демократическими чертами. Законы и нравы были там таковы, что в конце концов аристократия неизбежно торжествовала и единолично управляла государственными делами.

Причина этого заблуждения заключается в следующем: постоянная борьба интересов аристократии и народа настолько привлекала к себе внимание наблюдателей, что они не замечали ее результатов, а они-то и имели основное значение. Когда в обществе в самом деле устанавливается смешанное правление, то есть основанное на противоположных принципах, то оно либо распадается, либо в нем случаются революции.

Все это склоняет меня к мысли о том, что верховная власть в обществе всегда должна опираться на какие-либо определенные принципы, однако если при этом она не

[3] Никто не станет утверждать, что какой-либо народ не может злоупотребить силой по отношению к другому народу. Но ведь отдельные части народа представляют собой не что иное, как небольшие нации, входящие в состав большой. Отношения между ними — это отношения разных народов.

Если мы признаем, что один народ может творить произвол по отношению к другому, то как можно отрицать, что одна часть народа может делать то же самое по отношению к другой его части?

встречает на своем пути никаких препятствий, которые могли бы сдержать ее действия и дать ей возможность самой умерить свои порывы, то свобода подвергается серьезной опасности.

Всевластие само по себе дурно и опасно. Оно не по силам

никакому человеку. Оно не опасно только Богу, поскольку его мудрость и справедливость не уступают его всемогуществу. На земле нет такой власти, как бы уважаема она ни была и каким бы священным правом ни обладала, которой можно было бы позволить действовать без всякого контроля или повелевать, не встречая никакого сопротивления. И когда я вижу, что кому-либо, будь то народ или монарх, демократия или аристократия, монархия или республика, предоставляется право и возможность делать все, что ему заблагорассудится, я говорю: так зарождается тирания — и стараюсь уехать жить туда, где царствуют иные законы.

Демократическая форма правления в том виде, в каком она существует в Соединенных Штатах, заслуживает самого серьезного упрека не за свою слабость, как считают многие в Европе, а, напротив, за свою непреодолимую силу. Что мне больше всего не нравится в Америке, так это отнюдь не крайняя степень царящей там свободы, а отсутствие гарантий против произвола.

К кому, в самом деле, может обратиться в Соединенных Штатах человек или группа людей, ставших жертвой несправедливости? К общественному мнению? Но оно отражает убеждения большинства. К законодательному корпусу? Но он представляет большинство и слепо ему повинуется. К исполнительной власти? Но она назначается большинством и является пассивным инструментом в его руках. К силам порядка? Но силы порядка — это не что иное, как вооруженное большинство. К суду присяжных? Но суд присяжных — это большинство, обладающее правом выносить приговоры. Даже судьи в некоторых штатах избираются большинством. Таким образом, как бы несправедливо или неразумно с вами ни поступили, у вас есть только одна возможность — подчиниться[4]

Но ведь может существовать и такой законодательный корпус, который бы представлял большинство, не будучи рабом его страстей, такая исполнительная власть, которая располагала бы своими собственными силами, и, наконец, судебная власть, независимая от двух первых. И тогда правление будет также демократическим, но не будет почти никакой возможности для возникновения произвола.

Я не хочу сказать, что в современной Америке произвол — это часто встречающееся явление, но ничто не предохраняет американцев против него, а что касается мягкости правления, то ею они обязаны в первую очередь не законам, а обстоятельствам и нравам.

[4] Во время войны 1812 года в Балтиморе произошел случай,

который *ярко* показал, до каких крайностей может дойти деспотизм большинства. В это время война была очень популярна в Балтиморе, но одна газета высказывалась против нее и этим вызвала возмущение жителей. Собралась толпа, сломала печатные станки, напала на редакцию. Власти хотели вызвать милицию, но она отказалась явиться. Чтобы спасти несчастных журналистов, которым угрожала ярость толпы, было решено препроводить их в тюрьму, как преступников. Но и эта предосторожность их не спасла: ночью толпа собралась опять, и, поскольку и на этот раз собрать милицию не удалось, тюрьма была взята приступом, один из журналистов был убит на месте, остальные избиты до смерти. Виновные предстали перед судом присяжных, но были оправданы.

Однажды я спросил жителя Пенсильвании: «Объясните мне, пожалуйста, почему в штате, основанном квакерами и известном своей терпимостью, свободным неграм не позволяют пользоваться правами гражданина. Ведь они платят налоги, разве не было бы справедливо, чтобы они голосовали?» «Не оскорбляйте нас мыслью о том, что наши законодатели могли быть столь нетерпимы и совершить такую грубую несправедливость», — сказал он. « Значит, негры у вас имеют право голоса?» — «Несомненно». — «Тогда почему же среди выборщиков в законодательной ассамблее их совсем нет?» «Закон здесь ни при чем, — ответил мне американец. — Негры действительно имеют право участвовать в выборах, но они по своей воле воздерживаются от этого». — «Не слишком ли они скромны?» — «О! Дело не в том, что они не хотят принимать участие в выборах, просто они опасаются, что им придется плохо, если они попытаются это сделать. У нас иногда, если большинство не поддерживает закон, он бессилен. Что же касается негров, то против них большинство населения питает самые глубокие предрассудки, и власти не в состоянии гарантировать им права, предоставленные законом». — «Ах вот как! Мало того, что большинство располагает преимущественным правом творить закон, оно хочет еще иметь право нарушать его?»

ВСЕСИЛИЕ БОЛЬШИНСТВА ВЕДЕТ К ПРОИЗВОЛУ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АМЕРИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

Американский закон определяет границы деятельности государственных служащих, но внутри них предоставляет им

свободу. — Власть государственных служащих.

Нужно отчетливо различать произвол и тиранию. Тирания может осуществляться посредством закона, и тогда это не произвол. Произвол может осуществляться в интересах граждан, и тогда его нельзя приравнять к тирании.

Тирания часто выражается в произволе, но при необходимости может обходиться и без него.

Всесилие большинства в Соединенных Штатах приводит как к деспотизму законодателей, так и к произволу государственных служащих. Только большинству принадлежит в этой стране право создавать законы и контролировать их исполнение, только в его власти находятся как правители, так и граждане. Поэтому оно смотрит на государственных служащих как на пассивных исполнителей своей воли, полностью полагается на них в претворении в жизнь своих замыслов и не дает себе труда заранее определять круг их прав и обязанностей. В его обращении с ними есть что-то от обращения хозяина со своими слугами: ведь они постоянно действуют под его надзором и он в любой момент может вмешаться и исправить их действия.

Как правило, по закону американские государственные служащие имеют значительно более широкий круг обязанностей, чем европейские. Иногда даже правящее большинство разрешает им выходить за его пределы. Поскольку убеждения большинства поддерживают и охраняют их, они подчас осмеливаются делать такие вещи, которые удивляют даже европейцев, привыкших к произволу. Таким образом в свободном обществе складываются привычки, которые со временем могут его погубить.

О ТОМ, КАК БОЛЬШИНСТВО В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ ВЛАСТВУЕТ НАД МЫСЛЬЮ

Когда большинство в Соединенных Штатах приходит к единому мнению по какому-либо вопросу, все

споры прекращаются. — Почему это происходит. — Моральное воздействие большинства на

мышление. — В демократических республиках деспотизм превращается в духовную силу.

Анализ духовной жизни Соединенных Штатов особенно ярко показывает, насколько влияние большинства превосходит любое другое влияние из тех, которые известны нам в Европе.

Мышление обладает невидимой и неуловимой силой, способной противостоять любой тирании. В наши дни монархи, располагающие самой неограниченной властью, не могут помешать распространению в своих государствах и даже при

своих дворах некоторых враждебных им идей. В Америке же дело обстоит иначе: до тех пор пока большинство не имеет единого мнения по какому-либо вопросу, он обсуждается. Но как только оно высказывает окончательное суждение, все замолкают и создается впечатление, что все, и сторонники, и противники, разделяют его. Это легко объясняется: не существует монарха, обличающего достаточной властью для того, чтобы объединить все силы общества и побороть любое сопротивление, тогда как большинство, пользующееся правом создавать законы и приводить их в исполнение, легко может это сделать.

Кроме того, монарх обладает лишь материальной силой: он может не допустить каких-либо действий, но не имеет влияния на волю людей. Что касается большинства, то оно располагает как материальной, так и моральной силой, оно не только пресекает какие-либо действия, но, воздействуя на волю, может лишить желания действовать.

Я не знаю ни одной страны, где в целом свобода духа и свобода слова были бы так ограничены, как в Америке.

Нет такой религиозной или политической доктрины, которую нельзя было бы свободно исповедовать в конституционных государствах Европы и которая оттуда не распространялась бы в другие государства. Это происходит потому, что ни в одной европейской стране нет такой политической силы, которая властвовала бы безраздельно. Поэтому человек, который хочет там говорить правду, всегда найдет опору и защиту в случае, если его независимая позиция приведет к опасным для него последствиям. Если он имеет

несчастье жить в стране, где у власти стоит абсолютный монарх, то на его сторону часто становится народ, если же он живет в конституционной стране, то при необходимости он может искать защиты у королевской власти. В демократических странах на его защиту может выступить аристократическая часть общества, а в других — демократическая. Но в такой стране, как Соединенные Штаты, где жизнь общества организована на демократических принципах, есть только одно условие силы и успеха, только одна власть, и все подчинено ей.

В Америке границы мыслительной деятельности, определенные большинством, чрезвычайно широки. В их пределах писатель свободен в своем творчестве, но горе ему, если он осмеливается их преступить. Конечно, ему не грозит аутодафе, но он сталкивается с отвращением во всех его видах и с каждодневными преследованиями. Политическая карьера для

него закрыта, ведь он оскорбил единственную силу, способную открыть к ней доступ. Ему отказывают во всем, даже в славе. До того как он предал гласности свои убеждения, он думал, что у него есть сторонники. Теперь же, когда он выставил свои убеждения на всеобщий суд, ему кажется, что сторонников у него нет, потому что те, кто его осуждает, говорят громко, а те, кто разделяет его мысли, но не обладает его мужеством, молчат и отдаляются от него. Наконец, под градом ударов он уступает, сдается и замыкается в молчании, как если бы его мучали угрызения совести за то, что он сказал правду.

В прошлом тирания прибегала к грубым орудиям, таким, как цепи и палачи; современная цивилизация усовершенствовала даже деспотизм, хотя казалось, что он уже не способен ни к какому развитию.

Владыки прошлого превратили жестокость в материальную силу, а демократические республики наших дней сделали из него такую же духовную силу, как человеческая воля, которую оно стремится сломить. При абсолютной власти одного человека деспотизм, желая поразить душу, жестоко истязал тело, но душа ускользала от этих мучений и торжествовала над телом. Тирания демократических республик действует совершенно иначе. Ее не интересует тело, она обращается прямо к душе. Повелитель не говорит больше: «Ты будешь думать, как я, или умрешь». Он говорит: «Ты можешь не разделять моих мыслей, ты сохранишь свою жизнь и имущество, но отныне ты — чужак среди нас. За тобой останутся гражданские права, но они станут для тебя бесполезными. Если ты захочешь быть избранным своими согражданами, они тебе в этом откажут; если ты будешь добиваться их уважения, они сделают вид, что ты его не заслуживаешь. Ты останешься среди людей, но потеряешь право общаться с ними. И когда ты захочешь сблизиться с себе подобными, они будут избегать тебя как нечистого существа. Даже те, кто верит в твою невиновность, даже они отвернутся от тебя, так как в противном случае их постигла бы та же участь. Иди с миром, я сохраняю тебе жизнь, но она будет мучительнее, чем смерть».

Абсолютные монархии опорочили деспотизм. Будем же осторожны: демократические республики могут его реабилитировать и, сделав его особенно тягостным для немногих, лишить его в глазах большинства унизительных и гнусных свойств.

У самых гордых народов старого мира публиковались книги, описывавшие пороки и смешные стороны современников. Лабрюйер писал свою главу о вельможах, живя во дворце

Людовика XIV, Мольер критиковал двор и разыгрывал свои пьесы перед придворными. Но сила, которая господствует в Соединенных Штатах, вовсе не желает, чтобы ее выставляли на смех. Ее оскорбляет самый мягкий упрек, пугает правда с малейшим оттенком колкости. Все должно восхваляться, начиная от форм языка и кончая самыми устойчивыми добродетелями. Ни один писатель, как бы велика ни была его слава, не свободен от обязанности курить фимиам своим согражданам. Таким образом, большинство живет в самообожании, и только иностранцы или собственный опыт могут заставить американцев услышать некоторые истины.

Именно поэтому в Америке до сих пор нет великих писателей. Гениальным литераторам необходима свобода духа, а в Америке ее не существует.

Инквизиции никогда не удавалось полностью прекратить в Испании распространение книг, противоречащих религии, исповедуемой большинством народа. Власти большинства в Соединенных Штатах удалось достичь большего: она лишила людей самой мысли о возможности их публиковать. В Америке можно встретить неверующих, но неверие лишено возможности быть выраженным словесно.

200

Существуют правительства, которые, стремясь сохранить добрые нравы, привлекают к суду авторов непристойных книг. В Соединенных Штатах за такие книги никого не привлекают к суду, просто ни у кого не возникает желания их писать. Дело, конечно, не в том, что у всех граждан безукоризненные нравы, однако ими отличается большинство.

В данном случае власть большинства, безусловно, приносит пользу обществу, и, рассказывая об этом, я хочу лишь показать ее силу. Эта непреодолимая власть проявляется во всем, а приносимая ею польза представляет собой не что иное, как случай.

КАК БЕЗРАЗДЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ БОЛЬШИНСТВА ОТРАЖАЕТСЯ НА АМЕРИКАНСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ. О ПРИДВОРНОМ ДУХЕ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

В настоящее время последствия безраздельной власти большинства больше сказываются на нравах,

чем на управлении обществом. — Она мешает появлению великих, людей. — В демократических республиках, организованных наподобие Соединенных Штатов, придворный

дух распространяется

среди значительного числа граждан. — Доказательства существования придворного духа в Соединенных Штатах. — Почему патриотические чувства более глубоки в народе, чем в людях,

управляющих страной от его имени.

Тираническая власть большинства пока еще слабо отражается на политической жизни общества, но ее досадные последствия заметны в американском национальном характере. Думаю, что незначительное число крупных деятелей на политической арене современных Соединенных Штатов объясняется прежде всего постоянно растущим деспотизмом большинства.

Когда в Америке разразилась революция, там появилось множество крупных политиков. В то время общественное мнение направляло волю людей, но не подавляло ее. Прославленные люди той эпохи, свободно присоединявшиеся к тому или иному духовному течению, обладали собственным величием, и это величие не было ими заимствовано у народа, напротив, через них оно распространялось на народ.

В государствах с абсолютной монархией вельможи, окружающие трон, потакают страстям своего повелителя и охотно уступают его капризам. Но народные массы не раболепствуют. Они подчиняются абсолютной власти из слабости, по привычке или по невежеству, а иногда из любви к королевству или королю. В истории существовали народы, которые испытывали удовольствие и гордость, подчиняя свою волю воле монарха, и, таким образом, вносили в подчинение своеобразную духовную независимость. Такие народы переживают несчастья, но они не подвержены разложению. Ведь делать что-либо, не одобряя этого, далеко не то же самое, что притворно одобрять то, что делаешь. Первое свидетельствует о слабости человека, а второе — о лакейских привычках.

В свободных странах, где каждый так или иначе может высказать свое мнение о государственных делах, в демократических республиках, где общественная жизнь постоянно пересекается с частной, где народ, верховный владыка, внушает всем обожание, где для того, чтобы быть услышанным, достаточно просто заговорить, находится немало людей, спекулирующих на слабостях народа и стремящихся нажиться за счет его страстей. В абсолютных монархиях таких людей значительно меньше. Дело не в том, что в демократических странах люди хуже по природе, чем в других местах, но они подвергаются более сильному и одновременно более массовому искушению, и это приводит к общему падению душевных качеств.

В демократических республиках придворный дух получает широкое распространение, он проникает во все классы общества. Это главное, в чем их можно упрекнуть.

Особенно ярко это видно в демократических государствах, имеющих такую же структуру, как американские республики, где большинство властвует так безраздельно и непреодолимо, что для того, чтобы отклониться от намеченного им пути, нужно в каком-то смысле отказаться от прав гражданина и человека.

Среди множества людей, которые в Соединенных Штатах занимаются политической деятельностью, совсем немногие отличаются мужественной искренностью и независимостью мышления, столь свойственной американцам прошлых времен и представляющей повсюду основную черту людей с сильным характером. На первый взгляд может показаться, что в интеллектуальном воспитании американцев нет никаких различий, настолько одинаково они мыслят. Правда, иногда иностранец может встретить в Америке

людей, убеждения которых не совпадают в точности с общепринятыми. Они, случается, оплакивают изъяны законов, непостоянство демократии, свойственный ей низкий уровень просвещения. Они даже нередко замечают недостатки, оказывающие отрицательное воздействие на национальный характер, и указывают средства их исправления. Но никто, кроме иностранцев, их не слушает, а иностранцы, которым они доверяют свои тайные мысли, нигде не задерживаются надолго. Они охотно говорят об этих вещах с иностранцами, для которых все это не имеет большого значения, но среди своих соотечественников они держат совсем другие речи.

Если американцы когда-либо прочтут эти строки, то я уверен, что сначала все они единодушно осудят меня, а затем многие из них в глубине души меня простят.

Я слышал, как американцы говорят о своей родине, и встречал истинно патриотические чувства у американского народа. Однако я не обнаружил их у тех, кто им управляет. Это легко понять, если прибегнуть к аналогии: деспотизм значительно сильнее развращает подчиненных, нежели повелителей. В абсолютных монархиях король нередко обладает великими добродетелями, но придворные всегда отличаются низостью.

Конечно, в Америке придворные не говорят: «сир» и «ваше величество» — вот какая колоссальная разница. Но они без конца говорят о природной просвещенности своего владыки. Они не

состязаются в попытках определить самую исключительную добродетель своего повелителя, а просто уверяют, что он, независимо от своей воли и не прикладывая к этому никаких усилий, обладает всеми добродетелями. Они не отдают ему своих жен и дочерей для того, чтобы он соблаговолил возвести их в ранг своих любовниц, но они приносят ему в жертву свои убеждения и продаются сами.

Американским моралистам и философам нет нужды скрывать свои мысли под покровом аллегории, но всякий раз, когда они отваживаются высказать какую-либо неприятную истину, они сначала заявляют: «Мы знаем, что мы говорим с народом, духовные качества которого настолько выше человеческих слабостей, что он никогда не может потерять самообладание. Мы бы не стали говорить подобные вещи, если бы не знали, что обращаемся к людям, которые благодаря своим добродетелям и просвещенности занимают исключительное место среди всех народов, достойных жить свободными».

Могли ли льстецы Людовика XIV придумать что-либо более изощренное?

По моему мнению, всегда и в любых формах правления низость и сила, лесть и власть будут находиться по соседству, и есть только один способ не допустить разложения людей: никто не должен обладать всей полнотой власти в обществе и тогда никто не будет достаточно силен для того, чтобы их унижать.

ВСЕСИЛИЕ БОЛЬШИНСТВА ТАИТ В СЕБЕ САМУЮ БОЛЬШУЮ ОПАСНОСТЬ ДЛЯ АМЕРИКАНСКИХ РЕСПУБЛИК

Демократическим республикам гибель грозит не от бессилия, а от злоупотребления силой. —

Правительства американских республик более централизованы и более регителъны в своих

действиях, чем правительства европейских монархических государств. — Какую опасность это

может представлять. — Мнения Мэдисона и Джефферсона по этому поводу.

Обычно причиной гибели какого-либо правительства бывает бессилие или тирания. В первом случае оно теряет власть, во втором — ее у него отнимают.

Поскольку демократические государства нередко кончают анархией, многие люди пришли к выводу, что их правительства слабы и беспомощны. Действительно, когда в демократических государствах вспыхивает борьба между партиями, влияние правительства на общество уменьшается. Однако нельзя сказать,

что демократическая власть от природы лишена сил и возможностей, напротив, она почти всегда гибнет от злоупотребления силой и неудачного использования возможностей. Анархию почти всегда вызывает ее тирания или ее неискусность, а не ее бессилие.

Не следует путать устойчивость и силу, величие чего-либо и долговечность. В демократических республиках власть, управляющая[5] обществом, непостоянна, так как она

[5] Власть может выть представлена ассамблеей, тогда она сильна, но непостоянна; она может быть сосредоточена в руках одного человека, в этом случае она менее сильна, но более постоянна.

часто переходит из рук в руки, часто меняются ее цели. Однако повсюду, где она существует, она обладает почти непреодолимой силой.

Правительства американских республик представляются мне не менее централизованными и более решительными, чем правительства европейских абсолютных монархий. Поэтому я не думаю, что их может погубить слабость[6].

Если когда-либо Америка потеряет свободу, то винить за это надо будет всевластие большинства. Это может произойти в том случае, если большинство доведет меньшинство до отчаяния и толкнет его к применению грубой силы. Тогда может наступить анархия, но наступит она как последствие деспотизма.

Такие же мысли высказывал президент Джеймс Мэдисон (см. «Федералист», № 51).

«В республиках, — говорил он, — очень важно не только защищать общество от угнетения правителей, но также предохранять одну часть общества от несправедливости другой его части. Справедливость — вот цель, к которой должно стремиться любое правительство, именно ее ставят перед собой люди, объединяясь. Народы всегда делали и будут делать все для достижения этой цели до тех пор, пока им это не удастся или пока они не лишатся свободы.

Об обществе, в котором одна часть, наиболее могущественная, могла бы легко объединиться и подавить наиболее слабую часть, можно сказать, что в нем процветает анархия. Его можно было бы сравнить с положением вещей в природе, когда слабый беззащитен против сильного. Однако превратности судьбы, сопутствующие природному положению вещей, склоняют сильных к подчинению правительству, которое одинаково заботится и о них, и о слабых. По тем же причинам

сильная часть общества, имеющего анархическое правление, со временем будет стремиться к такому правительству, которое в одинаковой степени будет охранять интересы всех его частей. Если бы штат Род-Айленд вышел из состава федерации и имел народное правительство, которое бы осуществляло свою верховную власть на столь незначительной территории, то, несомненно, тирания большинства привела бы к полному бесправию. Дело закончилось бы тем, что люди потребовали бы установления власти, полностью независимой от народа К такой власти призывали бы даже те группировки, которые и породили бесправие».

Джефферсон говорил: «Исполнительная власть в нашем государственном устройстве — это не единственная и даже не главная моя забота. Сейчас и еще в течение многих лет самую большую опасность будет представлять тирания законодателей. Исполнительная власть тоже может стать тиранической, но это случится позже»[7].

Говоря об этом, я всегда цитирую Джефферсона, а не кого-либо другого, так как считаю его самым крупным поборником демократии.

[6] Наверное, не нужно предупреждать читателя о том, что здесь, как и в остальной части главы, я говорю не о федеральном правительстве, а о правительствах штатов, где большинство властвует безраздельно.

[7] Письмо Джефферсона Мэдисону, 15 карта 1789 года.

Глава VIII. ЧТО СДЕРЖИВАЕТ ТИРАНИЮ БОЛЬШИНСТВА В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

ОТСУТСТВИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ

Большинство не может все делать само. — Его суверенную волю в общинах и округах выполняют должностные лица.

Ранее я выделил два вида централизации: правительственную и административную.

В Америке существует только первая, вторая несвойственна этой стране.

Если бы американская государственная власть имела в своем распоряжении оба вида правления и к своему праву всем командовать присоединила бы способность и привычку все

исполнять самой; если бы, установив общие принципы правления, она стала вникать в детали его осуществления в жизни и, определив главные нужды страны, дошла бы до ограничения индивидуальных интересов, тогда свобода была бы вскоре изгнана из Нового Света.

Но в Соединенных Штатах большинство, у которого часто вкусы и наклонности деспота, пока не владеет самыми совершенными средствами тирании.

Американское правительство всегда занималось только небольшим количеством тех внутренних проблем своих республик, значимость которых привлекала его внимание. Оно никогда не пыталось вмешиваться во второстепенные дела своих штатов. У него даже и намерения такого не было. Большинство, став почти абсолютным, не увеличило функций центральной власти, оно лишь сделало ее всемогущей в пределах отведенной ей сферы деятельности. Деспотизм может быть крайне тяжелым, но он не может распространяться на всех.

Как бы ни увлекали большинство в государстве собственные страсти, с каким бы пылом оно ни бросалось на реализацию своих собственных проектов, оно не сможет добиться того, чтобы везде одновременно и одинаковым образом все жители страны подчинились его желаниям. Издавая приказы, центральное правительство, отражающее его волю, вынуждено полагаться на исполнителей, которые часто от него не зависят и деятельность которых оно не может постоянно направлять. Муниципалитеты и администрация округов, как подводные камни, сдерживают и рассекают волну народной воли. Если закон носит притесняющий характер, свобода отыщет выход в самом исполнении закона, и большинство не сумеет вникнуть в детали и, осмелюсь сказать, в глупости административной тирании. Оно и не представляет себе, что может это сделать, так как у него нет целостного представления о размерах своей власти. Ему известны лишь его природные силы и неведомо, до какой степени умение может развить их.

Следующая мысль заслуживает внимания: если когда-нибудь демократическая республика, подобная Соединенным Штатам, появится в стране, где абсолютная власть уже установила, узаконила и сделала привычной административную централизацию, скажу откровенно, что в такой республике деспотизм будет гораздо невыносимее, чем в любой абсолютной монархии Европы. Только в Азии можно найти что-нибудь подобное.

О ЗАКОННОСТИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ И КАК ОНА СЛУЖИТ ПРОТИВОВЕСОМ ДЕМОКРАТИИ

О том, как полезно исследовать свойства законности. — Легисты призваны сыграть серьезную роль в

зарождающемся обществе. — Деятельность легистов развивает у них аристократический образ

мыслей. — Случайности, воздействующие на их образ мыслей. — С какой легкостью аристократия

объединяется с легистами. — Какую пользу деспот мог бы извлечь из деятельности легистов. — Чем

объясняется, что легисты образуют тот единственный аристократический слой в обществе,

который способен соединяться с демократическими слоями. — Особые причины, благодаря которым

мысли английского и американского легистов облекаются в аристократическую форму выражения. —

Адвокаты и судьи составляют американскую аристократию. — Какое влияние оказывают легисты

на американское общество. — Как дух законности проникает в легислатуры, администрацию и в

конце концов прививает народу некоторые черты, свойственные административной власти.

Когда познакомишься с американским обществом, изучишь его законы, то видишь, что власть, данная здесь законоведам, их влияние на правительство служат сегодня самой мощной преградой нарушениям демократии. Это, на мой взгляд, является следствием какой-то общей причины, которую полезно рассмотреть, ибо она может снова появиться в каком-нибудь другом месте.

В течение последних пятисот лет служители закона имели отношение ко всем социально-политическим движениям в Европе. То они служили орудием для политических сил, то политические силы становились орудием в их руках. В средние века легисты великолепнейшим образом способствовали распространению власти королей. В последующие времена они приложили все усилия, чтобы ограничить эту власть. В Англии они тесно объединились с аристократией; во Франции они проявили себя как ее злейшие враги. Возникает вопрос: не ведут ли себя служители закона, повинуясь внезапным и временным побуждениям, или они все-таки, сообразуясь с обстоятельствами, следуют свойственной им интуиции, которая всякий раз и определяет их действия? Я хотел бы пояснить эту мысль, поскольку, может быть, легисты призваны сыграть первую роль в

зарождающемся политическом обществе.

Люди, специально изучавшие законодательство, приобрели благодаря этим трудам привычку к порядку, определенный вкус к формальностям, пристрастие к точному, последовательному выражению мыслей. Это, естественно, делает их противниками революционного духа и необдуманных страстей, свойственных демократии.

Специальные знания легистов, полученные ими при изучении законодательства, обеспечивают им особое положение в обществе; в среде образованных людей они составляют привилегированный класс. Подтверждение своему превосходству они находят ежедневно в своей профессии: они специалисты в очень нужной области, в которой немногие разбираются; они выступают в качестве арбитров при разрешении конфликтов между гражданами, и привычка направлять к определенной цели слепые страсти выступающих на судебном процессе сторон выработала у них презрительное отношение к толпе. К этому добавьте, что они естественным образом составляют *сословие.* Все это не означает, что между ними существует полное согласие и что сообща они двигаются к единой цели. Но совместная учеба и единство методов в работе делают их единомышленниками, а общий интерес может объединить и их волю.

В глубине души законоведы таят некоторые аристократические вкусы и привычки. Как и аристократы, они обладают безотчетной склонностью к порядку, чтут формальности; как и аристократия, они испытывают крайнее отвращение к действиям толпы и тайно презирают народное правительство.

Я вовсе не хочу сказать, что эти природные наклонности служителей закона так сильны, что могли бы их прочно объединить. У законоведов, как и вообще у людей, на первом месте свой собственный, и особенно сиюминутный, интерес.

В некоторых странах служители закона не могут добиться на политическом поприще такого же успеха, как в обычной жизни; можно быть уверенным, что в таком обществе они станут активными проповедниками революции. Однако нужно посмотреть, где кроется причина, толкающая их к разрушениям или к переменам, — в стойком предрасположении к этому или же тут все дело случая. Законоведы действительно внесли значительный вклад в свержение французской монархии в 1789 году. Остается узнать, почему они это сделали: потому ли, что изучали законы, или потому, что не могли участвовать в их составлении?

Пятьсот лет назад английская аристократия стояла во главе народа и говорила от его имени; сегодня она поддерживает трон и выступает на стороне королевской власти. Между тем аристократия по-прежнему обладает свойственными ей одной склонностями.

Нужно остерегаться переносить на все сословие качества отдельных его представителей.

Во всех свободных странах, какой бы ни была форма их правления, законоведы всегда в первых рядах существующих партий. То же самое можно сказать и об аристократии. Во главе почти всех демократических движений, в тот или иной период волновавших мир, стояли дворяне.

Ни одно элитное сословие никогда не сможет удовлетворить всех своих честолюбивых устремлений; в его среде всегда больше талантов и страстей, чем возможностей их применения. И там всегда можно встретить значительное число людей, не умеющих быстро сделать карьеру, пользуясь привилегиями сословия, и тогда они избирают другой путь, чтобы выдвинуться: они начинают резко выступать против привилегий этого сословия.

Я не утверждаю, что наступит время, когда *все* законоведы проявят себя друзьями установленного порядка и врагами любых перемен, так же как я не стану утверждать, что всегда, во *все* времена большинство легистов ведут себя именно так.

В стране, где им удастся беспрепятственно занять то высокое положение, которое принадлежит им по праву, они станут в высшей степени консервативными и антидемократичными.

Как только аристократия закроет законоведам доступ в свое сословие, они тут же перейдут в стан ее врагов, тем более опасных, что, будучи менее богатыми, чем она, и не входя в правительство, они не зависят от нее в своей работе, а по уровню образования считают себя равными ей.

В тех же случаях, когда аристократическое сословие выражало готовность поделиться частью своих привилегий со служителями закона, оба класса легко объединялись и оказывались, если можно так выразиться, членами одной семьи.

Я также склонен думать, что любому монарху было бы несложно сделать из служителей закона самых надежных поборников своей власти.

Ведь между законоведами и исполнительной властью несравненно больше естественной близости, чем между ними и народом, хотя законникам случалось участвовать в свержении власти. Больше естественной близости также между аристократами и королем, чем между аристократами и народом,

хотя известны неоднократные случаи объединения высших классов общества с народом для борьбы против власти короля.

Законоведы всему предпочитают порядок, а самая надежная гарантия порядка — это власть. Не нужно забывать и о том, что, хотя они и ценят свободу, законность они ставят выше ее, тирания внушает им меньше страха, чем беззаконие, и, если инициатором ограничения свободы выступает законодательная власть, их это вполне устраивает.

Полагаю, что тот монарх, который перед лицом надвигающейся демократии решился бы ослабить судебную власть в своих владениях и уменьшить политическое влияние законоведов, совершил бы большую ошибку. Он выпустил бы из рук основу своей власти, чтобы удержать ее подобие.

Я не сомневаюсь также в том, что самое полезное для него — это ввести законников в правительство. Деспотизму, опирающемуся на силу, они, возможно, сумеют придать черты справедливости и закона.

Демократическое правительство благосклонно относится к политической силе легистов. Как только богач, аристократ и монарх будут изгнаны из правительства, законоведы с полным правом займут их места, ибо это единственные просвещенные и умелые люди, которых народ может избрать помимо своих представителей.

Если говорить о вкусах и склонностях, то служителям закона, естественно, близки аристократия и монарх, но забота о выгоде так же естественно склоняет их к народу.

Итак, легисты принимают демократическое правительство, не разделяя его наклонностей и не перенимая его слабостей, что вдвойне способствует укреплению их силы благодаря демократии и над демократией.

206

В странах демократического правления народ не питает недоверия к легистам, поскольку знает, что им выгодно служить делу демократии; он их выслушивает без гнева, так как не подозревает их в вероломстве. И в самом деле, служители закона вовсе не имеют намерения свергнуть демократическое правительство, они лишь стараются направить его деятельность по тому руслу, которое ему не свойственно, и теми средствами, которые ему чужды. Законники связаны с народом своим происхождением и своими интересами, а с аристократией их связывают привычки и вкусы; они — естественное связующее звено между теми и другими, нить, их объединяющая.

Сословие служителей закона — единственное

аристократическое сословие, которое без усилий может влиться в демократию и соединиться с ней успешно и надолго. Мне известно, какие недостатки свойственны аристократии, однако я сомневаюсь, что демократия сможет долго управлять обществом, и я не могу поверить, что в наше время республика может надеяться сохранить себя, если влияние, оказываемое законоведами, не будет возрастать пропорционально утверждению власти народа.

Аристократические черты сословия законоведов гораздо сильнее выражены в Соединенных Штатах и Англии, чем в какой-либо другой стране. Это зависит не только от эрудиции английских и американских легистов, но и от самого законодательства и от того места, которое занимают толкователи закона в своих странах.

И в Англии, и в Америке сохраняется законодательство, опирающееся на прецеденты; и в той, и в другой стране законники заимствуют свои суждения в документах, составленных в соответствии с законами отцов, и принимают решения, ссылаясь на эти же документы.

В этом содержится источник еще и другого воздействия на образ мышления законоведа и, следовательно, на развитие общества.

Английский или американский служитель закона доискивается, что же было совершено, а французский законовед старается определить, каковы были намерения; для одного цель — аресты, для другого — мотивы преступления.

Когда вы слушаете английского или американского правоведа, вас удивляет, что он очень часто ссылается на мнения других и редко высказывает свое собственное; прямо противоположное вы услышите от французского правоведа.

Когда французский адвокат соглашается вести даже самое маленькое дело, он начинает с построения своей собственной системы идей, оспаривает даже основные принципы закона и так ведет защиту к поставленной цели, что суд в конце концов выносит решение перенести на туазу межевой столб на территории оспариваемого наследства.

Отречение от собственного мнения, свойственное английским и американским правоведам, в угоду мнению отцов, своеобразная рабская зависимость, в которой содержатся собственные мысли, придают их сознанию привычную неуверенность и рождают у них неизменные склонности. Все эти качества мы находим у законников Англии и Америки в большей степени выраженными, чем у их коллег во Франции.

Законы, которые сегодня существуют во Франции, часто

трудны для понимания, но каждый может их прочитать, и, наоборот, нет ничего менее понятного и менее доступного для простого человека, чем законодательство, основанное на прецедентах. Потребность в служителях закона в Англии и в Соединенных Штатах, высокое мнение об их образованности все более отделяют их от народа, и в конце концов они образуют отдельный класс. Во Франции законовед—это ученый. Служитель закона в Англии или в Америке в какой-то степени напоминает жрецов Египта, как они, он — единственный толкователь тайной науки.

Положение, занимаемое служителями закона в Англии и в Америке, оказывает существенное влияние на их привычки и мнения. Английская аристократия, заботливо привлекавшая в свои ряды всех, у кого было хоть некоторое, природой данное сходство с ней, немало сделала для правоведов, чтобы повысить их значительность и их власть. В английском обществе легисты не относятся к высшему свету, но они вполне удовлетворены своим общественным положением. Они как бы составляют младшую ветвь английской аристократии, и они любят и уважают старших, не имея их привилегий. Английские легисты примешивают к той пользе, которую они извлекают, будучи благодаря своей профессии близки к аристократии, аристократические идеи и вкусы того общества, в котором они живут.

Поэтому в Англии особенно часто можно встретить тот законченный тип правоведа, который я стремлюсь нарисовать: он уважает законы, но не столько потому, что они

хороши, сколько потому, что они старые; и если он решается их немного изменить, чтобы привести в соответствие с теми переменами, которые со временем происходят в обществе, то прибегает ко всякого рода ухищрениям, дабы убедить себя в том, что его дополнения к наследию отцов способствуют развитию их мысли и обогащают их труды. Не надейтесь заставить его признать, что он внес нечто новое в эти труды, он дойдет до абсурда, прежде чем признает себя виновным в столь великом преступлении. Именно в Англии родился этот дух законности, безразличный к существу дела, в центр внимания ставящий только букву закона; решения, диктуемые им, скорее будут лишенными здравого смысла и неизменными, чем не соответствующими букве закона.

Английское законодательство напоминает старое дерево, на котором благодаря усилиям законоведов появились самые разные

побеги. Это, однако, оставляло надежду, что, хотя они будут давать разные плоды, их листва, смешавшись, прильнет к почтенному старому стволу.

В Америке нет ни аристократов, ни интеллектуалов, и народ не доверяет богатым. Таким образом, законоведы здесь образуют высший политический класс и самую интеллектуальную часть общества. Следовательно, всякие нововведения привели бы их только к потерям, вот откуда их консерватизм, дополняющий профессиональную склонность к порядку.

Если бы меня спросили, какое место в американском обществе занимает аристократия, я бы не колеблясь ответил: только не среди богатых слоев населения, которые ничем не объединены. Место американской аристократии в среде адвокатов и судей.

Чем больше размышляешь о Соединенных Штатах, тем больше убеждаешься в том, что сословие законоведов служит в этой стране самым мощным и, можно даже сказать, единственным противовесом демократии.

И именно в Соединенных Штатах понимаешь, насколько законность своими достоинствами и даже своими недостатками способна нейтрализовать пороки, свойственные народному правлению.

Стоит американскому народу поддаться страстям или увлечься какими-нибудь идеями, законники незаметно дают ему почувствовать, что следует либо умерить свой пыл, либо вовсе отказаться от своих действий. Их аристократические наклонности втайне противостоят его демократическому характеру, а их преувеличенное уважение к старине идет вразрез с его любовью к новому, узость их взглядов не соответствует широте его замыслов, а их пристрастие к формальностям не сочетается с его пренебрежительным отношением к установленному порядку, и, наконец, их привычка действовать неспешно входит в противоречие с его пылкостью.

Для воздействия на демократию у сословия законоведов есть очень эффективный орган — суды.

Судья — это служитель закона, любовь которого к стабильности подкрепляется не только склонностью к порядку и правилам, усвоенным при изучении законов, но прежде всего своим положением: в Соединенных Штатах судьи избираются пожизненно. Знание законов уже обеспечило ему более высокое положение по сравнению с другими; политическое влияние ставит его в особое положение, благодаря которому у него появляются черты, свойственные привилегированным классам.

Американский судья имеет право признать закон

неконституционным, поэтому он постоянно причастен к политической жизни страны[1]. Он не может заставить народ принять тот или иной закон, но он может заставить его повиноваться принятым законам и **не противоречить самому себе**.

Мне известно, что в Соединенных Штатах существует скрытая тенденция к уменьшению власти судей; согласно конституции большинства штатов, правительство по требованию обеих палат может лишить судей их места. По некоторым конституциям судьи *избираются* на короткий срок. Осмелюсь предсказать, что подобные новшества рано или поздно приведут к пагубным последствиям, когда однажды станет ясно, что покушение на независимость судей — это не только удар по юридической власти, но по самой демократической республике.

[1] См. в первой части книги раздел о судебной власти.

Впрочем, не следует думать, что в Соединенных Штатах дух законности сосредоточен исключительно в судах, он распространяется далеко за их пределы.

Правоведы, составляющие единственное сословие просвещенных людей, которым народ доверяет, занимают, естественно, большую часть государственных должностей. Они работают в легислатурах, возглавляют административные учреждения; они оказывают огромное влияние на формирование законов и их исполнение. Законоведы, впрочем, вынуждены уступать напору общественного мнения, но нетрудно определить, как. бы они поступали, если бы были свободны. Американцы, внесшие столько нового в свои политические законы, в гражданские внесли очень незначительные изменения, да и те с трудом, хотя именно гражданские законы входят в острое противоречие с общественным устройством страны. Это происходит оттого, что по части гражданского права большинство постоянно вынуждено полагаться на законоведов, а американские служители закона сопротивляются нововведениям.

Французу странно слышать сетования американцев на негибкость и предубеждения законников их страны, которые дают себя знать всякий раз, когда дело касается чего-то уже устоявшегося.

Влияние, оказываемое духом законности, распространяется здесь дальше обозначенных мною пределов.

В Соединенных Штатах практически нет такого политического вопроса, который бы рано или поздно не превращался в судебный вопрос. Вот откуда у политических

партий появляется необходимость в своей повседневной полемике пользоваться и идеями, и языком, заимствованными у правоведоа Большинство государственных деятелей — это настоящие или бывшие правоведы, в свою работу они привносят свойственные им обычаи и образ мыслей. Существование суда присяжных приобщает к этому все классы. Юридическая терминология, становясь привычной, входит в разговорную речь. Дух законности, родившись в учебных заведениях и судах, постепенно выходит за эти пределы, проникает во все слои общества, до самых низших, и в итоге весь народ целиком усваивает привычки и вкусы судей.

В Соединенных Штатах законоведы не представляют собой силы, внушающей страх, их едва замечают, у них нет собственного знамени, они легко приспосабливаются к требованиям времени, не сопротивляясь, подчиняются всем изменениям социальной структуры страны. А между тем они проникают во все слои общества, обволакивают его полностью, работают изнутри, воздействуют на него помимо его воли. И все кончается тем, что они лепят это общество в соответствии со своими намерениями.

СУД ПРИСЯЖНЫХ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ

Суд присяжных — одно из проявлений народовластия, и его следует рассматривать в ряду всех законов, вытекающих из народовластия. — Как избирается суд присяжных в Соединенных Штатах.

— Влияние, оказываемое судом присяжных на формирование национального характера. — Его

воспитательное значение для народа. — Каким образом суд присяжных способствует укреплению

влияния судей и распространению духа законности.

В своем повествовании я естественным образом дошел до американского судопроизводства и, чтобы завершить эту тему, хочу специально остановиться на суде присяжных.

В суде присяжных следует различать юридическое учреждение и политическое учреждение.

Если ставить вопрос о том, до какой степени суд присяжных, в особенности по гражданским делам, помогает вершить правосудие, то, признаюсь, ответ на него, утверждающий только его полезность, окажется спорным.

Суд присяжных был учрежден в малоразвитом обществе, где на его решение выносились лишь несложные вопросы,

требованиями высокоразвитого общества — задача нелегкая, ибо общество выросло интеллектуально и духовно и взаимоотношения людей значительно усложнились[2].

В данном разделе я ставлю себе главной целью рассмотрение суда присяжных с политической точки зрения, любой другой путь увел бы меня далеко от избранной темы. Что же касается суда присяжных как судебного учреждения, то об этом я скажу лишь несколько слов. Когда англичане учредили суд присяжных, они представляли собой полуварварский народ. С тех пор они стали одной из самых просвещенных наций мира, и их приверженность суду присяжных возрастала по мере развития у них просвещения. Они вышли за пределы своей территории, распространились по всему миру. Они образовали колонии, независимые государства. Основная часть нации сохранила монархию. Часть из тех, кто покинул страну, создали мощные республики. И повсюду англичане оставались верны суду присяжных[3] Повсюду они либо вводили его, либо спешили восстановить. Такой судебный орган, который заслуживает одобрения великого народа на протяжении веков, который неизменно возрождается во все периоды развития цивилизации, во всех странах, при всех правлениях, не может быть чужд духу справедливости[4].

Однако оставим эту тему. Ибо рассмотрение суда присяжных только как судебного органа очень сузило бы его значение. Оказывая огромное влияние на ход судебного процесса, он еще большее влияние оказывает на судьбу самого общества. Таким образом суд присяжных — это прежде всего политический институт. И чтобы оценить его, нужно стать именно на эту точку зрения.

Под судом присяжных я подразумеваю группу граждан, выбранных наугад и временно облеченных правом судить.

Суд присяжных, используемый для борьбы против преступлений, представляет собой учреждение, в высшей степени способствующее укреплению республиканской формы правления, и вот почему.

По своему составу суд присяжных может быть аристократическим или демократическим в зависимости от того, к какому классу принадлежат присяжные. Но поскольку при существовании такого суда реальное руководство обществом находится в руках

[2] Было бы полезно и интересно рассмотреть суд присяжных как судебное учреждение, оценить результаты его введения в

Соединенных Штатах, внимательно исследовать, каким образом американцы извлекали из него пользу. Результаты тщательного изучения только одного этого вопроса могли бы составить содержание целой книги, весьма интересной для французов. В ней можно было бы найти ответ на вопрос, какие из американских учреждений, связанные с судом присяжных, могли бы быть введены во Франции и в какой последовательности. Из всех американских штатов Луизиана дает наиболее яркий материал по данной теме. В Луизиане проживает смешанное население: французы и англичане. Как оба этих народа смешиваются между собой, так и два действующих в штате законодательства постепенно соединяются одно с другим. Самым полезным справочным изданием может служить свод законов штата Луизиана в двух томах, который называется «Дигесты законов Луизианы»; и еще более ценным можно считать курс по гражданскому судопроизводству, написанный на двух языках, «Трактат о правилах гражданских актов», напечатанный в 1830 году в Новом Орлеане в издательсгвеБюиссона Эта работа представляет особый интерес для французов, она содержит объяснение английской юридической терминологии. Язык, на котором излагаются законы, — это специфический язык, а у англичан особенно.

3 Все английские и американские законоведы единодушны в своей высокой оценке суда присяжных. Господин Сгори, судья Верховного суда Соединенных Штатов, в своей книге «Трактат о федеральной конституции» тоже говорит о преимуществах суда присяжных в применении к гражданским делам: «Неоценимо значение суда присяжных для решения гражданских дел, не меньше оно и для решения уголовных дел, но все признают, что основное предназначение суда присяжных— это защита политических и гражданских свобод (кн. III, гл. XXVIII).

4 Если говорить о полезности суда присяжных как судебного органа, можно привести множество других аргументов, и среди них следующие.

Вводя присяжных в число заседателей суда, можно без ущерба уменьшить число судей, а это принесет свою выгоду. Когда судей очень много, ежедневный уход из жизни кого-либо из них открывает вакансию для живущих. Честолюбие судей, естественно, постоянно накалено, это ставит их в зависимость от большинства или от того, кто назначает судей на вакантные места: получается так, что карьера в судебных органах строится по тому же принципу, что и получение званий в армии. Такое положение дел противоречит нормальной деятельности судебных органов и намерениям законодательной власти. Пусть судьи

избираются пожизненно, чтобы быть независимыми в своей деятельности; но как малозначима эта их независимость, если они сами добровольно становятся ее жертвой.

Когда судьи многочисленны, среди них встречается немало некомпетентных. Настоящий судья должен быть незаурядным человеком. Для достижения той цели, которую ставит перед собой правосудие, нет ничего хуже полуграмотных судей.

С моей точки зрения, лучше доверить судьбу судебного процесса неспециалистам-присяжным во главе с умным, знающим судьей, чем отдать его в руки судей, большинство из которых плохо знает юриспруденцию и законы.

210

граждан или какой-либо части граждан, а не в руках правителей, он, безусловно, является республиканским учреждением.

Силой можно добиться лишь временных успехов, на смену ей вскоре приходит понятие права Правительство, которое способно побеждать врагов только силой, не может существовать долго. Политические законы окончательно закрепляются благодаря уголовному законодательству. Если же уголовное законодательство не служит укреплению политического устройства общества, это последнее рано или поздно разрушается. Поэтому настоящим хозяином в обществе является тот, кто творит суд над *преступниками.* А при существовании суда присяжных судьей становится сам народ или по крайней мере один класс граждан. Таким образом, благодаря суду присяжных реальное управление обществом оказывается в руках народа или данного класса[5].

В Англии присяжными могут быть только аристократы, поскольку аристократия и создает законы, и следит за их применением, и судит за нарушение законов*. Это стройная система, ведь Англия — аристократическая республика. В Соединенных Штатах все то же самое распространяется на весь народ. Каждый американский гражданин может избирать, быть избранным и может быть присяжным* *. Суд присяжных в том виде, в каком он существует в Америке, представляет собой такое же прямое и крайнее следствие принципа народовластия, как и всеобщее избирательное право. И то и другое с одинаковой силой служит всевластию большинства.

Все государи, желавшие полной независимости своего могущества, стремившиеся направлять развитие общества по своей воле и пренебрегавшие его требованиями, упраздняли или ограничивали суд присяжных. Тюдоры бросали строптивых

присяжных в тюрьму, а Наполеон поручал их подбор своим людям.

Хотя большая часть вышеизложенного кажется очевидной, не все понимают важность суда присяжных. Больше того, многие у нас имеют о нем лишь смутное представление. Например, когда обсуждают, кто должен входить в состав присяжных, ограничиваются спорами о просвещенности и способностях присяжных, как будто речь идет о чисто судебном учреждении. В действительности же при таком подходе упускают из виду главное: суд присяжных представляет собой прежде всего политическое учреждение, его надо рассматривать как одну из форм суверенной власти народа Его надо либо полностью отвергнуть, если отвергается народовластие, либо привести в соответствие с другими законами, учреждающими это народовластие. Суд присяжных объединяет представителей народа, которым поручено обеспечить исполнение законов, так же как парламент объединяет тех, кто создает законы. Для того чтобы управление обществом было устойчивым и единообразным, необходимо, чтобы изменение в списках избирателей влекли за собой изменения в списках присяжных. Именно это должно быть главной заботой законодателей, все остальное—второстепенно.

Я глубоко убежден, что суд присяжных—это прежде всего политическое учреждение, и поэтому, когда его действие распространяется на гражданские дела, я склонен рассматривать его с той же точки зрения.

До тех пор пока законы не опираются на нравы, они ненадежны, поскольку нравы — это единственная долговечная и крепкая сила, которой обладает какой-либо народ.

Когда суд присяжных судит лишь уголовных преступников, народ видит его деятельность только изредка и в отдельных случаях. Он привыкает обходиться без него в повседневной жизни и рассматривает его как одно из средств достижения справедливости, но отнюдь не единственное[6].

Если же суд присяжных рассматривает и гражданские дела, то все сталкиваются с его деятельностью на каждом шагу, он затрагивает интересы каждого, и каждый стремится ему помочь. В результате он становится обычным явлением в повседневной жизни, человеческое сознание привыкает к форме его деятельности, и можно сказать, что он начинает олицетворять идею справедливости.

[5] Однако надо сделать одно важное замечание.

Учреждение суда присяжных в самом деле дает народу преимущественное право контроля за действиями граждан, но оно не дает ему возможности осуществлять этот контроль

поголовно и тиранически.

Когда абсолютный монарх приказывает своим слугам судить преступника, судьба обвиняемого, можно сказать, предопределена. Что же касается суда присяжных, то благодаря своему составу и независимости он сохраняет шанс для оправдания невиновного даже в том случае, когда народ хочет, чтобы он был осужден.

[6] Такая точка зрения становится еще более распространенной, если суд присяжных рассматривает лишь некоторые уголовные дела.

До тех пор пока деятельность суда присяжных ограничена уголовными делами, он в опасности, но как только она распространяется на гражданские дела, ему не страшны ни время, ни усилия людей. Если бы было так же легко изгнать суд присяжных из обычаев англичан, как из законов, он был бы полностью упразднен при Тюдорах. Следовательно, гражданские свободы в Англии сохранились главным образом благодаря существованию суда присяжных по гражданским делам.

Какова бы ни была сфера действия суда присяжных, он обязательно оказывает большое влияние на национальный характер, которое заметно растет по мере того, как действие суда все больше распространяется на гражданские дела.

Суд присяжных, и особенно суд присяжных по гражданским делам, отчасти прививает всем гражданам образ мыслей, свойственный образу мыслей судей, а ведь именно это наилучшим образом подготавливает людей к свободной жизни.

Он распространяет во всех классах общества уважение к решению суда и понятие права. Без этих двух вещей любовь к независимости превращается в страсть к разрушению.

Он на практике показывает всем людям, что такое справедливость. Принимая участие в суде по делу своего соседа, каждый помнит о том, что и ему в свою очередь, возможно, придется иметь дело с судом. И это действительно так, особенно когда речь идет о суде присяжных по гражданским делам. Ведь мало кто опасается, что его когда-либо обвинят в уголовном преступлении, но каждому может случиться участвовать в судебном процессе.

Суд присяжных учит каждого человека отвечать за свои действия, а без этой мужественной позиции невозможно воспитать политическую порядочность.

Он облекает каждого гражданина чем-то вроде судебной власти, внушает всем, что у них имеется определенный долг по

отношению к обществу, чго они участвуют в его управлении. Вынуждая людей заниматься не только своими собственными делами, он противостоит индивидуальному эгоизму, гибельному для общества.

Суд присяжных удивительно развивает независимость суждений и увеличивает природные знания народа. Именно в этом и состоит, по моему мнению, его самое благотворное влияние. Его можно рассматривать как бесплатную и всегда открытую школу, в которой каждый присяжный учится пользоваться своими правами и ежедневно общается с самыми образованными и просвещенными представителями высших классов. Там он на практике постигает законы, которые становятся доступными его пониманию благодаря усилиям адвокатов, мнению судьи и даже страстям сторон. Думаю, что практический ум и политический здравый смысл американцев объясняется главным образом тем, что у них уже в течение длительного времени гражданские дела разбираются судом присяжных.

Не знаю, приносит ли пользу суд присяжных тяжущимся, но убежден, что он очень полезен для тех, кто их судит. Это одно из самых эффективных средств воспитания народа, которыми располагает общество.

Все вышесказанное можно отнести ко всем народам, но есть вещи, которые касаются только американцев и вообще демократических обществ.

Я уже говорил о том, что в демократических странах законоведы, *а* также судейские чиновники представляют собой единое аристократическое сословие, способное умерять народные порывы. Эта аристократия не обладает никакой материальной силой и может оказывать воздействие только на умы людей. Ее основные возможности заключены именно в суде присяжных.

В уголовных процессах, когда общество вступает в борьбу с одним человеком, присяжные склонны смотреть на судью как на пассивный инструмент власти и могут не доверять его мнению. Кроме того, в уголовных процессах всегда рассматриваются простые факты, оценка которых не требует ничего, кроме здравого смысла. В этой области судья и присяжные равны.

В гражданских процессах дело обстоит совсем иначе. В них судья выступает как бескорыстный посредник между интересами тяжущихся. Присяжные доверяют ему и с уважением выслушивают его мнение, так как он обладает в подобных делах знаниями и опытом, которых они лишены. Именно он напоминает им различные аргументы, которые перепутались у них в памяти, указывает им путь в процедурных лабиринтах, ясно очерчивает

факты и подсказывает ответы на правовые вопросы. Его влияние почти не имеет границ.

212

Необходимо, наконец, сказать, почему меня не убеждают аргументы в пользу неспособности присяжных судить гражданские дела.

В гражданских процессах, во всяком случае, тогда, когда речь не идет о каком-либо поступке, суд присяжных являет собой лишь видимость судебного органа.

Присяжные лишь объявляют приговор, который на деле выносится судьей. Присяжные освящают его авторитетом общества, которое они представляют, а судья выносит его, сообразуясь с разумом и законами*.

В Англии и Америке судьи оказывают на ход уголовных процессов такое воздействие, о котором французские судьи не могут и помыслить. Причина этого различия вполне понятна: английские и американские судьи добиваются авторитета, ведя гражданские процессы; им не нужно его завоевывать, они просто используют его в другой сфере деятельности.

В некоторых случаях, как правило самых важных, американский судья имеет право выносить приговор единолично [7]. Тогда он попадает в то же положение, в котором всегда находится французский судья. Однако он обладает значительно более высокой моральной силой: ведь все помнят о его роли в суде присяжных, и его решение пользуется почти таким же авторитетом, как и решение общества, высказываемое присяжными.

Влияние судей распространяется далеко за пределы судов. В мирных развлечениях частной жизни, в политической деятельности, в общественных местах и законодательных ассамблеях американцы привыкли смотреть на судей как на людей, превосходящих их по интеллекту. Их авторитет, проявляющийся сначала в суде, начинает затем воздействовать на умы и даже души тех, кто вместе с ними принимал участие в процессах.

Суд присяжных, который, казалось бы, ограничивает права судейских чиновников, на самом деле является основой их господства. Наибольшим могуществом судьи располагают в тех странах, где часть их прав принадлежит народу.

Именно благодаря суду присяжных американскому судебному ведомству удается распространять то, что я называю духом законности, на самые широкие слои общества.

Таким образом, суд присяжных, будучи наиболее верным

средством осуществления власти народа, в то же время наилучшим образом учит народ пользоваться своей властью.

7 Федеральные судьи почти всегда единолично решают вопросы, которые непосредственно касаются управления страной.

Глава IX. ОБ ОСНОВНЫХ ПРИЧИНАХ, СПОСОБСТВУЮЩИХ СУЩЕСТВОВАНИЮ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

В Соединенных Штатах демократическая республика продолжает существовать. Объяснить причины этого явления — вот основная цель этой книги.

Среди причин есть такие, которые я невольно и вскользь указывал в ходе повествования. Есть и другие, которые я не имел возможности проанализировать. Те же, которым я уделил много внимания, могут остаться незамеченными из-за обилия подробностей.

Поэтому прежде, чем двигаться дальше и говорить о будущем, я считаю необходимым коротко сказать о всех тех причинах, которые могут служить объяснением существующего положения.

Это будет краткий обзор, так как я постараюсь лишь напомнить читателю в общем виде то, что ему уже известно. Что касается фактов, о которых я еще не упоминал, то я остановлюсь лишь на самых основных.

Все причины, способствующие поддержанию демократической республики в Соединенных Штатах, можно свести к трем:

первая — особое положение, в которое американцы попали волей случая и Провидения;

вторая — законы;

третья — обычаи и нравы.

РОЛЬ СЛУЧАЯ И БОЖЕСТВЕННОГО ПРОМЫСЛА В ПОДДЕРЖАНИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

У Союза нет соседей. *— В нем нет больших столиц. — Успеху американцев способствуют счастливые*

обстоятельства, сопутствовавшие их происхождению. — Америка — пустынная страна. — Это

обстоятельство является мощным фактором поддержания демократической республики. — Каким

образом в Америке заселяются пустынные места. — Страстное стремление англоамериканцев к

освоению незаселенных пространств Нового Света. — Влияние материального благосостояния на

политические убеждения американцев.

Множество обстоятельств, не зависящих от воли человека, облегчают существование демократической республики в Соединенных Штатах. Одни из них известны, с другими можно легко ознакомиться. Я ограничусь лишь описанием основных.

У американцев нет соседей, поэтому им не угрожают крупные войны, финансовые кризисы, опустошения и завоевания. Им нет нужды взимать большие налоги, содержать многочисленную армию, иметь крупных военачальников. Им почти не угрожает и другое

бедствие, более опасное для республик, чем все вышеперечисленные вместе взятые, — военная слава.

Невозможно отрицать то огромное влияние, которое оказывает на народный дух военная слава. Генерал Джэксон, которого американцы дважды избирали главой государства, обладает необузданным характером и средними способностями. В течение всей своей карьеры он никогда не демонстрировал качеств, необходимых для управления свободным народом. Большинство просвещенных классов Союза всегда выступало против него. Что же позволило ему занять пост президента и до сих пор оставаться на нем? Только воспоминания о победе, одержанной им двадцать лет тому назад под стенами Нового Орлеана. Но ведь победа под Новым Орлеаном — это заурядное военное событие, которое не осталось бы надолго в памяти народа, которому приходится много воевать. Народ, который способен подпасть под обаяние подобной военной славы, без сомнения, самый холодный, самый расчетливый, наименее воинственный и, если можно так выразиться, самый прозаический народ в мире.

В Америке нет ни одной крупной столицы[1], которая бы распространяла свое прямое или косвенное влияние на всю территорию страны. В этом я вижу одну из основных причин существования республиканского правления в Соединенных Штатах. В городах люди неизбежно объединяются, они могут все одновременно приходить в возбуждение и принимать неожиданные, продиктованные страстями решения. Там народ

оказывает огромное воздействие на назначенных им чиновников, нередко он творит свою волю сам, без посредников.

При подчинении провинций столице судьба всей страны попадает не просто в руки одной части населения, что, конечно, несправедливо. Она попадает в руки народа, который действует самостоятельно, а это представляет большую опасность. Господство столицы наносит серьезный ущерб представительной системе и порождает в современных республиках порок, который был присущ древним республикам: все они погибли из-за того, что не имели представительной системы.

Нетрудно было бы перечислить множество других, второстепенных причин, которые способствовали установлению и обеспечивают существование демократической республики в Соединенных Штатах. Но среди множества счастливых обстоятельств я вижу два основных и немедленно на них укажу.

Я уже говорил ранее, что первой, самой важной причиной, которой можно объяснить нынешнее процветание Соединенных Штатов, является происхождение американцев, то, что я назвал их началом. На заре существования американцам повезло: когда-то их отцы установили на земле, где они теперь живут, равенство условий и способностей, что послужило естественной основой для возникновения демократической республики. И это еще не все. Кроме республиканского общественного устройства, они оставили своим потомкам привычки, идеи и нравы, необходимые для процветания республики. Когда думаешь о последствиях этого первоначального факта, то кажется, что судьба Америки была предопределена тем первым ступившим на ее берег пуританином, так же как судьба человечества была предопределена первым человеком.

Крайне важным обстоятельством, способствовавшим установлению и сохранению демократической республики в Соединенных Штатах, являются размеры территории, на которой живут американцы. От отцов они унаследовали любовь к равенству и свободе,

[1] В Америке пока нет крупных столиц, но там уже есть очень большие города. В Филадельфии в 1830 году проживала 161 тысяча человек, а в Нью-Йорке—202 тысячи. Низшие слои населения, живущие в этих больших городах, представляют еще большую опасность, чем европейская чернь. Их составляют прежде всего свободные негры, которые в силу законов и общественного мнения обречены из поколения в поколение жить в унижении и нищете. Там можно встретить немало европейцев, которых несчастья или беспутство ежедневно гонят на берега Нового Света. Эти люди приносят в Соединенные Штаты наши

самые отвратительные пороки, не имея в то же время никаких интересов, способных их смягчить. Они живут в этой стране, не будучи ее гражданами, и готовы извлекать выгоду из всех страстей, которые ее сотрясают. Именно поэтому в последнее время в Филадельфии и Нью-Йорке вспыхивали серьезные волнения. В остальной части страны подобных беспорядков не бывает, и они ее совершенно не интересуют. Дело в том, что жители городов до нынешнего времени не имели никакой власти над негородским населением и не оказывали на него никакого влияния.

Размеры некоторых американских городов, а также натура их жителей могут представлять истинную опасность для будущего демократических республик Нового Света. Я беру на себя смелость предсказать, что именно они могут стать причиной их гибели, если только правительствам республик не удастся подавить эти эксцессы путем создания вооруженной силы, подчиненной воле национального большинства, но не зависящей от населения городов.

но только Бог, даровавший им необъятный континент, дал им возможность долго жить равными и свободными.

Всеобщее благосостояние обеспечивает стабильность любой формы правления, но оно особенно важно для демократии, основой которой являются настроения большинства и главным образом настроения тех, кто испытывает нужду. При народном правлении государство может жить без потрясений, только если народ счастлив, поскольку нищета действует на него так же, как честолюбие действует на монархов. А ведь ни одна страна мира ни в одну историческую эпоху не имела столько материальных и не зависящих от закона предпосылок благосостояния, сколько имеет Америка.

Процветание Соединенных Штатов объясняется не только демократичностью их законодательства, сама природа работает там на народ.

Человеческая память не сохранила ничего похожего на то, что происходит на наших глазах в Северной Америке.

Прославленные общества древности развивались в окружении враждебных народов, которые надо было победить для того, чтобы занять их территорию. Даже современные народы, обнаружив в Южной Америке обширные территории, столкнулись там с населением, которое хотя и уступало им по развитию, но уже овладело землей и обрабатывало ее. Для создания своих новых государств им пришлось уничтожить или поработить это

население, и их победы покрыли позором цивилизованные народы.

Что касается Северной Америки, то в ней жили кочевые племена, которые еще не помышляли об использовании природных богатств. Северная Америка была еще в буквальном смысле пустынным континентом, незаселенной землей, которая ждала своих жителей.

Все необычно у американцев: и их общественное устройство, и их законы. Но самое необычное из всего, что они имеют, — это земля, на которой они живут.

Когда Создатель дал землю людям, она была молодой и богатой, но люди были слабы и невежественны. Когда же они научились извлекать пользу из таящихся в ней сокровищ, они уже заселили ее всю, и им пришлось сражаться за право обладать своей территорией и свободно жить на ней.

Именно в это время была открыта Америка, как будто Бог держал ее про запас и она только что показалась из вод потопа.

В ней, как в первые дни творения, текут полноводные реки, простираются бескрайние и незаселенные леса, болота, ее безграничных полей никогда не касался плуг пахаря. И она достается не одинокому, невежественному и примитивному человеку первобытных веков, а человеку, уже постигшему главные тайны природы, объединенному со своими ближними, обладающему пятидесятивековым опытом.

В настоящее время тринадцать миллионов цивилизованных европейцев не спеша заселяют плодородные пустынные земли, ни всех богатств, ни точных размеров которых они еще не знают. Три или четыре тысячи солдат оттесняют кочевые племена индейцев. За ними идут лесорубы, которые прокладывают в лесах дороги, отгоняют диких животных, исследуют течение рек и таким образом подготавливают триумфальное шествие цивилизации через лесную глушь.

В этой книге я уже неоднократно упоминал о материальном благосостоянии американцев как об одной из причин успеха американских законов. Об этом многие говорили и до меня. Это единственная причина, которая бросалась в глаза европейцам и стала у нас общеизвестной. Поскольку о ней часто писали и она вполне понятна, я не буду на ней останавливаться и задержу внимание читателя на нескольких новых фактах.

Обычно считается, что пустынные земли Америки заселяются европейскими эмигрантами, ежегодно приезжающими в Новый Свет, тогда как американское население живет и увеличивается на территории, которую занимали его отцы. Это глубокое заблуждение. Европейцы, прибывающие в Соединенные Штаты,

обычно не имеют ни друзей, ни денег. Для того чтобы жить, они вынуждены продавать свой труд, и поэтому они чаще всего остаются в большой индустриальной зоне, расположенной вдоль океанского побережья. Невозможно обрабатывать пустынные земли, не имея ни денег, ни кредита; прежде чем отправиться в леса, нужно привыкнуть к новому суровому климату. Поэтому хозяевами больших земельных угодий в отдаленных местностях становятся американцы, которые ежедневно уезжают туда из мест, где они родились. Так, европейцы покидают свои хижины и едут жить на американское побережье Атлантического океана, а американцы, родившиеся на этом побережье, в свою очередь переселяются в глубь Централь-

ной Америки. Этот двойной поток эмигрантов никогда не прекращается. Одни уезжают из центра Европы и пересекают великий океан, другие движутся через пустынные земли Нового Света. Миллионы людей одновременно переселяются в одном направлении. Они говорят на разных языках, у них разные религии и нравы, но их объединяет цель. Им сказали, что богатство можно найти где-то на Западе, и они спешат за ним.

Ничто не может сравниться с этим постоянным переселением людей, кроме, может быть, того, что сопровождало падение Римской империи. В те времена массы людей также передвигались в одном направлении, и между ними происходили бурные столкновения. Но замыслы Провидения тогда были другими. Каждый вновь приходящий приносил смерть и разрушение, сегодня же каждый несет ростки процветания и жизни.

Отдаленные последствия миграции американцев на Запад еще скрыты будущим, но непосредственные результаты налицо: поскольку часть коренных жителей выезжает из штатов, где они родились, население этих штатов растет медленно, несмотря на их длительное существование. Так, штат Коннектикут насчитывает лишь пятьдесят девять жителей на квадратную милю, а его население за двадцать пять лет увеличилось лишь на одну четверть. В Англии за тот же период оно выросло на одну треть. Эмигрант из Европы попадает, таким образом, в наполовину заселенную страну, где промышленность нуждается в рабочих руках. Он становится живущим в достатке рабочим. Его сын отправляется искать счастья в пустынные земли и становится богатым собственником. Первый копит капитал, а второй пускает его в оборот, но в нищете не живет ни тот, кто эмигрировал в Америку, ни тот, кто там родился.

В Соединенных Штатах закон всеми силами способствует дроблению собственности, но существует вещь более могущественная, чем закон, которая препятствует чрезмерному ее дроблению[2]. Это легко заметить в штатах, в которых население начинает заметно расти. Массачусетс — самый плотно населенный штат Союза, в нем насчитывается восемьдесят жителей на квадратную милю. Это гораздо меньше, чем во Франции, где на том же пространстве проживает сто шестьдесят два человека.

Однако в Массачусетсе небольшие земельные владения дробятся уже редко. Обычно земля отходит к старшему в семье, а младшие отправляются искать счастья на новые, незаселенные места.

Закон отменил право первородства, но его восстановило Провидение. Однако никто об этом не сожалеет, поскольку теперь он не оскорбляет чувства справедливости.

По одному факту можно судить о том, какое огромное количество людей переселяются вместе с семьями из Новой Англии в пустынные места. Нас уверяли, что в 1830 году в конгрессе было тридцать шесть представителей, родившихся в небольшом штате Коннектикут. Таким образом, от населения этого штата, составляющего сорок третью часть населения Соединенных Штатов, была избрана восьмая часть представителей всей страны.

Однако сам штат Коннектикут посылает лишь пять депутатов в конгресс, остальные же — тридцать один депутат — избираются от новых, западных штатов. Если бы эти люди жили в Коннектикуте, они, скорее всего, были бы не богатыми собственниками, а мелкими земледельцами и жили бы в безвестности. Политическая карьера никогда бы не открылась перед ними, и, вместо того чтобы стать полезными законодателям, они были бы опасными гражданами.

Эти факты замечаем не только мы, они не ускользают и от американцев.

«Нет сомнения в том, — пишет судья Кент в своих «Комментариях к американскому праву» (т. IV, с. 380), — что дробление наделов, доведенное до крайности, могло бы привести к печальным последствиям, если бы, например, семья, владеющая одним участком, не могла с него кормиться. Но в Соединенных Штатах этого никогда не было, и еще многие поколения американцев не столкнутся с такой проблемой. Размеры нашей территории, обилие простирающихся перед нами земель и постоянное переселение людей с берегов Атлантического океана в глубь страны помогают и еще долго будут помогать избежать

дробления передающихся по наследству земель».

Трудно описать ту алчность, с которой американцы бросаются на огромную добычу, дарованную им судьбой. Преследуя ее, они бесстрашно идут на стрелы индейцев, переносят болезни, подстерегающие их в пустыне, не боятся лесного безмолвия, не приходят в смятение при встрече со свирепыми животными. Страсть, которая гонит их

[2] В Новой Англии земля разделена на очень маленькие участки, но дальнейшего их деления не происходит.

вперед, сильнее любви к жизни. Перед ними простирается почти безграничный континент, ά они спешат так, словно боятся прийти слишком поздно и не найти себе места. Я говорил о переселении из старых штатов, но люди переселяются и из новых. Штату Огайо нет еще и пятидесяти лет, основная часть его жителей родилась за его пределами, его столица еще не существует и тридцати лет, и на его территории есть бескрайние пустынные поля. Однако население Огайо вновь переселяется на Запад: большинство тех, кто приходит в плодородные прерии Иллинойса, — жители Огайо. Эти люди оставили свою первую родину, чтобы жить хорошо, теперь они уезжают и со второй, чтобы жить еще лучше. Они почти повсюду находят богатство, но не счастье. Их стремление к благосостоянию превратилось в горячую и беспокойную страсть, которая растет по мере ее удовлетворения. Когда-то они разорвали связи, прикреплявшие их к родной земле, и с тех пор у них не возникло новых связей. Переселение стало для них потребностью, они видят в нем что-то вроде азартной игры, в которой они одинаково любят и переживания и выигрыш.

Иногда люди перемещаются так быстро, что местность, в которой они побывали, возвращается к девственному состоянию. Леса лишь расступаются перед ними и вновь смыкаются, когда они проходят. Путешествуя по новым западным штатам, нередко встречаешь в лесу брошенные жилища. В самых глухих местах можно обнаружить хижину и с удивлением заметить следы корчевки, свидетельствующие одновременно о силе и непостоянстве человека. Оставленные поля и развалины недолго послуживших жилищ немедленно зарастают лесом, ушедшие животные возвращаются, природа весело и быстро скрывает за молодыми побегами и цветами следы мимолетного пребывания человека, а затем и уничтожает их.

Однажды, проезжая по одному из пустынных округов, еще имеющихся в штате Нью-Йорк, я подъехал к озеру, берега

которого густо поросли лесом, как в незапамятные времена. Посреди озера я увидел маленький остров. Он был покрыт шапкой леса, даже берегов не было видно. На берегах озера не было ни души, а на горизонте над верхушками деревьев к небу поднимался дымок. Казалось, что он свисает сверху, а не идет снизу.

На песке лежала индейская пирога, и я воспользовался ею для того, чтобы переправиться на остров, который привлек мое внимание. Вскоре я был там. Остров оказался одним из тех очаровательных нетронутых уголков, при виде которых цивилизованный человек начинает сожалеть о дикой жизни. Буйная растительность свидетельствовала о сказочном плодородии почвы. Там, как всегда в североамериканской глуши, царила глубокая тишина, которую нарушали лишь однообразное воркование диких голубей да стук дятла по дереву. Мне и в голову не могло прийти, что здесь кто-то уже побывал, настолько нетронутой казалась природа; но, дойдя до середины острова, я вдруг увидел что-то похожее на следы пребывания человека. Тогда я внимательно осмотрел все вокруг, и скоро у меня не осталось сомнения, что здесь уже жил европеец. Но как преобразилось то, что было результатом его трудов! Деревья, которые он срубил, чтобы построить себе хижину, дали новые ростки, частокол превратился в живую изгородь, а хижина—в куст. Посреди этой растительности в куче пепла лежали камни, почерневшие от копоти. Когда-то это был очаг, труба обрушилась и завалила его. Некоторое время я молча любовался силой природы и слабостью человека, а уходя из этого волшебного места, я с грустью повторял: «Вот как! И здесь уже развалины!»

В Европе мы привыкли смотреть на беспокойный ум, неумеренное стремление к богатству и крайнюю тягу к независимости как на большую опасность для общества. Именно все это гарантирует американским республикам большое и мирное будущее. Если бы не все эти неуемные страсти, население скопилось бы в некоторых местах и вскоре, так же как мы, начало бы испытывать потребности, удовлетворить которые ему было бы нелегко. Новый Свет — это счастливый край, пороки людей там почти так же полезны обществу, как добродетели!

Это оказывает огромное влияние на то, как судят о поступках людей в разных полушариях. Американцы часто называют похвальным занятием то, что мы считаем жаждой наживы, и видят определенную душевную трусость в том, что мы рассматриваем как умеренно сть желаний. Во Франции на простые вкусы, спокойные нравы, семейный дух и привязанность к месту своего рождения смотрят как на основу незыблемости и

счастья государства. В Америке подобные добродетели могли бы лишь повредить обществу. Канадские французы, которые остались верны старым нравам, уже испытывают трудности, и

вскоре этот маленький, недавно появившийся народ столкнется с теми же бедами, которые переживают народы Старого Света В Канаде самые просвещенные, самые патриотичные и туманные люди не жалеют усилий для того, чтобы заставить народ отказаться от простого счастья, которое его все еще удовлетворяет. Живя среди нас, они, возможно, восхваляли бы прелести честной посредственности, а там они прославляют богатство. Если в других местах думают о том, как успокоить человеческие страсти, то они, напротив, заботятся о том, чтобы их разжечь. Сменить чистые и спокойные удовольствия, доступные на родине даже бедняку, и уехать в чужие края в погоне за скупыми радостями, которые дает благосостояние; бросить отцовский дом и места, где покоится прах предков; расстаться с живыми и мертвыми и ехать искать счастья — вот что в их глазах заслуживает наибольшей похвалы.

Люди сейчас находят в Америке так много богатств, что у них не хватает сил, чтобы их освоить.

Поэтому никакие знания не могут быть ненужными. Кроме того, знания служат там не только тем, кто ими обладает, но и приносят пользу тем, кто их не имеет. Возникающие вновь потребности не представляют опасности, ведь их нетрудно удовлетворить, можно не бояться и слишком бурных страстей, поскольку они легко находят благотворный выход, нет никакой нужды в малейших ограничениях свободы, люди почти никогда не склонны злоупотреблять ею.

Американские республики можно сравнить с компаниями негоциантов, созданными для совместного освоения пустынных земель Нового Света и успешно ведущими торговлю.

Американцев больше всего волнуют не политические, а коммерческие дела, или, вернее, они переносят на политику привычки, приобретенные в коммерции. Они любят порядок, который необходим для успеха в делах, глубоко ценят умеренные нравы, которые лежат в основе прочной семьи. Они предпочитают здравый смысл, создатель крупных состояний, гениальности, которая их нередко пускает на ветер. Идеи общего характера пугают их ум, привыкший к конкретным расчетам, а практике они отдают предпочтение в сравнении с теорией.

Чтобы понять, какое влияние оказывает материальное благосостояние на политическую деятельность и даже на

убеждения, которые, казалось бы, подчинены лишь разуму, надо поехать в Америку. Особенно хорошо это заметно в людях, недавно обосновавшихся в Соединенных Штатах. Большинство эмигрантов из Европы приезжают в Новый Свет, гонимые необузданным стремлением к независимости и переменам, которое возникает из-за наших невзгод. Мне приходилось встречать в Соединенных Штатах европейцев, вынужденных в свое время бежать из своих стран из-за политических убеждений. Я с удивлением слушал их всех, но один из них меня особенно поразил. Однажды я проезжал по одному из отдаленных округов Пенсильвании и с наступлением ночи попросился на ночлег в дом богатого плантатора, француза. Он усадил меня у камина, и у нас завязалась непринужденная беседа, как это бывает между соотечественниками, которые встречаются в лесной глуши, вдали от своей родной страны. Мне было известно, что сорок лет тому назад мой хозяин был завзятым сторонником равенства и пылким демагогом. Его имя осталось в истории.

Я был очень удивлен, когда он, как экономист, чтобы не сказать, как собственник, заговорил о праве на собственность, о необходимости иерархии между людьми, которую она устанавливает, о повиновении существующему закону, о влиянии на республику добрых нравов, о пользе, которую приносит порядку и свободе религия. Для подтверждения одной из своих политических идей он даже, как бы невзначай, сослался на веру в Иисуса Христа.

Слушая его, я размышлял о несовершенстве человеческого разума. Верно что-либо или ложно, как понять это, если ни наука, ни опыт не дают ясного ответа? Но вот появляется новый факт, и он рассеивает все сомнения. Человек был беден, а затем стал богатым. Если бы благосостояние, определяя его поведение, не воздействовало на его суждения! Но нет, с приобретением богатства его убеждения претерпевают глубокие изменения. В своей удаче он видит тот определяющий довод, которого ему не хватало до сих пор.

На коренных американцев благосостояние оказывает еще более значительное воздействие, чем на вновь приезжающих. Американцы всегда видели, что порядок и процветание тесно связаны и всегда идут в ногу. Они и представить себе не могут, что то и

другое может существовать по отдельности. Им не надо забывать то, чему их учили раньше, и переучиваться, как европейцам.

О ТОМ, КАК ЗАКОНЫ ВЛИЯЮТ НА ПОДДЕРЖАНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Три основные причины, способствующие существованию демократической республики. — Федеральная структура. — Общинные учреждения. — Судебная власть.

Основной целью этой книги было ознакомление читателя с законами Соединенных Штатов. Если она достигнута, то читатель уже сам может сделать вывод о том, какие законы действительно служат укреплению демократической республики, а какие представляют для нее опасность. Если же мне еще не удалось достичь своей цели, то невозможно рассчитывать, что это удастся сделать в одной главе.

Поэтому я не хочу возвращаться к тому, о чем я уже говорил, а сделаю лишь краткий обзор, который уместится в нескольких строках.

Три основные причины способствуют, как представляется, поддержанию демократической республики в Новом Свете.

Во-первых, это федеральная структура, избранная американцами. Благодаря ей Союз обладает силой крупной республики и долговечностью малой.

Во-вторых, это существование общинных учреждений, которые, с одной стороны, умеряют деспотизм большинства, а с другой — прививают народу вкус к свободе и учат его жить в условиях свободы.

В-третьих, это судебная власть. Я уже показал, какую роль играют суды в исправлении ошибок демократии и как им удается приостанавливать и направлять порывы большинства, хотя они и не способны их пресечь.

О ТОМ, КАК НРАВЫ ВЛИЯЮТ НА ПОДДЕРЖАНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Я уже говорил выше, что считаю нравы одной из основных причин, которыми можно объяснить существование демократической республики в Соединенных Штатах.

Под словом «нравы» я подразумеваю то же, что древние называли словом mores. Я употребляю это слово не только для обозначения нравов в узком смысле, которые можно было бы назвать привычками души, но и для обозначения различных понятий, имеющихся в распоряжении человека, различных убеждений, распространенных среди людей, совокупности идей,

которые определяют привычки ума.

Я подразумеваю под этим словом моральный и интеллектуальный облик народа. Я не ставлю себе целью описывать американские нравы, но хочу выделить те из них, которые способствуют укреплению американских политических учреждений.

О РЕЛИГИИ КАК ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ. ЕЕ ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ РОЛЬ В УПРОЧЕНИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Жители Северной Америки исповедуют демократическое и республиканское христианство. — Первые

католики в Соединенных Штатах. — Почему в наши дни католики представляют собой слой

населения, наиболее приверженный демократии и республике.

Каждая религия связана с определенными политическими убеждениями в силу своего сходства с ними.

Если дух человека развивается свободно, он стремится привести в соответствие политическое общество и религиозные институты, стремится, если мне будет позволено так сказать, привести к гармонии земную жизнь и небесную.

Основная часть английской Америки была заселена людьми, которые, выйдя из-под власти папы, ни за кем не признали права на религиозное верховенство. Поэтому они принесли в Новый Свет христианство, которое точнее всего можно определить как де-

мократическое и республиканское. С самого начала и до нынешнего времени политика и религия жили в согласии.

Около пятидесяти лет тому назад из Ирландии в Соединенные Штаты начали переселяться католики. В свою очередь и некоторые американцы обратились в католичество. Сегодня в Союзе живет более миллиона христиан, следующих заветам католической церкви.

Американские католики очень строги в отправлении своего культа, они веруют горячо и истово. В то же время это самый преданный республике и демократии слой населения в Соединенных Штатах. Поначалу этот факт может показаться удивительным, но, поразмыслив, легко понять его скрытые причины.

Те, кто считает, что католичество по своей природе враждебно демократии, ошибаются. Напротив, среди различных христианских учений католичество в большей степени, чем другие, благоприятно для возникновения равенства между людьми. У католиков религиозное общество состоит из двух элементов: священник и народ. Священник возвышается над всеми верующими, все, кто стоит ниже его, равны между собой.

Католические догмы одинаковы для людей разного

умственного развития, вера образованных людей и невежественных, талантливых и посредственных должна быть совершенно одинаковой. Католичество обязывает и бедных и богатых следовать одним обрядам, одинаково сурово относится к сильным и слабым, оно не вступает в сделку ни с одним смертным и подходит ко всем людям с одной меркой. Ему нравится смешивать у алтаря все классы общества так же, как они смешаны перед Господом Богом.

Католичество, приучая верующих к послушанию, готовит их к равенству. Протестантство же, напротив, обычно направляет людей не к равенству, а к независимости.

Католичество можно сравнить с абсолютной монархией. Если исключить государя, равенство условий для граждан в ней глубже, чем в республике.

Нередко бывало, что католические священники выходили за рамки чисто религиозной деятельности и становились общественной силой, занимая определенное место в социальной иерархии. В таких случаях они иногда использовали свое религиозное влияние для того, чтобы укрепить политический строй, частью которого они были. Тогда католики становились сторонниками аристократки из религиозных чувств.

Но как только священников отстраняют от управления или они сами от него отстраняются, как, например, в Соединенных Штатах, католики оказываются наиболее подготовленными своей верой к тому, чтобы перенести идею равенства в политическую жизнь.

Хотя нельзя сказать, что католическая вера с непреодолимой силой влечет своих приверженцев в Соединенных Штатах к демократическим и республиканским убеждениям, она по крайней мере не настраивает против этих убеждений. Принять же их они вынуждены из-за положения в обществе и своей малочисленности.

Большинство католиков бедны, поэтому они могут участвовать в управлении обществом только в том случае, если такая возможность предоставлена всем гражданам. Католики составляют меньшинство, стало быть, для того, чтобы они могли пользоваться своими правами, необходимо уважение прав всех граждан. По этим причинам они невольно становятся сторонниками политических теорий, от которых они, возможно, не были бы в восторге, если бы были богаты и составляли большинство. Католическое духовенство Соединенных Штатов никогда не пыталось бороться против политических настроений своей паствы. Напротив, оно всегда стремилось оправдать их. Для американских католических священников духовный мир состоит

из двух частей. Одну составляют религиозные догмы, которым они подчиняются без рассуждений, а другую — политическая жизнь, в которой, по их мнению, Бог предоставляет людям свободу творчества. Поэтому католики в Соединенных Штатах предстают и как послушные своему пастырю верующие, и как независимые граждане.

Таким образом, можно сказать, что в Соединенных Штатах ни одно религиозное учение не занимает враждебной позиции по отношению к демократическим и республиканским учреждениям. Духовенство всех церквей придерживается по этому поводу одного мнения, убеждения не противоречат законам, в умах царит согласие.

Когда я находился в одном из крупных городов Союза, меня пригласили на политическое собрание. Его целью была организация помощи Польше, сбор и доставка оружия и денег в эту страну.

В большом зале, специально для этого подготовленном, собралось две-три тысячи человек. В начале собрания к краю возвышения, предназначенного для ораторов, подо-

шел священник в сутане. Когда присутствующие встали и обнажили головы, он заговорил в полной тишине:

«Всемогущий Боже! Покровитель армий! Ты, поддерживавший дух и направлявший руку наших отцов, когда они отстаивали священные права национальной независимости, ты, который привел их к победе над гнусным угнетением и даровал нашему народу благодатный мир и свободу. Господи! Обрати свой милостивый взор на другой конец земли, пощади героический народ, который сегодня, как когда-то мы, борется за свои национальные права. Господи, ты, сотворивший людей по одному образу и подобию, не допусти, чтобы угнетатели портили дело рук твоих и длили неравенство на земле. Всемогущий Боже! позаботься о судьбе поляков, сделай их достойными свободы, пусть их советы будут полны твоей мудростью, а их руки — твоей силой, повергни в ужас их врагов, раздели державы, желающие их гибели, не дай опять свершиться несправедливости, свидетелем которой мир был пятьдесят лет тому назад. Господи! Ты, который держишь в своих руках сердца людей и народов, призови союзников на защиту священного и правого дела, сделай так, чтобы французский народ стряхнул с себя оцепенение, в котором его держат правители, и опять пошел на борьбу за свободу в мире.

Господи, не отвращай от нас лица своего. Да будем мы всегда

самым религиозным и самым свободным народом.

Боже всемогущий, услышь нашу мольбу, спаси поляков, молим тебя во имя твоего возлюбленного сына Господа Бога нашего Иисуса Христа, который умер на кресте, чтобы спасти род человеческий. Аминь».

Все собравшиеся хором повторили: «Аминь».

КОСВЕННОЕ ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЙ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Христианская мораль, свойственная всем сектам. — Влияние религии на нравы американцев. —

Уважение супружеских уз. — Ограничения, которые религия накладывает на воображение американцев,

умеряя их страсть к обновлению. —Мнение американцев о благотворном воздействии религии на

политику. — Их стремление расширить и укрепить ее влияние.

Я показал, каким образом религия в Соединенных Штатах непосредственно воздействует на политику. Ее косвенное влияние представляется мне значительно более могущественным, ибо она лучше всего наставляет американцев в искусстве жить свободными именно тогда, когда вовсе не говорит о свободе.

В Соединенных Штатах существует множество сект. Все они различаются окормами преклонения перед Создателем, но имеют единое мнение по поводу обязанностей людей в отношениях друг с другом. Каждая секта по-своему поклоняется Богу, но все они проповедуют одну и ту же мораль во имя Божие. Самым ценным для человека как личности является истинность его религии. Однако об обществе этого сказать нельзя. Оно не боится загробной жизни и ничего от нее не ждет; самое важное для него — это не столько истинность религии, которую исповедуют все граждане, сколько сам факт исповедания какой-либо религии. Кроме того, все секты в Соединенных Штатах являются разновидностями христианской религии, а христианская мораль повсюду едина

Можно предположить, что некоторые американцы веруют в Бога более по привычке, чем по убеждению. Ведь в Соединенных Штатах глава государства — верующий и, следовательно, вера, даже если она лицемерна, обязательна для всех. Однако Америка остается той частью света, где христианская религия в наибольшей степени сохранила подлинную власть над душами людей. И эта страна, где религия оказывает в наши дни наибольшее влияние, является в то же время самой просвещенной и свободной. Невозможно убедительнее доказать, насколько

религия полезна и естественна для человека

Я говорил, что американские священники в целом выступают за гражданскую свободу, включая даже тех, кто не признает свободы совести. В то же время они не поддерживают никакую политическую систему. Они стремятся держаться в стороне от партийных дел и не вмешиваются в борьбу партий. Поэтому нельзя сказать, что в Соединенных Штатах религия влияет на законодательную деятельность или на формирование тех или иных политических убеждений. Она руководит воспитанием нравов, занимается делами семьи и таким образом оказывает воздействие на государство.

Нет никаких сомнений в том, что царящая в Соединенных Штатах строгость нравов объясняется прежде всего религиозными верованиями. Нередко религия в этой стране не может уберечь мужчину от бесчисленного множества соблазнов, с которыми его сталкивает судьба, она не способна унять его постоянно подстегиваемую страсть к обогащению. Но она безраздельно властвует над душой женщины, а ведь именно женщина создает нравы. Америка — это, бесспорно, та страна, в которой глубоко уважаются супружеские связи и в которой сложилось наиболее возвышенное и наиболее правильное представление о семейном счастье.

В европейских странах почти все общественные волнения зарождаются у домашнего очага, невдалеке от супружеского ложа. Именно здесь у людей возникает презрение к естественным привязанностям и невинным удовольствиям, склонность к беспорядку, душевная неуравновешенность, непостоянство желаний. Из-за бурных страстей, которые часто потрясают его собственное жилище, европеец лишь с трудом подчиняется суверенным властям государства. Американец же, возвращаясь из беспокойного политического мира в лоно семьи, находит там порядок и спокойствие. Дома он испытывает простые и естественные удовольствия, наслаждается невинными и спокойными радостями. Поскольку счастье ему приносит размеренная жизнь, он легко привыкает к умеренным взглядам и вкусам.

В то время как европеец стремится забыть свои домашние огорчения, внося смуту в общество, американец учится в своей домашней жизни любви к порядку и переносит ее затем на государственные дела.

В Соединенных Штатах религия не только управляет нравами, но и распространяет свою власть на мышление.

Среди американцев английского происхождения одни исповедуют христианскую религию потому, что верят в нее, другие — потому, что боятся прослыть неверующими. Так или иначе—и с этим согласны все,—христианская религия не встречает здесь никаких препятствий. Следствием этого является, как я уже говорил выше, наличие определенных, раз и навсегда установленных законов нравственной жизни, тогда как в политической жизни преобладают дискуссия и эксперимент. Это приводит к тому, что поле мыслительной деятельности всегда имеет границы: какими бы смелыми ни были мысли человека, они время от времени наталкиваются на непреодолимые преграды. Тот, кто хочет изменить общество, вынужден считаться с определенными аксиомами и придавать своим самым дерзким замыслам определенную форму, что умеряет и гасит его порывы.

Поэтому у американцев даже самое живое воображение отличается осторожностью и неуверенностью, ему не дают воли и не отводят важного места в жизни. Эта привычка к сдержанности наблюдается и в политической жизни общества. Она в значительной степени способствует спокойствию народа и длительному существованию созданных им институтов. Природа и обстоятельства сделали жителей Соединенных Штатов мужественными людьми. В этом легко убедиться, наблюдая за тем, каким образом они добиваются успехов. Если бы духовная деятельность американцев не была ничем ограничена, среди них, конечно, нашлись бы самые смелые в мире новаторы и реформаторы, которые никогда бы не поступались своим стремлением строить жизнь общества лишь по законам логики. Однако в Америке революционеры вынуждены с подчеркнутым уважением относиться к законам христианской морали и справедливости. И если эти законы противоречат их замыслам, то им совсем не легко переступить через них; и даже если бы им удалось побороть свои сомнения, они не смогли бы преодолеть колебаний своих сторонников. До сих пор никто в Соединенных Штатах не осмелился высказать мысль о том, что все дозволено для блага общества. Эта кощунственная идея родилась в век свободы, по-видимому, для того, чтобы оправдать всех будущих тиранов.

Итак, если закон позволяет американскому народу делать все, что ему заблагорассудится, то религия ставит заслон многим его замыслам и дерзаниям.

Поэтому религию, которая в Соединенных Штатах никогда не вмешивается непосредственно в управление обществом, следует считать первым политическим институтом этой страны. Ведь хотя она и не усиливает стремление людей к свободе, она значительно

облегчает жизнь свободного общества.

Именно так жители Соединенных Штатов и смотрят на религиозные верования. Я не могу сказать, все ли американцы действительно веруют. Никому не дано читать в сердцах людей. Но я убежден, что, по их мнению, религия необходима для укрепления

республиканских институтов. И это мнение принадлежит не какому-либо одному классу или партии, а всей нации, его придерживаются все слои населения.

Когда какой-нибудь американский политический деятель критикует какое-нибудь религиозное течение, то его, случается, поддерживают даже сторонники этого течения; но если он ополчится против религии как таковой, то от него отвернутся все, и он останется в одиночестве.

Во время моего пребывания в Соединенных Штатах на заседании суда присяжных в округе Честер (штат Нью-Йорк) один свидетель заявил, что он не верит в Бога и в бессмертие души. Судья отказался привести его к присяге ввиду того, что, как он сказал, свидетель уже подорвал всякую веру в свои слова[3]. Газеты сообщили об этом факте без коммментариев.

В уме американца христианство и свобода переплетаются так тесно, что он почти не может представить себе одно без другого; для него эта связь не является чем-то лишенным содержания, пришедшим в настоящее из прошлого, чем-то, что, казалось бы, не живет, а прозябает в глубине души.

Мне приходилось встречать американцев, которые объединяли свои усилия и средства для того, чтобы послать в новые западные штаты священников с целью открыть там школы и построить церкви. Они опасаются, что религия может затеряться в лесах, и тогда народ, которого становится там все больше, не сможет быть таким же свободным, как тот, от которого он произошел. Я встречал богатых жителей Новой Англии, которые покинули свои родные края и поехали на берега Миссури или в прерии Иллинойса, чтобы посеять там семена христианства и свободы. Итак, в Соединенных Штатах религиозное подвижничество всегда согревается огнем патриотизма. Можно подумать, что эти люди поступают так только ради спасения души, но это заблуждение. Вечная жизнь — лишь одно из их стремлений. Побеседовав с этими миссионерами христианской цивилизации, вы будете удивлены тем, насколько часто они говорят о благах сего мира, вы обнаружите политических деятелей там, где полагали встретить религиозных. «Все

американские штаты зависят один от другого, — скажут они вам, — и если бы в западных штатах возникли анархия или деспотический режим, то республиканские учреждения, процветающие на берегах Атлантического океана, также подверглись бы большой опасности. Поэтому мы заинтересованы в том, чтобы религия была сильна в новых штатах. В этом случае они позволят нам жить свободными».

Так рассуждают американцы. Но совершенно ясно, что они ошибаются, ведь мне каждый день с ученым видом доказывают, что в Америке все хорошо, кроме именно религиозного духа, который так меня восхищает. Мне говорят, что свободе и счастью рода человеческого по ту сторону океана недостает лишь веры в идею Спинозы о вечности мира, а также в гипотезу Кабаниса о том, что мысль зарождается в мозгу. По правде говоря, мне нечего на это ответить, кроме того что те, кто держит эти речи, не бывали в Америке и не видели ни религиозных, ни свободных народов. Я хотел бы с ними поговорить после того, как они там побывают.

Во Франции есть люди, которые рассматривают республиканские институты как временные средства, служащие воплощению их великих замыслов. Они осознают, сколь большое расстояние существует между их пороками и нищетой, с одной стороны, и могуществом и богатством — с другой, и хотели бы заполнить эту пропасть. Эти люди находятся в таких же отношениях со свободой, в каких средневековые ополчения находились с королем; они преследуют прежде всего свои собственные интересы, хотя и борются под знамением свободы. Республика, полагают они, будет существовать долго, и они успеют освободиться от имеющихся у них пока недостатков. Я пишу не для них. Но есть и другие, которые в республике видят устойчивое и спокойное общество, ту неизбежную цель, к которой идеи и нравы ежедневно приближают совре-

[3] Вот как «Нью-Йорк спектэйтор» от 23 августа 1831 года писал об этом: «Во время судебного заседния по гражданскому иску в округе Честер (штат Нью-Йорк) через несколько дней был отвергнут свидетель, который заявил о своем неверии в Бога. Судья, председательствовавший на этом процессе, заявил, что до сего времени он и не подозревал, что человек может не верить в существование Бога, что именно на этой вере основана убежденность в правдивости всех свидетельских показаний на судебных процессах и что он не знает ни одного случая в какой-либо из христианских стран, где бы не верящему в Бога свидетелю было позволено давать показания».

менное общество. Эти люди искренне хотят подготовить человека к свободной жизни. И, нападая на религиозные верования, они удовлетворяют свои страсти, а отнюдь не свои интересы. Не свобода, а деспотизм может существовать без веры. Республика, за которую они выступают, значительно больше нуждается в вере, чем монархия, с которой они борются, а демократическая республика — более, чем какая-либо другая. Разве может общество избежать гибели, если при ослаблении политических связей моральные связи не будут укрепляться? И как можно управлять свободным народом, если он не послушен Богу?

ОБ ОСНОВНЫХ ПРИЧИНАХ МОГУЩЕСТВА РЕЛИГИИ В АМЕРИКЕ

Усилия, которые приложили американцы, чтобы отделить церковь от государства. — Это записано

в законах, этому способствует общественное мнение и старания самих священников. — Именно

этим и объясняется то сильное влияние, которое религия оказывает на души американцев. — Почему

именно этим. — Каково в наши дни естественное отношение человека к религии. — Какие основные и

второстепенные причины препятствуют в некоторых странах тому, чтобы люди относились к

религии естественно.

Философы XVIII века очень просто объясняли ослабление религиозных верований. Религиозное рвение, говорили они, неизбежно угасает по мере того, как расцветают свобода и знания. Досадно, что факты не подтверждают эту теорию.

В Европе есть народы, неверие которых можно сравнить лишь с их забитостью и невежеством. В Америке же один из самых свободных и просвещенных народов усердно отправляет все религиозные обряды.

По приезде в Соединенные Штаты я больше всего был поражен религиозностью этой страны. Чем дольше я там жил, тем лучше понимал, какое глубокое влияние оказывает это новое для меня обстоятельство на политику.

Я знал, что у нас религиозность и свободолюбие всегда отдаляются друг от друга. Здесь же я увидел их тесную связь: в этой стране они господствуют вместе.

С каждым днем во мне росло желание понять причину этого явления.

Для этого я беседовал с членами всех религиозных общин; особенно я стремился к общению со священниками, хранителями святынь различных верований, лично заинтересованными в их длительном существовании. Благодаря религии, которую я исповедую, мне особенно близко было католическое духовенство, и я вскоре сдружился с некоторыми его представителями. С каждым из них я говорил о том, что меня удивляло, и делился своими сомнениями. Я обнаружил, что все эти люди, расходясь лишь в частностях, объясняли мирное влияние религии в своей стране прежде всего тем, что церковь полностью отделена от государства. Могу утверждать, не опасаясь ошибиться, что во время своего пребывания в Америке я не встретил ни одного человека, будь то священник или мирянин, который не разделял бы эту точку зрения.

Это заставило меня уделить большее внимание, чем я уделял прежде, тому месту, которое занимают американские священнослужители в политической жизни общества. Я с удивлением узнал, что они не занимают никаких государственных должностей[4]. Я не встречал ни одного священника, который занимал бы административный пост, и обнаружил, что они даже не избираются в представительные органы.

Во многих штатах политическая карьера им запрещена законом[5], во всех остальных ей препятствует общественное мнение.

[4] Не считая тех должностей, которые многие из них занимают в школах, поскольку большая часть образования осуществляется духовенством.

[5] См. конституцию Нью-Йорка, ст. 7, § 4.

То же Северной Каролины, ст. 31.

То же Виргинии.

То же Южной Каролины, ст. 1, § 23.

То же Кентукки, ст. 2, § 26.

То же Теннесси, ст. 8, § 1.

То же Луизианы, ст. 2, § 22.

Статья конституции штата Нью-Йорк гласит: «Поскольку призванием священников является служение Богу и забота о наставлении души, их не следует отвлекать от выполнения этих важных обязанностей; в связи с этим ни один пастор или священник, к какой бы секте он ни принадлежал, не может быть назначен ни на какую государственную, общественную или военную должность».

Когда наконец я взялся за изучение умонастроения самого духовенства, я понял, что большинство его членов по своей воле держатся в стороне от власти и считают такую отстраненность делом своей профессиональной гордости.

Я слышал, как они предают анафеме властолюбие и недобросовестность, за какими бы политическими убеждениями они ни скрывались. Но из этих речей я узнал также, что Бог не судит человека за его убеждения, если они искренни, а заблуждения по поводу формы правления не более грешны, чем ошибки при строительстве дома или пахоте земли.

Я видел, как тщательно они отгораживаются от всех партий, как глубоко они заинтересованы в отсутствии всяких контактов с ними.

Эти факты окончательно убедили меня в том, что мне говорили правду. Тогда мне захотелось изучить причины этих явлений, и я задался вопросом, каким образом уменьшение видимой силы религии могло привести к увеличению ее реального могущества. И я пришел к выводу, что ответ на этот вопрос существует.

Никогда воображение человека не могло замкнуться в ограниченных рамках его шестидесятилетней жизни, никогда его душе не могло хватить несовершенных радостей этого мира. Среди всех живых существ только человек испытывает естественное отвращение к жизни и в то же время страстно хочет жить, он и презирает жизнь, и страшится небытия. Под влиянием этих различных чувств его душа стремится к созерцанию другого мира, и путь в этот мир ему указывает религия. Таким образом, религия представляет собой особую форму надежды, она так же присуща человеку, как и обычная надежда. И если люди и отдаляются от веры, то лишь в силу заблуждений ума и вследствие нравственного насилия над своей природой. Их склонность к религии непреодолима. Неверие — это исключение из правила, естественным состоянием человечества является вера

Если рассматривать религию только как одно из порождений человеческого духа, то можно сказать, что все религии черпают часть своей силы в самом человеке. И так будет всегда, таково свойство человеческой природы.

Я знаю, что бывают эпохи, когда к этому характерному для религии влиянию добавляется искусственное воздействие законов и материальная поддержка властей, управляющих обществом. В истории бывали времена, когда в результате тесной связи религии и правительства люди находились под гнетом страха и религии одновременно. Однако можно сказать, не опасаясь ошибиться, что религия, заключающая подобный союз, действует

так же, как некоторые люди: она жертвует будущим ради настоящего и, хотя и приобретает несвойственную ей силу, теряет в то же время присущее ей могущество.

Когда господство религии опирается лишь на дорогое душе каждого человека стремление к бессмертию, ее влияние может быть всеобщим. Если же религия объединяется с правительством, то у нее неизбежно возникают учения, которые верны лишь для некоторых народов. Так, вступая в союз с политической властью, религия увеличивает свое влияние на некоторых, но теряет надежду господствовать над всеми.

До тех пор пока религия опирается на чувства, которые могут служить утешением в любой скорби, она способна привлечь к себе души людей. Если же она вмешивается в мучительную борьбу страстей нашего мира, ей иногда приходится защищать союзников, руководствуясь выгодой, а не любовью; она вынуждена рассматривать как врагов и отталкивать людей, зачастую еще приверженных ей, хотя и вступивших в борьбу с ее союзниками. Пользуясь материальной силой правителей, религия неизбежно начинает внушать такую же ненависть, как и сами эти правители.

Гарантией долговечности, казалось бы, глубоко укоренившихся политических сил являются лишь мировоззрения одного поколения, интересы одного века, часто — жизнь одного человека Какой-либо закон может изменить общественное устройство, представлявшееся абсолютно незыблемым и прочным, и вслед за этим может измениться все.

Любая власть, существующая в обществе, является в той или иной степени преходящей, как и наша жизнь на земле. Власти быстро сменяют одна другую, как различные заботы повседневной жизни. Никогда не существовало правительства, которое опиралось бы на постоянные склонности человеческого сердца или на вечные интересы.

До тех пор пока религия черпает свою силу в чувствах, инстинктах и страстях, которые возрождаются без изменений во все исторические эпохи, она может не страшиться времени или по крайней мере ее может победить только новая религия. Но когда религия стремится найти опору в интересах этого мира, она становится почти такой же уязвимой, как и все земные силы. Будучи одна, она может надеяться на бессмертие. Если же она

связана с недолговечной властью, она разделяет ее судьбу и зачастую гибнет вместе с преходящими страстями, на которые она опирается.

Итак, союз с политическими силами слишком обременителен для религии. Она не нуждается в их помощи, чтобы выжить, а служба им может привести ее к гибели.

Опасность, о которой я говорю, существует во все времена, но не всегда ее легко распознать.

В одни эпохи правительства кажутся вечными, в другие, напротив, создается впечатление, что жизнь общества менее долговечна, чем жизнь человека.

При одних конституциях граждане как бы пребывают в летаргическом сне, при других их охватывает лихорадочное возбуждение.

Когда правительства кажутся сильными, а законы — постоянными, люди почти не замечают, какую опасность представляет для религии союз с властью.

Когда правительства слабы, а законы — изменчивы, эту опасность замечают все, но в этих случаях ее часто уже невозможно избежать. Поэтому нужно уметь распознавать ее заранее.

По мере того как народы проникаются демократическими идеями и склоняются к республиканскому устройству общества, союз религии и власти становится все более опасным: ведь наступают времена, когда сила будет то в одних руках, то в других, политические теории станут сменять одна другую, люди, законы и даже конституции будут исчезать или меняться ежедневно. И все это будет происходить не в течение какого-либо периода, а постоянно. Волнения и нестабильность заложены в природе демократических республик, так же как оцепенение и спячка свойственны абсолютным монархиям.

Американцы меняют главу государства каждые четыре года, каждые два года они избирают новых законодателей и каждый год меняют местные власти. Политическая жизнь в Америке постоянно подвергается воздействию реформаторов. И если бы американцы не позаботились об отделении религии от политики, какое место она смогла бы занять среди постоянно меняющихся мнений людей? Во что борьба партий превратила бы то уважение, которое должно воздаваться религии? Что стало бы с ее бессмертием, если бы все вокруг нее гибло?

Американские священники первыми осознали эту истину и сообразуют с ней свое поведение. Они поняли, что для достижения политического влияния нужно отказаться от влияния религии, и они предпочли потерять поддержку власти, чем испытывать на себе свойственные ей превратности.

В Америке религия, возможно, не достигает того могущества, которое она имела в некоторые времена и у некоторых народов,

но ее влияние более прочно. Она опирается лишь на свои собственные силы, которых ее никто не может лишить, она действует только в одной определенной области, но занимает ее всю и господствует в ней, не прилагая особенных усилий.

Я слышу голоса, которые раздаются по всей Европе: все оплакивают неверие и хотят знать, каким образом вернуть религии хотя бы часть ее былого могущества.

Мне думается, что сначала нужно внимательно изучить вопрос о том, каково в наши дни *естественное состояние* человека в области религии. Зная, на что мы можем надеяться и чего нам следует опасаться, мы бы ясно увидели ту цель, к которой должны стремиться.

Есть две угрозы существованию религии: это расколы и равнодушие.

В века горячей набожности людям случается отказываться от своей религии. Но они сбрасывают с себя иго одной религии только для того, чтобы подчиниться власти другой. Меняется объект поклонения, но само поклонение не исчезает. В таких случаях все сердца испытывают к прежней религии либо горячую любовь, либо непримиримую ненависть. Одни с гневом отворачиваются от нее, другие с новой силой привязываются к ней; возникают различные верования, но отнюдь не неверие.

Однако дело обстоит совсем иначе, когда религиозные верования незаметно подтачиваются учениями, которые я назову отрицающими. Говоря об ошибочности какой-либо религии, они не выдвигают никакую другую в качестве истинной. В этих случаях человеческий дух переживает глубочайшие изменения, которые не сопровождаются взрывами страстей и в которых человек не отдает себе отчета. Появляются люди, которые как бы в забывчивости оставляют то, что давало им самые дорогие надежды. Увлеченные неуловимым движением, они не находят в себе мужества бороться против него и, с сожале-

нием уступая ему, отходят от веры, которую любят, и встают на путь сомнений, которые ведут их к отчаянию.

В века, которые я описываю, веру оставляют не из ненависти, а из равнодушия, ее не отбрасывают, а забывают. Не считая религию истинной, неверующий по-прежнему находит ее полезной. Он рассматривает религиозные верования с точки зрения их воздействия на человека и признает, что они оказывают влияние на нравы и законы. Он понимает, что религия способствует согласию во взаимоотношениях людей, что она исподволь готовит человека к смерти. Все это заставляет его

сожалеть об утерянной вере. Будучи лишен блага, ценность которого он хорошо осознает, он опасается отнять его у тех, кто им еще владеет.

Что же касается верующего, то он отнюдь не опасается открыто исповедовать свою веру. В тех, кто не разделяет его религиозных чувств, он видит скорее несчастных, нежели противников. Он знает, что ему не нужно следовать их примеру, чтобы завоевать кх уважение, и потому он ни с кем не воюет. Общество, в котором он живет, не представляется ему ареной, где религия постоянно должна вести борьбу против множества ожесточенных врагов, а своих современников он любит, хотя и осуждает их слабости и скорбит об их заблуждениях.

Поскольку те, кто не верит, не говорят об этом во всеуслышание, а те, кто верит, не скрывают этого, общественное мнение склоняется в пользу религии: ее любят, поддерживают и прославляют. Чтобы обнаружить, в какой степени вера поколеблена, нужно глубоко проникнуть в человеческие души.

В этих обстоятельствах множество людей, религиозные чувства которых никогда не остывают, не видят ничего такого, что могло бы увести их от общепринятых верований. Инстинктивное ощущение другой жизни ведет их без помех к алтарям, и их души пребывают под сенью религиозных заветов и утешений.

Почему же описанная картина неприложима к нашему обществу?

Среди нас есть люди, которые порвали с христианской религией, но не перешли ни в какую другую. Есть и другие, которые охвачены сомнением и уже делают вид, что они ни во что не верят. Кроме того, встречаются верующие, не смеющие открыто говорить о своей вере.

Среди этих равнодушных последователей и пылких противников есть, правда немного, глубоко религиозных людей, готовых ради своей веры преодолеть все препятствия и презреть все опасности. Эти люди сделали отчаянное усилие, чтобы победить человеческую слабость и возвыситься над общепринятыми мнениями. Однако это усилие увлекает их слишком далеко, они не умеют вовремя остановиться. Они видели, что на их родине свобода была использована людьми прежде всего для нападения на религию. Поэтому они страшатся своих современников и с ужасом отворачиваются от свободы, к которой те стремятся. Поскольку неверие представляется им чем-то новым, они испытывают ненависть ко всему новому. Все это значит, что они враждуют со своим веком и со своей страной и в каждом из существующих мировоззрений непременно видят

опасность для веры.

Таким ли должно быть естественное отношение человека к религии в наши дни?

Итак, в нашем обществе существует некая дополнительная особая причина, которая мешает душе человека следовать своей склонности и побуждает ее выходить за пределы, в которых ей должно оставаться по своей природе.

Я глубоко убежден, что такой особой дополнительной причиной является тесный союз политики и религии.

Европейские атеисты рассматривают верующих скорее как политических врагов, нежели как религиозных противников. Религия ненавистна им в значительно большей степени как мировоззрение партии, нежели как неправедная вера. Священника они отвергают скорее не как представителя Бога, а как сторонника власти.

Христианство в Европе позволило втянуть себя в тесный союз с земными властителями. Сегодня, когда их власть рушится, христианство оказывается как бы погребенным под их обломками. Это живой организм, который оказался связанным с мертвецами, но стоит лишь разорвать путы, сдерживающие его, и он возродится.

Я не знаю, что следовало бы сделать для того, чтобы придать европейскому христианству новую силу. Это подвластно только Богу. Но люди могут по крайней мере позволить религии использовать все те силы, которые у нее еще сохранились.

228

КАК ПРОСВЕЩЕНИЕ, ПРИВЫЧКИ И ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ АМЕРИКАНЦЕВ СПОСОБСТВУЮТ ПРОЦВЕТАНИЮ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

Что представляет собой просвещение американского народа, — В Соединенных Штатах культура

менее глубока, чем в Европе. — Однако никто не пребывает в невежестве. — Чем это объясняется. —

В Западных малонаселенных штатах идеи распространяются с удивительной быстротой. —

Американцы извлекают больше пользы из практического опыта, чем из книжных знаний.

В этой книге я много раз уже говорил читателю о том, насколько традиции американцев и их просвещение важны для сохранения их политических институтов. Поэтому мне остается добавить лишь немного.

До сих пор в Америке очень мало знаменитых писателей, там нет великих историков, поэтов. Американцы смотрят на литературу в собственном смысле этого слова с некоторым пренебрежением. В каком-нибудь заштатном европейском городишке каждый год выходит больше литературных произведений, чем во всех двадцати четырех штатах, вместе взятых.

Американскому уму чужды общие идеи, он совсем не стремится к теоретическим открытиям. Этому способствуют американская политика и промышленность. В Соединенных Штатах постоянно создаются новые законы, но еще не нашлось крупного ученого, который бы изучил их основные принципы.

У американцев есть юрисконсульты и комментаторы, но у них нет публицистов. В политике они дают миру скорее примеры, чем уроки.

То же самое можно сказать о ремеслах и промышленности.

В Америке умело используют европейские изобретения, совершенствуют их и отлично приспосабливают к местным условиям. Американцы изобретательны, но они не занимаются промышленностью с теоретической точки зрения. В этой стране есть хорошие рабочие, но мало созидателей. Фултону пришлось долгие годы отдавать свой талант другим народам, прежде чем он смог найти ему приложение в своей стране.

Тому, кто хочет понять, в каком состоянии находится просвещение англоамериканцев, следует рассмотреть этот вопрос с двух сторон. Если он будет интересоваться только учеными, то будет удивлен их малочисленностью; если же он станет искать невежественных людей, то американский народ покажется ему самым просвещенным на земле. Все население находится между этими двумя крайностями, о чем я уже говорил выше.

В Новой Англии каждый гражданин овладевает зачатками человеческих знаний, кроме того, его обучают доктрине и доводам его религии, знакомят с историей его родины и с основными положениями конституции, по которой она живет. В Коннектикуте и в Массачусетсе редко можно встретить человека, который не знал бы, пусть и не очень глубоко, всех этих вещей. Человек же, который с ними совершенно незнаком, в каком-то смысле феномен.

Сравнивая греческие и римские республики с американскими, *я* вижу у первых рукописные библиотеки и необразованные народы, а у вторых — тысячи газет, расходящихся по всей стране, и просвещенный народ. И когда я думаю обо всех тех усилиях, которые делаются и по сей день для того, чтобы судить об одних,опираясь на то, что известно о

других, и пытаться предусмотреть то, что произойдет в наши дни, исходя из того, что имело место две тысячи лет назад, мне хочется сжечь все мои книги и применять к столь новому общественному состоянию только новые идеи.

Впрочем, не следует думать, что все то, что я говорю о Новой Англии, в одинаковой степени распространяется на весь Союз. Чем дальше на Запад или на Юг, тем ниже уровень образования. В штатах, соседствующих с Мексиканским заливом, встречаются, как и у нас, люди, которым чужды знания, но в Соединенных Штатах не найдется ни одного округа, где царило бы невежество. Причина этого проста: европейские народы начали свой путь во мраке и варварстве и двигались к культуре и просвещению. Их успехи были неравны: одни двигались быстрее, другие — медленнее, некоторые остановились и до сих пор пребывают в спячке.

В Соединенных Штатах все было иначе. Англоамериканцы прибыли на землю, на которой живут их потомки, уже культурными людьми. Им не надо было учиться, достаточно было не забывать. И сыновья этих самых американцев каждый год везут в пустын-

ные места вместе со своим жилищем уже приобретенные знания и уважение к познанию. Благодаря полученному ими воспитанию они осознают пользу просвещения и способны передать накопленные знания своим детям. В Соединенных Штатах общество не переживало младенческой поры, оно сразу достигло зрелого возраста.

Американцы никогда не употребляют слово «крестьянин». Это связано с тем, что у них нет понятия, которое обозначает это слово. У них не сохранились ни извечная темнота деревни, ни ее простота, ни основные ее признаки, и они не знают ни добродетелей, ни пороков, ни грубых нравов, ни наивных прелестей зарождающейся культуры.

На дальних окраинах федеральных штатов, вдали от общества, в глуши живет племя мужественных первопроходцев. Убегая от бедности, которая угрожает им в родительском доме, они бесстрашно отправляются в ненаселенные части Америки для того, чтобы найти там себе новую родину. Прибыв на место, где он собирается поселиться, пионер сразу срубает несколько деревьев и строит хижину под пологом ветвей. Нет ничего более убогого, чем эти одинокие жилища. Путешественник, который приближается к такому жилищу вечером, еще издали различает сквозь стены свет пламени очага, а ночью, когда поднимается

ветер, он слышит шум лиственной крыши. Как не подумать, что в этой жалкой хижине ютится грубость и невежество? Однако не следует судить о пионерах по их жилищам. Их окружает дикая и нетронутая природа, но сами они несут в себе результат восемнадцативекового опыта и трудов. Они носят городскую одежду, говорят городским языком, знакомы с прошлым, интересуются будущим, рассуждают о настоящем. Это культурные люди, которые вынуждены в течение какого-то времени жить в лесах, и они углубляются в лесные дебри Нового Света, неся с собой Библию, топор и газеты.

Трудно себе представить, с какой немыслимой быстротой в этих пустынных местах распространяются идеи [6].

Не думаю, что в самых просвещенных и самых населенных кантонах Франции можно наблюдать такую же оживленную интеллектуальную жизнь[7].

Не подлежит сомнению, что в Соединенных Штатах обучение народа значительно способствует сохранению демократической республики. И я полагаю, что так будет повсюду, где обучение, просвещающее ум, не будет оторвано от воспитания, формирующего нравы. В то же время я не склонен преувеличивать значение этого положительного факта, и, так же как многие европейцы, я далек от мысли, что стоит лишь научить людей читать и писать, как они сразу же станут гражданами.

Основным источником истинных знаний является опыт, и, если бы американцы мало-помалу не привыкли сами управлять своими делами, книжные знания, которыми они обладают, не помогли бы им сейчас преуспеть в этом. Я долго жил среди американцев и всегда с восхищением относился к их опыту и здравому смыслу.

Не надо говорить с американцем о Европе, в таком разговоре у него обычно проявляется предвзятость и глупая спесь. В этом отношении он довольствуется общими и неопределенными идеями, на которых строятся рассуждения невежд во всех странах. Но поговорите с ним о его собственной стране, и вы увидите, как сразу рассеется облако, которое заволакивало его ум: его язык станет таким же ясным, четким и точным, как и его мысль. Он расскажет вам о своих правах и о средствах, к которым он должен прибегать, чтобы ими пользоваться, объяснит, что определяет политическую жизнь в его стране. Вы увидите, что он знает правила управления и действия законов. Все эти практические знания и ясные понятия почерпнуты жителем Соединенных Штатов не из книг.

[6] Я частично объехал границу Соединенных Штатов на открытой повозке, которую называют почтовой. Мы быстро ехали

днем и ночью по едва заметным дорогам среди нескончаемых зеленых лесов. Когда становилось совсем темно, мой проводник зажигал ветки лиственницы, и мы продолжали путь при их свете. Время от времени мы проезжали мимо хижин, стоявших в лесу, это были почтовые станции. Почтарь кидал к дверям этих домишек огромные свертки писем, и мы ехали дальше галопом. Жители округи сами должны были приходить за своей корреспонденцией.

[7] В 1832 году каждый житель Мичигана заплатил за почтовые отправления 1 франк 22 сантима, а каждый житель Флориды 1 франк 5 сантимов (см.: Национальный календарь, 1833, с. 244). В том же году каждый житель Северного департамента заплатил за то же самое государству 1 франк 4 сантима (см.: Генеральный отчет управления финансов, 1833, с. 623). Но надо учитывать, что в Мичигане в это время проживало лишь семь жителей на квадратный лье, а во Флориде — пять, там было менее распространено школьное образование, и деловая жизнь была менее активной, чем в большинства других штатов Союза. Северный же департамент Франции, в котором насчитывается 3400 жителей на квадратный лье, представляет собой одну из самых просвещенных и промышленно развитых частей страны.

Его школьное образование, возможно, подготовило его к их восприятию, но не оно ему их дало.

Американцы познают законы, участвуя в законодательной деятельности, они знакомятся с формами управления, участвуя в работе органов власти. Великое дело общественной жизни осуществляется ежедневно на их глазах, и можно сказать, что оно делается их руками.

В Соединенных Штатах все воспитание людей имеет политическую направленность, в Европе же его основной целью является подготовка к частной жизни. Участие граждан в делах страны настолько незначительно, что нет необходимости заботиться о нем заранее. При сравнении этих двух обществ можно увидеть даже внешнюю сторону этих различий.

Мы в Европе часто вносим мысли и привычки частной жизни в общественную жизнь, и, поскольку нам редко случается переходить от семейной жизни к управлению государством, мы часто обсуждаем великие общественные интересы так, как если бы мы разговаривали с друзьями.

Что же касается американцев, то они, напротив, почти всегда переносят привычки общественной жизни в частную жизнь. У них в школьных играх можно встретить представление о присяжных, а

в организации банкета — парламентские формы.

О ТОМ, ЧТО ЗАКОНЫ ЛУЧШЕ, ЧЕМ ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ, СЛУЖАТ УКРЕПЛЕНИЮ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ, А НРАВЫ ЕЩЕ БОЛЕЕ ВАЖНЫ, ЧЕМ ЗАКОНЫ

Все народы Америки имеют демократическое общественное устройство, — Однако демократические учреждения процветают только у англоамериканцев. — Южноамериканские испанцы, живущие в таких же благоприятных природных условиях, как и англоамериканцы, не могут приспособиться к жизни в условиях демократической республики. — Мексике, которая заимствовала конституцию Соединенных Штатов, это также не удается. — Англоамериканцам с Запада демократическое общественное устройство менее подходит, чем их согражданам с Востока. Причины этих различий.

Я уже говорил о том, что существование демократических учреждений в Соединенных Штатах объясняется обстоятельствами, законами и нравами[8].

Большинство европейцев знают лишь о первой из этих трех причин и приписывают ей решающее значение, что не соответствует истине.

В самом деле, англоамериканцы принесли в Новый Свет социальное равенство. Среди них никогда не существовало ни простолюдинов, ни дворян, им были чужды предрассудки, связанные с рождением или с профессией. В таком общественном устройстве, основанном на равенстве, демократия возникла, не встретив никаких помех.

Однако это явление присуще не только Соединенным Штатам. Почти все колонии Америки были основаны равноправными людьми или людьми, которые стали таковыми, живя в колониях. Ни в одной части Нового Света европейцам не удалось создать аристократию.

В то же время демократия процветает лишь в Соединенных Штатах.

Американскому Союзу не нужно сражаться с врагами, он один посреди пустынных земель, как остров в океане.

Но ведь у испанцев в Южной Америке тоже нет врагов, и тем не менее у них есть армии. За неимением иностранных неприятелей они воюют между собой. И только демократическая республика англоамериканцев до сих пор не знала войны.

Территория Союза представляет собой безграничное поле деятельности, она дает необъятный простор для приложения труда и умений человека. Поэтому на место честолюбия там приходит стремление к богатству, и благосостояние приглушает партийные страсти.

Но в какой части мира можно найти самые ненаселенные и самые плодородные земли, самые большие реки, нетронутые и неисчерпаемые богатства, если не в Южной Америке? И все же демократия там не приживается. Если бы для счастья народам достаточно было жить в каком-нибудь уголке земли и иметь возможность беспрепятственно рассе-

[8] Хочу напомнить читателю общий смысл, который *я.* вкладываю в слово «нравы»: под этим словом я подразумеваю совокупность умственных и моральных склонностей людей, которые отражаются в общественной жизни.

литься на незанятых землях, южноамериканские испанцы не могли бы пожаловаться на свою судьбу. И даже если бы они не достигли такого же благоденствия, как жители Соединенных Штатов, то уж европейские народы должны были бы им завидовать. Но ведь на земле нет более несчастных народов, чем народы Южной Америки.

Итак, природные условия не приводят к схожим результатам в Южной и Северной Америке. К этому следует добавить, что все, что они породили в Южной Америке, далеко отстает от того, что имеется в Европе, где природные условия прямо противоположны. Следовательно, природные условия не так сильно влияют на судьбы народов, как полагают некоторые.

Мне случалось встречать в Новой Англии людей, готовых бросить родину, где они могли бы жить обеспеченно, и ехать искать счастья в пустынные места. Я также видел, как французское население в Канаде скапливается на небольшой территории (которая для него слишком мала), хотя рядом имеются незаселенные земли. И в то время как эмигрант из Соединенных Штатов покупал большой участок за деньги, заработанные в течение нескольких дней, канадец платил за свою землю так же дорого, как если бы он жил во Франции.

Так природа, предоставляя европейцам просторы Нового Света, дает им блага, которые они не всегда умело используют.

Я вижу у других американских народов те же условия для процветания, что и у англоамериканцев, за исключением их законов и их нравов, и эти народы прозябают. Следовательно, законы и нравы англоамериканцев являются главной причиной их

величия, той основополагающей причиной, которую я ищу.

Я совсем не хочу сказать, что американские законы безупречны, я вовсе не думаю, что они применимы ко всем демократическим обществам. Среди них есть такие, которые кажутся мне опасными даже в Соединенных Штатах.

Однако невозможно опровергнуть тот факт, что американское законодательство, взятое в целом, прекрасно отражает дух народа, которым оно призвано управлять, и природу страны.

Американские законы хороши, и именно этим в значительной степени объясняются успехи демократического правления в стране, но я не думаю, что они являются главной причиной этих успехов. Они, по моему мнению, оказывают даже большее воздействие на социальное благополучие американцев, чем сама природа, но еще сильнее, думается мне, на него воздействуют их нравы.

Нет сомнения, что федеральные законы представляют собой самую важную часть американского свода законов.

Мексика, живущая в таких же благоприятных природных условиях, что и англоамериканский Союз, заимствовала его законы, однако она не может приспособиться к демократическому правлению.

Это наводит на мысль, что, кроме природных условий и законов, существует некий фактор, обеспечивающий успех демократического правления в Соединенных Штатах.

И этому есть другие доказательства. Почти все граждане Союза произошли от одного народа. Они говорят на одном языке, одинаково молятся Богу, живут в одинаковых условиях, подчиняются одним законам.

Почему же между ними возникают столь заметные различия?

Почему на Востоке Союза республиканское правление сильно, упорядоченно и действует зрело и неторопливо? Что накладывает на все его действия отпечаток мудрости и долговечности?

И напротив, чем объяснить, что на Западе власти, казалось бы, действуют наугад?

Почему в делах там наблюдается какой-то беспорядок, нетерпение, можно даже сказать, суета, которые не обещают ничего хорошего в будущем?

Сейчас я сравниваю англоамериканцев не с другими народами, а одну их часть с другой и стараюсь понять причину их несходства. Объяснения, связанные с природными условиями и различиями в законах, здесь не подходят. Нужно найти другую причину, и ее можно отыскать только в нравах.

Самый длительный опыт демократического правления англоамериканцы накопили на Востоке. Именно там возникли

наиболее благоприятные для этого привычки и идеи. Постепенно демократия пропитала там обычаи, мировоззрения, традиции; она обнаруживается в любых сферах общественной жизни так же, как в законах. Именно на

Востоке обучение грамоте и практическое воспитание народа достигли наибольшего совершенства, именно там религия стала неотделима от свободы. А что представляют собой все эти привычки, мировоззрения, обычаи и верования, если не то, что я называю нравами?

На Западе, напротив, многие из этих благоприятных факторов еще отсутствуют. Многие американцы из западных штатов родились в лесах, и к культуре, которую им передают их отцы, примешиваются представления и обычаи дикой жизни. У них сильнее бурные страсти, слабее религиозная мораль, менее глубокие убеждения. Люди там не могут контролировать друг друга, так как они плохо друг друга знают. Таким образом, у населения Запада заметны в какой-то мере неопытность и неустановившиеся обычаи, свойственные нецивилизованным народам. И хотя составные элементы, из которых строится общество западных штатов, не новы, они образуют там неожиданные сочетания.

Итак, прежде всего благодаря нравам американцы, живущие в Соединенных Штатах, единственные из всех американцев способны переносить господство демократии. Именно благодаря нравам все демократические общества, созданные англоамериканцами, в целом упорядочены и процветают.

Следовательно, европейцы преувеличивают влияние географического положения страны на долговечность демократических учреждений. Они придают слишком большое значение законам и недооценивают нравы. Безусловно, эти три основные причины способствуют установлению и развитию американской демократии, но если бы нужно было указать роль каждой из них, я бы сказал, что географическое положение менее важно, чем законы, а законы менее существенны, чем нравы.

Я убежден, что самое удачное географическое положение и самые хорошие законы не могут обеспечить существование конституции вопреки господствующим нравам, в то время как благодаря нравам можно извлечь пользу даже из самых неблагоприятных географических условий и самых скверных законов. Нравы имеют особое значение — вот тот неизменный вывод, к которому постоянно приводят исследования и опыт. Этот вывод представляется мне наиболее важным результатом моих

наблюдений, все мои размышления приводят к нему.

Мне остается добавить к сказанному лишь несколько слов.

Если в этой книге мне не удалось передать читателю мою убежденность в важности практического опыта американцев, их привычек и мировоззрения, одним словом — их нравов для существования американских законов, значит, я не достиг главной цели, которую ставил себе в процессе работы.

МОГЛИ БЫ ЗАКОНЫ И НРАВЫ ОБЕСПЕЧИТЬ СУЩЕСТВОВАНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ НЕ ТОЛЬКО В АМЕРИКЕ, НО И В ДРУГИХ СТРАНАХ?

Если бы англоамериканцы жили в Европе, им пришлось бы изменить свои законы. — Следует различать демократические учреждения и американские учреждения. —Можно создать демократические законы, лучшие или по крайней мере отличные от тех, по которым живет американское общество. — Пример Америки доказывает лишь, что не следует терять надежду на установление демократии путем принятия законов и воспитания нравов.

Я уже говорил о том, что законы как таковые, а также нравы более важны для существования демократических учреждений в Соединенных Штатах, чем природа страны.

Но следует ли из этого, что эти два фактора, перенесенные на другую почву, сохранят свою силу? Природные условия не могут заменить собой законы и нравы, но могут ли эти последние заменить природные условия?

Легко заметить, что в этом случае мы не можем привести доказательств: в Новом Свете живут не только англоамериканцы, но и другие народы. Поскольку все они живут в одинаковых природных условиях, я имел возможность сравнить их.

Но за пределами Америки нет ни одного народа, который, не располагая такими же благоприятными природными условиями, что и англоамериканцы, создал бы такие же законы и нравы.

Следовательно, у нас нет объекта для сравнения, можно лишь строить предположения.

Мне думается, что прежде всего нужно тщательно различать учреждения Соединенных Штатов и демократические учреждения вообще.

Когда я окидываю мысленно взором Европу, ее великие

народы, ее многонаселенные города, ее огромные армии, когда размышляю о сложностях ее политики, я не могу себе представить, чтобы даже англоамериканцы, переселись они на нашу землю со своими идеями, религией, нравами, смогли бы жить, не подвергнув свои законы глубоким изменениям.

Но можно предположить возможность существования у какого-либо народа демократического общества, организованного иначе, чем американское.

Разве нельзя представить себе правление, основанное на реальной воле большинства, преодолевшего, однако, присущий ему инстинкт равенства для достижения порядка и стабильности государства и передавшего всю полноту исполнительной власти одной семье или одному человеку? Разве нельзя представить себе демократическое общество, в котором народные силы были бы более централизованы, чем в Соединенных Штатах, а воздействие народа на общественные дела более опосредованно и мягко, но в котором в то же время каждый гражданин, пользующийся определенными правами, по-своему участвовал бы в процессе управления?

Виденное в Америке наводит меня на мысль, что в других странах могли бы существовать подобные демократические учреждения, если бы они были осторожно введены в общество и постепенно, шаг за шагом, срослись бы с традициями и взглядами народа.

Если бы законы Соединенных Штатов были единственно возможными демократическими законами или самыми совершенными в мире, я бы мог согласиться с заключением, что их успех доказывает лишь успех демократических законов вообще, даже в стране с менее благоприятными природными условиями.

Но поскольку американские законы кажутся мне во многих отношениях неудачными и я легко могу вообразить другие демократические законы, природные особенности страны не служат мне доказательством того, что демократические учреждения не могут успешно функционировать в стране, где при менее благоприятных природных условиях законы более удачны.

Если бы американцы отличались от жителей других стран, если бы благодаря их общественному устройству у них возникали привычки и убеждения, противоположные тем, которые возникают у европейцев при сходном общественном устройстве, то по жизни американских демократических обществ нельзя было бы судить о жизни других демократических обществ.

Если бы у американцев были те же склонности, что и у всех других народов, живущих в демократическом обществе, а их

законодатели положились бы на природные условия страны и на благоприятные обстоятельства, чтобы держать эти склонности в необходимых пределах, то процветание Соединенных Штатов объяснялось бы лишь внешними причинами и не могло бы служить примером для народов, желающих идти их путем, но не имеющих тех же благоприятных условий.

Однако ни одно из этих предположений не подтверждается фактами.

Я встречал в Америке те же страсти, которые мы находим в Европе. Одни из них объясняются природой человеческой души, другие—демократическим устройством общества.

Так, я встречал у американцев душевное возбуждение, свойственное людям, живущим в приблизительно равных условиях и имеющим одинаковые возможности для возвышения. Я видел там демократическое чувство зависти, которое выражается в самых различных формах. Я заметил, что американский народ часто проявляет в делах большую самоуверенность и полное невежество, и пришел к заключению, что в Америке, как и у нас, люди так же несовершенны и подвержены тем же напастям.

Но когда я внимательно вгляделся в общественное устройство, я сразу увидел, что американцы приложили большие усилия для того, чтобы преодолеть эти слабости человеческой души, исправить естественные недостатки демократии, и добились в этом успеха.

Различные законы местного управления представляют собой, как мне показалось, границы, оставляющие мало места для беспокойного честолюбия граждан и обращающие демократические страсти, которые могли бы разрушить государство, на общую

пользу. По моему мнению, американским законодателям удалось успешно противопоставить идею права чувству зависти, неизменность религиозной морали постоянному движению в политической жизни, практический опыт народа его теоретическому невежеству, привычку к деловой жизни необузданности желаний.

Мы видим, что в борьбе с опасностями, порождаемыми их конституцией и политическими законами, американцы не стали полагаться на природу страны. Они, пока единственные из всех народов, живущих в демократическом обществе, нашли лекарства от болезней, поражающих эти народы. И хотя их опыт был первым, он оказался удачным.

Нравы и законы, созданные американцами, не являются единственно возможными в демократическом обществе, но американцы показали, что установление демократии с помощью законов и нравов — не безнадежное дело.

И если другие народы заимствуют у американцев эту общую плодотворную идею, не подражая им слепо в ее конкретном воплощении, и попробуют стать достойными того общественного устройства, которое ниспосылает сегодня людям само Провидение для того, чтобы избежать угрожающего им деспотизма и анархии, то нет никаких причин полагать, что их ждет неудача Организация и установление демократии в христианском мире — это великая проблема нашего времени. Конечно, американцы не разрешили этой проблемы, однако они дают полезные уроки тем, кто хочет ее разрешить.

ЗНАЧЕНИЕ ВЫШЕСКАЗАННОГО ДЛЯ ЕВРОПЫ

Легко понять, по какой причине я предпринял описанные выше исследования. Вопрос, который я изучал, касается не одних Соединенных Штатов, а всего мира, он касается не одного народа, а всего человечества.

Если бы народы, живущие в демократическом обществе, могли сохранить свою свободу, только живя в пустынных местах, то у человечества не было бы будущего: ведь люди быстро движутся к демократии, а пустынные места заселяются.

Если бы законы и нравы действительно не могли обеспечить существование демократических учреждений, что оставалось бы народам, кроме деспотизма одного человека?

Я знаю, что в наши дни многие честные люди не страшатся подобного будущего. Они устали от свободы и хотели бы отдохнуть вдали от связанных с ней потрясений.

Но эти люди не понимают, к чему они стремятся. Погрузившись в воспоминания, они судят об абсолютной власти по ее прошлому, а не по тому, какой она могла бы стать в настоящем. Если бы в европейских демократических странах была восстановлена абсолютная власть, она, несомненно, приняла бы новые формы и приобрела черты, незнакомые нашим предкам.

Были времена, когда в Европе закон и согласие народа наделяли королей почти безграничной властью. Однако короли почти никогда не имели возможности воспользоваться ею.

Я не стану говорить о прерогативах знати, влиянии королевского двора, правах корпораций и привилегиях провинций, хотя все они смягчали действия власти и поддерживали в народе дух противостояния.

Кроме этих политических институтов, которые, с одной стороны, ограничивали свободу частных лиц, а с другой — поддерживали в душах любовь к ней и польза которых в этом отношении совершенно ясна, существовали мировоззрения и нравы, воздвигавшие перед королевской властью менее привычные, но не менее могущественные преграды.

Религия, любовь подданных, добросердечие государя, честь, дух семьи, взгляды провинций, обычаи и общественное мнение умеряли власть королей и окружали ее невидимыми границами.

В те времена общественное устройство было деспотическим, но нравы — свободными. Государи имели право, но не имели ни возможности, ни желания делать все, что заблагорассудится.

Что же осталось сегодня от тех барьеров, которые препятствовали возникновению тирании в прошлом?

Религия потеряла свое влияние на души, и тем самым уничтожена самая явственная черта, разделявшая добро и зло. В мире морали все сомнительно и зыбко, и короли и

народы действуют в нем наугад, и никто не знает естественных пределов деспотизма и распущенности.

Длительные революции навсегда покончили с уважением, которым были окружены государи. Эти последние, не чувствуя к себе общественного уважения, могут отныне без страха предаваться опьянению властью.

Короли, которые пользуются любовью народа, великодушны, так как они чувствуют свою силу; они дорожат любовью своих подданных потому, что она укрепляет их трон. И тогда между государем и подданными устанавливаются теплые чувства, напоминающие те, которые существуют в семье. Подданные, хотя и ропщут на правителя, все же огорчаются его недовольством, а государь наказывает их вполсилы, как отец наказывает своих детей.

Но когда авторитет королевской власти исчез в вихре революций, когда короли, сменяющиеся на троне, один за другим демонстрируют народу бессилие *закона* и торжество *грубой силы,* люди начинают видеть в государе не отца государства, а повелителя. Если он слаб, его презирают, если силен — ненавидят. Его самого наполняют гнев и страх, он чувствует себя завоевателем в собственной стране и обходится со своими подданными как с побежденными.

Когда провинции и города были чем-то вроде отдельных стран в пределах единого отечества, они имели свои характерные особенности, которые побуждали их восставать против общего

духа порабощения. Сегодня же части одной империи не имеют ни вольностей, ни обычаев, ни собственных взглядов, они утратили даже память о своем прошлом и свои названия. Все они привыкли подчиняться одним законам, и угнетать их всех вместе так же легко, как и одну из них отдельно взятую.

В те времена, когда знать обладала властью, а также длительное время после того, как она ее потеряла, честь аристократа придавала необычайную силу сопротивлению отдельных личностей.

В то время были люди, у которых, несмотря на их бессилие, сохранялось возвышенное представление о своей индивидуальной ценности, и они осмеливались в одиночку противостоять давлению государственной мощи.

Но в наши дни, когда завершается смешение всех классов, когда индивидуум все больше и больше растворяется в толпе и легко теряется в общей посредственности, когда честь монарха почти потеряла свое значение, а добродетель не пришла ей на смену, ничто более не возвышает человека. И кто может сказать, до какого предела дойдут требования власти и уступки, продиктованные бессилием?

Пока был жив дух семьи, человек, вступавший в борьбу с тиранией, никогда не оставался в одиночестве, его окружали домочадцы, друзья, связанные с многими поколениями его семьи, близкие. И даже если он был лишен этой поддержки, он действовал, чувствуя поддержку предков и ради потомков. Но как может сохраниться дух семьи во времена, когда дробятся наследственные владения и в короткие сроки угасают крупные роды?

Какую силу могут сохранить обычаи народа, облик которого полностью изменился и продолжает меняться, у которого любые проявления тирании уже имеют прецедент, а любым мыслимым преступлениям можно найти пример в реальной жизни, у которого нет ничего столь древнего, что было бы страшно уничтожить, и для которого нет ничего столь нового, чего он не решился бы осуществить?

Какое сопротивление могут оказать нравы, уже допустившие столько уступок? Что может само общественное мнение, когда нет и *двадцати* человек, объединенных общими узами, когда не найдешь ни человека, ни семьи, ни группы, ни класса, ни свободной ассоциации, которые могли бы его, это мнение, представлять или приводить в действие?

Когда все граждане одинаково слабы, бедны и одиноки и каждый из них может противопоставить организованной силе правительства лишь свое бессилие?

Аналогию тому, что могло бы в этом случае произойти с нами, нужно искать отнюдь не в новой истории. Следует, по-видимому, изучать памятники античности и именно страшные века римской тирании с их развращенными нравами, уничтоженной памятью, нарушенными обычаями, нестойкими мировоззрениями, с изгнанной из законов и не находящей себе убежища свободой. Поскольку ничто не охраняло граждан и они сами были не в состоянии себя защитить, человеческая природа была извращена, и государи скорее испытывали терпение неба, чем своих подданных.

236

Те, кто рассчитывает восстановить монархию Генриха IV или Людовика XIV, кажутся мне слепцами. Что касается меня, то когда я вижу то состояние, которого уже достигли многие европейские народы, а также то, к которому идут все остальные, я прихожу к мысли, что вскоре у них не будет иного выбора, кроме демократической свободы или тирании цезарей.

Разве это не заслуживает размышлений? Если люди действительно достигли такого порога, за которым все они либо станут свободными, либо превратятся в рабов, либо приобретут равные права, либо будут лишены всех прав, если у тех, кто управляет обществом, есть лишь два пути: постепенно возвысить толпу до своего уровня или лишить всех граждан человеческого облика, — разве этого недостаточно для того, чтобы преодолеть многие сомнения, успокоить совесть многих людей и подготовить всех к необходимости добровольно принести большие жертвы?

Разве не следует в этом случае рассматривать постепенное развитие демократических учреждений и нравов не как наилучшее, а как единственное имеющееся у нас средство для сохранения свободы? И даже не испытывая любви к демократическому правлению, разве не придем мы к убеждению в необходимости его установления, поскольку это наилучшее и самое честное решение проблем современного общества?

Нелегко привлечь народ к управлению, еще труднее позволить ему накопить опыт и воспитать у него те чувства, которых ему недостает, чтобы делать это хорошо.

Слов нет, желания демократии изменчивы, ее представители грубы, законы несовершенны. Однако, если на самом деле вскоре не будет существовать никакой середины между господством демократии и игом одного человека, разве не должны мы всеми силами стремиться к первой, вместо того чтобы добровольно подчиняться второму? И если в конце концов мы придем к полному равенству, разве не лучше быть уравненными свободой,

чем деспотизмом?

Те, кто, прочитав эту книгу, придет к выводу, что я написал ее для того, чтобы предложить всем народам, живущим в демократическом обществе, ввести у себя такие же законы и распространить такие же нравы, как у американцев, впадут в глубокое заблуждение. Это означало бы, что они увлеклись формой и не восприняли самую суть моей мысли. Я ставил себе целью на примере Америки показать, что благодаря законам и особенно нравам народ, живущий в демократическом обществе, может сохранить свободу. Я далек от мысли, что мы должны следовать примеру американской демократии и копировать средства, которыми она воспользовалась для достижения своей цели. Мне хорошо известно, как сильно влияет на политическое устройство страны **ее природа** и история, и я считал бы великим несчастьем для человечества повсеместное однообразие форм свободы.

Но я думаю, что если нам не удастся постепенно ввести и укрепить демократические институты и если мы откажемся от мысли о необходимости привить всем гражданам идеи и чувства, которые сначала подготовят их к свободе, а затем позволят ею пользоваться, то никто не будет свободен — ни буржуазия, ни аристократия, ни богатые, ни бедные. Все в равной мере попадут под гнет тирании. И я предвижу, что если со временем мы не сумеем установить мирную власть большинства, то все мы рано или поздно окажемся под *неограниченной* властью одного человека.

Глава X. НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ ПО ПОВОДУ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ И ВОЗМОЖНОГО БУДУЩЕГО ТРЕХ РАС, НАСЕЛЯЮЩИХ ТЕРРИТОРИЮ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

Основная задача, которую я себе ставил, выполнена. Я показал, по крайней мере насколько это было в моих силах, что представляют собой законы американской демократии, познакомил читателя с американскими нравами. Я мог бы на этом остановиться, но читателю, возможно, показалось бы, что я не полностью оправдал его ожидания.

Америка — страна не только глубокой и полной демократии, и народы, населяющие ее, можно рассматривать со многих точек зрения.

На страницах этой книги мне часто приходилось, в связи с моей темой, говорить об индейцах и неграх, но я ни разу не имел возможности остановиться на этом вопросе и показать, какое место занимают эти две расы в том демократическом обществе, которое я описывал. Говоря о духе и законах, положенных в основу американской федерации, я лишь вскользь и весьма неполно упоминал об опасностях, угрожающих ей. Я не мог подробно проанализировать вероятность ее длительного существования, которое зависит не только от законов и нравов. Говоря об объединенных республиках, я ни разу не делал прогнозов по поводу стабильности республиканской формы правления в Новом Свете. Я часто упоминал о коммерческой деятельности, процветающей в Америке, но не имел возможности рассмотреть будущее американского народа в этом плане.

Все эти вопросы соприкасаются с моей темой, но не входят в нее, они присущи американскому обществу, но не демократии. Я же хотел прежде всего дать описание именно демократии. Поэтому вначале мне пришлось обойти их, но, заканчивая свое исследование, я должен к ним вернуться.

Территория, которую занимает или на которую претендует в настоящее время американский Союз, простирается от Атлантического океана до берегов Южного моря. Она занимает весь континент, от востока до запада, на юге достигает тропиков, а на севере — середины арктических льдов.

Люди, населяющие это пространство, не являются, подобно европейцам, представителями одной расы. С первых же шагов мы встречаемся там с тремя совершенно различными, я бы даже сказал враждебными, расами. Воспитание, законы, происхождение и даже внешний облик воздвигли между ними

почти непреодолимые препятствия. По воле судьбы они живут рядом, но не могут слиться воедино, объединиться, и каждая из них идет своим путем.

Среди этих столь различных людей на первом месте стоит белый человек, европеец, самый образованный, самый сильный, самый счастливый. Это — человек в полном смысле слова Ниже его стоят нефы и индейцы.

Две эти обездоленные расы не имеют ничего общего ни в происхождении, ни во внешних чертах, ни в языке, ни в нравах. Единственное, что их объединяет, — это их страдания. И та и другая занимают подчиненное положение в своей стране, обе испыты-

вают на себе гнет тирании. И хотя их несчастья неодинаковы, ответственность за них падает на одних и тех же людей.

Наблюдая то, что происходит в мире, можно прийти к мысли, что европеец занимает по отношению к людям других рас такую же позицию, как сам человек по отношению к животным. Он заставляет их работать на себя, а если ему не удается сломить их сопротивление, он их уничтожает.

В результате угнетения негры утратили почти все черты, свойственные человеку! Негры в Соединенных Штатах не сохранили даже воспоминаний о своей отчизне, они не понимают языка своих отцов, отреклись от их веры, забыли их нравы. Но несмотря на то, что все их связи с Африкой разорваны, они не имеют никакого доступа к европейским достижениям. Они находятся между двумя обществами и не принадлежат более ни к одному из двух народов, один из которых их продал, а другой отвергает. Единственным и смутным образом родины для них во всем мире является дом их хозяина.

У негров нет семьи: их жены — это не что иное, как женщины, временно разделяющие их удовольствия, они лишены родительской власти над детьми.

Следует ли считать благодеянием Бога или высшим проявлением его гнева то состояние души, благодаря которому человек не чувствует самых страшных страданий и зачастую даже приобретает какое-то извращенное влечение к причине своих бед? Негры, погруженные в пучину горестей, не слишком остро ощущают свою обездоленность. Насилие сделало их рабами, рабское состояние развило в них рабские мысли и тщеславие. В них больше восхищения своими тиранами, чем ненависти к ним, они испытывают радость и гордость, рабски подражая тем, кто их угнетает.

Их интеллект снизился до уровня их души.

Рождаясь, негр сразу становится рабом. Мало того, часто его покупают еще во чреве матери, и, таким образом, он попадает в рабство до своего рождения.

У него нет ни нужд, ни развлечений, он лишен самостоятельности. Усваивая первые в своей жизни понятия, он осознает, что является собственностью другого человека, который заинтересован в том, чтобы он жил. Он видит, что забота о его судьбе принадлежит не ему, сама способность мыслить кажется ему бесполезным даром Провидения, и он спокойно пользуется всеми выгодами своего низкого положения.

Если он обретает свободу, то она часто кажется ему более тяжким грузом, чем рабство. Ведь он в своей жизни научился подчиняться всему, кроме рассудка, и, когда рассудок становится его единственным советчиком, он оказывается не в состоянии услышать его голос. Его осаждают тысячи новых потребностей, но у него нет знаний и достаточной энергии для того, чтобы их удовлетворить. Потребности — это повелители, с которыми надо уметь бороться, а он научился лишь подчиняться и повиноваться. Он дошел до крайней степени падения: рабство лишило его человеческого облика и свобода для него гибельна.

Угнетение оказало не меньшее влияние и на индейские народы, но привело к совершенно иным результатам.

До появления белых в Новом Свете люди, населявшие Северную Америку, спокойно жили в лесах. Они были подвержены обычным превратностям дикой жизни и обладали пороками и добродетелями нецивилизованных народов. Европейцы прогнали индейские племена в отдаленные пустынные места и обрекли их на кочевую жизнь, полную невыносимых страданий.

У диких народов в качестве законов выступают убеждения и нравы.

В результате тирании европейцев у североамериканских индейцев ослабло чувство родины, их роды были рассеяны, традиции забылись, нить воспоминаний прервалась, привычки изменились, сверх всякой меры выросли потребности. Все это внесло в их жизнь беспорядок, они стали менее цивилизованными, чем были раньше. В то же время их моральные устои и физическое состояние постоянно ухудшались и чем несчастнее они становились, тем больше дичали. Однако европейцы не смогли изменить характер индейцев. Им удавалось уничтожить их, но никогда не удавалось цивилизовать или поработить.

Порабощение негров доходит до крайних пределов, свобода

индейцев не имеет границ, но и то и другое приводило к одинаково трагическим результатам.

Негр лишен даже права располагать собственной личностью, для него самостоятельно распоряжаться своей жизнью—значит совершить кражу. Индеец же обретает не-

ограниченную свободу, как только становится способен действовать самостоятельно. В семье послушание было ему едва знакомо, он никогда не уступал воле себе подобных, никто не учил его различать добровольное подчинение и позорное угнетение, ему неизвестно даже само слово «закон». Для него свобода—это отсутствие почти всех общественных связей. Он дорожит этой дикой свободой и предпочитает гибель потере малейшей ее частицы. На такого человека цивилизация не может оказать никакого воздействия.

Нефы всячески пытаются влиться в общество белых, но тщетно, оно их отторгает. Они приспосабливаются к вкусам своих угнетателей, перенимают их убеждения и надеются путем подражания слиться с ними. С самого раннего детства они узнают, что их раса от природы ниже расы белых. Они и сами не далеки от этой мысли и поэтому стыдятся себя. Во всех своих чертах они видят следы рабства, и, если бы они могли, они с радостью согласились бы полностью отречься от себя.

Индейцы, напротив, полны мыслей о своем, как они полагают, благородном происхождении. Они живут и умирают среди видений, порожденных гордостью. Они не просто не хотят приспосабливаться к нашим нравам, но дорожат своей дикостью как отличительным знаком своей расы и отталкивают цивилизацию не столько из ненависти к ней, сколько из страха стать похожими на европейцев [1]. Они не желают признавать совершенство наших изобретений, нашу тактику, глубину наших замыслов и противопоставляют этому богатства своих лесов, мужество, не знающее дисциплины, свободные порывы своей дикой натуры. И эта неравная борьба ведет их к гибели.

Негры хотели бы слиться с европейцами, но не могут. Индейцы могли бы достичь в этом определенного успеха, но они презирают такую возможность. Первых низость обрекает на рабство, вторых гордость обрекает на гибель.

Однажды, когда я ехал по лесам, которые еще существуют в штате Алабама, я встретил хижину пионера Мне не хотелось входить в его жилище, но я остановился отдохнуть у родника, который протекал неподалеку в лесу. Пока я находился в этом месте, туда пришла индианка (мы находились возле территории

племени криков). Она держала за руку белую девочку лет пяти-шести, по-видимому, дочь пионера За ними шла негритянка Индианка была одета с какой-то варварской роскошью: в ноздрях и ушах у нее висели металлические кольца, свободно ниспадавшие на плечи волосы были переплетены стеклянными бусами. Я увидел, что она не замужем, потому что на ней были бусы из раковин, которые по обычаю девушки возлагают на брачное ложе. На негритянке была рваная европейская одежда

Они сели на берегу ручья, и молодая индианка взяла девочку на руки и ласкала ее совсем по-матерински. Негритянка тоже пускала в ход множество невинных уловок, чтобы привлечь внимание маленькой креолки. В каждом движении девочки сквозило превосходство, совершенно необычное, учитывая ее слабость и возраст. Можно было подумать, что она принимает заботу своих спутниц с каким-то снисхождением.

Негритянка, присевшая перед своей хозяйкой на корточки и ловившая каждое ее желание, казалось, одновременно испытывала к ней материнскую привязанность и рабский страх. А индианка даже в порыве нежности сохраняла свободный, гордый и почти суровый вид.

Я подошел и молча наблюдал за этой сценой. Мое любопытство, наверное, не понравилось индианке: она резко поднялась, грубо оттолкнула от себя ребенка и, бросив на меня гневный взгляд, удалилась в лес.

[1]Североамериканские индейцы сохраняют свои убеждения и все свои традиции вплоть до малейших их особенностей с такой несгибаемой твердостью, примеров которой нет в истории. Вот уже двести лет, как кочевые племена Северной Америки ежедневно соприкасаются с белой расой, и можно сказать, что они не переняли у нее ни одной идеи, ни одного обычая. В то же время европейцы оказали большое влияние на индейцев. Они сделали характер индейцев более суетным, но не привили им ни одной европейской черты.

Находясь летом 1831 года за озером Мичиган в местечке под названием Грин-Бей, где Соединенные Штаты граничат с территорией северо-западных индейцев, я познакомился с одним американским офицером, майором Х. Однажды после того, как мы долго говорили о несгибаемости характера индейцев, он рассказал мне следующую историю: «Когда-то я был знаком с одним молодым индейцем, который учился в колледже в Новой Англии. Он учился очень успешно и стал совсем походить на цивилизованного человека. Когда в 1810 году началась война с англичанами, я вновь встретился с этим молодым человеком. Он служил в нашей армии, командовал воинами своего племени.

Американцы согласились допустить индейцев в свои ряды только при условии, что они откажутся от своего ужасного обычая скальпировать пленных. Вечером после сражения при*** К. пришел посидеть у костра на нашем бивуаке. Я спросил, как прошел для него день, он рассказал мне и, постепенно возбудившись при воспоминании о своих подвигах, в конце концов приподнял свою одежду и сказал: «Посмотрите, только не выдавайте меня!» И я увидел, добавил майор Х., у него под рубахой скальп англичанина, с которого еще сочилась кровь».

240

Мне часто приходилось видеть вместе людей трех рас, населяющих Северную Америку, и по множеству различных признаков я уже был знаком с превосходством белых. Но в только что описанной мною картине было что-то особенно трогательное: здесь угнетенных и угнетателей объединяли узы привязанности. Природа старалась сблизить их, и это еще больше подчеркивало ту огромную дистанцию, которую создали между ними предрассудки и законы.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ВОЗМОЖНОЕ БУДУЩЕЕ ИНДЕЙСКИХ ПЛЕМЕН, ЖИВУЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ СОЮЗА

Постепенное исчезновение коренных народов. — Как это происходит. — Бедствия, вызванные

вынужденными миграциями индейцев. — У североамериканских индейцев было лишь два способа

избежать уничтожения: война или цивилизация. — Они больше не в состоянии воевать. — Почему они

не хотят воспринять цивилизацию, когда это возможно, и не могут, когда такое желание у них возникает, — Пример криков и чироков. — Политика отдельных штатов по отношению к индейцам. —

Политика федерального правительства.

Все индейские племена, которые когда-то жили на территории Новой Англии, — наррагансеты, могикане, пикоты, — существуют лишь в воспоминаниях людей. Ленапы, у которых пятьдесят лет тому назад на берегах Делавэра побывал Пенн, сегодня исчезли. Я встречал последних ирокезов, они просили милостыню. Все народы, которые я перечислил, раньше населяли земли вплоть до моря. Теперь, чтобы встретить индейца, нужно проехать более ста миль в глубь континента. Индейцы не просто ушли, их больше не существует[2]. И по мере того, как уходят или вымирают индейцы, их место занимает многочисленный и

постоянно растущий народ. Никогда еще народы не переживали столь стремительного роста и не подвергались столь быстрому уничтожению.

Исчезновение индейцев происходит очень просто. Когда индейцы жили одни в местах, из которых их сейчас изгоняют, их потребности не отличались многообразием: они сами изготавливали себе оружие, не пили ничего, кроме речной воды, а одеждой им служили шкуры животных, мясом которых они питались.

Европейцы принесли североамериканским индейцам огнестрельное оружие, железо и спиртное, они научили их вместо примитивной одежды, которой индейцы в простоте своей удовлетворялись, носить одежду из нашей ткани. Индейцы приобрели новые вкусы, но не научились их удовлетворять, и у них возникла необходимость в плодах работы белых. В обмен на эти предметы, которых они сами не могли создать, индейцам нечего было предложить, кроме роскошных мехов, которые еще можно было добыть в лесах. С этого момента целью охоты индейцев стало не только удовлетворение их собственных нужд, но и легкомысленных страстей европейцев. Индейцы начали охотиться на лесных животных не только для того, чтобы обеспечить себя пищей, но и для того, чтобы иметь единственный предмет обмена, который они могли нам предложить[3]. В то время как потребности индейцев росли, их богатства постоянно уменьшались.

[2] В тринадцати изначально существующих штатах насчитывается лишь 6373 индейца. (См.: Законодательные документы, 20-й конгресс, №117, с. 20.)

[3] Кларк и Касс в своем докладе конгрессу от 4 февраля 1829 года, с. 23, писали:

«Времена, когда индейцы добывали необходимую им пищу и одежду, не пользуясь плодами труда цивилизованных людей, ушли в прошлое. За Миссисипи, в крае, где еще встречаются огромные стада бизонов, живут индейские племена, которые перемещаются вслед за ними. Эти индейцы еще имеют возможность жить по обычаям своих отцов, но бизонов удается добывать все меньше и меньше. Менее крупных животных, таких, как медведь, лань, бобер, мускусная крыса, то есть тех, которые главным образом дают индейцам то, что им необходимо для жизни, можно теперь добыть только с помощью ружей или капканов (traps).

Добыча пропитания для своих семей требует непомерных трудов, особенно от северо-западных индейцев. Часто охотник безуспешно преследует дичь в течение нескольких дней. В это

время его семья либо питается корой и кореньями, либо погибает. Поэтому каждую зиму многие умирают от голода».

Индейцы не хотят жить как европейцы. В то же время они не могут обойтись без европейцев и жить совершенно так же, как их отцы. Об этом можно судить по одному факту, известному мне также из официальных источников. Люди одного племени с берегов озера Верхнее убили европейца. Американское правительство наложило запрет на торговлю с племенами, к которому принадлежали виновные, до тех пор пока они не будут выданы, и они были выданы.

241

Как только по соседству с территорией, занятой индейцами, возникает европейское поселение, животные начинают тревожиться[4]. Тысячи индейцев, бродивших по лесам, не пугали их, но когда в каком-либо месте начинает раздаваться непрерывный шум, издаваемый работающим европейцем, они уходят оттуда на запад. Инстинкт подсказывает им, что там они найдут бескрайние незаселенные земли. «Стада бизонов уходят все дальше и дальше,—пишут Касс и Кларк в докладе конгрессу от 4 февраля 1829 года. — Еще несколько лет тому назад они подходили к подножию Аллеганских гор, а через несколько лет их, возможно, трудно будет увидеть в огромных равнинах, простирающихся вдоль Скалистых гор». Меня уверяли, что животные чувствуют приближение белых за двести миль. Таким образом, едва зная название индейского племени, белый человек уже наносит ему вред; индейцы в свою очередь начинают ощущать результаты его узурпации задолго до того, как узнают, кто ее совершает[5].

Вскоре отважные искатели приключений начинают проникать на индейские земли. Сначала они удаляются от крайней границы территории белых на пятнадцать — двадцать лье и строят жилище цивилизованного человека прямо на территории индейцев. Им нетрудно это сделать, поскольку границы территории народа, занятого охотой, неопределенны. Кроме того, земля принадлежит всему народу, она не является чьейлибо собственностью, никто не охраняет ее в личных интересах.

И тогда несколько семей европейцев, живущих очень далеко одна от другой, окончательно прогоняют диких животных со всего пространства, которое простирается между их жилищами. До этого индейцы жили в изобилии, а теперь им становится трудно обеспечить себя всем необходимым и еще труднее добыть нужные им предметы обмена. Прогнать дичь индейцев — это равносильно тому, чтобы сделать неурожайными поля наших

земледельцев. Вскоре они лишаются почти всех средств к существованию. Тогда этих несчастных можно встретить в пустынных лесах, где они бродят, как голодные волки. Инстинктивная любовь к родине привязывает их к земле, на которой они родились[6], но на ней их ждет лишь нищета и смерть. Наконец, они решаются уйти и перемещаются вслед за стадами лосей, бизонов и бобрами, положившись на диких животных в выборе новой родины. Следовательно, строго говоря, не европейцы сгоняют американских индейцев с их земель, их гонит голод. Это удачное различие, не замеченное древними казуистами, было установлено современными мыслителями.

Невозможно вообразить ужасные страдания, сопровождающие эти вынужденные переселения. К тому моменту, когда индейцы покидают родные места, число их уже убыло, они измучены. Края, где они собираются поселиться, заняты другими племенами, которые смотрят на вновь пришедших с тревогой и подозрением. Позади у них — голод, впереди — война и повсюду — беды. Для того чтобы избежать борьбы со столькими врагами, они разделяются. Каждый из них стремится найти средства к существованию в одиночку и втайне от других. Так в бескрайних глухих лесах они живут, подобно тому как живут в цивилизованном обществе изгнанники. Уже давно ослабленные общественные связи разрываются. Они уже потеряли родину, вскоре исчезнет и сам народ, останутся, быть может, лишь отдельные семьи. Забывается общее происхождение. Народ прекра-

[4] «Пять лет тому назад, — пишет Вольне в своей книге «Картины из жизни Соединенных Штатов», с. 370, — проезжая из Венсенна в Каскаскиас, по территории, которая теперь входит в штат Иллинойс, а тогда была совершенно дикой (1797 год), и пересекая прерии, путешественник обязательно встречал стада бизонов, насчитывающие от четырехсот до пятисот животных. Сейчас их больше нет, они ушли за Миссисипи, так как им не давали покоя охотники и особенно колокольчики американских коров».

5 В правдивости моих слов можно убедиться, ознакомившись с общим описанием индейских племен, живущих в границах, определенных Соединенными Штатами (Законодательные документы, 20-й конгресс, № 117, с. 90—105.) Из него следует, что численность племен, живущих в центре Америки, быстро убывает, хотя европейцы поселились еще очень далеко от них.

[6] Индейцам, пишут Кларк и Касс в своем докладе конгрессу, с. 15, как и нам, свойственно чувство привязанности к своему краю. Кроме того, с мыслью о потере земель, которые Великий

дух даровал их предкам, они связывают некоторые суеверия, оказывающие большое влияние на племена, еще не уступившие или уступившие лишь небольшую часть своей территории европейцам. «Мы не продаем земли, где покоится прах наших отцов»—таков первый ответ, который они дают на предложения о покупке их земель.

тил существование. В лучшем случае он продолжает жить в воспоминаниях американских археологов и известен нескольким эрудитам в Европе.

Я не хотел бы, чтобы читатель подумал, что я сгущаю краски. Я видел собственными глазами многие из тех бед, которые описываю, видел и такие, о которых я не в силах рассказать.

В конце 1831 года я находился на левом берегу Миссисипи, в местечке, которое европейцы называют Мемфис. В то время, когда я там был, туда пришла большая группа шоктавов (французы в Луизиане называют их «шактасы»). Они уходили со своих земель и хотели перебраться на правый берег Миссисипи, где рассчитывали найти пристанище, обещанное им американским правительством. Это было в середине зимы. В том году стояли необычайные холода, земля была покрыта слежавшимся снегом, по реке плыли огромные льдины. Индейцы шли с семьями, с ними были раненые, больные, новорожденные дети и близкие к смерти старики. У них не было ни палаток, ни повозок, только немного провизии и оружие. Я видел, как они садились на корабль, чтобы переправиться через огромную реку, и эта величественная картина никогда не изгладится из моей памяти. В толпе индейцев не раздавалось ни рыданий, ни жалоб, они молчали. Они страдали уже давно и чувствовали, что никак не могут облегчить свое положение. Все индейцы уже взошли на корабль, который должен был доставить их на другой берег, а собаки еще оставались на берегу. Когда они наконец поняли, что их хозяева уезжают навсегда, они отчаянно завыли, бросились в ледяную воду Миссисипи и поплыли за кораблем.

В наши дни индейцев лишают земель отработанным и, если можно так сказать, совершенно законным способом.

Когда европейское население начинает подбираться к еще не освоенным им землям, занятым каким-либо индейским народом, правительство Соединенных Штатов обычно посылает к нему высокое посольство. Белые собирают индейцев на большой равнине и, хорошо угостив их, говорят: «Что вы делаете в стране своих отцов? Скоро вам придется выкапывать их кости, чтобы прокормиться. И чем края, в которых вы живете, лучше других?

Разве леса, болота и прерии есть только там, где вы живете, и разве вы не можете жить под другим солнцем? За горами, которые видны на горизонте, за озером, которое является западной границей вашей территории, лежат обширные земли, где еще в изобилии водятся дикие животные. Продайте нам свои земли и идите счастливо жить в те места». После таких речей перед индейцами раскладывают огнестрельное оружие, шерстяную одежду, бочонки со спиртным, стеклянные бусы, медные браслеты, серьги и зеркала[7]. Если при виде всех этих богатств они все же колеблются, им намекают, что они не могут не дать согласия и что вскоре даже правительство будет не в состоянии гарантировать их права. Что делать? Наполовину по убеждению, наполовину по принуждению индейцы уходят. Они переселяются в новые пустынные места, но не пройдет и десяти лет, как белые настигнут их и там. Так

[7] См. в Законодательных документах конгресса, док. 17, описание того, что происходит в таких случаях. Этот любопытный рассказ содержится в уже цитированном докладе Кларка и Льюиса Касса конгрессу от 4 февраля 1829 года. Касс в настоящее время—военный министр федерального правительства. «Когда индейцы приходит в то место, где должен быть заключен договор, — пишут Кларк и Касс, — они бедны, у них почти нет одежды. Там они видят и имеют возможность тщательно изучить множество ценных для них вещей — американские торговцы не забывают позаботиться о том, чтобы они были туда привезены. Женщины и дети, горя желанием удовлетворить свои нужды, начинают донимать мужчин множеством докучливых просьб и пускают в ход все свое влияние для того, чтобы земли были проданы. Обычно индейцы проявляют крайнее легкомыслие. Удовлетворить свои насущные потребности и сегодняшние желания — вот неодолимая страсть нецивилизованного человека. Он плохо понимает, что значит ожидать выгод в будущем, легко забывает прошлое, не думает о грядущем. Бесполезно просить индейцев уступить часть их территории, не будучи в состоянии немедленно удовлетворить их потребности. Ознакомившись без предвзятости с положением этих несчастных, не станешь удивляться их горячему желанию хоть немного облегчить свои страдания».

американцы по низкой цене приобретают целые провинции, которые не могли бы купить богатые европейские государи[8].

Я описал самые серьезные проблемы и хочу добавить, что они представляются мне неразрешимыми. Думаю, что индейская раса

в Северной Америке обречена на гибель, и не могу отделаться от мысли, что к тому времени, когда европейцы дойдут до Тихого океана, она уже не будет существовать[9].

У североамериканских индейцев было лишь два пути к спасению: война или цивилизация. Другими словами, они должны были либо уничтожить европейцев, либо стать равными им.

При зарождении колоний они могли бы, объединившись, избавиться от небольшой кучки чужеземцев, высадившихся на берег их континента[10]. Они неоднократно пытались сделать это и даже были близки к успеху. Сегодня неравенство сил слишком велико, чтобы они могли думать о чем-либо подобном. Однако среди индейцев появляются еще гениальные люди, которые предвидят судьбу, уготованную нецивилизованным народам, и стремятся объединить все племена в общей ненависти к европейцам, но их усилия ни к чему не ведут. Племена, живущие по соседству с белыми, слишком ослаблены, чтобы оказать им серьезное сопротивление. Другие, относясь к будущему с детским легкомыслием, свойственным природе нецивилизованных людей, ждут приближения опасности, для того чтобы с ней бороться. Одни не могут, а другие не хотят действовать.

Легко увидеть, что индейцы либо никогда не захотят становиться цивилизованными людьми, либо захотят и попытаются это сделать, когда будет уже поздно.

Цивилизация возникает в результате длительной общественной работы, ведущейся в одном месте, плоды которой различные поколения передают друг другу. Наибольшие трудности на пути к цивилизации встречаются у охотничьих народов. Пастушьи племена кочуют, но в их перемещениях всегда есть определенный порядок, они постоянно возвращаются в одни и те же места. Охотники же живут там, где находятся преследуемые ими животные.

Неоднократно предпринимались попытки распространить знания среди индейцев, не меняя их кочевых привычек. Этим занимались иезуиты в Канаде и пуритане в Новой Англии [11]. Ни те, ни другие не добились никаких стабильных результатов. Цивилизация рождалась в хижине и умирала в лесах. Серьезная ошибка этих людей, пытавшихся дать

[8] 19 мая 1830 года Эд. Эверетт заявил в палате представителей, что на восток и запад от Миссисипи американцы уже приобрели по договорам 230 миллионов акров. В 1808 году озажи продали 48 миллионов акров за ренту в тысячу долларов.

В 1818 году куапавы уступили 20 миллионов акров за 4 тысячи долларов. Они оставили себе для охоты территорию в 1

миллион акров и получили торжественные заверения, что на нее никто не будет посягать. Но и она вскоре была захвачена.

«Для того чтобы завладеть пустынными землями, которые индейцы считают своей собственностью, — сказал в конгрессе 24 февраля 1830 года господин Белл, докладчик комитета по делам индейцев, — мы взяли за правило оплачивать индейским племенам стоимость их охотничьих угодий (hunting-ground), после того как дичь их покинула или была истреблена. Гораздо выгоднее, гуманнее и, конечно, справедливее действовать так, нежели захватывать территории дикарей вооруженным путем.

Обычай покупать у индейцев право на собственность является, таким образом, новым способом приобретения, который пришел на смену насилию благодаря гуманности и выгоде (humanity and expedience). И он сделает нас хозяевами земель, которыми мы хотим владеть, поскольку мы открываем их, а также по праву цивилизованных народов селиться на территории, занятой дикими племенами.

До сих пор по многим причинам в глазах индейцев цена земли, на которой они живут, постоянно падает; по тем же причинам они беспрепятственно продают ее нам. Поэтому обычай покупать у дикарей их право на землю (right of occupancy) никогда не мог значительно задержать развитие Соединенных Штатов» (Законодательные документы, 21-й конгресс, №227, с. 6.)

[9] Как нам показалось, это мнение разделяют почти все американские государственные деятели. «Если судить о будущем по тому, что происходило в прошлом, — сказал Касс в конгрессе, — то следует ждать постепенного уменьшения количества индейцев, а затем и окончательного исчезновения этой расы. Для того чтобы этого не случилось, следовало бы или остановить расширение наших границ и дать возможность индейцам жить за их пределами, или в корне изменить наши отношения с ними; однако рассчитывать на это было бы неразумно».

[10] Ср., кроме всего прочего, войну, которую вампаноаги и другие племена, объединившись под руководством Метакома, вели против колонистов Новой Англии в 1675 году, а также войну, которую пришлось вести англичанам в Виргинии в 1622 году.

[11] См. различных историков из Новой Англии, а также «Историю Новой Франции» Шарленуа и «Назидательные письма».

закон индейцам, состояла в непонимании того, что, если хочешь сделать народ цивилизованным, нужно прежде всего добиться, чтобы он стал оседлым, а это возможно, только если он

займется земледелием. Следовательно, нужно было сначала превратить индейцев в землепашцев.

Мало того, что индейцы не имеют этой основы, необходимой для цивилизации, при ее создании они сталкиваются с огромными трудностями.

Люди, ведущие праздную и полную приключений жизнь охотников, испытывают почти непреодолимое отвращение к постоянной и однообразной работе, которой требует земледелие. Это можно заметить даже в нашем обществе, но гораздо больше это проявляется у народов, для которых привычка к охоте стала национальным обычаем.

Кроме этой основной причины, есть еще одна, не менее важная, которая воздействует только на индейцев. Я уже указывал на нее, но считаю своим долгом к ней возвратиться.

Североамериканские индейцы смотрят на работу не только как на зло, но и как на бесчестье, и в борьбу с цивилизацией с одинаковым упорством вступает не только лень, но и гордость[12].

У самого жалкого индейца, живущего в хижине из коры, сохраняется высокое представление о своей индивидуальной ценности. Он считает физический труд унизительным занятием и сравнивает земледельца с быком, прокладывающим борозду. В любой нашей деятельности он видит рабскую работу. Дело не в том, что он не до конца понимает, какой властью располагают белые, или недооценивает величие их ума. Однако, хотя он и восхищается результатами нашей работы, он презирает средства, с помощью которых мы их достигаем. Он ощущает влияние нашего могущества, но себя ставит все же выше нас. Охота и война являются, по его мнению, единственными занятиями, достойными мужчины[13]. Таким образом, индеец, убого живущий в глубине лесов, полон тех же мыслей и убеждений, что и средневековый рыцарь, живший в своем укрепленном замке. Если бы индеец был завоевателем, между ними не было бы никакого различия. Так, по странному стечению обстоятельств древние европейские предрассудки встречаются не на берегах Нового Света, населенных европейцами, а в его лесах.

На протяжении всей моей книги я неоднократно пытался показать, какое удивительное влияние оказывает, по моему мнению, общественное устройство на законы и нравы людей. Я позволю себе сказать еще несколько слов по этому поводу.

Когда я вижу сходство между политическими учреждениями наших праотцев, германцев, и кочевых североамериканских племен, между обычаями, описанными Тацитом, и теми, которые я подчас наблюдал собственными глазами, я не могу не прийти к выводу о том, что в Старом и Новом Свете одинаковые причины

вызывали одинаковые следствия. И несмотря на видимое разнообразие форм жизни и деятельности человека, вполне возможно отыскать ограниченное число основополагающих явлений, которые определяют существование всех остальных. Поэтому я склонен видеть во всем том, что мы называем германскими учреждениями, лишь обычаи варваров, а в том, что мы называем феодальным мышлением, убеждения дикарей.

Хотя пороки и предрассудки и мешают североамериканским индейцам становиться земледельцами и приобщаться к цивилизованной жизни, бывают случаи, когда у них нет другого выхода.

[12] «Во всех племенах, — пишет Вольне в своей книге «Картины из жизни Соединенных Штатов», с. 423, — еще живо поколение старых воинов, которые при виде своих сородичей, работающих мотыгой, не перестают кричать о разрушении древних нравов, считают, что вырождение индейцев объясняется только этими нововведениями и стоит лишь вернуться к прежнему образу жизни, как к ним вернутся былая слава и сила»

[13]В одном официальном документе имеется следующее описание:

«До тех пор пока юноша не побывал в схватке с врагом и не может похвалиться каким-либо храбрым поступком, он не пользуется никаким уважением. К нему относятся приблизительно так же, как к женщине.

Во время больших военных плясок воины один за другим выходят прикоснуться к столбу, как они это называют, и рассказывают о своих подвигах. Их слушают родные, друзья и товарищи по оружию. По глубокой тишине, которая устанавливается в такие моменты, и шумным аплодисментам, раздающимся после рассказов, можно судить о том, какое глубокое впечатление они производят. Молодые люди, которым нечего рассказать на таких сборищах, чувствуют себя очень несчастными, и случается, что молодые воины, возбужденные подобными рассказами, внезапно покидают место пляски и в одиночку отправляются на поиски трофеев, которые они могли бы показать, и приключений, которые могли бы их прославить».

Некоторые многочисленные народы Юга, и среди них чироки и крики[14], оказались в окружении европейцев, которые после высадки на побережье спускались по Огайо или поднимались по Миссисипи и одновременно заселяли территории, расположенные вокруг мест проживания этих народов. Их не вытесняли с одних мест на другие, но постепенно их жизненное пространство

сузилось до незначительных размеров. Так охотники сначала окружают молодой лес, а затем все вместе вступают в его пределы. Индейцы были поставлены перед выбором: цивилизация или гибель. Они были вынуждены начать жить своим трудом, как белые, хотя для них это было позором. Так они стали земледельцами и хотя не утратили полностью своих нравов и обычаев, но пожертвовали какой-то их частью, так как это было совершенно необходимо, чтобы выжить.

Чироки пошли еще дальше: они создали письменность и установили довольно стойкую форму правления. Поскольку в Новом Свете развитие идет стремительно, они, еще не имея всех предметов одежды, уже начали издавать газету [15].

Европейский образ жизни особенно быстро распространялся среди индейцев там, где были метисы [16]. Метис, который, с одной стороны, приобщается к культуре своего отца, а с другой— не теряет связи с дикими обычаями народа своей матери, способствует естественному переходу от дикости к цивилизации. Повсюду, где было много метисов, общественное устройство и нравы туземцев постепенно изменялись[17].

Следовательно, пример чироков доказывает, что индейцы способны стать цивилизованными людьми, но нисколько не доказывает, что они могут с успехом реализовать эту способность.

На пути к цивилизованной жизни индейцы неизбежно наталкиваются на трудности, в основе которых лежит одна причина общего характера.

Внимательное изучение истории показывает, что неразвитые народы обычно достигали цивилизации постепенно, своими собственными силами.

Только народам-победителям случалось воспринимать культуру побежденных ими народов.

Когда полудикий народ покоряет народ просвещенный, как это было при завоевании Римской империи северными народами или Китая монголами, то благодаря своему могуществу победителей варвары становятся на один уровень с цивилизованным чело-

[14] В настоящее время эти народы живут в штатах Джорджия, Теннесси, Алабама и Миссисипи, Когда-то на Юге было четыре крупных народа: шоктавы, шиказавы, крики и чироки. Остатки их существуют и по сей день. В 1830 году численность этих четырех народов составляла еще 75 тысяч человек. В настоящее время на территории, занятой англоамериканским Союзом, а также на той, права на которую он предъявляет, насчитывается около 300 тысяч индейцев. (См. Записки индейской комиссии города Нью-Йорка.) В представленных конгрессу официальных документах

указывается цифра 313130. Если читатель захочет узнать названия и численность всех племен, проживающих на американской территории, он может обратиться к указанным мной документам (Законодательные документы, 20-й конгресс, №117, *с.* 90 —105).

[15] Я привез во Францию несколько экземпляров этого необычного издания.

[16] В докладе комитета по делам индейцев, 21-й конгресс, № 227, с. 23, изложены причины, по которым среди чироков было много метисов. Основная причина этого возникла во времена Войны за независимость. Многие американцы из штата Джорджия, воевавшие на стороне Англии, позднее были вынуждены уйти к индейцам и обзавелись там семьями.

[17] К сожалению, в Северной Америке метисов было меньше, чем в других местах, и их влияние было несущественным. Эта часть Американского континента была заселена представителями двух великих европейских народов: французского и английского.

Французы не замедлили вступить в союз с индианками, однако, к великому несчастью, между их характером и характером индейцев обнаружилась необъяснимая близость. Вместо того чтобы привить туземцам вкус к цивилизованной жизни и ее привычки, они нередко сами безоглядно предавались дикой жизни. В результате они стали самыми опасными жителями пустыни, а дружбу с индейцами завоевали, доведя до крайности свойственные туземцам пороки и добродетели. В 1685 году губернатор Канады господин де Сенонвиль писал Людовику XIV: «Мы длительное время полагали, что следует сблизиться с дикарями для того, чтобы приобщить их к французской культуре. Однако нужно признать, что это было заблуждением. Индейцы, которые сблизились с нами, нисколько не похожи на французов, а французы, которые общались с ними, превратились в дикарей: они выставляют напоказ свою индейскую одежду и дикий образ жизни» *(Шарлевуа,* История Новой Франции, т. II, с. 345).

Англичане, напротив, упорно хранили убеждения, обычаи и даже самые незначительные привычки своих отцов. В американской пустыне они оставались такими же, какими были в европейских городах. Поэтому они не хотели иметь ничего общего с туземцами, которых презирали, и всячески избегали возникновения смешанных семей.

Таким образом, французы не оказывали на индейцев никакого благотворного влияния, а англичане всегда были для них чужими.

веком и чувствуют себя равными ему. Лишь позднее они становятся его соперниками. Варвары обладают силой, а цивилизованные народы — развитой культурой. Первые восхищаются науками и искусствами побежденных, вторые завидуют мощи победителей. В конце концов варвары вводят культурных людей в свои дворцы, а те в свою очередь допускают их в свои школы. Но когда народ-победитель располагает и материальной силой и духовным преимуществом, побежденным редко удается вступить на путь цивилизованного развития: они уходят или погибают.

Так, в общем, можно сказать, что индейцы ведут вооруженную борьбу за культуру, но не могут ее завоевать.

Если бы индейские племена, живущие сейчас в центре континента, смогли найти в себе необходимые силы для того, чтобы вступить на путь цивилизованного развития, им, возможно, это удалось бы. Обогнав по развитию окружающие их дикие народы, они могли бы постепенно накопить силы и опыт, и тогда при появлении на их границах европейцев они смогли бы если не сохранить независимость, то хотя бы добиться признания своих прав на землю и слиться с победителями. Но, к своему несчастью, индейцы входят в соприкосновение с самым развитым и, я бы сказал, самым алчным народом земного шара, находясь еще в полудиком состоянии. Их учителя становятся их хозяевами и приносят им не только культуру, но и угнетение.

На лесных просторах Северной Америки индейцы жили убого, но не чувствовали своей неполноценности. Когда же у них возникает желание стать членами общества белых людей, они могут занять в нем лишь самую низшую ступень. Ведь они входят в общество, где властвуют знания и богатство, невежественными и нищими. После беспокойной жизни, полной лишений и опасностей, но также глубоких переживаний и величия [18], им приходится привыкать к однообразному, мрачному и унизительному существованию. Позорное положение в обществе и тяжелая работа ради куска хлеба — вот то единственное, что дает индейцам цивилизация, которую им так нахваливают.

Но даже и этого они не всегда могут добиться.

Когда индейцы начинают по примеру европейцев обрабатывать землю, они сразу же вступают в гибельную для них конкуренцию. Белому человеку известны секреты земледелия. Индеец же приступает к этому незнакомому ему занятию, не владея никакими умениями. Европеец без затруднений выращивает богатый урожай, тогда как индеец затрачивает огромные усилия для того, чтобы вырастить хоть что-то.

Европеец живет среди людей, потребности которых ему

известны и близки.

[18] В полной случайностей жизни охотничьих народов есть какая-то непреодолимая привлекательная сила, которая овладевает душой человека и зовет его за собой вопреки его разуму и опыту. В этом можно убедиться, прочитав «Воспоминания» Тэннера.

Тэннер — европеец, который в шестилетнем возрасте был похищен индейцами и жил с ними в лесах в течение тридцати лет. Нет ничего более ужасного, чем страдания, которые он описывает. Он рассказывает о племенах, не имеющих вождей, о семьях, не имеющих соплеменников, о людях, живущих в одиночку, — словом, о жалких остатках могущественных племен, которые без всякой цели бродят по пустынным снежным просторам Канады. Их преследуют голод и холод, каждый день грозит им смертью. Нравы и традиции потеряли над ними прежнее влияние и власть, и они все больше дичают. Тэннер делил с ними все их лишения; он знал о своем европейском происхождении, никто не удерживал его силой вдали от белых. Напротив, каждый год он приходил торговать с ними, бывал в их домах, видел их достаток. Он знал, что если когда-нибудь он захочет вернуться к цивилизованной жизни, то легко сможет это сделать. И тем не менее тридцать лет он прожил в пустыне. Вернувшись наконец в цивилизованное общество, он признавался, что описанная им полная несчастий жизнь имеет для него необъяснимую тайную прелесть. Уже порвав с ней, он постоянно к ней возвращается и с большими сожалениями расстается с ее невзгодами. Когда же он окончательно поселился среди белых, то многие из его детей не захотели разделить его спокойную и зажиточную жизнь.

Я сам встречал Тэннера у устья озера Верхнее. Мне показалось, что он больше похож на дикаря, чем на цивилизованного человека.

Книга Тэннера не отличается ни последовательностью, ни вкусом, однако автор невольно дает в ней яркую картину предрассудков, страстей, пороков и особенно лишении тех людей, среди которых он жил.

Виконт Эрнест де Блосвиль, автор прекрасной работы об английских колониях, куда ссылают уголовных преступников, перевел «Воспоминания» Тэннера. Господин де Блосвиль дополнил свой перевод очень интересными примечаниями, которые позволят читателю сравнить факты, описываемые Тэннером, с теми, о которых рассказывают многие наблюдатели прошлого и настоящего. Тот, кто хочет ознакомиться с нынешним состоянием индейской расы и представить себе ее будущее,

должен обратиться к работе господина де Блосвиля.

247

Индеец оказывается один среди враждебного ему народа. Он плохо знает его нравы, язык и законы и в то же время не способен без него обойтись. Ведь обеспечить себе достаток он может, лишь обменивая плоды своего труда на товары белых, так как его соплеменники не в состоянии оказать ему существенную помощь.

Итак, когда индеец хочет продать произведенные им продукты, он не всегда умеет найти покупателя, тогда как земледелец европейского происхождения находит его без труда. Индеец производит продукцию за счет огромных затрат, европеец же продает свою по низкой цене.

Таким образом, избавившись от бед, подстерегающих нецивилизованные народы, индеец попадает под гнет несчастий, знакомых культурным народам. Ему так же трудно жить среди нашего изобилия, как и в своих лесах.

Кроме того, его привычки, связанные с кочевой жизнью, еще не разрушены, традиции не потеряли над ним своей власти, а вкус к охоте не угас. В его смятенном воображении возникают все более яркие картины диких радостей, которые он когда-то испытывал в лесах. Напротив, лишения и опасности, с которыми он там сталкивался, кажутся ему все менее страшными и значительными. Независимость, которой он обладал, живя среди равных себе людей, выгодно отличается от его подневольного состояния в цивилизованном обществе.

Вместе с тем глушь, где он так долго жил свободным, совсем недалеко, он может достичь ее за несколько часов ходьбы. А его белые соседи предлагают высокую, по его мнению, цену за наполовину возделанное поле, которое кормит его с грехом пополам. Может быть, благодаря этим деньгам, которые ему обещают европейцы, он сможет спокойно и счастливо жить вдали от них. И он бросает свой плуг, берет оружие и навсегда возвращается в пустыню[19].

Наблюдая жизнь криков и чироков, о которых я упоминал, можно убедиться в правдивости этой грустной картины.

Хотя эти индейцы и не так много сделали, они, безусловно, проявили не меньше таланта, чем европейские народы в самых крупных своих начинаниях. Однако народам, как и отдельным людям, чтобы учиться, недостаточно ума и усилий, им еще нужно время.

Пока эти туземцы делали все для того, чтобы приобщиться к цивилизации, европейцы продолжали окружать их со всех сторон, все больше и больше ограничивая их жизненное пространство.

Сейчас обе расы наконец встретились, они соприкасаются. Конечно, теперь индейцы стоят гораздо выше, чем их отцы-дикари, но им еще очень далеко до их белых соседей. Европейцы благодаря богатству и знаниям сразу же оказались в значительно более выгодном положении, чем индейцы: они завладели землей. Белые селились среди индейцев, захватывали землю или покупали ее за бесценок, разоряли индейцев, вступая с ними в конкуренцию, которую те, конечно, не могли выдержать. Индейцы

[19] Разрушительное влияние высокоразвитых народов на менее развитые можно заметить и среди европейцев. Около века тому назад французы основали в лесной глуши, на реке Уобаш, город Венсенн. Они жили там в достатке до появления американских эмигрантов. Эти последние вступили в конкуренцию со старожилами и сразу же начали их разорять; в конце концов они за бесценок скупили земли французов. В тот момент, когда господин де Вольне, от которого я узнал эти сведения, проезжал через Венсенн, там оставалось всего около ста французов, причем большая часть намеревалась уехать в Луизиану или в Канаду. Это были честные люди, но им не хватало знаний и сметки; они усвоили некоторые обычаи индейцев. Американцы, возможно, уступали им в моральном отношении, но были значительно выше интеллектуально: они были изобретательны, образованны, богаты, умели вести свои дела.

Я сам убедился в том, что в Канаде, где различие между двумя народами не столь явно, в торговле и промышленности преобладают не канадцы, а англичане. Я видел, как они проникают во все концы страны, оставляя французам все меньше и меньше пространства

В Луизиане почти вся торговая и промышленная деятельность также сосредоточена в руках американцев английского происхождения.

В провинции Техас происходят еще более удивительные вещи: как известно, штат Техас входит в состав Мексики, это территория, которая граничит с Соединенными Штатами. Вот уже несколько лет американцы английского происхождения поодиночке переселяются в эту, пока еще пустынную, провинцию. Они скупают земли и промышленные предприятия и быстро вытесняют местное население. Можно предвидеть, что если Мексика спешно не предпримет мер, чтобы остановить это движение, то вскоре потеряет Техас.

Если к подобным результатам приводят некоторые, сравнительно малозаметные, различия в уровне развития европейских народов, то легко себе представить, что должно

произойти при встрече самого развитого европейского народа с примитивными индейскими племенами.

оказались в изоляции в своей собственной стране, превратились в небольшую колонию беспокойных иностранцев среди многочисленного и подавляющего их народа[20].

Вашингтон писал в одном из своих посланий конгрессу: «Мы более просвещенны и более могущественны, чем индейские народы, и должны считать делом своей чести доброе и даже великодушное отношение к ним».

Но такая благородная и добродетельная политика никогда не проводилась в жизнь.

К алчности колонистов добавляется обычно еще и тирания правительства Несмотря на то что чироки и крики живут на своих исконных землях, которыми они владели еще до прихода европейцев, а также на то, что американцы не раз заключали с ними договоры как с иностранными народами, штаты, на территории которых они оказались, не пожелали признать их независимыми. Они задумали подчинить этих едва вышедших из лесов людей своим судьям, обычаям и законам[21]. Несчастные индейцы стремятся к цивилизованной жизни, чтобы вырваться из нищеты, но притеснения толкают их назад к варварству. Многие из них бросают свои наполовину вспаханные поля и возвращаются к дикому образу жизни.

Внимательно ознакомившись с драконовскими мерами законодателей южных штатов, с образом действий их правителей и решениями судов, легко убедиться в том, что целью всех этих дружных усилий является окончательное изгнание индейцев. В этой части Союза американцы с завистью смотрят на земли, которыми владеют индейцы[22]. Они чувствуют, что индейцы еще в значительной степени сохраняют привычки нецивилизованного образа жизни, и хотят ввергнуть их в отчаяние и заставить уйти, прежде чем в них прочно укоренится привычка к оседлой, цивилизованной жизни.

Чтобы найти защиту от притеснений отдельных штатов, крики и чироки обратились к федеральному правительству, которому не безразличны их беды. Оно искренне хотело бы спасти еще существующих индейцев, дав им возможность свободно распоряжаться той территорией, владение которой оно само им гарантировало[23]. Однако его намерение привести в исполнение этот замысел наталкивается на ожесточенное сопротивление отдельных штатов. И в конце концов, чтобы не подвергать опасности американский Союз, федеральное

правительство примиряется с гибелью нескольких уже наполовину истребленных диких племен.

Однако хотя оно и не может защитить индейцев, оно хотело бы облегчить их судьбу. Поэтому оно задумало переселить их за государственный счет в другие места.

[20]См. в законодательных документах, 21-й конгресс, № 89, сведения о различных бесчинствах, совершаемых белыми на индейской территории. То американцы английского происхождения заселяют часть этой территории, и войскам конгресса приходится их выселять, то они угоняют скот, жгут дома, уничтожают посевы индейцев или совершают над ними акты насилия.

Все эти документы доказывают, что индейцы ежедневно становятся жертвами злоупотребления силой. Обычно Союз направляет к индейцам агента, которому вменяется в обязанности представлять их в органах власти. Среди документов, которые я привожу, есть доклад агента племени чироков, который почти всегда пишет о туземцах с сочувствием. «Вторжение белых на территорию чироков, — говорит он, — приведет к гибели тех, кто ее населяет и ведет бедное и безобидное существование» (с. 12). Далее мы находим свидетельство о том, что штат Джорджия проводит установку межевых знаков с целью уменьшения территории племени чироков. Федеральный агент замечает, что, поскольку установка межевых знаков была проведена одними белыми, в отсутствие индейцев, она не имеет законной силы.

[21] В 1829 году штат Алабама разделил территорию племени криков на округа и предоставил судьям-европейцам право судить индейцев.

В 1830 году штат Миссисипи распространил действие своих законов на индейцев шоктавов и чихасо. Было заявлено, что индейцы, которые провозгласят себя вождями, будут приговорены к уплате штрафа в тысячу долларов и к годичному тюремному заключению.

Когда штат Миссисипи также подчинил своим законам шоктавов, которые жили на его территории, они собрались, и их вождь сообщил им о требованиях белых. Он прочел им некоторые законы, которым они отныне должны были подчиняться. Туземцы в один голос заявили, что они предпочитают вновь уйти в глушь. (Документы штата Миссисипи.)

[22] В Джорджии, жителей которой так стесняют индейцы, плотность населения составляет не более семи человек на квадратную милю. Во Франции на таком же пространстве проживает 162 человека.

[23] В 1818 году по распоряжению конгресса в Арканзасе побывали американские комиссары вместе с представителями криков, чироков и чихасо. Во главе экспедиции были господа Кеннерли, Мак-Коу, Уош Гуд и Джон Белл. См. различные доклады комиссаров и их дневники в документах конгресса, № 87, палата представителей.

Между 33 и 37 градусами северной широты простирается обширная местность, которая называется Арканзас, так же как и самая крупная река, которая по ней протекает. С одной стороны, она граничит с Мексикой, с другой, граница проходит по берегу Миссисипи. Эта местность изобилует ручьями и реками, там мягкий климат и плодородная почва. Населяют ее лишь несколько индейских кочевых племен. Правительство Союза хочет переселить остатки индейского населения Юга страны в ту часть этой местности, которая соседствует с Мексикой, подальше от поселений американцев.

В конце 1831 года нас уверяли, что на берега Арканзаса переселено десять тысяч индейцев и переселение продолжается. Но конгрессу не удалось еще убедить всех индейцев, судьбу которых он хочет устроить, в необходимости переселения. Одни с радостью соглашаются уехать подальше от тирании европейцев. Однако наиболее просвещенные индейцы отказываются покидать поспевающий урожай и свои новые жилища. Они полагают, что, если процесс цивилизации будет прерван, его невозможно будет восстановить, и опасаются, что еще неукоренившиеся привычки к оседлой жизни будут безвозвратно утеряны в дикой стране, где земледельческому народу надо все начинать сызнова. Зная, что в этой глуши они встретят враждебные племена, с которыми им придется вступить в борьбу, они в то же время понимают, что уже утратили энергию дикарей, но еще не приобрели силу цивилизованных людей. Кроме того, индейцы хорошо осознают, что предлагаемое им переселение — это не что иное, как временная мера. Кто сможет убедить их в том, что на новой территории их наконец оставят в покое? Соединенные Штаты берут на себя такое обязательство. Но разве когда-то им не гарантировали в самых возвышенных выражениях право на их нынешние территории?[24] Правда, в настоящее время американское правительство не отбирает у них земли, но оно и не препятствует вторжению на них белых. Пройдет несколько лет, и то же самое белое население, которое теснит индейцев сейчас, без сомнения, настигнет их в арканзасской глуши. Они вновь столкнутся с теми же проблемами, но возможности их решения

уже будут исчерпаны. И поскольку рано или поздно они лишатся своих земель, им остается лишь безропотно смириться со своей гибелью.

Федеральное правительство проводит по отношению к индейцам менее корыстную и менее жесткую политику, чем правительства штатов, но все они ведут себя недостаточно добросовестно.

Штаты распространяют так называемое благотворное влияние своих законов на индейцев в расчете на то, что индейцы предпочтут уйти, чтобы не подчиняться им. Центральное правительство обещает этим несчастным постоянное убежище на Западе страны, хотя и знает, что оно не в состоянии им его гарантировать [25].

[24] В договоре, заключенном в 1790 году с криками, есть следующая статья: «Соединенные Штаты торжественно гарантируют народу криков право на все принадлежащие ему на территории Союза земли».

В договоре, заключенном в июле 1791 года с чироками, есть следующая статья: «Соединенные Штаты торжественно гарантируют народу чироков право на все земли, владение которыми он не уступил ранее. Соединенные Штаты заявляют, что в случае если какой-либо гражданин Соединенных Штатов или какой-либо человек, не являющийся индейцем, поселится на территории чироков, то они лишат этого гражданина своей защиты и выдадут его народу чироков для того, чтобы он наказал его по своему усмотрению». Ст. 8.

[25]Тем не менее оно им это твердо обещает. См. письмо президента к крикам от 23 марта 1829 года (Записки индейской комиссии города Нью-Йорка, с. 5): «За великой рекой (Миссисипи) ваш Отец приготовил для вас большую страну. Там ваши белые братья не будут вас беспокоить, у них не будет никаких прав на вашу землю; вы и ваши дети сможете жить там в мире и изобилии до тех пор, пока растет трава и текут ручьи. Эти земли *будут принадлежать вам всегда».*

В письме от 18 апреля 1829 года, адресованном чирокам, секретарь военного департамента пишет, что они не должны тешить себя надеждой сохранить в своем владении территории, на которых они живут в настоящее время. Однако он уверяет их, что земли за Миссисипи, если они согласятся туда уйти, останутся в их владении (там же, с. 6). Но если сейчас у него нет власти для того, чтобы гарантировать права индейцев, то откуда она у него появится в будущем?

Итак, произвол штатов принуждает индейцев к бегству, которое становится возможным благодаря обещаниям и материальной помощи центрального правительства. Меры предпринимаются различные, но имеющие общую цель[26].

«По воле нашего небесного Отца, который правит миром, писали чироки в петиции конгрессу[27], раса краснокожих людей в Америке стала малочисленной; раса белых людей стала многочисленной и общеизвестной.

Когда ваши предки приплыли к нашим берегам, краснокожие были сильны и, несмотря на свое невежество и дикость, они встретили их добром и позволили им ступить затекшими ногами на твердую землю. Наши и ваши отцы подали друг другу руки в знак дружбы и жили в мире.

Чего бы ни просили белые люди для удовлетворения своих нужд, индейцы с готовностью все им давали. Тогда индейцы были хозяевами, а белые люди — просителями. Сегодня картина изменилась: сила краснокожего человека превратилась в слабость. По мере того как число его соседей росло, его власть все уменьшалась. В настоящее время из стольких могущественных племен, населявших землю, которую вы называете Соединенными Штатами, осталось лишь несколько, избежавших общего разгрома. Северные племена, столь известные среди нас своей силой, уже почти исчезли. Такой была судьба краснокожих в Америке.

Неужели и нам, последним представителям своей расы, не удастся избежать гибели?

В незапамятные времена наш общий небесный Отец дал нашим предкам земли, на которых мы живем; они передали их нам по наследству. Мы почтительно хранили их, так как в них покоятся останки наших предков. Разве мы когда-либо уступили это наследство или потеряли его? Позвольте смиренно спросить у вас, что может лучше подтверждать право народа на его страну, чем факт наследования и вечного владения. Мы знаем, что сегодня штат Джорджия и президент Соединенных Штатов полагают, что мы утратили это право. Но это утверждение кажется нам безосновательным. Когда мы его утратили? Разве мы совершили какое-либо преступление, которое могло бы лишить нас родины? Может быть, наша вина состоит в том, что во время Войны за независимость мы сражались под знаменами короля Великобритании? Если наше преступление состоит в этом, то почему уже в первом договоре, заключенном сразу после войны, вы не заявили о том, что мы лишились права собственности на свои земли? Почему вы не включили в этот договор следующую статью: Соединенные Штаты согласны заключить мир с народом

чироков, но заявляют, что в наказание за их участие в войне их отныне будут рассматривать лишь как арендаторов, обязанных освободить земли в случае, если соседние штаты потребуют этого? Об этом нужно было заявить в тот момент, но тогда это никому не пришло в голову, да и наши отцы никогда бы не согласились заключить договор, который мог бы привести к потере ими своих самых священных прав и лишить их своей страны».

Так говорят индейцы, и они говорят правду. Их предположения, как мне кажется, неизбежно осуществятся.

С какой бы стороны мы ни рассматривали судьбу североамериканских аборигенов, мы повсюду увидим неразрешимые проблемы: если они ведут дикий образ жизни, белые, продвигаясь вперед, гонят их все дальше; если они хотят приобщиться к цивилизации, соприкосновение с людьми более высокого уровня культуры приводит их к угнетению и нищете. Ведут ли они кочевую жизнь в пустыне, переходят ли к оседлой жизни — все равно их ждет гибель. Только европейцы могут принести им просвещение, но сближение с европейцами развращает их и отбрасывает к варварству. Пока они живут в глуши, они не хотят менять свои обычаи. Когда же под давлением обстоятельств у них появляется такое желание, то оказывается, что время упущено.

[26]Чтобы составить себе ясное представление о политике отдельных штатов и федерального правительства по отношению к индейцам, надо обратиться к следующим документам: 1) законы отдельных штатов, касающиеся индейцев (сборник этих законов можно найти среди законодательных документов, 21-й конгресс, №319); 2) федеральные законы по этому же вопросу, в частности закон от 30 марта 1802 года (эти законы приведены в книге господина Сгори «Законы Соединенных Штатов»); 3) наконец, чтобы ознакомиться с картиной нынешних отношений Союза со всеми индейскими племенами, см. доклад государственного секретаря по военным делам господина Касса от 29 ноября 1823 года.

[27]19 ноября 1829 года. Приводится дословный перевод отрывка.

Испанцы травят индейцев собаками, как диких зверей, они безжалостно и бесстыдно грабят Новый Свет, словно город, взятый приступом. Но все разрушить невозможно, ведь и у ярости есть пределы, и в конце концов остатки индейского населения, избежавшие истребления, смешиваются с победителями,

принимают их религию, усваивают их нравы [28].

В Соединенных Штатах поведение американцев по отношению к туземцам проникнуто глубочайшей любовью к соблюдению форм и законности. Они ни в коем случае не вмешиваются в дела индейцев, если те ведут дикий образ жизни, и обращаются с ними как с независимыми народами. Они не позволяют себе занимать их земли, не заключив надлежащим образом договор об их приобретении. И если случается так, что индейцы не могут больше жить на своей территории, они протягивают им братскую руку помощи и самолично спроваживают их умирать подальше от страны их предков.

Испанцы, прибегавшие к беспримерным зверствам, покрывшие себя несмываемым позором, не сумели ни истребить индейцев, ни помешать им стать равноправными гражданами. Американцам в Соединенных Штатах удалось достичь и того и другого с удивительной легкостью, спокойно, законным и человеколюбивым путем. Они не проливали кровь и не нарушили в глазах мира ни одного великого принципа морали[29]. Невозможно представить себе более полного соблюдения всех требований гуманности при истреблении людей.

МЕСТО ЧЕРНОЙ РАСЫ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ[30]; ЧЕМ ЕЕ ПРИСУТСТВИЕ ГРОЗИТ БЕЛЫМ

Почему отмена рабства и уничтожение его последствий представляет больше трудностей в

современном мире, чем в древности. — В Соединенных Штатах по мере уничтожения рабства растет

предубеждение белых по отношению к чернокожим. — Положение негров в северных и южных штатах. —

По какой причине американцы стремятся к отмене рабства. — Рабское положение, отупляя раба, ведет

в то же время к деградации хозяина. — Различия в развитии правого и левого берегов Огайо. — Чем

они объясняются. — Люди черной расы сосредоточиваются на Юге, где главным образом

сохраняется рабство. — Почему это происходит. — Факты, препятствующие отмене рабства в

южных штатах. — Будущие опасности. — Тревога людей. — Создание колонии чернокожих в Африке. —

Почему на Юге американцы, несмотря на свое отвращение к рабству, ужесточают условия содержания

рабов.

Индейцы живут и гибнут сами по себе, в то время как судьба негров в определенной степени переплетается с судьбой европейцев. Эти две расы связаны друг с другом, но смешаться они не могут, им одинаково трудно как полностью разделиться, так и окончательно объединиться.

[28] Впрочем, в данном случае не следует приписывать все заслуги испанцам. Если бы индейские племена не вели оседлый образ жизни и не занимались земледелием еще до прихода европейцев, то и в Южной Америке они были бы точно так же уничтожены, как и в Северной.

[29] Си. среди прочих документов доклад господина Белла комитету по делам индейцев от 24 февраля 1830 года, в котором очень логично обосновывается (с. 5) и с большой ученостью доказывается, что «the fundamental principle, that the Indians had no right by virtue of their ancient possession either of soil, or sovereignty, has never bein abandoned expressly or by implication». То есть «давность владения не дает индейцам права ни на собственность, ни на суверенитет — вот основной принцип, от которого мы не отступали ни в наших заявлениях, ни в наших делах».

Читая этот мастерски составленный документ, удивляешься

той легкости и непринужденности, с которыми автор с первых же строк отбрасывает аргументы, основанные на естественном праве и на здравом смысле, называя их абстрактными и теоретическими принципами. Чем больше я думаю, тем больше убеждаюсь в том, что единственное различие цивилизованного и нецивилизованного человека в их отношении к справедливости заключается в следующем: первый оспаривает само существование прав, основанных на справедливости, тогда как второй просто нарушает эти права.

[30] Прежде чем обсуждать эту тему, я хотел бы сделать одно предварительное замечание. Господин Гюстав де Бомон, мой спутник, написал книгу, о которой я уже говорил в начале своего труда и которая скоро выйдет. Основной целью господина де Бомона было познакомить французов с положением негров среди белого населения Соединенных Штатов. Он глубоко изучил вопрос, которого я, в силу иного предмета моего исследования, могу лишь коснуться.

В его книге, в примечаниях к которой приводятся очень ценные и совершенно неизвестные ранее законодательные и исторические документы, содержатся описания, поразительные по силе и правдивости. Тот, кто хочет понять, до какой крайней жестокости могут дойти люди, вступившие на путь пренебрежения законами природы и человечности, должен прочитать книгу господина де Бомона.

Присутствие чернокожих в Соединенных Штатах способно породить там в будущем самые страшные беды. К этому выводу неминуемо приводят любые поиски причин нынешних трудностей Союза и опасностей, с которыми он может столкнуться в будущем.

Как правило, для возникновения трудноразрешимых социальных проблем требуются немалые усилия людей. Однако существует одно общественное зло, которое проникает в общество незаметно. Поначалу его с трудом можно отличить от обычного злоупотребления властью; имя того, кто положил ему начало, не сохраняется в истории. Попав в почву, словно росток некоего проклятого Богом растения, это зло начинает питаться своими собственными соками, быстро растет и развивается самым естественным образом вместе с обществом, в которое оно проникло. Имя этого зла — рабство.

Христианство покончило с рабством, но в XVI веке христиане же и возродили его. Правда, они допустили его в свою общественную систему только как исключение и позаботились о

том, чтобы рабами могли быть люди лишь одной расы. Таким образом, рана, нанесенная человечеству, не была обширной, но это лишь усугубило трудности ее лечения.

Нужно тщательно различать две вещи: рабство как таковое и его последствия.

И в древнем мире, и в современном обществе рабство порождает одни и те же болезни, которые, однако, приводят к разным последствиям. В древнем мире хозяин и раб принадлежали к одной расе, часто раб стоял выше хозяина по своему воспитанию и знаниям[31] . Их разделяла только свобода одного и несвобода другого. Получив свободу, рабы быстро смешивались с хозяевами.

Итак, древние располагали довольно простым способом избавляться и от рабства, и от его последствий — это было освобождение раба; и как только они прибегли к этому способу повсеместно, они добились успеха.

Конечно, нельзя утверждать, что в древности следы рабства исчезли сразу с его отменой.

От природы человеку свойственно предвзятое и пренебрежительное отношение к тому, кто еще недавно стоял ниже его на общественной лестнице; подобное отношение сохраняется в течение долгого времени после того, как люди становятся равными, и на смену действительному неравенству, обусловленному состоянием и законом, приходит мнимое неравенство, причиной которого являются нравы. Однако в древнем мире это последствие рабства не могло быть длительным: отпущенные на волю рабы были так похожи на свободных людей, что вскоре их невозможно было отличить от них.

Самым трудным для древних было изменить закон. В современном же обществе основная трудность заключается в изменении нравов, то есть для нас настоящие трудности начинаются там, где в древности они кончались.

Это объясняется тем, что в умах современных людей нематериальный и преходящий факт рабства самым прискорбным образом смешивается с фактом материальным и постоянным, с различием двух рас. С одной стороны, воспоминания о рабстве позорят расу, а с другой — она сама является вечным напоминанием о рабстве.

Ни один африканец не прибыл в Америку по своей воле. Это значит, что все чернокожие, живущие там в настоящее время, были или являются рабами. Таким образом, негры уже при рождении получают от своих предков внешние признаки своего низкого положения в обществе. Закон может отменить рабство, но

один Бог способен стереть его следы.

В современном обществе раб отличается от хозяина не только своей несвободой, но и своим происхождением. Негра можно освободить, но от этого он не перестанет быть совершенно чужим для европейца. И это еще не все: этого человека, рожденного на самой низкой ступени общества и появившегося у нас в обличье раба, мы лишь с натяжкой можем назвать человеком. Его лицо кажется нам отвратительным, его ум — ограничен-

[31]Известно, что многие античные писатели были рабами, назовем, к примеру, Эзопа и Теренция. В рабство попадали не только варвары, в результате войн рабами становились очень культурные люди.

ным, вкусы — низменными, мы почти готовы принять его за промежуточное существо между человеком и животным[32].

После отмены рабства современному человеку остается еще покончить с тремя неуловимыми и значительно более прочными, чем само рабство, предрассудками. Речь идет о превосходстве хозяина над рабом, белого человека над всеми другими людьми, а также о других расовых предрассудках.

Нам, имевшим счастье родиться среди подобных себе людей, обладающих по закону равными правами, очень трудно постичь, какая огромная пропасть отделяет американского негра от европейца. Но мы можем составить себе некоторое представление об этом, прибегнув к аналогии.

Когда-то и у нас существовало неравенство, основанное только на законе. Но ведь такое неравенство абсолютно искусственно! Нет ничего более противоречащего инстинктивным ощущениям человека, чем постоянные, установленные законом различия между совершенно одинаковыми людьми. Однако эти различия существовали в течение веков и поныне существуют во многих местах. Они всюду оставили в сознании людей следы, которые плохо поддаются воздействию времени. Если так трудно покончить с неравенством, установленным лишь законом, то как уничтожить неравенство, незыблемая основа которого, казалось бы, заложена самой природой?

Что касается меня, то, когда я вижу, с какой мукой любые аристократические сословия смешиваются с народными массами, к каким крайним мерам они прибегают для того, чтобы в течение веков сохранять воображаемые границы, которые отделяют их от народа, во мне угасает всякая надежда на то, что неравенство, основанное на явных и вечных признаках, когда-либо исчезнет.

Мне думается, что надеяться на то, что европейцы когда-либо

смешаются с неграми, — значит предаваться несбыточным мечтам. Ничто не позволяет мне надеяться на это, реальная действительность свидетельствует о противоположном.

До сих пор повсюду, где сила была на стороне белых, они держали негров в унижении и рабстве. Там, где верх брали негры, они уничтожали белых. Вот единственная форма отношений, которая когда-либо существовала между двумя расами.

По моим наблюдениям сейчас в некоторых частях Соединенных Штатов начинают отменяться законы, разделяющие две расы. Однако нравы остаются неизменными. Рабство отступает, но предрассудки, которые оно породило, сохраняются.

Разве в той части Союза, где негры стали свободными людьми, они сблизились с белыми? Нет сомнения, что любой человек, побывавший в Соединенных Штатах, заметил нечто противоположное.

У меня сложилось впечатление, что расовые предрассудки сильнее проявляются в тех местах, где рабство отменено, чем в тех, где оно еще существует. Но наибольшая нетерпимость проявляется там, где рабство никогда не существовало.

Правда, в северных штатах закон разрешает белым вступать в брак с неграми, но общественное мнение считает это позором, и было бы трудно привести пример подобного брака.

Почти во всех штатах, где рабство отменено, негры получили право голоса. Но негр может прийти на избирательный участок лишь с риском для жизни. Негр может жаловаться на притеснения, но разбирать его жалобу будет белый судья. По закону он может быть присяжным, но предрассудки препятствуют действию этого закона. Дети негров не могут учиться в одной школе с детьми европейцев. В театрах ни за какие деньги он не может купить себе право сидеть рядом со своим бывшим хозяином. В больницах негры лежат в отдельных помещениях. Чернокожим позволяют молиться тому же Богу, которому молятся белые, но не в одном храме с ними. У них есть свои священники и свои церкви. Хотя двери рая для них не закрыты, неравенство сохраняется и на краю могилы. Негров хоронят в стороне от белых, и даже смерть, настигающая в равной степени всех, не уравнивает их в правах с белыми.

Итак, негры свободны и объявлены равными белым, но они не пользуются одинаковыми с ними правами, не разделяют их удовольствий, трудов и страданий, они даже не

[32] Для того, чтобы белые отказались от своего мнения о бывших рабах как о существах интеллектуально и морально неполноценных, негры должны измениться, но они не могут измениться до тех пор, пока существует это мнение.

могут быть похоронены рядом с белыми. Ни при жизни, ни после смерти чернокожие не могут сблизиться с белыми.

На Юге, где все еще существует рабство, белые меньше сторонятся чернокожих, им случается вместе работать или развлекаться, у них существуют определенные формы общения. Законы, касающиеся негров, там суровы, но обычаи проникнуты мягкостью и терпимостью.

На Юге хозяин не боится возвышать раба, так как знает, что при желании он всегда может поставить его на место. На Севере же четких границ, отделяющих униженную расу от белых, не существует, и белые из страха возможного смешения с чернокожими всеми силами стремятся держаться подальше от них.

У американцев, живущих на Юге, природа, время от времени вступая в свои права, восстанавливает равенство между белыми и чернокожими. На Севере гордыня заглушает даже самые бурные человеческие страсти. Американец с Севера, быть может, и согласился бы вступить в любовную связь с негритянкой, если бы по закону она не могла надеяться взойти на его брачное ложе. Но поскольку она может стать его супругой, он испытывает к ней отвращение и избегает ее.

Таким образом, создается впечатление, что в Соединенных Штатах по мере освобождения негров растут предрассудки, выталкивающие их из общества. В то время как неравенство упраздняется законом, оно укореняется в нравах.

Но если мое описание взаимоотношений двух рас, живущих в Соединенных Штатах, соответствует действительности, то почему американцы отменили рабство на Севере страны? Почему оно сохраняется на Юге и по каким причинам там ужесточаются условия содержания рабов?

Ответ прост. В отмене рабства в Соединенных Штатах заинтересованы не чернокожие, а белые.

Впервые негры были привезены в Виргинию году в 1621-м [33]. В Америке так же, как и повсюду в мире, рабство зародилось на Юге. Оттуда оно постепенно распространялось по стране. Однако чем дальше на Север, тем меньшим было количество рабов [34].

В «Исторической коллекции Массачусетса», том IV, с. 193, имеется любопытное исследование Белнепа о рабстве в Новой Англии. В нем говорится, что негров начали ввозить туда с 1630 года, но сразу же законы и нравы воспротивились рабству.

См. также в этом же источнике свидетельство о том, как общественное мнение, а затем и закон сумели покончить с

рабством. В Новой Англии, например, никогда не было много негров.

Возникли колонии, и по истечении века всех удивило одно необычайное обстоятельство: в провинциях, где рабов не было, население, богатство и благосостояние росли быстрее, чем в тех, где они были. Но ведь жители первых провинций были вынуждены сами обрабатывать землю или нанимать работников, тогда как жители вторых имели в своем распоряжении бесплатных работников. Следовательно, жизнь в одних местах требовала труда и расходов, в других же можно было жить в праздности, к тому же ничего не тратя. В выигрыше, однако, были первые провинции.

Это казалось необъяснимым, тем более что все эмигранты принадлежали к одной, европейской расе, имели одинаковые привычки и культуру, жили по одинаковым законам, а различались очень незначительно.

Шло время. Американцы от берегов Атлантического океана с каждым днем проникали все дальше в западную глушь. Там они находили новые земли и новые климатические условия, им приходилось преодолевать различные препятствия. Смешивались народы: южане попадали на Север, северяне — на Юг. И несмотря на такое разнообразие обстоятельств, всюду повторялось одно и то же: колонии, в которых не существовало рабства, становились населеннее и богаче, чем те, где оно существовало.

Постепенно возникло понимание того, что кабала не только жестока по отношению к рабу, но и гибельна для хозяина.

[33]См. «Историю Виргинии» Беверли. См. также в «Воспоминаниях» Джефферсона любопытные сведения о ввозе негров в Виргинию и о первом законодательном акте, запрещающем их ввоз, принятом в 1778 году.

[34]Хотя на Севере было меньше рабов, выгода рабского труда там так же, как и на Юге, никогда не ставилась под сомнение. В1740 году законодательное собрание штата Нью-Йорк заявило, что следует всячески поощрять прямой ввоз рабов и в то же время строго наказывать контрабандистов, поскольку они могут помешать деятельности честных торговцев *(Кент.* Комментарии, т. П, с. 206).

Окончательно это было доказано, когда американцы поселились на берегах Огайо.

Река, которую индейцы обычно называли Огайо, или Прекрасная Река, несет свои воды по самой изумительной долине, в которой когда-либо жил человек. По обоим берегам

Огайо тянутся холмы с неистощимо плодородной почвой; там умеренный климат и здоровый воздух. Вдоль каждого берега проходит граница обширного штата: вдоль извилистого левого тянется граница штата Кентукки; штат, расположенный на правом берегу, носит то же название, что и река. Эти два штата различаются лишь в одном: в Кентукки разрешено иметь рабов, а в Огайо запрещено[35].

Таким образом, путешественник, плывущий по середине Огайо туда, где она впадает в Миссисипи, находится как бы между свободным обществом и рабовладельческим. И стоит ему поглядеть вокруг, как он сразу поймет, какое из этих общественных устройств способствует процветанию человечества.

Левый берег реки малонаселен, время от времени там можно видеть группы рабов, беззаботно бредущих по полупустынным полям; часто встречается девственный лес. Общество, кажется, пребывает в спячке, а человек предается праздности, в то время как природа живет бурной жизнью.

Что же касается правого берега, то с него доносится неясный шум, свидетельствующий о работе где-то вдалеке промышленных предприятий, на полях видны богатые всходы. Земледельцы живут в красивых домах, свидетельствующих об их вкусе и старании. Все дышит достатком, человек выглядит богатым и довольным: он трудится[36].

Штат Кентукки был основан в 1775 году, а штат Огайо двенадцатью годами позже. Для Америки двенадцать лет—это больше, чем пятьдесят лет для Европы. В настоящее время в Огайо живет на 250 тысяч человек больше, чем в Кентукки[37].

Нетрудно понять, что рабовладение и свобода ведут к различным последствиям. Ими можно объяснить многие расхождения, существующие в жизни античного и современного общества.

На левом берегу Огайо работа является уделом рабов, на правом же ее рассматривают как средство достижения благосостояния и прогресса. На левом берегу труд презираем, на правом — уважаем. На левом берегу невозможно найти белых рабочих, так как белые боятся походить на рабов, работают только негры. На правом берегу не найдешь ни одного бездельника, белые берутся за всякую работу со свойственной им активностью и сообразительностью.

Итак, в Кентукки разработка природных богатств доверена ленивым и невежественным людям, в то время как трудолюбивые и просвещенные предаются безделью или переезжают в Огайо, где они могут найти применение своим способностям, не испытывая при этом стыда.

Правда, в Кентукки хозяева ничего не платят рабам за работу, но рабский труд не приносит им больших прибылей. Платя деньги белым рабочим, они бы с лихвой окупили свои расходы.

Свободному рабочему надо платить, но он работает быстрее, чем раб, а скорость выполнения работы — это один из важных элементов экономии. Белый продает свои услуги, но их покупают только в случае их необходимости. Чернокожий не может требовать никакой платы за свою работу, но его нужно постоянно кормить, о нем нужно, будь он болен или здоров, заботиться в течение всей его жизни, и в молодые и в зрелые, наиболее производительные, годы, и в годы его детства и старости, бесполезные для хозяина. Таким образом, и белый и чернокожий работают не бесплатно: свободный рабочий получает зарплату; раба воспитывают, кормят, одевают, за ним ухаживают. На содержание раба хозяин тратит деньги постепенно, небольшими суммами, незаметно. Рабочему его зарплата выдается сразу, отчего создается впечатление, что обогащается только по-

[35] В штате Огайо не просто запрещено рабство, на его территорию не разрешен въезд и свободным неграм, они не имеют также права что-либо приобретать там. См. законодательство штата Огайо.

[36] В штате Огайо предприимчивостью отличаются не только отдельные люди, сам штат ведет крупные дела. Штат Огайо проложил, например, между озером Эри и Огайо канал, который связывает долину Миссисипи с северной рекой. Благодаря этому каналу европейские товары, прибывающие в Нью-Йорк, можно доставлять по воде в Новый Орлеан, то есть на расстояние в более чем пятьсот лье в глубь континента.

[37] Точные цифры по переписи 1830 года: Кентукки — 688 844; Огайо — 937 669.

лучатель. В действительности же раб стоит дороже рабочего, а его работа менее производительна [38].

Влияние рабства проявляется и в другом: оно оставляет глубокий след в душах хозяев, придавая определенную направленность их мыслям и склонностям.

Природа наделила людей, живущих на обоих берега Огайо, энергичным и предприимчивым характером, но на каждой стороне реки люди по-разному используют свои качества.

На правом берегу главной целью белых, живущих плодами своих трудов, стало материальное благосостояние. Родные края дают им широчайший простор для применения способностей, их энергия всегда находит себе цель, а их страсть к обогащению

выходит за пределы обычного человеческого корыстолюбия. Томимые желанием разбогатеть, они отважно вступают на любой путь, который открывает перед ними судьба. И независимо от того, становятся ли они моряками, пионерами, фабрикантами или землевладельцами, они одинаково упорны в труде и преодолении опасностей, присущих этим профессиям. Разнообразие их талантов восхитительно, а их жажда наживы близка к героизму.

Американцы, живущие на левом берегу Огайо, равно презирают как работу, так и всякое дело, для успеха которого она необходима. Они живут в праздности и достатке и обладают вкусами ничего не делающих людей. Деньги не имеют для них большой цены, они не столько стремятся к богатству, сколько к веселью и удовольствиям и тратят на них энергию, которой их соседи находят другое применение. Они страстно любят охоту и войну, умеют обращаться с оружием, им нравятся физические упражнения, требующие большой силы и ловкости. С юных лет они привыкают рисковать своей жизнью в поединках. Так рабство не просто мешает белым обогащаться, оно лишает их самого стремления к этому.

В результате непрерывного двухвекового воздействия этих противоположных причин в английских колониях Северной Америки возникли удивительные различия в деловых качествах южан и северян. Сегодня только на Севере есть корабли, промышленные предприятия, железные дороги и каналы.

Эти различия можно заметить, не только сравнивая жителей Севера и Юга, но и жителей Юга между собой. Почти все те, кто в южных штатах Союза занимается предпринимательской деятельностью, стремясь извлечь выгоду из рабского труда, приехали сюда с Севера. Северяне ежедневно прибывают в южные штаты, поскольку в них не так сильна конкуренция. Здесь они находят возможности, оставшиеся не замеченными местными жителями. Они приспосабливаются к рабовладельческой системе, хотя и не одобряют ее, и им удается извлечь из нее большую выгоду, чем ее создателям и сторонникам.

Если бы я хотел продолжить это сравнение, я легко доказал бы, что почти все различия в характере жителей Юга и Севера Америки возникли вследствие существования рабства. Но это увело бы меня от моей темы: меня сейчас интересуют не последствия порабощения людей, я хочу лишь уяснить, как оно воздействует на материальное процветание его приверженцев.

Древние не могли отчетливо понимать влияние рабства на производство материальных благ. Кабала существовала в то время во всем цивилизованном мире, ее не знали только варвары.

Поэтому христианское учение в борьбе с рабством на первое место ставило права раба Теперь же стало возможным бороться с рабством также во имя хозяина. Это борьба, в которой выгода и мораль не противоречат друг другу.

По мере того как эти истины проникали в сознание американцев, рабство постепенно отступало под натиском знаний и опыта.

[38] Кроме этих причин, вследствие которых труд свободных рабочих является более продуктивным и экономным повсюду, где в них не ощущается недостатка, нужно указать и еще одну, свойственную лишь Соединенным Штатам. В этой стране только на берегах Миссисипи, у ее впадения в Мексиканский залив, научились с успехом выращивать сахарный тростник. В Луизиане разведение сахарного тростника приносит большую выгоду: нигде в другом месте работа земледельца не дает столь высокой прибыли. А поскольку между расходами на производство и произведенным продуктом всегда устанавливается некоторая взаимосвязь, в Луизиане высокие цены на рабов. К тому же Луизиана входит в федерацию штатов, и поэтому туда разрешается ввозить рабов из всех точек Союза. В результате высокие цены на рабов в Новом Орлеане приводят к росту цен на рабов на всех рынках страны. Таким образом, в местах, где земля не очень плодородна, ее обработка рабами стоит дорого, и в конкурентной борьбе побеждают свободные рабочие.

Рабство зародилось на Юге, затем распространилось на Север, но сегодня оно исчезает. С Севера на Юг постепенно распространяется свобода. Самым крупным северным штатом, где существует рабство, является Пенсильвания, но устои его там уже подорваны. Мэриленд, расположенный к югу от Пенсильвании, с каждым днем приближается к его отмене, а в Виргинии, расположенной к югу от Мэриленда, уже идут споры о его пользе и опасностях[39].

Одной из причин почти всех серьезных изменений в человеческих установлениях является порядок наследования собственности.

До тех пор пока на Юге собственность передавалась по наследству не в равных долях, во главе каждой семьи стоял богатый человек, не ощущавший ни потребности, ни склонности к труду. Вместе с ним в той же праздности жили, как растения-паразиты, члены его семьи, лишенные по закону доли в общем наследстве. Во всех семьях Юга наблюдалось то, что еще сейчас можно увидеть в аристократических семьях некоторых

европейских стран: младшие члены семьи живут в подобном же безделье, что и старшие, хотя и не имеют такого же богатства. В основе этого сходства лежат абсолютно аналогичные причины. На Юге Соединенных Штатов все белое население представляет собой аристократическое сословие, возглавляемое группой привилегированных людей, владеющих своим богатством в течение веков и из поколения в поколение ведущих праздный образ жизни. Эти люди были вождями американской аристократии, они представляли интересы своего сословия, хранили традиционные предрассудки белых, поддерживали представления о праздности как о деле чести. Среди этой аристократии можно было встретить бедных людей, но не трудящихся. Нищета считалась более почетной, чем труд. Вследствие этого чернокожие рабочие и рабы не имели конкурентов, и, что бы ни говорили о продуктивности их работы, приходилось прибегать к их услугам, так как других рабочих рук не было.

После отмены закона о наследовании все крупные состояния начали разрушаться. Все семьи в равной степени приблизились к положению, когда работа становится необходимой для существования. Многие семьи полностью исчезли; все осознали, что наступило время, когда каждый должен заботиться о себе сам. Сейчас еще встречаются богатые люди, но они не составляют единого сословия, передающего свои традиции от поколения к поколению. Они не сумели воспринять, сохранить и распространить во всех слоях населения общий дух. В результате предрассудок, согласно которому трудиться считалось позорным, стал повсюду забываться. Появилось больше бедняков, и они без всякого стыда начали искать возможность зарабатывать себе на жизнь. Итак, одним из непосредственных результатов наследования собственности в равных долях было возникновение класса свободных рабочих. Как только свободные рабочие вступили в конкуренцию с рабами, все почувствовали низкую производительность рабского труда. Таким образом, были поколеблены самые основы рабства, то есть представления о выгоде, которую оно приносит хозяину.

По мере того как рабство вытесняется из северных штатов в южные, в том же направлении движется и чернокожее население. Вместе с рабством негры возвращаются в тропики, откуда их когда-то привезли.

Это может показаться на первый взгляд удивительным, но вскоре читатель поймет, отчего это происходит.

Отменяя рабство в принципе, американцы отнюдь не освобождают рабов.

Для того чтобы последующее изложение было более понятным, я приведу пример, описав ситуацию в штате Нью-Йорк. В 1788 году в этом штате была запрещена продажа рабов. Это был обходной маневр, который имел целью запретить их ввоз. С этого времени количество негров увеличивалось там только за счет естественного роста чернокожего населения. Восемь лет спустя была предпринята более решительная мера: было объявлено, что с 4 июля 1799 года все дети, родившиеся от рабов, станут свободными. С

[39] Есть особая причина, способствующая ослаблению рабовладельческой системы в этих двух штатах. В прошлом богатство этой части территории Союза было основано на выращивании табака. Использование рабов было особенно выгодно для обработки этой культуры. Однако в течение многих лет цена на табак падала, а цена на рабов оставалась прежней. Это привело к изменению соотношения производственных расходов и стоимости произведенной продукции. Поэтому сейчас жители Мэриленда и Виргинии в большей мере, чем тридцать лет тому назад, склонны либо отказаться от рабов при обработке табака, либо распрощаться и с этой культурой, и с рабством.

этого момента исчезли все возможности увеличения количества рабов, и, хотя рабы еще существовали, можно сказать, что рабства уже не было.

Как только какой-либо северный штат заявляет о запрете на ввоз рабов, в него прекращают привозить с Юга чернокожих.

Если в каком-либо северном штате запрещается торговля неграми и владелец уже не может сбыть с рук своих рабов, они становятся для него обузой. В этом случае хозяин заинтересован в продаже своих рабов на Юг.

Если какой-либо северный штат заявляет, что дети рабов будут от рождения свободными людьми, то рабы значительно обесцениваются: ведь их потомство уже не может стать предметом купли-продажи. И в этом случае хозяин заинтересован в продаже своих рабов на Юг.

Итак, один и тот же закон препятствует движению рабов с Юга на Север и способствует их движению *с* Севера на Юг.

Но существует и еще одна причина, более важная, чем уже упомянутые. По мере того как количество рабов в каком-либо штате уменьшается, там начинает ощущаться необходимость в свободных рабочих. А по мере того как растет количество свободных наемных рабочих, рабы, труд которых менее продуктивен, теряют цену или становятся ненужными. Это еще

один случай, когда хозяину очень выгодно продать их на Юг, где конкуренции не существует.

Следовательно, отмена рабства не ведет к освобождению раба, у него лишь меняется хозяин: с Севера он попадает на Юг.

Что касается освобожденных рабов и негров, родившихся после отмены рабства, то они не уезжают с Севера на Юг, однако по отношению к европейцам они занимают место, сходное с местом туземцев: они невежественны, лишены прав и живут среди населения, стоящего значительно выше их по уровню достатка и знаний, постоянно сталкиваясь с тиранией законов [40] и нетерпимостью нравов. В некоторых отношениях они еще более несчастны, чем индейцы: на них тяжким бременем лежат воспоминания о рабстве, они не могут требовать себе во владение какую-либо территорию. Многие не выносят страданий и погибают[41], другие скапливаются в городах, где они выполняют самую грязную работу и живут нищенской и неустроенной жизнью.

После отмены рабства белое население растет вдвое быстрее, чем черное, и если бы даже рост численности чернокожих оставался на том же уровне, что и во времена рабства, то все равно вскоре они бы затерялись среди чуждого им населения.

Территории, где используется рабский труд, обычно менее населены, чем те, на которых работают свободные люди. Кроме того, Америка—это молодая страна, и поэтому к моменту отмены рабства в каком-либо штате он бывает заселен лишь наполовину. Как только рабский труд в нем упраздняется и начинает ощущаться потребность в свободных рабочих, в него со всех концов страны устремляются толпы отважных авантюристов, которые приезжают для того, чтобы воспользоваться новыми возможностями, открывающимися перед предпринимателями. Они захватывают землю, на каждом участке поселяется белая семья. Эмигранты из Европы также направляются в свободные штаты. Что делать бедняку из Европы, приехавшему в Новый Свет в поисках достатка и счастья, в местах, где труд считается бесчестьем?

В результате белое население растет естественным путем, а также пополняется за счет большого притока эмигрантов. Черных же эмигрантов не существует, и количество негров уменьшается. Вскоре количественное соотношение, существовавшее между двумя расами, в корне изменяется. Негров остается совсем немного, они превращаются в малочисленное, бедное и несчастное племя, не имеющее своей земли, и теряются среди многочисленного народа, владеющего ею. Об их существовании вспоминают, только совершая по отношению к ним очередную

несправедливость или жестокость.

Во многих западных штатах никогда не было негров, во всех северных их число быстро уменьшается. Таким образом, важный вопрос о взаимоотношениях этих двух рас

[40]Штаты, где рабство отменено, обычно делают все для того, чтобы жизнь свободных негров на их территории стала невыносимой. А поскольку различные штаты как бы соревнуются в проведении такой политики, негров повсюду ждут страдания.

[41]В штатах, где отменено рабство, уровень смертности белых и черных сильно различается: с 1820 по 1831 год в Филадельфии среди белых умирал 1 человек на 42, а среди черных — 1 на 21. Уровень смертности негров-рабов значительно ниже (см.: *Эмерсон.* Медицинская статистика, с.28).

касается ограниченной территории. Это снижает опасность проблемы, но не облегчает ее решения.

Чем дальше на юг расположен штат, тем труднее отменить в нем рабство с пользой для дела Это объясняется несколькими материальными причинами, о которых необходимо рассказать подробно.

Первая причина—это климат. Нет сомнения в том, что чем ближе к тропикам живут европейцы, тем труднее им работать. Многие американцы утверждают, что под некоторыми широтами труд представляет для них смертельную опасность, тогда как негры могут там работать без всякого риска для жизни [42]. Но я не думаю, что эти утверждения, столь приятные для ленивых жителей Юга, основаны на опыте. Ведь на юге Испании и Италии климат такой же жаркий, как на юге Соединенных Штатов [43]. Почему же в Америке европеец не может заниматься той же работой, которой он занимается в Европе? И если в Италии и Испании после отмены рабства хозяева не погибли, то, может быть, и в Союзе им ничего не грозит? Я вовсе не думаю, что из-за природных условий европейцы, живущие в Джорджии и во Флориде, не могут обрабатывать землю своими руками без риска для жизни. Однако совершенно ясно, что там эта работа будет более изнурительной и менее продуктивной[44], чем в Новой Англии. Поскольку на Юге свободный работник не многим ценнее, чем раб, там менее целесообразно отменять рабство.

На севере Союза растут те же растения, что и в Европе, на юге же растут особые культуры.

Известно, что рабский труд разорителен при выращивании зерновых культур. Тот, кто выращивает пшеницу в стране, не знакомой с рабством, обычно не держит на службе много рабочих.

Правда, во время сева и жатвы он нанимает многих, но они остаются в его доме недолго.

В рабовладельческом государстве земледелец вынужден содержать в течение целого года большое количество работников, нужду в которых он испытывает лишь в короткие периоды сева и жатвы. Ведь в отличие от свободных рабочих рабы не могут работать на себя и ждать дня, когда кто-либо захочет купить их услуги. Чтобы заставить их работать, их нужно купить.

Таким образом, оставляя в стороне отрицательные последствия рабства общего характера, следует отметить, что в странах, где выращиваются зерновые, рабский труд менее выгоден, чем там, где выращиваются другие культуры.

Напротив, на плантациях табака, хлопка и сахарного тростника требуется постоянная работа. Здесь можно использовать детей и женщин, что невозможно при выращивании пшеницы. Из этого следует, что по естественным причинам рабство больше подходит тем странам, где выращиваются эти растения.

Но табак, хлопок и сахарный тростник растут только на Юге и являются основными источниками его богатства. Отмена рабства поставила бы южан перед выбором: либо выращивать другие культуры и вступить в этом случае в конкуренцию с более активными и опытными ,северянами, либо выращивать те же культуры, но без рабов и в этом случае выдерживать конкуренцию с другими южными штатами, использующими рабский труд.

Итак, в отличие от Севера у Юга есть особые причины для сохранения рабства.

Но есть и еще одна причина, самая существенная. Разумеется, в конце концов можно отменить рабство на Юге, но как там избавиться от чернокожих? На Севере отмена рабства и изгнание бывших рабов происходят одновременно, но нет никакой надежды, что то же самое можно будет сделать и на Юге.

Приводя доказательства того, что на Юге рабство больше соответствует естественным условиям и приносит большую выгоду, чем на Севере, я много раз говорил, что и численность рабов там, по-видимому, значительно выше, чем на Севере. Именно на Юг

[42]Это действительно так в тех местах, где выращивают рис. Рисовые поля вредны для здоровья во всех странах, но особенно они опасны в тропических странах с их жгучим солнцем. Европейцам было бы очень нелегко обрабатывать землю в этой части Нового Света, если бы они непременно хотели выращивать рис. Но разве обязательно выращивать именно рис?

[43] Эти штаты расположены ближе к экватору, чем Италия и

Испания, но на Американском континенте климат значительно холоднее, чем на Европейском.

[44] Испанцы когда-то привезли в один из округов Луизианы, носящий название Аттакапас, некоторое количество крестьян с Азорских островов. Для пробы они не стали вводить там рабство. Эти люди и сейчас обрабатывают землю без рабов, но они так равнодушны к своей работе, что едва могут себя прокормить.

были привезены первые африканцы. Количество ввозимых сюда негров всегда было больше. Чем дальше на Юг, тем сильнее ощущается предрассудок,согласно которому уважения достойна лишь праздность. В штатах, соседствующих с тропиками, не работает ни один белый человек. По всем этим причинам на Юге негров больше, чем на Севере. И с каждым днем число их возрастает, так как по мере того, как рабство отменяется на одном конце Союза, негры стекаются на другой его конец. Таким образом, количество чернокожих на Юге увеличивается не только за счет естественного прироста населения, но и вследствие вынужденной эмиграции негров с Севера. На Юге Союза число чернокожих растет по тем же причинам, по которым так быстро растет количество белых на Севере.

В штате Мэн на 300 белых приходится 1 негр, в Массачусетсе на 100 — 1, в штате Нью-Йорк на 100 — 2, в Пенсильвании — 3, в Мэриленде — 34, в Виргинии — 42 и, наконец, в Южной Каролине — 55 [45]. Таким было соотношение черных и белых в 1830 году, но оно постоянно меняется. Ежедневно количество чернокожих на Севере уменьшается, а на Юге растет.

Совершенно очевидно, что в южных штатах Союза невозможно отменить рабство по примеру северных штатов, не породив тем самым зловещих проблем, которые совершенно не угрожали Северу.

Мы видели, что в северных штатах переход от рабства к свободе происходит постепенно. Взрослые негры остаются рабами, а их дети становятся свободными. Таким образом, не все негры сразу становятся членами общества. Те из них, кто мог бы употребить свою независимость во зло, остаются в кабале, на волю же отпускают тех, у кого еще есть время научиться искусству жить свободными до начала самостоятельной жизни.

На Юге такой способ применить невозможно. Заявление о том, что начиная с какого-то времени дети негров станут свободными людьми, вносит идею и принцип свободы в саму сущность рабства. Те негры, которые по закону остаются рабами, видя своих детей свободными, удивляются несправедливости,

совершенной по отношению к ним судьбой, и начинают тревожиться и возмущаться. Рабство отныне теряет в их глазах ту моральную силу, которую ему давали время и обычай, оно сводится лишь к явному злоупотреблению силой. На Севере это противоречие не таило в себе никакой опасности, потому что черных там было мало, а белых—очень много. Но горе угнетателям, если первый луч такой свободы коснется двух миллионов человек сразу.

Освободив детей своих рабов, европейские обитатели Юга очень скоро были бы вынуждены распространить это благодеяние на всю черную расу.

На Севере, как я уже говорил, сразу после отмены рабства или с момента, когда она становится вероятной и близкой, начинаются два процесса: рабов вывозят дальше на Юг, а на их место стекаются белые из других северных штатов и эмигранты из Европы.

В самых южных штатах такие процессы возникнуть не могут. С одной стороны, количество рабов там слишком велико, чтобы можно было надеяться выпроводить их из страны, а с другой — европейцы и англоамериканцы с Севера опасаются приезжать на жительство в край, где работа все еще считается позором. К тому же они справедливо полагают, что штатам, где количество негров превышает или равно количеству белых, грозят великие потрясения, и не спешат распространять на них свою предпринимательскую деятельность.

Итак, отмена рабства не позволила бы южанам постепенно приспособить негров к свободе, как это сделали их братья с Севера, они не смогли бы уменьшить число чернокожих, и им пришлось бы в одиночку сдерживать их натиск. И через несколько лет там наряду с белым населением появилось бы многочисленное, почти равное ему по числу, свободное чернокожее население.

[45]Вот что можно прочитать в книге американского автора Кэри «Письма о колониальном обществе», изданной в 1833 году: «В Южной Каролине вот уже сорок лет черное население растет быстрее, чем белое. Рассматривая в целом население пяти южных штатов, в которых впервые возникло рабство, то есть Мэриленда, Виргинии, Северной Каролины, Южной Каролины и Джорджии,— говорит далее Кэри,— можно обнаружить, что с 1790 по 1830 год количество белых в этих штатах увеличилось на 80 процентов, а количество черных —на 112 процентов».

В 1830 году жители Соединенных Штатов обеих рас распределялись следующим образом: в штатах, где рабство отменено, белых было 6 565 434, а черных — 120 520; в штатах,

где рабство существует, белых — 3 960 814, а черных — 2 208 102 человека.

261

Тогда те нарушения прав негров, которые сегодня лежат в основе рабства, могут породить на Юге огромную опасность для белых. В настоящее время вся земля находится в руках европейцев, только они занимаются предпринимательской деятельностью, богатство, образование, оружие принадлежит лишь им. Чернокожие лишены всего этого, но им это и не нужно, ведь они—рабы. Но когда они станут свободными и должны будут сами заботиться о себе, без всего этого их ждет гибель. Таким образом, все то, что составляло силу белых при существовании рабства, оборачивается для них крупными опасностями после его отмены.

Пока негры остаются в кабале, с ними можно обращаться почти так же, как со скотом. Но если они получат свободу, ничто не помешает им обрести достаточную культуру для того, чтобы понять степень своей обездоленности и найти выход из нее. Кроме того, человеку присуще удивительное чувство относительной справедливости, уходящее корнями в глубину его души. Люди значительно острее воспринимают несправедливости, существующие внутри одного класса, чем те, которые существуют между классами. Они могут примириться с рабством, но постоянное унижение миллионов граждан, живущих из поколения в поколение в нищете, вызывает их протест. На Севере свободные негры сталкиваются с такими унижениями и несправедливостями, но они слабы и немногочисленны. На Юге же их было бы много и они были бы сильны.

Если предположить, что когда-либо белые и негры будут жить на одной земле как два разных народа, то сразу становится ясно, что для них будут возможны два пути: полное смешение или размежевание.

Выше я уже высказывал свое мнение о первом из них [46]. Я не верю в то, что между белой и черной расами где-либо установится равенство.

Более того, я думаю, что в Соединенных Штатах ситуация будет значительно сложнее, чем в каком-либо другом месте. Случается, что один человек становится выше религиозных, местных или расовых предрассудков. И если этот человек является королем, он может произвести поразительные изменения в обществе. Однако целый народ не может стать выше самого себя.

Возможно, деспоту, который одинаково угнетал бы и

американцев и их бывших рабов, удалось бы добиться их смешения, но до тех пор, пока делами Америки управляет демократия, никто не может осмелиться на подобное предприятие. Напротив, можно предположить, что, чем большей свободой будут обладать белые в Соединенных Штатах, тем сильнее будет их стремление к размежеванию с неграми[47].

Я уже говорил выше, что прочная связь между европейцем и индейцем могла быть обеспечена метисом. Точно так же истинным связующим звеном между белым и негром является мулат. Там, где имеется много мулатов, слияние двух рас вполне возможно.

В Америке есть места, в которых европейцы и негры настолько перемешались, что трудно встретить совершенно белого или совершенно черного человека. В этом случае действительно можно говорить о смешении двух рас. Вернее, на их месте появляется новая раса, обладающая чертами и той и другой, но в то же время отличающаяся от обеих.

Из всех европейцев англичане в наименьшей степени смешались с неграми. На Юге Союза мулатов больше, чем на Севере, но в целом их значительно меньше, чем в любой другой европейской колонии. Вообще в Соединенных Штатах мулатов очень мало и сами по себе они очень слабы; в расовых конфликтах они обычно становятся на сторону белых. Так, в Европе лакеи крупных вельмож при общении с простым народом разыгрывают из себя людей благородного происхождения.

К гордости своим происхождением, свойственной англичанам, у американцев еще добавляется высокое чувство собственного достоинства, порожденного свободой и демократией. Белый человек в Соединенных Штатах гордится и своей расой, и самим собой.

[46] Это мнение, впрочем, поддерживают люди, значительно более авторитетные, чем я. Вот что можно прочитать в «Воспоминаниях» Джефферсона: «Нет ничего, что было бы написано в книге судеб яснее, чем освобождение чернокожих. В то же время, когда обе расы будут свободными, они не смогут жить в одном государстве, так как природа, привычки и убеждения воздвигли между ними непреодолимые преграды *(см.: Консей,* «Выдержки из «Воспоминаний» Джефферсона»).

[47]Если бы англичане на Антильских островах не зависели от своей бывшей родины, то они, надо полагать, не приняли бы закона об освобождении рабов, который она им навязала.

Кроме того, раз уж на Севере негры и белые не смешиваются,

то как это может произойти на Юге? Невозможно и на минуту предположить, что южанам, постоянно живущим в окружении, с одной стороны, ощущающих свое моральное и физическое превосходство белых, а с другой — негров, придет мысль о сближении с этими последними. Южане испытывают два сильных чувства, из-за которых они всегда будут держаться на расстоянии от негров: они боятся стать похожими на своих бывших рабов и быть ниже, чем их белые соседи.

Если бы мне обязательно нужно было сделать прогноз на будущее, я бы сказал, что, вероятнее всего, после отмены рабства на Юге брезгливость белого населения по отношению к неграм возрастет. Мое мнение основано на том, что я видел на Севере. Там, как я уже говорил, по мере того как исчезают законодательные различия между двумя расами, белые прилагают все больше стараний для того, чтобы держаться на расстоянии от черных. То же самое произойдет и на Юге. Страх белых жителей Севера перед опасностью их смешения с чернокожими основан на воображении. На Юге же такая опасность вполне реальна, и страх поэтому может лишь увеличиться.

Если, с одной стороны, признать тот несомненный факт, что в самых южных областях страны чернокожее население растет, причем быстрее, чем белое население; а с другой — что черные и белые никогда не смогут смешаться и пользоваться в обществе одинаковыми правами, то следует сделать вывод о том, что рано или поздно черные и белые в южных штатах вступят в борьбу.

Каков будет ее результат?

Совершенно ясно, что ответом на этот вопрос могут служить лишь смутные предположения. Ценой большого напряжения человек может окинуть мысленным взором общее направление будущего развития, но на пути этого развития в свои права вступает случай, неподвластный никакому умственному усилию. В картине будущего случай представляет собой темное пятно, которого не могут коснуться лучи разума. Сейчас можно сказать лишь следующее: на Антильских островах, по-видимому, погибнет белая раса, а на континенте — черная.

Ведь на Антильских островах кучка белых живет в окружении огромного чернокожего населения, тогда как на континенте негры зажаты между морем и многочисленным белым населением, компактно проживающим на пространствах от канадских льдов до границы Виргинии, от берегов Миссури до побережья Атлантического океана. И если белые в Северной Америке будут действовать заодно, то трудно себе представить, чтобы неграм удалось избежать грозящего им уничтожения. Они

погибнут от оружия и нищеты. Но у черного населения, живущего на берегу Мексиканского залива, есть возможность спастись, если борьба между двумя расами начнется после распада американской федерации. Если федеральные связи будут разорваны, то южанам не следовало бы рассчитывать на длительную поддержку со стороны их северных братьев. Северянам известно, что они вне опасности, и если рассудок и долг не заставят их прийти на помощь южанам, то можно предположить, что расовые симпатии тем более не смогут это сделать.

Впрочем, когда бы ни началась борьба между расами и если даже белое население Юга будет вынуждено бороться без посторонней помощи, оно вступит в схватку, имея огромные преимущества в знаниях и средствах. Однако чернокожие смогут противопоставить им численность и силу отчаяния, что очень важно в вооруженной борьбе. Может быть, белую расу на Юге ждет то же, что случилось с испанскими маврами? После нескольких веков владычества она постепенно уйдет в те места, откуда когда-то пришли ее предки, оставив негров хозяевами в стране, которую, казалось бы, само Провидение предназначило для них: они легко переносят ее климат, в котором им легче работать, чем белым.

Более или менее отдаленная, но неизбежная опасность борьбы черного и белого населения на Юге Союза постоянно представляется воображению американцев как тягостный сон. Жители Севера ежедневно говорят об этой опасности, хотя непосредственно им ничто не угрожает. Они предвидят несчастья и безуспешно ищут способ предотвратить их.

В южных штатах об этом не говорят, там не обсуждают будущее с иностранцами, избегают подобных разговоров с друзьями. Каждый таит свои думы про себя. Однако в молчании южан есть что-то более пугающее, чем в откровенных опасениях северян.

Вследствие этой всеобщей тревоги возникло мало кому известное предприятие, которое может изменить судьбу части человечества.

Из страха перед описанной мной опасностью группа американских граждан образовала общество, которое поставило себе целью вывозить за свой счет на берега Гвинеи негров, стремящихся избежать гнетущего их произвола[48].

А в 1820 году этому обществу удалось основать в Африке на 7-м градусе северной широты поселение, которое оно назвало

Либерия. По последним сведениям, там поселилось уже 2500 нефов. Переселившись на свою бывшую родину, чернокожие создали там учреждения, подобные американским. В Либерии существует система представительства, там есть негры-присяжные, негры-судьи, негры-священники, имеются храмы и газеты. И вследствие удивительной переменчивости, свойственной нашему миру, белым запрещено жить в этом поселении[49].

Вот уж, действительно, неожиданный поворот судьбы! Два века прошло с тех пор, как европейцы впервые вырвали негров из объятий их семей и увезли их на берега Северной Америки. Сегодня же европейцы опять пересекают Атлантический океан, чтобы возвратить потомков тех самых негров в страну, из которой они когда-то увезли их отцов. Варвары отправлялись в кабалу за светом цивилизации; будучи в рабстве, они учились искусству жить свободными.

До настоящего времени Африка была чужда наукам и искусствам белых. Может быть, теперь европейские достижения проникнут туда вместе с вернувшимися на родину африканцами. Итак, основание Либерии несет в себе прекрасную и великую идею, но эта идея может принести богатые плоды лишь в Старом Свете, в Новом же она бесполезна.

За двенадцать лет Общество колонизации черных переселило в Африку 2500 негров. За то же время в Соединенных Штатах их родилось около 700 тысяч.

Даже если бы в колонию Либерия можно было ежегодно переселять тысячи новых жителей, причем таких, которым бы это пошло на пользу; даже если бы за дело взялся Союз, а не общество и если бы он использовал для вывоза негров в Африку свои средства[50] и свои корабли, ему не удалось бы уравновесить даже естественный прирост чернокожего населения. Если же число ежегодно вывозимых негров не будет равно числу тех, которые рождаются, ему не удастся даже приостановить развитие этого ежедневно обостряющегося недуга своего общества[51].

Негритянская раса никогда не покинет Американский континент, куда она попала по воле страстей и пороков европейцев. Она может исчезнуть из Нового Света, только если прекратит существовать. Жители Соединенных Штатов могут отдалить потрясения, которые внушают им страх, но им не удастся устранить их причину.

Я должен признаться, что, по моему мнению, отмена рабства в южных штатах не может отсрочить столкновение двух рас.

Негры могут длительное время безропотно сносить рабство. Но если они станут свободными людьми, лишенными почти всех

гражданских прав, то вскоре возмутятся и, не будучи в состоянии стать равными белым, станут их врагами.

На Севере освобождение рабов принесло заметную пользу: и с рабством было покончено, и свободные негры не представляли никакой опасности. Их было слишком мало, и они и думать не могли о своих правах. На Юге ситуация иная.

[48] Это общество стало называться Обществом колонизации черных. См. его годовые отчеты, в частности пятнадцатый. См. также уже упомянутую брошюру под названием «Письма о колониальном обществе и вероятных результатах его деятельности» господина Кэри. Филадельфия, апрель 1833 года.

[49] Это правило было предписано самими основателями поселения. Они опасались, что в Африке произойдет то же, что происходит на окраинах Соединенных Штатов: вступив в контакт с более просвещенной расой, негры так же, как индейцы, будут уничтожены прежде, чем смогут стать цивилизованными людьми.

[50] Подобное предприятие столкнулось бы с множеством других трудностей. Если бы Союз с целью вывоза негров из Америки в Африку начал скупать рабов, то цена на них, которая увеличивается по мере уменьшения числа рабов, достигла бы вскоре астрономических сумм. В то же время маловероятно, чтобы северные штаты согласились на подобный расход, от которого они не получили бы никакой выгоды. Если же Союз захотел бы отобрать рабов, имеющихся на Юге, силой или скупить их по низкой, установленной им цене, он столкнулся бы с непреодолимым сопротивлением южных штатов. Таким образом, и тот и другой путь ведет в тупик.

[51] В 1830 году в Соединенных Штатах было 2 010 327 рабов и 319 439 свободных негров, в целом их численность достигала 2 329 766 человек — то есть негры в это время составляли немногим более пятой части от всего населения Соединенных Штатов.

На Севере рабовладельцы связывали проблему рабства с развитием торговли и промышленности, на Юге же—это вопрос жизни или смерти. Поэтому смешивать проблему рабства на Севере и на Юге нельзя.

Я вовсе не стремлюсь, избави меня Боже, найти принципиальные оправдания содержанию негров в неволе, как это делают некоторые американские авторы. Я только хочу сказать, что тем, кто когда-то допустил ее существование, сегодня не так легко ее упразднить.

Должен признать, что, размышляя над судьбой Юга, я вижу

лишь два пути для живущего там белого населения: либо освободить негров и смешаться с ними, либо держать их на расстоянии и как можно дольше не отменять рабства. Любой компромисс, как мне кажется, очень быстро приведет к самой страшной гражданской войне и, возможно, к истреблению одной из рас.

Жители Юга придерживаются такой же точки зрения, и этим объясняется их поведение. Поскольку они не хотят смешиваться с неграми, они не хотят освобождать их.

Это не значит, что все южане считают, будто бы рабство обеспечивает богатство рабовладельцу. В этом отношении многие из них придерживаются той же точки зрения, что и северяне, и охотно соглашаются с тем, что рабство — это зло. Однако они думают, что для того, чтобы можно было жить, это зло должно быть сохранено.

По мере распространения просвещения на Юге многие жители этой части страны начали отдавать себе отчет в том, что рабство приносит вред рабовладельцу. Но благодаря тому же просвещению они более ясно, чем ранее, видят почти полную невозможность его отмены. В результате возникает удивительное противоречие: чем больше возражений вызывает польза рабства, тем прочнее его существование закрепляется законом. В то время как на Севере основы рабства постепенно разрушаются, на Юге они подкрепляются все более суровыми законами.

Современные законы южных штатов, касающиеся рабов, отличаются какой-то неслыханной жестокостью и сами по себе свидетельствуют о глубоком кризисе в законотворческой деятельности. Достаточно их прочитать, чтобы убедиться в том, что обе расы, живущие в этой части страны, находятся в безвыходном положении.

Американцы, живущие на Юге Союза, вовсе не усилили жестокость содержания рабов, напротив, условия жизни рабов улучшились. В древности раба удерживали лишь оковы и смерть, южане же нашли способы сохранения своей власти, основанные на рассудке. Они, если можно так выразиться, одухотворили деспотизм и насилие. Древние лишь стремились помешать рабу освободиться от своих оков, а наши современники постарались лишить его стремления к свободе. В древности заковано было тело раба, дух же его был свободен, он имел доступ к просвещению. В этом была логика, ведь в те времена существовала естественная возможность прекращения рабского состояния. В один прекрасный день раб мог стать свободным и равным своему хозяину.

Жители Юга не допускают мысли о том, что когда-либо негры

смогут стать равными им. Поэтому они под страхом суровых наказаний запретили обучать их чтению и письму. Они не хотят поднимать негров до своего уровня и содержат их почти так же, как скот.

Во все времена таившаяся в глубине рабства надежда на освобождение смягчала его жестокость.

Южане поняли, насколько опасно освобождать рабов, если они никогда не смогут стать равными своим бывшим хозяевам. Освободить человека, оставив его в нищете и бесправии, есть ли более верный способ подготовить будущего вождя восставших рабов? К тому же уже давно было замечено, что присутствие свободных негров порождало смутное беспокойство в глубине души тех, кто еще оставался в рабстве, и пробуждало в них неясные проблески мысли о своих правах. На Юге хозяева в большинстве случаев лишены возможности освобождать своих рабов[52].

Я встречался на Юге Союза со старым человеком, который когда-то состоял в незаконной связи с одной из своих негритянок. У них было несколько детей, и все они считались рабами своего отца. Отец немало думал о том, чтобы завещать им хотя бы свободу, но прошли годы прежде, чем он сумел преодолеть препятствия, воздвигнутые законодателями на пути освобождения рабов. За это время он состарился и был близок к смерти. И он уже представлял себе, как его сыновей будут перевозить с рынка на рынок и как после отцовской власти они попадут во власть чужого человека. Эти

[52] Освобождение не запрещено, но оно требует выполнения формальностей, которые его усложняют.

ужасные картины приводили в исступление его угасающее воображение. При виде его тоски и отчаяния я понял, как жестоко умеет мстить природа за те раны, которые ей наносят законы.

Такие страдания, конечно, ужасны, но разве не являются они логическим и неизбежным следствием самого существования рабства в современном мире?

Европейцы превратили в рабов людей другой расы, стоящей, по мнению многих из них, на более низкой ступени развития по сравнению с прочими расами. Мысль о возможном смешении с этой расой внушала им отвращение. Они полагали, что рабство будет существовать вечно, поскольку между крайней степенью неравенства, в котором живут рабы, и полным равенством, естественным для свободных людей, не может быть никакого длительного промежуточного состояния. Европейцы смутно

ощутили эту истину, но не осознали ее до конца. По отношению к неграм они руководствовались то выгодой, то гордыней, то жалостью. Сначала они нарушили все человеческие права негров, а затем объяснили им их ценность и нерушимость. Они открыли рабам доступ в свое общество, но, когда те попытались в него войти, их принялись гнать и шельмовать. Желая сохранить рабство, они либо против своей воли, либо безотчетно двигались к свободе, но не решались при этом ни полностью пренебречь справедливостью, ни окончательно ее восстановить.

Если ничто не предвещает наступления времени, когда южане смешаются с неграми, то могут ли они, не подвергаясь смертельной опасности, позволить своим рабам обрести свободу? И если для спасения своей собственной расы они вынуждены держать их в оковах, то разве не простительно, что они прибегают для этого к самым действенным средствам?

То, что происходит на Юге Союза, чудовищно, но в то же время это естественное следствие рабства. Когда извращается природный порядок вещей, когда человечество стонет и тщетно бьется в сетях законов, не следует, по-моему, гневно клеймить наших современников, руками которых творятся эти беды. Все возмущение должно быть направлено против тех, кто возродил в нашем мире рабство после более чем тысячелетнего существования равенства. Впрочем, какие бы усилия ни прикладывали южане для того, чтобы сохранить рабство, им это не удается. Теснящееся в одной точке земного шара, несправедливое с точки зрения христианства, пагубное с точки зрения экономической политики, рабство, сохраняющееся в окружении демократической свободы и современного просвещения, не может существовать долго. Оно падет под ударами рабов или по воле хозяев. И в том и в другом случае следует ожидать глубоких потрясений.

Если негры не будут освобождены, они сами силой добьются свободы. Если же она будет им дарована, то они не замедлят употребить ее во зло.

КАКОВЫ ШАНСЫ НА ДОЛГОВЕЧНОСТЬ АМЕРИКАНСКОГО СОЮЗА? КАКИЕ ОПАСНОСТИ ЕМУ УГРОЖАЮТ?

Решающее значение имеет не Союз, а штаты. — Федерация будет существовать до тех пор, пока

этого хотят составляющие ее штаты. — Причины, способствующие сохранению Союза. —

Объединение необходимо для того, чтобы противостоять иностранцам; благодаря ему в Америке

нет иностранцев. — По воле Провидения между штатами нет природных преград. — У штатов нет

разделяющих их материальных интересов. — Север заинтересован в процветании и единстве Юга и

Запада, Юг — Севера и Запада, Запад — Севера и Юга. — Нематериальные интересы, объединяющие

американцев. —Единство взглядов. — Опасности, угрожающие федерации, возникают из-за различий

в характере живущих в ней людей и из-за их страстей. — Характер южан и северян. — Одна из самых

серьезных угроз заключена в стремительном росте Союза. — Переселение на Север и Запад. —

Сосредоточение силы в этих местах. — Страсти, порожденные резкими колебаниями материального

положения. — Если Союз будет продолжать существовать, будет ли его правительство укрепляться

или ослабевать?—Признаки ослабления. — Internal improvements (внутренние улучшения). —

Пустынные земли. — Индейцы. — Дело о Банке. — Дело о тарифах. — Генерал Джэксон.

Существование Союза отчасти определяет особенности, свойственные каждому штату. Поэтому прежде всего следует рассмотреть возможное будущее Союза. Но еще раньше необходимо уяснить одну истину: если нынешняя федерация распадется, штаты ни в коем случае не вернутся к самостоятельности. Просто вместо одного Союза их поя-

вится несколько. В мою задачу не входит исследование основ этих новых Союзов. Я хочу лишь показать, какие причины могут привести к распаду существующей федерации.

Для этого мне придется позволить себе некоторые повторения. Я буду анализировать темы, которые я уже затрагивал. Конечно, я рискую навлечь на себя упреки читателей,

но оправданием мне послужит важность предмета изучения. Лучше повторяться, чем быть непонятым, и лучше нанести ущерб репутации автора, но не глубине исследования.

Создавая конституцию 1789 года, законодатели стремились обеспечить федеральной власти независимость и преобладание в силе.

Однако они были ограничены самими условиями стоявшей перед ними задачи. Ведь им было поручено не формирование правительства единого народа, а выработка условий объединения нескольких народов, и, каковы бы ни были их стремления, они не могли обойти вопрос о разделении полномочий различных органов власти.

Для того чтобы понять, к чему привело такое разделение, необходимо кратко охарактеризовать различные уровни власти.

Есть государственные дела, являющиеся по природе всенародными. Это значит, что они касаются народа, взятого в полном составе, и решения по этим делам может принимать лишь человек или собрание, наиболее полно представляющие весь народ. Таковы война и дипломатия.

Есть другие дела, являющиеся по природе местными, то есть относящиеся лишь к той или иной местности. Ими можно надлежащим образом управлять только на местах. К ним относится коммунальный бюджет.

Наконец, есть смешанные дела. Их можно назвать и всенародными, поскольку они касаются всех людей, составляющих народ, и местными, поскольку их решение не является заботой всего народа. Возьмем, например, гражданские и политические права. Они присущи любому общественному устройству и распространяются на всех граждан. Однако единообразие этих прав не всегда облегчает жизнь и способствует процветанию народа, и, следовательно, они не должны быть в ведении центральной власти.

Итак, в любом хорошо организованном обществе, независимо от того, какие принципы положены в его основу, всегда существуют две категории государственных дел.

Между двумя крайними точками имеется бесчисленное множество дел общего, но не всенародного характера, тех, которые я назвал смешанными. Поскольку такие дела не являются ни исключительно всенародными, ни полностью местными, они могут быть отданы в ведение центрального правительства или местного органа власти в зависимости от договоренности объединившихся сторон, и при этом объединению не будет нанесено никакого ущерба.

Чаще всего люди объединяются для создания верховной

власти, и вследствие такого объединения возникает народ. В этом случае, кроме образованного ими правительства, в обществе существуют сильные личности и влиятельные группы людей, однако и те и другие располагают лишь очень незначительной частью верховной власти. Поэтому не только чисто всенародные, но и большинство смешанных дел должны находиться в ведении правительства. У местных органов власти остается лишь та часть полномочий, которая необходима для благосостояния подчиненных им территорий.

Иногда вследствие событий, предшествующих объединению, верховная власть образуется из уже существующих политических организмов. Тогда в ведении местных органов власти могут оказаться не только чисто местные дела, но все или часть смешанных. Народы, которые до вступления в федерацию имели собственную верховную власть и которые, несмотря на вступление, в значительной мере сохраняют ее, уступают центральному правительству лишь полномочия, необходимые для существования Союза.

Когда центральному правительству, кроме прерогатив, свойственных ему по природе, принадлежит также право управлять смешанными государственными делами, то сила на его стороне. Дело не только в том, что оно имеет большие права, но и в том, что оно может наложить руку и на те права, которые ему не принадлежат. Возникает опасность, что оно в конце концов отберет у местных органов власти естественные и необходимые им полномочия.

И напротив, когда управление смешанными делами находится в ведении местных властей, в обществе проявляется противоположная тенденция. В этом случае сила на

стороне провинций, и опасность заключается в том, что центральное правительство может в конечном счете лишиться необходимых полномочий.

Так, в государствах, образованных одним народом, в силу их природы развивается централизация, а федерации движутся к распаду.

Теперь остается лишь применить эти общие идеи к американскому Союзу.

Само собой разумеется, что чисто местные дела исторически находились в ведении штатов.

Кроме того, штаты устанавливали гражданские и политические права, регулировали отношения между людьми, осуществляли правосудие. Все это—полномочия общего

характера, но не такие, которые обязательно должны входить в компетенцию центрального правительства.

Известно, что правительству Союза было предоставлено право распоряжаться от имени всего народа в тех случаях, когда народ должен выступать как единый и неделимый субъект. Оно представляет народ во взаимоотношениях с иностранцами, оно командует общими вооруженными силами в борьбе с общим врагом. Одним словом, оно занимается исключительно всенародными делами.

На первый взгляд может показаться, что на долю Союза приходится больше властных полномочий, чем на долю штатов. Однако даже поверхностное изучение этого вопроса убеждает, что в действительности Союз располагает меньшей властью, чем штаты.

Союзное правительство занимается делами широкого масштаба, но его деятельность редко бывает заметна. Правительство штата занимается более конкретными вещами, но оно действует постоянно и никогда не дает о себе забывать.

Центральное правительство печется об общих интересах страны, но ведь эти интересы не оказывают непосредственного влияния на личное благополучие граждан.

Напротив, дела штата имеют прямое отношение к благосостоянию его жителей.

Союз обеспечивает независимость и величие нации, но это вещи, которые не затрагивают непосредственно интересы частных лиц. Штат гарантирует свободу каждого гражданина, определяет его права, обеспечивает безопасность собственности, жизни, уверенность в будущем.

Федеральное правительство находится далеко от граждан, а правительство штата— близко, ему слышны все обращенные к нему голоса. В центральном правительстве идет борьба страстей нескольких выдающихся личностей, которые стремятся руководить его деятельностью. Правительство штата привлекает интерес людей, обладающих менее яркими дарованиями. Они связывают свои надежды на достижение влиятельного положения только со своим штатом. Но именно они, находясь в непосредственной близости с народом, имеют над ним наибольшую власть.

Таким образом, правительство штата внушает американцам больше надежд и опасений, чем центральное правительство. Вследствие естественного влечения человеческой души они значительно сильнее привязаны к штату, чем к Союзу.

В этом отношении привычки и чувства находятся в согласии с интересами.

Когда единая нация распадается на несколько суверенных народов, которые затем образуют федерацию, то вследствие давления воспоминаний, обычаев и традиций центральное правительство долго может располагать полномочиями, не предусмотренными законом. Если же народы, составляющие федерацию, создают единую верховную власть, те же причины действуют в обратном направлении. Если бы Франция превратилась в федеративную республику наподобие Соединенных Штатов, ее правительство, без сомнения, действовало бы на первых порах более энергично, чем правительство Союза. А если бы этот последний стал монархией, подобной французской, его правительство в течение какого-то времени сохраняло бы свою слабость. К тому времени, когда в Америке была создана государственность, штаты существовали уже давно. Внутри них между общинами и отдельными людьми возникли определенные отношения. У их жителей выработались общие взгляды на некоторые вопросы, они привыкли абсолютно самостоятельно заниматься некоторыми особо важными делами.

Союз представляет собой огромное образование, из-за своих размеров он не может быть предметом патриотизма. Штат имеет определенную форму и четкие границы, с ним связаны хорошо знакомые и дорогие его жителям вещи: привычный пейзаж, собственность, семья, образы прошлого, сегодняшняя работа, мечты о будущем. Поскольку пат-

риотизм чаще всего является проекцией индивидуального эгоизма на внешний мир, он замыкается в рамках штата, не переходя на Союз.

Таким образом, и интересы, и привычки, и чувства способствуют сосредоточению истинной политической жизни не в Союзе, а в штате.

О различии силы обоих правительств можно судить по тому, как каждое из них действует в пределах своих полномочий.

Обращаясь к отдельному человеку или объединению людей, правительство штата говорит ясным языком и повелительным тоном. То же можно сказать и о федеральном правительстве, когда оно говорит с частными лицами. Но когда оно имеет дело со штатом, оно перестает приказывать и начинает вести переговоры. Оно обосновывает причины своего поведения, приводит аргументы, дает советы. В случае возникновения сомнений о пределах конституционных полномочий каждого из правительств правительство штата смело отстаивает свои права и немедленно принимает энергичные меры, чтобы их защитить. А

правительство Союза тем временем рассуждает, призывает народ к здравому смыслу, напоминает ему о его интересах и его славе, оно медлит и уговаривает. Оно решается действовать лишь в самых крайних случаях. На первый взгляд может даже показаться, что именно в руках провинциальных правительств и сосредоточена власть над всем государством, а конгресс представляет только один штат.

Федеральное правительство, несмотря на старания своих создателей, является слабым, и ему больше, чем какому-либо другому органу власти, требуется добровольная поддержка граждан.

Совершенно ясно, что оно было устроено так, чтобы без затруднений воплощать в жизнь волю штатов к сохранению Союза. И оно мудро, энергично и умело выполняет эту свою основную функцию. Благодаря своей структуре оно обычно имеет дело лишь с частными лицами, и ему легко преодолеть любое сопротивление общей воле. В то же время федеральное правительство создавалось без расчета на то, что все штаты или некоторые из них могут изъявить желание выйти из Союза.

Если бы верховная власть штатов и Союза вступила в борьбу, то Союз, безусловно, потерпел бы поражение. Впрочем, весьма сомнительно, чтобы между ними могла завязаться серьезная борьба. Ведь всякий раз, когда штат оказывает упорное сопротивление федеральному правительству, оно отступает. По опыту известно, что, если какой-либо штат сильно желал и решительно требовал чего-либо, он всегда этого добивался, а также если он категорически отказывался делать что-либо, никто ему в этом не препятствовал[53].

Но даже если бы союзное правительство обладало достаточной силой, конкретные условия жизни страны затруднили бы ему ее использование *54*.

Соединенные Штаты занимают огромную территорию, они разделены большими расстояниями, их население разбросано в этой еще полупустынной стране. И если бы Союз захотел силой оружия принудить членов федерации к выполнению долга, то он оказался бы в таком же положении, в каком была Англия во время Войны за независимость. Кроме того, даже сильному правительству трудно пренебречь каким-либо принципом, если оно однажды положило его в основу своего государственного права Федерация была основана вследствие свободного волеизъявления штатов, которые, объединившись, отнюдь не лишились своеобразия, их население не превратилось в единый народ. Если бы сегодня один из штатов захотел выйти из Союза, было бы нелегко доказать ему, что он не имеет на это права. И

федеральное правительство не могло бы считать себя вправе воспользоваться силой или властью для того, чтобы переубедить его.

Как свидетельствует история федераций, федеральное правительство легко может сломить сопротивление субъектов федерации в том случае, если один из них или несколько кровно заинтересованы в существовании Союза.

[53] Ср. позицию северных штатов во время войны 1812 года. «Во время этой войны, — пишет Джефферсон в письме к генералу Лафайету 17 марта 1817 года, — четыре восточных штата были связаны с остальной частью Союза, как труп с живым человеком». (Переписка Джефферсона, опубликованная господином Консейем.)

[54] Поскольку в Союзе царит мир, у его правительства нет повода для того, чтобы создать постоянную армию. А без постоянной армии правительство не располагает возможностью при случае, воспользовавшись благоприятными обстоятельствами, сломить сопротивление и быстро расправиться с суверенной властью.

Я полагаю, что некоторым из штатов, объединившихся в федерацию, Союз приносит больше выгоды, чем другим, они полностью обязаны своим процветанием существованию Союза. Такие штаты, естественно, служат прочной опорой центральной власти в ее стремлении держать в повиновении все остальные штаты. В этом случае центральная власть черпает силу не в себе самой, она обретает ее, действуя наперекор своей природе. Ведь объединяясь, народы рассчитывают извлекать равные выгоды из своего союза, а мы видим, что мощь федерального правительства порождается их неравенством.

Я допускаю также, что один из штатов, входящих в федерацию, может приобрести достаточный вес для того, чтобы диктовать свою волю центральным властям. Тогда, считая, что все остальные штаты находятся в его власти, он начинает защищать лишь свой собственный суверенитет, прикрываясь суверенитетом Союза. От имени федерального правительства принимаются важные решения, но на деле это правительство уже не имеет никакой власти [55].

В обоих случаях власть, действующая от имени федерации, усиливается по мере того, как эта последняя теряет свои естественные и основные черты.

Союз, существующий в настоящее время в Америке, приносит пользу всем штатам, но не является условием существования ни

одного из них. Даже если несколько штатов выйдут из федерации, они не нанесут вреда другим, хотя в целом их положение ухудшится. Поскольку жизнь и благополучие штатов лишь частично зависят от существующей в настоящее время федерации, ни один штат не склонен идти на большие жертвы для ее сохранения.

В то же время нет ни одного штата, который бы из властолюбивых побуждений был заинтересован в сохранении ныне существующей федерации. Конечно, не все штаты оказывают одинаковое влияние на федеральные органы, но нет ни одного, который бы занимал в них преобладающее место и мог считать, что другие штаты стоят ниже него или зависят от него.

Нет никакого сомнения в том, что если бы какая-либо часть Союза всерьез захотела выйти из федерации, то другая часть не только не смогла бы ей в этом воспрепятствовать, но и не стала бы этого делать. Нынешний Союз будет существовать до тех пор, пока такова будет воля всех составляющих его штатов.

В связи с вышеизложенным наша задача упрощается: мы должны ответить на вопрос о том, захотят ли входящие в федерацию штаты сохранить ее, а не о том, смогут ли они из нее выйти.

Среди многих причин, благодаря которым Союз приносит пользу американцам, есть две основные, не вызывающие сомнений ни у кого.

Хотя на своем континенте у американцев нет соседей, их соседями являются все те народы, с которыми они ведут торговлю. Несмотря на то что у них как будто бы нет врагов, им необходимо быть сильными, а силу они черпают в единстве.

В случае развала Союза штаты не только стали бы слабее по сравнению с другими народами, но возникли бы различные народы на их собственном континенте. Им пришлось бы создавать внутри штатов таможни, разделить между собой реки, и все это значительно замедлило бы освоение огромной территории, дарованной им Богом.

Сегодня им не надо опасаться вторжения извне, следовательно, нет нужды содержать армию, облагать население высокими налогами. Если же Союз распадется, эти мероприятия сразу же станут необходимыми.

Следовательно, американцы глубоко заинтересованы в Союзе.

Кроме того, можно сказать, что в настоящее время выход из Союза не принес бы никакой материальной выгоды ни одной из его частей.

Если вы посмотрите на карту Соединенных Штатов, то увидите горы Аллеганы, протянувшиеся с севера-востока на юго-

запад на 400 лье. Можно подумать, что само Провидение захотело воздвигнуть между бассейном Миссури и побережьем Атлантического океана естественную преграду, которая бы мешала постоянным контактам людей и представляла собой естественную границу проживания разных народов.

[55] Так, провинция Голландия в республике Нидерланды и император Германской Конфедерации не раз выступали от имени своих союзов, используя мощь конфедерации в своих собственных интересах,

270

Но *средняя* высота Аллеган не превышает 800 метров[56]. Их округлые вершины и пересекающие их широкие долины легко доступны. Более того, самые крупные реки, впадающие в Атлантический океан, такие, как Гудзон, Саскачеван, Потомак, берут свое начало за Аллеганами на открытом плато, граничащем с бассейном Миссисипи. Отсюда [57] они прокладывают себе путь через горы, которые, казалось бы, должны были заставить их повернуть на запад, и создают естественные пути для продвижения человека

Таким образом, различные части страны, в которой в наши дни живут англоамериканцы, не разделены никакими преградами. Аллеганы не только не отделяют один народ от другого, они не являются даже границами штатов. Они расположены в штатах НьюЙорк, Пенсильвания и Виргиния, территория которых простирается на запад и на восток от этих гор[58].

24 штата Союза и 3 крупных округа, которые еще не являются штатами, хотя они уже заселены, занимают территорию в 131 144 квадратных лье[59], то есть их площадь в пять раз превышает площадь Франции. Здесь имеются различные почвы и климатические зоны, разнообразный растительный мир.

Именно из-за того, что англоамериканские республики занимают такое огромное пространство, многие сомневаются в долговечности их союза. В связи с этим нужно разграничить разные явления. Подчас в провинциях больших империй возникают противоположные интересы, из-за которых они в конце концов вступают в борьбу. Но если у людей, живущих на обширной территории, нет противоположных интересов, то сами размеры страны способствуют их процветанию. Ведь единое правительство значительно облегчает организацию обмена товаров, содействует их сбыту и увеличивает их ценность.

И хотя интересы жителей разных частей Союза не одинаковы, между ними нет противоречий.

Южные штаты почти исключительно земледельческие, в северных особенно развиты промышленность и торговля, на Западе одинаково процветают и промышленность и земледелие. На Юге выращивают табак, рис, хлопок и сахар, на Севере и Западе — кукурузу и пшеницу. Источники обогащения различны, но общим и благоприятным для всех условием обогащения является Союз.

Север, который вывозит товары, производимые англоамериканцами, во все части света, а тех снабжает иностранными товарами, конечно, заинтересован в сохранении федерации в ее нынешнем виде. Ему это нужно для того, чтобы количество американских производителей и потребителей, которых он обслуживает, не уменьшалось. Север является самым естественным посредником между южной и западной частями Союза, с одной стороны, и всем остальным миром — с другой, и он, безусловно, хочет, чтобы Юг и Запад были частями единого целого и процветали. При этом условии они будут поставлять сырье для его промышленности и груз для его кораблей.

В свою очередь Юг и Запад еще больше заинтересованы в существовании Союза и процветании Севера. Значительная часть товаров, производимых на Юге, является предметом экспорта, поэтому и Юг и Запад нуждаются в посредничестве Севера Для них естественно желание видеть Союз сильной морской державой, которая могла бы действенно защищать их интересы. И хотя у них самих нет кораблей, они должны без всяких оговорок участвовать в расходах на строительство флота Ведь если европейские корабли закроют выход из южных портов или у дельты Миссисипи, что станет с рисом Южной и Северной Каролины, с табаком Виргинии, с сахаром и хлопком, выращиваемыми в долине Миссисипи? Таким образом, весь федеральный бюджет расходуется на охрану материальных интересов, общих для всех членов федерации.

[56]Средняя высота Аллеган, по свидетельству Вольне (Картины из жизни Соединенных Штатов, с.33), от 700 до 800 метров, по свидетельству Дарий — от 5000 до 6000 футов. Наивысшая точка Вогезов —1400 метров над уровнем моря.

[57] См.: *Дарби. Обзор* Соединенных Штатов, с. 64, 79.

[58] Аллеганы не так высоки и не так труднопроходимы, как Вогезы. В связи с этим восточные склоны Аллеган так же естественно связаны с долиной Миссисипи, как Франш-Конте, верхняя Бургундия и Эльзас с Францией.

[59]1002 600 квадратных миль. См.: *Дарби.* Обзор Соединенных Штатов, с.435.

Союз Юга и Запада с Севером выгоден им не только с коммерческой точки зрения, они извлекают из него большую пользу и в области политики.

На Юге живет огромное количество рабов. Они опасны уже сейчас и могут стать еще более опасными в будущем.

Западные штаты расположены на территории, по обе стороны которой тянутся горы. Реки, которые протекают в этих штатах, берут свое начало в Скалистых горах или Аллеганах, впадают в Миссисипи, которая несет свои воды в Мексиканский залив. Из-за своего географического положения западные штаты полностью отрезаны от европейской культуры и цивилизации.

В связи с этим южане должны быть заинтересованы в существовании Союза, чтобы не остаться один на один с чернокожими, а жители Запада — чтобы не оказаться в своей стране в изоляции, без всяких связей с внешним миром.

Север в свою очередь не может желать распада Союза, так как он хочет по-прежнему оставаться звеном, связывающим эту большую страну со всем остальным миром.

Мы видим, что материальные интересы всех частей Союза тесно связаны.

То же можно сказать об убеждениях и чувствах, то есть о нематериальных интересах людей.

Жители Соединенных Штатов много говорят о своей любви к родине, но мне их рассудочный патриотизм не внушает доверия. Он основан на интересах и может быть разрушен при их перемене. Я также не придаю большого значения словам американцев, когда они постоянно говорят о желании сохранить федеральную систему, созданную их отцами.

Массы граждан живут под властью одного правительства не столько из-за сознательной воли к единству, сколько в силу инстинктивного и в каком-то смысле бессознательного единства, порожденного близостью чувств и убеждений. Я никогда не соглашусь с мнением, что общество может возникнуть только вследствие признания власти одного правителя и повиновения определенным законам. Общество возникает, когда люди имеют одинаковые взгляды и мнения о многих вещах, когда многие события вызывают у них одинаковые впечатления и наводят на сходные мысли.

Рассматривая под этим углом зрения Соединенные Штаты, нетрудно заметить, что, несмотря на то что эта страна разделена на двадцать четыре независимых штата, ее жители составляют единый народ. Иногда даже появляется мысль, что существование общества в англоамериканском Союзе представляет собой более

весомую реальность, чем в некоторых европейских странах, несмотря на то что эти последние живут по единым законам и подчиняются одному человеку.

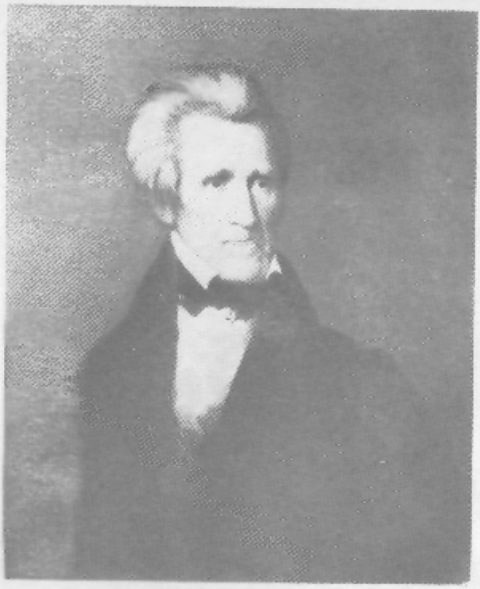
На территории Соединенных Штатов существует несколько вероисповеданий, но все американцы едины в своем отношении к религии.

У них есть разногласия по поводу эффективных способов правления и разнообразия его конкретных форм, но царит полное единодушие по поводу основных принципов управления обществом. От Мэна до Флориды, от Миссури до Атлантического океана все полагают, что основой законной власти является народ. У них одинаковые взгляды на свободу и равенство, они одинаково смотрят на прессу, право на объединения, суд присяжных и ответственных представителей власти.

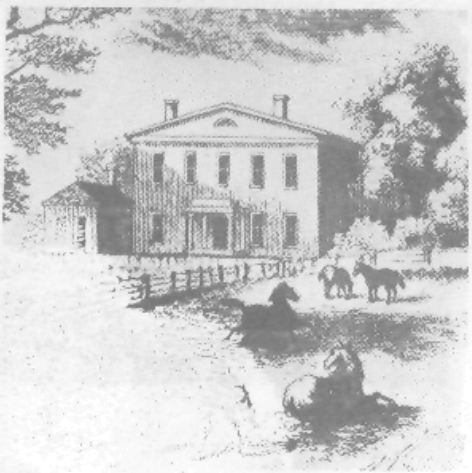
То же согласие наблюдается и в философских и моральных убеждениях, которые лежат в основе их поведения в повседневной жизни.

Англоамериканцы [60] видят основу морали в общественном разуме так же, как основу законности политической власти в ее всеобщем признании гражданами. По их мнению, чтобы отличить дозволенное от недозволенного и истинное от ложного, следует полагаться на общественное сознание. Большинство американцев считают, что правильное понимание личного интереса достаточно для того, чтобы вести человека по верному и честному пути. Каждый человек имеет врожденную способность управлять собой, и никто не имеет права навязывать себе подобным свое понимание счастья. Американцы искренне верят в совершенство человека и полагают, что распространение знаний неизбежно приводит к положительным результатам, а невежество — к печальным последствиям. Они смотрят на человеческое общество как на развиваю-

[60] Нет необходимости, я думаю, объяснять, что, говоря об англоамериканцах, я имею в виду большинство населения, за пределами которого всегда могут быть люди, исповедующие другие убеждения.

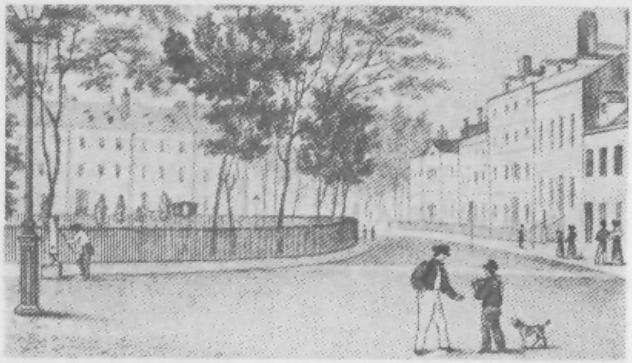
Эндрю Джэксон, президент США в 1829–1837гг.
Портрет работы Э.Б.Дюранда, 1835 г.

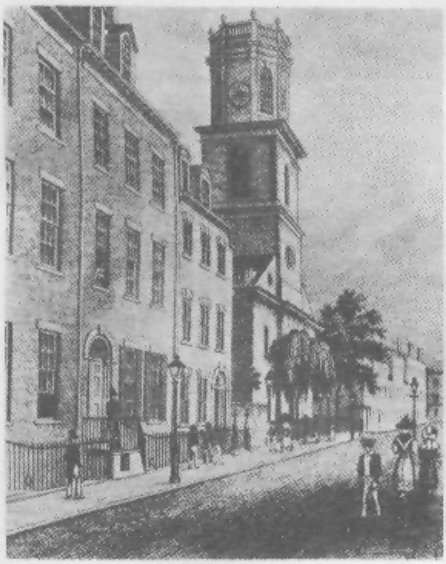
Эрмитаж. Дом Э.Джэксона.

Вид на Капитолий с запада,
1830-е гг.

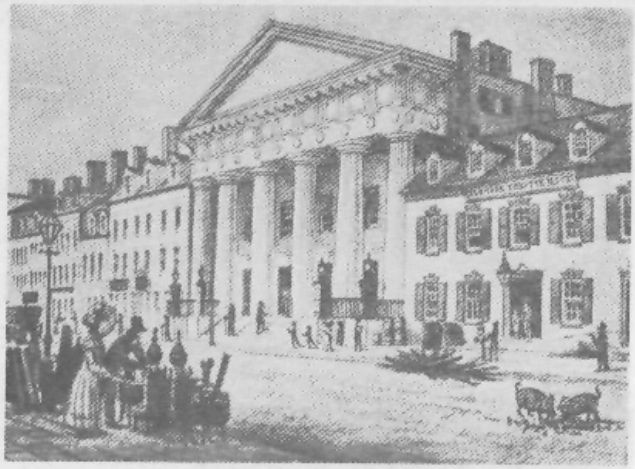

Баулинг Грин, фешенебельная часть Нью-Йорка, 1830 г.

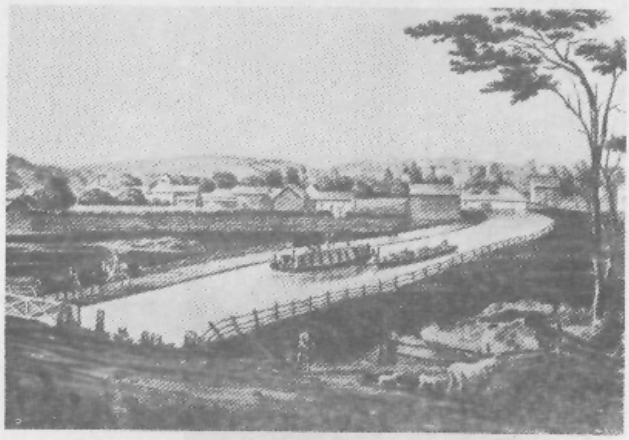

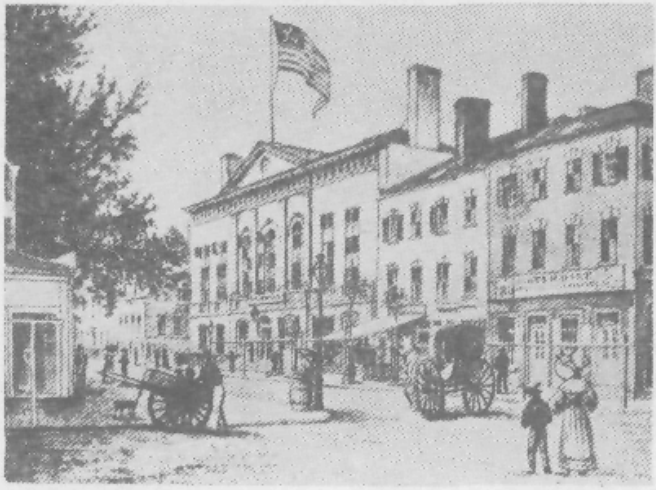
Церковь св. Георгия на Бикман-стрит, Нью-Йорк, 1830 г.

Театр Бауэри,
Нью-Йорк,
1830 г.

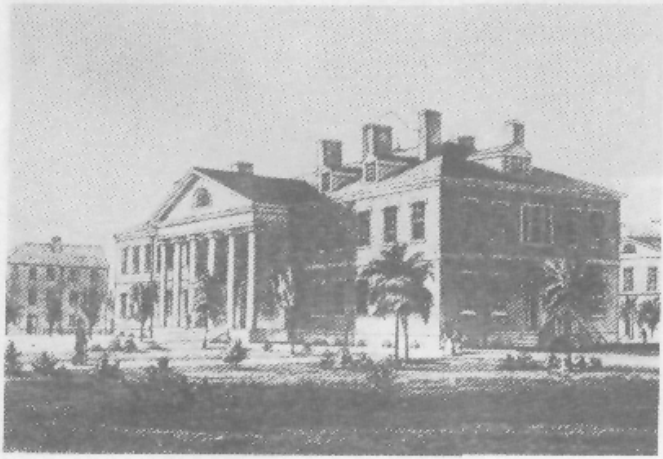

Канал Эри,
1830-1831 гг.

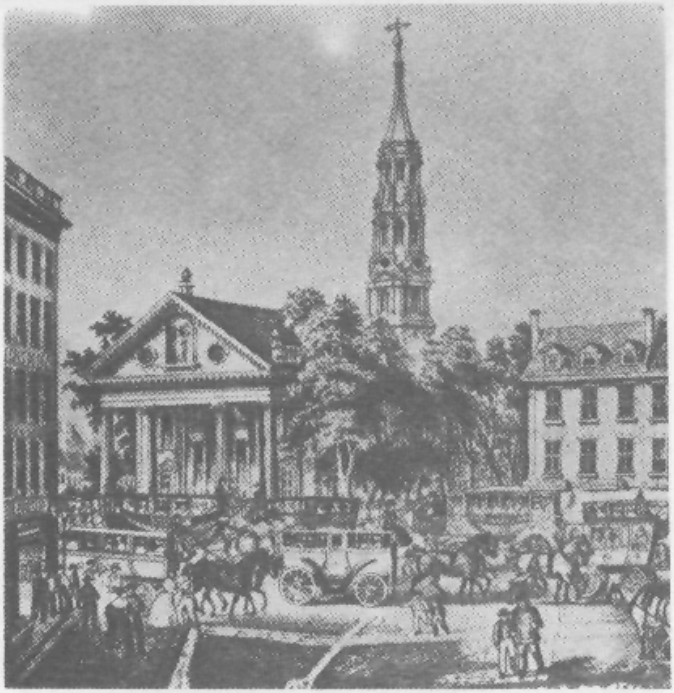

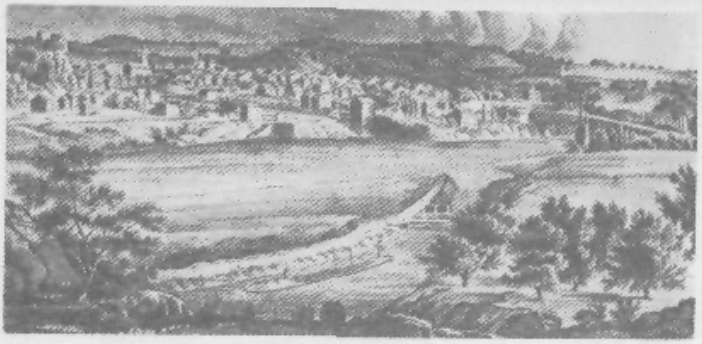
Гостиница «Вашингтон» на Бродвее, Нью-Йорк, 1831 г. Рисунок Ч.Бертона.

Государственный департамент, 1831 г.

Церковь св. Павла в Нью-Йорке, 1831 г.

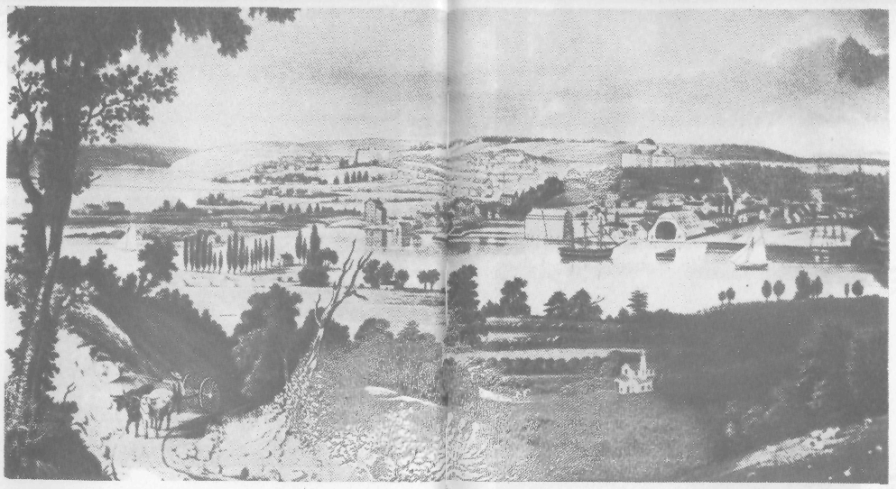

Канал Истон, Пенсильвания, 1831 г.

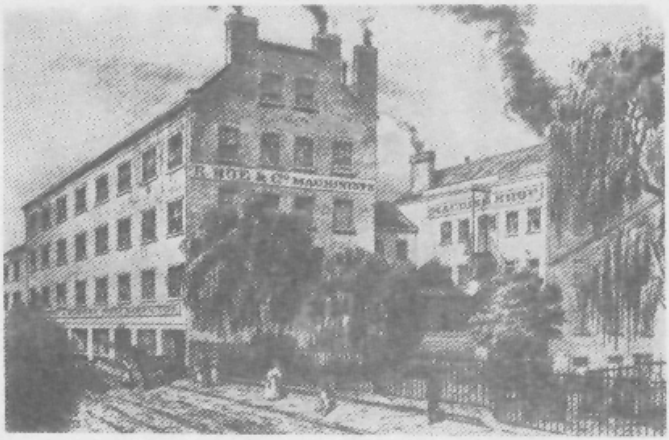

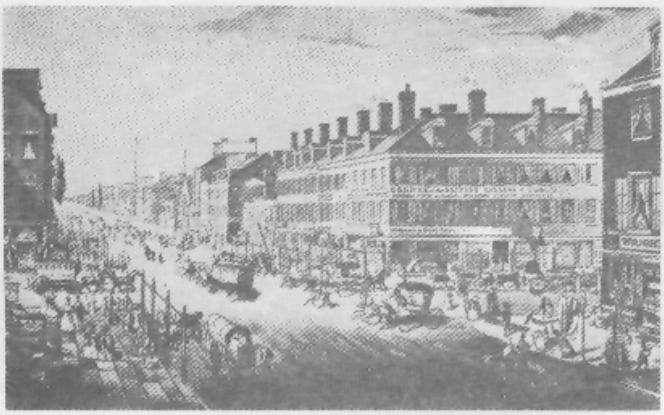
Пожар в Бостоне, 1832 г.

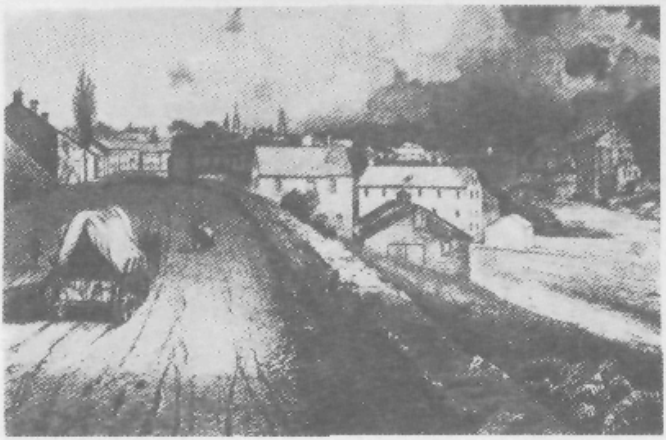
Вашингтонская судоверфь,
1833 г.

Типография Роберта Хоу и К°, Нью-Йорк, 1833 г.

Бродвей, Нью-Йорк, 1834 г.

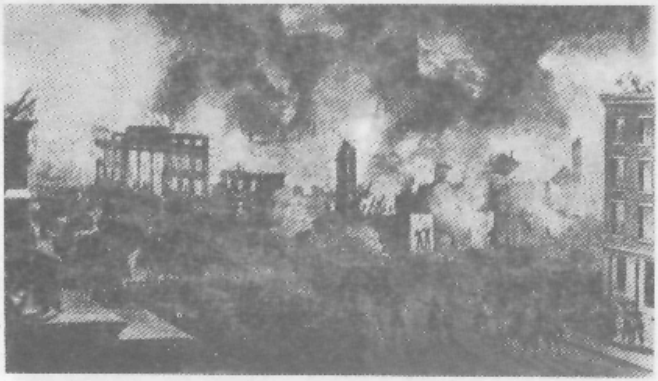

Текстильные фабрики в Потаксте, 1835 г.

Канал Ридинг, Пенсильвания, 1834 г.

Пожар в Нью-Йорке 16—17 декабря 1835 г.

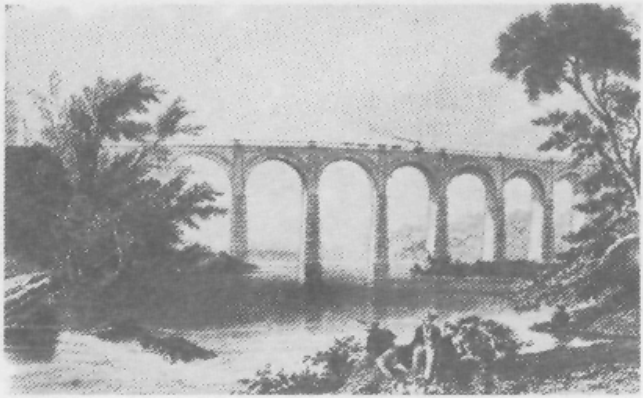

Железная дорога от Скенектади (Нью-Йорк) до Утики, 1836 г.

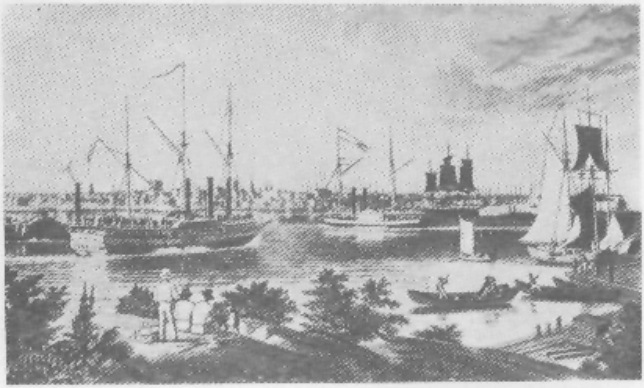

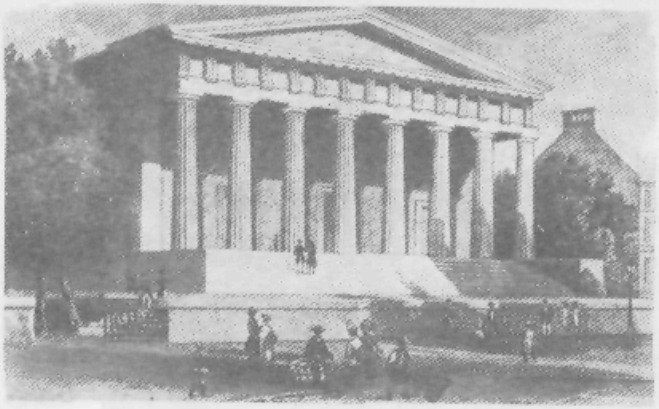
Харперс-ферри,
переправа через р.
Потомак,
1840 г.

Виадук на вашингтонском участке железной дороги Балтимор - Огайо, 1836 г.

Детройт. Вид с канадского берега, 1836 г.

Банк Соединенных Штатов, Филадельфия, 1840 г.

Фултоновский рынок в Нью-Йорке, 1840 г.

Старая Голландская церковь в Спящей Лощине.

щийся организм, в котором не может и не должно быть ничего незыблемого. То, что кажется им хорошим, может быть заменено в будущем на лучшее, но сегодня еще неведомое.

Дело не в том, что все эти идеи правильны, а в том, что они общепризнаны в Америке.

Кроме идей, объединяющих англоамериканцев, у них есть еще чувство гордости, отличающее их от всех остальных народов.

В течение пятидесяти лет жителям Соединенных Штатов без конца твердят, что они являются единственным религиозным, просвещенным и свободным народом. Тот факт, что до настоящего времени демократические учреждения с успехом функционируют у них и терпят крах во всех других странах мира, порождает в них огромное самомнение. Им даже близка мысль о том, что они являются совершенно особенными людьми.

Итак, угроза существованию американского Союза заключается не в многообразии убеждений или интересов, а в различии характеров и страстей американцев.

Хотя почти все обитатели огромной территории Соединенных Штатов являются выходцами из одной страны, со временем из-за климата и в еще большей степени из-за рабства в характере англичан с Юга появились черты, сильно отличающие их от англичан с Севера.

У нас бытует мнение, что из-за существования рабства интересы одной части Союза входят в противоречие с интересами другой его части. Я решительно не согласен с этим. Рабство не создает противоречий между интересами Юга и Севера; однако оно изменило характер южан, привило им черты, не свойственные северянам.

Я уже говорил о том, какое влияние оказало рабство на развитие торговли на Юге Соединенных Штатов. Не меньшее влияние оно оказало и на нравы южан.

Раб никогда не спорит, он подчиняется всему безропотно. Иногда, правда, он убивает своего хозяина, но никогда ему не противостоит. На Юге даже самые бедные семьи имеют рабов. С самого раннего детства южанин чувствует себя кем-то вроде домашнего диктатора. Делая первые шаги в жизни, он узнает, что он рожден для того, чтобы распоряжаться, и приобретает привычку господствовать, не встречая сопротивления. Из-за такого воспитания южане часто бывают высокомерны, нетерпеливы, раздражительны, вспыльчивы, безудержны в желаниях. Они страстно желают борьбы, но быстро отчаиваются, если победа требует длительных усилий.

Северяне не окружены с колыбели рабами. У них нет и свободных слуг, и чаще всего они вынуждены заботиться о себе сами. С юных лет они, оказываясь в различных обстоятельствах, проникаются мыслью о своей самостоятельности и учатся точно оценивать естественные пределы своих возможностей. Они отнюдь не рассчитывают силой сломить тех, кто действует против их воли. Им известно, что для того, чтобы получить поддержку людей, нужно заслужить их расположение. Поэтому они терпеливы, рассудительны, терпимы, неторопливы в действиях и

упорны в достижении своих замыслов.

В южных штатах самые насущные потребности человека никогда не остаются неудовлетворенными. Южанам нет надобности думать о материальной стороне жизни, за них об этом думают другие. Заботы о повседневной жизни не занимают их воображение, поэтому оно направлено на более возвышенные, но менее определенные вещи. Они любят величие, роскошь, славу, шум, удовольствия и особенно праздность. Жизнь не требует от них никаких усилий, и, поскольку труд не является для них необходимостью, они впадают в оцепенение и не делают даже того, что могло бы принести им пользу.

Жители Севера имеют одинаковый достаток, здесь нет рабства, и северяне поглощены теми самыми повседневными заботами, которые так презирают белые южане. Северяне с детства вступают в схватку с нищетой и привыкают ценить обеспеченную жизнь выше всех умственных и душевных наслаждений. Из-за сосредоточенности на мелочах у них слабеет воображение, они не богаты отвлеченными мыслями, но мыслят практически, ясно и точно. Поскольку все усилия их ума направлены на единственную цель — достижение благосостояния, они неизменно его достигают. Они прекрасно умеют использовать природу и людей для производства материальных благ и виртуозно владеют искусством создания в обществе условий, способствующих процветанию

каждого его члена, а также использования присущего человеку эгоизма для всеобщего блага.

Северяне обладают не только опытом, но и знаниями, однако наука для них не удовольствие, они видят в ней средство достижения своей цели и неутомимо овладевают теми ее областями, которые имеют практическое применение.

Южане непосредственны, остроумны, открыты, великодушны, интеллектуальны и блестящи.

Северяне активны, рассудительны, образованны и искусны.

Первые обладают вкусами, предрассудками, слабостями и благородством, присущими аристократам.

Вторые — достоинствами и недостатками, свойственными среднему классу.

Если в союз объединяются два человека, имеющие общие интересы и отчасти общие убеждения, но разные характеры, уровень знаний и культуры, то очень вероятно, что им будет трудно жить в согласии. То же можно сказать и о союзе наций.

Рабство вредит американской федерации не путем прямого

ущемления ее интересов, а косвенно, путем воздействия на нравы людей.

В 1790 году федеративный договор был подписан тринадцатью штатами, сегодня в федерации двадцать четыре штата. Население, насчитывавшее в 1790 году около четырех миллионов человек, за сорок лет увеличилось в четыре раза, и в 1830 году в федерации было около тринадцати миллионов человек[61].

Подобные изменения всегда таят в себе опасность.

Существуют три основных условия, обеспечивающих долговечность союза наций или индивидуумов: — это мудрость его членов, их индивидуальная слабость и ограниченное число.

На освоение Запада от берегов Атлантического океана идут люди, не терпящие никакого гнета, жадно стремящиеся к обогащению и нередко изгнанные из своих родных штатов. Они не знакомы друг с другом. В западной глуши еще нет ни традиций, ни семейного духа, ни добрых примеров, которые могли бы их сдерживать. Они не склонны повиноваться законам, да и нравы не оказывают на них большого влияния. Следовательно, те, кто сегодня заселяет долину Миссисипи, стоят во многих отношениях ниже, чем те, кто живет на первоначальной территории Союза. Однако их голос уже громко раздается в органах правления Союза, и таким образом они участвуют в управлении общими делами, не умея управлять собой [62].

Вероятность долговечности союза тем выше, чем слабее каждый из его членов, так как в этом случае залогом их безопасности является единство. В 1790 году самая населенная из американских республик насчитывала пятьсот тысяч жителей[63], и все они чувствовали, что они слишком малочисленны для того, чтобы стать независимыми народами. В то время необходимость подчиняться федеральным властям не вызывала у них протеста. Но когда население какого-либо федерального штата доходит до двух миллионов человек, как это наблюдается в штате Нью-Йорк, а его территория становится равной четвертой части территории Франции[64], он начинает ощущать свою силу. И хотя он попрежнему желает сохранить способствующий его благополучию союз, он не рассматривает его как необходимое условие своего существования. Соглашаясь оставаться в Союзе, он в то же время хочет играть в нем преобладающую роль.

Одно только увеличение количества членов Союза может стать мощным толчком к его разрушению. Даже у людей, придерживающихся одинаковых взглядов, не всегда совпадают точки зрения. Это тем более верно при различии в убеждениях.

Поэтому, по мере того как растет количество американских республик, становится все труднее достичь согласия по поводу общих для всех законов.

[61] По переписи 1790 года — 3 929 328; 1830 года — 12 856 163.

[62]Конечно, это лишь мимолетная опасность. Со временем и на Западе выработается и укрепится общественная жизнь, как это уже произошло на берегах Атлантического океана.

[63]В Пенсильвании в 1790 году проживало 431 373 человека.

[64] Площадь штата Нью-Йорк составляет 6 213 квадратных лье (500 квадратных миль). См.: *Дарби.* Обзор Соединенных Штатов, с. 435.

Сегодня интересы членов Союза не вступают в противоречие, но кто может сказать, какие изменения произойдут в ближайшем будущем в стране, где каждый день возникают новые города, а каждое пятилетие — новые народы?

Со времени появления английских колоний количество их жителей увеличивается почти вдвое каждые двадцать два года. Нет никаких причин, которые могли бы остановить этот рост в ближайшие сто лет. До окончания этого столетия на территории, которую занимают и на которую претендуют Соединенные Штаты, будет насчитываться сорок штатов, в которых будет жить более ста миллионов человек [65].

Даже если допустить, что все эти сто миллионов человек будут иметь общие интересы и одинаково понимать выгоды сохранения Союза, тот факт, что они будут разделены на сорок различных и неравных по силе народов, превращает возможность сохранения федеральной формы правления в счастливую случайность.

Конечно, можно упомянуть здесь способность человека к самоусовершенствованию. Но для того, чтобы правительство, ставящее себе целью объединить сорок различных народов, живущих на территории, равной половине Европы [66], предотвращать их соперничество, властолюбие, столкновения и направлять их свободную волю на выполнение общих замыслов, могло быть долговечным, человеческая природа должна претерпеть глубокие изменения.

Однако самая большая опасность, связанная с ростом Союза, таится в постоянном передвижении сил, которое в нем наблюдается.

От берегов озера Верхнее до Мексиканского залива по прямой линии насчитывается около четырехсот французских лье. Вдоль

этой бесконечной линии тянется граница Соединенных Штатов. Иногда она отступает от этой линии в глубь страны, но чаще всего она заходит далеко за нее и тянется по пустынным местам. Подсчитано, что по всему этому широкому фронту белые передвигаются в среднем на семь лье в год[67]. Время от времени они встречают на своем пути какое-либо неожиданное препятствие: неплодородные земли, озеро или индейское племя. Тогда люди, идущие по всему фронту, останавливаются и скапливаются на какой-либо территории, после чего движение возобновляется. В этом постепенном и непрерывном перемещении европейцев к Скалистым горам есть что-то от чуда. Количество людей, ежедневно отправляющихся в путь по воле Господа, постоянно растет.

По мере продвижения этого фронта на новых землях строятся города, возникают обширные штаты. В 1790 году в долинах Миссисипи жило не более нескольких тысяч пионеров. Сегодня там живет столько же человек, сколько насчитывалось во всем Союзе в 1790 году, то есть около четырех миллионов[68]. Город Вашингтон был основан в 1800 году в центре американской федерации, теперь он находится на одной из ее окраин. Для того чтобы явиться на заседания конгресса, депутатам самых западных штатов [69] надо преодолеть расстояние, равное расстоянию между Веной и Парижем.

Все штаты Союза одинаково стремятся к богатству, но они не могут расти и процветать в одинаковой степени.

На севере Союза отдельные отроги Аллеган доходят до Атлантического океана и образуют большие рейды и порты, в которые всегда могут заходить самые

[65]Если в течение еще одного столетия население Соединенных Штатов будет удваиваться каждые двадцать два года, гак это уже происходило в течение двух столетий, то в 1852 году там будет насчитываться двадцать четыре миллиона жителей, в 1874-м — сорок восемь миллионов и в 1896 году — девяносто шесть миллионов. Это может произойти, даже если земли на восточных склонах Скалистых гор окажутся непригодными для земледелия. На уже занятых землях вполне может жить указанное количество людей. Если в двадцати четырех штатах и на трех территориях, входящих в настоящее время в Союз, будет проживать сто миллионов человек, то плотность населения страны будет составлять 762 человека на квадратное лье, то есть будет значительно ниже, чем плотность населения Франции, составляющая 1006 человек на квадратное лье, и Англии — 1457 человек. Она будет даже ниже плотности населения Швейцарии, где, несмотря на озера и горы, плотность

населения составляет 783 человека на квадратное лье. См.: *Мальт-Брюн,* т.VI, с. 92.

[66]Площадь Соединенных Штатов равна 295 тысячам квадратных лье, площадь Европы, по Мальт-Брюну (т. VI, с.4), — 500 тысяч.

[67] См.: Законодательные документы, 20-й конгресс, №117, *с.* 105.

[68] 3 672 371, по переписи 1830 года.

[69] Расстояние от Джефферсона, столицы штата Миссури, до Вашингтона составляет 1019 миль, или 420 почтовых лье (Американский альманах, 1831, с. 48).

крупные корабли. Но от Потомака до устья Миссисипи тянутся плоские песчаные берега. В этой части Союза выход кораблей из рек в океан затруднен, а встречающиеся местами в этих лагунах порты не глубоки и менее удобны для захода торговых кораблей, чем северные.

Кроме этого чисто природного неудобства, есть и другое, порожденное законами.

Тогда как на Севере рабство отменено, на Юге оно существует и оказывает, как я уже говорил, пагубное влияние на благосостояние хозяев.

Север вынужден быть более активным в торговле[70] и промышленности, чем Юг, естественно, рост населения и процесс обогащения идут там быстрее.

Штаты, соседствующие с Атлантическим океаном, уже наполовину заселены. Большая часть земли находится в чьем-либо владении. Поэтому они не могут принимать столько эмигрантов, сколько их принимают западные штаты, все еще представляющие собой безграничное поле деятельности. Бассейн Миссисипи значительно более плодороден, чем побережье Атлантического океана. По этой причине и по многим другим основная часть европейцев едет на Запад. Это можно строго доказать, приведя цифры.

Рассматривая всю территорию Соединенных Штатов, мы обнаруживаем, что за сорок лет их население почти утроилось. Что же касается бассейна Миссисипи, то за то же время его население[71] увеличилось в тридцать один раз[72].

Центр основных сил федерации постоянно перемещается. Сорок лет тому назад основная часть граждан Союза жила на берегу моря, недалеко от того места, где сейчас находится город Вашингтон. Теперь она располагается дальше от моря и севернее, и нет сомнения в том, что не пройдет и двадцати лет, как она

переместится за Аллеганы. Если Союз будет существовать, то бассейн Миссисипи благодаря своему плодородию и размерам обязательно станет постоянным центром основных сил федерации. Через тридцать или сорок лет бассейн Миссисипи займет подобающее ему место. Нетрудно подсчитать, что соотношение его населения и населения штатов, расположенных на берегах Атлантического океана, будет приблизительно составлять 40 : 11. Пройдет еще несколько лет, и штаты, основавшие Союз, окончательно лишатся своей руководящей роли; в федеральных органах будут господствовать представители населения долины Миссисипи.

Постоянное перемещение сил и влияния на северо-запад обнаруживается раз в десять лет, когда после всеобщей переписи населения определяется количество представителей, посылаемых каждым штатом в конгресс[73].

[70] Для того чтобы составить себе представление о различиях развития торговли на Юге и на Севере, достаточно ознакомиться со следующими данными: в 1829 году водоизмещение крупных и мелких торговых кораблей, принадлежавших Виргинии, двум Каролинам и Джорджии (четырем крупным южным штатам), составляло лишь 5243 тонны.

В том же году водоизмещение кораблей одного штата Массачусетс составляло 17 322 тонны. (Законодательные документы, 21-й конгресс, 2-я сессия, №140, с. 244.) Таким образом, один этот штат имел в три раза больше кораблей, чем четыре указанных штата.

Следует заметить, что площадь штата Массачусетс составляет 959 квадратных лье (7335 квадратных миль), а население — 610 014 человек, в то время как упомянутые четыре штата занимают площадь в 27 204 квадратных лье (210 000 миль), а их население составляет 3 047 767 человек. Таким образом, площадь Массачусетса составляет третью часть от площади этих четырех штатов, и он насчитывает в пять раз меньше жителей. (*Дарби.* Обзор Соединенных Штатов.) Рабство во многих отношениях вредит развитию торговли на Юге: оно лишает белых предприимчивости, из-за него же белые не могут найти необходимых для торгового флота матросов. Моряками обычно становятся выходцы из низших слоев населения. А на Юге к этим слоям относятся рабы, которых трудно использовать в море: во-первых, они будут хуже справляться со своими обязанностями, чем белые, а во-вторых, всегда будет опасение, как бы они не взбунтовались посреди океана или не сбежали, когда корабль пристанет к чужим берегам.

[71] *Дарби,* Обзор Соединенных Штатов, с. 444.

[72]Говоря о бассейне Миссисипи, я не включаю в него штаты Нью-Йорк, Пенсильванию и Виргинию, хотя они тоже находятся на его территории.

[73]В результате переписи обнаруживается, что за десять истекших лет в одном штате, например в штате Делавэр, население увеличилось на 5 процентов, а в другом — Мичигане — на 250 процентов. В Виргинии за это время население выросло на 13 процентов, а в соседнем штате Огайо —· на 61 процент. См. сводную таблицу в Национальном календаре, из которой видно, насколько неодинаково развиваются различные штаты.

В 1790 году Виргиния имела в конгрессе девятнадцать представителей. Их число росло, и в 1813 году их уже было тридцать три. Затем оно начало снижаться,и в 1833 году она имела двадцать одного представителя[74]. В то же самое время в штате Нью-Йорк происходил противоположный процесс: в 1790 году он имел в конгрессе десять представителей, в 1813-м — двадцать семь, в 1823-м — тридцать четыре, в 1833-м — сорок. Огайо в 1803 году имел лишь одного представителя, а в 1833-м — девятнадцать.

Трудно представить себе длительный союз двух народов, один из которых беден и слаб, а другой богат и силен, даже если можно было бы доказать, что сила и богатство второго не куплены ценой бедности и слабости первого. Еще труднее сохранять Союз в периоды, когда один народ теряет силы, а другой приобретает.

Быстрое и неравномерное развитие некоторых штатов представляет угрозу независимости остальных. Если бы Нью-Йорк, имеющий два миллиона жителей и сорок представителей в конгрессе, захотел там распоряжаться, ему бы это, возможно, удалось. И даже если сильные штаты никогда не будут стремиться к угнетению слабых, такая опасность будет существовать всегда, ведь возможность совершения действия не менее опасна, чем само действие.

Слабые редко верят в справедливость и разум сильных. Штаты, которые развиваются медленнее, чем другие, с недоверием и завистью поглядывают на тех, к которым судьба благосклонна. Это порождает глубокое недовольство и смутную тревогу в одной части Союза, тогда как в другой царят благополучие и уверенность. Именно этим, по-видимому, объясняется враждебная позиция, занятая Югом.

Южане, казалось бы, больше других должны дорожить Союзом, поскольку они больше всего могут пострадать от его

разрушения. Однако только они грозят разорвать федеральные связи. По какой же причине? На этот вопрос ответить несложно: Юг дал федерации четырех президентов[75], но теперь федеральная власть от него ускользает. С каждым годом уменьшается количество его представителей в конгрессе и растет число представителей северных и западных штатов. Это раздражает и беспокоит горячих и вспыльчивых южан, они чувствуют себя униженными, вспоминают прошлое и постоянно задают себе вопрос, не являются ли они жертвами угнетения. Лишь только южным штатам покажется, что какой-то закон, принятый Союзом, не вполне благоприятен для них, как они заявляют, что по отношению к ним злоупотребляют силой. Они горячо протестуют и, если к ним не прислушиваются, возмущаются и грозят выйти из Союза, в котором они имеют одни лишь обязанности и который не приносит им никаких выгод.

«Закон о тарифах, — говорили жители Каролины в 1832 году, — способствует обогащению Севера и разорению Юга. Чем, кроме этого, можно объяснить, что богатство и сила Севера, несмотря на его суровый климат и бесплодную почву, постоянно растут, в то время как Юг, цветущий сад Америки, приходит в упадок?»[76]

Если бы изменения, о которых *я* веду речь, происходили постепенно, так, чтобы каждое поколение жило в той обстановке, в которой оно родилось, опасность не была бы так велика. Но в развитии американского общества есть нечто стремительное, можно даже сказать, революционное. Случается, что люди одного поколения видят, как их

[74] За последнее время население Виргинии выросло на 13 процентов. Необходимо объяснить, каким образом число представителей какого-либо штата может уменьшиться в то время, как его население не только не уменьшается, но растет.

Возьмем для примера уже упомянутую Виргинию. В 1823 году количество депутатов от Виргинии было пропорционально общему количеству депутатов от Союза. В1833 году количество депутатов от Виргинии было также пропорционально общему количеству депутатов от Союза, и, кроме того, оно было пропорционально процентному соотношению ее населения, возросшего за эти десять лет. Отношение нового количества депутатов от Виргинии к прежнему будет, таким образом, пропорционально, с одной стороны, отношению нового общего количества депутатов к прежнему, а с другой — отношению процентного роста населения Виргинии в всего Союза. Следовательно, для того чтобы количество депутатов от Виргинии оставалось неизменным, достаточно, чтобы отношение процентного роста населения этого штата и всего Союза было

обратно пропорционально отношению нового общего количества депутатов к прежнему. Если же отношение роста населения Виргинии к росту населения всего Союза будет ниже отношения нового общего числа депутатов Союза к прежнему числу, то количество депутатов от Виргинии уменьшится.

[75] Вашингтона, Джефферсона, Мэдисона, Монро.

[76] См. доклад комитета этого штата Конвенту, в котором провозглашалась отмена этого закона о тарифах в Южной Каролине.

штат, стоявший во главе Союза, теряет свое влияние в федеральных органах власти. Некоторые американские республики возвышаются так же быстро, как растет человек; они рождаются, растут и достигают зрелости за тридцать лет.

Однако не надо думать, что, теряя силу, штаты опустошаются и прозябают, они попрежнему процветают и растут быстрее, чем какое-либо европейское королевство[77]. Но им кажется, что они беднеют, так как процесс обогащения идет у них медленнее, чем у их соседей. Оттого, что они неожиданно для себя сталкиваются с усилением своих соседей, у них создается впечатление, что сами они слабеют[78]. Ущерб, как мы видим, наносится скорее чувствам и страстям, а не интересам. Но разве этого недостаточно, чтобы поставить под угрозу существование федерации? Если бы с сотворения мира народы и правители стремились лишь к тому, что им действительно полезно, люди, наверное, не знали бы, что такое война.

Самая главная опасность, угрожающая Соединенным Штатам, заключается именно в их процветании. Оно пьянит многих членов федерации стремительным взлетом богатства и возбуждает в других, теряющих его, зависть, недоверие и досаду.

Американцы с радостью наблюдают за этим необычайным процессом, а им следовало бы смотреть на него с тревогой и опасением. В любом случае жители Соединенных Штатов станут одним из самых великих народов мира, их потомки расселятся по всей Северной Америке, континент, на котором они живут, принадлежит и будет принадлежать им. Что толкает их столь поспешно осваивать его в настоящем? Богатство, сила и слава неизбежно придут к ним в будущем. Они же так стремятся завладеть этим огромным достоянием, будто в их распоряжении нет ни секунды времени.

Я доказал, как мне кажется, что существование федерации полностью зависит от стремления всех ее членов к единству. В связи с этим я проанализировал причины, которые могли бы

привести к выходу из Союза какого-либо штата. Но причины разрушения Союза могут быть двоякими: один из федеральных штатов может изъявить желание расторгнуть договор и, таким образом, разом порвать связи, соединяющие его с Союзом. Основная часть сделанных мною замечаний относится именно к такому случаю. Кроме этого, федеральное правительство может постепенно потерять свою силу вследствие общего стремления объединенных республик к восстановлению независимости. Центральная власть, шаг за шагом лишаясь своих прерогатив, доведенная до бессилия с молчаливого согласия штатов, не сможет выполнять свою роль, и такой Союз также разрушится, пораженный чем-то вроде старческого маразма.

Постепенное ослабление федеральных связей, которое в конечном счете может привести к распаду Союза, важно и само по себе, поскольку еще до его распада оно может породить множество других, значительных явлений. Так, слабое центральное правительство еще существующей федерации может обескровить народ, вызвать анархию в стране, подорвать ее благополучие.

Поэтому после анализа причин, способных привести к распаду американского Союза, следует ответить на один вопрос, а именно: расширяется или сужается сфера полномочий центрального правительства, приобретает ли оно силу или теряет ее.

Совершенно очевидно, что американцев мучает одно серьезное опасение. Видя, что в большинстве стран мира власть обычно сосредоточена в руках немногих людей, они со страхом думают, что это может произойти у них. Даже государственные деятели боятся или делают вид, что боятся этого. Централизация не пользуется в Америке никакой популярностью, и поэтому нет лучше способа понравиться большинству, чем выступать против так называемых превышений полномочий центральной власти. Американцы забывают, что в странах, где наблюдается пугающая их тенденция к централизации, насе-

[77] Население страны является, безусловно, основный ее богатством. За тот же период, с 1820 по 1832 год, в течение которого Виргиния лишилась двух депутатов в конгрессе, ее население увеличилось на 13,7 процента. Население обеих Каролин за то же время увеличилось на 15 процентов, население Джорджии — на 51,5 процента. *(См.* Американский альманах, 1832, с. 162.) В России же, европейской стране, где население растет быстрее всего, за десять лет количество жителей увеличивается на 9,5 процента, во Франции — на 7 процентов, в Европе в целом — на 4,7 процента. (См.: *Мальт-Брюн,* т.VI, с. 95.)

[78]Надо, однако, заметить, что происшедшее пятьдесят лет тому назад падение цены на табак сильно отразилось на достатке южных земледельцев. Однако это произошло без сознательного вмешательства северян или южан.

ление представляет собой единый народ. Союз же — это объединение разных народов. Этого вполне достаточно, чтобы понять, что между ними нельзя провести аналогию.

Опасения американцев представляются мне безосновательными. Нет никаких причин бояться усиления центральной власти Союза, потому что, на мой взгляд, федеральное правительство заметно ослабевает.

Чтобы это доказать, приведу не исторические факты, а события, имевшие место в наше время, часть которых я видел сам.

Внимательное изучение того, что происходит в Соединенных Штатах, показывает, что там существуют две противоположные тенденции. Можно сказать, что это два противоположных течения, заключенные в одно русло.

За сорок пять лет существования Союза многие губительные для него предрассудки рассеялись. Патриотические чувства американцев к своим штатам стали более умеренными. Поскольку штаты теперь лучше знают друг друга, ушло в прошлое отчуждение. Сегодня почта, это могущественное средство связи людей, проникает в самые отдаленные уголки страны[79]. Между городами, расположенными на побережье, регулярно курсируют пароходы. Торговые суда с невиданной быстротой движутся вверх и вниз по течению рек страны[80]. Эти благоприятные условия, созданные природой и человеком, а также присущие американцам частые смены желаний, беспокойство ума и стремление к богатству постоянно гонят их в путь. В результате американцы общаются с большим числом своих соотечественников. Они путешествуют по всей стране и встречаются с людьми, которые живут во всех ее концах. Ни в одной из провинций Франции жители не знают друг друга так же хорошо, как 13 миллионов американцев, живущих в Соединенных Штатах.

Американцы не просто общаются друг с другом, у них возникает много общих черт, и различия, связанные с географическими условиями, происхождением и общественными установлениями, стираются. Все явственнее начинает проявляться общий тип американца. Ежегодно тысячи северян отправляются во все концы Союза. Они несут с собой свои верования,

убеждения, нравы. Поскольку они более образованны, чем люди, среди которых им предстоит жить на новых местах, они вскоре становятся самыми активными деловыми людьми и вносят в жизнь общества выгодные для себя изменения. Так, благодаря постоянному переселению северян на Юг из множества провинциальных характеров вырабатывается общий национальный характер. По-видимому, культура северян станет той основой, из которой в будущем вырастет общая американская культура

По мере развития промышленности между штатами укрепляются торговые связи, и единство, которое раньше было отвлеченной идеей, входит в повседневную жизнь. Со временем исчезает множество фантастических страхов, мучавших воображение американцев в 1789 году. Федеральная власть никого не угнетает, штаты по-прежнему сохраняют свою независимость, их объединение не переродилось в монархию. Войдя в Союз, мелкие штаты не попали в зависимость от крупных. Население, богатство и могущество федерации постоянно растут.

Я убежден, что в настоящее время у американского Союза меньше трудностей и больше сторонников, чем в 1789 году.

И все-таки тщательное изучение сорокапятилетней истории Соединенных Штатов показывает, что сила федеральной власти убывает.

Нетрудно указать причины этого явления.

В момент принятия конституции 1789 года повсюду царила анархия. Пришедший на смену хаосу Союз у многих возбуждал опасения и ненависть, но имел и горячих сторонников, осознававших его насущную необходимость. Хотя в то время у центральной власти было больше противников, чем теперь, ей быстро удалось достичь максимального могущества. Так случается с правительствами, одерживающими победу после длительной борьбы, укрепившей их силу. В тот период конституцию толковали скорее в сторону

[79] В округе Мичиган, где насчитывается лишь 31639 жителей, а прокладка дорог только начинается, в 1832 году было 940 миль почтовых дорог. На территории Арканзаса, почти еще совсем необжитого штата, проложено уже 1938 миль почтовых дорог. См. Доклад генерального почтмейстера от 30 ноября 1833 года. Одна доставка газет в Союзе ежегодно приносит 254 7% долларов дохода.

[80] За десять лет, с 1821 по 1831 год, лишь на реках долины Миссисипи был спущен на воду 271 пароход. В 1829 году количество пароходов в Соединенных Штатах доходило до 256. См.: Законодательные документы, № 140, с. 274.

расширения, а не сужения полномочий центральных властей, и Союз во многих отношениях представал как единая страна, внутренняя и внешняя политика которой направляется единым правительством.

Создав такой Союз, американский народ в каком-то смысле опередил свое собственное развитие.

Принятие конституции не уничтожило своеобразия штатов. Любое сообщество втайне тяготеет к независимости. В Америке, где каждая деревня представляет собой что-то вроде республики, самостоятельно управляющей своими делами, эта тяга проявляется очень отчетливо.

Следовательно, смирившись с верховенством центральной власти, штаты сделали над собой усилие. Однако всякое усилие, даже если оно увенчалось успехом, неминуемо ослабляется по мере ослабления породившей его причины.

С укреплением власти федерального правительства Америка вновь заняла подобающее ей место среди других стран, восстановился мир на ее границах, возродилось доверие к государству. На смену смуте пришел твердый порядок, который дал возможность духу предпринимательства естественно и свободно развиваться.

Наступившее благополучие начало заслонять породившие его причины. Опасность миновала, и американцы не нуждались более в той энергии и патриотизме, благодаря которым ее удалось избежать. Когда рассеялись их страхи, они естественно и просто вернулись к своим прежним привычкам и к своему прежнему образу мыслей. Поскольку они больше не видели нужды в сильном правительстве, они стали считать его обременительным. Благодаря Союзу страна процветала, и никто не помышлял о том, чтобы выходить из него, но никто также не желал ощущать на себе действие его власти. В общем, все хотели жить в единстве, но, когда дело доходило до конкретного случая, каждый стремился к независимости. Федерация получала все более широкое принципиальное признание, но ее законы уважались все менее. Так, федеральное правительство, обеспечившее порядок и спокойствие в стране, стало лишаться своего могущества.

Как только в стране появились такие настроения, представители партий, живущие за счет народных страстей, не замедлили использовать их в своих интересах.

Федеральное правительство оказалось в очень сложном положении: его враги пользовались благосклонностью народа, и право руководить страной получали лишь те, кто обещал

ограничить его полномочия.

С тех пор в борьбе с правительствами штатов правительство Союза почти всегда отступало, а федеральная конституция толковалась в пользу штатов, а не Союза.

По конституции в обязанности федерального правительства входит забота об общенациональных интересах. Сначала считалось, что именно федеральное правительство должно организовывать и всячески способствовать осуществлению крупных мероприятий, способных увеличить благосостояние всего Союза (internal improvements), таких, например, как строительство каналов.

Однако штаты были напуганы тем, что часть их территории может выйти из-под их власти. Они боялись, что центральная власть сможет осуществлять на их территории опасный для них контроль и завоюет влияние, которое, по их мнению, должно принадлежать только властям штата.

Демократическая партия, всегда выступавшая против любого усиления федеральной власти, тоже сказала свое слово: конгресс был обвинен в узурпации власти, а глава государства во властолюбии. В конце концов, напуганное этими обвинениями, федеральное правительство признало свою ошибку и согласилось ограничиться той сферой влияния, которая ему предписывалась.

По конституции, исключительное право вести дела с народами других стран принадлежит Союзу. Обычно под этим понимались дела, которые Союз вел с индейскими племенами, живущими на границах его территории. До тех пор пока индейцы уходили с земель, которые занимали цивилизованные люди, никто не оспаривал этого права федерального правительства. Но как только одно из индейских племен решило не покидать своей территории, окружающие ее штаты заявили о своем праве на владение этими землями, а также о своей власти над населяющими их людьми. Центральное правительство незамедлительно признало и то и другое. Так, после того, как оно обращалось с индей-

цами как с независимыми народами, оно превратило их в подданных и отдало на законодательный произвол штатов [81].

Некоторые из штатов, образовавшихся на берегу Атлантического океана, не имели границ на Западе, и их территорию составляли огромные незаселенные пространства, где еще не ступала нога европейца. Другие, границы которых были четко очерчены, с завистью смотрели на будущее богатство своих соседей. Эти последние, желая примириться и ускорить

заключение Союза, согласились определить свои границы и передали в распоряжение федерации все земли, которые оказались вне их границ[82].

С этого времени владельцем всех невозделанных земель, лежащих за пределами тринадцати штатов, первыми вошедших в федерацию, стало федеральное правительство. В его обязанности входит делить и продавать эти земли. Выручаемые от этого средства поступают исключительно в казну Союза. На них федеральное правительство выкупает земли у индейцев, прокладывает дороги в новых округах, делает все возможное для быстрой организации в них общественной жизни.

Однако в этих пустынных местах, уступленных когда-то федерации, со временем возникли новые штаты. Конгресс продолжал продавать от лица всего государства невозделанные земли, еще имеющиеся в этих штатах. Но сегодня они заявляют, что, поскольку они являются штатами, они должны иметь исключительное право использовать на свои нужды доходы, получаемые от этих продаж. И так как их требования становились все более угрожающими, конгресс счел своим долгом лишить Союз части привилегий и в 1832 году одобрил закон, по которому новые западные штаты, не будучи собственниками невозделанных земель, находящихся на их территории, получали в свое распоряжение основную часть доходов, полученных от их продажи[83].

Путешествуя по Соединенным Штатам, нельзя не оценить пользу, которую приносит стране банк. Преимущества банковской системы многообразны, но есть одно, которое особенно поражает европейца: билеты Банка Соединенных Штатов принимаются в дальних пустынных краях за ту же цену, что и в Филадельфии, где находится его центральное отделение[84].

В то же время Банк Соединенных Штатов вызывает сильную неприязнь в стране. Его директора выступили против президента, и их небезосновательно обвиняют в злоупотреблении влиянием с целью помешать избранию президента Президент в свою очередь обрушился на представителей Банка с таким жаром, словно это были его личные враги. Он был так упорен в своей мести потому, что чувствовал поддержку в тайных помыслах большинства народа.

Банк обеспечивает в Союзе единство денежного обращения, так же как конгресс обеспечивает единство законодательной системы. Поэтому те же силы, которые стремятся освободить штаты от центральной власти, стремятся к уничтожению Банка.

В распоряжении Банка Соединенных Штатов всегда имеется большое количество банковских билетов провинциальных банков,

в любой момент он может потребовать их обмена на звонкую монету. Самому ему такая опасность не страшна: благодаря огромному наличному капиталу он может удовлетворить любые требования. Чувствуя угрозу своему существованию, провинциальные банки вынуждены проявлять осторожность и выпускать лишь то количество билетов, которое строго соответствует их капиталу. Этот благотворный контроль вызывает неудовольствие провинциальных банков. Купленные ими газеты и поддерживающий их из корыстных интересов президент яростно нападают на Банк. Разжигаются враждебные Банку местные страсти, возбуждаются направленные

[81] См. в упоминавшихся законодательных документах главу, посвященную индейцам, письмо президента Соединенных Штатов индейцам чироки, его переписку по этому поводу с их агентами и его послания к конгрессу.

[82] Первый акт о передаче земли был принят штатом Нью-Йорк в 1780 году, затем в разное время такие акты приняли Виргиния, Массачусетс, Коннектикут, Южная Каролина, Северная Каролина, последний такой акт в 1802 году приняла Джорджия.

[83] Правда, президент отказался одобрить этот закон, но в принципе полностью с ним согласился. (См. Послание от 8 декабря 1833 года.)

[84] Существующий в настоящее время Банк Соединенных Штатов был создан в 1816 году с капиталом в 35 миллионов долларов (185 миллионов франков). Срок действия его хартии истекает в 1836 году. В прошлом году конгресс принял закон о продлении его прав, но президент отказался его одобрить. Обе стороны ведут жестокую борьбу, но нетрудно предвидеть, что Банк вскоре потерпит поражение.

против него слепые демократические инстинкты народа. Утверждают, что бессменные директора Банка составляют аристократическое сословие, которое оказывает значительное влияние на управление страной и рано или поздно неминуемо приведет к искажению принципов равенства, лежащих в основе американского общества.

Сражение Банка со своими врагами — это лишь эпизод той общей борьбы, которую ведут американские провинции против центральной власти, борьбы независимости и демократии против субординации и подчинения. Это совсем не значит, что на Банк Соединенных Штатов нападают те же люди, которые критикуют федеральное правительство, но нападки на Банк Соединенных Штатов вызваны теми же инстинктами, которые толкают людей

на борьбу с федеральным правительством. Большое количество противников Банка свидетельствует, к сожалению, об ослаблении федерального правительства.

Однако наиболее ярко Союз продемонстрировал свою слабость в знаменитом деле о тарифах[85].

Во время французских революционных войн, а также войны 1812 года свободный товарообмен между Америкой и Францией был нарушен. Это привело к созданию мануфактур на Севере Союза. Когда после войны европейцы вновь начали поставлять товары в Новый Свет, американцы сочли необходимым ввести систему таможенного контроля. При этом они одновременно преследовали две цели: защитить свою нарождающуюся промышленность и заплатить долги, которые им пришлось сделать во время войны.

Южные штаты, в которых преобладает земледелие и которым не нужно было поощрять развитие мануфактур, немедленно выступили против этой меры.

Я излагаю здесь только факты, не касаясь вопроса о том, были ли причины их недовольства реальными или вымышленными.

В 1820 году Южная Каролина заявила в петиции конгрессу, что закон о тарифах является *неконституционным, притеснительным* и *несправедливым.* Затем более или менее резкие заявления по этому поводу сделали Джорджия, Виргиния, Северная Каролина, Алабама и Миссисипи.

Конгресс же не обратил внимания на этот ропот, напротив, в 1824 и 1828 годах тарифы были еще увеличены и одобрены в принципе.

В ответ на это на Юге возникла или, скорее, была восстановлена теория, получившая название «аннулирование».

Как я уже говорил, целью авторов федеральной конституции было создание национального государства, а не союза государств. Все положения конституции представляют жителей Соединенных Штатов как единый народ. Выразителем народной воли по всем основным вопросам, как и во всех странах, живущих при конституционном строе, является большинство. После того как оно высказало свою волю, меньшинство обязано ему подчиниться.

Такова официальная доктрина, единственная, которая соответствует тексту конституции и замыслу ее авторов.

Что касается южан, сторонников теории аннулирования, то они, напротив, утверждают, что объединение американцев не имело целью образование единого народа, а лишь создание союза независимых народов. Следовательно, каждый штат сохраняет полный суверенитет, если не на деле, то в принципе, и имеет

право толковать законы, принятые конгрессом, а также приостанавливать их действие на своей территории в случае, если они, по его мнению, противоречат конституции или справедливости.

Смысл теории аннулирования можно коротко передать, приведя фразу, сказанную в 1833 году в сенате Соединенных Штатов господином Колхуном, признанным главой ее сторонников.

«Конституция, — сказал он, — это договор суверенных штатов. Всякий раз, когда стороны, не имеющие общего посредника, заключают договор, за каждой из них остается право самой судить об объеме своих обязательств».

Ясно, что подобное толкование конституции в принципе разрушает федеральные связи и фактически ведет к анархии, от которой американцы были избавлены благодаря конституции 1789 года.

[85] Для ознакомления с подробностями этого дела см.: Законодательные документы, 22-й конгресс, 2-я сессия, № 30.

Когда Южная Каролина увидела, что конгресс остается глух к ее протестам, она заявила, что применит к федеральному закону о тарифах теорию аннулирования. Конгресс стоял на своем, и наконец разразилась буря.

В 1832 году население Южной Каролины [86] избрало конвент штата, которому предстояло выработать чрезвычайные меры. 24 ноября того же года конвент опубликовал закон, названный им указом, который объявлял недействительным федеральный закон о тарифах и запрещал сбор указанных в нем пошлин. Он запрещал также принимать обращения в федеральный суд[87]. Указ входил в силу только в феврале следующего года, и было заявлено, что, если до этого срока конгресс изменит тарифы, Южная Каролина, возможно, согласится не приводить в действие свою угрозу. Позже было выражено, хотя и весьма невнятно, пожелание, чтобы этот вопрос был передан на рассмотрение чрезвычайной ассамблеи всех федеральных штатов.

А в Южной Каролине в это время шло формирование вооруженных ополчений и подготовка к войне.

Что же сделал конгресс? Конгресс, который не желал внять мольбам своих подданных, прислушался к их протесту, когда увидел, что они готовятся к вооруженной борьбе[88]. Он принял закон[89], по которому тарифные ставки должны были постепенно снижаться в течение десяти лет и наконец достичь уровня, не превышающего нужд правительства. Таким образом конгресс

полностью изменил основной смысл тарифов. Вместо пошлины, взимающейся с целью защиты промышленности, он превратил его в чисто фискальную меру[90]. Чтобы скрыть свое поражение, правительство Союза прибегло к уловке, часто применяемой слабыми правительствами: уступив на деле, оно заявило о своей твердости на словах. Одновременно с изменением закона о тарифах конгресс принял закон, дававший президенту чрезвычайное право использовать силу для преодоления сопротивления штатов. Однако в сопротивлении уже не было никакой необходимости.

В свою очередь Южная Каролина не согласилась оставить Союзу даже слабую видимость победы. Тот же конвент штата, который признал недействительным закон о тарифах, собравшись вновь, принял предложенную ему уступку. В то же время он заявил, что по-прежнему глубоко привержен теории аннулирования, и в доказательство этому он отменил закон, предоставлявший президенту чрезвычайное право использования силы, хотя и был уверен, что этот закон не будет применен.

Все эти события происходили при президенте Джэксоне. Невозможно отрицать, что в вопросе о тарифах он умело и твердо защищал права Союза. Однако следует заметить, что одна из опасностей, угрожающих сегодня федеральным властям, заключается в поведении лиц, которые их представляют.

В Европе есть люди, мнение которых о влиянии генерала Джэксона на развитие его страны может показаться тем, кто наблюдал ситуацию воочию, довольно странным.

Говорят, что генерал Джэксон выигрывал сражения, что это энергичный человек, по характеру и привычкам склонный использовать силу, властолюбивый и деспотичный по

[86] Конвент был избран большинством населения. В Южной Каролине существовала оппозиционная Партия Союза, которую поддерживало сильное и активное меньшинство. Этот штат насчитывал около 47 тысяч выборщиков, из них 30 тысяч были за аннулирование, а 17 тысяч — против.

[87]Указу предшествовал доклад комитета, которому было поручено подготовить текст указа. В докладе разъясняется смысл и цель принятия закона. На с. 34 в нем говорится: «Когда права, предоставленные штатам конституцией, умышленно попираются, то они вправе и обязаны сделать все для того, чтобы пресечь зло, не допустить узурпации власти и отстоять в соответствующих пределах принадлежащие им как независимым и суверенным государствам права и привилегии. Если бы штаты не располагали подобным правом, они не могли бы называться суверенными. Южная Каролина заявляет, что на своей территории она не

признает над собой ничьего суда. Правда, она заключила с другими, такими же суверенными, как она, штатами торжественный договор о союзе (a solemn contract of union), но она требует, чтобы ей было предоставлено право разъяснить, как она понимает этот договор, и она воспользуется этим правом. Поскольку же договор нарушен ее союзниками, а также созданным ими правительством, она намерена воспользоваться своим неоспоримым (unquestionable) правом самой судить о значительности этого нарушения и о том, какие меры необходимо принять для торжества справедливости».

[88] Конгресс окончательно решился на это после демонстративного жеста сильного штата, Виргинии, легислатура которого предложила стать посредником между Союзом и Южной Каролиной. До этого момента от Южной Каролины, казалось, все отвернулись, даже те штаты, которые вместе с ней выражали протест.

[89] Закон от 2 марта 1833 года.

[90] Этот закон был предложен господином Клеем и принят за четыре дня обеими палатами конгресса при подавляющем большинстве голосов.

натуре. Все это, может быть, так, но из этих верных сведений были сделаны совершенно ошибочные выводы.

Предполагают, что генерал Джэксон хочет установить в Соединенных Штатах диктатуру, что он будет насаждать там военный дух и расширит центральную власть в ущерб правам штатов. В Америке времена подобных предприятий и политиков еще не наступили. Если бы генерал Джэксон захотел властвовать таким образом, он потерял бы свой политический престиж и поставил бы под угрозу свою жизнь. Однако он достаточно осторожен и не пытается делать этого.

Нынешний президент не только не хочет расширять полномочия федеральных властей, он принадлежит к партии, которая стремится ограничить эту власть в соответствии с ясными и точными положениями конституции. Эта партия не допускает возможности толкования конституции в пользу правительства Союза Генерал Джэксон отнюдь не выступает за централизацию, напротив, он является выразителем той ревности, с которой штаты относятся к своим правам. На пост президента его привели силы, стремящиеся к ослаблению центральной власти, и для успеха своей президентской деятельности он вынужден постоянно угождать им. Генерал Джэксон — раб большинства, он выполняет его волю, потакает его желаниям и

полуосознанным инстинктам. Более того, он угадывает все это и делает своим знаменем.

Когда правительство штата вступает в борьбу с центральным правительством, президент всегда, как правило, первым ставит под сомнение свои права. В этом отношении он всякий раз опережает законодательную власть. Когда возникает необходимость высказаться по поводу объема полномочий федеральных властей, он в каком-то смысле выступает против самого себя: ведет себя сдержанно, не высказывает своего мнения или уступает. И дело вовсе не в том, что он слаб или настроен против Союза. Когда большинство выступило против требований южных штатов, он сразу возглавил его, четко и энергично сформулировал его идеи и первым заявил о необходимости применения силы. Воспользовавшись американской партийной фразеологией, можно сказать, что генерал Джэксон, имея *федеральные* вкусы, является *республиканцем* по расчету.

Итак, сначала генерал Джэксон заискивает перед большинством, но, добившись его расположения, он вновь обретает свою самостоятельность. Тогда, сметая на своем пути все препятствия, он добивается того, к чему стремится само большинство, а также того, к чему оно более или менее равнодушно. Он пользуется поддержкой, которой не имел ни один из его предшественников, и с невиданной доселе легкостью расправляется со всеми своими личными врагами. Под свою ответственность он принимает такие решения, которые до него никто не осмеливался бы принять. Иногда в его отношении к представительным органам чувствуется почти оскорбительное пренебрежение: он отказывается утверждать законы, принятые конгрессом, нередко не удостаивает ответом этот важный орган власти. Это фаворит, который нередко третирует своего хозяина. Власть генерала Джэксона постоянно растет, но в то же время уменьшается власть президента. Пока на посту президента будет оставаться генерал Джэксон, федеральное правительство будет сильным, но его преемник получит его истощенным.

Если мои впечатления верны, федеральное правительство Соединенных Штатов с каждым днем теряет власть, оно постепенно отходит от многих дел, все более сужая поле своей деятельности. Будучи слабым по своем природе, оно не стремится даже выглядеть сильным. Кроме того, в штатах обостряется стремление к независимости и крепнет преданность своему, провинциальному правительству.

Все хотят, чтобы Союз существовал, но это существование должно быть призрачным. Союз должен быть сильным лишь в некоторых, определенных случаях и слабым во всех остальных.

Считается, что в случае войны он сможет объединить силы и ресурсы страны, а в мирное время его власть почти не должна ощущаться. Однако трудно себе представить возможность такого чередования силы и слабости.

В настоящее время нет ничего, что бы противостояло этим царящим повсюду настроениям, поскольку их вызывают постоянно действующие причины. По-видимому, они сохранятся в течение определенного времени, и можно предположить, что правительство Союза будет и дальше терять силы, если, конечно, не случится чего-либо из ряда вон выходящего.

В то же время федеральная власть еще способна защитить себя и обеспечить спокойствие в стране, время ее естественного заката еще не наступило. Американцы при-

выкли к Союзу и не желают его распада, они слишком хорошо видят его пользу. И нет сомнения в том, что, как только они поймут, что слабость федерального правительства ставит под угрозу существование Союза, у них возникнет желание укрепить его.

Из всех федеральных правительств, существовавших до настоящего времени, правительство Соединенных Штатов лучше всего приспособлено для активных действий. Поэтому, если только оно не будет подвергаться косвенным нападкам, которые могут привести к перетолкованию учреждающих его законов, иными словами, если его фундамент не будет подточен, оно сможет вновь обрести силы при какой-либо перемене убеждений в обществе, в случае войны или внутреннего кризиса в стране.

Важно отметить следующее: многие в Европе полагают, что в Соединенных Штатах существуют настроения, способствующие централизации власти в руках президента и конгресса. По моему мнению, настроения американцев прямо противоположны. Федеральное правительство с течением времени не только не усиливается и не грозит суверенитету штатов, оно, напротив, постоянно ослабевает. Опасность угрожает только существованию Союза Так обстоит дело в настоящем. К каким результатам может привести подобное движение, что может остановить, сдержать или ускорить его? Это дело будущего, а я не претендую на способность предсказывать его.

РЕСПУБЛИКАНСКИЕ ИНСТИТУТЫ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ; КАКОВА ВЕРОЯТНОСТЬ ИХ ДЛИТЕЛЬНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ ?

Союз возник по воле случая. — У республиканских институтов более надежное будущее. — В

настоящее время республиканское устройство вполне соответствует характеру американцев. —

Почему. — Уничтожение республики потребовало бы изменения всех законов и полного изменения

нравов. —Американцам нелегко создать аристократию.

Распад Союза, войны между штатами, входящими сегодня в федерацию, возникновение регулярных армий, диктатуры, рост налогов — все это со временем могло бы поставить под угрозу судьбу республиканского государственного устройства

Однако следует провести различие между будущим республики и Союза.

Союз возник по воле случая и будет существовать до тех пор, пока этому будут благоприятствовать обстоятельства Что касается республики, то такое общественное устройство лучше всего соответствует природе американцев. Монархия могла бы прийти ему на смену лишь при условии длительного действия одних и тех же разрушающих республику причин.

Существование Союза обеспечено прежде всего учредившими его законами. Он может распасться вследствие революции или изменения общественного мнения. Корни республики значительно глубже.

Под республиканской формой правления в Соединенных Штатах понимается размеренное и спокойное развитие общества Это общественное устройство представляет собой хорошо отрегулированный механизм, поистине созданный по воле просвещенного народа Эта форма правления стремится к примирению противоречий, принимаемые ею решения долго обдумываются, неторопливо обсуждаются и мудро выполняются.

Американские республиканцы с уважением относятся к нравам и верованиям, признают права людей. По их мнению, чем свободнее народ, тем тверже должны быть его моральные устои, глубже вера в Бога, умереннее взгляды. В Соединенных Штатах республикой называют мирное господство большинства После того как большинство осознало свое существование и свою силу, все власти получают свои полномочия от него. Но и само большинство не всемогуще. Над ним возвышаются моральные принципы, такие, как человечность, справедливость, разум, и

признанные обществом политические права людей. Большинство признает эти границы, и если ему и случается выходить за них, то это потому, что оно, как вообще люди, склонно поддаваться страстям и творить зло, хорошо понимая, что такое добро.

А мы в Европе видывали удивительные вещи.

По мнению некоторых европейцев, республика — это не господство большинства, как считалось до сих пор, а власть тех, кто берется говорить от его имени. В таких правительствах правит не народ, а люди, знающие, в чем состоит его высшее счастье. Бла-

годаря такому удачному разделению обязанностей можно действовать от имени народа, не спрашивая его мнения, и требовать его признательности, попирая его ногами. Ведь только за республиканским правлением следует признать право делать все, что ему заблагорассудится, и презирать все, что люди привыкли уважать, начиная с самых высоких моральных принципов и кончая заурядными правилами здравого смысла.

Раньше считалось, что деспотизм отвратителен, какова бы ни была его форма. В наши дни стало известно, что может существовать диктатура, основанная на законе, а несправедливости, если только они совершаются от имени народа, священны.

Представления американцев о республиканской форме правления значительно облегчают ее применение и обеспечивают долговечность. Хотя практическая деятельность республиканского правления не лишена недостатков, она опирается на правильные идеи, с которыми народ в конце концов и сообразует свои решения.

При зарождении Соединенных Штатов там было трудно установить централизованное управление, да и сейчас его введение встретило бы немалые трудности. Один человек не может руководить всеми обстоятельствами жизни людей, разбросанных на таком огромном пространстве и разделенных множеством природных преград. Поэтому основную роль там играют органы власти штатов и округов.

Кроме этой причины, известной всем европейцам, живущим в Новом Свете, в Америке существуют и некоторые другие, свойственные только ей.

Ко времени возникновения колоний в Северной Америке местное самоуправление занимало уже прочное место в английских законах и нравах, и английские эмигранты не только считали его необходимым, но и видели в нем благо, ценность

которого они хорошо знали.

Мы видели также, каким образом создавались колонии. Провинции и даже округа заселялись независимо одни от других людьми, незнакомыми друг с другом или объединившимися для достижения общих целей.

Таким образом, англичане, жившие в Соединенных Штатах, с самого начала были разделены на множество небольших обществ, существовавших раздельно и не имевших единого центра Каждое из них было вынуждено самостоятельно заниматься своими делами, поскольку не существовало никакой центральной власти, обязанной и способной заботиться о них.

Так, природа страны, процесс образования английских колоний, привычки первых эмигрантов — словом, все способствовало небывалому развитию самоуправления в общинах и провинциях.

Все учреждения Соединенных Штатов построены по сугубо республиканскому принципу. Для того чтобы основательно разрушить законодательную базу республики, пришлось бы, наверное, отменить одновременно все законы.

Если бы какая-либо партия захотела сейчас превратить Соединенные Штаты в монархию, ей пришлось бы еще труднее, чем партии, которая вознамерилась бы провозгласить нынешнюю Францию республикой. Королевская власть не нашла бы в Соединенных Штатах никакой заранее подготовленной законодательной основы и была бы вынуждена существовать в окружении республиканских учреждений.

Да и принципы монархического правления встретили бы сопротивление со стороны американских нравов.

В Соединенных Штатах принцип народовластия — это не какой-либо висящий в воздухе принцип, не связанный с привычками и преобладающим образом мыслей. Напротив, его можно считать последним звеном в цепи убеждений, распространенных во всей Америке. По мнению американцев, благодаря Провидению, которое наделило каждого человека, каким бы он ни был, необходимым разумом, он способен сам вести касающиеся его дела Таково великое правило общественной и политической жизни Соединенных Штатов. Отцы семейств применяют его в воспитании детей, хозяева — в отношениях со слугами, общины — к своим членам, округа — к общинам, штаты — к округам, Союз — к штатам. Оно распространяется на весь народ и превращается в принцип верховенства его власти.

В Соединенных Штатах, как мы видим, в основу республиканской формы правления положен тот же принцип, которым люди руководствуются в своей деятельности. Таким

образом, республика не только закреплена законами, она, если можно так выразиться, проникает в мысли, убеждения и малейшие привычки. Для того чтобы изменить законы,

нужно сначала полностью изменить американцев. Даже вера многих граждан Соединенных Штатов несет на себе отпечаток республиканских принципов; подобно тому как в религии истины иного мира подвергаются анализу индивидуального разума, в политике об интересах этого мира предоставлено судить здравому смыслу всего народа, и каждому человеку предоставлено право свободно выбирать путь спасения своей души, так же как за каждым гражданином признается право свободно избирать форму правления.

Нет сомнения в том, что только в результате длинной цепи сходных событий на смену всем этим законам, убеждениям и нравам могли бы прийти противоположные нравы, убеждения и законы.

Если республиканским принципам в Америке и суждено погибнуть, то это может произойти лишь в результате длительных, часто прерывающихся, но постоянно возобновляющихся общественных процессов. При этом республика будет многократно возрождаться и безвозвратно исчезнет лишь в случае, если народ, живущий сейчас в Соединенных Штатах, коренным образом изменится. Однако нет никаких оснований ждать столь глубокой перемены, никакие признаки не предвещают ее.

Что особенно поражает при первом знакомстве с Соединенными Штатами, так это бурная политическая жизнь. Видя постоянную смену законов, наблюдатель может сначала подумать, что этот народ сам не знает, чего он хочет, и в скором времени у него вместо существующей формы правления возникнет совершенно новая. Эти опасения преждевременны. Политическим учреждениям свойственны два вида нестабильности, которые нужно различать. Один из них, касающийся второстепенных законов, может долго существовать, не подрывая устоев общества. Другой, постоянно сотрясая основы конституции и разрушая принципы создания законов, всегда ведет к смутам и революциям. Такая нестабильность поражает общества, переживающие бурные процессы перемен. Известно, что между этими двумя видами законодательной нестабильности нет каких-либо определенных связей. В разные эпохи и в разных местах они существовали и вместе, и порознь. В Соединенных Штатах мы видим не второй, а первый вид нестабильности.

Американцы часто изменяют законы, но с уважением относятся к конституции.

В настоящее время республиканские принципы в Америке господствуют также, как во Франции при Людовике XIV господствовали принципы монархии. Мало сказать, что французы той эпохи были сторонниками монархии, они просто не могли себе представить, что может существовать что-либо другое, и воспринимали ее, как воспринимают движение солнца или смену времен года. Тогда не было ни защитников, ни противников королевской власти.

Именно так в Америке воспринимается республика: без споров, без возражений, без доказательств, с молчаливого согласия, с чего-то вроде consensus universalis [91].

И все-таки частная смена административных форм создает угрозу республиканскому правлению.

Постоянные изменения законов мешают выполнению замыслов людей, и следует опасаться, что они в конце концов могут прийти к выводу, что республика — это слишком беспокойное общественное устройство. Из-за неудобств, создаваемых нестабильностью второстепенных законов, под сомнение будут поставлены фундаментальные законы, что может привести к революции. Но это может произойти лишь в отдаленном будущем.

Сейчас можно сказать только одно: если республика будет упразднена, американцы после краткого монархического правления попадут под власть деспотизма. Монтескье говорил, что самую неограниченную власть получает государь, входящий на престол сразу вслед за республикой. Это происходит потому, что неопределенные полномочия, которыми безбоязненно наделялись выборные чиновники, переходят в руки наследственного владыки. Это верно во всех случаях, но особенно ярко проявляется в случаях *с* демократическими республиками. В Соединенных Штатах чиновников избирает не какой-либо класс граждан, а большинство народа. Они непосредственно представляют чувства большого числа людей, полностью зависят от их воли и не внушают ни ненависти, ни страха. Никто не заботился о том, чтобы ограничить их власть или поле деятельности, поэтому они имеют огромную возможность принимать решения по собственному разумению и воле. Все это может создать привычки, которые переживут республику.

[91] Всеобщего согласия *(лат.)*.

Сохранив неограниченную власть, американский чиновник

может забыть об ответственности, и тогда его произвол не будет знать пределов.

В Европе есть люди, которые ждут, что в Америке появится аристократия, и уже называют время, когда она овладеет властью.

Я уже говорил и повторяю, что, по моему мнению, современное американское общество движется по демократическому пути.

Конечно, вполне возможно, что американцы когда-нибудь ограничат политические права своих граждан или вовсе отменят их и передадут власть одному человеку. Но очень маловероятно, чтобы они доверили всю полноту власти какому-либо одному классу граждан или, другими словами, создали аристократию.

Аристократическое сословие состоит из некоторого количества граждан, которые, хотя и недалеки от народа, всегда стоят выше его. Оно близко, но ему невозможно нанести удар, все соприкасаются с ним, но никто не может в него войти.

Нельзя представить себе ничего более противного природе и тайным движениям человеческой души, чем такое подчинение. По своей воле люди никогда не выберут упорядоченное аристократическое правление и предпочтут ему произвол монарха.

Чтобы аристократия могла существовать, ей необходимо возвести неравенство в принцип, заранее узаконить его, ввести не только в общественные, но и в семейные отношения. Но это претит естественному чувству справедливости, и людей к этому можно лишь принудить.

В истории человеческого общества нет ни одного примера, когда бы народ без принуждения, собственными усилиями создал аристократию. Все средневековые аристократии возникли в результате завоеваний. Завоеватели становились аристократами, а побежденные — крепостными. Неравенство навязывалось силой, затем закреплялось и сохранялось обычаем и, наконец, освящалось законом как нечто само собой разумеющееся.

Некоторые общества становились аристократическими вследствие событий, предшествовавших их возникновению, но они вновь и вновь возвращались к демократическому устройству. Такова была судьба римлян, а также пришедших им на смену варваров. Но чтобы цивилизованный народ, живущий в демократическом обществе, постепенно подошел к социальному неравенству и создал ненарушимые привилегии и исключительные категории — такого мир еще не знал.

И ничто не предвещает, что американцам первым предназначено пойти по этому пути.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ПРИЧИНАХ ТОРГОВОГО МОГУЩЕСТВА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

Сама природа подталкивает американцев к бурному развитию мореходства. — Протяженность берегов Соединенных Штатов.— Глубина их портов.—Размеры рек.— Торговое превосходство

американцев объясняется скорее их интеллектуальными и моральными качествами, чем

географическими условиями страны. — На чем основано это заключение. — Будущее коммерческой

деятельности американцев. — Распад Союза не может помешать населяющим его народам

продолжать развитие мореходства. — Чем это объяснить. — По естественным причинам

американцы легко могут оказывать услуги по перевозке товаров жителям Южной Америки, — Со

временем они станут торговыми посредниками между многими странами мира, такими же, как

англичане.

От бухты Фонди до реки Сабин в Мексиканском заливе протяженность побережья Соединенных Штатов составляет около девятисот лье.

Это единая и непрерывная береговая линия, находящаяся под контролем одного государства.

Нет в мире страны, где бы торговля располагала более глубокими, обширными и надежными портами, чем в Америке.

Жители Соединенных Штатов — это великий и культурный народ, занесенный судьбой в пустынные места, расположенные на расстоянии тысячи двухсот лье от основного очага цивилизации. Они постоянно испытывают нужду в связях с Европой. Со временем они, конечно, будут сами производить большинство необходимых им предметов, но тем не менее Европа и Америка никогда не смогут жить изолированно друг от друга.

Ведь между их потребностями, идеями, привычками и нравами существуют глубокие и естественные связующие нити.

В Союзе выращиваются необходимые нам культуры, которые у нас выращивать невозможно или невыгодно. Американцы потребляют лишь небольшое количество этих продуктов, остальное они продают нам.

Таким образом, Европа для Америки и Америка для Европы являются рынками сбыта, и мореходство необходимо американцам для того, чтобы привозить в Европу сырье, которым

они торгуют, и доставлять в Америку промышленные товары.

Американцы неизбежно должны были сделать выбор. Они могли либо поступить так, как поступают испанцы, живущие в Мексике, то есть отказаться от самостоятельного ведения торговли и предоставить это выгодное занятие мореходам других стран, либо стать одной из самых крупных морских держав мира.

Американцы всегда любили море. Независимость, положив конец их связям с Англией, дала новый мощный толчок развитию их таланта мореходов. Начиная с этого времени, число кораблей Союза росло почти так же быстро, как число его жителей. Сегодня девять десятых европейских товаров доставляют в Америку сами американцы[92]. Они же доставляют в Европу три четверти экспортируемых из Нового Света товаров[93].

Корабли Соединенных Штатов заполняют гаврский и ливерпульский порты, тогда как в нью-йоркском не встретишь много английских или французских судов [94].

Так, американские коммерсанты не только выдерживают конкуренцию в своей собственной стране, но и одерживают верх в других странах. Этому есть объяснение: дело в том, что Соединенным Штатам мореплавание обходится дешевле, чем всем остальным странам. До тех пор пока американский торговый флот будет удерживать это преимущество, он не только сохранит все свои завоевания, но и приумножит их.

Нелегко ответить на вопрос, почему американцам удается тратить на мореплавание меньше, чем другим народам. Первое объяснение, к которому склоняются многие, заключается в том, что американцы не в пример другим народам пользуются какими-то материальными преимуществами, дарованными им природой. Однако это не так.

Расходы на кораблестроение в Америке почти не отличаются от европейских[95], их корабли не лучше наших, срок их службы обычно короче.

Американский матрос получает более высокую плату, чем европейский. Чтобы это доказать, достаточно вспомнить, что в торговом флоте Соединенных Штатов служит много европейцев.

Почему же все-таки плавания обходятся им дешевле, чем нам?

Невозможно объяснить это явление лишь благоприятными природными условиями, в его основе лежат интеллектуальные и моральные свойства американского народа.

Следующее сравнение прояснит, что имеется в виду.

Во время революционных войн французы изобрели новую военную тактику, которая приводила в смятение самых опытных полководцев и едва не разрушила самые древние европейские

монархии. Впервые в истории французская армия обходилась без множества вещей, которые ранее считались совершенно необходимыми для ведения войны. От ее солдат требовалось значительно больше усилий, чем от солдат всех развитых наро-

[92] Общий объем импорта в бюджетном году, заканчивающемся 30 сентября 1832 года, составлял 101 129 266 долларов. Стоимость импортных товаров, доставленных на иностранных кораблях, достигала лишь 10 731 039 долларов, то есть приблизительно десятой части от общего объема.

[93]Общий объем экспорта за тот же год составлял 87176 943 доллара. Стоимость товаров, экспортированных на иностранных судах, составила 21 036 183 доллара, то есть около четверти от общего объема. *(Уильяме.* Справочник, 1833, с. 398.)

[94]В 1829, 1830, 1831 годах общее водоизмещение судов, заходивших в порты Союза, равнялось 3 307 719 тоннам. Водоизмещение иностранных кораблей составляло 544 571 тонну, то есть приблизительно 16 процентов от общего числа. (Национальный календарь, 1833, с. 304.)

В 1820, 1826 и 1831 годах водоизмещение английских кораблей, входивших в лондонский, ливерпульский и халлский порты, составляло 443 800 тонн, а водоизмещение иностранных судов, заходивших туда в то же время, — 159 431 тонну, то есть приблизительно 36 процентов от общего числа. (Спутник альманаха, 1834, с. 169.)

В 1832 году иностранные суда, заходившие в британские порты, составляли 29 процентов от общего числа.

[95] Вообще, сырье в Америке стоит дешевле, но рабочая сила там значительно дороже.

дов. Они должны были делать все на бегу и, не задумываясь, рисковать своей жизнью для того, чтобы добиться поставленной цели.

Французов было мало, они были беднее своих врагов, у них было гораздо меньше ресурсов. И несмотря на все это, они постоянно побеждали. Так было до тех пор, пока их противники не переняли их тактику.

Нечто подобное американцы применили в торговле. Они делают для сокращения расходов то, что французы делали для того, чтобы побеждать.

Европейские мореплаватели очень осторожны: они уходят в море только в хорошую погоду, в случае каких-либо происшествий возвращаются в порт, ночью убирают часть парусов, при приближении к суше замедляют ход и поглядывают

на солнце.

Американцы пренебрегают этими предосторожностями и смело идут навстречу опасности. Они отправляются в путь в бурю, ночью идут под всеми парусами, как и днем, после шторма чинят корабль на ходу, а приближаясь к пункту назначения, летят к берегу на всех парусах, словно уже видят порт.

Американцы часто терпят крушение, но никто не пересекает море так быстро, как они, и благодаря этому они несут меньшие издержки.

Совершая длительное плавание, европейцы обязательно делают несколько остановок. Они теряют драгоценное время на поиски портов для стоянок, на ожидание хорошей погоды, чтобы продолжать путь, и вынуждены оплачивать каждый день стоянки.

Американские мореплаватели, выходя из Бостона в Китай за чаем, прибывают в Кантон, проводят там два дня и снова пускаются в путь. Меньше, чем за два года, они совершают кругосветное путешествие с одним-единственным заходом в порт. В течение восьми- или десятимесячного перехода они пьют соленую воду и питаются солониной, без конца сражаются с морем, болезнями и тоской. Но по возвращении домой они могут продать фунт чая на су дешевле, чем английские торговцы. Цель достигнута.

Для того чтобы все стало до конца понятно, нужно сказать, что американцы вкладывают в свою торговую деятельность невиданную доблесть.

Европейским коммерсантам всегда будет трудно выдерживать конкуренцию с американскими, которые действуют описанным образом не только по расчету, но и главным образом в силу свойств своей натуры.

Жители Соединенных Штатов испытывают все те потребности и желания, которые существуют в развитом культурном обществе. Но Америка не Европа, общество там еще недостаточно искусно и не способно удовлетворить все желания людей. Потому им нередко приходится самим мастерить то, без чего они не могут обходиться в силу своего воспитания и привычек. Случается, что один человек пашет поле, строит дом, мастерит инвентарь, шьет обувь и ткет грубую ткань, из которой делает одежду. Это снижает качество производимых предметов, но весьма способствует развитию человеческих способностей. Ведь развитое разделение труда обедняет духовный мир человека, делает его творения бездушными. В такой стране, как Америка, где специалистов очень мало, нельзя требовать длительного обучения от людей, избравших какую-либо профессию. Поэтому американцам нетрудно изменить профессию, и они меняют ее в

случае необходимости. Можно встретить людей, которые в своей жизни были адвокатами, земледельцами, коммерсантами, проповедниками, врачами. В каждом отдельно взятом ремесле американцы менее искусны, чем европейцы, но они более или менее знакомы со всеми ремеслами. Они больше умеют, у них шире сфера приложения способностей. Американцы никогда не связывают себя навечно ни с какой профессией, им незнакомы профессиональные предрассудки, они не отдают предпочтения какой-либо одной деятельности, им чужды тяга к старым способам работы и неприятие новых. Словом, у них самих не возникает никаких привычек, так как они осознают, что их страна не похожа ни на какую другую и занимает особое место в мире.

Американцы живут в стране чудес, все вокруг них находится в постоянном движении, и они воспринимают это движение как прогресс. Для них обновление обозначает совершенствование. Они не видят никаких природных границ человеческой деятельности, и в их представлении не существует лишь того, чего люди не пытались еще сделать.

Из-за царящего в Соединенных Штатах всеобщего движения, из-за частых превратностей судьбы и неожиданных перемещений общественного и частного богатства человек пребывает в лихорадочном возбуждении, благодаря которому он всегда готов к лю-

бым действиям и которое возвышает его над остальным человечеством. Для американцев жизнь — это партия в игре, это революция, это день сражения.

Воздействие этих причин одновременно на всех американцев накладывает неотразимый отпечаток на их национальный характер. Любой американец горяч в желаниях, предприимчив, отважен и в особенности полон новаторского духа. Эти свойства проявляются во всех его делах: в политических законах, религиозных учениях, теориях управления обществом, частном предпринимательстве. Они присущи ему повсюду, как в городах, так и в лесных чащобах. Именно благодаря этим качествам американские торговые моряки плавают быстрее и с меньшими издержками, чем коммерсанты какой-либо другой страны.

И до тех пор, пока за ними будет сохраняться это интеллектуальное, а следовательно, и практическое превосходство, они не только будут самостоятельно удовлетворять потребности производителей и потребителей своей страны, но будут все в большей степени служить посредниками между другими странами, как это делают англичане[96].

Это начинает осуществляться уже сейчас. Мы видим, что мореплаватели Соединенных Штатов становятся торговыми посредниками между многими европейскими странами[97], еще больше возможностей для такой деятельности у них будет на Американском континенте.

Испанцы и португальцы основали в Южной Америке крупные колонии, которые со временем превратились в империи. Сегодня в этих обширных странах царит деспотизм или идут опустошительные гражданские войны. Население там не растет, и то небольшое количество людей, которое там живет, поглощено заботой о защите своей жизни и едва ли может думать об улучшении своей судьбы.

Но это не может продолжаться вечно. Предоставленная сама себе Европа нашла в себе силы преодолеть средневековый обскурантизм. Как и в Европе, в Южной Америке исповедуется христианство, ее законы и обычаи близки к европейским. Следовательно, Южная Америка располагает зачатками цивилизации, созданной многими поколениями европейских народов. Кроме того, перед ней пример развитых европейских стран. Все это способствует тому, чтобы она вышла из варварского состояния.

Это лишь вопрос времени. Рано или поздно в Южной Америке появятся процветающие и просвещенные народы.

Но в то время, когда у южноамериканских испанцев и португальцев возникнут потребности, свойственные культурным народам, у них еще не будет возможностей самостоятельно удовлетворять их. Им, как младшим сыновьям цивилизации, придется испытать на себе превосходство более развитых братьев. Их страны не сразу станут промышленными и торговыми, они еще долго будут оставаться аграрными, и им понадобится посредничество иностранцев для транспортировки и продажи их продукции за океаном, а также для доставки им в обмен того, в чем они отныне будут нуждаться.

Нет никакого сомнения в том, что североамериканцам суждено в будущем прийти на помощь странам Южной Америки в деле удовлетворения их потребностей. Волей судьбы они живут рядом. Благодаря природным условиям им легко узнать и оценить потребности этих стран, завязать с их народами постоянные отношения и постепенно овладеть их рынком. Только европейские коммерсанты, если бы они были сильнее американских, могли бы помешать им воспользоваться этими естественными выгодами, но они, напротив, во многих отношениях слабее их. Уже сейчас жители Соединенных Штатов оказывают большое моральное влияние на все народы Нового

Света. Именно они распространяют знания. Все народы, живущие на Американском континенте, уже привыкли считать их самыми просвещенными, могущественными и богатыми представителями большой семьи американских народов. Поэтому они постоянно следят за жизнью Союза и, насколько могут, сближаются с населяющими его народами, часто заимствуют у Соединенных Штатов политические учения и законы.

96 Не следует думать, что английские корабли лишь доставляют иностранные товары в Англию, а английские — в другие страны. В настоящее время английский торговый флот представляет собой крупное предприятие по перевозке грузов, готовое служить производителю любой страны и осуществлять сообщения между всеми народами. Благодаря своим мореплавательным талантам американцы, возможно, создадут соперничающее предприятие.

97 Уже сейчас перевозка товаров по Средиземному морю осуществляется отчасти американскими кораблями.

Американцы, живущие в Соединенных Штатах, занимают по отношению к народам Южной Америки точно такое же место, какое англичане, народ, от которого они произошли, занимают по отношению к итальянцам, испанцам, португальцам и другим европейским нациям. Эти последние, находясь на более низком уровне развития культуры и промышленности, покупают у англичан большинство предметов потребления.

Сегодня Англия является для всех народов, вступающих с ней во взаимоотношения, подлинным центром торговли. Нет сомнения, что американскому Союзу уготована та же роль в другом полушарии. Можно сказать, что американцы извлекают выгоду из отношений со всеми молодыми и растущими народами Нового Света,

В случае распада Союза развитие коммерческой деятельности входящих в него штатов, конечно, задержится, но не в такой степени, как полагают некоторые. Ясно, что при любых условиях торговые штаты сохранят единство. Они имеют общие границы, в них бытуют очень близкие убеждения, интересы и нравы, и они одни могут создать великую морскую державу. Даже если Юг Союза станет независимым от Севера, он не сможет без него обходиться. Юг, как известно, не занимается коммерческой деятельностью, и ничто не предвещает там ее развития. Поэтому южане еще в течение длительного времени будут вынуждены прибегать к услугам иностранцев для того, чтобы экспортировать свои товары и получать необходимые им предметы. А из всех

возможных посредников их соседи-северяне запросят с них меньше всех за услуги. И они примут их услуги потому, что дешевизна — это верховный закон торговли, и ни суверенная воля народа, ни национальные предрассудки не могут ей долго противиться. Нет ничего более яростного, чем ненависть, которую испытывают друг к другу американцы и англичане. Но несмотря на эту вражду, англичане поставляют в Соединенные Штаты немало промышленных товаров по одной-единственной причине: торговать с американцами им выгоднее, чем с другими народами. Так, против воли американцев их растущее благосостояние приносит пользу промышленности Англии.

Разум и опыт доказывают, что крупная торговая деятельность не может долго осуществляться, если при необходимости ее не поддерживает военная сила.

Соединенные Штаты, как и другие страны, это хорошо понимают. Они уже в состоянии заставить уважать свой флаг, вскоре они заставят его опасаться.

Я убежден, что разрушение Союза не только не ослабит мощь американского флота, но и значительно ее увеличит. Сейчас штаты, занимающиеся торговлей, связаны с теми, которые ею не занимаются, и зачастую не очень охотно идут на развитие мореплавания, поскольку не получают от него прямой выгоды.

Если же все торговые штаты Союза объединятся в единое государство, торговля превратится для них в первоочередное национальное дело. Они будут готовы на большие жертвы для защиты своих кораблей, и ничто не помешает им претворить в жизнь это желание.

Думаю, что судьбу целых народов, как и отдельных людей, можно определить в общих чертах в самом их юном возрасте. Коммерческий дух американцев, легкость, с которой они занимаются торговлей, и достигаемые ими успехи — все это приводит к мысли, что когда-нибудь они станут первой морской державой. Так же как римлянам было суждено завоевать мир, им суждено овладеть морями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я приближаюсь к концу. До сих пор, говоря о будущем Соединенных Штатов, для более тщательного анализа я разбивал эту тему на части.

Теперь я хочу объединить все эти части и высказать свою точку зрения по этому вопросу в целом. Она будет обобщенной и менее спорной. В ней не будут представлены все детали по

отдельности, но будут четко выделены общие факты. Я поставлю себя в положение путешественника, который выходит за стены большого города и поднимается на ближайший холм. По мере того как он отдаляется, люди, с которыми он только что расстался, исчезают из его поля зрения, дома сливаются, площади скрываются из виду, он едва различает линии улиц. Но зато он лучше видит очертания города, он впервые замечает его форму. Мне кажется, что точно так же я вижу будущее английского народа в Новом Свете. Подробности этой огромной картины остаются в тени, но мне понятна ее композиция, ясно видна картина в целом.

Территория, которую занимают или которой владеют в настоящее время Соединенные Штаты Америки, составляет двадцатую часть обитаемой земли.

Как бы велики ни были ее просторы, не следует думать, что американцы английского происхождения будут ею довольствоваться. Уже сейчас они уходят далеко за ее пределы.

Было время, когда мы тоже могли заселить американскую глушь великим французским народом и вместе с англичанами определять судьбы Нового Света. Некогда Франция владела в Северной Америке территорией, почти равной целой Европе. Три самые крупные реки континента находились на нашей территории. Индейские племена, жившие от устья реки Святого Лаврентия до дельты Миссисипи, слышали только нашу речь, все европейские поселения, разбросанные на этом огромном пространстве, напоминали о родине: они назывались Луибур, Монморанси, Дюкен, Сен-Луи, Венсенн, Новый Орлеан — все это названия, дорогие французам, привычные их слуху.

Но обстоятельства [1], описание которых заняло бы слишком много места, лишили нас этого прекрасного достояния. Там, где французов было мало и они были слабы, они исчезли. Остальные компактно поселились на небольшом пространстве и стали гражданами другой страны. Четыреста тысяч французов, живущих на юге Канады, — это все, что осталось сегодня от бывшего французского населения, затерявшегося среди вновь пришедшего многочисленного народа. Они живут в окружении иностранцев, число которых постоянно растет, которые расселяются во все концы страны, проникают даже в ряды бывших хозяев этой земли, господствуют в их городах и искажают их язык. И эти люди происходят от того же народа, что и жители Соединенных Штатов. Поэтому, не боясь ошибиться, я могу сказать, что английские колонисты живут не только в Союзе, но проникают и на северо-восток, далеко за его пределы.

[1] Прежде всего следующее: свободные и привыкшие к

местному самоуправлению народы с большей легкостью, чем другие, создают процветающие колонии. В новой стране, где успех всегда в значительной степени зависит от индивидуальных усилий переселенца, совершенно необходимо уметь самостоятельно мыслить и управлять своими делами.

293

На северо-западе можно встретить лишь несколько незначительных русских поселений, но на юго-западе американским переселенцам преграждает путь Мексика.

Поэтому в действительности Новый Свет в настоящее время поделен между двумя соперничающими народами: испанцами и англичанами.

Границы проживания этих двух народов были определены договором. Но несмотря на все выгоды, которые американцы английского происхождения получили по этому договору, я ни минуту не сомневаюсь в том, что они в скором времени его нарушат.

За границами Союза в сторону Мексики расположены обширные малонаселенные провинции. Жители Соединенных Штатов поселятся в этих пустынных местах раньше мексиканцев, имеющих на них все права. Североамериканцы захватят земли этих провинций, создадут там общество, и, когда в конце концов явится законный хозяин, он обнаружит, что пустыня возделана и на его землях спокойно живут иностранцы.

В Новом Свете земля принадлежит тому, кто занимает ее первым, а власть — тому, кто опережает другого.

Заселенным краям также будет нелегко противостоять этому натиску.

Мне уже приходилось говорить о том, что происходит в провинции Техас. Жители Соединенных Штатов понемногу, но беспрерывно проникают туда, покупают там земли. Правда, они подчиняются законам Техаса, но в то же время насаждают там свой язык и свои нравы. Пока еще Техас принадлежит Мексике, но вскоре там не останется мексиканцев. То же самое происходит везде, где американцы, выходцы из Англии, соприкасаются с американцами, потомками других европейских народов.

Совершенно очевидно, что англичане в Новом Свете имеют огромный перевес над всеми остальными европейскими народами. Они ушли далеко вперед в культуре, промышленности и могуществе. До тех пор пока они будут видеть пустынные или малонаселенные края, до тех пор пока они не встретят на своем пути плотно проживающего населения, которое остановит их движение, они будут занимать все новые земли. Их не остановят

указанные в договорах границы, напротив, они повсюду сметут эти воображаемые преграды.

Стремительному расселению англичан в Новом Свете способствует также географическое положение мест их проживания.

На севере их границы приближаются к полярным льдам, а на юге — к тропикам экватора. Таким образом, англичане живут в умеренной климатической зоне Америки, той, которая лучше всего подходит для жизни.

Некоторые полагают, что поразительный рост населения Соединенных Штатов начался лишь после завоевания независимости. Это заблуждение. В те времена, когда страна была колонией, оно росло так же быстро, как сейчас, то есть приблизительно удваивалось каждые двадцать два года. Но тогда это были тысячи жителей, сейчас это миллионы. Вот почему то, что было незаметно сто лет назад, так поражает сегодня.

Английское население Канады растет и расселяется так же быстро, как население Соединенных Штатов, хотя канадцы живут в монархическом государстве, а жители Соединенных Штатов — в республике.

Во время Войны за независимость, длившейся восемь лет, указанное соотношение роста населения оставалось неизменным.

На западных границах Соединенных Штатов жили в то время многочисленные индейские племена, вступившие в союз с англичанами. Однако это нисколько не замедлило заселение эмигрантами западных земель. В то время как враги опустошали побережье Атлантического океана, Кентукки, западные округа Пенсильвании, штат Виргиния и Мэн продолжали заселяться. Несмотря на беспорядок, пришедший на смену войне, население по-прежнему росло и постепенно расселялось в пустынных местах. Это доказывает, что различия в законах, состояние войны или мира, порядок или анархия — все это оказывало лишь незначительное влияние на неуклонный рост англоамериканского населения.

Понять это нетрудно: не существует причин столь всеобъемлющего характера, воздействие которых могло бы ощущаться во всех концах такой огромной территории. Поэтому всегда можно найти в стране такое место, которое послужило бы надежным убежищем от потрясений, происходящих в других местах. Как бы велики ни были беды, возможности избежать их не менее велики.

Все говорит о том, что ничто не может остановить

стремительный рост английского населения в Новом Свете. Распад Союза и война на континенте, падение республики и установление тиранической власти могут лишь задержать его развитие, но отнюдь не помешать достичь того, что ему предназначено судьбой. На земле нет такой силы, которая могла бы преградить эмигрантам путь в эту богатую глушь, дающую широкие возможности для приложения человеческого труда и предоставляющую убежище для всех несчастных. Как бы ни развивались события в будущем, ничто не может лишить американцев их климата, их внутренних морей, их великих рек и плодородных земель. Неудачные законы, революции, анархия не способны уничтожить две основные черты их характера: стремление к благосостоянию и предприимчивость. Ничто не сможет также лишить их свойственной им просвещенности.

При всей непредсказуемости будущего одно несомненно. Можно сказать, что сравнительно скоро — ибо мы говорим о жизни народов — наступит время, когда англоамериканцы будут занимать огромное пространство, которое простирается от полярных льдов до тропиков, им будут принадлежать земли от песчаного побережья Атлантического океана до берегов Южного моря.

Территория, которую в будущем будет занимать англоамериканское население, равна, по моим оценкам, трем четвертям Европы[2].

В целом климат и природные условия в Союзе лучше, чем в Европе. Ясно, что в будущем плотность его населения будет сравнима с плотностью населения в Европе.

В Европе, разделенной на множество стран, раздираемой постоянно вспыхивающими войнами и опустошенной средневековым варварством, живет четыреста десять жителей на квадратном лье[3]. Какие же причины могли бы помешать Соединенным Штатам иметь в будущем такое же население?

Должно пройти немало времени для того, чтобы между представителями английского народа в Америке возникли различия. Пока ничто не предвещает наступления эпохи, когда в Новом Свете возникнет постоянное социальное неравенство людей.

Как бы по-разному ни складывались судьбы сыновей великой англоамериканской семьи под воздействием мира и войны, свободы и тирании, процветания и нищеты, они всегда будут иметь равное общественное положение, а следовательно, и общие обычаи и представления.

В средние века единая религия позволила различным народам Европы объединиться и создать общую цивилизацию.

Англичане, живущие в Новом Свете, объединены многочисленными связями и живут в век, когда все люди тяготеют к равенству.

Средние века были эпохой раздробленности. Каждый народ, провинция, город и семья всеми силами стремились к обособленности. В наши дни наблюдается противоположная тенденция: народы, как мне кажется, движутся к единству. Возникают интеллектуальные связи между самыми отдаленными уголками земли, и люди не могут и дня прожить в изоляции и неведении того, что происходит в каком-либо месте планеты. В связи с этим сегодня европейцы и происходящие от них жители Нового Света отличаются, несмотря на разделяющий их океан, меньше, чем некоторые города в XIII веке, между которыми всего лишь текла река.

Этот уравнительный процесс сближает народы. Еще в большей степени он противостоит размежеваниям внутри одного народа

Наступит день, когда в Северной Америке будут жить сто пятьдесят миллионов человек[4], равных между собой, принадлежащих к одному народу, имеющих равные возможности, одинаковый уровень культуры, говорящих на одном языке, исповедующих одну религию, имеющих одинаковые привычки и нравы. Им будет присуще единое восприятие вещей и единый образ мысли. Во всем остальном можно усомниться, но это — несомненно. И это нечто совершенно новое в мире, нечто такое, значение чего не укладывается даже в воображении.

[2] Одни Соединенные Штаты занимают пространство, равное половине Европы. Площадь Европы составляет 500 тысяч квадратных лье, ее население достигает 205 миллионов жителей. *Мальт-Брюн,* т.VI, КН.CXIV, с.4.

[3] *См.: Мальт-Брюн,* T.VI, кн.CXVI, с.92.

[4] Это население, пропорциональное населению Европы, при средней плотности 410 человек на квадратном лье.

В настоящее время в мире существуют два великих народа, которые, несмотря на все свои различия, движутся, как представляется, к единой цели. Это русские и англоамериканцы.

Оба этих народа появились на сцене неожиданно. Долгое время их никто не замечал, а затем они сразу вышли на первое место среди народов, и мир почти одновременно узнал и об их существовании, и об их силе.

Все остальные народы, по-видимому, уже достигли пределов своего количественного роста, им остается лишь сохранять

имеющееся; эти же постоянно растут[5]. Развитие остальных народов уже остановилось или требует бесчисленных усилий, они же легко и быстро идут вперед, к пока еще неизвестной цели.

Американцы преодолевают природные препятствия, русские сражаются с людьми. Первые противостоят пустыне и варварству, вторые — хорошо вооруженным развитым народам. Американцы одерживают победы с помощью плуга земледельца, а русские — солдатским штыком.

В Америке для достижения целей полагаются на личный интерес и дают полный простор силе и разуму человека.

Что касается России, то можно сказать, что там вся сила общества сосредоточена в руках одного человека.

В Америке в основе деятельности лежит свобода, в России — рабство.

У них разные истоки и разные пути, но очень возможно, что Провидение втайне уготовило каждой из них стать хозяйкой половины мира.

[5] Из всех стран Старого Света в России при равных условиях население растет быстрее всего.

Примечания автора

Часть первая

С. 38

По поводу всех тех западных территорий, на которые еще не проникли европейцы, смотрите отчеты о двух путешествиях, предпринятых майором Лонгом на деньги, выделенные конгрессом.

Говоря о почти необитаемой Великой американской равнине, Лонг особо отмечает, что для определения ее границ необходимо мысленно провести линию, почти параллельную 20 градусам долготы (меридиан города Вашингтона[1]), идущую от реки Красная к реке Платт. От этой воображаемой линии вплоть до Скалистых гор, ограничиваемых с запада долиной реки Миссисипи, простирается бескрайняя равнина, в основном покрытая бесплодными песками или усыпанная обломками гранитных скал. Летом здесь нет воды. Из животных на равнине пасутся лишь огромные стада бизонов и диких лошадей. Иногда встречаются отряды индейцев, но они немногочисленны.

Майор Лонг слышал, что, если подняться вверх по реке Платт в том же направлении, то по левую сторону постоянно будет простираться все та же пустыня, однако проверить эти сведения лично он не имел возможности. (См.: Отчеты экспедиции Лонга, т.II, с.361.)

Сколь серьезное доверие ни вызывал бы отчет майора Лонга, не следует тем не менее забывать, что он лишь пересек описанную им территорию, не делая больших зигзагообразных отклонений от линии маршрута.

С. 39

В тропической зоне Южной Америки в невероятном изобилии произрастают эти вьющиеся растения, известные под общим названием «лиана». Флора только одних Антильских островов дает их более сорока различных видов.

Одной из самых изящных лиан является гранадиллия. Это красивое растение, утверждает Декуртиз в своем описании растительного царства Антильских островов, с помощью имеющихся у него усиков обвивает деревья, образуя колышащиеся аркады и колоннады, очаровательно украшенные пурпурными и голубыми цветами, которые издают восхитительный аромат (т.1, с.265).

Крупностручковая акация—это очень крупная,

быстрорастущая лиана, которая, переходя с дерева на дерево, подчас одна покрывает пространство более полулье в длину (т.111, с.227).

С. 40

Об американских языках

Утверждается, что все языки, на которых говорят индейцы, населяющие Америку от Северного полюса до мыса Горн, устроены по одной и той же модели и подчиняются од-

[1]20 градусов западной долготы — меридиан, проходящий неподалеку от города Вашингтона, — примерно соответствуют 99 градусам восточной долготы, то есть Парижскому меридиану.

297

ним и тем же грамматическим правилам. На этом основании с большой долей вероятности можно заключить, что все индейские народности имеют единое происхождение.

Каждое племя американских индейцев говорит на особом диалекте, но самостоятельных языков здесь очень мало, что также подтверждает предположение о сравнительно молодом возрасте народностей Нового Света

И наконец, языки населения Америки чрезвычайно правильны. Поэтому вполне возможно, что говорящие на них народы еще не знали великих потрясений и революций и не смешивались, будь то насильно или добровольно, с чужими народами, ибо, как правило, лишь слияние многих языков в один создает неправильные грамматические формы.

Лишь с недавних пор американские языки, и в особенности языки Северной Америки, привлекли серьезное внимание филологов. Так, впервые было обнаружено, что эта речь варварского народа являет собой продукт весьма сложной системы идей и их весьма ученых сочетаний. Было отмечено и большое богатство этих языков, а также то обстоятельство, что их создатели проявили весьма заботливое отношение к благозвучию.

Грамматическая система языков американских индейцев во многих отношениях отличается от всех остальных языков, но самое главное отличие заключается в следующем.

Некоторые европейские народы, и среди них немцы, способны при необходимости соединять воедино различные формы и понятия, создавая таким образом сложные слова. Индейцы самым поразительным образом расширили это свойство языка, получив возможность, так сказать, сводить в одну точку множество идей. Это легко можно понять с помощью примера, приведенного господином Дюпонсо в «Трудах Американского философского общества».

Играя с кошкой или со щенком, делавэрская женщина может произнести, как неоднократно было замечено, слово kuligatschis. Это сложное слово состоит из следующих элементов: «k» — определение 2-го лица и может значить «ты» или «твой»; uli, произносимое как «ули», представляет собой часть слова wulit со значением «красивый»; gat в свою очередь — часть слова wichgat, имеющего значение «лапа»; и, наконец, schis, произносимое как «шиз», — это уменьшительное окончание, передающее представление о небольшом размере. Таким образом, одним-единственным словом индейская женщина сказала: «Твоя красивая маленькая лапа».

Приведем другой пример, показывающий, сколь удачно американские дикари умеют сочетать слова своего языка.

По-делавэрски молодого человека называют pilape'. Это слово образовано из pilsit, то есть «чистый, невинный», и lenape'—«мужчина» и, следовательно, означает: «мужчина в его чистоте и невинности».

Эта способность сочетать друг с другом различные слова дает совершенно неожиданные результаты при образовании глаголов. Часто самое сложное действие выражается с помощью одного-единственного глагола, и почти все нюансы идеи воздействуют на глагол, модифицируя его.

Желающим подробнее ознакомиться с данным вопросом, который я лишь крайне поверхностно здесь затрагиваю, следует прочитать:

1. Переписку господина Дюпонсо с преподобным Хеквельдером по поводу индейских языков. Эта переписка была опубликована в первом томе «Трудов Американского философского общества», изданном в Филадельфии в 1819 году под редакцией Эйбрехема Смолла, с.356 — 464.

2. Грамматику языка делавэров, или ленапов, изданную Гейбергером с предисловием Дюпонсо, которое прилагается. Обе работы были опубликованы в третьем томе указанного выше издания.

3. Очень хорошо написанное резюме этих работ в конце тома VI «Американской энциклопедии».

С. 41

В книге Шарлевуа (т.1, с.235) дана история первой войны между французами Канады и ирокезами, имевшей место в 1610 году. Последние, хотя и были вооружены лишь луками и стрелами, оказали отчаянное сопротивление французам и их союзникам. Шарлевуа, не обладавший особым даром художественного слова, в приводимом отрывке очень хорошо описал различия, характерные для нравов европейцев и дикарей,

и совершенно разные подходы представителей этих двух рас к понятию чести.

298

«Французы, — пишет он, — захватили бобровые шкуры, которыми были укрыты тела погибших ирокезов. Гуроны, их союзники, были возмущены этим. В свою очередь они приступили к своим обычным пыткам пленных, съев одного из уже погибших, что привело в неописуемый ужас французов. Таким образом, — заключает Шарлевуа, — эти варвары гордились тем бескорыстием, которого они, к своему удивлению, не нашли в нашей нации, и не могли понять, отчего это ограбление мертвых считается у нас злом значительно меньшим, чем пожирание их плоти, подобное пиру диких зверей».

В аналогичной манере тот же Шарлевуа в другом месте книги (т.1, с.230) описывает первую казнь, свидетелем которой стал Шамплен, и возвращение гуронов в свой собственный поселок. «Пройдя расстояние в восемь лье, — повествует он, — наши союзники остановились и, выбрав одного из своих пленников, стали упрекать его за все те муки, которые он причинил воинам их племени, попавшим в его руки; они заявили ему, что он должен приготовиться к аналогичному обращению с их стороны, и добавили при этом, что если у него мужественное сердце, то пусть он докажет это, начав петь песню. Он тотчас же запел боевую песню и пел все, какие только знал, но голос его был очень грустным, — говорит Шамплен, который еще не мог тогда знать, что вся музыка дикарей звучит несколько мрачновато.— Пытки пленного, сопровождавшиеся всеми теми ужасами, о которых мы еще расскажем, потрясли французов, но все их усилия положить этому конец ни к чему не привели. На следующую ночь одному из гуронов приснилось, что за ними идет погоня, и их отход превратился в подлинное бегство, причем дикари нигде не хотели останавливаться до тех пор, пока не оказались в полной безопасности.

Когда показались хижины их поселка, они сразу нарубили длинных палок, на которые прикрепили доставшиеся им при дележе скальпы, и поплыли с ними триумфальным парадом. При их виде на берег выбежали женщины, бросились в воду и вплавь добрались до каноэ, где они схватили окровавленные скальпы из рук своих мужей и повесили их себе на шеи.

Воины предложили Шамплену один из этих ужасных трофеев и в качестве еще одного дара выделили ему несколько луков и стрел — единственную добычу, которую они захотели взять у ирокезов, — попросив показать эти трофеи королю Франции».

Шамплен один прожил всю зиму у этих варваров, и ни разу ни ему самому, ни его имуществу ничего не угрожало.

С. 51

Хотя пуританский ригоризм, господствовавший в период создания английских колоний в Америке, уже в значительной мере ослабел, в местных обычаях и законах все еще встречаются его своеобразные черты.

В 1792 году, в то самое время, когда начала свое эфемерное существование Французская республика, порождение Антихриста, законодательное собрание штата Массачусетс утвердило закон, преследовавший цель заставить граждан соблюдать воскресенье. Привожу преамбулу и основные статьи данного закона, вполне заслуживающие пристального внимания читателя:

«Ввиду того что соблюдение воскресенья является делом общественной важности, ибо оно требует полезного прекращения трудовой деятельности с тем, чтобы человек мог поразмышлять о смысле земной жизни и о слабостях рода человеческого, склонного постоянно заблуждаться, и поскольку оно позволяет людям в уединенном и публичном местах возблагодарить Господа нашего, Творца и Вседержителя Вселенной, и посвятить себя благотворительной деятельности, которая является украшением и благостью христианского сообщества;

ввиду того что неверующие и легкомысленные личности, забывая свои обязанности по соблюдению воскресенья и о связанной с этим общественной пользе, оскверняют его святость, позволяя себе в этот день развлекаться или же трудиться, и таким образом выступают против своих собственных христианских интересов; а также поскольку подобное отношение расстраивает тех, кто не следует их примеру, и приносит реальный вред всему обществу, так как знакомит его с распущенными и разнузданными привычками,

сенат и палата представителей постановляют следующее:

1. В воскресный день никому не будет позволено держать открытыми свои магазины или свои мастерские. В этот день никто не должен работать или заниматься какими бы то ни было делами, посещать концерты, балы или любые зрелища, а

также под угрозой штрафа никто не должен заниматься какой бы то ни было охотой, развлекаться или играть. Размер штрафа будет не менее 10 и не более 20 шиллингов за каждое нарушение закона.

2. Всякий путешественник, ездовой или извозчик, за исключением случаев крайней необходимости, не должен

путешествовать по воскресеньям под угрозой такого же штрафа.

3. Владельцы таверн, гостиниц и различные торговцы должны следить за тем, чтобы никакой житель их города не посещал их заведения в воскресный день для приятного или же делового времяпрепровождения. В случае несоблюдения данного закона и владелец гостиницы и его постоялец подвергнутся штрафу. А владелец гостиницы, кроме того, может быть лишен лицензии.

4. Лица, находящиеся в полном здравии и без достаточных на то оснований пропускающие в течение трех месяцев публичные богослужения, будут оштрафованы на 10 шиллингов.

5. Лица, ведущие себя в храме неподобающим образом, могут быть оштрафованы на сумму от 5 до 40 шиллингов.

6. Контроль за соблюдением настоящего закона возложен на городских судебных исполнителей[2]. Они наделяются правом по воскресеньям входить в любые помещения гостиниц или иных общественных мест. Владелец, отказавшийся предоставить судебному исполнителю доступ в свою гостиницу, только за это нарушение штрафуется на сумму до 40 шиллингов.

Судебные исполнители обязаны останавливать путешественников и выяснять у них причины, побудившие их в воскресенье находиться в пути. Лица, отказавшиеся ответить, должны быть оштрафованы на сумму, не превышающую 5 фунтов стерлингов.

Если объяснения, данные путешественником, не покажутся судебному исполнителю убедительными, он возбуждает против него судебный иск, обратившись к мировому судье округа». Закон от 8 марта 1792 года — Общее право штата Массачусетс, т.1, с.410.

11 марта 1797 года был принят новый закон, увеличивший суммы штрафов, причем половина из них предназначалась лицу, обвинявшему нарушителя. См. указанное издание, т.1, с.525.

Закон от 16 февраля 1816 года подтвердил применение тех же санкций. См. указанное издание, т.П, с.405.

Аналогичные пункты содержались в законах штата Нью-Йорк, пересмотренных в 1827 и 1828 годах. (См. Поправки к законам, ч. 1, гл. XX, с.675.) В них запрещается охотиться, ловить рыбу, играть и посещать заведения, в которых по воскресеньям продаются спиртные напитки. Никто не имеет права путешествовать без крайней на то необходимости.

Это не единственный след, который глубокая религиозность и суровый нрав первых переселенцев оставили в американских законах.

В первом томе Поправок к законам штата Нью-Йорк на с. 662 содержится следующая статья: «Если в течение двадцати четырех

часов кто-то выигрывает или проигрывает в азартные игры или на пари сумму в 25 долларов (около 132 франков), то тем самым он совершает судебно наказуемый проступок и в случае доказанности вины должен быть оштрафован на сумму, превосходящую по меньшей мере пятикратно размер его проигрыша или выигрыша; указанная сумма штрафа должна быть передана инспектору той службы, которая отвечает за помощь городской бедноте.

Лицо, проигравшее 25 или более долларов, может обратиться с иском о возврате своих денег в судебном порядке. Если же потерпевший в суд не обращается, инспектор службы помощи городской бедноте имеет право сам выступить истцом на процессе о взыскании с выигравшего данной суммы в четырехкратном размере в пользу бедных».

Процитированные законы были приняты совсем недавно, но кто сможет понять их, не возвращаясь мысленно в прошлое, в то самое время, когда колонии только зарождались? Я не сомневаюсь, что в наши дни карательные меры, предусмотренные данными законами, применяются крайне редко; законы сохраняют свою нерушимость даже тогда,

[2] Ежегодно избиравшиеся должностные лица, обязанности которых одновременно включали в себя функции, которые во Франции разделены между сельскими полицейскими и служащими прокуратуры.

когда нравы уже уступают веяниям времени. Тем не менее соблюдение воскресенья в Америке—это один из тех обычаев, которые больше всего удивляют иностранцев.

Есть в Америке один большой город, в котором общественная жизнь с субботнего вечера как бы совершенно замирает. Пройдя по его улицам в тот час, когда взрослые люди обычно спешат по своим делам, а молодежь бродит в поисках развлечений, вы обнаружите, что прогуливаетесь в полном одиночестве. Люди не только не работают, но кажется, будто город вымер. Вы не слышите ни звуков, сопутствующих хозяйственной деятельности, ни голосов отдыхающих людей, не слышите даже того приглушенного шума, который беспрестанно рождается в недрах любого большого города. На церковных вратах цепи; полузакрытые ставни на окнах как бы нехотя позволяют солнечному лучу проникать внутрь жилых домов. Лишь изредка вы увидите вдали одинокого человека, бесшумно пересекающего перекресток или скользящего вдоль пустынной улицы.

На рассвете следующего дня вы вновь слышите стук колес

повозок, удары молотов, крики людей. Город просыпается, и беспокойная тол па устремляется в конторы и на фабрики. Все вокруг вас теснится, движется, волнуется. Своего рода летаргическое оцепенение сменяется лихорадочной активностью; можно предположить, что в распоряжении каждого человека остался лишь один-единственный день, в течение которого он имеет возможность накопить богатство и насладиться его обладанием.

С. 54

Нет надобности предупреждать, что в данной главе я не намеревался написать всю историю Америки. Единственная моя цель заключалась в том, чтобы дать читателю возможность самому оценить то влияние, которое воззрения и нравы первых переселенцев оказали на судьбы различных колонии и Соединенных Штатов в целом. Поэтому я должен был ограничиться цитированием отдельных разрозненных фрагментов.

Быть может, я и ошибаюсь, но мне кажется, что, пойдя по лишь намеченному мною здесь пути, можно написать такую картину младенчества американских колоний, которая привлекла бы внимание широкой публики и, без сомнения, предоставила бы государственным деятелям богатый материал для размышлений. И поскольку я сам не имею возможности взяться за эту работу, мне хотелось бы по крайней мере несколько облегчить ее для других. Поэтому я считаю своим долгом дать здесь краткий перечень и беглый анализ тех работ, которые представляются мне наиболее ценными в качестве источников.

Из документов общего характера, которые вполне могут послужить полезным справочным материалом, в первую очередь я бы назвал публикацию, озаглавленную «Историческое собрание государственных бумаг и других подлинных документов, подготовленных в качестве материалов для истории Соединенных Штатов Америки Эбенезером Хэзардом».

Первый том этой коллекции, опубликованный в Филадельфии в 1792 году, содержит точные тексты всех грамот, выданных эмигрантам английскими монархами, а также всех основных законов, принятых властями колоний в первый период их существования. В числе прочих в книгу вошло много подлинных документов из жизни Новой Англии и Виргинии в течение данного периода

Второй том почти полностью состоит из законодательных актов конфедерации 1643 года Этот союзный договор, заключенный между колониями Новой Англии с целью организации борьбы против индейцев, явился первым

прецедентом объединения англоамериканцев. Вслед за этим союзом еще несколько аналогичных договоров заключались вплоть до 1776 года, когда молодые колонии провозгласили свой суверенитет.

Один экземпляр сборника исторических документов, опубликованного в Филадельфии, хранится в Королевской библиотеке Франции.

Каждая из колоний имеет свои собственные исторические памятники письменности; многие из них очень ценные. Начну свой обзор с Виргинии, так как этот штат был заселен англичанами ранее всех других штатов.

Первым из всех историков Виргинии является ее основатель — капитан Джон Смит. Капитан Смит оставил нам книгу размером в $^1/_4$ долю листа, озаглавленную «Общая история Виргинии и Новой Англии, написанная капитаном Джоном Смитом, бывшим одно время губернатором этих местностей и адмиралом Новой Англии», напечатанную в Лондонев 1627 году (экземпляр этой книги имеется в фонде Королевской библиотеки). Работа Смита иллюстрирована картами и чрезвычайно любопытными гравюрами, относящи-

мися ко времени издания книги. Повествование хронологически охватывает промежуток времени с 1584 по 1626 год. Репутация книги Смита заслуженно высока. Ее автор — один из самых прославленных искателей приключений, живший в конце того авантюрного века, который дал миру столь многих из них; от самой этой книги веет жаждой открытий, тем духом предприимчивости, который был столь характерен для людей той эпохи. В книге рыцарский кодекс чести уживается с коммерческим духом, и оба они преследуют цель обогащения.

Но самой замечательной особенностью сочинения капитана Смита является то, что в его личности достоинства его современников сочетаются с теми качествами, которые остались чуждыми большей части из них; его слог прост и ясен, все его рассказы несут на себе печать правдивости, а его описания безыскусны.

Этот автор сообщает редкие сведения о состоянии индейцев в эпоху открытия Северной Америки.

Второй достойный внимания историк — Беверли. Сочинение Беверли было переведено на французский язык и в виде книги размером в 1/2 долю листа напечатано в Амстердаме в 1707 году. Автор начинает свое повествование с 1585 года и заканчивает его 1700-м. В первой части его книги опубликованы собственно

исторические документы, относящиеся к раннему периоду колонизации; вторая часть содержит любопытные картины жизни индейцев того далекого времени. Третья часть дает очень четкие представления относительно нравов, социального устройства, законов и политических институтов современной автору Виргинии.

Беверли был уроженцем Виргинии, и потому он с самого начала писал, что «молит читателей не судить его работу по слишком строгим критическим меркам, ибо, родившись в Вест-Индии, он не стремился к чистоте своего языка». Несмотря на подобные проявления колониальной скромности, автор на протяжении всей своей книги обнаруживает нежелание мириться с идеей превосходства метрополии. В сочинении Беверли содержатся также многочисленные свидетельства того духа гражданской свободы, которым в то время были воодушевлены жители британских колоний в Северной Америке. В работе также нашли отражение те разногласия, которые в течение долгого времени существовали в среде колонистов, значительно отсрочив обретение ими политической независимости. Своих соседей, католиков из Мэриленда, Беверли ненавидит даже сильнее, чем английское правительство. Стиль этого автора прост, его повествование часто вызывает неподдельный интерес и доверие. Французский перевод истории Беверли имеется в Королевской библиотеке.

Еще одну заслуживающую внимания работу я видел в Америке, но не смог найти ее во Франции; это книга, озаглавленная «История Виргинии, написанная Уильямом Ститом». В ней имеются интересные подробности, но в целом она показалась мне растянутой и многословной.

Самым ранним и надежным источником сведений по истории обеих Каролин является маленький том в 1/4 долю листа, опубликованный в Лондоне в 1718 году под названием «История Каролины, написанная Джоном Лоусоном».

Сочинение Лоусона начинается с описания экспедиции, организованной и предпринятой для исследования западной части Каролины. Отчет о ней дан в форме дневниковых записей; авторское повествование сбивчиво, а наблюдения — чрезвычайно поверхностны. Однако в книге встречаются удивительные описания тех страшных опустошений, которые производили оспа и виски среди дикарей той эпохи, а также дана любопытная картина поразившей их нравственной порчи, которая лишь усугублялась присутствием европейцев.

Вторая часть работы Лоусона посвящена описанию физической географии Каролины, ее природных ресурсов и

производительных сил.

В третьей части автор дает интересное описание нравов, обычаев и форм правления, господствовавших у индейцев того времени.

Этот раздел самый оригинальный, в нем часто обнаруживается здравый смысл автора

«История» Лоусона кончается сценой вручения грамоты представителям Каролины во времена правления Карла II.

Общая тональность этой работы определяется непринужденностью, часто граничащей с непристойностью, что являет собой полную противоположность глубокомысленным и серьезным сочинениям, опубликованным в этот же период в Новой Англии.

302

«История» Лоусона в Америке — настоящая библиографическая редкость, и в Европе ее раздобыть просто невозможно. Тем не менее в Королевской библиотеке имеется один экземпляр этой книги.

От самых южных районов Соединенных Штатов я перехожу непосредственно к самым северным. Территория, простирающаяся между ними, была заселена позднее.

Прежде всего я должен отметить очень интересную компиляцию, озаглавленную «Собрание Массачусетского исторического общества», впервые напечатанную в Бостоне в 1792 году и переизданную в 1806 году. Этой книги нет ни в Королевской, ни в какой другой, я полагаю, французской библиотеке.

Это «Собрание» представляет собой продолжающееся издание и содержит множество очень интересных документов, относящихся к истории различных штатов Новой Англии. Среди них — не издававшиеся прежде переписки и подлинные материалы, которые были обнаружены в провинциальных архивах. В него вошел полный текст сочинения Гукина об индейцах.

В той главе, к которой относится данное примечание, я уже много раз ссылался на работу Натаниела Мортона «Мемориал Новой Англии». Сказанного мною о ней вполне достаточно для того, чтобы убедить читателя в достоинствах этой книги, которая должна привлечь внимание всякого человека, желающего изучить историю Новой Англии. Эта работа Натаниела Мортона вышла в виде книги в 1/8 долю листа и переиздана в Бостоне в 1826 году. В Королевской библиотеке нет ни одного ее экземпляра.

Самой авторитетной и значительной книгой по истории

Новой Англии считается работа преподобного Коттона Мэзера «Великие деяния Христа в Америке, или Церковная история Новой Англии, 1620 —1698», переизданная в Хартфорде двухтомником в '/8 долю листа в 1820 году. Я не думаю, что эта книга имеется в Королевской библиотеке.

Автор разделил свое сочинение на семь книг.

В первой книге дана предыстория — все то, что подготавливало и способствовало основанию Новой Англии.

Во вторую книгу вошли жизнеописания первых губернаторов и крупнейших должностных лиц, управлявших поселениями этого региона.

Третья посвящена жизни и деятельности евангелических проповедников, в тот же самый период заботившихся о душах колонистов.

В четвертой книге автор знакомит с основанием и последующим становлением Гарвардского университета в Кембридже (штат Массачусетс).

В пятой описываются принципы и устав церковных организаций Новой Англии.

Шестая книга посвящена рассказам о тех вполне определенных событиях, которые, по мнению Мэзера, доказывали соучастие божественного Провидения в делах жителей Новой Англии.

И наконец, в седьмой книге автор знакомит нас с теми ересями и всякого рода невзгодами, против которых пришлось бороться церковным организациям Новой Англии.

Коттон Мэзер был евангелическим священнослужителем, родившимся и прожившим всю свою жизнь в Бостоне.

Все то рвение и все те религиозные страсти, которые в свое время привели к созданию колоний Новой Англии, одухотворяют и оживляют его повествование. Его писательская манера не безупречна, в ней часто проявляется недостаток хорошего вкуса, однако он захватывает внимание своим энтузиазмом, который в конечном счете передается читателю. Автор часто нетерпим, а еще чаще—легковерен, но вы никогда не почувствуете в нем сознательного желания обмануть. В его сочинении иногда даже встречаются великолепные пассажи и глубокие, правдивые мысли, как, например, нижеследующие.

«До прибытия пуритан,—пишет он (т.1, гл.1У, с.61),— англичане много раз пытались заселить страну, в которой мы живем. Однако поскольку они не ставили перед собой никакой более высокой цели, чем сугубо материальный успех, то, встречая препятствия, они тотчас же отчаивались. Так бывало до тех пор, пока в Америку не прибыли люди, которыми двигала, придавая

им силы, высокая религиозная идея. И хотя у них оказалось больше врагов, чем, возможно, у основателей всех других колоний, им удалось воплотить свой замысел, и созданные ими поселения просуществовали вплоть до наших дней».

Свое суровое повествование Мэзер иногда смягчает образами, полными доброты и нежности. Рассказав, например, об одной английской даме, которая, подчиняясь религиозным убеждениям, последовала за своим мужем в Америку и, однако, вскоре угасла, не

сумев перенести тягот и лишений добровольного изгнания, он добавляет: «Что же касается ее достойного супруга, Айзека Джонсона, то он попытался жить без нее, не смог и умер» (т.1, с.71).

Книга Мэзера чудесным образом передает ощущение того времени и тех мест, которые он стремился описать.

Желая нам объяснить, какими мотивами руководствовались пуритане, когда пытались найти себе убежище по другую сторону океана, Мэзер пишет: «Господь Всевышний воззвал к тем из своих сыновей, которые обитали в Англии. Он заставил сразу тысячи людей, никогда прежде не видевших друг друга, услышать слово Божие и наполнил их сердца желанием оставить свою полную удобств жизнь на родине, дабы переплыть грозный океан и обосноваться среди еще более грозной пустыни с одной-единственной целью — беспрепятственно следовать его заветам.

Теперь, прежде чем мы пойдем дальше, — добавляет он, — нелишне будет сказать о причинах этого начинания, с тем чтобы они были должным образом восприняты нашими потомками; особенно важно напомнить о них нашим современникам, дабы они, не утратив той цели, за которой упорно шагали их предки, не стали пренебрегать подлинными интересами Новой Англии. Поэтому я привожу здесь то, что было найдено в одной из старых рукописей, объясняющей некоторые из этих мотивов.

Во-первых, было бы великой заслугой перед Церковью распространить Евангелие в этой части света (в Северной Америке), дабы возвести здесь оплот, способный защитить верующих от происков Антихриста, стремящегося основать свое царство во всей вселенной.

Во-вторых, все другие Церкви Европы постигло запустение, и существует опасность, что Господь уже вынес этой нашей Церкви свой приговор. Кто знает, не предназначил ли Он место сие (Новую Англию) в качестве убежища для всех тех, кого Он хотел бы спасти от всеобщего уничтожения?

В-третьих, те страны, в которых мы живем, кажутся уставшими от количества своего народонаселения; человек — самое ценное из всех творений, ценится здесь меньше той земли, по которой он ходит. Дети, соседи, друзья, особенно бедные, считаются здесь тяжким бременем, и люди отвергают то, что при нормальном порядке вещей доставляет высшие радости жизни.

В-четвертых, мы так охвачены страстями, что уже никакое богатство не позволяет человеку поддерживать свой престиж среди равных себе. Однако того, кто не достигает богатства, презирают, и поэтому люди всех профессий стремятся обогащаться незаконными путями, вследствие чего человеку честному становится трудно избежать лишений и бесчестья.

В-пятых, школы, где обучают наукам и вере, столь коррумпированы, что большинство детей, причем часто лучшие, наиболее способные из них, на которых возлагались самые обоснованные надежды, оказываются совершенно испорченными из-за множества виденных ими дурных примеров, а также по причине распущенности их окружения.

В-шестых, разве не вся Земля являет собою сад Господень? Разве не дана она детям Адама для того, чтобы они обрабатывали и украшали ее? Отчего же должны мы здесь утесняться, испытывая нехватку земли, тогда как огромные территории, равным образом пригодные для жизни людей, остаются необжитыми и невозделанными?

В-седьмых, какое деяние может быть благороднее, прекраснее и достойнее христианина, нежели создание Реформированной Церкви и поддержание ее в период младенчества, объединение наших сил с силами верных людей, чтобы укрепить ее, содействовать ее процветанию, защитить от напастей, а может, и спасти от полного разрушения?

И в-восьмых, если бы известные своей набожностью люди, жизнь которых окружена здесь (в Англии) богатством и счастьем, оставили все эти земные блага ради того, чтобы основать эту Реформированную Церковь, и согласились разделить с нею неопределенность положения и тяготы судьбы, это было бы великим, полезным примером, который воодушевил бы верующих в их молитвах за колонии и вдохновил бы многих других людей последовать их начинанию».

Далее, освещая позиции Церкви Новой Англии в вопросах морали, Мэзер яростно обрушивается на обычай произносить за столом тосты за здравие, который он называет языческим и богомерзким.

С аналогичной суровостью он запрещает все те украшения, которые только могут женщины носить на голове, и безжалостно осуждает распространившуюся, по его словам, среди них моду оголять шею и руки.

В другом разделе своей работы он подробно рассказывает о многочисленных фактах колдовства, устрашавшего тогда Новую Англию. Несомненно, что прямое, явное вмешательство дьявола в дела сего мира представлялось ему неоспоримой, вполне доказанной истиной.

Во множестве мест этой же книги проявляет себя тот дух гражданской свободы и политической независимости, который был столь свойствен современникам автора. Их принципы управления обществом проявляются на каждом шагу. Так, например, мы узнаем, что жители Массачусетса в 1630 году, то есть всего через десять лет после основания Плимута, собрали 400 фунтов стерлингов для создания собственного университета в Кембридже.

Если от работ, освещающих общую историю всей Новой Англии, перейти к тем сочинениям, которые посвящены отдельным штатам данного региона, я бы в первую очередь отметил книгу под названием «История колонии Массачусетс, написанная Хатчинсоном, губернатором Массачусетской провинции» — двухтомник в 1/3 долю листа. Один экземпляр этой книги имеется в Королевской библиотеке: второе издание, выпущенное в Лондоне в 1765 году.

В «Истории» Хатчинсона, много раз цитировавшейся мною в той главе, к которой относится данное примечание, описываются события, начиная с 1628-го и кончая 1750 годом. Все сочинение пронизано духом правдивости, слог прост и естествен. Эта «История» очень богата деталями.

Лучшей историей Коннектикута является книга Бенджамина Трамбулла «Полная общественная и церковная история Коннектикута, 1630—1764», два тома которой в '/8 долю листа были опубликованы в Нью-Хейвене в 1818 году. Я не думаю, что в Королевской библиотеке имеется экземпляр сочинения Трамбулла.

Данная история представляет собой ясное и бесстрастное описание всех событий, которые произошли в Коннектикуте за период времени, указанный в заглавии. Автор черпает материалы из лучших источников, и его рассказ несет на себе печать истины. Все, что он пишет о ранних временах Коннектикута, чрезвычайно любопытно. Обратите особое внимание на изложение Конституции 1639 года в его работе (т.1, гл.VI, с. 100), а также ка «Уголовные законы Коннектикута» (т.I, гл.VII, с. 123).

С полным на то основанием авторитетной считается работа Джереми Белнепа «История Нью-Гэмпшира», два тома в 1/8 долю листа, опубликованная в Бостоне в 1792 году. Специально посмотрите в работе Белнепа главу III первого тома, в которой автор приводит чрезвычайно ценные подробности относительно политических и религиозных воззрений пуритан, причин их эмиграции и принятых ими законов. Здесь же приводится любопытная цитата из проповеди, прочитанной в 1663 году: «Необходимо, чтобы Новая Англия постоянно помнила, что она была основана с религиозной, а отнюдь не с коммерческой целью. Обязанность соблюдать чистоту вероучения, богослужения и церковного устройства начертана на ее челе. Поэтому торговцам и всем тем, кто копит монету за монетой, не следует забывать, что целью основания этих поселений была религия, а не нажива. И если кто-то среди нас делам мирским уделяет ровно столько же заботы или даже чуть больше, чем религии, такой человек по духу своему не является истинным сыном Новой Англии». У Белнепа читатель найдет больше общих идей и большую силу мысли, чем у любого другого из известных нам американских историков.

Не знаю, имеется ли эта книга в Королевской библиотеке?

Из числа тех центральных штатов Америки, которые были основаны уже относительно давно и которые заслуживают нашего внимания, в первую очередь выделяются штаты Нью-Йорк и Пенсильвания. Лучшая из имеющихся у нас книг по истории штата Нью-Йорк так и называется «История Нью-Йорка». Она была написана Уильямом Смитом и издана в Лондоне в 1757 году. Имеется она и во французском переводе, опубликованном также в Лондоне в 1767 году в виде однотомника в 1/12 долю листа. Смит представил нашему вниманию полезные подробности о войнах между французами и англичанами в Америке. Из американских историков он был лучше всех осведомлен о знаменитой конфедерации ирокезских племен.

Что касается Пенсильвании, то лучшее, что я могу сделать, — это указать работу Роберта Прауда, озаглавленную «История Пенсильвании с самого образования и заселения этой провинции при первом ее владельце и губернаторе Уильяме Пенне, начиная с 1681 года и вплоть до 1742-го». Этот двухтомный труд был издан в Филадельфии в 1797 году.

Данная публикация в особой мере достойна читательского внимания: в ней содержится великое множество очень интересных документов, относящихся к Пенну, к вероучению

квакеров или отражающих характеры, нравы и обычаи первых обитателей Пенсильвании. В Королевской библиотеке, насколько мне известно, не имеется ни одного экземпляра этой книги.

Нет особой надобности добавлять, что в числе наиболее значительных сочинений о Пенсильвании работы самого Пенна, а также Бенджамина Франклина, ибо данные произведения известны очень широкому кругу читателей.

Большая часть цитируемых книг была просмотрена мною в период пребывания в Америке. Остальные же мне были милостиво выданы Королевской библиотекой, а также весьма любезно предоставлены господином Уорденом — прежним генеральным консулом Соединенных Штатов в Париже, который сам был автором превосходной работы по Америке. Поэтому мне хотелось бы заключить данное примечание словами, выражающими мою глубокую признательность в адрес господина Уордена.

С. 59

В «Воспоминаниях» Джефферсона написано следующее: «В ранний колониальный период, когда англичане начали обосновываться в Виргинии и когда землю можно было приобретать за самую малость или вообще даром, некоторые предусмотрительные личности приобрели огромные наделы и, желая поддержать материальное благополучие семейства, завещали свои состояния своим потомкам. Переход этой земельной собственности из поколения в поколение, при том, что хозяевами всегда оставались люди, носившие одну и ту же фамилию, привел к выделению из среды колонистов определенного круга семейств, которые благодаря закону сумели сохранить свои богатства и образовали таким образом некоторое подобие класса патрициев, отмеченных великолепием и роскошью своего образа жизни. Из этого класса, по обыкновению, король подбирал себе государственных деятелей колонии».

В Соединенных Штатах основные положения английских законов о наследовании были повсеместно отвергнуты.

«Основное правило, которому мы подчиняемся в вопросе об имущественном наследовании по закону, — утверждает господин Кент, — заключается в следующем: если какой-нибудь человек умирает, не оставив завещания, его имущество переходит к его наследникам по прямой линии. Если имеется единственный наследник или наследница, он (или она) получает все имущество полностью. Если же покойный оставил несколько наследников, пользующихся равными правами, то в этом случае имущество разделяется между ними на равные доли вне зависимости от пола наследующего».

Это правило было впервые введено в штате Нью-Йорк в постановлении от 23 февраля 1786 года (см.: Законодательные поправки и постановления, т.III; Приложения, с.48). С тех пор оно было включено в основной текст законов и поправок данного штата. К настоящему времени действие этой нормы вошло в силу на территории почти всех Соединенных Штатов с тем единственным исключением, которое являет собой законодательство штата Вермонт, где наследнику-мужчине выделяется двойная доля наследуемого имущества. *Кент.* Комментарии, T.IV, с.370.

В этой же работе господин Кент (т.IY, с.1 —22) дает исторический очерк американского законодательства по вопросу майоратного наследования. Автор приходит к выводу, что вплоть до Американской революции в колониях в качестве юридической нормы функционировали английские законы майоратного наследования. Собственно говоря, впервые майорат был отменен в Виргинии в 1776 году (движение за эту отмену возглавлял Томас Джефферсон; см. его «Воспоминания»); а в 1786-м—в штате Нью-Йорк. Затем отмена была объявлена в штатах Северная Каролина, Кентукки, Теннесси, Джорджия и Миссури. В Вермонте, Индиане, Иллинойсе, Южной Каролине и Луизиане закон майората никогда не применялся на практике. В тех штатах, законодатели которых считали, что им следует сохранить английские нормы, закрепляющие порядок наследования земли без права отчуждения, они модифицировали их таким образом, что нормы лишились

своих основных аристократических черт. «Главные принципы нашего общественного устройства и правления, — утверждает господин Кент, — благоприятствуют свободной циркуляции собственности».

Французский читатель, изучающий раздел американского законодательства, посвященный вопросам наследования, будет особо потрясен, обнаружив, что наши законы в этой области бесконечно более демократичны, чем их.

По американским законам имущество родителя разделяется поровну между наследниками лишь в том случае, если его воля неизвестна «Ибо каждый человек в штате НьюЙорк, — гласит закон (Законодательные поправки и постановления, т.III; Приложение, с.51), — имеет полную и ничем не ограниченную свободу, право и полномочия передавать, распоряжаться, даровать или завещать свое имущество любому лицу или любым лицам, если данное лицо или группа лиц не представляют

никаких политических или общественных организаций».

По французскому закону деление имущества на равные или почти равные доли обязательно для завещающего.

Большинство американских штатов все еще допускают майоратное наследование земли, ограничиваясь лишь сдерживающими его мероприятиями.

Французские законы ни в коем случае майората не допускают.

Если у американцев общественное устройство все еще более демократично, чем наше, то у нас зато более демократичны законы. Вопреки возможным предположениям это объясняется без особого труда: во Франции демократия все еще занята делом разрушения; в Америке она безмятежно царствует на руинах прошлого.

С. 63

Краткое изложение вопроса об избирательном цензе в Соединенных Штатах

Все штаты предоставляют своим гражданам удовольствие участвовать в выборах, начиная с 21-летнего возраста. Во всех штатах необходимо постоянно проживать в течение определенного времени в том округе, в котором избиратель голосует. Данный срок колеблется от трех месяцев до двух лет.

Что касается имущественного положения, то в штате Массачусетс для того, чтобы стать избирателем, человеку необходимо иметь доход в 3 фунта стерлингов в год или же капитал в 60 фунтов стерлингов.

В штате Род-Айленд для этого необходимо обладать земельной собственностью стоимостью не менее 133 долларов (704 франка).

В Коннектикуте надо иметь собственность, приносящую годовую прибыль в 17 долларов (около 90 франков). Год службы в милиции также дает избирательное право.

В Нью-Джерси избиратель должен иметь собственность, оцениваемую в 50 фунтов стерлингов.

В Южной Каролине и в Мэриленде избиратель должен иметь 50 акров земли.

В штате Теннесси достаточно иметь хоть какую-то собственность вообще.

В штатах Миссисипи, Огайо, Джорджия, Виргиния, Пенсильвания, Делавэр и НьюЙорк для получения права голоса достаточно платить хоть какие-то налоги; в большинстве этих штатов служба в милиции эквивалентна уплате налогов.

В Мэне и Нью-Гэмпшире достаточно не значиться в списках нуждающихся в помощи.

И наконец, в штатах Миссури, Алабама, Иллинойс, Луизиана, Индиана, Кентукки и Вермонт для избирателей не установлено никакого имущественного ценза

Полагаю, что только в Северной Каролине к избирателям предъявляются различные требования: те, кто участвуют в выборах сенаторов, должны иметь земельный надел не менее 50 акров. Для участия в выборах членов палаты представителей достаточно платить какой-либо налог.

С. 89

В Соединенных Штатах имеется система протекционистских тарифов. Малочисленность таможенных служб и огромная протяженность береговых линий крайне облегчают ввоз в страну контрабандных товаров; однако контрабандная торговля ведется здесь не

307

столь активно, как в любом другом государстве, поскольку каждый американец старается ее подавить.

Поскольку в Соединенных Штатах нет профилактической пожарной службы, пожары здесь случаются чаще, чем в Европе, однако в целом они тушатся быстрее, так как население округи всегда готово при необходимости быстро собраться в опасном месте.

С. 90

Утверждение, будто централизация была вызвана Французской революцией, не является истинным. Французская революция усовершенствовала централизованную систему, но не породила ее. Вкус к централизации и мания к циркулярам во Франции восходят к тем древним временам, когда в правительство вошли легисты. Это возвращает нас в эпоху царствования Филиппа Красивого. С тех пор оба этих явления беспрестанно усиливались. Именно об этом господин де Малерб от имени Судебно-финансовой палаты говорил в 1775 году королю Людовику XVI[3]: «Любая группа и любое сообщество граждан имеют право вести свои собственные дела, право, которое мы не считаем одним из старейших в королевстве потому лишь, что оно значительно старше самого королевства: это — естественное право, обусловленное природой человека как разумного существа. Тем не менее, сир, Ваши подданные были лишены этого права, и мы не побоимся сказать, что власти в данном отношении впали в крайность, которую можно определить как ребячество.

С тех самых пор, как могущественные министры возвели в политический принцип обыкновение не созывать национальное

собрание, прецедент за прецедентом привел к тому, что с суждениями горожан вообще перестали считаться, если только они не получили одобрения главы городской администрации. В результате, пожелай члены этого городского сообщества распорядиться собственными финансовыми средствами, им необходимо будет склонить на свою сторону заместителя интенданта и соответственно руководствоваться утвержденным им планом, нанимать тех исполнителей, которым он покровительствует, и оплачивать их труд в соответствии с его указаниями. Если коммуне необходимо обратиться в судебные инстанции, ее прошение также должно быть заверено интендантом. Следовательно, дело должно быть рассмотрено в этой предварительной инстанции прежде, чем оно попадет в судебные органы. И если интендант не согласен с мнением своих горожан или же в том случае, если ответчик имеет некоторое влияние на аппарат городского управления, жители города оказываются лишенными возможности защищать свои права. Сир, таковы средства, с помощью которых во Франции стремились задушить самое память о муниципальной независимости, уничтожив, насколько это возможно, даже чувство свободолюбия у горожан. Таким образом, можно сказать, что вся нация была признана недееспособной и посему препоручена покровительству опекунов».

Что еще можно добавить к этому ныне, когда Французская революция уже совершила свои так называемые завоевания в области централизации?

В 1789 году Джефферсон писал из Парижа одному своему другу: «На свете не было страны, где бы страсть управлять всем и вся пустила столь глубокие корни, как во Франции, принеся с собой так много зла» (Письмо Мэдисону от 28 августа 1789 года).

Истина заключается в том, что во Франции в течение уже нескольких веков центральная власть делала все, что хотела, с целью усиления административной централизации, и ничто не могло ее в этом ограничивать, кроме того, что ее силы также были не беспредельны.

Центральная власть, созданная Французской революцией, пошла в данном отношении дальше всех своих предшественниц потому, что она была сильнее и грамотнее каждой из них: Людовик XIV подчинил все стороны жизни городской общины произволу интенданта, а Наполеон — воле министра. Принцип всегда остается одинаковым, меняются лишь мера и полнота его реализации.

* Подобная незыблемость конституции во Франции является

неизбежным следствием наших законов.

[3] См. «Записки, предназначенные для истории государственного права Франции, по вопросу о налогах», изданные в Брюсселе в 1779 году, с.654.

И если вначале говорить о самом важном из законов, а именно о том законе, который регулирует порядок наследования трона, то какой политический принцип может быть более незыблемым, чем тот, который основан на природном законе наследования от отца к сыну? В 1814 году Людовик XVIII добился признания вечного права на престол для своего семейства. Те, кто определял результаты революции 1830 года, последовали его же примеру: они лишь подтвердили неизменность данного закона наследования престола в пользу другой династии. И в этом они подражали канцлеру Мопу, который в период формирования нового парламента не преминул заботливо объявить в том же самом ордонансе, что новые депутаты будут столь же неотзываемыми, как и их предшественники.

Законы 1830 года, равно как и законы, принятые в 1814 году, не предоставляют никакой возможности изменять конституцию. Следовательно, вполне ясно, что обычные законодательные средства недостаточны для достижения подобной цели.

На чем основана сила королевской власти? На конституции. А власть пэров? На конституции. А власть депутатов? На конституции. Тогда каким образом могут король, пэры и депутаты, объединив свои усилия, изменить что-либо в том основном законе, каторый и является единственным источником их права на власть? Без конституции они — ничто. А раз так, то на что они смогут опереться, если захотят изменять эту конституцию? Есть только два варианта: либо их усилия, направленные против хартии, оказываются бесполезными и она продолжает существовать вопреки их воле, предоставляя им возможность по-прежнему править от ее имени; либо им все же удается изменить хартию, и тогда закон, давший им юридическое существование, уходит в небытие, превращая их самих в ничто. Уничтожив хартию, они уничтожили самих себя.

В законах, принятых в 1830 году, это просматривается даже с большей отчетливостью, чем в законах 1814 года. В 1814 году королевская власть еще рассматривалась как нечто, внеположное конституции и возвышающееся над нею, в то время как в 1830 году она, по ее собственному признанию, создается конституционным путем и без конституции ровным счетом ничего не значит.

Таким образом, часть нашей конституции является неизменяемой потому, что она связана с судьбой царствующего семейства, да и в целом конституция также неизменна, поскольку не имеется никаких легальных способов ее изменить.

Все это совершенно неприменимо к Англии. Поскольку здесь нет письменно зафиксированной конституции, кто может заявить, что Англия изменяет свой основной закон?

** Самые почтенные из писавших об английской конституции авторы словно соревнуются друг с другом, подчеркивая это всемогущество парламента.

Делолм пишет (гл. X, с.77): «Основополагающим английские юристы считают принцип, согласно которому парламент наделен возможностью совершить все, что угодно, кроме возможности превратить женщину в мужчину, а мужчину — в женщину».

Блэкстон поясняет еще категоричнее, хотя и не столь выразительно, как Делолм, эту же мысль в следующих словах: «Власть и юрисдикция парламента, по мнению сэра Эдварда Коука (4 Ист., 36), столь обширны и абсолютны как над отдельными личностями, так и по конкретным вопросам, что они не могут определяться какими бы то ни было ограничениями... Об этом органе власти, — добавляет он, — можно с полным основанием утверждать: Si antiquitatem spectes, est vetustissima; si dignitatem, est honoratissima; si jurisdictionem, est capacissima[4]. Он пользуется суверенными и бесконтрольными полномочиями создавать, утверждать, расширять, ограничивать, отменять, аннулировать, восстанавливать и толковать любой закон во всех законодательных сферах, будь то церковное, светское, гражданское, военное, морское или уголовное право. Именно парламент наделяется конституцией объединенного королевства той деспотической и абсолютной властью, которая при любой форме правления должна находиться в чьих-то руках. Все социальные беды и невзгоды, все мероприятия и средства борьбы с этими невзгодами, когда они выходят за рамки законов, передаются на рассмотрение этому чрезвычайному трибуналу. Он может регулировать или даже видоизменять закон о престолонаследии, как это было сделано во времена царствования Генриха VIII и Вильгельма III. Он способен изме-

[4] С точки зрения времени — очень древняя; с точки зрения престижа — очень почетная; с точки зрения юрисдикции — очень действенная *(nam.)*.

нить уже принятую страной религию, как это неоднократно случалось в период правления Генриха VIII и его детей. Он может

изменить или создать новую конституцию королевства и даже законы, регулирующие жизнь самого парламента, как это было сделано принятием акта об объединении Англии с Шотландией, а также различных постановлений относительно трех- и семилетних сроков избрания членов парламента. Одним словом, он может сделать все, что только в человеческих силах, и поэтому кое-кто не постыдился назвать эту власть, пожалуй чересчур смело, *всевластием* парламента».

С. 100

Конституции разных американских штатов лучше всего согласуются между собой в области политического устройства.

Конституции всех штатов, в которых это установлено законом, наделяют именно палату представителей исключительным правом выдвигать обвинения, кроме конституции Северной Каролины, согласно которой это право отдано большому жюри присяжных, решающему вопрос о подсудности того или иного дела (ст. 23).

Конституции почти всех штатов наделяют сенат или замещающую его ассамблею исключительным правом выносить решения по особо важным политическим вопросам.

Единственными мерами наказания, которые могут быть определены политическим судом, является отстранение от государственной должности или запрещение заниматься в будущем государственной деятельностью. Только конституция штата Виргиния позволяет политическому суду определять любые виды наказания.

Политическими преступлениями, которые могут подлежать судебному разбирательству по федеральной конституции (разд.IV, ст. 1), по конституции Индианы (ст.3, с.23,24), Нью-Йорка (ст.5) и Делавэра (ст.5) являются государственная измена, коррупция и другие опасные преступления или проступки.

По конституциям Массачусетса (гл. 1, разд. II), Северной Каролины (ст. 23) и Виргинии (с.252) таковыми считаются нарушение норм поведения и плохое руководство.

По конституции Нью-Гэмпшира (с. 105) — коррупция, махинации и плохое руководство.

По конституции Вермонта (гл. II, ст. 24) — плохое руководство.

В Южной Каролине (ст. 5), Кентукки (ст.5), Теннесси (ст.4), Огайо (ст. 1, 23, 24), Луизиане (ст. 5), Миссисипи (ст. 5), Алабаме (ст. 6), Пенсильвании (ст. 4) — должностные проступки и нарушения.

В конституциях штатов Иллинойс, Джорджия, Мэн и Коннектикут характер преступлений не уточнен.

С. 142

Это правда, что европейские державы могут вести против Соединенных Штатов крупномасштабные морские войны, однако война на море всегда не столь трудна и опасна, как сухопутная. Морская война требует лишь одного рода усилий. Торговая нация, готовая предоставить правительству необходимую сумму, непременно имеет флот. К тому же растрату денег от народа скрыть значительно проще, чем человеческие потери и массовую мобилизацию. И кроме того, поражения на море редко угрожают существованию или независимости народа, флот которого проиграл сражение.

Что же касается сухопутных войн, то, по всей очевидности, народы Европы не способны вести их сколь-либо эффективно против Союза американских штатов.

Очень трудно, перебросив в Америку, поддерживать боеготовность более чем 25 тысяч солдат, что примерно соответствует численности вооруженных сил страны с населением в 2 миллиона человек.

Сражаясь на таких условиях против Соединенных Штатов, самая крупная европейская держава окажется в положении нации, имеющей 2 миллиона населения и воюющей против народа в 12 миллионов человек. Прибавьте то обстоятельство, что американцы в этом случае будут иметь под рукой все свои ресурсы, тогда как европейцы окажутся отрезанными от своих ресурсов расстоянием в 1500 лье, а также и то, что огромная территория Соединенных Штатов уже сама по себе делает невозможным их завоевание.

310

Часть вторая

С. 153

Первая американская газета вышла в апреле 1704 года в Бостоне (см.: Труды Исторического общества Массачусетса, т.VI, с.66).

Было бы ошибочно полагать, что периодическая печать в Америке всегда пользовалась полной свободой; несколько раз здесь предпринимались попытки установить нечто подобное практике предварительной цензуры и финансовых санкций.

В законодательных отчетах штата Массачусетс, в частности, содержится документ, датированный 14 января 1722 года.

Комитет, назначенный Генеральной ассамблеей (высшим

законодательным органом колонии) для разбора обстоятельств дела, связанного с газетой «Будни Новой Англии», считает, «что вышеупомянутая газета обнаруживает стремление выставить религию на посмещище и вызвать к ней презрение; что с авторами священных текстов обращаются в газете неуважительно и нечестиво; что образ жизни и поведение евангелических священников трактуются в ней злонамеренно; что оскорбляется правительство Его Величества и что вышеупомянутая газета нарушает мир и спокойствие в этой колонии. В результате комитет предлагает запретить типографу и издателю Джеймсу Франклину печатать и издавать в будущем вышеупомянутую газету или другие письменные сочинения без предварительного ознакомления с ними секретаря колонии. Мировые судьи округа Саффолк должны истребовать с господина Франклина залог, который мог бы гарантировать соблюдение им норм поведения в текущем году».

Предложение комитета было принято ассамблеей и стало законом, однако его эффект оказался равным нулю. Газета избежала запрета потому, что под ее колонками вместо подписи Джеймса Франклина появилось имя Бенджамина Франклина и общественное мнение признало целесообразность подобной уловки.

С. 211

*Для приобретения избирательного права в английских графствах (территориальное деление, соответствовавшее отношениям земельной собственности) вплоть до билля о реформе, принятого в 1832 году, необходимо было иметь или арендовать такой участок земли, чтобы он давал 40 шиллингов чистого годового дохода. Этот закон был принят при короле Генрихе VI около 1450 года. Подсчитано, что 40 шиллингов времен Генриха VI могут быть приравнены к 30 фунтам стерлингов в наши дни. Тем не менее данная сумма, установленная в XV веке, не изменялась вплоть до 1832 года, что показывает, насколько более демократичной с течением времени становилась английская конституция, даже оставаясь неизменной (см. книгу Делолма, а также Блэкстона: кн.1, гл. IV).

Английские присяжные заседатели избираются шерифом графства (*Делолм,* т.1, гл. XII). Шериф графства в целом — фигура значительная; он обладает как судебными, так и административными полномочиями; он является представителем королевской власти и ежегодно назначается лично королем (*Блэкстон,* книга I, гл. IX). Его положение ставит его выше подозрений в пристрастности и симпатиях к какой-либо одной из тяжущихся сторон; более того, если возникают сомнения в его

беспристрастности, имеется возможность целиком дать отвод названному им составу присяжных заседателей, и тогда другое должностное лицо обязуется подобрать новых присяжных *(Си.: Блэкстон,* кн.Ш, гл. XXIII).

Правом быть присяжным пользуется любой человек, владеющий земельной собственностью, которая приносит по меньшей мере 10 шиллингов чистого дохода в год *(Блэкстон, кн.Ш,* гл. XXIII). Нужно отметить, что это условие было введено в царствование Вильгельма и Мэри, то есть около 1700 года—в эпоху, когда деньги были много ценнее, чем в наши дни. Ясно, что англичане подбирали своих присяжных заседателей, учитывая не их пригодность, а лишь наличие у них земельной собственности — фундамента, на котором базировались и все другие их политические институты.

В конце концов, к участию в жюри присяжных заседателей были допущены и арендаторы, но от них требовалась весьма долгосрочная рента и чистый доход не менее 20 шиллингов, не считая арендной платы *(Блэкстон,* там же).

311

** Федеральная конституция определила функции и статус жюри присяжных заседателей в судах Союза аналогично тому, как отдельные штаты установили их для своих судебных органов. Более того, Союз не вводил никаких собственных правил, соблюдение которых было бы необходимо при избрании своих составов жюри. Федеральные суды пользуются обычным составом тех присяжных заседателей, списки которых каждый штат приготовил для своих собственных нужд. Таким образом, с целью узнать теорию суда присяжных в Америке необходимо изучить законы отдельных штатов. (См.: Стори. Комментарии к конституции, кн.Ш, гл.XXXУШ, с.654 — 659; Сарджент. Конституционное право, с.165, а также федеральные законы 1789, 1800 и 1802 годов по данному вопросу.)

С целью усвоить принципы, которые лежат в основе функционирования американского суда присяжных, я копался в законах штатов, расположенных далеко друг от друга Вот отдельные общие идеи, которые можно было почерпнуть в процессе того изучения.

В Америке все граждане, имеющие право голоса, могут быть присяжными заседателями. В штате Нью-Йорк тем не менее установлено некоторое несущественное различие между этими двумя правами, имеющее в определенном смысле значение, прямо противоположное нашим законам, а именно: можно сказать, что в штате Нью-Йорк число избирателей значительно

превосходит число присяжных заседателей. В целом истинно утверждение о том, что в Соединенных Штатах правам участия в жюри, как и правом избрания депутатов, обладают все граждане, однако возможность осуществить эти права доступна отнюдь не всем.

Ежегодно группа из городских или окружных должностных лиц, в Новой Англии называемая select-men, в штате Нью-Йорк — supervisors, в Огайо — trustees, в Луизиане — шерифами церковных приходов, выбирает в каждом округе определенное число граждан, которые имеют право быть присяжными заседателями и которые, на их взгляд, обладают необходимыми для этого качествами. Эти должностные лица, будучи в свою очередь выборными, не вызывают никаких подозрений; полномочия их очень широки и весьма независимы, как и в целом власть всего руководства республики, и говорят, что они часто пользуются ими, особенно в Новой Англии, для того чтобы избавляться от недостойных или негодных присяжных заседателей.

Имена избранных таким образом присяжных передаются в окружной суд, и там из всего списка наугад подбирается состав жюри присяжных заседателей для каждого конкретного процесса.

К тому же американцы всеми способами постарались сделать присяжных доступными для народа, а их обязанности как можно менее обременительными. Поскольку число присяжных очень велико, каждому из них приходится заседать не чаще одного раза в три года. Заседания проводятся в окружных центрах, причем их округа примерно равны нашим. Таким образом, не присяжный заседатель должен отправляться в дальний путь, чтобы заседать в суде, как это бывает во Франции, а сами судебные разбирательства проводятся неподалеку от его дома. И наконец, расходы заседателей компенсируются либо из казны штата, либо за счет тяжущихся сторон. Как правило, они получают по доллару в день (5 франков 42 сантима), не считая оплаты дорожных расходов. В Америке участие в заседаниях жюри присяжных все еще рассматривается как обязанность, но обязанность не слишком обременительная, которой подчиняются без особого труда.

См.: Краткий сборник гражданских законов Южной Каролины. Под редакцией Бреварда, т.П, с.338; там же, т.1, с.454, 456; там же, т.П, с.218.

Основные законы Массачусетса, исправленные и изданные по постановлению законодательного собрания, т.П, с.331, 187.

Исправленное издание законов штата Нью-Йорк, т.П, с.720, 411, 717, 643.

Законодательные акты штата Теннесси, т.1, с.209.

Акты штата Огайо, с.95, 210.

Краткий сборник законодательных актов штата Луизиана, т.П, с.55.

С. 213

Пристально рассматривая состав и роль жюри присяжных заседателей в английском гражданском суде, вы с легкостью обнаруживаете, что присяжные там постоянно находятся под контролем судьи.

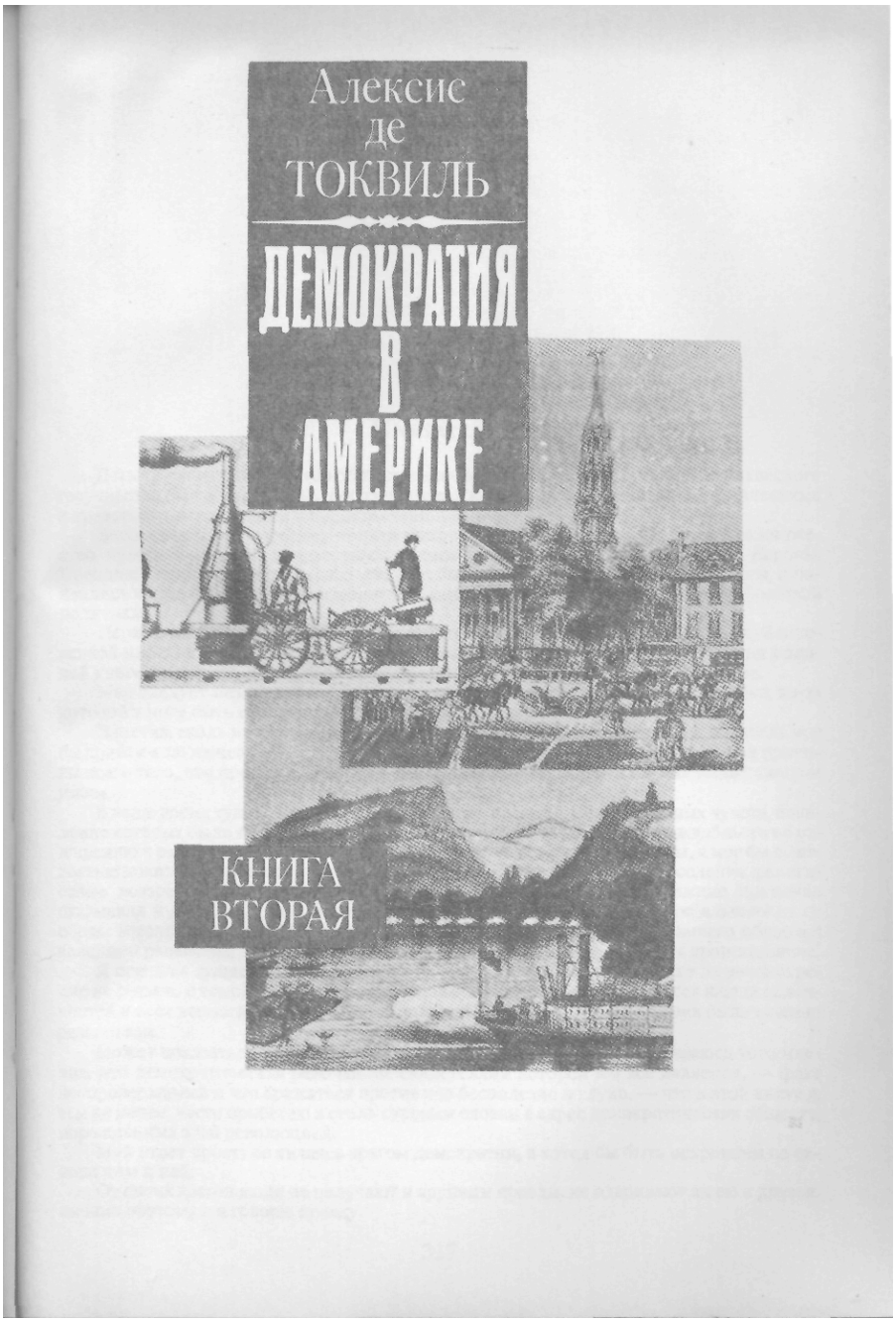
312

Решение присяжных заседателей по гражданским и уголовным процессам обычно содержит в одном простом высказывании как констатацию фактического состояния дела, так и юридическую его оценку. Например, некий Питер заявляет, что он купил дом. Это — констатация факта. Истец возражает ему, заявляя, что продавец не имел права продать этот дом. Жюри ограничивается вынесением приговора, согласно которому дом признается собственностью Питера, оценив таким образом и фактическую, и юридическую стороны вопроса. Введя институт присяжных заседателей в процесс судебного разбирательства по гражданским иском, англичане отнюдь не склонны признавать их решения непогрешимыми. Таковыми считаются только их решения по уголовным делам, причем лишь тогда, когда приговор был оправдательным.

Если судья считает, что присяжные, вынося решение по гражданскому делу, неверно применили закон, он может отвергнуть данное решение и потребовать, чтобы они вновь обдумали свой вердикт.

Если судья подтверждает их приговор, никак его не комментируя, дело еще не считается окончательно решенным: существует несколько способов обжаловать это решение. Основной путь — подача прошения о том, чтобы судья аннулировал приговор и созвал новый состав жюри присяжных заседателей. Следует сказать, что подобные просьбы выполняются редко и не более одного раза. Тем не менее я лично был свидетелем пересмотра одного судебного решения. *(См.: Блэкстон,* кн. Ш, гл. XXIV; там же, кн.Ш, гл. XXV.)

Книга Вторая

К читателю

Демократический характер общественно-политического устройства американского государства был естественным образом вызван к жизни определенными политическими и нравственными законами и представлениями.

Это же самое общественно-политическое устройство, кроме того, породило множество чувств и мнений, неизвестных старым аристократическим обществам Европы. Прежние взаимоотношения между людьми были уничтожены или преобразованы, и появились новые. Облик цивилизованного общества изменился не менее, чем мир большой политики.

Первую из этих тем я рассмотрел в работе об американской демократии, опубликованной мною пять лет тому назад. Вторая тема является предметом рассмотрения в данной книге. Обе части дополняют друг друга и представляют собой единое целое.

Мне следует незамедлительно предостеречь читателя против одной ошибки, из-за которой я могу быть совершенно неверно понят.

Заметив, сколь много различных проявлений я связываю с равенством, читатель мог бы прийти к заключению, что *я* рассматриваю равенство в качестве единственной причины всего того, что происходит в наши дни. Подобный взгляд был бы для меня слишком узким.

В наше время существует множество мнений, позиций, инстинктивных чувств, появление которых было вызвано обстоятельствами, чуждыми или даже враждебными по отношению к равенству. Так, взяв в качестве примера Соединенные Штаты, я мог бы *с* легкостью показать, каким образом характер страны, происхождение ее населения, религиозные воззрения основателей, степень их просвещенности, их прежние привычки оказывали и до сих пор оказывают, независимо от демократии, глубокое влияние на их образ мыслей и чувств. Иные причины, также, однако, не имеющие ничего общего с явлением равенства, действуют в Европе, в значительной мере объясняя происходящее.

Я признаю существование всех этих факторов и их значение, однако их рассмотрение не связано с темой моей книги. Я не решаюсь выявлять основания всех наших склонностей и всех наших идей; я хочу лишь показать, какое воздействие на них было оказано равенством.

Может показаться удивительным — поскольку я твердо придерживаюсь того мнения, что демократическая революция,

свидетелями которой мы все являемся, — факт неопровержимый и что сражаться против нее бесполезно и глупо, — что в этой книге я, тем не менее, часто прибегаю к столь суровым словам в адрес демократических обществ, порождаемых этой революцией.

Мой ответ прост: не являясь врагом демократии, я хотел бы быть искренним по отнопению к ней.

От своих врагов люди не получают и крупицы правды, не одаривают их ею и друзья; именно поэтому я и говорю правду.

317

Я думаю, что многие готовы взять на себя обязанности провозвестников тех новых преимуществ, которые обещает людям равенство, тогда как лишь немногие осмеливаются прозорливо предупредить их о тех бедах, которыми око им угрожает. В связи с этим основное внимание я уделил именно этой опасности, полагая, что сумел ее ясно разглядеть, и не считая возможным малодушно ее замалчивать.

Я надеюсь, что в этой, второй части работы читатель вновь найдет ту непредубежденность, которая была отмечена как достоинство первой книги. Живя в атмосфере противоречивых, разделяющих нас суждений, я попытался очистить свое сердце от тех явных симпатий или неосознанных антипатий, которые вызываются каждым из них. Если читатели найдут в моей книге хотя бы одну фразу, рассчитанную польстить какой-либо из крупных партий, потрясавших нашу страну в прошлом, или какой-либо из малочисленных мятежных группировок, которые в наши дни нарушают спокойствие в стране, тогда пусть эти читатели уличат меня в этом во весь голос.

Тема, которую я вознамерился охватить, весьма обширна, так как она включает в себя большую часть тех настроений и идей, которые обусловили новое состояние дел и новую ситуацию в мире. Подобный предмет явно превышает мои возможности, и, затронув его, я отнюдь не удовлетворился достигнутым.

Однако, хотя я и не достиг своей цели, читатели воздадут мне должное по крайней мере за то, что я задумал свой труд и осуществлял его в духе, который приближает меня к успеху.

Часть первая ВЛИЯНИЕ ДЕМОКРАТИИ НА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНУЮ ЖИЗНЬ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Глава I. О ФИЛОСОФСКОМ МЫШЛЕНИИ АМЕРИКАНЦЕВ

Я думаю, что во всем цивилизованном мире нет страны, где бы философии уделяли меньше внимания, чем в Соединенных Штатах.

Американцы не имеют своей собственной философской школы и очень мало интересуются теми школами, представители которых соперничают друг с другом в Европе; они едва ли знают их названия и имена.

Между тем вполне очевидно, что почти все жители Соединенных Штатов имеют сходные принципы мышления и управляют своей умственной деятельностью в соответствии с одними и теми же правилами; то есть, не дав себе труда установить эти правила, они обладают определенным, всеми признанным философским методом.

Отсутствие склонности к предустановленному порядку, умение избегать ярма привычек и зависимости от прописных истин касательно проблем семейной жизни, от классовых предрассудков, а до определенного предела и от предрассудков национальных; отношение к традициям лишь как к сведениям, а к реальным фактам не иначе, как к полезному уроку, помогающему делать что-либо иным образом и лучше; индивидуальная способность искать в самих себе единственный смысл всего сущего; стремление добиваться результатов, не сковывая себя разборчивостью в средствах их достижения, и умение видеть суть явлений, не обращая внимания на формы, — таковы основные черты, характеризующие то, что я называю философским методом американцев.

Если идти дальше и из этих различных черт выбрать одну основную, причем такую, которая могла бы обобщить почти все остальные особенности, я бы сказал, что умственная деятельность всякого американца большей частью определяется индивидуальными усилиями его разума.

Таким образом, Америка — это страна, где меньше всего изучают предписания Декарта, но лучше всего им следуют. Это не должно вызывать удивление.

Американцы никогда не читают работ Декарта, потому что их общественное устройство не предрасполагает к занятиям спекулятивными науками, но они следуют этим правилам потому, что тот же тип общественного устройства естественным образом подготавливает головы людей к их восприятию.

В условиях постоянного движения, происходящего в недрах демократического общества, узы, связывающие поколения друг с другом, ослабляются или рвутся; каждый с легкостью забывает идеи, волновавшие его предков, да и вообще не слишком ими озабочен.

Люди, живущие в подобном обществе, не могут черпать свои убеждения из общего источника мнений того класса, к которому они принадлежат, ибо, можно сказать, здесь нет больше классов, а те, которые еще существуют, столь подвижны по составу, что не могут как таковые иметь реальную власть над отдельными своими представителями.

Что касается воздействия, которое могут оказывать умственные способности одного человека на разум другого, то оно, как правило, весьма ограниченно в стране, где граждане, ставшие более или менее равными, слишком тесно общаются друг с другом и, не

видя в ком-либо из окружающих неоспоримых признаков величия и превосходства, постоянно возвращаются к своему собственному разумению как к наиболее очевидному и близкому источнику истины. И дело не в том, что они не доверяют какому-либо конкретному человеку, а в том, что они лишены склонности верить кому бы то ни было на слово.

Каждый, следовательно, наглухо замыкается в самом себе и с этой позиции пытается судить о мире.

Обыкновение отыскивать обоснования своих суждений лишь внутри себя приводит к образованию у американцев и других умственных навыков.

Видя, что им без всякой помощи удается решать все несложные проблемы практической жизни, они с легкостью приходят к умозаключению, что все на свете объяснимо и познаваемо.

Вследствие этого они с готовностью отрицают все то, чего не могут понять: отсюда их недоверие к необычному и почти непреодолимое отвращение к сверхъестественному.

Поскольку они привыкли доверять лишь своим собственным глазам, они любят очень отчетливо видеть занимающий их предмет; поэтому они очищают его, насколько это возможно, от

его оболочки, отодвигают все то, что мешает к нему приблизиться, и убирают все то, что скрывает этот предмет от взора, дабы рассмотреть его как можно ближе при полном свете дня. Подобное умонастроение вскоре приводит их к пренебрежению формами, которые они начинают считать бесполезными и докучливыми завесами, скрывающими от них истину.

Таким образом, американцы, черпая свой философский метод в самих себе, не нуждаются в том, чтобы открывать его или заимствовать из книг. В значительной мере то же самое я мог бы сказать о процессах, протекавших в Европе.

Этот же метод формировался и обретал популярность в Европе постепенно — по мере того как социальные условия существования становились все более равными и различия между людьми все менее глубокими.

Рассмотрим вкратце хронологию событий.

В XVI веке реформаторы подчинили суждению индивидуального разума некоторые из догм старой веры, но при этом все остальные догмы они продолжали охранять от свободного обсуждения. В XVII веке Бэкон в естественных науках и Декарт в собственно философии упразднили общепринятые формулы, уничтожили господство традиций и разрушили власть авторитетов.

Философы XVIII века, сделав, наконец, этот принцип всеобщим, считали необходимым, чтобы каждый человек самостоятельно анализировал содержание всех своих убеждений.

Кому не понятно, что Лютер, Декарт и Вольтер использовали один и тот же метод и что различия между ними сводились лишь к более или менее широкому толкованию возможностей его применения?

Каким образом вышло так, что реформаторы ограничились узким кругом религиозных идей? Почему Декарт, не желая применять свой метод расширительно, хотя он был вполне пригоден для этого, заявил, что самим для себя людям надлежит решать вопросы философского, но не политического содержания? Как получилось, что в XVIII веке на основе того же метода были сразу сделаны те общие выводы, которых Декарт и его предшественники либо не видели, либо отказывались замечать? И отчего, наконец, метод, о котором мы говорим, в эту эпоху внезапно выходит из академических стен, чтобы проникнуть в общественное сознание и стать общей нормой интеллектуальной жизни? И почему, став популярным во Франции, он был открыто заимствован или же негласно воспринят всеми народами Европы?

Рассматриваемый философский метод мог родиться в XVI

веке, он мог быть уточнен и обобщен в XVII веке, но он не мог стать общепринятым ни в одно из этих двух столетий. Политические законы, состояние общества, умственные навыки, порождавшиеся его первоосновами, противостояли этому методу.

Он был открыт в эпоху, когда началось уравнивание состояний и взаимоуподобление людей. Получить всеобщее признание он смог только в те века, когда условия существования людей стали более или менее равными, а сами люди очень похожими друг на друга.

Философия XVIII века — это не просто французская, а демократическая философия. Именно данное обстоятельство объясняет легкость, с какой она была принята всей

Европой, облик которой вследствие этого столь неузнаваемо изменился. Французы потрясли мир не потому лишь, что отказались от своих старых верований и убеждений, от древних устоев; это произошло потому, что они первыми стали обобщать, привлекая к нему всеобщее внимание, философский метод, с помощью которого можно было с легкостью нападать на все, что еще сохранялось в жизни от минувших эпох, и открывать дорогу всему новому.

Если меня спросят сейчас, отчего в наши дни французы более строго и настойчиво следуют этому методу, нежели американцы, дольше нас живущие в условиях столь же полной свободы, я отвечу, что это частично было обусловлено двумя обстоятельствами, понять которые необходимо в первую очередь.

Именно религия дала жизнь английским колониям на американской земле: об этом необходимо помнить всегда. В Соединенных Штатах религия пронизывает все национальные обычаи, став неотделимой частью патриотических чувств, и именно это придает ей необычайную силу.

Данное обстоятельство усугубляется и другим, не менее значительным фактором: в Америке религия, если можно так выразиться, сама себе определила свои собственные границы; религиозная жизнь там была столь независимой от политического устройства, что оказалось возможным без труда изменить старые законы, не расшатав при этом древних верований.

Таким образом христианство сохранило значительную власть над духовной жизнью американцев, и—это я хочу особенно подчеркнуть — оно господствует там не в качестве одной из философских систем, принятой по размышлении, но как религия, в которую верят не рассуждая.

В Соединенных Штатах имеется бесчисленное множество

протестантских сект, сама же принадлежность страны к христианскому миру — установленный и неоспоримый факт, который никто не пытается ни опровергать, ни защищать.

Некритически приняв основные догмы христианского вероучения, американцы были вынуждены аналогичным образом признать великое множество моральных истин, вытекающих из этого учения или непосредственно с ним связанных. Это крайне ограничивает сферу применения индивидуального анализа, лишая человека права иметь собственные суждения по целому ряду чрезвычайно важных для него предметов.

Второе упомянутое мною обстоятельство заключается в следующем: общественное устройство Америки и ее конституция имеют демократический характер, но сами американцы демократической революции не знали. Они прибыли на эту землю почти такими же, какими мы видим их сейчас. Это очень важный момент.

Не бывает таких революций, которые не потрясали бы старых убеждений и верований, не ослабляли бы власть и не затемняли бы общих идей. Таким образом, всякая революция в большей или меньшей степени заставляет человека рассчитывать лишь на свои собственные силы и открывает перед мысленным взором каждого почти бездонную пустоту.

Когда условия, необходимые для равенства, создаются в процессе длительной борьбы между различными классами, составлявшими старое общество, зависть, ненависть и презрение к ближнему, спесь и чрезмерная самонадеянность вторгаются, так сказать, в человеческое сердце и господствуют в нем некоторое время. Вне зависимости от равенства это в значительной мере способствует разобщению людей, тому, что они перестают доверять суждениям друг друга и ищут свет истины только в самих себе.

В такое время каждый пытается обходиться собственными средствами и не искать общества других, испытывает гордость оттого, что все его мнения и убеждения своеобразны и что они принадлежат лишь ему одному. Никакие идеи, кроме соображений голого расчета, не связывают тогда людей, и может показаться, что человеческие суждения, не соединяясь друг с другом, представляют собой лишь своего рода интеллектуальную пыль, разносимую по всем углам и не способную собраться в одном месте и принять какую-либо форму.

Таким образом, независимость духа, свойственная равенству, никогда не бывает столь безграничной и не представляется столь чрезмерной, как в тот период, когда равенство только начинает устанавливаться, с великими муками закладывая свой

собственный фундамент. Необходимо, следовательно, проявлять осторожность и не смешивать ту интеллектуальную свободу, которую способно дать равенство, с анархией, порождаемой

революциями. Каждое из этих двух явлений следует рассмотреть в отдельности, дабы мы, глядя в будущее, не питали неоправданных надежд и не испытывали необоснованного страха.

Я убежден, что люди, живущие в новых общественных условиях, часто будут пользоваться правом собственного суждения, но я отнюдь не склонен верить в то, что они часто будут злоупотреблять им.

Мое убеждение опирается на всеобщую закономерность, свойственную любой демократической стране, благодаря которой свобода индивидуальной мысли в конечном счете должна ограничиваться определенными — подчас весьма узкими — рамками.

Но об этом — в следующей главе.

Глава II ОБ ОСНОВНОМ ИСТОЧНИКЕ ВЗГЛЯДОВ И УБЕЖДЕНИЙ, ПРИСУЩИХ ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ НАРОДАМ

Число догматических представлений, разделяемых людьми в разные исторические периоды, может то увеличиваться, то уменьшаться. Они порождаются различными причинами и могут изменяться как по форме, так и по содержанию; однако люди никогда не смогут быть вполне свободны от догматических убеждений, то есть от мнений, принятых ими на веру, без предварительного выяснения. Если бы каждый человек решил самостоятельно составить себе все суждения и в одиночку следовать за истиной по им самим проложенным дорогам, то представляется совершенно невероятным, чтобы сколь-нибудь значительное число людей когда-либо сумело объединиться на основе каких бы то ни было общих воззрений.

А ведь вполне ясно, что никакое общество не способно процветать без подобных общих воззрений или хотя бы просто выжить, ибо без идейной общности невозможно деятельное сотрудничество. Но если сами люди, не зная коллективных усилий, еще могут существовать, то общественный организм не может. Следовательно, для создания общества и тем более для его процветания необходимо, чтобы умы всех граждан были постоянно и прочно объединены несколькими основными идеями; но это невозможно, если каждый из них не станет время от

времени черпать свои суждения из одного и того же источника и не согласится признать своими определенное число уже готовых взглядов.

Размышляя теперь о человеке, взятом в отдельности, я нахожу, что догматические суждения необходимы ему не только для того, чтобы он мог действовать заодно с себе подобными, но и для его собственной жизни.

Если бы человек был вынужден доказать самому себе все те истины, которыми он пользуется ежедневно, он никогда не пришел бы к окончательному результату; он бы изнемог, доказывая предварительные положения и не продвигаясь вперед. Поскольку жизнь слишком коротка для подобного предприятия, а способности нашего разума слишком ограниченны, человеку не остается ничего иного, как признать достоверность массы фактов и мнений, на самостоятельную проверку которых у него нет ни свободного времени, ни сил, — причем фактов, открытых умными людьми или принятых толпой. На этом фундаменте он строит здание из своих собственных мыслей. И поступает он подобным образом отнюдь не по своей воле; его вынуждает так поступать непреложный закон человеческого существования.

Самые великие философы на свете вынуждены принимать на веру миллион чужих положений и признавать значительно больше истин, чем они сумели лично установить.

Это не только необходимо, но и желательно. Человек, предпринявший попытку самолично во всем удостовериться, не сможет уделить много внимания и времени каждой из проблем; это занятие вызовет в нем постоянное возбуждение, которое будет мешать ему глубоко постигать всякую истину и приходить к твердым убеждениям по поводу чего бы то ни было. Его интеллект одновременно будет независимым и слабым. Таким образом, из множества человеческих суждений и мнений ему необходимо сделать собствен-

ный выбор и принять их большей частью без раздумий, чтобы можно было лучше изучить то незначительное число проблем, которые были оставлены им для рассмотрения.

Верно, что любой человек, принимающий на веру всякое мнение с чужих слов, отдает свой разум в рабство, но это рабство благотворно, так как оно заставляет ценить свободу и учит пользоваться ею.

Поэтому авторитеты всегда, что бы ни случилось, должны играть свою роль в интеллектуальной и нравственной жизни. Эта роль может быть различной, но они непременно должны ее

играть. Независимость индивидуума может быть большей или меньшей — она не может быть безграничной. Таким образом, вопрос не в том, сохраняются ли в век демократии интеллектуальные авторитеты, а в том, чтобы знать, где они удерживают свои позиции и каков их вес.

В предыдущей главе я показал, в какой мере равенство условий вызывает в людях своего рода инстинктивное недоверие к сверхъестественному и формирует слишком высокое, а подчас и совершенно преувеличенное представление о возможностях человеческого разума.

Следовательно, люди, живущие во времена равенства, с трудом заставляют себя наделять интеллектуальным авторитетом, которому они согласны подчиняться, нечто внеположное человечеству и превосходящее человеческие способности. Источники истины они, как правило, ищут в самих себе или в себе подобных. Это утверждение вполне доказывается тем, что в такие времена не может быть создана никакая новая религия и что любые попытки в этом роде будут не только нечестивыми, но и нелепо безрассудными. Заранее можно предсказать, что демократические народы не поверят с легкостью в божественность миссии новых пророков, что они с готовностью будут осмеивать их и захотят найти главный критерий истинности собственных убеждений и верований не вовне, а в пределах самого человеческого разумения.

Когда условия существования различны и люди неравны и непохожи друг на друга, среди них непременно встречаются отдельные личности, отличающиеся превосходным образованием, глубокой ученостью и огромным интеллектуальным влиянием, в то время как массы отмечены чрезвычайным невежеством и ограниченностью. В результате люди, живущие в аристократические времена, естественным образом обнаруживают склонность руководствоваться в своих суждениях указаниями ученых людей или же всего образованного класса, одновременно не проявляя расположенности считать безошибочными мнения массы.

В века равенства наблюдается как раз обратное.

По мере того как граждане становятся более равными и более похожими друг на друга, склонность каждого из них слепо доверяться конкретному человеку или определенному классу уменьшается. Предрасположенность доверять массе возрастает, и общественное мнение все более и более начинает править миром.

У демократических народов общественное мнение, разумеется, не оказывается единственным критерием проверки индивидуальной способности суждения, но его влияние

становится неизмеримо более могущественным, чем где бы то ни было еще. Во времена равенства люди не склонны доверять друг другу по причине своего сходства, но то же самое сходство обусловливает их готовность проявлять почти безграничное доверие ко мнению общественности, ибо им не кажется невероятным вывод о том, что, поскольку все обладают равными познавательными способностями, истина всегда должна быть на стороне большинства.

Когда человек, живущий в демократической стране, сравнивает себя с окружающими его людьми, он с гордостью ощущает свое равенство с каждым из них; но когда он начинает размышлять о всей совокупности себе подобных и соотносит себя с их огромной массой, он тотчас же чувствует себя подавленным, ощущает всю свою незначительность и слабость.

То же самое равенство, освободившее его от зависимости перед любым отдельно взятым гражданином, оставляет его одиноким и беззащитным перед лицом реального большинства.

Общественное мнение у демократических народов, следовательно, обладает весьма странным могуществом, о природе которого народы, живущие в условиях аристократического правления, не могут составить себе ни малейшего понятия. Общественное мнение не внушает своих взглядов, оно накладывается на сознание людей, проникая в глу-

бины их души с помощью своего рода мощного давления, оказываемого коллективным разумом на интеллект каждой отдельной личности.

В Соединенных Штатах большинство приняло на себя обязанность обеспечивать индивидуум массой уже готовых мнений, освобождая его от необходимости создавать свои собственные. Таким образом, существует немалое количество философских, этических и политических теорий, которые каждый человек принимает без обследования, веруя в безошибочность коллективного разума, и, если с особой пристальностью рассмотреть этот предмет, то выяснится, что сама религия господствует здесь не столько как учение о божественном откровении, сколько как проявление общественного мнения.

Я знаю, что американские политические законы предоставляют большинству суверенные права на управление обществом, и это в значительной мере усиливает естественное воздействие, которое большинство и без того оказывает здесь на умы людей, ибо нет ничего более привычного, свойственного человеку, чем признание интеллектуального превосходства над

собой своего угнетателя.

Это политическое всемогущество большинства в Соединенных Штатах в самом деле увеличивает ту власть, которую общественное мнение и без него получило бы над умами всех сограждан. Политическое могущество не является основой этой власти. *Ее* источники следует искать в самом равенстве, а не в тех более или менее популярных институтах, которые люди эгалитарного общества сумели создать для себя. Можно предположить, что интеллектуальная власть численного большинства будет не столь абсолютной у демократического народа, подчиненного королю, чем в недрах чисто демократических обществ; однако в век равенства она всегда будет почти неограниченной, и независимо от собственно политических законов, управляющих людьми, вполне можно утверждать, что доверие к общественному мнению станет своего рода религией, чьим пророком будет численное большинство.

Духовный авторитет, таким образом, примет иные формы, но его власть не уменьшится; я не только не верю в то, что он должен будет исчезнуть, но и предсказываю, что он без труда способен стать слишком могущественным и что может случиться так, что в конечном счете он ограничит сферу деятельности индивидуального мышления рамками, слишком тесными для достоинства и счастья человечества. В равенстве я отчетливо различаю две тенденции: одна из них влечет разум каждого человека к новому мышлению, а другая способствует тому, чтобы он добровольно вообще отказался думать. Я вижу, каким образом, подчиняясь определенным законам, демократия способна подавить ту самую духовную свободу, расцвету которой столь способствует демократическое общественное устройство, подавить настолько, что человеческий дух, освободившись от всех пут, некогда налагавшихся на него целыми классами или отдельными личностями, может приковать себя короткой цепью к волеизъявлению элементарного количественного большинства.

Поэтому, если, уничтожив различные силы, которые сверх всякой меры затрудняли или сдерживали рост индивидуального самосознания, демократические народы станут поклоняться абсолютной власти большинства, зло лишь изменит свой облик. В этом случае люди не найдут способа добиться свободной жизни; они лишь с великим трудом сумеют распознать новую логику рабства. Данное обстоятельство, и я не устану это повторять, заставляет глубоко задуматься всех тех, кто убежден в святости свободы человеческого духа и кто ненавидит не только деспотов, но и сам деспотизм. Что касается лично меня, то, ощущая на своей голове тяжелую десницу власти, я мало интересуюсь

конкретным источником моего угнетения и отнюдь не более расположен подставлять свою шею под хомут лишь потому, что мне протягивают его миллионы рук.

Глава III ПОЧЕМУ АМЕРИКАНЦЫ ОБНАРУЖИВАЮТ БОЛЬШУЮ СПОСОБНОСТЬ И СКЛОННОСТЬ К ОБЩИМ ИДЕЯМ, ЧЕМ ИХ АНГЛИЙСКИЕ ПРЕДКИ

Господь не помышляет о человеческом роде как о некой совокупности. Единым взором он охватывает в отдельности каждую личность — частицу человечества, — одновре-

менно воспринимая и общие черты, роднящие людей между собой, и различия, отделяющие их друг от друга.

Господь, следовательно, не нуждается в общих идеях; то есть он никогда не испытывает необходимости придавать единую форму огромному числу аналогичных объектов для того, чтобы о них было удобнее размышлять.

С человеком дело обстоит иначе. Если он попытается рассмотреть и определить свое отношение к каждому конкретному случаю, с которым ему приходится сталкиваться, то вскоре растеряется среди бесконечного множества частностей и ничего уже не будет понимать; оказавшись в столь бедственном положении, прибегает к несовершенному, но необходимому методу, выявляющему этот недостаток и помогающему его преодолеть.

Поверхностно рассмотрев определенное число предметов и заметив, что они похожи друг на друга, его ум дает им всем одно и то же наименование, откладывает их в сторону и следует далее своим путем.

Общие идеи свидетельствуют не о силе человеческого разума, но, скорее, о его несовершенстве, ибо в природе нет ни абсолютно подобных друг другу, идентичных фактов, ни законов, приложимых без разбора разом ко многим явлениям.

Общие идеи замечательны тем, что они позволяют человеческому разуму выносить свои суждения сразу по целому ряду явлений, но, с другой стороны, выражаемые ими понятия никогда не бывают полными и они всегда заставляют нас проигрывать в точности ровно настолько, насколько мы выигрываем во времени.

По мере того как общество становится старше, оно узнает о новых фактах, овладевая ими ежедневно таким образом, чтобы они не противоречили уже усвоенным конкретным истинам.

По мере того как человек познает все больше истин этого рода, он естественным образом обретает способность постигать все большее количество общих идей. Нельзя рассматривать множество конкретных фактов по отдельности, не устанавливая в конце концов некой связи между ними, соединяющей их воедино. Несколько индивидуальных особей дают представление о виде; несколько видов с неизбежностью приводят к постижению понятия рода. Привычка и склонность к общим идеям, таким образом, всегда будут усиливаться по мере того, как культура народа будет становиться все древнее, а его познания — все обширнее.

Имеются также и иные причины, побуждающие людей обобщать свои идеи или же, напротив, отвращающие их от общих идей.

Американцы значительно чаще пользуются общими идеями, и они нравятся им куда больше, чем англичанам; на первый взгляд это кажется очень странным, если учитывать, что эти два народа имеют единое происхождение, что они веками жили по одним и тем же законам и что между ними все еще происходит беспрерывный обмен мнениями и нравственными представлениями. Контраст станет еще более разительным, если мы обратим взоры на нашу Европу и сопоставим друг с другом два самых просвещенных из ее народов.

Английский склад ума таков, что он словно бы с сожалением отрывается от созерцания конкретных фактов, дабы возвыситься до их истоков и причин; если англичанин вообще начинает обобщать, то он делает это вопреки самому себе.

У нас, напротив, склонность к общим идеям, по-видимому, превратилась в страсть столь безудержную, что она требует удовлетворения при первой же возможности. Каждое утро, просыпаясь, я узнаю, что только что открыт некий всеобщий вечный закон, о котором я никогда прежде и не слышал. Ни один, даже самый посредственный сочинитель не будет вполне удовлетворен своим первым литературным опытом, если открытые в нем истины относятся лишь к одному-единственному великому королевству, испытывая недовольство собой по той причине, что предмет его писаний не захватывает собой всего человеческого рода.

Столь существенное различие между двумя весьма просвещенными народами мне представляется поразительным. Однако, обратив наконец свой мысленный взор на Англию и отметив все то, что происходило в ней в течение последнего полувека, я с полным убеждением могу констатировать возрастание в ней интереса к общим идеям по мере того, как

ослаблялось влияние ее старой конституции.

325

Таким образом, одним лишь состоянием большей или меньшей просвещенности народа невозможно объяснить пристрастие человеческого разума к общим идеям или же его отвращение к ним.

Когда условия существования людей крайне различны и неравенство носит устойчивый характер, индивидуумы постепенно становятся столь непохожими друг на друга, что создается впечатление, будто каждый класс представляет собой отдельную разновидность человечества; мы можем их изучать лишь по отдельности, и, теряя из поля зрения общую нить, связующую их в огромную семью, мы рассматриваем только некоторые типы людей, но не человека в целом.

Поэтому все люди, живущие в аристократических обществах, никогда не осмысляют свое собственное существование с помощью слишком отвлеченных понятий, и этого вполне достаточно для того, чтобы у них выработались привычное недоверие и инстинктивное отвращение к общим идеям.

Человек, живущий в демократической стране, напротив, видит вокруг только более или менее похожих на себя людей; он не может думать о какой-либо одной части человеческого рода, не расширяя этого понятия до таких размеров, что оно начинает включать в себя все человечество в целом. Все истины, приложимые к нему самому, кажутся ему в равной мере или же аналогичным образом применимыми к любому из его сограждан и вообще к любому человеку. Обретя привычку пользоваться общими идеями в тех областях, которые его более всего занимают, он переносит этот навык на все остальные сферы, и таким образом человеческий дух наделяется горячей, а подчас и слепой страстью к открытию всех общих законов и правил, к одновременному оперированию под одним названием огромной массой объектов и явлений, к стремлению объяснять единой причиной целую совокупность фактов.

Ничто не доказывает истинности данного утверждения лучше, чем известное отношение античного мира к рабам.

Самые глубокомысленные, самые универсальные гении Рима и Греции не смогли додуматься до столь всеобщей и одновременно столь простой мысли, каковой является идея схожести представителей рода человеческого и, следовательно, идея равного по рождению права каждого человека на свободу; напротив, много сил и выдумки они потратили на то, чтобы доказать, что рабство заключено в самой природе вещей и будет

существовать всегда. Более того, те из древних, кому довелось познать рабство прежде, чем стать свободными, и чьи превосходные сочинения мы частично сумели сохранить, сами выставляли рабство в аналогичном свете.

Все великие античные писатели были представителями аристократии рабовладельцев или по меньшей мере рассматривали установленное господство этой аристократии как вещь само собой разумеющуюся; их ум, свободно простиравшийся во многие сферы, именно в данном вопросе обнаружил всю свою крайнюю ограниченность, и для того, чтобы люди поняли, что все они естественным образом похожи друг на друга и равны между собой, самому Иисусу Христу надо было спуститься на землю.

Во времена равенства все люди независимы друг от друга, изолированны и слабы; вы не найдете такого человека, чья воля постоянно управляла бы движениями толпы; в такие периоды всегда кажется, что человечество развивается само по себе. Поэтому, чтобы объяснить происходящее в мире, необходимо сконцентрироваться на поиске нескольких основных причин, которые воздействуют одинаково на каждого из нам подобных и таким образом заставляют всех добровольно идти по одному и тому же пути. Это, естественно, приводит также к тому, что человеческий разум постигает общие идеи и обретает пристрастие к ним.

Выше я уже объяснял, каким образом равенство условий существования заставляет каждого человека самостоятельно искать истину. Легко понять, что подобный метод поисков должен исподволь направлять человеческое самосознание к восприятию общих идей. До тех пор пока я отвергаю традиции класса, профессии и семьи, избегая благодаря этому власти прецедента и находя собственный путь лишь с помощью своего разума, я естественным образом испытываю склонность объяснять истоки своих воззрений не иначе, как особенностями самой природы человека, и это обязательно и почти независимо от моих желаний приводит меня к усвоению большого числа весьма общих понятий.

Все вышеизложенное вполне объясняет причину того, что англичане обнаруживали меньшие способность и вкус к обобщению идей, чем их американские потомки и в осо-

бенности их соседи-французы, и отчего в наши дни англичане наделены ими в большей мере, чем в прошлом их отцы.

Англичане очень долго были весьма просвещенным и одновременно очень аристократическим народом; и в то время

как культура постоянно влекла их к формированию вполне общих идей, аристократизм обычаев удерживал их на позициях конкретного мышления. Отсюда эта их школа философской мысли, отмеченная одновременно и смелостью и робостью идей, а также широтою и узостью взглядов, школа, до сих пор господствующая в Англии и все еще стесняющая и сковывающая там такое множество умов.

Помимо этих, выставленных мною на первый план соображений, имеются также и другие, менее очевидные, но не менее серьезные причины, развивающие почти у всех демократических народов вкус к общим идеям, часто доходящий до страсти.

Общие идеи могут быть весьма различны. Одни из них являют собой результат медленной, кропотливой, добросовестной работы интеллекта и, следовательно, расширяют сферу человеческого знания.

Общие идеи другого типа легко рождаются при первом же энергичном усилии ума, не давая ничего, кроме очень поверхностных и очень неопределенных понятий.

Люди, живущие в века равенства, отличаются большой любознательностью при недостатке досуга; их жизнь столь деятельна, сложна, беспокойна и активна, что у них остается очень мало времени на размышления. Люди демократических эпох любят общие идеи, потому что они избавляют их от необходимости изучать частные случаи; эти немногочисленные идеи, если можно так выразиться, вмещают в себя многое и быстро дают большой доход. Итак, кинув невнимательный, беглый взгляд, люди верят, что видят некую общую связь между определенными предметами, и, прекращая дальнейшие поиски, а также не рассматривая подробно, в чем состоит сходство или различие между этими предметами, они спешно относят их к одному и тому же классу и идут дальше.

Одной из показательных черт демократических веков является тяга к легкому успеху и безотлагательным удовольствиям, которая просыпается во всех людях. Это относится не только к интеллектуальному, но и к любому другому поприщу. Большинство из живущих во времена равенства людей — большие честолюбцы, но их честолюбие носит одновременно и бойкий и вялый характер: они хотят сразу добиться большого успеха, но при этом стремятся избавить себя от тяжелого труда. Эти противоречивые желания прямо приводят их к поиску общих идей, при помощи которых, как они надеются, им удастся с небольшими затратами создать нечто огромное и привлечь внимание публики без особых усилий.

И я не знаю, насколько они не правы, когда рассуждают подобным образом, ибо публика ничуть не меньше их самих боится глубины и обычно ищет в творениях духа не что иное, как доступные удовольствия и легкие, не требующие труда наставления.

Если аристократические нации в недостаточной мере пользуются общими идеями, часто выражая по отношению к ним неосмотрительное пренебрежение, то демократические народы, напротив, всегда готовы злоупотреблять данной разновидностью идей и предаются им с неразборчивым пылом.

Глава IV ПОЧЕМУ АМЕРИКАНЦЫ НЕ ОТНОСЯТСЯ С ТОЙ ЖЕ СТРАСТНОСТЬЮ, ЧТО И ФРАНЦУЗЫ, К ОБЩИМ ИДЕЯМ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ

Я уже говорил, что американцы в меньшей степени тяготеют к общим идеям, чем французы. Это в особенности справедливо в отношении общих идей политического содержания.

Несмотря на то что общие идеи неизмеримо глубже пронизывают американское законодательство, чем английское, и что американцы значительно более англичан озабочены приведением практики юридических отношений в соответствие с теорией, Соединенные Штаты никогда не знали политических институтов, прямо-таки влюбленных в общие идеи, как это было у нас с Национальным собранием и с Конвентом; никогда вся

американская нация целиком не испытывала страсти к такого рода идеям,— в отличие от французского народа в XVIII веке — и не высказывала столь слепой веры в добротность и абсолютную истинность какой бы то ни было теории.

Эти различия между американцами и нами порождены многими причинами, важнейшими из которых представляются следующие.

Американцы — это демократический народ, который всегда сам управлял своими общественными делами, а мы— демократический народ, который в течение долгого времени мог лишь мечтать о наилучших способах их ведения.

Наше общественно-политическое положение привело к тому, что мы восприняли весьма общие идеи, связанные с проблемами государственности и власти, еще в то время, когда наша политическая конституция мешала улучшать эти идеи опытным путем, постепенно вскрывая их несостоятельность, тогда как у американцев эти две стороны постоянно уравновешиваются и

естественным путем взаимно поправляют друг друга.

На первый взгляд может показаться, что это утверждение противоречит высказанному ранее предположению о том, что демократические народы самим бурным течением их практической жизни обучаются любить теорию. При более внимательном рассмотрении данного вопроса становится ясным, что в этих положениях нет никакого противоречия.

Люди, живущие в демократических странах, с жадностью хватаются за общие идеи потому, что у них мало свободного времени, и потому, что эти идеи избавляют их от необходимости терять время на рассмотрение частных случаев. Это верно, но лишь тогда, когда речь не идет о предметах, привычных и насущно необходимых. Коммерсанты с поспешностью и почти без всякого раздумья ухватятся за предложенные им общие идеи, относящиеся к философии, политике, наукам и искусству, однако они обязательно изучат те общие идеи, которые имеют отношение к торговле, и не примут их безусловно и безоговорочно.

Аналогичным образом поступают и государственные деятели, когда дело доходит до общих идей и обобщений политического содержания.

Таким образом, если есть повод волноваться, что демократические народы в том или ином вопросе склонны слепо и чрезмерно доверяться общим идеям, нет лучшего способа исправить положение, чем привлечь ежедневное, практическое внимание людей к данному вопросу; это заставит их хорошенько вникнуть в детали, а детали помогут понять слабые стороны теории.

Лекарство это часто оказывается болезненным, но оно всегда эффективно.

Именно таким способом демократические институты, заставляющие каждого гражданина принимать практическое участие в управлении обществом, умеряют ту чрезмерную склонность к восприятию политических теорий общего содержания, которую порождает равенство.

Глава V КАКИМ ОБРАЗОМ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ РЕЛИГИЯ ИСПОЛЬЗУЕТ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

В предыдущих главах я уже дал объяснение тому, что люди не могут обходиться без догматических убеждений и что их наличие чрезвычайно желательно. Здесь я бы добавил, что из всех догматических убеждений самыми нужными являются верования

религиозного характера. Это очень легко доказать, даже если рассматривать их только с точки зрения интересов земной жизни.

Практически любое человеческое деяние, сколь бы частный характер оно ни носило, порождается всеобщими представлениями людей о Боге, о его отношении к человеческому роду, о природе души и об обязанностях людей перед себе подобными. Эти идеи не могут не играть роль общего источника, из которого берут начало все остальные идеи и представления.

328

Поэтому люди крайне заинтересованы в том, чтобы их идеи о Боге, душе, всеобщих обязанностях по отношению к своему создателю и себе подобным были бы прочно установленными, поскольку любые сомнения по поводу этих первооснов отдают деятельность людей на волю слепого случая и обрекают их на беспомощное, смятенное существование в мире, лишенном в той или иной мере смысла и порядка.

Следовательно, крайне необходимо, чтобы в этих вопросах каждый из нас пришел к определенному мнению; однако, к несчастью, вопросы эти таковы, что всякому человеку, предоставленному исключительно самому себе, очень трудно определить свои мнения, полагаясь лишь на собственный разум.

Только интеллект, совершенно свободный от обычных житейских забот, чрезвычайно проницательный и тонкий, очень хорошо тренированный, способен, затратив массу времени и труда, постигнуть эти столь необходимые истины.

К тому же мы видим, что даже сами философы, рассматривая эти истины, почти всегда испытывают сомнения; что с каждым шагом естественный свет, освещавший их путь, меркнет, угрожая погаснуть совсем, и что, несмотря на все их усилия, они все же не смогли открыть ничего, кроме незначительного числа противоречивых представлений, над которыми человеческое сознание беспрерывно бьется уже в течение тысячелетий, не будучи в состоянии твердо усвоить истину или хотя бы обнаружить новые ошибки. Подобные занятия требуют данных, значительно превосходящих средние человеческие способности, и, даже если большинство людей обладало бы ими, вполне ясно, что у них не будет для этого свободного времени.

Устоявшиеся идеи Бога и человеческой природы необходимы для повседневной практической жизни людей, и эта же самая практическая жизнь мешает им постигать эти идеи.

Данное положение кажется мне удивительным. Среди наук есть такие, которые, будучи полезными для масс, вполне им доступны; другими же науками может овладеть лишь небольшое

число специалистов, и они не культивируются большинством, которое в них не нуждается, если не считать отдаленной возможности их практического применения. Обсуждаемые же нами вопросы необходимы для повседневной жизни всех людей, хотя их изучение подавляющему большинству и недоступно.

Итак, общие идеи, связанные с понятием Бога и природы человека, отличаются от всех остальных общих идей тем, что их следует изъять из привычной сферы деятельности индивидуального сознания, а также тем, что с ними мы больше всего выиграем и меньше всего проиграем, если признаем власть авторитета

Основная цель и главное достоинство религии заключается в том, что на каждый из этих первостепенно важных для жизни вопросов она должна дать ясные, точные и понятные большинству ответы, которые способны выдержать длительную проверку временем.

Существуют религии совершенно ложные и абсурдные; тем не менее можно сказать, что всякая религия, остающаяся в только что очерченной мною сфере влияния и не намеревающаяся выходить за ее пределы, — как это пытались сделать многие из них, чтобы со всех сторон ограничить свободное развитие человеческого ума, — налагает на интеллект необходимую узду; и следует признать, что независимо от того, спасает ли религия людей на том свете, она по крайней мере весьма способствует обретению ими счастья и достоинства на этом свете.

Эта истина в особенности приложима к людям, живущим в свободных странах.

Когда у какого-то народа разрушается религия, в высшую деятельность головного мозга вторгается сомнение, наполовину парализуя все остальные способности интеллекта. Каждый человек приучается не иметь ничего определенного, кроме путаных и переменчивых представлений по вопросам, имеющим особую важность для его близких и для него самого; люди плохо защищают свои мнения или же легко отказываются от них, и, отчаявшись поодиночке решить важнейшие проблемы человеческой судьбы, они малодушно перестают думать о них вообще.

Такое положение непременно опустошает души, оно ослабляет пружины воли и готовит граждан к рабству.

В такие времена случается, что люди не только позволяют отнимать у них свободу, но и часто сами отдают ее.

329

Когда в вопросах религии, так же как и в политике, перестает

существовать власть авторитета, эта безграничная независимость вскоре начинает ужасать людей. Постоянное возбуждение по поводу всего на свете тревожит и утомляет их. Когда в мире сознания все приходит в движение, люди хотят, чтобы по крайней мере в области материальной был установлен твердый, устойчивый порядок, и, поскольку они уже не могут вернуться к своим старым убеждениям, они отдают себя в руки какого-нибудь повелителя.

Что касается меня, то я сомневаюсь, что человек вообще способен выносить одновременно полную религиозную независимость и абсолютную политическую свободу, и я пришел к убеждению, что в том случае, если он не верит, он обязан подчиняться какойнибудь власти, а если он свободен, то должен быть верующим.

Между тем я не знаю, обнаруживается ли эта огромная польза религии более явственно у народов, у которых условия существования равны, нежели у всех других народов.

Следует признать, что равенство, даруя миру великие блага, в то же самое время возбуждает в людях, как я надеюсь показать в дальнейшем, крайне опасные инстинкты: оно ведет человека к самоизоляции от всех окружающих, заставляя каждого заниматься только самим собой.

Оно чрезмерно обнажает их души перед страстью к материальным наслаждениям.

Важнейшая заслуга религий заключается в их способности внушать прямо противоположные чувства. Всякая религия выводит предмет человеческих вожделений за пределы земной жизни с ее благами, естественным образом вознося душу в высшие сферы, безмерно превосходящие чувственный мир. Нет ни одной религии, которая не налагала бы на человека каких-либо обязательств по отношению ко всему человеческому роду, приобщая его ко всему сообществу и таким образом отвлекая индивидуум от мыслей о самом себе. Это содержится даже в самых ложных и опасных религиозных учениях.

Религиозные народы, следовательно, естественным образом сильны именно в том отношении, в котором слабы демократические народы; важность сохранения религии народом, идущим к равенству, становится очевидной.

У меня нет ни прав, ни желания исследовать те сверхъестественные средства, которые избирает Господь для внушения человеческому сердцу чувства веры. В данном случае я рассматриваю религии с чисто человеческой точки зрения; я ищу ответ на вопрос, каким образом эти чувства могут сохранить свою силу в века демократии, в которые мы вступаем.

Я уже отмечал, что во времена просвещения и равенства человеческое сознание с трудом воспринимает догматические постулаты, не испытывая в них реальной потребности, если не считать области религиозных убеждений. Это прежде всего означает, что в такое время религии должны с большей скромностью, чем в любые другие века, удерживаться в своих собственных границах и не пытаться из них выйти, так как, возжелав распространить свое влияние на предметы, непосредственно к религиозным вопросам не относящиеся, они рискуют тем, что в них вообще перестанут верить. Поэтому они должны тщательно очертить круг своей компетенции, контролирующей деятельность человеческого сознания, за пределами которого этому сознанию следует предоставить полную свободу и самостоятельность.

Магомет, спустившись с небес, принес с Кораном не только религиозные доктрины, но и политические максимы, гражданские и уголовные законы, научные теории. В Евангелии, напротив, говорится только об общем отношении людей к Богу и между собой. Кроме этого, оно ничему не учит и ни во что не обязывает верить. Одного лишь этого, помимо тысячи других доводов, достаточно для того, чтобы показать неспособность первой из этих двух религий надолго сохранить свое господство во времена просвещения и демократии, тогда как второй суждено царствовать в эти века, как и во все другие.

Следуя далее в своих рассуждениях, я нахожу, что религиям, с точки зрения обычного человека, недостаточно только лишь тщательно очертить круг религиозных вопросов, чтобы быть в состоянии сохранить свое положение в века демократии; их влияние также в значительной мере зависит от характера исповедуемых ими вероуче-

ний, от внешних форм принятой ими обрядности и от обязательств, налагаемых ими на верующих.

Рассмотренная мною закономерность, согласно которой равенство вырабатывает у людей склонность к весьма общим и очень пространным идеям, должна быть в особой степени приложима к предметам религиозным. Похожие друг на друга и равные между собой люди с легкостью постигают идею единого Бога, устанавливающего общие законы для каждого из них и наделяющего их счастьем в будущей жизни по одной и той же цене. Идея равенства рода человеческого беспрестанно возвращает их к идее единого Создателя, тогда как, напротив, люди, отделенные друг от друга и отмеченные существенными

внутренними различиями, охотно создают столько божеств, сколько имеется у их городов, каст, кланов и семейств, пролагая тысячу самостоятельных дорог, по которым они надеются подняться на небеса.

Невозможно отрицать, что само христианство так или иначе испытало на себе воздействие, которое социально-политические условия оказывают на религиозные убеждения.

В то время когда христианство появилось на земле, Провидение, которое, без сомнения, подготавливало мир к его приходу, объединило значительную часть человеческого рода как бесчисленную паству под скипетром римских кесарей. Люди, составлявшие эту огромную массу, были весьма отличны друг от друга; тем не менее их объединяло хотя бы то, что все они жили, подчиняясь одним и тем же законам, и что каждый из их был столь слаб и ничтожен в сравнении с величием государя, что все они между собой казались равными.

Следует признать, что это новое и необычное общественное состояние должно было предрасположить людей к восприятию всеобщих истин, проповедовавшихся христианством, и это служит объяснением той легкости и той быстроты, *с* которыми христианство сумело в то время завоевать души.

Прямо противоположная ситуация сложилась после падения Империи.

Романский мир тогда разбился, если так можно выразиться, на тысячу осколков, и каждая народность вернулась к своей первоначальной самобытности. Вскоре в недрах этих народностей стала формироваться иерархия бесчисленных рангов; заявили о себе расовые различия, и касты разделили каждую нацию на несколько наций. Среди этого всеобщего стремления, которое, казалось, должно было привести все человеческие сообщества к раздробленности на такое количество фрагментов, какое только можно было себе вообразить, христианство не потеряло из виду некогда открытые и провозглашенные им основные общие идеи. Однако оно попыталось приспособиться, насколько могло, к новым тенденциям, порожденным ситуацией раздробленности человеческого общества Люди продолжали поклоняться единому Господу — творцу и хранителю мироздания, но каждый народ, каждый город и, пожалуй, каждый человек верили, что они могут получить какую-либо особую привилегию и обрести личных покровителей пред ликом всемогущего владыки. Не имея возможности отринуть единое божество, они по меньшей мере могли бесконечно увеличивать число его споспешников, наделяя их безмерным могуществом. Распространившееся вследствие этого поклонение ангелам и святым для большинства христиан

стало почти идолопоклонническим культом, и некоторое время могло казаться, что христианство возвращается к тем религиям, которые оно победило.

Мне представляется очевидным, что по мере того как исчезают барьеры, разделяющие народы и граждан каждой страны, человеческое сознание как бы само по себе обращается к идее неповторимого и всемогущего существа, предписавшего всем людям в равной мере одни и те же законы. Поэтому в века демократии очень важно не смешивать почитание второстепенных уполномоченных Божьей воли с поклонением самому Создателю.

Не менее очевидна для меня и следующая истина: в периоды господства демократии религии должны уделять меньше внимания внешней церемониальности и обрядности, чем в любые другие времена.

Говоря о философском методе американцев, я уже отмечал, что во времена равенства ничто так не возмущает человеческий дух, как идея подчинения формальностям. Живущие в это время люди с раздражением относятся к риторике; символы кажутся им по-детски наивными, искусственными выдумками, окутывающими и приукрашиваю-

щими в их глазах те истины, которые им было бы свойственнее рассмотреть совершенно нагими при ясном свете дня; церемонии их совершенно не трогают, и они непроизвольно склоняются к тому, чтобы не придавать существенного значения деталям богослужения.

Тем, кто в демократические времена обязан контролировать внешние формы религиозной обрядности, следует уделять особое внимание этим природным инстинктам человеческого сознания, чтобы без надобности не сражаться против них.

Я твердо убежден в необходимости внешних форм обрядности; я знаю, что они способствуют концентрации человеческого сознания на размышлении об абстрактных истинах, помогая прочно их усваивать и истово верить в них. Я не представляю себе, каким образом можно сохранить какую-либо религию, уничтожив практику ее внешних форм богослужения; однако, с другой стороны, я думаю, что в течение предстоящих перед нами веков было бы особо опасным стремление чрезмерно увеличивать число обрядов; их, скорее, следовало бы сократить, оставив только те, которые абсолютно необходимы для сохранения самой доктрины, являющейся сущностью религий[1], тогда как ритуал — это лишь форма Приверженцы той религии,

которая будет становиться все более регламентированной, негибкой и требующей все более строгого соблюдения мелочных ритуалов в то время, когда люди начнут обретать все большее равенство, довольно скоро обнаружат, что превратились в замкнутую группу истово верующих, окруженную массой скептически настроенных людей.

Я знаю, мне возразят, что религии, имеющие своим предметом всеобщие и вечные истины, не могут подобным образом приноравливаться к переменчивым настроениям каждого века, не расшатывая убежденности людей в достоверности этих истин. На это я отвечу, что следует очень четко отличать мнения, являющиеся основными, составляющие суть данного верования и называемые теологами «символом веры», от тем или иным образом примыкающих к ним второстепенных представлений. Религии обязаны всегда твердо отстаивать первые го них, каков бы ни был дух эпохи, но они должны тщательнейшим образом остерегаться подобной же привязанности к представлениям второй разновидности в то время, когда весь мир пришел в безостановочное движение и когда дух, привычный к изменчивости человеческого существования, с большой неохотой застывает в каком бы то ни было положении. Внешние обряды и несущественные религиозные представления имеют шанс, как мне кажется, оставаться неизменными лишь тогда, когда само гражданское общество неподвижно; во всех остальных случаях я склонен верить в то, что их неизменность таит в себе опасность.

Мы увидим, что из всех человеческих страстей, порождаемых или подогреваемых равенством, любовь к благосостоянию обретает особую активность, одновременно овладевая сердцами всех людей. Стремление к благосостоянию представляет собой самую поразительную и непременную особенность эпохи господства демократии.

Имеются некоторые основания полагать, что любая религия, предпринявшая попытку уничтожить эту мать всех страстей, сама в конце концов будет уничтожена ею. Если она захочет полностью оторвать людей от созерцания благ этого мира, чтобы они целиком отдали бы свой разум думам о благах потустороннего бытия, можно предвидеть, что их души все равно выскользнут из ее рук, чтобы всецело предаться исключительно материальным, сиюминутным наслаждениям.

Основная задача религий заключается в необходимости очищать, контролировать и сдерживать эту слишком пламенную и однобокую страсть к благосостоянию, испытываемую людьми в периоды равенства; но я думаю, что религии были бы не правы, если бы попытались целиком обуздать и уничтожить эту страсть.

Им никогда не удастся оторвать людей от любви к богатству, но они все же могут убедить их в том, что обогащаться надо лишь честными путями.

Это размышление приводит меня к последнему соображению, которое определенным образом включает в себя все остальные. Чем больше люди уподобляются друг дру-

[1] Во всякой религии имеются церемонии и обряды, неотделимые от самой сущности ее символа веры, по отношению к которым следует быть особенно осторожными, дабы ничего в них не изменить. Это с особой наглядностью проявляется в католичестве, в котором форма и суть часто столь взаимосвязаны, что не могут быть отделены друг от друга.

гу, пользуясь равными правами, тем большую важность приобретает следующее наблюдение: религии, осторожно держась в стороне от течения повседневной жизни, не должны без необходимости противопоставлять себя общепринятым идеям и устойчивым интересам, господствующим в массах, так как общественное мнение все более и более становится главной и самой неодолимой силой, удары которой не сможет долго выносить ни одна из противостоящих ей сил. Это в равной мере относится и к демократическому народу, подчиненному деспоту, и к республике. Во времена равенства короли могут часто требовать покорности, однако общество всегда доверяет большинству и, следовательно, по всем вопросам, не противоречащим вере, следует считаться с мнением большинства.

В первой части своего сочинения я уже писал о том, что американские священники не вмешиваются в общественные дела. Это — разительный, но далеко не единственный пример их сдержанности. Религия в Америке — особый мир, в котором правит священнослужитель, но при этом он старается никогда не выходить за его пределы; внутри этого мира он направляет сознание людей, за его пределами он предоставляет их самим себе, свободе и непостоянству, свойственным их природе и эпохе, в которой они живут. Я не видел ни одной страны, где христианство было бы менее опосредовано формальностями, символами и обрядами, чем в Соединенных Штатах, и где бы оно было представлено человеческому сознанию в более ясных, простых и общих идеях. Хотя американские христиане разделены на множество сект, они рассматривают свою религию в одном и том же свете. Это так же относится к романской католической церкви, как и к другим христианским верованиям. Нигде в мире католические священники не обнаруживают столь

незначительной привязанности к мелочному формализму индивидуальных правил поведения, к необычайным, особенным методам обретения спасительной благодати, как в Соединенных Штатах, где они озабочены не столько буквой, сколько духом закона; нигде, кроме как здесь, учение Церкви, запрещающее культ святых, унижающий Господа, не проповедуется столь наглядно и столь эффективно. Между тем американские католики — очень покладистые и чистосердечные люди.

Есть еще одно наблюдение, в равной мере относящееся к духовенству всех общин: американские священники не пытаются заманивать человека с тем, чтобы все свое внимание он сосредоточил на будущем бытии; они охотно оставляют часть его души свободной для забот текущей жизни, по-видимому считая, что блага этого мира являются пусть и второстепенными, но вполне достойными внимания предметами, и, хотя сами не занимаются производительным трудом, они по крайней мере интересуются достижениями в этой области, приветствуют прогресс и, беспрестанно напоминая верующему о загробном мире как главной цели его жизни с ее страхами и надеждами, не запрещают людям честным путем добиваться благосостояния на этом свете. Отнюдь не стремясь доказать, что эти два мира различны и несовместимы, они, пожалуй, пытаются обнаружить точки соприкосновения и взаимосвязи между ними.

Все американские священники понимают, насколько могущественна интеллектуальная власть большинства, и относятся к ней с уважением. Они никогда без крайней необходимости не выступают против нее. Они никогда не ввязываются в межпартийные дрязги, но охотно воспринимают мнения, господствующие в их время в их стране, позволяя себе без сопротивления плыть по течению общественных настроений и идей, увлекающих за собой все вокруг. Они стараются исправлять своих современников, но они не отделяют себя от них. Поэтому публика никогда не испытывает к ним враждебных чувств; она, пожалуй, всегда поддерживает и защищает их, а их убеждения пользуются авторитетом как благодаря своим собственным достоинствам, так и благодаря поддержке, оказываемой им большинством.

Таким образом, относясь с уважением ко всем тем демократическим инстинктам, которые не противоборствуют религиозным представлениям, и даже пользуясь поддержкой некоторых из них, религия может успешно сражаться с духом индивидуальной независимости — самым опасным из ее врагов.

Глава VI ОБ УСПЕХАХ КАТОЛИЦИЗМА В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Америка—самая демократическая страна на земле, и в то же самое время, согласно заслуживающим доверия источникам, католическая религия добилась в ней выдающихся успехов. На первый взгляд это кажется удивительным.

Необходимо ясно видеть различие между двумя феноменами: равенство предполагает, что люди обо всем хотят судить сами; однако, с другой стороны, оно приучает их к идее уникальной, простой, равной для всех государственной власти. Поэтому люди, живущие в демократические времена, обладают сильно выраженной склонностью избавляться от всех религиозных авторитетов. Но, если уж они выражают согласие подчиниться какому-либо из подобных авторитетов, они хотят, чтобы он был по крайней мере единым и неизменным; религиозные власти, получающие свои полномочия не из одного и того же центра, естественным образом шокируют их сознание, и мысль о том, что существует множество религий и нет никакой истинной веры, с легкостью овладевает их умами.

В наши дни чаще, чем в прошлые эпохи, встречаются католики, вообще перестающие верить в Бога, и протестанты, становящиеся католиками. Если рассматривать ситуацию, в которой оказалась католическая церковь, изнутри, то создается впечатление, что церковь теряет свой вес; если же рассматривать ситуацию извне, то влияние церкви кажется растущим. Этому есть объяснение.

Люди нашего времени, конечно, мало склонны верить в Бога; но уж если они принимают религию, то тотчас же обнаруживают в самих себе скрытый инстинкт, который независимо от их желания подталкивает их к католичеству. Некоторые доктрины и обряды, принятые в романской католической церкви, удивляют их, однако они испытывают тайное восхищение ее стройной системой управления, и она привлекает их своим внушительным единством.

Если бы католицизм был в состоянии отречься *в* конце концов от порожденных им политической розни и ненависти, я почти не сомневаюсь в том, что тот же самый дух времени, который кажется прямо противостоящим католичеству, перестал бы быть слишком неблагоприятным для него, и католическая церковь сумела бы мгновенно добиться великих завоеваний.

Один из самых известных недостатков человеческого ума заключается в желании примирять противоположные принципы и обретать покой ценой отказа от логики. Конечно же, всегда

находятся и всегда будут находиться люди, которые, подчинившись власти авторитета в части своих религиозных убеждений, тем не менее хотели бы избавиться от этой власти в отношении другой части своих верований, чтобы позволить своему разуму произвольно колебаться между повиновением и свободой. Я, однако, склонен верить в то, что число подобных людей будет меньшим в век демократии, чем в любые другие эпохи, и что наши внуки все более и более четко станут подразделяться на две категории, одна из которых совершенно отречется от христианства, а другая войдет в лоно романской католической церкви.

Глава VII О ТОМ, ЧТО ЗАСТАВЛЯЕТ СОЗНАНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ НАРОДОВ ТЯГОТЕТЬ К ПАНТЕИЗМУ

Несколько позднее я покажу, каким образом господствующая у демократических народов склонность к крайне общим идеям проявляется в политике; в настоящее время, однако, мне хотелось бы прояснить то основное воздействие, которое она оказывает на философию.

Невозможно отрицать, что в наши дни пантеизм стал очень влиятельным. Часть европейских сочинений явным образом несет на себе его печать. Немцы вводят его в философию, а французы — в литературу. Среди художественных произведений, опубликованных во Франции, большая часть содержит в себе положения или описания, заимство-

ванные из пантеистических учений или же свидетельствующие о наличии у их авторов определенного рода симпатии к этим доктринам. Это представляется мне не результатом чистой случайности, а следствием, вызываемым некоей долговременной причиной.

По мере того как условия существования становятся все более одинаковыми и каждый отдельный человек начинает уподобляться всем другим, оказываясь все более слабым и маленьким, образуется устойчивая привычка размышлять не о конкретных гражданах, а о всем народе в целом; забывая об индивидууме, мы рассуждаем о роде людском.

В такие времена человеческому сознанию нравится разом охватывать великое множество разнородных предметов; оно, сознание, беспрестанно пытается связать многие последствия с одной-единственной причиной.

Человек становится одержимым идеей единства, он ищет ее повсюду и, уверовав в то, что нашел ее, успокаивается и отдыхает с этой верой в душе. Но вполне удовлетворенный открытием, что в мире нет ничего иного, кроме единого творения и единого Творца, он все же испытывает некоторое неудобство, вызываемое этим первоначальным делением сущностей, и добровольно пытается расширить и упростить свою мысль, объединяя в единое целое Господа и мироздание. Если я встречаюсь с философской системой, согласно которой все материальные и нематериальные, видимые и невидимые явления, принадлежащие этому миру, суть не что иное, как различнее части единого бесконечного существа, которое одно лишь остается вечно неизменным среди постоянного изменения и беспрестанных преобразований всех его составляющих, я без труда прихожу к выводу, что подобная система, хотя и уничтожает человеческую индивидуальность, или, пожалуй, именно потому, что она ее уничтожает, будет иметь тайное очарование для людей, живущих при демократии; все их интеллектуальные навыки подготавливают их к постижению подобной системы и ведут их по пути ее признания. Она естественным образом привлекает к себе и захватывает их воображение; она тешит их тщеславие и потакает лености их духа.

Из всех разнообразных систем, с помощью которых философия пыталась объяснить устройство мироздания, пантеизм представляется мне наиболее способным совратить человеческий дух в эпоху демократии; и все те люди, которые еще умеют ценить подлинное величие человека, должны объединить свои силы в борьбе против пантеизма.

Глава VIII КАКИМ ОБРАЗОМ РАВЕНСТВО НАВОДИТ АМЕРИКАНЦЕВ НА МЫСЛЬ О ВОЗМОЖНОСТИ БЕСПРЕДЕЛЬНОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Равенство подсказывает человеческому сознанию многие идеи, которые без равенства никогда бы не пришли людям в головы, и оно модифицирует почти все те идеи, которые людям уже были известны прежде. В качестве примера возьмем идею о возможности самосовершенствования человека, так как эта идея является одной из основных, создаваемых человеческим сознанием, к тому же она сама по себе представляет великую философскую теорию, воздействие которой на практическую деятельность людей можно наблюдать в любой момент.

Несмотря на то что человек во многих отношениях похож на представителей животного мира, он все же отмечен одним, лишь

ему принадлежащим свойством: в отличие от животных он самосовершенствуется. Человечество с самого начала не могло не заметить этого различия. Идея о возможности человеческого совершенствования, таким образом, столь же древняя, как и сам мир; равенство не имело никакого отношения к ее появлению, однако оно придало ей новый характер.

Когда граждане подразделяются на классы соответственно их рангу, профессии, знатности и когда все они вынуждены следовать тому жизненному пути, который был избран для них игрою случая, каждый из них считает, что видит перед собой крайние пределы человеческих возможностей, и никто более не пытается сражаться с неизбежной судьбой. Аристократические народы, разумеется, не отрицают полностью способность человека совершенствоваться. Они лишь полагают, что она не безгранична; они рассматривают ее в качестве частичного улучшения, а не коренного преобразования; они

представляют себе общественный прогресс в виде постепенного улучшения в будущем тех же самых социальных условий и, допуская, что человечество уже сделало гигантский шаг вперед и что оно еще сможет сделать несколько шагов, они заранее ограничивают его прогресс определенными непреодолимыми преградами.

Они все же не считают, что достигли наивысшего блага и абсолютной истины (кто из людей или какой из народов были когда-либо настолько безумны, чтобы вообразить подобное?), но им нравится внушать себе, что они очень близко подошли к той степени величия и познания, которые доступны нашей несовершенной природе; и, поскольку вокруг них не происходит никакого движения, они охотно воображают себе, будто все находится на своих местах. Именно в такие времена законодатели полагают, что утвержденные ими законы незыблемы, народы и короли хотят воздвигать лишь вековечные монументы, а живущее поколение принимает на себя заботу о судьбах грядущих поколений.

Однако по мере того, как касты исчезают и классовые различия стираются, когда люди беспорядочно перемешиваются и привычки, обычаи и законы начинают меняться, когда внезапно появляются новые факты и открываются новые истины, когда старые мнения уходят, уступая место иным представлениям, тогда человеческому сознанию начинает являться образ идеального, вечно ускользающего совершенства.

Беспрестанные перемены происходят тогда ежеминутно перед

глазами каждого человека. Одни из таких перемен ухудшают его положение, и он начинает очень ясно сознавать, что никакой народ и никакой индивидуум, сколь бы ни были они просвещенными, не бывают непогрешимыми. Другие изменения улучшают его участь, и он приходит к выводу, что человек, в общем-то, наделен способностью бесконечного самосовершенствования. Его неудачи дают ему понять, что никто не может льстить себя надеждой на открытие абсолютного блага; успехи же вдохновляют его на неустанные поиски этого блага. Таким образом, всегда ищущий, падающий и встающий на ноги, часто расстроенный, но никогда не разочарованный человек безостановочно стремится приблизиться к тому беспредельному величию, очертания которого он смутно различает в конце долгого пути, который еще предстоит преодолеть человечеству.

Трудно вообразить себе точно, какие последствия естественным образом вытекают из этой философской теории, согласно которой человек способен безгранично совершенствоваться, и сколь огромно влияние, которое она оказывает даже на тех людей, которые, всегда предпочитая действовать, а не размышлять, кажется, согласуют свои поступки с данной теорией, даже не подозревая о ее существовании.

Однажды я встретил американского матроса и спросил его, отчего в его стране корабли строятся столь недолговечными. На это он ответил мне без всяких колебаний, что искусство навигации всякий день так быстро развивается, что даже самый лучший корабль через несколько лет станет почти бесполезным.

В этих случайных словах необразованного человека, причем сказанных по конкретному поводу, я усмотрел проявление общей, систематической идеи, руководствуясь которой великий народ организует свою жизнь.

Аристократические нации по природе своего общественного устройства склонны слишком ограничивать пределы совершенствования людей, тогда как демократические нации иногда чрезмерно их расширяют.

Глава IX ПОЧЕМУ ПРИМЕР АМЕРИКАНЦЕВ НЕ ДОКАЗЫВАЕТ СПРАВЕДЛИВОСТИ УТВЕРЖДЕНИЯ, ЧТО ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ НАРОД НЕ МОЖЕТ ОБЛАДАТЬ СПОСОБНОСТЬЮ И СКЛОННОСТЬЮ К ЗАНЯТИЯМ НАУКАМИ, ЛИТЕРАТУРОЙ И ИСКУССТВОМ

Следует признать, что из современных цивилизованных народов лишь немногие добились меньших успехов в фундаментальных и теоретических науках, чем Соединенные

Штаты, или дали миру столь же мало великих художников, знаменитых поэтов и прославленных писателей.

Многие европейцы, потрясенные данным наблюдением, начали рассматривать это в качестве естественного и неизбежного результата установления равенства и стали пола-

гать, что если демократической государственности и демократическим институтам некогда суждено восторжествовать во всем мире, то человеческий дух будет все менее ясно различать светящие ему огни и люди вновь окажутся во мраке.

Те, кто рассуждает подобным образом, по моему мнению, смешивают несколько идей, которые необходимо разделять и рассматривать по отдельности. Сами того не желая, они смешивают понятие демократии со специфическими особенностями американской жизни.

Религиозные верования, исповедовавшиеся первыми иммигрантами и переданные ими в наследие своим потомкам, были отмечены простотой обрядов богослужения, строгостью и почти жестокостью богословских принципов, враждебностью к внешней символике и помпезной церемониальности. Они, естественно, не были благоприятными для развития изящных искусств и весьма неохотно допускали возможность литературных развлечений.

Американцы—это очень древний и весьма просвещенный народ, который очутился в новой, бескрайней стране, где он мог расселяться по собственному желанию, обеспечивая плодородие земли без особых трудностей. Это — беспрецедентный в мировой практике случай. Ибо в Америке каждый находит неизвестные где-либо еще возможности сколотить или же умножить свое состояние. Воздух здесь пропитан корыстолюбием, и человеческий мозг, беспрестанно отвлекаемый от удовольствий, связанных со свободной игрой воображения и с умственным трудом, не практикуется ни в чем ином, кроме как в погоне за богатством. Промышленные и торговые классы имеются в любой другой стране, не только в Соединенных Штатах, но только здесь все люди одновременно заняты производительным трудом и коммерцией.

Между тем я уверен, что, если бы американцы были в мире одни, обладая той свободой и знаниями, которые они унаследовали от своих предшественников, и теми страстями, которые они взрастили сами, они бы вскоре обнаружили, что прогресса в практических науках нельзя добиваться в течение длительного времени, не уделяя внимания развитию

теоретических дисциплин, что все искусства и ремесла совершенствуются одни посредством других, и, сколь бы они ни были поглощены погоней за главным предметом их вожделений, они скоро поняли бы, что для достижения этой цели время от времени следует переводить свой взор и на другие предметы.

Кроме того, склонность к интеллектуальным удовольствиям представляется столь свойственной душе цивилизованного человека, что даже среди тех просвещенных наций, которые менее других расположены уделять им внимание, всегда имеется определенное число увлеченных ими граждан. Эта интеллектуальная потребность, однажды осознанная, вскоре будет удовлетворена.

Однако как раз в то самое время, когда американцы были естественным образом склонны требовать от науки лишь конкретной, практической пользы для утилитарных видов мастерства, а также средств, с помощью которых жизнь можно было сделать более легкой и удобной, научная и литературная Европа взяла на себя труд подняться до общих источников истины, параллельно улучшая все то, что может приносить удовольствие или же удовлетворять потребности человека

В представлении просвещенных наций Старого Света жители Соединенных Штатов особо отличаются тем, что они общностью происхождения и обычаев очень тесно связаны с одной из этих наций. В этом народе американцы находили прославленных ученых, талантливых художников, великих писателей и таким образом могли приобретать интеллектуальные богатства, не испытывая нужды самим заниматься их накоплением.

Я не думаю, что океан, лежащий между Америкой и Европой, действительно их разделяет. Я считаю народ Соединенных Штатов частью английского народа, которой было поручено исследовать дебри Нового Света, в то время как остальная часть нации, имеющая больше свободного времени и менее обремененная материальными заботами, могла посвятить себя мыслительной деятельности и во всех отношениях споспешествовать развитию человеческого разума.

Положение, в котором оказались американцы, следовательно, совершенно уникально, и едва ли какой-нибудь другой демократический народ когда-либо сможет оказаться в подобной ситуации. Их преимущественно пуританское происхождение, их исключительные торговые навыки, даже сама земля, которую они населяют,—все, кажется, объединилось, чтобы отвлечь их интеллект от занятий науками, литературой и изящными ис-

кусствами; близость Европы, которая позволяет им пренебречь этими занятиями, не возвращаясь к варварству; тысячи конкретных причин, из которых я смог прояснить только основные, — все совпало удивительным образом, дабы привязать американское сознание к заботам чисто материального плана. Их страсти, потребности, образование и обстоятельства — поистине все направлено на то, чтобы склонить жителя Соединенных Штатов к земле. Только религия побуждает его время от времени мельком, рассеянным взором окидывать небеса.

Поэтому давайте перестанем рассматривать все демократические народы как копии, созданные по образу и подобию американского народа, и постараемся, в конце концов, разглядеть особенности их собственных национальных черт.

Вполне возможно представить себе народ, который, не имея внутри ни каст, ни иерархии, ни классов и подчиняясь во всем закону, отвергающему всякие привилегии и поровну делящему наследства, все же будет лишен света культуры и свободы. Это не пустая гипотеза, ибо какой-нибудь деспот способен прийти к мысли о том, что равенство и невежество его подданных отвечают его собственным интересам, поскольку в таком случае людей легче удерживать в рабстве.

Демократический народ данного типа не только не обнаружит никаких способностей и склонностей к занятиям науками, литературой и искусством, но и можно полагать, что он вообще останется им чужд.

Сам закон о наследстве с каждым поколением будет обеспечивать раздробление больших состояний, и никто не создаст новых. Беднота, лишенная знаний и свободы, не придет к идее о возможности самообогащения, а богатые, не умея себя защитить, позволят сталкивать их в нищету. Между бедным и богатым вскоре установится полное и нерушимое равенство. Тогда никто не будет располагать достаточным временем и питать склонность к умственному труду и интеллектуальным наслаждениям. Напротив, все оцепенеет в равном невежестве и одинаковом рабстве.

Когда я воображаю себе демократическое общество данного типа, я тотчас же чувствую себя так, словно оказался в одном из тех Богом забытых низких, мрачных и душных строений, где свет, проникающий снаружи, вскоре начинает бледнеть и гаснуть. Мне кажется, что на меня внезапно обрушивается страшная тяжесть и что я бесцельно брожу в окружающем мраке, чтобы найти выход, который должен вновь вывести меня на воздух, к яркому свету дня. Всего этого, однако, не может произойти с уже просвещенными народами, которые, уничтожив существовавшие у

них особые права и наследственные прерогативы, навеки закреплявшие имущество в руках определенных личностей или определенных групп, все же останутся свободными.

Когда люди, живущие в условиях демократического общества, подлинно просвещенны, они с легкостью осознают, что ничто не должно их ограничивать, сдерживать, насильно заставлять довольствоваться достигнутым благосостоянием.

Поэтому все они приходят к идее о необходимости накопления средств, и если они свободны, то все они пытаются копить, хотя и не всем это удается в равной степени. Правда, законодательство не способствует более формированию привилегий, но сама природа благоприятствует этому. Природное неравенство столь значительно, что, как только каждый человек начинает пользоваться всеми своими способностями с целью обогащения, равенство состояний мгновенно нарушается.

Закон о наследстве, по-прежнему препятствующий образованию богатых семей и кланов, все же не мешает отдельным людям становиться богатыми. Этот закон постоянно стремится привести всех граждан к общему уровню благосостояния, в то время как они сами беспрестанно стремятся вырваться из него; неравенство их состояний возрастает по мере того, как улучшается их образование и они становятся более свободными.

В наше время появилась секта, ставшая знаменитой благодаря своему духу и экстравагантности, которая предложила сосредоточить все блага в руках единой центральной власти, чтобы затем распределять их между людьми в соответствии с их заслугами. Таким образом можно было бы избавиться от полного и вечного равенства, угрожающего, по-видимому, демократическим обществам.

Имеется и другой, более простой и менее опасный способ: никому не предоставляя никаких привилегий, можно всем дать равное образование и одинаковую независимость и позволить каждому самому заботиться о своем благополучии. В этом случае природное

неравенство тотчас же даст себя знать и богатство само перейдет в руки наиболее способных людей.

Демократические и свободные общества, таким образом, всегда будут иметь немало богатых или вполне обеспеченных граждан. Эти состоятельные люди не будут иметь между собой столь же тесных связей, как это было с членами старой аристократии, поскольку они будут отличаться большим

психологическим разнообразием типов и почти никто из них не будет иметь столь же гарантированного и столь же полного досуга; при этом их состав будет бесконечно более многочисленным, чем вообще мог бы быть класс аристократии. Эти люди не будут слишком обременены чисто материальными заботами и смогут, в различной степени разумеется, отдавать свои силы умственному труду и интеллектуальным наслаждениям: они посвятят себя им потому, что, хотя одна часть человеческого сознания и тяготеет к предметам ограниченным, материальным и утилитарным, другая часть естественным образом стремится к бесконечному, духовному, прекрасному. Физические потребности привязывают человека к земному, но, когда они ощущаются не столь остро, его дух сам по себе распрямляется.

Не только значительно возрастет число тех, кто сможет заинтересоваться умственным трудом, но сам вкус к удовольствиям интеллектуального характера постепенно будет распространяться, проникая даже в те социальные слои, которые при аристократическом общественном устройстве, казалось, не имели ни времени на них, ни способности к ним.

Когда нет больше наследственных состояний, классовых привилегий и прерогатив, связанных с родовитостью, и когда источник силы каждого человека заключается лишь в нем самом, становится очевидным, что главным фактором, определяющим различие состояний, является интеллект. Все то, что способствует усилению, обогащению памяти и развитию ума, тотчас же обретает огромную ценность.

Полезность знаний с совершенно необычайной ясностью открывается даже взорам толпы. Те, кого не увлекает процесс познания, высоко ценят его за результаты и предпринимают усилия, чтобы приобрести кое-какие знания.

Во времена просвещенной и свободной демократии ничто не разделяет людей и ничто не удерживает их на своих местах; они поднимаются вверх по общественной лестнице или же скатываются вниз с удивительной быстротой. Представители всех общественных классов постоянно общаются между собой, потому что они очень близки друг к другу. Они ежедневно видятся и обмениваются мнениями, подражая и завидуя друг другу; благодаря этому в народе появляется множество таких идей, понятий и желаний, о существовании которых он бы и не подозревал, если бы общество было неподвижным и строго разделенным по рангам. В период демократии слуга никогда не бывает совершенно чужд развлечениям и трудам своего хозяина, бедняк — работе и досугу богача; сельский житель старается

походить на горожанина, а провинциал — на жителя столицы.

Поэтому личность не так-то просто ограничить чисто материальными заботами, и самый простой ремесленник будет время от времени украдкой жадно посматривать на высшие сферы умственной деятельности. Отношение к чтению и к книге у демократического народа совершенно иное, чем во время аристократического правления; однако его читательский круг будет постоянно расширяться, включив в себя, в конечном счете, всех граждан.

Как только толпа начинает интересоваться умственным трудом, она осознает, что успехи в какой-либо из интеллектуальных сфер в огромной мере помогают человеку обрести славу, могущество и богатство. Порожденное равенством беспокойное честолюбие тотчас же начинает действовать в этом, как и в любом другом перспективном направлении. Число занимающихся научной деятельностью, литературой и искусством становится огромным. В мире интеллектуального творчества наблюдается необычайная активность; каждый пытается найти в нем свою собственную дорогу и этим привлечь к себе внимание публики. Нечто подобное происходит в политической жизни Соединенных Штатов; политические решения здесь часто несовершенны, но им несть числа; и, хотя результаты индивидуальных усилий обычно весьма незначительны, их совокупный эффект всегда очень внушителен.

Следовательно, утверждение о том, что люди, живущие во времена демократии, наделены естественным равнодушием к наукам, литературе и искусству, не является истинным; необходимо признать лишь то, что они культивируют их на особый манер, привнося в них свои собственные достоинства и недостатки.

339

Глава X ПОЧЕМУ АМЕРИКАНЦЫ БОЛЬШЕ ИНТЕРЕСУЮТСЯ ПРАКТИЧЕСКИМ ПРИМЕНЕНИЕМ НАУКИ, А НЕ ЕЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИМИ АСПЕКТАМИ

Хотя демократическая государственность и демократические институты и не сдерживают развития человеческого мышления, они, бесспорно, способствуют тому, что его усилия концентрируются по преимуществу в каких-либо определенных направлениях в ущерб другим. Эти усилия, ограниченные таким образом, все же столь велики, что, я надеюсь, мне простят краткую остановку входе изложения с целью рассмотреть данную

проблему.

Некоторые наблюдения, сделанные нами ранее, когда речь шла о философском методе американцев, вполне пригодны для этой цели.

Равенство вызывает в каждом человеке желание самому судить обо всем; оно во всех отношениях развивает в человеке вкус к предметам реальным и осязаемым, воспитывая презрение к традициям и формализму. Эти общие психологические особенности в первую очередь проявляются в том, чему посвящена данная глава.

Люди, занимающиеся научной деятельностью в условиях демократического общественного устройства, постоянно испытывают страх, как бы им не потеряться в мире утопий. Они не доверяют системам, они любят крепко держаться фактов и изучают их ради них самих; поскольку никакое имя не вызывает у них безусловного почтения, они никогда не склонны доверять учителю на слово, но, напротив, займутся беспрестанными поисками слабого места в его учении. Научные традиции почти не имеют над ними власти; они никогда не станут тратить много времени на изучение нюансов какой-либо научной школы, и их трудно привлечь громкими словами; они постигают, насколько могут, основные разделы интересующего их предмета и любят излагать их простым языком. Научные поиски, таким образом, носят более энергичный, свободный и уверенный характер, но их цели менее возвышенны.

Разум может, как мне представляется, делить научные познания на три части.

Первая часть включает в себя наиболее чистые теоретические принципы и самые абстрактные понятия, практическое применение которых пока еще не известно или же осуществимо в далеком будущем.

Вторая часть состоит из общих истин, которые, все еще основываясь на чистой теории, между тем ведут прямым и коротким путем к практике.

Методы практического приложения и средства реализации научных знаний представляют собой третью часть.

Каждая из этих частей науки может культивироваться в отдельности, хотя рассудок и опыт учат нас, что одна из них не сможет преуспевать в течение долгого времени, если ее совершенно оторвать от двух других.

В Америке чисто практическая наука развита великолепно, здесь заботливо относятся и к тем разделам теории, которые насущно необходимы для практического применения, — в данных отношениях американцы всегда демонстрируют мышление ясное,

свободное, оригинальное и плодотворное; однако в Соединенных Штатах почти невозможно найти человека, посвятившего себя занятиям фундаментальными теоретическими и абстрактными разделами человеческого знания. В этом американцы доводят до крайности ту тенденцию, которая, как я думаю, характерна, хотя и в меньшей степени, для всех демократических народов.

Высшие науки или же высшие разделы наук ни в чем столь остро не нуждаются, как в глубокомысленном созерцании, в обдумывании, и нет ничего менее пригодного для подобных занятий, чем образ жизни демократического общества. Здесь нет, в отличие от аристократических государств, многочисленного класса, которому не надо ни о чем беспокоиться, потому что у него все всегда в полном порядке, а также другого класса, который бездействует потому, что отчаялся улучшить свое положение. Здесь каждый действует: одни хотят достигнуть власти, другие — завладеть богатством. Посреди этой всеобщей сутолоки, этого постоянного столкновения противоположных интересов, среди этого моря людей, кружащихся в поисках состояний, возможно ли обрести покой, необходимый для сложных интеллектуальных построений? Каким образом удержать свою

мысль на одной из таких тем, когда все вокруг движется и самого человека каждый день увлекает с собой и качает этот неудержимый, все на свете вращающий поток?

Необходимо четко отличать этот вид хронического возбуждения, царящего в недрах мирной, уже вполне сложившейся демократии, от тех беспорядочных и бурных революционных движений, которые почти всегда сопутствуют рождению и развитию демократического общества.

Когда бурная революция происходит в стране, народ которой весьма цивилизован, она неизбежно придает чувствам и идеям, владеющим людьми, неожиданный импульс.

В особой мере это справедливо для тех демократических революции, которые, разом приводя все классы данного общества в движение, одновременно страшно распаляют честолюбие в сердце каждого гражданина.

Если французы внезапно достигли столь замечательного прогресса в области точных наук в тот самый момент, когда они завершали уничтожение остатков старого феодального общества, эту неожиданную плодовитость мысли следует отнести к заслугам не самой демократии, а той беспрецедентной революции, которая способствовала ее развитию. Происходившее

тогда носило характер частного случая, и было бы опрометчиво воспринимать его как проявление всеобщей закономерности.

Великие революции у демократических народов случаются не чаще, чем у других народов; лично я даже склонен считать, что они бывают у них реже. В недрах этих наций, однако, царит легкое, приглушенное беспокойство, своего рода постоянное трение людей друг о друга, которое волнует и отвлекает душу, не вдохновляя и не возвышая ее.

Люди, живущие в демократическом обществе, не только с трудом предаются глубокомысленным размышлениям, но и, естественно, не придают им особого значения. Демократическое общественное устройство и его институты вовлекают основную массу людей в беспрерывную деятельность; однако навыки мышления, вырабатываемые в процессе деятельности, не всегда благоприятны для подлинного мышления. Человек дела часто бывает вынужден удовлетворяться результатами примерными, приблизительными, ибо он никогда бы не смог до конца реализовать свой замысел, если бы хотел в каждой его детали добиться совершенства. Ему необходимо беспрестанно основывать свои действия на идеях, обдумать которые глубоко и всесторонне у него не было досуга, так как своевременность идеи для него часто полезнее ее строгой правильности; кроме того, он меньше рискует, пользуясь некоторыми ложными принципами и не расходуя своего времени на установление истинности всех этих принципов. Миром правят не те истины, которые требуют долгих научных доказательств. Быстрое постижение конкретного факта, ежедневное изучение изменчивых страстей толпы, умение мгновенно воспользоваться подвернувшимся благоприятным случаем определяют успех во всех делах.

Во времена, когда почти весь мир действует, чрезмерная ценность обычно приписывается стремительным порывам ума и создаваемым им поверхностным концепциям и, напротив, безмерно обесценивается его глубокая, медленная работа.

Подобное отношение общественного мнения оказывает влияние на суждения людей, занимающихся научной деятельностью; оно убеждает их в том, что они вполне могут обойтись и без глубоких размышлений, или же удаляет их от тех проблем, которые требуют чрезвычайной сосредоточенности.

Заниматься наукой можно по-разному. Многие люди относятся к интеллектуальным открытиям с эгоистическим, корыстным, практическим интересом, и их горячность нельзя смешивать с огнем той бескорыстной страсти, который пылает в сердцах немногих; с одной стороны, жажда утилизовать свои знания, с другой — одержимость чистым желанием познания. Я

не сомневаюсь, что изредка у отдельных людей в душе рождается страстная, неугасимая любовь к истине, которой они живут и беспрестанно наслаждаются, не испытывая пресыщения. Эта пылкая, гордая, бескорыстная любовь к истине ведет людей прямо к абстрактным истокам правды, дабы они черпали оттуда свои основные мысли.

Если бы Паскаль рассчитывал только на какую-нибудь значительную личную выгоду или даже если бы им двигала исключительно жажда собственной славы, я не думаю, что он когда-нибудь смог бы собрать воедино, как это ему удавалось, все силы своего интеллекта, чтобы иметь возможность открывать самые потаенные секреты Творца Когда я представляю себе, с какой строгостью он оберегал свою душу от мелочных забот жизни, чтобы отдать ее всю, целиком, этим поискам, и как, преждевременно разорвав

связи между душой и телом, он умер, не достигнув сорокалетнего возраста, я застываю в изумлении, понимая, что подобные чрезвычайные усилия не могли вызываться какой-либо заурядной причиной.

Будущее покажет, способна ли эта столь редкая и столь плодотворная страсть с такой же легкостью рождаться и развиваться в условиях демократии, как и во времена аристократического правления. Что касается лично меня, то я верю в это с трудом.

В аристократических обществах класс, который управляет общественным мнением и руководит делами, постоянно, из поколения в поколение стоит над массой, и поэтому он естественным образом приходит к возвышенному представлению о самом себе и о человеке в целом. Этот класс с готовностью изобретает для себя доблестные утехи и определяет своим желаниям славные цели. Аристократии часто совершали весьма тиранические и бесчеловечные деяния, но они редко порождали подлые мысли, демонстрируя своего рода гордое презрение к низменным удовольствиям даже тогда, когда предавались им сами: это настраивает души всех на очень высокий лад. В аристократические периоды широкое хождение получают самые различные идеи, связанные с представлениями о достоинстве, могуществе и величии человека. Как и на всех других людей, эти идеи оказывают влияние на деятелей науки, стимулируя естественные порывы духа к высочайшим сферам мысли и подготавливая ее к рождению возвышенной, почти божественной любви к истине.

Ученые этой эпохи соответственно тяготеют к теории, и даже весьма часто случается так, что при этом они усваивают неблагоразумное пренебрежение к практике. «Архимед, — говорит Плутарх, — сердцем был столь возвышен, что ни разу не снизошел до написания хотя бы одной работы, в которой он изложил бы способ изготовления и установки всех этих боевых машин, и, считая всю эту наука, связанную с изобретением и сборкой орудий, а также в целом все виды мастерства, которые имеют хоть какую-то практическую полезность, ничтожными, низкими и корыстными, он занимал свои ум и время, сочиняя произведения только о таких предметах, красота и изощренная сложность которых не имели в себе никакой примеси необходимого». Это чисто аристократический подход к науке.

Он не может быть таким же у демократических народов.

Большее число людей, составляющих демократические нации, жадно стремится к материальным, сиюминутным наслаждениям, равно как испытывает постоянную неудовлетворенность своим положением и всегда готова изменить его; поэтому они не помышляют ни о чем ином, кроме как о средствах улучшения своей участи или о приумножении своего состояния. Людям с подобным образом мыслей всякий новый метод, ведущий к обогащению более кратким путем, всякая машина, сокращающая объем работы, любой инструмент, снижающий стоимость производства, и всякое изобретение, делающее наслаждения более доступными и разнообразными, кажутся самыми великолепными достижениями человеческого разума. Демократические народы испытывают привязанность к наукам, понимают их роль и ценят их в основном с этой точки зрения. В аристократические века от науки главным образом требуется умение доставлять, интеллектуальные наслаждения, в демократические же века — удовольствия физические.

Можно полагать, что чем более демократичен, просвещен и свободен народ, тем большим у него будет число этих эгоистических ценителей научного гения и тем большую прибыль дадут научные открытия, непосредственно внедряемые промышленностью, принося славу и даже власть своим авторам, так как при демократии рабочий класс принимает участие в общественных делах, и те, кто ему служит, могут заработать как почести, так и деньги.

Легко представить себе, что в обществе, организованном подобным образом, в сознании людей безотчетно будет проявляться невнимание к теории и что, напротив, они должны будут испытывать беспримерную тягу к прикладной науке или по крайней мере к тем разделам теории, которые необходимы для

прикладников.

Напрасно инстинктивные склонности будут толкать их разум к высшим интеллектуальным сферам — личный интерес непременно вернет их в средние сферы. Именно здесь их дух демонстрирует свою силу и свою беспокойную энергию, создавая чудеса. Те самые американцы, которые никогда не открыли ни одного общего закона механики, дали мореплаванию новую машину, которая изменила облик мира.

342

Я, конечно, далек от мысли, что демократические народы нашего времени обречены увидеть, как гаснут трансцендентные огни человеческого разума, или даже от мысли о том, что они не смогут зажечь в своей груди новые огни. На нашей стадии развития человечества, когда столько образованных народов ощущают беспрестанное рвение к производительному труду, связи, соединяющие между собой различные части науки, не могут ускользнуть от их внимания; и самый вкус к практике, если он культурен, должен приучить людей с уважением относиться к теории. Когда столько усилий расходуется на практическое применение научных знаний, когда ежедневно производится такое большое количество экспериментов, почти невозможно, чтобы сплошь и рядом не проявлялись весьма общие закономерности. Таким образом, великие открытия будут совершаться у них часто, хотя великие ученые станут редкостью.

К тому же я верю в высокую миссию научного призвания. Если демократия и не может стимулировать занятия науками ради них самих, то, во всяком случае, она значительно увеличивает число занимающихся ими людей. Трудно поверить в то, что среди этого великого множества время от времени не будет появляться какой-нибудь гений умозрительного склада мышления, вдохновляемый одной лишь любовью к истине. Можно быть уверенным в том, что такой гений сумеет раскрыть самые глубинные тайны природы, каковы бы ни были умонастроения в его время в его стране. Полет его мысли не нуждается в поддержке: достаточно и того, чтобы ему не мешали. В целом же все, что я хочу сказать, заключается в следующем: постоянное неравенство условий существования побуждает людей ограничиваться гордыми, стерильно чистыми поисками абстрактных истин, тогда как демократическая государственность и институты предрасполагают людей к тому, что от науки они ждут лишь немедленных, практически полезных результатов.

Эта тенденция естественна и неизбежна. Она любопытна сама по себе и, быть может, заслуживает особого внимания.

Если личности, призванные в наши дни управлять народами, ясно и заблаговременно осознают появление этих новых импульсов, которые в скором времени станут необоримыми, они сумеют понять, что с наступлением эры просвещения и свободы люди, живущие в века демократии, сами обязательно усовершенствуют промышленно важные разделы наук и что в дальнейшем все усилия государственной власти должны быть направлены на поддержание чистых теоретических исследований и воспитание в людях страстной жажды познания.

В наше время необходимо поддерживать интерес людей к теории; тягу к практике они сохранят сами, и, вместо того чтобы беспрестанно концентрировать сознание на детальном рассмотрении вторичных явлений, было бы неплохо иногда отвлекаться от них с целью возвысить сознание до созерцания первопричин.

В связи с тем что римская цивилизация погибла вследствие нашествия варваров, мы, быть может, излишне склонны считать, что цивилизация никаким иным образом умереть не может.

Если источникам света, освещающим наш путь, суждено когда-нибудь потухнуть, они будут меркнуть постепенно и погаснут как бы сами по себе. Ограничившись изучением прикладных наук, можно потерять из виду основные принципы, и, если они окажутся полностью забытыми, мы станем плохо следовать выведенным из них методикам; и может случиться так, что мы, разучившись создавать новые методы, будем бездумно и неуклюже использовать те научные приемы, сути которых мы уже не сможем понять.

Когда европейцы триста лет назад высадились в Китае, они обнаружили, что там почти все искусства и ремесла достигли определенной степени совершенства, и были изумлены тем обстоятельством, что китайцы, развившись до этого предела, не пошли дальше. Несколько позже европейцы открыли там кое-какие остатки тех глубоких познаний, которые оказались утраченными. Нация была промышленной; в своей деятельности она сумела сохранить большинство научных методов, но сама наука там более не существовала Это объяснило европейцам то странное духовное оцепенение, которое они обнаружили у этого народа. Китайцы, ступая по следам своих отцов, забыли о руководивших ими мотивах. Они еще пользовались формулами, не стараясь восстановить их смысл; они сберегли инструменты и орудия труда, но не сохранили умения создавать и видоизменять их. Таким образом, китайцы ничто не могли преобразовывать. Они должны были отрешиться от идеи прогресса. Они были вынуждены всегда и во всем подражать

своим отцам, чтобы не оказаться в непроницаемом мраке, если бы они хоть на мгновение свернули с проложенного до них пути. Источник человеческого знания был почти полностью засорен, и, хотя его поток еще струился, он уже не мог стать более полноводным или изменить свое течение.

Тем не менее Китай продолжал мирно существовать в течение веков; его завоеватели приняли его нравы и обычаи; там царил порядок. Повсюду наблюдались признаки своего рода материального благополучия. Революции происходили редко, а войн как таковых они вообще не знали.

Поэтому нам не следует утешать себя мыслью о том, что варвары от нас еще далеко, так как, помимо народов, позволяющих силой вырвать светоч истины из своих рук, есть и другие, сами, собственными ногами затаптывающие его.

Глава XI С КАКОЙ ЦЕЛЬЮ АМЕРИКАНЦЫ ЗАНИМАЮТСЯ ИСКУССТВОМ

Я не хочу тратить время читателей и свое собственное, доказывая, каким образом средние размеры большинства состояний, отсутствие излишеств, всеобщее желание жить хорошо и постоянные усилия, предпринимаемые всеми и каждым с целью достичь личного благосостояния, заставляют людей развивать в своем сердце вкус к полезному за счет любви к прекрасному. Демократические народы, отмеченные всеми этими особенностями, развивают те искусства и ремесла, которые делают жизнь более удобной, предпочитая их тем, цель которых— украшение жизни; по обыкновению они предпочтут пользу красоте и желали бы, чтобы сама красота была полезной.

Мне бы хотелось, однако, пойти дальше и, отметив главную черту, обрисовать также и некоторые другие.

Обычно бывает так, что в века господства привилегий занятие почти всеми видами искусства само становится привилегией, каждая профессия превращается в замкнутый со всех сторон мир, в который отнюдь не каждому позволено войти. И даже если какойлибо из видов художественной деятельности свободен, неподвижность, свойственная аристократическим нациям, приводит к тому, что все те люди, которые занимаются одним и тем же видом искусства или ремесла, организуются в конце концов в четко определенный класс, всегда состоящий из одних и тех же семейств, все члены которых знают друг друга и в среде которых вскоре рождается коллективное мнение и чувство корпоративной гордости. Каждый художник и ремесленник, принадлежащий к производительному классу данного типа, должен не только делать себе состояние, но и охранять свое профессиональное положение. Он руководствуется отнюдь не только личной выгодой и даже не интересами покупателя, а интересами корпорации, которые заключаются в том, чтобы каждый мастер создавал шедевры. Следовательно, в аристократические периоды цель искусств и ремесел определяется необходимостью делать вещи как можно лучше, а не тем, чтобы производить как можно быстрее товары, пользующиеся спросом.

Напротив, когда любая профессия открыта для всех, когда множество людей беспрестанно то начинают, то бросают ею заниматься, когда коллеги не знакомы между собой, не интересуются делами друг друга и почти не встречаются из-за своей многочисленности, социальные связи между ними

нарушаются и каждый работник, предоставленный самому себе, стремится лишь заработать как можно больше денег при наименьших затратах; он ни с чем не считается, кроме воли потребителя. А ведь бывает так, что и потребитель одновременно соучаствует в соответствующем процессе переосмысления ценностей.

В тех странах, где богатство, как и власть, всегда сконцентрированы в руках немногих, право пользования львиной долей благ сего мира принадлежит небольшому постоянному числу индивидуумов; нужда, традиции, умеренность желаний удерживают от наслаждения этими благами всех остальных людей.

Поскольку этот класс аристократии, вознесенный на вершину величия, остается совершенно неподвижным, не уменьшаясь и не увеличиваясь в количественном отношении, его потребности всегда остаются неизменными и проявляются одинаково. В людях, принадлежащих к этому классу и по наследству получающих господствующее положе-

ние, естественным образом развивается вкус к превосходно выполненным долговечным изделиям.

Это оказывает общее воздействие на представления нации об искусстве.

Часто бывает, что у таких народов даже крестьяне предпочтут остаться вообще без предметов их страстных желаний, чем приобрести несовершенные по качеству вещи.

В аристократических обществах работники трудятся лишь для ограниченного круга покупателей, желания которых очень трудно удовлетворить. Прибыль, получаемая мастерами, в основном зависит от совершенства их работы.

Положение становится иным, когда все привилегии уничтожены, классы смешиваются и все люди беспрестанно падают вниз и поднимаются вверх по социальной лестнице.

В любом демократическом обществе встречается множество граждан, проживающих доставшуюся им долю отцовского состояния. Усвоенные ими с лучших времен определенные потребности, которые они сохраняют и тогда, когда уже более не имеют возможности их удовлетворять, заставляют этих людей беспокойно искать каких-либо окольных путей обретения утраченных возможностей.

С другой стороны, в демократическом обществе всегда имеется очень много людей, чьи состояния растут, но чьи желания растут еще быстрее, чем их богатство; эти люди глазами

пожирают все те блага, которые богатство обещает задолго до того, как они смогут их себе позволить. Эти люди повсюду ищут способы сократить путь, ведущий их к предвкушаемым удовольствиям. Совокупность этих двух социальных разновидностей приводит к тому, что в демократических обществах всегда имеется множество граждан, потребности которых превосходят их доходы и которые охотно соглашаются удовлетворять их хотя бы частично, чем вообще отказаться от объектов своих вожделений.

Ремесленники хорошо понимают эти чувства, поскольку они сами испытывают их: в период аристократии мастер старался продавать свои изделия немногим покупателям по очень высокой цене; теперь он видит, что можно быстрее обогатиться, продавая всем более дешевые товары.

Но добиться уменьшения стоимости товара можно лишь двумя способами.

Первый из них заключается в обнаружении методов улучшения и ускорения их производства на научной основе. Второй путь — производить большее количество почти одинаковых изделий, но худшего качества. Во времена демократии все умственные способности работника сконцентрированы на этих двух задачах.

Он старается изо всех сил изобрести способ работать не только лучше, но быстрее, с меньшими затратами, и, если это ему удается, он экономит, ухудшая внутренние качества своего изделия, не делая его, однако, полностью непригодным для употребления. Когда только богатые люди имели часы, почти все они были великолепной работы. Сейчас подавляющее большинство часов сделано посредственно, зато все на свете их имеют. Таким образом, демократия не только устремляет человеческое сознание к полезным видам искусства и ремесел, но и побуждает мастеров очень быстро изготавливать множество несовершенных вещей, а потребителей — удовлетворяться качеством этой продукции.

Это не значит, что при демократии искусство не способно создавать при необходимости чудесные произведения. Это иногда случается, когда объявляются покупатели, готовые оплачивать время и труд мастера. В условиях острой борьбы во всех видах производства, сильной конкуренции и бесчисленных поисков обязательно появляются превосходные мастера, в совершенстве постигшие секреты своей профессии; однако они лишь в редких случаях могут показывать все, что умеют: они берегут свои силы, они сознательно придерживаются золотой середины, которую сами же и определяют и, хотя вполне способны превзойти

ожидаемые результаты, сосредоточивают внимание лишь на поставленной перед собой цели. Напротив, при аристократии мастера всегда работают на пределе своих возможностей, и, если их работа не вполне совершенна, это происходит потому, что таковы границы их умения и знаний.

Прибыв в какую-нибудь страну и увидев несколько замечательных произведений искусства, созданных в этой стране, я ничего еще не могу сказать о ее государственном устройстве и политических законах. Но если я понял, что произведения искусства здесь в основном среднего качества, что рынок изобилует огромным количеством недорогих

товаров, я уверен, что в стране, где это происходит, роль привилегий уменьшается, классовые перегородки начинают разрушаться и вскоре все классы станут перемешиваться.

Мастера и ремесленники, живущие при демократии, не только стремятся сделать свои утилитарные изделия доступными для всех граждан, но также изо всех сил стараются придать всей своей продукции внешний блеск, не соответствующий ее внутренним качествам.

При смешении всех классов каждый человек надеется казаться не тем, кто он есть в действительности, и тратит большие усилия на то, чтобы этого добиться. Демократия не порождает этого слишком естественного для человеческого сердца чувства, но она его материально овеществляет: притворная добродетельность свойственна всем временам, притворная роскошь в особой мере показательна для демократических веков.

И нет такой хитрости, к которой не прибегали бы искусства и ремесла с целью удовлетворить эти новые потребности, создаваемые человеческим тщеславием; усердие мастеров в данном отношении иногда заходит так далеко, что они начинают вредить самим себе. Люди уже научились столь хорошо подделывать бриллианты, что их легко можно принять за настоящие. Как только будет открыт способ выпускать такие фальшивые бриллианты, что их нельзя уже будет отличить от подлинных, люди, возможно, утратят интерес и к тем и к другим, и они превратятся в простые камушки.

Это приводит меня к разговору о тех видах искусства, которые преимущественно называются «изящными искусствами».

Я не считаю, что демократическая государственность с ее институтами обязательно должна уменьшать число людей, занимающихся изящными искусствами; однако они, институты,

оказывают сильное влияние на характер и роль этих видов искусства. Поскольку большинство людей, любовь которых к произведениям изящных искусств уже была сформирована, теперь обеднели, а, с другой стороны, многие из тех, кто еще не стал богатым, подражая, начали воспитывать в себе вкус к изящным искусствам, общее количество потребителей произведений искусства возрастает, а вот подлинных богатых ценителей становится значительно меньше. Многие явления, происходящие в сфере изящных искусств, аналогичны тем, которые мы уже обсуждали, говоря об утилитарных и прикладных видах искусства. Здесь также наблюдается количественный рост продукции и уменьшение художественной ценности каждого произведения.

Не имея возможности долее стремиться к художественному величию, мастера ищут элегантности и броской красоты; реальность ценится меньше видимости.

В аристократических странах было создано небольшое количество подлинно великих полотен, а в демократических — великое множество приятных картин. Аристократии отливают свои монументы из бронзы, демократии ставят памятники из гипса.

Когда я впервые подплывал к Нью-Йорку с той части Атлантического океана, которая известна под названием Ист-Ривер, я был поражен, увидев на берегу на некотором расстоянии от города несколько небольших беломраморных дворцов, часть которых была построена в античном стиле; на другой день, рассмотрев повнимательнее то здание, которое в особенности привлекло мой взор, я обнаружил, что его стены были сделаны из кирпича, побеленного известью, а колонны — из крашеного дерева Все здания, которыми я восхищался накануне, оказались такими же.

Демократические социальные условия и институты, кроме того, обусловливают появление во всех подражательных искусствах вполне определенных тенденций, которые можно с легкостью выявить. Живописцы часто отказываются от изображения души, предпочитая воспроизводить только тело; изображением движений и впечатлений они подменяют воплощение чувств и мыслей, а на место идеала они в конечном счете водружают реальность.

Я сомневаюсь, чтобы Рафаэль столь же углубленно изучал мельчайшие детали человеческого тела, как это делают простые рисовальщики наших дней. Он не придавал такого, как они, значения высокой степени точности изображения подобных деталей, ибо считал, что его искусство превосходит природу. Он

хотел создать из человека существо, превосходящее человека; он пытался самое красоту сделать еще прекраснее.

Напротив, Давид и его ученики были столь же хорошими анатомистами, как и художниками. Они чудесно воспроизводили находившиеся перед их глазами модели, но их воображение редко что-нибудь добавляло к этому; они с точностью следовали природе, тогда как Рафаэль воплощал нечто более совершенное, чем природа. Они оставили нам

точное изображение человека, а творения Рафаэля дают нам возможность хотя бы не вполне ясно увидеть облик божества.

Все то, что я сказал о принципах художественной трактовки в живописи, можно отнести и к выбору сюжетов.

Художники Возрождения, вперив взоры в небеса или же в глубь времен, обычно искали такие величественные сюжеты, которые позволяли бы вовсю разыграться их воображению. Наши живописцы часто пользуются своим талантом для точного воспроизведения подробностей частной жизни, беспрерывно текущей перед их глазами, копируя все углы заурядных предметов, оригиналы которых и сама природа создала в избытке.

Глава XII ПОЧЕМУ АМЕРИКАНЦЫ ОДНОВРЕМЕННО ВОЗВОДЯТ ТАКИЕ МАЛЕНЬКИЕ И ТАКИЕ ОГРОМНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Сказав, что в века демократии памятники искусства, возрастая в количественном отношении, становятся меньших размеров, я сам спешу отметить, что у этого правила имеется исключение.

При демократии отдельные личности крайне ничтожны, но государство, представляющее их всех и держащее их всех в своих руках, очень могущественно. Нигде граждане не кажутся столь маленькими, как в демократическом обществе. Нигде сама нация не кажется столь огромной, что фантазия с легкостью рисует себе ее грандиозные формы. В демократических обществах воображение людей самоограничивается, когда они думают о себе, и бесконечно расширяется, когда они думают о Государстве. Доходит до того, что население, скромно живущее в своих тесных жилищах, часто представляет себе нечто совершенно гигантских размеров, когда речь заходит об общественных памятниках.

На том месте, где американцы пожелали основать свою столицу, они оградили территорию, достаточную для огромного

города, который в настоящее время имеет едва ли больше жителей, чем Понтуаз, но который в один прекрасный день будет иметь их миллион, как они считают; поэтому они уже сейчас выкорчевали деревья в радиусе десяти лье, дабы они не причиняли беспокойства будущим жителям этой воображаемой столицы. В центре города они возвели великолепный дворец, предназначенный для заседаний конгресса, и дали ему помпезное название Капитолий.

Некоторые из штатов ежедневно разрабатывают и осуществляют столь грандиозные проекты, что они потрясли бы инженерный гений великих наций Европы.

Таким образом, демократия побуждает людей не только производить великое множество мелких изделий, но также создавать и немногочисленные гигантские сооружения. Между этими двумя крайностями, однако, нет взаимосвязи. Несколько сохранившихся разрозненных огромных строений, следовательно, ничего еще не говорят о государственном устройстве и общественных институтах того народа, который их воздвиг.

Хочу добавить, хотя это выходит за пределы моей темы, что они также ничего не говорят о величии, просвещенности и подлинном процветании этого народа.

Всякий раз, когда какая-нибудь власть будет способна направить все силы народа на выполнение какого-либо одного проекта, ей удастся, не особо заботясь о мастерстве, затратив много времени, создать нечто огромное, из чего, однако, нельзя будет заключить, что этот народ очень счастлив, весьма просвещен или хотя бы очень силен. Испанцы обнаружили, что город Мехико изобиловал великолепными храмами и огромными дворцами, но это нимало не помешало Кортесу завоевать всю Мексиканскую империю, имея шестьсот пехотинцев и шестнадцать лошадей.

Если бы римляне лучше знали законы гидравлики, они не стали бы возводить все эти акведуки, которые теперь окружают руины их городов, и нашли бы лучшее применение своей силе и богатству. Открой они паровой двигатель, они, быть может, не стали бы устилать землю длинными специально выдолбленными каменными плитами вплоть до крайних пределов своей империи, строя так называемые «римские дороги».

Эти сооружения являются великолепными памятниками их невежества и одновременно — их величия.

Народ, который не оставит никаких иных свидетельств своего существования, кроме нескольких свинцовых труб в земле и

стальных распорок между рельсами на ее поверхности, вполне мог быть более могущественным властителем природы, чем римляне.

Глава XIII ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ В ВЕКА ДЕМОКРАТИИ

Если вы в Соединенных Штатах войдете в книжную лавку и станете внимательно рассматривать американские книги на забитых ими полках, количество названий произведений покажется вам чересчур большим, тогда как, напротив, сочинений, принадлежащих известным авторам, будет слишком мало.

Прежде всего вы обнаружите множество популярных научных трактатов, предназначенных знакомить читателей с элементарными основами человеческих знаний. Подавляющая часть этих работ была написана в Европе. Американцы переиздают их, приспосабливая для собственных нужд. Затем следуют почти неисчислимые религиозные издания: Библия, проповеди, благочестивые повествования, полемические трактаты, отчеты благотворительных учреждений. Вслед за ними идет длинный каталог политических памфлетов: в Америке партии, сражаясь друг с другом, публикуют не книги, а памфлеты, имеющие вид брошюр, которые раскупаются с невероятной быстротой, через день устаревая и умирая.

Среди массы всей этой серой литературной продукции, созданной человеческим разумом, особенно замечательными кажутся творения небольшого числа авторов, известных в Европе или заслуживающих того, чтобы быть там известными.

Хотя Америка наших дней, быть может, менее всех других цивилизованных стран обращает внимание на литературу, все-таки и здесь встречается множество людей, интересующихся духовной культурой, которые если и не посвящают ей всю свою жизнь, то по крайней мере уделяют ей часы своего досуга Однако большинство книг, в которых нуждаются подобные читатели, создается в Англии. Почти все значительные сочинения английских писателей переизданы в Соединенных Штатах. Литературный гений Великобритании освещает своими лучами лесные чащи Нового Света. Едва ли найдется хижина пионера-землепроходца, в которой нет хотя бы нескольких разрозненных томов Шекспира. Помнится, я сам в первый раз прочитал феодальную драму «Генрих V» в бревенчатой лачуге.

Американцы не просто черпают ежедневно свою духовную пищу из сокровищницы английской литературы, но и можно

сказать с полным основанием, что они развивают литературу Англии на своей собственной почве. Из малого числа людей, занимающихся в Соединенных Штатах сочинением литературных произведений, большая часть — англичане по происхождению и в особенности по складу ума Благодаря этому они переносят в демократическую среду художественные идеи и литературные манеры, бытующие в литературе аристократической нации, которую они рассматривают в качестве модели. Они живописуют заимствованными красками чужие нравы, и, почти никогда не изображая реальной жизни той страны, где родились, они редко пользуются в ней популярностью.

Граждане Соединенных Штатов настолько уверовали в то, что книги издаются не для них, что прежде, чем вынести собственное суждение относительно достоинств кого-либо из своих писателей, они обычно ждут, как его примут в Англии. Это отношение в некотором смысле напоминает ситуацию в живописи, когда автору оригинала добровольно уступают право оценивать копию.

Таким образом, жители Соединенных Штатов, в сущности, еще не имеют собственной литературы. Единственные авторы, которых я считаю настоящими американцами, это журналисты. Они обладают скромным литературным дарованием, но они говорят на языке своей страны, и их слышат. Все остальные литераторы мне кажутся здесь чужеземцами. Американцы относятся к ним так же, как мы в эпоху возрождения изящной словесности относились к имитаторам древнегреческой и древнеримской литератур, то есть с любопытством, но без всеобщей симпатии. Они способны развлекать людей, но не воздействуют на их нравы.

348

Я уже говорил, что данное положение вещей отнюдь не обусловлено исключительно лишь демократическим характером государственного устройства и что его причины следует искать в тех конкретных обстоятельствах, которые совершенно не зависят от демократии.

Если бы американцы, полностью сохраняя свое государственное устройство и законодательство, имели бы иное происхождение и заселили бы иную землю, я не сомневаюсь, что они создали бы свою литературу. Что касается их нынешнего состояния, то я уверен, что они в конце концов создадут литературу, но она будет иметь собственный, соответствующий им характер, коренным образом отличаясь от той литературы, которую создают американские писатели наших дней. Этот характер возможно в общих чертах обрисовать заранее.

Предположим, что литературой интересуется какой-либо народ, живущий в условиях господства аристократии; в этом случае умственный труд так же, как и дела, связанные с государственным управлением, контролируется господствующим классом. Литература, как и вся общественная жизнь, почти целиком сконцентрирована в руках этого класса или же наиболее близких к нему классов. Данное обстоятельство, по моему мнению, дает ключ к пониманию всей ситуации в целом.

Когда в одно и то же время одними и теми же предметами интересуется небольшой, всегда постоянный по составу круг людей, они с легкостью понимают друг друга и создают некие общие правила, на которые должен будет ориентироваться каждый из них. Если внимание этих людей сосредоточено на литературе, творческая работа их духа вскоре окажется подчиненной нескольким строгим законам, отходить от которых будет нельзя.

Если положение этих людей определяется их наследственными правами, они естественным образом будут склонны не только устанавливать свои собственные твердые правила, но и следовать тем, которые были предписаны их предками; свод их законов будет одновременно и строгим и традиционным.

Поскольку они не испытывают и никогда не испытывали необходимости заботиться о приобретении материальных благ, так же как и их отцы, они могли на протяжении нескольких поколений заниматься умственной деятельностью. Они имели возможность познать литературу как особый вид искусства и полюбить ее ради нее самой, выработав в себе академический вкус, оценивающий умение художника подчиняться канонам.

И это еще не все: люди, о которых я говорю, начинают и заканчивают свою жизнь в достатке или богатстве; поэтому у них естественным образом развивается вкус к утонченным наслаждениям и любовь к изысканным, деликатным удовольствиям.

Более того, определенная изнеженность духа и сердечная вялость, обретенные ими зачастую в процессе долгого и безмятежного пользования всеми благами, заставляют их избегать даже тех удовольствий, в которых им может встретиться нечто совершенно неожиданное и живое. Они предпочитают развлекаться, не испытывая сильных волнений; они хотят, чтобы, возбуждая в них интерес, предмет не захватывал бы их целиком.

А теперь попробуйте представить себе значительное число литературных сочинений, написанных людьми, которых я постарался изобразить, или же написанных для таких людей, и вы

без труда уясните себе, что в подобной литературе все будет заранее упорядоченным и согласованным. Самое незначительное из произведений будет тщательно отшлифовано в самых ничтожных его частностях; мастерство и упорство сочинителя будут проявляться во всем; каждый жанр будет иметь свои особые правила, которые нельзя нарушать и которые отделяют его от всех остальных жанров.

Стиль станет казаться почти столь же важной стороной творчества, что и мысль, а форма не уступит содержанию; слог будет изящным, сдержанным и возвышенным. Ход мысли всегда будет отличаться благородной степенностью, редко обретая живость, и литераторы будут больше заботиться о качестве, чем о количестве написанного ими.

Иногда может случаться так, что люди, принадлежащие к образованному классу, никогда ни с кем не общаясь, кроме как между собой, и сочиняя только для своего круга, потеряют всякое представление о существовании остального мира, и это приведет их к манерности и фальши; они вменят себе в обязанность подчиняться мелочным литературным предписаниям, рассчитанным исключительно на них самих, и вследствие этого постепенно начнут отвергать требования здравого смысла и в конце концов придут к отрицанию законов самой природы.

Желая говорить на языке, отличном от вульгарного, они создадут своего рода аристократический жаргон, который будет едва ли ближе к идеалу прекрасного языка, чем говор простонародья.

Таковы естественные опасности, подстерегающие аристократическую литературу.

Все аристократии, полностью отрывающие себя от народа, Становятся бессильными. Это в равной мере справедливо как по отношению к литературе, так и по отношению к политике[1].

Теперь давайте перевернем картину и обсудим ее обратную сторону.

Представим себе демократическое общество, которое благодаря древним традициям и своей нынешней просвещенности готово наслаждаться духовными ценностями. Сословно-классовые различия здесь перемешаны и запутаны; знание, равно как и власть, крайне рассредоточено и, если мне будет позволено так выразиться, распылено повсюду.

Таким образом, в данном случае мы имеем дело с пестрой толпой, интеллектуальные потребности которой должны удовлетворяться. Эти новые любители духовных наслаждений

получили неодинаковое образование; уровни их знаний совершенно различны, они не похожи на своих отцов, и они сами, и их чувства всякий раз меняются, так как они занимаются то одним, то другим делом, богатеют или же беднеют. Внутренний мир каждого, следовательно, не имеет никакой интеллектуальной связи с внутренним миром всех остальных людей, поскольку отсутствуют общие традиции и умственные привычки, и они никогда не имеют ни возможности, ни желания, ни времени прийти к соглашению друг с другом.

Авторы, однако, рождаются в недрах этой разношерстной, беспокойной массы, и именно она распределяет между ними доходы и славу.

В такой ситуации, и мне это вполне понятно, не следует ожидать, что в литературе, принадлежащей подобному народу, должны встречаться многие из строгих условностей, принятых читателями и писателями аристократических времен. И даже если люди одной демократической эпохи принимают некоторые из этих условностей, это ничего еще не значит для последующих эпох, так как у демократических наций каждое новое поколение — это новый народ. Письменность таких наций лишь с великим трудом может подчиняться строгим правилам, и совершенно невероятно, чтобы она навсегда сохранила эти правила.

При демократии далеко не все занимающиеся литературой люди получили специальное литературное образование, а те из них, кто в какой-либо мере знаком с беллетристикой, большей частью уходят в политику или же овладевают какой-либо иной профессией, в связи с чем литературе они могут уделять лишь редкие часы, украдкой предаваясь поэтическим утехам. Эту радость, следовательно, они не превращают в основную страсть своей жизни, рассматривая ее в качестве кратковременного отдохновения, столь необходимого человеку, занятому серьезной работой. Такие люди не достигают достаточной глубины понимания литературы как вида искусства, необходимой для того, чтобы тонко чувствовать ее изысканные нюансы; оттенки и частности ускользают от их внимания. Имея слишком мало времени для чтения, они ни минуты не хотят тратить даром. Им нравятся такие книги, которые легко можно приобрести, быстро прочитать и которые не требуют ученых поисков для их понимания. Они нуждаются в доступных, самообнажающихся формах красоты, которыми можно тотчас же наслаждаться; в особенности им нравится все неожиданное и новое. Им, привычным к монотонной борьбе за существование в реальной жизни, необходимы сильные, повышенные эмоции, внезапные прозрения, ослепительные истины или же поразительные

заблуждения, которые в одно мгновение заставляют их забыть самих себя и сразу, как бы силой, переносят на место изображаемого действия.

Нужно ли продолжать? Кто не догадывается и без моих пояснений, что из этого следует?

[1] Все это в особенности справедливо для тех аристократических стран, которые долгое время безмятежно жили под властью монарха.

Когда в аристократических государствах царит свобода, высшие классы вынуждены постоянно обращаться за услугами к низшим сословиям, и, пользуясь их помощью, они сами сближаются с ними. Благодаря этому отдельные демократические настроения часто проникают в их сердца. При этом у привилегированного сословия, управляющего страной, развиваются энергичность и предприимчивость, вкус к активной и бурной деятельности, которые не могут не оказывать влияния на все его литературные труды.

Литература демократических веков, взятая в целом, в отличие от литературы аристократических времен не сможет создать о себе впечатление упорядоченности, правильности, учености и высокого мастерства; ее форма обычно будет носить следы небрежности, а подчас и небрежения. Ее слог часто будет странным, неправильным, перегруженным или вялым и почти всегда — дерзким и пылким. Авторы будут больше заботиться о том, чтобы работа выполнялась быстро, чем о совершенстве деталей. Коротких произведений станет больше, чем толстых книг, остроумие будет встречаться чаще, чем эрудиция, а оригинальное воображение—чаще глубокого мышления; в сфере мысли будет господствовать непросвещенная и почти дикая напористость, часто воплощающаяся в чрезмерном разнообразии и чрезвычайной плодовитости. Писатели будут стараться не столько нравиться, сколько изумлять, изо всех сил пытаясь завладеть чувствами читателя, не обращая особого внимания на его вкус.

Иногда, без сомнения, будут встречаться писатели, которые изберут иной путь, и, если их произведения будут выше среднего уровня, им удастся найти своих читателей, несмотря на все их недостатки и достоинства; подобные исключения, однако, будут редкими, и даже те писатели, чье творчество в целом будет выделяться таким образом, во многих частностях всегда будут отражать общеупотребительную норму.

Я изобразил два прямо противоположных состояния

литературных дел; нации, однако, не переходят внезапно от первого ко второму; переход носит постепенный характер и имеет бесчисленное множество нюансов. Когда этот переход совершается литературно образованным народом, почти всегда наступает момент, когда литературный гений демократических наций находит общий язык с художественным гением аристократического типа и кажется, что оба стремятся править совместно в царстве человеческого духа.

Такие периоды бывают кратковременными, но чрезвычайно яркими: они плодотворны без излишеств и деятельны без сумбура. Такой была французская литература ХУШ века

Я зашел бы слишком далеко, утверждая, что литература нации всегда подчинена государственно-политическому устройству. Я знаю, что помимо этих факторов имеется множество других причин, обусловливающих характерные особенности литературных произведений; однако такого рода факторы мне представляются основными.

Связи, существующие между социально-политическими условиями жизни народа и спецификой литературного дара его художников слова, всегда весьма многочисленны; тот, кто хорошо знаком с жизнью народа, никогда не может быть совершенно не осведомленным в его литературе.

Глава XIV ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Демократия не только прививает промышленным классам вкус к литературе, но и вносит индустриальный дух в недра самой литературы.

При аристократии читательский круг узок и привередливо взыскателен; в демократическом государстве читателям не так уж трудно угодить и число их поистине колоссально. Вследствие этого писатель, живущий при аристократии, не может рассчитывать на легкий успех, он знает, что затраченные им огромные усилия могут принести ему громкую славу, но никогда не обеспечат его большими деньгами, тогда как при демократии писатель может льстить себя надеждой дешево обрести кое-какую известность и немалое состояние. Для этого не обязательно вызывать всеобщее восхищение, достаточно просто прийтись по вкусу.

Постоянно растущая толпа читателей и хроническая потребность иметь нечто новое обеспечивают сбыт даже такой книге, которая не очень-то высоко оценивается.

Демократическая публика часто ведет себя по отношению к авторам так, как короли по обыкновению обращаются со своими

придворными: она обогащает и презирает их. Чего еще заслуживают продажные души, рожденные при дворах или удостоившиеся чести жить при них?

Демократические литературы всегда изобилуют авторами, которые относятся к литературе не иначе, как к особой отрасли промышленности, и на их нескольких великих писателей приходятся тысячи торговцев идеями.

351

Глава XV ПОЧЕМУ ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ И ДРЕВНЕРИМСКОЙ ЛИТЕРАТУР ОСОБЕННО ПОЛЕЗНО ДЛЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

То, что называлось «народом» в большинстве демократических республик античности, нисколько не напоминает народ в нашем нынешнем понимании этого слова. В Афинах все граждане принимали участие в общественных делах, однако из более чем трехсот пятидесяти тысяч жителей города права гражданства имели только двадцать тысяч человек; все остальные были рабами и выполняли большее число тех обязанностей, которые в наши дни возложены на народ и даже на средние классы.

Таким образом, Афины с их всеобщим избирательным правом представляли собой в конечном счете не что иное, как аристократическую республику, в которой все благороднорожденные имели равное право на участие в управлении.

Борьбу патрициев с плебеями в Риме следует рассматривать в том же свете — как внутреннюю распрю между старшими и младшими членами одного семейства. Все они и фактически, и духовно принадлежали к аристократии.

Нужно, кроме того, отметить, что во все античные времена книги были дорогой редкостью, что они требовали чрезвычайной кропотливости при их копировании и распространялись с великим трудом. Эти обстоятельства привели к тому, что склонность и привычка к литературным занятиям стали уделом узкого круга людей, образовавших нечто вроде маленькой литературной аристократии внутри элиты всей политической аристократии. Поэтому ничто не указывает на то, что древние греки и римляне когда-либо относились к литературе как к одному из видов производительной деятельности.

Эти два народа, отличавшиеся не только аристократической формой своего политического устройства, но и бывшие

высококультурными свободными нациями, должны были, следовательно, придать своим литературным творениям специфические изъяны и особые качества, характерные для литературы аристократических времен.

В самом деле, достаточно бросить беглый взгляд на сочинения, завещанные нам древними, чтобы обнаружить, что, хотя этим писателям иногда и недоставало сюжетного богатства и разнообразия, смелости и силы воображения или степени обобщенности мысли, они всегда демонстрировали поразительное мастерство и тщательность отделки деталей; ничто в их сочинениях не кажется написанным наспех или наобум; все рассчитано на подлинных знатоков, все направлено на беспрестанный поиск идеальной красоты. Никакая иная литература кроме античной не выделяет с такой отчетливостью те самые свойства, которые естественным образом отсутствуют у писателей, живущих при демократии. Не существует никакой иной литературы, которая больше отвечала бы задачам обучения в века демократии. Ее изучение — самое лучшее из всех средств противоборства с литературными недостатками, присущими этим столетиям, в то время как их естественные достоинства без всякого предварительного освоения будут прекрасно развиваться сами по себе.

Здесь мне хотелось бы, чтобы меня поняли правильно.

Изучение литературы другого народа может быть полезным занятием даже в том случае, если она выражает совершенно иные социально-политические представления и потребности.

Упорное стремление преподавать только изящную словесность в обществе, где каждый человек по обыкновению вынужден прилагать огромные усилия для того, чтобы сколотить или же сохранить свое состояние, привело бы к воспитанию очень образованных, но очень опасных граждан, поскольку общественно-политические условия жизни будут ежедневно порождать в них потребности, удовлетворять которые они так и не научились в процессе своего образования, они будут во имя древних греков и римлян вызывать волнения в государстве вместо того, чтобы укреплять его своим плодотворным трудом.

Вполне очевидно, что в демократических обществах интересы личности, равно как и безопасность государства, требуют, чтобы подавляющее большинство граждан получало не столько литературное, сколько научное, коммерческое и промышленное образование.

Древнегреческий и латынь не должны преподаваться во всех

школах; однако необходимо, чтобы те, кто по призванию или по своему имущественному положению способен посвятить себя литературной деятельности или же хочет воспитать в себе литературный вкус, имели возможность найти для себя школы, где они могли бы стать превосходными знатоками античной литературы и основательно проникнуться ее духом. Для достижения этой цели было бы лучше иметь несколько превосходных университетов, чем множество плохих колледжей, в которых классика не нужна и лишь мешает усвоению необходимых знаний.

Все те, кто честолюбиво мечтает, живя в условиях демократического общества, совершенствоваться в литературной сфере, должны часто общаться с произведениями античности. Это — своеобразная гигиена, благотворно воздействующая на умственную деятельность.

Это не значит, что я считаю литературное наследие древних безупречным. Я полагаю лишь то, что оно обладает теми особыми положительными качествами, которые чудесным образом могут послужить своего рода противовесом нашим конкретным недостаткам. Они удерживают нас от падения в самых опасных для нас местах.

Глава XVI КАКИМ ОБРАЗОМ АМЕРИКАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ ВИДОИЗМЕНИЛА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Если читатель хорошо понял все то, что было сказано мною выше о литературе в целом, он без труда разберется в вопросе о том, какого рода влияние могут оказывать социально-политическое устройство и институты демократического общества на сам язык — главный инструмент мысли.

Американские авторы, по правде говоря, живут не столько в своей собственной стране, сколько в Англии, так как они беспрестанно изучают произведения английских писателей и все время берут их в качестве образцов. Иначе дело обстоит с самим населением: его жизнь значительно теснее связана с теми особыми закономерностями, которые могут действовать в Соединенных Штатах. Поэтому, если вы хотите понять, каким изменениям может подвергаться язык аристократического народа в процессе превращения в язык демократического общества, внимание следует уделить не письменным формам литературного языка, а разговорной речи.

Образованные англичане, знатоки куда более компетентные, чем я, тонких нюансов английского языка, часто уверяли меня в том, что язык образованных классов в Соединенных Штатах

значительно отличается от языка образованных классов Великобритании.

Они сетовали не только на то, что американцы ввели в обиход много новых слов (различия между этими отдаленными друг от друга странами вполне объясняют данное явление), но и возмущались тем, что эти новые слова были в основном заимствованы либо из партийного жаргона, либо из ремесленной или же деловой терминологии. К тому же, добавляли они, старые английские слова часто употребляются американцами в новом значении. И наконец, они заявляли, что жители Соединенных Штатов часто смешивают престранным образом стили речи, и иногда американцы употребляют вместе такие слова, которые в языке их старой родины издавна было принято разделять.

Часто выслушивая подобные замечания от людей, казавшихся мне вполне заслуживающими доверия, я сам был вынужден глубоко задуматься над этим предметом, и мои размышления, носившие исключительно теоретический характер, привели меня к тем же самым выводам, что и их практические наблюдения.

В аристократиях язык, естественно, должен находиться в том состоянии покоя, которое характерно для всего их существования. Поскольку в жизни не происходит почти ничего нового и создается мало новых вещей, людям не нужно много новых слов; и даже если появляется нечто новое, они принуждают себя описывать это с помощью известных слов, значение которых уже закреплено традицией.

Если же, наконец, человеческий дух пробуждается, либо сам собой, либо под воздействием света, проникающего извне, созданные новые словесные формулы и выражения носят ученый, интеллектуальный, философский характер — верный признак того, что их происхождение антидемократично. Когда падение Константинополя вызвало резкий наплыв на Запад византийских ученых и литераторов, французский язык внезапно оказался наводненным множеством новых слов, имевших сплошь греческие и латинские корни. Таким образом во Франции тогда сформировался слой научных, использовавшихся только представителями образованных классов неологизмов, появления которых в течение долгого времени никак не ощущал сам народ, и даже не догадывался об их существовании.

Та же самая история последовательно повторилась во всех странах Европы. Один только Мильтон ввел в английский язык более шестисот слов, почти целиком заимствованных из латинского, греческого или иврита.

Постоянное возбуждение, царящее внутри демократического общества, напротив, приводит к беспрестанному обновлению языка, как и всего облика жизни. Это всеобщее брожение и соперничество умов порождает огромное количество новых идей; старые идеи гибнут, или обновляются, или же расщепляются, обретая бесконечные нюансы и подробности.

Поэтому в языке часто можно встретить слова, одним из которых уже предстоит выходить из употребления, а другим — стать общеупотребительными.

Демократические нации, кроме того, любят перемены ради них самих. Это в равной мере относится как к политике, так и к языку. Посему даже тогда, когда нет никакой необходимости заменять слова, они порой меняют их, следуя лишь своему желанию.

Гений демократических народов проявляет себя не только в большом количестве слов, вводимых в оборот, но также в самой природе тех идей, которые выражаются при помощи новых слов.

У этих народов законы в области языка, так же как и во всех других сферах общественной жизни, создаются большинством. Воля большинства здесь проявляет себя точно так же, как и во всем остальном. А именно: большинство значительно более занято практическими делами, чем научными штудиями, его больше интересуют политика и коммерция, чем философские размышления или же художественная литература Львиная доля слов, созданных или принятых большинством, должна нести на себе печать этих навыков и интересов; они в основном будут служить для выражения потребностей промышленности, партийных пристрастий или же реалии, связанных с общественным управлением. Язык будет развиваться, разрастаясь именно в данном направлении, тогда как, напротив, языковое богатство, связанное с метафизикой и теологией, начнет постепенно истощаться.

Что же касается источника, из которого демократические нации черпают свои новые слова, и способов, какими они их изготавливают, то их легко установить.

Люди, живущие в демократических странах, не вполне знакомы с языками Древнего Рима и Афин, и они не склонны обращаться к прошлому, вплоть до античности, чтобы отыскать там недостающее им словосочетание. Если подчас они и пользуются научной этимологией, то, как правило, это происходит оттого, что тщеславие побуждает их вести раскопки в корнях мертвых языков, а отнюдь не потому, что их эрудиция естественным образом подсказывает им подобные словоупотребления. Бывает так, что эти слова наиболее часто

встречаются в речи самых невежественных людей. Истинно демократическое желание изменить свой общественный статус часто приводит к тому, что они охотно облагораживают презренные виды занятий греческими и латинскими названиями. Чем меньше профессия требует образования, знаний, тем более ученое и высокопарное название оно носит. Именно таким образом наши канатные плясуны превратились в воздушных акробатов и фунамбулеров.

При недостатке знаний мертвых языков демократические народы охотно заимствуют лексику живых языков; беспрестанно общаясь между собой, люди, живущие в разных странах, с готовностью подражают друг другу, так как с каждым днем они все более и более взаимоуподобляются.

Однако главный источник новых слов демократические народы видят в своих собственных языках. Время от времени они вновь берут из собственного словаря забытые слова и выражения, возвращая их в обиход, или же отнимают у определенной социальной

прослойки специфическую для нее терминологию, чтобы, придав ей фигуральное значение, ввести в обыденную речь; множество слов и выражений, первоначально появившихся в профессиональной терминологии или в социальных арго, таким образом вошли в состав общеупотребительной лексики.

Однако самый обычный способ обновления языка, применяемый демократическими народами, заключается в том, что вполне употребительным словам и выражениям придаются необычные значения. Этот метод очень прост, оперативен и удобен. Его применение не требует никакой научной подготовки и, более того, сама невежественность способствует его эффективности. Этот метод, однако, таит в себе серьезную опасность для языка. Удваивая значение одного и того же слова, демократические народы создают неопределенность, двусмысленность как старого, так и нового его значений.

Какой-нибудь автор начинает с того, что немного искажает первоначальный смысл известного слова или выражения и, изменив его подобным образом, оптимально приспосабливает для своих целей. Затем появляется второй автор, смещающий значение данного слова в другом направлении, и третий, предлагающий собственный вариант его толкования; и, поскольку нет общепризнанного судьи, постоянно действующего трибунала, способного твердо установить значение данного слова, оно сохраняет неустойчивость своего положения. В результате этого

писатели, по-видимому, почти никогда не считают себя обязанными сосредоточиваться на одной-единственной мысли, и кажется, что они всегда подразумевают целый комплекс идей, предоставляя читателю возможность самому судить, что именно имеется в виду.

Таково одно из неприятных последствий демократии. Я скорее предпочту, чтобы наш язык покрылся колючками китайских, татарских или гуронских слов, чем соглашусь с необходимостью утраты французскими словами определенности их значений. Благозвучие и однородность—важнейшие, если не главные достоинства, определяющие красоту языка. Традиции и условности также играют в нем существенную роль, однако без них в крайнем случае можно обойтись. Но без четких, ясных слов нет хорошего языка.

Равенство с неизбежностью вызывает и множество других преобразований в языке.

В периоды господства аристократии, когда каждая нация склонна держаться в стороне от всех других наций и любит сохранять свой собственный, неповторимый облик, часто случается так, что родственные по происхождению народы постепенно настолько становятся чужими друг другу, что, хотя они еще и способны понимать друг друга, но уже не говорят более на одном и том же языке.

В такие времена каждая нация разделена на определенное число классов, которые между собой мало общаются и совершенно не смешиваются; каждый из этих классов вырабатывает и сохраняет в неизменности лишь ему одному свойственные интеллектуальные навыки, охотнее всего пользуясь определенными словами и выражениями, которые как наследие передаются от поколения к поколению. Поэтому один и тот же язык содержит в себе речь бедняков и речь дворян, ученую и простонародную речь. Чем глубже эти различия и непреодолимее преграды между ними, тем более определенным должно быть это разграничение. Я готов держать пари, что языковые нормы индийских каст имеют колоссальные различия и что речь неприкасаемого отличается от речи брамина едва ли меньше, чем их образы жизни.

Когда же люди, напротив, не будучи более привязанными каждый к своему месту, беспрестанно общаются друг с другом, когда кастовость уничтожена, а классовый состав обновляется и перемешивается, все слова языка также смешиваются в одну кучу. Те из них, которые не могут импонировать большинству, погибают; остальные образуют общий фонд, откуда каждый человек наугад берет примерно столько, сколько ему нужно.

Почти все диалектные различия, разделяющие языки Европы, явным образом стираются; в Новом Свете нет местных говоров, и день ото дня они исчезают в Старом.

Эта социальная революция в равной мере отражается как на языке, так и на стилистике.

Все общество не только пользуется одними и теми же словами, но и привыкает употреблять их без всякого разбора. Правила, диктуемые понятием стиля, почти полностью уничтожаются. Едва ли можно встретить какие-либо выражения, которые по самой своей природе кажутся вульгарными или же, напротив, возвышенными. Индивидуумы, происходящие из различных социальных слоев, независимо от достигнутого ими положения, сохраняют свою речевую манеру, привычные для них выражения и понятия; происхож-

дение этих слов, равно как и происхождение этих людей, забывается, и в языке царит та же путаница, что и в самом обществе.

Я знаю, что в оценочной классификации слов имеются правила, не зависящие от той или иной формы общественного устройства, но вытекающие из самой природы вещей. В языке встречаются выражения и обороты речи, которые являются вульгарными потому, что те явления и чувства, которые они обозначают, действительно низменны, тогда как другие представляются высокими в связи с подлинно возвышенным характером обозначаемых ими понятий.

Смешение сословий не всегда будет приводить к исчезновению этих различий. Равенство, однако, не может не уничтожать те различия, которые были обусловлены исключительно традиционализмом и произвольностью мышления. Я не знаю, будет ли даже та необходимая оценочная иерархия, о которой я говорил выше, всегда пользоваться у демократических народов меньшим, чем у других народов, уважением, ведь среди них тоже найдутся люди, чье воспитание, познания и досуг будут располагать их к постоянному изучению естественных законов языка и которые, лично подчиняясь этим законам, подняли бы их авторитет.

Мне бы хотелось, завершая разговор на эту тему, выделить еще одну, последнюю особенность языков демократических народов, которая, быть может, способна охарактеризовать их полнее всех остальных свойств и черт.

Выше я уже отмечал, что демократические народы проявляют склонность, а подчас даже страсть к общим идеям; это

обусловливается как свойственными им достоинствами, так и их недостатками. Любовь к общим идеям в языках демократических народов проявляется в постоянном употреблении родовых понятий и абстрактных слов, а также в манере их использования. В этом заключены огромная сила и огромная слабость данных языков. Демократические народы страстно влюблены в родовые понятия и абстрактные слова потому, что они расширяют диапазон мысли и, позволяя многое выражать в сжатом виде, помогают работе интеллекта.

Писатель демократической эпохи охотно воспользуется абстрактным понятием «человеческие способности» вместо конкретного выражения «способные люди», не уточняя, какие же именно способности он имеет в виду. Он напишет «действительность», чтобы одним мазком обозначить все то, что в данный момент происходит у него перед глазами, а в понятие «возможность» включит все то, что может произойти во вселенной с момента его высказывания.

Писатели демократической эпохи беспрерывно создают такого рода абстрактные слова и придают все более и более абстрактный смысл абстрактным словам, имеющимся в языке.

Более того, для придания своей речи живости они персонифицируют значения этих абстрактных слов, заставляя каждое из них действовать наподобие реальной личности. Они скажут, что «естественный ход вещей требует того, чтобы миром правила одаренность».

Полагаю, что последнюю мысль лучше всего пояснит мой собственный пример.

Я часто пользовался словом «равенство» в его абсолютном значении; кроме того, я во многих случаях персонифицировал его, заявляя, что равенство совершало одни деяния и воздерживалось от других. Смею утверждать, что люди, жившие во времена Людовика XIV, не могли бы сказать ничего подобного; никому из них никогда и в голову не пришла бы мысль о том, что слово «равенство» можно употреблять безотносительно к какому-либо конкретному явлению, и они скорее вовсе отказались бы от этого слова, чем стали бы представлять равенство в облике живой, персонифицированной аллегории.

Эти абстрактные слова, которыми изобилуют языки демократических народов и которые по всякому поводу используются без какой-либо связи с конкретным предметом или фактом, расширяют диапазон, но затемняют содержание мысли; они придают речи живость, лишая ее смысловой отчетливости. В сфере языка, однако, демократические народы неясность предпочитают кропотливому труду.

К тому же я не уверен, что неопределенность не содержит в себе какого-то тайного очарования для тех, кто говорит и пишет в эпоху демократии.

Люди, живущие в это время, часто оказываются предоставленными самим себе; рассчитывая лишь на собственный ум, они почти всегда терзаются сомнениями. Помимо

этого, поскольку их общественное положение беспрестанно меняется, само непостоянство судьбы не позволяет им твердо держаться какого-либо из своих убеждений.

Таким образом, мысли людей, живущих в демократических странах, часто имеют неустойчивый характер; их речь должна быть достаточно просторной для того, чтобы включать в себя все эти колебания. Поскольку они никогда не знают, будет ли идея, которую они выражают сегодня, соответствовать той новой ситуации, в которой они окажутся завтра, они естественным образом обретают склонность к абстрактным словам. Абстрактное слово подобно шкатулке с двойным дном: вы можете положить в нее любые идеи и незаметно для посторонних глаз забрать их назад.

У всех народов основу языка составляют слова, выражающие родовые и абстрактные понятия; следовательно, я не представляю дело таким образом, будто подобные слова встречаются лишь в языках демократических народов; я говорю только о том, что во времена равенства люди особенно расположены увеличивать количество слов этого класса, употреблять их в самом абстрактном значении, не связанном со значениями других слов, пользоваться ими по всякому поводу даже тогда, когда в них нет никакой особой необходимости.

Глава XVII О НЕКОТОРЫХ ИСТОЧНИКАХ ПОЭЗИИ У ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ НАЦИЙ

Понятие «поэзия» имеет множество самых различных определений. Дабы не утомлять читателя разысканиями наиболее удачного из них, я считаю целесообразным тотчас же поставить его в известность относительно моего выбора.

Поэзия, на мой взгляд, — это поиск и воплощение идеала.

Истинным поэтом является тот художник слова, который, отбрасывая часть реально существующего, дополняя картину воображаемыми подробностями и сочетая подлинные, но в жизни никогда вместе не встречающиеся обстоятельства, завершает и совершенствует природу. Таким образом, поэзия должна

стремиться не к правдивости, а к красоте изображения, способной дарить человеческому духу возвышенные образы.

Стихотворная речь представляется мне воплощением идеальной красоты языка, и в этом смысле она всегда будет в высшей степени поэтичной; однако сама по себе стихотворная речь не создает поэзии.

Мне хотелось бы выяснить, есть ли в практической деятельности, в эмоциональной и интеллектуальной жизни демократических народов такие стороны, которые по причине их причастности к работе воображения и представлениям об идеале должны рассматриваться в качестве естественных источников поэзии.

Прежде всего необходимо признать, что тяга к идеалу и удовольствие, получаемое при созерцании его воплощений, у демократических народов никогда не обретают той силы и не получают того широкого распространения, каких они достигают в недрах любой аристократии.

У аристократических наций люди иногда впадают в такое состояние, что тело человека действует как бы само по себе, в то время как его душа охвачена глубоким покоем. В таких странах даже простонародье часто обладает поэтическим вкусом и души простых людей порой взмывают ввысь, преодолевая границы окружающей действительности.

В демократических обществах, напротив, любовь к материальным наслаждениям, идея о возможности улучшения своей жизни, конкуренция, притягательность быстрого успеха играют роль тех стимулов, которые, как кнут погонщика, подстегивают каждого человека, заставляя его мчаться по избранному им пути и не позволяя даже на миг сходить с него. Почти все силы души уходят на эту гонку. Воображение не угасает полностью, но оно целиком подчиняется необходимости постигать полезное и воссоздавать реальность.

Равенство не только заставляет людей отворачиваться от изображений идеала, но и уменьшает количество объектов, достойных идеального изображения.

Аристократическое правление, удерживая общество в состоянии неподвижности, покровительствует прочности и долговечности положительных истин в религиозных учениях, подобно тому как оно поддерживает стабильность политических институтов.

Оно не только навязывает религиозность человеческой душе, но и предрасположено принимать именно данное, а не какое-либо

иное религиозное учение. Аристократический народ всегда будет стремиться поместить между Господом и человеком могущественных посредников.

Можно утверждать, что в этом отношении аристократические периоды правления чрезвычайно благоприятны для поэзии. Когда вселенная населена сверхъестественными существами, не воспринимаемыми человеческими органами чувств, но постигаемыми мысленным взором, воображение ощущает себя свободным, и поэты, находя тысячи различных предметов, достойных изображения, всегда имеют бесчисленную аудиторию, готовую с интересом созерцать их поэтические картины.

В века демократии, напротив, бывает так, что религиозные убеждения людей становятся не более устойчивыми, чем их юридические законы. Сомнение возвращает тогда воображение поэтов на землю, и они ограничивают себя видимым, реальным миром.

Даже тогда, когда равенство не потрясает основ религий, оно упрощает их; оно отвлекает внимание людей от вторичных факторов, чтобы сосредоточить его преимущественно на верховном владыке.

Аристократия естественным образом ведет человеческий дух к прошлому, удерживая его там в состоянии медитативного созерцания. Демократия, напротив, вызывает в людях своего рода инстинктивное отвращение к старью. В этом отношении аристократия значительно более благоприятна для расцвета поэзии, чем демократия, так как предметы обычно кажутся более величественными и таинственными по мере их удаленности от нас, и благодаря этой двойной связи они оказываются более пригодными для изображения идеала.

Освободив поэзию от прошлого, равенство отнимает у нас и часть настоящего.

У аристократических народов всегда имеется определенное число привилегированных персон, образ жизни которых, так сказать, ни с какой стороны не доступен обычным людям; они кажутся от природы наделенными властью, богатством, известностью, умом, изяществом вкуса и изысканностью во всем. Толпа никогда не видит их с близкого расстояния и не имеет возможности внимательно их рассматривать; таких людей без особого труда можно изобразить поэтическими средствами.

С другой стороны, у тех же самых народов имеются невежественные, обездоленные, закабаленные классы, чье существование благодаря их чрезмерной грубости и нищете оказывается не менее живописным, чем жизнь избранников с ее утонченностью и величием. Помимо того, поскольку различные

классы, из которых состоит аристократическая нация, весьма далеки друг от друга и плохо знакомы между собой, воображение, воспроизводя быт представителей этих классов, всегда может нечто прибавить или убавить сравнительно с реальностью.

В демократических обществах, где всякий человек слишком незначителен и все очень похожи друг на друга, каждый, разглядывая сам себя, одновременно видит и всех других людей. Посему поэты, живущие в века демократии, никогда не могут сделать образ конкретного человека основной темой своих поэтических картин, ибо объект средних размеров и достоинств, отчетливо просматриваемый со всех сторон, никогда не будет соответствовать идеалу.

Таким образом, равенство, устанавливаясь на земле, иссушает большую часть древних источников поэзии.

Попробуем показать, как оно открывает ее новые источники.

Когда сомнение превратило густонаселенные небеса в необитаемую пустоту и когда приход равенства вызвал измельчание каждого человека до хорошо известных каждому пропорций, поэты, еще не представляя себе, чем же они могут заменить те большие темы, которые ушли вместе с аристократией, обратили свои взоры на неодушевленную природу. Потеряв из поля зрения героев и богов, они сначала принялись за изображение рек и гор.

Это привело к появлению в минувшем веке поэзии, которую по преимуществу называют «описательной».

Кое-кто полагает, что подобная словесная живопись, украшая материальные, неодушевленные предметы, представляющие собой детали внешнего облика земли, является подлинной поэзией демократических веков, но я думаю, что это ошибка. Я считаю, что такая поэзия — явление временное, переходное.

Я убежден, что в конечном счете демократия заставит воображение отвернуться от внешнего по отношению к человеку мира с тем, чтобы оно сосредоточилось на самом человеке.

Созерцание природы вполне может доставить демократическим народам мимолетное удовольствие, но по-настоящему они одушевляются лишь тогда, когда лицезреют самих себя. Только это и питает у них естественные источники поэзии, и имеются основания полагать, что все те поэты, которые не станут черпать вдохновение из этих источников, потеряют всякую власть над людьми, чьи души они хотели очаровать, и наконец увидят, что окружены лишь бесстрастными свидетелями их экстаза.

Я уже отмечал, насколько идеи прогресса и безграничных возможностей самосовершенствования рода людского свойственны эпохам демократии.

Прошлое нимало не беспокоит демократические народы, но они с готовностью мечтают о будущем, и в данном отношении их воображение не знает границ, безмерно расширяясь и разрастаясь.

Это открывает перед поэтами широчайшее поле деятельности, позволяя им изображать весьма отдаленные от них предметы. Демократия, закрывающая для поэзии прошлое, открывает перед ней будущее.

Когда все граждане демократического общества почти равны между собой и похожи друг на друга, поэзия не может испытывать привязанности к кому-либо одному из них; сама нация, однако, готова ей позировать. Именно сходство всех индивидуумов, не позволяющее каждому из них в отдельности становиться предметом поэтического изображения, дает возможность поэтам обобщать их в один образ, рассматривая в итоге весь народ в целом. Демократические народы значительно отчетливее, чем все остальные, представляют себе свой собственный облик, и их величественные внешние формы изумительно соответствуют нашим представлениям об идеале.

Я с легкостью признаю истинность утверждения о том, что у американцев нет поэтов, но я не соглашусь с тем, что у них нет поэтических идей.

Необжитые просторы Америки сильно занимают головы европейцев, но сами американцы о них совершенно не думают. Чудеса неодушевленной природы оставляют их равнодушными, и, пожалуй, можно сказать, что они замечают прелесть окружающих лесов лишь тогда, когда деревья начинают падать под ударами их топоров. Их глаз устроен иначе, взорам американцев открываются иные картины. Они видят себя преодолевающими эти дикие пространства, осушающими болота, выпрямляющими русла рек, заселяющими пустынные территории и покоряющими природу. Этот блестящий автопортрет не только всплывает время от времени в сознании американцев, но и, можно сказать, постоянно рисуется перед мысленным взором каждого из них, отражая как самые заурядные его поступки, так и большие деяния.

Трудно представить себе нечто более ничтожное, бесцветное, жалкое, одним словом, более антипоэтическое, чем жизнь человека в Соединенных Штатах, заполненная самыми мелочными интересами; однако в числе идей, управляющих этой жизнью, всегда имеется одна полная поэзии идея, которая наподобие невидимого сухожилия делает энергичным весь

организм.

В периоды аристократического правления каждый народ, как и каждый человек, тяготеет к неторопливому, замкнутому образу жизни.

В века демократии люди становятся крайне подвижными, так как их беспрестанно обуревают сильные, не терпящие отлагательств желания, и это все время заставляет их сниматься с места, двигаться, и таким образом жители разных стран смешиваются между собой, встречаясь, выслушивая и подражая друг другу. Поэтому сближаются, взаимоуподобляясь, не только представители одной и той же нации, ассимилируются сами нации, в своей совокупности являя взору не что иное, как картину обширной демократии, в которой каждый народ получает право гражданства. Таким образом впервые в истории открыто появляется идея единства всего человеческого рода.

Все то, что связано с существованием человечества в его единстве, становится неисчерпаемым источником, золотой жилой для поэзии.

Поэты, жившие во времена аристократии, создавали восхитительные картины, сюжетами которых были определенные события из жизни одного народа или отдельной личности, но никто из этих поэтов не отваживался включать в свои картины изображение

судеб всего человечества, тогда как поэты, живущие в период господства демократии, могут браться за выполнение этой задачи.

Именно тогда, когда каждый человек, устремляя взор за пределы своей собственной страны, начинает наконец осознавать идею единства человечества, Всевышний все более явственно открывает себя человеческому духу во всем своем полном и абсолютном величии.

Если, с одной стороны, вера в позитивные религиозные догматы в века демократии часто оказывается шаткой, а убежденность в существовании сил, играющих роль посредников между Господом и людьми, какие бы имена этим посредникам ни давали, замутняется сомнениями, то, с другой стороны, люди, живущие в это время, внутренне предрасположены к восприятию куда более грандиозной идеи самого божества, воздействие которого на человеческую жизнь видится в новом, более ярком свете.

Рассматривая род людской в качестве единого целого, они без труда понимают, что его судьбу направляет один и тот же

промысел, и приходят к мысли о том, что в поступках каждого индивидуума прослеживается этот всеобщий, неизменный план, в соответствии с которым Господь руководит человеческим родом.

Это обстоятельство также может рассматриваться в качестве чрезвычайно плодотворного источника поэзии, открытого в века демократии.

Поэты демократических времен всегда будут казаться бесталанными и холодными, если они будут пытаться наделить своих богов, демонов или ангелов телесными формами и постараются заставить их спуститься с небес, чтобы сражаться за землю.

Но, если они захотят связать излагаемые ими крупные события со всей вселенной и глобальным замыслом Всевышнего относительно нее и, не изображая десницы верховного Владыки, постараются постичь его мысли, их будут понимать и будут восхищаться ими, ибо воображение их современников работает в том же самом направлении.

Можно также предположить, что поэты, живущие в демократические времена, будут изображать не столько людей и их деяния, сколько страсти и идеи.

Язык, одежда и повседневное поведение людей в демократическом обществе противоречат нашим представлениям об идеале красоты. В этих вещах самих по себе нет ничего поэтического, и любые попытки опоэтизировать их окажутся неудачными по той причине, что они слишком хорошо известны всем тем, для кого творят поэты. Это заставляет их беспрестанно снимать внешние покровы с явлений, воспринимаемых их органами чувств, чтобы в конечном счете хотя бы мельком разглядеть самое душу. А ведь не существует более идеального предмета изображения, чем образ человека, столь поглощенного созерцанием глубин своей нематериальной природы.

Мне нет никакой надобности пробегать мысленным взором небеса и землю в поисках чудесных тем, содержащих в себе контрасты между беспредельным величием и безмерным ничтожеством, между глубочайшим мраком и поразительной ясностью, способных разом вызывать чувства благоговения, восхищения, презрения и страха. Я должен лишь задуматься о себе самом: человек, приходя из небытия, пересекает отведенный ему отрезок времени и навсегда исчезает, чтобы раствориться в Господе. Его видят лишь одно мгновение, когда он блуждает между краями двух пропастей, в одну из которых он канет.

Если бы человек был совершенно лишен самосознания, он не представлял бы интереса для поэзии, так как нельзя изображать то, о содержании чего вы не имеете ни малейшего понятия. Если

бы он осознавал себя вполне ясно, его воображение оставалось бы праздным, ничего не добавляя к картине. Человек, однако, достаточно открыт для того, чтобы понимать кое-что в самом себе, и достаточно сложен для того, чтобы все остальное было покрыто непроницаемым мраком, в который он беспрестанно и тщетно погружается, стараясь окончательно овладеть самопознанием.

Не следует поэтому ожидать, что поэзия демократических народов будет питаться легендами, что она будет жить традициями и древними воспоминаниями, что она вновь попытается заселить вселенную сверхъестественными существами, в реальность которых более не верят ни читатели, ни сами поэты, или что поэзия станет создавать безжизненные аллегории добродетелей и пороков, которых можно видеть и в их собственном облике. Демократической поэзии будет не хватать всех этих художественных богатств, но у нее останется человек, и этим она вполне удовлетворится. Человеческие судьбы, сам человек, вынутый из рамок своего времени и своей страны и оставленный один на

один с природой или Богом, человек с его страстями, сомнениями, неслыханным везением и непостижимыми неудачами станут для этих народов основным и почти единственным предметом поэтического изображения; в том, что это будет именно так, убеждает рассмотрение произведений, созданных самыми крупными из поэтов, появившихся с тех пор, как мир стал поворачиваться к демократии.

Писатели наших дней, столь великолепно воссоздавшие образы Чайльд Гарольда, Рене и Жоселена, не имели намерения повествовать о поступках одного человека; они хотели осветить и облагородить некоторые, все еще остающиеся потаенными уголки человеческого сердца.

Таковы поэмы демократии.

Равенство, следовательно, не уничтожило всех предметов поэзии; уменьшив их число, оно увеличило их размеры.

Глава XVIII ПОЧЕМУ АМЕРИКАНСКИЕ ПИСАТЕЛИ И ОРАТОРЫ ЧАСТО БЫВАЮТ НАПЫЩЕННЫМИ

Я часто замечал, что американцы, обычно ведущие деловые переговоры на понятном, сухом языке, лишенном каких бы то ни было украшений и отмеченном столь чрезмерной простотой, что он подчас становится вульгарным, охотно прибегают к

напыщенности, когда хотят, чтобы их слог звучал поэтически. Тогда их речь целиком, с начала и до конца, становится высокопарной, и наблюдающему за тем, как они беспрерывно, по всякому поводу щедро рассыпают образные выражения, начинает казаться, что они никогда не говорят просто.

Англичане тоже грешат этим, но значительно реже.

Причина этого может быть установлена без особого труда.

В демократических обществах мысли каждого гражданина поглощены размышлениями о весьма незначительном предмете, которым является он сам. Когда он, подняв глаза, смотрит вокруг, он не видит ничего, кроме огромного призрака, называемого «обществом», или еще более грандиозной фигуры всего человеческого рода. Его представления и идеи либо очень конкретны и ясны, либо чрезмерно общи и туманны; между ними — пустующее пространство.

Когда он отвлекается от мыслей о самом себе, он всегда ждет, что его вниманию будет предложен какой-нибудь необычайный предмет, и лишь за такую цену он согласен хотя бы на миг забыть о своих многочисленных повседневных заботах, доставляющих ему подлинные волнения и радости жизни.

Это, как мне кажется, вполне объясняет, отчего люди, живущие при демократии и в целом озабоченные столь незначительными делами, требуют от своих поэтов обширных замыслов и огромных полотен.

Со своей стороны писатели всегда с готовностью повинуются этим инстинктам, которыми они сами наделены: они беспрестанно погоняют свое воображение, заставляя его чрезмерно напрягаться и разбухать, и, достигая таким образом гигантских размеров изображения, они нередко отказываются от подлинного величия.

Они надеются подобным способом сразу привлечь и с легкостью удержать взоры толпы, и это им часто удается, так как толпа ищет в поэзии лишь обширности замыслов и тем, не имея ни времени, чтобы точно измерить пропорции предлагаемых им произведений, ни достаточного вкуса, чтобы тотчас почувствовать их несоразмерность. Автор и публика взаимно развращают друг друга.

Мы уже видели ранее, что источники поэзии у демократических народов превосходны, но немногочисленны. Они быстро иссякают. Не находя более материала, необходимого для воплощения идеала, в реальной действительности, поэты совершенно отказываются от нее и порождают чудовищ.

Я не боюсь того, что поэзия демократических народов окажется слишком робкой, или того, что она слишком крепко

будет прижиматься к земле. Я скорее опасаюсь того, что она может все время витать в облаках, превратившись в конце концов в искусство, изображающее совершенно вымышленные края. Меня тревожит мысль, как бы произведения

демократических поэтов, изобилующие развернутыми и бессвязными образами, перегруженные описаниями, странными сочетаниями красок и фантастическими существами, созданными их воображением, не заставляли иногда читателей тосковать о реальном мире.

Глава XIX НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТЕАТРАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ НАРОДОВ

Когда революция, изменяющая общественно-политическое устройство жизни аристократического народа, начинает прокладывать себе дорогу в литературе, ее воздействие обычно ощущается прежде всего в театре, и именно здесь оно всегда сохраняет свою самоочевидность.

Благодаря непосредственности своего воздействия любое драматическое произведение в определенном смысле застает зрителя врасплох. У него нет времени покопаться в своей памяти или посоветоваться со знатоками; ему и в голову не приходит противоборствовать новым литературным эмоциям, которые начинают в нем просыпаться; он подчиняется им бессознательно, не успев в них разобраться.

Не теряя времени даром, авторы выясняют, в какую сторону столь неприметно начинает склоняться вкус публики. В эту же сторону они разворачивают и свои произведения, и театральные пьесы, первымиуловив и выразив близость назревающей литературной революции, в скором времени совершают ее на сцене. Если вы захотите, забегая вперед, составить суждение о литературе какого-либо народа, идущего к демократии, изучайте его театр.

Кроме того, даже у самых аристократических наций драматургия представляет собой наиболее демократический род литературы. Никакие другие литературные формы не доставляют толпе столько удовольствия, сколько его приносит созерцание происходящего на сцене. Драматические произведения не требуют предварительной подготовки или особых знаний. Они захватывают вас сразу, сколь бы ни были вы заняты или необразованны. Когда еще наполовину неотесанная любовь к духовным наслаждениям начинает проникать в тот или иной

общественный класс, она тотчас же влечет его представителей в театр. Театры аристократических наций всегда заполнялись зрителями, отнюдь не все из которых принадлежали к аристократии. Только в театре выспше классы смешивались со средними и низшими сословиями, и если первые и не соглашались с мнениями последних, то они по крайней мере терпимо относились к тому, что оно выражалось в их присутствии. Именно в театре образованным, просвещенным сословиям всегда были необходимы особые усилия, чтобы навязать свои вкусы народу и чтобы самим не испытать воздействия вкусов и мнений народа. Партер часто диктует ложам свои законы.

Если даже аристократии трудно сохранить театр и не дать захватить его народу, нетрудно догадаться, что народ станет в нем полновластным хозяином тогда, когда демократические принципы будут пронизывать собой законы и нравы страны, когда сословия смешаются друг с другом, когда различия между образованностью и невежеством, как и между богатством и нищетой, будут уменьшаться и когда господствующий класс утратит вместе со своими наследственными состояниями свою власть, свои традиции и свой досуг.

В области литературы естественные вкусы и природные склонности демократических народов, таким образом, ранее всего проявятся в театре, и можно предвидеть, что они ворвутся в него насильственным путем. В письменности аристократические литературные нормы будут преобразовываться понемногу, постепенно и, так сказать, на легальном основании. В театре они будут свергнуты путем мятежа.

Театр выявляет большую часть достоинств и почти все пороки, свойственные демократическим литературам.

Демократические народы без особого уважения относятся к эрудиции и нимало не заботятся о том, что происходило в Древнем Риме или в Афинах; они хотят, чтобы речь шла о них самих, и требуют, чтобы картины изображали современность.

Поэтому, когда на сцене часто воплощаются образы античных героев с их нравственными проблемами и драматурги пекутся о верности античным традициям, одного этого вполне достаточно, чтобы сделать вывод о том, что демократические классы пока еще не господствуют в театре.

Расин в предисловии к «Британику» смиренно просит прощения за то, что он сделал Юнию одной из весталок, в то время как, по мнению Авла Геллия, говорит драматург, «в их

число не принимали никого моложе шести и старше десяти лет». Есть основания полагать, что он и не подумал бы обвинять себя или защищаться против обвинения в совершении подобного преступления, если бы писал в наши дни.

Такое поведение отражает не только состояние литературы в те времена, но также и состояние самого общества. Демократический театр не доказывает того, что нация является демократической, поскольку, как мы уже видели, даже в аристократиях может случаться, что демократические вкусы и мнения оказывают свое влияние на сцену; однако тогда, когда в театре безраздельно господствует аристократический дух, это неоспоримо свидетельствует о том, что все общество представляет собой аристократию, и можно смело умозаключить, что все тот же образованный, просвещенный класс, который устанавливает авторам свои законы, руководит гражданами и управляет государственными делами.

Нередко случается так, что изысканность вкуса и предрасположенность к высокомерию, свойственные аристократии, приводят ее к тому, что она, являясь законодательницей мод в театре, заставляет драматургов производить, так сказать, отбор качеств человеческой природы. Аристократию в основном интересуют определенные социальные условия и обстоятельства, и ей нравится находить их изображение на сцене; определенные добродетели и даже определенные пороки кажутся им заслуживающими особого внимания драматургов; она благосклонно принимает их изображения, одновременно требуя убрать с глаз долой картины всех прочих человеческих достоинств и недостатков. В театре, как и везде, аристократия хотела бы встречаться только с могущественными сеньорами, а если и переживать, то лишь за королей. То же самое о слоге. Аристократия с готовностью предписывает драматическим авторам те речевые манеры и нормы, которые они должны воспроизводить; ей хотелось бы, чтобы все было выдержано в едином стиле.

Вследствие этого театр часто изображает лишь отдельные стороны человека или даже подчас наделяет его такими чертами, которые никогда не встречаются в человеческой природе; театр отрывается от нее и теряет с нею всякую связь.

В демократических обществах зрители не имеют подобных предпочтений и редко проявляют столь же глубокое неприятие; на сцене им нравится созерцать ту же самую беспорядочную смесь обстоятельств, чувств и мыслей, которую они наблюдают в жизни; театр становится более захватывающим, вульгарным и правдоподобным зрелищем.

Между тем драматурги, пишущие для демократической аудитории, также отрываются от человеческой природы, впадая, однако, в противоположную крайность сравнительно с их предшественниками. Побуждаемые желанием передать мельчайшие подробности и особенности текущего момента и конкретное своеобразие внешнего и внутреннего облика определенных людей, они забывают о необходимости воспроизводить в них черты, свойственные всему человеческому роду.

Господствуя в театре, демократические классы предоставляют драматургам полную свободу как в выборе художественной трактовки сюжета, так и в выборе самих сюжетов.

Поскольку любовь к театру для демократических народов является наиболее естественной из литературных привязанностей, число драматургов, зрителей и спектаклей у них постоянно растет. Все это, состоящее из столь различных элементов, разбросанных по всей территории страны, не признает существования одних и техже правил и не подчиняется одним и тем же законам. Ни к какому согласию нельзя прийти при таком огромном количестве судей, не имеющих точек соприкосновения и выносящих каждый свой собственный приговор. Если в целом демократия вызывает сомнения в целесообразности существующих литературных правил и норм, то в театре она совершенно их упраздняет, ничем не заменяя, помимо своеволия каждого автора и вкусовой привередливости разных аудиторий.

Театр также с особой отчетливостью позволяет увидеть все те особенности, о которых я уже говорил в общих словах, свойственные литературному языку и литературному творчеству в условиях демократии. Когда вы читаете критические работы, в которых осмысливаются драматургические произведения, созданные во времена Людовика XIV, вас

невольно удивляет то глубокое уважение, с которым публика относилась к сценическому правдоподобию действия, и то значение, которое она придавала логике изображения характеров, желая, чтобы каждый персонаж всегда оставался самим собой и не делал на сцене ничего такого, что нельзя было бы легко объяснить и понять. В равной мере удивительны и то значение, которое придавалось выбору языковых форм, и те мелочные словарные придирки, которые сыпались на головы драматургов.

Кажется, что люди, жившие во времена Людовика XIV, излишне высоко ценили те частности, которые можно было рассмотреть в кабинете, но которые на сцене ускользали от их

внимания. Ибо в конечном счете главная задача драматического произведения осуществляется в его сценической постановке, а его основное достоинство определяется способностью волновать людей. Подобное отношение обусловливалось тем, что зрители той эпохи были одновременно и читателями драматических произведений. Возвращаясь из театра, они брали в руки текст, чтобы вынести свое суждение о поставленном произведении.

В демократическом обществе люди смотрят спектакли, но не читают пьес. Большинство присутствующих на театральных представлениях ищут в них не интеллектуальных наслаждений, а сильных, берущих за сердце переживаний. Они ждут, что им будет показан спектакль, и не рассматривают его с точки зрения имеющихся в нем литературных достоинств, и, если только автор в достаточной мере владеет языком и пишет понятно, а его герои вызывают любопытство и возбуждают симпатию, зрители довольны. Ничего другого не требуя от художественного вымысла, они тотчас же возвращаются к заботам реальной жизни. Стиль, следовательно, не играет особой роли, поскольку на сцене прегрешения против литературных правил и норм значительно меньше бросаются в глаза.

Что же касается правдоподобия, то драматург, хранящий ему верность, не может часто создавать произведения, отмеченные новизной, неожиданностью, динамичностью действия. Поэтому обычно автор пренебрегает правдоподобием, и публика его прощает. Вполне можно рассчитывать на то, что публика не станет беспокоиться по поводу избранного вами пути, если вы в конце концов приведете ее к предмету, способному ее растрогать. Она никогда не упрекнет вас в том, что вы взволновали ее, нарушив при этом правила.

Эти различные чувства, которые я попытался описать, чрезвычайно отчетливо проявляются в американцах, когда они посещают театр. Необходимо, однако, признать, что лишь очень немногие из них вообще ходят в театры. Хотя зрителей и спектаклей в Соединенных Штатах сейчас неизмеримо больше, чем было сорок лет назад, население к этому роду развлечений относится еще чрезвычайно сдержанно.

Это объясняется наличием особых обстоятельств, с которыми читатель был уже ознакомлен, и потому для напоминания ему будет достаточно нескольких слов.

Пуритане, основавшие американские республики, были не просто противниками земных радостей, но и испытывали особый ужас именно перед театром. Они рассматривали его в качестве омерзительного увеселения, и там, где их мироощущение господствовало безраздельно, театральные представления были

абсолютно неизвестны. Подобные настроения отцов-основателей колоний оставили глубокие следы в духовной жизни их потомков.

Чрезвычайная размеренность образа жизни и строгость нравов в Соединенных Штатах до сих пор мало благоприятствуют развитию театрального искусства.

В стране, не знавшей крупных политических катастроф, в стране, где любовь всегда ведет прямой и легкой дорогой к браку, нет сюжетов для драмы. Люди, занятые каждый рабочий день недели зарабатыванием денег, а по воскресеньям молящиеся Богу, не оказывают никакого содействия музе комедии.

Для доказательства того, что театр в Соединенных Штатах непопулярен, достаточно привести один-единственный факт. Американцы, законы которых допускают не только полную свободу слова, но даже и чрезмерную ее вольность, тем не менее подвергают драматургов своеобразной цензуре. Театральные постановки могут иметь место только с разрешения городской администрации. Это очень наглядно показывает, что народы ведут себя так же, как и отдельные люди. Они бесшабашно предаются своим основным страстям, а затем с величайшей предосторожностью следят за тем, чтобы не поддаться слишком власти тех вкусов, которыми они сами не обладают.

Нет другого литературного рода, который столь же крепкими и многочисленными нитями был бы связан с реальным состоянием общества, как драма.

Театр одной эпохи никогда не пригодится людям следующей эпохи, если они разделены революционным переворотом, изменившим нравы и законы.

Произведения великих писателей, творивших в другом веке, продолжают читать. Но никто не будет смотреть пьесы, написанные для другой аудитории. Драматурги минувших времен живут только в книгах.

Традиционность вкуса отдельных людей, тщеславие, мода, талант актера могут на некоторое время сохранить или же восстановить аристократический театр в недрах демократии, однако он вскоре развалится сам по себе. Его не разрушают, в него просто не ходят.

Глава XX О НЕКОТОРЫХ СПЕЦИФИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ, СВОЙСТВЕННЫХ ИСТОРИКАМ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ВРЕМЕН

Историки, сочиняющие в века аристократического правления,

обычно ставят все события в зависимость от воли и нрава определенных людей и охотно объясняют начало важнейших революционных преобразований стечением ничтожнейших случайностей. Они с проницательностью выявляют второстепенные причины событий и часто не замечают основных.

Историки, живущие в века демократии, обнаруживают совершенно противоположные тенденции.

Большинство из них почти не придает никакого значения влиянию индивидуума на судьбы человеческого рода или же влиянию отдельных граждан на участь всего народа. Но взамен все самые незначительные конкретные факты они объясняют действием всеобщих основных сил. Появление этих противоположных тенденций вполне объяснимо.

Когда историки, живущие во времена аристократии, всматриваются в происходящее на подмостках мира, они с самого начала замечают очень незначительное число ведущих актеров, которые руководят ходом всей пьесы. Эти выдающиеся личности, выступающие на передний план, привлекают к себе и удерживают их взоры; историки, озабоченные выяснением тайных мотивов, побуждающих эти личности действовать и высказываться соответствующим образом, забывают обо всем на свете.

Наблюдая за тем, как некоторые люди вершат важные дела, они усваивают преувеличенное представление о возможной силе влияния отдельной личности и естественным образом склоняются к мысли, что для объяснения движения масс всегда необходимо возвращаться к конкретному поступку какого-либо исторического деятеля.

Когда же, напротив, все граждане независимы друг от друга и каждый из них слаб, нельзя найти никого, кто мог бы оказывать весьма сильное и главным образом достаточно длительное влияние на массы. На первый взгляд индивидуумы представляются совершенно бессильными перед ними и кажется, что общество само по себе идет вперед благодаря свободному, самопроизвольному содействию всех составляющих его людей.

Это естественным образом заставляет человеческий ум искать некую всеобщую причину, способную, разом воздействуя на головы такого количества людей, повернуть их одновременно в одну и ту же сторону.

Я твердо убежден в том, что даже у демократических наций одаренность, порочность или нравственность отдельных индивидуумов задерживают или же ускоряют естественное развитие народа, но эти разновидности случайных и второстепенных причин оказываются бесконечно более многообразными, скрытыми, запутанными и не столь

могущественными, как основные. Вследствие этого их труднее выявлять и прослеживать во времена равенства сравнительно с веками аристократии, когда историку волей-неволей приходилось анализировать конкретные действия одного или нескольких общественных деятелей на фоне общих событии.

Историк демократических времен вскоре устает от подобной работы; теряясь в лабиринте фактов и событий и не имея возможности прийти к ясному пониманию и простому объяснению роли и влияния личности, он начинает их отрицать. Он предпочитает говорить нам о врожденных свойствах рас, физико-географических особенностях стра-

ны или же о духе цивилизации. Он сокращает объем своего труда, доставляя читателю большее удовлетворение при меньших затратах.

Господин де Лафайет в своих «Мемуарах» писал, что чрезмерное доверие к системе всеобщих причин — превосходное утешение для общественных деятелей средней руки. К этому я бы добавил, что оно в значительной мере утешает и посредственных историков. Оно всегда предоставляет в их распоряжение несколько весомых аргументов, которые позволяют им легко избежать решения самой трудной профессиональной задачи и, благоприятствуя их умственной слабости или лености, все же создают вокруг них ореол глубокомыслия.

Что касается меня, то я думаю, что в любую эпоху одну часть событий, происходящих в этом мире, следует относить к событиям весьма общего характера, а другую их часть — объяснять чрезвычайно конкретными, особыми причинами. Эти две категории причин всегда взаимосвязаны, меняется только их соотношение. Причины общего плана лучше и полнее, чем обстоятельства и воздействия частного порядка, объясняют положение дел в века демократии сравнительно с периодами аристократического правления. Во времена аристократии имеет место как раз противоположное: конкретные обстоятельства и влияния играют большую роль, а общие причины — меньшую, если, конечно, мы не рассматриваем в качестве всеобщей причины само неравенство общественного положения людей, которое позволяет отдельным личностям противодействовать естественным побуждениям всех остальных граждан.

Таким образом, историки, пытающиеся изображать жизнь демократического общества, правы в том, что они придают большое значение причинам общего плана и уделяют основное внимание их выявлению; однако они не правы в том, что

совершенно отрицают роль деятельности от дельных индивидуумов лишь потому, что ее значение трудно установить и проследить.

Историки, живущие в демократическое время, не только склонны объяснять всякое происшествие какой-либо глобальной причиной, но также чрезмерно расположены устанавливать взаимосвязи между фактами и создавать из них систему.

В века аристократии, когда все внимание историков обращено на личность и поступки индивидуумов, взаимосвязь между событиями ускользает от их взора, или, вернее, они заранее не верят в возможность существования подобной взаимосвязи. Им кажется, что каждый человек, появляясь на исторической сцене, рвет нить истории, нарушая ее ход.

В века демократии, напротив, видя значительно меньше выдающихся актеров, но значительно более насыщенное событиями действие, историк легко может установить родственные взаимосвязи между этими событиями и их строгую упорядоченность.

Античная письменность, оставившая нам столь превосходные исторические сочинения, не выдвинула ни одной крупной исторической системы, тогда как в самых незначительных современных литературах наблюдается их буквальное засилье. По-видимому, древние историки в недостаточной мере пользовались общими теориями, в то время как наши историки всегда близки к злоупотреблению ими.

Творчество историков, живущих в демократические времена, отмечено еще одной, более опасной особенностью.

Когда следы воздействия поведения индивидуумов на жизнь нации утрачены, часто бывает так, что мы видим движение мира, не видя движущих его сил. Поскольку установить и проанализировать причины, которые, воздействуя по отдельности на волю каждого гражданина, в результате приводят в движение весь народ, становится чрезвычайно трудно, нас начинает искушать мысль о том, что это движение вынужденное, что человеческое общество, само того не осознавая, подчиняется превосходящей его и господствующей над ним силе.

Даже предположение о земном характере всеобщей причины, управляющей индивидуальной волей каждого, не спасает человеческой свободы. Единая причина, достаточно всеобщая для того, чтобы разом воздействовать на миллионы людей, и достаточно могущественная, чтобы увлечь их всех в одном направлении, легко рисуется силой неодолимой; видя, как перед ней пасуют, вы готовы поверить в то, что ей невозможно противостоять.

Следовательно, историки, живущие при демократии, не только отказывают любым отдельным гражданам в возможности влиять на судьбу своего народа, но также отнима-

ют у самих народов способность изменять собственную участь, подчиняя их либо непреклонному провидению, либо своего рода слепой неизбежности. По их мнению, каждая нация имеет свою неизбежную судьбу, предопределяемую ее положением, происхождением, ее прошлым и врожденными особенностями, и эту судьбу никакие усилия не смогут изменить. Они представляют поколения в их неразрывной взаимосвязи и, восходя таким образом от века к веку, от одних неизбежных событий к другим неизбежным событиям, достигают времен сотворения мира и куют мощные цепи, связующие и опутывающие весь род людской.

Они не удовлетворяются поиском логики происходившего; им доставляет удовольствие их собственная способность убедить читателя в том, что ничего другого и не могло произойти. Рассматривая положение какой-либо нации, которая достигла определенной стадии своего исторического развития, они утверждают, что движение по этому пути носило вынужденный характер. Это легче, чем показывать, каким образом она могла бы избрать более достойный путь.

Когда вы читаете сочинения историков, живших при аристократии, и в особенности историков античных, вам кажется, что для того, чтобы стать властелином своей собственной судьбы и чтобы править себе подобными, человеку нужно было лишь научиться обуздывать самого себя. Когда вы просматриваете исторические труды, написанные в наше время, складывается впечатление, будто человек вообще ничего не может поделать ни с самим собой, ни со своим окружением. Историки древние обучали искусству самообладания, историки наших дней почти ничему, кроме покорности, не учат. В их сочинениях фигура автора часто обретает значительность, но само человечество — всегда ничтожно.

Если эта доктрина фатальной неизбежности, столь привлекательная для тех, кто пишет об истории во времена демократии, передаваясь от историков к читателям, проникнет таким образом во все слои народных масс и овладеет общественным сознанием, то можно предвидеть, что она вскоре парализует активность современного общества и превратит христиан в турок.

К этому я бы добавил, что подобная доктрина особенно

опасна для той эпохи, в которую мы живем: наши современники и так чересчур склонны сомневаться в реальности свободы воли, поскольку каждый чувствует свою слабость, ограничивающую его со всех сторон. Они, тем не менее, все еще охотно признают силу и независимость людей, представляющих собой общественно-политическое единство. Необходимо следить, чтобы эта идея не оказалась преданной забвению, ибо задача заключается в облагораживании человеческих душ, а не в их полном подавлении.

Глава XXI О ПАРЛАМЕНТСКОМ КРАСНОРЕЧИИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

В аристократическом государстве все люди взаимосвязаны и зависимы друг от друга; между ними всеми существует иерархическая связь, с помощью которой каждого можно удержать на его месте и все общество — в подчинении. Нечто аналогичное всегда можно встретить и в политических институтах, созданных аристократическими народами. Их партии естественным образом складываются из приверженцев определенных лидеров, которым они подчиняются безоговорочно, руководствуясь своего рода инстинктом — привычкой подчиняться, приобретенной ими в процессе усвоения жизненного опыта. В свои группировки они привносят нравы, господствующие во всем обществе.

В демократических странах часто бывает так, что большое число граждан идут к одной и той же цели; каждый из них шагает или по крайней мере думает, что шагает по своему собственному усмотрению. Привыкнув согласовывать свои действия лишь с собственными внутренними импульсами, люди с трудом подчиняются приказам извне. Эту любовь и привычку к независимости они сохраняют и заседая в национальных собраниях. Соглашаясь объединиться с другими людьми для достижения одной и той же цели, каждый из них хотел бы остаться независимым по крайней мере в выборе способа личного соучастия в общем деле.

Поэтому в демократических странах партии с такой нетерпимостью относятся к попыткам руководить ими и проявляют готовность подчиняться только тогда, когда опасность слишком велика. И даже в тех случаях, когда обстоятельства способствуют укреплению авторитета лидеров, их власть может быть достаточной для того, чтобы заставить членов партии

действовать и говорить соответствующим образом, но она почти никогда не бывает настолько сильной, чтобы заставить их замолчать.

У аристократических народов люди, принимающие участие в политических совещаниях, — представители все той же аристократии. Каждый из них имеет свое собственное привилегированное и устойчивое общественное положение, и место, занимаемое им в политических институтах, часто представляется ему самому менее важным, чем та роль, которую он играет в жизни своего края. Это утешает его в случае, если его голос вообще не оказывает влияния на ход обсуждения государственных дел, и охлаждает его пыл, когда он готов подыскивать для себя пусть даже малозаметную политическую должность.

В Америке же общественный вес депутата обычно определяется исключительно его положением в законодательных органах. Поэтому его беспрестанно мучит необходимость обретать вес и влияние, и он испытывает сильное желание по всякому поводу и без повода высказывать свои соображения.

Он старается быть на виду, побуждаемый не только собственным тщеславием, но и требованиями людей, отдавших за него свои голоса, а также необходимостью постоянно нравиться и угрожать им.

У аристократических народов депутат законодательного собрания редко испытывает непосредственную зависимость от своих избирателей; подчас они сами находятся в непосредственной зависимости от него, и, если они в конце концов отказывают ему в своем доверии, он легко может выставить собственную кандидатуру в другом месте или же, отказавшись от общественной деятельности, может посвятить себя уединенному досугу и вольной праздности, что тоже не лишено своей прелести.

В такой демократической стране, как Соединенные Штаты, доверие избирателей к депутату почти никогда не бывает постоянным. Сколь бы ни были малочисленны выборные органы власти, нестабильность демократического общества беспрестанно заставляет их менять свой состав. Доверие избирателей должно завоевываться постоянно. Депутат никогда не уверен в избирателях, и, если они отворачиваются от него, он тотчас же оказывается без всякой поддержки, ибо его общественное положение слишком скромно для того, чтобы его могли хорошо знать люди, не входящие в узкий круг родных и близких. И так как граждане живут в условиях полной независимости, он не может рассчитывать на то, что его друзьям или правительству без

особых хлопот удастся навязать его кандидатуру избирателям какого-нибудь округа, где его совсем не знают. Поэтому все завязи его судьбы формируются в том округе, который он представляет; именно на этом клочке земли он должен взойти, чтобы подняться до высот, позволяющих ему управлять целым народом и оказывать влияние на судьбы мира.

Таким образом, вполне естественно, что в демократических странах члены выборных политических институтов больше думают о своих избирателях, чем о своей партии, тогда как в аристократических государствах их больше занимают дела их партии, чем интересы избирателей.

Однако то, что от них хотят слышать их избиратели, не всегда совпадает с тем, что им следовало бы делать в интересах исповедуемых ими политических убеждений.

Общие цели той партии, членом которой является депутат, часто требуют от него молчания тогда, когда речь заходит о серьезных вопросах, в которых он плохо разбирается; требуют умеренности тогда, когда речь идет о частностях, способных затруднить осуществление важных мероприятий, и, наконец, чаще всего требуют от него полного молчания. Самую большую пользу общественности посредственный говорун может принести тем, что будет хранить молчание.

Однако избиратели к данному вопросу относятся совершенно иначе.

Население того или иного округа поручает определенному гражданскому лицу принимать участие в управлении государством потому, что оно очень высокого мнения о его достоинствах. Поскольку люди кажутся тем крупнее, чем ничтожнее окружающая их обстановка, имеются основания полагать, что избиратели составят тем более высокое мнение о своем избраннике, чем реже будут встречаться талантливые люди среди тех,

кого он представляет. Поэтому часто бывает так, что избиратели связывают со своим депутатом тем большие надежды, чем меньше от него следует чего-либо ожидать, и, как бы ни был он неспособен, они не упустят случая и будут требовать от него чрезвычайных усилий, соответствующих тому общественному положению, которое он приобрел благодаря им.

Избиратели в своем представителе видят не только депутата законодательного органа всего государства, но и защитника интересов округа в законодательном собрании; они даже склонны рассматривать его в качестве доверенного лица своих

избирателей и льстят себя надеждой, что он с равным рвением будет отстаивать и интересы всей страны, и их частные интересы.

Поэтому избиратели заранее уверены в том, что депутат, которого они выберут, будет превосходным оратором, что он будет выступать по возможности часто, а в случае, если он будет вынужден воздерживаться от выступлений, он сумеет, по крайней мере в своих редких речах, дать анализ всех важнейших государственных дел и вместе с тем изложить все их собственные мелочные претензии и жалобы и сделает это так, что вместо постоянных словоизлияний он будет время от времени лаконично высказывать все свои взгляды и требования избирателей, подавая их в виде своего рода блестящих и полных резюме. Только на этих условиях они обещают голосовать за него в следующий раз.

Это доводит до отчаяния честных людей, которые, сознавая свою посредственность, не стали бы сами себя выставлять напоказ. Побуждаемый таким образом депутат, к великому огорчению друзей, просит слова и, безрассудно врываясь в круг самых прославленных ораторов, запутывает ход прений и докучает собранию.

Все законы, которые усиливают зависимость избранного лица от избирателей, оказывают влияние не только на поведение законодателей, как уже было отмечено, но и на их язык. Они одновременно воздействуют и на ход дел, и на манеру ведения дебатов.

Едва ли найдется конгрессмен, который согласится вернуться к родному очагу прежде, чем выступит хотя бы с одной речью, и который позволит прервать свое выступление прежде, чем выскажет в нем все то, что он может сказать во благо всех двадцати четырех соединенных штатов и в особенности для пользы представляемого им округа. Таким образом, он выставляет на суд своих слушателей, сам того не осознавая, а потому очень путано, великие общие истины, перемежая их мелкими частными фактами, найти и изложить которые ему стоит немалого труда Соответственно, очень часто бывает так, что дебаты, происходящие в этом представительном собрании, приобретают неопределенный, запутанный характер, и кажется, что они не столько идут, сколько тащатся, едва волоча ноги, по направлению к намеченной цели.

Я думаю, что нечто подобное всегда должно происходить в демократических собраниях общественности.

Сочетание благоприятных обстоятельств и хороших законов могло бы способствовать привлечению в законодательные собрания демократического государства людей куда более достойных, чем те, кого американцы посылают в конгресс; однако

ничто не может воспрепятствовать посредственным личностям, оказавшимся там, с готовностью то и дело выставлять себя напоказ.

Полагаю, что от этого зла вряд ли можно избавиться полностью, так как оно зависит не только от регламента проведения заседаний, но и от состава конгресса и от конституции страны.

Сами жители Соединенных Штатов, по-видимому, именно с этой точки зрения смотрят на сей предмет, ибо продолжительный опыт работы их парламентской системы свидетельствует о том, что они не прерывают выступлений плохих ораторов, но мужественно подчиняются необходимости их выслушивать. Они смиряются с ними, как со злом, которое на основании своего опыта они признают неизбежным.

Мы показали недостатки политической жизни при демократии; рассмотрим теперь ее достоинства.

То, что происходило в английском парламенте в течение ста пятидесяти лет, никогда не производило никакого шума за пределами страны; идеи и чувства, выражавшиеся английскими ораторами, не вызывали особых симпатий даже у народов, живущих по соседству с великим театром британской свободы, тогда как уже самые первые дебаты, состоявшиеся в крохотных ассамблеях североамериканских колоний в эпоху революции, взволновали Европу.

Это вызывалось не только случайным стечением конкретных обстоятельств, но и причинами общего, долговременного характера.

Я не представляю себе ничего более великолепного и впечатляющего, чем выступление великого оратора, обсуждающего важнейшие вопросы с трибуны подлинно демократической ассамблеи. Поскольку никакой определенный класс никогда не представлен здесь людьми, обязанными охранять его узкоклассовые интересы, оратор всегда обращается ко всей нации и от имени всего народа в целом. Это облагораживает образ его мысли, придает особую силу и яркость его языку.

Поскольку прецеденты теряют свою силу, а привилегии не связаны более с определенными видами собственности, лишая определенные институты и конкретных людей их наследственных прав, обсуждение любого вопроса, занимающего внимание общественности, неизбежно возвращается к различного рода общим представлениям, свойственным самой природе человека

По этой причине политические дискуссии демократического народа, сколь бы незначительных проблем они ни касались, обретают свойство всеобщности, часто привлекающее к себе интерес всего человечества. Всякий человек интересуется этими дискуссиями потому, что речь в них идет о человеке, природа которого повсюду едина.

Напротив, у самых великих аристократических народов вопросы наиболее общего характера всегда обсуждаются с помощью каких-либо конкретных аргументов, заимствованных из практики данной исторической эпохи или же обусловленных правами какого-то одного класса; в результате они представляют интерес только для того класса, о котором идет речь, или же, в лучшем случае, для того народа, в недрах которого сложился данный класс.

Эта причина наряду с величием французской нации и благосклонностью к ней других народов способствует тому, что наши политические дискуссии подчас производят на мир столь глубокое впечатление.

Наши ораторы часто обращаются ко всем людям даже тогда, когда их речи специально предназначены для своих сограждан.

Часть вторая ВЛИЯНИЕ ДЕМОКРАТИИ НА ЧУВСТВА АМЕРИКАНЦЕВ

Глава I ПОЧЕМУ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ НАРОДЫ С БОЛЬШИМ ПЫЛОМ И ПОСТОЯНСТВОМ ЛЮБЯТ РАВЕНСТВО, ЧЕМ СВОБОДУ

Едва ли есть надобность говорить, что из всех чувств, порождаемых в обществе равенством условий, самым главным и самым сильным является любовь к этому самому равенству. Поэтому не следует удивляться тому, что я говорю о ней в первую очередь.

Все заметили, что в наше время и особенно во Франции это стремление к равенству с каждым днем все более захватывает человеческие сердца. Сотни раз уже говорилось, что наши современники с куда большей страстностью и постоянством влюблены в равенство, чем в свободу; однако я не считаю, что причины данного обстоятельства выявлены с достаточной полнотой. Попытаюсь сделать это.

Вполне возможно представить себе ту крайнюю точку, в которой свобода и равенство пересекаются и совмещаются.

Предположим, что все граждане соучаствуют в управлении государством и что каждый имеет совершенно равное право принимать в этом участие.

В этом случае никто не будет отличаться от себе подобных и ни один человек не сможет обладать тиранической властью; люди будут совершенно свободны, потому что они будут полностью равны, и они будут совершенно равны, потому что будут полностью свободны. Именно к этому идеалу стремятся демократические народы.

Такова самая полная форма равенства, которая только может быть установлена на земле; существуют, однако, тысячи других форм, которые, не будучи столь же совершенными, едва ли менее дороги этим народам.

Равенство может быть установлено для гражданского общества, не распространяясь на сферу политической жизни страны. Каждый может иметь право предаваться одним и тем же радостям жизни, выбирать любую профессию, иметь доступ в любые общественные собрания — словом, вести одинаковый со всеми образ жизни и добиваться материального благосостояния одними и теми же средствами без того, чтобы все принимали участие в управлении государством.

Определенного рода равенство может установиться в политической жизни даже при полном отсутствии политической свободы. Индивидуум может быть равен со всеми остальными людьми, за исключением одного-единственного человека, который, безраздельно господствуя над всеми, способен без всякого различия набирать из них исполнителей своей власти.

Без труда можно было бы предложить множество других гипотетических построений, в которых весьма значительная степень равенства способна легко сочетаться с наличием более или менее свободных политических институтов или даже с институтами, совсем лишенными свободы.

Хотя люди, не будучи совершенно свободными, не могут быть абсолютно равными и хотя, соответственно, равенство в своем крайнем выражении совпадает со свободой, имеется тем не менее веское основание видеть различие между этими двумя понятиями.

371

Любовь людей к свободе и та склонность, которую они испытывают к равенству в реальной жизни, — совершенно разные чувства, и я осмелюсь добавить, что у демократических народов эти чувства не равны по силе и значению.

При внимательном рассмотрении можно увидеть, что каждый век отмечен одной своеобразной чертой, с которой связаны остальные его особенности; эта черта почти всегда порождает основополагающую идею или же господствующую страсть века, которая в конечном счете притягивает к себе и увлекает своим течением все человеческие чувства и все идеи подобно тому, как большая река притягивает к себе всякий бегущий поблизости ручей.

Свобода являла себя людям в разные времена и в разных формах; она не связана исключительно с какой-либо одной формой социального устройства и встречается не только в демократических государствах. Поэтому она не может представлять собой отличительной черты демократической эпохи.

Той особенной, исключительной чертой, отличающей данную эпоху от предшествовавших, является равенство условий существования; господствующей страстью, движущей сердцами людей в такие времена, выступает любовь к этому равенству.

Не спрашивайте, какую такую прелесть демократические народы видят в том, что все их граждане живут одинаково, не спрашивайте и об особых причинах, которые могут объяснять их столь упорную привязанность именно к равенству в числе всех благ, предоставляемых им обществом: равенство выступает

отличительным признаком их эпохи. Этого вполне достаточно для объяснения того предпочтения, которое они оказывают равенству.

Независимо от названной причины, однако, существует множество других мотивов, которые во все времена по обыкновению заставляли людей предпочитать равенство свободе.

Если какой-либо народ мог самостоятельно уничтожить у себя или хотя бы ослабить господство равенства, он достигал этого лишь в результате долгих и мучительных усилий. Для этого ему необходимо было изменить свое социальное устройство, отменить свои законы, трансформировать обычаи и нравы. Политическую свободу, напротив, надо все время крепко держать в руках: достаточно ослабить хватку, и она ускользает.

Таким образом, люди цепко держатся за равенство не только потому, что оно им дорого; они привязаны к нему еще и потому, что верят в его неизбывность.

Самые ограниченные и легкомысленные люди осознают, что чрезмерная политическая свобода способна подвергнуть опасности спокойствие, наследственное имущество и жизнь индивидуумов. Напротив, только чрезвычайно внимательные и проницательные люди замечают ту опасность для нас, которую таит в себе равенство, и, как правило, они уклоняются от обязанности предупреждать окружающих об этой угрозе. Они знают, что те несчастья, которых они опасаются, еще весьма далеки, и тешат себя надеждой, что эти беды выпадут лишь на долю грядущих поколений, до которых нынешнему поколению мало дела. То зло, которое приносит с собой свобода, подчас проявляется незамедлительно; негативные стороны свободы видны всем, и все более или менее остро их ощущают. То зло, которое может произвести крайняя степень равенства, обнаруживает себя постепенно; оно понемногу проникает в ткани общественного организма; оно замечается лишь изредка, и в тот момент, когда оно становится особо разрушительным, привычка к нему уже оставляет людей бесчувственными.

То добро, что приносит с собой свобода, обнаруживается лишь долгое время спустя, и поэтому всегда легко ошибиться в причинах, породивших благо.

Преимущества равенства ощущаются незамедлительно, и ежедневно можно наблюдать тот источник, из которого они проистекают.

Политическая свобода время от времени дарует высокое наслаждение ограниченному числу граждан.

Равенство ежедневно наделяет каждого человека массой мелких радостей. Привлекательность равенства ощущается

постоянно и действует на всякого; его чарам поддаются самые благородные сердца, и души самые низменные с восторгом предаются его наслаждениям. Таким образом, страсть, возбуждаемая равенством, одновременно является и сильной, и всеобщей.

Люди не могут пользоваться политической свободой, не оплачивая ее какими-либо жертвами, и они никогда не овладевают ею без больших усилий. Радости же, доставля-

емые равенством, не требуют ни жертв, ни усилий — их порождает всякое незначительное событие частной жизни, и, чтобы наслаждаться ими, человеку надо просто жить.

Демократические народы всегда с любовью относятся к равенству, однако бывают периоды, когда они доводят эту любовь до исступления. Это случается тогда, когда старая общественная иерархия, долго расшатываемая, окончательно разрушается в результате последних яростных междуусобных схваток и когда барьеры, разделявшие граждан, наконец-то оказываются опрокинутыми. В такие времена люди набрасываются на равенство, как на добычу, и дорожат им, как драгоценностью, которую у них могут похитить. Страсть к равенству проникает во все уголки человеческого сердца, переполняя его и завладевая им целиком. Бесполезно объяснять людям, что, слепо отдаваясь одной исключительной страсти, они ставят под угрозу свои самые жизненно важные интересы: люди остаются глухими. Бесполезно доказывать людям, что, пока они смотрят в другую сторону, они теряют свободу, которая ускользает прямо из их рук: они остаются слепыми или, скорее, способными видеть во всей вселенной лишь один-единственный предмет своих вожделений.

Все вышеизложенное относится ко всем демократическим нациям. То, о чем речь пойдет ниже, имеет отношение только к нам самим — к французам.

У большей части современных наций, и особенно у народов континентальной Европы, стремление к свободе и сама идея свободы стали зарождаться и развиваться лишь с того времени, когда условия существования людей начали уравниваться — как следствие этого самого равенства. И именно абсолютные монархи более всего для этого потрудились, выравнивая чины и сословия среди своих подданных. В истории этих народов равенство предшествовало свободе; таким образом, равенство было уже явлением давним, тогда как свобода была еще явлением новым. Равенство уже создало приемлемые для себя убеждения, обычаи и законы, в то время как свобода впервые в полном одиночестве

вышла на авансцену при ясном свете дня. Следовательно, свобода существовала лишь в виде идеи и внутренней склонности, когда равенство уже вошло в обычаи народов, овладело их нравами и придало особое направление самой заурядной жизнедеятельности людей. Следует ли удивляться тому, что наши современники предпочитают равенство свободе?

Я думаю, что демократические народы испытывают естественное стремление к свободе; будучи предоставленными самим себе, они ее ищут, любят и болезненно переживают ее утрату. Однако равенство вызывает в них страсть, пылкую, неутолимую, непреходящую и необоримую; они жаждут равенства в свободе, и, если она им не доступна, они хотят равенства хотя бы в рабстве. Они вынесут бедность, порабощение, разгул варварства, но не потерпят аристократии.

Это справедливо для всех времен и особенно для наших дней. Какие бы люди и какие бы власти ни захотели восстать против этой непобедимой силы, они будут опрокинуты и уничтожены ею. В наше время свобода не может возобладать без ее поддержки, и даже деспоты не смогут господствовать, не опираясь на нее.

Глава II ОБ ИНДИВИДУАЛИЗМЕ В ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Я показал, каким образом в века равенства каждый человек в самом себе обнаруживает источники своих убеждений; теперь мне хотелось бы показать, каким образом он направляет все свои чувства на свою собственную личность.

Слово «индивидуализм» появилось совсем недавно для выражения новой идеи. Наши отцы имели представление только об эгоизме.

Эгоизм — это страстная, чрезмерная любовь к самому себе, заставляющая человека относиться ко всему на свете лишь с точки зрения личных интересов и предпочитать себя всем остальным людям.

Индивидуализм — это взвешенное, спокойное чувство, побуждающее каждого гражданина изолировать себя от массы себе подобных и замыкаться в узком семейном и дружеском круге. Создав для себя, таким образом, маленькое общество, человек охотно перестает тревожиться обо всем обществе в целом.

Эгоизм порождается слепым инстинктом; индивидуализм скорее проистекает от ошибочности суждения, чем от испорченности чувства Его причина кроется как в слабости

разума, так и в пороках сердца.

Эгоизм иссушает зародыши всех человеческих добродетелей, тогда как индивидуализм поначалу поражает только ростки добродетелей общественного характера; однако с течением длительного времени он поражает и убивает и все остальные и в конечном счете сам превращается в эгоизм.

Эгоизм — это древний, как сам мир, порок. Он в равной мере свойствен любой форме общественного устройства.

Индивидуализм имеет собственно демократическое происхождение и угрожает тем, что будет усиливаться по мере выравнивания условий существования людей.

У аристократических народов семьи в течение столетий сохраняют свое положение и часто даже живут на одном и том же месте. Благодаря этому все поколения как бы сосуществуют одновременно, становятся, если так можно выразиться, современниками друг друга Любой человек почти всегда знает и уважает своих предков; он думает о судьбе своих правнуков и любит их. Он с готовностью исполняет свой долг как по отношению к предшественникам, так и по отношению к наследникам, и ему часто приходится жертвовать личными удобствами во имя людей, которых уже нет или которых еще нет на свете.

Кроме того, аристократические институты заставляют каждого человека иметь тесные отношения с множеством своих сограждан.

Поскольку в аристократическом государстве классы четко отделены друг от друга и устойчивы, каждый класс в глазах своих представителей играет роль своего рода малой родины — понятия более конкретного и близкого, чем понятие отечества в целом.

Так как в аристократическом обществе положение каждого человека строго определено по отношению к тем, кто выше его и кто ниже, у всякого имеется некто, стоящий над ним, в чьем покровительстве он нуждается, и некто, находящийся ниже его самого, от кого он может потребовать сотрудничества

Люди, живущие в аристократические века, следовательно, почти всегда самым тесным образом связаны с событиями и людьми, находящимися за пределами их частной жизни, и поэтому каждый из них часто предрасположен забывать о самом себе. Правда, в эти века общее понятие человека как такового не имеет определенного содержания и люди едва ли думают о том, чтобы посвятить свою жизнь всему человечеству, однако они часто жертвуют собой ради конкретных людей.

В демократические века, напротив, обязанности каждого

индивидуума перед всем человечеством осознаются значительно яснее, но служение конкретному человеку встречается много реже: чувства, влекущие людей друг к другу, становятся более всеобъемлющими и узы, связующие их, не столь крепки.

У демократических народов новые семейства беспрестанно появляются из небытия, а прежние беспрестанно исчезают, и положение всех живущих постоянно изменяется; связующая нить времен ежеминутно рвется, и следы, оставляемые предшествующими поколениями, стираются. Люди легко забывают тех, кто жил до них, и никто не думает о тех, кто будет жить после них. Их интересуют только современники.

По мере того как каждое сословие сближается и смешивается с остальными, люди, принадлежащие к одному и тому же классу, становятся равнодушными и чужими друг другу. Аристократическое устройство представляло собой цепь, связывавшую между собой по восходящей крестьянина и короля; демократия разбивает эту цепь и рассыпает ее звенья по отдельности.

Чем более уравниваются социальные условия существования, тем больше встречается в обществе людей, которые, не имея достаточно богатства или власти, чтобы оказывать значительное влияние на определенную часть себе подобных, тем не менее приобрели или сохранили достаточный запас знаний и материальных средств, чтобы ни от кого не зависеть. Такие люди никому ничего не должны и ничего ни от кого не ждут; они привыкли всегда думать самостоятельно о самих себе и склонны полагать, будто их судьба полностью находится в их собственных руках.

Таким образом, демократия не только заставляет каждого человека забывать своих предков, но отгоняет мысли о потомках и отгораживает его от современников; она посто-

янно принуждает его думать лишь о самом себе, угрожая в конечном счете заточить его в уединенную пустоту собственного сердца.

Глава III В ЧЕМ ПРИЧИНА ТОГО, ЧТО В КОНЦЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ИНДИВИДУАЛИЗМ ПРОЯВЛЯЕТСЯ ЗНАЧИТЕЛЬНО СИЛЬНЕЕ, ЧЕМ В ЛЮБУЮ ДРУГУЮ ЭПОХУ

Как раз в тот момент, когда демократическое общество завершает свое формирование на обломках аристократии, эта

самая изолированность людей друг от друга и порождаемый ею эгоизм особенно изумляют наблюдательные взоры.

Такое общество не просто состоит из большого количества независимых граждан, их число ежедневно пополняется за счет людей, лишь недавно обретших свободу и опьяненных своей новой властью. Этим последним свойственна самонадеянная вера в свои силы, и они, полагая, что отныне им уже никогда не понадобится помощь окружающих, без стеснения демонстрируют свое желание думать только о самих себе.

Аристократия обычно не уступает своих прав без длительной борьбы, во время которой между различными классами вспыхивает огонь непримиримой ненависти. Такие чувства сохраняются и после победы, и их проявления можно наблюдать в обстановке последующей демократической сумятицы.

Те из граждан, которые согласно уничтоженной иерархии были в числе первых, не могут сразу же забыть о своем прежнем величии; в течение долгого времени они чувствуют себя чужими в новом обществе. Всех людей, объявленных им ровней, они считают угнетателями, судьба которых не может вызывать у них сочувствия; они потеряли из виду своих бывших собратьев по классу и не чувствуют себя более связанными с ними общими интересами; каждый из них, удалившись от дел, считает, что ему, стало быть, не остается ничего другого, кроме как заниматься собой. Напротив, те, кто в прежние времена занимал нижние ступени социальной лестницы и кого революция вдруг подняла до среднего уровня, не могут пользоваться своей недавно обретенной свободой без чувства тайного беспокойства; когда они случайно встречаются с кем-нибудь из своих бывших господ, они бросают на него взгляды, полные торжества и страха, и избегают общения.

Следовательно, как правило, именно в период зарождения демократического общества граждане проявляют особую склонность к разобщенности.

Демократия не побуждает людей сближаться с себе подобными, а демократические революции заставляют их сторониться друг друга и увековечивают в недрах самого равенства чувство ненависти, порожденное неравенством.

У американцев имеется то огромное преимущество, что они достигли демократии, не испытав демократических революций, и что они не добивались равенства, а были равными с рождения.

Глава IV КАК АМЕРИКАНЦЫ БОРЮТСЯ ПРОТИВ ИНДИВИДУАЛИЗМА С ПОМОЩЬЮ СВОБОДНЫХ ИНСТИТУТОВ

Деспотизм, который по своей природе всегда трусливо подозрителен, видит в разобщенности людей самый верный залог собственной прочности и, как правило, все свои усилия нацеливает на то, чтобы людей разобщить. Из всех пороков человеческого сердца самый подходящий для него — порок эгоизма: тиран легко прощает своим подданным отсутствие любви к нему, лишь бы при этом они не любили друг друга Он не требует от них помощи в управлении государством; довольно и того, что они сами не претендуют на управление им. Он называет «крикливыми и беспокойными» тех людей, которые пытаются объединить свои силы во имя общего процветания, и, извращая значение слов, объявляет «хорошими гражданами» тех, кто думает только о самих себе.

375

Таким образом, деспотизм порождает как раз те пороки, развитию которых благоприятствует также и равенство. Эти два явления роковым образом дополняют и поддерживают друг друга.

Равенство расставляет всех людей в одну шеренгу, не порождая никакой взаимосвязи между ними. Деспотизм возводит между ними разделительные барьеры. Равенство побуждает их не заботиться об окружающих, а деспотизм объявляет равнодушие гражданской добродетелью.

Следовательно, хотя угроза деспотизма существует всегда, он особенно опасен в века демократии.

Вполне ясно, что именно в эти века люди особенно нуждаются в свободе.

Когда граждане вынуждены заниматься общественными делами, они непременно отвлекаются от своих личных интересов и время от времени отрываются от самосозерцания.

Как только общественные дела начинают решаться общими усилиями, каждый человек приходит к пониманию, что он не столь независим от себе подобных, как он это представлял себе прежде, и что для того, чтобы обеспечить себе поддержку окружающих, он сам должен оказывать им содействие.

Когда государством правит общественное мнение, все люди сознают ценность общественного признания и каждый пытается добиться его, стараясь обрести уважение и привязанность тех людей, среди которых он должен жить.

Многие из страстей, очерствляющие сердца и разобщающие людей, обязаны, таким образом, отступать и прятаться в глубине души. Гордыня маскируется; презрительность не смеет даже высунуться на свет божий. Эгоизм страшится самого себя.

При свободном правлении назначение на большую часть

государственных должностей производится выборным путем, и поэтому тем людям, которым благородство души или беспокойство желаний не дают замкнуться в узких рамках частной жизни, ежедневно приходится ощущать и осознавать, что они не могут обойтись без окружающего их населения.

Оттого бывает, что человек, своим честолюбием побуждаемый думать о себе подобных, находит, что ему некоторым образом выгодно забывать обо всех интригах, порождаемых выборами, о предосудительных средствах, которыми нередко пользуются кандидаты, и о той клевете, которую распространяют их противники. Выборы возбуждают ненависть, и чем чаще они проводятся, тем больше возможностей для ее проявления.

Это зло, без сомнения, велико, но оно носит преходящий характер, тогда как положительное воздействие выборов сохраняется надолго.

Страстное желание быть избранным может на некоторое время настроить отдельных людей на воинственный лад; однако то же самое желание почти постоянно заставляет всех людей оказывать поддержку друг другу; и, если случается так, что соперничество на выборах рассоривает двух друзей, выборная система прочно объединяет между собой великое множество граждан, которые без нее всегда оставались бы чужими друг для друга Свобода создает некоторые ситуации, возбуждающие чувство ненависти, но деспотизм порождает всеобщее безразличие.

Американцы боролись с индивидуализмом, вызывавшимся равенством, с помощью свободы и победили его.

Законодатели Америки не считали, что предоставление всей нации одного выборного органа само по себе — средство вполне достаточное, чтобы противодействовать столь зловещему и столь естественному для общественного организма заболеванию демократических времен; они полагали, что помимо этого каждой территории следует дать возможность жить своей собственной политической жизнью, с тем чтобы граждане получили неограниченное количество стимулов действовать сообща и ежедневно бы ощущали свою зависимость друг от друга.

Это были мудрые решения.

Общие дела страны находятся только в ведении граждан, занимающих в ней руководящее положение. Они лишь изредка собираются вместе, и, как это часто бывает, разъезжаясь и теряя друг друга из виду, не устанавливают между собой прочных связей. Однако, когда речь идет об управлении конкретными делами какого-либо округа, находящимися в руках живущих в

нем людей, одни и те же личности всегда контактируют

между собой и оказываются некоторым образом вынуждены знакомиться и уживаться друг с другом.

Человека трудно заставить бросить свои дела и действовать в интересах будущего всего государства, ибо он слабо представляет себе то влияние, которое судьба государства может оказать на его собственную участь. Если же речь идет, например, о строительстве дороги рядом с его земельным наделом, он с первого взгляда увидит прямую зависимость между этим незначительным общественным мероприятием и значительно более важными для него личными делами, а также без подсказки обнаружит тесную связь, соединяющую здесь частные интересы с интересами общими.

Следовательно, гораздо большего можно достичь, поручая гражданам заниматься конкретными текущими делами, нежели предоставив им возможность решать глобальные вопросы, с целью заинтересовать их проблемами общего блага и в этой связи заставить их постоянно ощущать потребность друг в друге.

Благосклонность народа можно разом завоевать каким-либо выдающимся поступком; однако для того, чтобы заслужить любовь и уважение окружающих, необходима прочная репутация всегда доброжелательного, бескорыстного человека, готового постоянно оказывать людям маленькие услуги и делать неприметные добрые дела.

Таким образом, местное самоуправление и политическая свобода, побуждающие многих граждан высоко ценить отношение к ним соседей и близких, беспрестанно заставляет людей, несмотря на разобщающие их инстинкты, общаться и помогать друг другу.

В Соединенных Штатах самые богатые граждане весьма озабочены тем, чтобы не оказаться изолированными от народа; напротив, они постоянно поддерживают с ним общение, каждый день охотно выслушивая любого человека и беседуя с ним. Они знают, что при демократии богатые всегда нуждаются в бедных и что в демократические времена бедных легче привлечь к себе хорошим отношением, нежели благодеяниями. Ибо сама значительность благодеяний, подчеркивающая различие положений, вызывает у тех, кто ими пользуется, тайное раздражение, тогда как простые манеры производят неотразимое впечатление: любезность почти всегда привлекает к себе людей и даже простоватая вульгарность манер не всегда отталкивает.

Богатые люди отнюдь не сразу сумели понять и оценить эту

истину. Обычно они сопротивляются ей в течение всего того времени, пока идет демократическая революция, и даже после ее победоносного завершения они не сразу с ней примиряются. Они охотно соглашаются заботиться о благе народа, но упорно хотят держаться от него на расстоянии. Они считают, что этого достаточно, и очень глубоко заблуждаются. Поступая подобным образом, они могут разориться, не вызвав никакого сочувствия в сердцах окружающих их людей. Народ не требует от них финансовых пожертвований, он хочет, чтобы они поступились своей гордыней.

Может показаться, что в Соединенных Штатах все силы человеческого воображения расходуются на изобретения средств приумножения богатства и удовлетворения общественных потребностей. Самые светлые головы каждого региона беспрестанно направляют свои знания на поиски новых секретов, способных улучшить всеобщее благосостояние, и, открывая какой-нибудь из них, они спешно передают его толпе.

Рассматривая вблизи пороки и слабости, свойственные многим из людей, управляющих Америкой, можно прийти в изумление, узнав, что богатство народа растет. Подобное изумление совершенно неуместно. Процветание американской демократии обеспечивается отнюдь не выборными должностными лицами; оно обеспечивается тем, что эти лица назначаются выборным путем.

Было бы неверно считать, что патриотизм американцев и то рвение, с которым каждый из них способствует благосостоянию своих сограждан, не имеет под собой никакого реального основания. Хотя личный интерес в Соединенных Штатах, как и в любом другом месте, обусловливает большую часть практической деятельности людей, он, однако, не регулирует всю их жизнь.

Я часто видел, как американцы шли на действительно серьезные жертвы ради общего дела, и я сотни раз наблюдал, как в критические моменты они оказывали друг другу надежную поддержку.

Свободные институты, имеющиеся в распоряжении жителей Соединенных Штатов, и те политические права, которыми они столь часто пользуются, беспрестанно тысячей

самых разных способов напоминают каждому гражданину о том, что он живет в обществе. Они ежеминутно возвращают его к мысли, что быть полезным для окружающих — долг человека, вполне отвечающий его собственным интересам, и, так как у него не имеется никакой особой причины ненавидеть окружающих,

ибо он не является ни их рабом, ни их господином, он без особых усилий начинает испытывать к ним чувство сердечной доброжелательности. Сначала он служит общим интересам по необходимости, а затем уже руководствуясь сознательным выбором; расчетливость превращается в инстинктивное побуждение, и, столь много работая на благо своих сограждан, он, в конце концов, обретает привычку и склонность к служению им.

Во Франции очень многие люди считают, что равенство условий существования — важнейшее из зол, которому лишь немногим уступает политическая свобода И если уж здесь вынуждены подчиняться одному из них, то по крайней мере всеми силами пытаются избежать другого. Что касается лично меня, то я утверждаю, что есть только одно эффективное средство борьбы против того зла, которое может быть порождено равенством. Это средство — политическая свобода.

Глава V О РОЛИ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ АМЕРИКАНЦЕВ

Я не намерен говорить о тех политических объединениях и организациях, с помощью которых люди пытаются защитить себя от деспотизма большинства или же от незаконных посягательств королевской власти. Мы уже обсуждали этот предмет. Ясно, что, поскольку каждый гражданин становится сам по себе менее могущественным и менее способным в одиночку сохранить свою свободу, опасность тирании с наступлением равенства возрастает, если граждане не найдут какого-либо способа сплачиваться для защиты своей свободы. В данном же случае речь идет только о тех объединениях и ассоциациях, которые складываются в общественной жизни и не ставят перед собой никаких политических целей.

Политические объединения составляют лишь очень незначительную часть из того огромного количества разного рода ассоциаций, что существуют в Соединенных Штатах.

Американцы самых различных возрастов, положений и склонностей беспрестанно объединяются в разные союзы. Это не только объединения коммерческого или производственного характера, в которых они все без исключения участвуют, но и тысяча других разновидностей: религиозно-нравственные общества, объединения серьезные и пустяковые, общедоступные и замкнутые, многолюдные и насчитывающие всего несколько человек. Американцы объединяются в комитеты для того, чтобы организовывать празднества, основывать школы, строить гостиницы, столовые, церковные здания, распространять книги,

посылать миссионеров на другой край света. Таким образом они возводят больницы, тюрьмы, школы. Идет ли, наконец, речь о том, чтобы проливать свет на истину, или о том, чтобы воспитывать чувства, опираясь на великие примеры, они объединяются в ассоциации. И всегда там, где во Франции во главе всякого нового начинания вы видите представителя правительства, а в Англии — представителя знати, будьте уверены, что в Соединенных Штатах вы увидите какой-нибудь комитет.

В Америке мне встречались такие ассоциации, о возможности существования которых, признаюсь, я не имел ни малейшего представления, и я часто восхищался той бесконечной изобретательностью, с которой жители Соединенных Штатов умеют внушать общую цель большому числу людей, добиваясь от них поддержки и готовности добровольно идти к ней.

Впоследствии я путешествовал по Англии, у которой американцы заимствовали коекакие из своих законов и многие из обычаев, и мне показалось, что англичане далеко не постоянно и не столь искусно пользуются правом создания ассоциаций.

Часто бывает так, что англичане, рассчитывая только на свои собственные силы, добиваются очень значительных результатов, тогда как для американцев нет предприятия столь ничтожного, чтобы они не могли вокруг него объединиться. Очевидно, что первые рассматривают ассоциацию как могучее средство коллективного действия, в то

время как вторые относятся к ней как к единственно возможному образу действия вообще.

Таким образом, самой демократической страной в мире является та из стран, где в наши дни люди достигли наивысшего совершенства в искусстве сообща добиваться цели, отвечающей их общим желаниям, и чаще других применять этот новый метод коллективного действия. Случайна ли эта зависимость или же между ассоциациями и равенством действительно существует непременная взаимосвязь?

Внутри аристократических обществ, состоящих в основном из массы индивидуумов, не имеющих никакой возможности действовать самостоятельно, всегда есть небольшое число очень могущественных и очень богатых граждан, каждый из которых может вершить большие дела.

В аристократических обществах людям нет никакой необходимости объединяться для действия, поскольку они и без того прочно объединены.

Каждый богатый и влиятельный гражданин играет роль своего рода главы устойчивой ассоциации принудительного характера, куда входят все те люди, которых он заставляет соучаствовать в исполнении своих замыслов.

У демократических народов, напротив, все граждане независимы и слабы; они почти ни на что не способны поодиночке, и никто из них не может обязать окружающих оказывать ему содействие. Все они были бы беспомощными, если бы не научились добровольно помогать друг другу.

Если бы люди, живущие в демократических странах, не имели права или готовности объединяться в политических целях, их независимость подвергалась бы великой опасности, но они еще долгое время могли бы сохранять свои богатства и знания; если же они не приобрели бы привычки объединяться в повседневной жизни, под угрозой оказалась бы сама цивилизация. Народ, в котором отдельная личность теряет возможность самостоятельно вести крупные дела, не приобретая при этом способности вести их сообща, вскоре вернется к варварству.

К сожалению, то же самое общественное устройство, вызывающее у демократических народов, с одной стороны, столь настоятельную потребность создавать объединения и ассоциации, с другой — обусловливает такое положение, что создание этих объединений дается им труднее, чем всем другим народам.

Когда несколько аристократов выражают желание создать какое-нибудь сообщество, это не составляет для них никакой сложности. Поскольку каждый из них обладает солидным общественным весом, число членов этого влиятельного объединения может быть небольшим, и, так как их немного, им легко всем познакомиться, научиться понимать друг друга и установить четкие правила.

В демократических странах не имеется столь же благоприятных условий; здесь всегда объединение, для того чтобы иметь какую-нибудь силу, должно насчитывать очень большое число участников.

Я знаю, что многих из моих современников данное обстоятельство не смущает. Чтобы общество могло справляться с задачами, непосильными более для отдельных личностей, утверждают они, правительство должно становиться все более действенным и активным по мере того, как граждане будут впадать в бессилие и беспомощность. Они полагают, что, заявляя это, они решают все проблемы. Я думаю, однако, что они заблуждаются.

Правительство могло бы возложить на себя обязанности некоторых самых крупных американских ассоциаций, и в

отдельных штатах такая попытка уже предпринималась. Однако какая политическая власть когда-либо станет способной достаточно эффективно справляться со всей той массой бесчисленных мелких дел, которая ежедневно выполняется американскими гражданами с помощью союзов и объединений?

Легко предсказать, что приближается такое время, когда человек в одиночку будет все менее способен создавать для себя самые простые и жизненно необходимые условия существования. Задача государственной власти, таким образом, будет беспрестанно усложняться, и сами усилия власти, направленные на то, чтобы справиться с этой задачей, день ото дня будут все более расширять ее полномочия. Чем больше власть станет подменять собой ассоциации, тем больше частные лица, забывая о возможности объединенных действий, будут испытывать потребность в помощи со стороны этой власти — таков порочный круг беспрерывно порождающих друг друга причин и следствий. Должна ли,

наконец, государственная администрация брать на себя управление всей той промышленностью, с которой не под силу справляться отдельным гражданам? И если в конце концов наступит такой момент, когда вследствие чрезмерного деления земельной собственности земля окажется разделенной на столь крохотные участки, что ее можно будет обрабатывать лишь с помощью земледельческих ассоциаций, обязан ли будет глава правительства оставлять бразды правления государством для того, чтобы брать в руки плуг?

Нравственность и умственное развитие демократического народа подверглись бы не меньшей опасности, чем его торговля и промышленность, в случае, если бы правительство полностью заместило собой союзы и ассоциации.

Лишь в процессе общения людей человеческие чувства и идеи обновляются, сердца становятся благороднее, а интеллект получает развитие.

Я показал, что в демократических странах почти нет этого общения. Поэтому его необходимо создавать искусственно. И сделать это можно только с помощью объединений.

Когда аристократы воспринимают какие-нибудь новые идеи или когда изменяется мир их чувств, они приносят их с собой на подмостки того грандиозного театра, в котором сами играют весьма заметные роли и, выставляя их таким образом на обозрение толпы, делают их доступными для умов и сердец всех окружающих людей.

В демократических странах только руководящие круги располагают естественной возможностью поступать подобным образом, однако вполне понятно, что их деятельность всегда недостаточна, а часто — просто опасна.

Правительство не более способно стимулировать и обновлять движение чувств и идей великого народа, чем оно способно руководить всеми промышленными предприятиями. Если правительство, покинув сферу политики, ринется вперед по этому новому пути, оно, само того не желая, начнет насаждать невыносимую тиранию, ибо правительство способно лишь диктовать четкие правила и положения. Покровительствуя определенным чувствам и идеям, оно насаждает их, и его советы всегда трудно отличить от приказов.

Ситуация может стать много хуже, если правительство придет к мысли, что полная остановка всякого движения в этой области отвечает его подлинным интересам. Тогда все замрет, и его собственные веки сомкнутся в тяжелом добровольном сне.

Поэтому необходимо, чтобы правительство не действовало в одиночку.

У демократических народов именно ассоциации должны занять место тех могущественных вельмож, которые исчезли здесь с созданием равных условий существования.

Как только несколько жителей Соединенных Штатов начинают испытывать одно и то же чувство или приходят к сходным идеям, с которыми они хотели бы ознакомить общество, они ищут единомышленников и, найдя их, объединяются. И тогда они перестают быть отдельными индивидуумами и становятся заметной силой, действия которой служат примером; когда они говорят, к ним прислушиваются.

Когда я впервые услышал в Соединенных Штатах, что сто тысяч человек публично взяли обязательство не употреблять более спиртных напитков, этот случай показался мне не столько серьезным, сколько забавным, и сначала я не мог понять, отчего эти трезвенники не удовлетворяются возможностью скромно попивать воду в кругу своей семьи.

Затем до меня дошло, что эти сто тысяч американцев, напуганные распространением вокруг себя пьянства, захотели оказать трезвости свое покровительство. Они поступили точно так же, как вел бы себя сиятельный вельможа, который, желая воспитать в рядовых гражданах презрение к роскоши, сам одевался бы очень просто. Можно представить себе, что, если бы эти сто тысяч людей жили во Франции, то каждый из них самостоятельно обратился бы к правительству с просьбой, чтобы оно взяло под свой контроль все кабаки на территории

королевства

На мой взгляд, более всего нашего внимания заслуживают американские ассоциации, в которых люди объединены по принципу сходства интеллектуальных и нравственных интересов и целей. Политические и промышленные объединения в Америке сразу бросаются в глаза, тогда как остальные выпадают из поля нашего зрения, и даже если мы их замечаем, то плохо в них разбираемся, поскольку мы едва ли имели возможность когда-либо наблюдать нечто подобное. Между тем следует признать, что

они столь же необходимы, а быть может, даже более необходимы американскому народу, чем первые.

В демократических странах умение создавать объединения — первооснова общественной жизни; прогресс всех остальных ее сторон зависит от прогресса в этой области.

Среди законов, управляющих человеческим обществом, есть один, абсолютно непреложный и точный. Для того чтобы люди оставались или становились цивилизованными, необходимо, чтобы их умение объединяться в союзы развивалось и совершенствовалось с той же самой быстротой, с какой среди них устанавливается равенство условий существования.

Глава VI ВЗАИМОСВЯЗЬ АССОЦИАЦИЙ И ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Когда прочная, постоянная зависимость не связывает более людей между собой, нельзя добиться того, чтобы многие из них действовали сообща, не убедив каждого из них, что это добровольное объединение всех сил необходимо и отвечает личному интересу любого из его участников.

Самый привычный и удобный способ достижения этой цели— публикация в прессе; только газета способна заставить тысячу читателей одновременно задуматься над одной и той же мыслью.

Газета—это советчик, которого не надо искать; она сама приходит к вам и ежедневно вкратце рассказывает о состоянии общественных дел, не отвлекая вас от собственных забот.

Поэтому издание газет приобретает все большее значение по мере того, как люди становятся все более равными и опасность индивидуализма возрастает. Полагая, что газеты служат гарантией свободы, мы приуменьшили бы их значение: они поддерживают существование самой цивилизации.

Я отнюдь не отрицаю того, что в демократических странах

газеты часто приводят граждан к весьма необдуманным совместным действиям; однако, если бы не было газет, совместные действия едва ли были бы возможны. Таким образом, производимое ими зло значительно меньше того зла, от которого они исцеляют.

Газета не только способна предложить множеству людей единый план действий, она предоставляет им возможность совместного исполнения тех замыслов, к которым они приходят сами.

Влиятельные граждане, живущие в аристократических странах, видят друг друга издалека, и, если они хотят объединить свои силы, они идут навстречу друг другу, сопровождаемые толпами своих сторонников.

В демократических странах, напротив, часто бывает так, что большое количество людей, испытывающих желание или необходимость объединиться, не могут сделать этого потому, что все они, будучи крохотными, затерянными в толпе, не видят один другого и не могут друг друга найти. И вдруг появляется газета, публикующая те мысли или чувства, которыми одновременно, но поодиночке все они захвачены. Они все тотчас же направляются к этому свету и, подобно блуждающим огонькам, долго искавшим друг друга во тьме, наконец-то встречаются и объединяются.

Газета, сблизив их, остается необходимым средством поддержания их союза.

Чтобы иметь какой-либо вес, любая ассоциация у демократических народов должна быть многочисленной. Люди, входящие в нее, живут далеко друг от друга, и каждый из них крепко привязан к месту проживания скромными размерами своего достатка и множеством мелочных забот, вызываемых этим обстоятельством. Им необходимо найти способ ежедневно общаться и действовать сообща, не собираясь вместе. Следовательно, едва ли существует такая демократическая ассоциация, которая может обойтись без своей газеты.

Таким образом, между ассоциациями и газетами существует необходимая взаимосвязь: газеты создают ассоциации, а ассоциации основывают газеты; и если истинным является утверждение, что число ассоциаций должно увеличиваться по мере уравнивания условий существования, то не менее справедливым будет утверждение о том, что

число газет возрастает прямо пропорционально увеличивающемуся количеству ассоциаций.

Поэтому Америка имеет как ассоциаций, так и газет больше,

чем любая другая страна в мире.

Это соотношение между количеством газет и ассоциаций ведет нас к открытию другой зависимости — между положением периодической печати и формой правления в стране. Мы находим, что у демократического народа число газет должно уменьшаться или увеличиваться по мере усиления или ослабления централизованной власти. Ибо у демократических народов нельзя, как это делается при аристократии, передать в руки привилегированных граждан управление всеми местными делами. Местная власть должна быть либо упразднена, либо передана большому числу людей, образующих подлинную, прочную ассоциацию, которая, будучи подкреплена законами, представляет собой администрацию части территории страны. Эти люди испытывают потребность в газете, которая, ежедневно приходя к ним, занятым собственными мелкими заботами, ставила бы их в известность относительно состояния общественных дел. Чем больше институтов имеет местная власть, тем большее количество людей закономерно требуется для исполнения ее функций, и чем острее ощущается хроническая потребность в таких людях, тем быстрее возрастает число газет.

Эта чрезвычайная дробность административной власти много более, чем большая политическая свобода и абсолютная независимость прессы, обусловливает появление столь внушительного числа газет в Америке. Если бы все жители Соединенных Штатов были избирателями, подчиняющимися системе, которая ограничивала бы их право голоса только выборами членов законодательных органов страны, им понадобилось бы очень незначительно число газет, поскольку у них имелись бы очень важные, но весьма редкие причины действовать сообща. Но внутри огромного национального сообщества в каждом штате, в каждом городе и, так сказать, в каждой деревне законом предусмотрено существование маленьких ассоциаций, имеющих целью местное самоуправление. Законодательство подобным образом вынуждает каждого американца ежедневно сотрудничать с кем-нибудь из своих сограждан в каком-либо общественном деле, и любому из них нужна газета, в которой бы сообщалось о том, что делают другие люди.

Я думаю, что демократический народ [1], не имея национального представительства, но при наличии большого числа мелких органов местного самоуправления, в конечном счете будет иметь больше газет, чем другой демократический народ, у которого централизованная власть существует наряду с национальным выборным законодательным собранием. Лучшим

объяснением широчайшего размаха, который приняла деятельность ежедневной прессы в Соединенных Штатах, мне представляется то обстоятельство, что у американцев самая полная национальная свобода сочетается с различного рода правами, которыми облечены местные органы власти.

Во Франции и Англии принято считать, что для того, чтобы число газет быстро увеличивалось, достаточно отменить обременяющие прессу налоги. Это убеждение чрезмерно преувеличивает последствия подобного рода реформы. Число газет не увеличивается лишь только потому, что это дело становится прибыльным, но зависит от более или менее часто ощущаемой большим количеством людей потребности общаться друг с другом и действовать сообща.

Я также связал бы растущее влияние газет с причинами, имеющими значительно более общий характер, чем те, которыми часто это влияние объясняется.

Газета может существовать лишь при том условии, что она воспроизводит учение или чувства, разделяемые множеством людей. Газета, следовательно, всегда играет роль печатного органа какой-либо ассоциации, члены которой являются ее постоянными читателями.

Эта ассоциация может быть более или менее оформленной, более или менее закрытой, более или менее многочисленной, но она должна существовать по меньшей мере как

[1] Я говорю о демократическом народе потому, что власть у аристократического народа может быть крайне децентрализованной, не порождая при этом внутренней потребности в периодической печати, так как в этом случае местная власть будет находиться в руках очень небольшого числа людей, действующих либо совершенно независимо, либо знающих друг друга, имеющих возможность запросто встречаться между собой и приходить ко взаимопониманию.

прообраз идеи в головах людей, ибо только благодаря ей газета не погибает. Данное положение приводит нас к последнему соображению, которым и завершится эта глава.

Чем более равными становятся условия существования, а люди — индивидуально слабее, с тем большей легкостью они поддаются воздействию толпы и тем больше усилий требуются от них, чтобы в одиночку держаться убеждений, отвергнутых толпой.

Газета выступает как представитель ассоциации; она может говорить с каждым читателем от имени всех остальных своих читателей, и ей тем проще их убеждать, чем беспомощнее они

индивидуально. Власть газет, следовательно, должна усиливаться по мере того, как люди становятся все более равными.

. Подобные блага, без сомнения, драгоценны; я понимаю, что нация *с* целью их достижения или сохранения может на некоторое время наложить на себя крайне тесные путы. И все же неплохо, если она при этом будет точно знать, во что они ей обходятся.

Я понимаю, что для спасения жизни человека бывает необходима ампутация руки, но я не хочу, чтобы меня уверяли в том, что он сумеет сохранить свою прежнюю ловкость.

Глава VII ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ГРАЖДАНСКИМИ И ПОЛИТИЧЕСКИМИ АССОЦИАЦИЯМИ

На земле существует только одна нация, представители которой ежедневно пользуются неограниченной свободой и правом объединяться в политических целях. Эта же самая нация — единственная в мире, представители которой пришли к мысли о необходимости постоянно пользоваться своим правом и создавать собственные гражданские ассоциации, научившись таким образом пользоваться всеми возможными благами цивилизации. Во всех странах, где политические ассоциации запрещены, гражданские объединения—явление редкое.

Едва ли будет справедливым предположение о том, что данное обстоятельство носит случайный характер; скорее напрашивается вывод о существовании естественной и, быть может, необходимой взаимосвязи между этими двумя разновидностями ассоциаций.

Какое-нибудь дело совершенно непроизвольно объединяет интересы разных людей. Это может быть управление каким-либо коммерческим предприятием или же успешное завершение одного из промышленных начинаний. Все заинтересованные лица встречаются, объединяются и таким образом постепенно приобщаются к идее ассоциации.

Чем большим становится число этих мелких союзов, тем большую способность объединяться для общественно важных дел безотчетно приобретают люди.

Гражданские объединения, следовательно, подготавливают почву для создания политических ассоциаций; со своей стороны, однако, политические ассоциации в высшей степени способствуют развитию и совершенствованию способов создания гражданских ассоциаций.

Что касается гражданской жизни, то здесь каждый человек в крайнем случае может убедить себя в том, что лично он вполне способен обойтись своими собственными силами. В политике это

никогда не придет ему в голову. Когда народ имеет полнокровную политическую жизнь, идея о необходимости ассоциаций и желание объединяться составляют часть каждодневных жизненных впечатлений всех граждан, и какое бы естественное отвращение ни испытывали люди к совместным действиям, они всегда будут готовы сотрудничать во имя интересов своей партии.

Таким образом политика делает всеобщим достоянием склонность и привычку к ассоциациям; она вызывает желание объединяться и обучает искусству создания союзов массы людей, которые в противном случае всегда жили бы сами по себе.

Политика не только порождает множество объединений, но и приводит к созданию очень широких ассоциаций.

В гражданской жизни редко бывает так, чтобы какой-нибудь общий интерес побуждал значительное количество людей действовать сообща. Большое искусство требуется для того, чтобы организовать нечто подобное.

Политика же сама постоянно предоставляет такие возможности. А ведь общее значение ассоциаций по-настоящему демонстрируют только большие организации. Инди-

видуально слабые граждане не имеют заранее сложившихся точных представлений о той силе, которую они могут приобрести, действуя сообща; чтобы они это поняли, им необходимо ее показать. Из этого следует, что подчас бывает проще объединить общей целью массу людей, чем собрать воедино усилия нескольких человек; где тысяча не видит особого смысла в объединении, десять тысяч видят его вполне ясно. В политике люди объединяются для решения больших задач, и та выгода, которую они извлекают из совместной деятельности, преподает им практический урок, убеждающий в пользе взаимопомощи даже для достижения значительно меньших целей.

Политическая ассоциация одновременно размыкает узкие круги общения множества индивидуумов; сколь бы ни были сильны естественные различия между ними по возрасту, умственному развитию, обеспеченности, ассоциация сближает их и заставляет контактировать. Однажды встретившись, они уже всегда будут знать, как можно найти друг друга.

Нельзя участвовать в большинстве гражданских ассоциаций, не рискуя долей своего состояния; так обстоят дела со всеми промышленными и торговыми компаниями. Когда люди еще несведущи в искусстве и основных законах создания ассоциаций, они боятся, что, впервые объединяясь подобным образом,

принуждены будут дорого заплатить за свой опыт. Поэтому они скорее предпочтут отказаться от средства, могущего привести их к успеху, чем подвергнуться связанному с ним риску. Значительно меньше колебаний вызывает у них участие в политических союзах, которые кажутся им безопасными постольку, поскольку они не рискуют своими деньгами. Но ведь нельзя долгое время принадлежать к подобным организациям, не усвоив, каким образом возможно поддерживать порядок среди большого числа людей и какие методы позволяют сообща и последовательно двигаться к общей цели. Они обучаются подчинять свои желания воле всех остальных и согласовывать свои личные усилия с общими действиями, то есть всем тем вещам, знать которые при формировании гражданских ассоциаций не менее необходимо, чем при создании политических союзов.

Участие в политических объединениях, следовательно, можно рассматривать в качестве всеобщей бесплатной школы, в которой каждый гражданин изучает общую теорию создания ассоциаций. И даже если бы политические ассоциации не оказывали непосредственного воздействия на прогресс в области формирования гражданских объединений, уничтожение первых нанесло бы вред вторым.

Когда граждане имеют право объединяться только по определенным поводам, они относятся к ассоциации как к странной и непривычной форме и едва ли помышляют о ней. Когда же им позволено свободно объединяться по любому случаю, они в конечном итоге начинают видеть в ассоциации универсальное и, так сказать, уникальное средство, с помощью которого люди могут помогать себе в достижении тех различных целей, которые они ставят перед собой. Всякая новая потребность тотчас же возвращает их к этой идее. Итак, как я уже отмечал выше, умение создавать ассоциации становится первоосновой общественной жизни; все изучают и применяют его на практике.

Когда определенные ассоциации запрещены, а другие разрешены, первые заранее трудно отличить от вторых. Испытывая сомнения, люди стараются держаться в стороне от всех ассоциаций, и складывается своего рода общее мнение, согласно которому всякая организация является делом дерзким и почти противозаконным [1].

[1] Это особенно верно тогда, когда исполнительная власть облечена полномочиями разрешать или запрещать ассоциации по своему собственному усмотрению.

Если она ограничивается запрещением определенных организаций, поручая судам заботу о наказании тех, кто не

повинуется, зло будет значительно меньшим: в этом случае каждый гражданин более или менее загодя знает, на что можно рассчитывать; так или иначе, он рассматривает дело прежде, чем оно дойдет до суда, и, устраняясь от участия в запрещенных объединениях, вступает в разрешенные союзы. Именно таким образом все свободные народы представляют себе возможность ограничения права создавать ассоциации. Напротив, если законодательные органы доверят кому-либо право предварительно решать, какие организации вредны, а какие полезны, и дадут ему право либо уничтожать все организации в самом зародыше, либо позволять им расти, никто более не сможет заранее предвидеть, в каком случае можно объединяться, а в каком от этого следует воздерживаться, и поэтому все движение будет полностью парализовало. В первом случае закон нацелен только против определенных организаций, во втором — он направлен против самого общества и наносит ему вред. Я допускаю возможность, что законное правительство прибегнет к помощи первого закона, но при этом ни за каким правительством я не признаю права вводить закон второго типа.

384

Поэтому-то не чем иным, как химерой, является вера в то, что потребность людей в совместных действиях, будучи подавленной в одном месте, не перестанет проявляться с прежней энергичностью во всех остальных местах и что достаточно лишь разрешить людям объединиться для воплощения в жизнь каких-либо замыслов, и они спешно ринутся их осуществлять. Когда граждане имеют возможность и привычку объединяться по любому поводу, они столь же охотно будут действовать сообща при решении не только крупных, но и мелких проблем. Однако, если они смогут объединяться только для незначительных дел, у них не будет ни желания, ни способности действовать совместно. Напрасно им будет предоставлена полная свобода сообща заниматься своими привычными делами: они будут равнодушно пользоваться дарованными им правами, и вы, израсходовав свои силы на то, чтобы удержать их от участия в запрещенных союзах, с удивлением обнаружите, что не можете убедить их создавать разрешенные объединения.

Я не говорю, что нельзя иметь гражданские организации в тех странах, где запрещены политические союзы, так как люди не могут жить в обществе, не принимая участия в каких-либо общественных мероприятиях. Однако я утверждаю, что гражданские ассоциации в этих странах всегда будут очень малочисленными, плохо задуманными и бездарно управляемыми:

они либо никогда не возьмутся за выполнение серьезных задач, либо, желая их решить, будут терпеть неудачи.

Это естественным образом приводит меня к мысли о том, что свобода ассоциаций в сфере политики не представляется столь опасной для общественного спокойствия, как это принято полагать, и что может случиться так, что она, дав в течение некоторого времени встряску государству, в дальнейшем будет способствовать его укреплению.

В демократических странах политические ассоциации представляют собой, образно говоря, могущественных деятелей, желающих управлять государством. Поэтому правительства в наши дни относятся к политическим объединениям данного рода во многом подобно тому, как короли в средние века относились к могущественным вассалам короны: они испытывали перед ними страх, смешанный с отвращением, и сражались с ними при каждом удобном случае.

Напротив, к гражданским организациям правительства испытывают чувство естественной благосклонности, так как они с легкостью выясняют, что эти ассоциации, отнюдь не сосредоточивая внимания граждан на государственных делах, отвлекают их от мыслей об этом и, все более активно занимаясь проектами, которые не могут быть выполнены в обстановке общественного беспорядка, уменьшают опасность революций. Правительства, однако, не принимают во внимание то обстоятельство, что существование политических союзов чрезвычайно облегчает жизнь и умножает число гражданских объединений, и поэтому, избегая опасного зла, они лишают себя эффективного средства его лечения. Когда видишь, как свободно каждый день американцы объединяются для того, чтобы восторжествовало какое-либо политическое мнение, или же с целью ввести в правительство какого-нибудь политического деятеля, а другого — лишить власти, трудно бывает понять, отчего столь независимые люди не впадают ежеминутно в порок вседозволенности.

Если же, с другой стороны, вы станете думать о том бесчисленном множестве промышленных предприятий, которые в Соединенных Штатах создаются коллективными усилиями, и если вы заметите, что американцы повсюду работают без передышки, исполняя какой-нибудь важный и трудный проект, реализацию которого сорвала бы самая ничтожная из революций, вы легко поймете, отчего столь сильно занятые люди не испытывают ни малейшего соблазна волновать государство или же нарушить тот общественный покой, из которого они сами извлекают пользу.

Довольно ли того, что мы рассматриваем эти явления по

отдельности, и не следует ли обнаружить соединяющий их тайный узел? Именно в политических союзах американцы всех профессий, умонастроений и возрастов ежедневно воспитывают в себе вкус к коллективной деятельности как таковой и овладевают ее законами. В этих союзах они встречаются с большим количеством людей, говорят, выслушивают друг друга и вдохновляются на совместную работу по реализации всех самых различных начинаний. Все свои знания, приобретенные подобным образом, они переносят затем в повседневную жизнь и тысячью разнообразных способов пользуются ими.

Следовательно, именно наслаждение вредной свободой обучает американцев искусству уменьшать содержащуюся в свободе опасность.

385

Если выбрать определенные моменты в жизни какой-либо нации, то легко можно доказать, что политические союзы производят волнение в государстве и парализуют промышленность; однако если взять всю историю существования данного народа, то столь же легко будет показать, что свобода ассоциаций в сфере политики благоприятствует процветанию и даже спокойствию граждан.

В первой части этой работы я писал: «Неограниченную свободу ассоциаций не следует смешивать со свободой печати: первая одновременно и менее необходима и более опасна, чем вторая. Нация может ограничить ее, не теряя над собой контроля; иногда она должна так поступить, чтобы выжить». И несколько далее: «Нельзя не признать, что из всех возможных свобод народ менее всего может позволить себе неограниченную свободу ассоциаций в сфере политики. Если она и не ввергает его в анархию, то постоянно приближает, так сказать, к краю этой пропасти».

Итак, я не думаю, что какая-нибудь нация всегда может разрешать своим гражданам иметь абсолютное право создавать политические ассоциации, и даже сомневаюсь в том, что вообще существует такая страна или такая эпоха, в которые было бы мудрее не ограничивать свободу союзов.

Кое-кто заявляет, что тот народ не может сохранять внутреннее спокойствие, внушать уважение к своим законам или создавать прочное правительство, который не ограничил право своих граждан создавать объединения довольно узкими рамками. Подобные блага, без сомнения, драгоценны; я понимаю, что нация с целью их достижения или сохранения может на некоторое время наложить на себя крайне тесные путы. И все же неплохо,

если она при этом будет точно знать, во что они ей обходятся.

Я понимаю, что для спасения жизни человека бывает необходима ампутация руки, но я не хочу, чтобы меня уверяли в том, что он сумеет сохранить свою прежнюю ловкость.

Глава VIII КАК АМЕРИКАНЦЫ ПРОТИВОБОРСТВУЮТ ИНДИВИДУАЛИЗМУ С ПОМОЩЬЮ УЧЕНИЯ О ПРАВИЛЬНО ПОНИМАЕМОМ ИНТЕРЕСЕ

Когда миром правила немногочисленная группа могущественных и богатых индивидуумов, они с готовностью поощряли формирование возвышенных идей об обязанностях человека; им нравилось проповедовать взгляды, согласно которым истинной славы было достойно самоотречение, поскольку человеку, как и самому Творцу, приличествует совершать добрые дела, нисколько не будучи в них заинтересованным. В те времена данное учение играло роль официальной морали.

Я сомневаюсь в том, что люди в аристократические века были лучше, чем в другие времена, однако совершенно определенно, что тогда они беспрестанно говорили о красоте добродетели и лишь втайне изучали ее полезные свойства. По мере того как воображение перестает парить столь высоко и каждый концентрируется на себе самом, моралисты начинают опасаться этой идеи самопожертвования и не осмеливаются более предлагать ее людям. Поэтому они ограничиваются поисками той личной выгоды, которую могут получить граждане, работая для блага всех, и, когда им удается открыть еще одну из тех точек, в которой личные интересы пересекаются и смешиваются с общими интересами, они торопятся выставить ее на всеобщее обозрение. Таким образом изолированные наблюдения становятся общей теорией и люди в конце концов начинают верить в то, что человек, служа себе подобным, служит самому себе и что добрые дела отвечают его личному интересу.

Я уже отмечал в различных местах этой работы, что жители Соединенных Штатов почти всегда знают, каким образом свое личное благополучие можно сочетать с благополучием своих сограждан. Здесь я хочу подчеркнуть то, что добиваться этого умения им помогает общая теория.

В Соединенных Штатах почти не говорится о красоте добродетели. Уверяют, что она полезна, и ежедневно доказывают это. Американские моралисты не домогаются того, чтобы человек жертвовал собой ради окружающих просто во имя свершения славного

подвига, но они смело заявляют, что подобные жертвы столь же необходимы тем, кто на них идет, как и тем, кому они полезны.

Они заметили, что в их стране и в их время сила, заставляющая человека постоянно думать о самом себе, необорима, и, потеряв надежду ей противостоять, они думают лишь о том, чтобы ею управлять.

Поэтому они не отрицают того, что каждый человек может руководствоваться собственными интересами, однако они изо всех сил стараются доказать, что честность и добропорядочность отвечают интересам любого человека.

Я не хочу входить здесь в подробности их аргументации, так как это слишком далеко увело бы меня от моей темы; мне достаточно констатации того факта, что они сумели убедить своих сограждан.

В свое время Монтень сказал: «Если я не выбираю прямую дорогу по причине ее прямизны, я выберу ее в конце концов, узнав на личном опыте, что это по обыкновению—самый счастливый и удобный путь».

Таким образом, учение о правильно понимаемом интересе не ново, однако американцами наших дней оно признано повсеместно. Оно стало здесь популярным и служит обоснованием всех видов деятельности. Оно насквозь пронизывает все их рассуждения. На устах бедняков оно звучит не реже, чем в беседах богатых людей.

В Европе в отличие от Америки учение об интересе имеет далеко не столь изящные и стройные формы, к тому же оно значительно менее распространено и в особенности не столь активно проповедуемо; его сторонники ежедневно оказывают ему знаки преданности, которой они более не чувствуют.

Американцам, напротив, нравится объяснять почти все свои поступки с помощью этого учения; они охотно подчеркивают, что просвещенная любовь к себе постоянно заставляет юс помогать друг другу и вызывает в них готовность жертвовать на благо государства часть своего времени и состояния. Я думаю, что в данном отношении они часто не вполне справедливы к себе самим, так как подчас в Соединенных Штатах, как и повсюду, можно видеть граждан, охваченных вполне естественным для людей бескорыстным, нерасчетливым порывом. Американцы, однако, едва ли склонны признаваться в том, что могут подчиняться такого рода душевным движениям; они скорее предпочтут отдать должное своей философии, нежели самим

себе.

Здесь я мог бы закончить, не пытаясь вынести суждение по поводу того, что описал. Чрезвычайная сложность данного предмета послужила бы мне вполне достаточным извинением. Но я не хочу снисхождения и предпочту, чтобы мои читатели, ясно видя мою цель, отказались бы следовать за мной, чем оставлю их в неведении.

Теория правильно понимаемого личного интереса — не возвышенное, но ясно и четко разработанное учение. Оно не стремится к достижению великих целей, однако добивается без особых усилий всего того, что намечает. Поскольку оно доступно для любого разумения, каждый с легкостью его постигает и запоминает без труда. Замечательно приспосабливаясь к человеческим слабостям, это учение обретает большую силу, и ему нетрудно сохранять ее потому, что оно направляет личный интерес против самого себя и, управляя страстями, пользуется тем же самым кнутом, который эти страсти возбуждает.

Учение о правильно понимаемом интересе не порождает великой самоотверженности, но оно ежедневно требует маленьких жертв. Само по себе оно не способно сделать людей добродетельными, однако оно воспитывает множество благоразумных, воздержанных, степенных, предусмотрительных граждан, умеющих держать себя в руках; и если оно не ведет волю людей прямой дорогой к добродетели, то неприметно приближает их к ней с помощью благоприобретаемых привычек.

Если бы учению о правильно понимаемой заинтересованности когда-либо удалось полностью стать господствующим в нравственной области, примеры высокой добродетели, без сомнения, встречались бы реже. Но я думаю, что в этом случае грубая порочность также была бы менее распространенной. Это учение, быть может, помешает немногим достичь нравственных высот, значительно превосходящих средний уровень, но многие из тех, кто опустился бы ниже этого уровня, хватаются за него, и оно их удерживает. Если иметь в виду отдельные личности, то оно их унижает. Если же иметь в виду все человечество, то оно облагораживает людские души.

Не побоюсь сказать, что из всех философских теорий учение о правильно понимаемом интересе представляется мне наиболее полно отвечающим потребностям людей нашего времени, а также то, что в нем я усматриваю самую надежную из оставшихся у них гарантий против самих себя. Поэтому внимание современных моралистов должно быть главным образом направлено на данное

учение. Даже несмотря на то что они могут считать его несовершенным, оно все же должно быть принято как необходимое.

Говоря в целом, я не думаю, что у нас эгоизма больше, чем в Америке; единственное различие заключается в том, что там эгоизм носит просвещенный характер, а здесь — нет. Каждый американец умеет жертвовать частью своих личных интересов, чтобы спасти остальное. Мы хотим сохранить все и часто все теряем.

Вокруг себя я вижу лишь людей, желающих, по-видимому, ежедневно внушать словом и делом своим современникам мысль о том, что полезное никогда не бывает бесчестным. Удастся ли мне в конце концов найти такого человека, который бы взялся объяснить им, что честность полезна?

На земле нет силы, способной помешать росту равенства условий существования и тому, что оно, нацеливая человеческий разум на поиск полезного, побуждает каждого гражданина заниматься лишь самим собой.

Следует поэтому ожидать, что личный интерес в большей мере, чем когда бы то ни было, станет главной, если не единственной движущей силой человеческой деятельности; остается, однако, выяснить, как каждый человек будет понимать свои личные интересы.

Если граждане, становясь равными, останутся невежественными и грубыми, трудно предположить, до какой глупой крайности они дойдут в своем эгоизме, и нельзя сказать заранее, сколь постыдную нищету и досадные беды они сами навлекут на свои головы, страшась пожертвовать толикой своего благосостояния для процветания окружающих.

Я не думаю, что учение об интересе в том виде, в каком его проповедуют в Америке, представляется несомненно положительным во всех отношениях; однако оно заключает в себе множество столь очевидных истин, что достаточно дать образование людям, и они сами постигнут эти истины. Поэтому во что бы то ни стало просвещайте их, ибо век слепой самоотверженности и инстинктивной добродетельности давно уже миновал, и я вижу, что наступает время, когда сами свобода, гражданский покой и общественный порядок не смогут обойтись без просвещения.

Глава IX КАКИМ ОБРАЗОМ АМЕРИКАНЦЫ ПРИМЕНЯЮТ УЧЕНИЕ О ПРАВИЛЬНО ПОНИМАЕМОМ ИНТЕРЕСЕ В ОБЛАСТИ РЕЛИГИИ

Если учение о правильно понимаемом личном интересе ограничивалось бы земными делами, оно отнюдь не было бы столь влиятельным, так как оно требует немало таких жертв, которые могут быть вознаграждены лишь на том свете; и какие бы усилия ни предпринимал разум, доказывая пользу добродетели, человека, не желающего думать о смерти, всегда будет очень трудно заставить жить достойно.

Поэтому необходимо знать, может ли учение о правильно понимаемом интересе легко сочетаться с религиозными верованиями.

Философы, распространяющие это учение, говорят людям, что для счастливой жизни необходимо следить за своими чувствами и старательно обуздывать их, что нельзя обрести прочного счастья, не отказываясь от тысячи мимолетных удовольствий, и что, наконец, любовь к себе требует постоянной победы над самим собой.

Основатели едва ли не всех религий говорили почти одно и то же. Указывая людям все тот же путь, они лишь ставили перед ними более отдаленную цель: не обещая награды на этом свете за предписанные жертвы, они говорили о блаженстве в мире ином.

Тем не менее я отказываюсь верить тому, что все люди, ведущие по религиозным мотивам добродетельный образ жизни, поступают так лишь по той причине, что рассчитывают на вознаграждение.

Мне встречалось немало ревностных христиан, всецело поглощенных пылкой заботой о всеобщем счастье, и я слышал их рассуждения о том, что они таким образом надеются заслужить блаженство в загробной жизни; я не могу, однако, избавиться от мысли, что они несправедливы к себе. Я слишком сильно уважаю их, чтобы верить им на слово.

Это правда, что христианство учит нас необходимости предпочитать интересы других людей личным интересам, если жаждешь обрести небеса; однако христианство также учит нас необходимости делать добро ближним во имя любви к Богу. Это выражение великолепно: человек своим разумом постигает божественную премудрость; он видит, что цель Господа — сохранение миропорядка; он сам свободно соучаствует в исполнении этого великого замысла, и, жертвуя своими личными интересами во имя чудесной упорядоченности всех вещей и явлении, он не ждет никакого иного вознаграждения, помимо удовольствия созерцать этот миропорядок.

Поэтому я не верю, что единственным стимулом поведения

религиозных людей является интерес, однако я думаю, что интерес — главное средство, которым пользуются сами религии с целью вести за собой людей, и я не сомневаюсь, что именно благодаря ему они овладевают сознанием народных масс и становятся популярными.

Я не вижу поэтому никакой явной причины, по которой учение о правильно понимаемом личном интересе должно было бы отвращать людей от религиозных верований; напротив, я думаю, что мне удалось выяснить, каким образом оно предрасполагает людей к религиозности.

Предположим, что для достижения счастья в этом мире некто склонен всякий раз не доверять инстинктивным движениям души, хладнокровно взвешивая все свои поступки, склонен не поддаваться слепо порыву первых желаний, овладевая вместо этого искусством побеждать их и обретая привычку с легкостью жертвовать мимолетным наслаждением во имя устойчивых ценностей, определяющих всю его жизнь.

Если такой человек верит в исповедуемое им религиозное учение, то он почти не ощутит бремени тех уз, которые оно налагает. Его собственный разум будет советовать ему подчиниться предписанным ограничениям, а приобретенный навык уже заранее подготовит его к необходимости их терпеть.

Даже если у него и возникнут сомнения по поводу объекта его ожиданий, он не позволит им с легкостью остановить себя и решит, что мудрее будет пожертвовать отдельными благами сего мира, дабы сохранить свои права на огромное наследство, обещанное ему на том свете.

«Если мы заблуждаемся, считая христианскую религию истинной, — сказал Паскаль, — мы не так уж много теряем, но сколько несчастий таит в себе опаснось ошибиться, считая ее ложной!»

Американцы не делают вида, что совершенно равнодушны к загробной жизни; не демонстрируют они и юношеской гордыни, якобы презирая те опасности, которых они надеются избежать.

Поэтому они исповедуют свою религию без всякой стыдливости и робости; напротив, даже в порыве религиозного рвения они остаются столь спокойными, последовательными и трезвыми, что кажется, будто не столько сердце, сколько разум ведет их к подножиям алтарей.

Американцы не только лично заинтересованы в упрочении их религии, но и часто рассматривают ее с точки зрения той пользы, которую она может принести верующим в земной жизни. В средние века священники говорили только о загробной жизни; они едва ли обременяли себя доказательством возможности для

искреннего христианина быть счастливым здесь, на земле.

Американские проповедники, напротив, беспрестанно спускаются на землю, и, пожалуй, лишь с великим трудом им удается оторвать от нее свои взоры. Стараясь сильнее затронуть души своей паствы, они ежедневно рисуют перед ее очами картины того, насколько благоприятны для свободы и общественного порядка религиозные чувства; слушая их, подчас бывает трудно понять, какова же основная цель религии — обретение вечного блаженства на том свете или же обеспечение благополучия на этом?

Глава X О СТРАСТИ АМЕРИКАНЦЕВ К МАТЕРИАЛЬНОМУ БЛАГОПОЛУЧИЮ

В Америке страсть к материальному благополучию не всегда является преобладающей, но она свойственна всем, хотя всякий выражает ее на свой собственный лад. Забота об удовлетворении малейших потребностей тела и об обретении мелочных жизненных удобств повсеместно занимает мысли американцев.

Нечто подобное все более часто наблюдается и в Европе.

Среди причин, вызывающих появление сходных процессов в жизни этих двух миров — Старого и Нового Света, некоторые имеют прямое отношение к моей теме, и поэтому я должен их указать.

Когда богатства наследственно закреплены за членами одних и тех же семейств, вы видите, что значительное число людей наслаждаются материальной обеспеченностью, не испытывая при этом исключительной страсти к материальным благам.

Безмятежное обладание ценными вещами не привязывает к ним человеческое сердце столь крепко, как это делают не вполне удовлетворенное желание обладать ими и постоянный страх их потерять.

В аристократических обществах богатые люди, никогда не знавшие нужды, не опасаются за свое благополучие; они с трудом представляют себе, что можно жить как-то иначе. Таким образом, материальное благосостояние не является для них целью жизни; это—лишь образ их жизни. Они воспринимают его как своего рода неотъемлемую часть их бытия и пользуются благами, не особо об этом задумываясь.

Когда естественная, инстинктивная склонность к жизненным удобствам, испытываемая всеми людьми, удовлетворяется без особых хлопот и волнений, душевные силы человека устремляются в ином направлении, он ставит перед собой более сложные задачи и более возвышенные цели, которые вдохновляют и всецело захватывают его.

Именно по этой причине аристократы часто обнаруживают надменное презрение к тем самым жизненным благам, которыми они наслаждаются, а также чрезвычайную стойкость тогда, когда они вынуждены полностью от них отказаться. Все революции, потрясавшие или же уничтожавшие аристократические сословия, показали, с какой легкостью люди, привычные к изобилию, могут обходиться даже без самого необходимого, тогда как люди, достигшие комфорта благодаря своему трудолюбию, едва ли могут жить, потеряв свое благосостояние.

Если от высших кругов аристократического общества перейти к его низшим сословиям, то мы обнаружим аналогичные явления, порожденные иными причинами.

В тех странах, где господствует аристократия, лишая все общество подвижности, народ в конце концов так же привыкает к своей бедности, как богатые к своей роскоши. Одних вопросы материального благосостояния не волнуют потому, что они пользуются им без всяких забот, других — потому, что они отчаялись когда-либо достичь его и их представления о нем недостаточны для того, чтобы страстно его желать.

В обществах данного типа воображение бедноты постоянно занято картинами загробной жизни; несчастия и беды реального существования суживают воображение, но оно вырывается из их тисков и пускается на поиски вечного, запредельного блаженства.

Когда же, напротив, сословия перемешаны, а привилегии уничтожены, когда родовые имения дробятся, а просвещение и свобода распространяются все шире и шире, воображение бедных воспламеняется страстным желанием обрести благосостояние, а души богатых охватывает страх перед возможностью его утратить. Появляется множество людей, имеющих средний достаток. Его вполне хватает на то, чтобы воспитать во владельцах вкус к материальным наслаждениям, однако он недостаточен для их полного удовлетворения. Этот достаток всегда дается им с великим трудом, и вкушают они его с трепетом.

Оттого они постоянно стремятся получить или же сохранить свою долю столь дорогих, столь неполных и столь мимолетных наслаждений.

Пытаясь выяснить, какая страсть должна естественным образом стать господствующей в душах людей, внутренний мир которых определяется и ограничивается безродностью их происхождения и скромностью состояний, я нахожу, что наиболее свойственна им жажда материального благополучия. Тяга к материальному благосостоянию —

страсть, в высшей степени характерная для среднего класса; она усиливается и распространяется вместе с ростом этого класса. Именно отсюда она начинает проникать как в высшие классы общества, так и в самую толщу народных низов.

В Америке мне не встретилось ни одного человека, сколь бы на был он беден, который не бросал бы взгляда, полного надежды и зависти, на комфортную жизнь богатых людей и чье воображение не было бы заранее захвачено созерцанием картин, рисующих блага, в обладании которыми судьба упорно ему

отказывала.

С другой стороны, я никогда не замечал в богатых американцах того высокомерного презрения к материальному благосостоянию, которое подчас обнаруживает самая состоятельная и самая распущенная часть аристократии.

Американские богачи в большинстве своем были некогда бедняками; они ощущали на себе жало нужды; они долго сражались с враждебной им судьбой, и теперь, когда победа одержана, в них живы еще те чувства, с которыми они шли на бой; они кажутся хмельными от наслаждения теми маленькими радостями, которых они добивались в течение сорока лет.

Нельзя сказать, что в Соединенных Штатах, как и в любой другой стране, не встречается довольно значительного количества богатых людей, которые, унаследовав состояния, беззаботно пользуются не заработанной ими роскошью. Однако даже такие люди здесь не кажутся менее других привязанными к удовольствиям материальной жизни. Любовь к достатку стала господствующей чертой национального характера; великий поток человеческий страстей течет здесь именно в этом направлении, увлекая за собой все, что встречается на его пути.

Глаза XI О ТЕХ СПЕЦИФИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЯХ, КОТОРЫЕ ПОРОЖДАЮТСЯ ЛЮБОВЬЮ К ФИЗИЧЕСКИМ УДОВОЛЬСТВИЯМ В ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ВРЕМЕНА

На основании вышесказанного можно было бы предположить, что любовь к физическим удовольствиям должна постоянно приводить американцев к беспорядку в нравах, нарушать их семейный покой и, в конечном счете, ставить под угрозу судьбу самого общества.

Ничего этого, однако, не происходит: страсть к физическим удовольствиям совершенно иначе проявляется у демократических народов, чем у народов, живущих при аристократии.

Иногда случается так, что отвращение к делам, избыток богатства, безверие и ослабление государственной власти постепенно приучают аристократию видеть в физических удовольствиях свое единственное утешение. В иной ситуации могущество короны или же слабость народа, не лишая знать ее богатства, заставляют ее самоустраняться от власти и, закрывая перед вельможами путь к великим деяниям, оставляют их наедине со своими беспокойными, мятежными желаниями; тогда они *с* тяжелым сердцем начинают заниматься своей собственной персоной, пытаясь в плотских наслаждениях найти забвение, стереть воспоминания о своем былом величии.

Когда любовь к физическим удовольствиям всецело завладевает душами представителей аристократического сословия, они, как правило, концентрируют в этом единственном направлении всю ту энергию, которая была накоплена в них долгой привычкой к власти.

Поиск простого благоденствия таких людей не удовлетворяет: им необходим пышный, блестящий разврат. Они создают культ упоительных физических наслаждений и, кажется, жаждут превзойти друг друга в искусстве самоизнеможения.

И чем более могучей, славной и свободной была некогда данная аристократия, чем более ярким был блеск ее доблести и добродетели, тем более громкой и скандальной, по моему глубокому убеждению, будет дурная слава о ее пороках.

Склонность к физическим удовольствиям не доходит у демократических народов до подобных излишеств. Любовь к материальному благосостоянию выступает у них в

виде стойкой, исключительно сильной, всеобщей, но сдержанной страсти. Речь здесь не идет о строительстве огромных дворцов, о покорении самой природы или о том, чтобы превзойти ее творения и опустошить весь мир с целью наиболее полного утоления страстей одного-единственного человека. Речь идет о том, чтобы к своему полю прибавить несколько туазов земли, посадить фруктовый сад, расширить свое жилище, постоянно делать жизнь легче и удобнее, не допускать безденежья и научиться удовлетворять малейшие свои потребности без особого труда и почти безвозмездно. Эти цели незначительны, но душа накрепко к ним привязывается: она вынашивает их ежедневно до мельчайших подробностей, и в конце концов для нее они заслоняют собою весь остальной мир, а иногда начинают мешать даже ее общению с Богом.

Могут сказать, что все это относится лишь к гражданам, обладающим незначительными состояниями, и что богатые люди обнаружат вкусы и стремления, аналогичные тем, которые были известны в века аристократического правления. Я оспариваю это утверждение.

По отношению к физическим удовольствиям наиболее состоятельные граждане демократических государств не будут проявлять вкусы, сколь-либо существенно отличающиеся от вкусов всего народа. Это будет происходить либо потому, что, выйдя из народных низов, они действительно сохранят эти вкусы, либо потому, что будут уверены в необходимости их воспринять. В демократических обществах эмоциональная жизнь людей

отмечена умеренностью и спокойствием, и каждый человек должен с этим считаться. Порокам с неменьшим трудом, чем добродетелям, удается вырываться из-под власти общепринятых норм.

Богатые люди демократических наций, таким образом, больше думают об удовлетворении малейших своих потребностей, чем о поиске необычайных удовольствий; они удовлетворяются исполнением множества своих скромных желаний, не отдаваясь никакой сильной, необузданной страсти. Поэтому они чаще бывают подвержены апатии, нежели расточительству.

Особая склонность к физическим наслаждениям, проявляющаяся в людях демократических эпох, по своей природе не является противоборствующей общественному порядку; напротив, она часто может удовлетворяться только при условии сохранения этого порядка. Не враждебна она и нравственной порядочности, ибо добрые нравы обеспечивают общественное спокойствие и поощряют трудолюбие. Иногда эта склонность способна сочетаться даже со своего рода религиозной моралью; люди хотят как можно лучше прожить земную жизнь, не лишая себя шансов на последующее блаженство.

В числе материальных благ имеются и такие, обладание которыми считается преступным; от них усиленно воздерживаются. Те же блага, пользование которыми одобряется религией и моралью, захватывают людей полностью, овладевая их сердцами и воображением и настолько подчиняя себе их жизнь, что в погоне за ними они теряют из виду куда более значительные ценности, составляющие славу и величие человеческого рода.

Я упрекаю равенство отнюдь не за то, что оно толкает людей на поиски запретных удовольствий, а за то, что, ища наслаждений вполне дозволенных, они всецело поглощены этим занятием.

Таким образом на земле может установиться своего рода благопристойный материализм, который, не развращая людских душ, тем не менее сделает их более изнеженными и в конце концов незаметно вызовет у людей полный упадок душевных сил.

Глава XII ПОЧЕМУ ОТДЕЛЬНЫЕ АМЕРИКАНЦЫ ДЕМОНСТРИРУЮТ СТОЛЬ ЭКЗАЛЬТИРОВАННУЮ ДУХОВНОСТЬ

Хотя страсть к земным благам — господствующая у американцев, им знакомы такие моменты покоя, когда их души, кажется, разом рвут все узы, связывающие их с миром плоти, и

неудержимо устремляются к небесам.

392

Во всех штатах Северной Америки, а особенно в полузаселенных западных округах, подчас встречаются проповедники, распространяющие по земле слово Господне.

Целыми семьями, вместе со стариками, женщинами и детьми, американцы пересекают труднопроходимые места и лесные дебри, проделывая очень долгий путь для того, чтобы послушать этих проповедников; встретившись с ними и выслушав их, они на многие дни и ночи забывают о своих делах, пренебрегая даже самыми необходимыми потребностями плоти.

То здесь, то там в недрах американского общества можно встретить людей, наполненных столь экзальтированной и почти отчаянной духовностью, какую едва ли встретишь в Европе. Время от времени здесь образуются странные секты, стремящиеся открыть необыкновенные пути, ведущие к вечному блаженству. Здесь широко распространено религиозное безрассудство.

Это не должно нас удивлять.

Человек не сам наделил себя тягой к бесконечному и любовью ко всему бессмертному. Эти возвышенные чувства возникли не по его прихоти: их основание прочно покоится в самой человеческой природе; они существуют независимо от усилий людей. Эти чувства можно приглушить или изуродовать, но их нельзя уничтожить.

У души есть потребности, которые должны быть удовлетворены; и какие бы усилия ни затрачивались на то, чтобы отвлечь ее от них, она тотчас же начинает тосковать, ощущать беспокойство и смятение, не утоляемые чувственными наслаждениями.

Если умы подавляющего большинства людей когда-нибудь сосредоточатся на поиске материальных благ, то следует ожидать, что это вызовет бурную обратную реакцию в душах отдельных личностей. Они отчаянно бросятся в мир духа, боясь остаться связанными теми слишком тесными путами, которые плоть хотела бы наложить на них.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что в обществе, полностью погруженном в земные заботы, встречается небольшое число индивидуумов, не желающих думать ни о чем, кроме небес. Я был бы удивлен, если бы у народа, исключительно занятого своим благополучием, мистицизм не получил бы быстрого развития.

Говорят, что пустоши вокруг Фив были заселены людьми, бежавшими от преследований императоров и казней на цирковых

аренах; что касается меня, то я считаю, что причинами, скорее, послужили роскошь Рима и эпикурейская философия Греции.

Можно полагать, что, если бы социальные условия, обстоятельства и законы не ограничивали столь жестко американский ум поисками благосостояния, он, будучи направлен на нематериальные предметы, был бы способен без особого труда обнаружить значительно большую опытность, осторожность и сдержанность. Но он чувствует себя заключенным в узкие рамки, из которых, по всей видимости, его не хотят выпускать. Поэтому тогда, когда ему удается преодолеть эти границы, он уже не знает, к чему прикрепиться, и подчас без оглядки устремляется к крайним пределам здравого смысла.

Глава XIII ПОЧЕМУ ПРОЦВЕТАЮЩИЕ АМЕРИКАНЦЫ СТОЛЬ НЕУГОМОННЫ

В некоторых отдаленных уголках Старого Света иногда еще встречаются небольшие населенные пункты, которые кажутся не затронутыми общим водоворотом, так как они сохранили неторопливый образ жизни, хотя вокруг них все бурлило и волновалось. Большинство населения там крайне невежественно и бедно, жители не вмешиваются в государственные дела, и правительства часто их угнетают. Тем не менее лица этих людей, как правило, безмятежны, и выглядят они жизнерадостными.

В Америке я видел самых свободных, самых просвещенных людей на свете, имеющих самые благоприятные для жизни условия, однако мне казалось, что их лица обыкновенно омрачены какой-то легкой, как облачко, тенью; они были серьезны, почти грустны даже во время развлечений.

Основная причина этого парадокса заключается в том, что первые не думают о тех лишениях, которые им приходится переносить, тогда как вторые постоянно думают о тех благах, которых они лишены.

Странно наблюдать то лихорадочное рвение, с каким американцы стремятся добиться преуспеяния, и те их беспрестанные мучения, вызванные смутными опасениями по поводу того, что они выбрали не самый короткий из ведущих к нему путей.

Американец столь привязан к благам сего мира, словно он уверен в собственном бессмертии, и при этом он с такой поспешностью старается овладеть теми из них, которые оказываются а пределах его досягаемости, что можно подумать,

будто он ежеминутно опасается лишиться жизни до того, как успеет насладиться ими. Он хватает все, что ему попадается, но держит некрепко, тотчас же выпуская из рук, чтобы гнаться за новыми наслаждениями.

Американец заботливо строит дом, в котором собирается провести свои преклонные годы, и продает его, еще не возведя конька крыши; он сажает сад и сдает его в аренду, как только тот начинает плодоносить; он поднимает целину и раскорчевывает поле, предоставляя другим заботиться о жатве. Он овладевает какой-либо профессией и бросает ее. Он поселяется в каком-нибудь месте и вскоре оставляет его, чтобы следовать за своими изменчивыми желаниями. Если его личные дела дают ему некоторую передышку, он тотчас же бросается з водоворот политики. А если в конце года, заполненного каторжной работой, у него еще остается кое-какой досуг, он из-за своего неугомонного любопытства проводит его то тут, то там, путешествуя по бескрайним просторам Соединенных Штатов. Таким образом, он за несколько дней преодолевает путь длиной в пятьсот лье, чтобы отвлечься от дум о своем счастье.

В конце концов наступает смерть, останавливающая его прежде, чем он почувствует себя уставшим от своих вечных бесполезных поисков полного счастья.

Зрелище столь многих счастливых людей, не знающих ни в чем нужды и при этом испытывающих сильное беспокойство, поначалу удивляет. Однако эта драма стара, как и сам мир; новое здесь только то, что в ней участвует весь народ.

Тягу к физическим удовольствиям следует рассматривать в качестве основного источника того тайного беспокойства, которое обнаруживает себя в поступках американцев, и того непостоянства, примеры которого они демонстрируют ежедневно.

Человек, сосредоточивший все силы своей души единственно на обретении благ в этом мире, всегда спешит, ибо у него не так много времени, чтобы их найти, заполучить и насладиться ими. Мысль о том, что жизнь коротка, беспрестанно погоняет его. Независимо от количества уже обретенных им благ, он каждую минуту думает о тысяче других — о тех, которыми смерть помешает ему овладеть, если он не будет поторапливагься. Эта мысль расстраивает его, пугает, вызывает сожаления и приводит *его* душу в состояние непрекращающегося смятения, которое всякий раз заставляет его менять свои планы и место жительства.

Если стремление к материальному благополучию соединяется с таким государственным устройством, при котором ни закон, ни обычай более не удерживают человека на своем месте, то это значительно усиливает душевное беспокойство

граждан: в этом государстве вы видите людей, постоянно меняющих свой жизненный путь из-за опасения пройти мимо той самой короткой дороги, которая должна привести их к счастью.

Впрочем, нетрудно понять, что если люди, страстно ищущие физических удовольствий, обладают сильными желаниями, то они должны с легкостью от них отказываться. Поскольку их конечная цель — наслаждение, то средство его достижения должно быть быстрым и простым, иначе тяготы, связанные с получением удовольствия, перевесят само удовольствие. Поэтому души большинства людей одновременно отмечены пылкостью и вялостью, силой и слабостью. Людям часто не так страшна смерть, как необходимость продолжать усилия для достижения поставленной цели.

Равенство прямой дорогой приводит еще к некоторым результатам, которые мне следует описать.

Когда уничтожены все прерогативы, связанные с рождением и состоянием, когда все профессии и виды деятельности доступны всем и когда человек благодаря своим собственным силам может оказаться на вершине каждой из них, честолюбивым людям начинает казаться, что перед ними открыты легкие пути к великим карьерам, и они с готовностью убеждают себя в том, что они — избранники судьбы. Но этот взгляд ошибочен,

и каждодневный жизненный опыт корректирует его. То же самое равенство, которое позволяет каждому гражданину питать большие надежды, всех граждан делает индивидуально слабыми. Оно со всех сторон ограничивает их возможности, позволяя свободно разрастаться их желаниям.

Люди не только беспомощны сами по себе, но и с каждым своим шагом они обнаруживают огромные препятствия, которых сначала не замечали.

Они уничтожили мешавшие им привилегии небольшого числа себе подобных, но столкнулись с соперничеством всех против всех. Границы не столько раздвинулись, сколько изменились по конфигурации. Когда все люди более или менее равны и когда они следуют одним и тем же путем, очень трудно любому из них зашагать быстрее и пройти сквозь равномерно ступающую толпу, окружающую и теснящую каждого.

Это постоянное противоречие, существующее между инстинктами, порожденными равенством, и скудостью предоставляемых средств их удовлетворения, терзает и утомляет души людей.

Вполне возможно представить себе, что люди достигли

определенной степени свободы, которая их полностью удовлетворяет. В этом случае они будут безмятежно и спокойно наслаждаться своей независимостью. Но люди никогда не установят такого равенства, которым они были бы вполне довольны.

Какие бы усилия ни предпринимал народ, ему не удастся создать для всех совершенно равные условия существования; и даже если, к несчастью, он придет к абсолютной и полной уравниловке, все же сохранится интеллектуальное неравенство, которое, завися напрямую от Всевышнего, всегда ускользнет из-под власти человеческих законов.

Сколь бы демократичными ни были государственное устройство и политическая конституция страны, можно тем не менее полагать, что каждый из ее граждан всегда будет видеть подле себя людей, занимающих более высокое, чем он, положение, и можно заранее предсказать, что он упрямо станет обращать внимание лишь на данное обстоятельство. Когда неравенство является всеобщим законом общества, самые очевидные и значительные проявления этого неравенства не бросаются в глаза; когда же все почти равны, малейшее неравенство режет глаз. Именно по этой причине жажда равенства становится все более неутолимой по мере того, как равенство становится все более реальным.

В демократических странах люди легко добиваются определенной степени равенства, но они никогда не обретут такого равенства, какого бы им хотелось. Сбраз подобного равенства каждый день маячит перед ними, постоянно отступая, но никогда не исчезая полностью из виду и маня их следовать за собой. Они беспрестанно думают, что им удастся схватить его, ко оно неизменно ускользает от их объятий. Они рассматривают его с достаточно близкого расстояния, чтобы знать его достоинства, но не приближаются к нему настолько, чтобы испытать радость общения *с* ним, и умрут прежде, чем это им удастся.

Таковы причины, которыми следует объяснять странную меланхоличность жителей демократических стран, часто появляющуюся у людей, не имеющих в чем-либо недостатка, и те приступы отвращения к жизни, которые иногда охватывают их, несмотря на удобства и покой их существования.

Во Франции, к великому сожалению, возрастает количество самоубийств; в Америке самоубийства редки, однако меня уверяли, что сумасшедших здесь больше, чем где бы то ни было.

Это — различные симптомы одного и того же заболевания.

Американцы не убивают себя, сколь бы ни были они возбуждены, потому, что им запрещает это делать их религия, и

потому, что материалистическая философия, так сказать, не вполне им знакома, хотя страсть к материальному благополучию среди них приняла всеобщий характер.

Их воля оказывает сопротивление, но их разум часто не выдерживает борьбы.

Во времена демократии люди испытывают значительно более сильные удовольствия, чем люди, живущие в века аристократического правления, и — что еще более важно — эти удовольствия становятся доступными неизмеримо большему числу людей; но, с другой стороны, необходимо признать, что при этом надежды и желания людей исполняются значительно реже, их души испытывают значительно более сильные волнения и беспокойство и их заботы становятся более изматывающими.

395

Глава XIV КАКИМ ОБРАЗОМ У АМЕРИКАНЦЕВ СТРАСТЬ К МАТЕРИАЛЬНЫМ БЛАГАМ СОЧЕТАЕТСЯ С ЛЮБОВЬЮ К СВОБОДЕ И ВНИМАНИЕМ К ОБЩЕСТВЕННЫМ ДЕЛАМ

Если демократическое государство превращается в абсолютную монархию, активность его граждан, направлявшаяся прежде на общественные и личные дела, внезапно концентрируется на последних, что довольно быстро приводит его к материальному процветанию; однако вскоре это движение замедляется и производство перестает развиваться.

Я не знаю, можно ли привести хоть один пример развитого в промышленном и торговом отношении государства, начиная с Тира и заканчивая Флоренцией и Англией, народ которого не был бы свободен. Таким образом, между этими двумя явлениями — свободой и промышленностью — существуют тесная взаимосвязь и прямая зависимость.

Это в целом справедливо для всех наций, но в особенности — для наций демократических.

Я уже отмечал выше, что люди, живущие в века равенства, постоянно испытывают потребность объединяться, дабы приобретать все те блага, которыми они страстно стремятся обладать. Кроме того, я показал, насколько политическая свобода способствует популяризации, а также совершенствованию у них навыков по созданию объединений и ассоциаций. Поэтому в такие века свобода чрезвычайно благоприятствует производству материальных благ и общественному процветанию. И напротив, вполне понятно, что деспотизм для них особо вреден и пагубен.

В демократические века абсолютная власть по сути своей не бывает жестокой или дикой, ко лишь мелочно-въедливой и придирчивой. Такого рода деспотизм, хотя он и не топчет людей, тем не менее открыто противостоит свойственному им коммерческому духу и предпринимательской жилке.

Следовательно, люди, живущие в века демократии, нуждаются в свободе, она необходима им для того, чтобы без особых трудностей получать те материальные блага и удовольствия, которые они беспрестанно вожделеют.

И все-таки иногда случается, что все та же чрезмерная тяга к удовольствиям заставляет их подчиниться первому объявившемуся повелителю. В такой ситуации жажда благополучия подрывает свои собственные основы, и люди, не осознавая этого, удаляются от предмета своих вожделений. Действительно, в жизни демократических народов иногда наступают очень опасные периоды.

Когда стремление к материальным благам у одного из этих народов опережает развитие образования и свобод, наступает момент, в который люди как бы выходят из себя, захваченные созерцанием тех новых благ, которые они готовы заполучить. Занятые исключительно заботами о своем собственном благосостоянии, они перестают понимать, что процветание каждого из них тесно связано с благополучием всех. Нет никакой необходимости отнимать у таких граждан принадлежащие им права — они сами добровольно отказываются от них. Исполнение своего гражданского долга кажется им несносной помехой, отвлекающей их от своего дела. Идет ли речь о выборе их представителей, об оказании властям поддержки, о совместном обсуждении общих вопросов, у них никогда нет на это времени: они не станут тратить свое столь драгоценное время на бесполезную работу. Это — игры бездельников, которые не приличествуют солидным людям, занятым серьезными, жизненно важными делами. Подобные люди верят, что следуют философскому учению о реальных интересах, хотя понимают это учение весьма примитивно, и, чтобы лучше следить за тем, что они называют «своим делом», они пренебрегают своей главной обязанностью — умением держать себя в руках. Если труженики не желают думать об общественных делах, а класса, который мог бы взять на себя заботу о них, дабы заполнить свой досуг, более не существует, место правительства оказывается как бы пустым.

Если в такой момент какой-либо честолюбец захочет получить власть, он обнаружит, что путь открыт для любой узурпации.

Проявляй он в течение некоторого времени заботу о

материальном процветании граждан — и ему с легкостью простят пренебрежение всем остальным. Пусть в первую

очередь гарантирует полный порядок. Люди, испытывающие склонность к материальным благам, как правило, замечают, что любые проявления освободительного движения угрожают материальному благосостоянию, прежде чем понимают, каким образом свобода способствует процветанию, и при малейших слухах о том, что общественные страсти начинают накаляться, мешая им наслаждаться мелкими радостями их частной жизни, они пробуждаются и испытывают беспокойство; переживаемый ими в течение долгого времени страх перед анархией постоянно держит их в состоянии напряженного ожидания и готовности шарахаться прочь от свободы при первых же беспорядках.

Я совершенно согласен с утверждением о том, что общественное спокойствие — великое благо, но я не желаю меж тем забывать и о том, что народы приходили к тирании именно путем установления образцового общественного порядка. Из этого, разумеется, не следует, что народы должны презирать общественный покой, но они не должны удовлетворяться этим. Нация, не требующая от своего правительства ничего, кроме поддержания порядка, в глубине души уже поражена рабством; она порабощена своим благополучием, и всегда может появиться человек, способный заковать ее в цепи.

Деспотизм группировок не менее опасен, чем тирания отдельного человека.

Когда большинству граждан хочется заниматься только своими личными делами, даже самые малочисленные партии не должны отчаиваться, ибо и у них имеется шанс взять управление общественными делами в свои руки.

В этих случаях на огромной сцене мира, как и на подмостках наших театров, нередко можно наблюдать игру нескольких человек, изображающих собой многолюдные толпы. Лишь эти немногие люди говорят от имени отсутствующих или же равнодушных масс; лишь они действуют в обстановке всеобщей неподвижности; подчиняясь собственному капризу, они управляют всеми делами; они изменяют законы и по своей прихоти издеваются над нравственностью. Поражаешься тому, как великий народ может оказаться в руках малого круга недостойных людей.

Вплоть до настоящего времени американцам удавалось счастливо миновать все отмеченные мною рифы, и за это они воистину заслуживают восхищения.

На земле, быть может, нет другой страны, где встречалось бы еще меньше бездельников, чем в Америке, и где все те, кто работает, были бы в большей степени воодушевлены поисками материального вознаграждения. Однако, несмотря на то что тяга американцев к физическим наслаждениям очень сильна, это по крайней мере не слепая страсть, и разум управляет ею, не будучи в состоянии ослабить ее.

Всякий американец бывает поглощен своими личными интересами до такой степени, словно на свете нет никого, кроме него самого, а спустя мгновение он уже настолько занят общественными делами, будто совершенно забыл о собственных. Иногда он кажется одержимым самой эгоистической алчностью, а иногда — самым пламенным патриотизмом. Но человеческое сердце не способно разрываться подобным образом. Жители Соединенных Штатов поочередно обнаруживают столь сильные и столь сходные между собою чувства—страстную любовь к своему благосостоянию и к личной свободе, — что следует уверовать в возможность сочетания и объединения этих чувств в каком-либо уголке их души. Фактически американцы видят в своей свободе самое мощное средство достижения благосостояния и самую надежную гарантию собственного процветания Они любят одно ради другого. Поэтому им и в голову не приходит мысль о том, что вмешиваться в общественные дела не их дело; напротив, они уверены в том, что их главная задача состоит в формировании и поддержке такого правительства, которое позволяет им приобретать столь желанные для них блага и которое не запрещает мирно наслаждаться уже приобретенными.

Глава XV КАКИМ ОБРАЗОМ РЕЛИГИОЗНЫЕ УБЕЖДЕНИЯ ВРЕМЯ ОТ ВРЕМЕНИ ПРИВЛЕКАЮТ АМЕРИКАНЦЕВ К РАДОСТЯМ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

В Соединенных Штатах всякий раз, когда наступает седьмой день недели, торговая и промышленная жизнь нации кажется остановившейся; любой шум прекращается. Его

сменяет глубокий покой или, скорее, торжественная сосредоточенность; душа наконецто возвращается к самой себе и погружается в самосозерцание.

В течение всего этого дня священные места, принадлежащие богу коммерции, безлюдны; каждый гражданин в окружении своих детей и домочадцев направляется в храм и там вслушивается в странные речи, которые, казалось бы, едва ли

подходят для его ушей. Его занимают беседой о том неизмеримом зле, которое порождают гордость и вожделение. Ему говорят о необходимости умерять свои желания, о тех изысканных радостях, которые приносит одна лишь добродетель, о даруемом ею истинном счастье.

Вернувшись домой, он не спешит к своим учетным конторским книгам. Он открывает Священное писание, где находит возвышенные, сильно волнующие изображения могущества и благости Творца, неизмеримого величия творения рук Господних, мысли о той высокой миссии, которая была предопределена человеку, о его обязанностях и правах на бессмертие.

Благодаря этому американцы, некоторым образом забывая время от времени самих себя и хотя бы на мгновение очищаясь от тех мелочных страстей, которые их обуревают, и преходящих интересов, наполняющих их жизнь, разом попадают в идеальный мир, где все дышит величием, чистотой и вечностью.

На других страницах этой книги я попытался указать причины, способствующие укреплению американских политических институтов, и мне казалось, что среди этих причин религия играет одну из главных ролей. Ныне, занимаясь проблемами личности, я обнаружил и осознал, что религия приносит каждому отдельному гражданину не меньшую пользу, чем всему государству в целом.

Своей практической деятельностью американцы доказывают, что они испытывают настоятельную потребность придать демократии нравственное содержание с помощью религии. То, что каждый из них в данном отношении думает о самом себе, является истиной, которая должна быть достоянием всей демократической нации.

Я не сомневаюсь в том, что социально-политическое устройство жизни того или иного народа предрасполагает к формированию у него определенных убеждений и вкусов, получающих затем в его среде широкое- и свободное распространение, тогда как те же самые причины препятствуют образованию иных суждений и иных наклонностей, так сказать, без всяких усилий и почти неосознанно со стороны этого народа.

Все мастерство законодателя определяется умением заранее установить естественные склонности данного человеческого сообщества с тем, чтобы знать, в чем необходимо поддерживать усилия граждан, а в чем их, скорее, следовало бы сдерживать. Ибо каждое время выдвигает свои требования. Неподвижна только цель, к которой всегда должно устремляться человечество; средства ее достижения изменяются беспрестанно.

Родись я в аристократические времена в жизни нации, когда наследственные богатства считанных единиц и безысходная бедность всех остальных людей в равной мере отвращают граждан от мысли об улучшении своей доли, заставляя их словно бы оцепеневшие души предаваться созерцанию загробного мира, мне бы захотелось пробудить в таком народе сознание своих потребностей. В этом случае мне бы следовало помышлять об открытии самых быстрых и легких способов удовлетворения этих новых, вызванных к жизни желаний и, направив все усилия лучших человеческих умов на изучение естественных наук, мне надо было бы нацелить их на поиски путей материального процветания.

Если при этом отдельные люди воспылали бы чрезмерной жаждой богатства и неразумной страстью к физическим удовольствиям, я бы не стал беспокоиться: эти индивидуальные черты тотчас же и без следа растворились бы на фоне нравственного облика всего общества.

У законодателей демократических государств заботы иные.

Просветите демократические народы, дайте им свободу и развяжите им руки. И они без труда возьмут у природы все, что она в состоянии им предложить; они усовершенствуют все утилитарные искусства и ремесла и с каждым днем будут делать жизнь более удобной, легкой и приятной; само их государственное устройство будет естественным образом побуждать их двигаться в данном направлении. Я нимало не опасаюсь того, что они сами по себе остановятся в развитии.

Однако, когда человек начинает находить удовольствие в этом честном и законном поиске благосостояния, появляется опасность, что он в конечном счете может растерять все самые возвышенные свойства своей природы и, желая улучшить весь окружающий

его мир, способен дойти до собственной деградации. Опасность состоит в этом, и только в этом.

Поэтому законодателям и всем честным и просвещенным людям, живущим в демократическом обществе, нужно без устали стремиться возвышать души своих сограждан, направляя их мысли к небесам. Всем тем, кого волнует будущее демократических обществ, необходимо объединиться и всем сообща постоянно работать, воспитывая в недрах этих обществ вкус к бесконечному, возвышенные чувства и любовь к нематериальным наслаждениям.

Если в числе идей, распространенных среди

демократического народа, встречаются какие-либо из тех зловредных теорий, согласно которым со смертью всякая жизнь прекращается, то люди, придерживающиеся этих взглядов, должны считаться истинными врагами данного народа.

В материалистах очень многое вызывает во мне раздражение. Их учения мне кажутся опасными, а их высокомерие вызывает у меня отвращение. Какая-либо польза от их системы взглядов могла бы, по-видимому, обусловливаться тем, что она воспитывает в человеке скромное представление о своей собственной значимости в этом мире. Материалисты, однако, сами не дают оснований относиться к ним подобным образом; уверовав в то, что они вполне доказали свое тождество с животными, они при этом обнаруживают столько гордости, словно им удалось убедиться в собственной богоравности.

Для всех наций материализм—это опасная болезнь человеческого духа, но особенно страшен он для демократического народа, так как он превосходным образом сочетается с теми пороками сердца, которые лучше всего знакомы людям, живущим при демократии.

Демократия благоприятствует формированию в людях склонности к материальным удовольствиям. Эта склонность, если она становится чрезмерной, вскоре приводит человека к мысли о том, что вокруг него нет ничего, кроме материи; в свою очередь, материализму удается внушить людям пылкую, безрассудную страсть ко все тем же материальным наслаждениям. Таков порочный круг, к которому влекутся демократические нации. Было бы неплохо, если бы они видели опасность и предотвращали бы ее.

Большее число религий представляет собой не что иное, как всеобщее, простое и практически эффективное средство преподать людям идею бессмертия души. Этим определяется та основная польза, которую религиозные убеждения приносят демократическому народу, а также то обстоятельство, что данные убеждения куда более необходимы демократическому народу, чем любым другим сообществам.

Поэтому, когда какая-нибудь религия пускает в недрах демократического общества глубокие корни, надо быть очень осторожным, чтобы их не повредить; скорее, их следует бережно охранять как самое дорогое наследие аристократических времен; не пытайтесь отнимать у людей их старинные религиозные убеждения, дабы заменить их новыми, и бойтесь, как бы в период перехода от одних взглядов к другим, когда душа на некоторое время вообще остается лишенной веры, любовь к материальным наслаждениям не проникла и не распространилась бы в ней,

полностью завладев ею.

Учение о метемпсихозе, безусловно, не более разумно, чем материализм; тем не менее, если бы демократия оказалась перед абсолютной необходимостью выбора между ними, я не стал бы колебаться, поскольку полагаю, что граждане меньше рискуют, умственно отупляя и унижая себя, когда они думают, что их душа перейдет в тело свиньи, чем тогда, когда они вообще перестают верить в существование души.

Вера в духовное, бессмертное начало, временно соединенное с материей, столь необходима для величия человека, что она дает положительные результаты даже тогда, когда не связана с учением о непреложности посмертного вознаграждения и наказания, и независимо от того, во что верят люди: считают ли они, что после смерти божественное начало, заключенное в человеке, возвращается к Господу, растворяясь в нем, или же убеждены, что оно переселяется в другое существо.

И те и другие верующие рассматривают тело в качестве вторичного, низшего начала нашей природы; они пренебрежительно относятся к нему даже в том случае, если поддаются его влиянию; и, напротив, они питают естественное уважение и тайное восхищение перед духовным началом в человеке и тогда, когда подчас отказываются подчиняться его власти. Этого достаточно, чтобы придать их идеям и вкусам некоторую возвышен-

ность, воспитывая в них бескорыстное, как бы самопроизвольное стремление к чистым чувствам и глубоким мыслям.

Не вполне ясно, к каким конкретным представлениям относительно того, что должно происходить с человеком в загробной жизни, пришли Сократ и его последователи, однако одно-единственное твердое убеждение в том, что душа не имеет ничего общего с телом и что она переживет его, оказалось достаточным для придания всей платонической философии устремленности к возвышенному, что отличает ее от других учений.

Читая Платона, осознаешь, что среди его предшественников и современников было много писателей, восхвалявших материализм. Сочинения этих писателей либо не дошли до нас, либо сохранились в очень незначительных отрывках. То же самое показательно почти для всех времен: литературная слава большей частью связана *с* духовностью. Инстинкт и вкусы человечества поддерживают это учение; они, часто вопреки осознанному

желанию самих людей, сохраняют его, удерживая в памяти имена тех, кто был с ним связан. Поэтому едва ли следует полагать, что страсть к материальным наслаждениям и обусловленные ею воззрения когда-либо смогут удовлетворить весь народ целиком, каковыми бы ни были времена и общественно-политическая обстановка Человеческое сердце значительно шире, чем принято считать; оно одновременно способно заключать в себе тягу к земным благам и любовь к небу; иногда кажется, что оно без памяти отдано одной из этих страстей, но проходит немного времени, и оно всегда вспоминает о другой своей страсти.

Нетрудно понять, что в демократические времена особенно важно обеспечить господство в обществе духовных убеждений; гораздо труднее, однако, сказать, каким образом демократические правительства должны обеспечивать это господство.

Я не верю ни в силу воздействия, ни в долговременность официальных философских доктрин, а когда речь заходит о религиях, сросшихся с государством, я всегда думаю, что, хотя они и могут иногда служить временным интересам политических сил, всегда, раньше или позже, в судьбе церкви они играют гибельную роль.

Я не принадлежу к числу тех, кто полагает, будто для того, чтобы поднять престиж религии в глазах народа и выразить свое уважение к проповедуемой ей духовности, следует опосредованно придать ее священнослужителям то политическое влияние, в котором им было отказано законом.

Я глубоко убежден в том, что участие священнослужителей в общественных делах таит в себе почти неизбежную угрозу вере, и я настолько убежден в необходимости любой ценой сохранить христианство в новых демократических обществах, что предпочту видеть священников запертыми в храмах, нежели разгуливающими вне их стен.

Какие же все-таки средства остаются в распоряжении правительства, желающего вернуть людям духовные убеждения и удержать их в границах той религии, в традициях которой они воспитывались?

То, что я собираюсь сказать, наверняка повредит мне в глазах политиков. Я считаю, что единственным эффективным средством в руках правительств, с помощью которого они могут способствовать росту авторитета учения о бессмертии души, является сила личного примера. Каждый божий день они должны вести себя таким образом, будто сами верят в это учение; и я думаю, что, лишь скрупулезно подчиняясь нормам религиозной морали при решении важных государственных дел, они могут

льстить себя надеждой на то, что они учат граждан понимать, любить и уважать это учение в сумятице мелочных дел.

Глава XVI КАКИМ ОБРАЗОМ ЧРЕЗМЕРНАЯ ЛЮБОВЬ К БЛАГОСОСТОЯНИЮ МОЖЕТ ВРЕДИТЬ ЭТОМУ БЛАГОСОСТОЯНИЮ

Между нравственным самосовершенствованием души и улучшением материальных условий существует значительно более тесная связь, чем принято считать; эти две стороны человеческой жизни можно обособить друг от друга, рассматривая поочередно каждую из них, но совершенно разделить их невозможно, не теряя в конце концов обе из виду.

400

Животные наделены теми же чувствами, что и мы, и более или менее сходными вожделениями: у нас нет таких плотских страстей, которыми мы отличались бы от них, и всякое наше физическое ощущение, хотя бы в зачаточном состоянии, свойственно также любой собаке.

Отчего же тогда животные способны удовлетворять лишь самые насущные и элементарные из своих потребностей, в то время как мы до бесконечности разнообразим наши удовольствия и беспрестанно увеличиваем число наших потребностей?

Над животным миром нас возвышает способность использовать силы души для поисков материальных благ, в которых животное руководствуется одними лишь инстинктами. В человеке ангел обучает грубую тварь искусству удовлетворять свои потребности. Именно благодаря тому, что человек обладает способностью с презрением отречься от потребностей своего тела и даже от самой жизни — вещь совершенно немыслимая для животных, — люди могут накапливать земные блага в той степени, которая недоступна пониманию животного.

Все, что облагораживает, возвышает, расширяет душу, делает ее более пригодной для успешного решения даже тех задач, которые не входят в круг ее интересов.

Напротив, все то, что истощает и унижает душу, уменьшает ее способности решать как основные, так и частные проблемы, угрожая ей почти полным бессилием. Таким образом, необходимо, чтобы душа всегда оставалась большой и сильной, хотя бы для того, чтобы она могла время от времени использовать свое величие и силу на службе телу.

Если люди когда-либо полностью удовлетворятся материальными благами, весьма вероятно, что они мало-помалу

начнут утрачивать искусство создавать эти блага и закончат тем, что станут наслаждаться ими без разбора, не желая ничего иного, подобно животным.

Глава XVII ПОЧЕМУ ВО ВРЕМЕНА РАВЕНСТВА И РЕЛИГИОЗНЫХ СОМНЕНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕОБХОДИМО НАПРАВЛЯТЬ НА ОЧЕНЬ ОТДАЛЕННЫЕ ЦЕЛИ

В века веры конечная цель жизни находится за пределами земного существования.

Поэтому люди, живущие в такие времена, совершенно естественным образом и, так сказать, безотчетно привыкают в течение долгих лет созерцать ту неподвижную цель, к которой они беспрестанно идут, и шаг за шагом неприметно для себя учатся подавлять в себе тысячи незначительных, мимолетных желаний, чтобы быть в состоянии как можно полнее удовлетворить эту единственную, безмерную, постоянно томящую их страсть. И даже тогда, когда эти люди хотят заниматься земными заботами, их поведение вполне обнаруживает такого рода навыки. И здесь, на земле, они охотно ставят перед собой какую-нибудь общую, определенную цель, на достижение которой они направляют все свои силы. Вы не увидите их меняющими ежедневно предмет своих желаний; они действуют по заранее разработанным планам, без устали продвигаясь к намеченным целям.

Это дает объяснение тому обстоятельству, что религиозным народам часто удается исполнение великих замыслов и деяний, надолго переживающих свое время. Они обнаружили, что, будучи занятыми мыслями о том свете, они открыли великий секрет успеха на земле.

Религии прививают людям общие навыки поведения, обусловленые заботами о будущем. В данном отношении они не менее полезны для счастливой жизни на этом свете, чем для вечного блаженства. Это один из самых важных политических аспектов религий.

Но по мере того, как свет веры меркнет, кругозор людей сужается, словно цели их деятельности с каждым днем кажутся им все более близкими.

Как только они привыкают не думать о том, что будет после их смерти, они с легкостью вновь впадают в то полное, скотское безразличие к будущему, которое вполне соответствует определенным инстинктам человеческой натуры. Утратив способность связывать свои ожидания с далеким будущим, они

тотчас же обнаруживают естественное стремление к тому, чтобы их малейшие желания исполнялись незамедлительно, и может

показаться, что с того самого момента, как они отчаялись обрести вечную жизнь, они склонны вести себя так, словно не просуществуют больше одного дня.

В века безверия, следовательно, всегда нужно опасаться, как бы люди не поддались воле случая, ежедневно увлекающего их желания, и, не отказавшись полностью от целей, которые можно достичь лишь в результате длительных усилий, не лишили бы себя всего великого, безмятежного и долговечного.

Если у настроенного подобным образом народа общественный строй становится демократическим, отмеченная мною опасность возрастает.

Когда каждый человек постоянно стремится изменить свое общественное положение, когда огромная арена соперничества открыта для всех, когда богатства приобретаются и теряются в мгновение ока средь всеобщей демократической сумятицы, идеи о возможности быстрого и легкого обогащения, об огромных состояниях, накапливаемых и теряемых, образы случайности во всех ее формах сами собой приходят в головы людей. Социальная неустойчивость общества благоприятвует естественному непостоянству желаний. Благодаря вечному вращению колеса фортуны значение настоящего сильно возрастает, оно заслоняет собой будущее, которое держится в стороне, и люди не хотят задумываться о чем-то более далеком, чем завтрашний день.

В тех странах, где, к несчастью, безверие и демократия сосуществуют, философы и члены правительства должны постоянно пытаться убедить людей в необходимости добиваться в своей деятельности достижения далекой цели; это важнейшая их задача.

Моралисту нужно научиться защищать собственные взгляды, приспосабливаться к духу своего времени и своей страны. Каждый день он должен стараться доказать своим современникам, что даже среди окружающего их вечного вращения задумывать и осуществлять долгосрочные замыслы легче, чем это представляется. Он должен показать им, что, хотя облик человечества сильно изменился, методы, с помощью которых люди могут обеспечить собственное процветание в этом мире, остались прежними и что в демократиях, как и в любом другом обществе, удовлетворить главную, мучительную жажду счастья человек может только в том случае, если он изо для в день подавляет в себе тысячу мелких, конкретных желаний.

Задача правителей не менее ясна.

Во все времена представляется важным, чтобы люди, управляющие народами, вели себя, руководствуясь соображениями о будущем. Но значение этого требования еще более возрастает в века демократии и безверия, чем когда бы то ни было. Поступая таким образом, руководители демократических правительств не только обеспечивают условия процветания государства, но и своим личным примером обучают рядовых сограждан искусству вести частные дела.

Необходимо, чтобы они, насколько это возможно, исключили роль случайности из мира политики.

Стремительный и незаслуженный взлет того или иного придворного в аристократических странах производит на людей лишь кратковременное впечатление, так как весь комплекс общественных институтов и убеждений обычно заставляет каждого человека медленно идти по тому жизненному пути, с которого он не может сойти.

Нет ничего, однако, опаснее подобных примеров тогда, когда их наблюдает демократический народ. Они подталкивают его сердце к той пропасти, в которую его увлекают все обстоятельства его жизни. Поэтому главным образом во времена скептицизма и равенства с особой осторожностью следует избегать как благосклонности народа, так и милости королей, которые случайно приобретаются или теряются, не заменяя собой ни знаний, ни честной службы. Следует пожелать, чтобы каждое повышение вызывалось вполне определенными усилиями, чтобы ни один из высоких постов не доставался никому слишком легко и чтобы честолюбцы были вынуждены подолгу рассматривать предметы своих желаний прежде, чем им удастся их заполучить.

Необходимо, чтобы правительства прилагали усилия с целью вернуть людям то самое влечение к будущему, которое более уже не внушается им религией и социальным строем, чтобы они без громогласных заявлений ежедневно на практике учили граждан тому, что богатство, слава, власть являются наградой за труд, что большой успех приходит в результате сильного желания и что достигнутое без усилий не обладает никакой подлинной ценностью.

402

Когда люди приучились задолго предвидеть все то, что должно произойти в их земной жизни, и жить надеждой, им становится трудно постоянно ограничивать свои мысли строгими рамками этой жизни. Они всегда готовы перешагнуть эту границу и окинуть взором все то, что лежит по другую ее сторону.

Я не сомневаюсь в том, что, приучая граждан думать о будущем в этом мире, их постепенно подвигают незаметно для них самих к восприятию религиозных убеждений.

Таким образом, средство, позволяющее людям до определенного момента вообще обходиться без веры, быть может, в конце концов оказывается той единственной оставшейся у нас возможностью, с помощью которой человечество способно длинным, окольным путем вернуться к вере.

Глава XVIII ПОЧЕМУ АМЕРИКАНЦЫ С УВАЖЕНИЕМ ОТНОСЯТСЯ КО ВСЕМ ЧЕСТНЫМ ПРОФЕССИЯМ

У демократических народов, не знающих наследственных богатств, для того чтобы жить, каждый человек работает или же работал прежде, или же работали его родители. Поэтому идея труда как необходимой, естественной, достойной человека обязанности со всех сторон воздействует на мышление людей.

Для этих народов труд не только не постыден, но, напротив, является делом чести; общественное мнение настроено не против труда, а за него. Богатый человек в Соединенных Штатах считает себя обязанным, дабы поддержать свой авторитет, посвящать досуг каким-либо общественным делам. Он считает, что его репутация пострадает, если он будет жить просто в свое удовольствие. Именно для того, чтобы избавиться от обязанности постоянно трудиться, так много богатых американцев отправляются в Европу: здесь они находят обломки аристократических обществ, в которых праздность еще считается уделом благородных людей.

Равенство не только реабилитирует труд, оно возвышает идею труда, приносящего доход.

В аристократических обществах презираются не столько сам труд, сколько люди, работающие ради получения прибыли. Труд славен тогда, когда желание работать вызывается честолюбием или одной лишь доблестью. Однако в аристократиях весьма часто бывает так, что человек, работающий ради славы, не оказывается совершенно бесчувственным к соблазну наживы. Оба этих желания, тем не менее, встречаются лишь в самых потаенных уголках его души. Он тщательно скрывает от взора окружающих факт их связи. Он охотно скрыл бы этот факт и от самого себя. В аристократических странах едва ли встретятся государственные служащие, которые бы не утверждали, что они совершенно бескорыстно служат Отечеству. Размеры их жалованья — частный вопрос, который иногда их волнует, но по поводу которого они делают вид, будто он их не волнует вовсе.

Таким образом, понятие прибыли совершенно отделяется от понятия работы. В действительности они вполне могут сопрягаться, но традиционное мышление их разделяет.

Напротив, в демократических обществах эти два понятия всегда неразрывны, их единство совершенно очевидно. Поскольку желание жить в достатке при отсутствии крупных состояний является всеобщим, каждый нуждается в приумножении своих средств или же в изыскании новых для своих детей. Поэтому все ясно понимают, что если и не полностью, то хотя бы частично трудиться их заставляет необходимость зарабатывать деньги. И даже те люди, деятельность которых направляется главным образом жаждой славы, поневоле свыкаются с мыслью, что ими движет отнюдь не только этот мотив, и осознают, что, кем бы они ни были, в их душах желание обрести известность сочетается с желанием жить в достатке.

Как только труд, с одной стороны, начинает восприниматься всеми гражданами как достойная уважения неотъемлемая часть человеческой жизни и как только, с другой стороны, становится очевидным, что трудятся если не исключительно, то в значительной мере ради получения жалованья, колоссальное различие, существующее между разными

403

профессиями в аристократических обществах, исчезает. И хотя все они и не становятся равными, у них, по крайней мере, появляется одно общее свойство.

Нет такой профессии, которой люди занимались бы не ради денег. Наличие заработной платы, вознаграждающей людей за труд в любой сфере деятельности, придает всем профессиям черты фамильного сходства.

Это служит объяснением отношения американцев к различным видам деятельности.

Американские служащие не считают обязанность работать унизительной необходимостью, так как у них трудятся все люди. Они не чувствуют себя ущемленными при мысли о том, что получают жалованье, ибо сам президент также работает ради жалованья. Только он получает деньги за то, что руководит, а они за то, что подчиняются руководству.

В Соединенных Штатах профессии бывают более или менее трудными, более или менее прибыльными, но при этом нет занятий благородных или низких. Все честные профессии здесь в почете.

Глава XIX ЧТО ДЕЛАЕТ ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ

ПРОФЕССИИ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫМИ ПОЧТИ ДЛЯ ВСЕХ АМЕРИКАНЦЕВ

Из всех полезных занятий, как мне представляется, сельское хозяйство у демократических народов совершенствуется медленнее всего. Часто даже можно подумать, что оно застыло на месте по сравнению со многими другими отраслями, которые развиваются стремительно.

Все склонности и навыки людей, порожденные равенством, однако, естественным образом побуждают их заниматься коммерцией или промышленностью.

Представьте себе активного, образованного, свободного, вполне обеспеченного человека, обуреваемого множеством желаний. Он недостаточно богат, чтобы жить в праздности, но он слишком богат, чтобы жить под бременем страха и нужды, и мечтает о том, чтобы улучшить свое положение. У этого человека уже появился вкус к материальным наслаждениям, и он видит, как тысячи других людей предаются им на его глазах; он сам уже начал их вкушать и сгорает от нетерпения приобрести средства для более полного удовлетворения своих потребностей. Между тем жизнь проходит, время торопит. Что ему делать?

Обработка земли вознаграждает за труд почти с полной гарантией, но далеко не сразу. Земледелец обогащается понемногу, с великим трудом. Занятия сельским хозяйством подходят тем, кто богат и уже имеет большие излишки, или же тем, кто беден и нуждается лишь в средствах существования. Человек делает свой выбор: он продает землю, оставляет дом и начинает заниматься какой-нибудь рискованной, но выгодной деятельностью.

А ведь в демократических обществах имеется очень много людей этого типа, и по мере того как равенство условий становится все более реальным, их число увеличивается.

Демократия, таким образом, не просто умножает количество тружеников, она заставляет их выбирать тот или иной вид работы и, отвращая от сельского хозяйства, привлекает в коммерцию и промышленность [1].

Подобные соображения появляются даже у наиболее состоятельных граждан.

[1] Много раз уже отмечалось, что промышленники и коммерсанты обнаруживают чрезмерное влечение к материальным наслаждениям, и вину за это возлагали на коммерцию и промышленность; я считаю, что в данном отношении последствия были приняты за причины.

Склонность к материальным удовольствиям в людях

возбуждается отнюдь не коммерцией и промышленным производством; скорее, сама эта склонность заставляет людей искать пути достижения успеха в промышленных и торговых предприятиях, благодаря чему они надеются как можно полнее и быстрее удовлетворить свои страсти.

Если занятия торговлей и промышленностью и усиливают влечение к материальному благополучию, то это происходит потому, что всякая страсть крепнет по мере того, как она овладевает человеком, возрастая с каждой попыткой ее утолить. Все те причины, которые обеспечивают в человеческом сердце преобладание любви к земным богатствам, также способствуют развитию промышленности и торговли. Одна из этих причин — равенство. Оно благоприятствует процветанию торговли не непосредственно, порождая в людях склонность к коммерческой деятельности, а опосредованно — тем, что усиливает, проникая в души большинства людей, любовь к материальному благополучию.

404

В демократических странах человек, сколь бы он ни был богат, почти всегда недоволен размером своего состояния, так как находит, что он беднее своего отца, и боится, как бы его сыновья не стали беднее, чем он сам. Большинство богатых людей в демократических обществах беспрестанно помышляют о способах приобретения богатства, вполне естественным образом обращая свои взоры на торговлю и промышленность, в которых они видят самые быстрые и эффективные средства обогащения. В данном отношении они разделяют внутренние мотивы поведения бедняков, не испытывая их лишений, или, скорее, ими движет самый могущественный из стимулов — нежелание идти ко дну.

При аристократии богатые люди одновременно власть имущие. То внимание, которое они постоянно уделяют важным общественным делам, мешает им заниматься мелочными заботами, связанными с торговой и промышленной деятельностью. И даже если кто-то из них вдруг начнет склоняться к коммерции, воля класса тотчас же встанет преградой ему на этом пути, так как, сколько бы ни восставал человек против власти большинства, он никогда не может полностью избежать его гнета, а ведь даже в самом классе аристократии, с особым упорством отказывавшейся признавать права национального большинства, складывается свое, узкоклассовое большинство, которое и управляет остальными*.

В странах демократии, где деньги не приводят к власти своих обладателей, а часто и удаляют от нее, богатые люди не знают,

что им делать в свободное время. Разнообразие бередящих душу желаний, широкие финансовые возможности, влечение к необычному, которое почти всегда испытывают те, кому так или иначе удалось подняться над толпой, заставляют их действовать. Им открыта лишь одна дорога — коммерция. В демократических обществах нет деятельности более значительной и блестящей, чем торговля; она притягивает к себе взоры общественности и пленяет воображение толпы; к ней устремлена вся энергия человеческой страсти. Ничто — ни собственные предрассудки богатых людей, ни чьи-то чужие предубеждения — не мешают им приниматься за коммерцию. Богачи, живущие в демократическом обществе, никогда не образуют собой какого-либо замкнутого класса, имеющего собственный моральный кодекс и силу для его поддержания; классовые идеи и мнения не ограничивают их деятельности, ведя которую они руководствуются общественным мнением всей страны. Более того, крупные состояния, известные демократическим народам, как правило, имеют торговое происхождение, и должно смениться несколько поколений, прежде чем их обладатели полностью утратят навыки негоциантов.

Будучи весьма ограничены политической системой в сфере общественной деятельности, богатые люди демократических государств повсеместно бросаются в коммерцию; здесь они могут развернуться во всю ширь и применить свои природные способности; по рискованности и масштабности их торгово-промышленных начинаний можно даже составить себе некоторое представление о том пренебрежении, с каким они относились бы к индустриальной деятельности, если бы были рождены в лоне аристократии.

Следующее наблюдение в равной мере приложимо ко всем гражданам демократических государств, будь они бедны или богаты.

Люди, живущие в условиях демократической нестабильности, постоянно собственными глазами наблюдают проявления случайности, и в конце концов им начинают нравиться все виды деятельности, в которых случай играет определенную роль.

Поэтому торговля и привлекает их всех не только тем, что обещает быть прибыльной, но и тем, что доставляет острые ощущения.

Соединенные Штаты Америки вышли из-под колониальной зависимости Англии всего полвека тому назад; число крупных состояний у них очень мало, а капиталы еще более редки. На земле тем не менее нет народа, который добился бы столь же стремительного прогресса торговли и промышленности, как

американцы. В настоящее время они являются второй морской державой мира, и, хотя их промышленники вынуждены сражаться с почти неодолимыми объективными трудностями, они не упускают возможности ежедневно добиваться новых успехов.

В Соединенных Штатах крупные промышленные проекты реализуются без особых мучений потому, что промышленностью интересуется все население; для выполнения этих проектов свои усилия добровольно объединяют как самые бедные, так и самые богатые граждане. Поэтому то и дело изумляешься, наблюдая, какую большую работу

спокойно выполняет нация, не имеющая, так сказать, своих богачей. Американцы лишь вчера прибыли на землю своего обитания, но уже перевернули вверх дном для своей выгоды весь естественный, природный порядок вещей. Гудзон они соединили с Миссисипи, а Атлантический океан — с Мексиканским заливом, создав путь сообщения длиною более пятисот лье через континент, разделяющий два океана. Самые длинные железные дороги, построенные в мире на сегодняшний день, находятся в Америке.

Однако в Соединенных Штатах я был особенно потрясен не столько чрезвычайной грандиозностью их отдельных промышленных начинаний, сколько бесчисленным множеством мелких предпринимателей.

Почти все американские фермеры сочетают ведение сельского хозяйства с торговлей; большинство их превратили само сельское хозяйство в коммерческое предприятие.

Редко какой американский земледелец навсегда остается на занимаемой им земле. На новых территориях Запада поля расчищаются для перепродажи, а не для последующего возделывания; ферма строится с таким расчетом, чтобы за нее можно было выручить хорошие деньги тогда, когда ситуация в районе изменится вследствие роста населения.

Ежегодно целые полчища северян отправляются на Юг, чтобы обосноваться в штатах, производящих хлопок и сахарный тростник. Эти люди возделывают землю для того, чтобы разбогатеть в течение всего нескольких лет, с нетерпением ожидая того момента, когда они смогут вернуться в свои родные места, чтобы там наслаждаться достигнутым таким образом безбедным существованием. Так американцы привносят в сельское хозяйство дух коммерции, демонстрируя этим, как и всей своей деятельностью, страсть к промышленному предпринимательству.

Американцы добились колоссального роста промышленности, занимаясь ею все одновременно; по этой самой причине их экономика подвержена неожиданным глубоким кризисам.

Поскольку все они занимаются торговой деятельностью, коммерция у них испытывает влияние столь многочисленных и сложных факторов, что заранее невозможно предвидеть все те затруднения, которые в ней могут возникнуть. Поскольку каждый из них в большей или меньшей степени связан с промышленностью, при малейшем потрясении в сфере деловой активности под угрозой оказываются все частные состояния разом и расшатываются сами основы государственности.

Я убежден, что периодическое повторение промышленных кризисов—хроническое заболевание, свойственное демократическим нациям наших дней. Его можно несколько обезопасить, но нельзя полностью излечить, так как причина его не случайна, а обусловлена самим темпераментом этих народов.

Глава XX КАКИМ ОБРАЗОМ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ МОЖЕТ ПОРОЖДАТЬ АРИСТОКРАТИЮ

Я показал, каким образом демократия благоприятствует промышленному развитию общества, всемерно увеличивая количество занятых в промышленности людей; теперь давайте посмотрим, каким окольным путем промышленность в свою очередь вполне могла бы привести людей к аристократии.

Общепризнано, что, когда рабочий изо дня в день занят изготовлением одной и той же детали, конечная продукция производится проще, быстрее, с меньшими затратами.

В равной мере признано также, что, чем крупнее предприятие, его фонды и кредиты, тем дешевле будет его продукция.

Истинность этих положений смутно ощущалась издавна, но лишь в наши дни она предстала во всей наглядности. Эти принципы уже нашли применение во многих наиболее важных отраслях промышленности, и постепенно ими овладевают все остальные отрасли.

В области политики нет никаких иных истин, которые бы заслуживали большего внимания со стороны законодателей, чем эти две новые аксиомы индустриальной науки.

Когда работник постоянно занят изготовлением лишь одного-единственного предмета, он в конце концов начинает делать эту работу с чрезвычайной ловкостью. Но в то же самое время он

утрачивает общую способность концентрировать умственные усилия на своей работе. С каждым днем он становится все более искусным, но все менее трудолюбивым, и можно сказать, человеческая личность деградирует по мере того, как совершенствуются качества рабочего.

Что можно ожидать от человека, который двадцать лет своей жизни был занят изготовлением булавочных головок? И на что в дальнейшем он может направить свои умственные способности — принадлежащую ему долю могущественного человеческого разума, столь часто потрясавшего весь мир, — кроме как на изобретение более совершенного способа изготовления булавочных головок!

Когда рабочий подобным образом проводит значительную часть своей жизни, его мысли навсегда сосредоточиваются на предмете его ежедневного труда; его тело приобретает определенные двигательные навыки, от которых впоследствии ему не удастся избавиться. Одним словом, он принадлежит уже не самому себе, а избранной им профессии. Напрасно законы и моральные уложения стараются сокрушить все барьеры, окружающие такого человека, и открыть для него со всех сторон тысячи различных путей к благосостоянию; индустриальная теория, более могущественная, чем нравственные и юридические предписания, привязывает его к одной профессии, а часто и к одному месту, которое он не может оставить. Эта теория наделяет его определенным общественным положением, изменить которое он не в состоянии. Среди всеобщего движения она заставляет его сохранять неподвижность.

По мере того как принцип разделения труда находит все более широкое применение, работник становится все более беспомощным, более ограниченным и зависимым. С прогрессом ремесла сам ремесленник регрессирует. С другой стороны, по мере того как все более явственно обнаруживается, что качество и стоимость промышленной продукции непосредственно зависят от размеров промышленного предприятия и его капитала, находится много очень богатых и образованных людей, готовых эксплуатировать те отрасли индустрии, которые до сих пор оставались в руках невежественных или стесненных в средствах ремесленников. Этих богатых людей привлекает масштабность необходимых усилий и значительность ожидаемых результатов.

Таким образом, индустриальная наука постоянно ухудшает положение рабочего класса, в то же самое время улучшая положение промышленных магнатов.

Тогда как рабочий все более и более ограничивает применение своих умственных способностей изучением одной-

единственной детали, промышленник с каждым днем охватывает своим мысленным взором все более и более сложную их совокупность, и его кругозор расширяется прямо пропорционально тому, насколько сужается кругозор труженика. Вскоре последний станет нуждаться лишь в своей физической силе без интеллекта, тогда как первому, чтобы преуспевать, понадобятся знания и почти гениальные способности. Промышленник все более и более становится похожим на правителя огромной империи, а рабочий — на бессловесную тварь.

Поэтому между хозяином и рабочим в настоящий момент нет ничего общего, и различие между ними углубляется с каждым днем. Их отношения похожи на связь между крайними звеньями одной длинной цепи. Каждый из них занимает предназначенное для него место, которое он не покидает. Один находится в постоянной, прямой, неизбежной зависимости от другого и, кажется, рожден подчиняться, тогда как хозяин рожден повелевать.

Что это, если не аристократическая власть?

Когда условия существования в рамках нации становятся все более и более равными, потребность в промышленных изделиях возрастает, становясь достоянием самых широких слоев населения, и дешевизна товаров, делающих их доступными для среднеобеспеченных людей, становится все более решающим условием финансового успеха промышленной деятельности.

Таким образом, с каждым днем становится все более очевидным, что самые богатые и образованные люди отдают свои состояния и знания промышленности, стараясь путем создания крупных предприятий, строго соблюдающих принцип разде-

ления труда, удовлетворять те новые потребности людей, которые обнаруживаются во всех слоях общества.

Следовательно, по мере того как основная масса населения страны идет к демократии, отношения в конкретной группе людей, занятых в промышленности, становятся все более аристократическими. Если в обществе в целом различия между людьми все более и более стираются, то в промышленном классе они выявляются со все большей определенностью, причем неравенство здесь усиливается настолько, насколько оно уменьшается во всем обществе.

Поэтому, когда начинаешь рассматривать истоки явлений, кажется, что аристократия естественным образом зарождается в недрах самой демократии.

Но эта новоявленная аристократия вовсе не похожа на свою историческую предшественницу.

В первую очередь следует отметить, что она получает распространение только в промышленности, причем лишь в отдельных ее отраслях, и потому играет роль уродливого исключения в системе социального устройства общества.

Маленькие аристократические сообщества, формируемые определенными отраслями промышленности в недрах широкой демократии наших дней, состоят, подобно аристократическим обществам минувших времен, из нескольких очень богатых и множества очень бедных людей.

Эти бедняки почти не имеют возможности изменить свое положение и стать богатыми; богачи, однако, постоянно разоряются или же отходят от дел, получив свои доходы. Таким образом, состав прослойки бедняков более или менее устойчив, тогда как состав богатой прослойки непостоянен. Говоря по правде, несмотря на то что при демократии бывают богатые люди, класса богатых как такового здесь не существует, ибо эти богатые люди не имеют классового сознания или общих целей, традиций, ожиданий. У этого растения есть ветви и листья, но нет единого ствола.

Не только богатые не объединены прочно друг с другом, но и можно сказать, что нет никакой истинной связи между богатыми и бедными.

Они не скреплены навеки один с другим; объединяющие их интересы постоянно их и разделяют. В целом рабочий зависит от предпринимателя, но не от конкретного хозяина. Эти два человека видятся друг с другом на фабрике, не встречаясь более нигде, и, соприкасаясь в одной точке, сохраняют очень большую дистанцию во всех остальных отношениях. Предприниматель ничего не требует от рабочего, кроме его труда, а рабочий ничего не ожидает от предпринимателя, кроме зарплаты. Первый не считает себя обязанным оказывать какое-либо покровительство, второй не считает нужным что-либо защищать; их не связывают ни постоянные взаимоотношения, ни привычка, ни долг.

Промышленная аристократия почти никогда не селится в тех заводских поселках, населением которых она руководит; ее цель не в том, чтобы управлять этим населением, а в том, чтобы использовать его рабочую силу.

Сформированная таким образом аристократия не может иметь большой власти над людьми, которые на нее работают; и если даже ей на какой-то миг удается подчинить их своей воле, то вскоре они ускользают из-под ее власти. Она не смеет желать и добиваться увековечения этой власти.

Земельная аристократия минувших веков была обязана по закону или же считала себя морально обязанной приходить на помощь своим подданным, облегчая их бедственное положение. Промышленная аристократия наших дней, напротив, доведя до обнищания и отупения наемных рабочих, в периоды кризисов предоставляет заботу об их пропитании общественной благотворительности. Это — естественный результат описанного положения вещей. Рабочий и хозяин общаются часто, но между ними не устанавливаются никакие подлинные взаимоотношения.

Говоря в целом, промышленная аристократия, набирающая силу на наших глазах, — одна из самых жестоких аристократий, когда-либо появлявшихся на земле, однако в то же самое время ее власть весьма ограниченна и не столь опасна.

Тем не менее именно в эту сторону друзья демократии должны постоянно обращать свои настороженные шоры, ибо если устойчивым привилегиям и власти аристократии когда-либо вновь суждено подчинить себе мир, то можно предсказать, что войдут они через эту дверь.

Часть третья ВЛИЯНИЕ ДЕМОКРАТИИ НА НРАВЫ КАК ТАКОВЫЕ

Глава I КАКИМ ОБРАЗОМ НРАВЫ СМЯГЧАЮТСЯ ПО МЕРЕ ТОГО, КАК УРАВНИВАЮТСЯ УСЛОВИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЛЮДЕЙ

Мы признаем, что в течение нескольких веков условия существования людей уравнивались, одновременно замечая, что человеческие нравы становились мягче. Эти параллельно протекавшие процессы независимы друг от друга, или же между ними существует некая тайная связь, из-за которой один не может развиваться, не приводя в движение другой?

Смягчению нравов какого-либо народа может содействовать множество причин; тем не менее, среди них всех равенство условий существования людей мне представляется самой важной. Равенство условий и смягчение нравов, следовательно, на мой взгляд, есть не только одновременные, но также и соотнесенные друг с другом явления.

Когда баснописцы хотят заинтересовать нас поведением животных, они наделяют их человеческими мыслями и чувствами. Аналогичным образом поступают и поэты, изображающие духов и ангелов. Сколь бы крайней ни была нужда и сколь бы полным ни было блаженство, они не затронут нашего ума и сердца, если не предстанут пред нами в образах, воплощающих нас самих в иных обличьях.

Все эти рассуждения имеют вполне непосредственное отношение к рассматриваемой нами теме.

Когда люди в аристократическом обществе разделены на замкнутые иерархические группы, соответствующие роду их занятий, имущественному положению и рождению, члены каждого сословия, считая себя как бы детьми одного семейства, испытывают по отношению друг к другу то чувство постоянной и активной привязанности, которое никогда не встречается у граждан демократического общества.

Совсем иначе, однако, относятся друг к другу представители различных сословий.

У аристократического народа каждая каста имеет свои взгляды, чувства, особые права, свой независимый образ жизни. Поэтому представители одного сословия не похожи на людей, принадлежащих ко всем другим сословиям; они думают и чувствуют совершенно иначе и едва ли считают, что все они

составляют единое человечество.

Вследствие этого они не могут хорошо понимать чувства других людей или же правильно оценивать их на основании собственных критериев.

Иногда они проявляют пылкую готовность оказать друг другу помощь, но это не противоречит тому, что было сказано выше.

Те же самые аристократические институты, которые привели к возникновению стольких разновидностей в пределах единого рода людского, одновременно и объединяют их всех с помощью крайне тесной политической связи.

Хотя крепостной не питает никакой естественной заинтересованности в судьбе дворянства, он по крайней мере считает своим долгом преданно служить тому из них, кто является его хозяином; и хотя дворянин считает себя сделанным из другого теста, нежели его крестьяне, он тем не менее, подчиняясь долгу и чести, вынужден защищать всех, живущих в его владениях, даже рискуя собственной жизнью.

409

Вполне очевидно, что подобные взаимные обязанности не порождаются естественным правом, являясь следствием права политического, и что общество в данном отношении получило больше, чем могла бы дать сама природа человека. Помощь оказывалась не конкретному человеку, а лишь вассалу или сеньору. Феодальные институты обнаружили чрезвычайную чувствительность к бедам определенных людей, но не к бедственному положению всего человеческого рода. Они благоприятствовали не столько смягчению нравов, сколько проявлениям щедрости, и, стимулируя великую преданность, не порождали истинной привязанности, ибо подлинное чувство привязанности может появляться только между равными людьми, а в века правления аристократии равными считались только люди, принадлежащие к одному сословию.

Когда авторы средневековых хроник, по своему происхождению или воспитанию принадлежавшие к аристократии, сообщают о трагической кончине какого-нибудь дворянина, их горе безмерно; о массовых же избиениях и пытках простых людей они повествуют, не дрогнув и не затаив дыхания.

Это не значит, что данные книжники испытывали привычную ненависть или стойкое презрение к простонародью. Война между различными классами в государстве еще не была объявлена. Они подчинялись скорее инстинкту, чем страсти, и, поскольку о страданиях бедняков они имели лишь самое смутное представление, они не проявляли живого интереса к их участи.

Подобным же образом поступали и простолюдины, когда цепь феодальной зависимости стала распадаться. Одни и те же столетия явили миру примеры героической преданности вассалов своим сеньорам и свидетельства неслыханной жестокости, время от времени проявлявшейся низшими сословиями по отношению к высшим.

Не следует полагать, что подобная взаимная бесчувственность вызывалась лишь отсутствием общественного порядка и просвещения, ибо ее следы обнаруживаются и в событиях последующих столетий, оставшихся, несмотря на всю их просвещенность и образцовый порядок, все же аристократическими.

В 1675 году низшие сословия в Бретани восстали по причине введения нового налога. Эти бурные волнения были подавлены с беспримерной жестокостью. Вот что рассказывает о них своей дочери свидетельница этих ужасов госпожа де Севинье:

«Роше, 3 октября 1675 года

Бог мой, сколь забавно Ваше, дочь моя, письмо, отправленное из Экса! Перечитывайте по крайней мере Ваши письма перед тем, как их послать. Пусть они изумляют Вас своим остроумием и, доставляя это удовольствие, служат Вам утешением за тот труд, которого Вам стоило столь длинное послание. Итак, Вы целовали весь Прованс? Расцеловав всю Бретань, Вы не получите ни малейшего удовольствия, если, конечно, Вам не нравится запах вина. Хотите услышать новости из Ренна? Его жители должны были собрать налог в сто тысяч экю с условием, что, если они не найдут этой суммы в двадцать четыре часа, она будет удвоена и востребована солдатами. Солдаты изгнали жителей из всех домов на главной улице и запретили всем остальным пускать их к себе под страхом смерти, так что можно было видеть, как эти несчастные — женщины на сносях, старики и дети — со слезами на глазах покидали этот город, не зная, куда идти, не имея ни пропитания, на ночлега Позавчера колесовали скрипача, *с* которого все началось и который подстрекал к краже гербовой бумаги; он был четвертован, и его останки были вывешены в четырех концах города. Схватили шестьдесят горожан, и завтра их будут вешать. Эта провинция послужит хорошим уроком для всех остальных, в особенности научив их тому уважению, с которым следует относиться к губернаторам и губернаторшам, и отучив бросать камни в их сад[1].

Погода вчера стояла очаровательная, и госпожа де Тарент была в лесу. Никаких хлопот ни с комнатой, ни с угощением для нее. Она приезжает верхом и таким же образом уезжает».

В другом письме она добавляет:

«Вы очень забавно пишете мне о наших неприятностях; мы так много больше не колесуем: одного в неделю для поддержания правосудия. Правда, что казнь через пове-

[1] Дабы почувствовать уместность этой последней шутки, следует вспомнить, что госпожа де Гриньян была женой губернатора Прованса.

шение теперь кажется мне зрелищем, подкрепляющим силы. С тех пор как я нахожусь в этой провинции, у меня сложились совершенно иные представления о справедливости и правосудии. Ваши каторжники на галерах кажутся мне обществом честных людей, удалившихся от света, чтобы вести спокойный образ жизни».

Было бы ошибкой считать, что госпожа де Севинье, начертавшая эти строки, — натура эгоистическая, варварская: она страстно любила своих детей и глубоко переживала горе своих друзей; читая письма, можно даже уловить, что она с добротой и терпением относилась к своим вассалам и слугам. Однако госпожа де Севинье ясно не осознавала, что значат страдания человека, если этот человек не дворянин.

В наше время самый жестокосердный из людей, сочиняя послание самому бесчувственному из адресатов, не посмел бы хладнокровно отпускать столь жестокие остроты, как те, что я только что воспроизвел, и даже если бы его собственная мораль позволила ему так поступить, нравы, царящие в народе, воспрепятствовали бы этому.

Откуда это взялось? Стали ли мы более чувствительными, чем наши отцы? Не знаю. Но можно сказать определенно, что наша чувствительность простирается на значительно большее количество субъектов.

Когда народ почти не знает различий по чинам и все люди примерно одинаково думают и чувствуют, каждый из них способен мгновенно оценить ощущения всех остальных: для этого ему надо лишь мельком заглянуть в самого себя. Поэтому нет такого страдания, которого бы он не понял без труда и вся глубина которого осталась бы тайной для его чувств. Совершенно неважно, о ком идет речь — о незнакомых или даже о врагах: его воображение тотчас же заставляет его оказаться на их месте. Оно всегда примешивает нечто личное в его чувство жалости и побуждает его страдать, когда терзают тело другого человека.

В века демократии люди редко жертвуют собой ради других, но им свойственно общее чувство сострадания, распространяющееся на всех представителей рода человеческого.

Они не станут приносить бессмысленное зло, и, если это не очень вредит им самим, они могут облегчать страдания других людей, причем делать это с удовольствием; они не равнодушны, а добры.

Хотя американцы положили эгоизм, так сказать, в основу своего социально-философского учения, им тем не менее очень хорошо знакомо чувство жалости.

Нет страны, где уголовное право применялось бы с большей мягкосердечностью, чем в Соединенных Штатах. В то время как англичане, по-видимому, сознательно и педантично сохраняют в своем уголовном законодательстве кровавые следы средневековых уложений, американцы почти исключили смертную казнь из своих кодексов.

Мне думается, что Северная Америка — единственная страна в мире, где за последние пятьдесят лет ни один гражданин не был лишен жизни за политические правонарушения.

Доказательством того, что необычайное добродушие американцев обусловлено главным образом социальным устройством их общества, служит их манера обращения со своими рабами.

Говоря в целом, на территории Нового Света, быть может, нет ни одной европейской колонии, где физические условия жизни чернокожих были бы более терпимыми, чем в Соединенных Штатах. Тем не менее и здесь рабы испытывают ужасные муки и постоянно подвергаются очень жестоким наказаниям.

Нетрудно понять, что судьба этих несчастных не вызывает особой жалости в сердцах их хозяев и что они относятся к рабству не только как к выгодному для них порядку вещей, но также и как к общественному злу, которое их едва ли трогает. Таким образом, один и тот же человек, полный самых гуманных чувств по отношению к себе подобным, когда они занимают равное с ним положение в обществе, становится бесчувственным к их горестям, если это равенство исчезает. Поэтому мягкость общественных нравов следует объяснять равенством в большей мере, чем цивилизованностью и просвещенностью людей.

То, что я говорил об отдельных личностях, в определенной степени приложимо и к целым народам.

Когда каждая нация имеет свои особые убеждения, верования, законы и обычаи, она считает себя как бы единственным полноправным представителем всего человечества в целом и способна воспринимать только собственные горести. Если между народами, на-

строенными подобным образом, разыгрывается война, она не

обойдется без проявлений варварства.

Во времена наивысшего расцвета своей культуры римляне перерезали горло полководцам противника после того, как проводили их по улицам, привязанными к колеснице триумфатора, и отдавали пленников на съедение диким зверям для развлечения народа. Цицерон, столь громогласно возражавший против идеи распятия римского гражданина на кресте, не произнес ни единого слова в осуждение столь ужасных злоупотреблений военными победами. Ясно, что в его глазах иноземец не принадлежал к тому же самому человеческому роду, что и римлянин.

Напротив, по мере того как народы сближаются, уподобляясь друг другу, они становятся все более способными на чувство взаимного сострадания, а их представления о правах народов — более гуманными.

Глава II КАКИМ ОБРАЗОМ ДЕМОКРАТИЯ УПРОЩАЕТ И ОБЛЕГЧАЕТ ОБЫЧНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ АМЕРИКАНЦАМИ

Демократия не создает прочной взаимосвязи между людьми, но она облегчает их повседневные взаимоотношения.

Вообразите себе двух англичан, волею случая встретившихся среди антиподов; они окружены чужаками, языка и нравов которых они совершенно не знают.

Эти двое сначала внимательно осмотрят друг друга, испытывая острое любопытство и своего рода скрытое беспокойство, затем они отвернутся в разные стороны или же если они подойдут друг к другу, то приложат все усилия, чтобы во время разговора сохранить холодный, рассеянный вид и не говорить ни о чем, кроме вещей малозначительных.

Между ними, однако, нет никакой неприязни; они никогда прежде не виделись и взаимно расположены верить в совершенную добропорядочность друг друга. Почему же с таким усердием они стараются избегать один другого?

Чтобы это понять, необходимо вернуться в Англию.

Когда исключительно происхождение, независимо от размеров состояния, определяет классовую принадлежность людей, каждый точно знает, какую ступеньку социальной лестницы он занимает; он не стремится с нее подняться и не боится спуститься ниже. В обществе, устроенном подобным образом, люди различных сословий редко общаются друг с другом; однако, когда случай заставляет их вступать в контакты, они охотно это делают, не надеясь и не боясь утратить свою

классовую принадлежность. Их взаимоотношения не основаны на равенстве, но они лишены натянутости.

Когда родовую аристократию сменяет аристократия денежного мешка, ситуация становится совершенно иной.

Привилегии отдельных людей все еще чрезвычайно значительны, но возможность их получить открыта для всех; из этого следует, что люди, обладающие ими, постоянно угнетены страхом их потерять или хотя бы отдать часть из них. Те же, кто их еще не имеет, хотят получить их любой ценой и, если им это не удается, желают хотя бы казаться наделенными привилегиями, что вполне им доступно. Поскольку общественная ценность людей более не определяется явно и неизменно родовитостью, а бесконечно изменяется в зависимости от размеров их состояний, ступени социальной лестницы по-прежнему сохраняются, только теперь нельзя с первого взгляда со всей определенностью установить, кто какую из них занимает.

Это тотчас же приводит к тайной гражданской войне всех против всех. Одни стремятся с помощью тысячи уловок проникнуть в круг тех, кто выше их, или же представить дело так, что они в него вхожи. Другие постоянно борются, отражая натиск этих узурпаторов их прав, или, скорее, один и тот же индивидуум обременен двумя заботами: стараясь попасть в более высокие общественные сферы, он бесстрашно сдерживает натиск снизу.

Таково в наши дни положение Англии, и я думаю, что именно это положение является главной причиной того, о чем говорилось выше.

412

У англичан еще очень сильна аристократическая гордость, и, поскольку границы аристократии стали размытыми, всякий из них постоянно остерегается, как бы не воспользовались его любезностью. Не имея возможности с первого взгляда установить социальную принадлежность встреченных им людей, он благоразумно избегает общения с ними. Он боится, что, оказав незначительное содействие, он, вопреки своей воле, обретет нежелательное знакомство; он боится оказывать и принимать услуги и с такой же старательностью уклоняется от бестактного выражения признательности со стороны незнакомого лица, с какой избегает его ненависти.

Многие люди объясняют эту чрезвычайную необщительность, замкнутость и молчаливость англичан причинами чисто физиологическими. Я охотно допускаю, что кровь оказывает определенное влияние, но убежден, что причины социальные играют значительно большую роль. В данном отношении

доказательством этого служат американцы.

В Америке, где привилегии, связанные с происхождением, никогда не существовали и где богатство не приносит никаких особых прав его обладателям, незнакомые между собой люди охотно встречаются в общественных местах, не видя для себя никакой выгоды или опасности в свободном обмене мыслями. Встречаясь случайно, они не ищут и не избегают друг друга, поэтому их общение носит непринужденный, прямой и открытый характер. Вы видите, что они почти ничего не ждут друг от друга и ничего не опасаются, и поэтому не чувствуют себя обязанными ни демонстрировать свое общественное положение, ни скрывать его. Выражение их лиц может быть холодным и серьезным, но оно никогда не бывает высокомерным или скованным, и если они не говорят друг другу ни слова, то потому, что у них нет настроения разговаривать, а вовсе не потому, что они считают молчание выгодным для себя.

В чужих странах двое американцев сразу же становятся друзьями по той простой причине, что они — американцы. Никакие предрассудки не отталкивают их друг от друга, а общность родины — притягивает. Кровного единства двух англичан недостаточно для их сближения: им необходимо еще и равенство по общественному положению.

Американцы, как и мы, обращают внимание на эту необщительность англичан между собой, и она их изумляет не меньше, чем нас самих. А между тем американцы близки к англичанам по происхождению и по религии, у них один язык и частично сходны нравы. Они отличаются лишь по социальным условиям существования. Поэтому имеются основания утверждать, что сдержанность англичан является следствием социально-политического устройства страны в большей степени, чем физиологических особенностей ее граждан.

Глава III ПОЧЕМУ АМЕРИКАНЦЫ НЕ СТОЛЬ ЧУВСТВИТЕЛЬНЫ У СЕБЯ НА РОДИНЕ И ОБНАРУЖИВАЮТ ТАКУЮ ОБИДЧИВОСТЬ, КОГДА НАХОДЯТСЯ В НАШЕЙ СТРАНЕ

По своему характеру американцы мстительны, как все серьезные, вдумчивые народы. Они почти никогда не прощают оскорблений, однако обидеть их нелегко, и их злоба распаляется столь же медленно, как и угасает.

В аристократических обществах, где малочисленная группа лиц заправляет всеми делами, внешние формы человеческого общения подчиняются более или менее устоявшимся

условностям. Каждый считает, что знает совершенно точно, какими знаками приличествует свидетельствовать свое почтение или же выражать свою благосклонность, и знание правил этикета полагается обязательным для всех.

Нормы поведения, принимаемые господствующим классом, затем служат образцом для всех остальных сословий, и, более того, каждое из них вырабатывает свой собственный кодекс, которому должны подчиняться все его представители.

Наука учтивости и хорошего тона, таким образом, представляет собой целый свод запутанных правил, овладеть которыми в совершенстве трудно и которые тем не менее рискованно нарушать, так что люди ежедневно подвергаются опасности невольно наносить или же получать жестокие оскорбления.

413

По мере того как сословные различия стираются и люди, различные по своему образованию и происхождению, сталкиваются и перемешиваются в одних и тех же общественных местах, договориться о правил ах хорошего тона становится почти невозможно. Когда закон не вполне установлен, его несоблюдение не считается преступлением даже в глазах людей, знающих этот закон; они больше внимания уделяют содержанию поступков, чем их форме, сразу сделавшись как менее обходительными, так и менее придирчивыми.

Американец не придает никакого значения великому множеству мелочей; он считает, что они не имеют лично к нему прямого отношения, или же полагает, что окружающие не подозревают о наличии этого отношения. Поэтому он либо не воспринимает их поведение как проявление неуважения к себе, либо прощает его; манеры американца от этого становятся менее галантными, а характер обретает простоту и мужественность.

Эта свойственная американцам взаимная терпимость и та мужественная доверчивость, с которой они относятся друг к другу, обусловлены еще одной, более общей и более глубокой причиной.

Я уже освещал эту причину в предыдущей главе.

Поскольку в Соединенных Штатах люди в гражданской жизни не столь разительно отличаются друг от друга по своему общественному положению и поскольку в политической деятельности эти различия вообще никакой роли не играют, американец не считает себя обязанным оказывать кому бы то ни было из своих сограждан знаки особого почтения и сам их ни от кого не ожидает. Не видя в том никакой необходимости, он не

ищет страстно общения с кем-либо из своих соотечественников и поэтому с трудом представляет себе, что его общество может оказаться для кого-то нежелательным; никого не презирая по причине более низкого общественного положения, он не ожидает, что кто-то будет презирать его самого вследствие данного обстоятельства, и не считает, что кто-то хочет его обидеть, до тех пор пока оскорбление не становится явным.

Социальные условия объективно содействуют тому, что американцы редко обижаются из-за мелочей. С другой стороны, та демократическая свобода, которой они пользуются, способствует превращению этого благодушия в одну из основных черт национального характера.

Политические институты Соединенных Штатов заставляют граждан всех классов постоянно контактировать между собой и действовать сообща в крупных начинаниях. Занятые подобным образом люди не имеют слишком много времени для размышлений о деталях этикета, и к тому же они слишком заинтересованы в поддержании согласия, чтобы задерживать на них свое внимание. Поэтому они с легкостью приобретают навык судить о тех, с кем встречаются, прежде всего по тому, какие от них исходят чувства и идеи, не придавая особого значения манерам и не позволяя себе волноваться по пустякам.

Как я неоднократно замечал в Соединенных Штатах, американцу трудно дать понять, что его присутствие вам докучает. Окольным путем вы никогда этого не достигнете.

Если я по всякому поводу возражаю американцу, желая дать ему почувствовать, что беседа с ним меня утомляет, он всякий раз предпринимает новые попытки убедить меня; я начинаю упрямо молчать, тогда он воображает, что я глубоко задумался, осмысляя представленные им доводы, а когда я в конце концов разом вскакиваю и молча удаляюсь прочь, он полагает, что у меня имеется какое-то неотложное дело, о котором я ему не сказал; я могу избавиться от него, только став его смертельным врагом.

На первый взгляд кажется удивительным, что тот же самый человек, очутившись в Европе, сразу оказывается мелочным и трудным в общении и что здесь он становится столь же обидчивым, сколь дома был нечувствителен к обидным вещам. Эти два таких различных следствия вызываются одной и той же причиной.

Демократические институты в целом дают людям высокое представление о своей родине и о самих себе.

Сердце американца, выезжающего за границу, наполнено гордостью. Он прибывает в Европу и сразу видит, что мы не столь озабочены, вопреки его ожиданиям, судьбой Соединенных Штатов

и великого народа, населяющего их. Это начинает его раздражать.

Он слышал, что в нашем полушарии жизнь совершенно другая. Он и собственными глазами видит, что среди народов Европы следы сословных различий еще полностью не стерты, что богатство и происхождение по-прежнему обеспечивают какие-то неопределенные привилегии, которые столь же трудно не заметить, как и точно определить. Это

зрелище изумляет *его* и приводит в волнение, ибо для него оно совершенно новое; ничто из виденного им в своей стране не способствует его пониманию. Поэтому он не имеет ни малейшего представления о том, какое место ему приличествует занимать в этой полуразрушенной иерархии, посреди этих классов, еще вполне определенных для того, чтобы испытывать ненависть и презрение друг к другу, но уже настолько близких, что он всегда может запутаться в различиях между ними. Он боится претендовать на место, слишком для него высокое, но в особенности опасается поставить себя слишком низко; эта двойная опасность постоянно держит его в напряжении, приводя в замешательство и придавая неуверенность его поступкам и речам.

Традиция говорит ему, что в Европе церемониал имеет бесчисленное множество вариантов в зависимости от ранга человека; этот призрак минувших времен вызывает в нем беспокойство, и он тем больше страшится, что ему не оказывают должных знаков внимания, чем меньше он представляет, в чем же должно заключаться это внимание. Таким образом, он всегда похож на человека, пытающегося избежать ловушек, которые окружают его со всех сторон; светское общение для него — не развлечение, а трудная работа. Он взвешивает все ваши действия, испытующе рассматривает выражение вашего лица и старательно анализирует все ваши высказывания, не содержится ли в них скрытых оскорбительных для него намеков. Я не знаю, можно ли встретить хоть одного живущего в деревне помещика, который был бы придирчивее его в вопросах правил хорошего тона; себя он заставляет подчиняться самым пустяковым законам этикета и не терпит, чтобы они нарушались кем бы то ни было по отношению к нему; он одновременно чрезмерно щепетилен и чрезвычайно требователен; он готов делать все, что положено, но боится, что делает слишком много, и, не разбираясь толком в допустимых границах, становится смущенно-высокомерным и крайне сдержанным.

Но это не все. Человеческое сердце способно еще на одну

странную уловку.

Американец постоянно рассуждает о том замечательном равенстве, которое господствует в Соединенных Штатах; он громогласно гордится своей страной, сумевшей добиться этого; втайне, однако, он сокрушается по поводу данного обстоятельства и стремится показать, что лично он являет собой исключение из этого общего, превозносимого им порядка вещей.

Едва ли встретится американец, который бы не хотел иметь хотя бы отдаленного родства с первыми переселенцами, основателями колоний, а что касается отпрысков знатных английских родов, то Америка, как мне показалось, только ими и заселена.

Когда состоятельный американец высаживается в Европе, то он в первую очередь старается окружить себя всеми признаками роскоши; он так сильно опасается быть принятым за рядового гражданина демократической страны, что измышляет сотни способов напомнить вам о своем богатстве, предоставляя все новые и новые его доказательства. Как правило, он поселяется в самом фешенебельном районе города и окружает себя беспрестанно снующей толпой прислуги.

Я слышал, как один американец сетовал по поводу того, что даже в лучших салонах Парижа встречается смешанное общество. Царящий в них вкус не показался ему достаточно утонченным, и он дал понять, что, на его взгляд, в них не хватало строгости и изысканности манер. Он не привык к тому, чтобы столь изощренная интеллектуальность была облечена в столь вульгарные формы поведения.

Подобные парадоксы не должны удивлять.

Если бы следы древних аристократических различий не были полностью стерты в Соединенных Штатах, американцы не были бы столь простыми и терпимыми в своей собственной стране и были бы менее требовательными и напыщенными в нашей.

Глава IV СЛЕДСТВИЯ, ВЫТЕКАЮЩИЕ ИЗ ТРЕХ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ

Когда люди испытывают естественное сочувствие к страданиям друг друга, когда они часто и легко общаются между собой, встречаясь ежедневно и не страдая обидчивостью, легко понять, что в случае необходимости они с готовностью оказывают друг другу помощь. Когда американец обращается за помощью к окружающим, очень редко бывает,

чтобы они ему в ней отказали, и я часто наблюдал, как они самопроизвольно оказывали горячую поддержку ближнему.

Случается ли на дороге какое-либо непредвиденное происшествие, они тотчас же отовсюду сбегаются к пострадавшему; обрушивается ли внезапное горе на семью, тысячи незнакомых людей добровольно открывают свои кошельки; скромные, но весьма многочисленные пожертвования облегчают нужду этого семейства

У самых цивилизованных народов планеты часто бывает так, что несчастный человек оказывается среди толпы столь же одиноким, как дикарь в своему лесу; подобного почти никогда не увидишь в Соединенных Штатах. Всегда холодные в обращении и часто грубые американцы почти не бывают бесчувственными, и даже если они не спешат предлагать свои услуги, то в них никогда не отказывают.

Все это не противоречит тому, что я выше писал об индивидуализме. Фактически эти явления не только не отрицают друг друга, но и неразрывно связаны между собой.

Равенство условий существования наряду с тем, что оно дает людям ощущение независимости, выявляет их бессилие; они свободны, но подвержены тысяче случайностей, и жизненный опыт очень скоро подсказывает им, что, даже если они обычно не нуждаются в помощи других людей, почти всегда может наступить такой момент, когда без этой помощи они не смогут обойтись.

В Европе мы каждый день видим, что люди одной профессии, сколь бы черствыми и эгоистичными они ни были, охотно помогают друг другу; у них одни и те же беды, и этого достаточно, чтобы они сообща искали средства борьбы с ними. Поэтому, когда одному из них угрожает опасность и другие с помощью незначительной временной жертвы или же резкого усилия могут его выручить, они попытаются это сделать. И дело не в том, что они глубоко заинтересованы в его участи: в случае если их усилия оказываются бесполезными, они тотчас же забывают о нем, возвращаясь к своим собственным делам. Однако в их среде существует своего рода молчаливая и почти непроизвольная договоренность, согласно которой каждый обязан оказывать другим временное содействие, дабы самому иметь возможность обратиться к ним за помощью.

Распространите сказанное мною об одном классе на весь народ в целом, и вы поймете мою мысль.

Все граждане демократического государства фактически связаны между собой молчаливым соглашением, аналогичным тому, о котором я сказал. Все они чувствуют свою слабость и

подверженность одним и тем же опасностям, и их интересы, равно как и симпатии, заставляют их подчиняться закону, согласно которому они обязаны в случае необходимости приходить друг другу на помощь.

Чем более схожими становятся условия существования, тем очевиднее люди обнаруживают эту предрасположенность признавать взаимные обязательства.

В демократиях никто вас не жалует великими благодеяниями, но зато вам постоянно оказывают добрые услуги. Человек здесь очень редко проявляет склонность к самопожертвованию, но все люди готовы быть полезными.

Глава V КАКИМ ОБРАЗОМ ДЕМОКРАТИЯ ИЗМЕНЯЕТ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СЛУГОЙ И ХОЗЯИНОМ

Однажды американец, долго путешествовавший по Европе, сказал мне: «Англичане обращаются со своими слугами с поразительными для нас надменностью и строгостью; французы в свою очередь в обращении со своими слугами подчас доходят до фамильярности или же проявляют по отношению к ним такую вежливость, которую мы не способны понять. Можно подумать, что они боятся приказывать. Дистанция между хозяином и слугой плохо соблюдается».

Это наблюдение верно, и я сам неоднократно это замечал.

Я всегда считал, что на свете нет такой страны, где бы в наши дни прислуга жила в большей строгости, чем в Англии, и, напротив, более вольготно, чем во Франции. Нигде положение хозяина не кажется мне столь высоким или же столь незавидным, как в этих двух странах.

Где-то между этими двумя крайностями находятся американцы.

Таковы внешние, очевидные факты. Для того чтобы выявить их причины, необходимо вернуться в далекое прошлое.

Еще никто не видел такого общества, где условия существования людей стали бы настолько равными, что в нем не встречалось бы ни богатых, ни бедных, и, следовательно, где не было бы ни господ, ни слуг.

Демократия не уничтожает основ существования этих двух классов, но она изменяет их сознание, а также взаимоотношения между ними.

У аристократических народов слуги образуют самостоятельный класс, который не более подвержен

преобразованиям, чем класс господ. В этих классах почти сразу же устанавливается незыблемый порядок; как первый, так и второй быстро порождают внутри себя иерархию со своими многочисленными отличительными признаками и четко определенными рангами; сменяются поколения, но это положение остается незыблемым. В одном обществе, таким образом, существуют два общества, расположенных один над другим, всегда сохраняющих между собой четкие различия, но подчиняющихся аналогичным принципам.

Подобное аристократическое устройство оказывает на умы и нравы слуг не меньшее влияние, чем на мировоззрение и этику господ; и, хотя это влияние приводит к различным результатам, в них легко установить действие одной и той же причины.

И первые и вторые образуют собой две маленькие нации внутри одной нации, и это заканчивается тем, что в их среде складываются две различные системы представлений о справедливости и несправедливости. Многие проявления человеческой жизни рассматриваются с разных, но неизменных позиций. В обществе слуг, как и среди господ, люди оказывают огромное влияние друг на друга. Они признают установленные правила и при недостаточной разработанности законов ориентируются на общественное мнение; роль полиции у них играют традиционные навыки и обычаи.

Эти люди, волею судьбы обреченные повиноваться, без сомнения, совсем иначе, чем их господа, относятся к таким вещам, как слава, добродетель, честность, честь. Однако они создают собственные представления о славе, добродетелях и честности, подобающих слугам, и вырабатывают, если так можно выразиться, своего рода кодекс чести слуги[1].

Не следует считать, что у всех представителей низшего сословия низменный образ мыслей. Это было бы грубой ошибкой. Сколь бы ни было низким сословие, тот, кто в нем на первых ролях и кто не помышляет выйти из него, занимает аристократическую позицию, предполагающую наличие в нем возвышенных чувств, благородной гордости и самоуважения, делающих его способным совершать доблестные, незаурядные поступки.

У аристократических народов среди слуг вельмож можно было встретить людей, обладавших благородными душами и горячими сердцами, которые несли свою службу, не ощущая ярма слуги, и которые подчинялись воле своих господ, не страшась их гнева.

На нижних ступенях иерархии домашней челяди почти никогда не было таких людей. Можно предположить, что те, кто

занимал эти нижние ступени, действительно обладали низменными душами. Французы придумали специальное слово для обозначения этой последней разновидности слуг аристократии. Они назвали ее «лакеями».

Слово «лакей» являлось крайне негативным термином, когда все остальные понятия казались недостаточными для выражения человеческой низости; в средневековом французском королевстве, когда хотели кратко изобразить презренное, опустившееся существо, говорили, что у него *лакейская душа.* Одного этого вполне хватало. Смысл был совершенно ясен.

Постоянное неравенство условий не только наделяет слуг определенными добродетелями и определенными, лишь им свойственными пороками, но и ставит их в особую позицию — лицом к лицу со своими господами.

[1] Если вы внимательно и подробно изучите те основные взгляды, которыми руководствуются эти люди, аналогия покажется еще более поразительной, и вы с изумлением обнаружите в их среде, так же как в высшем обществе феодальной иерархии, гордость за свое происхождение, уважение к предкам и наследникам, презрение к нижестоящим, опасливое отношение к незнакомым людям, склонность к этикету, вкус к традициям и старине.

У аристократических народов бедняк с детства привыкает к мысли о том, что им будут командовать. Куда бы он ни кинул взгляд, повсюду он тотчас же видит лик иерархии и признаки подчинения.

В тех странах, где царит устойчивое неравенство условий, господин с легкостью добивается от своих слуг мгновенной, полной и почтительной покорности, так как в его лице уважают не только своего господина, но и весь класс господ. Он подавляет волю подчиненных, олицетворяя собой всю мощь аристократки.

Он руководит их поступками, в определенной мере он управляет и их мыслями. При аристократки господин часто к даже вполне безотчетно обладает огромной властью над суждениями, привычками и нравами тех, кто ему служит, и его влияние оказывается куда более сильным и глубоким, чем это предусмотрено авторитетом его власти.

В аристократических обществах не только имеются наследственные кланы слуг, подобные знатным семействам господ, но и устанавливается такой порядок, при котором одна и та же семья слуг в течение нескольких поколений живет бок о бок с одним и тем же семейством господ (они подобны двум

непересекающимся и не расходящимся в разные стороны параллельным прямым). Данное обстоятельство оказывает колоссальное воздействие на характер взаимоотношений между этими двумя группами людей.

Таким образом, несмотря на то что при аристократки между господином и слугой нет никакого естественного сходства, несмотря на то что по состоянию, образованию, взглядам и нравам они, напротив, стоят на совершенно различных, удаленных друг от друга ступенях человеческой лестницы, время, между тем, соединяет их воедино. Они связаны длинной цепью общих воспоминаний, и, сколь бы ни были они различны, они начинают уподобляться друг другу, тогда как в демократиях, где они почти равны, они всегда друг для друга остаются чужими.

У аристократических народов господа склонны относиться к своим слугам как к наименее значительным, низшим атрибутам своей собственной личности и поэтому часто, побуждаемые крайним эгоизмом, проявляют интерес к их судьбе.

Слуги со своей стороны весьма близки к мысли о возможности рассматривать себя с такой точки зрения. Подчас они настолько отождествляют себя с личностью господина, что в конце концов превращаются в его принадлежность не только в его, господина, но и в своих собственных глазах.

В аристократиях слуга занимает подчиненное положение, изменить которое он не может; рядом с ним находится другой человек, занимающий более высокое положение, которое он не может потерять. С одной стороны, неизвестность, бедность и вечная покорность, с другой—слава, богатство, вечное право повелевать. Эти два состояния весьма различны и вполне близки, нарушить их может только могила.

В случае крайней преданности слуга окончательно теряет интерес к самому себе; он становится равнодушным к своей личности; в некоторой степени он изменяет себе или, скорее, переносит все свои интересы целиком на своего господина, которому и придает образ собственной воображаемой личности. Он с удовольствием хвастается богатством того, кто ему приказывает, он купается в лучах его славы, восхищается его знатностью, беспрестанно тешит себя заимствованным величием, которому он часто придает большую значимость, чем тот, кто всецело обладает им в действительности.

В этом странном смешении двух планов существования имеется нечто одновременно трогательное и смешное.

Господские страсти, овладевшие душами слуг, принимают формы и масштабы, соответствующие занимаемому ими месту; они становятся более узкими и низкими. То, что было гордостью

у одних, принимает облик ребяческого тщеславия и жалкой напыщенности у других. Слуги вельможи, как правило, чрезвычайно щепетильны в отношении положенных ему знаков почтительности и больше его самого пекутся о самых ничтожных из его привилегий.

Среди нас еще можно порой встретить кого-либо из этих старых слуг аристократии; они пережили свое время и вскоре исчезнут вместе с самой аристократией.

В Соединенных Штатах я не видел ни одного человека, похожего на них. Американцам вообще незнаком подобный тип людей, и они с великим трудом верят в возможность их существования. Американцам представить их образ не проще, чем нам вообразить тип древнеримского раба или средневекового крепостного. Все эти типы людей, хотя и в

различной степени, являются продуктами действия одной и той же причины.Они отдаляются от нас и вместе с породившим их государственным устройством постепенно исчезают во мраке прошлого.

Равенство делает из слуги и из хозяина совершенно новых людей и устанавливает между ними новый тип взаимоотношений.

Когда условия существования почти равны, положение людей беспрестанно меняется. Классы слуг и господ еще сохраняются, но они уже не состоят все время из одних и тех же индивидуумов и в особенности из одних и тех же семейств. Люди уже не пользуются пожизненным правом приказывать, как и не испытывают вечной необходимости находиться в подчинении.

Поскольку слуги не образуют отдельной прослойки, они не имеют своих особых привычек, предрассудков или морали; в их среде вы не обнаружите никакого специфического образа мыслей и чувств; им не знакомы особые профессиональные пороки или добродетели, и у них то же образование, те же мысли, чувства, добродетели и пороки, что и у их современников. Среди них, как и среди хозяев, встречаются и честные люди, и плуты.

Среди слуг устанавливается такое же равенство, что и среди хозяев. Поскольку в классе слуг вы не найдете четкого ранжирования или строгой иерархии, от них не следует ожидать ни крайней низости, ни того благородства души, которое было свойственно аристократии слуг в той же мере, как и всем другим аристократам.

В Соединенных Штатах я не встретил никого, кто напомнил бы мне образ элитарного слуги, память о котором в Европе еще сохранилась; однако, с другой стороны, никто мне там не

напоминал и лакеев. Оба этих типа исчезли без следа.

В демократиях слуги не только равны между собой, в определенном смысле можно говорить и об их равенстве со своими хозяевами.

Чтобы данное утверждение стало вполне понятным, его необходимо пояснить. Слуга в любой момент может стать хозяином и стремится им стать. Поэтому сравнительно с хозяином слуга не является каким-то другим типом человека.

Отчего же тогда первый имеет право приказывать и что заставляет второго ему повиноваться? Временное и свободное соглашение, заключенное по обоюдному желанию. Один из них по своей природе не ниже второго и подчиняется ему лишь временно, на основании договора. В пределах, оговоренных условиями этого контракта, один из них — слуга, второй — хозяин. Во всех остальных отношениях они являются равноправными гражданами и людьми.

Убедительно прошу моего читателя хорошенько уразуметь, что подобная точка зрения на положение слуги формируется не только в головах самих слуг. Аналогичным образом положение прислуги рассматривается также хозяевами, и точные границы их власти и покорности четко очерчены в сознании как первых, так и вторых.

Когда большинство граждан в течение долгого времени живут примерно в равных условиях и когда равенство в обществе — давно признанный факт, общественное мнение, на которое исключения никогда не влияют, признает за человеком как таковым определенную ценность, за нижней и верхней границами которой любому индивидууму трудно долго находиться.

Напрасно богатство и бедность, власть и покорность устанавливают иной раз большую дистанцию между двумя людьми, общественное мнение, основывающееся на нормальном порядке вещей, сводит их к общему уровню, порождая между ними определенное воображаемое равенство, несмотря на реальное неравенство их общественного положения.

Это всемогущее мнение в конечном счете завладевает душами даже тех людей, в чьих интересах следовало бы сражаться против него; воздействуя на сознание, оно одновременно подчиняет их волю.

В глубине души ни хозяин, ни слуга не усматривают более значительного различия между собой, не желают добиваться его и не боятся с ним столкнуться. Поэтому в их отношениях нет презрения или гнева, смирения или надменности.

Единственным источником своей власти хозяин считает соглашение, а слуга видит в этом соглашении единственную

причину своего повиновения. Они не полемизируют между собой относительно занимаемых ими положений, но каждый прекрасно знает свое место и выполняет свои обязанности.

419

В наших армиях солдаты набираются примерно из тех же классов, что и офицеры, и имеют возможность получить офицерское звание. Вне строя солдат считает себя совершенно равным своим командирам и является таковым на деле. Находясь же под знаменем, он с легкостью им повинуется, и его добровольное, точно определенное уставом повиновение не становится от этого менее старательным, быстрым и четким.

Это сравнение дает некоторое представление о взаимоотношениях между хозяином и слугой в демократическом обществе.

Было бы неразумно ожидать, что между этими двумя людьми может когда-либо зародиться хоть какое-нибудь из тех горячих и глубоких чувств, которые согревали порой отношения старой аристократии со своей челядью, или же полагать возможным проявление беззаветного самопожертвования.

При аристократии слуга видел своего господина издалека и часто общался с ним только через посредника. Тем не менее они обычно крепко держались друг за друга

У демократических народов слуга стоит значительно ближе к хозяину; физически они беспрестанно сталкиваются друг с другом, но духовного сближения между ними не происходит; они занимаются одними и теми же общими делами, но почти никогда не имеют общих интересов.

У этих народов слуга в доме хозяев всегда считает себя временным жильцом. Он не знал их предков и не увидит их наследников; ничего долговременного он от них не ждет. Почему он должен жить их жизнью и откуда у него возьмется столь редкое самозабвение? Их положение относительно друг друга изменилось, их отношения также должны измениться.

Мне хотелось бы подтвердить истинность всего сказанного выше примером американцев, но я не смогу этого сделать, не уточняя педантично личностей людей, о которых пойдет речь, и место их жительства.

На Юге Соединенных Штатов существует рабство. Поэтому все то, о чем я говорил, к Югу не имеет отношения.

На Севере слуги большей частью являются освобожденными рабами или детьми вольноотпущенников. Эти люди в глазах публики занимают сомнительное положение: закон уравнивает их в правах со своими хозяевами, нр общественные нравы их упрямо

отвергают. Они сами не знают точно своего места и почти всегда держатся либо заносчиво, либо раболепно.

Однако в тех же самых северных штатах, и особенно в Новой Англии, встречается довольно значительное число белых людей, согласных за жалованье на некоторое время подчиниться юле себе подобных. Я слышал, что эти слуги обычно выполняют свои обязанности точно и разумно и что, естественно не считая себя ниже тех, кто им приказывает, они легко и с готовностью им подчиняются.

Мне представляется, что подобные слуги приносят с собой в эту профессию определенные мужество и благородство, порожденные независимостью и равенством. Выбрав для себя трудную службу, они не стараются различными способами уклоняться от нее и имеют достаточно самоуважения, чтобы не отказывать своим хозяевам в той покорности, которую они сами по своей воле им обещали.

Хозяева со своей стороны ничего не ожидают от своих слуг, помимо точного и строгого исполнения договора; они не требуют от них проявлений уважения; они не ждут от них ни любви, ни жертвенности; им достаточно того, чтобы слуги были пунктуальными и честными.

Я не могу поэтому сказать, что при демократии отношения между слугой и хозяином носят беспорядочный характер; они упорядочены, но иным образом; правила другие, но правила все-таки существуют.

Я вовсе не собираюсь здесь исследовать, является ли это новое, описанное мною состояние дел ухудшенным вариантом предшествовавших ему отношений или же оно представляет собой совершенно иной их тип. С меня достаточно того, что оно подчиняется правилам и устойчиво, ибо не столь важно, какому именно порядку подчиняются люди, куда важнее само наличие этого порядка.

Но что я скажу о тех грустных и бурных эпохах, в которые равенство утверждает себя средь шума и волнений, а демократия, уже будучи установленной законодательно, все еще ведет трудные бои с предрассудками и нравами?

Закон, а частично и общественное мнение уже заявляют во всеуслышание, что не существует природного, постоянного отличия слуги от господина. Эта новая вера, однако, еще не проникла в самую глубину сознания хозяина, или же, вернее, против нее восстает его сердце. В тайниках своей души хозяин все еще считает, что он сам принадлежит к особой, высшей породе

людей; тем не менее он не осмеливается этого утверждать и с дрожью позволяет низводить себя до общего уровня. Его приказания разом становятся неуверенными и резкими; он уже не испытывает более к своим слугам тех покровительственных, доброжелательных чувств, которые порождаются только долгой безраздельной властью, и, изменившись сам, он удивляется тому, что его слуги тоже изменились; он хочет, чтобы люди, так сказать временно пребывающие в услужении, усваивали бы соответствующую правилам постоянную манеру обращения, чтобы они казались довольными и гордились бы своим подневольным положением, из которого они рано или поздно должны вырваться, чтобы они жертвовали собой во имя человека, не способного их более ни защитить, ни погубить, и чтобы они, наконец, были бы навечно привязаны к созданиям, которые почти ничем не отличаются от них самих и существование которых столь же недолговечно.

У аристократических народов часто бывает так, что положение домашнего слуги не порождает в душе подневольного человека низменных чувств, ибо он не вполне осознает это положение и не представляет себе никакого иного, тогда как то колоссальное неравенство, которое существует между ним и господином, кажется ему необходимым и неизбежным следствием какой-то тайной закономерности Провидения.

При демократии в положении домашнего слуги нет ничего унизительного, так как оно избирается людьми по своему желанию, принимается на время и в глазах общественности не является позорным, не создавая никакого постоянного неравенства между слугой и хозяином.

Однако во время перехода от одной формы общественного устройства к другой почти всегда наступает момент, когда взгляды людей колеблются между аристократической категорией зависимости и демократическим понятием готовности подчиняться.

В это время покорность теряет свое нравственное основание в глазах того, кто повинуется; он более не считает ее своей обязанностью, каким-либо образом предустановленной свыше, хотя еще и не рассматривает ее с чисто человеческой точки зрения; в его глазах она не обладает ни святостью, ни справедливостью, и он подчиняется ей как унизительной, хотя и полезной ему реальности.

В этот момент в головах слуг появляется туманный и неопределенный образ равенства; они с самого начала не могут распознать, где именно находится то самое равенство, на которое они имеют права, — в самом ли подчиненном их состоянии или

же за стенами господского дома, и в глубине своих сердец они восстают против той зависимости, которую сами признали и выгодами которой пользуются. Они согласились служить, но им стыдно подчиняться; им нравятся преимущества своей службы, но своего хозяина они не любят, или, говоря точнее, они почти уверены в том, что сами должны быть хозяевами, и поэтому человека, отдающего им приказы, склонны считать несправедливым узурпатором их собственных прав.

Именно поэтому в доме каждого гражданина можно наблюдать нечто подобное тому печальному зрелищу, которое разыгрывается на политической сцене, где беспрестанно ведется тайная междуусобная война между двумя вечно не доверяющими друг другу, враждебными силами: хозяин недоброжелателен, но мягок, слуга недоброжелателен и непокорен; первому постоянно хочется с помощью бесчестных оговорок избавиться от обязанности поощрять и вознаграждать, второму—избежать обязанности повиноваться. Поводья домашней власти болтаются между ними, и каждый пытается ухватиться за них. Границы между властью и тиранией, свободой и распущенностью, правом и силой кажутся им смешавшимися и размытыми, и никто не знает, кто он такой, каковы его возможности, права и обязанности.

Подобная ситуация порождается не демократией, а революцией.

421

Глава VI КАКИМ ОБРАЗОМ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И НРАВЫ ПОВЫШАЮТ ЦЕНУ И СОКРАЩАЮТ СРОКИ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ

То, что было сказано мною о слугах и хозяевах, в определенной степени приложимо к отношениям между землевладельцами и арендаторами. Тема эта, однако, заслуживает самостоятельного рассмотрения.

В Америке нет фермеров-арендаторов как таковых; каждый человек там является владельцем той земли, которую он обрабатывает.

Необходимо признать, что законам демократического развития свойственна сильная тенденция увеличивать число землевладельцев и уменьшать количество арендаторов. И все же процессы, происходящие в Соединенных Штатах, следует объяснять не столько институтами этой страны, сколько внутренним положением в стране. Цена на землю в Америке

невысока, и всякий легко может стать землевладельцем. Урожайность низкая, и поэтому произведенную сельскохозяйственную продукцию лишь с большим трудом можно распределить между землевладельцем и арендатором.

В этом, как и в других отношениях, следовательно, Америка уникальна, и было бы ошибкой рассматривать ее в качестве примера.

Я думаю, что в демократических странах, как и в аристократических, будут существовать и землевладельцы, и арендаторы, однако их взаимоотношения будут носить совершенно различный характер.

В аристократиях аренда выплачивается не только деньгами, но также уважением, привязанностью и услугами. В демократических странах арендная плата ограничивается только деньгами. Когда родовые поместья дробятся и переходят из рук в руки, когда исчезает постоянная привязанность семьи к земле, только случайность сводит землевладельца и арендатора. Они встречаются на время, чтобы обсудить условия договора, а затем друг с другом не видятся. Это два чужих человека, которых заставляет встречаться лишь общий интерес; встретившись, они ведут между собой деловой разговор, единственной темой которого являются деньги.

По мере того как имущество делится и богатства распыляются по всей стране, государство наполняется отпрысками древних родов, чьи ограниченные состояния приходят в упадок, и нуворишами, чьи потребности растут быстрее их финансовых возможностей. Для таких людей важен самый незначительный доход, и никто из них не намерен упускать из рук любую возможность заработать или же терять какую-либо часть своего дохода.

При смешении сословий очень большие состояния, равно как и крайняя нищета, встречаются все реже и реже, и с каждым днем социальное различие между землевладельцами и арендаторами уменьшается; первый уже не обладает никаким естественным, неоспоримым превосходством над вторым. А что, кроме денег, может быть предметом договора между двумя равными, стесненными в средствах людьми?

Человек, владеющий всей округой с сотней хуторов, понимает, что он должен сразу завоевать сердца многих тысяч людей; овчинка кажется ему стоящей выделки. Чтобы достичь очень важной цели, он с легкостью идет на некоторые жертвы.

Тот, кто владеет сотней арпанов земли, не утруждает себя подобными заботами; ему совершенно безразлично, будет ли его арендатор относиться к нему доброжелательно.

Аристократия, в отличие от живого существа, не может умереть сразу, в один день. Ее основополагающие принципы медленно разрушаются в глубине сознания людей, прежде чем начинают подвергаться нападкам со стороны законов. Следовательно, задолго до того, как вспыхивает война против аристократии, можно наблюдать постепенный распад связей, которые соединяли вплоть до сего времени высшие классы общества с низшими. С одной стороны, проявляются безразличие и презрение, с другой — зависть и возмущение; отношения между богатыми и бедными становятся все более редкими и сухими; цена ренты на землю растет. Это еще не результат демократической революции, но это—верный признак ее приближения. Ибо аристократия, окончательно упустившая власть над человеческими сердцами, подобна дереву с мертвыми корнями, которое тем легче выворачивается ветром, чем оно выше.

422

За последние пятьдесят лет цены на земельную ренту колоссально возросли не только во Франции, но и в большей части Европы. Чрезвычайно быстрое развитие сельского хозяйства и промышленности за этот же период, на мой взгляд, не служит достаточным объяснением данного феномена. Необходимо выявить какую-то иную, более вескую и более глубокую причину. Я думаю, что ее следует искать в особенностях демократических институтов, существующих у некоторых европейских народов, а также в специфике демократических настроений, влияющих в большей или меньшей степени на все остальные человеческие чувства.

Я часто слышал, как крупные английские лендлорды выражают радость по поводу того, что в наши дни они получают со своих владений много больше денег, чем получали их отцы.

Быть может, у них имеются причины ликовать, но наверняка они не вполне осознают, чему радуются. Они полагают, что получают чистую прибыль, тогда как всего лишь совершают обмен. За наличные деньги они уступают свое влияние, и то, что они приобретают в финансовом отношении, они вскоре утрачивают в сфере политической власти.

Имеется еще один признак, по которому с легкостью можно узнать, что великая демократическая резолюция совершается или жг подготавливается.

В средние века почти вся земля сдавалась в аренду в вечное пользование или по крайней мере на очень большой срок. Изучая хозяйственную жизнь тех времен, видишь, что тогда срок аренды

в девяносто девять лет встречался чаще, чем в наши дни встречается двенадцатилетний срок.

Тогда люди верили в бессмертие семьи, условия казались навсегда установившимися и все общество представлялось настолько неподвижным, что никто не мог представить себе, что в его недрах когда-либо должно начаться брожение.

В века равенства люди мыслят иным образом. Они с легкостью постигают, что ничто не вечно. Ими овладевает идея непостоянства.

При таком умонастроении и землевладелец, и сам арендатор испытывают своего рода инстинктивный ужас перед долгосрочными обязательствами; они боятся, что условия договора, выгодные сегодня, в один прекрасный день перестанут быть таковыми. Они смутно ожидают каких-то внезапных и непредвиденных перемен в своей жизни. Они боятся самих себя, боятся, как бы при смене их собственных желаний им не пришлось сожалеть о невозможности бросить то, что некогда составляло предмет их вожделений. И у них есть основания этого бояться, ибо в века демократии среди всеобщего движения и непостоянства менее всего постоянным оказывается человеческое сердце.

Глаза VII О ВЛИЯНИИ ДЕМОКРАТИИ НА РАЗМЕРЫ ЖАЛОВАНЬЯ

Большая часть вышеизложенных наблюдений по поводу отношений между слугами и хозяевами вполне применима к отношениям между предпринимателями и рабочими.

Когда правила социальной иерархии соблюдаются все менее строго, когда вельможи утрачивают свои позиции, а маленькие люди возвышаются, когда бедность так жг, как и богатство, перестает быть наследственным уделом, можно наблюдать, как с каждым днем уменьшается та дистанция, которая в реальности и в общественном мнении отделяет работника от хозяина.

В голове рабочего формируется более высокое представление о своих правах, о своем будущем, о самом себе; его сердце наполняется новым честолюбием, новыми желаниями, и новые потребности осаждают его. Всякий раз он с вожделением бросает взор на прибыли тех, кто дает ему работу; наконец он приходит к мысли о необходимости получить свою долю прибыли и требует от них более высокой оплаты своего труда, что, как правило, ему удается.

В демократических странах, как и повсюду, промышленность большей частью не требует особых затрат и находится в руках

людей, не возвышающихся своим богатством и образованием над средним уровнем тех, кого они нанимают. Эти предприниматели весьма многочисленны, их интересы совершенно различны, а посему им нелегко договориться между собой и объединить свои усилия.

423

С другой стороны, почти все рабочие имеют кое-какие надежные источники существования, что и позволяет им отказаться от работы, если они не могут получить такую зарплату, которую они считают справедливым вознаграждением за свой труд.

Таким образом, в той постоянной битве за размеры жалованья, которую ведут эти два класса, силы примерно равны, и борьба идет с переменным успехом.

Можно тем не менее считать, что в конечном итоге интересы рабочих должны одержать верх, поскольку та высокая зарплата, которую они уже получили, с каждым днем делает их все менее зависимыми от хозяев, а чем более они независимы, тем легче им добиваться повышения заработной платы.

В качестве примера я возьму ту отрасль производства, которая в наше время наиболее широко представлена у нас, как почти у всех народов мира, — земледелие.

Во Франции большинство наемных сельскохозяйственных рабочих сами имеют небольшие земельные участки, благодаря которым они в крайнем случае могут прокормиться, не работая на других. Поэтому такие люди, предлагая свои руки крупному землевладельцу или соседу-арендатору и получая отказ в определенной сумме заработка, возвращаются на свои маленькие наделы и ждут другого удобного случая.

Беря ситуацию в целом, я думаю, можно утверждать, что медленный, но неуклонный рост заработной платы — это один из законов, управляющих жизнью демократического общества. С развитием социального равенства растет заработная плата, а с ростом заработной платы уравниваются социальные условия.

В наши дни, однако, имеется одно серьезное, злополучное исключение из этого правила.

В одной из предыдущих глав я показал, каким образом аристократия, будучи изгнанной из политической и государственной сфер, нашла себе прибежище в определенных отраслях индустриальной деятельности и там, хотя и в других формах, утвердила свою власть. Это обстоятельство оказывает сильное влияние на уровень заработной платы.

Поскольку для того, чтобы развернуть то крупное

промышленное производство, о котором я говорю, необходимо заранее обладать очень большим состоянием, число таких предпринимателей крайне мало. Будучи малочисленной группой, они легко могут объединяться в союз и устанавливать такую оплату труда, какая им нравится.

Число рабочих у них, напротив, очень велико, и их количество постоянно увеличивается, так как время от времени наступают периоды небывалого процветания, когда заработки чрезмерно возрастают, привлекая на фабрики население со всей округи. Но раз люди вступили на этот путь, они, как мы уже видели, не смогут с него сойти, так как у них весьма быстро начинают формироваться определенные физические навыки и особый склад ума, которые делают их непригодными для любой другой работы. Тела этих людей, как правило, теряют гибкость и ловкость, у них нет ни образования, ни сбережении, и поэтому они находятся почти в полной зависимости от милости их хозяина. Когда конкуренция или иные непредвиденные обстоятельства уменьшают доход предпринимателя, он может, срезав их заработки почти по своему усмотрению, без труда отнять у них то, что сам потерял по воле случая.

Если они все сообща откажутся работать, то хозяин, человек очень богатый, с легкостью может позволить себе, не страшась банкротства, ждать того момента, когда необходимость заставит их вернуться к нему; что же касается их самих, то они должны работать ежедневно, чтобы не умереть, так как они едва ли обладают какой-нибудь иной собственностью, кроме своих рук. Угнетение в течение долгого времени разоряло их, и, чем беднее они становятся, тем легче их притеснять. Таков порочный круг, из которого они никоим образом не сумеют вырваться.

Поэтому не следует удивляться, если заработная плата в этих отраслях, подчас неожиданно увеличивающаяся, все же в целом постоянно уменьшается, тогда как в других профессиях оплата труда, как правило, очень медленно, но беспрестанно возрастает.

Это зависимое, нищенское существование, которое в наше время вынуждена влачить часть населения промышленно развитых районов, — факт исключительный, противоречащий всему тому, что происходит вокруг, однако от этого он не менее опасен и заслуживает особого, пристального внимания со стороны законодателей, так как очень трудно удержать в неизменном положении один класс, когда все общество пришло в

движение, а когда все большее количество людей открывают новые пути, ведущие к благосостоянию, весьма сложно заставить

часть людей мирно терпеть лишения и подавлять свои желания.

Глава VIII ВЛИЯНИЕ ДЕМОКРАТИИ НА СЕМЬЮ

Я исследовал вопрос о том, каким образом у демократических народов, и в особенности у американцев, социальное равенство изменяет характер отношений между гражданскими лицами.

Теперь мне хотелось бы пойти дальше и разобраться в их внутренней, частной жизни. Моя цель заключается не в том, чтобы открыть здесь новые истины, но показать, что широко известные факты имеют прямое отношение к теме моей работы.

Все на свете заметили, что в наши дни между различными членами семьи установился новый тип отношении, что дистанция, разделявшая некогда отца и сына, уменьшилась и что отцовская власть если и не подорвана, то по крайней мере видоизменилась.

Нечто подобное, но еще более удивительное наблюдается в Соединенных Штатах.

В Америке семьи в том виде, в каком она была в Риме и в других аристократических обществах, не существует. Отдельные пережитки семейного уклада обнаруживаются там лишь в течение первых лет после рождения детей. В это время отец, не встречая сопротивления, устанавливает домашнюю диктатуру, обусловленную и оправданную беспомощностью его сыновей, их собственными интересами, а также его неоспоримым превосходством.

Но как только молодой американец начинает достигать зрелости, связывающее его чувство сыновней покорности слабеет с каждым днем. Становясь сам себе хозяином, он вскоре начинает нести ответственность за свои поступки. В Америке фактически нет периода юношества. Выходя из детского возраста, человек осознает себя мужчиной и принимается прокладывать свой собственный путь.

Было бы неверно полагать, что это является следствием какой-то внутренней борьбы, в ходе которой сыновья благодаря своеобразной нравственной силе получают ту свободу, в которой им отказывали отцы. Одни и те же традиции и принципы, заставляющие одних добиваться независимости, внушают другим мысль о том, что дети имеют неоспоримое право пользоваться своей свободой.

Поэтому в сыновьях вы не заметите никакой ненависти и необузданности, столь долго не угасающих в людях даже после того, как они избавились от гнета господствующей власти. Отцы

не испытывают тех сожалений, полных горечи и гнева, которые обычно сохраняются в людях, утративших власть: они задолго видят ту границу, где их власть кончается, и, когда время подходит к этому пределу, они безболезненно отрекаются от своих полномочий. Сыновья заранее предвидят наступление того момента, когда их собственные желания станут для них законом, и овладевают свободой без суеты и насилия, как принадлежащим им имуществом, которое никто не пытается у них похитить[1].

[1] Американцам, однако, еще не пришло в голову, как нам во Франции, лишить отцов основы их власти, отказав им в свободе распоряжаться посмертно своим имуществом. В Соединенных Штатах права завещателя ничем не ограничены.

В этом, как и почти во всем остальном, легко заметить, что, хотя у американцев политическое законодательство много демократичнее нашего, наше гражданское законодательство бесконечно более демократично, чем их. Это нетрудно понять.

Авторами нашего гражданского законодательства были люди, видевшие свои интересы в том, чтобы удовлетворять демократические страсти своих современников во всех отношениях, прямо и непосредственно не угрожавшие их собственной власти. Они охотно допустили, чтобы некоторые популярные принципы регулировали имущественные и семейные отношения, лишь бы только не было попыток применить их к сфере государственного управления. Когда демократический поток ворвался в область гражданских законов, они надеялись без труда найти себе укрытие за дамбой политических законов. В этом одновременно проявились их ловкость и эгоистичность, однако подобный компромисс не мог быть долговечным. Ибо по большому счету политическое устройство не может не становиться образом и подобием гражданского общества, и в этом смысле можно сказать, что у любого народа самое важное политическое значение имеет его гражданское законодательство.

Возможно, небесполезно будет посмотреть, насколько тесно связаны изменения, имеющие место в семейных отношениях, с той социальной я политической революцией, которая завершается на наших глазах.

Существует определенные основополагающие принципы, которые либо пронизывают все стороны жизни народа, либо вообще им не признаются.

В тех странах, где основными являются аристократические и иерархические принципы общественного устройства, власть никогда прямо не обращается ко всей совокупности своих

подданных. Поскольку люди связаны друг с другом, достаточно направлять первых. Остальные следуют за ними. Это относится и к семье, и ко всем организациям, имеющим своего лидера. У аристократических народов, по правде говоря, в глазах общества отец олицетворяет собой всю семью. Общество управляет сыновьями руками их отца; оно руководит им, а он руководит ими. Поэтому власть отца над детьми имеет не только природный характер. Ему дано политическое право командовать. Он создатель и опора семьи; он также представитель общественной власти в ней.

В демократических обществах, где длинная рука правительства отыскивает в толпе каждого отдельного человека, чтобы персонально подчинить его общим для всех законам, в подобном посреднике нет надобности; в глазах закона отец — лишь более пожилой и более богатый гражданин, чем его сыновья.

Когда в обществе большее число благ распределяется крайне неравномерно и когда неравенство условий существования носит постоянный характер, идея превосходства овладевает воображением людей; даже если закон не дает отцу особых прерогатив, обычай и общественное мнение наделяют его ими. Когда же, напротив, люди по своему положению почти не отличаются один от другого и когда существующие различия не вечны, общее понятие превосходства становится не столь важным и определенным; тщетно законодатель будет стремиться поставить того, кто подчиняется, много ниже того, кто приказывает, общественные нравы уравнивают этих двух людей между собой и постоянно сводят их на один и тот же уровень.

Поэтому, даже если я не вижу особых привилегий, предоставляемых законодательством какого-либо аристократического народа главе семьи, меня не покидает уверенность в том, что его власть более значительна и признана семьей, чем власть отца в лоне демократического общества, ибо я знаю, что, каковы бы ни были законы, в аристократиях старший всегда стоит выше, а младший — ниже, чем у демократических народов.

Когда люди больше живут воспоминаниями о том, что происходило в прошлом, нежели заботами о том, что происходит сейчас, и когда их больше волнуют мысли их предков, чем необходимость думать самим, отец выступает в качестве естественного и необходимого связующего звена между прошлым и настоящим — звена, с помощью которого эти две цепи соединяются. В аристократиях, следовательно, отец не только политический руководитель семейства, он также носитель

традиций, толкователь обычаев, критерий нравственности. Его выслушивают с почтительностью, заговаривают с ним не иначе как очень уважительно, и любовь, которую питают к нему, всегда умерена страхом.

Когда общество становится демократическим и люди принимают в качестве общего принципа право каждого иметь обо всем на свете свое собственное суждение и принимают давние мнения к сведению, но не в качестве правила, влияние взглядов отца на сыновей делается менее значительным, равно как и его законная власть.

Вызываемый демократией раздел наследственных поместий, быть может, обусловливает больше всех остальных факторов изменение отношений между отцом и детьми.

Когда отец семейства имеет немного собственности, его сыновья и он постоянно живут вместе и сообща делают одну и ту же работу. Привычка и необходимость сближают их, заставляя постоянно общаться друг с другом; между ними, следовательно, не может не установиться своеобразной непринужденной близости, которая делает власть отца менее абсолютной и которая плохо согласуется с внешними формами почтительности.

А ведь у демократических народов люди, обладающие скромным состоянием, как раз и являются представителями того самого класса, который дает силу идеям и преобразует нравы всего общества. Его воззрения и одновременно его воля повсюду становятся господствующими, и даже люди, более всего склонные сопротивляться ей, кончают тем, что следуют его примеру. Я видел злейших врагов демократии, которые позволяли своим детям обращаться к ним на «ты».

Таким образом, одновременно с утратой аристократией ее господства наблюдается освобождение отцовской власти от всего того, что было связано со строгостью, условностями и легализмом, и вокруг домашнего очага устанавливается своего рода равенство всех членов семьи.

Я не знаю, беря в целом, не проигрывает ли общество вследствие этого преобразования, но я склонен верить, что индивидуум выигрывает. Я думаю, что по мере того, как нравы и законы становятся более демократическими, отношения между отцом и сыном обретают большую близость и теплоту; в этих отношениях реже встречается назидательный и приказной тон, а доверие и теплота чувства возрастают, и кажется, что природная связь становится теснее, тогда как социальная связь ослабляется.

В демократической семье отец едва ли пользуется какой-либо

иной властью, кроме той, которая вызывается его нежностью и опытностью человека в летах. Его приказания могут не признаваться, но к его советам обычно внимательно прислушиваются. И хотя он не видит вокруг себя официальных знаков уважения, его сыновья по меньшей мере относятся к нему с доверием. Они не пользуются общепризнанными формулами обращения, но они постоянно с ним разговаривают и охотно советуются каждый день. Исчезли господин и представитель власти в его лице, но отец остался.

Для того чтобы составить правильное суждение о различиях между двумя формами общественного устройства с данной точки зрения, достаточно бегло просмотреть дошедшую до нас семейную переписку аристократического периода. Ее слог всегда правилен, чопорен, суров и настолько холоден, что сквозь слова с трудом ощущается естественное чувство сердечной привязанности.

Напротив, у демократических народов во всех тех словах, с которыми сын обращается к отцу, слышится нечто настолько свободное, кровное и нежное, что сразу обнаруживает установление в лоне семьи совершенно новых отношений.

Аналогичные преобразования претерпевают и взаимоотношения между детьми.

В аристократической семье, как и во всем аристократическом обществе, всг позиции точно определены. Не только отец занимает свое особое положение и пользуется огромными привилегиями, но и сами дети не равны между собой: возраст и пол раз и навсегда определяют каждому его положение, обеспечивая ему особые прерогативы. Демократия либо снижает высоту большей части этих барьеров, либо опрокидывает их вовсе.

В аристократическом семействе старший сын наследует львиную долю собственности и почти все права, становясь главой, а в определенной мере и господином своих братьев. Ему достаются величие и власть, им — средний достаток и зависимость. Тем не менее ошибкой было бы считать, что у аристократических народов привилегии старшего выгодны только для него самого и что они ничего, кроме зависти и ненависти окружающих, не вызывают.

Старший сын обычно прилагает все усилия, чтобы добиться для своих братьев богатства и власти, так как известность всего дома повышает престиж его главы, а младшие братья стараются оказать ему помощь во всех его начинаниях, поскольку величие и могущество главного представителя семейства предоставляют ему большие возможности возвысить все ветви семейного древа.

Поэтому все члены аристократического семейства очень тесно между собою связаны; их интересы близки, они являются единомышленниками, но редко бывает так, что их сердца понимают друг друга

Демократия также вызывает у братьев взаимную привязанность, но достигает этого иным путем.

По демократическим законам дети совершенно равны между собой и, стало быть, независимы. Их ничто не связывает насильно, но также ничто и не отталкивает, и, поскольку в их жилах течет общая кровь, поскольку они вырастают под одной крышей, ощущая одинаковую заботу родителей, поскольку никакие особые привилегии их не выделяют и не разделяют, между ними с легкостью зарождается добрая, искренняя привязанность, свойственная юности. Близкие отношения, сложившиеся подобным образом в самом начале жизни, едва ли могут быть испорчены какими-либо обстоятельствами, так как с каждым днем братство все крепче связывает их, не давая поводов для трений.

Следовательно, демократия привязывает братьев друг к другу не сходством интересов, а общностью воспоминаний, свободным чувством симпатии, близостью взглядов и

вкусов. Она осуществляет раздел их наследства, но она позволяет им сохранить духовное родство.

Человечность этих демократических нравов столь притягательна, что даже самые стойкие приверженцы аристократии поддаются их влиянию и, вкусив их в течение некоторого времени, не испытывают желания вернуться к почтительной и холодной манере отношений, господствующей в аристократическом семействе. Они охотно сохраняют демократические домашние привычки, если только это не мешает им отвергать социальные и юридические нормы демократии. Однако все эти аспекты взаимосвязаны, и нельзя пользоваться некоторыми из них, не относясь терпимо к другим.

То, что я говорил о сыновней любви и отцовской нежности, вполне приложимо ко всем непроизвольным чувствам, источником которых является сама природа человека.

Когда определенный образ мыслей и чувств формируется особыми обстоятельствами жизни, от него ничего не остается при изменении этих обстоятельств. Закон, например, может очень крепко привязать двух граждан друг к другу, но, если этот закон будет отменен, они расстанутся. Не было ничего теснее тех уз, которые в феодальном мире связывали вассала с сеньором. В

настоящее время эти два человека и знать друг друга не хотят. Страх, признательность и любовь, некогда соединявшие их, исчезли. Не осталось и следа.

Но иначе дело обстоит с естественными чувствами людей. Редко случается, что закон, подчиняя себе определенным образом эти чувства, не ослабляет их; желая их обогатить, он их обедняет; будучи предоставленными сами себе, эти чувства всегда оказываются более глубокими и сильными.

Демократия, уничтожающая или предающая забвению почти все старинные социальные условности и препятствующая созданию новых условностей, ведет к полному исчезновению большинства тех чувств, которые порождаются этими условностями. Однако другие чувства она лишь видоизменяет и часто придает им такую интенсивность и такую нежность, которых прежде не было.

Я думаю, что все содержание этой главы и нескольких предыдущих можно в заключение обобщить одной фразой: демократия ослабляет социальные связи, но она укрепляет естественные. Разобщая граждан, она одновременно сближает родственников.

Глава IX ВОСПИТАНИЕ ДЕВОЧЕК В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Никогда и нигде не существовало общества, свободного от морали, и, как я уже писал в первой части этого труда, мораль создается женщиной. Поэтому все то, что влияет на образ жизни женщин, на их привычки и мнения, имеет большое политическое значение.

Почти во всех протестантских странах девушки гораздо более независимы и ответственны за свое поведение, чем у католических народов.

Эта независимость еще более велика в тех протестантских государствах, которые, подобно Англии, сохранили или обрели право на самоуправление. Таким образом, свобода проникает в семью из сферы политических и религиозных отношений.

В Соединенных Штатах протестантское вероучение сочетается с крайне свободной конституцией и с очень демократичным государственным устройством; ни в какой другой стране девушки в столь юном возрасте столь безоговорочно не предоставлены самим себе.

Задолго до того, как молодая американка достигает брачного возраста, начинается ее постепенное освобождение из-под материнской опеки; еще не вполне перешагнув границу детства,

она уже самостоятельно мыслит, свободно высказывается и поступает по своему усмотрению; перед ней постоянно открывается обширная панорама мира. От нее не только не пытаются ничего скрыть, но и с каждым днем показывают мир все больше и больше, приучая смотреть на все стойким, спокойным взором. Таким образом, пороки общества и опасности, таящиеся в нем, очень скоро обнаруживают себя перед ней. Она их ясно видит, трезво оценивает и встречает их без страха, так как уверена в своих силах, и эту уверенность, кажется, разделяют все окружающие.

428

Поэтому от молодой американки почти никогда не следует ожидать проявлений того девственного простодушия, подогреваемого пробуждением желаний, или же той наивной и чистосердечной непосредственности, которыми у европейки обычно сопровождается переход от детства к юности. Американская девушка, независимо от ее возраста, редко обнаруживает застенчивость и детское неведение. Как и европейской девушке, ей хочется нравиться, но она точно знает себе цену. И если она и не предается порокам, то по крайней мере в них осведомлена; она скорее нравственно чиста, чем интеллектуально невинна.

Меня часто удивляли и почти пугали та необычайная гибкость и та геройская отвага, с которыми юные американки управляли своими мыслями и речью, лавируя между рифами шутливой беседы; какой-нибудь философ сотню раз споткнулся бы на той узенькой стезе, которую они быстро и непринужденно пробегают, не попадая в неловкое положение.

Легко установить, что, даже пользуясь полной свободой ранней юности, американка на самом деле никогда не теряет полностью контроля над собой; она наслаждается всеми дозволенными удовольствиями, ни от одного из них не теряя головы, и ее рассудок никогда не отпускает поводьев, хотя часто кажется, что они отпущены.

Во Франции, где наши взгляды и вкусы представляют собой столь странную смесь из осколков всех веков, мы часто даем женщинам почти монастырское воспитание, прививая им застенчивость и замкнутость, как во времена аристократии, а затем сразу оставляем их без совета и поддержки в обстановке хаоса, непременного для любого демократического общества.

Американцы более последовательны.

Они поняли, что в демократическом обществе индивидуальная независимость не может не быть весьма

значительной, что молодежь всегда будет нетерпеливой, что людям будет трудно сдерживать свои желания, что обычаи меняются, а общественное мнение часто оказывается неопределенным или бессильным, что отцовский авторитет слаб, а власть мужа начинает оспариваться.

Учитывая данные обстоятельства, они решили, что у них мало шансов подавить в женщине самые властные из страстей человеческого сердца и что более надежен другой путь — научить женщину самостоятельно бороться с этими страстями. Не имея возможности оградить ее добродетель от множества подстерегающих ее опасностей, они хотят, чтобы она сама знала способы защиты и больше рассчитывала на силу своей свободной воли, чем на расшатанные или разрушенные барьеры запретов. Поэтому вместо того, чтобы держать ее в неведении относительно своих возможностей, они беспрестанно стараются укрепить ее веру в собственные силы. Не имея ни возможности, ни желания постоянно удерживать девочку в состоянии полной неосведомленности, они спешат и преждевременно предоставляют в ее распоряжение сведения обо всем на свете. Отнюдь не скрывая от нее пороков мира, они хотят, чтобы она сразу увидела их и поупражнялась в умении их избегать, и они предпочитают получить гарантии ее благопристойности, даже не слишком щадя ее невинность.

Хотя американцы — глубоко религиозный народ, они не полагаются на веру как на единственный оплот женской добродетели; они стараются вооружить разум женщины. В этом, как и во многом другом, они пользуются одним и тем же методом. Вначале они прилагают невероятные усилия для того, чтобы независимая личность могла управлять своей свободой, и, только достигнув пределов человеческих возможностей, они наконец обращаются за помощью к религии.

Я знаю, что подобное воспитание небезопасно; я не игнорирую также того факта, что оно предрасполагает к развитию способности суждения за счет воображения и делает женщин скорее благопристойными и холодными, чем нежными женами и любящими подругами мужчин. Если такое воспитание и способствует поддержанию общественного спокойствия и порядка, то личную жизнь оно часто и во многом лишает ее очарования. Однако это зло второстепенно, и нам следует смириться с ним, руководствуясь соображениями общего блага. Оказавшись в нынешней ситуации, мы не можем позволить себе такую роскошь, как выбор: нам необходимо демократическое воспитание, чтобы оградить женщину от тех опасностей, которыми грозят ей институты и нравы демократического

общества,
429

Глава X КАК ДЕВУШКА СТАНОВИТСЯ СУПРУГОЙ

В Америке женщина, вступая в брак, безвозвратно теряет свою независимость. И если девушки пользуются здесь большей свободой, чем где бы то ни было, то поведение жен регламентируется самыми строгими обязательствами. Для одной отчий дом — олицетворение свободного, радостного существования, другая живет в доме своего мужа, как в монастыре.

Между этими двумя состояниями, быть может, нет столь разительного противоречия, как это представляется, и вполне естественно, что американки проходят первую стадию с целью достичь второй.

Глубоко религиозные народы и промышленно развитые государства с особой серьезностью относятся к идее брака. Первые считают, что для женщины упорядоченная жизнь — лучшая гарантия и самое надежное свидетельство ее нравственной чистоты. Вторые видят в этом верный залог обустроенности и процветания дома.

Американцы разом представляют собой и пуританскую, и коммерческую нацию; поэтому как религиозные убеждения, так и деловая хватка заставляют их требовать от женщины такого самозабвенного отношения к своим обязанностям, заставляющего ее постоянно жертвовать собственными удовольствиями, какого в Европе редко кто от нее ожидает. Иначе говоря, в Соединенных Штатах господствует неумолимое общественное мнение, тщательно ограничивающее женщину узким кругом домашних интересов и забот к запрещающее ей выходить из него.

Появившись на свет, маленькая американка находит эти идеи прочно установленными; она осознает, какие из них вытекают последствия, и вскоре приходит к убеждению, что она не сможет ни на миг освободиться от норм, принятых ее современниками, не подвергнув тотчас же опасности покой своей души, свою репутацию и даже свое общественное положение, и, благодаря воспитанным в ней твердости суждения и стойкости привычек, она находит в себе силы подчиниться обычаям.

Можно сказать, что именно в привычке к независимости она черпает то мужество, с которым без сопротивления и ропота идет на жертву, когда приходит время.

Американка, кроме того, никогда не попадается в брачные

сети, как в западню, в которую ее увлекли собственное простодушие и незнание. Она заранее знает, что от нее ждут, и самостоятельно, добровольно возлагает на себя это бремя. Она стойко выносит свое новое положение потому, что выбрала его сама.

Так как в Америке дисциплина в отцовском доме очень мягкая, а брачные узы весьма суровы, девушка, вступая в брак, старается быть осмотрительной и осторожной. Ранние браки здесь очень редки. Американки, следовательно, не выходят замуж до тех пор, пока не наберутся необходимого жизненного опыта и не достигнут зрелости, тогда как в других странах большинство женщин по обыкновению начинают приобретать опыт и созревать только в браке.

Впрочем, я весьма далек от мысли, что все те большие перемены, которые происходят в поступках и привычках американских женщин тотчас после того, как они выходят замуж, должны рассматриваться как результат принуждения со стороны общественного мнения. Женщины часто принимают на себя эти обязательства, подчиняясь лишь собственной воле.

Когда приходит время выбирать мужа, тот хладнокровный и строгий образ мыслей, который в американке был заложен и укреплен свободным мировосприятием, позволяет ей осознать, что легкомысленное и свободное отношение к брачным узам — источник постоянного беспокойства, а не наслаждений, что удовольствия беззаботной девушки не могут быть развлечениями супруги и что женщина находит свое счастье только в семье. Заранее ясно видя ту единственную дорогу, которая может привести ее к семейному счастью, она с первого шага ступает на нее и идет до конца, не пытаясь повернуть назад.

Таже самая сила воли, которую проявляют молодые американские жены, без колебаний и жалоб подчиняясь строгим обязанностям своего нового положения, впрочем, обнаруживается в периоды всех больших испытаний, выпадающих им на жизненном пути.

В мире нет страны, где частная собственность была бы более неустойчивой, чем в Соединенных Штатах. Нередко бывает так, что в течение своей жизни человек поднимается и опускается по всем ступеням лестницы, ведущей от богатства к бедности.

Американские женщины переносят эти перемены, сохраняя спокойствие и неукротимую энергию. Говорят, что их желания уменьшаются с сокращением их достатка с такой же легкостью, с какой и возрастают.

Искатели приключений, с каждым годом все плотнее и плотнее заселяющие необжитые просторы Запада, большей частью, как я уже писал в первой книге, выходцы с Севера, имеющего старое англоамериканское население. Многие из этих людей, с такой отвагой ринувшихся в погоню за богатством, в своих родных местах уже наслаждались безбедным существованием. Они везут с собой своих подруг и заставляют их разделять все те бесчисленные опасности и лишения, которые всегда сопутствуют подобным начинаниям. В самых отдаленных и диких местах я часто встречал молодых женщин, которые, с детства привыкнув ко всем удобствам жизни в больших городах Новой Англии, практически сразу переехали из богатых домов своих родителей в плохо крытые хижины, построенные в лесной глуши. Волнения, болезни, одиночество и скука не сокрушают их мужества. Их лица кажутся изменившимися, увядающими, но их взоры сохраняют твердость. Они выглядят одновременно печальными и решительными*.

Я не сомневаюсь, что именно в период детского воспитания молодые американки сумели накопить в себе те внутренние силы, в которых они столь нуждаются впоследствии.

Таким образом, в облике американской жены обнаруживается все та же личность, которая сложилась еще в детском и девическом возрасте; с изменением роли меняется образ ее жизни, но душа остается неизменной.

Глава XI КАКИМ ОБРАЗОМ РАВЕНСТВО В АМЕРИКЕ СПОСОБСТВУЕТ ПОДДЕРЖАНИЮ НРАВСТВЕННОСТИ

Есть философы и историки, которые прямо заявляют или же лишь намекают на то, что женская нравственность отличается большей или меньшей строгостью в зависимости от того, насколько близко или далеко они живут от экватора. Это очень дешевый способ выкрутиться из трудного положения, и в таком случае нам было бы достаточно глобуса и циркуля для того, чтобы в минуту решить одну из самых сложных проблем, стоящих перед человечеством.

Я не считаю, что эта материалистическая доктрина основана на фактах.

Одни и те же нации проявляли в различные эпохи своей истории как чистоту, так и распущенность нравов. Таким образом, упорядоченность или непорядочность их нравов зависит от каких-то изменяющихся факторов, а не только от природных особенностей страны, которые оставались неизменными.

Я не отрицаю того, что при определенных климатических

условиях страсть, которая рождается при взаимном влечении полов, бывает особенно пылкой, но я думаю, что эта естественная страсть всегда может возбуждаться или же подавляться социальными условиями и политическими институтами.

Хотя путешественники, побывавшие в Северной Америке, по многим вопросам высказывают совершенно различные суждения, они все согласны в том, что тамошние нравы неизмеримо строже, чем в любом другом месте.

Совершенно ясно, что в данном отношении американцы значительно превосходят своих родоначальников — англичан. Чтобы доказать это, достаточно окинуть обе нации беглым взором.

В Англии, как и в любой другой стране, злые языки беспрестанно прохаживаются насчет женских слабостей. Можно часто слышать сетования философов и государственных мужей на то, что нравы недостаточно строги, и литература повседневно дает это понять.

431

В Америке все книги, не исключая романов, предполагают, что женщины чисты, и никто не рассказывает своих любовных похождений.

Эта чрезвычайная строгость американских нравов, без сомнения, частично предопределяется природными условиями страны, расой, религией. Однако всех этих причин, которые встречаются и в других местах, недостаточно для объяснения данного явления. Его невозможно объяснить, не приняв во внимание некоего особого фактора

Данным фактором мне представляется равенство и созданные им институты*.

Равенство условий само по себе не порождает строгости нравов, но нет сомнений в том, что оно способствует соблюдению нравственных установок и усиливает их влияние.

У аристократических народов знатность и имущественное положение часто возводят между мужчиной и женщиной преграды столь неодолимые, что они никогда не смогут соединиться друг с другом. Их сближает страсть, но социальные условия и производные от них воззрения препятствуют им вступить в постоянную открытую связь. Это неизбежно порождает множество кратковременных и тайных союзов. Природа тайком компенсирует то, что было отнято у нее силой закона

Всего этого не происходит тогда, когда равенство условий разрушает все воображаемые или действительные барьеры, отделяющие мужчину от женщины. В этом случае ни одна

девушка не считает, что она не может стать женой мужчины, отдавшего ей предпочтение, и это почти полностью исключает нравственную распущенность до замужества Ибо, какой бы доверчивостью ни отличалась страсть, едва ли возможно убедить женщину в том, что вы ее любите, если вы, имея полную свободу жениться на ней, не делаете этого.

Та же самая причина продолжает действовать, хотя и более опосредованно, и после свадьбы.

Ничто так не оправдывает незаконную любовь в глазах тех, кто ее испытывает, или же в глазах любопытствующей толпы, как мысль о том, что супружество было результатом вынужденного или случайного брака[1].

В стране, где женщина всегда свободно делает свой выбор и где воспитание обеспечивает ей возможность сделать его правильно, общественное мнение к подобным проступкам неумолимо.

Ригоризм американцев частично порождается этим. Они часто рассматривают брак как обременительный договор, все условия которого тем не менее должны строго выполняться обеими сторонами, так как они могли все знать заранее и имели полную свободу ничем себя не обременять.

Такое отношение, навязывая обязательство верности, облегчает ее соблюдение.

В аристократических странах целью брака является не столько союз двух людей, сколько объединение их собственности; поэтому иногда бывает так, что мужа подбирают в школьном, а жену—в грудном возрасте. Нет ничего удивительного в том, что брачные узы, объединяющие имущество супругов, дают волю их сердцам искать любовных приключений. К этому их побуждает сам дух их договора

Когда же, напротив, каждый сам себе выбирает спутника жизни, не обращая внимания ни на какие внешние затруднения или на чьи-то указания, мужчина и женщина обычно сближаются по сходству вкусов и мыслей, и это же самое сходсто прочно удерживает их друг подле друга

По поводу брака наши отцы имели весьма своеобразное суждение.

[1] В истинности этого утверждения легко убедиться, изучая различные европейские литературы.

Когда какой-нибудь европейский писатель хочет изобразить в своем произведении какую-либо из тех больших катастроф, которые столь часто происходят в наших семейных кругах, он заранее усиленно старается вызвать сочувствие читателя, описывая неравный или вынужденный брак. Хотя прочно

укоренившаяся терпимость уже давно расшатала наши нравственные нормы, ему было бы трудно заинтересовать нас несчастьями этих героев, если бы он не начал с оправдания их проступка. Этот прием почти всегда достигает желаемого эффекта. Та повседневность, которую мы сами наблюдаем, задолго подготавливает нас к снисходительности.

Американские писатели не могут предлагать своим читателям такого рода оправдания в качестве правдоподобных; их обычаи и законы противостоят подобным попыткам, и, отчаявшись создать приятные картины распутства, они вообще его не изображают. Частично это служит причиной того, что в Соединенных Штатах публикуется мало романов.

Поскольку они заметили, что те немногочисленные браки по любви, которые заключались в их время, почти всегда кончались трагически, у них сложилось прочное убеждение в том, что в данном вопросе очень опасно прислушиваться к голосу собственного сердца. Игра случая представлялась им более прозорливой, чем свобода выбора.

Между тем нетрудно понять, что примеры, имевшиеся перед их глазами, ничего не доказывали.

В первую очередь следует отметить, что демократические народы, предоставляя женщине право свободно выбирать себе мужа, немало пекутся о том, чтобы их сознание предварительно было просвещено, а их воля обрела бы силу, необходимую для совершения подобного выбора, тогда как у аристократических народов девушка, украдкой ускользающая из-под родительской власти, чтобы самой броситься в объятия мужчины, хорошо узнать которого она не имела ни времени, ни необходимой способности суждения, не обладает ни одной из этих гарантий. Не следует удивляться тому, что, впервые завоевав право воспользоваться свободой своей воли, женщины употребляют ее во зло, а также тому, что они жестоко ошибаются тогда, когда, не получив демократического воспитания, они при вступлении в брак хотят следовать демократическим обычаям.

Однако это еще не все.

Когда мужчина и женщина стремятся к сближению вопреки неравенству их положения в аристократическом обществе, им нужно преодолеть очень большие препятствия. Сумев разорвать или ослабить узы, подчиняющие их родительской воле, они должны снова собраться с силами, чтобы противостоять власти обычая и тирании общественного мнения; когда же наконец они достигают финала своей рискованной затеи, то обнаруживают,

что они чужие среди своих друзей и родни: их разделяют те предрассудки, которые они переступили. Эта ситуация вскоре уменьшает их мужество и ожесточает их сердца.

Таким образом, если супруги, вступившие в брак по любви, сначала чувствуют себя несчастными, а затем начинают ощущать себя виновными, то это не следует объяснять тем, что они предпочли свободу выбора, а, скорее, тем, что они живут в обществе, подобного выбора не допускающем.

Не нужно также забывать и то, что та самая сила духа, которая позволяет человеку яростно восстать против всеобщего заблуждения, почти всегда увлекает его за пределы благоразумия; ибо для того, чтобы осмелиться объявить войну, даже законную, идеям своего века и своей страны, в сознании должна присутствовать определенная склонность к насилию и авантюризму. Люди подобного склада, в каком бы направлении они ни действовали, редко достигают счастья и добродетели. Это, замечу мимоходом, объясняет, отчего во времена самых необходимых и самых святых революций столь мало встречается воздержанных, честных революционеров.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что человек, живущий в аристократическом обществе, которому при заключении брачного союза случайно взбредет в голову ни с кем не советоваться и ничем не руководствоваться, помимо своих собственных суждений и вкусов, может вскоре обнаружить, что в его доме поселились безнравственность и страдания. Однако тогда, когда подобный образ действий в порядке вещей, когда родители поддерживают его, а общественное мнение признает, не следует сомневаться в том, что мир в семье станет крепче, а верность будет надежнее храниться.

Почти все мужчины в демократическом обществе занимаются либо политикой, либо какой-то профессиональной деятельностью, а скромность достатка, с другой стороны, обязывает женщин ежедневно оставаться в стенах собственного дома, с тем чтобы лично и очень внимательно следить за всеми мелочами домашнего хозяйства.

Это четкое и необходимое разделение занятий служит тем естественным барьером, который, разделяя мужчин и женщин, делает притязания первых более редкими и менее энергичными и облегчает вторым защиту своей добродетели.

Это не значит, что равенство условий существования способно когда-либо нравственно очистить человека, но оно придает безнравственности менее опасный характер. Поскольку у мужчин нет ни массы свободного времени, ни особых возможностей штурмовать те цитадели добродетели, которые

намерены защищаться, в обществе одновременно встречаются и многочисленные куртизанки, и множество честных женщин.

433

Подобное состояние дел порождает подчас прискорбную индивидуальную порочность, но оно не мешает всему обществу сохранять бодрость и силу; оно не подрывает семейных связей и не ослабляет национальной нравственности. Опасность для общества таит в себе не страшная развращенность отдельных личностей, а распущенность всех его граждан. С точки зрения законодателя, значительно меньше следует бояться проституции, чем галантного ухаживания за порядочными женщинами.

Такая бурная, обремененная постоянными хлопотами жизнь, которую приносит людям равенство, не только отвлекает их от любви, не оставляя времени предаваться ей, но и уводит их в сторону от нее менее очевидным, но более надежным способом.

Все люди, живущие во времена демократии, усваивают в большей или меньшей степени принципы мышления, свойственные промышленному и коммерческому классам; образ их мыслей становится серьезным, расчетливым, основательным; они добровольно отворачиваются от идеала, чтобы идти к какой-либо видимой и близкой цели, которая представляется им естественным и необходимым объектом их желаний. Равенство, следовательно, не убивает воображения, но ограничивает его, не позволяя ему слишком отрываться от земли.

Нет людей, менее склонных к мечтательности, чем граждане демократического общества, и среди них почти не встретишь никого, кто бы охотно предавался этому праздному, требующему уединения самосозерцанию, которое обычно предшествует сильным сердечным волнениям и порождает их.

Верно, что они, высоко ценя ее, стараются найти такую глубокую, упорядоченную, спокойную сердечную привязанность, которая делает жизнь приятной и безопасной; но по доброй воле они не стремятся к неистовым и капризным чувствам, которые приносят страдания и сокращают жизнь.

Я знаю, что вышеизложенное целиком относится только к Америке и к Европе вплоть до настоящего момента, в общем-то, неприложимо.

В течение последней половины века, когда законы и образ жизни стали с невиданной силой толкать некоторые европейские народы к демократии, отношения между мужчиной и женщиной у этих наций, по всей видимости, не сделались более упорядоченными и чистыми. В отдельных районах можно наблюдать даже обратное. Нравственность более строго

соблюдается лишь представителями определенных классов, а общая мораль общества кажется более низкой. Я не боюсь этих утверждений, так как не чувствую в себе предрасположенности ни льстить моим современникам, ни злословить по их адресу.

Зрелище это должно удручать, но не должно вызывать удивление.

Благоприятное влияние демократического государственного устройства на улучшение нравов — одно из тех явлений, которые обнаруживают себя лишь спустя длительное время. Если равенство условий благотворно для нравов, то те родовые муки общества, в которых эти условия появляются на свет, оказывают на общественную мораль гибельное воздействие.

В течение последних пятидесяти лет, изменивших облик Франции, мы редко пользовались свободой, но зато всегда царил беспорядок. Среди всего этого хаоса идей и ниспровержения вечных истин, под влиянием этой бессвязной мешанины справедливости с несправедливостью, истины с ложью, прав с реальностью общественные представления о добродетели становятся неопределенными, а индивидуальная нравственность неустойчивой.

Однако все революции, каковыми бы ни были их цели и средства, сначала порождают аналогичную ситуацию. Даже те из них, которые в конечном счете устанавливают более строгий контроль над нравами, начинают с их раскрепощения.

Та распущенность и те беспорядки, свидетелями которых мы часто бываем, не кажутся мне поэтому долговременными. Уже появляются любопытные признаки того, что они изживаются.

Нет ничего развратнее аристократии, которая, потеряв власть, сохраняет свои богатства и которая, предаваясь вульгарным наслаждениям, имеет на это много свободного времени. Некогда одушевлявшие ее сильные чувства и великие идеи исчезли, и теперь у нее не осталось ничего, кроме мелких, гложущих душу пороков, которые кишат на ней, как черви на трупе.

Никто не опровергает того факта, что французская аристократия минувшего века была крайне распутной, тогда как древние обычаи и старинные убеждения еще поддерживали уважение к нравственности в других классах нашего общества.

Столь же легко прийти к общему согласию и относительно того, что в наше время среди уцелевших обломков все той же аристократии обнаруживается определенная строгость моральных принципов, тогда как безнравственность распространилась в

средних и низших слоях общества. Таким образом, те семейства, которые пятьдесят лет тому назад были известны как чрезвычайно распущенные, сегодня стали самыми образцовыми, и может показаться, что демократия оказала благотворное влияние только на мораль аристократических классов.

Революция, уменьшив доход знати, заставила их прилежно заниматься своими финансовыми и семейными делами, поселила их под одну крышу вместе с детьми и, придав, наконец, более разумный и серьезный настрой их мыслям, пробудила в них неприметно для них самих уважение к вере, любовь к порядку и мирным наслаждениям, к семейным радостям и благополучию, тогда как остальная часть нации, естественным образом обладавшая всеми этими склонностями, была захвачена потоком вседозволенности, рожденным борьбой за смену политических законов и порядков.

Старинная французская аристократия испытала на себе последствия революции, но при этом она не ощутила революционных страстей и не была охвачена порожденным ими, часто анархическим порывом. Поэтому легко понять, отчего она испытала на своей нравственности благотворное влияние революции даже раньше тех, кто делал эту революцию своими собственными руками.

Таким образом, можно утверждать, хотя подобное утверждение на первый взгляд покажется странным, что в наши дни те классы являются самыми антидемократическими силами нации, которые с особой наглядностью проявляют свою привязанность к нравственным принципам, вполне обоснованно считающимся демократическими.

Я не могу не верить в то, что мы, сумев вырваться из хаоса революционных беспорядков и пожав все плоды породившей эти беспорядки демократической революции, увидим, как то, что сегодня лишь немногим представляется истинным, постепенно станет истиной для всех.

Глава XII КАК АМЕРИКАНЦЫ ПОНИМАЮТ РАВЕНСТВО МЕЖДУ МУЖЧИНОЙ И ЖЕНЩИНОЙ

Я показал, каким образом демократия уничтожает или преобразует различные виды создаваемого обществом неравенства. Но разве это все? Не может ли она, в конце концов, повлиять на то великое неравенство между мужчиной и женщиной, которое вплоть до нынешнего времени представляется нам обоснованным вечным законом природы?

Я думаю, что общественное движение, уравнивающее

положение детей и отцов, слуг и хозяев и, беря в целом, уравнивающее нижестоящих с вышестоящими, повышает статус женщины и должно все более и более уравнивать ее с мужчиной.

Однако в данном вопросе, больше, чем в других, я испытываю особую необходимость быть правильно понятым, ибо нет второго такого предмета, по поводу которого грубое, бессвязное воображение нашего века создавало бы столь же необузданные фантазии.

В Европе имеются люди, которые, путаясь в различных особенностях полов, заявляют о возможности установления между мужчиной и женщиной не только равенства, но и тождества. Они наделяют обоих одними и теми же функциями и правами, возлагая на них одни и те же обязанности; они хотят, чтобы мужчины и женщины сообща трудились, развлекались, занимались делами. Легко можно понять, что, пытаясь подобным образом уравнять между собой два пола, мы придем к их обоюдной деградации, ибо из подобного грубого смешения столь различных творений природы никогда ничего не выйдет, кроме слабых мужчин и неприличных женщин.

435

Американцы совершенно иначе понимают ту разновидность демократического равенства, которая может быть установлена между мужчиной и женщиной. Они думают, что, поскольку природа наделила мужчину и женщину столь различными физическими и духовными свойствами, она явным образом предназначала эти способности для выполнения разных функций, и считают, что прогресс состоит не в том, чтобы заставлять несхожие между собой существа заниматься примерно одними и теми же делами, а в том, чтобы каждый из них получил возможность как можно лучше делать свое дело. Американцы по отношению к двум полам применили основной принцип политической экономии, который в наши дни господствует в промышленности. Они тщательно разделили функции мужчины и женщины, с тем чтобы труд всего общества давал максимальные результаты.

В Америке больше внимания, чем в других странах мира, уделяется постоянному четкому разделению сфер деятельности двух полов, так как американцы хотят, чтобы оба пола шагали нога в ногу, но каждый из них — всегда своим особым путем. Вы не увидите американских женщин, заправляющих внешними делами своего семейства, ведущих торговлю или же, наконец, занимающихся политической деятельностью, но вы также никогда не увидите их вынужденными заниматься грубым,

неквалифицированным трудом или же тяжелой работой, требующей большой физической силы. Ни одно, даже самое бедное семейство не является исключением из этого правила.

Если американке, с одной стороны, не позволяется покидать круг ее мирных домашних забот, то, с другой стороны, ее никогда и не принуждают его покидать.

В результате получается, что американские женщины, подчас обладая мужской силой разума и деятельной энергией, в целом сохраняют весьма изящную внешность и постоянную женственность манер, хотя нередко они обнаруживают мужественность духа и отвагу сердца.

В свою очередь американские мужчины не считают, что вследствие применения демократических принципов в семье авторитет супруга окажется свергнутым и установится двоевластие. Они полагают, что всякое объединение, чтобы быть эффективным, должно иметь своего руководителя и что главой супружеского союза, естественно, является мужчина. Поэтому они не отказывают ему в праве руководить своей спутницей и верят, что в маленьком сообществе, состоящем из мужа и жены, так же как и в большом обществе, представляющем собой государственное образование, демократия стремится к тому, чтобы поставить под контроль и узаконить необходимую для управления власть, а не к уничтожению всякой власти.

Это мнение не является исключительной принадлежностью одного из полов, оспариваемой другим.

Я никогда не замечал, чтобы американки рассматривали власть мужа как благословенную узурпацию их собственных прав или же, напротив, считали бы себя ею униженными. Мне кажется, что они испытывают своего рода гордость за то, что добровольно отказались от собственной свободы, видя особое достоинство в умении нести бремя, не пытаясь от него избавиться. Таковы чувства если и не всех, то по крайней мере самых добродетельных из них — остальные молчат; не услышишь в Соединенных Штатах и жены-прелюбодейки, крикливо выступающей за права женщины, в то время как сама она попирает святейшую из супружеских обязанностей.

Часто отмечалось, что даже на той лести, которую европейские мужчины расточают перед женщинами, есть налет презрительности, и, хотя европейцы часто становятся рабами женщины, чувствуется, что в глубине души они никогда не считают ее равной себе.

В Соединенных Штатах женщину редко хвалят, но зато ежедневно проявляют уважение к ней.

Американцы постоянно демонстрируют полное доверие к

разуму своих супруг и чтят их свободу. Они считают, что женщины не в меньшей степени, чем мужчины, способны обнаруживать истину во всей ее наготе и что в женском сердце достаточно твердости, чтобы следовать за этой истиной; они никогда не пытались охранять ее добродетель, равно как и свою, с помощью предрассудков, невежества или страха.

По всей видимости, в Европе, где мужчины с такой легкостью подчиняются деспотизму женской власти, женщине тем не менее отказано в обладании некоторыми самыми основными качествами человеческой природы. Их считают обворожительными, но несовершенными существами; и не следует слишком уж удивляться, что сами женщины на-

чинают относиться к себе аналогичным образом и близки к тому, чтобы считать своей привилегией возможность быть вздорными, слабыми и боязливыми. Американки не требуют себе подобных прав.

Кроме того, говорят, что в вопросах морали мы даровали мужчине почти полную неприкосновенность, и, таким образом, понятие добродетели по отношению к нему имеет одно значение, и совершенно другое значение оно имеет тогда, когда речь заходит о его спутнице, и что в глазах общественности одно и то же деяние может соответственно быть преступлением или всего лишь проступком.

Американцы не знают этого несправедливого деления обязанностей и прав. У них соблазнитель подвергается такому же бесчестью, как и его жертва.

Это верно, что американцы редко окружают женщин тем услужливым вниманием, которое им с готовностью оказывается в Европе, однако всем своим поведением они постоянно подчеркивают, что считают женщин добродетельными и деликатными, и питают столь огромное уважение к их нравственной свободе, что в их присутствии каждый тщательно следит за своей речью, опасаясь заставить их выслушивать то, что может их покоробить. В Америке молодая девушка имеет возможность в одиночку и без всякого страха отправиться в длительное путешествие.

Законодатели Соединенных Штатов, смягчившие наказания почти во всех статьях уголовного кодекса, за изнасилование требуют смертного приговора, и никакое другое преступление не преследуется общественным мнением с более неумолимой суровостью. Это вполне объяснимо: поскольку американцы дороже всего ценят честь женщины и более всего уважают ее

независимость, постольку никакая кара не кажется им слишком жестокой для того, кто против ее воли лишает женщину и того и другого.

Во Франции, где это же преступление карается значительно мягче, часто бывает трудно найти состав присяжных, который бы вынес обвинительный приговор. Что это? Презрение к целомудрию или же презрение к женщине? Я не могу избавиться от убеждения, что и то и другое.

Таким образом, американцы не считают, что мужчина и женщина имеют обязанность и право заниматься одними и теми же делами, но проявляют равное уважение к роли каждого из них и рассматривают их в качестве равноценных существ, хотя и имеющих различное предназначение. Они не ждут от женщины мужских способов и форм применения своей отваги, но они никогда не сомневаются в ее храбрости, и если они полагают, что муж и жена не всегда должны одинаковым образом применять свои умственные способности, то по крайней мере они считают, что женщина обладает столь же основательной способностью суждения и столь же ясным умом, что и мужчина.

Следовательно, американцы, сохраняя социальное неравенство женщин, тем не менее сделали все, что могли, с целью нравственно и интеллектуально поднять ее до уровня мужчины, и здесь, как мне кажется, они превосходно уловили суть понятия демократического прогресса.

Что касается лично меня, то я заявляю без всяких колебаний: хотя женщина в Соединенных Штатах никогда не покидает узкого семейного круга и хотя в нем она в некоторых отношениях испытывает сильную зависимость, нигде в мире, по моим представлениям, она не имеет столь же высокого положения. И если сейчас, когда я заканчиваю эту книгу, в которой попытался описать весьма значительные достижения американцев, меня спросят, что я считаю главной причиной необычайного процветания и растущей мощи этого народа, я бы ответил, что вижу ее в чрезвычайно высоком положении американских женщин.

Глава XIII КАКИМ ОБРАЗОМ РАВЕНСТВО ПРИВОДИТ АМЕРИКАНЦЕВ К ЕСТЕСТВЕННОМУ РАЗДЕЛЕНИЮ НА МНОЖЕСТВО МЕЛКИХ ЧАСТНЫХ КРУГОВ ОБЩЕНИЯ

Можно было бы предположить, что конечным следствием и неизбежным результатом функционирования демократических институтов должно быть полное смешение граждан и в частной, и в общественной жизни, заставляющее их вести коллективное существование.

437

Подобное толкование приписывает равенству, порождаемому демократией, очень грубую и прямо-таки тираническую форму.

Нет такого общественного устройства и таких законов, которые могли бы сделать людей настолько одинаковыми, чтобы образование, материальное положение и вкусы уже не придавали им какого-то различия, и, если разные люди могут иногда находить, что в их интересах сообща сделать какое-нибудь одно дело, не следует полагать, что они когда-либо станут действовать сообща просто ради удовольствия. Поэтому люди всегда будут выскальзывать из рук законодателя, что бы он ни предпринимал, и, выбравшись тайком через какую-нибудь лазейку из того круга, в который он хотел их загнать, они создадут бок о бок с огромным государственным образованием маленькие частные сообщества, связующие людей по сходству положений, привычек и нравов.

В Соединенных Штатах граждане не имееют друг перед другом какого-либо преимущества; они не должны ни взаимоподчиняться, ни выражать знаков почтения; они сообща вершат правосудие и управляют государством, и в целом они все объединяются, чтобы решать вопросы, влияющие на их общую судьбу, но я никогда не слышал, чтобы их всех призывали развлекаться одним и тем же образом или веселиться сообща в одних и тех же местах.

Американцы, с такой легкостью общающиеся между собой во время политических собраний и судебных заседаний, напротив, разбиваются на маленькие, обособленные, тщательно подобранные компании, чтобы наслаждаться в них прелестями частной жизни. Каждый американец охотно признает всеобщее равенство граждан, но в своем доме он будет принимать только очень небольшой круг друзей и гостей.

Мне это представляется совершенно естественным. По мере того как расширяется круг лиц, принимающих участие в

общественной деятельности, сфера частных контактов сужается. Вместо того чтобы воображать себе картины коллективной жизни, к которой придут граждане новых обществ, следует опасаться, по-моему, того, что они в конце концов станут создавать лишь очень маленькие группки.

У аристократических народов разные классы представляют собой нечто похожее на огромные огороженные территории, из которых нельзя выйти и в которые невозможно войти. Классы между собой не общаются, однако внутри каждого из них люди вынуждены волей-неволей ежедневно контактировать. И даже тогда, когда по своим природным свойствам они не подходят друг другу, всеобщее соответствие, основанное на равенстве положения, их сближает.

Когда же ни закон, ни обычай не устанавливают постоянных, привычных контактов между определенными людьми, дело решается случайным сходством взглядов и склонностей, и это ведет к созданию бесчисленного множества частных содружеств.

При демократии, граждане которой никогда сильно друг от друга не отличаются и когда они естественным образом столь близки между собой, что всякую минуту существует возможность того, что они собьются в одну общую массу, создается множество искусственных и произвольных классификаций, с помощью которых каждый пытается выбраться в сторону из общего людского потока, боясь, что он увлечет его с собой против его воли.

И дело всегда будет обстоять подобным образом, ибо можно изменить созданные людьми институты, но не самого человека: какие бы усилия все общество ни прилагало к тому, чтобы сделать всех граждан равными и схожими между собой, личная гордыня каждого индивидуума всегда будет пытаться избежать общего уровня и где-то создаст какое-то выгодное для себя неравенство.

При аристократии людей разделяют высокие, неподвижные заборы; при демократии они отделены множеством тонких, почти невидимых нитей, которые всякий раз рвутся и беспрестанно перемещаются с места на место.

Таким образом, как бы близко ни подошли люди к равенству, у демократических народов всегда будут формироваться очень многочисленные маленькие частные круги общения внутри того большого государственного единства, которое и представляет собой общество. Но ни один из этих кругов своими манерами не будет напоминать тот высший свет, который при аристократии управлял государством.

Глава XIV НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ АМЕРИКАНСКИХ МАНЕР

На первый взгляд нет ничего, что казалось бы менее важным, чем внешние формы человеческого поведения, и тем не менее нет ничего, что ценилось бы людьми дороже этих форм; люди привыкают ко всему, кроме общения с теми личностями, у которых иные манеры. Поэтому влияние социально-политической организации общества на поведение людей и их манеры следует рассматривать со всей серьезностью.

Манеры, говоря в общем, порождаются нравами, и, кроме того, иногда они есть следствие произвольного соглашения между определенными лицами. Они в равной мере являются как естественными, так и благоприобретенными свойствами.

Когда люди осознают, что их превосходство не оспаривается и не стоит им никаких усилий, когда ежедневно они заняты осуществлением грандиозных целей, предоставляя другим заботу о частностях, когда они окружены той роскошью, которую они не приобретали и которую не боятся потерять, вполне понятно, что они усваивают своего рода гордое презрение к мелочным интересам и материальным заботам жизни и что их мыслям свойственно то природное величие, которое проявляется в их словах и манерах.

В демократических странах в манерах людей обычно мало величия, так как интересы их частной жизни очень ограниченны. Эти манеры часто вульгарны, поскольку мысли людей лишь изредка могут подниматься выше домашних забот и обязанностей.

Подлинное величие манер заключается в умении всегда быть на своем месте, не претендуя на большее, но и не роняя собственного достоинства; это умение вполне доступно и землепашцу, и коронованной особе. В демократическом обществе никакое место не представляется неоспоримым, и поэтому манеры граждан часто отличаются горделивостью, но редко — подлинным достоинством. Кроме того, их этикет не имеет четких, хорошо продуманных правил.

Население демократических стран слишком мобильно для того, чтобы определенная группа лиц могла выработать свод норм хорошего тона и добиться того, чтобы они соблюдались. Поэтому каждый человек ведет себя в большей или меньшей степени посвоему, и в обществе царит определенная непоследовательность правил поведения, так как эти правила и

манеры сообразуются с индивидуальными чувствами и идеями каждого человека более, чем с идеальной нормой, заранее предложенной всем для подражания.

В любом случае это более заметно тогда, когда власть аристократии свергнута только что, а не тогда, когда она уже давным-давно уничтожена.

Новые политические институты и новые обычаи собирают вместе, а часто заставляют и жить сообща людей, получивших совершенно разные воспитание и образование и все еще сохраняющих несовместимые привычки. Это постоянно создает чрезвычайную пестроту манер. Люди еще хранят память о том, что некогда существовал свод четких правил хорошего тона, но они уже больше не знают, что в нем содержится и где можно его найти. Люди утратили общее представление о правилах хорошего тона, но еще не вполне решились вообще обходиться без них. Напротив, из обломков старых правил всякий пытается создать определенную произвольную и изменчивую норму поведения, и, таким образом, их манеры лишены как регламентированности и величавости, которые часто можно наблюдать в поведении аристократических народов, так и простоты и свободы, часто обнаруживаемых гражданами демократического общества. Их манеры одновременно представляются и неловко стесненными, и бесцеремонными.

Подобное положение не является нормальным.

Когда равенство достигает определенной полноты и исторической зрелости, все люди начинают мыслить примерно одинаково, занимаясь примерно одними и теми же делами. Им поэтому нет никакой нужды договариваться или копировать друг друга для того, чтобы поступать и говорить приблизительно сходным образом. В их манерах мы беспрестанно замечаем множество мелких несоответствий, но не видим существенных различий. Сходство между ними никогда не достигает абсолюта, так как у них нет единой модели, но и различие между ними не бывает полным, поскольку они находятся в одних и тех же условиях. Основываясь на первом впечатлении, можно было бы сказать, что у всех американцев совершенно одинаковые манеры, и лишь очень пристальное рассмат-

ривание позволяет уловить те нюансы, которые определяют своеобразие манер каждого из них.

Англичан очень забавляют манеры американцев, и удивительно то, что авторы подобных юмористических описаний сами большей частью принадлежат к тем средним классам, к

которым эти описания вполне приложимы. Таким образом, эти безжалостные хулители сами, как правило, выступают носителями всего того, что они порицают в Соединенных Штатах. Они не понимают, что смеются над самими собой, к великой радости аристократов их собственной страны.

Ничто так не вредит демократии, как внешние формы проявления ее нравов. Многие люди охотно примирились бы с ее пороками, но не могут выносить свойственных ей манер.

Тем не менее я не соглашусь с тем, что в манерах демократических народов нет ничего достойного хвалы.

У аристократических наций все люди, общающиеся с представителями господствующего класса, как правило, изо всех сил стараются быть похожими на них, что приводит к крайне смехотворной и очень плоской подражательности. Если демократические народы и не имеют у себя высоких образцов хороших манер, они по крайней мере избавлены от необходимости ежедневно лицезреть их скверные копии.

В демократическом обществе манеры никогда не бывают столь же изысканными, как манеры, свойственные аристократическим народам, но при этом они никогда не бывают столь же грубыми. Вы не услышите ни бранных слов черни, ни благородных, рафинированных выражений вельмож. Демократические нравы часто отмечены пошлостью, но не грубостью или низостью.

Я уже говорил, что при демократии не может составиться сколь-либо реальный свод строгих правил хорошего тона. Это имеет как свои неудобства, так и свои преимущества. В аристократиях нормы благопристойности придают каждому одинаковый облик, несмотря на различие их наклонностей. Эти нормы приукрашивают и скрывают врожденный характер. Манеры демократических народов не отличаются подобной продуманностью и упорядоченностью, но они часто более искренни. Они представляют собой как бы легкую, неплотно сотканную вуаль, сквозь которую легко просматриваются подлинные чувства и личные мысли всякого человека. Поэтому здесь форма и содержание человеческих поступков часто выступают тесно взаимосвязанными, и широкая картина человечества, быть может, и представляется менее декорированной, зато оказывается более правдивой. В некотором смысле можно сказать, что демократия не только не приводит к формированию определенных манер, но и, напротив, мешает выработке каких бы то ни было манер.

В демократическом обществе иногда можно обнаружить проявления аристократических чувств, страстей, добродетелей и

пороков, но не аристократических манер. Они стираются и исчезают безвозвратно, когда демократическая революция завершается.

Кажется, что нет ничего долговечнее аристократической учтивости, так как она сохраняет ее еще в течение некоторого времени после того, как аристократия теряет свое имущественное положение и свою власть; но также кажется, что нет ничего мимолетнее этой учтивости, ибо, как только она отмирает, от нее не остается и следа, так что даже трудно сказать, какой она была. Изменение социального устройства общества вызывает это чудесное превращение, для которого достаточно жизни всего нескольких поколений.

Основные черты и особенности аристократии остаются запечатленными в истории после ее уничтожения, но деликатные, легкие формы ее нравов и манер изглаживаются из памяти людей почти тотчас же после ее падения. Никто не может представить их себе, не видя их собственными глазами. Их исчезновение не замечается и не ощущается. Ибо для того, чтобы испытать то утонченное удовольствие, которое доставляют благородство и изысканность манер, необходимо, чтобы человек был подготовлен к этому привычкой и воспитанием; как только они выходят из употребления, вкус к ним с легкостью утрачивается.

Таким образом, демократические народы не только не могут иметь аристократические манеры, но и, не представляя их себе, не хотят их иметь. Поскольку они не отвечают их представлениям, то для них они как бы никогда и не существовали.

Подобной утрате нельзя придавать слишком большое значение, но можно испытывать из-за нее чувство сожаления.

Мне известно, что нередко одни и те же люди, обладая весьма благовоспитанными манерами, отличались чрезвычайной грубостью чувств: придворная жизнь вполне убедительно доказала, что под внешним величием часто скрываются крайне низменные сердца. Но если аристократизм манер и не мог порождать добродетели, то иногда он украшал самое добродетель. Лицезрение многочисленного и могущественного класса было отнюдь не заурядным зрелищем, в котором все внешние проявления жизни, казалось, ежеминутно обнаруживали природную возвышенность чувств и мыслей, тонкий и правильный вкус, учтивость манер.

Аристократизм манер создавал красивые иллюзии относительно природы человека, и, хотя картина часто была

ложной, зрителям она доставляла высокое наслаждение.

Глава XV О ТОМ, НАСКОЛЬКО СТЕПЕННЫ АМЕРИКАНЦЫ И ОТЧЕГО ЭТО ЧАСТО НЕ МЕШАЕТ ИМ ПОСТУПАТЬ ОПРОМЕТЧИВО

Люди, живущие в демократических странах, не ценят тех наивных, грубых и шумных увеселений, которым предается простонародье аристократических государств; они считают их ребячеством или глупостью. Но не большую склонность они проявляют и к интеллектуальным, изысканным развлечениям аристократических классов; им необходимы полезные, основательные удовольствия, и им хочется, чтобы в самой их радости было нечто прибыльное.

В аристократических обществах народ охотно отдается порывам бурного, шумного веселья, которое сразу заставляет их забывать свои несчастья; жители демократических стран не любят столь неистового самозабвения и всегда испытывают сожаление, когда теряют над собой контроль. Порывам фривольного веселья они предпочитают степенные, немногословные развлечения, которым они предаются по-деловому, не забывая при этом и о своих делах.

Есть такие американцы, которые вместо того, чтобы отправиться в общественные места и весело танцевать там в часы досуга, как это продолжают делать их коллеги в большинстве стран Европы, остаются одни в стенах своего дома, чтобы выпить. Такие люди сразу испытывают двойную радость: они обдумывают свои дела и благопристойно хмелеют у домашнего очага.

Раньше самым степенным народом на земле я считал англичан, но, увидев американцев, я изменил свое мнение.

Я не собираюсь утверждать, что характер жителей Соединенных Штатов не определяется в значительной мере их темпераментом. Тем не менее я думаю, что политические институты оказывают на них еще большее влияние.

Я считаю, что степенность американцев частично порождается их гордостью. В демократических странах даже бедняк имеет высокое представление о своем личном достоинстве. Он охотно размышляет о самом себе, считая, что другие обращают на него внимание. Подобное умонастроение заставляет его тщательно следить за своими словами и поступками и держаться замкнуто, дабы не обнаружить своих недостатков. Ему представляется, что, если он хочет выглядеть заслуживающим уважения, ему необходимо сохранять степенный и серьезный вид.

Я, однако, вижу другую, более глубокую и сильную причину, естественным образом порождающую у американцев ту серьезную степенность, которая меня удивляет.

При деспотизме народ время от времени охватывают порывы буйного веселья, но в целом он угрюм и сдержан, потому что живет в страхе.

При абсолютной монархии, смягченной традициями и нравственными устоями, часто можно видеть спокойные, жизнерадостные лица, так как, имея некоторую свободу и достаточную гарантию безопасности, люди не обременены самыми важными проблемами человеческого существования. Все свободные же народы глубокомысленно серьезны,

поскольку их головы обычно заняты обдумыванием каких-либо рискованных или трудноосуществимых замыслов.

В особенности это свойственно тем свободным народам, которые создали демократические формы государственного правления. В этом случае во всех классах данного общества встречается немалое число людей, постоянно занятых серьезными государственными делами, а те из граждан, кого не привлекает идея личного участия в судьбах страны, целиком поглощены заботами об увеличении своей частной собственности. У такого народа серьезность не является более специфической особенностью склада отдельных индивидуумов, она становится чертой национального характера.

Говорят, что в небольших демократических государствах античного мира граждане появлялись в общественных местах украшенными венками из роз, что они почти все свое время тратили на танцы и театральные представления. В существование подобных республик я верю не больше, чем в существование государства Платона; и если действительно там все происходило так, как об этом рассказывают, я беру на себя смелость утверждать, что эти так называемые «демократии» были созданы из совершенно иного материала, чем наши, и что между ними нет ничего общего, кроме названия.

Не следует, впрочем, думать, что люди, живущие в демократическом обществе и вынужденные много работать, считают, что они заслуживают сочувствия: как раз наоборот. На свете нет людей, более приверженных своему образу жизни. Если бы их освободили от забот, доставляющих им беспокойство, они обнаружили бы, что их жизнь стала пресной, и потому они испытывают более глубокую привязанность к своим заботам, чем аристократия — к своим наслаждениям.

Теперь я задаюсь вопросом, отчего те же самые демократические народы, которым свойствен столь серьезный склад ума, ведут себя подчас столь легкомысленно и опрометчиво?

Американцы, почти всегда сохраняющие степенность манер и холодность обращения, тем не менее часто оказываются во власти какой-либо внезапной страсти или же необдуманного суждения, выходящих далеко за пределы разумного, под влиянием которых они с самым серьезным видом совершают немыслимые безрассудства

Это противоречие не должно удивлять.

Крайняя степень гласности порождает своеобразное невежество. В деспотических государствах люди не знают, что делать, потому что им ничего не говорят. Люди, живущие в условиях демократии, часто действуют наобум потому, что им говорят все. Первые ничего не знают, вторые все забывают. Они не воспринимают основных линий картины потому, что их внимание рассредоточено на множестве мелких деталей.

В свободных и особенно в демократических государствах все те необдуманные высказывания, которые иногда позволяют себе общественные деятели, как это ни странно, не вредят их репутации, тогда как в абсолютных монархиях достаточно нескольких случайно сорвавшихся слов, чтобы человек навсегда утратил авторитет и загубил карьеру.

Это объясняется тем, что уже было сказано выше. Когда человек говорит что-то,находясь в многолюдной оживленной толпе, многие из его слов остаются неуслышанными или тотчас же вылетают из памяти его слушателей. Напротив, среди молчаливой неподвижной массы народа, в царящей вокруг тишине ухо улавливает самый легкий шепот.

В демократических обществах люди всегда подвижны; тысяча случайностей беспрестанно заставляет их менять образ жизни, которая всегда подвержена чему-то неопределенно-непредвиденному и неожиданному. В этой связи они часто вынуждены заниматься тем, что плохо умеют делать, и говорить о том, в чем едва ли разбираются, и хвататься за ту работу, которой они не были обучены в течение длительного периода ученичества

В аристократических государствах каждый имеет только одну цель, которую он постоянно стремится достичь. В демократическом обществе жизнь более сложна и запутанна: редко бывает так, что один и тот же человек не стремится к достижению множества целей одновременно, и цели эти часто весьма далеки друг от друга. И поскольку он не может хорошо знать все объекты своих желаний, человек легко удовлетворяется

не вполне совершенными представлениями о них.

Даже в том случае, если житель демократической страны не испытывает лишений, его желания все равно заставляют его действовать, так как, окруженный со всех сторон материальными благами, он не видит среди них ничего такого, что было бы для него абсо-

лютно недоступным. Поэтому он все делает в спешке, довольствуется не совсем тем, что хотел, и для обдумывания всякого своего действия останавливается лишь на мгновение.

Его любознательность беспредельна, но в то же самое время эту любознательность очень просто удовлетворить, поскольку он сам внутренне предрасположен узнать побыстрее как можно больше, нежели глубоко изучать немногое.

Он не располагает временем и вскоре теряет желание во что-либо глубоко вдаваться.

Таким образом, мышление демократических народов отмечено серьезностью потому, что социально-политические условия их существования постоянно заставляют их заниматься серьезными делами, а поступают они опрометчиво потому, что мало времени и внимания уделяют каждому из этих дел.

Привычный недостаток внимания следует считать самым главным пороком демократии.

Глава XVI ОТЧЕГО НАЦИОНАЛЬНОЕ ТЩЕСЛАВИЕ У АМЕРИКАНЦЕВ НОСИТ БОЛЕЕ БЕСПОКОЙНЫЙ И СВАРЛИВЫЙ ХАРАКТЕР, ЧЕМ У АНГЛИЧАН

Все свободные народы гордятся собой, однако национальная гордыня проявляется у них по-разному.

В своих отношениях с иностранцами американцы оказываются нетерпимыми к любой критике и постоянно жаждут славословий. Им нравятся самые скромные выражения одобрения, но их редко полностью удовлетворяют даже самые невоздержанные восхваления; они неотступно преследуют вас своими ожиданиями похвал, и, если вы не уступаете их настоятельным просьбам, они хвалят себя сами. Словно сомневаясь в своих собственных достоинствах, они жаждут постоянно иметь перед глазами их изображения. Их тщеславие отмечено не только жадностью, но также беспокойством и завистливостью. Постоянно требуя все, оно ничего не дает взамен. Оно бранчливо вымаливает подачки.

Я говорю кому-либо из американцев, что он живет в

прекрасной стране, и он отвечает: «Верно, в мире нет другой такой страны!» Я выражаю восхищение той свободой, которой пользуются граждане его страны, и он отвечает: «Свобода — это драгоценный дар! Но мало кто из народов достоин им пользоваться». Я отмечаю чистоту нравов, царящую в Соединенных Штатах, а он говорит: «Я полагаю, что иностранец, глаз которого привычен к той испорченности, которая наблюдается у всех других народов, должен быть потрясен созерцанием подобной чистоты». В конце концов я предоставляю ему возможность рассуждать на эту тему в одиночку, но он вновь принимается за меня и не оставляет в покое до тех пор, пока не заставит повторить все то, что я уже говорил. Трудно представить себе более докучливое и более словоохотливое проявление патриотизма. Оно утомляет даже тех, кто относится к нему с уважением*.

Иное дело — англичанин. Он спокойно наслаждается теми подлинными или же воображаемыми преимуществами, которыми, на его взгляд, обладает его страна. Нисколько не жалуя другие народы, он ничего от них не требует для своего народа. Его нисколько не трогают ни их порицания, ни их одобрения. Перед лицом всего мира он сохраняет сдержанность, полную пренебрежения и нежелания его знать вообще. Его гордыня не нуждается в подкреплении, так как подпитывается сама собой.

Удивительно, что два народа, лишь недавно отделившиеся от одного основания, столь противоположны друг другу по манере чувствовать и говорить.

В аристократических странах вельможи обладают огромными привилегиями, на которых покоится их гордыня, и не стремятся пользоваться преимуществами, которые вытекают из этих привилегий. Эти привилегии достаются им по наследству, и они в определенной мере рассматривают их как часть самих себя или по меньшей мере как естественное, лично им принадлежащее право. Поэтому их чувство собственного превосходства отмечено некоторой безмятежностью; им и в голову не приходит хвастаться своими прерогативами, которые очевидны каждому и которые никем не отрицаются. Их положение столь естественно, что не требует никаких разговоров. Окруженные

ореолом своего одинокого величия, они сохраняют неподвижность, уверенные в том, что видны отовсюду без всяких со своей стороны усилий показать себя всему свету, и в том, что никто не пытается заставить их покинуть свое место.

Когда общественные дела находятся в ведении аристократии,

национальная гордость естественным образом принимает форму сдержанного, безразличного ко всему, высокомерного чувства, проявления которого копируют все остальные классы нации.

Напротив, когда социальные различия весьма незначительны, самые ничтожные преимущества приобретают большое значение. Поскольку каждый видит вокруг себя множество людей, охваченных сходными или аналогичными стремлениями, его чувство собственного достоинства становится взыскательным и ревнивым. Оно цепляется за ничтожные безделицы и упрямо их защищает.

При демократии, когда имущественное положение граждан крайне неустойчиво, люди почти всегда обладают лишь недавно обретенными преимуществами. Именно поэтому демонстрация этих преимуществ доставляет им безграничное удовольствие, убеждая их и окружающих в том, что они действительно наслаждаются этими преимуществами. А поскольку в любой момент они могут их лишиться, они испытывают беспрестанное чувство тревоги и принуждают себя показывать всем, что они их еще сохраняют. Люди, живущие в демократическом обществе, любят свою страну так же, как любят самих себя, перенося формы личного тщеславия на чувство национальной гордости.

Это беспокойное, неутолимое тщеславие демократических народов всецело обусловлено равенством и неустойчивостью условий существования, ибо даже представители самой родовитой части аристократии подчас проявляют те же самые страсти, когда какая-либо из незначительных сторон их существования приходит в некоторую неустойчивость и оспаривается.

Класс аристократии всегда резко отличается от других классов масштабами и незыблемостью привилегий, однако многие из его представителей почти ничем не отличаются друг от друга, не считая эфемерных преимуществ, которые ежедневно могут ими утрачиваться или приобретаться.

Известно, что представители могущественной аристократии, собравшись в столице или при дворе, с остервенением оспаривали между собой пустые привилегии, зависящие от капризов моды или прихоти господина. В этом случае они проявляли по отношению друг к другу ту же самую ребяческую завистливость, которая движет людьми при демократии, подобное же ревностное желание завладеть самыми незначительными выгодами, оспариваемыми равными им людьми, и аналогичную потребность выставлять на всеобщее обозрение те преимущества, которыми они пользуются.

Если бы придворным когда-либо пришла в голову мысль о

чувстве национальной гордости, я не сомневаюсь, что оно проявилось бы у них в формах, совершенно аналогичных тем, в которых проявляется патриотизм демократических народов.

Глава XVII ОТЧЕГО ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ ВЫГЛЯДИТ ОДНОВРЕМЕННО БУРНОЙ И ОДНООБРАЗНОЙ

Ничто, казалось бы, не может вызывать и поддерживать столь острое любопытство, как внешние проявления жизни в Соединенных Штатах. Материальное положение людей, идеи, законы здесь беспрестанно меняются. Говорят, что сама неподвижная природа приходит здесь в движение — настолько ощутимо она ежедневно преобразуется трудом человеческих рук.

Тем не менее столь бурное общество, если его долго наблюдать, начинает казаться однообразным, и зритель, созерцающий эту живую картину, испытывает скуку.

У аристократических народов каждому человеку приблизительно определена своя сфера общения, сами же люди, однако, совершенно не похожи друг на друга: их чувства, мысли, привычки и вкусы в корне различны. Ничто не движется, но все разное.

В демократических обществах, напротив, все люди похожи друг на друга и поступают они примерно одинаково. Они подвержены, это верно, постоянной суровой игре случая; но, поскольку их взлеты и падения беспрестанно повторяются, пьеса остается одной и той же, меняются только имена актеров. Внешний облик американского общества выглядит оживленным, поскольку люди и обстоятельства здесь постоянно изменяются; но внешность эта однообразна, так как меняются они все на один манер.

Люди, живущие в демократические времена, наделены многими страстями, но они большей частью сводятся к любви к богатству или же проистекают из нее. Это происходит не потому, что их души более черствы, но потому, что в такие времена значение денег действительно возрастает.

Когда все граждане независимы и безразличны друг к другу, каждый из них может получить чью-либо помощь, только если оплатит ее. Это до бесконечности расширяет сферу приложения богатства и увеличивает его ценность.

Поскольку престиж, связанный со старыми понятиями, исчез, люди больше не различаются или почти не различаются по

своему происхождению, положению, профессии. Едва ли остается нечто такое, помимо денег, что может сразу выделить человека из массы и поднять некоторых людей над общим уровнем. Отличия, порождаемые богатством, возрастают по мере того, как уменьшаются и исчезают все остальные.

У аристократических народов деньги обеспечивают удовлетворение лишь незначительного числа желаний из всего их широкого спектра; при демократии кажется, что они делают доступными предметы всех желаний.

Поэтому обычно оказывается, что основным или дополнительным мотивом, лежащим в основе поведения американцев, является любовь к богатству. Это придает всем их чувствам черты родового сходства и вскоре делает картину их жизни утомительной для наблюдателя.

Это вечное повторение одной и той же страсти становится монотонным, равно как и однообразные конкретные приемы, используемые этой страстью для своего удовлетворения.

В таком законодательно установленном, мирном демократическом обществе, каким являются Соединенные Штаты, где человек не может обогатиться ни на войне, ни на государственной службе, ни с помощью политических конфискаций, любовь к богатству в основном побуждает людей к занятиям промышленностью. А ведь в промышленности, хотя она часто приводит к сильному смятению страстей и к великим несчастьям, нельзя тем не менее преуспеть иначе, кроме как овладев чрезвычайно упорядоченными навыками, целым комплексом мелких, однообразных операций. Чем сильнее страсть в душе человека, тем более регламентирован образ его жизни и тем более однообразны его движения и поступки. Можно сказать, что сама страстность желаний делает американцев столь аккуратными, размеренными людьми. Страсть волнует их души, но упорядочивает их жизнь.

То, что я говорю об американцах, приложимо почти ко всем остальным людям нашего времени. Род людской лишается разнообразия разновидностей; во всех уголках земного шара обнаруживается один и тот же образ действий, мыслей и чувств. Это происходит не только потому, что все народы стали больше общаться и больше уподобляться друг другу, но еще и потому, что в каждой стране люди, все более и более последовательно отказываясь от тех особых представлений и чувств, которые были связаны с их кастовой, профессиональной или семейной принадлежностью, одновременно приближаются к естественному состоянию человеческой природы, сущность которой повсюду одинакова. Таким образом, они уподобляются, хотя и не

подражают друг другу. Они подобны путникам, поодиночке блуждающим по огромному лесу, все тропинки в котором ведут в одно и то же место. Если все разом замечают эту центральную точку, они, хотя и не ищут, и не видят, и не знают друг друга, незаметно сближаются. И каково же будет их удивление, когда все они встретятся в одном месте. Все те народы, которые взяли за объект своего изучения и подражания не какую-либо определенную личность, но природу человека как такового, придут в конечном счете к одним и тем же нравам, подобно тем путникам, что собрались на лесной поляне.

445

Глава XVIII О ПОНЯТИИ ЧЕСТИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ И В ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ [1]

Люди, по-видимому, формируя общественное суждение о действиях себе подобных, пользуются двумя совершенно различными критериями их оценки: либо они оценивают их в соответствии с простыми, разделяемыми людьми всей земли представлениями о справедливости и несправедливости, либо рассматривают их в свете чрезвычайно специфических понятий, сложившихся лишь в конкретной стране в определенную историческую эпоху. Часто случается, что нормы этих требований различны, иногда они являются противоборствующими, но, никогда не совпадая полностью, они полностью друг друга не уничтожают.

Во времена своего наивысшего могущества кодекс чести управляет волей людей в большей мере, чем их верования, и, хотя люди ему без всяких колебаний, безропотно подчиняются, они все же сохраняют какое-то инстинктивно-смутное, но сильное ощущение того, что существует также более общий, более древний и более святой закон, которому они подчас не подчиняются, не переставая тем не менее его признавать. Существовали поступки, которые в одно и то же время считались доблестными и позорными. Отказ от дуэли часто расценивался подобным образом.

Я полагаю, что такие явления объясняются иначе, чем простым капризом определенных индивидуумов или определенных народов, хотя это до сих пор именно так и объяснялось.

Род людской испытывает постоянные общие потребности, порождающие нравственные законы, несоблюдение которых все люди естественным образом повсеместно и во все времена

связывали с идеями вины и позора. Выражение «поступать плохо» означало уклонение от этих законов, «поступать хорошо» — подчинение им.

Кроме того, в недрах огромного человеческого сообщества сложились более частные образования, получившие название «народы», а внутри этих последних сформировались другие, еще более мелкие сообщества, которые стали называться «классами» или «кастами».

Каждое из этих сообществ представляет собой как бы определенную разновидность, которые в своей совокупности составляют человеческий род, и, хотя их представители по своей сущности не отличаются от всех прочих людей, они держатся от них несколько особняком и испытывают ряд потребностей, свойственных только им. Именно эти особые потребности в определенных странах обусловливают специфическое восприятие человеческих поступков и связанных с ними оценок.

Общий и постоянный интерес рода людского требует того, чтобы люди не убивали друг друга, однако может случаться так, что частный, временный интерес какого-нибудь народа или класса в определенных случаях не только оправдывает, но даже чтит человекоубийство.

Кодекс чести есть не что иное, как свод этих частных правил, обоснованных конкретной общественной ситуацией, *с* помощью которых данный народ или класс порицает или же превозносит своих представителей.

Нет ничего менее продуктивного для ума, чем абстрактная идея. Поэтому я спешно обращаюсь к фактам. Пример пояснит мою мысль.

Я выберу самую необычную концепцию чести из всех когда-либо появлявшихся в мире, которая тем не менее известна нам лучше всего,— кодекс аристократической чести, рожденный в недрах феодального общества. Я объясню его при помощи того, что было сказано выше, а он в свою очередь пояснит вышесказанное.

[1] Слово «честь» во французском языке не всегда употребляется в одном и том же смысле.

1.. Прежде всего оно означает почет, славу или же то уважение, которыми человек пользуется среди своих сограждан; именно в этом смысле говорится, что он «удостоился заслуженной чести».

2. Слово «честь» также означает тот кодекс правил, с помощью которых можно заслужить эти славу, почет и уважение. В этом случае говорится, что «такой-то человек всегда строго соблюдает правила чести» или что он «нарушил правила чести». В

настоящей главе я всегда использовал слово «честь» в этом последнем смысле.

446

Я не собираюсь расследовать здесь, когда и каким образом зародилась средневековая аристократия, почему она столь глубокой пропастью была отделена от остальной части нации и что основывало и укрепляло ее власть. Я беру ее как существующую данность и пытаюсь понять, отчего она большинство поступков людей рассматривала и оценивала столь своеобразно.

Прежде всего меня поражает то, что в феодальном мире поступки не оценивались только положительно или отрицательно с точки зрения их внутреннего содержания, но подчас воспринимались исключительно с учетом того, кем было действующее лицо или объект действия; это отвергается понятиями общечеловеческой совести. Определенные поступки, таким образом, вполне простительные для простолюдина, считались позорящими дворянскую честь; оценка других поступков менялась в зависимости от того, кто именно страдал от них—представитель аристократии или же человек, не принадлежавший к ее кругу.

Когда подобное различие подходов только зарождалось, дворянство представляло собой организованную группировку, отделенную от народа, над которым оно господствовало, будучи на недостижимой высоте собственного превосходства, в котором оно и замкнулось на самом себе. Чтобы сохранить свое особое положение, составлявшее его силу, оно нуждалось не только в политических привилегиях: ему нужны были также свои особые представления о добродетелях и пороках.

То, что те или иные добродетели или пороки были в большей степени свойственны знати, чем простолюдинам, что определенные деяния по отношению к виллану считались нормой, но становились наказуемыми, если они были направлены против дворянина, носило произвольный характер, но то, что честность или бесчестность поступков человека оценивалась в зависимости от его положения, являлось уже результатом самого устройства аристократического общества. Это наблюдалось практически во всех странах, имевших аристократию. Пока в обществе сохраняется хотя бы один из аристократических пережитков, эти предрассудки в нем существуют: совращение чернокожей девушки едва ли испортит репутацию американца, женитьба на ней считается бесчестьем.

В определенных случаях феодальная честь предписывает

отмщение, клеймя позором того, кто готов простить оскорбление; в других случаях она повелительно требует, чтобы люди сдерживали свои чувства, приказывая им забывать самих себя. В этом кодексе чести не было никаких понятий ни о человечности, ни о доброте, но в нем превозносилась щедрость; широта души в нем оценивалась выше благотворительности, он позволял людям обогащаться с помощью азартных игр, на войне, но не трудом; крупные преступления в нем предпочитались мелким махинациям. Алчность считалась менее отвратительной, чем скупость. В нем часто одобрялось насилие, тогда как хитрость и предательство всегда осуждались с презрением.

Подобные странные представления не были порождены исключительно причудами тех, кто создавал эти нормы.

Класс, которому удается стать во главе, возвысившись над всеми остальными, и который постоянно прилагает усилия для того, чтобы сохранить свое господство, должен в особенности чтить те внутренние качества, которые имеют прямое отношение к величию и славе и легко сочетаются с гордостью и властолюбием. Этот класс бесстрашно ломал все естественные человеческие представления, чтобы поставить указанные духовные качества выше всех остальных. Напрашивается мысль, что они охотно ценили отдельные виды дерзких, блестящих пороков выше мирной и скромной добродетели. Некоторым образом подобные воззрения данного класса были вынужденными, обусловленными его положением.

Вместо многих достоинств и выше их всех средневековая знать ставила воинскую отвагу.

Подобное специфическое представление опять-таки с неизбежностью порождалось своеобразием социального устройства.

Феодальная аристократия была создана войной и для войны; свою власть она обрела и удерживала с помощью оружия. Поэтому для нее не было ничего важнее воинской доблести, и отвагу она ставила, естественно, превыше всех остальных достоинств. Следовательно, все то, что служило внешними проявлениями этой отваги, даже в ущерб здравому смыслу и человечности, одобрялось, а часто и предписывалось ею. Фантазия отдельных людей могла влиять только на детали этой системы ценностей.

447

Обычай, согласно которому человек, получивший удар по щеке, должен был считать себя страшно оскорбленным и обязанным убить на поединке того, кто несильно его ударил, —

этот обычай был создан игрой случая, но правило, по которому дворянин не мог спокойно сносить оскорбление и считался обесчещенным, если позволял ударить себя без боя, вытекало из самих принципов власти и потребностей военной аристократии.

Следовательно, в некотором смысле можно утверждать, что законы чести носили случайно-произвольный характер, однако их произвольность всегда была ограничена некоторыми необходимыми рамками. Этот свод частных правил, называвшийся нашими предками «кодексом чести», кажется мне столь далеким от произвола случайности, что я без труда смогу объяснить даже самые непоследовательные и странные из его предписаний их связью с немногими постоянными, неизменными потребностями феодального общества.

Проследив действие кодекса феодальной чести в области политики, я без особого труда объясню его демарши.

Социальное устройство и политические институты средневековых государств были таковы, что центральная власть никогда прямо не управляла гражданами. Можно сказать, что в их глазах эта власть вообще как бы не существовала: каждый знал лишь определенного человека, которому был обязан подчиняться. Посредством этого человека он, не осознавая ситуации, был связан со всеми остальными людьми. Таким образом, все устройство феодального общества держалось на чувстве верности персоне конкретного сеньора. Когда это чувство исчезало, тотчас же наступала анархия.

Все представители аристократии, следовательно, ежедневно ощущали значение чувства верности своему политическому вождю, так как каждый из них был одновременно и сеньором и вассалом и должен был как командовать, так и подчиняться.

Сохранять верность своему сеньору, при необходимости жертвовать собой ради него, делить с ним удачи и неудачи, помогать ему в любых его начинаниях — таковы главные требования кодекса феодальной чести в области политики. Измена вассала осуждалась общественным мнением с чрезвычайной суровостью. Ее называли особо позорным словом — «вероломство».

Напротив, в средние века можно обнаружить лишь немногие следы того чувства, которое составляло жизнь античного общества. Я имею в виду патриотизм. Само это слово в нашем языке появилось не так давно [2].

Феодальные институты заслонили собой отечество от людских взоров, сделав любовь к родине не столь обязательным чувством. Воспитывая в человеке страстное чувство преданности конкретному человеку, они заставляли людей забывать о нации.

Поэтому в феодальном кодексе чести никогда не было строгого закона, требовавшего от человека верности своей стране.

Это не значит, что сердца наших предков не испытывали любви к родине, однако эта любовь носила характер инстинктивного, неопределенного и слабого чувства, которое стало осознаваться и усиливаться по мере того, как разрушались классы и начался процесс централизации власти.

Различие отчетливо выявляется в противоречивости тех суждений, которые выносятся народами Европы по поводу событий собственной истории и выражают мировосприятие поколении, высказывающих эти суждения. Коннетабль Бурбона в глазах своих современников обесчестил себя тем, что поднял оружие против своего короля. С нашей же точки зрения, он больше всего опозорил себя тем, что воевал против своей страны. Мы столь же страстно клеймим его, как и наши предки, но по иным мотивам.

С целью пояснить свою мысль я взял кодекс феодальной чести, поскольку его особенности наиболее рельефны и мы знакомы с ним лучше, чем со всеми остальными сторонами той эпохи; но я мог бы взять другие примеры и пришел бы к тому же результату иным путем.

Хотя мы менее осведомлены о древних римлянах, чем о наших предках, мы тем не менее знаем, что на славу и бесчестье у них имелись особые взгляды, которые не были непосредственным выражением всеобщих представлений о добре и зле. Многие из человеческих поступков они оценивали по-разному, в зависимости от того, кем являлось со-

2 **Само** слово «patrie» (отечество) встречается у французских писателей лишь начиная с XVI века.

вершившее их лицо: был ли это римский гражданин или чужеземец, свободный человек или же раб. Они прославляли отдельные пороки, и определенные добродетели считались у них выше всех остальных.

В то самое время, утверждает Плутарх в жизнеописании Кориолана, храбрость в Риме почиталась и ценилась больше всех других достоинств. Это подтверждается тем, что храбрость стали называть словом virtus, то есть словом, обозначающим добродетель, нравственное совершенство, применяя к конкретной разновидности человеческого достоинства общеродовое имя. Дошло до того, что по-латыни о добродетели стали говорить как о мужестве. Кто способен не разглядеть в этом потребностей уникального политического сообщества, созданного с целью

завоевания мира?

Аналогичные наблюдения могут быть сделаны по отношению к любой нации, ибо, как я уже говорил, всякий раз, когда люди собираются в определенное сообщество, среди них тотчас же формируется понятие чести, то есть подходящая им совокупность взглядов и мнений по поводу того, что следует хвалить или порицать. Своеобразие обычаев и особые цели сообщества всегда являются источником конкретных правил нравственного поведения.

В определенной мере это приложимо к демократическому обществу, как и ко всем другим. Мы обнаружим, что эти наблюдения подтверждаются также жизнью американцев[3].

У американцев еще встречаются некоторые разрозненные представления, заимствованные из старинного европейского кодекса аристократической чести. Эти традиционные взгляды весьма немногочисленны; они не имеют глубоких корней и серьезного влияния. Эти взгляды подобны религиозному учению, отдельные храмы которого разрешили сохранить, но в которое больше никто не верит.

На фоне этих полустертых экзотических понятий о чести появились новые представления, в совокупности составляющие то, что можно было бы назвать современным американским «кодексом чести».

Я показал, каким образом жизнь беспрестанно заставляет американцев заниматься коммерцией и промышленностью. Их происхождение, общественный строй, политические институты, сама земля, на которой они живут, неудержимо влекут их в данном направлении. В настоящее время, следовательно, они представляют собой почти исключительно промышленно-торговое сообщество, населяющее новую огромную страну, разработка ресурсов которой является их главной целью. Эта характерная черта в особой мере отличает в наши дни американский народ от всех остальных народов.

Значит, все те возможные достоинства, которые способны регулировать жизнь общества и благоприятствовать торговле, должны быть в особом почете у этого народа, и люди, пренебрегающие ими, не смогут избежать общественного осуждения.

Напротив, все те неугомонные проявления доблести, которые часто приносят обществу славу, но еще чаще — волнения, должны цениться меньше во мнении того же самого народа. Ими можно пренебречь, не теряя уважения своих сограждан, и, более того, человек, приобретая подобные достоинства, рискует потерять это уважение.

Не меньшим своеобразием отмечена и американская классификация пороков.

Существуют определенные склонности, осуждаемые с точки зрения здравого смысла и всеобщих нравственных представлении человечества, которые отвечают конкретным, сиюминутным потребностям американского общества, и оно весьма неохотно их порицает, а иногда даже одобряет. Для примера я привел бы их особую любовь к деньгам и связанные с ней, производные от нее склонности. Для того чтобы распахать, окультурить, преобразовать этот огромный малонаселенный континент, который является их достоянием, американцам необходимо ежедневно находить внутреннюю опору в виде какой-либо сильной страсти. Такой страстью может быть только жажда обогащения. Поэтому любовь к деньгам не только не клеймится в Америке, но и считается достойной уважения в случае, если она не перешагивает установленных для нее обществом границ. Американец называет благородной и почтенной ту самую страсть, которую наши средневековые предки считали презренной алчностью. Со своей стороны он назвал бы нелепой

[3] Здесь я говорю об американцах, проживающих в тех штатах, где не существует рабства. Только эти штаты дают полную картину действительно демократического общества.

и варварской яростью ту жажду побед и воинский пыл, которые постоянно вели их все в новые и новые сражения.

В Соединенных Штатах состояния относительно легко теряются и обретаются вновь. Ресурсы этой бескрайней страны неистощимы. Этот народ, наделенный всеми потребностями и аппетитами растущего организма, всегда видит вокруг себя больше материальных благ, чем он может ухватить, несмотря на все свои усилия завладеть ими. Для такого народа опасность таится не в гибели нескольких индивидуумов, тотчас же восполняемой, а в бездеятельности и апатии всех людей. Смелость промышленного предпринимательства — основная причина их быстрого развития, их мощи и величия. Индустрия этому народу представляется в виде большой лотереи, в которой незначительное число людей ежедневно проигрывает, но благодаря которой государство постоянно обогащается. Такой народ должен поэтому благосклонно относиться к предпринимательской смелости и высоко ее чтить. Однако любое смелое предприятие подвергает риску состояние того, кто на него решается, а также деньги всех тех людей, которые доверились

ему. Американцы, наделившие деловую решительность своего рода высоким достоинством, в любом случае не должны клеймить смелых предпринимателей.

Этим объясняется то, что в Соединенных Штатах к обанкротившемуся коммерсанту относятся с чрезвычайной снисходительностью: подобное несчастье не считается для него бесчестьем. В данном отношении американцы отличаются не только от европейских народов, но и от всех современных торгующих наций; по своему положению и потребностям они также не похожи ни на одну из них.

С суровостью, неведомой в остальном мире, в Америке относятся ко всем тем порокам, которые по своей природе способны испортить чистоту нравов и подрывают прочность брачных уз. На первый взгляд это обстоятельство кажется странно противоречащим той терпимости, которая проявляется в прочих вопросах. Сосуществование у одного и того же народа столь мягких и столь строгих моральных предписаний не может не удивлять.

Эти явления, однако, оказываются куда более взаимосвязанными, чем можно предположить. В Соединенных Штатах общественное мнение лишь мягко обуздывает страсть к богатству, которая способствует росту промышленности и процветанию нации, с особой решительностью осуждая те нравственные пороки, которые отвлекают людей от поисков благосостояния и расстраивают внутренний покой семьи, столь необходимый для успешного ведения дел. Чтобы пользоваться уважением сограждан, американцы вынуждены вести благопристойный образ жизни. В этом смысле можно сказать, что они целомудрие считают делом чести.

Американские представления о чести совпадают со старинным европейским кодексом чести в одном отношении: и там и там мужество ставится во главу всех остальных добродетелей, так как мужество считается самым важным и необходимым достоинством мужчины. Однако в это понятие ими вкладывается разное содержание.

В Соединенных Штатах воинская доблесть ценится невысоко. Лучше известен и более высоко почитается тот вид мужества, который позволяет человеку пренебрегать яростью бушующего океана, чтобы как можно быстрее приплыть в порт назначения, выносить без жалоб тяготы жизни в дикой глуши и то одиночество, переносить которое мучительнее всех остальных лишений; то мужество, которое дает возможность человеку почти бесстрастно пережить утрату великим трудом приобретенного состояния и тотчас же заставляет его предпринимать усилия

вновь, чтобы сколотить себе новое состояние. Мужество этого рода особо необходимо для поддержания и процветания американского общества, и поэтому оно пользуется у него особым почетом и славой. Человек, обделенный им, лишается уважения.

Я приведу еще одну, последнюю черту, которая поможет рельефнее выделить основную мысль данной главы.

В любом демократическом обществе, подобном обществу Соединенных Штатов, где состояния невелики и ненадежны, работают все без исключения и работа приносит людям все. Эта ситуация стала связываться с понятием чести и использоваться против праздности.

В Америке мне иногда встречались богатые молодые люди, по складу своего характера вообще не расположенные трудиться, и все же они были вынуждены овладевать какой-либо профессией. Их натура и их состояние предоставляли им возможность со-

хранить праздность; общественное мнение властно запрещало им это, и ему следовало подчиниться. Напротив, в европейских странах, где аристократия все еще борется с уносящим ее потоком, я часто встречал людей, потребности и склонности которых постоянно побуждали их к действию, но которые, однако, дабы не лишиться уважения со стороны равных себе людей, пребывали в праздности, предпочитая скучать и жить в стесненных обстоятельствах.

В этих двух столь противоположных обязанностях нельзя не усмотреть проявления двух разных законов, каждый из которых тем не менее порожден понятием чести.

То, что наши предки величали «честью» как таковой, было в действительности лишь одной из ее форм. Они наделили родовым именем чести не что иное, как одну из ее разновидностей. Поэтому в века демократии кодекс чести играет ту же роль, что и в аристократические времена. Не составит, однако, труда показать, что он выступает здесь в ином обличье.

Изменилось не только содержание его предписаний, но и, как мы вскоре увидим, значительно уменьшилось их число; законы стали менее четко сформулированными, и им не подчиняются столь неукоснительно, как прежде.

Положение любой касты всегда гораздо более щекотливо, чем положение народа На свете нет ничего исключительнее той ситуации, когда маленькое сообщество, состоящее из членов одних и тех же семейств, как, например, аристократия средних веков, считает своим долгом сконцентрировать и удержать в собственных руках все образование, богатство и власть, передавая

их по наследству.

Но чем исключительнее положение того или иного сообщества, чем более многочисленны его особые потребности, тем больше возрастает число правил в *его* кодексе чести, — правил, соответствующих данным потребностям.

Следовательно, в количественном отношении предписаний чести всегда будет меньше у народа, не разделенного на касты, чем у всех других народов. Если когда-либо появятся нации, в которых будет трудно обнаружить даже следы классового расслоения, кодекс их чести ограничится небольшим числом правил, да и сами эти правила мало-помалу будут сближаться с нравственными законами, принятыми всем человечеством.

Таким образом, законы кодекса чести у демократического народа должны быть менее причудливыми и менее многочисленными, чем у аристократии.

Они также должны быть менее четкими; это с неизбежностью следует из всего, сказанного выше.

Когда правила чести не столь многочисленны, а их характерные особенности не столь своеобразны, часто их бывает трудно распознать.

На это имеются и другие причины.

В средние века у аристократических народов, несмотря на смену поколений, каждое семейство оставалось бессмертным и незыблемым; не менялись ни идеи, ни условия существования.

Поэтому в те времена каждый человек имел перед собой одни и те же предметы, которые он рассматривал с одной и той же точки зрения; его глаза постепенно изучили эти предметы до мельчайших подробностей, и его взор с течением долгого времени не мог не обрести проницательности и зоркости. Вследствие этого люди, жившие при феодализме, отличались не только тем, что их кодекс чести составляли крайне необычные нравственные представления, но также тем, что каждое из этих представлений отпечатывалось в их сознании в формах отчетливых и точных.

Этого никогда не может быть в такой стране, как Америка, где все граждане находятся в постоянном движении, где общество, ежедневно преобразовываясь само, вместе со своими нуждами меняет и воззрения. В подобной стране люди, мельком замечая существующие правила чести, редко имеют свободное время для того, чтобы пристально их рассмотреть.

Но даже в совершенно неподвижном обществе было бы очень трудно установить для слова «честь» неизменное значение.

Поскольку в средние века у каждого класса было свое понятие о чести, к согласию по этому вопросу могло прийти лишь

ограниченное число людей, что являлось залогом четкости и определенности этого понятия. Кроме того, все те, кто признавал понятие чести, занимали в обществе одинаковое и свойственное только им положение и вслед-

ствие этого были естественным образом расположены к тому, чтобы соглашаться с предписаниями законов, созданных только для них.

Посему понятия чести приобрели завершенную, тщательно детализированную форму кодекса, в котором все предусматривалось и предписывалось заранее и которым устанавливались твердые, всегда очевидные нормы поведения. У такой демократической нации, какой является американский народ, где все ранги и чины перемешаны и где общество в целом представляет собой единую массу, сплошь состоящую из сходных, но не абсолютно подобных элементов, заранее никогда нельзя быть полностью уверенным в том, что кодексом чести дозволяется, а что запрещается.

Этот народ, безусловно, осознает в глубине души наличие общенациональных задач, порождающих сходные воззрения в сфере нравственности; однако подобные коллективные суждения никогда не появляются в сознании всех граждан одновременно, в одной и той же форме и с одной и той же силой. Закон чести у них существует, но он часто нуждается в истолкователях.

Ситуация представляется еще более запутанной в такой демократической стране, как наша, где различные классы старого общества, достигшие некоторого сближения, но еще не сумевшие перемешаться, постоянно обмениваются друг с другом различными, часто противоположными понятиями чести, где всякий по своей собственной прихоти отвергает одну часть мнений, унаследованных от его предков, сохраняя другую их часть. Разнобой произвольных оценок достигает такого размаха, что вообще не позволяет установить какое-либо общее правило. В итоге здесь почти невозможно сказать заранее, какие поступки будут в чести, а какие заслужат осуждения. Это мерзкие времена, но они не продлятся долго.

У демократических наций неизбежно кодекс чести, будучи не вполне точным, не имеет особой силы, ибо плохо понимаемый закон не так-то просто применять с уверенностью и твердостью. Общественное мнение — естественный и суверенный толкователь законов чести — всегда выносит свой приговор с колебаниями, если не видит ясно, в какую сторону надобно склониться, осуждая или хваля то или иное деяние. Иногда общественное мнение в

этом случае разделяется на противоположные точки зрения, а часто сохраняет безучастность, не вмешиваясь в происходящее.

Относительная слабость законов чести в демократических обществах обусловлена также множеством других причин.

В аристократических странах идентичные понятия чести всегда принимаются лишь определенным кругом людей, часто весьма ограниченным и всегда отделенным от всех остальных себе подобных. Поэтому в сознании этих людей представления о чести легко смешиваются со всем тем, что выделяет их из массы. Честь начинает восприниматься ими как отличительная черта их социального облика; они применяют различные правила ее кодекса с пылом личной заинтересованности и проявляют подлинную страстность, если так можно выразиться, в желании подчиняться им.

Истинность данного утверждения с полной очевидностью подтверждается чтением в сводах средневековых постановлений обычного права тех статей, которые относятся к судебным поединкам. В них вы обнаруживаете, что дворяне, решая свои тяжбы, должны были пользоваться копьем и мечом, тогда как вилланы сражались на палках, «принимая во внимание то, — утверждается в судебниках, — что *вилланы не имеют чести*». Это не значит, как можно вообразить себе в наши дни, что эти люди считались презренными; это означает лишь то, что их поступки оценивались по иным критериям, чем поступки аристократов.

Поразительной на первый взгляд представляется следующая закономерность: в периоды наивысшего могущества кодекса феодальной чести его предписания в целом оказываются наиболее странными, настолько странными, что может показаться, будто беспрекословность подчинения им прямо связана с тем, насколько они отходят от требований здравого смысла. Данная закономерность подчас наводила на мысль о том, что сила чести обусловливалась именно экстравагантностью ее законов.

Оба эти явления в действительности имеют единое происхождение, но они не вытекают одно из другого.

Причудливость кодекса чести находится в прямо пропорциональной зависимости от того, насколько полно и точно он выражает специфические потребности, ощущаемые очень узким кругом людей, а его могущество обусловлено тем, что он выражает потреб-

ности именно этого круга власть имущих. Таким образом, влияние кодекса чести не определяется тем, что он причудлив, но

его причудливость и могущество вызываются одной и той же причиной.

Еще одно замечание.

У аристократических народов наблюдается строгое различие всех по рангу и чину, но они все строго определены. Каждый человек в своем круге занимает место, которое он не может покинуть, и его жизнь протекает среди людей, аналогичным образом привязанных к своему положению. У таких наций никто не может надеяться на то, что он незаметен, или же бояться этого. Всякий, сколь бы низким ни было его положение, имеет свою роль на общественной сцене и не может избежать порицания или хвалы благодаря своей безвестности.

Напротив, в демократических государствах, где все граждане смешаны в одну постоянно движущуюся толпу, общественному мнению не за что уцепиться; интересующие его субъекты все время ускользают от его внимания. В подобной ситуации применение кодекса чести всегда должно быть менее требовательным и настойчивым, поскольку понятие чести отличается от простой добропорядочности, существующей сама по себе и вполне удовлетворяющейся сознанием своего достоинства, именно тем, что оно действует лишь тогда, когда привлекает к себе внимание широкой общественности.

Если читатель хорошо усвоил все вышесказанное, он должен был понять, что между социальным неравенством и тем, что мы называем «честью», существует тесная, необходимая взаимосвязь, которая, если я не ошибаюсь, никогда прежде не подчеркивалась. Поэтому мне следует предпринять еще одно, последнее усилие, дабы лучше высветить эту взаимосвязь.

Нация самоопределяется как самостоятельная часть человеческого рода. Помимо некоторых общих потребностей, свойственных всем людям, она обретает собственные интересы и особые потребности. И как только они устанавливаются, в недрах этой нации тотчас же формируются определенные суждения относительно того, что достойно порицания или поощрения, характерные именно для данного сообщества и называемые его гражданами кодексом чести.

Когда внутри данной нации складывается высшая каста, в свою очередь отделяющая себя от всех остальных классов, у нее появляются свои особые потребности, которые соответственно порождают и специфические мнения. Кодекс чести этой касты, причудливо сочетая характерные национальные воззрения с более специфическими представлениями данной касты, отдаляется, насколько это можно вообразить, от простых и всеобщих человеческих ценностей. Достигнув этой высшей точки, вернемся

назад.

Сословия перемешиваются, привилегии упразднены. Люди, составляющие нацию, вновь уподобляются друг другу и уравниваются между собой. Их интересы и потребности становятся сходными, и постепенно все те особые представления, которые каждая каста называла кодексом чести, исчезают. Кодекс чести начинает выражать только специфические потребности нации, представляя ее самобытность среди других народов.

Если дозволено будет предположить, что в конечном счете все расы смешаются друг с другом и что народы мира достигнут к этому моменту такого состояния, когда все они будут иметь одни и те же потребности и интересы, не отличаясь более друг от друга какими-либо характерными особенностями, человечество полностью откажется от привычки наделять поступки людей условной значимостью. Все люди будут оценивать их одинаково: общие потребности человечества, осознаваемые умом и совестью каждого, станут всеобщим критерием их ценности. В этом случае в мире сохранятся только самые простые, общие понятия о добре и зле, имеющие естественную и необходимую взаимосвязь с идеями одобрения и порицания.

Итак, попытаюсь сжать свою мысль до размеров одного-единственного определения: кодекс чести порождается не чем иным, как несходством и неравенством людей; его влияние слабеет по мере того, как эти различия стираются, и он исчезает вместе с ними.

453

Глава XIX ОТЧЕГО В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ ВСТРЕЧАЕТСЯ ТАК МНОГО ЧЕСТОЛЮБИВЫХ ЛЮДЕЙ И ТАК МАЛО — ПОДЛИННЫХ ЧЕСТОЛЮБЦЕВ

Первое, что поражает в Соединенных Штатах, — это бесчисленное множество людей, стремящихся изменить свое общественное положение. Второе — почти полное отсутствие неуемных честолюбцев в стране, где честолюбивы все. Нет американца, который бы не был снедаем желанием выйти в люди, но почти никто из них не питает чрезмерных надежд и не метит очень высоко. Все хотят беспрестанно приобретать состояния, репутацию, власть, но лишь немногие мечтают достичь подлинного размаха во всех своих начинаниях. Это на первый взгляд кажется удивительным, так как вы не заметите ни в нравах, ни в законах Америки ничего такого, что ограничивало бы их желания и препятствовало бы им устремляться в любом

направлении.

Не так-то просто, по-видимому, установить причинную связь между равенством условий и столь необычным положением дел, поскольку у нас это самое равенство, едва установившись, тотчас же привело к расцвету почти беспредельного честолюбия. Я убежден тем не менее, что причину отмеченного выше обстоятельства следует искать главным образом в социальном устройстве и демократических нравах американцев.

Все революции приводят к росту честолюбия у людей. Это особенно справедливо для революции, свергающей аристократию.

Когда прежние преграды, отделявшие толпу от славы и власти, внезапно оказались разрушенными, началось всеобщее неудержимое восхождение к тем издавна желанным вершинам величия, насладиться которыми наконец-то представилась возможность. В период первоначального возбуждения от победы ничто не кажется людям невозможным. Они не только не осознают пределов своих желаний, но и возможность их удовлетворения представляется им почти безграничной. В атмосфере стремительного обновления обычаев и законов, когда все люди и все нормы втягиваются в один огромный водоворот, граждане поднимаются на вершины величия и падают с них с неслыханной быстротой, и власть столь быстро переходит из рук в руки, что никто не должен отчаиваться, ожидая своего шанса схватить ее.

Следует, кроме того, помнить, что люди, уничтожающие власть аристократии, жили под ее законами; они наблюдали аристократию во всем ее великолепии и бессознательно впитали порожденные ею чувства и идеи. Поэтому в то время, когда аристократия исчезает, ее дух продолжает витать над массой, и аристократические инстинкты еще долго сохраняются в людях после победы над самой аристократией.

В связи с этим честолюбивые желания, пока продолжается демократическая революция, будут почти безмерными; они останутся такими же и некоторое время после того, как революция завершится.

Из памяти людей не стираются в одночасье воспоминания о тех необычайных событиях, свидетелями которых они были. Страсти, возбужденные революцией, не исчезают вместе с ней. Ощущение нестабильности сохраняется и с восстановлением общественного порядка. Идея о возможности легкого успеха переживает те странные превратности судеб, которые и породили ее. Желания остаются слишком грандиозными, несмотря на то, что возможности их удовлетворения уменьшаются с каждым днем. Хотя колоссальные состояния становятся редкостью,

стремление к большому богатству продолжает жить в душах людей, повсюду возбуждая беспочвенные амбиции, тайно дотла сжигающие сердца тех, кто их питает.

Между тем последние следы битвы постепенно стираются, и пережитки аристократического прошлого исчезают окончательно. Забываются те великие события, которые сопровождали падение аристократии. Война сменяется безмятежным покоем, и в недрах нового мира вновь рождается власть порядка: желания людей начинают соизмеряться с их возможностями, устанавливаются взаимосвязи между потребностями, идеями и чувствами, и люди становятся более или менее равными — демократическое общество обретает наконец прочное основание.

Если мы станем рассматривать демократическое общество, достигшее этого устойчивого и нормального состояния, то оно явит нашему взору картину, совершенно отлич-

ную от той, которая только что была изучена нами, и мы сумеем без труда определить, что честолюбие, усиливающееся в процессе уравнивания условий существования, ослабляется тогда, когда эти условия становятся равными.

Когда огромные состояния дробятся, а ученость получает распространение, ни один человек не оказывается совершенно лишенным знаний и имущества; когда упразднены классовая привилегированность и классовая недееспособность и когда люди навсегда разорвали путы, удерживавшие их в неподвижности, идея прогресса воспринимается сознанием каждого из них; желание возвыситься рождается разом во всех сердцах, и каждый хочет покинуть свое прежнее место. Честолюбие становится всеобщей страстью.

Однако равенство условий, предоставляя всем гражданам определенные материальные возможности, препятствует любому из них овладеть слишком значительными средствами, и это с неизбежностью заставляет их ограничивать свои желания довольно узкими рамками. Поэтому у демократических народов честолюбие отмечено пылкостью и постоянством, но по обыкновению оно не осмеливается метить слишком высоко; и человек, как правило, всю свою жизнь страстно стремится достичь тех мелких целей, которые ему доступны.

Людей, живущих при демократии, от великих честолюбивых помыслов отвращают не столько скромность их состояний, сколько те напряженные усилия, которые они предпринимают с целью улучшить свое положение. Все силы своей души они мобилизуют на достижение заурядных целей, и это непременно

вскоре ограничивает их кругозор и обедняет духовно. Они могли бы, имея значительно меньше средств, сохранить величие своей души.

Небольшое число очень состоятельных граждан в демократическом обществе не составляют исключения из этого правила. Человек, постепенно обретающий богатство и власть, усваивает в процессе долгого труда привычку к бережливости и скромности, от которой он не в силах потом избавиться. Душа, в отличие от архитектурного сооружения, не может достраиваться постепенно.

Аналогичное наблюдение справедливо и в отношении сыновей такого человека. Сами они с рождения принадлежат к высшим общественным слоям, однако их родители некогда занимали весьма скромное положение; дети росли в атмосфере таких чувств и идей, от которых позднее им не так-то легко освободиться. Можно считать, что они одновременно наследуют как состояние, так и инстинкты своего отца.

Напротив, случается и так, что куда более бедный отпрыск некогда могущественного аристократического семейства одержим куда более обширными честолюбивыми замыслами, так как традиционные воззрения людей его породы и общие умонастроения его касты позволяют ему еще некоторое время держаться на плаву, независимо от скромности его достатка.

Люди демократических веков не позволяют себе увлекаться грандиозными честолюбивыми замыслами еще и потому, что они хорошо представляют, сколько времени утечет прежде, чем они будут в состоянии приняться за их осуществление. «Великое преимущество благородного рождения, — сказал Паскаль, — заключается в том, что человек в восемнадцать или двадцать лет занимает такое положение, которое простолюдин может получить лишь в пятьдесят; таким образом, он без труда выигрывает тридцать лет». Честолюбивым людям в демократическом обществе, как правило, и не хватает этих тридцати лет. Равенство, предоставляющее каждому человеку возможность добиваться всего, препятствует быстрому возвышению людей.

В демократическом обществе, как и в любом другом, можно сколотить лишь определенное число крупных состояний, и, поскольку пути, ведущие к ним, открыты для всех без различия, совершенно естественно, что продвижение каждого человека по ним оказывается замедленным. Когда все претенденты кажутся более или менее равными и трудно выделить из них кого-либо, не нарушая принципа равенства, высшего закона для демократических обществ, первая мысль, которая приходит на ум, — заставить их всех идти нога в ногу и всех подвергнуть

испытаниям.

Следовательно, по мере того как люди становятся все более и более похожими друг на друга и принципы равенства, не встречая сопротивления, все больше пронизывают общественные институты и нравы, правила продвижения по социальной лестнице становятся все менее гибкими, а само продвижение замедляется; быстро достичь определенного веса в обществе становится все труднее.

455

Питая ненависть к привилегиям и испытывая сложности с избранием достойных, общество приходит к необходимости заставлять всех людей, независимо от их данных, проходить ряд одних и тех же испытаний и всем без различия выполнять множество мелких предварительных обязанностей, на которые они тратят свою молодость и во время исполнения которых их воображение угасает настолько, что они уже отчаиваются когдалибо насладиться долгожданными благами. И когда они в конце концов обретают возможность совершать незаурядные деяния, они уже утрачивают вкус к ним.

В Китае, где равенство условии является широко распространенной, издревле установленной нормой, человек может перейти с одной общественной должности на другую лишь после того, как пройдет конкурсные испытания. Его экзаменуют при каждом шаге по служебной лестнице; эта идея очень глубоко вошла в их нравственные представления, и я помню, как в одном из прочитанных мною китайских романов герой после многих превратностей судьбы покоряет наконец сердце своей дамы тем, что успешно сдает экзамен. Грандиозным честолюбивым замыслам трудно дышится в подобной атмосфере.

То, что я говорю о политике, относится ко всем сторонам жизни: равенство повсюду приводит к одним и тем же результатам. Там, где движение людей не регулируется и не сдерживается законами, и то и другое вполне достигается конкуренцией.

Поэтому в хорошо устроенном демократическом обществе столь редки блестящие, стремительные карьеры; они представляют собой исключения из общего правила. Именно их исключительность заставляет забывать о том, сколь они немногочисленны.

Люди из демократического общества в конечном счете постигают все эти истины. С течением времени они осознают, что законы открывают перед ними почти неограниченное поле деятельности, на которое все могут с легкостью ступить, сделав

несколько шагов, но при этом никто не может тешить себя надеждой на быстрое продвижение. Между собой и конечными большими целями своих желаний они видят множество мелких промежуточных преград, которые им необходимо медленно преодолевать; подобная перспектива, заранее утомляя их, убивает охоту к честолюбивым замыслам. Они отрекаются от далеких, сомнительных ожиданий, предпочитая искать менее возвышенные и более доступные наслаждения. Никакой закон не ограничивает их возможностей, они сужают их сами.

Я сказал, что великие честолюбцы в века демократии встречаются реже, чем в аристократические времена; добавлю также, что, когда они, несмотря на все естественные препятствия, все же рождаются, само их честолюбие имеет совершенно иной облик.

В аристократических государствах дорога, открывающаяся перед честолюбивыми людьми, часто весьма широка, но ее границы неизменны. В демократических странах, как правило, мечтающие о карьере вынуждены ступать на очень тесную тропу, но, как только они ее преодолевают, их деятельность больше уже ничем не ограничивается. Поскольку индивидуумы здесь не обладают могуществом, изолированы друг от друга и находятся в беспрерывном движении, поскольку прецеденты также не имеют особой силы, а действие законов весьма непродолжительно, демократическое общество оказывает лишь слабое сопротивление всяким нововведениям, а его социальная структура, по-видимому, никогда не отличается ни жесткостью, ни большой прочностью. Поэтому честолюбивые люди, взяв однажды власть в свои руки, считают себя вправе делать все, что им угодно, и, когда власть ускользает от них, они тотчас же начинают обдумывать возможность совершения государственного переворота, чтобы вернуться к власти.

Это придает политическому честолюбию при демократии неистовый, революционный характер, который редко в сколь-либо сходной степени обнаруживается в людях, живущих в аристократическом обществе.

Картина нравственного состояния демократических наций обычно представляет собой равнину, усеянную бесчисленным множеством мелких, очень трезвых желаний, над которыми то тут, то там изредка возвышаются сильные необузданные страсти честолюбцев. Хорошо взвешенные, сдержанные, но далеко идущие честолюбивые замыслы здесь почти не встречаются.

Выше я уже показал, с помощью какой тайной силы равенство сумело покорить сердца людей, отдав их во власть страсти к материальным наслаждениям и исключительной влюбленности в

сиюминутное настоящее; эти чувства, не имеющие ничего общего с честолюбием, тем не менее примешиваются к нему настолько, что оно окрашивается, так сказать, в их цвета.

456

Я думаю, что честолюбивые люди в демократическом обществе менее чем когда-либо и где-либо еще озабочены судьбой и мнениями грядущих поколений: они увлечены и захвачены только интересами текущего момента. Они быстро решают множество насущных вопросов, предпочитая подобную активность задаче возведения монументальных нерукотворных памятников: сиюминутный успех они ценят выше долговечной славы. От людей они прежде всего требуют подчинения. Больше всего на свете они жаждут власти. Их манеры почти всегда отстают от приобретаемого ими общественного положения, в результате чего, даже обладая огромными состояниями, они часто сохраняют настолько вульгарные вкусы, что может показаться, будто они только для того и добивались верховной власти, чтобы обеспечить себе возможность с большей легкостью удовлетворять свои заурядные, грубые потребности.

Я считаю, что в наши дни честолюбивые чувства людей необходимо облагораживать, упорядочивать, придавать им какую-то соразмерность, но при этом желание их чрезмерного ослабления или же подавления было бы чрезвычайно опасным. Необходимо попытаться и заранее установить для честолюбивых помыслов их крайние пределы, за которые им никогда не будет дозволено выйти, но следует внимательно следить, чтобы им не слишком мешали развиваться внутри разрешенных границ.

Я вынужден признаться в том, что, по моему мнению, демократическому обществу следует опасаться не столько дерзости, сколько заурядности желаний сограждан; что самой страшной мне представляется возможность того, что в беспрестанной суете мелочных забот частной жизни честолюбие окончательно утратит свои силы и размах; что человеческие страсти одновременно начнут как успокаиваться, так и опошляться, в результате чего общество более безмятежно и неторопливо будет двигаться к куда менее высоким целям.

Я думаю поэтому, что руководители нового общества совершат ошибку, если захотят убаюкать своих граждан в состоянии слишком спокойного, слишком безмятежного счастья, и что было бы лучше, если бы руководство возложило на них исполнение какихлибо трудных и опасных дел с целью пробудить их честолюбие и предоставить им возможность применения своих сил.

Моралисты беспрестанно сетуют на то, что излюбленным пороком нашей эпохи стала гордыня.

В определенном смысле это верно: фактически каждый считает, что он лучше своего соседа, и никто не хочет подчиняться вышестоящему. Однако в другом смысле это мнение совершенно ошибочно, так как тот же самый человек, который не способен ни подчиняться субординации, ни сохранять действительное равенство, сам себя тем не менее презирает настолько, что считает, будто он рожден только для того, чтобы наслаждаться вульгарными удовольствиями. Он охотно отдается во власть ничтожных желаний, не осмеливаясь браться за что-либо значительное и возвышенное; он едва ли представляет себе толком, что это такое.

Поэтому я не только далек от мысли рекомендовать нашим современникам смирение, но и хотел бы, чтобы были предприняты попытки внушить им более высокие представления о себе и о человеческом достоинстве; смирение для них не безвредно; больше всего им, на мой взгляд, недостает гордости. Я охотно уступил бы несколько наших ничтожных добродетелей за один этот порок.

Глава XX ОБ ИСКАТЕЛЯХ ДОХОДНЫХ МЕСТ У НЕКОТОРЫХ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ НАРОДОВ

Когда гражданин Соединенных Штатов получает какое-либо образование и обретает собственность, он пытается разбогатеть, занявшись торговлей или промышленностью, или же он покупает земельный участок, сплошь покрытый лесом, и становится пионером. От государства он требует только, чтобы оно не мешало ему работать и гарантировало бы получение плодов его собственного труда.

457

В большей части европейских стран человек, когда он начинает ощущать свои силы и когда его желания возрастают, в первую очередь задумывается о том, как бы ему занять какую-нибудь официальную должность. Столь противоположные следствия, вызываемые одной и той же причиной, заслуживают того, чтобы мы кратко на них остановились.

Покуда государственные должности немногочисленны, плохо оплачиваемы и ненадежны и покуда производство, напротив, предоставляет самые широкие возможности и превосходные перспективы, все те люди, в ком равенство ежедневно вызывает новые, нетерпеливые желания, устремляются в промышленность, а не в административные органы.

Если же, однако, в то время как положение различных общественных слоев уравнивается, люди не обладают достаточным образованием или же им не хватает силы духа, а торговля и промышленность, сдерживаемые в своем развитии, предоставляют лишь трудные, медленные способы обогащения, граждане, отчаявшись улучшить свое положение собственными силами, с поспешностью обращаются к главе государства и требуют его помощи. Возможность облегчить свою жизнь за счет общественного достояния начинает представляться им если и не единственным, то по крайней мере самым простым и доступным путем для того, чтобы вырваться из тех условий, которые их более не удовлетворяют; искательство должностей становится самым распространенным из всех видов человеческой деятельности. Все так и должно происходить, особенно в крупных централизованных монархиях, где число оплачиваемых должностей столь огромно и существование функционеров столь прочно, что никто не отчаивается получить какое-либо место и мирно наслаждаться им, как своим родовым имением.

Я не стану говорить о том, что это повсеместное неумеренное

желание добиваться государственных назначений является великим общественным злом, что оно уничтожает в душе каждого гражданина чувство собственной независимости, что оно отравляет всю нацию в целом, делая ее предрасположенной к продажности и угодничеству, что оно лишает мужчин доблести. Я не стану также рассуждать о том, что подобный род занятий порождает лишь бесполезную активность, которая будоражит страну, нисколько ее не обогащая. Все это понятно само собой.

Но я хотел бы подчеркнуть, что правительство, покровительствующее данной тенденции, подвергает серьезной опасности не только собственное спокойствие, но само свое существование.

Я знаю, что в такое время, как наше, когда любовь и уважение, которые некогда питали к носителям власти, постепенно угасают, правителям может представиться необходимым теснее привязать к себе каждого человека, используя его личный интерес, и они могут посчитать удобным играть даже на чувствах людей, чтобы удерживать их в безмолвии и сохранять порядок. Этого, однако, надолго не хватит, и то, что в течение определенного периода могло казаться источником силы, в конечном счете непременно становится источником беспокойства и слабости.

Как и во всех других странах, число общественных должностей в демократиях не может быть неограниченным, тогда как число честолюбивых их соискателей у демократических народов ничем не ограничено: оно безостановочно, неудержимо, хотя и медленно, возрастает по мере того, как условия существования все более и более уравниваются. Единственный для них предел — общая численность самого населения.

Поэтому в том случае, если для честолюбия не будет никакого иного выхода, кроме государственной службы, правительство неизбежно когда-нибудь столкнется с наличием постоянной оппозиции, так как его задачей станет необходимость удовлетворять с помощью ограниченных возможностей желания беспрестанно возрастающего числа людей. Руководству нужно твердо усвоить, что из всех народов мира труднее всего направлять и сдерживать нацию просителей. Какие бы усилия ни предпринимали ее лидеры, они никогда не смогут ее удовлетворить, и всегда должно остерегаться того, как бы со временем она не перевернула вверх дном всю конституцию страны, изменяя внешние формы государственности лишь для того, чтобы получить вакантные места.

Монархи наших времен, которые стремятся привлечь к себе людей, пытаясь удовлетворять все те их новые желания, что

порождаются равенством, в конечном итоге будут сожалеть, что вообще ввязались в это дело. В один прекрасный день им откроется, что они подвергли опасности свою власть именно тем, что сделали ее столь необходимой, и что было бы честнее и надежнее обучить каждого из своих подданных искусству обходиться собственными средствами и силами.

458

Глава XXI ПОЧЕМУ ВЕЛИКИЕ РЕВОЛЮЦИИ СТАНУТ РЕДКИМИ

Народ, жизнь которого в течение веков определялась системой кастовых и классовых различий, может достичь демократического общественного устройства лишь в результате длинной череды более или менее болезненных преобразований и после многочисленных случайных перемен, во время которых имущественное положение и взгляды людей быстро изменяются, а власть часто переходит из одних рук в другие.

Даже тогда, когда эта великая революция завершается, порожденные ею революционные привычки сохраняются в течение еще долгого времени, вызывая последующее глубокое брожение в массах.

Поскольку все это происходит в то время, когда условия существования людей уравниваются, был сделан вывод о существовании скрытых соотношений, тайной связи между самим равенством и революциями, в силу чего одно будто бы не может осуществляться, не вызывая другого.

В данном вопросе доводы разума, казалось бы, подтверждаются жизненным опытом.

В стране, где сословия более или менее равны, нет какой-либо явной связи, объединяющей людей между собой и прочно удерживающей их на своих местах. Никто из них не обладает ни постоянным правом, ни властью командовать, и никто по своему положению не обязан подчиняться, но каждый, сумев получить некоторое образование и обеспечить себе кое-какой достаток, может избрать свой путь и идти по нему независимо от всех себе подобных.

Те же самые причины, которые уничтожают зависимость граждан друг от друга, ежедневно порождают в их душах новые, беспокойные желания и беспрестанно людей погоняют.

Вполне естественной поэтому представляется мысль о том, что в демократическом обществе идеи, вещи и люди должны вечно изменять свои формы и положения и что демократические

столетия должны быть временем бесконечных, стремительных преобразований.

Так ли это в действительности? Вызывает ли равенство положения людей хронические, то и дело повторяющиеся революции? Содержит ли оно в себе нечто, нарушающее ход общественной жизни, мешающее обществу прочно укрепиться и вызывающее в людях склонность без конца изменять свои законы, учения и нравы? Я так не считаю. Поскольку тема эта важна, я прошу читателя внимательно следить за моей мыслью.

Почти все революции, изменявшие жизнь народов, совершались либо для того, чтобы укрепить, либо для того, чтобы уничтожить равенство. Удалите второстепенные факторы, рассматривая причины крупных волнений, и вы почти всегда обнаружите неравенство. Причинами волнений выступала то беднота, хотевшая захватить имущество богатых, то сами богачи, пытавшиеся поработить бедных. Поэтому, если бы вам удалось создать такое общество, в котором у каждого было бы что терять и не было бы особого соблазна кого-то грабить, вы бы многое сделали для установления мира на земле.

Я не игнорирую того факта, что у великих демократических народов всегда будут встречаться очень бедные и очень богатые граждане; однако бедные здесь вместо того, чтобы составлять подавляющее большинство нации, как это всегда бывает в аристократическом обществе, весьма малочисленны, и закон не сплачивает их воедино идеей о неизбывности той нищеты, которая досталась им по наследству.

Со своей стороны богатые люди также немногочисленны и не обладают подлинным могуществом; они не имеют явных привилегий, и даже само их богатство, не будучи связанным с землей и не определяясь размерами земельных владений, утрачивает свою наглядность и становится как бы невидимым. И поскольку здесь нет более расы бедняков, здесь также нет и расы богачей; люди ежедневно выбиваются из гущи народных масс и беспрестанно туда же возвращаются. Они не образуют собой отдельного класса, который легко можно было бы выявить и обобрать. Кроме того, они связаны с массой своих сограждан тысячью тайных и настолько прочных нитей, что народ едва ли сможет выступить против них, не нанеся ущерба самому себе. Между этими двумя крайними слоями демократического общества находится бесчисленное множество почти равных между собой людей, которых нельзя назвать ни богатыми, ни бедными в полном смысле этих

слов и имущество которых, достаточное для того, чтобы сами они хотели порядка, недостаточно велико для того, чтобы вызывать к себе зависть.

Эти люди являются естественными врагами любых общественных потрясений; их инертность удерживает в состоянии покоя всех тех, кто находится выше или ниже их, придавая устойчивость всему обществу.

Это отнюдь не значит, что они удовлетворены своим нынешним положением или испытывают естественный ужас перед революцией, в результате которой они, не испытав лишений, получат свою часть добычи. Напротив, они одержимы исключительной жаждой обогащения, сдерживаемой, однако, тем, что они не знают точно, кого надо грабить. Общественное устройство, беспрестанно возбуждающее в них желания, ограничивает эти желания необходимыми рамками. Предоставляя людям более широкие возможности изменять свою жизнь, оно делает их менее заинтересованными в этих изменениях.

Люди, живущие в демократических обществах, не только не имеют естественного желания совершать революции, но и опасаются их

Не бывает ни одной революции, которая в той или иной мере не подвергала бы опасности имеющуюся собственность. Большинство населения демократических стран владеет собственностью; и люди не просто являются собственниками, но живут в такой среде, где они придают собственности особое значение.

Если мы внимательно рассмотрим классы, составляющие современное общество, то без труда поймем, что ни один из них не обнаруживает столь упорного и цепкого чувства собственности, как средний класс.

Бедняки часто мало заботятся о том, что имеют, потому что страдания, вызываемые имущественным недостатком, значительно превосходят для них то удовольствие, которое им доставляет их скромное имущество. Богатые же люди имеют множество других неутоленных страстей, помимо тех желаний, удовлетворение которых обеспечивается богатством и которые в результате многолетней утомительной заботы о своем крупном состоянии и привычки к богатству как бы приедаются, теряют первоначальную притягательность.

Напротив, люди, живущие в приятном достатке, равно далеком как от роскоши, так и от нищеты, очень высоко ценят свое имущество. Поскольку они еще очень близки к бедности, они хорошо видят вызываемые ею страдания и страшатся их. От бедности их отделяет только маленькое состояние, с которым они

связывают все свои опасения и надежды. Постоянные имущественные заботы и ежедневные усилия, направленные на увеличение своего состояния, все крепче и прочнее привязывают их к собственности. Мысль о возможности уступить самую малую ее часть для них невыносима, а полную утрату собственности они расценивают как самое страшное из несчастий. А ведь равенство условий беспрестанно увеличивает число именно таких рьяных, вечно обеспокоенных мелких собственников.

Таким образом, в демократических обществах большинству граждан представляется не вполне ясным, что они могли бы приобрести в результате революции, но они ежеминутно так или иначе осознают, чего они могут из-за нее лишиться.

В другом месте этого сочинения я уже писал о том, каким образом равенство, естественно, привлекает людей к промышленной и торговой деятельности и каким образом оно приводит к увеличению и распространению земельной собственности, и, наконец, я показал, каким образом равенство воспламеняет в душе каждого человека пылкое, негасимое желание приумножать свое достояние. Нет ничего более чуждого революционным настроениям, чем все эти тенденции и интересы.

Может случиться и так, что конечные результаты революции окажут благоприятное воздействие на промышленность и торговлю, однако ее начальные стадии почти всегда приводят к разорению промышленников и торговцев, так как революция не может не вызывать резкого общего изменения конъюнктуры рынка и временного нарушения баланса, существующего между производством, предложением и спросом.

Кроме того, я не знаю ничего, что противоречило бы революционным настроениям и морали в большей мере, чем нравы и этика торговцев. Коммерция по природе своей глубоко враждебна любым сильным страстям. Ей нравятся воздержанность и компромиссы, с особой осторожностью она избегает гнева. Торговый люд терпелив, сговорчив, вкрадчив и прибегает к крайним мерам только тогда, когда они абсолютно необходимы. Коммерция делает людей независимыми друг от друга, внушает им идею о высокой цен-

ности своей личности, вызывает в них желание вести свои собственные дела и учит добиваться в них успеха; следовательно, прививая им любовь к свободе, она отвращает их от революций.

Во время революций владельцам движимого имущества приходится опасаться больше, чем всем остальным собственникам, так как, во-первых, их имущество легче всего

захватывается и, во-вторых, оно теряется раз и навсегда. Меньшая опасность подстерегает землевладельцев, которые, теряя доход со своих земель, по крайней мере надеются, несмотря на все невзгоды, сохранить за собой хотя бы самое землю. Таким образом, вполне очевидно, что перспектива революционных движений страшит первых намного больше, чем вторых

Народы, следовательно, испытывают все меньшую склонность совершать революции по мере того, как растет, становясь все более разнообразными, их движимое имущество, и по мере того, как увеличивается число людей, владеющих им.

Более того, какой бы ни была специальность человека и какого бы типа собственностью он ни владел, всем людям свойственна одна общая черта.

Никто никогда не бывает вполне удовлетворен имеющимся у него состоянием, и все ежедневно, используя тысячу способов, стремятся его увеличить. Возьмите любого человека в какой-нибудь период его жизни, и вы обнаружите, что он вынашивает новые планы, как сделать свое существование более комфортабельным. Не говорите ему об интересах и правах человечества: эти мелкие домашние проблемы на время поглощают все его мысли, и он желает, чтобы общественные волнения начались не сейчас, а когданибудь потом.

Это не только мешает им совершать революции, но и отбивает к ним охоту. Бурные политические страсти имеют мало власти над людьми, которые всей душой активно пекутся об улучшении собственного материального положения. Пыл, с которым они принимаются за мелкие дела, позволяет им сохранять спокойствие тогда, когда речь заходит о чем-то большем.

Это верно, что в демократических обществах время от времени появляются предприимчивые, честолюбивые граждане, чьи грандиозные замыслы не позволяют им удовлетворяться продвижением по избитому пути. Такие люди любят и приветствуют революции; однако лишь с огромными трудностями они могут вызывать их, если какие-то чрезвычайные события не приходят им на помощь.

Никто не может успешно противостоять духу своего времени и своей страны, и, сколь бы ни был могуч человек, ему будет трудно внушить своим современникам такие чувства и идеи, которые идут вразрез с их собственными желаниями и чувствами. Не следует поэтому думать, что в случае, если равенство станет давно свершившимся, неоспоримым фактом, наложив отпечаток на поведение и нравы людей, они с легкостью позволят увлечь себя в опасные авантюры, следуя за каким-либо неблагоразумным

руководителем или смелым новатором.

Они отнюдь не оказывают ему открытого сопротивления, используя какие-нибудь хитроумные комбинации, и даже не имеют заранее обдуманного намерения сопротивляться. Они не сражаются против него активно, иногда они даже аплодируют ему, но за ним не идут. Его рвению они втайне противопоставляют свою инертность, его революционным наклонностям — свои консервативные интересы, его авантюризму—свои обывательские вкусы и привычку проводить время дома; взлетам его гениальности они противопоставляют здравый смысл, его поэзии—свою прозу. С величайшими усилиями ему удается расшевелить их на краткий миг, но они тотчас же ускользают от него и вновь падают, словно увлекаемые силой собственной тяжести. Он выматывается, желая привести в движение эту безразличную, рассеянную толпу, и в конце концов обнаруживает свое бессилие не потому, что они одержали над ним верх, но потому, что он остался в одиночестве.

Я не утверждаю, будто люди, живущие в демократическом обществе, малоподвижны по своей природе; наоборот, я думаю, что в недрах такого общества царит вечное движение и что в нем никто не знает покоя. Но я считаю, что эти люди движутся в определенных границах, которые они едва ли когда-нибудь переступают. Они ежедневно видоизменяют, заменяют и обновляют второстепенные детали, с большой осторожностью, однако, стараясь не задеть основ. Они любят перемены, но боятся революций.

461

Хотя американцы постоянно улучшают или отменяют некоторые из своих законов, они очень далеки от того, чтобы проявлять революционные страсти. Легко заметить по тому, как скоро они начинают сдерживать себя и успокаиваться, если общественное волнение становится угрожающим, и именно в тот момент, когда страсти кажутся особенно накаленными, что успокаиваются они, поскольку боятся революции как самого страшного из бедствий и поскольку каждый из них исполнен внутренней решимости пожертвовать многим, лишь бы избежать революционных потрясений. Ни в одной стране мира чувство собственности не носит столь активного, беспокойного характера, как в Соединенных Штатах, и нигде большинство населения не обнаруживает столь малого интереса к общественным учениям, которые каким-либо образом угрожают изменить их законы о собственности и владении ею.

Я часто замечал, что те теории, которые революционны по

своей природе, так как они не могут быть осуществлены без решительных, а подчас и быстрых изменений в области имущественных прав и статуса гражданских лиц, в Соединенных Штатах пользуются куда меньшей популярностью, чем в крупных монархических государствах Европы. Хотя отдельные американцы и усваивают эти учения, массы отвергают их с чувством инстинктивного ужаса

Без всяких колебаний я утверждаю, что большая часть тех истин и высказываний, которые во Франции по привычке называются демократическими, была бы отвергнута демократией Соединенных Штатов. Это легко понять. Идеи и чувства американцев демократичны; мы же, европейцы, все еще одержимы революционными страстями и идеями.

Если американцы когда-либо испытают на себе могучую бурю революции, то эта революция будет вызвана присутствием чернокожих на земле Соединенных Штатов, то есть эта революция будет порождена не равенством условий существования людей, а как раз наоборот — их неравенством.

Покуда социальные условия равны, каждый человек охотно замыкается в себе, забывая об обществе. Если законодатели демократических народов не пытаются нейтрализовать эту пагубную тенденцию или даже потакают ей, полагая, что интересы людей таким образом отвлекаются от политики и опасность революций отодвигается, может случиться так, что в конечном счете они сами приведут людей к тому злу, которого хотели избежать, и может наступить такой момент, когда необузданные страсти нескольких человек, поддерживаемых неразумным эгоизмом и малодушием многих людей, сумеют в итоге заставить общественный организм испытать неожиданные лишения и превратности судьбы.

В демократическом обществе только немногочисленные группировки и меньшинства хотят революционных преобразований, но иногда этим меньшинствам удается их совершить.

Я не утверждаю того, что демократические нации будто бы полностью избавлены от революций, я говорю лишь о том, что их общественное устройство не только не ведет их к неизбежным революциям, но и, пожалуй, уводит от них. Демократические народы, будучи предоставленными самим себе, не ввязываются с легкостью в крупные авантюры; в революции они вовлекаются лишь безотчетно и, изредка участвуя в них, никогда не выступают их инициаторами. Добавлю также, что тогда, когда им удается стать просвещенными и приобрести исторический опыт, они не допускают совершения революций.

Мне хорошо известно, что в данном отношении сами общественные институты могут играть значительную роль, что они либо поощряют, либо сдерживают инстинкты, порождаемые социальным устройством. Поэтому, повторюсь, я отнюдь не утверждаю того, будто народ, создавший у себя равные условия для жизни людей, уже только этим гарантирует себя от революций. Я, однако, убежден в том, что, какие бы институты и организации ни существовали у такого народа, крупные революционные схватки у него всегда будут иметь неизмеримо менее яростный характер и будут более редкими, чем обычно предполагают. И я с легкостью представляю себе такое политическое устройство, которое в сочетании с равенством могло бы создать самое стабильное общество из всех когда-либо существовавших в истории нашего западного мира.

То, что я говорил о явлениях реальной действительности, приложимо также и к идеям.

В Соединенных Штатах вас поражают два обстоятельства: чрезвычайно переменчивый характер большей части человеческой деятельности и странная устойчивость опре-

деленных принципов. В то время как сами люди беспрерывно движутся, их души и сознание словно бы пребывают в состоянии почти полного покоя.

Как только какое-либо суждение получает распространение на американской почве и пускает в ней корни, можно подумать, что никакая сила на земле не способна его выкорчевать. В Соединенных Штатах основы религиозных, философских, этических и даже политических учений остаются неизменными, а если и видоизменяются, то лишь в результате воздействия скрытых, часто совершенно незаметных и весьма длительных процессов. Даже самые нелепые из предрассудков стираются непостижимо медленно, несмотря на то что они вызывают тысячу постоянно повторяющихся конфликтных ситуаций и трения между людьми.

Вы слышите, как вокруг вас говорят о том, что природе и обычаям демократического общества свойственна беспрестанная смена настроений и идей. Это, возможно, отвечает действительности тогда, когда речь идет о таких маленьких демократических нациях, как, например, античные полисы, где все граждане до единого имели возможность собраться в каком-либо одном общественном месте и разом дать себя увлечь какому-нибудь красноречивому оратору. Ничего подобного я не наблюдал в повседневной жизни великого демократического

народа, занимающего противоположное побережье нашего океана Что меня более всего поразило в Соединенных Штатах, так это те неимоверные трудности, которые испытывает человек, решившийся открыть большинству людей глаза на истинное содержание усвоенных ими идей или же на подлинное лицо кого-то из их избранников. Публикации и речи едва ли дадут какой-либо результат; к этой цели ведут только личные впечатления и переживания самих людей, да и то не с первого раза.

Это, однако, кажется удивительным только на первый взгляд: при более внимательном рассмотрении все объясняется само собой.

Я не думаю, что можно легко, как некоторые себе представляют, искоренять предрассудки демократического народа, изменять его взгляды или же заменять новыми религиозными, философскими, политическими и моральными основами уже сложившиеся у них убеждения — словом, совершать значительные и частые революции в области сознания. Это не значит, что разум этих людей пребывает в праздности. Работая безостановочно, он, однако, проявляет себя прежде всего в том, что до бесконечности варьирует всевозможные следствия, вытекающие из известных положений, нежели занимается поиском новых принципов. Стремительному, прямому броску вперед он предпочитает вращение вокруг своей оси. Сферу своей деятельности он расширяет постепенно, в результате беспрестанного торопливого движения, но никогда не перемещает ее внезапно.

Люди, имеющие равные права, равные образование и состояния, то есть, говоря кратко, равные условия существования, непременно должны обладать весьма сходными потребностями, привычками и вкусами. Поскольку они воспринимают действительность под одним и тем же углом зрения, их сознание естественным образом предрасположено к восприятию или осознанию аналогичных идей, и, хотя каждый из них может отойти в сторону от своих современников и формировать свои собственные убеждения, они в конце концов приходят, совершенно не подозревая и не желая этого, к целому ряду общих для всех них воззрений.

Чем внимательнее я рассматриваю результаты воздействия равенства на сознание людей, тем глубже становится мое убеждение в том, что интеллектуальная анархия и сумятица умов, свидетелями которых мы являемся, отнюдь не оказываются естественным для демократических народов состоянием, хотя многие именно так и полагают. Я думаю, что их необходимо рассматривать скорее как признаки случайные, обусловленные

молодостью этих народов и свойственные лишь данному переходному периоду, когда люди уже разорвали старые социальные связи, соединявшие их друг с другом, но еще сохраняют колоссальные различия в том, что касается их происхождения, образования и нравов. Таким образом, сохранив чрезвычайно пестрые идеи, инстинкты и вкусы, они не оставили ничего, что мешало бы им выражать их свободно. Основные воззрения людей становятся сходными по мере того, как начинают уподобляться условия их существования. Данная закономерность представляется мне всеобщей и постоянной; все остальные носят характер случайный и преходящий.

Я уверен, что в недрах демократического общества очень редко можно будет встретить человека, способного вдруг создать новую систему идей, весьма далеких от тех, что приняты его современниками; и даже если такой новатор объявится, я полагаю, что сна-

чала он испытает огромные трудности, стремясь сделать так, чтобы его выслушали, а затем — еще большие трудности, добиваясь, чтобы ему поверили.

Когда условия жизни почти равны, один человек с трудом позволяет другому в чемто себя убедить. Когда все живут в тесном соседстве, когда вместе изучали одно и то же и ведут сходный образ жизни, люди не имеют никакой естественной предрасположенности выбирать кого-то из своих в качестве вождя и слепо следовать за ним: они едва ли доверяют словам похожего на них или равного им человека

Дело не только в том, что в демократическом обществе утрачивается доверие к тем познаниям, которыми обладают некоторые индивидуумы. Как я уже писал выше, здесь вскоре начинает утрачиваться общее представление о том, что какой бы то ни было отдельный человек способен обладать интеллектуальным превосходством над всеми остальными.

По мере того как люди все больше взаимоуподобляются, догма об их интеллектуальном равенстве мало-помалу проникает в их убеждения и любому новатору, кем бы он ни был, становится все труднее и труднее обретать и осуществлять сильную власть над умами. Поэтому в таких государствах неожиданные интеллектуальные революции происходят редко, ибо, окинув мысленным взором историю мира, мы увидим, что решительная, быстрая ломка общественных воззрений порождалась не столько силой разумения и доводов, сколько авторитетом имени общественного деятеля.

Следует также учесть то обстоятельство, что людей, живущих в демократическом обществе, необходимо убеждать поодиночке, поскольку между ними нет никаких связующих нитей, тогда как в обществе аристократического типа достаточно убедить всего нескольких человек, а все остальные пойдут за ними. Если бы Лютер жил в век равенства и не имел бы в качестве слушателей владетельных сеньоров и коронованных особ, ему, возможно, было бы труднее изменить облик Европы.

Это не означает, что население демократических государств естественным образом твердо убеждено в истинности своих взглядов и крепко держится за свои убеждения. Они часто испытывают сомнения, которые, на их взгляд, никто не может разрешить. В такие периоды человеческое сознание ощущает потребность в переменах, но, не подвергаясь давлению какой-либо направляющей силы, оно раскачивается само по себе и не движется вперед[1].

Даже завоевав доверие демократического народа, вы столкнетесь с еще одной сложной задачей—необходимостью привлечь к себе его внимание. Очень трудно заставить выслушать себя людей, живущих при демократии, если речь не идет о них самих. Они не прислушиваются к тому, что говорится, потому что они всегда озабочены состоянием своих собственных дел.

В демократических странах действительно встречается мало праздных людей. Жизнь здесь протекает в атмосфере движения и шума, и люди настолько заняты практической деятельностью, что у них остается мало времени для размышлений. В особенности я хочу подчеркнуть тот факт, что они не просто заняты, но крайне поглощены своей деятельностью. Они вечно деятельны, и каждое их действие требует концентрации всех душевных сил; тот пыл, который они расходуют на дела, мешает им воспламеняться от идей.

[1] Размышляя о том, какое же состояние общества является наиболее благоприятным для великих интеллектуальных революций, я считаю, что это должно быть нечто среднее между полным равенством всех граждан и абсолютной изоляцией классов.

В кастовом обществе сменяются поколения, нисколько не изменяя социального положения людей; причем одни люди ничего большего и не желают, а другие — не надеются на что-то лучшее. Воображение дремлет в атмосфере этой тишины и всеобщей неподвижности, и даже сама мысль о движении более не приходит людям в головы.

Когда классы оказываются упраздненными, а условия — почти равными, все люди приходят в состояние безостановочного

движения, однако каждый из них изолирован, независим и слаб. Несмотря на огромные различия между этими двумя общественными ситуациями, они тем не менее сходны в одном: великие революции, происходящие в человеческом сознании, — явления для них чрезвычайно редкие.

Между этими крайностями, однако, в истории народов обнаруживается переходный период, блистательная, беспокойная эпоха, когда условия существования еше не настолько упрочились, чтобы убаюкивать разум, и когда эти условия еще настолько неравны, что люди сохраняют способность оказывать друг на друга глубокое духовное воздействие, а отдельные индивидуумы еще способны изменять убеждения всех окружающих.

Именно в такое время рождаются могучие реформаторы и новые идеи внезапно изменяют облик мира.

Я думаю, что возбудить энтузиазм демократического народа по отношению к какойлибо теории — дело весьма и весьма затруднительное, если эта теория не имеет явной, прямой и непосредственной связи с повседневной практикой его жизни. Поэтому такой народ не отказывается с легкостью от своих прежних убеждений. Ибо именно энтузиазм заставляет человеческий дух покидать проторенные пути и совершает как великие интеллектуальные, так и политические революции.

Таким образом, демократические народы не имеют ни досуга, ни склонности к поискам новых точек зрения. Даже тогда, когда они начинают сомневаться в истинности тех взглядов, которые у них уже имеются, они тем не менее их сохраняют, потому что их замена потребовала бы слишком много времени и умственных сил на обследование; они оставляют их при себе не как достоверные, а в качестве общепринятых.

Имеются также и другие, более серьезные причины, противодействующие тому, чтобы доктрины, усвоенные демократическими народами, могли быть с легкостью подвергнуты значительным изменениям. Я уже отмечал данные причины в начале этой книги.

Если у такого народа влияние личности настолько ничтожно, что почти равно нулю, то, напротив, влияние, оказываемое массой на сознание каждого индивидуума, очень велико. Причины этого я объяснил выше. В настоящий момент я лишь хочу сказать, что было бы ошибкой думать, будто данное обстоятельство зависит от формы государственного устройства и будто большинство, теряя свою политическую власть, должно

будет утратить свое господство над умами.

В аристократиях часто встречаются люди, отмеченные величием и силой собственной души. Обнаружив свои разногласия с подавляющим большинством сограждан, они замыкаются в себе и в этом находят поддержку и утешение. У демократических народов все обстоит иначе. У них общественное признание кажется столь же необходимым, как воздух, которым дышат, и человек, живущий в разладе с массами, все равно что не живет вообще. Массе нет никакой надобности прибегать к силе законов, чтобы подчинить себе тех, кто думает иначе. Вполне достаточно ее собственного осуждения. Ощущение своей изолированности и беспомощности тотчас же начинает угнетать инакомыслящих, доводя их до отчаяния.

Всегда, когда условия равны, общественное мнение тяжким гнетом ложится на сознание каждого индивидуума: оно руководит им, обволакивает его и подавляет. Основы социального устройства общества в большей мере обусловлены этим фактором, чем политическими законами. По мере того как стираются различия между людьми, каждый из них все острее чувствует свое бессилие перед лицом всех остальных. Не находя ничего, что могло бы поднять человека над массой или еще как-то выделить из нее, он теряет доверие к самому себе, когда сражается против большинства: он не только сомневается в своих силах, но и утрачивает уверенность в своем праве и в своей правоте и почти готов признать ошибочность своих взглядов потому, что большинство утверждает противоположное. Большинству нет надобности принуждать его: оно его убеждает.

Поэтому как бы ни была организована власть в демократическом обществе и как бы оно ее ни уравновешивало, человеку здесь всегда будет очень трудно верить в то, что отвергается массой, и придерживаться тех взглядов, которые были ею осуждены.

Это чудесным образом благоприятствует устойчивости убеждений.

В случае если какое-либо суждение принимается демократическим народом и укореняется в сознании большинства людей, оно само по себе, без всяких усилий сохраняет в дальнейшем свои позиции, поскольку никто на него не нападает. Люди, сначала отвергавшие его как ложное, в конце концов смиряются с ним как с общепризнанным, а те, кто в глубине души продолжает ему противиться, ничем себя не выдают, изо всех сил стараясь не ввязываться в опасную и бесполезную борьбу.

Верно, что, когда большинство людей, составляющих

демократический народ, меняет свои взгляды, оно способно по своей воле совершать странные, мгновенные перевороты в мире идей. Однако эти взгляды изменить очень трудно, и почти столь же трудно констатировать, что они уже изменились.

Иногда бывает так, что время, события или же одиночные усилия отдельных индивидуумов в конечном счете приводят к расшатыванию или уничтожению того или иного общепринятого представления, происходящему постепенно, совершенно неприметно для глаза наблюдателя. Никто не сражается в открытую против этого представления.

Никто не объединяется, чтобы объявить ему войну. Его ярые приверженцы без шума отрекаются от него один за другим, и в результате этого неприметного ежедневного дезертирства в конце концов оказывается, что это представление теперь разделяется лишь небольшим числом людей.

В такой ситуации оно еще господствует в течение некоторого времени.

Поскольку его противники продолжают молчать либо лишь украдкой делиться своими мыслями, они сами в течение долгого времени не могут убедиться в том, что коренной переворот уже свершился, и, терзаясь сомнениями, остаются бездеятельными. Они наблюдают и хранят молчание. Большинство уже не верит, но поддерживает видимость веры, и этого пустого призрака общественного мнения вполне хватает на то, чтобы охладить пыл новаторов, удерживая их в почтительном безмолвии.

Мы живем в эпоху, которая наблюдала самые стремительные перемены, когда-либо происходившие в сознании людей. И тем не менее может случиться так, что мировоззренческие основы человеческих убеждений вскоре обретут такую устойчивость, какой они не знали ни в один из минувших веков нашей истории. Такое время еще не пришло, но, быть может, оно приближается.

Чем более пристально я всматриваюсь в потребности и инстинкты демократических народов, тем больше убеждаюсь в том, что, если равенство когда-либо прочно установится во всем мире, великие духовные и политические революции станут значительно более редким явлением и осуществлять их будет куда сложнее, чем это обычно представляется.

В связи с тем что люди, живущие в демократическом обществе, всегда кажутся возбужденными, неустойчивыми, беспрестанно куда-то спешащими и готовыми менять свои желания и образ жизни, создается впечатление, будто они хотят разом отменить все свои законы, принять новые убеждения и

усвоить новые нравы. Никому не приходит в голову, что равенство, хотя и влечет людей к переменам, одновременно порождает у них интересы и склонности, нуждающиеся в стабильности для того, чтобы быть удовлетворенными. Равенство толкает людей вперед и одновременно удерживает их на месте, оно погоняет их, крепко привязывая к земле; оно воспламеняет их желания и ограничивает их силы.

Это открывается не сразу: страсти, разделяющие в демократическом обществе людей, вполне самоочевидны, тогда как тайная сила, сдерживающая и объединяющая людей, не видна с первого взгляда.

Осмелюсь ли я утверждать это, когда вокруг меня одни руины? Когда я думаю о судьбе грядущих поколений, меня больше всего устрашают отнюдь не революции.

Если граждане по-прежнему будут ограничиваться все более узким кругом частных, домашних интересов, без устали отдавая им свои силы, существует опасность, что им в конце концов станут как бы недоступны те высокие, могучие гражданские чувства, которые будоражат народы, способствуя тем не менее их развитию и обновлению. Когда я вижу, сколь быстро меняет своих владельцев собственность и сколь беспокойной и жгучей становится жажда собственности, я не могу рассеять собственных опасений относительно того, что люди дойдут до такого предела, когда все новые теории начнут казаться им опасными, всякие новшества будут считаться неприятным беспокойством, а любые проявления общественного прогресса—первым шагом, ведущим к революции, из страха перед которой они совершенно откажутся двигаться. Должен сознаться, меня действительно ужасает возможность того, что ими в итоге настолько овладеет подлая страсть к сиюминутным наслаждениям, что ради нее они предадут интересы своего собственного будущего и интересы своих потомков, предпочтя безвольно подчиниться своей печальной судьбе, нежели признать необходимым и совершить резкое, энергичное усилие с целью переломить ее ход.

Принято считать, будто новые общества испытывают желание ежедневно менять свой облик, я же, напротив, опасаюсь, как бы они не сделались в итоге слишком неподвижными, сохраняющими в неизменности свои институты, предрассудки и нравы, и как бы род людской, самоограничившись, не остановился в развитии. Я опасаюсь, как бы человеческое сознание не стало вечно свертываться и разворачиваться, сосредоточившись на самом себе и не порождая новых идей; я боюсь, как бы человек не изнурил себя заурядной, обособленной и бесплодной активностью и как бы человечество, несмотря на

всю беспрерывную суету, не перестало продвигаться вперед.

466

Глава XXII ОТЧЕГО ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ НАРОДАМ СВОЙСТВЕННО ЖЕЛАТЬ МИРА, ТОГДА КАК ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ АРМИИ ХОТЯТ ВОЙНЫ

Те же самые интересы, страхи и страсти, которые удерживают демократические народы от революций, отвращают их и от войны; боевой дух и революционные настроения угасают одновременно и вследствие одних и тех же причин.

Все время увеличивающееся число состоятельных сторонников мира, рост движимой собственности, столь быстро истребляемой войной, мягкость нравов и добросердечие, порождаемая равенством способность сочувствовать, сухой и расчетливый разум, почти бесчувственный к поэтическим и буйным страстям, вызываемым боевыми действиями, — все эти причины объединяются, чтобы погасить воинственность духа демократического народа.

Я думаю, что в качестве всеобщей постоянно действующей закономерности можно принять следующее правило: у цивилизованных народов воинственные эмоции становятся более редкими и менее сильными по мере того, как уравниваются условия существования людей.

Война тем не менее — это несчастье, которому подвержены все народы, как демократические, так и недемократические. Сколь бы сильным ни было стремление этих наций к миру, необходимо, чтобы они сохраняли готовность отразить нападение, иными словами, им необходимо иметь армию.

Фортуна, уже оказавшая населению Соединенных Штатов столько знаков особой милости, разместила их на пустынной территории, где они, так сказать, не знают соседства. Им вполне достаточно иметь всего несколько тысяч солдат, однако эта ситуация является специфически американской, к демократии она не имеет никакого отношения.

Равенство, а также соответствующие ему нравы и государственные институты не освобождают демократический народ от обязанности содержать армию, и эта армия всегда оказывает очень большое влияние на его судьбу. Поэтому столь важно исследовать психологию и чувства тех людей, из которых состоит эта армия.

У аристократических народов, особенно у таких, где общественное положение человека определяется исключительно

его происхождением, в армии встречается то же самое неравенство, что и в самом обществе: офицер — это дворянин, солдат — крепостной. Первый призван командовать, второй — подчиняться. Поэтому в аристократической армии честолюбивые помыслы солдата ограничены очень узкими рамками.

Честолюбие офицеров также не безгранично.

Аристократический класс не является простой частью иерархически организованного общества Внутри он сам всегда устроен по иерархическому принципу: составляющие его люди неизменно стоят друг над другом. Среди них одним по праву своего рождения суждено командовать полком, другим — командовать ротой. Достигнув крайних пределов своих ожиданий, они останавливаются сами, вполне довольные своей судьбой.

Имеется также и другая веская причина, остужающая желание офицера аристократической армии добиваться повышения в чине.

У аристократических народов офицер, независимо от его воинского звания, занимает высокое положение в обществе. В его собственных глазах воинское звание почти всегда вещь второстепенная по сравнению с его общественным положением. Выбирая для себя воинское поприще, дворянин не столько повинуется собственному честолюбию, сколько исполняет своего рода долг, налагаемый на него рождением. Он поступает на воинскую службу, чтобы достойно провести беззаботные годы своей юности, а потом иметь возможность в семейном и дружеском кругах делиться кое-какими доблестными воспоминаниями из своей армейской жизни. Выбор военной карьеры отнюдь не диктуется его стремлением приобрести собственность, почет и власть, так как он уже обладает всеми этими преимуществами и может наслаждаться ими, не покидая своего дома.

В демократических армиях все солдаты могут стать офицерами, что вызывает всеобщее желание добиваться повышения по службе и почти беспредельно расширяет границы честолюбия у военнослужащих.

Со своей стороны офицер не видит никакой естественной причины, которая насильно заставляла бы его ограничиваться получением того или иного воинского звания, и каждый следующий чин в его глазах имеет огромное значение, поскольку его общественное положение почти всегда определяется его воинским званием.

У демократических народов офицеры часто не имеют ничего,

кроме своего жалованья, и не могут претендовать на какое-либо общественное признание, помимо почестей за свои воинские заслуги. Поэтому при каждом новом его назначении и повышении изменяется вся его жизнь и он становится как бы другим человеком. Мотивы, игравшие в жизни аристократических армий второстепенные роли, таким образом, стали ведущими, исключительными, определяющими само существование демократической армии.

Во времена старой французской монархии к офицерам обращались не иначе как по их дворянскому званию. В наши дни к ним обращаются только по воинскому званию. Это маленькое изменение в форме языкового обращения вполне убедительно свидетельствует о том, что уже произошла крупная революция, преобразовавшая социальное устройство общества и организацию его вооруженных сил.

В демократических армиях почти все военнослужащие одержимы желанием выслужиться. Это—горячее, упорное, постоянное желание. Оно подпитывается всеми остальными желаниями и угасает только со смертью человека. А ведь нетрудно заметить, что из всех армий, существующих на земле, повышение по службе в мирное время медленнее всего должно происходить именно в демократических армиях. Поскольку количество воинских званий здесь естественным образом ограничено, а количество претендентов на них почти бесчисленно и над всеми довлеет непреложный закон равенства, никто не сумеет сделать быстрой карьеры, а многие не смогут даже сдвинуться с места. Таким образом, вызывая самую настоятельную потребность в служебном повышении, демократические армии предоставляют своим военнослужащим наименьшие возможности для роста, чем любые другие армии.

Поэтому все честолюбивые люди в рядах демократической армии с нетерпением ждут войны, так как благодаря ей освобождаются вакансии и наконец-то позволяется нарушать право старшего по возрасту — единственную привилегию, свойственную демократии.

Таким образом, мы приходим к странному выводу о том, что из всех армий наиболее страстно хотят воевать вооруженные силы демократических государств, в то время как сами народы этих государств любят мир больше всех остальных народов. И самым поразительным во всем этом является то обстоятельство, что столь противоположные следствия были порождены одной и той же причиной — равенством.

Будучи равными, все граждане ежедневно чувствуют желание изменить к лучшему условия своего существования и

приумножить свое состояние, постоянно изыскивая для этого возможности. Это принуждает их любить мир, способствующий процветанию промышленности и дающий возможность каждому из них доводить до конца свои начинания. С другой стороны, то же самое равенство, повышая цену воинских знаков отличия в глазах тех, кто избрал карьеру военного, и делая их вполне доступными для всех, заставляет воинов мечтать о полях сражений. В обоих случаях люди обнаруживают аналогичное беспокойство ума, столь же неутолимую тягу к наслаждениям и равное честолюбие. Различны лишь средства их достижения и удовлетворения.

Наличие столь противоположных интересов у нации и у армии представляет собой большую опасность для демократического общества.

Когда народ утрачивает воинственность духа, воинская служба тотчас же перестает быть уважаемой и профессиональные военные причисляются к низшему разряду государственных служащих. Их невысоко ценят и плохо понимают. То есть происходит нечто, прямо противоположное тому, что наблюдается в века аристократии. В армию теперь идут не лучшие, а худшие граждане страны. Человек задумывается о военном поприще только тогда, когда все остальные для него закрыты. Таким образом, создается порочный круг, из которого трудно выбраться. Элита нации уклоняется от военной карьеры как малопочетной, а почетом она не пользуется потому, что элита нации ее избегает.

Поэтому не следует удивляться тому, что военнослужащие армий демократических стран часто обнаруживают беспокойный, ворчливый характер, будучи неудовлетворенными своей судьбой, хотя условия службы здесь, как правило, значительно лучше, а дисциплина менее сурова, чем во всех других армиях. Воин чувствует себя человеком второ-

го сорта, и его уязвленное самолюбие прививает ему вкус к войне, которая докажет его необходимость, или же любовь к революциям, во время которых он надеется с оружием в руках добиться того политического влияния и того личного уважения, в которых ему отказывают.

Состав армий демократических стран делает эту последнюю угрозу весьма реальной.

В демократическом обществе почти все граждане владеют собственностью, которую необходимо сохранять, тогда как командование демократических армий в основном состоит из

пролетариев. Большая их часть мало что может потерять во время гражданских беспорядков. Основная масса народа естественным образом гораздо больше, чем во времена аристократии, боится революций; военная верхушка, однако, страшится их значительно меньше.

Кроме того, поскольку у демократических народов, как я уже говорил, наиболее состоятельные, образованные и талантливые граждане почти не идут на воинскую службу, армия как таковая в конце концов превращается в своего рода маленькую самостоятельную нацию, отмеченную более низким интеллектуальным развитием *к* более грубыми нравами и обычаями, чем вся нация в целом. А ведь эта маленькая нецивилизованная нация владеет оружием, и только она знает, как им пользоваться.

Та угроза безопасности демократических народов, которую таит в себе воинственный, мятежный дух армии, в реальности усиливается не чем иным, как мирным нравом гражданских лиц; нет ничего опаснее организованной армии в нации, утратившей воинственность. Чрезмерная любовь всех граждан к спокойствию ежедневно отдает конституционную власть страны на милость военных.

Поэтому, обобщая данную мысль, можно сказать следующее: хотя интересы и эмоции демократических народов вызывают в них естественное стремление к миру, их армии беспрестанно подталкивают их к войнам и революциям.

Военные перевороты, почти невозможные в аристократических государствах, представляют собой постоянную угрозу для демократических наций. Эту опасность следует считать наиболее серьезной из всего того, что ожидает их в будущем; необходимо, чтобы их государственные деятели усиленно стремились найти эффективное средство против нее.

Когда нация чувствует себя внутренне изнуренной беспокойным тщеславием своей армии, мысль о войне первой приходит в голову, чтобы хоть чем-то потешить докучливое честолюбие военных.

Я не хочу дурно отзываться о войне: война почти всегда расширяет умственный горизонт народа, возвышает его чувства. В ряде случаев только она способна сдерживать чрезвычайное развитие определенных склонностей, естественным образом порождаемых равенством, или же может рассматриваться в качестве необходимого средства лечения некоторых застарелых болезней, которым подвержено демократическое общество.

Война имеет огромные преимущества, однако не следует обольщаться тем, что она сможет уменьшить отмеченную мною

опасность. Она лишь позволяет ее отсрочить, и после окончания войны эта опасность становится более грозной, так как армия с еще большим нетерпением начинает относиться к миру, познав вкус войны. Война может стать спасительным средством только для такого народа, который всегда будет жаждать воинской славы.

Я предвижу, что все те полководцы, которых дадут миру демократические нации, обнаружат, что им легче выигрывать сражения, чем устраивать мирную жизнь своей армии после победы. Демократическим народам всегда будет трудно делать две вещи: начинать войну и заканчивать ее.

К тому же, если война и приносит особые выгоды демократическим народам, она, с другой стороны, подвергает их таким опасностям, которых не страшатся, во всяком случае в той же степени, аристократические государства. Приведу только два примера.

Хотя война отвечает потребностям армии, она мешает той бесчисленной массе граждан, часто доводя их до отчаяния, которые ежедневно нуждаются в мире, чтобы удовлетворять свои скромные потребности. Поэтому небезосновательны определенные опасения относительно того, что война, призванная предотвратить гражданские беспорядки, сама может вызвать их, только в иных формах.

Любая длительная война подвергает страшной опасности свободу в демократических странах. Это не значит, что после каждой победы непременно следует бояться того, как бы генералы-победители не стали силой захватывать верховную власть на манер Суллы или Цезаря. Существует опасность совершенно иного рода. Война не всегда отдает демократические народы во власть военных правительств, но она всегда безмерно усиливает власть гражданского правительства у этих народов; она почти неизбежно концентрирует в руках последнего управление всеми людьми и контроль над всей собственностью и ресурсами страны. Если война и не приводит к деспотизму с помощью насилия, то она исподволь заставляет людей привыкать к нему.

Все те, кто стремится лишить свободы демократическую нацию, должны знать, что самый верный и самый короткий путь к этому лежит через войну. Это — первая аксиома науки.

Увеличение численности армии и свободных должностей представляется самоочевидным средством решения проблемы тогда, когда неудовлетворенное честолюбие офицеров и солдат становится опасным. На некоторое время это снимает

напряжение, но настолько же угрожает усилить его в будущем.

Увеличение армии способно дать долговременный эффект в аристократическом обществе, поскольку здесь воинское честолюбие является лишь привилегией одного класса и каждому человеку установлены определенные пределы его роста, так что данная мера способна принести удовлетворение почти всем движимым честолюбием военнослужащим.

Увеличение армии, однако, ничего не дает демократическому обществу, так как число честолюбивых претендентов в нем всегда увеличивается в точном соответствии с ростом численности самой армии. Те люди, чаяния которых вы исполните, создав новые должности, тотчас же заменяются новой толпой, желания которой вы не сможете удовлетворить, да и первые вскоре вновь начинают жаловаться, так как в армии наблюдается все то же беспокойство духа, что царит и в самом демократическом обществе: люди хотят получить не какие-либо определенные чины, а возможность постоянного служебного повышения. Хотя их желания и не чрезмерны, они беспрестанно обновляются. Таким образом, демократический народ, увеличивающий свою армию, лишь на мгновение успокаивает честолюбие своего воинства, однако эти честолюбивые помыслы возрождаются в еще более опасных формах, так как возрастает число одержимых ими людей.

Что касается лично меня, то я думаю, что беспокойство и мятежность духа являются болезнью, присущей самой природе демократической армии, и что бороться с этим бессмысленно. Законодателям демократических государств не следует льстить себя надеждой, будто им удастся найти такую форму военной организации, которая бы сама по себе успокаивала и сдерживала военнослужащих; это будет лишь изнурительной тратой сил, не приводящей к цели.

Средства борьбы с недостатками армии следует искать не в самой армии, а в обществе в целом.

Демократические народы испытывают естественный страх перед гражданскими беспорядками и деспотизмом. Необходимо лишь превратить эти инстинктивные чувства в осознанное, разумное, устойчивое отношение к жизни. Когда граждане овладели наконец умением мирно и выгодно пользоваться свободой, ощутив ее благотворность, когда они воспитали в себе мужественную любовь к порядку и добровольно подчиняются правилам, —эти граждане, избирая для себя воинскую карьеру, приносят в армию безотчетно и как бы вопреки своим желаниям данные навыки и нравы. Общее нравственное состояние нации, оказывая воздействие на моральный дух армии, смягчает

суждения и усмиряет желания, порождаемые воинской жизнью, или же с помощью всемогущего общественного мнения подавляет их полностью. Имейте просвещенных, добропорядочных, степенных и свободных граждан — и вы получите дисциплинированных и послушных солдат

Поэтому любой закон, который во имя обуздания мятежного духа армии будет стремиться к ослаблению свободолюбия у гражданского населения и к затушевыванию у него ясных представлений о праве и о правах, будет действовать прямо против своей цели. Он будет не столько препятствовать, сколько способствовать установлению военной тирании.

470

В конце концов, как бы там ни было, наличие большой армии всегда будет представлять опасность для демократического народа, и самым эффективным способом уменьшить эту опасность было бы сокращение армии; однако таким средством могут воспользоваться не все народы.

Глава XXIII КАКОЙ КЛАСС ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ АРМИЙ ЯВЛЯЕТСЯ САМЫМ ВОИНСТВЕННЫМ И РЕВОЛЮЦИОННО НАСТРОЕННЫМ

Чрезвычайная многочисленность вооруженных сил сравнительно с численностью содержащего их народа является сущностным свойством армии демократического государства; причины этого я объясню несколько позже.

С другой стороны, люди, живущие во времена демократии, редко избирают карьеру военнослужащих

Поэтому демократические народы вскоре вынуждены отказываться от принципа добровольного набора в армию и возвращаться к принудительному призыву на воинскую службу. Условия их существования обязывают их прибегать к этому последнему средству, и нетрудно предсказать, что все демократические народы возьмут его на вооружение.

Когда воинская повинность является обязательной, она распределяется равномерно, без всяких различий на всех граждан. Это также с неизбежностью вытекает из образа жизни и образа мысли этих народов. Правительство может делать почти все, что хочет, лишь бы его решения были разом обращены ко всему населению; сопротивление ему обычно вызывается не бременем обязанностей, а неравномерностью их распределения.

И поскольку все граждане являются военнообязанными, вполне ясно, что каждый из них проводит под знаменами лишь

несколько лет.

Таким образом, все обстоятельства объективно обусловливают временный характер прохождения воинской службы, тогда как в большей части аристократических государств военная служба — профессия, которая выбирается солдатом или же возлагается на него на всю жизнь.

Это обстоятельство имеет серьезные последствия. Среди солдат, составляющих ряды демократической армии, некоторые привязываются к армейской жизни, но большая их часть, призванная под знамена против воли и всегда готовая вернуться к родным очагам, серьезно не думает о военной карьере и мечтает лишь о демобилизации. Эти люди не приобретают потребностей и никогда не усваивают и половины тех страстей, которые порождаются образом жизни профессионального военного. Они выполняют свои воинские обязанности, но в их душах полностью сохраняется тяга к прежней, гражданской жизни с ее интересами и желаниями. Поэтому они не проникаются армейским духом, но, скорее, приносят с собой в армию гражданский дух и не утрачивают его. В армии демократического народа именно простые солдаты в наибольшей мере обладают чертами гражданских людей и с особым уважением относятся к национальным обычаям и общественному мнению страны. Именно солдатская масса дает особую надежду на то, что демократической армии можно привить любовь к свободе и уважение к законности, которые были внушены самому народу. Нечто совершенно противоположное происходит в аристократических государствах, где солдаты в конце концов утрачивают всякие контакты со своими согражданами, живя среди них как чужаки, а часто и как враги.

В аристократических армиях охранительным элементом выступает офицерский корпус, так как только офицер сохраняет прочные связи с гражданским обществом и никогда не отказывается от возможности рано или поздно вернуться в него, заняв свое место. В демократических армиях эту роль исполняет солдат, причем движимый теми же самыми мотивами.

Напротив, часто случается так, что в демократических армиях офицерский корпус усваивает вкусы и желания, совершенно не свойственные вкусам и желаниям нации. Это понятно.

В демократических государствах человек, становясь офицером, порывает все нити, связывающие его с гражданской жизнью; он навсегда оставляет этот образ жизни и не имеет ни малейшего желания вернуться к нему. Его истинной родиной

становится армия, поскольку его значение целиком и полностью определяется его чином и той должностью, которую он занимает. Поэтому его личная судьба непосредственно определяется судьбой армии, ее взлетами и падениями; только с ней отныне связываются его надежды и чаяния. Поскольку интересы офицерства весьма отличны от интересов страны, может случиться так, что оно будет страстно желать войны или же готовить переворот в тот самый момент, когда нация больше всего нуждается в стабильности и мире.

Имеются тем не менее факторы, способствующие смягчению его воинственного, беспокойного характера. Хотя честолюбие является всеобщей и постоянной чертой демократических народов, оно редко, как мы уже отмечали, принимает у них крайние формы. Если выходец из средних классов нации, пройдя все низшие армейские чины, становится офицером, то для него это уже огромный шаг вперед. Он вошел в сферу, превосходящую ту, которую занимал в гражданском обществе, и приобрел права, которые у большей части демократических наций всегда будут рассматриваться как неотъемлемые [1]. Достигнув этого с помощью огромных усилий, он охотно останавливается и мечтает насладиться своим триумфом. Боязнь подвергнуть риску то, чем он владеет, охлаждает в его сердце пылкое желание приобрести то, чего у него еще нет. Преодолев первое, самое трудное препятствие, которое мешало его продвижению, он терпеливо смиряется с необходимостью долго ждать очередного повышения. Его честолюбие утихает по мере того, как, достигая все более высокого звания, он осознает, что может многое потерять. Если я не ошибаюсь, командная верхушка демократической армии всегда будет наименее воинственной и революционно настроенной частью вооруженных сил.

Сказанное мною об офицерах и солдатах вообще неприложимо к тому многочисленному классу военнослужащих, которые во всех армиях занимают промежуточное между ними положение, я имею в виду унтер-офицеров.

Этот класс унтер-офицеров, который вплоть до нынешнего столетия не оставил сколь-либо приметного следа в истории, отныне призван сыграть, по моему убеждению, весьма значительную роль.

Подобно офицеру, унтер-офицер мысленно разрывает все узы, связывавшие его с гражданским обществом; он так же, как офицер, считает военную службу делом своей жизни, связывая с армией, быть может, даже больше последнего все свои чаяния и надежды; однако в отличие от офицера он еще не достиг никакого высокого, солидного положения и поэтому не может

себе позволить остановиться и передохнуть в ожидании того момента, когда он сможет подняться еще выше.

По самой природе своих служебных обязанностей, которая неизменна, унтер-офицер обречен вести неприметное, стесненное, лишенное удобств и надежности существование. Полная опасности военная жизнь еще ничего не дает ему взамен. Она связана для него лишь с необходимостью испытывать лишения и подчиняться — необходимостью даже более тяжкой, чем преодоление страха за собственную жизнь. Его мучения обостряются сознанием того, что общественное устройство и принципы армейской организации дают ему возможность вырваться из своего бедственного положения: со дня на день он действительно может стать офицером. Тогда он станет командиром, будет отмечен знаками уважения, обретет независимость, права и сможет всем этим наслаждаться. Однако сей предмет его вожделений не просто кажется ему несравненным, он никогда, вплоть до овладения им, не бывает уверен в том, что он для него достижим. Его собст-

[1] Положение офицера в демократическом обществе фактически является значительно более обеспеченным и прочным, чем где-либо еще. Чем меньше офицер представляет собой как личность, тем большее значение он придает своему воинскому званию и тем большую заботу проявляют о нем законодатели, считая справедливым и необходимым обеспечить ему возможность спокойно пользоваться плодами своего труда.

венное воинское звание не дает ему абсолютно никаких гарантий; он ежедневно ощущает свое полное бесправие перед своими командирами, усиленное властными требованиями воинской дисциплины. Какой-нибудь незначительный проступок или чей-то каприз вмиг могут лишить его всего того, что он тяжким трудом зарабатывал в течение нескольких лет. Поэтому до того времени, когда он обретет долгожданный офицерский чин, он как бы не имеет никаких заслуг и его военная карьера как бы начинается именно с этого момента. Если человек постоянно и настойчиво понукаем своей молодостью, нуждой, страстями, духом своего времени, надеждами и страхами, в его сердце не может не вспыхнуть огонь отчаянного честолюбия.

Поэтому унтер-офицеры хотят войны, они хотят ее всегда и любой ценой, и, если им в этом отказывают, они хотят революций, которые, приостанавливая действие законов и правил, дают им надежду под прикрытием беспорядка и разгула политических страстей прогнать своего офицера и занять его

место. Нет ничего невероятного в том, что унтерофицеры способны совершить переворот, так как из-за общности происхождения и привычек они оказывают большое влияние на солдат, несмотря на то что ими движут совершенно иные страсти и желания.

Было бы ошибкой думать, будто различия в интересах и склонностях офицеров, унтер-офицеров и солдат носят временный или же локальный характер. Они будут проявляться во все эпохи в армиях всех демократических наций.

В любой демократической армии унтер-офицер всегда будет в наименьшей степени выражать миролюбивый, добропорядочный нрав населения страны, а солдат всегда будет выступать самым непосредственным носителем этого нрава. Солдат будет приносить с собой в армию силу или слабость национального духа; он будет воплощать собой подлинно национальный тип. Если нация невежественна и слаба, он позволит своим командирам бессознательно или же против своей воли привлечь его к участию в беспорядках. Если же нация просвещенна и деятельна, он сам призовет их к порядку.

Глава XXIV ОТЧЕГО В НАЧАЛЕ ВОЕННЫХ КАМПАНИЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ АРМИИ ОКАЗЫВАЮТСЯ СЛАБЕЕ ДРУГИХ, СТАНОВЯСЬ ВСЕ БОЛЕЕ ГРОЗНЫМИ В ХОДЕ ВОЙНЫ

Любая армия, начинающая боевые действия после долгого мира, рискует быть побежденной; любая армия, ведущая вооруженную борьбу в течение длительного времени, имеет хорошие шансы на победу. В особой мере эта истина приложима к вооруженным силам демократических государств.

В аристократических странах воинская служба считается привилегированной деятельностью и военнослужащие пользуются уважением даже в мирное время. На воинскую службу идут талантливые, высокообразованные, весьма честолюбивые люди; армия во всех отношениях не уступает уровню развития нации, а подчас даже превосходит его.

Мы видели, как, напротив, в демократиях национальная элита постепенно стала избегать военной карьеры, чтобы, избрав другие пути, добиваться для себя авторитета, власти и прежде всего — богатства. После долгого мира, а в демократические времена мирные периоды весьма продолжительны, армия всегда в своей собственной стране находится в небрежении. Именно в таком состоянии и застает ее война; и до тех пор, пока военное положение не меняет резко ситуацию, страна и армия

подвергаются серьезной опасности.

Я уже пояснял, что в демократических армиях в мирное время право старшего по возрасту является высшим, строго соблюдаемым законом продвижения по службе. Это вытекает, как я говорил, не только из организационных принципов этих вооруженных сил, но и из самого общественного устройства данных народов и поэтому будет свойственно им всегда.

Кроме того, поскольку у этих народов положение офицера в стране целиком и полностью определяется его воинским званием, которое только и обеспечивает ему уваже-

ние сограждан и все те жизненные удобства, которыми он пользуется, он не уходит в отставку и не увольняется из армии вплоть до последних дней своей жизни.

В результате действия этих двух причин демократический народ, наконец после долгого мирного существования берущий в руки оружие, обнаруживает, что все его военные командиры — старики. Я говорю не только о генералах, но и о младшем офицерском составе, большая часть которого практически не знала повышения или же росла очень медленно. Окинув взором долгое время не воевавшую демократическую армию, вы с удивлением обнаружите, что все солдаты в ней — почти дети, а все командиры — в преклонных годах, и, таким образом, первые из них лишены опыта, а вторые — энергии.

Данное обстоятельство в значительной мере предопределяет военные неудачи, так как первым условием успешного ведения войны является молодость командиров. Я никогда бы не осмелился это заявить, если бы так не сказал самый великий из полководцев нашего времени.

В армиях аристократических государств эти две закономерности действуют несколько иным образом.

Поскольку повышение по службе в них определяется не столько правом старшего по возрасту, сколько знатностью рода, среди командиров любого ранга здесь всегда встречается определенное число молодых людей, отдающих войне всю свою нерастраченную энергию тела и души.

Помимо того, люди, стремящиеся при аристократии к воинским почестям, занимают в обществе вполне устойчивое положение, и поэтому редко случается, что они начинают стареть на военной службе. Посвятив воинской карьере самые деятельные годы своей молодости, они по собственному желанию уходят в отставку, чтобы провести у родного очага остаток своих зрелых лет.

Долгий мир не только приводит к старению офицерского корпуса в демократических армиях, но еще и прививает всем офицерам такие физические и умственные привычки и навыки, которые делают их малопригодными для войны. Тот, кто в течение долгого времени жил в мирной, умеренной атмосфере демократических нравов, сначала плохо переносит ту грубую работу и те суровые требования, которые возлагаются на него войной. И если офицеры и не утратили окончательно вкуса к оружию, усвоенный ими образ жизни по меньшей мере мешает им успешно вести боевые действия.

У аристократических народов жизнь гражданского общества не оказывает скольлибо значительного изнеживающего влияния на воинские нравы, так как у этих народов армией командуют аристократы. А ведь аристократия, сколь бы ни была она привязана к изысканной роскоши, всегда наделена множеством других страстей, кроме заботы об удобствах, и поэтому охотно жертвует на время собственным благополучием с целью полнее удовлетворить прочие свои страсти.

Я отмечал, сколь медленно происходит повышение по службе в демократических армиях в мирное время. Сначала офицеры с нетерпением воспринимают данное положение дел; они волнуются, испытывают тревогу, приходят в отчаяние; с течением времени, однако, большая часть из них смиряется. Те, кто обладает особым честолюбием, способностями и возможностями, покидают армию, другие, соизмерив собственные склонности и желания со своей незавидной участью, в конце концов начинают оценивать воинскую службу с точки зрения ценностей гражданского общества. Выше всего они ценят ту обеспеченность и ту прочность общественного положения, которые она может принести; все свои виды на будущее они связывают с надежностью этого скромного вознаграждения и не требуют ничего, кроме права мирно им пользоваться.

Таким образом, долгий мир не только наполняет демократические армии престарелыми офицерами, но и воспитывает чувства, свойственные старости, даже у офицеров, находящихся в полном расцвете сил.

Я также уже отмечал, что в мирное время военная служба в демократических странах не считается престижной и на нее идут неохотно.

Такая неблагосклонность общества тяжелым грузом довлеет над армией, угнетая ее моральный дух. И поэтому, когда наконец-то начинается война, боевой дух вооруженных сил не может сразу распрямиться, вновь обретя упругость и силу,

Подобная причина ослабления морального духа неизвестна

аристократическим армиям. Их офицеры никогда не считают себя униженными в собственных глазах или же в

глазах своих ближних, так как независимо от своего воинского звания они — фигуры сами по себе.

И даже если влияние мира сказывалось бы в равной степени на ту и другую армии, результаты все же были бы разными.

Когда офицеры аристократической армии теряют боевой дух и желание прославить свое оружие, у них все-таки еще сохраняется определенное уважение к чести своего сословия и укоренившаяся привычка быть впереди, показывая личный пример. Когда же вкус к войне и воинское честолюбие утрачивают офицеры демократической армии, то у них за душой не остается ничего.

Поэтому я считаю, что демократический народ, начиная вести войну после долгого мира, много больше рискует терпеть поражения, чем аристократическое государство, но он не должен легко падать духом от этих неудач, так как по мере продолжения войны шансы его армии на победу возрастают.

Когда же война, становясь затяжной, в конце концов отрывает всех граждан от мирного труда и приводит к банкротству их мелкие предприятия, случается так, что те же самые чувства, которые заставляли их столь высоко ценить мир, теперь призывают их к оружию. Война, разрушив все отрасли промышленности, сама становится единственной огромной ее отраслью, и лишь к ней устремляются все пылкие и честолюбивые помыслы, порожденные равенством. Именно поэтому демократические народы, с таким нежеланием выходящие на поля сражений, подчас совершают на них чудеса героизма, если уж их заставили в конце концов взяться за оружие.

По мере того как война все больше и больше притягивает взоры всего народа к армии и люди видят, сколь быстро она может принести славу и солидное вознаграждение, на военную службу начинает идти национальная элита; все предприимчивые, отважные, воинственные по натуре люди, которых рождает не только аристократия, но все слои общества, устремляются в армию.

Поскольку война с неумолимой требовательностью определяет свое место каждому из огромного числа претендентов на воинские заслуги, в результате всегда выявляются люди, обладающие талантом полководцев. В период долгой войны демократическая армия переживает то же самое, что весь народ переживает во время революции. Война уничтожает все правила,

давая возможность незаурядным людям внезапно появляться на сцене. Офицеры, состарившиеся и душой и телом в мирный период, устраняются из армии, уходят в отставку или умирают. На их места решительно устремляется толпа молодых людей, уже прошедших боевую закалку и связывающих с войной свои далеко идущие замыслы и пылкие желания. Они хотят любой ценой и безостановочно расти от звания к званию; сзади их подталкивают другие, наделенные теми же страстями и желаниями, которых в свою очередь тоже подталкивают идущие сзади, и так до бесконечности — пределы обусловливаются лишь общей численностью самой армии. Равенство позволяет каждому человеку испытывать честолюбивые желания, а боевые потери предоставляют всем честолюбцам шансы осуществить эти желания. Смерть беспрестанно прореживает ряды, создает вакансии, завершая и начиная воинские карьеры.

Война к тому же вскрывает наличие тайной взаимосвязи между духом армии и нравами демократического народа.

Люди, живущие при демократии, испытывают естественное желание быстро приобрести те блага, которых они жаждут, и наслаждаться ими с легким сердцем. Большее число этих людей обожает риск и меньше страшится смерти, чем различных затруднений. С таким настроением они занимаются коммерцией и промышленностью. Когда же они приносят подобное настроение на поля сражений, оно заставляет их добровольно рисковать своей жизнью, чтобы моментально стяжать себе лавры победы. Никакой другой образ величия не захватывает воображение демократического народа сильнее, чем ослепительная воинская слава, обретаемая стремительно, без кропотливого труда, с риском лишь для собственной жизни.

Таким образом, хотя интересы и склонности граждан демократического общества отвращают их от войны, свойственный им образ мышления делает их вполне пригодными для успешного ведения боевых действий; они с легкостью становятся хорошими солдатами, как только удается оторвать их от своих дел и мирного благополучия*.

475

Итак, если мир особенно вреден для демократических армий, то война дает им такие преимущества, каких никогда не имеют другие армии; и эти вначале едва приметные преимущества не могут в конечном счете не приводить их к победе.

Аристократический народ, сражаясь против демократической нации, сильно рискует оказаться побежденным ею, если ему не удалось разгромить ее в результате первых же боевых операций.

Глава XXV О ДИСЦИПЛИНЕ В ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ АРМИЯХ

Широкое распространение, прежде всего в аристократических странах, получило мнение о том, что слишком большое социальное равенство, царящее в демократических обществах, с течением времени делает солдата независимым от офицера и таким образом приводит к развалу воинской дисциплины.

Это ошибка. В реальной жизни существуют два типа дисциплины, которые не следует смешивать.

Когда офицер — дворянин, а солдат — крепостной, когда первый из них богат, а второй беден, когда один образован и наделен властью, а другой невежествен и бессилен, между ними легко устанавливается отношение самой полной зависимости и покорности. Солдат был приучен к воинской дисциплине, можно сказать, еще до того, как вступил в армию, или скорее воинская дисциплина в данном случае есть не что иное, как совершенная форма социального повиновения. В аристократических армиях рядовые довольно легко становятся как бы безучастными ко всему на свете, кроме приказов своих командиров. Солдат действует бездумно, бесстрастно одерживает победы и умирает без жалоб. В таком состоянии он более не человек, но вновь — очень опасное животное, вышколенное для войны.

Демократические народы должны отказаться от попыток когда-либо добиться от своих солдат подобного слепого, мелочного, безропотного, всегда неизменного послушания, которое аристократические народы без труда внушают своим солдатам. Социально-политическое устройство общества при демократии никоим образом не подготавливает людей к подобному повиновению; демократии рискуют утратить свои естественные преимущества, если возжелают добиться его искусственным путем. Воинская дисциплина у демократических народов не должна пытаться подавлять свободные порывы души у солдат; она должна стремиться лишь к тому, чтобы ими управлять; рождаемое ею повиновение не столь безусловно, но зато оно более энергично и разумно. Оно коренится в воле того, кто подчиняется, опираясь не только на его инстинкты, но и на разум, и поэтому оно часто ужесточается само по себе, когда этого требует безопасность. В аристократической армии дисциплина во время войны легко ослабляется, так как эта дисциплина основана на привычках, нарушаемых войной. Дисциплина в демократической армии, напротив, укрепляется перед лицом врага, поскольку каждый солдат очень хорошо понимает, что во имя победы он должен молча подчиняться.

Народы, добивавшиеся наиболее значительных достижений в войне, не знали никакой иной дисциплины, кроме той, о которой я только что сказал. В древности в армию принимались только свободные и имеющие гражданские права люди, которые, мало отличаясь друг от друга, по обыкновению общались как равные. В этом смысле можно говорить о вооруженных силах античных государств как о демократических армиях, хотя сами создававшие их общества были аристократиями. Поэтому в этих армиях между офицером и солдатом устанавливались близкие отношения собратьев по оружию. В этом убеждает чтение «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха. Солдаты у него беспрестанно и очень свободно разговаривают со своими командирами, а те охотно выслушивают речи своих солдат и отвечают им. Эти полководцы убеждали своих подчиненных словом и делом, а не силой принуждения и страхом наказания. Для солдат они в равной мере были и командирами и соратниками.

Я не знаю, была ли воинская дисциплина у древних греков и римлян доведена до такого совершенства во всех своих нюансах, как в русской армии, однако это не помешало Александру Великому завоевать Азию, а Риму — весь древний мир.

476

Глава XXVI НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ ПО ПОВОДУ ВОЙН В ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ

Когда принцип равенства начинает утверждаться в жизни не только одной нации, но одновременно и многих соседних народов, как это происходит в Европе в наши дни, люди, населяющие эти страны, несмотря на различие языков, обычаев и законов, похожи друг на друга тем, что в равной мере опасаются войн и испытывают сходную любовь к миру[1]. Напрасно честолюбие или гнев побуждают государей браться за оружие: своего рода всеобщая апатия и доброжелательность подданных умиротворяют их, и мечи выпадают из их рук. Войны становятся более редкими.

По мере того как равенство, одновременно развиваясь во многих странах, вовлекает в промышленность и торговлю население этих государств, люди не только обнаруживают сходство склонностей и вкусов, но их интересы сближаются и переплетаются в такой степени, что ни одна из наций не может причинить ущерба другим нациям, не пострадав при этом сама, и что все народы начинают относиться к войне как к катастрофе, почти столь же ужасной для победителя, как и для побежденного.

Поэтому, с одной стороны, в века демократии весьма трудно заставить народы воевать друг с другом, но, с другой стороны, почти невозможна такая ситуация, чтобы два народа в полном одиночестве сражались друг с другом. Интересы всех народов столь сплетены, а их мировоззрение и потребности столь близки, что ни один из них не сможет сохранять спокойствие в период всеобщего возбуждения. Таким образом, войны становятся более редкими, но тогда, когда они начинаются, они охватывают значительно большую территорию.

Живущие по соседству демократические народы уподобляются друг другу не только, как я уже сказал, в каких-то определенных отношениях, но в конечном счете становятся похожими почти во всем[2].

А ведь это сходство между народами имеет чрезвычайно важные в военном отношении последствия.

Когда я задаюсь вопросом, отчего Швейцарская конфедерация XV века заставляла трепетать самые многочисленные и могущественные нации Европы, тогда как в наши дни ее военная сила точно соответствует численности ее населения, я нахожу, что швейцар-

[1] Думаю, нет надобности объяснять читателю, что страх перед войной, высказываемый европейскими народами, не вызывается исключительно лишь утверждением равенства в их обществах. Независимо от этой, постоянно действующей причины сильное влившие на их отношение к войне оказывает множество случайностей, из которых я в первую очередь выделил бы чрезвычайную их усталость, оставшуюся после войн Французской республики и Империи.

[2] Это вызывается как тем, что данные народы имеют одинаковое социально-политическое устройство, так и тем, что социальные условия их существования по своей природе побуждают людей общаться между собой и подражать друг другу.

Когда граждане разделены на касты и на классы, они не только сильно отличаются друг от друга, но и не проявляют ни малейшего желания или тенденции быть похожими; напротив, каждый из них все сильнее и сильнее старается сохранить в неприкосновенности свои собственные убеждения и привычки, чтобы остаться самим собой. Среди них очень живуч дух индивидуальной неповторимости.

Когда какой-нибудь народ становится демократическим, то есть когда он не имеет более каст и классов и когда все граждане примерно равны по своему образованию и имущественному положению, чувства людей принимают прямо противоположное направление. Люди взаимоуподобляются и, более того,

некоторым образом страдают, если им не удается походить друг на друга. Отнюдь не желая сохранить то, что еще может отличать их друг от друга, они стремятся утратить эти отличительные признаки, чтобы стать неотделимой частью общей массы, которая, в их глазах, является единственным носителем права и силы. Дух индивидуальной неповторимости среди них почти истреблен.

Во времена аристократии даже равные и похожие друг на друга люди стараются придумать для себя искусственные отличия. Во времена демократии даже те, кто отличается друг от друга, хотят стать похожими и друг друга копируют — настолько сильно воздействие общего мироощущения на сознание каждого отдельного человека.

Нечто сходное наблюдается также и в отношениях между народами. Для того чтобы два соседних народа могли оставаться очень своеобразными, сильно отличающимися один от другого, оба они должны иметь аристократическое общественное устройство, так как аристократический дух благоприятствует индивидуализации. Но два соседних народа не могут быть демократическими без того, чтобы тотчас же не воспринимать сходных взглядов и нравов, так как дух демократии заставляет людей ассимилироваться.

477

цы стали похожими на всех своих соседей, а они в свою очередь — похожими на швей царцев. Похожими настолько, что отличаются лишь численностью вооруженных си.[г] количественное превосходство которых непременно приносит победу. Одним из результатов происходящей в Европе демократической революции явилось господство численного фактора на полях всех сражений, что заставляет все малые народы входить в состав больших государств или по крайней мере заключать с ними политические союзы.

Поскольку численность стала определяющим фактором военного успеха, каждый народ должен изо всех сил стараться вывести на поле боя возможно большее количество людей.

Когда под знамена можно было собирать лучшие в своем роде войска типа швейцарской пехоты или французской кавалерии XVI века, никто не считал нужным создавать очень большие армии, но теперь, когда все солдаты стоят друг друга, положение изменилось.

Причина, порождающая эту новую потребность, предоставляет также и средства ее удовлетворения. Ибо, как я уже говорил, все равные между собой люди равно слабы.

Государственная власть, естественно, значительно более сильна у демократических народов, чем в любом другом обществе. Эти народы, следовательно, не только испытывают желание призывать на воинскую службу все мужское население страны, но и имеют возможность это осуществлять, так что в века равенства, как представляется, армии численно растут по мере того, как угасает воинский дух нации.

В эти века в силу тех же причин изменяются и способы ведения войны.

В своей книге «Государь» Макиавелли пишет: «Значительно труднее покорить народ, руководимый монархом и баронами, чем народ, управляемый монархом и рабами». Давайте заменим, дабы никого не обидеть, слово «рабами» на «государственными служащими» — и мы получим великую истину, вполне приложимую к нашему предмету.

Великому аристократическому народу очень трудно завоевать своих соседей, равно как и быть покоренным ими. Ему не удается завоевать соседей потому, что он никогда не может объединить все свои силы и сохранить их единство в течение длительного времени; он не может быть покорен потому, что враг повсюду будет встречать очаги сопротивления. Войну на территории какого-либо аристократического государства я бы сравнил с боевыми действиями в горной местности: побежденные всякий раз имеют возможность соединиться на новой позиции и прочно ее удерживать.

Прямо противоположное наблюдается у демократических народов.

Они без особого труда выводят на поле сражения все имеющиеся в их распоряжении силы, и, если нация богата и многочисленна, она с легкостью становится победительницей, но в случае, если она терпит поражение и враг проникает на ее территорию, у нее остается мало ресурсов сопротивления и, когда дело доходит до захвата столицы, нация погибает. Объясняется это очень просто: поскольку каждый гражданин индивидуально крайне изолирован и слаб, никто не может защитить сам себя или оказать поддержку другим. В демократической стране силой обладает только государство; если военная мощь государства сломлена вследствие уничтожения его армии, а его управленческая власть парализована из-за захвата столицы, страна представляет собой не что иное, как неуправляемое, бессильное население, неспособное сражаться против организованных наступающих сил противника. Я знаю, что эту опасность можно уменьшить, предоставив провинциям некоторые права и свободы, но это средство всегда будет не вполне

достаточным.

В подобной ситуации население не только не сможет продолжать войну, но боюсь, что и не захочет этого делать.

В соответствии с нормами, принятыми среди цивилизованных наций, войны ведутся не с целью присвоения личного имущества граждан, но только для захвата политической власти. Частная собственность уничтожается лишь случайно и во имя достижения основной цели.

Когда противник, разгромив армию аристократической нации, вторгается на ее территорию, дворяне, хотя они одновременно являются и состоятельными гражданами, предпочитают продолжать индивидуальное сопротивление, нежели покоряться, ибо, если победитель останется хозяином страны, он отстранит их от политической власти, которую они ценят даже выше, чем свою собственность. Поэтому они предпочитают борьбу признанию себя побежденными — самому страшному для них несчастью, и им без

труда удается вести за собой народ, в течение долгого времени приученный следовать за ними и подчиняться им, народ, который к тому же почти ничем не рискует в этой войне.

У тех же наций, где царит равенство условий существования, каждый гражданин наделен лишь малой толикой политической власти, а часто и вовсе ею обделен; с другой стороны, все они независимы и обладают собственностью, которую могут потерять, так что они значительно меньше боятся того, что будут завоеваны, и значительно больше опасаются самой войны, чем народ аристократического государства. Население демократической страны всегда будет очень трудно склонить к тому, чтобы оно взялось за оружие тогда, когда война начинает вестись на ее территории. Поэтому столь необходимо дать этим народам политические права и воспитать в них гражданское самосознание, способные внушить им некоторые из тех интересов и мотивов, которыми руководствуются представители дворянства при аристократии.

Необходимо, чтобы государи и другие правители демократических наций крепко усвоили, что с привычкой и страстью к материальному благополучию можно успешно бороться только лишь с помощью привычки и страстной любви к свободе. В противном случае я не представляю себе ничего менее способного устоять перед захватчиком, чем какой-либо из демократических народов, не имеющий свободных институтов.

В былые времена боевые действия велись малыми силами и

представляли собой мелкие вооруженные стычки и долгие осады. Теперь даются крупные сражения и, как только появляется возможность свободно продвигаться вперед, армия устремляется к столице противника, чтобы одним ударом закончить войну.

Говорят, что эту новую систему изобрел Наполеон. Один человек, кем бы он ни был, не в силах создать нечто подобное. Способ ведения войны, применявшийся Наполеоном, был подсказан ему всей социально-политической ситуацией его эпохи, и эффективность этого способа обусловливалась тем, что он великолепно соответствовал данной ситуации, а также тем, что Наполеон первым взял его на вооружение. Во главе армии он первым прошел путь, связывающий столицы всех государств. Однако этот путь открылся для него с гибелью феодального общества Имеются некоторые основания предполагать, что, если бы этот незаурядный человек родился лет триста тому назад, он не смог бы пожинать плоды с помощью данного способа ведения войны или, скорее, он воспользовался бы другим способом.

Что касается гражданских войн, то добавлю об этом всего несколько слов, так как боюсь испытывать терпение читателя.

Большая часть того, что я сказал относительно внешних войн, с еще большим основанием приложима к гражданским войнам. Люди, живущие в демократических странах, не наделены природной воинственностью; в них просыпается подчас боевой дух, когда они вопреки своему желанию оказываются на полях сражений, но дружно подниматься по собственной воле и сознательно подвергать себя лишениям, вызванным войной, и особенно войной гражданской, — на это человек из демократического общества едва ли решится. Только самые отчаянные из авантюристов пойдут на подобный риск; масса гражданского населения не тронется с места.

И даже если бы эта масса захотела действовать, ей было бы не так-то легко это сделать, поскольку в своей среде она не найдет ни людей, обладающих прочным, давно установившимся авторитетом, которым она захотела бы подчиняться, ни общепризнанных лидеров, способных объединить всех недовольных, возглавить их и повести за собой. Нет здесь и низовых политических сил, способных оказать действенную поддержку народным массам в их сопротивлении центральным властям.

В демократических странах моральная сила большинства огромна и материальные возможности, которыми оно располагает, несоизмеримы с возможностями тех, кто может поначалу объединиться против него. Поэтому партия, засевшая в цитадели большинства, говорящая от его имени и использующая

его мощь, мгновенно и без труда одерживает победу над всеми отдельными силами сопротивления. Она не дает им даже времени появиться на свет, уничтожая их в зародыше.

Люди, желающие совершить революцию в демократической стране силой оружия, не имеют, следовательно, никакой иной возможности одержать победу, кроме внезапного захвата всего государственного аппарата целиком, что им может удаться скорее в результате государственного переворота, чем вследствие гражданской войны, ибо, как

только начнутся регулярные военные действия, победа почти всегда будет обеспечена той партии, которая представляет государство.

Только в одном случае возможно начало гражданской войны в демократическом обществе: когда происходит раскол в армии и часть вооруженных сил поднимает знамя восстания, а другая их часть сохраняет верность правительству. Армия — это маленькое общество, отмеченное очень тесными взаимосвязями и высокой активностью и обладающее способностью в течение некоторого времени обходиться исключительно собственными силами. Гражданская война может быть кровавой, но она не может быть долгой, так как либо восставшая армия притягивает на свою сторону правительство с помощью простой демонстрации своей мощи или благодаря первой же своей победе — и тогда война заканчивается, либо в случае начала вооруженной борьбы та часть армии, которая не получает поддержки со стороны организованной государственной власти, вскоре сама собой рассеется или будет уничтожена.

Поэтому можно признать истинным следующее широкое обобщение: в века равенства гражданские войны будут значительно более редкими и быстротечными[3].

[3] Само собой разумеется, что я говорю здесь о *единых* демократических государствах, а не о федеративных демократических государствах. Поскольку в федерации высшая власть всегда реально находится, несмотря ни на какие политические выдумки, в руках местных органов управления, а не в руках центрального правительства, гражданская война здесь является не чем иным, как скрытой формой войны между различными государствами.

Часть четвертая. О ТОМ ВЛИЯНИИ, КОТОРОЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ИДЕИ И ЧУВСТВА ОКАЗЫВАЮТ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

Книга моя не достигнет цели, если, показав, какие идеи и чувства внушаются равенством, я не укажу в заключение, каким образом эти же чувства и идеи способны непосредственно воздействовать на формы правления человеческим обществом.

Для этого мне придется часто обращаться к уже высказывавшимся прежде мыслям. Надеюсь, однако, что читатель не откажется последовать за мной, если знакомые пути могут привести его к новым истинам.

Глава I РАВЕНСТВО ВЫЗЫВАЕТ В ГРАЖДАНАХ ЕСТЕСТВЕННУЮ СКЛОННОСТЬ К СВОБОДНЫМ ИНСТИТУТАМ

Равенство, делающее людей независимыми друг от друга, вырабатывает в них привычку и склонность руководствоваться в частной жизни лишь собственными желаниями и волей. Та полная независимость, которой они постоянно пользуются как в отношениях с равными себе, так и в личной жизни, вызывает в них недовольство любой властью и вскоре формирует у них понятие политической свободы и приверженность ей. Люди, живущие в такое время, следовательно, самым естественным образом предрасположены к восприятию идеи свободных институтов. Возьмите любого из них, и, если вы сможете добраться до его инстинктивных чувств, вы обнаружите, что из разных форм правления он более всего признает и уважает то, главу которого он избрал сам и действия которого находятся под его контролем.

Из всех политических последствий, порождаемых социальным равенством, именно это стремление к независимости прежде всего бросается в глаза, устрашая малодушных, и не без оснований, ибо в демократиях анархия обретает более ужасные качества, чем в любом другом обществе. Ведь если граждане лишены возможности воздействовать друг на друга, то в случаях, когда сдерживающая их государственная власть ослабляется, быстро наступает политический хаос, и поскольку каждый отдельный гражданин предпочитает держаться от всего в стороне,

здание социального устройства мгновенно рассыпается в прах.

Тем не менее я убежден, что анархия — это не основное, а наименьшее из зол, которых нужно опасаться в век демократии.

На самом деле равенство порождает две тенденции: первая ведет людей к независимости и может внезапно подтолкнуть их к анархии; вторая тенденция проявляется не столь быстро и не столь наглядно, но она значительно более целенаправленно ведет людей к закрепощению.

481

Люди быстро распознают первую тенденцию и всячески ей противодействуют, позволяя, однако, увлечь себя в другом направлении, поскольку не видят его опасности. Поэтому о нем необходимо поговорить более подробно.

Ни в коей мере я не порицаю равенство за то, что оно порождает непокорность; как раз за это я его и хвалю. Меня охватывает восхищение, когда я вижу, как оно формирует в умах и сердцах людей некое смутное представление о политической независимости и инстинктивное стремление к ней, вырабатывая таким образом лекарство от болезни, им же порождаемой. Именно этим привлекает меня равенство.

Глава II О ТОМ, ЧТО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ГРАЖДАН ОБ УПРАВЛЕНИИ В ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ ЕСТЕСТВЕННЫМ ОБРАЗОМ СПОСОБСТВУЮТ КОНЦЕНТРАЦИИ ВЛАСТИ

Идея промежуточных институтов власти, находящихся между монархом и его подданными, представлялась вполне естественной в аристократическом обществе, где эта власть оказывалась в руках отдельных лиц или семейств, которые в силу своего происхождения, образования и богатства не имели себе равных и были как бы призваны управлять другими. В век равенства эта идея, естественно, отсутствует в умах людей по причинам обратного свойства; внедрить ее в сознание можно лишь искусственно и удерживать в нем — лишь с большим трудом. Вместе с тем граждане, практически не раздумывая, принимают идею единой и централизованной власти, которая сама управляет ими.

Впрочем, в политике, так же как в философии и религии, демократический народ с радостью воспринимает простые и общие идеи. Сложные концепции не воспринимаются разумом, и людям нравится чувствовать себя великой нацией, все граждане которой соответствуют одной модели и управляемы единой

властью.

Вслед за идеей единой и централизованной власти в эпоху равенства в умах людей почти непроизвольно зарождается идея единого законодательства. Поскольку каждый человек мало чем отличается от своих соседей, он не понимает, почему закон, применимый к одному из них, не может быть распространен на всех остальных. Самые незначительные привилегии вызывают у него отвращение. Малейшие различия в политических институтах одного и того же общества порождают недовольство его граждан. Поэтому единообразие законов представляется людям важнейшим условием хорошего правления.

Я уверен, что то же понятие единого закона, равным образом распространенного на все социальные группы, было чуждо человеческому сознанию в века аристократии. В то время оно не могло прийти к этой идее или же отвергало ее.

Эти противоположные устремления разума в конце концов превращаются в такие слепые инстинкты и столь прочные привычки, что они начинают руководить поступками людей вне зависимости от особенностей личности. Несмотря на бесконечное разнообразие средневековой жизни, и тогда встречались совершенно похожие индивидуумы, однако это не мешало законодателю наделять каждого из них различными обязанностями и разными правами. И напротив, в наше время правительства изнуряют себя в попытках навязать одни и те же обычаи и законы группам населения, которые еще имеют между собой мало общего.

По мере уравнивания у того или иного народа условий существования отдельные индивидуумы мельчают, в то время как общество в целом представляется более великим, или, точнее, каждый гражданин, став похожим на всех других, теряется в толпе, и тогда перед нами возникает великолепный в своем единстве образ самого народа.

Все это, естественно, порождает у людей эпохи демократии очень высокие представления об общественных прерогативах и чрезмерно скромное — о правах личности. Они легко соглашаются с тем, что выгода первого из них—это все, а интересы личности—ничто. Они охотно мирятся с тем, что власть, олицетворяющая собой все общество, несет в себе больше мудрости и знания, чем любой из людей, составляющих это общество, и что вести каждого гражданина за руку есть не только право, но и обязанность власти.

Если бы мы захотели лучше изучить наших современников и

добраться до истоков их политических воззрений, мы увидели бы там многие из тех идей, которые я только что воспроизвел, и, вероятно, удивились бы, обнаружив так много общего у народов, столь часто воевавших между собой.

Американцы полагают, что в каждом штате верховная власть должна устанавливаться самим народом. Однако, как только органы власти сформированы, американцы не помышляют их в чем-либо ограничивать, охотно соглашаясь *с* тем, что власть имеет право делать все.

Американцы не могут себе представить, чтобы отдельные города, семьи либо отдельные граждане пользовались особыми привилегиями. Они твердо убеждены в том, что любой закон должен одинаково применяться в разных частях одного и того же штата по отношению ко всем гражданам, живущим в нем.

Эти взгляды все шире и шире распространяются сейчас и в Европе, проникая даже в сознание тех наций, которые наиболее яростно отвергают догмат народовластия. Эти нации исповедуют иные убеждения относительно природы власти, чем американцы, однако они рассматривают ее под тем же углом зрения: у тех и у других стирается и исчезает представление о необходимости промежуточной власти. Из сознания людей быстро выветривается идея права как неотъемлемой принадлежности лишь ограниченного круга индивидуумов, ее место занимают представления о всемогущем и едином для всего общества законе. Эти представления укореняются и усиливаются в сознании по мере того, как люди уравниваются в своих правах и условиях существования. Идеи эти порождаются равенством и в свою очередь ускоряют процесс установления равенства.

Во Франции, где данные революционные преобразования носили более решительный характер, чем в любой другой европейской стране, эти воззрения полностью овладели сознанием граждан. Если внимательно прислушаться к тому, что говорят лидеры наших различных партий, мы убедимся, что нет никого, кто не разделял бы этих воззрений. Большинство считает, что правительство действует неудовлетворительно, но все сходятся во мнении, что оно должно действовать еще активнее и все брать в свои руки. Даже те, кто ведет между собой настоящую войну, по этому вопросу придерживаются единых взглядов. Централизация, вездесущность, всемогущество общественной власти, единообразие ее законов—вот наиболее характерные черты всех зарождающихся сегодня политических систем. Эти черты мы обнаруживаем в основе самых причудливых утопий. Они преследуют человека в его мечтах.

Если подобные представления непроизвольно возникают в

умах простых смертных, они тем более легко овладевают сознанием сильных мира сего.

В то время как старое общественное устройство Европы приходит в упадок и разваливается, монархи приходят к новым убеждениям относительно своей власти и своих обязанностей. Они наконец-то поняли, что центральная власть, которую они воплощают, может и должна лично, в соответствии с единым планом управлять всеми делами и всеми гражданами в государстве. Эти воззрения, которые, смею утверждать, никогда ранее не разделялись монархами Европы, сегодня все глубже проникают в их сознание и не желают уступать место иным концепциям.

Таким образом, сегодня люди менее разделены, чем это можно было бы себе представить; они постоянно спорят друг с другом по вопросу о том, в чьи руки будет передана верховная власть, но легко подчиняются правам и обязанностям этой власти над собой. Все воспринимают правительство как олицетворение единой и естественной власти, которая все предвидит и все может.

Любые другие политические идеи кажутся второстепенными и преходящими, и лишь эта остается незыблемой, нерушимой, ни с чем не сравнимой истиной. Публицисты и государственные деятели безоговорочно ее принимают, толпа с жадностью хватается за нее; управляемые и власть имущие с одинаковым жаром следуют ей; она вездесуща, кажется, что она существовала всегда.

Следовательно, эта идея предстает не случайным порождением человеческого разумения, а выступает естественной предпосылкой современного состояния человеческого общества*.

433

Глава III О ТОМ, ЧТО ЧУВСТВА ЛЮДЕЙ В ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ СООТВЕТСТВУЮТ ИХ ИДЕЯМ О КОНЦЕНТРАЦИИ ВЛАСТИ

Если в эпоху равенства люди легко воспринимают идею сильной центральной власти, то лишь потому, что признавать и поддерживать эту власть людей заставляют их обычаи и чувства. Постараюсь пояснить это несколькими словами, так как основные соображения на этот счет уже были высказаны ранее.

Люди, живущие в демократическом обществе и не видящие вокруг ни начальников, ни подчиненных, лишенные привычных и обязательных социальных связей, охотно замыкаются в себе и

полагают себя свободными от общества Мне уже пришлось довольно много рассуждать на эту тему, когда речь шла об индивидуализме. Люди почти всегда с трудом отрывают себя от личных дел, чтобы заняться делами общественными, поэтому естественно их стремление переложить эти заботы на того единственного очевидного и постоянного выразителя коллективных интересов, каким является государство.

Они не просто теряют вкус к общественной деятельности, но часто у них просто не хватает на нее времени. В демократическом обществе частная жизнь принимает столь активные формы, становится столь беспокойной, заполненной желаниями и работой, что на политическую жизнь у человека почти не остается ни сил, ни досуга.

Мне бы не хотелось думать, что упадок интереса к общественной деятельности непреодолим; борьба с ним и является главной целью моей книги. Просто я утверждаю, что сегодня эта апатия неустанно заполняет души под воздействием каких-то таинственных сил и, если ее не остановить, она охватит людей полностью.

У меня уже была возможность показать, что крепнущая тяга людей к благосостоянию и неустойчивый характер собственности заставляют демократические народы опасаться социальных неурядиц. Склонность к стабильности общественной жизни становится у них единственной политической страстью, возрастающей по мере отмирания других политических устремлений; это естественным образом располагает граждан к тому, чтобы постоянно передавать центральной власти все новые и новые права, ибо они считают, что только она одна, предохраняя самое себя, заинтересована и располагает необходимыми возможностями защитить их от анархии. Поскольку в эпоху равенства никто не обязан оказывать содействие ближнему, так же как никто не вправе рассчитывать на значительную поддержку со стороны, каждый индивидуум является одновременно и независимым, и беззащитным. Эти два состояния, которые не следует ни смешивать, ни разделять, вырабатывают у человека демократического общества весьма двойственные инстинкты. Независимость придаст ему уверенность и чувство собственного достоинства среди равных, а бессилие дает ему время от времени почувствовать необходимость посторонней поддержки, которую ему не от кого ждать, поскольку все, окружающие его, одинаково слабы и равнодушны. В своем отчаянии он невольно устремляет взоры к той громаде, которая в одиночестве возвышается посреди всеобщего упадка. Именно к ней обращается он постоянно со

своими нуждами и чаяниями, именно ее он в конце концов начинает воспринимать как единственную опору, необходимую ему в собственном бессилии [1].

[1] В демократическом обществе лишь центральная власть занимает прочное положение и последовательна в своих действиях. Жизнь граждан подвержена там постоянным изменениям. Известно, однако, что любая власть естественным образом стремится к расширению сферы своего влияния. И в конечном итоге она этого добивается, неустанно и целенаправленно воздействуя на людей, чьи мысли, желания и общественное положение каждодневно меняются.

Часто граждане работают на эту власть, сами того не желая.

Эпоха демократии — эпоха экспериментов, новых идей и авантюр. В это время всегда найдется множество людей, втянутых в трудные начинания, которыми они занимаются, не обращая внимания на других членов общества. Люди эти легко соглашаются с общим принципом невмешательства властей в частные дела, однако каждый из них желал бы, чтобы правительство, в виде исключения, именно ему оказало помощь в его конкретном деле, и он активно ищет этой поддержки, всегда за счет интересов других граждан. Поскольку огромное множество людей одновременно придерживаются этой точки зрения, влияние центральной власти мало-помалу распространяется на все сферы их жизни, хотя каждый в отдельности желал бы ограничения этого влияния. Таким образом, любое демократическое правительство расширяет круг своих прерогатив самим фактом длительного пребывания у власти. Время работает на него; из всех несчастий оно извлекает выгоду; находясь в плену своих страстей, люди помогают ему, даже не догадываясь об этом. Поэтому можно сказать, что чем старше демократическое общество, тем более централизовано в нем управление.

Все это позволяет нам понять, что нередко происходит в демократических обществах, где люди, столь болезненно относящиеся к любым начальникам, спокойно воспринимают власть хозяина и могут быть одновременно и гордыми, и рабски угодливыми.

Ненависть людей к привилегиям возрастает по мере того, как сами привилегии становятся более редкими и менее значительными. Можно сказать, что костер демократических страстей разгорается как раз тогда, когда для него остается все меньше горючего материала. Я уже указывал на причины этого

феномена Неравенство не кажется столь вопиющим, когда условия человеческого существования различны; при всеобщем единообразии любое отклонение от него уже вызывает протест, тем больший, чем выше степень этого единообразия. Поэтому вполне нормально, что стремление к равенству усиливается с утверждением самого равенства: удовлетворяя его требования, люди развивают его.

Постоянная и все возрастающая ненависть, которую испытывают демократические народы к малейшим привилегиям, странным образом способствует постепенной концентрации всех политических прав в руках того, кто выступает единственным представителем государства. Государь, возвышающийся обязательно и безусловно над всеми гражданами, не вызывает ничьей зависти, при этом каждый еще считает своим долгом отобрать у себе подобных все прерогативы и передать их ему.

Человек времен демократии с крайним отвращением подчиняется своему соседу, которого считает равным себе; он отказывается признавать его более просвещенным, чем он сам; он не верит в его справедливость и ревниво относится к его власти; он его опасается и презирает; ему нравится постоянно напоминать своему соседу об их общей подчиненности одному и тому же хозяину.

Любая центральная власть, следуя этим естественным инстинктам, проявляет склонность к равенству и поощряет его, поскольку равенство в значительной мере облегчает действия самой этой власти, расширяет и укрепляет ее.

Можно также утверждать, что любое центральное правительство обожает единообразие. Единообразие избавляет его от необходимости издавать бесконечное количество законов: вместо того чтобы создавать законы для всех людей, правительство подгоняет всех людей без разбора под единый закон. Таким образом, правительство любит то же, что любят граждане, и ненавидит то же самое, что и они. Это единство чувств, которое у демократических народов выражается в сходстве помыслов каждого индивидуума и правителя, устанавливает между ними скрытую, но постоянную симпатию. Правительству за присущие ему склонности прощаются его ошибки; доверия народа оно лишается лишь в периоды эксцессов и заблуждений, однако это доверие быстро восстанавливается при очередном обращении к народу. Граждане в демократическом обществе часто испытывают ненависть к конкретным представителям центральной власти, но они всегда любят саму эту власть.

Итак, двумя различными путями я пришел к одной и той же

цели. Я показал, что равенство утверждает в людях идею централизованного, единого и сильного правительства. Я показал, что оно вызывает в людях склонность к такому правительству. Именно к такой форме проявления стремятся сегодня народы. К этому их ведет естественная потребность душ и сердец, поэтому если они сами не будут себя сдерживать, то обязательно к нему придут.

Я считаю, что в грядущие века демократического развития личная независимость и местные свободы всегда будут искусственно поддерживаться. Естественным способом правления станет централизация*.

Глава IV О НЕКОТОРЫХ ЗАКОНОМЕРНЫХ И СЛУЧАЙНЫХ ПРИЧИНАХ, КОТОРЫЕ ВЕДУТ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ НАРОДЫ К ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ ВЛАСТИ ЛИБО ПРЕПЯТСТВУЮТ ЭТОМУ

Все демократические народы непроизвольно стремятся к централизации власти, однако стремление это у разных народов различно. Оно зависит от своеобразия условий,

могущих ускорить либо замедлить естественное развитие общества. Условия эти весьма многочисленны, поэтому остановлюсь лишь на некоторых.

У людей, которые, прежде чем стать равными, имели длительный период свободного развития, инстинкты свободы в определенной степени заглушают инстинкты равенства. Поэтому, несмотря на то что центральная власть расширяет свои привилегии, в этом обществе частные лица никогда полностью не теряют свою независимость.

Когда же равенство начинает развиваться в стране, народ которой либо вовсе не знал свободы, либо слишком долго жил вне ее, как это имеет место в странах Европы, то давние привычки народа быстро и самым естественным образом соединяются с привычками и доктринами нового общественного устройства, и тогда централизация власти происходит сама собой. Государство с поразительной быстротой аккумулирует власть и разом достигает крайних пределов своего могущества, в то время как граждане его моментально становятся в высшей степени беззащитными.

Англичане, которые три века тому назад в безлюдных просторах Нового Света основали демократическое общество, еще у себя на родине приобрели навыки участия в общественной

жизни: они знали суд присяжных, свободу слова и прессы, индивидуальную свободу, они были знакомы с идеей закона и знали, как к нему прибегнуть. Институты свободы и мужественные нравы, перенесенные в Америку, помогли им отстоять независимость нового государства.

У американцев, следовательно, свобода старше равенства, которое относительно молодо. В Европе, напротив, равенство, порожденное абсолютной властью и находившееся под контролем монархов, вошло в обиход народов намного раньше, чем они познакомились с идеей свободы.

Я утверждал, что в демократических обществах правительство естественным образом представлялось человеческому разуму в виде единой и централизованной власти и что понятие промежуточной власти не воспринималось ими. Это в особенности относится к тем демократическим нациям, в которых принцип равенства одержал победу в результате насильственной революции. Когда классы, управлявшие местными делами, были внезапно сметены революционной бурей, растерянная масса народа, не имевшая еще ни организации, ни опыта, необходимых для управления этими делами, обратила свой взор на государство, доверив ему все дела и бразды правления. Централизация стала в какой-то степени необходимостью. Нет надобности ни восхвалять, ни порицать Наполеона за то, что он сосредоточил в своих руках всю административную власть: с исчезновением дворянства и высшей буржуазии она перешла к нему сама собой. Наполеону было бы столь же трудно отказаться от власти, как и взять ее. Американцы никогда не сталкивались с подобной необходимостью; не испытав революции и имея изначальный опыт самоуправления, они никогда не чувствовали необходимости даже кратковременно возлагать на государство функции опекуна. Таким образом, у демократических народов централизация власти есть следствие не только развития равенства, но и того процесса, в результате которого это равенство устанавливается.

На начальном этапе любой великой демократической революции, когда война между различными классами еще только зарождается, народные массы стремятся к централизации общественной власти в руках правительства, с тем чтобы вырвать у аристократии управление на местах. На завершающем этапе революции, напротив, уже повергнутая аристократия, как правило, сама пытается передать государству управление всеми делами в страхе перед мелочной тиранией народа, который стал равным ей, а подчас и ее хозяином.

Следовательно, к расширению прерогатив власти не всегда

стремится один и тот же класс граждан. В ходе демократической революции в стране всегда находится класс, превосходящий другие своей численностью либо богатством, который в силу особых пристрастий или собственных интересов желал бы централизации государственной власти, несмотря на то что испытывает отвращение к власти своего соседа — чувство всеобщее и постоянное у демократических народов. Можно отметить, что сегодня в Англии именно низшие классы изо всех сил пытаются уничтожить независимость местных органов власти и перевести управление из периферии в центр, в то время как высшие классы стараются удержать местное управление в границах его

прежних полномочий. Смею предположить, что придет день, когда ситуация изменится на прямо противоположную.

Все изложенное выше хорошо объясняет, почему государственная власть должна быть более сильной, а индивидуумы более слабыми в демократическом обществе, которое пришло к равенству путем долгого и трудного социального развития, чем в том, где граждане были равны изначально. Американцы — яркий тому пример.

Люди, населяющие Соединенные Штаты, никогда не были разъединены какими-то привилегиями, они никогда не знали взаимоотношений, устанавливающихся между подчиненным и господином, и, поскольку они не испытывают ни страха, ни ненависти друг к другу, у них никогда не возникало потребности в правителе, который вникал бы во все их дела. На долю американцев выпала редкая удача: они заимствовали у английской аристократии идею прав личности и склонность к свободному самоуправлению на местах, они сумели сохранить и то и другое потому, что им не нужно было сражаться против аристократии. Во все времена просвещение помогало людям сохранять независимость. Это утверждение особенно справедливо в эпоху демократии. Легче всего учредить единое и всемогущее правление, когда граждане мало чем отличаются друг от друга: для этого достаточно их инстинктов. А вот для того, чтобы в этих же условиях создать и сохранить второстепенные органы власти, а также свободные ассоциации, способные в условиях независимости и индивидуального бессилия граждан противостоять тирании, не разрушая порядка, людям необходимы особая мудрость, знания и умения.

Таким образом, концентрация власти и личное закрепощение в демократическом обществе будут усиливаться не только

пропорционально нарастанию равенства, но также и благодаря невежеству граждан.

Известно, что в непросвещенные времена у правительств часто недоставало знаний, чтобы совершенствовать деспотизм, а у граждан — чтобы от него избавиться. Однако последствия этого для тех и других были далеко не одинаковыми.

Сколь бы невежественным ни был демократический народ, управляющая им центральная власть никогда не бывает начисто лишенной знаний, ибо она без труда привлекает к себе всех наиболее грамотных людей страны, а в случае надобности может позаимствовать их и за границей. Следовательно, в демократическом, но малопросвещенном обществе не может не проявляться огромное и быстро возрастающее различие в интеллектуальных способностях представителя суверенной власти и каждого из ее подданных. Это еще более облегчает завершение концентрации власти в одних руках. Административное могущество государства постоянно растет в силу того, что оно одно остается способным к управлению.

В аристократическом обществе, сколь бы ни было оно просвещенным, ничто подобное невозможно, ибо знания там достаточно равномерно распределены между монархом и лучшими из граждан.

Паша, который правит сегодня в Египте, обнаружил, что население этой страны состоит из людей равноправных, но малограмотных. Поэтому, чтобы управлять ими, он поехал в Европу, где получил необходимые знания. Необыкновенная образованность монарха в сочетании с неграмотностью и демократическим бессилием его подданных позволили ему без труда достичь высшей степени централизации власти и превратить страну в свою мануфактуру, а ее жителей — в рабочих этой мануфактуры.

Я полагаю, что чрезмерная централизация политической власти должна привести к общественному неудовольствию и в конечном итоге к ослаблению самого правительства. Однако я не отрицаю, что централизованная общественная сила вполне способна на значительные свершения в определенное время и в определенном месте. Особенно если речь идет о войне, где успех зависит в большей степени от умения быстро сосредоточить все ресурсы на определенном направлении, чем от размера этих ресурсов. Поэтому именно во время войн народы испытывают желание, а часто и необходимость в усилении полномочий центральной власти. Все великие полководцы обожают централизацию, которая увеличивает их могущество, а все великие диктаторы любят войну, которая заставляет народы

сосредоточивать всю власть в руках государства. Таким образом, демократическая тенденция, благодаря которой постоянно расширяются привилегии государства и ограничиваются права отдельных граждан, значительно более быстро и последовательно развивается в демократическом обществе, нежели в

любом ином, ибо оно в силу своего положения подвергается частым и разрушительным войнам и самому его существованию чаще угрожают всевозможные опасности.

Я уже показывал, каким образом боязнь беспорядка и привязанность к материальному благополучию незаметно подталкивают демократические народы к расширению полномочий центрального правительства, единственной силы, которая представляется им достаточно стабильной, достаточно мудрой и достаточно мощной, чтобы спасти их от анархии. Хочу лишь добавить, что во всех случаях, когда состояние дел в демократическом обществе нарушается и становится шатким, этот всеобщий инстинкт срабатывает и заставляет граждан все больше и больше жертвовать своими правами во имя своего покоя.

Таким образом, никогда народ не бывает столь расположен к расширению полномочий центральной власти, как после длительной и кровавой революции, в результате которой он отобрал все богатства у их бывших владельцев, подорвал все верования, наполнив общество бешеной ненавистью, взаимоисключающими интересами и противоборствующими фракциями. Именно тогда рождается слепая любовь к общественному спокойствию и граждане воспламеняются безудержной страстью к порядку.

Мной рассмотрены несколько факторов, способствующих централизации власти. Однако я еще ничего не сказал о самых важных из них.

Основными среди случайных факторов, способствующих сосредоточению управления всеми делами в руках правителя в демократическом обществе, являются его собственное происхождение и наклонности.

Люди, живущие в эпоху равенства, естественно, питают расположение к центральной власти и охотно расширяют ее привилегии; однако в том случае, если эта власть полностью соответствует их интересам и неосознанным стремлениям, доверие к ней почти не имеет границ и люди, отдавая что-то власти, полагают, что дают это себе.

Сосредоточение административной власти в центре будет

проходить медленнее и труднее там, где правители хоть в чем-то будут придерживаться старых, аристократических порядков, чем там, где новые правители, всем обязанные только самим себе, своими привычками и происхождением, предрассудками и инстинктами неразрывно связаны с идеей равенства. Я не хочу этим сказать, что правители аристократического происхождения во времена демократии не стремятся к централизации власти. Я полагаю, что в этом вопросе они столь же настойчивы, как и все прочие, ибо прекрасно осознают преимущества равенства Однако возможности достижения этой цели у них более ограничены, поскольку граждане менее охотно идут навстречу желаниям правителя-аристократа Отсюда правило: чем менее аристократичен правитель в демократическом обществе, тем выше степень централизации власти.

Когда древняя династия королей правит в аристократическом обществе и естественные предрассудки монарха находятся в полном согласии с предрассудками знати, то свойственные этому обществу пороки развиваются вполне свободно и никто не ищет противоядия от них. Обратное происходит тогда, когда отпрыск какого-либо аристократического рода становится во главе демократического народа Привычки, память, образование постоянно склоняют такого правителя к выражению идей неравенства, в то время как народ в силу своего общественного состояния неустанно приобретает привычки, порождаемые равенством. В таких случаях граждане нередко прибегают к сдерживанию центральной власти не столько из-за ее тиранического характера, сколько в силу ее аристократического происхождения; они твердо отстаивают свою независимость не только потому, что хотят быть свободными, но прежде всего потому, что желают оставаться равными.

Революция, свергающая старую королевскую династию и ставящая во главе демократического общества новых людей, может временно ослабить центральную власть. Однако, сколь бы анархичной ни казалась революция вначале, можно без малейшего сомнения утверждать, что конечным следствием, логическим результатом ее будет расширение и утверждение прерогатив этой самой власти.

Главным и некоторым образом единственным необходимым условием централизации общественной власти является реальная или воображаемая приверженность людей к равенству. Поэтому искусство деспотизма, некогда столь сложное, сейчас упрощается: можно сказать, что оно свелось к следованию голому принципу.

Глава V О ТОМ, ЧТО В СОВРЕМЕННЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВАХ ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ УСИЛИВАЕТСЯ, НЕСМОТРЯ НА НЕУСТОЙЧИВОСТЬ ПОЛОЖЕНИЯ САМИХ ПРАВИТЕЛЕЙ

Поразмыслив над тем, что сказано выше, можно с удивлением и страхом обнаружить, что в Европе все, кажется, способствует неограниченному усилению полномочий центральной власти и ослаблению гражданских прав личности, существование которой становится все менее надежным, прочным и независимым.

Демократические общества Европы обнаруживают те же всеобщие и устойчивые тенденции централизации власти, что и американцы, но, кроме этого, они подвержены еще и многочисленным второстепенным и случайным факторам, которые американцам неизвестны. Создается впечатление, что каждый шаг в сторону равенства все больше приближает эти народы к деспотии.

Достаточно посмотреть вокруг и на самих себя, чтобы в этом убедиться.

На протяжении всей эпохи господства аристократии, которая предшествовала эпохе демократии, европейские монархи утратили или были лишены многих из своих естественных прав. Менее века тому назад в некоторых странах Европы частные лица либо почти независимые гильдии заправляли судопроизводством, набирали и содержали войско, взимали налоги, а нередко сами издавали или толковали законы. Государство вновь повсюду сосредоточило лишь в своих руках эти естественные атрибуты суверенной власти. Во всем, что касается правления, оно не терпит более посредников между собой и гражданами, управляя ими в их повседневных делах. Я далек от того, чтобы порицать подобного рода концентрацию власти, я лишь констатирую ее.

В ту же самую эпоху в Европе существовало множество периферийных органов управления, которые представляли местные интересы и занимались ведением дел на местах. Большинство этих органов самоуправления прекратило существование, оставшиеся же все быстрее теряют свою независимость. По всей Европе исчезли или должны вскоре исчезнуть привилегии дворян, вольности городов и провинциальное самоуправление.

За последние пятьдесят лет Европа прошла через многочисленные революции и контрреволюции, которые все в ней изменили. Однако все эти события схожи в одном: все они подрывали или разрушали власть на местах. Местные

привилегии, которые французская нация сохраняла в покоренных провинциях, были уничтожены усилиями монархов, покоривших самих французов. Эти властители отбросили все новшества, привнесенные революцией, за исключением централизации: это единственное, что они готовы были принять от революции.

Хочу отметить, что различные права, которые уже в наше время были последовательно изъяты у целых классов, корпораций и отдельных граждан, не были положены в основу создания более демократических органов местной власти, а сконцентрировались в руках верховных правителей. Повсюду государство все более и более стремится самостоятельно управлять всеми, даже самыми ничтожными из его граждан, во всех самых незначительных их делах[1].

Почти все благотворительные заведения старой Европы принадлежали частным лицам или корпорациям; сегодня эти заведения в той или иной степени зависят от прави-

[1] Постепенное ослабление индивидуума перед лицом общества можно было бы показать на тысяче примеров. Приведу лишь один, связанный с завещаниями.

В аристократических странах обычно с большим почтением относятся к последней воле человека. У древних народов Европы это отношение принимало чуть ли не формы суеверий: общественное мнение не только ничем не ограничивало умирающего в его желаниях, но и поддерживало каждое из них авторитетом своего могущества, обеспечивая их неуклонное исполнение.

Когда все живущие слабы, волю мертвых почитают меньше. Ее загоняют в узкие рамки закона, и, если она переходит его границы, верховная власть ее аннулирует либо ставит под свой контроль. В средние века право составлять завещание не было ничем ограничено. Сегодня французы не могут без вмешательства государства распределить между своими детьми свое имущество. Командуя французом всю его жизнь, государство желает распоряжаться также его последней волей.

теля, а во многих странах непосредственно управляются им. Государство остается сегодня практически единственным кормильцем голодных, утешителем всех страждущих.

Наряду с благотворительностью в большинстве стран в наши дни государственный характер приняло и образование. Государство получает, а иногда и само отбирает ребенка у матери, чтобы доверить его воспитание своим уполномоченным; оно само формирует чувства и образ мыслей нового поколения. В

образовании, как и во всем ином, царит дух единообразия; разнообразие, как и свобода, исчезает из школы.

Я также не боюсь утверждать, что сегодня почти во всех христианских государствах, как католических, так и протестантских, религия подвержена опасности оказаться в руках правительств. При этом правители не претендуют на то, чтобы самолично проповедовать религиозную догму; они ставят перед собой задачу подчинить своей воле профессиональных проповедников; они лишают духовенство его собственности, определяют размеры заработной платы церковнослужителей и при этом узурпируют в личных интересах их влияние на народные массы. Правители стремятся превратить священника в своего функционера, а часто и в прислужника, с помощью которого можно глубже проникнуть в душу каждого гражданина[2].

Это, однако, лишь одна сторона медали.

Могущество правителя распространяется сегодня не только на всю сферу прежних органов власти; границы этой сферы уже не могут сдержать его власть, и она начинает распространяться на те области, которые ранее всегда были сферой индивидуальных свобод. Множество видов деятельности, которые никогда до этого не контролировались государством, сегодня подпадают под его контроль, при этом число таких видов деятельности постоянно возрастает.

В аристократическом обществе государство непосредственно руководило своими гражданами только тогда, когда их деятельность имела ярко выраженную связь с общенациональными интересами, охотно предоставляя им полную свободу во всех их прочих делах. В те времена правительство как бы не принимало во внимание того факта, что заблуждения и нищета отдельных граждан ставят под сомнение всеобщее благополучие, и поэтому попытка помешать разорению каждого члена общества должна быть делом всеобщим.

Сегодня демократические государства ударились в другую крайность.

Становится очевидным, что многие правители не только хотят управлять всем народом, но считают себя ответственными за дела и судьбы всякого своего подданного, что они готовы вести по жизни каждого из них за руку, а в случае необходимости сделать его счастливым против его воли.

В свою очередь отдельные граждане все чаще рассматривают государственную власть под этим же углом зрения, обращаясь к ней со всеми своими нуждами и воспринимая ее как своего рода руководителя или наставника.

Смею утверждать, что нет ни одной европейской страны, где

правительство, став более централизованным, не взяло бы на себя более мелкие, контролирующие функции: повсюду оно, как никогда прежде, проникает в частную жизнь граждан, по-своему регулирует всё менее значительные виды деятельности, со всех сторон окружая граждан своими заботами, советами и принуждениями.

Раньше правитель жил на доходы с земли или на собранные налоги. Сегодня, когда его потребности возросли пропорционально могуществу, этих средств уже недостаточно. Если прежде в определенных обстоятельствах монарх устанавливал новые налоги, сегодня он вынужден прибегать к займу. Таким образом, государство постепенно становится должником большинства богатых граждан и концентрирует в своих руках огромные богатства.

Незначительные средства граждан привлекаются им иным способом.

По мере того как люди перемешиваются, а условия их существования выравниваются, у бедных появляется все больше средств, знаний и желаний. У них возникает стрем-

[2] С ростом обязанностей центральной власти возрастает и количество функционеров, представляющих эту власть. Они образуют собой нацию в каждой нации и, поскольку правительство обеспечивает прочность их положения, постепенно занимают место аристократии.

Почти повсюду в Европе власть осуществляется двумя способами: во-первых, используя страх, который испытывает часть граждан по отношению к ее функционерам; во-вторых, эксплуатируя стремление граждан самим войти в число этих функционеров.

ление улучшить свою жизнь, и они пытаются добиться этого с помощью сбережений. В свою очередь эти трудовые сбережения приводят к возникновению неисчислимого количества небольших накоплений, которые медленно, но неуклонно растут. Однако, поскольку они остаются разрозненными, большая часть их лежит мертвым грузом. В свою очередь это вызывает появление филантропических учреждений, которые, если я не ошибаюсь, могут в ближайшее время превратиться в один из самых крупных наших политических институтов. Филантропы вознамерились объединить накопления бедных и использовать прибыли с них. В некоторых странах эти благотворительные организации остаются независимыми от государства, однако в большинстве своем они попадают под его контроль, а кое-где эти организации

заменяются правительственными органами. В этих странах государство взвалило на себя тяжкое бремя централизации и извлечения доходов из ежедневных накоплений многих миллионов трудящихся.

Таким образом, через займы государство привлекает деньги состоятельных граждан, а через сберегательные кассы имеет возможность распоряжаться грошами бедняков. Богатства страны стекаются к нему по всем каналам, и в тем больших размерах, чем выше степень равенства граждан, ибо в демократическом обществе лишь государство внушает доверие частным лицам в силу того, что оно представляется обладающим определенной силой и стабильностью[3].

Таким образом, правитель руководит не только государственным бюджетом, но и вторгается в частную собственность; будучи начальником для каждого гражданина, он иногда является также его хозяином, экономом и кассиром.

Ныне центральное правительство не только сосредоточило в своих руках весь круг прежних прерогатив власти; расширяя и преумножая их, оно действует с большей ловкостью, более активно и независимо, чем когда-либо ранее.

За последнее время правительства Европы великолепно усвоили науку администрирования; сегодня они делают значительно больше, в их действиях больше порядка, быстроты и бережливости. Создается впечатление, что они постоянно обогащаются всеми знаниями, заимствованными у своих граждан. С каждым днем правители Европы все более подчиняют себе своих функционеров, изобретая все новые средства, чтобы управлять ими во всех их делах наиболее простыми способами. Для них уже недостаточно руководить всеми делами через своих представителей, сейчас они пытаются наладить контроль за тем, как их представители ведут эти дела. Таким образом, государственная администрация не только подчиняется сегодня одной власти, она все более концентрируется в одном месте и в одних руках. Правительство централизует свою деятельность, расширяя при этом свои прерогативы: это удваивает его силу.

Когда изучаешь организацию судебной власти, некогда существовавшей в большинстве европейских стран, поражают две вещи: независимость этой власти и пределы ее компетенции.

Суды решали не только все тяжбы между отдельными гражданами, но очень часто служили арбитром в споре между гражданами и государством.

Я говорю здесь не о прерогативах политического и административного характера, которые были узурпированы судами в некоторых странах, но лишь о тех судебных

полномочиях, которые повсеместно принадлежали судам. Во всех странах Европы существовали и существуют до сих пор многочисленные права личности. Большинство их было связано с более общим правом собственности, реализация которого регулировалась судом и без чьего разрешения государство не могло нарушить данный закон.

Эта наполовину политическая власть принципиальным образом отличала европейский суд от всех прочих, ибо у всех народов есть судьи, но не все народы предоставляют им такие полномочия.

Если посмотреть, что происходит сейчас в демократических государствах Европы, которые считаются свободными, а также и в других странах, мы увидим, что повсюду наряду с этими судами возникают другие, более зависимые, предназначенные исключительно для решения тех спорных вопросов, которые могут возникнуть между властью и

[3] Сегодня в народе возрастает стремление к благосостоянию, и правительство все более подчиняет себе источники этого благосостояния. Поэтому люди двумя разными путями идут к своему порабощению: склонность к благосостоянию, с одной стороны, порождает в них нежелание участвовать в управлении и, с другой стороны, ставит их во все более зависимое положение от правителей.

гражданами. Независимость прежней судебной власти сохраняют, но при этом сужают ее юрисдикцию в попытках превратить ее в арбитра лишь по частным делам.

Количество судов нового типа постоянно возрастает, и их полномочия расширяются. Следовательно, правительство все более уверенно избавляет себя от обязанности добиваться одобрения другой властью его юли и прав. Не имея возможности обойтись без судей, оно хотело бы по крайней мере выбирать их себе и держать постоянно в руках. Другими словами, между собой и гражданами страны правительство хотело бы поместить вместо самого правосудия лишь его призрак.

Следовательно, государству уже недостаточно монополии на рассмотрение всех судебных дел; оно все чаще и чаще бесконтрольно и без права обжалования приговора само принимает решения по всем этим делам [4].

У народов современной Европы есть еще одна причина, которая независимо от всех уже перечисленных выше способствует постоянному расширению сферы деятельности верховной власти и ее прерогатив и которой ранее не особенно

опасались. Причина эта— развитие промышленности, которому способствует прогресс равенства.

Промышленное производство обычно приводит к скоплению людских масс в одном месте и устанавливает между ними новые, сложные отношения. Оно ставит эти массы перед величайшим и часто внезапным выбором между изобилием и нищетой, во время которого общественное спокойствие оказывается под угрозой. Наконец, промышленный труд подрывает здоровье, а иногда угрожает самой жизни занятых им людей. Поэтому класс промышленных рабочих требует большей регламентации, контроля и сдерживания, нежели другие классы. И вполне естественно, что с ростом промышленного производства возрастают и полномочия правительства.

Истина эта универсальна, однако есть некоторые особенности, приложимые именно к странам Европы.

В течение предшествовавших столетий аристократия владела землей и была в состоянии защитить ее. Права собственности на землю, следовательно, были гарантированы, и владельцы недвижимости пользовались большой независимостью. Такое положение обусловило появление соответствующих законов и обычаев, которые живы до сих пор, несмотря на частые разделы земли и разорение дворянства И сегодня землевладельцы и земледельцы в отличие от прочих граждан с большей легкостью уходят из-под контроля государственной власти.

В эти же самые века господства аристократии, откуда берет начало наша история, движимое имущество мало что значило, а владельцы его были слабы и презираемы. Промышленники же составляли некий особый класс в чужеродной среде аристократического мира, и, поскольку у них не было постоянного покровительства, они не были защищены и часто не могли защитить себя сами.

Таким образом, стало привычным относиться к средствам промышленного производства как к имуществу особого рода, которое не заслуживало того почета и которое не должно было обладать теми же гарантиями, что и собственность вообще. На промышленников смотрели как на небольшой класс, не относящийся непосредственно к социальному устройству, независимость которого мало что значила, ибо она становилась постоянной жертвой страсти правителей ко всякого рода регламентациям. В самом деле, если внимательно изучить средневековые законы, то можно с удивлением обнаружить, что в эти времена личной независимости короли всячески регламентировали промышленную деятельность, вплоть до мельчайших деталей. И в этом отношении централизация была

предельно активной и всеобъемлющей.

С того времени в мире произошла великая революция; частная собственность на средства производства, пребывавшая некогда в зачаточном состоянии, развилась и завоевала всю Европу. Класс людей, занятых промышленностью, значительно вырос, вобрав в себя остатки других классов; он вырос не только численно, но и в своей значимости, в богатстве. Он постоянно растет, и даже те, кто не принадлежит к нему, так или иначе с ним связаны. Будучи в свое время особым классом, он сейчас грозит превратиться в ос-

[4] В свази с этим во Франции прибегают к довольно странному софизму. Как только возникает судебный процесс между администрацией и частным лицом, обычному судье в руководстве им отказывают, чтобы якобы не смешивать две власти: административную и юридическую. Можно подумать, что облечение правительства правом судить и управлять одновременно не есть смешение этих двух властей, причем смешение в высшей степени пагубное и наиболее тираническое.

новной, если не единственный класс общества Тем временем политические воззрения и обычаи, некогда порожденные им, продолжают жить. Эти воззрения и обычаи никоим образом не изменились, во-первых, потому, что они стары, а во-вторых, потому, что полностью соответствуют новым идеям и общепринятым сегодня обычаям.

Заняв более весомое место в обществе, собственность на средства производства тем не менее не прибавила себе прав. Став более многочисленным, класс производителей не стал менее зависимым, напротив, создается впечатление, что он приносит с собой деспотизм, естественным образом усиливающийся по мере его развития[5].

По мере роста индустриализации в обществе возникает необходимость в строительстве дорог, каналов, портов, осуществлении других работ, имеющих определенное общественное значение и способствующих росту благосостояния. Однако чем демократичнее страна, тем труднее отдельным гражданам выполнять подобного рода работы и, напротив, тем проще заниматься ими государству. Берусь утверждать, что сегодня большинство правителей обнаруживают явное стремление самостоятельно заниматься подобного рода делами и этим еще более подчиняют себе жителей своих стран.

С другой стороны, по мере того как государство становится более могущественным и расходы его возрастают, оно само

начинает потреблять во все больших размерах промышленную продукцию, производимую на его заводах и мануфактурах. Таким образом, в каждом королевстве монарх становится самым крупным промышленником; он приглашает к себе и содержит на службе самое большое количество инженеров, архитекторов, механиков, ремесленников.

Но он не только первый из промышленников, он стремится к тому, чтобы стать патроном, а точнее, хозяином всех прочих промышленников.

Поскольку граждане, приобретая равенство, становятся менее могущественными, они вынуждены объединяться, чтобы заниматься промышленной деятельностью. Государственная же власть, естественно, стремится к тому, чтобы поставить эти объединения под свой контроль.

Нужно признать, что эти коллективные образования, называемые ассоциациями, представляют собой более грозную силу, чем частное лицо, и при этом несут меньшую ответственность за свои дела. Поэтому государственная власть вполне резонно предоставляет им меньшую независимость, нежели частным лицам.

Правители тем охотнее поступают таким образом, чем более это соответствует их собственным склонностям. У демократических народов оказать гражданское сопротивление центральной власти возможно лишь через ассоциации. Понятно, что власти воспринимают эти ассоциации без особого восторга, ибо не могут их контролировать. При этом следует отметить, что часто и сами граждане воспринимают их со скрытым чувством страха и зависти, которые мешают им защищать эти общества. Стойкость и продолжительность существования этих небольших объединений частных лиц среди всеобщего бессилия и нестабильности удивляет и беспокоит граждан; им уже начинает казаться, что свобода действий, являющаяся естественным атрибутом существования этих ассоциаций, есть некая опасная привилегия.

[5]Хочу подкрепить этот тезис некоторыми фактами. Природные источники индустриального изобилия находятся в шахтах. Поэтому, как только в Европе выросло индустриальное производство, продукция шахт стала привлекать к себе всеобщий интерес. Эксплуатация же шахт ухудшилась в связи с имущественными разделами, ставшими возможными благодаря равенству. Тогда правители истребовали себе право на владение содержимым шахт и на контроль за их эксплуатацией. Никогда раньше ничего подобного не происходило в отношении других видов собственности.

Таким образом, шахты, которые всегда были частной собственностью и как таковые подпадали под те же обязательства и пользовались теми же гарантиями, что и другие виды недвижимости, стали объектом общественного интереса. Сегодня государство их эксплуатирует или сдает в концессию, их владельцы превратились в лиц, имеющих право пользоваться шахтами как чужой собственностью, причем это право регулируется государством. Кроме того, государство почти повсюду настаивает на праве руководить ими, регламентирует их деятельность, заставляя их работать так, как оно считает нужным, подвергает их постоянному контролю. Если же бывшие хозяева шахт оказывают сопротивление, государство через административный суд экспроприирует у них шахты и передает право на них другим лицам. Таким образом государство держит в своих руках не только шахты, но и шахтеров.

По мере развития промышленности возрастает и эксплуатация старых шахт, кроме того, открываются новые. Население шахтерских городков постоянно растет. Каждый день правительства расширяют свои владения у нас под носом, заселяя их своими слугами.

493

Впрочем, все эти ассоциации, рождающиеся сегодня, можно сравнить с людьми, права которых не закреплены временем и которые появляются в эпоху, когда слабо развито представление о правах отдельных граждан и когда государственная власть не имеет границ. Неудивительно, что ассоциации теряют свою свободу, не успев родиться.

Во всех европейских странах существуют определенные категории ассоциаций, образование которых возможно лишь после того, как государство рассмотрит их статус и даст разрешение на их деятельность. Во многих странах предпринимались попытки распространить это правило на все виды ассоциаций. Легко себе представить, что могло бы произойти в случае успеха данного предприятия.

Дело в том, что, как только верховная власть добьется общего права разрешать деятельность всех типов ассоциаций лишь на определенных условиях, она тотчас же потребует права контролировать эти общества и управлять ими, с тем чтобы они в своей деятельности не нарушали этих условий. Таким образом, государство, подчиняя себе тех, кто хотел бы объединиться в ассоциации, стремится поставить в зависимость от себя и тех, кто уже является членом ассоциации, то есть практически всех людей, живущих в наше время.

Правители узурпируют и приспосабливают в собственных интересах все большую часть той новой силы, которая сейчас создается в мире промышленным производством. Промышленность управляет нами, а они руководят промышленностью.

Я придаю такое значение сказанному выше потому, что испытываю опасение, как бы в стремлении лучше выразить свою мысль я не исказил ее.

Если же читатель найдет, что примеры, приведенные мной в подтверждение моих слов, недостаточно убедительны либо плохо подобраны, если он считает, что я в чемто преувеличиваю степень усиления государственной власти и, напротив, сверх меры сужаю ту сферу, где существует еще индивидуальная свобода, то я прошу его отложить на время эту книгу и самому рассмотреть все те предметы, о которых шла речь. Пусть он внимательно изучит то, что ежедневно происходит с нами и вне нас, пусть расспросит своих соседей, пусть, наконец, внимательно понаблюдает за самим собой. Уверен, что он без проводника придет — другими, правда, путями — к тем же самым выводам, что и я.

Он заметит, что в течение минувших пятидесяти лет централизация повсюду усиливалась самыми разнообразными способами. Войны, революции, завоевания — все способствовало ее росту. Все граждане работали на централизацию. За этот период времени мы видели во главе всевозможных начинаний различных людей, которые менялись с поразительной быстротой; их мысли, интересы, страсти были бесконечно разнообразны, однако все они в той или иной степени тяготели к централизации. Инстинкт централизации был единственным устойчивым началом в атмосфере удивительной изменчивости образа жизни и мыслей людей.

И вот когда читатель вникнет во все детали этих дел людских и пожелает объединить их в единую картину, он будет поражен.

С одной стороны, подорваны или разрушены мощные династии, повсюду народы ведут отчаянную борьбу с установленными ими законами, уничтожая либо ограничивая власть своих сеньоров и государей. Все народы, не совершившие пока революции, содрогаются от нетерпения, ибо их воодушевляет тот же дух восстания. И с другой стороны, в это же самое анархическое время, у этих же непокорных народов государство постоянно расширяет свои прерогативы, становится более централизованным, предприимчивым, абсолютным и всемогущим. Граждане находятся под неусыпным надзором правительственных учреждений. Каждый день незаметно для себя они жертвуют государству новую частицу своей личной свободы.

Эти люди, которые время от времени опрокидывают троны и попирают королей, — эти люди все легче и легче, не оказывая никакого сопротивления, подчиняются первому желанию любого государственного служащего.

Таким образом, создается впечатление, что сегодня происходят две разнонаправленные революции: одна постоянно ослабляет власть, другая ее неустанно усиливает. Никогда ранее власть не представлялась нам ни столь слабой, ни столь сильной.

Однако анализ состояния дел в мире показывает, что эти две революции тесно взаимосвязаны, что у них общий источник и что, осуществляясь по-разному, они ведут людей к одной цели.

494

Рискну в последний раз повторить то, что я уже неоднократно отмечал в разных местах своей книги: ни в коем случае нельзя путать сам факт равенства с революцией, в результате которой равенство вводится в общественную жизнь и в законы: именно здесь находятся причины всех наших недоумений.

Все бывшие политические режимы, как наиболее могущественные, так и самые ничтожные, были сформированы во времена аристократии и поэтому представляли и защищали, в большей или меньшей степени, принцип неравенства и привилегий. Чтобы сегодня в правительстве восторжествовали новые потребности, отвечающие интересам возрастающего равенства, нашим современникам пришлось либо свергнуть старые режимы, либо принудить их изменить намерения. Это привело людей к революциям, которые в свою очередь привили им вкус к кровавым беспорядкам и самостоятельности, порождаемым любой революцией, какую бы цель она ни преследовала.

Я не знаю ни одной страны в Европе, где бы развитию равенства не предшествовали либо не следовали за ним резкие изменения в положении собственности и личности. И почти всегда эти изменения сопровождались взрывами анархии и распущенностью нравов, поскольку происходили они в борьбе наименее культурной части общества с частью, наиболее приобщенной к культуре.

Именно здесь истоки двух прямо противоположных революционных традиций, о которых речь шла выше. Пока демократическая революция была в разгаре, люди, занятые разрушением старой, аристократической власти, сопротивлявшейся революции, были воодушевлены великой идеей независимости. Но по мере того, как равенство становилось все более полным, они понемногу стали уступать тем

естественным инстинктам, которые это равенство порождает, что способствовало усилению и централизации государственной власти. Они хотели быть свободными, чтобы стать равными, и, по мере того как равенство укреплялось с помощью свободы, оно делало эту свободу все менее доступной.

Эти два состояния не всегда следовали одно за другим. Наши отцы показали, как народ может создать режим безмерной тирании именно тогда, когда он выходит из-под власти аристократов и бросает вызов всем монархам. Этим же они показали всему миру, каким образом можно одновременно добиться независимости и потерять ее.

Сегодня люди видят, что повсюду рушатся старые режимы, они видят, как исчезают старые авторитеты, падают старые перегородки; все это смущает умы даже самых мудрых людей, которые, не видя ничего, кроме могучей революции, разворачивающейся перед их глазами, убеждены, что человечество вступает в эпоху анархии. Если бы они задумались над тем, к чему должна в конечном счете привести эта революция, они, вероятнее всего, испытывали бы другие опасения.

Что касается меня, то я, признаюсь, не доверяю идее свободы, которая столь вдохновляет моих современников; я хорошо вижу, что народы ведут себя сегодня очень беспокойно, однако я не вижу, чтобы они стали более свободолюбивыми. Поэтому я опасаюсь, как бы по окончании всей этой смуты, которая покачнула троны, правители не стали более могущественными, чем когда-либо ранее.

Глава VI КАКОГО ДЕСПОТИЗМА СЛЕДУЕТ ОПАСАТЬСЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ НАРОДАМ

Во время своего пребывания в Соединенных Штатах я заметил, что демократическое общественное устройство, подобное американскому, предоставляет редкие возможности для установления деспотизма, а вернувшись в Европу, я увидел, что многие наши правители уже воспользовались идеями, чувствами и потребностями, порождаемыми этим общественным устройством, чтобы расширить границы своей власти.

Это привело меня к мысли о том, что христианские народы могут в конце концов испытать те же притеснения, каким некогда подвергались многие древние народы.

Более детальный анализ этого вопроса и пять лет новых

раздумий не уменьшили моих опасений, изменив, однако, их причину.

В прежние времена ни один монарх, какой бы всемогущей и абсолютной ни была его власть, не взялся бы единолично, без помощи промежуточных органов власти управлять всеми частями большой империи. Никто не пытался заставить всех подданных без разбору скрупулезно выполнять единые законы, никто не пытался руководить каждым человеком во всех его делах. Людям никогда и в голову не приходила возможность подобной затеи. Но если бы кто-то и задумал осуществить нечто подобное, он был бы вынужден вскоре отказаться от реализации столь обширного замысла в силу недостатка просвещенных людей, несовершенства административных структур и прежде всего наличия естественных преград, вызываемых неравенством условий существования людей.

Мы знаем, что во времена наивысшего могущества цезарей различные народы, населявшие Римскую империю, сохраняли свои разнообразные нравы и обычаи; подчиняясь единому монарху, большинство провинций тем не менее имели собственные органы управления; в них были сильные и деятельные муниципалитеты, и, хотя вся полнота власти в империи была сосредоточена в руках одного императора и он в случае необходимости мог решать любые дела, подробности общественной и личной жизни частных лиц обычно уходили из-под его контроля.

Действительно, императоры обладали огромной и никем не ограничиваемой властью, которая позволяла им свободно предаваться своим, часто странным порокам, пользуясь для их удовлетворения мощью всего государства. Злоупотребляя властью, они часто незаконным путем лишали того или иного гражданина имущества или жизни, их тирания тяжелым бременем ложилась на отдельных лиц. Однако она не могла распространяться на слишком большое их число. В качестве объекта тирании выбирались некоторые наиболее важные персоны, остальные игнорировались; тирания была свирепой, но ограниченной.

Мне кажется, что, установись сейчас деспотизм в демократических обществах, он имел бы другой характер: он был бы менее жестоким, но более всеобъемлющим, и, принижая людей, он не подвергал бы их мучениям*.

Я не сомневаюсь, что в такое просвещенное и эгалитарное время, как наше, монархи могли бы легко объединить в своих руках всю государственную власть, более свободно и глубоко вникая в круг частных интересов граждан, чего никогда не могли

себе позволить владыки древнего мира. Однако это же самое равенство, которое способствует установлению деспотизма, одновременно смягчает его. Мы уже знаем, что по мере того, как люди становятся более похожими друг на друга и равными, общественные нравы смягчаются и принимают более гуманный характер. Когда никто из граждан не выделяется ни особой властью, ни богатством, тираническая власть как бы лишается своей притягательности и церемониальности. Когда все состояния усреднены, страсти людей оказываются умеренными, фантазии — подавленными, удовольствия — простыми. Эта всеобщая умеренность делает умеренным и самого правителя, ограничивая его желания определенными рамками.

К этим доводам, почерпнутым мной из самой природы человеческого общества, я мог бы добавить и множество других, не относящихся прямо к обсуждаемой нами теме, но мне не хотелось бы выходить за мною самим положенные пределы.

Демократические правительства могут быть жестокими и коварными в моменты массовых народных волнений и большой опасности, но эти кризисы будут редкими и кратковременными.

Когда я думаю о мелочности интересов наших современников, мягкости их нравов, о широте их познаний, о чистоте их веры и кротости их морали, об их аккуратности и трудолюбии, о воздержанности, которую они проявляют и в пороке и в добродетели, я думаю, что правители их будут не столько тиранами, сколько их наставниками.

Поэтому я считаю, что та форма угнетения, которая угрожает демократическим народам, ни в чем не будет напоминать то, что было раньше; мои современники не смогут найти ей аналогов в своей памяти. Я сам тщетно ищу определение, которое бы точно выражало идею этого угнетения в том виде, как я ее себе сформулировал: старые слова «деспотизм» и «тирания» не подходят. Явление это новое, и поэтому его необходимо хотя бы определить, если мы не можем дать ему название.

496

Я хочу представить себе, в каких новых формах в нашем мире будет развиваться деспотизм. Я вижу неисчислимые толпы равных и похожих друг на друга людей, которые тратят свою жизнь в неустанных поисках маленьких и пошлых радостей, заполняющих их души. Каждый из них, взятый в отдельности, безразличен к судьбе всех прочих: его дети и наиболее близкие из друзей и составляют для него весь род людской. Что же касается других сограждан, то он находится рядом с ними, но не видит их; он задевает их, но не ощущает; он существует лишь сам по себе и

только для себя. И если у него еще сохраняется семья, то уже можно по крайней мере сказать, что отечества у него нет.

Над всеми этими толпами возвышается гигантская охранительная власть, обеспечивающая всех удовольствиями и следящая за судьбой каждого в толпе. Власть эта абсолютна, дотошна, справедлива, предусмотрительна и ласкова Ее можно было бы сравнить с родительским влиянием, если бы ее задачей, подобно родительской, была подготовка человека к взрослой жизни. Между тем власть эта, напротив, стремится к тому, чтобы сохранить людей в их младенческом состоянии; она желала бы, чтобы граждане получали удовольствия и чтобы не думали ни о чем другом. Она охотно работает для общего блага, но при этом желает быть единственным уполномоченным и арбитром; она заботится о безопасности граждан, предусматривает и обеспечивает их потребности, облегчает им получение удовольствий, берет на себя руководство их основными делами, управляет их промышленностью, регулирует права наследования и занимается дележом их наследства. Отчего бы ей совсем не лишить их беспокойной необходимости мыслить и жить на этом свете?

Именно таким образом эта власть делает все менее полезным и редким обращение к свободе выбора, она постоянно сужает сферу действия человеческой воли, постепенно лишая каждого отдельного гражданина возможности пользоваться всеми своими способностями. Равенство полностью подготовило людей к подобному положению вещей: оно научило мириться с ним, а иногда даже воспринимать его как некое благо.

После того как все граждане поочередно пройдут через крепкие объятия правителя и он вылепит из них то, что ему необходимо, он простирает свои могучие длани на общество в целом. Он покрывает его сетью мелких, витиеватых, единообразных законов, которые мешают наиболее оригинальным умам и крепким душам вознестись над толпой. Он не сокрушает волю людей, но размягчает ее, сгибает и направляет; он редко побуждает к действию, но постоянно сопротивляется тому, чтобы кто-то действовал по своей инициативе; он ничего не разрушает, но препятствует рождению нового; он не тиранит, но мешает, подавляет, нервирует, гасит, оглупляет и превращает в конце концов весь народ в стадо пугливых и трудолюбивых животных, пастырем которых выступает правительство.

Я всегда был уверен, что подобная форма рабства, тихая, размеренная и мирная, картину которой я только что изобразил, могла бы сочетаться, хоть это и трудно себе представить, с

некоторыми внешними атрибутами свободы и что она вполне может установиться даже в тени народной власти.

Наших современников постоянно преследуют два враждующих между собой чувства: они испытывают необходимость в том, чтобы ими руководили, и одновременно желание остаться свободными. Будучи не в состоянии побороть ни один из этих противоречивых инстинктов, граждане пытаются удовлетворить их оба сразу. Они хотели бы иметь власть единую, охранительную и всемогущую, но избранную ими самими. Они хотели бы сочетать централизацию с властью народа Это бы их как-то умиротворило. Находясь под опекой, они успокаивают себя тем, что опекунов своих они избрали сами. Каждый отдельный гражданин согласен быть прикованным к цепи, если он видит, что конец этой цепи находится в руках не одного человека и даже не целого класса, а всего народа

При такой системе граждане выходят из зависимости лишь на момент избрания своего хозяина, а затем вновь попадают в нее.

Сегодня многие легко приспособились к подобному компромиссу между административным деспотизмом и властью народа, считая достоверной гарантией свободы личности тот факт, что забота о ней передана государственной власти. Меня же это совсем не удовлетворяет. Личность хозяина важна для меня в значительно меньшей степени, чем необходимость послушания.

Впрочем, я не буду отрицать, что подобная система бесконечно предпочтительнее той, которая, собрав вместе все властные полномочия, передала бы их в руки одного безответственного лица либо группы подобных лиц. Из всех различных форм, какие может принять демократический деспотизм, эта была бы, бесспорно, наихудшей.

Когда правитель избирается народом или находится под контролем действительно выборного и независимого парламента, давление, оказываемое им на индивидуумы, часто бывает более значительным, однако оно в любом случае менее унизительно для них, ибо каждый гражданин, когда его стесняют и приводят в состояние беспомощности, еще может решить, что это его подчинение — уступка самому себе и что он приносит в жертву одному из своих желаний все остальные.

Я также признаю, что верховная власть, представляющая всю нацию и зависимая от ее воли, использует все изъятые ею у каждого гражданина права и полномочия не только в интересах главы государства, но и для блага самого государства, вознаграждая таким образом частные лица за принесенную ими

во имя общества жертву личной независимости. Создание народного представительства в стране с сильно централизованной властью означает уменьшение, но не устранение зла, которое сверхцентрализация может принести.

Я хорошо понимаю, что таким образом сохраняется возможность личного вмешательства граждан в наиболее важные государственные дела, но при этом она устраняется при решении мелких и частных вопросов. Однако не следует забывать, что наиболее опасно закрепощать людей именно в мелочах. Со своей стороны я был бы склонен считать, что свобода менее необходима в больших делах, чем в мелочах, если бы я был уверен, что одно можно отделить от другого.

Необходимость подчиняться в мелких делах ощущается каждодневно всеми без исключения гражданами. Она не приводит их в отчаяние, однако постоянно стесняет и заставляет то и дело отказываться от проявления своей воли. Она заглушает их рассудок и возмущает душу, в то время как послушание, необходимое лишь в наиболее сложных, но редких случаях, приводит к рабству далеко не всегда, да и не всех. Бесполезно предоставлять тем самым гражданам, которых вы сделали столь зависимыми от центральной власти, возможность время от времени выбирать представителей этой власти: этот обычай, столь важный, но столь редкий и кратковременный, при котором граждане реализуют свободу выбора, не спасает их от дальнейшей деградации, когда они утрачивают способность чувствовать и действовать самостоятельно, постепенно утрачивая свое человеческое достоинство.

Добавлю еще, что скоро они станут неспособны реализовывать и эту свою единственную, оставшуюся у них большую привилегию. Демократические народы, которые ввели свободу в сферу политики, усилив при этом деспотизм в сфере исполнительной власти, пришли к вещам очень странным. Так, они полагают, что граждане неспособны сами вести мелкие дела в соответствии с простым здравым смыслом. Когда же речь идет об управлении целым государством, то этим гражданам они готовы доверить необъятную власть. Люди поочередно становятся то игрушками в руках правителя, то его повелителями, то больше,чем королями, то меньше, чем простыми смертными. Испробовав всевозможные избирательные системы и не найдя ни одной, которая их бы устроила, они удивляются и ищут новые, будто бы зло, которое они видят вокруг, исходит только от конституции страны, а вовсе не от самих избирателей.

И в самом деле, трудно представить себе, каким образом люди, полностью отказавшиеся от привычки самим управлять

своими делами, могли бы успешно выбирать тех, кто должен ими руководить. Потому и невозможно поверить, что в результате голосования народа, обладающего лакейскими наклонностями, может быть образовано мудрое, энергичное и либеральное правительство.

Конституция, республиканская в своей преамбуле и ультрамонархическая в остальном, всегда казалась мне неким недолговечным монстром. Пороки правителей и глупость управляемых должны очень быстро ее разрушить, и тогда народ, уставший от своих представителей и от себя самого, либо создаст более свободные политические институты, либо вновь послушно ляжет у ног одного хозяина*.

Глава VII В ПРОДОЛЖЕНИЕ ТОГО, О ЧЕМ ГОВОРИЛОСЬ В ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВАХ

Я считаю, что легче установить абсолютное и деспотическое правление в той стране, где условия существования людей равны, чем там, где этого нет, и я думаю, что, если подобное правление будет там установлено, оно не только будет угнетать граждан этой страны, но надолго лишит каждого из них многих главных человеческих достоинств.

Поэтому я полагаю, что именно в эпоху демократии более всего нужно опасаться деспотизма.

Я думаю, что свобода импонировала бы мне во все времена, однако сегодня я испытываю к ней особое почтение.

С другой стороны, я уверен, что те, кто в будущем попытается прийти к власти, опираясь на аристократию с ее привилегиями, ничего не добьются. Ничего не добьются и все те, кто захочет сконцентрировать и сохранить власть в руках одного класса. Сегодня нет правителя, который был бы достаточно сильным и умелым, чтобы установить деспотию путем поддержания постоянных различий между подданными. Нет сегодня и законодателя, столь мудрого и могущественного, чтобы он был в состоянии поддерживать свободные учреждения, не опираясь при этом на свободу как на главный принцип и как на символ. Поэтому тем нашим современникам, кто борется за независимость и достоинство себе подобных, необходимо проявлять себя поборниками равенства, а единственный способ убедить в этом людей—стать им равными: от этого зависит успех их святого дела.

Таким образом, речь идет не о том, чтобы восстановить

аристократическое общество, но сделать так, чтобы свобода родилась в том демократическом обществе, в котором нам завещано жить Богом.

Эти две аксиомы кажутся мне простыми, ясными и плодотворными, и они естественным образом подводят к размышлениям о том, каким может быть свободное правительство у народа, создавшего равные условия существования людей.

Само общественное устройство демократических народов и их потребности требуют, чтобы власть их правителя была более единообразной, централизованной, обширной, всепроникающей и более сильной, чем у всех прочих народов. Общество здесь, естественно, обладает большей активностью и силой, а индивидуум более зависим и слаб: когда первое делает больше, то второй должен делать меньше, это неизбежно.

Поэтому не нужно надеяться на то, что в демократических странах сфера личной независимости станет когда-нибудь столь же широкой, как в аристократических государствах. Да и нет необходимости к этому стремиться, ибо у аристократических народов общество часто приносится в жертву одному человеку, а благосостояние большого числа людей — величию немногих.

Одновременно необходимо и желательно, чтобы центральная власть, управляющая демократическим народом, была сильной и активной. Ни в коем случае нельзя ее ослаблять, делать вялой, но при этом необходимо препятствовать злоупотреблению с ее стороны своей ловкостью и силой.

В эпоху господства аристократии независимость частных лиц обеспечивалась тем, что монарх не один руководил и управлял своими подданными, он вынужден был делиться своей властью с аристократией, так что государственная власть, находившаяся в разных руках, не давила всей своей тяжестью на каждого человека.

Монарх не только не занимался всем единолично, но большинство замещавших его служащих получали власть не от него, а по наследству, и потому они не были постоянно у него в кулаке. Он не мог в любой момент назначать или увольнять их по своему капризу, подчинять всех без разбора малейшим своим прихотям. Это также гарантировало независимость частных лиц.

Я хорошо понимаю, что сегодня уже невозможно прибегать к этим же средствам, но я вижу демократические методы, которые могли бы их заменить.

Вместо того чтобы передавать правителю всю власть, отобранную у корпораций или у дворян, часть ее можно доверить временно сформированным из простых граждан промежуточным органам управления. Тогда свобода частных лиц будет более

надежно защищена, при этом не пострадает и их равенство.

499

Американцы, не столь привередливые, как мы, в словах, сохранили названия графств для большинства своих административных округов, но при этом они частично заменили управление графств провинциальными ассамблеями.

Я полностью согласен с тем, что в эпоху равенства было бы неразумно и несправедливо создавать институт наследственных функционеров, однако ничто не мешает заменить их в какой-то мере выборными служащими. Выборы — это демократическое средство, позволяющее функционеру сохранять независимость перед лицом центральной власти в той же или даже в большей степени, чем это позволяло наследственное право в аристократическом обществе.

В аристократических странах проживает огромное количество богатых и влиятельных граждан, которые могут обходиться своими собственными силами и средствами и которых нелегко притеснять, тем более тайно. Именно благодаря им верховная власть проявляет общую умеренность и сдержанность.

В демократических странах подобного рода индивидуумов, конечно же, нет, но там можно создать нечто сходное искусственным образом.

Я твердо уверен, что вновь создать аристократию невозможно, но я думаю, что частные лица, вступая в ассоциации, могут создавать очень богатые, очень влиятельные и очень сильные организации, одним словом, организации, равные аристократическим магнатам.

Таким способом можно было бы достичь многих самых важных политических преимуществ аристократии, избегнув ее опасных недостатков. Политическая, промышленная, коммерческая и даже научная или литературная ассоциация всегда будет действовать как образованный и могущественный подданный, которого нельзя ни согнуть по своему желанию, ни притеснять втихомолку и который, отстаивая свои собственные права перед лицом власти, спасает всеобщие свободы.

Во времена аристократии каждый человек тесно связан со многими своими согражданами, так что в случае опасности эти сограждане всегда приходят ему на помощь. В эпоху равенства каждый индивидуум естественным образом изолирован: у него нет ни кровных друзей, у которых он мог бы попросить поддержки, нет класса, который мог бы проявить к нему свою симпатию; человека можно легко изолировать, растоптав его права В наше время у угнетенного гражданина есть лишь один

способ защиты — это апелляция ко всему народу либо, если народ остается глух, обращение ко всему человечеству. А единственное средство защиты — это пресса. Поэтому для демократического народа свобода прессы бесконечно дороже, чем для любого другого; она одна способна лечить большее число тех болезней, которые может породить равенство. Оно изолирует и ослабляет людей, но пресса стоит рядом с каждым как мощное оружие, которым может воспользоваться самый одинокий и самый слабый из них. Равенство лишает каждого индивидуума поддержки своих близких, однако пресса дает ему возможность призвать на помощь всех своих сограждан, всех людей. Печатный станок способствовал прогрессу равенства, он же остается лучшим средством исправления его недостатков.

Я думаю, что люди в аристократическом обществе могут еще обходиться без свободы печати, но те, кто живет в демократическом обществе, обойтись без нее уже не могут. Гарантию их личной независимости я не могу доверить ни высоким политическим ассамблеям, ни власти парламента, ни провозглашенной власти народа.

Все эти вещи до определенного момента могут сосуществовать с индивидуальным рабством, но это рабство никогда не будет абсолютным при свободной прессе. Пресса в первую очередь является демократическим орудием свободы.

Аналогичные соображения можно высказать и по поводу судебной власти.

Судебная власть самой сутью своей направлена на защиту интересов частных лиц, поэтому она охотно обращает свое внимание на предметы весьма заурядные. Кроме того, этой власти не свойственно самой приходить на помощь всем угнетаемым, но она всегда рядом с теми из них, кто наиболее обездолен. Этот последний, каким бы слабым мы его себе ни представляли, всегда может заставить судью выслушать его жалобу и дать на нее ответ: это обусловлено самой спецификой судебной власти.

Подобная власть приобретает особое значение в деле защиты свободы тогда, когда правитель постоянно вмешивается во все сферы человеческой деятельности и когда частные лица слишком слабы, чтобы защитить себя, и слишком изолированны, чтобы рас-

считывать на помощь себе подобных. Авторитет суда во все времена был самой серьезной гарантией личной независимости, но в эпоху демократии это особенно актуально, поскольку права и

интересы частных лиц здесь всегда подвержены опасности, если судебная власть не усиливается и не расширяет своих границ по мере выравнивания условий жизни.

Равенство развивает в людях многочисленные чрезвычайно опасные для свободы наклонности, на которые у законодателя всегда должны быть открыты глаза. Напомню лишь об основных.

Люди, живущие в демократическом обществе, с трудом понимают пользу формальностей; они испытывают к ним инстинктивное презрение. Ранее я уже говорил о причинах этого явления. Формальности вызывают в людях не только чувство презрения, но часто и ненависть. Поскольку люди обычно тянутся к легким и доступным радостям, они неудержимы в стремлении к предметам любого своего желания, и самые незначительные задержки приводят их в отчаяние. Эти нравы, перенесенные в сферу политической жизни, настраивают людей против формальностей, которые ежедневно мешают им либо затягивают исполнение какого-либо их замысла.

Между тем неудобства, с которыми люди в демократических странах связывают формальности, в высшей степени полезны для свободы. Их главное достоинство в том, что они служат барьером между сильным и слабым, управляющим и управляемым, дают возможность придержать одних и дать время освоиться другим. Необходимость в формальностях возрастает по мере того, как правитель становится более деятельным и могущественным, а подданные его все более апатичными и немощными. Таким образом, демократические народы по своей природе в большей степени, чем все прочие, нуждаются в формализме, но, что также естественно, они его менее всего уважают. Это положение заслуживает самого серьезного внимания.

Нет ничего печальнее, чем высокомерное презрение, которое проявляют большинство наших соотечественников к вопросам формы. Дело в том, что сегодня самые мелкие формальности приобретают значение, которого они раньше не имели; с ними связаны многие из самых больших интересов человечества.

Я считаю, что если государственные люди, жившие в века аристократии, могли подчас безнаказанно презирать формальности, быть выше их, то сегодняшние руководители должны самым уважительным образом относиться к самой незначительной формальности и обходиться без нее лишь в крайнем случае. В аристократиях к формальностям относились с суеверным страхом; нам необходимо возвести их в просвещенный культ.

Другим абсолютно естественным и очень опасным инстинктом для демократических народов является их

склонность презирать права личности, придавая им мало значения.

Обычно люди привыкают к одному праву и уважают его в зависимости от его значимости или же от продолжительности его действия. Права личности, которые мы сейчас встречаем у демократических народов, как правило, не имеют большого значения, совсем недавно сформулированы и очень нестабильны, поэтому они часто и легко приносятся в жертву и нарушаются без всяких угрызений совести.

Случается, что в то же время и в тех же странах, где зарождается естественное презрение к правам личности, права общества расширяются и укрепляются, то есть люди начинают испытывать меньшую привязанность к правам частных лиц именно в тот момент, когда возникает необходимость сохранить и защитить немногие из еще оставшихся у них прав.

Поэтому именно во времена демократии истинные поборники свободы и величия человека должны незамедлительно и решительно воспрепятствовать тому, чтобы общественная власть могла легко принести в жертву отдельные права нескольких граждан во имя реализации своих глобальных замыслов. В наше время опасно позволить угнетать даже последнего из граждан; самые несовершенные права личности не могут быть безнаказанно заменены произволом властей. Объясняется это просто: если нарушаются личные права индивидуума в эпоху, когда человеческое сознание проникнуто необходимостью и священностью данных законов, то зло наносится лишь тому, кого этих прав лишают; но нарушение этих прав в наше время приводит к глубокому разложению наци-

овальных нравов и угрожает всему обществу в целом, поскольку сама идея подобного рода прав у нас постоянно изменяется и готова исчезнуть.

Существуют определенные привычки, мысли и пороки, свойственные революционной эпохе. Все они в обязательном порядке порождаются длительной революцией, а затем становятся всеобщим достоянием вне зависимости от характера этой революции, ее целей и места действия.

Если какой-либо народ за короткий промежуток времени неоднократно менял руководителей, взгляды и законы, то граждане, составляющие этот народ, в конце концов приобретают вкус к изменениям и к тому, что изменения эти происходят быстро и насильственным путем. Тогда они естественным образом начинают испытывать недоверие к формальностям,

бессилие которых они имеют возможность наблюдать ежедневно, и с нетерпением переносят гнет законов, которые столько раз нарушались на их же глазах.

Если обычных понятий справедливости и морали оказывается недостаточно, чтобы объяснить и оправдать все новшества, каждодневно порождаемые революцией, тогда прибегают к принципу общественной пользы либо создают догму о политической необходимости и охотно идут на то, чтобы без угрызений совести приносить в жертву частные интересы и попирать личные права граждан ради более быстрого достижения общей цели.

Эти обычаи и идеи, которые я бы назвал революционными, поскольку их порождает любая революция, проявляются как в аристократическом, так и в демократическом обществах. Однако в первом случае они не столь развиты и живучи, поскольку им противодействуют другие обычаи, идеи, пороки и капризы. Как только революция заканчивается, революционные нравы сами собой исчезают и общество возвращается к прежней политической жизни. В странах демократии положение несколько иное: здесь сохраняется постоянная опасность того, что революционные инстинкты, став более мягкими и упорядоченными, могут постепенно превратиться в правительственные нравы и административные привычки.

Следовательно, ни для какой другой страны революция не таит в себе столько опасностей, как для страны демократической, ибо здесь, помимо случайного и преходящего зла, без которого не может обойтись ни одна революция, всегда есть вероятность породить постоянное, если не вечное зло.

Я согласен с тем, что сопротивление бывает честным, а восстания законными. Я не настаиваю категорически на том, что люди, живущие в эпоху демократии, не имеют права совершать революции, но я считаю, что прежде, чем на нее решиться, им следует подумать более основательно, чем когда бы то ни было, и, вполне возможно, что им выгоднее будет претерпеть сегодняшние неудобства, чем решиться на применение столь опасного лекарства.

Хочу закончить свой труд изложением общей идеи, которая включала бы не только отдельные мысли, содержащиеся в данной главе, но и те, ради которых и была задумана эта книга.

В эпоху аристократии, предшествовавшую нашему времени, в обществе имелись могущественные люди, тогда как общественная власть была крайне неразвитой. Само представление об обществе было нечетким и постоянно смешивалось с всевозможными органами власти, которые руководили гражданами. Основные

усилия людей в то время были направлены на то, чтобы расширить и укрепить общественную власть, ее прерогативы и, напротив, ограничить независимость индивидуумов более тесными рамками, подчинить частные интересы общему благу.

Людей в наше время ожидают другие опасности, волнуют иные заботы.

В большинстве современных государств правитель, каковы бы ни были его происхождение, полномочия и должность, наделен практически всей полнотой власти, а частные лица все более впадают в крайнюю стадию слабости и зависимости.

В старые времена все было иначе. Тогда нигде невозможно было встретить всеобщего единства и единообразия. Сегодня мы все так похожи, что лицо индивидуума скоро совсем растворится в безликости некой общей физиономии. Наши отцы всегда были готовы несколько злоупотреблять идеей святости прав частных лиц, мы же, естественно, склоняемся к другой крайности, полагая, что интересы индивидуума всегда должны подчиняться интересам общества.

Политика в человеческом обществе меняется, отныне необходимо искать новые лекарства от новых болезней.

Предоставить государственной власти достаточно обширные, но ясные и определенные полномочия; дать частным лицам конкретные права и гарантировать им неоспоримую возможность пользоваться этими правами; сохранить за индивидуумом те доли независимости, силы и самобытности, которые он сумел еще сохранить; поставить его на один уровень с обществом — таковы, на мой взгляд, главные задачи, решению которых должен посвятить себя законодатель новой эпохи, в которую мы вступили.

Складывается впечатление, что нынешние правители озабочены прежде всего тем, чтобы с помощью своих подданных совершать великие дела. А мне бы хотелось, чтобы они побольше думали о том, как сделать великими самих подданных; чтобы они меньше ценили работу, а больше рабочего и чтобы они постоянно помнили о том, что не может долгое время оставаться сильным народ, в котором каждый человек индивидуально слаб, и что не найдены еще общественные формы и политические комбинации, которые бы сделали энергичным народ, состоящий из малодушных и вялых граждан.

Я вижу, что мои современники привержены двум прямо противоположным, но одинаково гибельным идеям.

Одни видят в равенстве лишь порождаемые им анархические

тенденции. Они боятся свободы личного выбора, они страшатся самих себя.

Другие — их меньше, но они более образованны — придерживаются иной точки зрения. Рядом с дорогой, ведущей от равенства к анархии, они в конце концов обнаружили другую, по которой люди неуклонно движутся к своему закрепощению. Они заранее духовно готовятся к неминуемому рабству, и, не надеясь остаться свободными, они уже сегодня всем сердцем обожают своего будущего хозяина.

Первые отказываются от свободы потому, что считают ее опасной, вторые потому, что полагают ее невозможной.

Если бы я принадлежал к числу последних, я никогда не написал бы этот труд, а ограничился бы тем, что втайне сокрушался бы о судьбе себе подобных.

Я хотел обнажить и опасности, которыми равенство угрожает независимости человека, ибо я твердо уверен, что именно эти опасности являются наиболее грозными и наименее предсказуемыми из всего того, что скрывает от нас будущее. Но я не считаю эти опасности непреодолимыми.

Люди, которые живут в открывающуюся перед нами эпоху демократии, испытывают естественную склонность к независимости, поэтому они, столь же естественно, с нетерпимостью относятся к установленным порядкам: их утомляет устойчивость даже того строя, который их устраивает. Они уважают власть, но склонны презирать и ненавидеть тех, кто ее осуществляет. Они легко ускользают от рук власти, пользуясь своей незначительностью и подвижностью.

Эти инстинкты будут постоянно воспроизводиться, поскольку они порождаются самим общественным устройством, которое останется неизменным. В течение длительного времени они будут препятствовать установлению деспотизма и служить оружием каждому новому поколению, которое пожелает бороться за свободу людей.

Будем же смотреть в будущее с тем спасительным страхом, который заставляет быть начеку и бороться, а не с тем размягчающим и праздным ужасом, который лишь возмущает и убивает душу.

Глава VIII ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Прежде чем навсегда расстаться с тем, что столь долго занимало меня, мне бы хотелось в последний раз окинуть взглядом все те явления, которые составляют образ нового мира, и сделать наконец общее заключение по поводу того, какое

влияние оказывает равенство на судьбы людей. Однако меня останавливает чрезвычайная сложность этой

затеи: перед лицом столь грандиозной задачи у меня темнеет в глазах, и ум перестает мне подчиняться.

То новое общество, которое было предметом моего описания и которое я пытаюсь оценить, еще только рождается. Время еще не сформировало его; породившая его великая революция все еще продолжается, и из того, что происходит сегодня, почти невозможно понять, что же должно уйти вместе с самой революцией и что должно остаться после нее.

Нарождающийся мир еще наполовину завален обломками мира отживающего; посреди всеобщего беспорядка человеческих дел никто не может сказать, что останется от старых институтов и нравов, а что исчезнет навсегда.

Несмотря на то что революция, совершающаяся в общественном устройстве, законодательстве, воззрениях и чувствах людей, еще далека от своего завершения, уже сейчас невозможно сопоставить результаты ее деяний с тем, что мир видел ранее. Погружаясь век за веком в глубины истории вплоть до самой ранней античности, я не обнаруживаю ничего, что могло бы соответствовать современному миру. Прошлое не озаряет светом будущее, и разум бредег во тьме.

Впрочем, посреди этой, пока еще непривычной, смутной и обширной картины будущего я распознаю уже некоторые наиболее существенные черты и указываю их.

Я вижу, что добро и зло распределено в мире равномерно. Исчезают сверхбогатые, увеличивается число средних состояний, множатся желания и удовольствия; нет больше ни чрезмерного процветания, ни беспросветной нищеты. Честолюбие стало всеобщим чувством, но при этом крайне честолюбивых людей становится все меньше. Люди изолированы друг от друга и слабы, а общество динамично, прозорливо и сильно; частные лица заняты мелкими заботами, а правительство — исключительно делами государственной важности.

Жители не энергичны, однако нравы мягки, а законы гуманны. Примеры самопожертвования, высокой нравственности, блестящей и чистой доблести встречаются редко, зато граждане становятся более благопристойными, почти исчезли насилие и жестокость. Продолжительность жизни человека увеличивается, а его собственность становится более надежной. Человек живет не особенно красивой, но удобной и мирной жизнью. Меньше стало слишком утонченных либо слишком грубых удовольствий,

меньше учтивости в манерах, но и меньше грубости в общении. Сейчас все реже можно встретить людей блестяще образованных, но нет и полных невежд. Гении редки, но знания становятся все доступнее. Человеческий ум развивается под воздействием объединенных усилий всего народа, а не в результате мощных импульсов, исходящих от некоторых его представителей. Результаты труда теперь не столь совершенны, но более плодотворны. Ослабевают все узы, связывающие человека с расой, классом, родиной, но крепнет его связь с человечеством.

Если среди разнообразия этих явлений искать то, которое мне представляется наиболее всеобщим и поражающим воображение, то я прихожу к выводу, что все, происходящее с состояниями, в тысячах вариантов повторяется и в других областях. Почти все крайности смягчаются и приглушаются, все выдающееся стирается, уступая место чемуто усредненному, что одновременно не так возвышается, но и не столь низко опускается, не столь блестяще, но и не так ничтожно, как это было ранее.

Когда мир был заполнен людьми очень большими и очень маленькими, очень богатыми и очень бедными, очень учеными и очень невежественными, я не обращал внимания на вторых, сосредоточивая его на первых, ибо вид их радовал меня. Но я понимаю, что эта радость была порождена моей слабостью, тем, что я не в состоянии увидеть одновременно все, что меня окружает, и поэтому имею право выбирать из огромного множества вещей те, что радуют глаз. Другое дело Господь, чей взор разом непременно охватывает весь миропорядок и который отчетливо видит одновременно и весь род людской, и каждого человека в отдельности.

Естественно полагать, что отраднее всего создателю и хранителю людей видеть не процветание отдельных граждан, но возросшее благосостояние всех; то есть то, что мне кажется упадком, в его глазах представляется прогрессом, то, что ранит меня, ему нравится. Возможно, что равенство еще недостаточно развито, но оно более справедливо, и эта справедливость придает ему величие и красоту.

Я пытаюсь представить себе точку зрения Господа и с нее судить о делах людских.

504

Никто на земле не может пока с полной уверенностью утверждать, что новое состояние общества выше того, что было раньше, но уже сейчас можно сказать, что оно совсем

другое. Аристократическому обществу были свойственны

определенные пороки и добродетели, которые находятся в таком противоречии с духом новых народов, что они уже никогда не смогут их воспринять. Есть добрые наклонности и дурные инстинкты, которые были чужды старому обществу, но естественны для нового, есть также идеи, которые были близки первому, но отбрасываются вторым. И то и другое представляет собой как бы два разных человечества, каждое из которых имеет свои достоинства и свои недостатки, свои хорошие и свои плохие стороны.

Поэтому необходимо проявить осторожность и не оценивать рождающееся общество в соответствии с теми представлениями, которые были созданы ныне исчезнувшим обществом. Это было бы несправедливо потому, что эти два общества совершенно различны и несопоставимы между собой.

Было бы также неразумно требовать от людей нашего времени добродетелей, непосредственно вытекающих из того общественного устройства, в котором жили их предки, ибо само это устройство развалилось, и под его обломками погибло все то хорошее и дурное, что оно в себе несло.

Однако мы сегодня еще плохо это осознаем.

Я знаю, что многие наши современники хотели бы более внимательно разобраться со всеми институтами, взглядами и идеями, выросшими в недрах старого, аристократического общества: они согласны расстаться с некоторыми из них, но другие хотели бы сохранить и в новом обществе.

Я считаю, что они тратят время и силы на честное, но бесплодное занятие.

Сейчас речь не идет о том, чтобы сохранить отдельные преимущества, предоставляемые людям неравенством условий их существования, а о том, чтобы утверждать новые блага, которые может им принести равенство. Нам не стоит стараться быть похожими на своих отцов, мы должны стремиться к своим собственным идеалам счастья и величия.

Что касается меня, то, достигнув конца своего пути и рассматривая издали, но вкупе все те различные предметы, которые по дороге привлекли мое внимание, я чувствую себя полным страха и надежды. Я вижу великую опасность, которой можно избежать, большое зло, которое можно предотвратить либо уменьшить; я все более утверждаюсь в вере, что для того, чтобы стать честным и процветающим, обществу необходимо лишь сильно этого захотеть.

Я знаю, что многие мои соотечественники думают, что народы в этом мире не являются хозяевами самим себе, что они непременно должны подчиняться какой-то непреодолимой и

непостижимой силе, предопределяемой предыдущими событиями, расой, почвой или климатом.

Все это лживые и трусливые теории, способные породить лишь тщедушных людей и слабые народы. Провидение сделало так, что род человеческий не совсем независим, но он и не так уж закабален. Провидение очерчивает, это верно, каждому человеку некий фатальный круг, из которого он не может выбраться, однако в широких границах которого человек свободен и всемогущ. Это же относится и к народам.

Сегодня нации уже не могут отказаться от равенства, однако от них зависит, приведет ли оно их к рабству или свободе, к просвещению или варварству, к процветанию или нищете.

Примечания автора

С. 405

Впрочем, некоторые аристократы с увлечением занимались коммерцией и успешно развивали промышленность. Мировая история знает множество разительных примеров этого. Однако необходимо сказать, что в целом аристократия отнюдь не способствует развитию индустрии и торговли. Лишь аристократия денежного мешка является исключением из этого правила

У последней удовлетворение всех желаний связано с богатством. Тяга к богатству становится в определенном смысле главным содержанием человеческих страстей. Все прочие так или иначе связываются с ней.

Вкус к деньгам и жажда славы и власти так тесно переплетаются в душах людей, что порой бывает трудно понять, алчны ли они из честолюбивых побуждений или же честолюбивы из алчности. Так происходит в Англии, где нужно быть богатым, чтобы добиться почестей, и где домогаются почестей как символа богатства. В этом случае человеческий разум властно увлечен коммерцией и индустрией, ибо они представляют собой самые краткие пути к богатству.

Впрочем, такое положение дел представляется мне исключительным и кратковременным. Когда богатство стало единственным признаком аристократии, трудно надеяться, что богатые сами, без чьей-либо помощи сохранят безраздельную власть.

Наследственная аристократия и чистая демократия расположены на противоположных полюсах общественного и политического устройства, между ними находится аристократия денежного мешка: с наследственной аристократией ее сближает то, что она наделяет большими привилегиями узкий круг лиц, от демократии же она усвоила то, что привилегии эти могут поочередно получать все граждане. Финансовая аристократия представляет собой как бы мостик между двумя полюсами, и невозможно сказать, завершает ли она своим существованием царство аристократических институтов или уже открывает новую эру демократии.

С. 431

В своем путевом дневнике я обнаружил следующую запись, показывающую, каким испытаниям часто подвергаются американские женщины, которые соглашаются сопровождать своих мужей в необжитые районы. Все описанное ниже истинная

правда

«...Время от времени мы встречаем участки распаханной целины. Они все похожи друг на друга Опишу тот, где мы остановились сегодня вечером, это даст общее впечатление о всех других.

Колокольчики, которые первопроходцы подвешивают на шею животных, чтобы легче было разыскать их в лесу, еще издали известили нас о наличии расчищенного участка Вскоре мы услышали стук топора, которым рубили в лесу деревья. По мере того как мы приближались, следы разрушения все настойчивее извещали нас о присутствии цивилизованного человека. Обрубленные ветки покрывали дорогу; наполовину обгоревшие либо изрубленные топором стволы деревьев мешали нам проехать. Вскоре мы оказались в

лесу, где все деревья, казалось, постигла внезапная гибель. В разгар лета они являли собой зимний пейзаж. Осмотрев деревья, мы увидели, что на их коре нанесены глубокие кольцевые надрезы, которые, останавливая движение растительных соков, способствуют быстрой порче деревьев. Мы поняли, что именно с этого обычно начинает пионер-землепашец. Не имея возможности в первый год вырубить все деревья, растущие на его новом участке, он засаживает все пространство между ними кукурузой, а затем умерщвляет деревья, чтобы они не заслоняли своими ветвями урожай. За полем, которое представляло собой первый, еще несовершенный набросок цивилизации в необитаемом краю, мы вдруг увидели хижину владельца. Она была расположена в центре участка земли, более обихоженного, нежели другие, но и здесь человеку приходилось выдерживать неравную борьбу с лесом: деревья были вырублены, но не выкорчеваны, стволы их загромождали землю, которую некогда затеняли. Между высохших стволов пробивались пшеница, побеги дуба, всевозможных видов растений и травы, все это перемешивалось и росло одновременно на непокорной и наполовину дикой земле. А посреди этой мощной и разнообразной растительности возвышался дом пионера; здесь такой дом называют «бревенчатой хижиной». Как и окружающий участок, это деревенское жилище представляло собой результат новой, торопливой деятельности: его длина не превышала тридцати футов, высота пятнадцати, стены и крыша были сложены из неотесанного леса, между стволами проложены мох и глина, чтобы предохранять внутреннее помещение от холода и дождя.

Приближалась ночь, и мы решили просить убежища у хозяина

дома.

Услышав наши шаги, дети, игравшие в лесных зарослях, поспешно вскочили на ноги и побежали к дому, как будто вид человека напугал их. Их отступление прикрывали две огромные полудикие собаки с вытянутыми мордами и торчащими ушами, которые при нашем приближении с грозным рычанием выскочили из хижины. Затем на пороге своего жилища показался сам пионер, он быстро и изучающе осмотрел нас, подал знак собакам вернуться в дом и удалился сам, показав им пример и всем своим видом дав понять, что наше появление не вызвало у него ни любопытства, ни беспокойства.

Мы входим в это бревенчатое жилище. Внутри ничто не напоминает крестьянских лачуг Европы; здесь много лишнего и недостает самого необходимого. Единственное окно прикрыто муслиновой занавеской; в глинобитном очаге полыхает огонь, освещающий все внутри; над очагом висит прекрасный нарезной карабин, шкура лани, перья орла; справа от очага развешена карта Соединенных Штатов, которую приподнимает и колышет ветер, дующий сквозь щели в стене; рядом с картой на полке, сооруженной из плохо отесанной доски, несколько книг. Я заметил Библию, шесть первых песен поэмы Милтона и две драмы Шекспира. Вдоль стен вместо шкафов стоят сундуки. В центре комнаты грубо сработанный стол, ножки которого, сбитые еще из свежего, не очищенного от коры дерева, растут, кажется, прямо из пола. На столе я вижу чайник из английского фарфора, серебряные ложки, несколько выщербленных чашек и газеты.

У хозяина дома угловатые черты лица и удлиненные конечности, что выдает в нем жителя Новой Англии. Очевидно, что человек этот родился не в этой глуши, где мы его встретили; уже внешний облик позволяет сделать вывод, что его юные годы прошли в интеллигентной среде и что он принадлежит к той породе беспокойных, деловых и отважных людей, которые хладнокровно делают то, что можно объяснить лишь горением страсти, и которые могут на время отдаться первобытной жизни, чтобы быстрее покорить и цивилизовать пустынные земли.

Увидев, что мы переступили порог его дома, хозяин направился нам навстречу и, как это принято, поздоровался с нами за руку, но при этом лицо его осталось напряженным. Он первым начал расспрашивать нас о том, что происходит в мире, и, удовлетворив свое любопытство, замолк. Казалось, он устал от нашего шума и навязчивости. Пришла наша очередь расспросить его, и он дал все необходимые нам сведения. Затем не спеша и достаточно основательно он начал устраивать нас на ночлег. Видя, что он занят столь приятным для нас делом, мы тем не

менее почему-то не испытывали к нему чувства благодарности. Видимо, потому, что, оказывая нам гостеприимство, он как бы подчинился своей участи: он исполнял долг, не ощущая при этом радости.

По другую сторону очага сидит женщина, укачивающая малыша. Не прекращая своего занятия, она делает нам знак головой. Как и хозяин, женщина находится в самом расцвете сил, ее внешний облик не соответствует бедности жизни, а одежда свидетельствует о незатухшем еще желании выглядеть привлекательной. Однако черты лица ее выдают

усталость, в глазах застыли нежность и степенность, во всей ее фигуре чувствуется религиозная покорность, умиротворенность чувств и какая-то естественная и спокойная решительность, позволяющая преодолеть все жизненные невзгоды без страха и упрека.

Дети окружили ее; они здоровы, непоседливы и энергичны, это настоящие дети безлюдья. Время от времени мать бросает на них взгляд, полный радости и задушевности. Сравнивая их силу и ее беззащитность, можно подумать, что она истощила себя, дав им жизнь, но нисколько об этом не жалеет.

В доме переселенцев нет ни внутренних перегородок, ни погреба Вечерами вся семья находит приют в одной комнате. Жилище пионера — это целый мир, ковчег цивилизации, затерянный в океане растительности. В ста шагах от него вечный лес вновь раскидывает свою тень, и человек опять чувствует себя одиноким».

С. 432

Отнюдь не равенство делает людей безнравственными и неверующими. Но когда люди безнравственны и неверующи и в то же время равны, результаты безнравственности и неверия легко дают о себе знать, ибо люди имеют слабое влияние друг на друга, а класса, который взял бы на себя труд охраны общества, не существует. Равенство никогда не портит нравы, но иногда выявляет их порчу.

С. 443

Если отбросить тех, кто вовсе не думает, а также тех, кто не осмеливается сказать, что думает, все равно окажется, что подавляющее большинство американцев удовлетворено политическими институтами, которые ими управляют, и, скорее всего, это так и есть. Я рассматриваю подобный настрой общественного мнения как признак, но не как доказательство добротности американских законов. Национальная гордость,

удовлетворенные этими законами страсти, случайные происшествия, незамеченные пороки и, самое главное, интерес большинства, замыкающий рот оппозиции,—все это в течение длительного времени может создавать иллюзию как у одного человека, так и у целого народа.

Взгляните на Англию в период всего XVIII века. Никогда еще народ не расточал столько лести сам себе, ни один народ не был столь доволен собой. Все было хорошо в конституции, все было безупречно вплоть до явных недостатков. Сегодня же масса англичан только тем, кажется, и занята, что доказывает ущербность этой конституции по всем позициям. Кто прав: английский народ прошлого века или же английский народ наших дней?

То же самое произошло и во Франции. Не вызывает сомнения тот факт, что во времена Людовика XIV большая часть народа была в восторге от существовавшей тогда формы правления. Сильно ошибаются те, кто считает, что с этим периодом связан упадок нравов во Франции. В это время здесь, конечно же, существовало угодничество, однако сам дух сервилизма отсутствовал. Писатели того времени с неподдельным воодушевлением превозносили королевскую власть над всеми прочими, самый темный крестьянин в своем ветхом жилище гордился славой своего монарха и был готов погибнуть с радостным криком: «Да здравствует король!» Но именно эти формы правления для нас стали ненавистными. Так кто же ошибался, французы времен Людовика XIV или сегодняшние французы?

Поэтому суждения о законах нужно выносить, основываясь не только на настроениях народа, которые от века к веку изменяются, но и с учетом более возвышенных мотивов и более обобщенного опыта.

Привязанность, которую народ испытывает к своим законам, свидетельствует лишь о том, что не следует торопиться их менять.

С. 475

В главе, к которой относится данное примечание, речь идет об одной опасности. Хочу указать еще на одну, которая встречается реже, но которой следует особенно остерегаться.

Если тяга к материальным радостям и благосостоянию, столь естественная для людей, живущих в эпоху равенства, полностью захватит умы граждан демократического государства, то национальный дух может стать столь не приемлющим воинственность, что стремление к миру может вытеснить у самой армии ее естественную заинтересован-

ность в войне. В атмосфере всеобщей терпимости солдаты быстро усвоят, что намного проще и удобнее неспешно расти в званиях в мирное время, чем стремительно делать карьеру ценой тягот и невзгод походной жизни. В этих условиях армия без особого рвения будет браться за оружие и воевать недостаточно энергично; она сама не пойдет на неприятеля, ее придется подталкивать.

При этом не следует думать, что миролюбивый настрой армии предохранит ее от участия в революции, ибо революции и особенно военные перевороты, которые свершаются очень быстро, сопряжены с повышенной опасностью, но не требуют изнурительного воинского труда; они удовлетворяют тщеславные устремления с меньшими затратами, нежели война; в них рискуют лишь жизнью, которой люди демократических времен дорожат менее, чем жизненными благами.

Нет ничего опаснее для свободы и спокойствия народа, чем армия, боящаяся воевать, потому что, не рассчитывая более найти свое величие и значение на полях сражений, она будет искать их в других местах. И тогда может случиться, что люди, составляющие демократическую армию, не приобретя солдатских добродетелей, утратят гражданские интересы, а армия, оставаясь источником беспокойства, потеряет свою боеспособность.

Здесь я повторю то, о чем уже говорил ранее. Лекарство от подобной опасности имеется не в самой армии, а в стране. У демократического народа, сохраняющего мужественный характер, всегда будут боеспособные солдаты.

С. 483

Люди связывают величие идеи единства со средствами его достижения, Бог — с результатом. Такое понимание идеи величия заставляет людей размениваться на тысячу мелочей. Принудить всех шагать в ногу к единой цели — такова идея, сложившаяся в человеческих головах. Сделать деяния людей бесконечно разнообразными, но так, чтобы деяния эти многочисленными путями вели к осуществлению единого великого замысла, — такова Божественная идея.

Человеческая идея единства почти всегда бесплодна, идея Бога чрезвычайно продуктивна. Люди стремятся засвидетельствовать свое величие, упрощая средства; у Бога же проста цель, а средства ее достижения бесконечно многообразны.

С. 485

К централизации власти демократические народы постоянно толкают не только их собственные склонности, но и страсти тех,

кто ими управляет.

Легко можно предвидеть, что почти все способные и честолюбивые граждане, проживающие в демократической стране, будут всячески стремиться расширить прерогативы государственной власти потому, что каждый из этих граждан надеется однажды сам встать у кормила власти. Было бы пустой тратой времени пытаться доказать им, что излишняя централизация губительна для государства, ведь они централизуют ради самих себя.

Среди демократически настроенных общественных деятелей к децентрализации власти стремятся либо бескорыстные, либо посредственные политики. Однако первых мало, а вторые не в силах что-либо сделать.

С. 496

Я часто спрашиваю себя, что произойдет, если сегодня, когда демократические нравы размягчены, а армия проявляет беспокойство, власть в какой-нибудь стране захватит военное правительство.

Я думаю, что в своей деятельности это правительство недалеко ушло бы от картины, описанной мною в главе, к которой относится данное примечание, и что подобное правительство не воспроизведет диких черт военной олигархии.

Я уверен, что в этом случае произошло бы слияние привычек гражданского служащего и солдата. Правительство восприняло бы воинский дух, а армия—навыки гражданского правления. В результате установилось бы упорядоченное, ясное, четкое, абсолютное правление; народ превратился бы в армию, а общество — в казарму.

С. *498*

Сегодня нельзя совершенно однозначно сказать, что представляет наибольшую опасность: вольность или тирания, анархия или деспотизм. Необходимо опасаться и то-

го, и другого, ибо причина всего этого лежит во *всеобщей апатии,* которая есть результат индивидуализма Именно равнодушие граждан приводит сегодня к ситуации, когда исполнительная власть, собрав достаточно сил, начинает угнетать граждан, а завтра к этому способу правления прибегает какая-либо партия, имеющая в активе десятка три своих сторонников. Ни та, ни другая не способны создать ничего долговременного; то, что помогает им легко победить, мешает им преуспевать в течение длительного времени. Их свергают потому, что ничто их не поддерживает.

Поэтому необходимо бороться не столько с анархией и деспотизмом, сколько с равнодушием, которое с одинаковым успехом способно породить и то, и другое.

Приложение

Доклад, сделанный в Академии правовых и политических наук 15 января 1848 года по поводу работы господина Шербюлье «О демократии в Швейцарии»

Господа!

Господин Шербюлье, профессор общего права Женевской академии, опубликовал работу под названием «О демократии в Швейцарии», посвященную общественным институтам и нравам своей страны, и преподнес один экземпляр этой книги Академии правовых наук.

Мне показалось, господа, что тема, освещаемая автором, очень важна и работа заслуживает того, чтобы подвергнуться специальному анализу; я предпринял его в надежде, что он принесет некоторую пользу.

Я намеренно отвлекаюсь от сегодняшних проблем, как это и принято делать в этих стенах, обхожу молчанием те последние события, которые от нас не зависят. Мне хотелось бы рассмотреть в Швейцарии не столько политическую жизнь общества, сколько само устройство этого общества, законы, которые им управляют, их происхождение, тенденции и характер развития. Надеюсь, что выполненный таким образом набросок все же будет представлять интерес. То, что происходит сейчас в Швейцарии, не единичный случай, это скорее частное проявление общего движения, которое ведет к гибели всю старую систему учреждений в Европе. Хотя сцена невелика, зрелищу этому свойственна величественность, к тому же оно отличается еще и оригинальностью. Пожалуй, ни в одной другой стране демократическая революция, охватившая сегодня весь мир, не проходила при столь сложных и странных обстоятельствах. Один народ, состоящий из разных рас, говорящий на разных языках, исповедующий несколько религий, имеющий различные нонконформистские секты, две церкви, в равной мере наделенные привилегиями, из-за чего все политические проблемы тотчас же становятся проблемами религиозными, а все религиозные — неизбежно приводят к политике; и, наконец, два общества — старое и молодое, живущие в гармонии, несмотря на разницу в возрасте, — такова действительность Швейцарии. Чтобы достоверно изобразить эту действительность, автору книги, на мой взгляд, нужно было бы выбрать более высокую точку, чем та, которую избрал он. В предисловии Шербюлье заявляет, что будет следовать принципу

непредвзятости, и я верю в его искренность. Он даже опасается, как бы слишком объективный характер его произведения не придал некоторую монотонность изложению. Опасение это совершенно безосновательно. Автор и в самом деле пытается быть беспристрастным, однако это ему плохо удается. В его книге есть научность, проницательность, подлинный талант, несомненная искренность, выражающая себя в пылких суждениях; чего там нет, так это беспристрастности. В книге много остроумия, но мало свободомыслия.

Какой же политической системе симпатизирует автор? Поначалу это довольно трудно понять. В определенном смысле он одобряет поведение радикально настроенных католиков, тем не менее, будучи сам решительным противником католицизма, он не прочь в законодательном порядке запретить его распространение в тех районах Швейцарии, где он еще не занимает ключевых позиций. С другой стороны, он ярый противник диссидентствующих сект протестантов. Отрицая народное правительство, он находится в оппозиции и к правительству знати; в религии — протестантская церковь, руководимая государством, в политике — государство во главе с буржуазной аристократией: таков,

как нам представляется, идеал автора. Но ведь это — прошлое, это — Женева накануне ее последних революции.

Мы с трудом можем различить, что автору нравится, зато всегда ясно, что он ненавидит. А ненавидит он демократию. Когда речь заходит о демократической революции, он говорит о ней всегда как о своем враге; чувствуется, что она задела его взгляды, его привязанности и, возможно, его интересы. Он нападает не только на те или иные проявления демократии, но и на ее основы; он не хочет видеть ее достоинств, выискивая лишь недостатки. В зле, которое она может принести, он не различает то постоянное и фундаментальное, что необходимо терпеть как неизбежное, и то, что случайно и преходяще и может быть легко исправлено. По-видимому, данную тему нужно было бы разрабатывать человеку, который не столь лично заинтересован и не так вовлечен в происходящие в своей стране события, как Шербюлье. Об этом можно лишь сожалеть. В ходе дальнейшего анализа мы увидим, что швейцарская демократия нуждается в серьезной доработке и улучшении своих законов. Но чтобы такая работа была эффективной, в первую очередь необходимо перестать ненавидеть эту демократию.

Господин Шербюлье озаглавил свою книгу «О демократии в

Швейцарии». Судя по направлению, можно предположить, что, с точки зрения автора, Швейцария является страной, пример которой позволяет разработать теоретическое учение о демократии или же дает возможность судить о самих демократических институтах. В этом, как мне кажется, первопричина почти всех недостатков книги. Ее лучше было бы назвать «О демократической революции в Швейцарии», ведь революция там длится уже пятнадцать лет. Поэтому швейцарская демократия не столько установившаяся форма правления, сколько оружие, которым обычно пользуются, чтобы разрушить, а иногда защитить старое общество. На этом примере можно изучать отдельные явления, присущие революционному процессу в нашу демократическую эпоху, но невозможно описать демократию в ее устойчивом, прочном и спокойном состоянии. Тот, кто не учитывает данных обстоятельств, с трудом сможет понять ту картину, которую представляют собой политические институты Швейцарии; что же касается меня, то мне было бы невероятно трудно объяснить, как я оцениваю настоящее, не говоря о том, как я понимаю прошлое.

Сейчас широко распространилось ошибочное представление о том, что являла собой Швейцария тогда, когда разразилась Французская революция. Поскольку швейцарцы в течение длительного времени жили в условиях республики, считалось, что они находятся значительно ближе, чем другие жители Европейского континента, к идеалам и институтам свободы в современном ее понимании. На самом деле все обстояло иначе.

Несмотря на то что независимость швейцарцев родилась на свет в результате восстания против аристократии, правительство, образовавшееся вслед за этим, быстро переняло у аристократии ее традиции и законы, а также ее воззрения и склонности. Свободу это правительство рассматривало не иначе как одну из привилегий; идея свободы в качестве всеобщего и изначального права любого человека была столь же чужда этому правительству, как и принцам австрийского дома, которых революция выгнала из Швейцарии. Поэтому очень быстро вся власть сосредоточилась в руках небольших закрытых или же самопополняющихся аристократических кланов. На севере эти кланы поставили под свой контроль промышленность, на юге приобрели форму военной организации. Но и там, и здесь они в равной мере отличались закрытым, элитарным характером. В большинстве кантонов до трех четвертей жителей были лишены не только прямого, но и косвенного участия в управлении страной; кроме того, в каждом кантоне проживало значительное число лиц, лишенных всяких прав.

Эти небольшие сообщества, сформировавшиеся в период столь бурных событий, вскоре стали такими прочными, что уже никакое движение не могло их поколебать. Аристократия, нашедшая там свой приют, не подталкиваемая народом, но и не управляемая королем, образовала неподвижную социальную структуру, обряженную в старые средневековые одежды.

Время давно уже позволило новому мышлению проникнуть в самые монархические режимы Европы, но Швейцария продолжала для него оставаться закрытой.

Принцип разделения власти был принят уже всеми публицистами, но в Швейцарии он не применялся. Свобода печати, существовавшая, по крайней мере фактически, в большинстве абсолютных монархий Европы, в Швейцарии не давала о себе знать ни фактически, ни юридически; возможность создавать политические организации здесь не

признавалась, а потому никогда и не существовала; свобода слова была ограничена очень узкими рамками. Налоговое равенство, к которому стремились все просвещенные правительства, отсутствовало здесь так же, как и равноправие. Промышленное развитие наталкивалось на многочисленные преграды, личная свобода не гарантировалась никакими законами. Отсутствовала в Швейцарии и свобода вероисповедания, начинавшая проникать уже в самые ортодоксальные государства. Сектантская деятельность была категорически запрещена во многих кантонах и во всех затруднена. Религиозные различия почти по всей стране приводили к трудностям политического характера

В таком положении находилась Швейцария, когда в 1798 году Французская революция силой оружия проникла на ее территорию. Она на некоторое время разрушила старые политические учреждения, не создав взамен ничего более прочного и долговременного. Несколько лет спустя Наполеон избавил швейцарцев от анархии, заставив их подписать Акт о посредничестве; он же дал им равенство, но не свободу; политические законы, которые он навязал Швейцарии, были составлены так, что парализовали всю общественную жизнь. Власть, отправляемая от имени народа, но находящаяся вдали от него, была полностью отдана в руки исполнительных органов.

Когда через несколько лет Акт о посредничестве ушел в небытие вместе с его автором, швейцарцы не получили большей свободы, зато утратили равенство. Старые аристократические кланы вернули себе повсюду бразды правления и восстановили в

силе элитарные обветшалые принципы власти, господствовавшие до революции. Все вернулось, как справедливо отмечает Шербюлье, к ситуации 1798 года. Главы европейской коалиции были опшбочно обвинены в том, что они силой провели в Швейцарии эту реставрацию. Реставрация была проведена с их ведения, но не ими. Правда состоит в том, что швейцарцы были в тот момент охвачены, как, впрочем, и все другие народы континента, какой-то кратковременной, но всеобщей реакцией, которая оживила вдруг по всей Европе старое общество. Но поскольку в Швейцарии эта реставрация была проведена не самодержцами, чьи интересы в конечном счете были отличны от интересов класса старой аристократии, а самим этим привилегированным классом, реставрация оказалась более полной, слепой и последовательной, нежели в других странах Европы. Она была не деспотической, а элитарной. Органы ее законодательной власти оказались в полном подчинении у исполнительной власти, а последняя — в полной зависимости от родовой аристократии; средний класс был отстранен от общественной деятельности, а весь народ — от политической жизни. Такую картину являла собой почти вся Швейцария вплоть до 1830 года.

Только тогда открылась для нее новая эра демократии!

Это краткое вступление имело целью пояснить два момента.

Первый: Швейцария — это одна из европейских стран, где революция не имела глубокого характера, зато последовавшая за ней реставрация отличалась особой полнотой; все чуждые и враждебные новому мышлению учреждения были восстановлены в своих правах, революционные же силы вынуждены были отступить.

Второй: на большей части Швейцарии народ до сих пор лишен возможности принимать хоть малейшее участие в управлении страной; законы, гарантирующие гражданские свободы, свободу собраний, свободу слова, свободу печати и религии, всегда столь же мало, если не меньше, были известны большинству граждан этих республик, как их современникам — подданным монархических режимов.

Все это часто ускользает от внимания Шербюлье, но мы в своем исследовании политических учреждений Швейцарии должны постоянно об этом помнить.

Всем известно, что в Швейцарии верховная власть поделена на две части: с одной стороны, это федеральные органы, с другой — кантональные муниципалитеты.

Шербюлье начинает с рассказа о том, что происходит в кантонах, — и он прав: подлинная общественная власть

находится именно там. Следуя его примеру, начну с анализа кантональных конституций.

Все кантональные конституции имеют сегодня демократический характер, но все они в чем-то отличны.

В большинстве кантонов народ доверил правление избранным им ассамблеям, в некоторых же оставил его за собой. Здесь граждане собираются в полном составе и принимают необходимые решения. Шербюлье называет форму правления в первых кантонах *представительной демократией,* в других — *чистой демократией.*

513

Я бы попросил у академии разрешения не комментировать далее очень интересное исследование чистой демократии, сделанное автором. На это у меня имеется множество причин. Дело в том, что, хотя кантоны, живущие в условиях чистой демократии, сыграли большую роль в истории и могут еще играть ее в политической жизни страны, изучение их приносит не столько пользу, сколько удовлетворение праздного любопытства.

Чистая демократия — это явление уникальное и исключительное даже для самой Швейцарии, где лишь одна тринадцатая часть населения управляется таким образом. К тому же это явление временное. Не вполне осознается и то, что в тех швейцарских кантонах, где народ более всего привык к самоуправлению, существует значительный персонал, облеченный представительной властью, которому народ доверил правительственные заботы. Однако, изучая новейшую историю Швейцарии, легко заметить, что круг вопросов, решаемых самим народом, постоянно сужается, тогда как обязанности народных представителей, напротив, ежедневно становятся все более многочисленными и разнообразными. Таким образом, принцип чистой демократии уступает место противоположной, то есть представительной, форме демократии. Первая незаметно становится исключением, вторая — правилом.

Кроме того, чистая демократия в Швейцарии принадлежит иной эпохе, она ничему не может нас научить ни в настоящем, ни в будущем. Мы хоть и пользуемся для определения ее форм термином, заимствованным из современной научной литературы, сами они остались в прошлом. У каждого времени есть своя главная идея, перед которой ничто не может устоять. И если в период господства этой идеи появляются какие-то иные, враждебные или противоположные ей идеи, она сразу же вступает с ними в единоборство и если не может их уничтожить, то приспособляет и ассимилирует их. Средневековье кончило тем,

что придало аристократический облик даже самой идее демократической свободы. Среди самых республиканских законов рядом со всеобщим избирательным правом оно поместило религиозные убеждения, обычаи, нравы, чувства, привычки, объединения и семейные кланы, которые, отделившись от народа, обладали реальной властью. Поэтому небольшие правительства швейцарских кантонов нужно рассматривать не иначе как последние и почтенные обломки исчезнувшего мира.

Напротив, представительные демократии Швейцарии полностью соответствуют новому мышлению. Все они возникли на развалинах старого, аристократического общества; все они производны от единого принципа народовластия, и все почти одинаково использовали этот принцип в своих законах.

Мы увидим, что законы эти очень несовершенны, их одних, без исторических свидетельств, хватило бы, чтобы доказать, что в Швейцарии демократия и даже свобода остаются явлениями новыми, не имеющими пока опыта.

Прежде всего нужно заметить, что даже в представительных демократиях Швейцарии народ непосредственно осуществляет часть своей власти. В ряде кантонов основные законы, пройдя легислатуру, выносятся на всенародный референдум. В этих конкретных случаях представительная демократия вновь превращается в чистую демократию.

Почти во всех кантонах народ время от времени, как правило довольно часто, должен высказывать свое мнение по поводу того, хочет он или не хочет изменять конституцию. Это периодически ставит под сомнение все законы сразу.

Всю законодательную власть, которую народ не оставил себе, он передал единственной ассамблее, которая работает под его присмотром и от его имени. Ни в одном из кантонов нет двухпалатных парламентов, повсюду они представляют собой единое целое. Поэтому работа не только не замедляется необходимостью согласовывать свои решения с другой палатой, но и не тормозится долгими слушаниями законопроектов. Обсуждение общих законов, подчиняясь определенным формальностям, может иногда затянуться, однако самые важные постановления могут быть предложены, обсуждены и приняты в очень короткое время в виде декретов и постановлений. Эти декреты становятся законодательными актами, быстро реагирующими на процесс столь непредсказуемый, столь стремительный и неудержимый, как страсти народных масс.

Нет ничего, что противостояло бы законодательному собранию. Разделения, а тем более независимости законодательной, исполнительной и судебной власти друг от

друга на самом деле здесь не существует.

Ни в одном из кантонов представители исполнительной власти непосредственно народом не избираются. Они выбираются представителями законодательной власти.

514

Следовательно, исполнительная власть не обладает обычно свойственной ей силой; она лишь чужое творение и всегда будет оставаться верной служанкой другой власти. Но это не единственная причина ее слабости. Нигде в Швейцарии исполнительная власть не осуществляется одним человеком. Ее обычно доверяют небольшому собранию, где ответственность поделена на всех, а реализация власти затруднена. Кроме того, исполнительная власть лишена многих, присущих ей прерогатив. Она не реализует право вето либо пользуется им в очень ограниченных пределах по отношению к принятым законам. Она лишена права помилования, не имеет возможности назначать или увольнять своих служащих. У нее, собственно говоря, своих служащих и нет, поэтому она вынуждена обычно вести дела лишь с помощью муниципальных должностных лиц.

Однако основной недостаток законов швейцарской демократии — в плохой конституции и плохой организации судебной власти. Шербюлье говорит об этом, но, на мой взгляд, недостаточно. По-моему, он сам не до конца понимает, что в демократическом обществе судебная власть в первую очередь стоит как на страже интересов народа, так и выступает гарантом соблюдения им законности.

Идея независимости судебной власти — это современная идея. В средние века она была неизвестна или же по меньшей мере о ней имели лишь смутное представление. Можно сказать, что первоначально во всех странах Европы исполнительная и судебная власть были совмещены. Даже во Франции, где, как счастливое исключение, правосудие издавна существовало самостоятельно, нельзя говорить о полном разделении этих двух видов власти. Правда, нужно сказать, что там не судебная власть находилась в руках администрации, а, наоборот, часть административных функций контролировалась судебной властью. Швейцария, напротив, по сути дела, оказалась единственной европейской страной, где юридические службы полностью срослись с органами политической власти и превратились в их придаток. Можно сказать, что наше представление о правосудии как о некоей свободной и беспристрастной силе, которая противостоит сильным мира сего и может призвать любого гражданина к неуклонному исполнению закона, — это

представление всегда было чуждо швейцарцам, да и сейчас оно еще не полностью завоевало их умы.

Новые конституции, без сомнения, определили судам более обособленное место, чем то, которое они занимали в старой структуре власти, однако не сделали их более независимыми. Суды нижней инстанции избираются народом и подлежат переизбранию, а Верховный суд каждого кантона избирается не исполнительной властью, а законодательной, при этом ничто не предохраняет его членов от ежедневной смены настроения парламентского большинства.

Народ или представляющая его ассамблея не только выбирают судей, но и ничем не ограничивают себя в выборе. Как правило, никакой профессиональной их квалификации не требуется. Впрочем, судья — простой исполнитель закона и не имеет права допытываться, соответствует ли конституции тот или иной закон. По правде сказать, судопроизводство находится в руках большинства, которое осуществляет его через своих судей.

Но даже если бы судебная власть в Швейцарии получила в законодательном порядке необходимые ей права и независимость, ей так же трудно было бы исполнять свои функции, ибо правосудие—это всегда сила традиций и общественного мнения, которые опираются на правовые нравы и воззрения.

Я мог бы легко выявить недостатки описанных мной порядков и доказать, что все они мешают народному правлению нормально развиваться, подталкивают его на поспешные решения и тиранические действия. Но это завело бы меня слишком далеко. Поэтому я ограничусь тем, что сопоставлю эти законы с теми, которые выработало у себя более старое, более мирное и процветающее демократическое общество. Господин Шербюлье полагает, что несовершенное общественное устройство швейцарских кантонов — это единственное, что может создать или согласна терпеть демократия. Сравнение, которое предлагаю я, докажет обратное и покажет, каким образом в других условиях, также исходя из принципа народовластия, но имея больше опыта, умения и мудрости, смогли прийти к иным результатам. В качестве примера я возьму штат Нью-Йорк, в котором проживает столько же людей, сколько во всей Швейцарии.

В штате Нью-Йорк, как и в швейцарских кантонах, принцип правления основан на верховной власти народа, осуществляемой через всеобщее голосование. Однако американский народ реализует свое право на власть лишь единожды, когда выбирает своих

уполномоченных. Никогда и ни при каких условиях он не присваивает себе ничего от законодательной, исполнительной либо судебной власти. Он выбирает тех, кто должен управлять от его имени, и отказывается от своей власти до следующих выборов.

Несмотря на то что законы изменяются, их основа всегда стабильна. В Америке изначально не предполагали, как в Швейцарии, подвергать конституцию периодическим пересмотрам, само ожидание которых держит народ в напряжении. Поэтому здесь в случае возникновения какой-то новой ситуации, когда законодательная власть принимает решение о необходимости внесения изменений в конституцию, эти изменения вносятся в соответствии с принятой процедурой.

Хотя здесь, как, впрочем, и в Швейцарии, законодательная власть не может не испытывать влияния общественного мнения, она устроена таким образом, чтобы противостоять его капризам. Ни один проект не станет законом, пока не будет рассмотрен двумя палатами депутатов. Эти два депутатских состава избираются одним и тем же порядком и составлены из таких же представителей народа. Обе палаты, таким образом, представляют народ, но различными способами: первая призвана отражать его каждодневно меняющиеся настроения, вторая — его постоянные привычки и наклонности.

В штате Нью-Йорк разделение власти имеет не декларативный, а реальный характер.

Исполнительная власть находится в руках не группы лиц, а одного человека, несущего за нее всю полноту ответственности и использующего свои права и прерогативы решительно и твердо. Будучи избранным народом, он не является, как в Швейцарии, ставленником и агентом законодательной власти; он равен ей, он, как и она, представляет, лишь в другой сфере, верховную власть народа, от имени которого и действуют они оба. Они черпают силу из одного и того же источника. Он не только называется исполнительной властью, но реально обладает ее естественными и законными полномочиями. Он командует вооруженными силами штата, назначает их высший командный состав; он выбирает большинство должностных лиц штата; он обладает правом помилования; вето, налагаемое им на решения законодательных органов, хоть и не окончательно, но чрезвычайно эффективно. Поэтому, если губернатор штата Нью-Йорк и не обладает властью какого-нибудь конституционного монарха Европы, он тем не менее имеет неизмеримо больше прав, чем любой кантональный совет в Швейцарии.

Однако наиболее разительны отличия в организации судебной власти.

Судья, будучи выходцем из народа и находясь в полной от него зависимости, представляет собой тем не менее власть, которой подчиняется сам народ. Судебная власть занимает здесь исключительное положение в силу своего происхождения, компетенции, постоянства, но в особенности потому, что пользуется поддержкой общественных нравов и мнений.

Члены высших судебных инстанций не избираются, как в Швейцарии, законодательным собранием, властью коллективной, а потому пристрастной, часто слепой и никогда не несущей никакой ответственности, а назначаются губернатором штата Высший судебный чин, однажды назначенный, считается как бы бессменным. От его внимания не уходит ни один процесс, любой приговор может быть объявлен только им. Можно сказать, что он не только интерпретирует закон, он его оценивает; когда законодательный орган в результате партийной борьбы нарушает букву и дух закона, суд отменяет его решения, отказываясь их исполнять; таким образом, если судья не может заставить народ не изменять свою конституцию, он в состоянии по крайней мере обязать его уважать ту, которая действует. Он не управляет народом, он его сдерживает и ограничивает. Судебная власть, столь незначительная в Швейцарии, в Америке является настоящим регулятором демократии.

Если сейчас во всех подробностях рассмотреть американскую конституцию, то мы не найдем в ней ничего от аристократии. В ней нет и намека на привилегии для какого-то одного класса, да и вообще на привилегии; одни и те же права для всех, все права исходят от народа и к нему же возвращаются; все учреждения подчинены единой задаче, противоборствующие тенденции отсутствуют; во всем и везде доминирует принцип демократии. И вот эти-то столь демократические правительства обладают значительно большей стабильностью, развиваясь более мирно и равномерно, чем демократические правительства Швейцарии.

Частично это можно объяснить различиями в законах.

Законы штата Нью-Йорк, описанные мной, призваны бороться с естественными недостатками демократии, законы же Швейцарии, напротив, кажутся созданными таким образом, чтобы приумножать их. Здесь они сдерживают народ, там они его подталкивают. В Америке опасаются, как бы власть не стала слишком тиранической, тогда как в Швейцарии все направлено на то, чтобы сделать ее еще более неукротимой.

Я не преувеличиваю влияние, которое способен оказывать механизм действующих законов на судьбы народов. Я знаю, что все великие события в этом мире вызваны более глубокими и общими причинами, но нельзя отрицать и тот факт, что государственные учреждения обладают своими собственными качествами и что они способствуют либо процветанию, либо упадку общества.

Если бы вместо того, чтобы категорически отвергать почти все законы своей страны, господин Шербюлье смог показать их недостатки и то, как можно их исправить, не изменяя их принципов, его книга была бы более достойна грядущих поколений и полезнее для современников.

Показав, что собой представляет демократия в кантонах, автор пытается определить ее влияние на всю Швейцарскую конфедерацию.

Прежде чем последовать за Шербюлье, необходимо сделать то, чего не сделал он сам, а именно определить, что же представляет собой федеральное правительство, как оно организовано юридически и фактически и как оно функционирует.

Позволительно сначала спросить себя, собирались ли законодатели Швейцарской конфедерации создать федерацию либо просто лигу, иными словами, предусмотрели ли они, что кантоны должны пожертвовать частью своего суверенитета или же вовсе не должны? Если учесть, что кантоны отказались от многих своих исконных и неотъемлемых прав, на постоянной основе уступив их федеральному правительству, если вспомнить также, что правительство это действует по воле большинства, то можно с уверенностью утверждать, что швейцарские законодатели добивались истинно федерального устройства, а не лиги. Нужно, правда, признать, что им это плохо удалось.

Без всяких колебаний могу заявить, что федеральная конституция Швейцарии является самой несовершенной из всех конституций данного типа, когда-либо существовавших в мире. Читая ее, испытываешь ощущение, что попал в средневековье, и изумляешься тому, что в наш просвещенный и много повидавший век мог появиться на свет столь путаный и несовершенный документ [1].

Часто и справедливо говорят, что договор чрезмерно ограничил права конфедерации, что он вынес за пределы компетенции федерального правительства решение многих вопросов общенационального характера, которые должны были бы находиться в компетенции федерального собрания, например почтовую службу, контроль мер и весов, выпуск денег... Поэтому

слабость правительства объясняют небольшим количеством возложенных на него задач.

Действительно, договор лишил правительство конфедерации многих из его естественных и необходимых прав, но слабость правительства объясняется не этим: умей оно пользоваться предоставленными правами, ему бы их вполне хватило, чтобы вскоре приобрести и все те, которых ему недостает.

Федеральное собрание вправе набирать армию, вводить налоги, объявлять войну, заключать мир и торговые соглашения, назначать послов. Под его охраной находятся кантональные конституции и великие принципы равенства всех перед законом. Это позволяет ему в случае необходимости вмешиваться во все местные дела. Федеральное собрание регулирует дорожные пошлины и принадлежность дорог, что дает ему возможность руководить или осуществлять контроль за наиболее крупными общественными работами. Наконец, федеральное собрание в соответствии со статьей 4 договора *предпринимает все необходимые меры для обеспечения внутренней и внешней безопасности Швейцарии,* что дает ему возможность делать практически все,

Самые сильные федеральные правительства не имели столь широких полномочий, поэтому я вовсе не считаю, что в Швейцарии компетенция центральной власти чрезмерно ограничена, просто мне кажется, что границы этой власти не совсем тщательно установлены.

[1] Не нужно забывать, что доклад этот написан в 1847 году, то есть еще до того, как революционный переворот 1848 года привел к реформе старого федеративного договора.

Почему правительство конфедерации, имеющее столь широкие полномочия, обладает столь малой властью? Ответ прост: потому что оно не имеет средств, чтобы делать то, что оно могло бы делать по праву. Никогда ни одно правительство не обладало столь несовершенными органами власти, обрекающими его на бездеятельность и беспомощность.

Сущностью федеральных правительств является то, что они действуют не от имени народа, а от имени государств, составляющих конфедерацию. Если бы дело обстояло иначе, конституция тотчас же перестала бы быть федеральной.

Отсюда, помимо всего прочего, с неизбежностью следует, что федеральные правительства менее отважны в своих решениях и более медлительны в их реализации, нежели все другие правительства.

Большинство федеральных законодателей пыталось с помощью более или менее хитроумных приемов, рассмотрением которых я не буду сейчас заниматься, устранить частично этот естественный порок федеративного устройства. Но швейцарцы сделали этот недостаток намного более явным, чем где бы то ни было еще, придав ему специфические формы. У них парламентарии не только действуют от имени кантонов, которые они представляют, но, кроме того, как правило, они не могут принять ни одного решения, если оно предварительно не было одобрено или принято в этих кантонах. Они почти ничего не способны решить сами, каждый из них считает себя связанным наказом избирателей, данным заранее; таким образом, федеральное собрание превращается в совещательную ассамблею, где, собственно говоря, не имеет смысла совещаться, где держат речи перед теми, кто не принимает решения, а лишь способен их исполнять. Федеральное собрание—это правительство, которому ничего не нужно и которое ограничивается лишь исполнением того, что пожелает каждое из двадцати двух кантональных правительств. Это такое правительство, которое, каким бы ни был ход событий, не может ничего решить, ни о чем позаботиться и ничего предусмотреть. Трудно придумать нечто иное, что бы сильнее увеличивало естественную инертность федерального правительства, превращая его слабость в какую-то старческую немощь.

Кроме того, существуют другие причины, которые независимо от пороков, свойственных всем федеральным конституциям, объясняют привычную слабость правительства Швейцарской конфедерации.

Конфедерация не только имеет немощное правительство; можно сказать, что она вообще не обладает своим собственным правительством. С этой точки зрения ее конституция поистине уникальна. Во главе конфедерации находятся политические лидеры, которые ее не представляют. Федеральный совет, формирующий исполнительную власть Швейцарии, избирается не федеральным собранием и в еще меньшей степени швейцарским народом; это случайное правительство, которое конфедерация заимствует каждые два года в Берне, Цюрихе или Люцерне. Это правительство, избираемое жителями одного кантона для того, чтобы управлять делами этого кантона, таким образом, становится дополнительно еще и правительством всей страны. По-видимому, это один из величайших политических курьезов в истории права. Последствия подобного состояния дел всегда плачевны и приводят к чрезвычайным ситуациям. Вот, например, какие странные события произошли в 1839 году. В этом году

федеральное правительство заседало в Цюрихе и конфедерацией управляло цюрихское правительство. И вот в Цюрихе случается кантональная революция. Народное восстание свергает конституционное правительство. Тотчас же федеральное собрание оказывается без председателя, и федеральная жизнь замирает до тех пор, пока кантон не соизволит издать другие законы и выбрать новое руководство. Сменив свою местную администрацию, жители Цюриха, не желая этого, обезглавили Швейцарию.

Но даже если бы Швейцарская конфедерация имела свою исполнительную власть, правительство все же не могло бы заставить слушаться себя, так как лишено возможности прямого, непосредственного воздействия на граждан. Одна эта причина слабости правительства более весома, чем все другие, вместе взятые; но чтобы она стала понятна, мало просто ее отметить.

Федеральное правительство может обладать немногими полномочиями и быть сильным, если в рамках этих полномочий оно способно действовать самостоятельно, без всяких посредников, как это делают обычные правительства, имеющие неограниченные возможности. Если его должностные лица могут обратиться непосредственно к каждому

гражданину, если его суды в состоянии добиться от каждого гражданина подчинения законам, тогда оно с легкостью сможет заставить себя слушаться: ему ведь необходимо опасаться лишь сопротивления отдельных граждан, а при этих условиях любое сопротивление будет сломлено судебным путем.

И напротив, федеральное правительство может иметь очень широкую сферу деятельности и пользоваться очень слабым авторитетом, если, вместо того чтобы обращаться непосредственно к гражданам, оно обязано действовать через правительства кантонов. В этом случае, если кантональное правительство окажет сопротивление, федеральная власть будет иметь перед собой уже не подданного, а скорее соперника, которого можно образумить лишь путем войны.

Таким образом, сила федерального правительства не столько в объеме предоставленных ему прав, сколько в его возможностях пользоваться ими по своему усмотрению; оно всегда сильно, если может повелевать гражданами; оно всегда слабо, если власть его распространяется лишь на местные правительства.

В истории создания конфедераций известны примеры обеих систем. Но ни в одной из известных мне конфедераций центральная власть не была настолько лишена возможности

оказывать прямое воздействие на граждан, как в Швейцарии. Здесь федеральное правительство практически не может самостоятельно реализовать ни одно из своих прав. Ни один функционер не зависит исключительно от него, нет судов, которые бы специально защищали суверенитет федерального правительства. Оно похоже на существо, которому дали жизнь, лишив при этом жизненно важных органов.

Таким сделал конституцию страны федеративный договор. А теперь вместе с автором анализируемой нами книги посмотрим, как демократия влияет на конституцию.

Невозможно отрицать тот факт, что демократические революции, за пятнадцать лет изменившие практически все кантональные конституции, оказали огромное влияние на федеральное правительство. Однако влияние это распространялось в двух прямо противоположных направлениях. Поэтому в этом двойном феномене необходимо хорошо разобраться.

Демократические революции, прошедшие в кантонах, были направлены на то, чтобы придать большую активность и силу местным органам самоуправления. Созданные этими революциями, опирающиеся на народ и подталкиваемые им, новые правительства почувствовали себя более сильными, чем те, которые были свергнуты. А поскольку подобное обновление не затронуло федеральное правительство, то не могла не сложиться, и она действительно сложилась, такая ситуация, при которой центральное правительство на фоне региональных властей оказалось еще более дряблым, чем оно было раньше. С установлением демократии усилились такие чувства, как кантональная гордость, инстинкт региональной независимости, нетерпимость к любому виду контроля за внутренними делами кантона, ревнивое отношение к центральной и верховной власти; с этой точки зрения можно утверждать, что демократия ослабила и без того слабое правительство конфедерации, еще более затруднив его обычную ежедневную деятельность.

Но, с другой стороны, она сделала его более энергичным, создала ему как бы новые условия существования.

Установление демократических учреждений в Швейцарии привело к двум абсолютно новым явлениям.

До этого каждый кантон жил своими собственными заботами и собственными интересами. Приход демократии разделил всех швейцарцев, независимо от того, в каких кантонах они живут, на две группы: на тех, кто поддерживает демократические принципы, и тех, кто выступает против. Эта ситуация объединила людей по интересам и страстям; граждане почувствовали необходимость

единой и общей власти, которая распространялась бы на всю страну. Федеральное правительство, таким образом, впервые почувствовало за собой силу, которой ему всегда недоставало; оно смогло опереться на политическую партию — силу опасную, но необходимую в демократических странах, где правительство почти ничего без нее не может.

Демократия не только разделила Швейцарию на два лагеря, она поместила страну в один из двух лагерей, на которые разделен весь мир. Она сформировала внешнюю политику Швейцарии, найдя ей естественных друзей и неизбежных врагов; чтобы поддерживать одних и отражать натиск других, она вызвала в стране непреодолимую по-

требность в центральном правительстве. Региональный образ общественного мышления она заменила общенациональным мышлением.

Таковы прямые следствия установления демократии, благодаря которым она способствовала укреплению федерального правительства Не менее велико, однако, и то косвенное влияние, которое она оказала и долго еще будет оказывать.

Сопротивление и трудности, которые встречает федеральное правительство, тем сильнее и разнообразнее, чем больше различия в народах, объединенных в конфедерацию, в их обычаях, привычках, идеях, политических учреждениях. Задачу американского правительства облегчает не столько совпадение интересов граждан, сколько безукоризненное подобие законов, социальных условий и воззрений. Можно также сказать, что удивительная слабость бывшего федерального правительства Швейцарии объясняется прежде всего значительными различиями и противоречиями в общественном мнении, взглядах и законах жителей этой страны, которыми оно должно было управлять. Подчинить единой политике, ведя в одном направлении людей столь далеких и непохожих друг на друга, было очень сложной задачей. Даже значительно лучше устроенное и имеющее более грамотную организацию правительство вряд ли добилось бы здесь успеха. Основной результат происходящей в Швейцарии демократической революции должен состоять в том, чтобы обеспечить последовательно во всех кантонах торжество единообразия некоторых политических институтов, определенных идей и сходных принципов управления. Если демократическая революция усиливает в кантонах дух независимости по отношению *к* центральному правительству, она во многом, с другой стороны, облегчает его деятельность,

устраняя в значительной мере причины сопротивления центральному правительству. Это не значит, что правительства кантонов с большим желанием будут подчиняться федеральной власти, однако при наличии у них этого желания подчиняться ему станет бесконечно проще.

Чтобы понять сегодняшнее состояние страны и предвидеть ее развитие в ближайшее время, необходимо внимательно изучить оба этих противоречивых следствия демократических изменений, которые я описал.

Если принять во внимание лишь одну тенденцию, можно прийти к выводу, что торжество демократии в управлении кантонами немедленно приведет к законодательному расширению сферы влияния федерального правительства и концентрации в его руках руководства региональными делами, одним словом, приведет к централизации всей жизни в стране. Я, однако, убежден, что подобного рода революция еще долго будет сталкиваться на своем пути со значительно большими трудностями, чем это принято считать. Не думаю, что сегодня кантональные правительства с большей радостью, чем их предшественники, примут эти изменения; напротив, они сделают все возможное, чтобы их не допустить.

Тем не менее я полагаю, что со временем, несмотря на сопротивление, федеральному правительству суждено расширить свою власть. В этом ему помогут не столько законы, сколько обстоятельства Круг его прерогатив, может быть, существенно не расширится, но оно будет иначе и чаще пользоваться ими. Не увеличив своих прав юридически, фактически оно окрепнет, будет развиваться не столько за счет изменения договора, сколько за счет иного его толкования; властвовать над Швейцарией оно будет раньше, чем научится управлять ею.

Можно также предвидеть, что те, кто вплоть до нынешних дней более всего сопротивляется расширению влияния центральной власти, вскоре будут ее охотно поддерживать либо из стремления избежать частого давления со стороны так плохо устроенного правительства, либо с целью предохранить себя от еще более близкой и еще более невыносимой тирании местной власти.

Отныне очевидным становится тот факт, что, какие бы изменения ни вносились в текст договора, федеральная конституция Швейцарии глубоко и безвозвратно изменилась. Конфедерация стала совершенно иной. Она предстала в качестве нового европейского явления; политика действия пришла на смену политике застоя и безразличия; ее чисто муниципальное существование стало национальным — более трудным, более

тревожным, менее стабильным, но более достойным.

520

Речь, произнесенная в палате депутатов 27 января 1848 года при обсуждении проекта пожеланий в ответ на тронную речь

Господа!

Я не намереваюсь продолжать обсуждение того частного вопроса, который здесь поднят. Я полагаю, что это окажется более полезным, когда нам придется обсуждать закон о тюрьмах. Цель, которая привела меня на трибуну, имеет более общий характер.

Обсуждаемый здесь параграф 4 побуждает депутатов бросить общий взгляд на всю внутреннюю политику, и в частности на тот ее аспект, о котором говорил и внес поправку мой многоуважаемый друг господин Бийо.

Именно этой стороны дискуссии я и хотел бы коснуться в своем выступлении перед палатой.

Господа, не знаю, ошибаюсь ли я, но мне кажется, что нынешнее положение вещей, современный уровень общественного сознания, состояние умов во Франции внушают тревогу и печаль. Что касается меня, и я говорю об этом совершенно искренне, то впервые за пятнадцать лет я испытываю чувство страха за наше будущее. Подтверждением моей правоты служит то, что не только у меня складывается такое впечатление; я уверен, те, кто меня слушает, могут ответить, что и в их округах есть люди, разделяющие мою тревогу, что беспокойство и страх поселились в сердцах, что в стране очень сильно ощущение нестабильности, предвестника революций, которое часто заранее о них оповещает, а иногда и порождает.

Если я правильно понял то, что сказал в заключение господин министр финансов, кабинет признает обоснованность такого впечатления, но причиной его министр считает частности: недавние происшествия в политической жизни, собрания, взволновавшие умы, речи, возбудившие страсти.

Господа, боюсь, что, отождествляя зло с указанными причинами, мы беремся за излечение не болезни, а ее симптомов. Я убежден, что болезнь состоит в другом, она носит более общий и глубокий характер. Болезнь, которую надо излечить во что бы то ни стало и которой, поверьте, никто из нас не избежит,— поймите, никто, если мы не примем мер, — поразила общественное сознание, общественные нравы. Именно на это я хочу обратить ваше внимание. Общественные нравы, общественное сознание в опасности; кроме того, по моему убеждению, правительство способствовало и способствует

распространению этой опасности. Вот почему я вышел на трибуну.

Господа, в моей душе поселяются беспокойство и страх, когда я внимательно вглядываюсь в то, что происходит в правящем классе, то есть классе, имеющем политические права, и в классе управляемом. Возьмем правящий класс (в него я включаю не только средний класс, но и всех граждан, обладающих и реализующих свои политические права независимо от своего положения). То, что я наблюдаю там, в двух словах можно выразить так: общественные нравы извращаются, они уже подверглись глубокой порче, они портятся изо дня в день, на смену общественным мнениям, чувствам, идеям приходят частные интересы, цели, взгляды, личные потребности.

Я не буду акцентировать внимание палаты на этих печальных обстоятельствах, а лишь обращусь к моим противникам, к моим коллегам из правительственного большинства Я прошу их сделать для себя статистический обзор корпуса избирателей, пославших их в палату: включите в первую группу тех, кто голосует не по политическим убеждениям, а из чувства личной дружбы или добрососедства; во вторую — тех, кто голосует не из соображений общественной целесообразности, но в силу чисто местных интересов; наконец, в третью войдут голосующие по чисто личным мотивам. Много ли останется избирателей, не вошедших в эти три группы? Составляют ли избиратели, спрошу я моих коллег, голосующие по бескорыстным мотивам, движимые общественными взглядами и страстями, большинство среди тех, кто вверил им депутатский мандат? Я уверен в обратном. Позволю себе осведомиться, не увеличивается ли, на их взгляд, в последние пять, десять, пятнадцать лет число граждан, голосующих за них из личного, частного интереса, и не уменьшается ли неуклонно число избирателей, сделавших свой выбор по политическим убеждениям? И наконец, пусть мои оппоненты скажут, не кажется ли им, что на наших глазах все более утверждается особая терпимость к фактам, о которых я говорю. Некая вульгарная и низкая мораль, следуя которой человек, имеющий политические

права, считает себя вправе использовать их в личных целях, в интересах детей, жены, родителей? И не распространилось ли это явление настолько, что воспринимается как долг отца семейства? Не развивается ли все больше и больше эта новая мораль, неизвестная в великие времена нашей истории, в эпоху начала нашей Революции, не овладевает ли она все новыми и новыми

умами? Вот о чем хотел бы я спросить.

Увы, это не что иное, как глубокая и последовательная деградация нравов в общественной жизни.

Когда я перевожу свой взор с жизни общества на частную жизнь, на то, что в ней происходит и чему все вы являетесь свидетелями, особенно в последний год — скандалы, преступления, проступки, правонарушения, невиданные пороки, о которых нам сообщает судебная практика, — я испытываю ужас. Разве я не прав? Разве я не прав, утверждая, что порче подвержены не только общественные нравы, но и нравы частной жизни? *(Возгласы несогласия в центре.)*

Прошу заметить, что я говорю не как правовед, а как политик. Знаете ли вы, в чем главная причина того, что частные нравы меняются к худшему? Да именно в том, что портятся общественные нравы. Мораль отошла на задний план, о ней не вспоминают в жизненной суете. Корысть в общественной жизни заменила бескорыстные побуждения, она же правит бал и в частной жизни.

Существует мнение, что есть две морали: мораль политическая и мораль частной жизни. Конечно, если происходящее с нами таково, каким я его вижу, никогда ложность этого изречения не подтверждалась с большей очевидностью и большей горечью, как в наше время. Да, в нашей частной жизни — и в этом мое убеждение — происходит нечто, что беспокоит, тревожит честных граждан. Я считаю, что происходящее с нравами в частной жизни в большой степени обусловлено процессами в наших общественных нравах. *(Возгласы несогласия в центре.)*

Господа, если вы мне не верите, поверьте тому, что думают об этом в Европе. Думаю, я не менее чем кто бы то ни было в курсе того, что говорится о нас.

Так вот, уверяю вас в искренности моих чувств: я не просто огорчен, я в отчаянии от того, что читаю и слышу ежедневно, я в отчаянии от того, какой козырь против нас дают факты, представленные мной, как губительны их последствия для всей нации, для национального характера. Я прихожу в отчаяние, когда вижу, как ослабляется могущество Франции в мире, как растрачивается не только нравственное могущество Франции...

ГОСПОДИН ЖАНВЬЕ. — Прошу слова *(Движение в зале.)*

ГОСПОДИН ДЕ ТОКВИЛЬ. —... но и сила ее принципов, идей, чувств.

Франция первой в мире среди грозных раскатов первой своей революции провозгласила принципы, оказавшиеся животворными во всех современных обществах. В этом ее слава, самое ценное в

ее истории. И вот, господа, эти принципы подрываются сегодня нашей жизнью. Видя их применение, народ начинает сомневаться в самих принципах. Народы Европы смотрят на нас и задумываются, правы мы или нет. Они задают себе вопрос, действительно ли мы, как об этом не раз говорилось, ведем человечество к счастью и процветанию или мы его увлекаем вслед за собой к моральным потерям и разорению. Вот, господа, что более всего огорчает меня в том, что наша страна являет миру. Вот что вредит не только нам, но и нашим принципам, нашему делу, нашему интеллектуальному наследию, которым я как француз дорожу больше, нежели физическим и материальным богатством. *(Движение в зале.)*

Господа, если картина, являемая нами Европе, ее дальним уголкам, производит такое впечатление на расстоянии, то как ее воспринимают во Франции, в частности те классы, которые, не имея политических прав и обреченные из-за наших законов на политическое бездействие, взирают на нас, единственно полномочных воздействовать на сей театр жизни? Какое впечатление, на ваш взгляд, производит на них этот спектакль? Что касается меня, то я в ужасе. Говорят, нет опасности, если нет народного возмущения. Говорят, раз все цело, нет материальных разрушений, беспорядков в обществе, революция грянет не скоро.

Разрешите мне вам сказать: вы ошибаетесь. В самом деле, нет беспорядков в делах, но они глубоко укоренились в умах. Посмотрите, что происходит в среде рабочих, хотя они, я признаю, ведут себя спокойно. Действительно, их не раздирают собственно политические страсти в такой степени, как раньше, но разве не видно, что их тревоги из политических превратились в социальные? Разве не видно, что в рабочей среде распрост-

раняются идеи, мнения, направленные не столько против тех или иных законов, ведомств, самого правительства, сколько против общественного устройства, против самих его устоев? Знаете ли вы, о чем они говорят каждый день? Разве вы не слышите, как они без конца повторяют, что те, кто стоит выше их, неспособны и недостойны управлять ими, что распределение существующего в мире богатства несправедливо, что собственность покоится на принципах, далеких от справедливости? И разве не очевидно, что, когда подобные воззрения укореняются, распространяются повсеместно, овладевают массами, следует ожидать, что рано или поздно — я не могу точно сказать, когда и как, — они приведут к самым грозным революциям?

Я глубоко, господа, убежден: сегодня мы спим на вулкане. *(Крики протеста.)* Я в этом совершенно уверен. *(Движение в зале.)*

А теперь позвольте мне в нескольких словах попробовать обрисовать со всей правдивостью и искренностью истинных виновников, главную причину того зла, о котором я вам поведал.

Я далек от мысли, что виновником, и тем паче главным виновником всех этих бед, является правительство. Ясно, что продолжительные революции, так часто потрясавшие эту землю, оставили в душах ощущение особой нестабильности. Я понимаю, что страсти, потрясения в партиях могли иметь второстепенные, хотя и важные последствия, могущие объяснить те достойные сожаления факты, о которых шла речь. Но я отвожу власти слишком большую роль в современном обществе и убежден, что она оказывает большое влияние на происходящее в мире, в том числе и тогда, когда случается большое зло, политическое или нравственное.

Как же способствовала власть тому, что случилось это зло? Как случилось, что произошли столь пагубные изменения в нравах общества, а затем и в частной жизни? Какова здесь роль правительства?

Думаю, господа, можно, никого не обижая, сказать, что правительство, особенно в последние годы, захватило более широкие права, влияние и более значительные и разнообразные прерогативы, чем когда бы то ни было. Оно обладает гораздо большей властью, чем могли бы себе представить те, кто ее дал, и даже те, кто ее получил в 1830 году. С другой стороны, можно утверждать, что принцип свободы получил гораздо меньшее развитие, чем ожидалось. Я не оцениваю само событие, я ищу его следствия. Неужели вы считаете, что если столь неожиданный результат, столь странный поворот человеческих судеб обманул низменные страсти, преступные надежды, то он не поверг в смятение благородные устремления, бескорыстные чувства, что для многих честных сердец он не означал разочарования в политике, душевного упадка?

Но роковым ударом для общественной нравственности оказалось то, как сей результат был получен: скрытно, в какой-то степени подложным образом. Овладев старыми полномочиями, отмененными, как все полагали, в Июле, действуя в рамках старых прав, казалось бы аннулированных, введя в действие старые законы, которые все считали утратившими силу, используя новые законы в ином толковании, нежели то, которое было им дано изначально, — благодаря всем этим скрытым механизмам, этой умелой и терпеливой механике, правительство

получило больший простор для действий, больше активности и влияния, чем оно когда-либо имело во Франции.

Вот, господа, что сделали власти, и в частности нынешнее правительство. И вы полагаете, господа, что названный мной скрытым и подложным способ обретения могущества, примененный неожиданно, то есть с использованием иных средств, чем те, которые определены конституцией, что это странное зрелище, представляющее ловкость и умение и являемое всей нации вот уже несколько лет, способно улучшить общественные нравы?

Лично я глубоко убежден в обратном. Я не считаю, что мои противники были движимы бесчестными побуждениями; более того, я охотно допускаю, что, пользуясь порицаемыми мною средствами, они сочли, что действуют в рамках необходимого зла, что величие цели скрыло от них опасность и безнравственность средств. Я хочу в это верить. Но разве средства стали от этого менее опасными? Мои противники полагают, что революция, затронувшая пятнадцать лет назад права властей, была необходима. Хорошо! И что это было сделано не из личного интереса. Я охотно верю. Но не менее верно то, что она совершилась средствами, порицаемыми общественной моралью. Верно и то, что революция была совершена, опираясь не на благородные, а на низменные свойства людей,

на их страсти, слабости, выгоду, а то и пороки. *(Движение в зале.)* Таким образом, ставя перед собой, возможно, честную цель, люди совершили поступки, которые таковыми не являются. А для этого они должны были апеллировать к честности, отдать ей дань уважения, ввести ее в повседневный обиход тех, кому надобны были не благородные цели и честные средства, но грубое удовлетворение их личных интересов с помощью доверенной им власти. Так были как бы поощрены безнравственность и порок.

Я хочу привести лишь один пример. Речь идет о министре — я не стану называть его имени, — включенном в состав кабинета, хотя его коллеги, как и вся Франция, знали, что он недостоин занимать этот пост. Затем он вышел из состава кабинета, ибо слишком многие узнали о его недостойных поступках. И куда же его переместили? На самый высокий пост судебной власти, откуда он вскоре попал на скамью подсудимых.

Так вот, господа, я не считаю этот факт единичным. Я его оцениваю как симптом общего заболевания, как самую характерную черту целой политики: следуя путями, вами избранными, вы нуждались в таких людях.

Нравственное зло, о котором я говорил, распространилось, охватило всю страну прежде всего по причине, которую министр иностранных дел назвал злоупотреблением влияниями. Именно этим путем вы влияли, прямо и без посредников, на нравы общества, но уже не примерами, а действиями. Мне не хотелось бы усугублять положение, в котором находятся министры. Я хорошо знаю, какому искушению они подверглись. Я хорошо знаю, что никогда еще ни в одной стране правительство не подвергалось подобным искушениям, нигде еще в руках властей не находилось столько средств коррупции, нигде еще правительство не имело перед собой столь незначительный политический класс, находящийся в плену таких потребностей. Правительству показалось, что гораздо легче воздействовать на него с помощью коррупции, и этому желанию оказалось невозможным противостоять. Допускаю, что министры поддались на это великое зло не предумышленно, а из желания сыграть лишь на струне личной выгоды, но не смогли удержаться на этом крутом склоне; я в этом уверен. Я упрекаю их единственно за то, что они вступили на него, выбрали такую исходную позицию, при которой, чтобы управлять, они должны были иметь дело не с мнениями, чувствами, принципами, а с личными интересами. Не сомневаюсь, что на этом пути у властей не было возможности повернуть назад, как бы им этого ни хотелось, они попадали под влияние фатальной силы, которая неумолимо толкала их вперед, где бы они ни находились. Им ничего не оставалось, кроме как просто жить. На этом пути им достаточно было просуществовать восемь лет, чтобы сделать то, что они сделали, чтобы не только воспользоваться всеми порочными средствами управления, о которых шла речь, но и исчерпать их до конца.

В силу этой фатальности сверх меры увеличилось число должностей; впоследствии их стало не хватать, и тогда власти вынуждены были разделить их, выделить более мелкие должности, чтобы распределить их среди большего числа людей, а если не должности, то по крайней мере оклады, как это было сделано для всех финансовых служб. В результате получилось так, что, когда, несмотря на механизм создания и раздачи должностей, их оказалось все-таки недостаточно, власти придумали подложные средства, как мы видели в деле Пети, с помощью которых искусственно делались вакантными прежде занятые места.

Господин министр иностранных дел нам неоднократно заявлял, что оппозиция несправедлива в своих нападках, что ее упреки жестоки, необоснованны, неправомерны. Но, хотелось бы мне спросить лично господина министра, обвиняла ли оппозиция

когдалибо, даже в самые неблагоприятные моменты, его в том, что сегодня является доказанным? *(Движение в зале.)* Несомненно, оппозиция выдвинула серьезные упреки министру иностранных дел, может быть чрезмерные, не знаю. Но она никогда не выдвигала обвинений в том, в чем господин министр недавно признался.

Что касается меня, то я заявляю: я не только никогда не выдвигал подобных обвинений против господина министра иностранных дел, но и никогда не подозревал, что такое возможно. Никогда, никогда не поверил бы, слыша, как господин министр иностранных дел мастерски говорит с этой трибуны о правах нравственности в политике, слыша эти речи и испытывая, несмотря на свою принадлежность к оппозиции, чувство гордости за свою страну, я, конечно, никогда не поверил бы в возможность происшедшего; я скорее бы перестал уважать его, а прежде — уважать себя, чем предположил бы то, что оказалось правдой. Верю ли я, что господин министр иностранных дел, когда держал эту пре-

красную и благородную речь, думал на самом деле иначе? Я не стал бы этого утверждать. Думаю, что господин министр иностранных дел, повинуясь инстинкту, вкусу, должен был поступить иначе. Но его повлекла за собой против его воли некая политическая и правительственная предопределенность, которой он оказался послушен. О ней я сказал выше.

Тогда господин министр спрашивал, что серьезного увидели в том происшествии, которое сам он называл незначительным. Серьезным является то, что вы в нем замешаны, именно вы, своими речами менее чем кто-либо из политических деятелей этой палаты дававший повод подозревать себя в таких поступках.

И если этот поступок, это зрелище оставляет глубокое, тягостное, плачевное впечатление о нравственности вообще, то какое же впечатление остается о нравственности отправителей власти? Одно сравнение меня особенно потрясло, как только я узнал о происшедшем.

Три года назад один из служащих министерства иностранных дел, служащий высокого ранга, разошелся в политических мнениях с министром по одному пункту. Он выразил свои разногласия не в дискуссии, а при голосовании.

Господин министр иностранных дел заявил, что он не видит дальнейшей возможности сотрудничать с человеком, который не разделяет его взглядов. Он его уволил, вернее, скажем прямо, выставил за дверь. *(Движение в зале.)*

А сегодня другой служащий, стоящий менее высоко в иерархии, но более близко к господину министру иностранных дел, совершает проступки, о которых вы знаете. *(Возгласы: «Слушайте! Слушайте!»)*

Вначале господин министр иностранных дел не отрицает, что он знал о них; потом он стал отрицать, допускаю, что в какой-то момент он действительно об этом не знал.

СЛЕВА, — Да нет же! Нет!

ГОСПОДИН ДЕ ТОКВИЛЬ. — Но если он может отрицать, что знал об этих фактах, он не может по крайней мере отрицать, что они имели место и что он о них знает сегодня; они известны. Однако речь идет не о политических разногласиях между вами и представителем власти, а о моральных расхождениях, о том, что особо дорого сердцу и сознанию человека. Здесь опорочен не только министр, но и человек. Обратите на это внимание!

И вот вы, не потерпевший инакомыслия по серьезному вопросу от достойного человека, всего лишь голосовавшего против вас, вы не осуждаете, более того, вы вознаграждаете сотрудника, который, действуя, быть может, вразрез с вашими замыслами, подло вас скомпрометировал, поставил в самое трудное и серьезное положение с тех пор, как вы вошли в политическую жизнь. Вы не удаляете его от себя, более того, вы его вознаграждаете, воздаете ему почести.

Что, по-вашему, можно думать обо всем этом? Хотите или нет, но возникает мысль: либо вы испытываете особое пристрастие к такого рода предательству, либо вы не свободны его наказать. *(Шум в зале.)*

Не верю, несмотря на ваш огромный талант, что вы сможете выйти из этой ситуации. Если на самом деле человек, о котором я говорил, действовал вопреки вашему желанию, почему вы оставили его при себе? Если вы его не уволили, если вы его вознаграждаете, если вы отказываетесь вынести ему свое порицание, пусть даже небольшое, вы вынуждаете сделать тот вывод, который сделал я.

СЛЕВА. — Очень хорошо! Очень хорошо!

ГОСПОДИН ОДИЛЛОН-БАРРО. — Это решающий момент!

ГОСПОДИН ДЕ ТОКВИЛЬ. — Но, господа, допустим, что я ошибаюсь относительно причин того большого зла, о котором шла речь. Допустим, что ни правительство, ни кабинет здесь ни при чем. Допустим на время. Разве, господа, зло от этого становится меньше? Разве мы не должны, ради нашей страны, ради нас самих, приложить самые энергичные и настойчивые усилия, чтобы справиться с ним?

Я уже говорил, что это зло рано или поздно — не знаю, как и

где это начнется, — приведет к самым значительным революциям в стране, можете быть уверены.

Когда я выясняю, какова была главная причина, приведшая в ту или иную эпоху, у того или иного народа, к падению классов, стоявших у власти, я наталкиваюсь на события, выявляю личности, вижу ту или иную случайную или второстепенную причину, но, поверьте, реальной причиной, наиболее действенной, приводящей к потере власти, всегда является то, что политики перестали быть достойными власти. *(Снова шум в зале.)*

525

Вспомните старую монархию. Она была сильнее нынешней власти, сильнее изначально; она надежнее, чем нынешняя, опиралась на старые обычаи, нравы, верования. Она была сильнее, и тем не менее она развалилась в прах. Почему? Вы думаете, таково было стечение обстоятельств? Или из-за того или иного человека, финансового просчета, из-за клятвы в зале для игры в мяч, Лафайета, Мирабо? Нет, господа. Более глубокая, настоящая причина в том, что правящий класс стал вследствие своего безразличия, эгоизма, пороков неспособен и недостоин управлять страной. *(Возгласы: «Очень хорошо! Отлично!»)*

Вот истинная причина.

И, господа, если считается необходимым заботиться о судьбах родины во все времена, это тем более нужно делать в наше время. Разве вы не ощущаете, чисто интуитивно, как дрожит земля в Европе? *(Движение в зале.)* Разве вы не чувствуете, так сказать, дуновение ветра революций? Никто не знает, где он зарождается, откуда дует, что несет с собой. И в это время вы спокойно взираете на деградацию нравов в обществе, если не сказать резче.

Я говорю здесь без горечи, говорю, думается мне, непредвзято. Я нападаю на людей, по отношению к которым не испытываю гнева. Я считаю себя обязанным сказать своей стране то, что является моим глубоким и продуманным убеждением. Итак, мое глубокое, продуманное убеждение состоит в том, что нравы в обществе деградируют и что эта деградация приведет вас, и довольно скоро, к новым революциям. Неужели жизнь королей держится на более крепких, труднее разрываемых нитях, чем жизнь других людей? Уверены ли вы сегодня в завтрашнем дне? Знаете ли вы, что будет с Францией через год, месяц, даже день? Вам это неизвестно; зато известно, что на горизонте появилась буря и она приближается к нам. Неужели вы позволите, чтобы она застала вас врасплох? *(Возгласы в центре зала.)*

Господа, я умоляю вас не делать этого; я не прошу, я умоляю вас. Я бы охотно встал на колени перед вами — настолько

опасность кажется мне реальной и серьезной, настолько я убежден, что сказать об этом необходимо не ради красивых слов. Да! Опасность велика. Отвратите ее, пока есть время. Исправьте зло, используя эффективные средства не против симптомов, но против самой болезни.

Здесь речь шла об изменениях в законодательстве. Я весьма склонен думать, что эти изменения не только полезны, но и необходимы. В частности, я считаю полезной выборную реформу, не терпящей отлагательств парламентскую реформу. Но я недостаточно безрассуден, господа, чтобы не знать, что не законы творят судьбы народов; нет, не действие механизма законов провоцирует великие события в этом мире: они совершаются, господа, под воздействием духа правления. Храните законы, если хотите, хотя я считаю, что вы напрасно это делаете, храните их. Оставьте себе тех же людей, если вам это доставляет удовольствие, я не буду противиться этому. Но ради Бога, смените дух правления, поскольку, повторяю, вы идете к пропасти. *(Живое одобрение слева.)*

Текст взят из газеты «Монитёр» от 28 января 1848 года.

Комментарии

Русский перевод «Демократии в Америке» сделан по изданию: *Alexis de TocqueviUe.* Oeuvres completes. Paris, 1951, t. I, II, — представляющему собой воспроизведение текста 12-го французского издания — последней прижизненной публикации, в наибольшей степени выражающей волю автора.

С. 5

Бомон Постов Огюст де (1802 — 1866) — французский юрист, государственный и политический деятель, дипломат. Был компаньоном Алексиса де Токвиля (1805 — 1859) в их поездке по США. Автор книг: «Мери, или Рабство в Соединенных Штатах» (1835), «Социальная, политическая и религиозная жизнь Ирландии» (1842). В 1860 — 1865 гг. издал первое полное собрание сочинений своего коллеги и друга А. де Токвиля.

Джэксон Эндрю (1767 — 1845) — американский военный и государственный деятель, 7-й президент США (1829 —1837).

Уэбстер Дэниел (1782 —1852) — американский филолог, юрист, политический и государственный деятель.

Стара Джозеф (1779— 1845) — американский юрист и политический деятель, с 1819г. член Верховного суда США. Автор многочисленных работ по истории и теории американского законодательства.

Мэдисон Джеймс (1751 — 1836) — американский юрист, политический и государственный деятель умеренного толка, член Конституционной комиссии, 4-й президент США (1809 — 1817).

Маршалл Джон (1755 — 1835) — американский юрист-южанин, член партии федералистов. С 1801 по 1835 г. — председатель Верховного суда США.

Кент Джеймс (1763 — 1847) — американский юрист и преподаватель. Председатель кассационного суда штата Нью-Йорк в 1804 — 1823 гг. Читал теорию американского права в Колумбийском университете. Его лекции, собранные и опубликованные им в виде 4-томного издания под названием «Комментарии к американскому праву» (1826 — 1830), до сих пор считаются одним из самых авторитетных трудов в этой области.

С. 6

ОуэнРоберт (1771 — 1858) — английский предприниматель, социалист-утопист, теоретик и практик утопической программы переустройства жизни всего человечества на коммунистической основе, которая наиболее полно была изложена им в «Книге нового нравственного мира» (1836 — 1844).

Чаннинг Уильям Эллери (1780 — 1842) — американский теолог, один из основателей американского унитаризма — либерального течения в религиозной жизни протестантской Новой Англии первой половины XIX в.

Хикс Элиас (1748 — 1830) — американский религиозный деятель-квакер. В «Обществе друзей» возглавил либеральное движение, которое стало самостоятельным после раскола в 1827 г.

527

Смит Джозеф (1805 — 1844) — основатель церковной организации «Святые последнего дня», издатель известной «Книги Мормона» (1830), которую он выдавал за перевод таинственных письмен древнеизраильского пророка Мормона — легендарного родоначальника американских индейцев. Отсюда неофициальное название общины — «мормоны».

Гаррисон Уильям Ллойд (1805 — 1879) — американский издатель, журналист, общественный деятель-аболиционист.

Эмерсон Ралф Уолдо (1803 — 1882) — американский философ, поэт, эссеист, глава новоанглийской школы трансцендентализма.

Макреди Уильям Чарлз (1793 — 1873) — английский актер-трагик, режиссер театров Ковент-гарден и Друри-лейн в 1837 — 1843 гг. Неоднократно гастролировал в США. Цитируемое письмо см.: *Ч.Диккенс.* Собр. соч., в 30-ти тт. М., 1959, т. 29, с. 129.

Мартина Гарриет (1802 — 1876) — английская писательница и общественная деятельница либерального направления. Посетила США в 1834 — 1835 гг.

Лоуэлл Джеймс Рассел (1819 — 1891) — американский поэт, эссеист, издатель и дипломат.

С. 7

Малерб Кретьен Гийом де (1721 — 1794) — французский государственный деятель, литератор. Получил особую известность за выступление 18 февраля 1771 г. с речью против политики канцлера Мопу, стремившегося укрепить французский абсолютизм и личную власть Людовика XV путем ограничения полномочий выборных законодательных органов страны. При Людовике XVI ·— министр двора и мэр Парижа.

Гизо Франсуа (1787 — 1874) — французский историк, государственный и политический деятель. В 1840 — 1847 гг. был министром иностранных дел вплоть до назначения премьер-министром в конце 1847 г. С требований об его отставке началась французская революция 1848 г. В данном случае имеются в виду его «знаменитые выступления» в период предвыборной кампании

1829 г., а также первые речи в парламенте.

Правительство Полиньяка — речь идет о назначении Карлом X в августе 1829 г. Жюля Огюста Армана принца де Полиньяка (1780 — 1847) президентом Государственного совета, то есть фактическим главой правительства, просуществовавшего менее года —- лишь до Июльской революции 1830 г.

Карл X (1751 — 1836) — французский король (1824 — 1830) из династии Бурбонов; свергнут в конце июля 1830 г.

...события Трех Дней 1830 года... — Речь идет о так начинаемой Июльской революции 1830 г., вспыхнувшей в связи с публикацией «июльских ордонансов», ограничивавших избирательное право и свободу печати. 27 июля возмущенное население Парижа вышло на улицы с требованиями отставки Полиньяка, а затем с требованиями низложить Карла X, бежавшего из своей резиденции 30 июля. 7 августа «королем французов» был провозглашен Луи Филипп, герцог Орлеанский. Таким образом, буржуазная революция 27 июля — 7 августа 1830 г. во Франции покончила с монархией Бурбонов, олицетворявшей собой феодально-абсолютистский правопорядок, и установила конституционно-монархический строй, короновав «короля банкиров» Луи Филиппа.

...знаменитой группы Доктринеров... — Речь идет о немногочисленной группе политических деятелей периода Реставрации, сыгравшей определенную роль в истории политической мысли и парламентаризма во Франции. К этой группе историки обычно причисляют Франсуа Гизо, Камиля Жордана, Проспера де Баранта, герцога Альбера де Бройи и некоторых других депутатов парламента 1816 — 1824 гг. Считается, что они разработали теоретические основы компромисса между сохранившимися во Франции аристократическими институтами и новыми демократическими структурами.

Шатобриан Франсуа Рене (1768 —1848) — французский писатель и политический деятель. Посетил США в 1791 г. Американский материал лег в основу его повести «Атала, или Любовь двух дикарей» (1801) и путевых заметок «Путешествие в Америку» (1827).

Лафайет Мари Жозеф маркиз де (1757 — 1834) — французский военный и политический деятель. В 1777 —1781 гг. воевал в США, получив там звание генерала американской армии. В 1789 г. —командующий французской революционной Национальной гвардией. С начала 1790-х гг. отошел от активной политической деятельности.

Ливингстон Эдвард (1764 — 1836) — американский юрист,

дипломат, политический и государственный деятель. Во время пребывания Токвиля в США Э.Ливингстон был государственным секретарем (1831 —1833), а затем — американским послом в Париже (1833 — 1835).

528

Сей Жан Батист (1767 — 1832) — французский экономист, изучавший в Великобритании законы функционирования рынка. Автор «Трактата о политической экономии», впервые опубликованного в Париже в 1803г.

С. 8

Пирсон Гамильтон Уилкокс (1817— 1888) — американский священник, историк, литератор Автор книги «Джефферсон в Монтиселло: Частная жизнь Томаса Джефферсона» (1862).

Галлатен Альберт (1761 —1849) — американский финансист, дипломат, политический деятель. Министр финансов в администрации Джефферсона в 1801 — 1812 гг. Посланник США в России в 1813 г. и посол во Франции в 1816 — 1823 гг.

Адаме Джон Куинси (1767—1848) — американский политический и государственный деятель, дипломат; в 1809—1814 гг. — первый американский посланника России. 6-й президент США (1825—1829).

Либер Фрэнсис (1798 —1872) — немецкий юрист, философ и политолог, эмигрировавший в США в 1827 г. Первый издатель Американского энциклопедического словаря «Энсайклопедия Американа» (1829 — 1833). Перевел на английский язык труд Г. де Бомона и А. де Токвиля «О системе наказания в Соединенных Штатах»· (1833). Автор ряда сочинений о принципах самоуправления и о нормах международного права в период войн.

Спорке Джерид (1789 — 1866) — американский теолог, издатель и историк, специализировавшийся по истории Американской революции 1775 — 1783 гг. Весьма свободно обращаясь с документами, Спаркс рассматривал историю как чересчур прямолинейное поступательное развитие общества. Прогрессистский оптимизм ученого, по-видимому, и назван в данном случае «теорией Спаркса».

С. 9

Хартия Людовика XVIII. — Людовик ХУШ (1755 — 1824) — французский король (1814 — 1815 и 1815 — 1824), был коронован в эмиграции в 1795 г. Конституционная хартия, утвержденная им в день своего прибытия в Париж, 4 июля 1814 г., явилась политическим компромиссом между старой дворянской знатью и верхними слоями буржуазии.

Спенсер Джон Кэнфилд (1788 — 1855) — американский юрист, политический и государственный деятель. В 1838 г. издал «Демократию в Америке» в переводе на английский язык, выполненном Генри Ривзом.

Группировка Клинтона. — Клинтон Девитт (1769 — 1828) — американский политический деятель, сенатор, мэр города Нью-Йорк и губернатор штата Нью-Йорк, сыгравший в его истории весьма заметную роль. Умелый тактик и искусный интриган, Клинтон стремился группировать вокруг себя сторонников своих бесконечных реформ и проектов, активно занимаясь «конкретной политикой» — строительством дорог, каналов, отведением земель и т.п.

...с *созданным Руссо образом благородного дикаря...* — Речь идет о центральном для системы взглядов французского философа-просветителя понятии «естественного состояния» общества и человека, противопоставленного им тогдашним этическим, юридическим и политическим взглядам. Когда личность теряет подлинную свободу, считал Ж.Ж. Руссо, она подвергается порче, и, поскольку вся история цивилизации есть история порабощения людей государственностью, наблюдается все более углубляющийся упадок нравов. «Потеря рая» — это притча об утрате людьми своего «естественного состояния» — той природной чистоты и того благородства, которые ныне встречаются разве что у диких народов.

С. 10

Куинси Джосиа (1772 — 1864) — американский юрист, политический и государственный деятель, педагог. Вице-мэр Бостона в 20-е гг.; ректором Гарвардского университета был с 1829 по 1845г.

С. 11

Лэтроуб ДжонХэзлхерст Боунвел (1803 —1891) — американский юрист, изобретатель, филантроп.

БиддлНиколас (1786 — 1844) — американский финансист, с 1823 по 1844 г. президент «Второго банка» Соединенных Штатов, проводил политику централизации американской финансовой системы.

529

«Spoils System» — с англ. букв. — «система распределения трофеев», то есть распределение государственных должностей среди сторонников партии, победившей на выборах, оплата политических услуг путем предоставления должностей.

С. 12

Хатчинсон Томас (1711 — 1786) — американский

государственный деятель, в 1769 — 1774 гг. губернатор колонии Массачусетс. Автор 3-томной «Истории колонии Массачусетского залива» (1764 —1767), последняя часть которой была опубликована посмертно, в 1828 г.

Белнеп Джереми (1744 —1798) — американский священнослужитель, историк. Автор 3-томной «Истории Нью-Гэмпшира» (1784 — 1792) и 2-томной «Американской биографии» (1794 — 1798). Один из основателей Массачусетского исторического общества (1794).

МэзерКоттон (1663 —1728) — священник, теолог, педагог и общественный деятель Новой Англии колониального периода. Автор более 400 научных и литературных трудов, из которых наибольшей известностью пользуется фундаментальный 7-томный труд «Великие деяния Христа в Америке» (1702).

«Федералист» — цикл эссе, посвященных американской конституции, которые под псевдонимом Публий печатались в нью-йоркских газетах с октября 1787 по август 1788 г. В 1788 г. эти эссе были также изданы отдельной книгой под названием «Федералист». Авторами данных эссе являлись Александр Гамильтон, Джеймс Мэдисон и Джон Джей.

Бэкингем Джеймс Силк (1786 —1855) — английский путешественник, писатель. 9 томов его труда «Описание Америки: исторические факты и статистические данные» вышли в 1841 — 1843 гг.

Шевалье Мишель (1806 — 1879) — французский экономист, государственный и политический деятель, публицист, пропагандировавший сен-симонизм. С 1830 г. — главный редактор газеты «Глоб». В 1832 —1835 гг. посетил Центральную и Северную Америку, а в 1836-м — Великобританию. Его 2-томное сочинение «Письма о Северной Америке» вышло в Париже в 1836 г.

С. 13

Бентон Томас Харт (1889 — 1974) — американский художник, один из ведущих представителей «регионального течения» в живописи США, которое достигло своего расцвета в 1930-е гг.

С. 14

...1779 год оказал значительное влияние на события 1789 года, — Речь идет о влиянии успешных боевых действий армии американских колонистов против регулярных войсковых соединений Великобритании на территории Северной Америки на активизацию народных масс Франции, что в конечном счете и подготовило начало Великой французской революции в 1789 г.

Это была новая страна, о которой родственник Токвиля

Шатобриан написал знаменитую повесть и в которой родственник Бомона Лафайет нашел дорогу к славе. — Речь идет о повести Франсуа Рене де Шатобриана «Атала, или Любовь двух дикарей» (1801), а также об участии маркиза де Лафайета, командующего французским соединением, в Войне за независимость 1775 — 1783 гг., благодаря чему он получил звание генерала американской армии и приобрел европейскую известность.

С. 15

Тьер Адольф (1797 —1877) — французский юрист, государственный деятель, историк. Член Французской академии с 1833 г. В дни Июньского восстания 1848 г. выступал за диктатуру генерала Кавеньяка и, будучи одним из лидеров «Партии порядка», поддержал кандидатуру Луи Наполеона Бонапарта на пост президента республики.

..трагическое восстание в Лионе β *1834 году.* — В апреле 1834 г. произошло восстание рабочих лионской шелкоткацкой промышленности, носившее ярко выраженный политический характер: рабочие требовали установления республики. Шесть дней, с 9 по 15 апреля, в городе шли ожесточенные бои. Войска вели артиллерийский огонь, от которого вспыхнули многочисленные пожары, и взрывали дома. Восстание было потоплено в крови — число убитых составило около 800 человек.

...сыграл роль Кассандры. — В древнегреческой мифологии Кассандра — дочь троянского царя Приама, сестра Гектора и Париса. Плененный красотою девушки, Аполлон одарил ее пророческим даром, но, отвергнутый ею, сделал так, что пророчествам Кассандры никто не верил. В данном случае имеется в виду то обстоятельство, что точные, научно обоснованные прогнозы А. де Токвиля вызывали в свое время лишь скептическое недоверие большинства окружавших его людей.

530

С. 16

Руайе-Коллар Пьер Поль (1763 — 1845) — французский государственный деятель, философ.

Милл Джон Стюарт (1806 — 1873) — английский экономист, общественный деятель, философ.

Сениор Нассау Уильям (1790 — 1864) — английский экономист, выступал за режим резкого ограничения потребления, усматривая в этом основной источник первоначального накопления капитала.

Сент-Бёв Шарль Огюстен (1804 — 1869) — французский критик, писатель.

С. 20

Эверетт Эдвард (1794 —1865) — американский политический и государственный деятель, дипломат, филолог.

«...терзался страданиями Вертера и Рене». — Речь идет о персонажах романа Гёте «Страдания молодого Вертера» (1774) и повести Шатобриана «Рене, или Следствия страстей» (1802). В обоих этих произведениях изображаются бурные душевные переживания героев.

С. 21

ПрудонПьерЖозеф (1809 —1865) — французский социалист, теоретик анархизма. Отвергая крупную капиталистическую собственность, он отстаивал право на индивидуальное владение мелкой собственностью, поскольку она не связана с эксплуатацией чужого труда Считал возможным уничтожение классовых привилегий посредством чисто экономических реформ в сфере обращения. Главным орудием раскола общества, источником угнетения и паразитизма Прудон считал государственный аппарат. В период революции 1848 г. Прудон был избран в Учредительное собрание и редактировал ряд газет, выступая в них с резкой критикой президента Луи Наполеона Бонапарта, но одобрил монархический переворот 2 декабря 1851 г.

Монталамбер Марк Рене маркиз де (1714 —1800) — французский аристократ, военный деятель, специалист по фортификации. Консультант военного министра Л. Карно.

Кавеньяк Луи Эжен (1809 — 1857) — французский военный и государственный деятель, завоеватель Алжира, назначенный в 1848 г. его губернатором и почти одновременно с этим — военным министром Франции. Руководил подавлением Июньского восстания 1848 г. в Париже, до середины декабря исполняя функции главы правительства Французской Республики.

Макиавелли Никколо (1469 — 1527) — итальянский ученый, писатель, историк, политический деятель и мыслитель, оказавший значительное влияние на общественную мысль Западной Европы. Макиавелли одним из первых попытался открыть законы политической жизни государства и общественного развития, основываясь на данных истории, своем жизненном опыте, на учете человеческой психики и конкретных реальных обстоятельств. Кроме того, Макиавелли разделял веру большинства гуманистов в могучие творческие возможности человека.

Гоббс Томас (1588 —1679) — английский философ, создатель первой законченной системы механистического материализма и рационалистической гносеологии. Он выделил два «метода

познания»: логическую дедукцию «чистой механики» и индукцию эмпирической «физики». В области этики и политики Гоббс рассматривал государство исключительно как результат договора между людьми, с помощью которого был положен конец естественному догосударственному состоянию «войны всех против всех». Придерживался признания первоначального равенства всех людей между собой. Отдельные граждане, по Гоббсу, добровольно ограничили свои права и свободы в пользу государства, цель которого — обеспечение всеобщей безопасности и гражданского мира. Основой нравственности Гоббс, будучи убежден в низменности чувственной природы человека, считал «естественный закон» — стремление индивидуума к самосохранению и удовлетворению потребностей.

С. 22

Стоффелс Эжен барон (1823 — 1907) — французский военный деятель, дипломат, литератор, автор книг по военной истории, из которых наибольшей известностью пользуется «История Юлия Цезаря» (1887).

Берк Эдмунд (1729 —1797) — английский юрист, политический деятель, публицист, один из лидеров партии вигов.

Лорд Эктон — речь идет о Джоне Эмирихе Эдварде Дальберге, бароне Эктоне (1834 —1902) — английском историке, политическом и государственном деятеле, пэре Англии с 1869 г.

531

Ласки Гарольд Джозеф (1893 — 1950) — английский социолог, политический деятель, идеолог и лидер лейбористской партии в 1930 — 1940-е гг. В своих работах, в частности в книге «Свобода в современном государстве» (1930), проповедовал идеи демократического социализма. Ласки считал, что главную роль в развитии общества играет индивидуальное сознание и поэтому общественный прогресс следует осуществлять не путем революции, а методом нравственного совершенствования общества. Абсолютизируя мировые хозяйственные связи, Ласки считал, что основной «угрозой цивилизации» в настоящее время являются преувеличенные представления о так называемой национальной специфике. В этой связи совершенно закономерным представляется интерес Ласки к Токвилю, которого он должен был в значительной мере воспринимать как своего предшественника, поскольку французский социолог видел в США прежде всего тот этап социального и экономического развития общества, который всей Западной Европе еще предстояло пройти.

С. 23

Когда я писал эту книгу пятнадцать лет тому назад... — Речь идет о работе над первой частью монографии в 1832—1834 гг. (первые два тома первой части были опубликованы в Париже в 1835 г.). Вторая же часть книги — то есть третий и четвертый ее тома—писалась спустя несколько лет и была издана лишь в 1840 г.

С. 28

Людовик XI (1423 — 1483) — французский король из династии Валуа, коронован в 1461 г. Последовательно проводил политику укрепления королевской власти и ее централизации на основе территориального объединения Франции. В борьбе против феодальной знати опирался на города, мелкое и среднее дворянство.

Людовик XIV (1638 —1715)—король Франции из династии Бурбонов, царствовавший с 1643 г. В современной историографии его правление считается апогеем французского абсолютизма.

ЛюдовикXУ (1710 —1774) — король Франции с 1715 г., не любивший заниматься государственными делами и передоверявший их своим фаворитам и фавориткам: герцогу Бурбону (1723 — 1726), кардиналу Флери (1726 —1743), маркизе Помпадур, графине Дюбарри. Правление Людовика XV ознаменовалось общим кризисом французского абсолютизма.

С. 29

...войны с Англией... — Речь идет о так называемой Столетней войне 1337 — 1453 гг., проходившей исключительно на французской территории и представлявшей собой борьбу за родовые наделы в Северной Франции между Капетингами (королями Франции) и Плантагенетами (с середины XI в. — английскими королями).

...институт городских коммунальных советов... — форма городской организации, рожденная в борьбе французских городов с феодальными сеньорами в конце X в. Коммуна — выборный коммунальный совет—это одновременно союз, направленный против сеньора, и орган городского самоуправления.

С. 37

Дарби Уильям (1775 —1854) — американский географ, картограф. Токвиль ссылается на его книгу: *Darby W.* View of the United States. Philadelphia, 1828, — обнаруженную в библиотеке замка семейства де Токвиль.

С. 38

Уорден, «Описание Соединенных Штатов».—Ссылка на французское издание в 5 томах: *D.B. Warden.* Description stanstique, historique et politique des Etats-Unis de l'Amerique septentrionale. 5 vols. P., 1820. Экземпляр этого издания также

имелся в библиотеке родового замка.

С. 39

Малып-Брюн Конрад (наст, имя Брюн Мальте Конрад, 1775 — 1826) — датский литератор и журналист. В 1800 г. был выслан из Копенгагена за сочувствие идеям Великой французской революции. Европейскую известность приобрел как издатель географической литературы. Помимо цитируемого А. де Токвилем труда: *Malte-Brun.* Precis de la Geographic universelle ou Description de toutes les parties du Monde... Vols.I — VIE. P., 1810 — 1829, — Мальт-Брюн также издал в Париже «Annales des voyages, de la geographic et de 1'histoire». Vols. I — XXIV. P., 1808 — 1814. В ссылке Токвиля ошибка: цитата взята не из Ш, а из V тома издания.

532

С. 40

..сочинения господина Гумбольдта... — В данном случае речь идет о Вильгельме Гумбольдте (1767 —1835) — немецком государственном деятеле и филологе-языковеде, пользовавшемся в первой половине XIX *в.* весьма внушительным авторитетом. Гумбольдт, однако, не был создателем данной гипотезы. О сходстве внешнего вида, языков и обычаев между североамериканскими индейцами и коренными жителями Северо-Восточной Сибири писал еще в конце XVII в. Коттон Мэзер в книге «Великие деяния Христа в Америке» (1702). При этом он ссылался на беседы французских миссионеров с «губернатором Оби» Мусиным-Пушкиным, будто бы высказавшим подобное предположение.

Фишер, (Предположения относительно происхождения американских аборигенов» — по-видимому, речь идет о книге: *Fischer J.E.* De l'Origine des Americains. St.Petersburg, 1771.

Эйдер, «История американских индейцев» — имеется в виду книга, впервые опубликованная в Лондоне в 1775 г.: *Adair James.* The history of the American Indians; particularly those nations adjoining to the Mississippi, East and West Florida, Georgia, South and North Carolines and Virginia: containing an account of their origin, language, manners, religions and civil customs, laws, form of government, punishments, conduct in war and domestic life; theis habits, diet, agriculture, manufacture, disease and methods of cure and other particulars. L., 1775.

С.41

Приводимые Токвилем цитаты из сочинения Томаса Джефферсона содержатся на с. 213 бостонского 1832 года издания «Записок о штате Виргиния» и представляют собой

довольно свободный пересказ содержания приводимого текста.

Лепаж-Дюпратц, «История Луизианы» — имеется в виду книга: *Le Page du Pratz.* Histoire de la Louisiana. 3 vols. P., 1758, — принадлежащая перу автора, о жизни которого не сохранилось никаких сведений.

Шарлевуа, «История Новой Франции». — Пьер Франсуа Ксавьер де Шарлевуа (1682 — 1761) — французский религиозный деятель-иезуит, историк, путешественник и писатель, который в 1721 г. проплыл на лодке весь путь от верховьев Миссисипи до Нового Орлеана. Имеется в виду сочинение: *Charlevoix P.F.K.* Histoire et Description generale de la Nouvelle France avec le journal historique d'un voyage fait par ordre du Roi dans l'Amerique septentrionale. 3 vols. P., 1744.

Письма преподобного Хеквельдера — имеется в виду Джон Готтлиб Эрнст Хеквельдер (1743—1823) — американский миссионер чешского происхождения. Он принадлежал к церковной организации моравских братьев. Работал среди индейских племен на территории штатов Пенсильвания и Огайо. Его письма были впервые опубликованы в периодическом издании: Transactions of the American Philosophical Society. Vol. I, Philadelphia, 1819, p. 356 — 464. — Letters of the Reverend G.Heckewelder.

...на этой территории еще до появления индейцев существовал и другой народ, более цивилизованный и развитый во всех отношениях. — Данная гипотеза, выдвинутая в XVIII—XIX ва, археологическими разысканиями не подтвердилась. Следов народа, якобы жившего на территории обеих Америк до переселения туда индейских племен, не обнаружено. Речь может идти лишь об отдельных мореплавателях или даже о целых командах кораблей, случайно попадавших в Новый Свет и не сумевших оттуда выбраться, — о финикийских, древнеегипетских, древнегреческих и римских моряках.

С. 44

...внутри самой монархии Тюдоров уже утвердился принцип народовластия. — Имеется в виду формирование системы демократического представительства в законодательных и судебных органах власти, юридически закрепленной Хартией вольности (1215) и к концу XV в. ставшей уже правовой нормой жизни английского общества. Период царствования династии Тюдоров (1485 —1603) — расцвет английского абсолютизма.

Это была эпоха самого разгара борьбы различных религиозных направлений, всколыхнувшая весь христианский мир. — Речь идет об эпохе Реформации (XVI — XVH вв.), в течение которой в Западной Европе шли почти беспрерывные религиозные войны,

позволившие в итоге большинству государств освободиться от финансовой и религиозно-идеологической зависимости от Ватикана

С. 45

Первая английская колония была основана в Виргинии... — Токвиль имеет в виду первую колонию, которая оказалась жизнеспособной, тах как за 20 лет до основания поселения Джеймстаун в Виргинии (1607) 108 англичан-колонистов высадились 20 июня 1587 г. на острове Роуноук

533

(ныне территория Северной Каролины). Судьба этих колонистов, однако, осталась неизвестной: вернувшись туда в 1591 г., экипажи английских кораблей не нашли на острове ни одного человека. Форт сохранился нетронутым.

Маршалл Джон—см. коммент. к с. 5. Его 5-томная монография «Жизнь Джорджа Вашингтона» была опубликована в 1804 — 1807 гг. Текстологическое исследование показало, что А. де Токвиль пользовался франкоязычным изданием этой книги, опубликованной в Париже в 1807 г.

Опит Уильям (1707 — 1755) — американский государственный деятель, родившийся в колонии, автор «History of Virginia from the first settlements in the 1624» (1747).

Смит Джон — в основном известен как капитан Джон Смит (1580 — 1631) — английский военнослужащий, мореплаватель, искатель приключений. Первый губернатор Виргинии (1607 — 1608). Автор ряда сочинений. В данном случае имеется в виду его «Общая история Виргинии, Саммерских островов и Новой Англии», впервые опубликованная в Лондоне в 1623 г.

БеверлиРоберт (1673 —1722) — американский историк раннеколониального периода, автор сочинения «History and the present state of Virginia» (1705), вышедшего в Лондоне посмертно в 1722 г. вторым, исправленным и дополненным, изданием. На французском языке книга вышла в Амстердаме и в Париже в 1807 г.

По этой теме смотрите сочинение Чалмера. — Речь, по всей видимости, идет о книге Джорджа Чалмера «An introduction to the history of the revolt of the colonies». L, 1782.

С.46

..лилигримы принадлежали к той секте в Англии, которая за строгость своих нравственных принципов была названа пуританской. — В данном отношении А. де Токвиль не вполне точен: отцы-пилигримы, основавшие в 1620 г. поселение Плимут, принадлежали к секте «браунистов», которая в колониях стала

называться движением «сепаратистов» или же «конгрегационалистов», а в Англии — «индепендентами». Основным для них с точки зрения церковной организации являлось требование самостоятельности и независимости каждого прихода, каждой конгрегации и, следовательно, отказ от какой бы то ни было иерархической подчиненности среди священнослужителей.

Несмотря на то что пилигримы, разумеется, принадлежали к пуританскому течению, название это отнюдь не имело какого бы то ни было отношения к строгости нравственных принципов. Среди пуритан, в частности, были также и секты, требовавшие коллективной семьи (например, фамилисты), и общины, выступавшие за легализацию разводов. Пуританизм в целом представлял собой пестрый конгломерат общин, течений и сект, представители которых считали, что реформы 1560 — 1570-х гг. не вполне «вычистили» английскую государственную церковь от католического наследия. Название этого течения религиозной мысли и общественного движения произошло от английского глагола «purify» — чистить, вычищать.

С. 47

Мортон Натаниел (1613 — 1685) — секретарь плимутской колонии, племянник ее губернатора Уильяма Брэдфорда. Автор хроники «New England's Memorial», впервые напечатанной типографией Гарварда в 1669 г. Как выяснилось впоследствии, эта хроника представляет собой не слишком умелую компиляцию в то время не публиковавшихся сочинений его предшественников.

Хатчинсон Томас (1711 —1780) — американский политический и государственный деятель колониального периода, губернатор Массачусетса (1769 — 1774), автор 2-томной «History of the colony of Massachusetts Bay». L., 1776 — 1777.

С.48

Питкин Тимоти (1766 — 1847) — американский политический деятель, конгрессмен в 1805 — 1819 гг., автор упоминаемой книги «A political and civil history of the United States» (1828).

*«Мы, нижеподписавшиеся...** — Цитируемый текст представляет собой отрывок из знаменитого «Мейфлауэрского договора» — документа, подписанного в 1630 г. на борту «Мейфлауэра» его пассажирами. В этом договоре, который впоследствии стал называться «прообразом американской конституции», содержатся основополагающие принципы общественного устройства колонии Массачусетского залива, ее правовые нормы.

Религиозные и политические страсти, раздиравшие

Британскую империю в течение всего царствования Карла I... — Речь идет о попытках английского короля Карла I в 1625 —1649 гг. подчинить диссидентствующие общины и секты церковной власти архиепископа Кентерберийского и

светской власти короны, а также об Английской буржуазной революции (1640 —1649), сопровождавшейся борьбой различных религиозных группировок.

С. 49

Хээард Эбенезер (1744 — 1817) — американский государственный служащий, смотритель почты, собиратель и издатель коллекций исторических документов. В данном случае речь идет об издании «Historical collection, consisting of state papers and other authentic documents, intended as materials for an history of the United States of America». Philadelphia, 1792.

Опоры *Джозеф* — см. коммент. к с. 5.

Карл II (1630 — 1685) — король Англии; коронован в 1660 г.

«Кодекс 1650 года» — имеется в виду сборник, который в каталоге Библиотеки конгресса описан следующим образом:

Connecticut (colony). Laws, statutes, etc. The code of 1650, being a compilation of the earliest laws and orders of the General Court of Connecticut: also, the constitution, or civil compact, entered into and adopted by the towus of Windsor, Hartford, and Wetherfield in 1638-9. To which is added some extracts from the laws and judicial proceedings of New Haven colony, commonly called Blue laws. Hartford, S.Anclrews, 1830. — 119 p.

С.50

...из книг Второзакония, Исхода и Левита. — Речь идет о второй, третьей и пятой книгах ветхозаветного «Пятикнижия Моисеева».

С. 53

*«Нам не следует заблуждаться относительно того, что мы понимаем под нашей независимостью..** — Токвиль пользовался хартфордским 1800 г. изданием «Magnolia Christi Americana». Сноска неверна: следует читать — т. I, с. 116.

Уинтроп Джон (1588 —1649) — колониальный политический деятель, юрист, губернатор Массачусетса в течение нескольких срокоа В американской историографии известен как автор «Журнала Уинтропа», записи которого охватывают период с 1630 по 1649 г. Этот дневник впервые был опубликован в 1825 —1826 гг. и стал одним из основных документальных источников по истории колонии Массачусетс того периода. В данном случае цитируется речь, произнесенная Джоном Уинтропом-старшим

перед общим собранием колонии в 1645 г., текст которой он полностью воспроизвел в своем дневнике.

С. 55

Блэкстон Уильям (1723 — 1780) — английский юрист, автор знаменитых «Комментариев к законам Англии» (1765 — 1768) — основного учебного пособия для английских и американских юристов в течение всего XLX в.

Делолм Жан Луи (1740 — 1806) — швейцарский юрист, издавший в 1771 г. в Амстердаме книгу «Конституция Англии» на французском языке. В следующем, 1772 г. в Лондоне вышло исправленное и дополненное автором англоязычное издание работы.

С. 56

В большинстве штатов, расположенных на юго-западе от Гудзона, поселились богатые землевладельцы. — Современные исследования установили ошибочность данного представления, хотя в XDC в. оно считалось своего рода аксиомой. Все аристократические принципы, законы и характерный для богатых английских лендлордов образ жизни были воспроизведены в южных колониях, как это ни странно, выходцами из третьего сословия.

С. 66

«Справочник» Уильямса. — Имеется в виду: The New York annual register for the year of our Lord, 1832, *by Edwin Williams,* N.Y., 1832.

«Должностное лицо городского управления». — Токвиль здесь ссылается на книгу: *Goodwin Isaac.* Town officer or Law of Massachusetts. Worcester, 1829, — которая была обнаружена в его библиотеке в родовом замке.

С. 77

...выполняющий отдельные функции атторнея. — То есть, по нашим понятиям, функции, связанные с прокурорским надзором.

535

С. 82

Франклин Бенджамин (1706 — 1790) — американский издатель, литератор, философ-естествоиспытатель, государственный деятель и дипломат.

С. 87

Один талантливый писатель... — О ком именно идет в данном случае речь, установить не удалось.

С. 92

Парижский парламент. — В королевской Франции — высшая судебная палата, обладавшая правом регистрировать королевские

указы либо отклонять их, предъявляя свои возражения.

С. 96

На VIII году существования Французской республики... — Имеется в виду система летосчисления по календарю Великой французской революции, который был введен постановлением Национального конвента от 5 октября 1793 г. За начало счета лет была принята дата уничтожения королевской власти и провозглашения республики 22 сентября 1792 г., совпавшая с днем осеннего равноденствия. По этому календарю год делился на 12 месяцев по 30 дней в каждом. Вместо семидневной недели месяц делился на три декады. 1 января 1806 г. республиканский календарь был снова заменен григорианским.

С. 101

Пока шла война с метрополией... — Речь идет об Американской революции 1775 —1783 гг., также известной в нашей историографии как Война за независимость.

С. 102

..поддерживаемые могущественным союзником, Соединенные Штаты... — Речь идет о Франции, которая поддержала национально-освободительное движение в североамериканских колониях Великобритании. Эта поддержка обусловливалась политическими интересами французского двора, стремившегося ослабить имперское могущество Англии — своей извечной соперницы.

Мэдисон Джеймс — см. коммент. к с. 5.

Гамильтон Александр (1757 —1804) — американский политический и государственный деятель, теоретик федерализма. Министр финансов в администрации Джорджа Вашингтона (1789 — 1795). Ведущий автор «Федералиста».

...двое Моррисов. —Моррис Льюис (1726 —1798) — американский военный и политический деятель. *Моррис Роберт* (1734 —1806) — американский коммерсант, политический деятель.

Таким образом, Американская революция кончилась как раз тогда, когда началась наша. — Токвиль на 6 лет растягивает революционный процесс в Северной Америке, считая, что независимо от факта окончания войны, подписания мирного договора и признания Великобританией Соединенных Штатов в качестве суверенного государства в 1783 г. революция продолжалась вплоть до выборов первого американского президента Джорджа Вашингтона в 1789 г.

С. 103

Джей Джон (1745— 1829) — американский юрист, дипломат, политический деятель, губернатор штата Нью-Йорк.

С. 109

Англичане, отрубив голову одному из своих королей и согнав с трона другого... — Речь идет об английских королях династии Стюартов Карле I (1600 — 1649), правившем с 1625 г. и казненном по решению специального трибунала за измену родине, и его сыне Якове П (1633 —1701), правившем с 1685 г., низложенном в 1688 г. и бежавшем во Францию.

С. ИЗ

Революции в Польше нельзя объяснить одним лишь фактом существования там выборности... — Речь идет о своеобразии польского государственного устройства, сочетавшего в себе как республиканские, так и монархические институты правления в период 1572 — 1795 гг.

536

После смерти последнего польского короля из династии Ягеллонов Сигизмунда П Августа (1548 — 1572) сейм практически установил в Польше республику, добившись для себя права выбирать каждого очередного монарха и отменять любой его указ. Подобное противостояние короны и сейма, в котором в свою очередь постоянно противоборствовали соперничавшие группировки шляхты, крайне ограничило полномочия исполнительной власти в стране, приведя к резкой ее децентрализации. А. де Токвиль тем не менее считал, что подобный кризис власти отнюдь не являлся единственной причиной всех тех бурь и катаклизмов, которые ожидали Польшу в ХУЛ — ХУШ вв. и в конечном счете привели к ее исчезновению в качестве самостоятельного, суверенного государства — разделу Речи Посполитой между Австрией, Пруссией и Россией.

«Я уже столь близок к моменту моей отставки, —писал президент Джефферсон 21 января 1809 года.." — Поскольку в то время еще не была введена конституционная норма, ограничивающая период пребывания президента США у власти двумя сроками подряд, Томас Джефферсон имел право баллотироваться в третий раз. Он, однако, предпочел последовать примеру Джорджа Вашингтона, заранее объявив об отставке по окончании второго срока. Бразды правления страной Джеймсу Мэдисону, 4-му президенту США, Джефферсон передал 4 марта 1809 г.

С. 115

Поставив избрание короля в зависимость от вето одного человека... — Речь идет о том, что по регламенту в польском сейме ряд важнейших вопросов, в том числе и избрание нового короля, считались принятыми только в случае единогласного их

решения.

С. 117

Адаме Джон Куинси — см. коммент. к с. 8.

С. 132

Швейцария, Германская империя, республика Нидерланды либо были, либо продолжают оставаться федерациями. — Швейцарская конфедерация была впервые провозглашена как фактически самостоятельное государство в рамках Священной Римской империи в 1291 г., когда боровшиеся против Габсбургов лесные кантоны заключили между собой «вечный союз», просуществовавший вплоть до 1798 г. и присоединявший к себе постепенно новые кантоны и союзные земли. В период наполеоновских войн Швейцария стала централизованным унитарным государством — Гельветической Республикой. По новому союзному договору (1815) Швейцария стала объединением 22 самостоятельных, слабо связанных между собой кантонов, верховная власть над которыми оставалась в руках федерального собрания.

Германская империя — точнее, Германский союз — после 1815 г. и вплоть до 70-х гг. XIX в. представляла собой конфедерацию, в которой первоначально руководящую роль играла Австрия, а затем, с 1834 г., времени возникновения Германского таможенного союза, Пруссия, под эгидой которой и была создана монархическая Германская империя.

Нидерланды в XVII — XVIII вв. представляли собой Республику Соединенных Провинций, в которой верховная власть принадлежала Генеральным штатам и Государственному совету. Наместнику из дома Оранских вверялось лишь командование вооруженными силами. В соответствии с решением Венского конгресса провинции были насильственно объединены в унитарное Нидерландское королевство — провозглашено 15 мая 1815 г.

Так было у греков при Филиппе, когда этот царь подчинил своему влиянию Амфиктионию. — Амфиктиония — религиозно-политический союз племен и городов в Древней Греции, имевший целью совместное отправление культа в общем святилище, его охрану, распоряжение казной, а также разрешение мирным путем конфликтов, возникавших между участниками данного союза. Токвиль имел в виду дельфийско-пилейскую Амфиктионию, состоявшую из 22 общин Средней Греции и Фессалии. Поскольку к 338 г. до н. э. македонский царь Филипп II, использовав как военные, так и дипломатические средства, установил фактическую гегемонию над всей Грецией, он, естественно, «подчинил своему влиянию» и дельфийско-пилейскую

Амфиктионию.

С 140

...американского народа, занимающего территорию, равную половине всего Европейского континента. — А. де Токвиль имеет в виду территорию, занимаемую в 1830-е гг. 24 североамериканскими штатами.

537

С. 141

Война 1812 года. — Речь идет о войне США с Великобританией (июнь 1812 г. — декабрь 1814 г.), посредством которой Великобритания, использовав экономическую зависимость США от своей промышленности, а также слабость их вооруженных сил, решила восстановить господство над своими бывшими колониями.

..революцию представлял чрезвычайно известный и популярный в народе человек... — Имеется в виду главнокомандующий американской армией генерал Джордж Вашингтон (1732 — 1799).

С. 142

На юге Союз граничит с Мексикой — возможно, здесь когда-нибудь и могут возникнуть крупные войны. — Предположение Токвиля оказалось поразительно точным: через 12 лет после первой публикации этой книги США развязали войну против Мексики (1846 — 1848).

С. 147

...имущие классы в массе своей встают на сторону Банка, народ же поддерживает президента. — Речь идет о борьбе банков каждого отдельного штата против централизации кредитно-финансовой деятельности в рамках федерации. Конфликт возник в связи с созданием в 1816 г. так называемого «Второго банка» Соединенных Штатов. Под руководством крупного финансиста Н. Биддла (см.коммент. к с. 11) «Второй банк» начал концентрировать в своих руках значительную часть вкладов и свободных денег, подрывая тем самым запасы частных кредитных банков, а также кредитоспособность банков штатов. Под давлением конгресса президент страны Эндрю Джэксон выступил против столь серьезной централизации финансов и использовал свое право вето в пролонгации лицензии «Второму банку», который вследствие этого прекратил в 1836 г. свое существование.

С. 152

Правило поручительства. — Речь идет о практике финансовой или юридической, а иногда и той и другой ответственности за регистрируемый орган печати, которую

принимает на себя какое-либо лицо или же организация.

С. 153

Один великий человек сказал, что на обоих концах знания находится незнание. — Имеется в виду высказывание Блеза Паскаля: «Знание имеет два предела, касающиеся друг друга: первый — это чистое природное незнание, в котором находятся все люди при рождении. Другой предел — это тот, до которого доходят великие души, которые, изведав все, что человеку можно знать, находят, что они ничего не знают, и встречаются с тем самым незнанием, от которого они отправились. Но это уже умное незнание, сознающее себя». —*Паскаль Б.* Мысли (о религии). Пер. с франц. П.Д. Первова. М., 1905, с. 68.

С. 156

Все помнят, насколько вопрос тарифа и свободы торговли взволновал умы в Америке. — Во время революционных войн Французской республики, а затем Империи, длившихся с 1792 по 1815 г., был нарушен традиционный товарообмен между Соединенными Штатами и Францией. Это способствовало созданию в северо-восточных штатах собственных мануфактур, возмещавших сокращение импорта Когда после установления мира в Европе в 1815 г. в Новый Свет опять стали поставляться европейские промышленные товары в прежнем объеме, федеральное правительство, заинтересованное в развитии собственной индустрии, сочло необходимым ввести в стране протекционистские таможенные пошлины, облагая ими импорт на основе специально разработанного тарифа. Южные штаты, где фактически не имелось местной промышленности, немедленно выступили против этой дискриминационной меры. 1 октября 1831 г. в Филадельфии был открыт конвент всех противников тарифа, на котором обсуждались и координировались мероприятия, направленные против торгового тарифа. Высшего накала эта борьба достигла в следующем, 1832 г., заставив федеральную администрацию пойти на целый ряд уступок.

С. 161

...убегает, или, как говорит Паскаль, обращается в бесконечное бегство. — Источник цитирования не установлен.

538

С. 162

Судья Кент — см. коммент. к с. 5.

С. 168

...подобно листьям Сивиллы, от ветра разлетающемся в разные стороны. — Имеется в виду древнегреческая легенда о прорицательнице Сивилле. Свои предсказания она писала на

дубовых листьях, которые разносил ветер. Чтобы определить смысл предсказания, эти листья необходимо было собрать воедино.

С. 172

...во времена Империц,.. — Речь идет о десятилетии императорского правления Наполеона I (1804—1814).

С. 174

Ричарде Бенджамин Вуд (1797 — 1851) — американский политический деятель, мэр города Филадельфия в 1830 — 1831 гг.

С. 178

Назвать республикой олигархию, правившую во Франции в 1793 году, — значит оскорбить республику как таковую. — Имеется в виду режим правления якобинцев во главе с Робеспьером, Маратом, Дантоном, Сен-Жюстом, Шометтом, Эбером и др. Захватив власть в результате переворота 31 мая — 2 июня 1793 г., якобинцы установили диктатуру, при которой у власти оказалась очень небольшая группа людей, объявившая, что она обладает всей полнотой властных полномочий и правит от имени и во благо всего французского народа.

...принятие американцами решения сразу отказаться от употребления чая. — Имеется в виду один из эпизодов истории борьбы североамериканских колоний за свою независимость от Великобритании. Решение английского парламента предоставить Ост-Индской компании право беспошлинного ввоза чая в колонии Северной Америки, вводя одновременно налог с покупок чая — очень популярного в колониях напитка, вызвало негодование большинства колонистов как направленное на подрыв местной экономики. Ряд патриотических организаций обратились к колонистам с призывом временно вообще отказаться от употребления чая. Кроме того, в декабре 1773 г. группа людей, принадлежавших к обществу «Сыны свободы», переодевшись индейцами, проникла на прибывшие в Бостонский порт купеческие корабли и выбросила в море большое количество ящиков с чаем.

С. 181

Вашингтон писал... — Высказывания Джорджа Вашингтона цитируются по указанной выше биографической книге Джона Маршалла (см. коммент. к с. 5 и 45) 1807 г. издания, т. 5, с. 775, 776.

С. 182

Источник цитаты из Джефферсона не установлен.

С. 183

...не побоялись даже в завуалированной форме сравнить с

предателем Арнольдом. — Речь идет о Бенедикте Арнольде (1741 — 1801), американском военном деятеле, утвержденном в звании генерала армии колонистов решением конгресса от 10 января 1776 г., а затем, в 1779 г., из-за конфликтов с тем же конгрессом открыто перешедшем на сторону англичан. Основой подобного завуалированного сравнения Джорджа Вашингтона с Арнольдом послужил прозрачный намек на то, что Вашингтон в свое время весьма активно поддерживал Арнольда. Не вспоминая о том, что Арнольд был одним из самых авторитетных и популярных военачальников в офицерской и солдатской среде американской армии, автор считает, что Вашингтон чувствовал в Арнольде родную душу, то есть и сам питал слабость к личной славе, власти и деньгам.

С. 191

Монтескье замечает где-то... — Имеется в виду сочинение французского философа и писателя Шарля Луи де Секонда барона де Монтескье (1689 — 1755) «Размышления о причинах величия и падения римлян» (1734).

539

С. 200

Лабрюйер писал свою главу о вельможах... — Речь идет о главе «Гранды» из книги Жана де Лабрюйера (1645— 1696) «Характеры, или Нравы нашего века», опубликованной в Париже в 1688 г.

С. 207

Туаза — старинная французская мера длины, равная 1,949 м.

С. 215

...воспоминания о победе, одержанной им (генералом Джэксоном) *двадцать лет тому назад под стенами Нового Орлеана.* — Токвиль имеет в виду сражение в январе 1815 г. против английской армии, заставившее Великобританию отказаться от плана захвата своих бывших колоний.

Данная автором характеристика Эндрю Джэксона, 7-го президента США (1829 — 1837), однако, весьма далека от объективности: Джэксон был не только популярным военачальником, но и крупным политическим деятелем. Группировка, в которую объединились его сторонники, положила начало Демократической партии США, опиравшейся в то время на союз всех землевладельцев. Кроме того, именно при Джэксоне утвердилась и столь эффективная для американской системы правления практика раздачи официальных должностей сторонникам партии, одержавшей победу на президентских выборах.

Негативное мнение Токвиля, вероятно, было обусловлено той резко отрицательной оценкой политики и манер демократичного Джэксона представителями американской социальной, политической и научной элиты, с которыми французский путешественник общался по преимуществу во время своего пребывания в Соединенных Штатах.

В Америке нет ни одной крупной столицы... — Токвиль, безусловно, имеет в виду не численность населения столиц штатов, а то обстоятельство, что ни одна из них, равно как и столица всего государства, еще не могла играть роль экономического и культурного центра страны, то есть ту роль, которую некоторое время спустя стал играть сначала Бостон — столица Массачусетса, — а затем Нью-Йорк.

...судьба *человечества была предопределена первым человеком.* — Имеется в виду библейская легенда о грехопадении первых людей—Адама и Евы, — в результате которого человечество утратило вечное блаженство и лишилось бессмертия.

С. 221

...организация помощи Польше, сбор и доставка оружия и денег в эту страну. — Речь идет о кампании помощи, организованной в США во время Польского восстания 1830 — 1831 гг., которым были охвачены все польские земли, находившиеся под властью царской России.

С. 222

...не дай опять свершиться несправедливости, свидетелем которой мир был пятьдесят лет тому назад. — Упадком власти, ослаблением политической и военной мощи Речи Посполитой в XVHI в. не преминули воспользоваться соседние с нею государства (Австрия, Пруссия, Россия), которые, опираясь на поддержку различных враждовавших между собой магнатско-шляхетских группировок, добились в 1772 г. частичного, а в 1795 г. — полного раздела Речи Посполитой.

...сделай так, чтобы французский народ стряхнул с себя оцепенение, в котором его держат правители, и опять пошел на борьбу за свободу в мире. — Поскольку антифранцузская коалиция объединяла по преимуществу абсолютистско-феодальные монархии, войны, которые вела Французская Республика, а затем Империя, воспринимались многими людьми того времени как освободительные. В частности, связав свои надежды с революционной Францией, видные патриоты Польши сражались в польских легионах армии Бонапарта. В 1807 г. Наполеон I, разгромив Пруссию, из части захваченных ею польских земель создал политически зависимое от Франции Варшавское герцогство.

С. 224

...идею Спинозы о вечности мира... — *Спиноза Бенедикт* (1632 — 1677) — голландский философ-пантеист, выдвинувший в своем главном труде «Этика» (1665—1675) учение о несотво-

римости «субстанции», согласно которому материальный мир вечен, поскольку изменениям подвержены лишь его состояния.

Кабанис Пьер Жан Жорж (1757— 1808) — французский врач, физиолог, философ. Его основное сочинение, на которое ссылается Токвиль, —монография «Отношение между физической и нравственной природой человека» (1802).

С. 229

Фултону пришлось долгие годы отдавать свой талант другим народам... — Речь идет об американском инженере Роберте Фултоне (1765 — 1815), долгое время жившем и работавшем в разных странах Западной Европы. В 1807 г. он построил и спустил на воду знаменитый «Клермонт» — первый в мире рабочий образец парохода. К великому удивлению Фултона, его изобретение вызвало многочисленные насмешки со стороны земляков, а «Клермонт» некоторое время называли не иначе, как «придурь Фултона».

С. 236

...изучать памятники античности... — Речь идет о произведениях римских писателей и историографов периода Римской империи (Сенека, Тацит и др.).

С. 237

...монархию Генриха IVили Людовика XTV... — Речь идет о периоде наивысшего расцвета французского абсолютизма: конец XVI — начало ХУШ в.

С. 240

Для него (индейца) *свобода — это отсутствие почти всех общественных связей.* — Типичный пример создания стереотипа, не имеющего почти никакого реального содержания, путем прямого переноса собственных представлений на культуру иного периода развития. С точки зрения социальных связей индеец имел значительно больше обязанностей перед своими сородичами и соплеменниками, чем любой европеец XIX в., и поэтому его поведение было гораздо более регламентированным как собственно социальными требованиями, так и чисто физическими потребностями. Другое дело, что сферы жизнедеятельности, подлежавшие нормированию и регламентации, в европейской и североамериканской, индейской, культурах первой трети XIX в. по большей части не совпадали.

Там, где белый был особенно крепко «зажат» (отношение собственности, вероисповедание, половая и семейная жизнь), индеец мог вести себя значительно свободнее.

Когда в 1810 году началась война с англичанами... — В рассказе майора либо неточность, сохраненная Токвилем в записи, либо это описка самого автора: речь идет о начале боевых действий в 1812 г.

Крики — название, данное в ХУЛ в. европейцами конфедерации индейских мусожских племен, населявших территории современных штатов Алабама и Джорджия.

С. 241

Чироки (или чероки) — ирокезоязычное индейское племя, первым среди всех индейских племен и народностей в Северной Америке получившее благодаря деятельности метиса Секвойи свою письменность в начале XIX в., основанную на латинском алфавите. В 1840-х гг. чироки были насильственно переселены из своего исконного района проживания на Северо-Востоке США в резервации Оклахомы и Северной Каролины.

Наррагансеты — алгонкиноязычное индейское племя, проживавшее на юге Новой Англии и на Род-Айленде. Почти полностью было истреблено во время так называемой «войны короля Филипа» (1675 — 1676).

Могикане — алгонкиноязычное индейское племя, проживавшее в долине реки Гудзон. В XIX в. были переселены в резервацию Стокбридж (Висконсин).

Пикоты — алгонкиноязычное индейское племя, ближайшее по крови к могиканам, проживавшее на территории современного штата Коннектикут.

Ленапы—точнее, «лени-ленапе»—самоназвание делавэров, индейского племени алгонкинской языковой семьи. В ХУЛ в. занимали территорию современных штатов Делавэр, Нью-Джерси, Нью-Йорк и Пенсильвания. Имели собственную пиктографическую письменность.

Пенн Уильям (1644 —1718)—английский политический, общественный и религиозный деятельквакер. Встреча с делавэрами штата Пенсильвания, о которой идет речь, состоялась в 1682 г.

541

Ирокезы — группа индейских племен, объединенных с 70-х гг. XVI в. в Союз племен (могавки, онеида, онондога, кайюга, сенека, тускарора), представлявший собой военную демократию. Ко времени приезда Токвиля в США Союз племен был разгромлен американскими войсками, а ирокезы были размещены в 16

резервациях Соединенных Штатов и Канады.

Кларк Уильям (1770 — 1838) — американский военный и государственный деятель, картограф. Возглавлял ряд правительственных экспедиций по изучению внутренних территорий западной части США.

Касс Льюис (1782 — 1866) — американский юрист, дипломат, военный и государственный деятель. В 1830-е гг. занимал пост военного министра в администрации Э. Джэксона. Руководил операцией по переселению индейских племен хоук и семинолы на западный берег Миссисипи. В 1836 — 1844 гг. — посол США во Франции.

С. 242

...пишет Вольне в своей книге... — Имеется в виду книга: *Volney C.* Tableau du climat et du sol des Etats-Unis, p. 1803, — принадлежавшая перу французского политического деятеля, писателя и ориенталиста Константена Вольне (1757 — 1820). Вольне посетил США в 1795 г., и, поскольку в Америке знали, что он был дружен с Б. Франклином, ему был устроен прием самим президентом Дж. Вашингтоном.

С. 243

Шоктавы (или шактасы), также известные как шауни (или шони) — индейское племя, принадлежащее к алгонкинской языковой семье, в XVII а населяло территорию по руслу реки Камберленд. В течение ХУШ — начале XIX в. племя постепенно оттеснялось со своих земель сначала на север — до Пенсильвании, а затем на запад — до Миссури. В начале XIX в. вождь шауни Текумсе попытался организовать общее сопротивление индейских племен продвижению белой колонизации за реку Огайо. В настоящее время шауни проживают в резервациях Канзаса и Оклахомы.

Касс в настоящее время — военный министр федерального правительства. — Бригадный генерал Льюис Касс занимал этот пост с конца 1830 по 1836 г., вплоть до своего назначения на должность посла США во Франции (см. коммент. к с. 241).

С. 244

Эверетт Эдвард (1794 — 1865) — американский государственный деятель, дипломат, ученый и теолог. Член палаты представителей конгресса США с конца 1820-х гг. Губернатор Массачусетса в 1835 — 1839 гг.; ректор Гарвардского университета в 1846 — 1849 гг.; государственный секретарь США в 1852 —1854 гг.

Озажи (франц. от wazhazhe) — родовое название индейского племени, родственного индейцам сиу и населявшего земли между реками Арканзас и Миссури.

...господин Белл, докладчик комитета по делам индейцев... — Речь идет об американском юристе, государственном и политическом деятеле Джоне Белле (1797 — 1869), видном конгрессмене в 1820 — 1830-х гг.

...войну, которую вампаноаги и другие племена, объединившись под руководством Метакома, вели против колонистов Новой Англии в 1675 году... — Речь идет о так называемой «войне короля Филипа», которая в 1675 — 1676 гг. велась на территории Массачусетса и РодАйленда против вождя алгонкиноязычного племени вампаноагов Метакомета (или Пометакома, ок. 1630 г.— 12.8.1676), сумевшего объединить вокруг себя индейские племена нипмак и наррагансеты.

...а также войну, которую пришлось вести англичанам в Виргинии в 1622 году. — Речь идет о вооруженной борьбе англичан-колонистов против Поухатанской конфедерации алгонкинских племен в 1622 — 1636 гг. В ходе этой затяжной войны почти все английские поселения подвергались внезапным нападениям индейцев.

С. 245

Люди, ведущие праздную и полную приключений жизнь охотников, испытывают почти непреодолимое отвращение к постоянной и однообразной работе, которой требует земледелие. — Характерный образец так называемой психологической историографии и социологии, когда те или иные особенности общественного устройства или развития объясняются как проявление особого национального характера, склада ума Более глубокое и всестороннее изучение индейских культур показало, что земледелием занималось в Северной Америке как раз большинство

542

племен. А вот домашнее животноводство у них почти нигде так и не привилось, по-видимому из-за обилия диких животных и малой плотности населения. Л без животноводства, как известно, земледелие не могло стать ни продуктивным, ни оседлым. Почвы быстро истощались без внесения органических удобрений, племена были вынуждены осваивать все новые и новые территории, и поэтому охота сохраняла свое значение как преимущественное средство существования.

...обычаями, описанными Тацитом... — Речь идет об известном сочинении «Германия» (98) одного из самых ярких представителей «серебряного века» древнеримской историографии Публия Корнелия Тацита (ок. 58 г. — не ранее 117 г.). В этом сочинении описываются общественное устройство,

религиозные верования и представления, а также быт германских племен.

С. 246

...они, еще не имея всех предметов одежды, уже начали издавать газету. — Еженедельная газета «Чирокский феникс и защитник индейцев» впервые была издана з 1828 г. Выходила в 1830-е гг. на чирокском языке и использовала особый алфавит, изобретенный на основе латинской письменности метисом Секвойей (1770 — 1843), состоящий из 85 букв. Этот алфавит в конце 1820-х гг. был утвержден на Общем совете племени чироки и соответственно рекомендован к изучению.

Господин де Сенонвиль — сведений о личности Сенонвиля не обнаружено.

С. 247

В этом можно убедиться, прочитав ˆВоспоминания» Тэннера. — Тэннер Генри Шенк (1768 — 1858) — американский гравер, ставший одним из самых авторитетных картографов США. В 1818 — 1823 гг. опубликовал 5 выпусков «Нового американского атласа», в котором все карты штатов и регионов имели один и тот же масштаб: 17,33 мили в одном дюйме. Вплоть до появления карт, сделанных с помощью аэрофотосъемки, карты Тэннера считались самыми надежными и точными. Его книга «Воспоминания» была опубликована в Филадельфии в 1829 г.

Блосвиль Эрнест виконт де Поре (1799 —1886) — французский дипломат, литератор. Имеется в виду книга «История ссыльных колоний Англии в Австралии», вышедшая в Париже в 1831 г. «Воспоминания» Тэннера в переводе Э. Блосвиля вышли в 1835 г.

С. 248

Можно предвидеть, что если Мексика спешно не предпримет мер... то вскоре потеряет Техас. — Техас был аннексирован США в 1848 г., то есть как раз во время выхода 12-го французского издания «Демократии в Америке» и всего через 14 лет после первой публикации данного предсказания.

С. 249

Чикасо — североамериканское индейское племя, по языку принадлежащее к алгонкинскому семейству. К концу ХУШ в. было вытеснено на территорию западнее штата Миссисипи. *Кеннерли, Мак-Коу, Уош Гуд.* — Сведений об этих людях не найдено.

С. 250

Эзоп — древнегреческий баснописец (VI в. до н. э.). По преданию, фригиец Эзоп был вольноотпущенником, служил при дворе лидийского царя *Креза* и погиб насильственной смертью в Дельфах.

Терентий Публий (ок. 195 — 159 гг. до н.э.) — древнеримский драматург-комедиограф. По происхождению — карфагенянин, взятый в рабство и привезенный в Рим.

С. 255

Белнеп Джереми — см. коммент. к с. 12.

С. 257

К тому же Луизиана входит в федерацию штатов, и поэтому туда разрешается ввозить рабов из всех точек Союза. — Речь идет о североамериканском штате Луизиана, образованном в 1812 г. на части территории бывшей французской Луизианы. Поскольку рабство в нем юридически не было запрещено, а рабочих рук не хватало, он стал к 1830-м гг. типично рабовладельческим штатом.

С. 259

Эмерсон Гувернер (1796 — 1874) — американский врач, регулярно печатавший в течение 1820 — 1840-х гг. в медицинском журнале, издававшемся в Филадельфии, статьи, освещавшие ста-

тистику смертности среди различных групп населения Пенсильвании. Член Американского философского общества с 1833 г.

С. 261

Кэри Генри Чарлз (1793 — 1879) — американский экономист, публицист, издатель.

С. 269

Ср. позицию северных штатов во время войны 1812 г. — Речь идет о четырех колониях Новой Англии, выступивших против объявления войны Великобритании и считавших, что эта война отвечает интересам наполеоновской Франции. Даже в период ведения боевых действий Вермонт, Массачусетс и Плимут не прекращали торговых сделок с англичанами в Канаде и, согласившись поставлять провиант британской армии, по сути, встали на путь прямой измены.

С. 275

...Соединенные Штаты... в которых будет жить более ста миллионов человек. — Расчеты Токвиля оказались почти точными: по статистике за 1900 г., население Соединенных Штатов равнялось 75 млн. человек; 150-миллионного рубежа оно достигло к началу второй мировой войны.

С. 277

Монро Джеймс (1758 — 1831) — американский политический и государственный деятель, 5-й президент США (1817 — 1825).

С. 282

Колхун Джон Колдуэлл (1782 —1850) — американский юрист, политический деятель. Вицепрезидент США (1825 — 1829). Сторонник проведения Югом «независимой» политики, идеолог рабовладельческой партии в конгрессе США.

С. 283

Клей Генри (1777 — 1852) — американский политический деятель, выходец из Виргинии, переехавший в Кентукки и занимавший умеренную позицию во время всех конфликтных ситуаций, возникавших в то время между Севером и Югом. Один из инициаторов так называемых компромиссов 1820-х и 1850-х гг.

С. 287

Монтескье говорил, что самую неограниченную власть получает государь,входящий на престол сразу вслед за республикой. — А. де Токвилъ вольно излагает мысль, высказанную Монтескье в «Размышлениях о причинах величия и падения римлян» (1734).

С. 291

Сегодня в этих обширных странах царит деспотизм или идут опустошительные гражданские войны. — «Моя смерть породит много тиранов», — высказал известное предостережение Симон Боливар в 1830 г., почувствовав, что умирает. Мечта Боливара о конфедерации свободных конституционных республик, возникающих на руинах испанской колониальной империи, представлялась ему самому все более несбыточной с момента разгрома и изгнания вооруженных сил Испании из Южной Америки. Новые латиноамериканские нации не испытывали особой склонности к сотрудничеству друг с другом, и, кроме того, почти все они столкнулись с региональными конфликтами, с внутренними этническими и классовыми противоречиями. В 1830 г. от Великой Колумбии откололись Венесуэла и Эквадор. Объявившая в 1823 г. свою независимость от Мексики, Центральная Америка в 1839 г. в свою очередь распалась на пять республик, а в 1828 г. Бразилия потеряла Уругвай. Стараясь преодолеть внутренние противоречия, правящие классы во многих вновь образованных государствах стали наделять верховных правителей и глав государств чрезвычайными полномочиями, и таким образом устанавливались военные или полувоенные диктатуры.

С. 295

Наступит день, когда в Северной Америке будут жить сто пятьдесят миллионов человек. — Этот «день» наступил примерно через сто лет после написания цитируемых строк: к началу второй мировой войны.

С. 297

Лонг Стивен Гарримен (1784 — 1864) — американский инженер, военнослужащий, хорошо владел топографией. Токвиль цитирует текст отчетов Лонга (т. 2, с. 361), изданный в 2 томах: Account of an Expedition from Pittsburgh to the Rocky Mountaines... under the command of major Stephen Long, compiled by E. James. In 2 vols. Philadelphia, 1823.

Декуртиз Мишель Этьен (1775 — 1835) — французский медик и ботаник. В данном случае цитируется его книга «Flore pittoresque et medicate des Antilles» (впервые опубликованная в Париже в 1821 — 1829 гг.) по тексту второго парижского издания 1833 г.

С. 298

Гейбергер — опечатка или описка. Правильно: Цейсбергер (1721 — 1808) — американский миссионер чешского происхождения, много лет проработавший с индейскими племенами. Автор перевода Библии на делавэрский язык (1806; опубл. в 1821 г.) и англо-делавэрского словаря-разговорника, а также алгонкинского и ирокезского словарей.

С. 299

Шамплен Самуэль (1567 — 1635) — французский купец-миссионер, географ, исследователь-землепроходец, служивший в конце XVI в. испанскому двору в Центральной Америке. После коронации Генриха ГУ вернулся на родину. Был назначен на должность королевского географа и в 1603 — 1616 гг. обследовал северную часть Северной Америки — от залива Са Лаврентия до Великих озер.

В 1792 году... когда начала свое эфемерное существование Французская республика... — После свержения монархии в ходе народного восстания 10 августа 1792 г. всеобщим голосованием мужчин был избран Национальный конвент, официально установивший во Франции 22 сентября 1792 г. республиканскую форму правления, просуществовавшую вплоть до 10 ноября 1799 г., когда в результате так называемого переворота Восемнадцатого брюмера была установлена диктатура Директории. В 1804 г. Наполеон Бонапарт был провозглашен императором, а Франция — империей.

С. 302

Повествование хронологически охватывает промежуток времени с 1584 по 1626 год. — Токвиль допускает небольшую неточность: изложение заканчивается началом 1620-х гг., а начинается действительно со времени подготовки первой английской экспедиции в 1584 г., которая ставила перед собой задачу колонизации Северной Америки, но оказалась неудачной.

...родившись в Вест-Индии... — так в Европе в XVIII — XIX вв. иногда называли Северную Америку.

Лоусон Джон (погиб в 1711 г.) — английский путешественник, искатель приключений, старший инспектор-землемер колонии Северная Каролина Во время своего пребывания в Америке вел дневниковые записи, которые легли в основу его книги «Новая поездка в Каролину»(A new voyage to Carolina, 1709), получившей более широкую известность под названием ее второго издания: «История Северной Каролины» (The history of North Carolina, 1714).

«История» Лоусона кончается сценой вручения грамоты представителям Каролины во времена правления Карла II.—То есть 1664 годом.

С. 303

...полный текст сочинения Гукина об индейцах. — Речь идет о работе военного деятеля и историка, одно время исполнявшего обязанности командира отряда милиции колонии Массачусетс, Дэниеля Гукина (1612 —1687) «Historical collections of the Indians in New England». Это сочинение было подготовлено автором к печати в 1674 г., но ввиду начала «войны короля Филипа» (1675 — 1676) его публикацию сочли нежелательной. В результате рукопись Гукина пролежала неизданной в архиве 118 лет.

Мэзер Коттон (1663 — 1728) — см. коммент. к с. 12. Его самое крупное и известное сочинение «Magnalia Christi Americana; or, The ecclesiastical history of New England» было опубликовано в Лондоне в 1702 г. и с этого времени много раз переиздавалось в Америке в течение XVIII — XX вв.

Третья посвящена жизни и деятельности евангелических проповедников... — Речь идет о протестантских колониальных священниках, в основном близких к кальвинизму. Понятие «евангелический» в целом употреблялось для характеристики своей деятельности большей частью те-

ологов Реформации, так как они были убеждены, что очищают «евангелическую истину слова Божьего» от многовековых «ошибок» и «ухищрений», специально придуманных сатанинским хитроумием «папского Рима» с целью извратить содержание и смысл Святого Писания.

С. 304

...и вдохновил бы многих других людей последовать их начинанию. — Книга К. Мэзера (см. коммент. к с. 303) цитируется по первому лондонскому изданию, с. 17 f.

С. 305

Лучшей историей Коннектикута... — Имеется в виду книга: *Tnimbull Benjamin.* Complete history of Connecticut, civil and ecclesiastical, 1630 —1764. In 2 vols. New Haven, 1818.

Здесь же приводится любопытная цитата из проповеди, прочитанной в 1663 году... — Цит. по: *Belknap.* The History of New-Hampshire. 1764, ν. I, ρ. 59.

Конфедерация ирокезских племен. — См. коммент. к с. 241.

С. 306

Прауд Роберт (1728 —1813) — американский историк и литератор-лоялист, автор 2-томной «The history of Pennsylvania from the original institution and settlement of that province, under the first proprietor and governor, William Penn, in 1681, till after the year 1742», впервые опубликованной в 1797—1798гг.

...работы самого Пенна, а также Бенджамина Франклина... — Речь идет о книгах Уильяма Пенна (см. коммент. к с. 241), а также об «Автобиографии» Б. Франклина (см. коммент. к с. 82), впервые частично опубликованной в 1789 г. и полностью — в 1818 г. и сразу же получившей широчайшую известность.

Уорден Дэвид Бейли (1772 — 1845) — политический деятель, дипломат, литератор; генеральным консулом США в Париже был в 1810 — 1814 гг.

«Воспоминания» Джефферсона — цитируются по изданию: The writings of Thomas Jefferson. Washington. Vol. 1, p. 36.

..ло вопросу майоратного наследования. — Майорат (позднелатинское majoratus, от major — старший, больший) — наследование недвижимости (прежде всего — земли) по принципу первородства в семье и роде. Законодательно институт майората в Англии был закреплен Вестминстерскими постановлениями XIV — XV вв., придавшими обязательный характер наследованию земли по закону, а не по завещанию усопшего.

С. 308

Филипп IV Красивый (1268 — 1314) — король Франции (1285 — 1314), ликвидировавший орден тамплиеров, конфисковавший его огромные богатства и добившийся упразднения этого ордена папой в 1312 г. В период борьбы с Римом Филипп IV, стремясь найти поддержку в широких слоях населения, прибег к созыву первых Генеральных штатов и одновременно — к созданию законодательных, юридических основ централизованной монархии.

Письмо Мэдисону от 28 августа 1789 года. — См.: The papers of Thomas Jefferson. Ed. by J.PJBoyd. Princeton, 1958, vol. 15, p. 364.

С.309

В 1814 году Людовик XVIII добился признания вечного права на престол для своего семейства. — Людовик XVIII Бурбон (1755 — 1824), младший брат Людовика XVI, в 1791 г. бежал из Франции и возглавил всю французскую эмиграцию. После казни старшего брата в 1793 г. провозгласил королем своего малолетнего племянника — Людовика XVII, а себя — регентом. Когда в 1795 г. умер Людовик XVII, его дядя был коронован в эмиграции Людовиком XVIII. После падения Наполеона в 1814 г. Людовик XVIII занял французский престол.

Те, кто определял результаты революции 1830 года, последовали его же примеру... в пользу другой династии. — Во время Июльской революции 1830 г. сторонники Луи Филиппа (1773 — 1850), представителя младшей (Орлеанской) ветви династии Бурбонов, добились провозглашения его королем Франции (1830 — 1848) после того, как был свергнут Карл X, правивший с 1824 по 1830 г.

546

Мопу Рене Никола де (1714 — 1794) — французский государственный деятель. Канцлером Франции стал в 1768 *г.* по указу Людовика XV. Защищая интересы абсолютизма, Мопу попытался резко ограничить права и полномочия всех парламентов.

Делолм пишет... — Ссылка Токвиля неверна См.: *Delolm J.L.* The constitution of England. Ed. by W.H. Hughes. L, 1834, p. 117.

Коук Эдвард сэр (1552 —1634) — английский юрист, политический и государственный деятель, влиятельный теоретик, вошедший в историю британского права своим многотомным трудом «Институты» (1627—1633).

...сделано во времена царствования Генриха VUIи Вильгельма Ш. Он способен изменить уже принятую страной религию, как это неоднократно случалось в период правления Генриха VIII и его детей. — Речь идет о различных парламентских актах и постановлениях, отменявших в особых случаях действие основного английского закона о престолонаследии. Так, достигнув 40-летнего возраста и не имея к тому времени сына-наследника, Генрих УШ потребовал, чтобы парламент вынес определение о том, что корона может наследоваться дочерью короля. Также на основании частного решения парламента после бегства из Англии короля *Якова* П в конце 1688 г. английский трон был предложен Вильгельму Ш Оранскому — мужу старшей дочери свергнутого монарха

Что касается вопроса о религии, то имеется в виду не противоборство католичества с протестантизмом, в которое были

вовлечены практически все царствовавшие дома государств Западной Европы в XVI — XVn вв., а тот факт, что в Англии королевские декреты по религиозным вопросам также ратифицировались парламентом страны. Антикатолическая реформа Генриха УШ, в результате которой он в 1534 г. был провозглашен в парламенте главой англиканской церкви, со вступлением на трон его дочери Марии I Тюдор (1553 —1558) была отменена, и католицизм вновь объявлялся государственной религией страны. Когда после смерти Марии I на английский престол взошла Елизавета I, ее властью католичество вновь было запрещено. Причем в каждом случае монархи добивались от парламента принятия соответствовавших постановлений.

С.310

..принятием акта об объединении Англии с Шотландией... — В связи с утверждением шотландского короля Якова VI Стюарта на английском престоле (коронован как Яков I в 1603 г.) Шотландия впервые за всю свою историю оказалась законодательно объединена с Англией на основании личной унии. После полного разгрома шотландских вооруженных сил специальный ордонанс Кромвеля в апреле 1654 г. официально закрепил объединение Шотландии с Англией. Полное объединение, включавшее упразднение шотландского парламента и предоставление населению права избирать своих представителей в английский парламент, произошло в начале ХУШ в. на основании Акта об объединении, принятого в 1707 г. и закреплявшего за королевством название — Великобритания.

С. 311

Первая американская газета вышла в апреле 1704 года в Бостоне. — Токвиль допускает традиционную для того времени неточность: бостонская газета «Ньюс леттер», впервые изданная 24 апреля 1704 г. и просуществовавшая 72 года, не была первой американской газетой. 25 сентября 1690 г. Джеймс Хэррис, владелец книжного магазина и кофейни в Бостоне, выпустил первую североамериканскую газету, которая представляла собой четырехполосное издание малого формата и называлась «Публичные происшествия, как иностранные, так и местные». Первый ее номер оказался также и последним: указом губернатора Массачусетса от 29 сентября 1690 г. она была запрещена наряду со всеми «нелицензированными публикациями».

Франклин Джеймс (род. ок. 1700) — американский типограф, издатель, старший брат Бенджамина Франклина.

С. 317

Первую из этих тем я рассмотрел в работе об американской

демократии, опубликованной мною пять лет тому назад. — Речь идет о первой книге «Демократии в Америке», вышедшей отдельным первым изданием в 1834 г. Следовательно, к работе над второй книгой Токвиль приступил в 1839 г.

С. 319

Американцы не имеют своей собственной философской школы... — Это заявление — «общее место» в позиции так называемых «европоцентристов», которая в целом Токвилю была вовсе

не свойственна. Излишне объяснять, что при всей его кажущейся самоочевидности оно совершенно не соответствовало действительности. Новоанглийские трансценденталисты первой половины XIX в. ориентировались не только на философские традиции Англии, Германии, Франции и Индии, но и на наследие местных мыслителей колониальной эпохи, в первую очередь на работы Джонатана Эдвардса (1703 —1758), с которыми были знакомы многие европейские философы, в частности Иммануил Кант.

Декарт Рене (1596 — 1650) — французский философ, автор трудов «Рассуждение о методе...» (1637), «Размышления о первой философии» (1641) и «Начала философии» (1644). В сфере его научных интересов первостепенное значение имел вопрос о методе познания. Исходный пункт гносеологической теории Декарта — сомнение в истинности общепризнанного знания, охватывающее все виды накопленной прежде информации с целью установления ее достоверности.

С. 320

В XVI веке реформаторы подчинили суждению индивидуального разума некоторые из догм старой веры... — Стараясь «очистить» пер изданное христианское учение от средневековых напластований, трактовок и обрядов, не санкционированных текстом Священного Писания, деятели Реформации принялись самым тщательным образом изучать Библию. Аналитическое прочтение древних канонических текстов естественным образом привело к необходимости ориентироваться на здравый смысл, на индивидуальные умственные способности, признав их в качестве основного инструмента познания истины.

Бэкон Фрэнсис (1561 — 1626) — английский государственный деятель, философ. Критиковал схоластику с ее силлогическим дедуктивным методом, которому он противопоставлял обращение к непосредственному опыту и обработку его методом индукции. В связи с этим Бэкон постоянно подчеркивал познавательное

значение эксперимента.

...Лютер, Декарт и Вольтер использовали один и тот же метод... — то есть метод критического анализа достоверности всех общеизвестных и общепринятых истин.

С. 326

...самому Иисусу Христу надо было спуститься на землю. — Речь идет об учении, связанном с понятием воплощения Божества в облике человека, то есть о вочеловечении Бога, что естественным образом служило как бы обожествлению человека — сосуда, оказавшегося достойным даже самого Творца. Подчеркивая присутствие Божественного начала—искры Божьей — в людях как таковых, христианство объективно способствовало признанию их равенства перед Всевышним и между собой.

С. 327

Национальное собрание. — Учредительное собрание во Франции, выбиравшееся в 1789 и в 1848гг.

Конвент. — Высший законодательный и исполнительный орган Первой французской республики, действовавший с 21 сентября 1792 г. по 26 ноября 1795 г.

С. 330

Магомет, спустившись с небес... — Имеется в виду исламское предание о происхождении Корана. Согласно этому преданию, Магомету (точнее — Мухаммеду, ок. 570 — 632), часто проводившему аскетические бдения на горе Хира близ Мекки, в 609 или 610 г. в одну из ночей месяца Рамадан явился ангел Гавриил (Джебраил) и начал открывать ему части книги, хранящейся на небе под престолом Аллаха. От имени Аллаха ангел возложил на Магомета обязанность сообщать своим соотечественникам повеления Всевышнего.

С. 334

О том, что заставляет сознание демократических народов тяготеть к пантеизму. — Речь идет о философском учении (названном от греческих слов «pan» — все, «тнеоз» — бог), отрицающем существование надприродного личного Бога и признающем существование безличного духа, внутренне присущего природе. Поэтому пантеизм «сливает» природу и Бога в единое, неразделимое целое. Логическим выводом из пантеизма являются идеи несотворенности мира Богом во времени, бесконечности Вселенной, естественной закономерности процессов, происходящих в природе. Негативное отношение Токвиля к пантеизму (причем он явно рассуждает не о религиозно-мистическом, а именно об атеистическом течении в пантеизме) обусловливалось его

убеждением в том, что пантеизм слишком упрощает картину мироздания, лишает жизнь момента тайны, а человека — свободы воли и величия духа.

С. 341

...чтобы иметь возможность открывать самые потаенные секреты Творца. — Говоря о подобной способности Блеза Паскаля, Токвиль имел в виду не только аналитизм, глубокую проницательность ученого, но также то, что он одним из первых в истории человечества, преодолевая механистический рационализм XVЛ в., поставил вопрос о принципах научности мышления и об абсолютных границах нашего познания.

С. 342

*«Архимед, — говорит Плутарх..** — Токвиль не столько цитирует, сколько пересказывает текст Плутарха своими словами. Ср.: «Архимед был человеком такого возвышенного образа мыслей, такой глубины души и богатства познаний, что о вещах, доставивших ему славу ума не смертного, а божественного, не пожелал написать ничего, но, считая сооружение машин и вообще всякое искусство, сопричастное повседневным нуждам, низменным и грубым, все свое рвение обратил на такие занятия, в которых красота и совершенство пребывают не смешанными с потребностями жизни, — занятия, не сравнимые ни с какими другими, представляющие собой своего рода состязание между материей и доказательством, и в этом состязании первая являет величие и красоту, а второе — точность и очевидную силу, во всей геометрии не найти более трудных и сложных задач, объясненных посредством более простых и прозрачных основных положений». —*Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. В 3-х тт. М., 1961, т. I, с. 393.

С. 347

На том месте, где американцы пожелали основать свою столицу... — Речь идет о городе Вашингтоне, основанном в 1791 г. на специально отведенном для этого месте, чтобы столица страны не принадлежала какому-либо одному штату, и названном в честь героя Войны за независимость, первого президента США Джорджа Вашингтона.

Кортес Эрнан (1485 — 1547) — испанский конкистадор, завоеватель Мексики, возглавлявший завоевательный поход испанцев в 1519 — 1521 гг.

С. 354

Когда падение Константинополя вызвало резкий наплыв на Запад византийских ученых и литераторов... — Речь идет о захвате турецкими войсками в мае 1453 г. столицы Византийской

империи, которая была переименована в Стамбул. Спасаясь от турок, многие греческие ученые бежали в христианские государства Европы.

Мильтон Джон (1608 —1674) — поэт, публицист и общественный деятель периода Английской революции (1640 — 1649).

...канатные плясуны превратились в воздушных акробатов и фунамбулеров. — Слово «акробат» образовано от греческого «akrobates» — «тот, кто ходит на цыпочках или лезет вверх». Фунамбулер—французская калька с латинского «funambulus» —«канатоходец, канатный плясун».

С. 355

...речь неприкасаемого отличается от речи брамина едва ли меньше, чем их образы жизни. — Имеются в виду низшая и высшая касты в индийской иерархии сословий.

...в Новом Свете нет местных говоров, и день ото дня они исчезают в Старом. — Речь, разумеется, идет не о полном исчезновении диалектов, а лишь об их сближении, о стирании региональных и диалектных различий в местных говорах США и Европы.

С. 359

Демократия, закрывающая для поэзии прошлое, открывает перед ней будущее. — Поразительно точное предвидение развития только зарождавшейся тогда научной фантастики и различных футурологических жанров в литературе Нового времени.

С. 361

Писатели наших дней, столь великолепно воссоздавшие образы Чайльд Гарольда, Рене и Жоселена... — Речь идет о герое поэмы Байрона (1788 —1824) «Паломничество Чайльд Гароль-

да» (1812 —1817); герое повести Франсуа Рене де Шатобриана (1768 —1848) «Рене, или Следствия страстей» (1802); герое эпопеи Альфонса де Ламартина (1790 — 1869) «Жоселен» (1836).

С. 363

Расин Жан (1639 — 1699) — французский драматург-классицист. Речь идет об авторском предисловии к изданию текста его политической трагедии «Британик» (1669), в которой изображается процесс формирования тирании.

Геллий Авл — древнеримский писатель II в. н.э., автор сочинения «Аттические ночи», из 20 книг которого до нас полностью не дошла 8-я книга. Это сочинение представляет интерес прежде всего по причине содержащихся в нем

пространных цитат из исторических, грамматических и философских работ древних, греческих и римских, писателей.

С. 364

Пуритане... были не просто противниками земных радостей, но и испытывали особый ужас именно перед театром. — Несмотря на то что многие пуритане действительно выступали против театра как формы общественного времяпрепровождения, подобно тому как столетие спустя против театра стал высказываться Ж.Ж. Руссо, пуританская этика была не столько аскетической и мрачной, сколько по-буржуазному умеренной и разумной, отрицавшей аристократическую тягу к излишествам, к роскоши, к духовным и физическим наслаждениям как подлинной цели существования. Образ пуританина, ханжи и лицемера, столь прочно вошедший в обиход и даже в научное сознание последующих поколений, — это карикатура, созданная противниками пуританизма

С. 366

Господин де Лафайет в своих «Мемуарах» писал... — Соответствующее высказывание Лафайета не обнаружено.

С. 387

Монтень Мишель (1533 — 1592) — французский писатель, философ, общественный деятель. Ссылка на него не вполне точна и представляет собой, скорее, перефраз первого предложения XLJV главы «Опытов» (1580 — 1588): «Разум повелевает нам идти одним и тем же путем...»

С. 389

«Если, мы заблуждаемся, считая христианскую религию истинной...» — Токвиль весьма вольно пересказывает текст «Мыслей» Б.Паскаля (глава 24, фрагмент ХХШ): «Вместо того чтобы опасаться, как бы не обмануться, поверивши в истинность христианской религии, я бы гораздо больше боялся того, как бы не оказалось, что я обманулся и что христианская религия истинна». — *Паскаль Б.* Мысли (о религии). М., 1905, с. 230.

С. 393

Говорят, что пустоши вокруг Фив были заселены людьми, бежавшими от преследований императоров и от казней на цирковых аренах... я считаю, что причинами, скорее, были роскошь и эпикурейская философия Греции. — Речь идет о создании первых монашеского типа поселений в пустынной, гористой местности неподалеку от древнеегипетского города Уасет (погречески Фивы) в первые века нашей эры. Токвиль считает, что аскетизм ранних христианских отшельников обусловливался не столько страхом перед властью, сколько отвращением к той гедонистической вседозволенности, к вульгарному культу наслаждений, которые в

то время проповедовались последователями древнегреческого философа Эпикура (342 — 271 гг. до н.э.).

С. 396

Тир — финикийский город, один из крупнейших торговых центров древнего мира в Средиземноморье. Основан в начале Ш тысячелетия до н.э. Период расцвета пришелся на XII — EX вв до н.э.

Флоренция — город в центральной части Италии, расположенный на стыке торговых путей. С XI в. Флоренция стала крупнейшим европейским центром банковского дела, торговли и ремесел. С конца XV в. постепенно стала приходить в упадок по причине все усиливавшейся конкуренции со стороны Англии, Нидерландов, германских государств, Испании и Франции в связи с открытием

и колонизацией Нового Света. К концу XVIII в. Великобритания однозначно захватила лидерство в области мировой промышленности и торговли.

С. 399

Учение о метемпсихозе... — Речь идет о теории переселения душ, которую традиционно принято связывать с религиозными воззрениями древних египтян, с индуизмом и буддизмом. Хронологически, однако, представления о метемпсихозе значительно древнее каждого из названных учений и восходят к самым первобытным культурам в истории человечества.

С. 400

Не вполне ясно, к каким конкретным представлениям относительно того, что должно происходить с человеком в загробной жизни, пришли Сократ и его последователи... — Философия Сократа, как, впрочем, и самого Платона, действительно систематически не изложена в письменных произведениях — диалогах — Платона Поэтому систему его взглядов современным исследователям пришлось реконструировать. Важнейшей ее частью является учение о трех основных онтологических субстанциях (триаде): о «едином», «уме» и «душе».

Третья субстанция — «мировая душа» — объединяет у Платона «ум» и телесный мир. Получая от «ума» законы своего движения, «душа» отличается от него своей вечной подвижностью. С определенной точки зрения «душа» — это принцип самодвижения. «Ум» бестелесен и бессмертен; «душа» объединяет его с телесным миром чем-то прекрасным, пропорциональным и гармоничным, будучи сама бессмертной, а

также причастной истине и вечным идеям. Индивидуальная душа есть образ, частное воплощение «мировой души».

С. 410

Вот что рассказывает... госпожа де Севинье... — Токвиль цитирует отрывки из двух писем французской писательницы Мари де Рабютен-Шанталь маркизы де Севинье (1626 —1696) по тексту 12-томного парижского издания: Lettres de Madame de Sevigne, de sa famille et de ses amis... Par LJ.N. Monmerque. Paris, 1773 — 1775, v. IV, p. 205, 248.

С.412

Цицерон, столь громогласно возражавший против идеи распятия римского гражданина на кресте... — Речь идет о древнеримском политическом деятеле, ораторе и писателе Марке Туллии Цицероне (106 — 43 гг. до н.э.), выдвигавшем в качестве политического идеала концепцию «согласия сословий» в республике и поэтому активно выступавшем против применения по отношению к римскому гражданину столь «позорной казни», какой в то время считалось распятие на кресте.

С. 415

Едва ли встретится американец, который бы не хотел иметь хотя бы отдаленного родства с первыми переселенцами — основателями колоний, а что касается отпрысков знатных английских родов, то Америка, как мне показалось, только ими и заселена. — В общественном сознании США прошлого столетия принадлежность к первой или второй категории лиц считалась весьма престижной, хотя, разумеется, эти категории были весьма и весьма малочисленными. Что касается «отпрысков знатных английских родов», то эта часть «южной легенды» практически являлась вымыслом, так как английская аристократия в колонии вообще не переселялась. Известно лишь несколько отдельных случаев.

С. 417

И первые, и вторые образуют собой две маленькие нации внутри одной нации... — Эта мысль, высказанная Токвилем, возможно, легла в основу известной формулы, представляющей классовую борьбу в гражданском обществе как противоборство двух наций в рамках одной нации.

С. 422

Арпан — важнейшая старофранцузская поземельная мера, существовавшая вплоть до введения во Франции Метрической системы мер. В различных районах страны арпан имел различную величину, в среднем составляя около 1000 кв. м.

С. 442

Государство Платона. — Речь идет об идеальном государственном устройстве, теоретически обоснованном Платоном в его книге «Государство» (90 — 80-е гг. IV в. до н.э.). Согласно его представлениям, это государство должно преследовать исключительно общественное благо и состоять всего из трех сословий: сословия философов, управляющих всем этим государством на основании умственного созерцания чистых идей, сословия воинов, охраняющих государство от внешних и внутренних врагов, и сословия работников (крестьян и ремесленников), которые призваны поддерживать государство материально, доставляя ему все необходимые жизненные ресурсы. В XIX в. платоновская концепция государственного устройства считалась чистой утопией.

С. 449

В то самое время, утверждает Плутарх... храбрость в Риме почиталась и ценилась больше всех других достоинств. — Пересказ с сокращением мысли Плутарха: «Среди всех проявлений нравственного величия выше всего римляне ставили тогда воинские подвиги, о чем свидетельствует то, что понятия нравственного величия и храбрости выражаются у них одним и тем же словом: обозначение одного из признаков такого величия — мужества — сделалось общим родовым именем». —*Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. М., 1961, т. I, с. 248.

С. 455

«Великое преимущество благородного рождения, — сказал Паскаль...» — Токвиль вольно перелагает содержание XV фрагмента 6-й главы «Мыслей» Б.Паскаля: «Большое преимущество составляет знатность, которая пускает человека в ход с 18 или 20 лет, делая его известным и уважаемым, тогда как другой едва заслужит это в 50 лет: эти 30 лет выиграны без всякого труда».

С. 464

Если бы Лютер жил в век равенства и не имел бы в качестве слушателей владетельных сеньоров и коронованных особ, ему, возможно, было бы труднее изменить облик Европы.— Имеется в виду реформаторская деятельность немецкого теолога Мартина Лютера (1483 — 1546), действительно способствовавшая преобразованию духовного и политического климата Западной Европы. Основатель лютеранской церкви основные свои надежды связывал с немецким «христианским рыцарством», а также с теми германскими монархами, которые не питали особой привязанности к Ватикану. В числе покровителей Лютера были эрцгерцог Саксонии и император Священной Римской империи

Карл V.

С. 470

...как бы генералы-победители не стали силой захватывать верховную власть на манер Суллы или Цезаря. — Речь идет о возможности захвата вооруженным путем верховной власти полководцами, пользующимися полной поддержкой армии, а также о том, что, став национальными героями, удачливые военачальники могут с легкостью добиваться своего избрания на высшие государственные должности. Так, *Луций Корнелий Сулла* (138 — 78 гг. до н.э.) захватил в 83 г.до н.э. власть в Риме вооруженным путем, объявив себя «диктатором». *Гай Юлий Цезарь* (102 — 44 гг. до н.э.), напротив, используя свой авторитет и славу полководца, постепенно сосредоточивал власть над Римом в своих руках, получив пожизненную цензуру и добившись того, что все его распоряжения были заранее одобрены сенатом и народным собранием. Таким образом, сохраняя римские республиканские формы правления, Цезарь фактически установил режим монархического правления, не имея лишь права передать по наследству свою власть.

С. 474

...самый великий из полководцев нашего времени. — А. де Токвиль, безусловно, имеет в виду Наполеона I.

С. 477

Войны Французской республики и Империи. — Речь идет о многочисленных войнах гражданского типа (вандейские войны), а также о национально-освободительных и захватнических войнах, которые Франция вела практически беспрерывно с 1793 по 1815 г. против коалиции европейских государств на территории Европы и Северной Африки, на суше и на море.

552

...Швейцарская конфедерация XVвека заставляла трепетать самые многочисленные и могущественные нации Европы... — Победы Швейцарской конфедерации в конце XIV в. над армией могущественных Габсбургов, стремившихся вновь покорить освободившиеся из-под их власти швейцарские земли, первое время воспринимались как чудеса. Однако в период бургундских войн 1474 — 1477 гг., в которых швейцарцы приняли участие в качестве союзников французского короля Людовика XI, швейцарская пехота доказала свои отличные боевые качества, разгромив бургундского герцога Карла Смелого.

С. 478

...лучшие... войска типа... французской кавалерии XVI века... — Авторитет французской кавалерии образца XVI в. в значительной

мере был обусловлен ее удачными действиями в период итальянских войн (1494 — 1559).

В своей книге «Государь» Макиавелли пишет... — Ссылка на книгу флорентийского историка и философа Никколо Макиавелли (1469 — 1527) представляет собой своеобразное, изложенное своими словами резюме ГУ главы: «Примеры разного образа правления являют в наше время турецкий султан и французский король. Турецкая монархия повинуется одному властелину; все прочие в государстве — его слуги... Король Франции, напротив, окружен многочисленной родовой знатью, признанной и любимой своими подданными и, сверх того, наделенной привилегиями, на которые король не может безнаказанно посягнуть.

Если мы сравним эти государства, то увидим, что монархию султана трудно завоевать, но по завоевании легко удержать и, напротив, такое государство, как Франция, в известном смысле проще завоевать, но зато удержать куда сложнее». —*Макиавелли Н.* Избранные сочинения. М., 1982, с. 312.

С. 511

Шербюлье Антуан Элизе (1797 — 1869) — швейцарский юрист и экономист.

Один народ... исповедующий несколько религий... — Речь идет о том, что в связи с религиозным расколом Швейцария оказалась разделенной на протестантский (Женева, Цюрих, Берн, Базель, Шафхаузен, Санкт-Галлен, Ааргау, Тургау) и католический (Швиц, Ури, Унтервальден, Люцерн, Фрибур, Цуг, Золотурн) союзы кантонов, в результате чего было закреплено фактическое разделение страны на два противостоящих блока, приводившее к возникновению так называемых «вильмсргенских войн» (1656,1712).

Помимо этих двух официально признанных в разных частях страны государственных религий, в кантонах Швейцарии существовали и многочисленные нонконформистские секты: анабаптисты, антиномиане, меннониты и др.

С. 512

Ее лучше было бы назвать "О демократической революции в Швейцарии», ведь революция там длится уже пятнадцать лет. — На рубеже 20 — 30-х гг. XIX а в Швейцарии развернулось широкое либеральное движение за окончательную ликвидацию феодальных отношений, за демократизацию политического строя и централизацию страны. В марте 1832 г. семь кантонов, в которых у власти оказалась либеральная буржуазия, основали «Конкордат семи». В ответ те кантоны, в правительствах которых преобладали клерикалы, создали «Сарненскую лигу». В 1843 —

1845 гг. католические кантоны создали реакционный блок — Зондербунд. В развязанной его руководством гражданской войне 1847 г. федеральная армия разгромила войска Зондербунда. Военнополитическая победа буржуазии была закреплена конституцией 1848 г., по которой Швейцария предстает единым союзным государством с высшим законодательным органом в виде двухпалатного парламента — Национального совета и Совета кантонов.

...когда разразилась Французская революция. — Речь идет о Великой французской революции 1789—1794гг.

Несмотря на то что независимость швейцарцев родилась на свет в результате восстания против аристократии... — Подразумевается история борьбы лесных кантонов Швейцарии против своих наследных сеньоров из дома Габсбургов, которая началась с середины 60-х гг. XIII в. Императоры Священной Римской империи специальными грамотами от 1291, 1297 и 1309 гг. признали их суверенность и формально освободили от власти Габсбургов, сохраняя лишь политическую зависимость кантонов от империи в качестве фактически самостоятельного государства.

553

С. 513

В таком положении находилась Швейцария, когда в 1798 году Французская революция силой оружия проникла на ее территорию. — Французские войска вошли в Берн 5 марта 1798 г. В связи с этим распалась конфедерация 13 кантонов. 12 апреля в Ааргау при поддержке Франции была провозглашена Гельветическая республика, в которую, помимо прежних 13, вошло еще 12 кантонов. На том же заседании была принята конституция, во многом близкая французской конституции 1795 г., и Швейцария стала превращаться в централизованное унитарное государство.

Несколько лет спустя Наполеон избавил швейцарцев от анархии, заставив их подписать Акт о посредничестве... — Так называемый Акт о медитации, в историографии более известный как Акт о посредничестве, был издан Наполеоном 19 февраля 1803 г., который с небольшими изменениями восстанавливал государственное устройство, существовавшее в Швейцарии до 1798 г.

С. 521

Бийо Огюст Адольф Мари (1805 — 1863) — французский юрист, политический и государственный деятель.

С. 522

Жанвье Эжен де Ламот (1823 — 1884) — французский политический и государственный деятель.

Посмотрите, что происходит в среде рабочих, хотя они, я признаю, ведут себя спокойно. — А. де Токвиль говорил о росте недовольства в среде французского пролетариата, которое и привело менее чем через месяц к свержению режима Июльской монархии в результате Февральской революции (22 — 24 февраля 1848 г.), а также к массовому вооруженному Июньскому восстанию парижских рабочих (23—26 июня), которому предшествовали восстания пролетариата Руана, Эльбёфа и Лиможа.

С. 523

Овладев старыми полномочиями, отмененными, как все полагали, в Июле... — Речь идет об Июльской революции 1830 г., в результате которой во Франции установилась Июльская монархия, покончившая с режимом Реставрации и просуществовавшая вплоть до Февральской революции 1848 г. — до провозглашения Второй республики. Июльская революция 1830 г. несколько ограничила власть короны и частично децентрализовала систему управления.

С. 524

...как мы видели в деле Пети... — Имеется в виду депутат Конвента Мишель Эдм Пети (ум. в 1795 г.), принадлежавший к леворадикальной группировке и проголосовавший за казнь Людовика XVI. Разработал эффективную тактику борьбы со своими политическими противниками в орга нах Конвента. Лишал их власти путем выдвижения предложений о сокращении занимавшихся ими должностей и передачи их своим сторонникам под другими названиями. «Дело Пети» рассматривалось в специальной комиссии по поступлении официальной жалобы относительно превышения им своих парламентских полномочий.

С. 525

Одиллон-Барро Камиль Гиацинт (1791 —1873) — французский государственный и политический деятель.

С. 526

Клятва в зале для игры в мяч. — 20 июня 1789 г. депутаты только что провозглашенного Национального собрания в ответ на приказ Людовика XVI запереть зал заседаний собрались под председательством Ж.С. Байи в зале для игры в мяч Версальского дворца и торжественно поклялись не разъезжаться.

Мирабо Оноре Габриель Рикети граф де (1749 — 1791) — французский политический и государственный деятель периода Великой французской революции, вступивший в 1790 г. на путь тайного соглашения с королевским двором.

В.Олейник

Оглавление

Гарольд Дж. Ласки. Предисловие. *Перевод Е.Л.Орловой* и *И.Л.Малаховой* 5

Предисловие автора к Двенадцатому французскому изданию. *Перевод В. Т.Олейника* 23

Книга первая

Введение. *Перевод В. Т. Олейника* 27

Часть первая

Перевод И.Э.Иванян

Глава I. Внешние очертания Северной Америки 37

Глава III. Происхождение англоамериканцев и как оно сказалось на их будущем 43

Причины некоторых особенностей англоамериканских законов и обычаев 54

Глава III. Общественный строй англоамериканцев 56

Основополагающая особенность общественного строя англоамериканцев — это его сугубо

демократическое начало 56

Влияние англоамериканского общественного строя на политическую жизнь страны 61

Глава IV. О принципе народовластия в Америке 62

Глава V. Необходимость изучить происходящее в отдельных штатах, прежде чем перейти к описанию

управления всем Союзом 64

Общинная система в Америке 64

Размеры общины 66

Общинные власти в Новой Англии 66

Жизнь общины 68

Общинный дух в Новой Англии 69

Об округе в Новой Англии 71

Об управлении в Новой Англии 72

Размышления об управлении Соединенными Штатами 78

О штате 81

Законодательная власть штата 81

Об исполнительной власти штата 82

Политические последствия децентрализации исполнительной власти в Соединенных

Штатах 83

Глава VI. Судебная власть в Соединенных Штатах и ее влияние на политическое устройство

общества 92

Прочие права, предоставленные американским судьям 95

Глава VII. О политической юстиции в Соединенных Штатах 97
Глава VIII. О федеральной конституции 101
История федеральной конституции 101
Общие черты федеральной конституции 102
Прерогативы федерального правительства 103
Федеральные власти 105
Законодательная власть 105
Прочие различия между сенатом и палатой представителей 107
Исполнительная власть 107
В чем положение президента Соединенных Штатов отличается от положения
конституционного монарха во Франции 108
Случайные обстоятельства, способные усилить влияние исполнительной власти 111
Почему президент Соединенных Штатов для исполнения своих обязанностей не нуждается
в поддержке большинства сенаторов и членов палаты представителей 111
Избрание президента 112
555

Процедура выборов 115
Кризисна! ситуация во время выборов 117
Переизбрание президента 118
Федеральные суды 120
Способ определения сферы компетенции федеральных судов 122
Различные дела, относящиеся к федеральной юрисдикции 123
Судопроизводство в федеральных судах 126
Важное место, занимаемое Верховным судом среди высших государственных органов 128
В чем состоит превосходство федеральной конституции над конституциями штатов 129
Отличие Конституции Соединенных Штатов Америки от всех прочих федеральных
конституций 132
Преимущества федеративной системы вообще и ее особое значение для Америки 134
Причины, по которым система федеративного устройства не может быть введена у всех
народов, а также причины, побудившие англоамериканцев принять эту систему 137

Часть вторая

Перевод И.Л.Малаховой (гл. I*—VIII) и К.П.Орловой (гл. К—Х)*

Глава I. На чем основывается утверждение, что в Соединенных Штатах страной управляет

народ 143

Глава II, О партиях в Соединенных Штатах 144

Что осталось от аристократической партии в Соединенных Штатах 147

Глава III. О свободе печати в Соединенных Штатах 149

Глава IV. О политических объединениях в Соединенных Штатах 155

Глава V. О демократическом правительстве в Америке 160

О всеобщем избирательном праве 160

О решениях народа и особенностях американской демократии, отражающихся в этих

решениях 160

О причинах, могущих в какой-то степени смягчить те черты демократии, о которых я говорил

выше 162

О влиянии американской демократия на избирательные законы 164

Государственные чиновники при американской демократии 165

О правах блюстителей закона при полновластии демократии в Америке 166

Административная нестабильность в Соединенных Штатах 168

Государственные налоги при демократическом правлении в Америке 169

Каким образом демократическое правительство Америки устанавливает жалованье

государственным чиновникам 171

Трудности, связанные с определением причин, склоняющих американское правительство

к экономии 173

Можно ли сравнивать государственные расходы в Соединенных Штатах Америки

и во Франции 173

О коррупции и пороках правителей при демократии. Как это влияет на уровень

нравственности в обществе 176

На какие усилия способна демократия 178

О том, как власть американской демократии влияет на самое себя 179

О том, как американская демократия проводит внешнюю политику 181
Глава VI. Реальные преимущества демократической формы правления для американского
общества 184
Общая направленность законов демократической власти в Америке и свойства тех,
кто проводит их в жизнь 184
Общественные настроения в Соединенных Штатах 186
О понятии прав в Соединенных Штатах 188
Уважение закона в Соединенных Штатах 189
Активная деятельность политических властей всех уровней в Соединенных Штатах.
Ее воздействие на общество 190
Глава VII. О всевластии большинства в Соединенных Штатах и о его последствиях 194
Всесилие большинства в Америке усиливает непоследовательность в законодательстве
и управлении, свойственную всем демократическим государствам 195

Произвол большинства 197
Всесилие большинства ведет к произволу в деятельности американских государственных
служащих 199
О том, как большинство в Соединенных Штатах властвует над мыслью 199
Как безраздельная власть большинства отражается на американском национальном
характере. О придворном духе в Соединенных Штатах 201
Всесилие большинства таит в себе самую большую опасность
для американских республик 202
Глава VIII. Что сдерживает тиранию большинства в Соединенных Штатах
Отсутствие административной централизации 204
О законности в Соединенных Штатах и как она служит противовесом демократии 205
Суд присяжных в Соединенных Штатах как политическое учреждение 209
Глава X. Об основных причинах, способствующих существованию демократической
республики в Соединенных Штатах 214
Роль случая я Божественного промысла в поддержании

демократической республики
в Соединенных Штатах 214
О том, как законы влияют на поддержание демократической республики в Соединенных
Штатах 220
О том, как нравы влияют на поддержание демократической республики в Соединенных
Штатах 220
О религии как политическом институте. Бе значительная роль в упрочении демократической
республики в Соединенных Штатах 220
Косвенное влияние религиозных верований на политическую жизнь в Соединенных Штатах .. 222
Об основных причинах могущества религии в Америке 225
Как просвещение, привычки и практический опыт американцев способствуют процветанию
демократических институтов 229
О том, что законы лучше, чем природные условия, служат укреплению демократической
республики в Соединенных Штатах, а нравы еще более важны, чем законы 231
Могли бы законы и нравы обеспечить существование демократических институтов не только
в Америке, но и в других странах? 233
Значение вышесказанного для Европы 235
Глава X. Некоторые соображения по поводу современного состояния и возможного будущего
трех рас, населяющих территорию Соединенных Штатов 238
Современное состояние и возможное будущее индейских племен, живущих на территории
Союза 241
Место черной расы в Соединенных Штатах; чем ее присутствие грозит белым 252
Каковы шансы на долговечность американского Союза? Какие опасности ему угрожают? 266
Республиканские институты в Соединенных Штатах; какова вероятность их длительного
существования? 285
Некоторые замечания о причинах торгового могущества Соединенных Штатов 288
Заключение 293
Примечания автора. *Перевод В. Т.Олейника* 297
Книга вторая
К читателю. Перевод В.Т.Олейника 317

Часть первая
Влияние демократии на интеллектуальную жизнь в Соединенных Штатах
Перевод В.Т.Олейника
Глава I. О философском мышлении американцев 319
Глава II. Об основном источнике взглядов и убеждений, присущих демократическим народам 322
Глава III. Почему американцы обнаруживают большую способность и склонность к общим идеям,
чем их английские предки 324
Глава IV. Почему американцы не относятся с той же страстностью, что и французы, к общим идеям
политического содержания 327
Глава V. Каким образом в Соединенных Штатах религия использует демократические институты ... 328 *Глава VI.* Об успехах католицизма в Соединенных Штатах 334
557

Глава VII. О том, что заставляет сознание демократических народов тяготеть к пантеизму 334
Глава VIII. Каким образом равенство наводит американцев на мысль о возможности беспредельного
совершенствования человека 335
Глава DC Почему пример американцев не доказывает справедливости утверждения,
что демократический народ не может обладать способностью и склонностью к занятиям науками, литературой и искусством 336
Глава X. Почему американцы больше интересуются практическим применением науки,
а не ее теоретическими аспектами 340
Глава XI. С какой целью американцы занимаются искусством 344
Глава XII. Почему американцы одновременно возводят такие маленькие и такие огромные
сооружения 347
Глава XIII. Литературная жизнь в века демократии 348
ГлаваXIV. Литературное производство 351
Глава XV. Почему изучение древнегреческой и древнеримской литератур особенно полезно
для демократического общества 352
Глава XVI. Каким образом американская демократия видоизменила английский язык 353
Глава XVII. О некоторых источниках поэзии у

демократических наций 357
Глава XVIII. Почему американские писатели и ораторы часто бывают напыщенными 361
Глава XIX. Некоторые размышления о театральной жизни демократических народов 362
Глава XX. О некоторых специфических особенностях, свойственных историкам демократических
времен 365
Глава XXI. О парламентском красноречии в Соединенных Штатах 367
Часть вторая
Влияние демократии на чувства американцев
Перевод В.Т. Олейника
Глава 1. Почему демократические народы с большим пылом и постоянством любят равенство,
чем свободу 371
Глава II. Об индивидуализме в демократических странах 373
Глава III. В чем причина того, что в конце демократической революции индивидуализм проявляется
значительно сильнее, чем в любую другую эпоху 375
Глава IV. Как американцы борются против индивидуализма с помощью свободных институтов 375
Глава V. О роли объединений в общественной жизни американцев 378
Глава VI. Взаимосвязь ассоциаций и периодической печати 381
Глава VII. Отношения между гражданскими и политическими ассоциациями 383
Глава VIII. Как американцы противоборствуют индивидуализму с помощью учения о правильно
понимаемом интересе 386
Глава IX. Каким образом американцы применяют учение о правильно понимаемом интересе
в области религии 388
ГлаваX. О страсти американцев к материальному благополучию 390
Глава XI. О тех специфических последствиях, которые порождаются любовью к физическим
удовольствиям в демократические времена 391
Глава XII. Почему отдельные американцы демонстрируют столь экзальтированную духовность 392
Глава XIII. Почему процветающие американцы столь неугомонны 393
Глава XIV. Каким образом у американцев страсть к

материальным благам сочетается с любовью
к свободе и вниманием к общественным делам , 396
Глава XV. Каким образом религиозные убеждения время от времени привлекают американцев
к радостям духовной жизни 397
Глава XVI. Каким образом чрезмерная любовь к благосостоянию может вредить этому
благосостоянию 400
Глава XVII. Почему во времена равенства и религиозных сомнений человеческую деятельность
необходимо направлять на очень отдаленные цели 401
Глава XVIII. Почему американцы с уважением относятся ко всем честным профессиям 403
Глава XIX. Что делает индустриальные профессии привлекательными почти для всех
американцев 404
Глава XX. Каким образом промышленность может порождать аристократию 406
558

Часть третья
Влияние демократии на нравы как таковые
Перевод В. Т. Олейника
Глава I. Каким образом нравы смягчаются по мере того, как уравниваются условия существования
людей 409
Глава II. Каким образом демократия упрощает и облегчает обычные взаимоотношения
между американцами 412
Глава III. Почему американцы не столь чувствительны у себя на родине
я обнаруживают такую обидчивость, когда находятся а нашей стране 413
Глава IV. Следствия, вытекающие из трех предыдущих глав 415
Глава V. Каким образом демократия изменяет отношения между слугой и хозяином 416
Глава VI. Каким образом демократические институты и нравы повышают цену и сокращают
сроки земельной ренты 422
Глава VII. О влиянии демократии на размеры жалованья 423
Глава VIII. Влияние демократия на семью 425
Глава IX. Воспитание девочек в Соединенных Штатах 428
Глава X. Как девушка становится супругой 430

Глава XI. Каким образом равенство в Америке способствует поддержанию нравственности 431

Глава XII. Как американцы понимают равенство между мужчиной и женщиной 435

Глава XIII. Каким образом равенство приводит американцев к естественному разделению

на множество мелких частных кругов общения 437

Глава XIV. Некоторые размышления по поводу американских манер 439

Глава XV. О том, насколько степенны американцы и отчего это часто не мешает им поступать

опрометчиво 441

Глава XVI. Отчего национальное тщеславие у американцев носит более беспокойный

и сварливый характер, чем у англичан 443

Глава XVII. Отчего общественная жизнь в Соединенных Штатах выглядит одновременно бурной

и однообразной 444

Глава XVIII. О понятии чести в Соединенных Штатах и в демократических обществах 446

Глава XIX. Отчего в Соединенных Штатах встречается так много честолюбивых людей

и так мало — подлинных честолюбцев 454

Глава XX. Об искателях доходных мест у некоторых демократических народов 457

Глава XXI. Почему великие революции станут редкими 459

Глава XXII. Отчего демократическим народам свойственно желать мира,

тогда как демократические армии хотят войны 467

Глава XXIII. Какой класс военнослужащих демократических армий является самым воинственным

и революционно настроенным 471

Глава XXIV. Отчего в начале военных кампаний демократические армии оказываются слабее других,

становясь все более грозными в ходе войны 473

ГлаваXXV. О дисциплине в демократических армиях 476

Глава XXVI. Некоторые соображения по поводу войн в демократических обществах 477

Часть четвертая

О том влиянии, которое демократические идеи и чувства оказывают на политическое общество *Перевод Б.Н.Ворожцова*

Глава I. Равенство вызывает в гражданах естественную склонность к свободным институтам 481

Глава II. О том, что представления граждан об управлении в

демократических обществах
естественным образом способствуют концентрации власти 482
Глава III. О том, что чувства людей в демократических обществах соответствуют их идеям
о концентрации власти 484
Глава IV. О некоторых закономерных и случайных причинах, которые ведут демократические
народы к централизации власти либо препятствуют этому 485
Глава V. О том, что в современных европейских государствах верховная власть усиливается,
несмотря на неустойчивость положения самих правителей 489
Глава VI. Какого деспотизма следует опасаться демократическим народам 495
Глава VII. В продолжение того, о чем говорилось в предыдущих главах 499
Глава VIII. Общие замечания 503
559

Примечания автора. *Перевод Б.Н.Ворожцова* 506
Приложение. Доклад, сделанный в Академии правовых и политических наук 15 января 1848 года по поводу работы господина Шербюлье «О демократии в Швейцарии». *Перевод Б.Н.Ворожцова* 511
Речь, произнесенная в палате депутатов 27 января 1848 года при обсуждении проекта пожеланий
в ответ на тронную речь. *Перевод Б.Н.Ворожцова* 521
Комментарии. *В. Т.Олейник* .. 527